ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(*Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану*).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(*Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану*).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

1900

(5)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(5)

Стран.

Стран.

(5)

Стран.

(5)

Стран.

Стран.

(5.)

(5)

Стран.

Стран.

I.

Въ 1837 году, Наслѣдникъ Русскаго престола, достигнувъ совершеннолѣтія, предпринялъ путешествіе по Русскому Царству, судьбы котораго надлежало ему въ свое время принять въ бразды своего правленія.

2 мая, онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села и направился, чрезъ Новгородъ, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбургъ и прибылъ въ Тобольскъ. Такимъ образомъ, обозрѣвъ, отъ запада къ востоку, т.-е. отъ Царскаго Села до Тобольска, всю Европейскую Россію и часть Азіатской, Великій Князь предпринялъ обратное путешествіе въ Москву. Слѣдуя изъ Тобольска черезъ Ялуторовскъ и Курганъ въ Оренбургскую губернію и оттуда чрезъ Оренбургъ, Уральскъ, Казань, Симбирскъ, Пензу, Тамбовъ, Воронежъ, Тулу, Калугу, Смоленскъ, 24 іюля прибылъ въ царствующій градъ Москву [1]).

„Одинъ", повѣствуетъ Жуковскій, „пошелъ онъ сквозь густую толпу народную въ Успенскій Соборъ и остановился у входа передъ крестами, и митрополитъ Филаретъ началъ его привѣтствовать" [2]). „Съ особенною радостію срѣтаемъ тебя", сказалъ Владыка, „послѣ твоего путешествія даже въ другую часть свѣта, хотя все въ одномъ и томъ же Отечествѣ; ибо сердце наше трепетно слѣдовало за твоимъ раннимъ, дальнимъ и быстрымъ полетомъ.

Но что значитъ сіе путешествіе? Не то ли, что сказалъ

древній мудрецъ: *обходяй страны умножитъ мудрость*? Тебѣ должно наслѣдовать мудрость, объемлющую огромнѣйшую изъ царствъ земныхъ: и дальновидная попечительность Августѣйшаго Родителя твоего, сверхъ домашняго руководства къ сей мудрости, назначила для тебя учебною храминою—Россію...

Се и на древлепрестольный градъ простираешь наблюдательные взоры. Глубокая мысль ведетъ тебя почтить здѣсь Святыню, освящающую царей и хранящую приснопамятный покой освященныхъ ею твоихъ родоначальниковъ. Здѣсь наипаче прикасаешься къ сердцу Россіи, и его жизненной силы, которая есть наслѣдственная любовь къ наслѣдственнымъ государямъ“ [3]).

По свидѣтельству Жуковскаго, Митрополитъ „говорилъ просто, безъ всякаго витійства, но, думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно... Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія, слушая его и смотря на молодаго прекраснаго Цесаревича, который смиренно принималъ его слова, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ... Такія минуты рѣдки въ жизни человѣческой; здѣсь было не просто одно великолѣпное зрѣлище, но, можно сказать, представилось въ одномъ видимомъ образѣ все, что есть великаго, нравственнаго въ судьбѣ людей и царствъ“.

Патріотическое сердце Погодина не могло остаться глухо къ этому торжественному событію. „Наконецъ старая Москва“, писалъ онъ, „дождалась своего Царственнаго Сына, своего вожделѣннаго Первенца. Давно уже радостная вѣсть ходила по городу, обѣщая близкое прибытіе; но чѣмъ короче становился срокъ, тѣмъ живѣе ощущалось желаніе. Скоро ли пріѣдетъ Наслѣдникъ? Скоро ли пріѣдетъ Наслѣдникъ? слышалось безпрестанно. Добрые Москвитяне какъ будто завидовали меньшимъ своимъ братьямъ, которымъ досталось счастіе прежде ихъ увидѣть Великаго Князя. Извѣстія объ его путешествіи читались и перечитывались съ жадностію. Но вотъ приближается назначенное время. Онъ былъ уже въ Смоленскѣ, проѣхалъ Вязьму, осматривалъ славное Бородинское поле,

обагренное священною кровію Русскихъ героевъ 1812 года. Остались только одни сутки. Завтра онъ будетъ въ Москву...

Государь Цесаревичъ прибылъ ночью, съ 23 на 24-е іюля и остановился въ Николаевскомъ дворцѣ. Съ самаго ранняго утра народъ началъ собираться въ Кремль... И вотъ подалъ свой голосъ нашъ древній благовѣститель, большой Успенскій колоколъ. Сердца встрепенулись при его знакомомъ звукѣ, которымъ пятьсотъ лѣтъ по великимъ днямъ призывается православный народъ Русскій въ храмъ Успенскій. Чѣмъ-то сладостнымъ, роднымъ душа наполнялась. Долго продолжался благовѣстъ, протяжный, торжественный. Нетерпѣніе увеличивалось. Всѣ мысли соединены въ одно, всѣ взоры устремлены на дворецъ, ожиданіе...

И вотъ показался онъ на крыльцѣ, юный, прекрасный, величественный... Все бросилось къ нему на встрѣчу, отовсюду послышалось радостное: вотъ онъ! вотъ онъ! Иванъ-Великій загремѣлъ вдругъ всѣми своими колоколами...

Онъ идетъ въ Успенскій Соборъ, первопрестольный храмъ Русскаго Царства, поклониться Святынѣ Отечества, гробамъ Московскихъ Чудотворцевъ—въ храмъ, заложенный еще святымъ Петромъ митрополитомъ, который далъ Москвѣ первое благословеніе; гдѣ священнодѣйствовалъ святый Іона, принявшій на свою эпитрахиль младенца Іоанна-Великаго; гдѣ состязался съ Грознымъ смиренный митрополитъ Филиппъ; гдѣ покоятся смертные останки Гермогена и Филарета; гдѣ столько вѣковъ возносились теплыя молитвы Господу при всѣхъ великихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу Отечества, гдѣ, въ бѣдственную годину—въ Междуцарствіе, народъ Русскій, въ лицѣ своихъ выборныхъ людей, молился, колѣнопреклоненный, о еже избрати ему Царя по сердцу Божію, и гдѣ этотъ избранный, Михаилъ, также юноша, просилъ у Бога помощи для уврачеванія кровавыхъ язвъ земли Русской; гдѣ Петръ-Великій, еще отрокъ, явилъ первые опыты своей души могущественной... О какія воспоминанія!.. И вдругъ въ этомъ святилищѣ Русской Исторіи, между славными памятниками сѣдой

1*

древности, среди тружениковъ, страдальцевъ и мучениковъ за Отечество, является этотъ юноша чистый, безпорочный, невинный, ихъ нареченный преемникъ, готовый итти по слѣдамъ ихъ, нести ихъ тяжкое бремя, трудиться не щадя живота своего для благоденствія родины! Умилительное зрѣлище!

Отворяются двери Успенскаго Собора; предшествуемый свѣтильниками выходитъ Митрополитъ, держа Крестъ въ поднятыхъ рукахъ. За нимъ Великій Князь съ непокровенной главою, съ потупленными взорами, въ сопровожденіи заслуженнаго Градоначальника Московскаго, своихъ руководителей и наставниковъ, и знатнѣйшихъ сановниковъ. О, какъ прекрасенъ онъ былъ въ эту минуту! Какою прелестію сіяло младое, открытое чело его! Сколько добра и счастія сулила эта кроткая улыбка!.. И сколько завѣтныхъ мыслей пробудилось въ Русскомъ умѣ... И мысль о немъ, и мысль о народѣ Русскомъ, младшемъ сынѣ человѣчества, твердомъ и пламенномъ, когда свѣдущей рукою приводятся въ движенія завѣтныя струны его сердца, народѣ свѣжемъ, бодромъ, который готовъ по мановенію своихъ вѣнценосцовъ летѣть на смерть, какъ на брачное пиршество, который сохраняетъ еще всю свѣжесть чувства, теперь, когда время восторговъ для Европы миновалось, и эгоизмомъ обуялся вѣкъ. „Отецъ ты нашъ, отецъ ты нашъ!“ восклицали сѣдые старики, опираясь на костыли свои, и потухающими взорами ловя движеніе Царственнаго Юноши. „Отецъ ты нашъ“ въ этихъ простыхъ словахъ заключается весь смыслъ Русской Исторіи. Не гордись предъ нами, Западъ, своими знаменитыми учрежденіями! Мы чтимъ твоихъ подвигоположниковъ, и отдаемъ справедливость ихъ благодѣяніямъ для человѣчества, но имъ не завидуемъ, и съ гордостію указываемъ на свои: Западу западное, Востоку восточное.

Изъ Успенскаго Собора пошелъ Великій Князь въ Благовѣщенскій, напоминяющій Царямъ Русскимъ, что они такіе же люди, и обязаны давать отчетъ предъ высшимъ Судіею

наровнѣ со всѣми своими подданными. Протоіереи Благовѣщенскіе преемственно носятъ званіе духовниковъ царскихъ; потомъ въ Архангельскій—гдѣ покоятся тлѣнные останки его державныхъ предковъ: и Калиты, и Донскаго, и великаго Іоанна, и Грознаго, и Михаила, и Алексѣя. Еще новыя впечатлѣнія! Какъ краснорѣчивы были для него эти каменные гробы съ простыми древними надписями, которые, по угламъ и стѣнамъ древняго храма, остались одни отъ славы великихъ міра сего—безмолвные свидѣтели бренности человѣческой.

Совершивъ молитву въ сихъ священныхъ храмахъ, поклонясь гробамъ предковъ, Великій Князь пошелъ въ Грановитую палату, древнее жилище Русскихъ Царей.

„Смотрите, вотъ онъ, вотъ онъ", слышались вездѣ восклицанія, „вотъ онъ поднимается по Красному Крыльцу! Какой молодецъ! Выше всѣхъ! А что еще будетъ!" Не останавливаясь, мы повторимъ здѣсь эти слова, слова національныя, Русскія, которыя очень много значатъ въ устахъ всякаго Русскаго человѣка, не отдѣляющаго еще красоты и великости тѣлесной отъ красоты и великости душевной.

Москва чувствуетъ, кажется, какую-то особенную приверженность къ Великому Князю Александру Николаевичу, своему первенцу со временъ Петра Великаго, своему уроженцу, какъ называютъ его простолюдины Московскіе.

Давно ли, кажется, праздновала она его рожденіе? Давно ли надъ колыбелью его раздалася чистая пѣснь Жуковскаго, и вѣщій поэтъ, обращаясь къ Августѣйшей Матери, восклицалъ о судьбѣ его между страхомъ и надеждою:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей...

Давно-ли раздалась эта пѣснь? И вотъ прошло уже почти двадцать лѣтъ, и этотъ младенецъ уже присягалъ служить вѣрою и правдою Царю и Отечеству. Вотъ онъ странствовалъ двѣнадцать тысячъ верстъ, одну частицу неизмѣримой земли Русской—нѣсколько десятинъ въ полѣ своего будущаго дѣланія. И вотъ пріѣхалъ онъ въ первопрестольный градъ своихъ предковъ, на свою родину, къ своей колыбели, и вотъ пріобщается любви народной!

О, цвѣти, нашъ несравненный цвѣтъ! Сохрани долго, долго, навсегда настоящую чистоту души твоей, мужайся въ силахъ, пребудь утѣшеніемъ твоимъ Августѣйшимъ Родителямъ, послужи и помощью въ державныхъ трудахъ своему славному отцу, отцу земли Русскія, ибо Русскіе въ царяхъ видятъ отцовъ своихъ! Люби насъ всегда, какъ любишь теперь, какъ любить училъ тебя онъ, а любовь народная тебя не обманетъ, и съ нею тебѣ нечего будетъ бояться на свѣтѣ—кромѣ Бога“ [4]).

Ожидая прибытія Государя Наслѣдника, графъ С. Г. Строгановъ поручилъ Погодину написать записку о Москвѣ. Само собою разумѣется, что Погодинъ съ радостію принялъ это порученіе и кромѣ того задумалъ „о двѣнадцати лекціяхъ для Наслѣдника“. Къ назначенному времени записка была готова [5]). По сознанію самого Погодина, записка эта ему „очень удалась, особенно заключеніе, которое должно было привести въ восторгъ Наслѣдника, еслибы была прочтена имъ наканунѣ прибытія“ [6]).

Въ этой Запискѣ Погодинъ объяснялъ значеніе Москвы для Русскихъ. „Москва“, писалъ онъ, „переставъ быть средоточіемъ Исторіи со временъ Петра Великаго, осталась средоточіемъ Русскаго могущества, просвѣщенія, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще Русской національности. Петербургъ, согласно съ мыслью своего основателя, своимъ положеніемъ, согласно даже съ своимъ именемъ, есть городъ Европейскій: въ наружности, образѣ жизни, образѣ мыслей, характерѣ, онъ носитъ явственный отпеча-

токъ чужихъ краевъ. Москва сохраняетъ еще свою національность, со всѣми ея добродѣтелями, и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякій Русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь Святыня Отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благодѣтелей Россіи. Здѣсь памятники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти уставы Отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь Русскій духъ въ очью совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, Русская преданность Вѣрѣ, Отечеству, Государю, являются въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва безъ сомнѣнія есть ея сердце,— сердце горячее, пылающее любовью къ Отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны, и смерть, для его счастія, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ царей, посылаемыхъ ей Богомъ“.

„Но зачѣмъ“, продолжаетъ Погодинъ, „я началъ это нравственное изображеніе Москвы? Великому Князю, для котораго я имѣю счастіе писать эту записку, откроется она сама. Когда императорскій флагъ на Кремлевскомъ Дворцѣ возвѣститъ его прибытіе, когда большой Успенскій колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и Царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное *ура!* грянетъ громомъ при видѣ вожделѣннаго державнаго первенца Москвы, пусть онъ всмотрится въ эти лица, пусть онъ вслушается въ эти звуки: онъ услышитъ въ нихъ, онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу Исторію; онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе

всѣхъ статистическихъ выкладокъ тайну Русскаго могущества; онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, чтò такое Москва, чтò такое Русскій человѣкъ, чтò такое Святая Русь; предъ нимъ разоблачится ея безконечное будущее, его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для царей на этомъ свѣтѣ“ [7]).

Записка эта понравилась Государю Наслѣднику и онъ пожаловалъ автору ея перстень. Даръ сей вручилъ Погодину Жуковскій, котораго онъ просилъ передать Великому Князю: „Скажите ему, что я писалъ отъ души и радъ, что ему понравилось“; а графъ С. Г. Строгановъ передалъ Погодину желаніе Наслѣдника, чтобы онъ написалъ ему о важнѣйшихъ эпохахъ Русской Исторіи. „И эта форма хороша“, замѣтилъ по этому поводу Погодинъ.

Когда же *Записка о Москвѣ* была напечатана, то произвела благопріятное для автора ея впечатлѣніе. „Всѣ говорятъ“ писалъ онъ, „о моей статьѣ. Въ Клубъ, чтобы видѣть дѣйствіе статьи. Въ Клубѣ всѣ хвалятъ мою *Записку о Москвѣ*“ [8]). Познакомившись съ этою *Запискою,* Максимовичъ писалъ своему пріятелю изъ Кіева: „Благодарю тебя... за твою *Записку*... меня плѣнившую лиризмомъ Русскимъ заключенія“ [9]).

Во время пребыванія Жуковскаго въ Москвѣ, Погодинъ часто съ нимъ видѣлся. Слушалъ его разсказы объ Арзамасѣ, о смерти Пушкина, объ его молодости. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ ужасно досадовалъ „изъ самолюбія“, что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ Клубѣ. Въ тоже время онъ убѣждалъ Жуковскаго „приняться за переложеніе Кіево-Печерскаго Патерика“ [10]).

Въ это время друзья и почитатели Жуковскаго задумали въ честь его дать праздникъ, устройствомъ котораго занимался Шевыревъ и писалъ Погодину: 1) „Цыганъ... 2) Лишнихъ никого не будетъ, кромѣ знакомыхъ Жуковскаго, пріятелей, и литераторовъ незнакомыхъ. Но за то заплатимъ подороже. 3) Ужинъ будетъ славный, готовитъ поваръ покойнаго Ва-

силія Львовича Пушкина—воспоминаніе. 4) Не худо бы и сегодня вечеромъ побывать въ Сокольникахъ, чтобы видѣть, какъ устроится дѣло. 5) О куплетахъ что же?—Мнѣ нѣкогда. Ты съѣздилъ бы къ Баратынскому, который приглашенъ. 6) Приглашать надобно въ половинѣ 9 или въ 8 часовъ. 7) Съѣзди къ Жихареву – онъ живетъ на Прѣснѣ, въ средней Прѣсненской улицѣ, на дачѣ графини Толстой. 8) Вы всѣ лѣнивы, неповоротливы вы, живете за тысячу верстъ и никто не хочетъ навѣдаться и пособить дѣлу. Ты даже забылъ о Загоскинѣ, Верстовскомъ, Аксаковѣ, Генищтѣ, за которыхъ взялся".

Погодинъ, желая украсить этотъ праздникъ присутствіемъ стараго наставника Жуковскаго—престарѣлаго А. А. Прокоповича-Антонскаго, писалъ ему на лоскуткѣ бумаги: „Московскіе знакомые Жуковскаго даютъ ему завтра вечеръ—не угодно ли Вашему Превосходительству принять въ томъ участіе". На томъ же лоскуткѣ Антонскій отвѣчалъ: „Для праздниковъ я уже не гожусь, а отъ дружеской бесѣды не отрекаюсь—и когда назначите время и мѣсто, пріѣду" [11]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности объ этомъ праздникѣ.

Между тѣмъ, 9 августа 1837 года, Государь Наслѣдникъ изъ Москвы предпринялъ новое путешествіе въ Полуденную Россію и въ сентябрѣ присутствовалъ на знаменитомъ смотру въ Вознесенскѣ. „Щепкинъ", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „разсказываетъ о чудесахъ въ Вознесенскѣ. Всемогущество Русское" [12]). Совершивъ затѣмъ путешествіе въ Крымъ, Наслѣдникъ, въ началѣ октября, прибылъ въ Кіевъ.

„Вечеромъ 5 октября", повѣствуетъ Максимовичъ, „древняя матерь Русскихъ городовъ была обрадована и озарена прибытіемъ своего Великаго Князя и Государя Цесаревича, обозрѣвавшаго въ томъ году Русскую землю... Тогда и для меня въ Кіевѣ было достопамятное времячко, особенно 2-е число октября, когда я въ торжественномъ собраніи Университета, въ присутствіе Уварова, читалъ свою рѣчь *Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи*; потомъ 6-е и 7-е, которое провелъ я съ Жуковскимъ, будучи проводникомъ ему по всему

Кіеву... Изъ представляющейся съ Андрея Первозваннаго обширной понорамы Кіева... Жуковскій пристальнѣе всего вглядывался въ ту сторону, гдѣ Вышгородъ, градъ Ольгинъ, и срисовалъ себѣ тотъ видъ... Рано утромъ 8-го октября онъ обнялъ меня на прощанье; и это уже было послѣднее мое съ нимъ свиданіе" [13]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ писалъ Погодину: „Благодарю тебя за твою *Записку о Москвѣ*... Съ моей стороны могу отвѣчать тебѣ—моею *Рѣчью о Кіевѣ*, которая здѣсь слушана была съ полнымъ для меня успѣхомъ. Прочтите же и вы Москвичи съ любовію мое Кіевское слово. Послѣ тягостныхъ экзаменовъ, у насъ были времена торжественныя.. Сначала Царь пріѣхалъ и былъ прекрасенъ какъ *Божія гроза*; потомъ дней шестнадцать пробылъ Уваровъ, дѣйствуя здѣсь съ полнымъ достоинствомъ Русскаго Министра Просвѣщенія, наконецъ пріѣздъ Наслѣдника былъ свѣтлою радугою на небосклонѣ Кіевскомъ... Жаль, что ты не здѣсь на это время,—твое горячее Русское сердце подышало бы здѣсь сладко духомъ Русскимъ. Прибавь къ этому Жуковскаго, впервые любующагося Кіевомъ, по коему я былъ проводникомъ ему,—а въ Академіи и Пещерахъ еще въ сопровожденіи Иннокентія, и можешь представить, какъ хорошъ для меня былъ въ это время Кіевъ. Чтобы было тебѣ пролетѣть птахомъ черезъ поля далекія на эту пору въ колыбель Православной Руси" [14]).

Изъ Кіева Наслѣдникъ направился чрезъ Полтаву, Таганрогъ, въ Аксай, куда прибылъ изъ Закавказья и Императоръ Николай I. „У меня", пишетъ Юрьевичъ, „отлегло на душѣ много: мы, благодареніе Творцу, благословившему наше путешествіе шестимѣсячное, съ ввѣреннымъ намъ залогомъ, теперь его передаемъ отцу Государю, и по тому считаемъ путевую заботу нашу оконченною" [15]).

Въ концѣ октября 1837 года, Императоръ Николай со всѣмъ Дворомъ вернулся въ Москву изъ своего дальняго путешествія. „Плакалъ въ Кремлѣ", писалъ Погодинъ „смотря на народъ и Царя", и ему „все думалось о Государѣ и объ

аудіенціи у него, что и какъ сказать ему, а „хотѣлось мнѣ приблизиться къ нему. Смѣло сказалъ бы я ему“, продолжаетъ Погодинъ, „что не меньше его люблю Отечество“. Въ тоже время Аксаковъ разсказывалъ Погодину „многія черты великодушія Николая“.

Между тѣмъ Наслѣдникъ при посѣщеніи 3 декабря 1837 года Московскаго Университета, прослушалъ лекцію Погодина. „Былъ у меня на лекціи Наслѣдникъ“, записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „читалъ дѣльно, хотя и сухо“. [16]) Въ своей же *Автобіографической Запискѣ*, Погодинъ представилъ болѣе подробное описаніе этого событія. „Наслѣдникъ“, читаемъ тамъ, „пріѣхалъ въ Университетъ на мою лекцію, и послѣ нея, по дорогѣ приглашенный, зашелъ къ Давыдову на лекцію Русской Словесности. Мнѣ приходилось читать объ окончаніи Норманскаго періода, и я не дѣлалъ никакихъ особенныхъ приготовленій къ лекціи, даже и не предупрежденный начальствомъ о посѣщеніи. Мнѣ не хотѣлось употребить ни одного лишняго слова, и оставилъ лекцію совершенно въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно бываетъ. Это студенты замѣтили и были довольны. А постороннимъ посѣтителямъ такая безнарядность показалась странною. Впрочемъ я замѣтилъ о себѣ, что въ подобныхъ случаяхъ я не имѣю ни охоты, ни силы, ни умѣнья приготовляться“ [17]).

Въ это же время Погодинъ получилъ отъ П. А. Муханова слѣдующую записку: „Сегодня будетъ вечеръ у Н. А. Муханова; Онъ поручилъ мнѣ весьма, весьма пригласить васъ, сдѣлать ему величайшее одолженіе пожаловать къ нему на вечеръ. Будетъ Жуковскій. Будетъ также графъ Александръ Толстой все вамъ знакомые люди, а дамъ никого“ [18]).

По возвращеніи въ Петербургъ Императорской Фамиліи, а именно 17 декабря 1837 года, сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Пожаръ, начавшійся въ 8 часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца, и только въ эту минуту Императоръ Николай изволилъ возвратиться къ своему семейству. Встрѣтившійся въ это время съ Государемъ

Никитенко замѣтилъ: „Онъ ѣхалъ въ саняхъ и очень привѣтливо кланялся; блѣденъ, но спокоенъ. Мнѣ показалось, что физіономія его была менѣе сурова, чѣмъ обыкновенно“ [19]).

„Такъ разрушился“, повѣствуетъ Жуковскій, „нашъ Зимній Дворецъ, въ которомъ жила Екатерина, первая вступившая въ стѣны Дворца, воздвигнутыя Елисаветою. Изъ Зимняго Дворца Императоръ Павелъ послалъ Суворова испытать силу Россіи противъ возрастающаго могущества Франціи. Зимній Дворецъ былъ свидѣтелемъ и свѣтлыхъ и темныхъ временъ Александра I. Изъ онаго Дворца смотрѣлъ онъ на разрушеніе, производимое волнами, и горько плакалъ, порываясь спасать погибающихъ и чувствуя всю ничтожность своей власти передъ бездушнымъ могуществомъ стихіи. Въ Зимнемъ Дворцѣ проводила и кончила жизнь свою современница и соучастница всѣхъ царствованій, коихъ событіямъ онъ былъ свидѣтель. Здѣсь жила Государыня Марія Ѳеодоровна, супругою Наслѣдника Имперіи, Императрицею, матерью двухъ императоровъ. Изъ дверей Зимняго Дворца Императоръ Николай I вышелъ на площадь, кипящую народомъ, въ первую и самую рѣшительную минуту своего царствованія. Какъ ни горестно видѣть“, продолжаетъ Жуковскій, „въ развалинахъ тѣ величественные чертоги, которые такъ блистали въ дни торжественные, но они скоро воздвигнутся снова и можетъ быть великолѣпнѣе прежнихъ; но то, что было освящено воспоминаніемъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ жизни, – убѣжища многихъ лѣтъ, изъ одного царскаго колѣна перешедшія къ другому, оно исчезло невозвратно и никакому зодчему не построить ихъ по прежнему“ [20]).

Въ Москвѣ это грозное событіе произвело потрясающее впечатлѣніе. „Сгорѣлъ Зимній Дворецъ“!. восклицаетъ Погодинъ, „не есть ли это знаменіе!“ Пожаръ Зимняго Дворца, „чуть ли не на одной недѣлѣ“, замѣчаетъ онъ же, „съ пожаромъ биржи въ Лондонѣ, съ пожаромъ театра въ Парижѣ, казался мнѣ какимъ то знаменіемъ, и я не могу вспомнить безъ страха объ этихъ удивительныхъ произшествіяхъ

нашего времени! Три главные народа лишились въ одно время тѣхъ предметовъ, которые были для нихъ всего на свѣтѣ дороже: жилище царское для русскаго, биржа для англичанина и театръ для француза!—Слабое человѣчество! Тебѣ подаются знаки, но нѣтъ къ нимъ ключа у тебя, нѣтъ азбуки разобрать ихъ, ты не умѣешь читать ихъ, понять ихъ значеніе, въ назиданіе себѣ или предостереженіе“ [21]).

II.

„Обновленіе внѣшнее Московскаго Университета,“ повѣствуетъ Шевыревъ, „осѣнилось обновленіемъ его храма“. Высочайшимъ повелѣніемъ 19 іюня 1834 года приходская церковь св. Георгія на Красной Горкѣ, причисленная къ Университету, возвращена въ епархіальное вѣдомство. Въ Университетѣ, по плану архитектора Тюрина, былъ устроенъ новый храмъ во имя св. великомученицы Татіаны и освященъ 12 сентября 1837 года [22]).

Наканунѣ церковнаго торжества Погодинъ былъ у всенощной въ Университетской церкви и замѣтилъ, что „никого нѣтъ“ [23]). Въ присутствіи Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова, освященіе Университетской церкви совершалъ самъ митрополитъ Филаретъ. Памятно всѣмъ осталось слово Владыки о необходимости соединенія религіи и науки, на текстъ Псалмопѣвца: *Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* (Пс. XXXIII, 5—6). „И такъ“, сказалъ Владыка, „вотъ домъ молитвы подъ однимъ кровомъ съ домомъ любомудрія. Святилище таинъ приглашено въ жилище знаній, и вступило сюда, и здѣсь основалось и утвердилось своими тайнодѣйственными способами. Видно, что религія и наука хотятъ жить вмѣстѣ, и совокупно дѣйствовать къ облагороженію человѣчества. Снисходительно со стороны религіи; возблагодаримъ ея снисхожденію. Благоразумно со стороны науки; похвалимъ ея благоразуміе...

...Тотъ, который есть Сама--премудрость, и единственный источникъ всякой мудрости, въ которомъ *вся сокровища премудрости и разума сокровена*, который, открывая Свои сокровища, *даетъ премудрость, и отъ лица* котораго исходитъ *познаніе и разумъ*, — Онъ пришелъ сюда нынѣ, и притомъ не только какъ посѣщающій Гость, но и какъ водворящійся Обитатель; и открываетъ здѣсь Свое училище, какого никто кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его не могъ образовать; — училище, всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ, и вмѣстѣ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли; училище, которое не ласкаетъ надеждою степени учительской, а хочетъ сдѣлать всѣ народы, не болѣе, какъ *учениками*, но которое привлекло и переучило по своему древле ученый міръ"...

Въ заключеніе слова, Архипастырь призывалъ служителей науки къ вышнему свѣту словами, начертанными на челѣ храма: „*Приступите къ Нему*,—благоговѣющимъ умомъ, вѣрующимъ сердцемъ, молящимся духомъ, послушною волею, приближьтесь, *приступите къ Нему, и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся*" [24]).

Это слово произвело на Погодина сильное впечатлѣніе. „Освященіе церкви Университетской", замѣчаетъ онъ, „величественная церемонія. Досадовалъ, что профессоровъ никого не было. Прекрасныя мѣста въ проповѣди Филаретовой"; а чрезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ посѣтилъ Митрополита [25]).

Въ это же время другъ Погодина, Шевыревъ, повинуясь новому уставу, написалъ разсужденіе для полученія степени доктора. Это была цѣлая книга, подъ заглавіемъ *Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*. Въ назначенное время для диспута, обширная, великолѣпная аудиторія въ новомъ зданіи Университета, едва могла вмѣщать многочисленное собраніе. Въ числѣ посѣтителей были князь Д. В. Голицынъ, И. И. Дмитріевъ и графъ С. Г. Строгановъ. По отзыву одного современника, „посѣтители съ истин-

нымъ удовольствіемъ слушали діалектическія, краснорѣчивыя возраженія профессоровъ Давыдова, Погодина, Крюкова и Павлова. Авторъ же докторской диссертаціи успѣшно защищалъ основныя положенія своей книги" [26]).

Почти одновременно съ Шевыревымъ защищалъ свою диссертацію, тоже на степень доктора, и Морошкинъ: *О владѣніи по началамъ Россійскаго Законодательства* (М. 1837). На диспутѣ Морошкина присутствовалъ самъ Министръ Юстиціи Д. В. Дашковъ. „Диспутъ", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „возражалъ я дѣльно, но не скруглилъ, не приготовясь заранѣе. Пріятно видѣть Министра Юстиціи, блюстителя правды, въ кругу теоретиковъ, бесѣдующихъ съ нимъ" [27]).

Хотя Погодинъ въ своей *Автобіографической Запискѣ* и говоритъ, что въ 1837 году графъ С. Г. Строгановъ былъ уже кажется не расположенъ къ нему; но *Дневникъ* Погодина говоритъ иное [28]).

Подъ *17 апрѣля—31 іюля*. „Откровенныя бесѣды съ графомъ Строгановымъ. Кажется и любитъ, и вѣритъ, а выходитъ все не такъ. Онъ хочетъ быть всѣмъ и недовѣрчивъ, и мнителенъ".

Подъ *21 августа*. „Цѣлый часъ просилъ графа Строганова о Чистяковѣ. Нѣтъ: попалось ему въ голову: возвышеніе гимназій и только. Не понимаетъ причинъ, ибо не знаетъ Русскихъ, но добръ и любезенъ".

Подъ *21 сентября*. „Къ графу Строганову. Очень любезенъ. Я опасался было, что не говорятъ ли ему обо мнѣ какихъ-либо клеветъ. Говорилъ съ нимъ о гимназіяхъ, онъ все слушаетъ. О церкви".

Подъ *3 октября*. „Къ Строганову, для разсужденія о газетѣ и журналѣ. Слушаетъ, но не слышитъ".

Подъ *2 ноября*. „Строгановъ говорилъ Черткову, что я унижаю себя изданіемъ книгъ. Каково невѣжество! И каково натолковано ему".

Подъ *7 ноября*. „Обѣдъ у Строганова. Графъ очень любезенъ. Я сказалъ ему о путешествіи, и онъ не прочь. Онъ

тронулъ меня очень. Я все въ тѣни. Погодите. Самолюбіе“.

Приведенныя записи ясно свидѣтельствуютъ, что графъ С. Г. Строгановъ еще сохранялъ къ Погодину, по крайне мѣрѣ въ 1837 году, добрыя чувства. Сохранившееся же письмо къ Погодину, пострадавшаго за Надеждина, почтеннаго старца А. В. Болдырева (отъ 1 ноября 1837 года), подтверждаетъ это положеніе. „Отъ скуки“, писалъ Болдыревъ, „занимаюсь я кой-чѣмъ съ малолѣтнимъ моимъ племянникомъ. При этихъ занятіяхъ раздумался я недавно о томъ, какъ мучатся учители и какъ мучатъ дѣтей, обучая ихъ грамотѣ. Жаль мнѣ стало и тѣхъ и другихъ. Я сталъ думать — какъ бы этому горю помочь. Слѣдствіемъ было составленіе этой книжечки, которой при семъ представляю вамъ шесть экземпляровъ. Взгляните на нее—и потомъ раздарите дѣтямъ, которыхъ вы такъ любили прежде, а теперь вѣрно еще болѣе любите. Мнѣ пришло на мысль, нельзя-ли ее ввести въ уѣздныхъ училищахъ? И есть-ли бы она стоила того, то нельзя-ли представить графу С. Г. Строганову на разсмотрѣніе? *Знаю, какъ хорошо расположенъ къ вамъ Графъ*, я покорнѣйше просилъ-бы васъ представить ему одинъ экземпляръ съ этою цѣлію. Не говорите ему до времени, что я составилъ ее. Если-бы Графъ согласился ввести ее въ уѣздныхъ училищахъ, тогда вы могли-бы сказать ему, что она составлена мною“.

Да и самъ Погодинъ, подъ 11 января 1837 года, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Ѣздилъ прогуляться къ Шевыреву и радовались вмѣстѣ тому добру, которое можно будетъ сдѣлать въ Университетѣ“.

Отношенія же Погодина къ молодымъ профессорамъ, пріѣхавшимъ изъ Германіи, которымъ покровительствовалъ графъ Строгановъ, были въ это время тоже невраждебныя, а скорѣе добродушныя, о чемъ свидѣтельствуетъ опять-таки неложный свидѣтель, *Дневникъ* Погодина:

Подъ *14 января*. „Ѣздилъ къ Крюкову. Толковали. Пріѣхалъ Крыловъ. Къ нему. Бурсацкіе остатки непріятны. Раз-

сказывалъ о несчастномъ положеніи учености въ Петербургѣ“.

Подъ *11 августа.* „Обѣдалъ у пріѣхавшихъ и разстолстѣвшихъ нашихъ юношей профессоровъ“.

Подъ *18 августа.* „Обѣдалъ у философовъ Рѣдкина и Крылова, чтобы ихъ пощупать“.

Подъ *3 сентября.* „Въ Университетѣ слушалъ лекцію Крылова. Хороша, но не студентамъ“.

Подъ *11 сентября.* „Завтракалъ у Крюкова. Схватка Шевырева съ Перевощиковымъ и я разнималъ“.

Подъ *13 сентября.* „Въ банѣ съ Крыловымъ. Толковали объ Университетѣ; а будетъ онъ славный юристъ. Не женить-ли на Аксаковой“.

Подъ *5 октября.* „Обѣдалъ у Кубарева съ Крыловымъ. Замѣчаніе о молодыхъ магнатахъ, которымъ ученье не на долго дается“.

Къ кружку Станкевича Погодинъ въ это время тоже не питалъ враждебныхъ чувствъ, а скорѣе напротивъ. По крайней мѣрѣ предъ своимъ отъѣздомъ за-границу Н. В. Станкевичъ написалъ Погодину самое дружелюбное письмо (отъ 19 августа 1837 года). „Готовясь отправиться“, писалъ онъ, „за-границу, долгомъ поставляю себѣ еще разъ благодарить васъ за расположеніе, которымъ я пользовался и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарить за участіе, которое вы приняли въ моемъ братѣ... Завтра пускаюсь я въ путь. Думаю воспользоваться еще въ продолженіи двухъ, трехъ недѣль если не купаньемъ, то питьемъ въ Карлсбадѣ, а оттуда вѣроятно отправлюсь въ Берлинъ. Холера, опустошающая Неаполь, заставила меня отложить поѣздку въ Италію до будущаго года. Нѣтъ худа безъ добра; я свято вѣрю этой пословицѣ. Пробывши полгода въ Берлинѣ, я, можетъ быть, другими глазами буду смотрѣть на Италію и найду въ ней больше задачъ для себя. Желаю душевно по возвращеніи въ Россію найти васъ совершенно здоровымъ и встрѣтить въ васъ прежнее расположеніе ко мнѣ“ [29]).

Но зато съ старыми профессорами Погодинъ продолжалъ

враждовать, о чемъ свидѣтельствуетъ опять-таки *Дневникъ* его:

Подъ *12 августа*. „Давыдовъ мои возраженія въ Комитетѣ приписываетъ тому, что мои пансіонеры отстранены отъ продолженія экзамена. Между тѣмъ какъ ему, п....., при самомъ началѣ я говорилъ, что они не годятся! Какова к....., и руку жметъ! Въ типографію, и Давыдовъ тамъ. Руку жметъ. До меня онъ былъ у Строганова, къ которому залѣзаетъ“.

Подъ *10 сентября*. „Смѣялся безъ памяти надъ глупостью Каченовскаго. Положительно и отрицательно. Плутни Давыдова“.

Подъ *18 сентября*. „Въ Университетѣ. Разсказы о козняхъ, приписываемыхъ Давыдову, о намѣреніи ссорить Уварова съ Строгановымъ, и прочія гадости“.

Подъ *23 сентября*. „Перевощиковъ разсказывалъ о гадостяхъ Давыдова. Ни одинъ ректоръ не осмотрѣлъ ни одной переправки, а ихъ на сто тысячъ въ годъ. Каково. Все это общія плутни“.

Чтобы смягчить эти суровыя приговоры о человѣкѣ, который немало таки потрудился на нивѣ Русскаго Просвѣщенія, обратимся къ позднѣйшимъ воспоминаніямъ Погодина и тамъ мы найдемъ слѣдующія строки: „Намъ казалось, что всѣ интриги въ Университетѣ происходятъ отъ Давыдова, чрезъ письмоводителей, которыхъ онъ всегда умѣлъ забирать къ себѣ въ руки, чрезъ Каченовскаго, который его слушался. Сколько тутъ было справедливаго или сколько онъ былъ тутъ виноватъ, съ умысломъ и безъ умысла, Богъ знаетъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ примѣчательный и во многихъ отношеніяхъ достойный“.

Что же касается до другаго, дѣйствительнаго или мнимаго, недоброжелателя Погодина—Каченовскаго, то, по свидѣтельству тогдашняго его слушателя, Ю. Ѳ. Самарина,—Каченовскій въ это время до того состарился, что „не былъ въ состояніи прочесть о чемъ бы то ни было лекціи для слушателей своихъ; онъ читалъ про себя, надъ развернутою кни-

гою, горячо спорилъ съ авторомъ ея, бранилъ его, одобрялъ, улыбался ему; но о чемъ трактовала книга, что нравилось или не нравилось профессору, все это для насъ оставалось тайною. Подъ конецъ дѣло дошло до того, что вмѣсто пятидесяти человѣкъ, у него обыкновенно бывало на лекціи отъ десяти до пятнадцати, и тѣ занимались своимъ дѣломъ". Да и самъ Погодинъ писалъ Максимовичу: „Качеповскій такъ отупѣлъ, что ничего не понимаетъ" [30]).

Тогдашнее состояніе Московскаго Университета навело Погодина на слѣдующую мысль: „Если Университетъ", писалъ онъ, „при всей доброй волѣ, напримѣръ моей, трудно исправить, то кольми паче какое-нибудь присутственное мѣсто, и министерство, гдѣ искони такъ ведется. Слѣдовательно, все это зависитъ отъ общественной нравственности и образованія" [31]).

Изъ Университетской братіи, Погодинъ въ это время сблизился съ другомъ и товарищемъ Языкова, знаменитымъ врачомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Иноземцовымъ. Сближеніе это вскорѣ перешло въ крѣпкую дружбу, которая не прерывалась до конца жизни обоихъ. Въ сентябрѣ 1835 года, Иноземцовъ поселился въ Москвѣ и занялъ въ Московскомъ Университетѣ каѳедру Практической Хирургіи [32]). Много лѣтъ спустя Погодину удалось выразить торжественно свои чувства къ нему какъ „полезному профессору, искусному врачу, благонамѣренному гражданину, доброму человѣку!" [33])

III.

Профессорская дѣятельность Погодина все еще продолжала распадаться по двумъ каѳедрамъ, Всеобщей и Русской Исторіи, и это очень затрудняло его и мѣшало пристальнѣе заниматься главнымъ и любимымъ его предметомъ—Русскою Исторіею. По свидѣтельству тогдашняго слушателя, Ю. Ѳ. Самарина, Погодинъ цѣлый годъ держалъ своихъ студентовъ на торговлѣ Азіатскихъ народовъ и не дошелъ до Грековъ" [34]). Въ это же время онъ издалъ вторую часть своихъ *Лекцій по*

Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра, въ которой разсматриваются Карѳагеняне, Еѳіопляне, Египтяне и Греки. Замѣчательно, что на заглавномъ листѣ стоитъ 1836 годъ; цензорское позволеніе Каченовскаго состоялось 22 ноября 1835, а книга выпущена только въ концѣ 1837. Причину этого замедленія объясняетъ самъ Погодинъ въ своемъ предисловіи. „Я", пишетъ онъ, „медлилъ изданіемъ второй части моихъ *Лекцій* отчасти потому, что ожидалъ окончанія Геренова сочиненія; но Геренъ слишкомъ долго не выдаетъ его, и я рѣшился кончить теперь начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что Русская Исторія призываетъ меня сполна на свое любезное поле. По этой причинѣ я оставляю пока Реформацію и другія части Новой Исторіи, которыя у меня почти обработаны, но смѣю увѣрить, что не останусь въ долгу у своихъ слушателей: выдамъ все это когда нибудь вмѣстѣ съ нѣсколькими книжками Афоризмовъ и очищу публично свой отчетъ во временномъ преподаваніи Всеобщей Исторіи". Въ бумагахъ Погодина отыскался листокъ, на которомъ рукою Каченовскаго написано: „цензоръ Каченовскій имѣетъ честь увѣдомить его высокоблагородіе Михаила Петровича Погодина, что если на 257-й страницѣ вмѣсто: „какъ въ Аѳинахъ такъ и *вездѣ, кромѣ тиранній*, народомъ"... будетъ поставлено: „какъ въ Аѳинахъ, такъ *и во всѣхъ греческихъ республикахъ*, народомъ...", то онъ, цензоръ, не затруднится подписать билетъ. Страницу надобно перепечатать". Приказаніе цензора было исполнено и на 257 страницѣ *Лекцій* мы читаемъ: „Правильные и постоянные налоги опредѣлялись законами... Обстоятельства, разумѣется, измѣняли эти постановленія, съ согласія народа. Чрезвычайныя, вѣроятно, опредѣлялись *какъ въ Аѳинахъ, такъ и во всѣхъ Греческихъ республикахъ, народомъ*".

Неуспѣхъ полезнаго предпріятія Погодина познакомить Русскихъ съ важнѣйшими произведеніями иноземныхъ историковъ не охладилъ ревности его и онъ неутомимо продолжалъ начатое. Въ это время онъ задумалъ издать *Всеобщую Исто-*

рическую Библіотеку. Это предпріятіе еще болѣе сблизило его съ Троицкою Духовною Академіею, ректоромъ которой въ то время былъ архимандритъ Филаретъ, знаменитый впослѣдствіи историкъ Русской Церкви, скончавшійся въ санѣ архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. „Уважая любовь вашу теплую къ просвѣщенію“, писалъ онъ Погодину (отъ 6 октября 1837 г.), „препровождаю къ вамъ сочиненія студентовъ Московской Духовной Академіи“. Вербуя сотрудниковъ для своего предпріятія, Погодинъ обратился къ протоіерею Ѳ. А. Голубинскому съ просьбою указать ему на способныхъ студентовъ Духовной Академіи.

Выборъ отца Голубинскаго, между прочими, палъ на Капитона Ивановича Невоструева и Иринарха Ивановича Введенскаго. Оба, впослѣдствіи, своими почтенными трудами записали свои имена въ Исторіи Русской Литературы и оба они трудились и для *Всеобщей Исторической Библіотеки* [35]). Такимъ образомъ съ помощію ихъ и другихъ сотрудниковъ, Погодину удалось представить своимъ соотечественникамъ, въ переводѣ съ Нѣмецкаго, произведеніе Пелица—Исторію Пруссіи и Саксоніи; Гасса—Исторію Ломбардіи; Германна—Исторію Неаполя и Сициліи; Раушника—Исторію Нѣмецкой Ганзы.

Съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ, а именно съ Иринархомъ Ивановичемъ Введенскимъ, Погодинъ въ это время завязалъ болѣе тѣсныя сношенія.

Прославившійся впослѣдствіи какъ переводчикъ Англійскихъ романовъ и какъ наставникъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, коихъ многіе питомцы обязаны ему за тотъ божественный огонекъ, который онъ возжегъ въ сердцахъ ихъ, преподаваніемъ Исторіи Русской Литературы, Иринархъ Введенскій *) былъ сынъ священника села Жукова, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи. „Онъ“, по выраженію его біографа, „вскормленъ былъ грудью не наемницы, а грудью своей матери, его убаюкивали въ колыбели звуки родного слова, первымъ воспитателемъ его является отецъ нѣжно любившій

*) Родился 21 ноября 1813 года.

своего сына". Даровитый мальчикъ на седьмомъ году возраста бѣгло читалъ церковныя книги и, по приказанію отца, отправлялъ обязанность дьячка. Мѣстоположеніе села Жукова было чудесное. Родитель Иринарха былъ трудолюбивый и домовитый хозяинъ; у него были свои собственныя нивы, пчельникъ и сѣнокосы. Недалеко отъ его дома, окруженнаго садикомъ, струилась быстрая рѣчка; на одномъ берегу ея возвышался лѣсъ; на другомъ тянулись свѣтлыя поля, покрытыя богатою жатвой. Среди этой природы свободно расцвѣтала младенческая жизнь Введенскаго. По достиженіи восьмилѣтняго возраста, Иринарха отвезли въ Пензенское духовное училище. „Никогда не забуду", писалъ онъ, „тѣхъ горючихъ слезъ, которыя проливала мать при первой разлукѣ со мною". За порогомъ школы иная картина представилась юному Иринарху—чужіе люди, суровая школьная дисциплина и розги—эта *ultima ratio* Пензенскаго педагога.

Въ продолженіе четырехлѣтней школьной жизни, Введенскій учился очень прилежно и особенно охотно занимался Латинскимъ языкомъ. Вдругъ, попадается ему въ руки Карамзинъ и увлекаетъ его за собой неотразимою силой. Съ этой поры Карамзинъ дѣлается для него любимымъ писателемъ, первымъ учителемъ. „Тятенька", писалъ онъ отцу, „не посылай мнѣ лепешекъ, а пришли еще Карамзина; я люблю его; я буду читать его по ночамъ и за то буду хорошо учиться".

Изъ Пензенскаго духовнаго училища Введенскій поступилъ въ Саратовскую Семинарію. Въ день этого перехода Введенскій получилъ отъ своего отца въ подарокъ *Исторію Государства Россійскаго*. При рѣдкой даровитости, Введенскій, живучи въ Саратовѣ, „былъ необычайно благочестивый юноша, даже аскетическаго направленія. Сохранилось преданіе, что въ Саратовѣ по ночамъ онъ уединялся на загородную Соколову гору, на берегу Волги, царящую надъ всѣмъ Саратовымъ, и тамъ, встрѣчая восходъ солнца, молился и пѣлъ: *Слава въ вышнихъ Богу*.

15 іюля 1834 г., Введенскій окончилъ курсъ наукъ въ Семинаріи и поступилъ въ Московскую Духовную Академію. Въ то время студенты Духовной Академіи страстно любили свѣтскую литературу. Они выписывали почти всѣ журналы, которые переходя изъ рукъ въ руки, зачитывались до уничтоженія. Самъ Введенскій попеременно переходилъ отъ историческаго сочиненія къ филологическому, отъ древняго писателя къ современному, отъ стараго фоліанта къ журналу. Въ письмѣ къ отцу Анастасію, онъ писалъ: „Среди пріятныхъ занятій и чтенія знаменитыхъ писателей, я начинаю забывать и объ университетѣ. Теперь я живу въ древнемъ языческомъ мірѣ, гуляю по Риму вмѣстѣ съ консуломъ и ораторомъ Цицерономъ, курю ѳиміамъ Юпитеру и ругаюсь съ Верресомъ. Ночью я ухожу въ садъ и тамъ среди уединенія, вздергивая носъ къ верху, начинаю произносить ораторскія рѣчи, подражая Цицероу [36])". Сохранилось любопытное автобіографическое письмо Введенскаго къ Погодину въ которомъ читаемъ: „При крѣпкомъ сангвиническомъ темпераментѣ, я получилъ отъ природы душу сильную, воображеніе живое, способности быстрыя. Такимъ пріѣхалъ я въ Духовную Академію. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ предметамъ, требующимся для образованія Русскаго пастыря церкви, и занимаясь большею частію предметами (напр. Французскою, Нѣмецкою и Англійскою словесностію), на которые Академія вовсе не обращаетъ вниманія, я шелъ тамъ однакожъ весьма хорошо, и безъ большихъ усилій съ своей стороны, могъ получить степень магистра богословскихъ наукъ. Таково было мое положеніе, когда неопытный, вовсе не имѣвшій понятія о свѣтѣ и людяхъ, я вошелъ въ домъ Засѣцкихъ. Судьба моя рѣшилась, когда я увидѣлъ и узналъ *ее*... Страсть мою замѣтили еще прежде, чѣмъ самъ я могъ дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Меня лелѣяли, подавали всякую надежду на осуществленіе моихъ видовъ; меня сближали съ нею, позволяли открыто говорить ей о своей любви; я былъ въ ихъ домѣ почти свой... Адски подготовленный слу-

чай въ одно мгновеніе разстроилъ всѣ мои надежды; и я погибъ! Убитый и душою и тѣломъ, семь мѣсяцевъ пролежалъ я въ Московской больницѣ. Меня не навѣстили, мнѣ не отвѣчали на письма, писанныя въ бореніяхъ между жизнію и смертію, меня забыли".

Но незабылъ несчастнаго добрый наставникъ его, достопочтенный о. протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, который писалъ о немъ Погодину (10 іюля 1838 г.). „Состраданія вашего прошу къ студенту Введенскому. Четыре года назадъ тому онъ поступилъ въ Московскую Духовную Академію съ очень хорошими способностями и познаніями, и въ философскомъ отдѣленіи причисленъ былъ къ студентамъ перворазряднымъ. Но на послѣднемъ году учебнаго курса жестокая и продолжительная болѣзнь заставила его просить увольненія изъ Академіи, и онъ уволенъ прежде окончанія курса только со степенью студента, между тѣмъ какъ прежде могъ надѣяться магистерской степени. Прежде болѣзни былъ съ нимъ въ Москвѣ несчастный случай, подавшій поводъ къ невыгоднымъ объ немъ слухамъ, о которомъ онъ самъ скажетъ вамъ: но искреннее раскаяніе изгладило слѣды онаго; послѣ того въ теченіи полугода, до сего времени, не было въ его жизни ничего предосудительнаго. При пособіи Московскихъ врачей онъ получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни, и теперь желаетъ слушать уроки въ Московскомъ Университетѣ, побуждаясь къ этому усердною ревностію къ ученію. Прошу васъ покорнѣйше, если онъ окажется по испытаніи достойнымъ, удостоить его принять въ Университетъ. Положеніе его крайне жалко: онъ обязанъ помогать своей матери бѣдной вдовѣ; а между тѣмъ самъ не имѣетъ въ Москвѣ ни родныхъ ни знакомыхъ и не знаетъ куда преклонить голову. Если бы вамъ возможно было доставить ему случай—хоть на время—давать уроки въ какомъ-нибудь домѣ, вы оказали бы этимъ ему великое благодѣяніе. Не откажитесь быть благодѣтелемъ этому безпріютному бѣдняку". Погодинъ подалъ руку помощи и принялъ бѣднаго студента къ себѣ въ домъ въ качествѣ учи-

теля своего Пансіона. Но этотъ бѣдный студентъ, вступая въ Пансіонъ Погодина обладалъ знаніемъ языковъ Греческаго и Латинскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго и это знаніе открывало ему свободный доступъ въ область пяти знаменитыхъ литературъ. „Вы", писалъ Введенскій Погодину, „сдѣлали для меня такъ много добраго, что я не умѣю, и не хочу благодарить васъ на словахъ. *Жизнь моя* отселѣ принадлежитъ вамъ. Счастливымъ себя почту, если со временемъ въ состояніи буду на дѣлѣ оказать вамъ свою благодарность".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ доставилъ ему возможность поступить въ Московскій Университетъ. Но на первыхъ же парахъ Введенскій озадачилъ Погодина представленіемъ ему счета. Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранился этотъ счетъ, писанный на клочкѣ бумаги собственноручно Введенскимъ, въ которомъ значится: „Мундиръ, панталоны, манишка, галстухъ и жилетъ—150 р. Шинель—120 р. Треуголка и шпага—30 р. Танцклассъ—80 р. Викторъ Гюго и Шиллеръ—110 р. Двѣ пары перчатокъ и картузъ—15 р. Очки—18 р. Подвода—30 р. Итого 553 р.". На этомъ счетѣ Погодинъ написалъ: „Иринархъ Введенскій просилъ у меня денегъ, живя у меня, на эти расходы".

Но Московскій Университетъ не удовлетворилъ Введенскаго. „Поступивъ туда", писалъ онъ Погодину, „въ такомъ возрастѣ, въ которомъ давно уже надлежало бы изъ онаго выдти, я думалъ, что по крайней мѣрѣ успѣхами своими съ избыткомъ вознагражду эту запоздалость, и со славою выду изъ заведенія, куда такъ нечаянно привела меня судьба. Но вотъ уже прошло почти два академическихъ года, а я не сдѣлалъ равно ничего? Оправдываться ли мнѣ? Но на всѣ мои извиненія можно дать одинъ отвѣтъ: человѣкъ съ твердою волею всегда съумѣетъ стать выше обстоятельствъ, какъ бы тяжелы они ни были. Не словами, а самымъ дѣломъ надлежало бы мнѣ оправдать себя; своими поступками долженъ бы я доказать, что не принадлежу къ числу головъ слабодушныхъ, которыхъ планы могутъ рухнуть при малѣй-

шей неудачѣ. Но Боже мой! что̀ мнѣ дѣлать, когда погасла энергія въ моей душѣ? Что̀ мнѣ дѣлать, когда какая-то непонятная сила давитъ меня на каждомъ шагу, и перепутываетъ всѣ мои мысли? Много образовывалось въ головѣ моей плановъ, много предпріятій; но всѣ они или замирали при самомъ своемъ рожденіи, или оставляемы были при началѣ ихъ осуществленія. Еще при самомъ поступленіи моемъ въ Университетъ, я собрался писать подробный разборъ вашихъ *Афоризмовъ*: я бросилъ это предпріятіе тотчасъ послѣ начала. По порученію И. И. Давыдова съ жадностію я принялся было переводить съ Нѣмецкаго Эстетику Зольгера; но цѣлый годъ пролежала у меня эта книга попустому, и я отдалъ ее назадъ Давыдову. Что могло быть лестнѣе для меня вашего порученія—написать статью о духовныхъ училищахъ; но къ стыду моему и эта статья до сихъ поръ не окончена! Не давно образовалась было у меня мысль написать другую статью—*о современномъ состояніи Философіи въ нашемъ Отечествѣ*. Коротко знакомый съ изученіемъ этого предмета въ нашихъ академіяхъ, я могъ представить университетскому начальству статью интересную, и во многихъ отношеніяхъ любопытную; но силъ не стало у меня и положить начало этому труду. Въ послѣднее время я рѣшился было писать не менѣе важную статью—*о трудахъ нашихъ историковъ*. Моимъ намѣреніемъ было—показать особенно ваше вліяніе въ ученомъ свѣтѣ; но до сихъ поръ энергіи не достаетъ и на изученіе матеріаловъ, потребныхъ для осуществленія этого труда. И теперь, когда пишу къ вамъ это письмо, за мною множество дѣлъ, исполненіе которыхъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства; а я и опять не дѣлаю ничего и, что̀ всего хуже, ничего не могу дѣлать! Я хожу, какъ Каинъ, съ печатію отверженія на своемъ лицѣ, хожу безъ мысли, безъ цѣли, безъ плана. Если бы я убѣжденъ былъ, что при нравственной смерти воскресеніе не возможно точно также, какъ при смерти физической, то ни минуты бы не медлилъ прекратить дни своей жалкой жизни, которая теперь такъ отяготительна, ненавистна

для меня. Но зачѣмъ я долженъ умереть именно въ двадцать шесть лѣтъ, ничего не сдѣлавъ ни для себя, ни для свѣта? Какая бы въ этомъ случаѣ была цѣль моей безжизненной жизни? А главное: зачѣмъ въ такомъ случаѣ Провидѣніе дало мнѣ множество стремленій, порывовъ, которые смѣло могу назвать чистыми, благородными? Неужели мои таланты, пусть слабые, но все-таки таланты, должны погибнуть при самомъ моемъ развитіи?.. Нѣтъ, я не долженъ умирать. Но для чего же и жить мнѣ, когда знаю, что энергія души моей все гибнетъ болѣе и болѣе, и когда знаю, что скоро я окончательно долженъ буду погибнуть для нравственной, и, быть можетъ, физической жизни? Неужели со временемъ, продолжая быть безполезнымъ для себя и другихъ, я долженъ буду окончательно вести свою жизнь въ какой нибудь богадѣльнѣ, нюхая табакъ со своими собратами, изъ которыхъ конечно я буду самымъ жалкимъ, несчастнымъ, и въ то же время безполезнѣйшимъ существомъ".

Не успѣшно шли занятія Введенскаго и по Погодинскому Пансіону, въ чемъ онъ самъ чистосердечно сознается въ письмѣ своемъ Погодину: „До сихъ поръ худо я соотвѣтствовалъ вашимъ обо мнѣ надеждамъ, и нисколько не успѣлъ быть вамъ брагодарнымъ за ваши благодѣянія. Адское состояніе моего духа, обрекающее меня на совершенное бездѣйствіе, вовсе лишаетъ меня возможности оказывать вамъ на дѣлѣ свою признательность... Мысль, что я такъ много облагодѣтельствованъ вами и въ тоже время другая мысль, что до сихъ поръ поступки мои дѣлаютъ меня въ глазахъ вашихъ человѣкомъ, ни сколько не умѣющимъ чувствовать вашихъ благодѣяній, мучаетъ меня со всею тиранскою жестокостію, какую только можете вообразить. Время быть можетъ оправдаетъ меня и покажетъ, умѣю ли я быть признательнымъ; но теперь при настоящемъ состояніи, для меня физическая невозможность исполнять и самыя легкія ваши порученія. Мнѣ стыдно встрѣчаться съ вами, совѣстно смотрѣть на васъ, тяжело говорить съ вами!".

Такимъ образомъ Введенскій, не найдя счастья въ Москвѣ, рѣшился искать его въ Петербургѣ. „Перебирая въ головѣ своей“, писалъ онъ Погодину, „различныя средства, которыя бы могли вывести меня изъ этого нравственнаго оцѣпененія, я остановился на одномъ, которое могу считать надежнѣйшимъ. Я хочу, я долженъ, *непремѣнно долженъ* отправиться *изъ Москвы въ Петербургъ,* и докончить свое образованіе въ Петербургскомъ Университетѣ. Вотъ мои побужденія и надежды при этомъ намѣреніи. Вопервыхъ, честь моя будетъ не запятнана въ Петербургскомъ Университетѣ; и посѣщая въ ономъ лекціи, я не буду, какъ здѣсь, видѣть нравственнаго своего униженія: стало быть я буду спокойнѣе, и надежнѣе пойду по тому поприщу, на которое чувствую себя призваннымъ. Мнѣ тамъ не нужно будетъ, какъ здѣсь, безпрестанно стыдиться самаго себя и краснѣть передъ наставниками, когда стану исполнять обязанности, ими на меня возлагаемыя“.

Въ концѣ февраля 1840 года, Введенскій оставилъ Москву и переселился въ Петербургъ и оттуда (2 марта) писалъ Погодину: „Положеніе въ какомъ я поставленъ, дѣлаютъ лишними всѣ объясненія на счетъ выѣзда моего изъ Москвы. Дѣло кончено. Я въ Петербургѣ... Впрочемъ вотъ логика, по которой я мыслилъ и дѣйствовалъ, оставляя Москву. 1) Я надѣялся въ Петербургѣ застать васъ, а въ такомъ случаѣ считалъ безопаснымъ свое положеніе. 2) Такъ какъ Петербургъ вмѣщаетъ въ себѣ почти до пятисотъ тысячъ жителей, а изъ нихъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ можетъ обезпечить мое состояніе, то я полагалъ, что изъ этихъ пятидесяти тысячъ найдется хоть одна душа, которая и моей душѣ дастъ возможность держаться въ тѣлѣ. Теперь оба эти начала, выведенныя, какъ видите, изъ законовъ чистаго разума, оказались ложными. И 1) Черезъ два часа по пріѣздѣ въ Петербургъ, я прочелъ въ здѣшнихъ *Вѣдомостяхъ*, что за день до моего пріѣзда вы отправились въ Москву. 2) *Всѣ добрые люди*, къ кому я ни относился съ своею *персоною*, только лишь удивлялись моей безразсудности и легкомыслію, нисколько не

облегчивъ моей участи. Нашелся только одинъ, весьма бѣдный и недавно бывшій въ моемъ положеніи поставленный, человѣкъ, который принялъ во мнѣ живѣйшее, какое только могъ, участіе. Ему то обязанъ я тѣмъ, что могу дней пять не умереть съ голоду, и тѣмъ, что имѣю возможность писать къ вамъ. Результатъ всего этого тотъ, что единственная моя надежда теперь все-таки на васъ, и *только* на васъ. Если вы будете имѣть безпримѣрное великодушіе принять теперь во мнѣ участіе, я спасенъ. Въ противномъ случаѣ... но я и самъ не знаю, что будетъ въ противномъ случаѣ. Всегдашнее мое положеніе—*съ голоду умереть не возможно*, справедливо можетъ быть въ отношеніи ко всѣмъ мѣстамъ Русской Имперіи, но только вовсе не въ отношеніи къ богатому Петербургу".

Оставляя домъ Погодина, Введенскій рекомендовалъ на свое мѣсто товарища своего по Московской Духовной Академіи Петра Спиридоновича Билярскаго впослѣдствіи знаменитаго академика. Рекомендуя этого достойнаго ученаго, Введенскій писалъ Погодину: „Жаль, если мой примѣръ заставитъ васъ худо думать и объ немъ. Но могу увѣрить васъ, что мои поступки ничего не имѣютъ общаго ни съ его жизнію, ни съ характеромъ. Съ воображеніемъ болѣе спокойнымъ и умомъ основательнѣйшимъ, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ свойства человѣка, который, смѣло могу сказать, вполнѣ достоинъ будетъ вашего покровительства. Сверхъ того, не стѣсненный подобно мнѣ, многими посторонними обстоятельствами, онъ всегда полезнѣе меня будетъ для юношей воспитывающихся въ вашемъ домѣ. Во всякомъ случаѣ я не желалъ бы, чтобы кто другой занялъ мое мѣсто въ вашемъ домѣ, не желалъ бы между прочимъ и потому, чтобы съ отбытіемъ своимъ не оставить въ васъ навсегда дурнаго впечатлѣнія о заведеніи, гдѣ получилъ я окончательное образованіе" [37]).

Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, Введенскій поступилъ на филологическое Отдѣленіе Философскаго факультета С.-Петербургскаго Университета [38]) и по свидѣтельству современника, удивлялъ не только студентовъ, но и профессоровъ

своими громадными познаніями и могъ бѣгло объясняться по Латынѣ съ самимъ Графе [39]).

Занимая каѳедру Всеобщей Исторіи, Погодинъ имѣлъ утѣшеніе въ средѣ своихъ слушателей пріобрѣсть любовь и уваженіе. Къ числу слушателей Погодина принадлежалъ и достопочтенный И. Я. Горловъ, со славою занимавшій каѳедру Политической Экономіи въ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ. Приготовляясь въ Дерптѣ къ занятію этого высокаго поста, Горловъ писалъ Погодину: „Вы всегда показывали столько участія къ дѣламъ моимъ, что это налагаетъ на меня пріятную обязанность, по долгомъ молчаніи, наконецъ извѣстить о себѣ, особенно теперь, когда я готовъ отрясти школьный прахъ у воротъ Дерпта. Въ срединѣ ноября я сдалъ наконецъ роковый экзаменъ, и на дняхъ получилъ резолюцію факультета, который меня единодушно призналъ достойнымъ степени доктора Философіи. Теперь мнѣ остается только по обычаю написать и защитить Латинскую диссертацію. Я собралъ для ней уже довольно матеріала, и надѣюсь, что въ началѣ марта мѣсяца кончу здѣсь всѣ дѣла. Судя по примѣру предшественниковъ, насъ пошлютъ въ Берлинъ, который съ нѣкотораго времени сдѣлался Аѳинами для Русскихъ. Для меня очень печально думать, что и я отправлюсь единственно только туда. Въ Берлинѣ профессоръ камеральныхъ наукъ нѣкто Гофманъ, человѣкъ слишкомъ шестидесяти лѣтъ. Самъ Раумеръ читаетъ лекціи невыносимо, что вѣрно испытали Крюковъ и Чивилевъ, и вообще слава Берлинскаго Университета поддерживается совсѣмъ не знаменитостями въ политическихъ наукахъ. Кромѣ того, хотѣть насъ приковать къ университету, значитъ сдѣлать какое-то glebae adscriptio, совсѣмъ невыгодное для нашего образованія. Я вотъ уже скоро девять лѣтъ какъ все былъ студентомъ, въ двухъ университетахъ, а въ послѣднія пять лѣтъ изучалъ такіе образцы въ нашей наукѣ, послѣ которыхъ ничего не услышишь достойнаго въ лекціяхъ, читаемыхъ для начинающихъ только заниматься, и даже читаемыхъ такими профессорами какъ Рау въ Гейдельбергѣ,

или Германъ въ Мюнхенѣ. Вообще Германія еще съ старыми формами экономической жизни съ своимъ малымъ интересомъ къ промышленнымъ усовершенствованіямъ окружаетъ наблюдателя атмосферою, въ которой должно заглохнуть его живое стремленіе. Германія имѣетъ также свои великія преимущества, и я хотѣлъ бы въ ней изучать Исторію и Философію, а Политическую Экономію, Финансы и Статистику во Франціи, или, еслибъ хорошо зналъ по англійски, въ Англіи, этихъ двухъ классическихъ странахъ промышленности и экономическаго законодательства, которыя въ недавнее время для экономистовъ сдѣлались тѣмъ же, чѣмъ Италія для художниковъ. Въ Парижѣ профессорствуютъ теперь два знаменитые ученые по нашей части — Росси и Бланки, другъ и приверженецъ Се, которыхъ чтенія различны какъ полюсы: одинъ строгъ, послѣдователенъ, старается все возвести къ одному началу, которое онъ разлагаетъ съ тончайшимъ анализомъ и преслѣдуетъ до крайнихъ подробностей; другой живъ, увлекательно говоритъ, преподаетъ науку, безпрестанно обращая вниманіе на современныя экономическія событія, которыхъ причины и слѣдствія онъ истощаетъ до полноты самой удовлетворительной. Но мнѣ бы не хотѣлось закабалить себя въ аудиторію, но мѣсяца четыре посвятить на путешествіе по Франціи. Для меня теперь совершенно понятно, что для того, чтобы имѣть живое вѣдѣніе, проникнутое совершенно наукою, не достаточны мертвыя буквы книги или пустыя аудиторіи, но земля, полная экономическаго движенія и жизни и среди которой наблюдать всѣ питательные органы государства и ихъ отправленія. Точно такъ, какъ лекарь не довольствуется одними книгами и лекціями, но изучаетъ Медицину въ жизни, при постелѣ больнаго. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ письмо отъ графа С. Г. Строганова, гдѣ онъ меня приглашаетъ на каѳедру въ Демидовскомъ Лицеѣ. Для меня было лестно предложеніе, но я постарался отклонить его, потому что преданъ своей наукѣ и не хочу говорить о ней съ дѣтьми, или почти съ дѣтьми, которые, заняты всѣмъ возможнымъ, служатъ столькимъ господамъ; у меня родъ какой-то

смѣшной, сентиментальной ревности. Я, можетъ быть, васъ долженъ благодарить за то, что обратили на меня вниманіе графа Строганова? Графъ въ письмѣ не забылъ, что я воспитанникъ Московскаго Университета, и я теперь думаю, не могу-ль воспользоваться этимъ качествомъ, чтобъ просить его ходатайствовать у Министра о томъ, чтобъ меня послали сначала во Францію на годъ, чтобъ дозволили мѣсяца четыре путешествовать, чтобъ для путевыхъ расходовъ увеличили сообразно мое жалованье, и чтобъ наконецъ послѣдній годъ позволили мнѣ провести въ Германіи. Я знаю, что вы, Михаилъ Петровичь, обременены множествомъ занятій, однакожъ смѣю васъ просить написать, какъ по вашему мнѣнію въ этомъ случаѣ поступить? Просить ли черезъ письмо Графа? Или не отнестись ли съ просьбою къ Министру? Или не подать ли прошеніе въ Совѣтъ Московскаго Университета, чтобы меня послали такъ, какъ Драшусова, Бодянскаго? Мнѣ кажется, что резонъ, который я имѣю, основателенъ. И прежніе институтскіе, теперь нѣкоторые изъ нихъ Московскіе профессора, также подтвердятъ необходимость пребыванія во Франціи. Политическое состояніе Франціи не представляетъ для моей головы никакихъ опасностей, потому, что мнѣ двадцать пять лѣтъ, и что я не новичекъ, но уже девять лѣтъ занимаюсь политическими науками; кромѣ того Tugendbund былъ въ Германіи, общество Burschenschaften въ Нѣмецкихъ университетахъ, дуели и пьянство тамъ; Раумеръ, написавшій Pohlen's Untergang, въ Берлинѣ, Гансъ глава Философской школы, тамъ же, и еще недавно Геттингенскій Университетъ послалъ депутацію профессоровъ съ протестомъ къ королю. Между тѣмъ какъ во Франціи рѣшительное стремленіе къ порядку и спокойствію. Вы бы меня чрезвычайно одолжили, еслибъ предупредили въ мою пользу графа Строганова и представили ему мое дѣло или лучше желаніе, такъ какъ этого требуетъ истина".

IV.

Въ началѣ 1837 года, К. С. Сербиновичъ, поздравляя Погодина съ новымъ годомъ, писалъ ему: „дай Богъ успѣховъ въ полезныхъ трудахъ вашихъ на защиту историческаго православія". Въ тоже время Максимовичъ изъ Кіева извѣщалъ его, что „министръ Уваровъ говорилъ, что ты новую готовишь расправу съ Скептическою школою, кою и онъ не жалуетъ, хотя хвалитъ ученость Каченовскаго... Жду твоей расправы съ нетерпѣніемъ... Не хочешь ли я пришлю тебѣ *перчатку съ руки Нестора*, при разговорѣ о коей Министръ совѣтовалъ мнѣ, шутя, послать всего лучше Каченовскому" [40]).

Въ это время Погодинъ написалъ разсужденіе *о договорахъ Русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ Греками*, въ которомъ вопреки Каченовскому, доказываетъ подлинность этихъ договоровъ и находитъ, что они „подтверждаютъ еще болѣе подлинность лѣтописи, и ими по справедливости можетъ гордиться Русская Исторія".

Подъ 3 октября 1837 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Надъ Несторомъ. Множество посѣтителей"; а въ ноябрѣ, того же года, онъ уже имѣлъ возможность читать съ каѳедры своимъ студентамъ слѣдующее: „Такъ, милостивые государи, по всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ, по всѣмъ самымъ мелкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усильнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія лѣтописи и всѣ свидѣтельства посторонніяія, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ наша Исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣнно, что первою нашею лѣтописью мы обязаны Нестору, Кіево-Печерскому монаху XI столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣйшему допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе является предъ глазами всякаго неумытнаго судьи, какъ старый Иродотъ, на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣ-

ній, въ продолженіи вѣковъ. Всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужою чешуею съ нетлѣнныхъ его останковъ. Да, милостивые государи, мы обладаемъ въ Несторовой Лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ Латинская Европа: какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ XI вѣка, возымѣлъ первый мысль предать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство, Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новѣгородѣ и Волыни, Владимірѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностью, правдивостью, и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ Отечеству. Любовь къ Отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху, когда вездѣ господствовала личность, выраженіе о Русской землѣ, когда всякій думалъ только о Кіевскомъ, Черниговскомъ или Дорогобужскомъ княжествѣ, выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго за-живо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душею къ Богу, и удѣляющаго между тѣмъ по нѣскольку минутъ на размышленія о земной своей отчизнѣ—явленія умилительныя! Такъ, милостивые государи, Несторъ есть прекрасный характеръ Русской Исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій Русскій, любящій свое Отечество, ревнующій литературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ по всѣмъ правамъ долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ Русской Литературы, Русскаго просвѣщенія,—тамъ, гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ Кирилла и Меѳодія, которые научили нашихъ предковъ молиться на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа въ священныхъ храмахъ лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ, гдѣ блистаетъ имя Добровскаго, законодателя Славянскаго языка; тамъ гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ Холмогорскаго рыбака, Ломоносова; гдѣ возвы-

шается памятникъ Карамзина, котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ нашего Пушкина... Туда, туда, постановимъ мы... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописца, знаменитаго инока Кіево-Печерскаго Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память, и будемъ молиться ему, чтобы онъ послалъ намъ духа Русской Исторіи, ибо духъ только, друзья мои, животворитъ, а буква, буква умерщвляетъ; мы будемъ молиться ему, чтобы онъ соприсутствовалъ намъ въ нашихъ розысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ Отечественной Исторіи; мы будемъ молить его, чтобы онъ подавалъ намъ собой примѣръ трудиться не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію моего товарища Максимовича: *Азъ грѣшный Несторъ мнiй всѣхъ въ монастырь отца всѣхъ Ѳеодосія*,—трудиться въ духѣ горячей любви къ Отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину".

Занимая каѳедру Русской Исторіи Погодинъ до того увлекался своимъ предметомъ, что задавалъ студентамъ слѣдующія темы: 1) о продолжателяхъ Несторовой Лѣтописи; 2) о степенныхъ, разрядныхъ и родословныхъ книгъ; 3) о грамотахъ, договорахъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ; 4) о спискахъ, изданіяхъ и коментаріяхъ Несторовой Лѣтописи. Студенты же считали эти задачи себѣ не по силамъ и поручили своему товарищу М. А. Стаховичу просить Погодина „освободить ихъ отъ сихъ вопросовъ". Съ своей стороны Стаховичъ замѣтилъ Погодину, что вопросы эти „очень частны, и на нихъ въ такомъ видѣ, какъ поставили ихъ, гг. третье-курснымъ весьма будетъ трудно дать удовлетворительные отвѣты" [41]).

Въ это же время Погодинъ трудился надъ исправленіемъ своего перваго изданія *Начертаніе Русской Исторіи для гимназій*, приготовляя его ко второму, исправленному и умно-

женному изданію, которое въ апрѣлѣ 1837 года и вышло въ свѣтъ. Сознавая недостатки перваго изданія своего учебника, Погодинъ желалъ получить на нихъ указанія; хотя, пишетъ онъ, „шептало мнѣ мое самолюбіе, я имѣлъ право на внимательный строгій судъ, издавая учебную книгу по наукѣ, о которой столько времени сообщалъ публикѣ свои сочиненія. Далѣе—критики наши должны были видѣть, что книга моя не есть какая-нибудь книгопродавческая спекуляція, ибо десять лѣтъ, среди историческихъ трудовъ, не принимался я за нее, несмотря на огромныя выгоды, мнѣ предлагаемыя. Я былъ увѣренъ, какъ увѣренъ и теперь, что въ ней есть недостатки, несоразмѣрности, излишества, недомолвки, кои укрылись отъ моего глаза, приглядѣвшагося къ своему труду, имѣющаго свои точки зрѣнія,—недостатки, очень явственные для чужаго. Я надѣялся тѣмъ болѣе, что книга моя могла быть разобрана не одними учеными, а всякимъ образованнымъ человѣкомъ... Я надѣялся по крайней мѣрѣ, что знакомые мнѣ литераторы-журналисты, по сугубымъ обязанностямъ, скажутъ объ ней свое мнѣніе. Я надѣялся, что гимназическіе учители помогутъ мнѣ своими практическими наблюденіями. Ничего не бывало; ни одного дѣльнаго замѣчанія! Я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ съ письменными просьбами, и получилъ нѣсколько отмѣтокъ отъ митрополита Евгенія и Арцыбашева, потомъ отъ Мороженна и Бодянскаго. Между тѣмъ самъ я увидѣлъ важные недостатки; я постарался исправить ихъ при этомъ второмъ изданіи". Обращаясь къ педагогамъ, Погодинъ проситъ ихъ „разбирать и даже бранить его, кому сколько угодно, лишь бы", продолжаетъ онъ, „только я могъ сіи брани употребить въ дѣло. Учители, надзиратели, инспекторы, слыша мои слова изъ устъ учениковъ при урокахъ, могутъ сообщить мнѣ многія полезныя замѣчанія. Самъ я это узналъ на опытѣ, слышавъ учениковъ одной гимназіи, проходившихъ Исторію Русскую по моей книгѣ... А еслибы духовные, юристы, военные, каждый по своей части, указали мнѣ на ея недостатки!... Иные говорятъ, что книга моя слишкомъ коротка,

суха, а другіе, что она слишкомъ велика... Я знаю, что она суха, и не имѣлъ намѣренія оживлять ее нисколько. Моя книга есть книга учебная, которая проходится въ классѣ, заучивается болѣе или менѣе учениками... Учитель передаетъ ученику знаніе посредствомъ учебной книги, оживляетъ ее, раскрашиваетъ находящійся въ ней очеркъ картины. И потому, учебная книга безъ учителя есть драма неразыгранная актерами, не полное сочиненіе... Другіе говорятъ, что моя книга слишкомъ обширна... Отвѣтъ: ...мы привыкли учить изъ Русской Исторіи только по десяти страницъ, по нѣскольку словъ о Рюрикѣ, Владимірѣ, о Монголахъ, Петрѣ I, въ мѣсяцъ, передъ экзаменомъ. Разумѣется, это легче, но кажется, справедливо, вмѣстѣ съ увеличеніемъ требованій по прочимъ отраслямъ воспитанія, увеличить нѣсколько требованія и въ Русской Исторіи, Исторіи Отечественной, которая должна составлять основаніе нашего гражданскаго воспитанія“ [42]).

Въ то время, когда Погодинъ трудился надъ своимъ учебникомъ, въ надеждѣ, что онъ удовлетворитъ требованіямъ Педагогіи, Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ довелъ до свѣдѣнія Императора Николая I о необходимости составленія для гимназій и вообще для нашихъ среднихъ училищъ учебной книги Русской Исторіи, и всеподданнѣйше представляя программу предполагаемаго руководства, испрашивалъ дозволенія сдѣлать оную извѣстною ученымъ и литераторамъ, съ обѣщаніемъ въ награду отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія десять тысячъ рублей тому изъ нихъ, кто доставитъ сочиненіе въ назначенный срокъ, вполнѣ удовлетворяющее требуемымъ условіямъ. По воспослѣдованіи на сіе Высочайшаго соизволенія, Министръ сдѣлалъ тогда же нужныя распоряженія и отнесъ время представленія сочиненій въ Министерство къ 1 января 1837 года [43]). Графъ С. Г. Строгановъ, получивъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія программу предполагаемаго руководства, поручилъ Погодину ее разсмотрѣть. Вотъ что по поводу этого порученія записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Строгановъ

далъ мнѣ программу Уваровскую для сочиненія Исторіи. Преглупая и подлая. Писалъ замѣчанія на программу. Эти замѣчанія Уваровъ припишетъ, разумѣется, мнѣ, и вотъ непріятности безпрерывныя" [44]). Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Строгановъ офиціально писалъ Погодину: „Министерство Народнаго Просвѣщенія приглашаетъ ученыхъ и писателей къ составленію на Русскомъ языкѣ руководства къ преподаванію Русской Исторіи въ гимназіяхъ. Въ слѣдствіе сношенія моего по сему предмету съ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, я увѣдомлялъ Его Высокопревосходительство, что составленіемъ означенной книги можете заняться ваше высокоблагородіе". Само собою разумѣется, что Погодинъ, печатая *второе, исправленное и умноженное* изданіе своего *Начертанія Русской Исторіи*, расчитывалъ, что оно вполнѣ можетъ служить руководствомъ къ преподаванію Русской Исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись въ его *Дневникѣ*: „Думалъ объ успѣхѣ моей *Исторіи* и тогда... Я показалъ бы имъ, что̀ можно дѣлать для просвѣщенія".

Но въ это самое время, въ Петербургѣ является Устряловъ опаснымъ конкурентомъ Погодина, котораго Коркуновъ еще въ 1836 году предупреждалъ объ этомъ. „Устряловъ", писалъ онъ, „какъ слышно, пишетъ Русскую Исторію, и уже заранѣе кланяется, чтобы ее приняли за учебникъ" [45]). И дѣйствительно, когда второе изданіе учебника Погодина еще не вышло въ свѣтъ, Устряловъ успѣлъ уже первую часть своего учебника представить въ Министерство Народнаго Просвѣщенія „съ изъясненіемъ, что вторая часть выйдетъ въ свѣтъ въ мартѣ 1837 года, а остальныя двѣ изданы будутъ въ томъ же году". Съ своей стороны, Уваровъ призналъ учебникъ Устрялова „болѣе прочихъ, доселѣ изданныхъ по этой части, учебныхъ книгъ соотвѣтствующимъ своей цѣли, а потому приказалъ принять его въ руководство въ гимназіяхъ и дворянскихъ уѣздныхъ училищахъ въ видѣ опыта" [46]). Подобное рѣшеніе весьма естественно огорчило Погодина, и онъ съ горечью записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Выправлялъ Русскую

Исторію. Прочелъ Устряловскую. Вся почти дрянь и напичканная моими вещами. Терпѣнія уже не достаетъ“ [47]).

Между тѣмъ, учебникъ Погодина подвергся поруганію. Въ *Сѣверной Пчелѣ* появился разборъ, въ которомъ критикъ нападаетъ на общій планъ учебника и говоритъ: „Разсматривая оный, мы находимъ, что о важныхъ и рѣшительныхъ событіяхъ авторъ обыкновенно говоритъ слегка, иногда вовсе не упоминаетъ, о предметахъ менѣе замѣчательныхъ распространяется. Подробно описываетъ наружный видъ Святослава, и едва мимоходомъ говоритъ о соединеніи Западной Руси съ Польшей, о такомъ событіи, которое дало рѣшительное направленіе судьбѣ нашего Отечества“. Критикъ находитъ неудовлетворительнымъ и самый методъ изложенія и говоритъ, что Погодинъ пишетъ „не исторію, а лѣтопись, и ведетъ факты одинъ за другимъ, не связывая ихъ никакой нитью, кромѣ хронологической, не давая имъ ни значенія, ни колорита, такъ, что въ умѣ ученика остается безотчетный наборъ многочисленныхъ случаевъ, безъ начала и конца“. Однимъ словомъ, критикъ находитъ, что изложенные имъ недостатки учебника „не выкупаются ни точностью фактовъ, ни даже красотами слога. Весьма во многихъ мѣстахъ встрѣчаются ошибки противъ Географіи, Хронологіи, Генеалогіи, исторической истины“. Но за Погодина заступились въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, и тамъ появилась критика на учебникъ Русской Исторіи Устрялова, подписанная кандидатомъ Михайловымъ. Критикъ взялъ на себя трудъ точно означить всѣ заимствованія, которыя Устряловъ сдѣлалъ изъ сочиненій Погодина по Русской Исторіи. Сдѣлавъ эти указанія, критикъ говоритъ: „Довольно ли моихъ юридическихъ доказательствъ, и приметъ ли ихъ совѣстный судъ литературный во всей силѣ. Впрочемъ я увѣренъ, что дѣло и не дойдетъ до него, т.-е., что самъ Устряловъ подтвердитъ мои показанія. Да не скажутъ, что предложенныя положенія историческія суть общее достояніе. Нѣтъ! Онѣ принадлежатъ исключительно Погодину, какъ напримѣръ, *о прежней независимости отъ Поляковъ Червенскихъ*

городовъ, о маіоратѣ, усиліешемъ Московскихъ князей, о важности начала государства и причинахъ ея, о различіи нашихъ городовъ отъ западныхъ. Эта принадлежность, по законамъ о литературномъ владѣніи, дожна быть непремѣнно замѣчаема, на что единственно я и претендую". Не смотря на это, критика *Сѣверной Пчелы* имѣла авторитетное значеніе для *Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія Русской Исторіи, изданной г. профессоромъ Погодинымъ.* Бередниковъ въ своемъ донесеніи этому Комитету писалъ: „Разсмотрѣвъ книгу г. профессора Погодина я нахожу, что она имѣетъ значительныя погрѣшности, какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Планъ и языкъ этой книги оцѣнены въ критической статьѣ, напечатанной въ *Сѣверной Пчелѣ* № 235. Изъ представляемой при семъ Записки Комитетъ благоволитъ усмотрѣть недостатки ея собственно въ историческомъ смыслѣ. Какъ *Русская Исторія* г. профессора Погодина, сверхъ того, не соотвѣтствуетъ правиламъ, изложеннымъ въ программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о составленіи руководства къ преподаванію Русской Исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то этимъ, по моему мнѣнію, удовлетворительно рѣшится вопросъ, можно ли книгу г. Погодина употреблять для преподаванія въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа".

Комитетъ этотъ, коего членами были Кругъ, Шульгинъ и Бередниковъ, положилъ: „*Начертаніе Русской Исторіи*, въ настоящемъ своемъ видѣ, не можетъ быть употребляемо, какъ учебное руководство въ гимназіяхъ. Но многочисленныя и полезныя труды автора по Русской Исторіи, указавшіе ему давно уже мѣсто между знатоками Исторіи Отечественной, могутъ служить ручательствомъ, что онъ исправитъ недостатки своего сочиненія и вообще дастъ ему лучшую отдѣлку. Тогда оно можетъ сдѣлаться весьма полезною книгою". Въ тоже время графъ С. Г. Строгановъ увѣдомилъ Погодина, что его *Начертаніе Русской Исторіи,* представленное въ Академію Наукъ для соисканія Демидовской преміи, было „не удостоено" означенной преміи.

Эта неудача повергла Погодина въ отчаяніе и о тогдашнемъ настроеніи его духа всего лучше можно судить изъ слѣдующихъ записей его *Дневника*:

Подъ *3 ноября*. „Смѣло сказать я могу, что написалъ много вещей прекрасныхъ. *Habent sua fata libelli.* Даже друзья не читаютъ меня и не много людей, которые цѣнятъ".

Подъ *19 ноября—31 декабря*. „Первая половина этого времени непріятное расположеніе духа при мысли, что меня не понимаютъ, не употребляютъ въ дѣло. Я могъ бы сдѣлать много къ пользѣ и славѣ Отечества. Удерживался благочестивыми размышленіями отъ ропота. Ничто не удается! А какъ хотѣлось мнѣ помочъ Шафарику, Коляру! Терпѣніе!"

Но отчаяніе не на долго овладѣло душою Погодина и онъ, по обычаю, сталъ мечтать объ уединеніи, о самоусовершенствованіи. „Ты все пишешь объ уединеніи", читаемъ въ письмѣ къ нему Загряжскаго, „оно полезно человѣку, когда онъ къ нему готовъ, т.-е. когда уединяется не по своей, а по Божьей волѣ. Въ противномъ случаѣ, оно гибельно". Въ это же время ему приходитъ мысль приняться за *Простую рѣчь о мудреныхъ вещахъ* и онъ бесѣдуетъ съ Кавелинымъ и Стаховичемъ, тогда еще студентами, „о явленіяхъ міра невидимаго". Мысль же о самоусовершенствованіи никогда не покидала Погодина. Свидѣтельствомъ сему можетъ служить его *Дневникъ*, въ которомъ читаемъ: „Думалъ о молитвѣ и исправленіи, враголюбіи. Ходилъ гулять около Дѣвичья монастыря и молился объ изгнаніи духа корыстолюбія. Работалъ надъ самолюбіемъ и принесъ нѣсколько жертвъ. Молился, сосредоточивался, низходилъ отъ головы къ сердцу и умолкалъ, но все еще понемногу, ибо дѣла міра сего, изданія, сочиненія, отвлекаютъ".

Однажды, обѣдая у Д. В. Давыдова и слушая его разсказы о войнѣ 1812 года, Кутузовѣ, Наполеонѣ, Пушкинѣ, Погодинъ думалъ, какъ бы „грянуть въ этихъ господъ дѣломъ, которое бы имъ показало...." Но останавливается при этихъ словахъ съ упрекомъ себѣ: „Вотъ она гордость и самолюбіе, а молюсь о смиреніи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „съ прискорбіемъ

сердечнымъ“ Погодинъ вспоминалъ о Марлинскомъ, который „бросился на первую смерть, услышавъ, что ему не бывать въ Россіи“ и поэтому поводу замѣчаетъ: „Вотъ она любовь къ Отечеству, сокровенная, тайная, но дѣйственная. Мы не любимъ то лице и другое, то не нравится намъ и другое, но все вмѣстѣ, *Россія* намъ любезна“ [48]).

V.

Счастливый конкурентъ Погодина—Устряловъ, не вдаваясь ни въ какую метафизику, еще въ концѣ 1836 года напечаталъ разсужденіе, написанное на степень доктора философіи, подъ заглавіемъ: *О системѣ прагматической Русской Исторіи* (Спб. 1836). Погодинъ прочитавъ эту брошюру отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ Устрялова и все еще не рѣшаюсь разбирать его. Не лучше-ли презрѣть всѣхъ этихъ п.......“ [49]).

Разсужденіе Устрялова своимъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ Карамзину до глубины души возмутило и Пушкина и князя П. А. Вяземскаго. „Къ стыду классическаго ученія“, писалъ князь Вяземскій, „коего Университетъ долженъ быть стражемъ, Устряловъ не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полеваго: стройное твореніе одного и хаотическій недоносокъ другаго!.. Послѣ подобнаго соблазна, какую довѣренность могутъ имѣть благомыслящіе родители къ университетскому преподаванію! Съ какимъ чувствомъ будутъ они посылать сыновей учиться Русской Исторіи, въ университетъ въ которомъ Устряловъ занимаетъ каѳедру Русской Исторіи“ [50]). Брошюра Устрялова возбудила также негодованіе и Краевскаго, который писалъ Погодину: „книжица непотребная и пустозвонная; о ней молчать нельзя, тѣмъ болѣе что она пойдетъ по молодымъ головамъ. Я приличій офиціальныхъ не знаю, хоть и живу въ Петербургѣ. Впрочемъ думаю составить критику безстрастную, чисто юридическую: исчислить только всѣ нелѣпости пресловутаго историка“; а Коркуновъ писалъ Погодину:

„я было, еще при жизни Пушкина, написалъ разборъ Устряловской брошюры, но такъ какъ теперь *Современникъ* не принимаетъ критики, то моя статья положится во многимъ другимъ таковымъ-же". Иное писалъ Никитенко Погодину: „Устряловъ защищалъ недавно диссертацію на степень доктора. Ему усильно досталось особенно за Карамзина. Скоро ли у насъ будутъ спорить за идею, а не за выгоды или лица?" [51]).

Но все это не помѣшало Устрялову, какъ мы уже видѣли. ввести свой Учебникъ Русской Исторіи въ руководство учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Въ то время когда Погодинъ испытывалъ столько непріятностей отъ своего *Начертанія Русской Исторіи для гимназій*, Максимовичъ въ Кіевѣ выпускаетъ въ свѣтъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Откуда идетъ Русская Земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ* (Кіевъ 1837), и посвящаетъ *памяти Ломоносова*. Такимъ образомъ, въ этомъ сочиненіи Максимовичъ является защитникомъ, согласно Ломоносову, мнѣнія о происхожденіи Варяговъ отъ Славянъ и представителемъ Славянской школы, главною заслугою которой К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ то, что она отдѣляетъ Русь отъ Варяговъ и считаетъ Русь исконнымъ названіемъ Руси Южной, что очень хорошо объясняетъ постоянное сохраненіе имени Руси за Русью Кіевскою [52]).

Не смотря на разногласіе по этому вопросу съ своимъ другомъ Погодинымъ, Максимовичъ посылаетъ ему свое сочиненіе и пишетъ: „Христосъ Воскресе! Посылаю тебѣ мою книжку *о Руси*,—тебѣ въ особенности желаю представить ее и отъ тебя прошу разбора ей въ *Наблюдателѣ*,—зная твою ученую вѣротерпимость мнѣній, какую показалъ ты распространеніемъ Эверщины и Венелевщины со всѣмъ противоположнымъ твоему мнѣнію. Ты увидишь, что я писалъ отъ пол-

*) Въ нашей библіотекѣ имѣется экземпляръ этого разсужденія Устрялова съ замѣтками на поляхъ К. С. Сербиновича. Стр. 3. *Россія еще не имѣетъ своей Исторіи*. Эта строка вызвала слѣдующую замѣтку Сербиновича: „Мысль утѣшительная для всякаго, кто не чувствуетъ въ себѣ силъ ее написать".

ноты душевной, такого же и желалъ бы разбора, и отъ тебя именно". Вслѣдъ за симъ, Максимовичъ, посылая Погодину цѣлый тюкъ своей книги, выражаетъ желаніе: „да идетъ моя Русская земля въ Москвѣ Бѣлокаменной, да разойдется скорѣе посылаемый ея *сорокъ* по Русскому сердцу: распусти его между своими учениками и да не отпадетъ отъ пріязни твоей преданный тебѣ Максимовичъ" [53]).

Въ этомъ своемъ сочиненіи Максимовичъ представилъ изслѣдованіе о Руссахъ и Варягахъ въ нашемъ Отечествѣ, по сказанію объ нихъ преподобнаго Нестора, которое онъ старался согласовать съ другими нашими, особенно древними писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо по его изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX вѣка не видно мысли, чтобы Руссы были Скандинавы. Такимъ образомъ, первый отдѣлъ этого сочиненія трактуетъ *о Руссахъ и Варягахъ* (стр. 6—54). За симъ слѣдуетъ *Послѣсловіе* о разнообразіи и единствѣ мнѣній относительно происхожденіи Руси (стр. 55—69). Здѣсь Максимовичъ выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль: „Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской Лѣтописи я называю *историческимъ мнѣніемъ*, также, какъ и умозаключенія ученыхъ критиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ! — Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не антикварій кабинетный только, но и келейный писецъ; что иногда въ преданіи народномъ затаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ ученаго; — и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ простомъ плодоносномъ цвѣткѣ больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ расписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! *Не только свѣта, что въ окнѣ*, говоритъ Украинская пословица".

За симъ авторъ представляетъ *Опытъ предварительной гипотезы о первобытной и древнѣйшей Руси до временъ Рюрика и Аскольда* (стр. 69—80) „Пусть каждый изслѣдователь Русскаго Бытописанія“, говоритъ Максимовичъ въ заключеніи своего Опыта, „помнитъ о той ясной, живой положительности, съ какою писана древняя Русская Лѣтопись, — о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ преподобный отецъ Бытописанія Русскаго. *Азъ грешный Несторъ мнiй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго Отца всѣхъ Θеодосія.* Но умственный трудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ познанія о древней Руси, и навсегда останется многоцѣннымъ, несокрушимымъ памятникомъ нашего Бытописанія и Словесности,—какъ тѣлѣсные останки безсмертнаго инока почиваютъ нетлѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ святой колыбели Бытописанія Русскаго!“

Наконецъ книгу свою Максимовичъ заключаетъ *Общимъ примѣчаніемъ* [54]).

Петербургскіе критики очень недружелюбно встрѣтили это сочиненіе Максимовича, который по этому поводу писалъ Погодину: „Ты видѣлъ въ *Сынѣ Отечества* какъ разхорохорились на меня!,—да и *Библіотека* съ *Пчелкою* поёрничали мастерски, ухватясь за *гипотезу* только, которую самъ я предложилъ болѣе какъ ученую сатиру на критиковъ-систематиковъ, особенно молодыхъ и зеленыхъ“. Да и самъ Погодинъ, какъ представитель Норманской школы, не могъ особенно сочувствовать защитнику Ломоносовскаго взгляда. „Пусть и не согласенъ со мною ты,“ писалъ ему Максимовичъ, „но, братъ любезный, пора сказать твое мнѣніе ученое, когда ни одинъ журналъ не далъ ничего, кромѣ обычныхъ имъ бранчливыхъ статеекъ... Въ своей *Исторіи*, въ примѣчаніи, ты порадовалъ меня возвращеніемъ къ Ломоносовскому мнѣнію о Варягахъ вообще и, кажется, за это спасибо Шафарику... Но послѣ того недалеко ужъ и до *Михайловской истины*, что

Русь была Норманы-Славянскаго племени. Неужели трехъ Русскихъ Михаиловъ недостаточно бы было замѣнить авторитетъ какого нибудь великаго Шлецера и Шафарика, и неужели намъ нельзя обходиться безъ этихъ авторитетовъ и развивать самимъ собою зерна Ломоносовымъ—Михаиломъ Ломоносовымъ посѣянныя! Вѣдь Перевощиковъ не въ шутку же показалъ, каковъ онъ физикъ; неужели въ моихъ о немъ сужденіяхъ, какъ объ историкѣ, не находишь ты нисколько правды, неужели мои соображенія о Несторовыхъ Руссахъ на западѣ и у насъ, о Руссахъ въ Кіевѣ и Варягахъ не Русскихъ въ Новгородѣ, ты не признаешь нисколько правды, и *Послѣсловіе* мое при всемъ своемъ полемическомъ тонѣ и метафорическомъ видѣ въ тебѣ не пробудитъ нисколько сочувствія, и *общее примѣчаніе* мое не понравится? Неужели наконецъ ты не сказалъ мнѣ спасибо и за Скептиковъ?" [55]).

Долго пришлось Максимовичу ожидать отъ Погодина и отвѣта на свои письма и печатнаго отзыва о своемъ сочиненіи. Лишь въ началѣ 1838 года Погодинъ откликнулся: „О Норманахъ „Славянскаго племени", писалъ онъ, „я колебался нѣсколько времени, но нѣтъ, нѣтъ—братъ! Они были не Славяне. А жалко. Хотѣлось-бы. И вотъ что еще: за Голштинію Рюрика говорила мнѣ Голштинія Петра III. Я вижу въ Исторіи часто такія возвращенія, новыя изданія, и люблю надъ ними задумываться, вмѣстѣ при мысляхъ, твоихъ и Щуровскаго, изъ Естественной Исторіи; но нѣтъ, нѣтъ! То были *не* Славяне. Правда есть въ твоихъ соображеніяхъ, но не правда. *Послѣсловіе* твое я прочелъ тогда-же студентамъ. Оно очень, очень мило и умно. Я радуюсь вообще на твои работы. Все мы же! А молодые?.. О Скептикахъ какого спасиба ты хочешь отъ меня? Не даю никакого. Это такіе невѣжды пѣтые, о которыхъ стыдно упоминать даже, не только что честить ихъ Скептиками. Чѣмъ больше я занимаюсь, тѣмъ гаже они, да кто-же они? Тѣмъ гаже оно становится мнѣ, и мнѣ хочется только позабыть о немъ совершенно, объ этомъ гнусномъ насморкѣ. О книгѣ напишу". И дѣйствительно Погодинъ началъ писать разборъ

книги Максимовича одновременно съ ея выходомъ въ свѣтъ, т.-е. въ 1837 году, но напечаталъ его только въ 1841 году. „Какъ ночью, въ темномъ Кіевскомъ лѣсу", начинаетъ онъ свой разборъ, „гдѣ безпрестанно то перебѣжитъ тебѣ дорогу лѣшій, то ущипнетъ, царапнетъ какой-нибудь шишимора, выскочивъ изъ-за кустовъ, то на плеча взвалится домовой, то камнемъ сверху швырнетъ бука, когда не знаешь ты, гдѣ укрыть голову отъ этой докучливой ватаги злыхъ духовъ, видимыхъ и невидимыхъ, когда и досадно тебѣ, и горько, и жутко,—и вдругъ пахнетъ на тебя *Русскимъ* духомъ, послышится издали походка крещенаго человѣка,—съ такимъ ощущеніемъ прочелъ я твое разсужденіе: *Откуда идетъ Русская земля*, послѣ всей саранчи этихъ безтолковыхъ диссертацій, пошлыхъ исторій, поверхностныхъ рецензій, пустыхъ мнѣній и пустѣйшихъ сомнѣній, которыя каменнымъ дождемъ льются надъ нашею историческою сирою литературою, гдѣ всякій невѣжа, неучъ, всякой тупица, или верхоглядъ, осмѣливается лепетать о священной Русской Исторіи, во имя высшей критики,— то есть высшей въ сравненіи съ его ученымъ ростомъ. Читая твое изслѣдованіе, я живо переносился къ лѣтамъ нашего кандидатства, и видѣлъ автора диссертаціи *О системахъ растительнаго царства*, прикладывающаго свое ученіе объ Исторіи Ботаники къ Исторіи исторической критики: тамъ говорилъ ты намъ, что система Турнефорта, Жюсье, Линнея, суть только частныя системы, имѣющія въ себѣ, каждая порознь, свою истинную сторону, и составляющія одну великую систему, которая развивается ими по частямъ" [56]).

Общая пріязнь связывала Погодина и Максимовича съ Иннокентіемъ и Надеждинымъ. Въ это время Погодинъ имѣлъ утѣшеніе видѣться съ Иннокентіемъ въ Москвѣ.

Еще 3 октября 1836 года, по именному указу, данному Св. Сѵноду, Иннокентію Всемилостивѣйше повелѣно быть викаріемъ Кіевской епархіи. Для рукоположенія въ епископскій санъ Иннокентій долженъ былъ отправиться въ Петербургъ и пробыть тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ [57]). Объ отъѣздѣ Инно-

кентія изъ Кіева, Максимовичъ писалъ Погодину: „Иннокентій тебѣ кланяется и въ возвратный путь изъ Петербурга, куда поѣхалъ, будетъ видѣться съ тобою“ [58]).

При нареченіи своемъ во епископа, Иннокентій предъ членами Св. Сѵнода сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Ты самъ, Господи, зрѣлъ и зришь, что я имѣлъ и имѣю въ виду не златое сѣдалище пастыреначальства, а крестъ и гробъ Твой Святый; что мысли мои какъ доселѣ привитали, такъ и отселѣ будутъ привитать тамъ, гдѣ Ты положилъ за всѣхъ насъ душу Свою. Если вопреки желанію быть поклонникомъ гроба Христова, я содѣлываюсь теперь пастыремъ стада Христова: то меня побуждаютъ вступить на иной путь сей не перемѣна прежнихъ мыслей и намѣренія, не виды плоти и крови, а... мысль, что путь всякаго христіанскаго пастыря, гдѣ бы не пролегалъ онъ, если идетъ вѣрно, то ведетъ прямо къ Іерусалиму небесному, и что самый жезлъ, который воспріиму я, можетъ быть жезломъ не только благочестиваго пастыря, но и благочестиваго странника“ [59]).

21 ноября, въ день Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, Иннокентій былъ рукоположенъ во епископа Чигиринскаго въ Казанскомъ Соборѣ [60]). Уже будучи облеченъ въ санъ епископа, Иннокентій писалъ Максимовичу изъ Петербурга: „Принятъ я, какъ нельзя лучше; только это *лучше* повлекло за собою медленность въ моемъ возвратѣ. А мнѣ, признаюсь, ничего такъ не хочется, какъ поскорѣе изъ здѣшней суеты порхнуть въ прежнее уединеніе“ [61]).

10 января 1837 года, Погодинъ получаетъ отъ Иннокентія извѣщеніе о его прибытіи въ Москву. Разумѣется, Погодинъ тотчасъ же къ нему отправился; но не засталъ Преосвященнаго дома. Въ этотъ день Погодинъ слушалъ обѣдню на Саввинскомъ подворьѣ, которую совершалъ епископъ Дмитровскій Исидоръ *) и отозвался „прекрасная служба“. Послѣ обѣдни онъ посѣтилъ Преосвященнаго Исидора и записалъ въ

*) Нынѣ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій.

своемъ *Дневникѣ*, „Довольно занимательный разговоръ о Черногоріи. Встрѣтилъ К. Ѳ. Муравьеву и засвидѣтельствовалъ ей свое почтеніе. Встрѣтилъ двухъ архимандритовъ грековъ и вообразилъ древнихъ гостей Греческихъ“.

Въ Татьянинъ день Погодинъ отправился къ Иннокентію и пригласилъ его на праздникъ въ Университетъ. „Показывалъ ему“, пишетъ Погодинъ, „Университетъ. Его разговоръ очень живъ и уменъ. Послѣ обѣдни опять къ нему, намѣревались на Обсерваторію, но темно. Пойдемте со мною въ одно мѣсто, сказалъ онъ. Пожалуй, и пріѣхали ко мнѣ. Просидѣлъ вечеръ и разсказывалъ о Филаретѣ, о себѣ, намѣреніяхъ и пр.“ [62]).

Ѳ. В. Самаринъ будучи поклонникомъ твореній Иннокентія, писалъ Погодину: „Я на этихъ дняхъ читалъ произведенія нашего знаменитаго духовнаго писателя Иннокентія. Мнѣ сказывали, что вы съ нимъ видѣлись недавно,—позавидовалъ я вамъ“ [63]).

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Кіевъ, Иннокентій обѣщалъ Погодину „дать Московскому Университету философа“ [64]); при этомъ преосвященный имѣлъ въ виду проживавшаго въ Кіевѣ магистра Московскаго Университета Илью Ѳедоровича Гриневича, который съ 1821 до 1825 года былъ профессоромъ Латинской и Русской Словесности, а также Законовѣдѣнія и Политической Экономіи въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ. Въ Литературѣ нашей Гриневичъ извѣстенъ своими переводами изъ Цицерона: *О естествѣ боговъ* (Харьковъ. 1816 г.) и первой рѣчи Цицерона противъ Люція Сергія Катилины (Харьковъ. 1817), а также книгою, подъ заглавіемъ: *Жизнь древнихъ Римлянъ* (Одесса. 1846). Проживая въ Кіевѣ, Гриневичъ имѣлъ счастіе снискать себѣ благорасположеніе преосвященнаго Иннокентія, который писалъ о немъ Погодину: „У васъ ищутъ преподавателя Философіи. А здѣсь живетъ праздно нѣкто Гриневичъ. Человѣкъ знающій и благомыслящій, и нуждающійся въ должности. Не явиться ли ему къ вамъ? Онъ магистръ, но стоитъ доктора“. Самъ же Гриневичъ написалъ слѣдующее письмо къ Погодину: „Я же-

лалъ-бы остатокъ дней моихъ окончить въ сердцѣ Россіи. А какъ у васъ оказывается вакантною каѳедра Философіи, то покорнѣйше прошу вашего покровительства о предложеніи меня на оную, какъ стараго профессора. Я знаю, что на сію каѳедру приглашается Авсеневъ; но онъ еще не держалъ докторскаго экзамена; а я таковый по Философіи выдержалъ въ 1815 году. Явите въ семъ случаѣ ученое правосудіе. Я двадцать лѣтъ служу профессоромъ Латинской и Россійской Риторики; слѣдовательно, питомецъ Тацита и ему подобныхъ".

Но графъ С. Г. Строгановъ замѣстилъ каѳедру Философіи профессоромъ Московской Семинаріи Иваномъ Матвѣевичемъ Терновскимъ-Платоновымъ [65]).

Когда объ этомъ назначеніи узналъ Иннокентій, то писалъ Погодину изъ Кіева: „Философія ваша, какъ видно изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, получила преподавателя. Тѣмъ не менѣе отъ насъ поѣхало къ вамъ два философа... Впрочемъ они отправились собственно для прогулки. Офиціальной претензіи у нихъ на вашу каѳедру нѣтъ. Не оставьте ихъ вашимъ покровительствомъ въ Москвѣ". Эти два Кіевскіе философа, предпринявшіе путешествіе въ Москву, были П. С. Авсеневъ, въ послѣдствіи архимандритъ Ѳеофанъ и І. Г. Михневичъ. Погодинъ принялъ ихъ очень гостепріимно, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника* 1837 года:

Подъ *17 августа.* Пріѣхали баккалавры Кіевскіе. Объ Академіи. И Иннокентіемъ много недовольны. Кѣмъ-же довольны?

Подъ *21 августа.* Съ баккалаврами о Философіи.

Подъ *25 августа.* Возилъ философовъ въ клубъ. Одному сдѣлалось тошно и я побоялся. Простился съ ними.

По возвращеніи въ Кіевъ одинъ изъ нихъ, а именно Авсеневъ писалъ Погодину: „Разставшись съ вами, мы, съ пріятными воспоминаніями о вашемъ радушномъ пріемѣ и благорасположеніи къ намъ вашихъ почтенныхъ товарищей, хотя большею частію подъ дождемъ и по дурной дорогѣ, ѣхали

однако благополучно и прибыли въ Кіевъ рано утромъ 2 сентября. На другой день разнесли ваши поклоны и посылки. Были и у Иннокентія".

VI.

Еще изъ Петербурга, Преосвященный Иннокентій съ грустью писалъ Максимовичу: „Отсюда думаю ѣхать чрезъ Москву. Но, тамъ уже нѣтъ одного изъ знакомыхъ моихъ и вашихъ... Жаль, истинно жаль. Это навожденіе злаго духа. Кто могъ предвидѣть его?". Здѣсь Преосвященный разумѣлъ Надеждина, который, какъ мы уже знаемъ сосланъ былъ въ Устьсысольскъ и пребывалъ въ это время, по его собственному выраженью, „въ Лукоморьѣ, среди Югры, языка нѣма". Надеждину запретили издавать журналъ, сослали его, но не запретили ему писать и печатать. Вотъ что писалъ о своихъ занятіяхъ самъ Надеждинъ Погодину: „Ты хочешь знать о моихъ занятіяхъ. О! на этотъ разъ я скажу тебѣ Евангельское слово: „отъ избытка сердца уста глаголютъ". Больше чувствую, чѣмъ думаю; больше думаю, чѣмъ пишу. Работаю почти исключительно для *Лексикона*. Это дробная копотливая работа, больше сообразна съ нынѣшнимъ состояніемъ моей души. Можетъ быть въ числѣ идей, мелькающихъ въ головѣ, нашлись бы и достойныя обработки. Все это предоставляю лучшему времени. Но не жди отъ меня, чего ты ждалъ всегда. Совершившаяся со мною катастрофа дала мнѣ совсѣмъ другое направленіе. Теперь я рѣшительно живу въ прошедшемъ. Не думай однако, чтобы я сошелся съ тобою на одной дорогѣ. И ты тоже разработываешь прошедшее, но съ другой точки зрѣнія. Я поучаюсь исключительно въ лѣтахъ древнихъ мысли и вѣры—вѣры въ особенности! Для меня высшая исторія человѣчества сосредоточивается въ исторіи религіи, въ исторіи церкви. Всѣ наши бѣдствія и личныя и общественныя—происходятъ отъ охлажденія религіознаго энтузіазма, отъ пресмыкательства по землѣ, отъ преступнаго забвенія о томъ, что

наша здѣшняя жизнь есть приготовленіе къ небу, соединеніе съ которымъ, производимое религіею—religio,—должно здѣсь еще начинаться. Намъ особенно надо поддержать имя *Святой, православной Руси*, которое завѣщали намъ наши старики“ [66]). Замѣчательно, что година его испытанія (1836—1838) была едвали не самая дѣятельная въ жизни его. Изъ Усть-сысольска было доставлено имъ для *Энциклопедическаго Лексикона* около ста статей на букву *В*. Статьи эти весьма разнообразны. Они относятся къ Исторіи церковной и гражданской, Русской, Древней и Новѣйшей, къ Географіи, Философіи и Эстетикѣ. Кромѣ того въ *Библіотекѣ для Чтенія* и въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1837 года напечатано имъ рядъ замѣчательныхъ статей, а именно: объ Историческихъ трудахъ въ Россіи, опытъ Исторической географіи Русскаго міра, объ Исторической истинѣ и достовѣрности, съ чего должно начинать Исторію, очеркъ Швейцаріи. Статьи эти не ускользнули отъ вниманія Шафарика, который писалъ Погодину: „Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я статью Надеждина *объ Историческихъ трудахъ въ Россіи*. Нельзя ли вамъ и вашимъ знакомымъ дѣлать особые оттиски подобныхъ журнальныхъ статей“ [67]). Эта же статья плѣнила юнаго питомца Училища Правовѣдѣнія Калайдовича, сына знаменитаго Константина Өедоровича. „Читая въ *Библіотекѣ для Чтенія*“, писалъ онъ Погодину, „статью Н. И. Надеждина: *объ Историческихъ трудахъ въ Россіи*, увлеченный его энтузіазмомъ, я не спалъ цѣлую ночь, перемѣнилъ предубѣжденіе (противъ Русской Исторіи) на страсть и рѣшился посвятить себя Исторіи. Я сталъ рыться въ папинькиной библіотекѣ и съ удовольствіемъ видѣлъ въ ней средства для первоначальнаго образованія по этой части“.

Самъ же авторъ этихъ превосходныхъ статей, живя „среди Югры, языка нѣма“ не прерывалъ сношеній своихъ съ друзьями и отводилъ душу свою въ письмахъ къ нимъ. „Спасибо, братъ и другъ“, писалъ онъ Погодину изъ Великаго Устюга, „что ты хоть и поздо, но все вспомнилъ меня въ дальнемъ, пе-

чальномъ изгнаніи... Сладко видѣть знаки дружбы, выдерживающіе огненную пробу несчастія. Латинская пословица: amicus certus in re incerta cernitur. Впрочемъ я въ тебѣ никогда не сомнѣвался.—Ты все твердишь о Платонѣ, о Лейбницѣ, и пр. До нихъ ли мнѣ теперь? Не подумай, чтобы я упалъ духомъ до неспособности заниматься. О нѣтъ! Душа моя желѣзная. Я изнемогаю только тѣломъ. Но есть другія причины, которыхъ вы счастливцы не знаете. Чтобы сдѣлать что-нибудь большое, важное, вѣковѣчное—надо работать съ жаромъ, съ одушевленіемъ. А тамъ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ замерзаетъ ртуть, гдѣ на разстояніи тысячи верстъ нѣтъ души живой—мудрено имѣть жаръ и одушевленіе. Я способенъ только къ механическимъ занятіямъ, которыя служатъ мнѣ въ родѣ душевнаго моціона. Вотъ почему я трачу и утро и вечеръ на пустословіе, которое ты совѣтуешь мнѣ предоставлять на послѣобѣденное время. При томъ, ты и самъ понимаешь очень хорошо смыслъ этихъ занятій, называя ихъ базарными. Да! мнѣ надо еще нѣсколько времени работать по найму, по заказу, чтобы срыть съ шеи долги, которые не хочу чтобы оставались на моей памяти. Къ числу моихъ неудовлетворенныхъ кредиторовъ принадлежишь, кажется, и ты, надо расплатиться и съ тобою. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство скоро, думаю, уничтожится. Д. М. Княжевичъ пишетъ мнѣ, что почти выработалъ все, что долженъ. Какъ скоро я сброшу съ себя эту тяжесть, мнѣ будетъ легче. Тогда я не буду, по крайней мѣрѣ, торговать собою. Но не ожидай, чтобы это привело меня въ состояніе взяться за важнѣйшую работу. На душѣ столько еще останется тяги, что силъ не достанетъ управиться съ ней—и не въ Устьсысольскѣ... Нѣтъ, любезный мой Михаилъ Петровичъ! я чувствую, что моя внѣшняя жизнь кончилась... Отнынѣ я пересталъ существовать для настоящаго и будущаго. Все прошло, и прошло невозвратно. Вы дѣйствуйте — трудитесь — приносите пользу — запасайте себѣ славу и благодарность; я едва ли долго сохраню способность принимать серд-

цемъ участіе въ вашихъ подвигахъ. *Вамъ подобаетъ расти, мнѣ же малитися.* Говорю это не въ порывѣ отчаянія. — Я такъ привыкъ къ моему положенію, что могу разсуждать объ немъ безпристрастно, хладнокровно.—По той же самой причинѣ, я нахожусь теперь въ совершенномъ равнодушіи ко всему, что было, что могло быть причиною моего несчастья. Ты говоришь мнѣ, чтобы я ни кого не винилъ ни на кого не сѣтовалъ. Я давно исполняю совѣтъ твой—и не вмѣняю себѣ этого въ честь, въ заслугу. Винить мнѣ дѣйствительно не кого. Однако скажу тебѣ, что мнѣ было нѣсколько больно, когда я узналъ о дурномъ отзывѣ обо мнѣ графа Строганова въ Петербургѣ. За что этотъ человѣкъ противъ меня,—этотъ человѣкъ, которому я ничего не сдѣлалъ. Впрочемъ теперь успокоился я и на этотъ счетъ. *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще,* говоритъ Спаситель. Графъ расплатился этимъ со мной за то чувство, которое онъ возбудилъ во мнѣ съ перваго разу, когда я его узналъ; разница только въ томъ, что я не говорилъ объ немъ ничего дурного. Но отъ этого я же въ выигрышѣ передъ судомъ совѣсти. Теперь мы съ нимъ квиты! *) Что же сказать тебѣ еще? Право, не нахожу ничего. Состояніе души моей ты долженъ хорошо знать самъ.—Внѣшнія обстоятельства такъ однообразны; на нихъ одинъ цвѣтъ, одинъ штемпель. -- Ты говоришь, что я очень счастливъ дружбою такихъ людей какъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, Николай Петровичъ и Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковы. Это правда; и я чувствую всю цѣну этого счастія. Скажу болѣе, только это чувство и даетъ мнѣ способность выносить пока тягость моего существованія. За то, съ другой стороны, увѣренность въ счастіи быть любимымъ не отравляетъ ли новою, ядовитою горечью—это бѣдное въ прахъ разбитое существованіе. Да, любезный мой Михаилъ Петровичъ! если тяжко страдать одному, про себя, то не въ тысячу ли разъ тягостнѣе чувствовать свои страданія раздѣленными—и какъ

*) *См. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1891 IV, 388.*

раздѣленными? Но довольно. Sapienti sat! Кстати, ты изъявляешь сожалѣніе, зачѣмъ я не объяснилъ мои семейственныя отношенія въ то время, какъ рѣшалась судьба моя. Чудакъ ты, право, большой. Какъ же ты до сихъ поръ не умѣешь понять всю святость этой тайны, составляющей всю жизнь—и мнѣ давать ей такое употребленіе—пускать ее въ ходъ, какъ pièce justificative, какъ документъ судебный?.. Положимъ, тайна эта уже не тайна; она сдѣлалась достояніемъ молвы—даже злорѣчія, клеветы. Но это сдѣлалось безъ моего участія.—По крайней мѣрѣ, я чистъ передъ самимъ собою, чистъ... и передъ Богомъ. И не осквернилъ этого безцѣннаго сокровища души моей, которое сверхъ того принадлежитъ не мнѣ одному... Спасибо, что ты сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Москвѣ, о литературѣ... Всего этого я не зналъ и не имѣю случаевъ знать. Единственный мой корреспондентъ Дмитрій Максимовичъ бесѣдуетъ со мной только обо мнѣ, другихъ мелочей ему и знать некогда, не только писать. А между тѣмъ и эти мелочи имѣютъ для меня нѣкоторый интересъ по воспоминанію. Ты очень одолжишь меня, если временами будешь продолжать эти извѣстія. Не требую отъ тебя частыхъ писемъ; по крайней мѣрѣ желалъ бы однако, чтобы онѣ приходили не какъ это первое—черезъ полгода, знаю твои занятія; но десять минутъ въ мѣсяцъ удѣлить можно безъ большой потери. Можешь самъ вообразить, какой я теперь невѣжда. Не знаю даже, кто у васъ теперь ректоромъ. Вижу также по *Вѣдомостямъ*, что у васъ будетъ преподаваться, а можетъ быть уже и преподается, Философія. Кѣмъ же это?“ [68]).

Долгъ справедливости обязываетъ насъ замѣтить, что графъ С. Г. Строгановъ не благоволилъ къ Надеждину за бѣднаго старика Болдырева, котораго, какъ мы знаемъ, Надеждинъ подвелъ и погубилъ, о чемъ, кромѣ Буслаева, свидѣтельствуетъ и Бодянскій [69]).

Въ это время Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина уѣхала за-границу и въ Испаніи вышла замужъ за графа

Генриха Сальяса-Турнемира [70]). Погодинъ полунамекомъ извѣстилъ объ этомъ Надеждина: *все прошло*, писалъ онъ, и выразилъ сожалѣніе, что въ своемъ письмѣ начавъ *за здравіе свелъ за упокой*. Надеждинъ же изъ этихъ словъ его заключилъ, что дѣвица Кобылина умерла и съ отчаяніемъ писалъ Погодину изъ Устьсысольска: „Но я не могу теперь ни о чемъ говорить съ тобою. Душа моя поглощена однимъ.—Въ письмѣ твоемъ есть нѣсколько словъ, которыя возмутили все мое существованіе. Ты пишешь, что: *все прошло* и жалѣешь, что начавъ *за здравіе, свелъ за упокой*. Что значитъ эти слова—объясни мнѣ, ради Бога! стало быть—смерть!.. Умоляю тебя написать мнѣ все однимъ словомъ—и написать съ первою почтою—непремѣнно... Не прибѣгай къ безполезной скрытности... Я подозрѣваю, что другіе потому и не пишутъ ко мнѣ, что не хотятъ поразить меня—берегутъ... Все это напрасно. Неизвѣстность въ милліонъ разъ хуже... Ты первый проговорился—такъ ужъ и кончи!.. Ради Христа, прошу тебя! Только одно слово: въ живыхъ или нѣтъ?... Подумай, что этотъ мѣсяцъ, который я долженъ пробыть въ ожиданіи твоего отвѣта—будетъ для меня адскою пыткою... Сдѣлай же милость—не оставь меня словомъ—только однимъ словомъ“ [71]).

Вскорѣ Надеждина переселили въ Вологду и оттуда въ февралѣ 1838 онъ писалъ Максимовичу: „Здорово, любезнѣйшій другъ и братъ! Ты видишь, что я пишу къ тебѣ уже изъ Вологды, гдѣ обрѣтаюсь другой мѣсяцъ. Гнѣвъ Провидѣнія начинаетъ прелагаться на милость. Я уже тысячью верстами ближе къ свѣту. Я уже опять на Руси... Благодарю тебя за неизмѣнную любовь, которая нашла меня и на днѣ злосчастія! Драгоцѣнно и для меня лично, что я, во время изгнанія моего изъ предѣловъ Руси, наслаждался постояннымъ сношеніемъ съ Кіевомъ чрезъ *Воскресное Чтеніе*. Конечно, я обязанъ тѣмъ памяти и участію преосвященнѣйшаго Иннокентія, котораго духъ ощутителенъ въ этихъ истинно превосходныхъ листкахъ... Я уже собралъ и матеріалы для статьи, гдѣ хочу напомнить Кіеву его животворя-

щее вліяніе на Русскій Сѣверъ чрезъ спасительный свѣтъ Христіанства. Здѣсь слѣды этого вліянія еще такъ свѣжи. Здѣсь Древности, особенно церковныя, не завѣялись еще новизною" [72]). Вслѣдъ за симъ, по ходатайству Д. М. Княжевича и І. И. Ростовцова, Надеждинъ былъ освобожденъ [73]). Погодинъ въ письмѣ своемъ къ Максимовичу, отъ 30 іюня 1838 писалъ: „Надеждинъ въ Петербургѣ.—Кобылина вышла замужъ и ѣдетъ въ Россію" [74]).

Въ это время, Погодинъ познакомился съ человѣкомъ, который впослѣдствіи, не смотря на разность лѣтъ, сдѣлался ближайшимъ другомъ Надеждинз и съ самимъ Погодинымъ сохранилъ пріязнь впродолженіи всей жизни. Мы разумѣемъ Василія Висильевича Григорьева.

Это возлагаетъ на насъ обязанность поближе познакомиться съ человѣкомъ, который „много испыталъ на своемъ вѣку, много передумалъ".

Хотя Григорьевъ родился въ Петербургѣ, въ „самомъ", по его же словамъ, „не Русскомъ городѣ изъ Русскихъ городовъ", но въ этомъ *не Русскомъ городѣ* онъ получилъ самое Русское воспитаніе Григорьевъ былъ сыномъ мелкаго Петербургскаго чиновника; но этотъ мелкій чиновникъ могъ доказать свое происхожденіе отъ князей Пожарскихъ. Мать Григорьева, изъ рода Алексѣевыхъ, была женщина добрая, горячо любившая сына. По свидѣтельству біографа, В. В. Григорьевъ, „читать научился очень рано, не имѣя еще шести лѣтъ отъ роду; но читалъ онъ не дѣтскія книжки, а Русскіе народныя сказки, въ лубочныхъ изданіяхъ того времени. „Чтобы ни говорили о нелѣпости", высказывался впослѣдствіи самъ Григорьевъ, „многихъ старинныхъ сказокъ нашихъ, и пусть даже сказки эти будутъ переводными, а не оригинальными, все же проникло въ нихъ много Русскаго духа, и все же онѣ несравнительно занимательнѣе и питательнѣе для ума и воображенія, чѣмъ казенныя приключенія Машенекъ и Васинекъ дѣтскихъ книгъ нашего времени. Кто, выросши, помнитъ содержаніе нравственныхъ книжекъ, которыми дарили его въ дѣтствѣ, и кто

забудетъ если разъ читалъ или слыхалъ о Жаръ-Птицѣ и похожденіяхъ Ивашки Синей-Рубашки? Не говорю уже о такихъ сказкахъ, какъ про Илью Муромца или Акиндина: въ этихъ столько положено Русскаго сердца и Русскаго духа, что если въ ребенкѣ есть хоть капля настоящей Русской крови, эта капля заиграетъ и закипитъ при чтеніи этихъ произведеній такъ сильно, что въ состояніи сообщить дѣтскому чувству никогда неизгладимую складку". Было и другое обстоятельство, повліявшее на развитіе и укрѣпленіе въ ребенкѣ народнаго духа и безпредѣльной любви къ родинѣ. Въ людской ихъ дома данъ былъ пріютъ бѣдной слѣпой старухѣ. По разсказамъ Григорьева, „эта старуха, родомъ москвичка", помнила коронацію императрицы Екатерины II, чуму Московскую, казнь Пугачева, ходила не разъ на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ въ Кіевъ, въ Соловки, и вообще много видѣла и наслушалась на своемъ вѣку. Сидитъ бывало, слѣпая, на сундукѣ и цѣлый день разсказываетъ безъ умолку... „Я, продолжаетъ Григорьевъ, „отъ шести до девяти лѣтъ былъ усерднымъ ея слушателемъ, и приписываю этому обстоятельству большое вліяніе на развитіе свое въ народномъ духѣ. Кіевъ и Соловки стали знакомы моему слуху и воображенію прежде, чѣмъ Парижъ или Лондонъ, раздольемъ народныхъ празднествъ нашихъ, какъ коронація, и ужасомъ народныхъ бѣдствій какъ чума и Пугачевщина, чувства мои поражены были еще во всей ихъ свѣжести, прежде чѣмъ узналъ я о Римскихъ циркахъ и Сицилійской вечернѣ. Такимъ образомъ, съ ранняго дѣтства научился я принимать къ сердцу не Римскія и не Греческія, а отечественныя событія, и на этотъ уже твердо заложенный фундаментъ легло послѣдующее знакомство мое со Всемірною Исторіею... Огорчаясь или радуясь всѣмъ, что происходитъ на Руси дурнаго или хорошаго, какъ-бы происходило это въ собственной семьѣ моей и касалось до меня лично, я никогда не могъ принудить себя интересоваться преніями Бельгійскихъ или Сардинскихъ палатъ, никогда не хватался съ жадностью за послѣдній листокъ заграничной газеты...". Такимъ образомъ

въ Петербургѣ, въ людской Григорьевыхъ „шли разсказы о похожденіяхъ Ивана Царевича, о царственномъ змiѣ, о разрывъ-травѣ, и тому подобныхъ чудесахъ“, а собиравшаяся въ ней публика научила ребенка Григорьева „множеству повѣрьевъ и близко познакомила со взглядами народа на все его окружающее“. Не забудемъ также, что сама знаменитая Арина Родіоновна, нянька Пушкина, была уроженка С.-Петербургской губерніи.

Фамилію *Григорьевъ* дѣдушка В. В. Григорьева принялъ самъ. По отцу былъ онъ *Пожарскій.* По семейнымъ преданіямъ причиною этому было то, что третій братъ Ивана Григорьевича, тоже разумѣется Пожарскій, состоялъ чѣмъ то при Петрѣ III и пользовался его расположеніемъ, а послѣ кончины Императора, изъ опасенія опалы бѣжалъ въ Пруссію, откуда потомъ не было уже о немъ никакой вѣсти. Этотъ поступокъ бывшаго фаворита Императора напугалъ двухъ его младшихъ братьевъ до такой степени, что они, желая укрыться отъ мнимыхъ преслѣдователей, не нашли ничего лучше, какъ отречься отъ мнимой связи съ бѣглецомъ, перемѣнивъ фамилію. Эти три брата не были Петербургскими уроженцами. Въ Петербургъ явились они изъ Суздаля, гдѣ отецъ ихъ, прадѣдъ В. В. Григорьева, Григорій Евдокимовичъ, былъ соборнымъ протопопомъ. Въ тѣ времена дворяне нерѣдко еще вступали въ духовное званіе. Родной братъ отца протоіерея, Филиппъ Евдокимовичъ имѣлъ чинъ премьера маіора. „Нѣтъ сомнѣнія“, повѣствуетъ Н. И. Веселовскій, „что предки Григорьева были дворяне и помѣщики Суздальскіе. А какіе же могли быть тамъ Пожарскіе, кромѣ потомковъ знаменитаго рода князей Пожарскихъ, или можетъ быть родственной имъ линіи, не имѣвшей княжескаго титула, или утратившей его? Такъ или иначе, только В. В. Григорьевъ слышалъ отъ отца, что они происходятъ отъ князей Пожарскихъ. „Еслибы у меня было хорошее состояніе“, говорилъ Григорьевъ, „да нажилъ бы я потомство, я бы, статься можетъ, пустился въ розыски и нашелъ доказательства связи своей съ считающимся вымершимъ родомъ князей Пожарскихъ;

но при отсутствіи того и другаго условія, смѣшно было бы покушаться на подобныя затѣи, хотя долженъ сознаться, мнѣ всю жизнь было досадно носить какую то курьерскую или сторожевскую фамилію, принятую дѣдушкой".

Достигнувъ пятнадцати лѣтъ, Григорьевъ былъ принятъ въ С.-Петербургскій Университетъ и приписался къ восточному отдѣленію. Тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе Сенковскаго, а университетскимъ товарищемъ его былъ знаменитый Грановскій.

Въ Университетѣ Григорьевъ относился къ своимъ обязанностямъ, которыя сопрягаются со званіемъ студента, самымъ строгимъ образомъ. „Я не понимаю", писалъ онъ, „какъ можно быть студентомъ и находить время танцовать на балахъ, любезничать въ гостинныхъ, кутить по ресторанамъ, неистовствовать въ спектакляхъ. Не могу смотрѣть безъ отвращенія на такихъ господъ: въ нихъ, должно быть, нѣтъ ни искры любви къ знанію, ни тѣни стремленія пріобрѣсти его. И чѣмъ больше глубокомысленныхъ фразъ отпускаетъ такой юноша, тѣмъ онъ для меня гаже".

По окончаніи курса въ Университетѣ, въ 1834 году, Григорьевъ углубился въ такіе предметы, которые имѣли близкое отношеніе къ Русской Исторіи, но въ тоже время требовали оріентальныхъ свѣдѣній. Сенковскій принимая сердечное участіе въ положеніи его, совѣтывалъ ему засѣсть за „сочиненіе важное, основательное, продолжаемое съ постоянствомъ, совѣстливо, упрямо даже, которое должно быть угловымъ камнемъ жизни,посвящаемой наукѣ". Онъ предложилъ ему написать Исторію Золотой Орды. Между тѣмъ своими изслѣдованіями по части древнѣйшей Русской Исторіи Григорьевъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе графа Сперанскаго и Уварова, которые совѣтывали ему посвятить себя профессорской дѣятельности.

Лѣтомъ 1837 года, Григорьевъ совершилъ поѣздку въ Москву, гдѣ впервые и познакомился съ Погодинымъ. „Истый петербуржецъ", говоритъ его біографъ, „ничего не видавшій кромѣ своего города, теперь впервые увидалъ настоящую Россію

и въ каждомъ встрѣчавшемся на пути городѣ поражался разными еще незнакомыми ему явленіями Русскаго быта, Русскихъ порядковъ". Своими дорожными впечатлѣніями Григорьевъ дѣлился съ П. С. Савельевымъ. Странное впечатлѣніе произвела на Григорьева Москва. „Ты спросишь", писалъ онъ Савельеву, „какова мнѣ показалась Москва? Славная вещь эта Москва, глупая вещь эта Москва! Здѣсь, мнѣ кажется, всѣ обманываются и обманываютъ другъ друга: ѣдятъ, пьютъ, ничего не дѣлаютъ, играютъ въ карты, ѣздятъ на гулянье и воображаютъ, что живутъ и наслаждаются жизнію, гостепріимны не отъ сердца а потому, что Москва славится гостепріимствомъ, кричатъ во всю мочь: ахъ! Франція... Страны нѣтъ лучше въ мірѣ...! Здѣсь все обманъ: говорятъ Тверскія ворота, Арбатскія ворота, глядишь: нѣтъ никакихъ воротъ. Нѣтъ, не по сердцу мнѣ пришлась Москва живая, и теперь только я начинаю понимать цѣну той Европейской холодности Петербурга, которою укоряютъ его Москвичи. Зато много души въ Москвѣ бездушной—въ ея царственномъ Кремлѣ, въ ея древнихъ памятникахъ, чудныхъ соборахъ, очаровательныхъ монастыряхъ. О, если-бы можно было перенести въ Петербургъ ея громадный Кремль, чудную архитектуру ея церквей, очаровательную красоту ея башень, ея легкихъ красивыхъ колоколенъ! Я бы не выѣхалъ тогда изъ Петербурга: все бы глядѣлъ на эти пышные купола, на блестящіе кресты храмовъ Божіихъ, на высокіе терема древнихъ Царей Русскихъ, глядѣлъ и окаменѣлъ-бы въ восторженномъ созерцаніи. И въ этихъ то стѣнахъ, посреди этихъ памятниковъ народной жизни, самобытной, свѣжей, родной, прозябаетъ отродье полуфранцузовъ по легкомыслію, полутатаръ по невѣжеству"! Въ письмѣ своемъ къ Невѣрову Григорьевъ писалъ, что войдя въ Кремль, „я долженъ былъ съ усиліемъ крѣпиться, чтобы слезы восторга, вызванныя созерцаніемъ новаго, поразительнаго зрѣлища, не брызгнули изъ глазъ и не передали тайны моей чувствительности холоднымъ спутникамъ моимъ и спутницамъ, которые умѣютъ только ахать отъ восторга при словѣ Франція, живутъ среди памятниковъ народной славы и

съ презрѣніемъ, съ дѣтскимъ легкомысліемъ топчутъ ее, попираютъ и святотатственными рѣчами сквернятъ достоинство имени Русскаго. Очень хотѣлось бы мнѣ увидаться съ Бѣлинскимъ... Думаю, что общество его облегчило бы хотя нѣсколько тяжесть, которая свинцомъ лежитъ у меня на душѣ. . Впечатлѣнія, которыми обогатитъ меня Москва, я думалъ передать въ Москвѣ же людямъ, которыхъ сердце отзовется на каждое чувство...; я не нашелъ такихъ людей". . По счастію, Григорьевъ отыскалъ Ржевскаго и черезъ него познакомился съ людьми, которыхъ искалъ: съ Клюшниковымъ, Лихонинымъ, Бодянскимъ, Вельтманомъ и наконецъ съ Погодинымъ [75]).

Ржевскій писалъ Погодину: „Пріѣхавшій сюда на короткое время изъ Петербурга молодой оріенталистъ Григорьевъ желаетъ познакомиться съ вами [76])".

На первый разъ, Погодинъ поспѣшилъ обратить Григорьева въ свои коммиссіонеры въ Петербургѣ, преимущественно по книжной части, и по свидѣтельству Н. И. Веселовскаго, „коммиссіонеромъ Григорьевъ оказался довольно исправнымъ [77])".

Возвратясь въ Петербургъ, Григорьевъ писалъ Погодину: „Зная, что вы принимаете участіе въ нашемъ оріенталистѣ Петровѣ, я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что онъ издаетъ теперь текстъ одной Санскритской поэмы, съ Русскимъ переводомъ и учеными примѣчаніями... Это первый лучь Индіанизма, который блеснетъ въ Россіи. Я началъ заниматься Монгольскимъ языкомъ, и открываю въ немъ отечество множества Русскихъ словъ" [78]).

VII.

При вступленіи своемъ въ должность секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Погодинъ предложилъ Обществу начать вмѣсто прежнихъ *Трудовъ* и *Лѣтописей* новое изданіе, въ другой формѣ, книжками отъ восьми до десяти листовъ, подъ заглавіемъ *Русскаго Историческаго Сборника*, назначая въ составъ онаго разсужденія, про-

читанныя въ собраніяхъ, и документы, извѣстія, доставляемыя членами. Завѣдываніе изданіемъ Погодинъ принималъ на себя.

Такимъ образомъ, въ теченіе 1837 года вышли двѣ книжки этого новаго изданія. Въ предисловіи къ этимъ двумъ книжкамъ Погодинъ пишетъ: „Я очень радъ, что могъ, исполняя лестное порученіе Общества, сообщить публикѣ поучительныя разсужденія Ходаковскаго, найденныя мною въ его бумагахъ. Въ его разсужденіи о древнихъ путяхъ сообщенія мы знакомимся короче съ нашими первыми князьями и ихъ образомъ дѣйствія, съ ихъ плаваніями по всѣмъ ближнимъ рѣкамъ и морямъ. Статья Ѳ. Н. Глинки о *Карельскихъ Древностяхъ* переноситъ читателя къ вѣкамъ глубокой древности, недоступной лѣтописямъ. Не безъ удовольствія прочтутъ наши юристы о *Вирахъ у Россіянъ* X и XI столѣтій священника Діева, хотя едва ли согласятся съ нимъ о Греческомъ ихъ происхожденіи. П. И. Ивановъ знакомитъ съ любопытнымъ лицемъ, *попомъ Нестеромъ*, временъ междуцарствія, въ дѣлѣ, которое бросаетъ свѣтъ и на весь бытъ гражданскій XVII вѣка. Шафарикъ въ статьѣ *о статуѣ Чернобога въ Бамбергѣ* описываетъ древнѣйшій языческій памятникъ Словянскій и разбираетъ руническую его надпись. Въ статьѣ Ѳедотова *о значеніи слова Русь въ нашихъ лѣтописяхъ* заключается довольно полное соображеніе мѣстъ лѣтописныхъ, составленное молодымъ сочинителемъ, который обѣщаетъ трудолюбиваго дѣлателя. *Наказъ воеводамъ отправленнымъ въ Новгородъ въ 1617 году* обратитъ на себя безъ всякаго сомнѣнія вниманіе людей дѣловыхъ. Въ статьѣ *объ иконномъ портретѣ в. князя Василія Іоанновича*, Снегирева, находится много любопытныхъ матеріаловъ для древней художественной терминологіи. Кромѣ названныхъ статей, читатели найдутъ здѣсь любопытныя извѣстія преосвященнаго Павла, архіепископа Черниговскаго, о *Костромскихъ находкахъ*. Мнѣ остается желать“, заключаетъ Погодинъ, „чтобы издаваемое собраніе заслужило одобреніе знатоковъ, и чтобъ всѣ любители Исторіи нашли въ немъ предполагаемую пользу“ [79]). Особенное вниманіе ученаго міра обратило на себя разсужденіе

Ходаковскаго. „За статью Ходаковскаго“, писалъ Виленскій профессоръ Лобойко Погодину, „ученый свѣтъ вамъ очень благодаренъ. Вы первый оцѣнили достоинство этого рѣдкаго изыскателя, тогда какъ многіе считали его сумазбродомъ. Изъ этого отрывка всѣ теперь видятъ, какой историческій геній скрывался въ этомъ бѣдномъ шляхтичѣ. Ѳ. Н. Глинка былъ его покровителемъ въ Петербургѣ и это въ мое время. Почитая васъ корифеемъ современной нашей исторической словесности, я прошу васъ именемъ потомства ввести въ Москвѣ въ обычай учиться Польскому языку, покрайней мѣрѣ для филологическаго употребленія. Ходаковскій можетъ всѣмъ служить примѣромъ, что можетъ сдѣлать полякъ для нашей Исторіи, если ему доступна Русская Словесность“.

Кромѣ двухъ книжекъ *Русскаго Историческаго Сборника*, Погодинъ въ 1837 году выпустилъ въ свѣтъ *Псковскую Лѣтопись*.

Еще 28 ноября 1834 года, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ въ засѣданіи своемъ, по предложенію предсѣдателя А. Ѳ. Малиновскаго, опредѣлило издать Псковскую лѣтопись, коей три списка тогда же были представлены Малиновскимъ. Изданіе возложено было на Погодина при помощи Коркунова. Но Коркуновъ, до отпечатанія еще перваго листа оставилъ Москву, и Погодинъ, по возвращеніи своемъ, въ концѣ 1835 года, изъ чужихъ краевъ, долженъ былъ одинъ трудиться надъ этимъ изданіемъ и при этомъ онъ старался воспользоваться всѣми совѣтами, разсѣянными въ сочиненіи Шлецера, который, по словамъ Погодина, „былъ, есть и будетъ нашимъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ“.

Окончивъ изданіе, Погодинъ въ засѣданіи Общества, 19 марта 1837 года, заявилъ: „Представляю на судъ знатоковъ свой тяжелый трудъ, на который посвятилъ я много времени. Они оцѣнятъ, по крайней мѣрѣ, то самоотверженіе, съ которымъ я анатомировалъ лѣтопись молодую, *маловажную*, въ *дурныхъ спискахъ*, когда есть пергаментныя—Лаврентьевская, Новгородская, Кіевская, Волынская! Я хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ показать, что можно извлекать изъ нашихъ лѣто-

писей и другихъ историческихъ документовъ, и вмѣстѣ представить опытъ ихъ разработки. Отцы и братія! Аще же гдѣ описахъ, не дописахъ, или переписахъ, чтите, исправляя, Бога дѣля, а не кляните" [80]).

Но Петербургскіе археографы замѣтили, и можетъ быть не безъ основанія, что издатель „только изъ скромности унижаетъ достоинство этого богатаго матеріала для важной исторіи Пскова, когда лѣтопись Псковскую называетъ онъ маловажною. Мы вовсе не на то жалуемся, что лѣтописей донынѣ издано мало: нѣтъ, ихъ издано много, но дурно. Издатели своевольно читали тексты, переправляли, вставляли, не понимая того, что дѣло издающихъ лѣтописи состоитъ въ вѣрной передачѣ текста, такъ, чтобы печатное изданіе вполнѣ передавало рукописи суду знатоковъ. Смиренно называя свой трудъ *тяжелымъ*, нашъ издатель не хочетъ даже похвалиться тѣмъ, что онъ взялъ три дурныхъ списка, читалъ ихъ, какъ ему было угодно, не думалъ о повѣркѣ съ другими болѣе важными списками, перемѣнялъ правописаніе, переставлялъ даже описанія, въ той увѣренности, что *лѣтопись молода и маловажна*, что переписчикъ одного списка былъ *не слишкомъ грамотенъ*, а переписчикъ другаго *совершенно безтолковый*. И вотъ это значитъ *анатомировать* бѣдную лѣтопись,—привесть ее въ порядокъ, вычистить, вычесать, сгладить! Мы знаемъ, что Шлецеръ назвалъ бы это святотатствомъ непостижимымъ; но другія времена—другія понятія... Уничтожить всю подлинность, весь авторитетъ лѣтописи, называется у него—*издать* ее, *разработать*, и еще что то извлечь изъ нея на показъ. Если всѣ наши лѣтописи будутъ такъ *разработаны*, то мы останемся безъ Исторіи, какъ брамины". Но знаменитый впослѣдствіи славистъ нашъ, тогда скромный учитель гимназіи П. И. Прейсъ, вопреки Петербургскимъ археографамъ, принялъ съ признательностію этотъ трудъ Погодина и писалъ ему: „По прошествіи слишкомъ года осмѣливаюсь писать къ вамъ и отъ всего сердца благодарить васъ за *Псковскую лѣтопись*, которую я получилъ чрезъ Ѳ. И. Иноземцова. Подарокъ этотъ былъ для меня

тѣмъ пріятнѣе, что я самъ родомъ изъ Псковщины и провелъ въ ней лѣта дѣтства. Лѣтопись, вами изданная, была для меня пріятною и въ другомъ отношеніи, я извлекъ изъ нея, какъ изъ прочихъ памятниковъ, все что заслуживаетъ мѣсто въ Словарѣ и Грамматикѣ языка Древней Россіи“ [81]).

Само собою разумѣется, что Кіевскій митрополитъ Евгеній, какъ историкъ Псковскаго княжества, живо интересовался ходомъ изданія Псковской лѣтописи; но ему не суждено было видѣть конца этаго предпріятія.

Едва опустили въ могилу Пушкина, какъ 23 февраля того же, рокового для Русской литературы, 1837 года скончался Евгеній. „Внезапно похищена смертію“, писалъ Максимовичъ, „маститая жизнь Первосвященника Церкви Кіевской, которая до послѣднихъ дней посвящена была мирному, ученому труду, вызывавшему изъ забвенія давнюю жизнь и славу Русской земли“. По свидѣтельству его преемника Филарета митрополита Кіевскаго, Евгеній „скончался утромъ тихо, кротко, неожиданно, безъ страданій трудясь и дѣлая почти до послѣдней минуты жизни своей. За нѣсколько минутъ до кончины своей, не смотря на слабость силъ, разсмотрѣлъ и подписалъ до двадцати восьми бумагъ“ [82]).

Погребеніе Митрополита совершали 27 февраля 1837 года во св. Софіи. Пространный храмъ и обширный дворъ, наполненъ былъ народомъ. Преосвященный Иннокентій совершалъ Божественную литургію. По окончаніи литургіи, пребывающій на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ, высокопреосвященный Іосифъ, бывшій архіепископъ Смоленскій, съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и со всѣмъ духовенствомъ отправляли погребеніе. Высокопреосвященный Іосифъ прочелъ вслухъ всѣхъ умилительное завѣщаніе покойнаго, написанное имъ собственноручно. Вотъ что въ послѣдній разъ говорилъ отшедшій Архипастырь: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Ожидая часа смертнаго, и воспоминая грѣхи мои предъ Богомъ и человѣками, обращаюсь, вопервыхъ, къ Спасителю моему съ теплымъ моленіемъ, да очиститъ Онъ благодатію Своею

множество золъ моихъ; и потомъ прошу всѣхъ, предъ коими я согрѣшилъ и кого я чѣмъ нибудь обидѣлъ и оскорбилъ, христіански простить мнѣ, и о мнѣ грѣшномъ возносить свои молитвы. Взаимно и самъ я прощаю всѣмъ, по человѣчеству чѣмъ нибудь оскорбившимъ меня... Объ имѣніи моемъ, которое состоитъ болѣе въ книгахъ, нежели въ вещахъ и деньгахъ, завѣщеваю... всѣ письменныя бумаги и записки непереплетенныя отдать наслѣдникамъ моимъ. Грѣшное мое тѣло прошу погребсти въ Срѣтенскомъ придѣлѣ Кіево-Софійскаго Собора, за правымъ клиросомъ, въ стѣнѣ собора. Господи Боже мой! въ тріехъ ипостасѣхъ исповѣдуемый! Благодарю Тя за всѣ милости, на меня недостойнаго во всю жизнь мою изліянныя: оставляя все земное и суетное, къ Тебѣ Единому, Вѣчному Благу обращаюсь, и въ руцѣ Твои предаю духъ мой“.

По окончаніи погребенія, тѣло покойнаго обнесено вокругъ Софійскаго Собора, между множествомъ народа, и останки его успокоились въ томъ самомъ придѣлѣ собора, на обновленіе котораго онъ, не задолго до своей смерти, пожертвовалъ значительную сумму. „Малый и тѣсный придѣлъ церковный“, говоритъ современникъ, „есть теперь надгробный памятникъ тому, кто при жизни своей воскрешалъ забытую память предковъ. Къ Исторіи прибавилось еще одно лицо историческое, но сама Исторія лишилась его, и скоро ли дождется она такого усерднаго дѣятеля на ея необозримомъ полѣ, каковъ былъ Евгеній?...“

Погодинъ, будучи давнимъ почитателемъ покойнаго Митрополита, почтилъ память его посвященіемъ ему Псковской Лѣтописи; а Общество Исторіи и Древностей поручило Снегиреву написать: *О заслугахъ Отечественной Исторіи и услугахъ самому Обществу митрополита Евгенія*. По этому поводу Снегиревъ писалъ Погодину: „Теперь должно сказать, что Евгеній не основывалъ своего счастія и славы на несчастіи и униженіи другихъ, что, говоря правду открыто, не дѣлалъ никому зла и не посягалъ на благоденствіе ближняго. За то *память его съ похвалами*“ [83]).

Старинная дружба Погодина съ Кубаревымъ въ это время закрѣпилась и общностью ихъ занятій источниками Древней Русской Исторіи. Эти изслѣдованія двухъ друзей происходили подъ сѣнію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое для нихъ выписываетъ изъ Московской Синодальной Библіотеки списки Кіево-Печерскаго Патерика, собраніе повѣстей о житіяхъ, подвигахъ и чудесахъ Святыхъ. Въ это время Кубаревъ приготовлялъ къ изданію Памятники Древней Россійской Словесности, кои онъ начиналъ Несторовымъ описаніемъ житія Бориса и Глѣба и преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Онъ-же приготовилъ къ изданію древнюю похвалу Св. Владиміру; а въ засѣданіи Общества 12 іюня 1837 г. прочелъ свое разсужденіе о Патерикѣ Печерскомъ. Самъ Погодинъ въ это время оканчивалъ свои изслѣдованія о древнемъ, Варяжскомъ, періодѣ Русской Исторіи до кончины Ярослава [84]).

Къ этимъ трудамъ двухъ друзей примыкали изслѣдованія въ этой-же области М. А. Максимовича, который изъ Кіева писалъ Погодину: „Пожалуйста поспѣши сообщить мнѣ коротенькое извѣстіе объ отысканномъ вами спискѣ Патерика. Какого года и гдѣ писанъ и какъ? Нельзя-ли также извѣстить какой результатъ Кубаревскихъ изслѣдованій, если они не согласны съ Р. Ѳ. Тимковскаго мнѣніемъ о несоставленіи Патерика Несторомъ, чего, кажется, нельзя и опровергнуть... Мнѣ эти извѣстія отъ тебя нужно получить поскорѣе, дабы включить оное въ мою *Исторію Русской Словесности*, которой первую часть на-дняхъ уже оканчиваю написаніемъ, а тамъ съ помощію Божіею примусь ее печатать. Изъ новости бился не слишкомъ, изъ силъ выбился довольно... Однако коечто найдется и новаго... Да крѣпится твое тѣло и духъ. Молодымъ людямъ на просвѣщенье, тебѣ на прославленіе, а веселымъ молодцамъ не потѣшенье“ [85]). На это Погодинъ отвѣчалъ: „Патерикъ, то есть житіе Ѳеодосія и посланіе Поликарпа къ Симону, написанъ въ 1406 году, въ Твери, на пергаментѣ, для Арсенія. О Патерикѣ вопросъ смѣшенъ, и Тимковскій жестоко промахнулся. Несторъ не писалъ его разу-

мѣется, но написалъ житіе Θеодосія, изъ котораго выбраны житія, да изъ посланія Симона и Поликарпа, да изъ Лѣтописи выбраны—вотъ и Патерикъ!“ Максимовичъ же, защищая своего дядю, писалъ Погодину: „За извѣстіе о Патерикѣ спасибо, хотя и не то вышло, что сказали мнѣ; Тимковскій ошибся, только не *жестоко*, только тѣмъ, что не съумѣвъ согласить житія Θеодосіева съ Временникомъ, отрицалъ оное отъ Нестора; а все-же *Патерика* особаго, какъ сборника житій, Несторъ не составлялъ. Стало въ главномъ онъ правъ; указанное противорѣчіе житія съ Временникомъ не есть противорѣчіе, а только дополненіе, и показываетъ, подтверждаетъ то, что ты такъ хорошо указалъ въ защиту Нестора,—показываетъ вмѣстѣ и то, что житіе писано Несторомъ послѣ Временника“. Въ томъ же письмѣ Максимовичъ проситъ Погодина обратить вниманіе на предположеніе его о *Русской Правдѣ*, „что оно не Новгородское и не для Новгорода уложеніе, а *Кіевское* и (можетъ быть, едва-ли не навѣрное)—до-Ярославское, слѣдовательно Владимірское уложеніе, т.-е. при немъ сдѣлавшееся *письменнымъ*, и таковымъ уже найденное въ Кіевѣ Ярославомъ и данное имъ Новгороду 1016 г. Объ *уставѣ земленѣмъ* думалъ Владиміръ... Да и самый языкъ ея ничего не имѣетъ не южнаго, а Новгородскаго, и Евгеній съ Шафарикомъ ошибаются, выдавая ее за памятникъ Древне-Новгородскаго языка. Что скажешь, скажи что-нибудь объ этомъ соображеніи! Мнѣ хочется знать твое мнѣніе. А начало Эверсовой школы отъ *Чеботарева* вѣрно одобрено тобою?.. Но Господь съ нею, съ этою Русскою Землею“ [86]).

VIII.

12 іюня 1837 года, по предложенію Погодина, былъ избранъ въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ И. П. Сахаровъ [87]).

Въ февралѣ 1836 года Сахаровъ переселился въ С.-Петербургъ и занялъ тамъ мѣсто врача при Почтовомъ Депар-

таментѣ, которымъ управлялъ князь А. Н. Голицынъ. Не смотря на свою медицинскую спеціальность, Сахаровъ усердно продолжалъ заниматься историческими изысканіями о Русской народности. „Въ хижинахъ поселянъ“ свидѣтельствуетъ князь А. Н. Голицынъ, „собиралъ онъ народныя преданія, въ городахъ и селахъ обозрѣвалъ сохранившіеся народные памятники, въ архивахъ пересмотрѣлъ нужные историческіе акты. По преданіямъ, памятникамъ и актамъ возстановлялъ онъ въ описаніяхъ своихъ старую Русскую жизнь, изображалъ Русскую народность по живымъ источникамъ. Чего отшельники не вносили въ лѣтописи, чего нѣтъ въ актахъ, что сокрыто было отъ Русскихъ историковъ,—то помѣщено имъ въ *Сказаніяхъ Русскаго Народа.* Русскій человѣкъ, Русская земля, Русскіе памятники, три основныя идеи, взятыя имъ за основаніе, составляютъ предметъ всѣхъ его изысканій. Языкъ, литература, семейныя повѣрья, записки современниковъ, одежды, народные обычаи – служили для изображенія всѣхъ дѣйствій русскаго человѣка; а храмы, кремли, гробницы, дворцы, терема, оружія, гравированіе, иконописаніе, народное пѣніе, монетное дѣло—приняты были для описанія Русской земли, гдѣ въ искусствахъ и художествахъ Русскій умъ составлялъ памятники для нашей родины“ [88]).

Получивъ извѣщеніе объ избраніи въ члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Сахаровъ писалъ Погодину: „Ваше нечаянное письмо обрадовало меня и вмѣстѣ удивило. Не знаю съ чего начать вамъ. Позвольте прежде благодарить васъ за участіе ваше въ выборѣ меня въ члены единственнаго Общества въ Россіи. Эту честь, доставленную мнѣ нечаянно отъ достопочтеннѣйшихъ членовъ, позвольте оправдать моими посильными трудами. Живя такъ далеко отъ васъ, я не знаю, чѣмъ могу быть полезенъ Обществу. Думаю, что грѣшно и стыдно, бывши членомъ, ничего не дѣлать для Общества. Трутни въ ученомъ дѣлѣ не должны быть терпимы!“ Въ это время Сахаровъ уже издалъ три части *Сказаній Русскаго Народа о семейной жизни своихъ*

предковъ (Спб. 1836—1837). На упрекъ Погодина зачѣмъ онъ занимается *украшеніемъ Сказаній* и дѣлаетъ свое изданіе *беллетрическимъ*, Сахаровъ отвѣчалъ: „Неужели вы не знаете времени и отношеній, направленія, къ чему насъ ведутъ? Меня уже горькій опытъ научилъ. Синодъ вздумалъ меня уже за первую часть потолкать. Вамъ это неизвѣстно. Велика исторія. Дѣлать такъ, какъ должно—не велятъ. Иначе бы ни одной строчки не пропустили. Вотъ почему всѣ суевѣрія подводятся подъ одну рамку. Шекспиръ справедливъ; я это самъ чувствую; но меня устрашаетъ участь Н. И. Надеждина. А мнѣ была приготовлена эта чаша. Вы знаете, кто у насъ заправляетъ эти дѣла? Кто протестовалъ *объ участіи Провидѣнія въ Исторіи?* Помните сами. Кто гонитъ Бориса Годунова? И это извѣстно“ [89]).

Въ засѣданіи Общества, 20 февраля 1837 года, было читано письмо Дрезденскаго библіотекаря Клемма на имя предсѣдателя графа С. Г. Строганова съ вопросами о курганахъ и могилахъ и прочихъ остаткахъ Древности въ Россіи. При этомъ Погодинъ объявилъ, что кандидатъ Московскаго Университета В. В. Пассекъ готовитъ объ этомъ предметѣ обширное сочиненіе, изъ котораго можно будетъ отвѣчать удовлетворительно на вопросы Клемма [90]). Вскорѣ упомянутое сочиненіе Пассека было уже въ рукахъ Погодина, которому авторъ писалъ: „И такъ мои курганы и городища Южной Россіи— предъ вами и предъ судомъ Историческаго Общества! Отъ Общества будетъ зависить судьба кургановъ и городищъ: речете—и отверзутся ихъ нѣдра отъ Дуная до Байкала! И, можетъ быть, удастся Русскому и въ этомъ случаѣ сказать много новаго и важнаго для науки, приведется, можетъ быть, открыть новый путь для историческихъ изслѣдованій—о тѣхъ вѣкахъ, для которыхъ не существуютъ и лѣтописи! Какъ знать, можетъ быть, и мнѣ, воспитаннику Московскаго Университета, вашему ученику,—предстоитъ эта судьба! Да поможетъ мнѣ – и да просвѣтитъ меня Богъ“. Въ другомъ своемъ письмѣ Пассекъ писалъ Погодину: „Ахъ, если-бы вы были

ближе къ нашимъ степямъ, къ этимъ чуднымъ пустынямъ, полнымъ тѣнями народовъ и великими надеждами на будущее. Какъ полюбили-бы вы ихъ тогда; какъ сами съ какимъ-то чуднымъ наслажденіемъ смотрѣли-бы на одинокій курганъ, а съ него на безграничную равнину или степи, или море. Только вспоминаю, а уже хочется кочевать. Какихъ нѣтъ страстей въ мірѣ"! Но эта страсть дорого обходилась Пассеку. „Я издержалъ", писалъ онъ-же Погодину, „не одну тысячу своихъ денегъ для разъѣздовъ отъ Дона до Днѣпра и отъ Харькова до Чернаго моря — и все для того, чтобъ учиться, чтобъ читать въ природѣ, или по слѣдамъ жизни народовъ, или вникать въ жизнь нашихъ собратій — и передавать ихъ знанія и чувствованія, какъ могу и какъ умѣю. Я рѣшился скитаться по пустынямъ, гдѣ повѣрите-ли на нѣсколько десятковъ верстъ нѣтъ жилья, а въ жильѣ нѣтъ куска продажнаго хлѣба, кругомъ ни капли воды, кромѣ солоноватой, отъ которой онѣмѣетъ лучшій аппетитъ! Да оно и лучше на безхлѣбьи" [91]).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Общества Погодинъ представилъ разсужденіе Пассека о городищахъ или кургагахъ Южной Россіи. Общество поручило передать это сочиненіе на разсмотрѣніе Комитета, учрежденнаго при Обществѣ [92]). Погодинъ же черезъ Помпея Пассека, спрашивалъ Вадима: *Чего-бы онъ могъ желать отъ Историческаго Общества для достиженія цѣли обозрѣнія насыпей?* Въ отвѣтъ на это Вадимъ Пассекъ отвѣчалъ Погодину: „Я намѣренъ обозрѣть направленіе насыпей по всему пространству Россіи отъ Дуная до Забайкалья, замѣтить ихъ характеръ въ разныхъ пространствахъ Россіи; разрыть по нѣскольку изъ нихъ, принадлежащихъ къ одному какому-нибудь виду; собрать о нихъ преданья и повѣрья разныхъ племенъ. Вотъ главная цѣль. Достигнувши ее, конечно мы откроемъ новую лѣтопись — не обезображенную переписчиками, не опровержимую для нашихъ кабинетныхъ скептиковъ. Широка эта лѣтопись и рѣзко написана на столбцѣ — длиною въ семь тысячъ верстъ. Время не выѣло чернилъ, жаль только, что люди кое-гдѣ подскоб-

лили, — за то не писали по подскобленному. А чтобы уничтожить эту грамоту, опять надобно будетъ вѣка и цѣлыя племена и поколѣнія. Губерніи, которыя войдутъ въ поѣздку слѣдующія: Курская, Харьковская, Полтавская, Кіевская, Волынская, Подольская, Бесарабія, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Земля Донскаго Войска, Воронежская,— и частями Черниговская, Орловская, Черноморіе, Кавказская область. Далѣе: Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Пензенская, Симбирская, Оренбургская. Далѣе: Сибирь“ [93]).

Комитетъ разсмотрѣвъ разсужденіе Пассека отдалъ полную справедливость оному. Что же касается до предложенія Пассека обозрѣть курганы во всей Россіи отъ Дуная до за-Байкалья, то Комитетъ полагалъ, что Общество при ограниченности своихъ средствъ не можетъ ему значительно содѣйствовать. Если же бы Пассеку угодно было сократить свой планъ и на первый случай тщательно осмотрѣть и описать курганы одной какой-либо губерніи, или даже уѣзда или уѣздовъ, наиболѣе къ мѣсту его жительства и другимъ обстоятельствамъ удобнѣйшихъ, и изобразить оныя, на специальной картѣ, то Общество могло бы сдѣлать для такого описанія нѣкоторое пожертвованіе. Это описаніе, бывъ издано въ свѣтъ, могло-бы послужить образцомъ для прочихъ описаній, и тогда Общество, чрезъ посредство своего Предсѣдателя могло бы отнестись къ ученымъ начальствамъ и просить ихъ мѣстныхъ пособій. По поводу этого опредѣленія Общества, Пассекъ писалъ Погодину: „Обществу было угодно предложить мнѣ подробное обозрѣніе и описаніе въ одной какой-нибудь губерніи, или въ нѣсколькихъ уѣздахъ, и даже въ одномъ уѣздѣ. Я избираю три уѣзда: Изюмскій, Полтавскій и Харьковскій. Если же надобно будетъ слѣдить за цѣпью въ другомъ уѣздѣ, то надѣюсь, что Общество не воспрепятствуетъ мнѣ въ этомъ, — и я могу производить работы безъ особенной переписки, которая, быть можетъ, напрасно затруднивши Общество, навѣрное обрѣжетъ крылья у дѣла“...

Давняя пріязнь соединила Погодина съ В. Н. Семеновымъ,

извѣстнымъ въ нашей Литературѣ своими переводами иностранныхъ писателей о Россіи. Пріязнь эту не поколебало и то обстоятельство, что въ 1831 году Семеновъ былъ строгимъ цензоромъ трагедіи *Петра I*. Сдѣлавшись секретаремъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Погодинъ предложилъ Семенова въ члены Общества [94]). Извѣстіе объ этомъ избраніи застигло Семенова въ его родной Рязанской губерніи, въ которой онъ производилъ археографическія экскурсіи. „Здѣсь", писалъ онъ Погодину, „нашелъ для себя интересное занятіе, именно: въ разсмотрѣніи здѣшнихъ губернскаго и консисторскаго архивовъ. Разсмотрѣніе перваго архива я кончилъ; но въ свиткахъ не нашелъ ничего замѣчательнаго. Это дѣла частныя, уголовныя, временъ дома Романовыхъ отъ Михаила до Петра, любопытны только въ отношеніи юридическомъ. Большая часть изъ нихъ относится до покражи лошадей. Свитки довольно плохо сохранились, такъ что многіе совершенно распадаются. Когда же спадетъ нѣсколько половодье, то отправлюсь въ монастыри: Богословскій, Солодчинскій и Ольговъ, а потомъ пущусь въ старую Рязань, Касимовъ и Пронскъ. Можетъ быть въ теченіе всѣхъ этихъ розысканій удастся мнѣ открыть что-либо исторически—интереснаго и полезнаго".

Еще во времена *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ былъ знакомъ съ Степаномъ Дмитріевичемъ Нечаевымъ, съ которымъ его связывала общая любовь ихъ къ Литературѣ и Русскимъ Древностямъ. Должность оберъ-прокурора Св. Синода, которую занялъ Нечаевъ, отдалила его и отъ Москвы и отъ Древностей. Въ 1836 году онъ вышелъ въ отставку и поселился опять въ Москвѣ и опять полюбилъ и Литературу и Древности. „Нездоровье лишило меня удовольствія", писалъ Нечаевъ Погодину, быть во вчерашнемъ засѣданія Историческаго Общества,—а я готовилъ было личную до васъ просьбу, которую теперь позвольте высказать запиской. Если по званію дѣйствительнаго члена имѣю я право на всѣ книги, которыя печатаются на иждивеніе Общества, то сдѣлайте одолженіе

благоволите распорядиться доставленіемъ мнѣ изданныхъ въ послѣдствіи во время десятилѣтняго моего отсутствія изъ Москвы. Это поставило бы меня въ полную извѣстность и о томъ, что сдѣлано уже Обществомъ, и о томъ, что еще сдѣлать предполагаютъ, а вмѣстѣ объяснило бы мнѣ, не могу ли я самъ быть чѣмъ-либо полезнымъ для него. Но всего пріятнѣе было бы для меня, еслибы вы почтеннный Михаилъ Петровичъ, по сосѣдству, собрались навѣстить меня когда-нибудь и побесѣдовать о любезномъ для насъ предметѣ въ тишинѣ кабинетной" [95]).

Въ тоже время Нечаевъ представилъ въ Общество рисунокъ съ Вайгачцкихъ истукановъ, при слѣдующемъ объясненіи: „Въ началѣ нынѣшняго царствованія, между многими важными подвигами Правительства, приложено было особенное попеченіе о обращеніи Самоѣдовъ въ Христіанство. Сійскій архимандритъ Веніаминъ успѣлъ убѣдить почти всѣ племена сего народа принять святое крещеніе. Во время путешествій нашелъ онъ на островѣ Вайгачѣ до трехъ сотъ идоловъ каменныхъ и деревянныхъ. Желая по возможности изгладить слѣды многобожія между новообращенными, еще не твердыми въ вѣрѣ христіанами, о. архимандритъ съ ревностью, напоминающею первыхъ проповѣдниковъ у дикихъ народовъ, истребилъ всѣ сіи предметы невѣжественнаго обожанія. Снятъ былъ только рисунокъ съ болѣе замѣчательныхъ истукановъ. Получивъ отъ о. Веніамина этотъ рисунокъ, я почелъ приличнымъ внесть его въ Общество Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ, какъ предметъ, не совсѣмъ чуждый для отечественной Археологіи" [96]).

Между тѣмъ Сахаровъ съ упрекомъ писалъ Погодину. „Да издастъ ли когда Общество свои каталоги? Въ тридцать лѣтъ все еще сборы идутъ. Стыдно, когда частные люди опереживаютъ въ такихъ пустякахъ" [97]). Эти строки были писаны Сахаровымъ 5 сентября 1837 года, а въ засѣданіи Общества 18 декабря того же года П. М. Строевъ изъявляетъ свою готовность описать рукописи и старопечатныя книги Общества,

и Общество съ благодарностью принимаетъ это предложеніе [98]).

Трудясь съ воодушевленіемъ на пользу Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ озабоченъ умноженіемъ и процвѣтаніемъ своего собственнаго Древлехранилища. Такъ, по смерти митрополита Евгенія, Погодинъ стремился пріобрѣсть тѣ изъ его бумагъ, которыя по завѣщанію достались его наслѣдникамъ. Дѣятельнымъ посредникомъ Погодина въ этомъ дѣлѣ является кіевскій профессоръ Петръ Семеновичъ Авсеневъ. „Пріятное извѣстіе", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „о возможности пріобрѣсти бумаги Евгенія. Думалъ какъ бы поскорѣе". Вдругъ онъ получаетъ посылку. „Развязываю и что же: рукописи Евгенія. Обрадовался безъ памяти". Но письмо Иннокентія помутило радость его; „ибо рукописи надо возвратить. Нѣтъ, онѣ должны остаться у меня, по разнымъ правамъ" [99]). Всѣ же бумаги Евгенія хранились у Авсенева, къ которому и обратился Погодинъ съ просьбою переговорить съ наслѣдниками. Вскорѣ Авсеневъ увѣдомлялъ Погодина, что Устиновскій, наслѣдникъ Евгеніевыхъ бумагъ, пріѣхалъ въ Кіевъ съ довѣріемъ отъ всѣхъ родныхъ на полученіе всего наслѣдства. „Когда я", пишетъ Авсеневъ, „повторилъ ему предложеніе ваше, то онъ изъявилъ совершенное согласіе съ своей стороны; но въ переговоръ объ оцѣнкѣ бумагъ вступить не согласился потому, сказалъ онъ, что я имѣю довѣріе отъ родныхъ на полученіе наслѣдства, а не на продажу. Впрочемъ увѣряю васъ, что родные примутъ это предложеніе также съ удовольствіемъ". Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ отъ Авсенева довольно подробное описаніе оставшихся послѣ Евгенія бумагъ. „Я видѣлъ", писалъ онъ Погодину, „всѣ бумаги, перебралъ ихъ подробно, и представляю вамъ не реестръ ихъ, ибо онъ былъ бы безконечно утомителенъ, а описаніе. Весь портфель не заключаетъ въ себѣ ни одного цѣлаго сочиненія обработаннаго или доконченнаго, а одни *матеріалы*. 1) *Историческіе*. Сюда относятся: а) Переписка съ Румянцовымъ и съ разными

учеными мужами отечественными и иностранными, — всѣ содержанія историческаго или археологическаго. b) Матеріалы для Исторіи Іерархіи Россійской. Я еще не свѣрился, но сильно подозрѣваю: не въ чернѣ ли это извѣстная Амвросіева *Іерархія*. Амвросій, кажется, издалъ ес тогда, когда онъ былъ ректоромъ семинаріи, а Евгеній у него архіереемъ; по крайней мѣрѣ она менѣе можетъ быть принадлежитъ тому, котораго имя носитъ. c) Коллекція снимковъ съ медалей и монетъ, между которыми слишкомъ древнихъ я не замѣтилъ. d) Выписки изъ журналовъ Русскихъ и переводы съ иностранныхъ — историческіе или археологическіе e) Розысканіе о Новогородской Софійской церкви съ воротами, надъ которыми трудился Аделунгъ что-ли, и о Кіевской Софійской. f) Множество мелкихъ отдѣльныхъ статей, часто собственноручныхъ, и замѣчаній. 2) *Смѣшанные*: содержанія богословскаго, философскаго, екклесіастическаго, словеснаго. Есть переписка съ Державинымъ. Много по географіи, хронологіи, грамоты патріарховъ Греческихъ, дѣла сенатскія и синодскія и проч. Еще разъ повторяю, что цѣлаго ничего нѣтъ, все разбросано, перемѣшано, разбито. Вы спросите: гдѣ же дѣлись упомянутыя въ его жизнеописаніи двадцать три неизданныхъ сочиненія? Не только вы, но, гораздо настоятельнѣе, ихъ спрашиваютъ наслѣдники, но не отыщутъ слѣдовъ. Видно, что бумаги его прошли чрезъ руки, процѣжены — и вотъ — осадки. Впрочемъ, можетъ быть, я столько же знаю цѣну оставшихся бумагъ Евгенія, сколько пѣтухъ понялъ цѣну алмаза, и потому я не зналъ, что предложить за нихъ наслѣдникамъ, а они, какъ я писалъ вамъ, не знали, что назначить, и рѣшились положиться на вашу оцѣнку. Только какъ они скоро уѣзжаютъ изъ Кіева въ Воронежъ, то просятъ теперь же васъ черезъ меня вступить съ ними въ непосредственное сношеніе. Бумаги беретъ себѣ внукъ Митрополита, живущій въ Воронежѣ, вольно-практикующій медикъ Иванъ Степановичъ Устиновскій, недавно кончившій курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ. По пріѣздѣ въ Воронежъ, онъ отберетъ все, что сочтетъ для васъ нужнымъ, и либо въ подлинномъ видѣ препро-

водитъ къ вамъ, либо пришлетъ подробный списокъ. Вообще онъ хочетъ прямо имѣть сношеніе съ вами“ [100]).

Въ концѣ-концовъ Погодину пришлось самому ѣхать въ Воронежъ и тамъ постигло его полное разочарованіе, и онъ съ досадою писалъ Максимовичу: „Я разбиралъ бумаги Евгенія—однѣ косточки оглоданныя. Прокатили! Ужъ вѣрно твоихъ рукъ не миновали онѣ“ [101]).

Несмотря на это, Древлехранилище Погодина настолько начало возрастать и процвѣтать, что владѣлецъ его получилъ уже возможность въ 1837 году издать *Русскій Историческій Альбомъ*, за который издатель имѣлъ счастіе получить *Монаршее благоволеніе* и *благодарность* отъ Наслѣдника Цесаревича. Литература же наша встрѣтила это изданіе весьма сочувственно. „Выспренніе взгляды теряютъ довѣренность“, читаемъ въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, „фактическое знаніе прочно, кажется, занимаетъ свое мѣсто, постепенно очищаемое отъ вдохновенныхъ, умозрительныхъ, произвольныхъ положеній... Для истинныхъ успѣховъ науки дорогъ каждый сохранившійся слѣдъ минувшаго. Наука благоговѣйно бережетъ и ветхій листокъ пергамента, и развалившійся камень, и передаваемую изъ поколѣнія въ поколѣніе мысль, нравственное правило предковъ, и уцѣлѣвшій звукъ, которымъ выражалось сердце человѣческое. Ей нужны и лѣтописи и басни, и дипломатическіе акты и преданія, и священные обряды и суевѣрные обычаи... Исторія живетъ событіями: впереди событія всегда лицо. Это лицо для насъ драгоцѣнность: каждая черта, дорисовывающая въ умѣ нашемъ его нравственную физіономію, есть принадлежность Исторіи. Вотъ почему не сыщется ни одного изъ образованныхъ людей столько нелюбопытнаго, который не захотѣлъ бы взглянуть на подпись Филиппа митрополита, Скопина-Шуйскаго, Пожарскаго, Палицына, Гермогена, патріарха Филарета, Царя Алексѣя и другихъ знаменитыхъ мужей, отмѣченныхъ народною памятью и вѣчною благодарностью Отечества. *Альбомъ Историческій* представляетъ въ этомъ отношеніи удовлетворительный опытъ. На

пространствѣ шести вѣковъ, мы по очереди видимъ первыхъ нашихъ грамотѣевъ княжескихъ дьяковъ, первыхъ нашихъ учителей—церковныхъ пастырей, Русскихъ вѣнценосцевъ, доблестныхъ ихъ совѣтниковъ, знаменитыхъ воиновъ старой и новой Россіи, и, въ концѣ, людей служившихъ Отечеству полезными трудами просвѣщенія" [102]).

Не менѣе сочувственно отнесся къ этому изданію и критикъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. „Древнѣйшій почеркъ", пишетъ онъ, „относится къ 1328 году и принадлежитъ дьяку Костромѣ, писавшему духовную великаго князя Іоанна Даниловича Калиты. Грустныя чувства пробуждаются въ душѣ разсматривающаго листки *Историческаго Альбома*, который подобно огромному и величественному кладбищу, заключаетъ въ себѣ поколѣнія пяти вѣковъ; какія думы пробуждаютъ встрѣчающіяся здѣсь имена людей, которые отжили свой вѣкъ и только оставили память о дѣяніяхъ своихъ! Всматриваясь въ почерки, нечувствительно переносишься въ прошедшее, кажется, видишь, что рука жившаго за четыреста или пятьсотъ лѣтъ только сейчасъ перестала писать, желаешь видѣть образъ писавшаго, и воображеніе рисуетъ передъ взорами историческое лицо... и невольно вопрошаешь призракъ".

Почтенный Алексѣй Николаевичъ Чертковъ изъ Воронежа писалъ Погодину: „Двоюродный братъ мой А. Д. Чертковъ передалъ мнѣ приглашеніе ваше, для предположеннаго вами второго изданія *Альбома*, сообщить вамъ собранные мною подписи. Я имѣлъ прежде намѣреніе издать мои факсимиле, но будучи упрежденъ вами, я привелъ въ порядокъ разныя бывшія у меня записки и составилъ книгу, названную мною *Памятной книгой Русскаго*; она состоитъ изъ двухъ частей: 1) Азбучный списокъ особъ наиболѣе извѣстныхъ со временъ императора Петра I до нашего времени. 2) Составлена изъ Статистическихъ таблицъ Русской Имперіи чиновниковъ. Не благоугодно ли будетъ вамъ взять на себя изданіе ихъ, такъ, чтобы оно могло доставить выгоды какъ вамъ, такъ и мнѣ" [103]).

Сколько намъ извѣстно, на это предпріятіе Погодинъ не покусился.

IX.

Пользуясь каникулярнымъ временемъ, лѣтомъ 1837 года, Погодинъ предпринялъ поѣздку въ Тверскую губернію въ село Кузнецово, Бѣжецкое имѣніе тещи Ѳ. И. Глинки, Елены Ивановны Голенищевой - Кутузовой, супруги извѣстнаго противника Карамзина, Московскаго попечителя Павла Ивановича Голенищева-Кутузова. Находящіеся въ этомъ селѣ камни и курганы были описаны Глинкою и подъ заглавіемъ *Древности Тверской Кареліи* помѣщены въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*. Напечатавъ это описаніе, Погодину „безпрестанно чудились то поселенія нашихъ безпокойныхъ Нормановъ, то Геродотовскія гробницы Скиѳскихъ царей, то становище Асовъ, Аланъ, на пути ихъ отъ Чернаго Моря, до знаменитаго Асгарда, къ полуострову - Скандинавскому“. Это и понудило его предпринять поѣздку въ село Кузнецово для личнаго осмотра описанныхъ камней и кургановъ.

Дилижансъ привезъ Погодина въ Тверь ночью. Не желая дожидаться утра, онъ „приторговалъ ямщика везти его тотчасъ вплоть до села Кузнецова. На одной станціи онъ встрѣтилъ благодѣтельнаго попутчика. Въ то время когда начали перепрягать лошадей и Погодинъ сидѣлъ въ своей тряской тѣлежкѣ, какой-то военный пригласилъ его изъ окна напиться съ нимъ чаю. Разумѣется, пишетъ Погодинъ, „это предложеніе было мнѣ очень пріятно, а еще пріятнѣе другое—ѣхать съ нимъ въ покойной коляскѣ до самаго мѣста. Съ благодарностію я принялъ оное, и мы отправились. Дорогою я разсказывалъ своему любезному хозяину о новостяхъ Русской Литературы, прочелъ послѣднія стихотворенія Пушкина изъ *Современника,* котораго везъ съ собою; а онъ привелъ мнѣ на память Шишкова 2-го, который съ молоду подавалъ такія блестящія надежды, такъ владѣлъ Русскимъ стихомъ, и переводомъ *„Валенштейна, Маріи*

Стюартъ оказалъ истинную услугу Русской словесности". Отъ своего спутника Погодинъ узналъ о найденной недалеко отъ Бѣжецка какой-то каменной доскѣ съ изсѣченною человѣческою фигурою, которую крестьяне поставили въ часовню. „Какъ жаль", замѣчаетъ Погодинъ, „что всѣ такія открытія остаются у насъ еще въ неизвѣстности, и часто пропадаютъ, за недостаткомъ людей любознательныхъ, грамотныхъ, которые бы ихъ разсмотрѣли внимательно, которые бы умѣли хоть какъ нибудь ихъ описывать, и представлять во всеобщее свѣдѣніе"! Погодину было очень пріятно слышать отъ своего спутника „о дѣйствіи, которое произвело на народъ появленіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича".

Переправившись черезъ рѣчку Медвѣдицу, Погодинъ прочиталъ на столбѣ: *деревня Городецъ.* При этомъ онъ „помянулъ Ходаковскаго" и замѣтилъ: „какъ могла деревня быть названа нарицательнымъ именемъ городца, еслибъ *городецъ* прежде не имѣлъ другого значенія".

Подъѣхавъ къ Кузнецову, Погодинъ разстался съ своимъ спутникомъ и пошелъ пѣшкомъ. Хозяевъ не было дома. Они уѣхали въ Бѣжецкъ на городской праздникъ. Люди разсказали Погодину, что ежегодно „образъ св. Николая изъ отдаленнаго монастыря везутъ въ лодкѣ по рѣкѣ, въ Бѣжецкъ. Монахи сидятъ въ мантіяхъ и поютъ. Весь городъ и множество народа собираются изъ всѣхъ окрестностей къ празднику. Вся гора на берегу, противъ того мѣста, гдѣ лодка пристаетъ, бываетъ покрыта народомъ. Усердіе богомольцевъ простирается до того, что лишь только они издали увидятъ плывущую лодку, всѣ бросаются съ берега въ воду и идутъ на встрѣчу, спѣша другъ передъ другомъ добраться до лодки, чтобъ прикоснуться къ ней и потомъ вынести ее на себѣ на берегъ". Выслушавъ этотъ разсказъ Погодинъ замѣтилъ: „Сколько у насъ такихъ мѣстныхъ, умилительныхъ обрядовъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ!" и въ тоже время онъ рѣшился „посовѣтовавшись съ Ѳ. Н. Глинкою, потомъ въ

Москвѣ съ П. В. Кирѣевскимъ, Шевыревымъ, Снегиревымъ и мастеромъ на распросы П. А. Мухановымъ, написать нѣкотораго рода наставленіе вообще для всѣхъ желающихъ, какъ имъ собирать нужныя извѣстія о такихъ обрядахъ, повѣрьяхъ, областныхъ словахъ, лекарствахъ, примѣчательныхъ предметахъ, насыпяхъ, городищахъ, на что обращать вниманіе при находимыхъ монетахъ, вещахъ, книгахъ старопечатныхъ, рукописяхъ. Безъ сомнѣнія, это будетъ полезно. Никакіе путешественники не могутъ такъ описать, замѣтить многое, какъ жители. Притомъ сколько нужно путешественниковъ, чтобъ объѣхать наше неизмѣримое государство и разсмотрѣть его во всѣхъ отношеніяхъ? И какое занятіе пріятнѣе въ свободное время, казалось бы, также и для учителей уѣздныхъ училищъ, священниковъ? Прибавьте сюда", продолжаетъ Погодинъ, „студентовъ, разъѣзжающихся на вакацію изъ университетовъ, семинарій, академій по всей Россіи. Какъ легко имъ въ короткое время соединенными силами собрать множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній!"

Въ ожиданіи хозяевъ, Погодинъ, подъ руководствомъ служителей отправился осматривать курганы, и осмотрѣвши нашелъ, что они описаны вѣрно Ѳ. Н. Глинкою. *Количество* ихъ замѣчаетъ Погодинъ, „въ этой глуши очень примѣчательно. Но чтобъ сдѣлать какую-либо догадку объ этихъ гіероглифахъ Исторіи, подать о нихъ какое-либо мнѣніе, непремѣнно должно осмотрѣть всю Россію въ этомъ отношеніи, и перенести эти разсыпанные повсемѣстно насыпи на карту. Въ тѣхъ бумагахъ Ходаковскаго, которыя теперь у меня, и которыя началъ я совать по разнымъ изданіямъ, чтобъ пустить ихъ скорѣе въ общее свѣдѣніе, есть объ нихъ нѣсколько четвертокъ, кои напечатаются въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*. Пассекъ воспитанникъ нашего университета, въ статьѣ, сообщенной Обществу Исторіи и Древностей, предлагаетъ свѣдѣнія о курганахъ Южной Россіи. Онъ намѣренъ исключительно заняться этимъ предметомъ, и получилъ уже нѣкоторое пособіе отъ Общества. Каталогъ Кеппена извѣстенъ всѣмъ

любителямъ древностей. Вся здѣшняя страна очень важна для естественной исторіи и геологіи. Вся она усыпана какъ будто каменнымъ дождемъ. Между мелкими камнями попадаются и ужасно огромные. Но геологи все еще думаютъ только объ Альпахъ и Гималаяхъ, а ровныя мѣста мало удостоиваютъ своимъ вниманіемъ".

Лишь на другой день вернулся изъ Бѣжецка Глинка съ семействомъ, и Погодинъ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣлъ прочіе курганы и камни въ окружности, „теряясь въ догадкахъ и мечтаніяхъ о времени давно прошедшемъ, о племенахъ давно изчезнувшихъ съ лица земли, которымъ принадлежали всѣ сіи памятники".

Село Кузнецово живо напомнило Погодину старину. „Ветхій, деревянный домъ", пишетъ онъ, „съ высокими комнатами, широкими окнами напоминалъ мнѣ прежніе барскіе дома, которые уже переводятся въ нашихъ деревняхъ; въ немъ при мнѣ обвалился было въ одномъ мѣстѣ потолокъ. По стѣнамъ висѣли портреты Долгорукихъ временъ Петровыхъ, Анненскихъ и Екатерининскихъ, отъ которыхъ происходитъ нынѣшняя владѣтельница, и Кутузовыхъ предковъ и родственниковъ ея покойнаго супруга". Престарѣлая Елена Ивановна Голенищева-Кутузова вызвала у Погодина слѣдующія строки. „Слушая въ этомъ домѣ достопочтенную даму со всѣми требованіями прежней знатности, съ особымъ голосомъ, особою походкою, особеннымъ тономъ и взглядомъ на вещи, видя предъ собою старую прислугу въ необыкновенныхъ нынѣ костюмахъ, я живо переносился въ прошлыя времена, времена Императрицы Анны, Елисаветы, Екатерины. Вотъ какъ жили наши предки". Погодинъ заглянулъ также и въ библіотеку ея покойнаго мужа и „пожалѣлъ", пишетъ онъ, „что не знаю толку въ мистическихъ и алхимическихъ книгахъ, которыхъ тутъ еще много". Дочь Елены Ивановны, Авдотья Павловна Глинка читала свой переводъ легенды Гердера. Однимъ словомъ, время въ Кузнецовѣ Погодинъ провелъ „самымъ пріятнымъ образомъ".

На возвратномъ пути, въ селѣ Кушалинѣ, пока закладывали лошадей, Погодинъ пошелъ въ церковь искать слѣдовъ извѣстнаго царя Казанскаго, Симеона Бекбулатовича, котораго имя встрѣчается столько разъ въ Исторіи Грознаго, Ѳеодора и Бориса. „Старшій священникъ", пишетъ Погодинъ, „былъ болѣнъ. Я пошелъ къ другому, по грязному узкому двору. Подлѣ самого крыльца былъ колодезь.—Изба была наполнена дымомъ. Священника не было. Молодая жена его гладила бѣлье. Старуха—мать хлопотала около печки; батрачиха качала дитя и приставала къ матери, чтобы она поскорѣе покормила его: „покорми, покорми". Пока пришелъ священникъ, я разговорился съ его домашними, и думалъ объ ихъ состояніи..... Наконецъ пришелъ онъ и повелъ меня въ церковь, показалъ почти подземную комнату, гдѣ Симеонъ находился въ заточеніи. Имъ построено, говорятъ, нѣсколько церквей въ окружности. Я очень былъ радъ увидѣть краткое извѣстіе объ немъ въ церкви, собранное изъ разныхъ, хотя извѣстныхъ книгъ. Еще какой-то священникъ, вѣрно бывшій въ гостяхъ у моего путеводителя, пришелъ въ церковь. Я началъ спрашивать ихъ о древностяхъ... Какъ странными казались имъ мои вопросы о старыхъ деньгахъ, о старыхъ книгахъ, образахъ"!

Между-тѣмъ заложили лошадей. Погодинъ отправился. Крестьянинъ, который повезъ его, былъ лѣтъ семидесяти, почтенной наружности, безъ отвратительныхъ ухватокъ, принадлежащихъ большимъ дорогамъ, и Погодинъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ: „Ну что, старикъ, много горя ты перемыкалъ на своемъ вѣку?"—Нельзя безъ горя, батюшка, случалося, было.—„Какое же?".—Всякое: отецъ у меня больно пилъ, сына схоронилъ, другаго въ некрутство отдавали,—ну откупился..." [104]).

Визвратившись въ Тверь, Погодинъ пошелъ отыскивать университетскаго своего слушателя Михаила Ивановича Топильскаго, который въ это время служилъ совѣтникомъ въ Губернскомъ Правленіи.

Съ именемъ Топильскаго неразрывно связано воспоминаніе о нашемъ знаменитомъ государственномъ сановникѣ графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ. Замѣчательно, что отецъ и дѣдъ М. И. Топильскаго тоже служили при графахъ Паниныхъ прошлаго столѣтія, такъ что приверженность Топильскаго къ графу В. Н. Панину была, такъ сказать, наслѣдственна. Самъ Топильскій по женскому колѣну былъ потомкомъ извѣстнаго дѣльца Петровскаго времени Макарова и находился въ родствѣ съ князьями Волконскими и Голицыными. Не многимъ, можетъ быть, извѣстно, что этотъ исправный чиновникъ вмѣстѣ съ тѣмъ страстно изучалъ и Классическую и Русскую Древность и былъ связанъ узами нѣжнѣйшей дружбы съ А. М. Кубаревымъ [105]).

Войдя въ Губернское Правленіе, Погодинъ „порадовался сердечно“, увидѣвъ это судилище. „Три большія комнаты“, пишетъ онъ, „чистыя и высокія. Постороннихъ ни души. Тишина какъ въ церкви. Всѣ на мѣстахъ: кто пишетъ, кто читаетъ, кто справляется. Видно, что всѣ заняты дѣломъ. Между тѣмъ вызвали ко мнѣ моего совѣтника, и онъ черезъ нѣсколько минутъ повелъ меня по городу. Развѣ вы сбираетесь по субботамъ?—„даже послѣ обѣда“. Зато, услышалъ я послѣ, просители жалуются, что *не успѣваютъ* пріѣзжать для ходатайства по дѣламъ своимъ, которыя рѣшаются тотчасъ по поступленіи. Я порадовался вдвойнѣ, видя университетскаго воспитанника между начальниками такого почтеннаго присутственнаго мѣста“.

Весь день осматривалъ Погодинъ достопримѣчательности города. Былъ во Дворцѣ. Прекрасные виды на Волгу и окрестности. Всего привлекательнѣе была для него комната, въ которой Карамзинъ, въ 1810 году, читалъ впервые свою *Исторію* покойному императору Александру и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Погодинъ долго стоялъ тамъ „и воображалъ нашего исторіографа: съ какими чувствами онъ пріѣхалъ сюда, подавалъ свою безсмертную записку, пред-

ставлялъ свою *Исторію* Государю, которому предъ тѣмъ почти не былъ извѣстенъ лично!..".

Публичный садъ Погодинъ засталъ пустымъ. „И не бываютъ почти никогда", сказалъ ему Топильскій, „мы не привыкли еще по городамъ къ такимъ удовольствіямъ. Развѣ губернаторъ", прибавилъ онъ, „начнетъ прогуливаться...".

Погодинъ посѣтилъ также и ректора семинаріи, архимандрита Аѳанасія, впослѣдствіи архіепископъ Казанскій, о которомъ такъ много говорилъ ему графъ А. П. Толстой. Ректоръ разсказывалъ ему между-прочимъ объ одномъ сто двадцати трехъ-лѣтнемъ старцѣ, котораго онъ встрѣтилъ года три назадъ, пришедшаго на богомолье и который живетъ еще своими трудами, не отягощая своего семейства, и скопилъ пятьдесятъ рублей на свое погребеніе. Ректоръ подарилъ Погодину до ста мѣдныхъ Тверскихъ пулъ, найденныхъ недавно при копаніи, изъ коихъ многія очень хорошо сохранились. Погодинъ надѣялся также получить отъ Ректора свѣдѣнія объ извѣстномъ Ѳеоѳилактѣ Лопатинскомъ.

Вечерню Погодинъ простоялъ въ соборѣ, который былъ полонъ богомолокъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ къ крестному ходу въ Желтиковъ монастырь. Наконецъ пѣшкомъ отправился въ Отрочь монастырь.—„Въ наружности", замѣчаетъ Погодинъ „увы, не осталось никакого слѣда древности, какъ будто вчера онъ былъ достроенъ!". Шла всенощная. Архимандритъ Ѳеофилъ удержалъ его на службѣ, чтобы послѣ показать священную келію святаго Филиппа, гдѣ сей святый мужъ былъ замученъ—„Отрокъ на клиросѣ", пишетъ Погодинъ, „прекрасной наружности, съ длинными темнорусыми волосами, перенесъ мое воображеніе въ отдаленную древность. По окончаніи службы, почтенный архимандритъ, извиняясь въ задержкѣ, напомнилъ святое преданіе объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который, оставшись нечаянно въ церкви, спасся этимъ замедленіемъ отъ неминуемой смерти (Шиллеръ воспѣлъ это происшествіе въ своемъ *Судѣ Божіемъ*). — Намъ показали гробъ, въ которомъ привезены были мощи св. Фи-

липпа изъ Соловецкаго монастыря при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, и изъ котораго здѣсь они были переложены. Тутъ только я узналъ, что нынѣ именно и празднуетъ наша Церковь это перенесеніе мощей св. Филиппа. Какъ кстати случилось мнѣ быть у всенощной! Въ кельѣ Филипповой сооружена церковь. Признаюсь, я негодовалъ прежде на эту передѣлку, услышавъ объ ней еще въ Москвѣ, года два назадъ, ибо мнѣ хотѣлось, чтобы это священное мѣсто въ Русской Исторіи сохранилось во всей цѣлости; но когда архимандритъ привелъ меня въ алтарь, и, указывая на престолъ, сказалъ „вотъ на этомъ мѣстѣ испустилъ свой духъ св. Филиппъ“, я былъ приведенъ въ совершенное умиленіе. Здѣсь“ продолжалъ онъ „приносится теперь ежедневно безкровная жертва“. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ приличнѣе быть престолу, возсылаться молитвамъ, какъ не съ того мѣста?.. Впрочемъ передѣлки всѣ сдѣланы были еще прежде: увеличены окна, насланъ полъ. Для новой церкви выломали только стѣну, гдѣ теперь иконостасъ. Здѣсь же показывали мнѣ древній образъ Успенія, на задней доскѣ коего написана была его исторія; но красильщики, крася стѣны, закрасили и ее! Я обѣщался спросить нашихъ химиковъ, какимъ бы образомъ отдѣлить отъ холста бѣлую краску, не повредивъ надписи, можетъ быть, любопытной“.

Вечеръ провелъ Погодинъ у вице-губернатора А. Е. Аверкіева, „и съ большимъ удовольствіемъ“. Имѣлъ съ нимъ длинный, горячій споръ о Борисѣ Годуновѣ, на котораго, пишетъ Погодинъ, „жестоко нападалъ почтенный мой хозяинъ со всѣми юридическими оружіями“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ обратилъ вниманіе на одно „прекрасное замѣчаніе“, которое вице-губернаторъ сдѣлалъ о томъ, почему Борисъ такъ долго не принималъ вѣнца послѣ смерти Ѳеодоровой. Борисъ искалъ вѣнца, стремился къ нему, а какъ онъ доставался въ руки, боялся прикоснуться къ нему, обагренному кровію, медлилъ. Совѣсть его мучила, и въ этомъ медленіи я вижу доказательство его вины“. Потомъ разговоръ перешелъ къ расколь-

никамъ, городскимъ и деревенскимъ, о различіи между ними, о мѣщанахъ, къ Русской литературѣ. „Тверь“, замѣчаетъ Погодинъ, „въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать литературнымъ городомъ: здѣсь долго жили Глинка, Шишковъ 2-й, Лажечниковъ, Тепляковъ, Коншинъ, и преданіе объ нихъ, тонъ ихъ, ведется“.

Вообще въ губернскихъ городахъ, по заключенію Погодина, „есть много элементовъ для хорошаго и образованнаго общества: губернаторъ, вице-губернаторъ, нѣкоторые изъ прочихъ гражданскихъ начальниковъ, директоръ училищъ, учителя гимназій, медики, не говорю уже объ архіереѣ, викаріи, ректорѣ, инспекторѣ и профессорахъ семинарій“.

Не доставъ мѣста въ дилижансѣ, Погодинъ принужденъ былъ остаться еще на день въ Твери. Эта остановка дала ему возможность провести здѣсь праздникъ св. Арсенія Тверскаго, покровителя Твери, и къ этому дню въ Тверь собирается множество народа не только изъ ближнихъ уѣздовъ, но даже изъ Новгорода и Пскова. Поутру, вмѣстѣ съ М. И. Топильскимъ, отправился Погодинъ къ собору, изъ котораго только-что двинулся ходъ. Народа множество. Вся площадь, гора передъ Тьмакою, и гора за нею, чрезъ кои лежалъ путь, были усыпаны. Картина прелестная! Пестрота, движеніе,—и посрединѣ толпы высокія хоругви соборныя въ сопровожденіи духовенства, богато облаченнаго. Мы, пишетъ Погодинъ, „пошли пѣшкомъ. Какіе разнообразные костюмы виднѣлись въ народѣ, о которыхъ мы въ Москвѣ не имѣемъ понятія! Вотъ весьегонка, говорилъ мнѣ спутникъ, „вотъ новоторжанка. Русскія національныя платья-прелесть“! Пройдя версты три, Погодинъ съ Топильскимъ сѣли въ коляску и отправились впередъ, въ Желтиковъ монастырь. „Мѣстоположеніе“, пишетъ онъ „пріятное и уединенное. Монастырь окруженъ сосновою рощею, куда пріѣзжаютъ прогуливаться городскіе жители“. Они обошли весь монастырь. „Вездѣ путь открытый: на монастырѣ, въ церквахъ, по стѣнамъ кругомъ; ни кому не говорятъ: „здѣсь нельзя“, „не ходите“; и т. п. крестьяне, нищіе, ходили также свободно

вмѣстѣ съ нами. За оградою и внѣ ограды множество повозокъ съ отпряженными лошадьми и ребятишками. Все какъ-то привольно, свободно, патріархально, на лицахъ какое-то удовольствіе, добродушіе, беззаботность. Нѣтъ, пятьсотъ тысячъ Москвы и Петербурга", замѣчаетъ Погодинъ, „не составляютъ еще Россіи, и чтобъ знать Россію, надо ее разсмотрѣть, и разсмотрѣть не изъ кабинета Московскаго или Петербургскаго, а на мѣстѣ, пожить долго въ каждомъ ея краю, познакомиться со всѣми званіями, ибо дворянинъ Московскій совсѣмъ не то, что Оренбургскій, Курскій, и крестьянинъ Тверской во многомъ непохожъ на Орловскаго, не говорю уже о Малороссійскомъ. Русская Исторія можетъ улучшиться, усовершенствоваться, даже уразумѣться только посредствомъ мѣстныхъ наблюденій и розысканій. Ученые могутъ представить, найти общія мысли, выводы, на тѣхъ высотахъ, гдѣ уже господствуетъ философское безразличіе, могутъ сдѣлать поправки буквенныя, сравнить съ другими исторіями и т. п., но и въ этомъ отношеніи мѣстныя подробности, одни географическія имена могутъ повести ихъ къ общимъ мыслямъ, недостижимымъ по кабинетнымъ путямъ. Впрочемъ это мимоходомъ. Мы осмотрѣли церковь очень бѣдную, какъ кажется по наружности, приложились къ мощамъ св. Арсенія, походили кругомъ. Я послушалъ слѣпыхъ, поющихъ здѣсь еще свои стихи о Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, о страшномъ судѣ, въ которыхъ есть очень много піитическаго, и которыя принадлежатъ къ нашимъ древнимъ національнымъ сочиненіямъ. Но вотъ зазвонили во всѣ колокола. Ходъ приближается. Преосвященный архіепископъ Григорій вышелъ на встрѣчу. Какъ умны, значительны, величественны всѣ наши обряды, самые частные"!

Не дождавшись обѣдни, Погодинъ съ Топильскимъ отправились въ городъ, заѣхавъ по пути въ Рождественскій монастырь, въ которомъ „древняго непримѣтно". Монахиня „очень образованная", показала имъ библіотеку, „въ которой однакожъ ничего не было достопамятнаго".

Въ городъ они пріѣхали по другой дорогѣ, мимо Тресвятскаго, которое со времени митрополита Филарета сдѣлалось пребываніемъ Тверскихъ архіереевъ. „Въ этихъ рощахъ" сказалъ Погодину Топильскій „отправлялись еще недавно празднества въ честь Ярилы или Ерулы". „Какъ называется эта дорога, по которой мы возвращаемся", спросилъ Погодинъ. „Волоколамская".—„И это любопытно, указывая, съ какимъ городомъ какой находился въ большемъ сношеніи".

Въ заключеніе своихъ „любезныхъ одолженій", Топильскій подарилъ Погодину прекрасную рукопись *Псалтири* XV или начала XVI вѣка.

Между тѣмъ. Погодинъ, отправляясь въ Тверь, мечталъ пріобрѣсти тамъ драгоцѣнный пергаментный Кіево-Печерскій Патерикъ. Но владѣлецъ этого сокровища, Ржевскій купецъ Бересневъ, ни подъ какимъ видомъ не соглашался разстаться съ этимъ сокровищемъ. „Г. Глинка", писалъ Погодину Топильскій, „доставилъ ко мнѣ въ оригиналѣ письмо владѣтеля *Патерика*, купца Береснева, который говоритъ, что не можетъ разстаться съ *Патерикомъ* по слѣдующимъ причинамъ: 1) Потому что пріобрѣтать вмѣсто *Патерика* историческія книги онъ не имѣетъ надобности, ибо въ этомъ родѣ есть у него свое изрядное собраніе книгъ. 2) Что не будучи избалованъ счастіемъ, онъ отвыкъ и отказался отъ всѣхъ честолюбивыхъ видовъ, которые могутъ представиться ему въ пожертвованіи рукописи въ пользу ученаго сословія. 3) Что любя Отечество, какъ вѣрный сынъ его, онъ дорожитъ всѣмъ тѣмъ, что до него относится, а потому не можетъ отказать себѣ въ томъ, чтобы не имѣть нѣсколько рукописей его Древней Литературы. По симъ причинамъ Бересневъ настаиваетъ надъ Глинкою, а Глинка надо мною о скорѣйшемъ возвращеніи *Патерика*, который по сему я не смѣю удерживать долѣе, отправляя его съ грустною мыслію, что всѣ наши усилія къ исполненію желанія вашего остались тщетными".

Во время пребыванія своего въ Твери, Погодинъ заинтересовался церковными, народными обычаями и пѣснями. Во

удовлетвореніи своей любознательности, онъ получилъ отъ Топильскаго основательныя свѣдѣнія, которыя онъ изложилъ въ своемъ письмѣ къ нему. „Собирать и навѣдываться буду“, писалъ онъ Погодину, „а собранныя сообщаю: 1) *О крестномъ ходѣ въ Желтиковъ монастырь*. Ходъ этотъ установленъ въ воспоминаніе чуда, совершеннаго основателемъ Желтикова монастыря, Тверскимъ епископомъ Арсеніемъ, хиротонисаннымъ въ концѣ XV столѣтія, который воскресилъ мертваго юношу, изъ числа жителей города Твери, празднующаго съ тѣхъ поръ это событіе поклоненіемъ мощамъ угодника. Ходъ установленъ быть въ первое воскресенье послѣ Петрова дни, до котораго времени остается въ Твери приносимая 26 іюня изъ здѣшняго Дѣвичьяго Рождественскаго монастыря чудотворная икона Тихвинскія Богоматери. Икону эту въ день хода въ Желтиковъ монастырь относятъ обратно изъ Твери въ Рождественскій Дѣвичій монастырь; но обычай этотъ существуетъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ, до того же времени ходъ въ Желтиковъ монастырь и возвращеніе иконы Тихвинскія Богоматери въ Рождественскій монастырь совершались отдѣльно, а соединены для большаго удобства въ отправленіи сихъ процессій. 2) *О празднествѣ Ярилѣ или Ерулѣ*. Праздникъ сей весьма недавно только стараніями Тверскихъ архіепископовъ Іоны и Амвросія (1826—1830 г.) уничтоженъ между черные, отправлявшею оный по совершеніи хода къ чудотворцу Арсенію. Съ перваго воскресенья послѣ Петрова дни молодые люди изъ мѣщанъ, посадскихъ и слободчиковъ каждый день часу въ 8 вечера отправлялись въ рощу Архіерейскаго дома, Тресвятское; туда часамъ къ 10 ночи приходили изъ того же сословія молодыя дѣвушки и праздникъ открывался хорами въ разныхъ группахъ, въ которыхъ перемѣшаны были парни съ дѣвушками; часовъ въ 11 ночи въ каждой группѣ являлся музыкантъ съ торбаномъ, или балалайкою, подъ звуки этихъ инструментовъ, наигрывавшихъ большею частію извѣстный Русскій мотивъ *Барыню*, начиналась пляска *бланжи*. Для сего каждый мущина выбиралъ себѣ дѣвушку съ которою

становился рядомъ. Бланжу танцуютъ въ восемь паръ, начинаютъ тѣмъ, что каждый мущина беретъ дѣвушку сосѣдней пары за руку и кружатся нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, послѣ этого каждый становится на своемъ мѣстѣ; всѣ берутъ другъ друга за руки и дѣлаютъ общій кругъ какъ въ кадрили; за симъ каждая дѣвушка вертится съ подругою сосѣдней пары слѣва, становятся на мѣстѣ и дѣлаютъ то, что называютъ въ танцахъ *шенъ* заключающій танецъ. Празднество продолжается далеко за полночь, оканчиваясь тѣмъ, чѣмъ оканчивались подобныя празднества въ другихъ мѣстахъ Россіи. Теперь не велятъ болѣе собираться въ Тресвятскомъ; но въ то время, когда праздновалось Ярилѣ, пляшутъ бланжу просто на улицахъ предъ домами. 3) Въ Твери, въ лѣтнюю пору за каждымъ крестнымъ ходомъ слѣдуютъ народныя гулянья, совершаемыя большею частію ночью. Съ 8 часовъ вечера ходятъ толпы молодыхъ дѣвицъ, мѣщанокъ, сопровождаемыя молодыми людьми и гуляютъ цѣлую ночь, останавливаясь по временамъ для отдыха и располагаясь для сего просто на мостовыхъ.

Въ Твери *рѣпужницы* (мѣщанки) не пустятъ своихъ дочерей (дѣвочекъ) въ церковь, но каждая мать принарядитъ свою дочь и отпуститъ безъ себя ночью *поневѣститься*.

Гулянья эти суть: а) послѣ Вознесенья, въ которое бываетъ крестный ходъ изъ собора въ церковь сего имени, гуляютъ три или четыре дня за Волгою; б) послѣ Троицына дня, гуляютъ съ недѣлю тамъ же; в) послѣ хода къ Арсенію чудотворцу, гуляютъ двѣ недѣли за Тьмакою; г) послѣ Казанской (8 іюля), гуляютъ до шести или семи дней за Тверцою около Отроча монастыря, потомъ двѣ недѣли въ мѣщанскихъ улицахъ городской части, около Смоленскаго кладбища, прежде и послѣ 18 іюля и послѣднее гулянье бываетъ 29 августа, за Тьмакою, гдѣ гуляющіе прощаются другъ съ другомъ до того времени, пока *Богъ приведетъ на будущее лѣто поневѣститься*. Всѣ эти гулянья рѣшительно совершаются по ночамъ и сопровождаются пѣснями, которыя не поются въ другое время.

„Вотъ все“, заканчиваетъ Топильскій свое письмо, „что попалось; не знаю угожу ли вамъ, по крайней мѣрѣ исполнилъ приказаніе ваше. Съ сентября, когда землемѣры свободнѣе, начинаю поиски объ урочищахъ и названіяхъ. Надѣюсь, что вамъ не угодно будетъ лишить меня посмотрѣть на свою Тверь изъ подъ пера уважаемаго мною Михаила Петровича“.

„Радуюсь за Тверь“, писалъ Погодину Ѳ. Н. Глинка, „что вы ее осмотрѣли. Теща моя Елена Ивановна влюбилась въ васъ“.

Пять дней, проведенные Погодинымъ въ Тверской губерніи, были для него и пріятны и полезны. „Я“, пишетъ онъ, „узналъ и увидѣлъ много новаго, и, главная польза для меня, рѣшился, обозрѣвъ чужіе края, отправляться непремѣнно всякій годъ въ путешествіе по Россіи, которую рѣшительно мы знаемъ очень мало, погрузясь въ своихъ школьныхъ розысканіяхъ и диссертаціяхъ“ [106]).

X.

Мы уже знаемъ, что Бодянскій, по порученію Погодина, трудился надъ переводомъ *Словенскихъ Древностей* Шафарика. Въ 1837 году вышли въ Москвѣ въ переводѣ первыя двѣ книги перваго тома этого сочиненія, хотя третья книга получила цензурное одобреніе въ томъ же году, но вышла въ свѣтъ въ слѣдующемъ 1838 году. Выпуская въ свѣтъ этотъ переводъ, Погодинъ намѣревался снабдить его нижеслѣдующимъ предисловіемъ; но цензура, вѣроятно за рѣзкость, его не пропустила. Въ этомъ *Предисловіи Издателя*, мы читаемъ: „Я кланялся, просилъ, убѣждалъ, предлагалъ, совѣтовалъ, заводилъ общества, обращался къ богатымъ людямъ, своимъ друзьямъ, знакомымъ и незнакомымъ, унижался, чтобъ устроить изданіе на Русскомъ языкѣ,—нужныхъ и полезныхъ книгъ по разнымъ наукамъ, и нигдѣ не имѣлъ успѣха. Я рѣшился наконецъ дѣйствовать одинъ, никому болѣе не уступать этой Новиковской чести, и обращаю на такія изданія свой капи-

талъ, скопленный отъ трудовъ пятнадцатилѣтней литературной жизни. Очень радъ, что первою книгою, такимъ образомъ издаваемою, случилось быть классическому сочиненію знаменитаго нашего единоплеменника, и, смѣю такъ назвать его, моего друга, Шафарика, которое должно замѣнить у насъ цѣлый курсъ древней Европейской Исторіи, Древностей, и Филологіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ сія наука нынѣ принимается въ Европѣ. Пусть площадные гаеры, наемные пасквилянты и привилегированные невѣжи ругаютъ и поносятъ меня сколько имъ угодно, — ихъ ругательства и поношенія вмѣняю себѣ въ честь, которою гордиться имѣю полное право".

Признательный Шафарикъ, преисполненный къ Погодину чувствомъ благодарности, печатно заявилъ: „И тебя благодарю, любезнѣйшій М. П. Погодинъ, который, видѣвши, во время своего у насъ пребыванія въ августѣ 1835 года, мои *Славянскія Древности* еще не оконченными, оцѣнилъ ихъ душой истиннаго славянина, и не переставалъ съ тѣхъ поръ помогать мнѣ всѣми мѣрами къ обогащенію и скорѣйшему изданію ихъ. Не разъ казалось мнѣ при сочиненіи этого творенія, что я какъ будто для однихъ васъ и Палацкаго писалъ его; что одни только вы, читая его, можете сочувствовать и понимать меня; а потому мнѣ весьма пріятно было бы, еслибъ прежде всего ваши глаза съ радостію и любовію остановились на немъ, теперь уже приведенномъ къ концу" [107]).

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ полезному предпріятію Погодина и къ достоинству труда Шафарика нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ. Надеждинъ о достоинствѣ труда Шафарика писалъ Погодину: „учености, трудолюбія, матеріаловъ — бездна; но изложеніе неудовлетворительно: онъ кажется не мастеръ давать свѣтъ и жизнь своимъ идеямъ; онъ второй Нибуръ, только съ плюсомъ, а не съ минусомъ. Впрочемъ, надо прочесть его, видѣть окончательные результаты. Во всякомъ случаѣ переводъ и изданіе этой книги есть великая драгоцѣнность для нашей исторической литературы". А въ одномъ изъ вліятельныхъ органовъ тогдашней печати, а именно въ *Би-*

бліотекѣ для Чтенія, мы читаемъ: „Гг. Бодянскій и Погодинъ спѣшатъ подѣлиться съ нами драгоцѣнными крупицами отъ трапезы Патріарха Славянскаго, который, по увѣренію ихъ, извѣстенъ въ ученомъ Славянскомъ мірѣ самобытностью, глубиною и основательностію мыслей, огромною изумительною ученостію, свѣтлостію взгляда, здравою и безпристрастною критикою, строгимъ и вмѣстѣ яснымъ, естественнымъ образомъ изложенія; уважаемъ: какъ знатокъ Славянскихъ языковъ, Славянской словесности, дѣеписанія и древностей, неутомимый изслѣдователь и благоразумный поборникъ всего Славянскаго", и проч. Это ученое чудо; этотъ великій человѣкъ, котораго и половины достаточно было бы для второго Нибура, обитаетъ въ Богеміи, а Европа до сихъ поръ объ немъ и не вѣдала! Но, слава Богу, онъ теперь открытъ, и, благодаря трудолюбію г. Бодянскаго, который *служитъ въ Русской литературѣ по Словенской части*, и усердію г. Погодина, мы скоро получимъ отъ Богемскаго Гезеніуса всѣ плоды долголѣтнихъ изысканій его о Словенахъ, исторію, географію, языкопознаніе, этнографію, археографію, библіографію Словенскую, словомъ Энциклопедію Словенскую. Въ томъ, что теперь издано по Русски, авторъ идетъ еще по мраку Киммерійскому, ища начала Словенъ среди Скиѳовъ, Гиперборееевъ, Макровіевъ, Меланхленовъ, Аримасповъ, Вендовъ, Сарматовъ, въ которыхъ г. Шафарикъ, повернувъ немножко буквы ихъ имени, открылъ чистыхъ Сербовъ. Все это золото изысканія и корнесловія будетъ наше". О переводѣ же Бодянскаго сказано: „этотъ переводъ сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти Богемскимъ" [108]). Этою статьею возмутился даже одинъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей Сенковскаго, ученикъ его, В. В. Григорьевъ, который съ негодованіемъ писалъ Погодину: „Въ слѣдующей книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* вы увидите коротенькую рецензію на *Словенскія Древности*, которую я, совершенный невѣжа въ этой отрасли Исторіи, написалъ наскоро, единственно потому, что желалъ хоть сколько нибудь противодѣйствовать тому впе-

чатлѣнію, которое можетъ произвести на глупую нашу публику подлый отзывъ объ этой книгѣ, написанный редакторомъ *Библіотеки для Чтенія.* Эта подлость даже у насъ въ Петербургѣ надѣлала имъ много непріятностей. Въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, тоже скоро явится разборъ *Древностей* — думаю довольно безпристрастный; по крайней мѣрѣ, когда я ругалъ отзывъ *Библіотеки для Чтенія*, Краевскій вторилъ мнѣ изъ всей мочи" [109]).

И дѣйствительно Краевскій тоже не остался равнодушенъ къ этой выходкѣ Сенковскаго и въ своихъ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* помѣстилъ противъ него статью А. Д. Галахова.

Въ своей статьѣ Григорьевъ между прочимъ писалъ: „Участь Словенскихъ древностей до настоящаго столѣтія была очень жалка. Разработкою и изслѣдованіемъ ихъ занимались преимущественно, если не исключительно, только ученые Нѣмцы или неученые Словене. Нѣмцы не могли написать объ этомъ предметѣ ничего дѣльнаго потому, что не знали ни языковъ, ни духа народовъ Словенскихъ, и сверхъ того водимы были ложнымъ патріотизмомъ, или, лучше сказать, стариннoю народною враждою къ Словенамъ, которая, нечувствительно для нихъ самихъ, внушала имъ желаніе унижать и уничтожать все Словенское, чтобы потомъ на развалинахъ враждебной народности легче основывать величіе собственнаго, роднаго племени. Еще и теперь даже появляются въ Германіи ученыя диссертаціи и цѣлыя книги, гдѣ доказывается, что Словенъ нѣтъ на свѣтѣ, да и не было никогда, что если они не Монголы, то уже по крайней мѣрѣ Турки или Финны. Словене, писавшіе о своихъ единоплеменникахъ, были столь же неумѣренны, какъ и самые Нѣмцы: большею частію это были люди, лишенные классическаго образованія, безъ знаній и проницательности, нужныхъ для такого рода занятій, люди, которые готовы были видѣть Словенъ во всѣхъ народахъ и для которыхъ всѣ языки міра звучали родными словами. Только недавно, не ранѣе какъ съ начала нынѣшняго столѣтія, появилось между Поляками, Сербами, Богемцами и другими поколѣніями

Словенскими любители отечественной старины, люди съ умомъ свѣтлымъ и обширною ученостію, въ которыхъ любовь къ родному племени не выразилась смѣшнымъ и дѣтскимъ къ нему пристрастіемъ. За то нѣкоторые изъ нихъ, особенно Силезцы, впали въ противную крайность: вмѣстѣ съ ученостію, заимствованною у Нѣмцевъ, они приняли и направленіе анти-Словенское, такъ что, подобно всѣмъ ренегатамъ, стали воевать противъ своихъ народныхъ древностей еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ самые ихъ наставники, Нѣмцы. Но и труды добросовѣстныхъ Славянскихъ ученыхъ по части народной Исторіи, не смотря на многія прекрасно обработанныя части, не представляли доселѣ ничего цѣлаго. Создать это цѣлое, пользуясь изслѣдованіями предшественниковъ, избѣгая ихъ недостатковъ и дополняя недостающее собственными разысканіями, суждено было Шафарику. Вѣнецъ всего написаннаго имъ суть *Словенскія Древности*,—твореніе, которое сдѣлаетъ эпоху въ изысканіяхъ объ Исторіи и жизни народовъ Словенскихъ, которымъ онъ пріобрѣлъ неотъемлемыя права на признательность и уваженіе не только единоплеменниковъ, но и всего ученаго міра. До сихъ поръ это сочиненіе не вышло еще вполнѣ. Тягостные недостатки не позволяютъ автору печатать его съ скоростію, соотвѣтственною собственному его желанію и нетерпѣливымъ ожиданіемъ всѣхъ, кому мила вѣсть о жизни нашихъ предковъ, Словенъ". О переводѣ же Бодянскаго Григорьевъ замѣтилъ: „Переводъ хотя и не изященъ, но вѣрно передаетъ подлинникъ; чего же болѣе требовать отъ переводчика ученаго сочиненія, гдѣ точность и опредѣленность, а не блескъ изложенія, составляютъ достоинство? Переводъ заслуживаетъ вниманіе и въ другомъ отношеніи: это первое знакомство наше съ произведеніями Чешской литературы. Дай Богъ, чтобы съ легкой руки Бодянскаго переводы съ Словенскихъ нарѣчій пошли у насъ въ ходъ. До сихъ поръ мы почти совсѣмъ не знаемъ произведеній Словенской учености и трудолюбія, а пора бы съ ними сблизиться: это было бы первымъ шагомъ къ лучшему познанію нашей Отечественной Исторіи" [110]).

Самъ же Бодянскій откликнулся на глумленіе Сенковскаго двумя, тремя строками: „Переводчикъ *Древностей*", писалъ онъ, считая дѣломъ вовсе безполезнымъ вступаться за книгу или за автора, и не отказываясь отъ чести *служить въ Русской литературѣ по Словенской части*, какъ угодно провозгласить объ этомъ г. Сенковскому, желалъ бы очень съ своей стороны знать: по какой части въ Русской литературѣ служитъ г. Сенковскій" [111]).

Статьи Григорьева и Галахова были сокращенно переведены на Чешскій языкъ профессоромъ Бреславскаго университета, знаменитымъ естествоиспытателемъ Чешскимъ Пуркинею и напечатаны въ Пражской литературной газетѣ *Кветы*.

Въ заключеніи своей защитительной статьи Григорьевъ заявилъ: „Считаемъ долгомъ изъявить признательность издателю *Словенскихъ Древностей* г. профессору Погодину, безъ помощи котораго мы можетъ быть не скоро увидѣли бы ихъ на своемъ языкѣ. Безпрестанныя доказательства благородной любви къ наукѣ г. Погодина утѣшаютъ насъ и печалятъ вмѣстѣ: печалятъ потому, что рождаютъ мало соревнованія и худо цѣнятся". Послѣднее подтверждаетъ и самъ Погодинъ: „Горько мнѣ объявить, что я не могу продолжать изданія Шафариковыхъ *Древностей*. Въ 1829 году я напечаталъ на свой счетъ *Болгаръ* Венелина, но это изданіе не имѣло желаннаго успѣха.— Нынѣ я предпринялъ изданіе монументальнаго творенія Шафарикова, которое для молодыхъ поколѣній должно замѣнить цѣлый курсъ Исторіи и Филологіи Сѣверо-Восточной Европы и всего Словенскаго міра, и встрѣчаю тоже: изданіе трехъ книгъ стоитъ мнѣ около трехъ тысячъ рублей, а куплено у меня только шестьдесятъ экземпляровъ, да предписано Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія разослать по всѣмъ гимназіямъ, кромѣ Московскаго округа, пятьдесятъ семь экземпляровъ" [112]). „Неблагонамѣренные люди", писалъ Погодинъ въ другомъ мѣстѣ, „приняли у насъ *Словенскія Древности* съ ругательствами, но, не смотря на полные вопли, онѣ останутся надолго, подобно сочиненіямъ Шлецера, Добровскаго,

Карамзина, сокровищницами, коими будутъ руководствоваться на пути познанія цѣлыя поколѣнія. Найдутся люди, и въ Европѣ и въ Россіи, которые воздадутъ великому писателю, великому человѣку должную дань благодарности, оцѣнятъ его исполинскій трудъ по достоинству, и лавровымъ вѣнцемъ украсятъ его благородное чело. Я съ своей стороны почитаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай содѣйствовать изданію подлинника для всѣхъ Славянъ, и перевода, для моихъ соотечественниковъ" [113]).

Да и самъ Шафарикъ съ грустью писалъ Погодину: „Что сказать вамъ новаго о нашихъ литературныхъ предпріятіяхъ; у насъ теперь является мало важнаго. Лучшіе наши писатели. Колларъ, Челяковскій, безмолвствуютъ. Новое поколѣніе, молодежь, обѣщаетъ мало потому, что имъ не достаетъ основательнаго ученія. Это время поверхности, торопливости, фейерверковъ. Печальные виды для будущности" [114]).

XI.

По новому, 1835 года, Уставу Россійскихъ Университетовъ полагалась въ первомъ отдѣленіи Философскаго факультета каѳедра Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій. Такъ какъ предметъ сей не входилъ прежде въ составъ университетскаго курса, то трудно было найти преподавателей онаго. Для восполненія этого недостатка, Московскій попечитель графъ С. Г. Строгановъ представилъ объ отправленіи одного молодаго ученаго, посвятившаго себя изученію нарѣчій Словенскихъ на два года за границу и преимущественно въ такія страны, которыя представляютъ въ семъ отношеніи наиболѣе вспомогательныхъ средствъ. Представленіе Московскаго Попечителя удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Выборъ графа Строганова палъ на магистра Московскаго университета О. М. Бодянскаго, который съ особенною любовію, живя въ Москвѣ, занимался изученіемъ Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій. Эти занятія дали графу Строга-

нову увѣренность, что Бодянскій можетъ впослѣдствіи съ пользою занять въ Университетѣ каѳедру по этому предмету, а потому находилъ необходимымъ, для большаго усовершенствованія, отправить его, на счетъ Университета, на два года за границу, вмѣнивъ ему въ обязанность въ теченіе сего времени посѣтить извѣстныя чѣмъ либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи и Пруссіи, а также Варшаву. Высочайшее соизволеніе на это путешествіе Бодянскаго воспослѣдовало 31 августа 1837 года, въ Вознесенскѣ.

Узнавъ о Высочайшемъ соизволеніи, Бодянскій началъ собираться въ путь. Предъ отъѣздомъ онъ писалъ Погодину (отъ 25 сентября 1837 года): „Я пріѣзжалъ къ вамъ по крайней нуждѣ, именно: нельзя ли вамъ будетъ ссудить меня рублями ста-пятидесятью ассигн. до четверга или пятницы слѣдующей недѣли? Мнѣ нужно запастись много кой чемъ на дорогу... 3 или 4 октября я хочу выѣхать непремѣнно... Завтра мнѣ утромъ въ 8-мъ часовъ принесутъ заказанный тулупъ, изъ черныхъ Крымскихъ смушковъ“ [115]).

Въ это время „подъ гостепріимнымъ кровомъ“, А. Д. Черткова пребывалъ въ Москвѣ Н. Н. Мурзакевичъ. Графъ С. Г. Строгановъ, узнавъ о скоромъ выѣздѣ Мурзакевича предложилъ ему взять Бодянскаго спутникомъ до Кіева [116]).

Сохранившіяся письма нашего путешественника къ Погодину даютъ намъ возможность слѣдить какъ за его путешествіемъ, такъ и за его трудами и открытіями.

Въ началѣ октября 1837 года, Бодянскій выѣхалъ изъ Москвы въ Прагу. По пути на Кіевъ онъ посѣтилъ Переяславль и воспитавшую его Семинарію. По благословенію преосвященнаго Полтавскаго Гедеона, Бодянскій обозрѣлъ семинарскую библіотеку. Здѣсь, въ забытомъ уголкѣ Малороссіи, ему удалось открыть два харатейныя Евангелія, одно 1561, а другое 1545 года. Оба эти памятника „на прекраснѣйшемъ пергаментѣ и писаны прекраснѣйшимъ уставомъ“.

Особенное вниманіе Бодянскаго обратило на себя *Еван-*

геліе 1545 г. „Но, что всего важнѣе“, писалъ онъ Погодину, „что должно обрадовать не только васъ, но и всѣхъ прочихъ Словенофиловъ, что, наконецъ, рѣшается окончательно и, кажется, навсегда положительно вопросъ: на какой языкъ переведено было Св. Писаніе Кирилломъ и Меѳодіемъ?“ Въ послѣсловіи этого Евангелія сказано, что оно *выложено изъ языка Болгарскаго на мовь Рускую.* И такъ вотъ вамъ слова переводчика, на какомъ Словенскомъ языкѣ прежде всего хвалили наши праотцы Бога. Подъ языкомъ Русскимъ здѣсь должно разумѣть языкъ Малороссійскій и въ этомъ *Евангеліи*, языкъ Малороссійскій *чистъ какъ звѣзды небесныя*: вотъ второй пунктъ важности этого *Евангелія.* До сихъ поръ мы не знали, что Св. Писаніе, по крайней мѣрѣ Евангеліе, было переведено также и на Малороссійскій языкъ: въ этомъ уже одномъ отношеніи *Евангеліе* это драгоцѣнно, какъ единственный по сю пору памятникъ перевода Св. Писанія на Малороссійскій языкъ, памятникъ Малороссійскаго языка XVI вѣка времени образованія Козачества и Московскаго государства: тутъ бездна соображеній! Въ этомъ *Евангеліи* находятся также изображенія четырехъ Евангелистовъ, весьма хорошія и важныя для исторіи художества въ Малороссіи“. Получивъ это извѣстіе, Погодинъ весьма естественно пожелалъ пріобрѣсть найденное Бодянскимъ сокровище въ свое Древлехранилище. Но Бодянскій о мѣстѣ своей находки выразился въ письмѣ къ Погодину весьма глухо: *въ одномъ забытомъ уголкѣ Украйны.* Эта неопредѣленность оскорбила Погодина и Бодянскій принужденъ былъ оправдываться. „Неужели“, писалъ онъ Погодину, „въ самомъ дѣлѣ вы столько обидѣлись тѣмъ, что я не написалъ вамъ о мѣстѣ нахожденія сдѣланныхъ мною открытій. Стало быть мой купеческій разсчетъ обратился мнѣ же во вредъ, вмѣсто того, какъ я мѣтилъ совсѣмъ на противное. Цѣль моя была умолчаніемъ этимъ побудить васъ, чтобы поскорѣе отвѣчать мнѣ на мое письмо: я зналъ вашу нетерпѣливость въ подобныхъ случаяхъ, и думалъ, признаюсь откровенно, воспользоваться ею для того,

чтобы тотчасъ завязать переписку съ Москвой; но вышло наоборотъ! Впередъ наука! Другаго намѣренія я не имѣлъ и не могъ имѣть: въ этомъ вамъ Богъ свидѣтель! Повѣрьте мнѣ: все, что только найду я замѣчательнаго почему-либо въ своемъ путешествіи, все это прежде всего узнаете вы и Шафарикъ, потому что я знаю, что никто столько не желаетъ мнѣ успѣха въ моемъ странствованіи, никто столько не былъ причиною его, никто такъ не занимается имъ, и, наконецъ, никто больше и лучше не въ силахъ понять и оцѣнить мои извѣстія о Словенщинѣ, какъ вы вдвоемъ".

Въ Кіевѣ, благодаря радушію преосвященнаго Иннокентія, Бодянскій осмотрѣлъ библіотеки Софійскую, Братскую и Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Въ послѣдней ему удалось въ одной книгѣ, называемой *Цвѣтодарованіе*, найти списокъ тѣхъ вельможныхъ домовъ южнорусскихъ, которые отпали отъ Православія и приняли католицизмъ. „Я таки", писалъ онъ Погодину, „довольно порядочно смыслю въ Малороссійской Исторіи, а признаюсь, весьма много встрѣтилъ тутъ такихъ домовъ, которыхъ прежде и не подозрѣвалъ въ Православіи и Русской крови. Въ этой же книгѣ попалось мнѣ еще другое исчисленіе, именно: *яко которая земля вѣру Греческую держала.* Знаете ли, что здѣсь поименованы даже Козары" [117]).

О Кіевскомъ пребываніи Бодянскаго Максимовичъ писалъ Погодину: „Бодянскій напомнилъ мнѣ много изъ старой, и насказалъ много изъ новой Московщины, въ томъ числѣ много изъ круга твоей обширной дѣятельности. Радуюсь ей отъ души, хотя можетъ быть я обязанъ ей же за твое забвеніе меня; ибо не знаю, чему бы другому приписать твою безотвѣтность мнѣ столь долгую. Отвѣтствуй другъ, прерви молчаніе!.. Я заподозрѣлъ Бодянскаго, что онъ прихвастнулъ относительно *восьми тысячъ* пѣсенъ Малороссійскихъ, яко бы имъ собранныхъ въ теченіе *трехъ* лѣтъ въ одной Полтавской губерніи, не выѣзжая изъ Москвы; но онъ говоритъ, что ты можешь это засвидѣтельствовать. Точно ли такъ? Правда ли?

Полно, такъ ли?... У меня только три тысячи въ десять лѣтъ!"... [118])
„Пѣсень я видѣлъ много", отвѣчалъ Погодинъ, „но восемь тысячъ ихъ не считалъ" [119]).

3 Ноября 1837 года, Бодянскій выѣхалъ изъ Кіева. „Холера", писалъ онъ Погодину, „господствующая на Волыни, кажется не много помѣшаетъ мнѣ поскорѣе прибыть къ Шафарику". И дѣйствительно, „чума заградила ему входъ" въ Броды. „Представьте себѣ", писалъ Бодянскій Погодину, „пріѣхать въ Радзивиловъ въ полной надеждѣ черезъ часъ, много два, проскакать границу, и вдругъ вамъ сказываютъ, что нѣтъ возможности ни идти далѣе, ни, даже, прямо попасть въ карантинъ, который долженъ былъ открыться, и то на авось, черезъ четыре дня, да въ немъ пропоститься недѣли двѣ". Это заставило Бодянскаго „направить стопы своя вспять" на Дубно, а оттуда черезъ Луцкъ, Владиміръ въ Устилугъ, нашу таможню на границѣ Царства Польскаго. Въ Варшавѣ Бодянскій прожилъ всего три дня и ни съ кѣмъ не видался изъ тамошнихъ ученыхъ.

Пользуясь оказіей, Погодинъ послалъ съ Бодянскимъ мѣхъ въ подарокъ Шафарику. Этотъ мѣхъ надѣлалъ большихъ хлопотъ Бодянскому. Чтобы избѣжать впереди всякихъ остановокъ и придирокъ на пограничныхъ таможняхъ, Бодянскій рѣшился въ Варшавѣ призвать портнаго и велѣть ему „сшить на живую нитку халатъ" изъ этого мѣха, „покрывъ его пестрой матеріей и обложивъ по сторонамъ тѣми забубенными вычурами, приставивъ также отложной воротникъ изъ подобныхъ же вычуръ". За двѣ или за три станціи до таможни Бодянскій обыкновенно вынималъ его изъ чемодана, надѣвалъ на себя подъ шинель, и такимъ образомъ „въ этой багряницѣ переѣзжалъ черезъ Стиксъ. Нѣмцы, смотря на него въ этомъ нарядѣ, „Богъ знаетъ какимъ богачемъ почитали Русса, и, кажется, одинъ изъ нихъ разъ какъ-то произвелъ его въ князья; а другой—въ бароны".

Изъ Калиша Бодянскій отправился въ Бреславль, гдѣ прожилъ два дня и ничего не видѣлъ, „потому что сидѣлъ—за-

першись въ комнатѣ, и досадуя, что не съ кѣмъ было помѣняться парой-другой словъ ‚Словенскихъ“. Вообще, по замѣчанію Бодянскаго, „Силезію можно вычеркнуть изъ моего плана; тутъ кромѣ изуродованныхъ Словенскихъ названій городовъ, селеній, урочищъ ничего уже нѣтъ Словенскаго“. Тѣмъ не менѣе, Бодянскому на обратномъ пути въ Россію удалось въ этой онѣмеченной Силезіи найти тотъ памятникъ, который далъ ему поводъ написать статью *О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Словено-Булгарскій.*

Въ Трутновѣ, первомъ Чешскомъ городѣ, Бодянскій услышалъ впервые живой Чешскій языкъ и „благословясь“, писалъ онъ Погодину, „пустился вкривь и вкось болтаясь на немъ. Впрочемъ дѣло шло ладно: я очень хорошо понималъ Чещину; а что важнѣе, такъ это то, что меня понимали. Это такъ меня радовало, что я со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ болталъ безъ умолку и, признаюсь, въ Подѣбрадѣ, за нѣсколько миль до Праги, содержатель гостиницы не хотѣлъ вѣрить, чтобы я былъ Руссъ. *Руссы*, сказалъ онъ мнѣ, *сколько я ихъ ни видалъ, обыкновенно говорятъ съ нашимъ братомъ по-Нѣмецки*“.

1 декабря 1837 года, послѣ полуторамѣсячнаго странствованія, Бодянскій „ввалился“ въ Прагу и остановился въ гостиницѣ *Австрійскаго Императора* на Порѣчьѣ. „Уфъ!“, писалъ онъ Погодину, „насилу доскакалъ! Насилу добрался, наконецъ, до Праги, перваго прага моего путешествія! Далеко же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ прагъ или Прага; если всѣ праги моей скитальнической жизни будутъ такъ дешево обходиться, съ такими хочу не хочу путешествіями, то, кажется, гораздо прямѣе и скорѣе можно будетъ пробраться въ царство небесное, чѣмъ до прага вашего Дѣвичьяго дворца, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михайло Петровичъ! Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть верстъ на первый разъ!“

Черезъ четверть часа по пріѣздѣ въ Прагу, Бодянскій сѣлъ въ фіакръ и отправился къ Шафарику, который принялъ его

какъ стараго знакомаго. На другой день, рано утромъ, Шафарикъ отдалъ визитъ и съ тѣхъ поръ не проходило дня, въ который бы они не видѣлись. Вскорѣ, при помощи Шафарика, Бодянскій поселился по сосѣдству съ нимъ на Новой аллеи, близъ Конскаго торга у старушки нѣмки Кнаутъ. „Вы знаете", писалъ Бодянскій Погодину, „что я пью только чай, квасъ и воду: квасу здѣсь нѣтъ и даже никто не вѣдаетъ, что это такое; отъ чаю я отказался, и остался при одной водѣ, чтобы какъ-нибудь сберечь лишнюю копѣйку на черный день".

Увѣдомляя о пріѣздѣ Бодянскаго въ Прагу, Шафарикъ писалъ Погодину: „Я постараюсь изъ всѣхъ силъ, чтобы онъ употребилъ здѣсь свое время съ пользою, и чтобы литературное путешествіе его принесло плоды. Мы принялись уже усердно за Чешскій языкъ. Я не могъ пригласить его къ себѣ, по случаю тѣсноты квартиры, а главное по случаю болѣзни моей жены и тещи. Всю эту зиму домъ мой былъ больницей, но я старался устроить его насколько могъ лучше и надѣюсь, что онъ остался доволенъ". „Шафарикъ для меня", писалъ самъ Бодянскій Погодину,—„цѣлая академія; ему я болѣе всѣхъ обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ принести мнѣ столько пользы, какъ онъ. Конечно, есть здѣсь и другіе умные, ученые и заслуженные Чехи, но они, большею частію, занимаются одною какою-нибудь отраслію; напротивъ, Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ Словенщины: это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о Словенахъ. Каждый день имѣю я случай замѣчать это, и когда помыслю, чего это стоило ему при такихъ крутыхъ его обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь. Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія и борьбы съ своей, слишкомъ къ нему неблагосклонной судьбой, я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Страдая ужаснѣйшимъ ревматизмомъ, гибельно дѣйствующимъ на него въ нынѣшнюю, необыкновенно холодную въ здѣшнихъ краяхъ зиму, онъ ни на часъ не покидалъ пера, и только за письменнымъ столомъ забы-

валъ свои тѣлесныя мученія. Прибавьте къ этому почти всегда болящую жену, тещу и двухъ сыновей, его недостатокъ въ нужнѣйшихъ житейскихъ потребностяхъ, и не смотря на все это, постоянную, неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ, ни на волосъ гордости, спѣси или себялюбія, и вы, и всякій изъ насъ, по неволѣ станетъ удивляться этому мужу“.

Водворившись въ Прагѣ, Бодянскій намѣревался пуститься *во вся тяжкая Словенщины*. „Прежде всего“, писалъ онъ Погодину, „хочу изучить до мелочей Чешскій, Лузацкій, Моравскій и Словацкій языки съ Шафарикомъ, потомъ Сербскій и Вендскій, далѣе Древне-Словенскій, Исторію Словенъ, новѣйшую особенно: древняя вся почти въ Словенскихъ Древностяхъ Шафарика, Палеографію, исторію Словенскихъ литературъ и, наконецъ, Словенскую нумизматику въ Музеѣ, по крайней мѣрѣ Чешскую. Я не ворочусь къ вамъ безъ того, чтобы не говорить на всѣхъ нынѣшнихъ Словенскихъ языкахъ, это необходимо для живаго и плодоноснаго знанія Словенщины, иначе все будетъ мертво, препятствій, недоразумѣній, сомнѣній легіоны на каждомъ шагу. Теорію я повѣрю на самомъ дѣлѣ“!

Въ Прагѣ Бодянскій засталъ двухъ русскихъ, питомцевъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, М. И. Касторскаго (костромича) и Н. Д. Иванишева (кіевлянина). „Оба они“, писалъ Бодянскій Погодину, „пріѣхали въ сентябрѣ изъ Берлина: первый трудится надъ переводомъ Краледворской рукописи на нашъ языкъ. Но, между нами будь сказано, я не ожидаю ничего особеннаго отъ его труда. Второй переводитъ съ Ганкой древнія Чешскія права на Русскій языкъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бодянскій интересовался тѣмъ, что толкуютъ въ Москвѣ объ его путешествіи. „Не выдумала ли она“, пишетъ онъ, „на досугѣ, чего курьезнаго? Въ *Preuss. Staatszeit.* уже прозвонили обо мнѣ, изуродовавъ пуще Божьяго милосердія мою фамилію: какимъ каналомъ дошло до нихъ свѣдѣніе объ этомъ, не понимаю; только и самъ Obersttenfel не можетъ разгадать, кто блуждаетъ по Словенщинѣ“.

Свою первоначальную обстановку въ Прагѣ Бодянскій рисуетъ Погодину въ такихъ чертахъ: „Я еще ничего не привелъ въ порядокъ: въ комнатѣ у меня все разбросано: книги, платье, сапоги, щетки, даже кусочки хлѣба и т. п., все это вмѣстѣ живетъ пока дружно и миролюбиво, странно переплетаясь и мѣшаясь одно съ другимъ. Когда улажу это, возстановлю гармонію между каждымъ недѣлимымъ изъ житейскихъ принадлежностей (пфу! какая чертовщина лѣзетъ въ голову!), тогда будетъ побольше порядка и въ моей головѣ“ [120]).

Связи самого Погодина съ Словенскимъ міромъ все болѣе и болѣе укрѣплялись. Онъ ведетъ обширную Словенскую переписку. Безпрестанно получаетъ письма изъ Варшавы, Львова, Праги, Пешта, Вѣны. Бесѣдуетъ съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ „о Шафарикѣ, Богеміи“, скорбитъ „о нынѣшнемъ стремленіи разъединяться“ [121]), посылаетъ Шафарику проповѣди Филарета и Иннокентія, Виѳліоѳику, Псковскую и Супральскую лѣтописи, сочиненія Жуковскаго, Муханова, Шевырева, Снегирева, Сахарова, Иванова, Морошкина; взываетъ къ издателямъ о доставленіи ему въ особенности историческихъ и филологическихъ трудовъ ихъ для пересылки Словенамъ; мечтаетъ, „если книжный капиталъ его увеличится“, устроить въ Прагѣ книжную лавку Русскую для Словенъ, которые „всѣ жаждутъ читать Русскія книги“ и при этомъ сознается, что при его „обширныхъ связяхъ ему очень легко пустить это дѣло въ ходъ. Произведенія есть“, говоритъ онъ, „потребители есть, нужны только каналы, и во что бы ни стало, я проведу ихъ, не смотря на разныя препятствія“ [122]). Наконецъ Погодинъ съ восторгомъ читаетъ, только-что вышедшую въ 1837 году, „книгу-оду“ Колара *о литературной взаимности между различными корнями и нарѣчіями Словенской націи* [123]).

XII.

„Наша журналистика“, писалъ Максимовичъ Погодину, изъ Кіева 10 ноября 1837 года, „опять и еще болѣе сосре-

доточивается въ рукахъ ярыгъ... Москва неужели ничего не противупоставитъ" [124])?

Это желаніе Максимовича исполнилось. Въ Москвѣ въ это время вмѣстѣ съ Дворомъ пребывалъ и Жуковскій. „Какъ въ основаніи *Московскаго Вѣстника*", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „принималъ непосредственное участіе Пушкинъ, такъ *Москвитянинъ* обязанъ почти своимъ существованіемъ Жуковскому. На обѣдѣ у князя Д. В. Голицына рѣшено было изданіе. Просвѣщенный Московскій градоначальникъ взялся ходатайствовать объ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, потому что разрѣшеніе издавать журналъ сопряжено было тогда съ великими затрудненіями" [125]).

Сохранилась современная запись Погодина объ этомъ обѣдѣ, происходившемъ 2 ноября 1837 года, на которомъ получилъ свое бытіе *Москвитянинъ*. Въ этой записи мы съ удивленіемъ читаемъ слѣдующее: „Обѣдъ простой литературный, гдѣ сіятельные говорили такую дичь, что уши вяли у меня. Послѣ обѣда поймалъ я ихъ за слово, и рѣшено было издавать *Наблюдатель* (sic) мнѣ и Шевыреву. Непремѣнно должно принесть эту жертву литературѣ. Жуковскій хорошо говорилъ за насъ. А Строгановъ все лавируетъ. Каченовскій жаловался на меня за отвѣтъ объ антикѣ" [126]). Тѣмъ болѣе удивляетъ насъ эта запись, что чрезъ нѣсколько дней послѣ этого обѣда, графъ С. Г. Строгановъ весьма *прямо* и положительно писалъ (отъ 16 ноября того же 1837 года) слѣдующее С. С. Уварову: „Профессоры Московскаго Университета Погодинъ и Шевыревъ вошли ко мнѣ съ прошеніемъ о дозволеніи имъ издавать съ будущаго 1838 года литературный журналъ: *Москвитянинъ*, по прилагаемой у сего программѣ. Принимая въ соображеніе, что гг. Погодинъ и Шевыревъ извѣстные уже въ ученомъ мірѣ лица, съ одной стороны, трудами своими могутъ содѣйствовать къ распространенію просвѣщенія и сообщать полезныя и любопытныя свѣдѣнія по части литературы и наукъ вообще, съ другой же предвидя, что издаваемый въ Москвѣ журналъ: *Наблюдатель*, съ наступаю-

щаго года долженъ прекратиться, я нахожу, что изданіе въ Москвѣ литературнаго повременнаго сочиненія весьма необходимо по многимъ отношеніямъ. Почему долгомъ поставляю себѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи гг. Погодину и Шевыреву Высочайшаго соизволенія издавать предполагаемый журналъ: *Москвитянинъ*. При этомъ имѣю честь напомнить, что ваше высокопревосходительство изъявили готовность свою, въ случаѣ надобности поддержать нѣкоторымъ пособіемъ со стороны казны изданіе Московскихъ журналовъ. Если ваше высокопревосходительство одобрите предположеніе изданія журнала: *Москвитянинъ* и испросите на это Высочайшее соизволеніе, то я полагаю, что гг. Погодинъ и Шевыревъ встрѣтятъ въономъ надобность при началѣ изданія журнала своего. Для чего покорнѣйше прошу васъ разрѣшить выдать имъ единовременно въ пособіе изъ доходовъ Типографіи Московскаго Университета до шести тысячъ рублей".

Это представленіе графа Строганова имѣло полный успѣхъ. Въ день Рождества Христова, Уваровъ докладывалъ Государю: „Попечитель Московскаго Учебнаго Округа представилъ, что профессоры тамошняго Университета *Погодинъ* и *Шевыревъ* подали ему прошеніе о дозволеніи имъ издавать литературный журналъ, подъ названіемъ: *Москвитянинъ*. Содержаніе этого изданія должны представлять: изящная словесность, науки, разборы замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной словесности, библіографія и смѣсь, въ которой постояннымъ отдѣломъ будутъ *Московскія Записки*. Въ Москвѣ издается теперь одинъ только литературный журналъ, и тотъ, выходя въ свѣтъ очень медленно и неисправно, по всей вѣроятности, какъ открывается изъ полученныхъ изъ Москвы свѣдѣній, долженъ будетъ прекратиться съ будущаго года. Признавая, что изданіе въ Москвѣ литературнаго повременнаго сочиненія полезно по многимъ отношеніямъ, и принимая въ соображеніе, что профессоры Шевыревъ и Погодинъ могутъ содѣйствовать къ распространенію свѣдѣній по части

словесности и наукъ, имѣю счастіе, на основаніи заключенія Главнаго Управленія Цензуры, всеподданнѣйше испрашивать соизволенія Вашего Императорскаго Величества на предполагаемое Погодинымъ и Шевыревымъ литературное изданіе: *Москвитянинъ*".

На этомъ докладѣ Государь собственноручно начерталъ: *Согласенъ, но съ строгимъ должнымъ надзоромъ.*

„Поздравляю васъ и г. Шевырева", писалъ В. В. Григорьевъ, „съ позволеніемъ издавать журналъ. Въ Петербургѣ это радуетъ всѣхъ порядочныхъ людей. Только ради Бога не сдѣлайте изъ вашего журнала чего-нибудь похожаго на *Наблюдатель* или *Литературныя Прибавленія*. Если позволите, то и я буду вашимъ сотрудникомъ, не такимъ, которые пишутъ десять строкъ въ годъ, а самымъ дѣятельнымъ и точнымъ. Я буду доставлять вамъ: 1) разборъ всѣхъ книгъ о Востокѣ, 2) всѣ новости литературныя и ученыя о Востокѣ. Мнѣ будутъ помогать Петровъ и Савельевъ, тотъ, котораго статью о путешествіи патріарха Макарія вы читали можетъ быть въ *Библіотекѣ для Чтенія*. Еще: если у васъ мало стиховъ, а стихи будутъ у васъ печататься, то я достану вамъ и стиховъ многихъ извѣстныхъ поэтовъ. Видите какой я услужливый. Самъ напрашиваюсь на разные хлопоты. Надѣюсь, что вы не станете меня за это бранить, какъ ужъ часто случалось со мной. Опытъ не исправляетъ меня; я родился подъ планетою Меркурія и вслѣдствіе извѣстныхъ свойствъ этого бога *неисправимъ, хоть брось*" [127]).

Предпріятію Погодина издавать журналъ весьма обрадовался и Бодянскій, который писалъ ему: „Я узналъ отъ Станкевича, что вы съ С. П. Шевыревымъ получили позволеніе издавать журналъ, но онъ и самъ не знаетъ хорошенько, въ которомъ году. Стало быть *Наблюдатель* успе о Господѣ: миръ праху его! Вы имѣете довольно времени для накопленія матеріаловъ; съ моей стороны будетъ сдѣлано все, что только могу: письма, замѣчанія, извѣстія, выписки, указанія и проч. Свидѣвшись съ вами, мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе и уладимъ Сло-

венскую часть, которая, по моему мнѣнію, должна быть непремѣнно статьею въ каждомъ номерѣ вашего журнала; но въ выборѣ надобно быть чрезвычайно осмотрительными" [128]).

Самъ же Погодинъ не особенно радовался этому. По крайней мѣрѣ вотъ что онъ писалъ Максимовичу: „Я съ Шевыревымъ получилъ позволеніе издавать журналъ *Москвитянинъ*. Что-то не хочется! Устарѣлъ! А надо приготовляться. Смотри же и ты". Максимовичъ отвѣчалъ: „Ты такъ много дѣйствовалъ и трудился для Исторіи собственно, что пора же тебѣ только для нея полагать голову свою, дѣйствуя лишь средствами отъ тебя зависящими на просвѣщеніе вообще: стремленіемъ къ нему да не отвлекаешься отъ Исторіи, которая ждетъ отъ тебя много, на которой должно быть твое сосредоточеніе,—а журналъ—вѣтеръ, разсѣваетъ. И потому я радъ и тому, что тебѣ не хочется. Нужна конечно была бы оппозиція; но эта именно оппозиціонность и не стоитъ труда. Впрочемъ, если, сверхъ чаянія, заваришь *Москвитянина*, то и я не премину подкинуть въ него дробокъ чумацкой соли, а можетъ быть и цѣлаго чабока всунуть,—а коли размахнется рука, то и голушку для писальнаго горла. Но мнѣ лучше мыслить о тебѣ, дѣйствующемъ на западныхъ Славянъ. Я съ удовольствіемъ читалъ воззваніе къ тебѣ въ Шафариковой Старинѣ... Вотъ здѣсь твое дѣло,—одинъ ты за всѣхъ насъ"! Въ томъ же духѣ, но еще рѣзче писалъ къ Погодину и Надеждинъ: „Не знаю, радоваться ли *Москвитянину*. Скажу тебѣ откровенно: я не ожидаю, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ. Про себя ты пишешь самъ, что сердце твое не лежитъ къ нему. Это, братъ, не отъ устарѣлости. Это отъ того, что ты самъ темно чувствуешь, что я говорю теперь. Ни ты, ни Шевыревъ, ни кто-либо изъ васъ Москвичей, мнѣ извѣстныхъ,—не можетъ быть журналистами въ томъ смыслѣ, какой нуженъ для успѣха въ публикѣ. Что ни говори, а съ Сенковскимъ и Полевымъ трудно тягаться на этомъ поприщѣ. Кромѣ личной способности этихъ людей къ базарному тону и продѣлкамъ, они ворочаютъ если не капиталомъ, то креди-

томъ Смирдина. Гдѣ все это вы возьмете? Журналъ вашъ будетъ уменъ, благороденъ: такъ, но этого мало! Вспомни судьбу *Московскаго Вѣстника*. Жалкая тѣнь *Наблюдателя* и теперь предъ нашими глазами. Кстати о *Наблюдателѣ*. Что онъ? Будетъ ли продолжаться? Или, если кончится—то когда? Право, грустно за Москву, когда видишь, какъ онъ, единственный представитель Московской журналистики, считается запоздалымъ страшилищемъ!" [120]).

Какъ бы то ни было, въ 1837 году, въ годъ смерти Пушкина, положено основаніе *Москвитянину*; но выходить онъ началъ только съ 1841 года.

Послѣ смерти Пушкина, *Современникъ* началъ издаваться въ пользу его семейства. Друзья покойнаго: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, П. А. Плетневъ приняли на себя завѣдываніе изданіемъ. Къ нимъ примкнулъ и А. А. Краевскій.

Въ это время кругъ дѣятельности А. А. Краевскаго все болѣе и болѣе расширялся, такъ что Сербиновичъ писалъ Погодину: „Въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* набираю новыхъ чиновниковъ. Краевскій долженъ былъ меня оставить: у него тьма другихъ занятій". И дѣйствительно, онъ въ это время сдѣлался редакторомъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*. „Читаете-ли вы ихъ?", спрашиваетъ онъ Погодина, „какъ ихъ находите? Пожалуйста не церемоньтесь и пишите откровенно. Здѣшніе, Жуковскій и Вяземскій, поругивали-таки меня, а я всегда былъ имъ за то благодаренъ". Въ тоже время онъ не остается равнодушнымъ къ предпріятію нѣсколькихъ капиталистовъ завести типографію для печатанія „нѣсколькихъ хорошихъ дѣтскихъ книжекъ, а именно *Прогулокъ съ дѣтьми, Прогулку по Москвѣ и ея окрестностямъ*". Сію послѣднюю прогулку Краевскій предлагалъ написать Погодину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по выходѣ изъ Археографической Коммиссіи основателя ея П. М Строева, Краевскій является и тамъ дѣятелемъ. „Я вышелъ уже въ отставку изъ редакціи *Журнала Министер-*

ства Народнаго Просвѣщенія", писалъ онъ Погодину, „и остался членомъ Археографической Коммиссіи, которая поручаетъ мнѣ изданіе *Волынской лѣтописи* и разборъ Архива Аптекарскаго Приказа. Работавъ четыре года за моего почтеннаго редактора Сербиновича, я уже усталъ: пусть другой поработаетъ столько и вытерпитъ четыре года скучнѣйшихъ трудовъ и непріятностей безъ награды! Ибо крестъ мнѣ данный — награда за Коммиссію: тамъ всѣ получили при изданіи *Актовъ*—кресты, даже Строевъ, работавшій безъ года недѣлю и только переписывавшій бумаги... Да благословитъ Богъ намѣреніе ваше завести книжную лавку. А то стыдъ и срамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскому, въ помощь Жуковскому, поручено было разбирать посмертныя бумаги Пушкина. „Что тамъ найду, напечатаю у себя въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, разумѣется не очень устарѣлое". Но Погодинъ пенялъ Краевскаго за то, что „молодой журналистъ якобы забылъ стараго". Но это „неправда", возражаетъ Краевскій, „но дѣло въ томъ, что молодой журналистъ не имѣетъ права ни на одинъ экземпляръ *Литературныхъ Прибавленій*, издающихся не на его деньги". Въ тоже время Краевскій ходатайствуетъ предъ Погодинымъ за брата своего товарища, прославившаго впослѣдствіи свое имя въ области Медицины. „Братъ добраго моего пріятеля", пишетъ Краевскій, „университетскаго однокашника, Павелъ Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, лекарь 1-го отдѣленія, окончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1835 году, а въ слѣдующіе два года плававшій къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, исправляя должность врача и натуралиста, теперь въ Москвѣ и собирается держать экзаменъ въ доктора Медицины. Не мудрено, что разныя школьныя мелочи вышли у него изъ головы, а между тѣмъ это можетъ повредить ему, особенно у молодыхъ профессоровъ, которыхъ способъ преподаванія и образъ мыслей вовсе ему незнакомы. Сдѣлайте одолженіе, сведите его съ этими господами"...

Сдѣлавъ это отступленіе ради А. А. Краевскаго, вернемся къ *Современнику*.

„*Современникъ* непремѣнно будетъ продолжаться“, писалъ Погодину Любимовъ, „разрѣшеніе уже вышло. Вчера у Одоевскаго видѣлся я съ княземъ Вяземскимъ, который поручилъ мнѣ написать къ вамъ и просить, чтобы вы и всѣ ваши и наши присылали сюда побольше статей для *Современника*. Не забудьте, что это дань Пушкину, ибо будетъ издаваться въ пользу дѣтей его... Жуковскій, Вяземскій и Одоевскій и всѣ хлопочутъ, чтобы все было какъ можно лучше и изящнѣе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ друзья Пушкина всѣми силами старались привести въ ясность хозяйственныя дѣла *Современника*. Князь Одоевскій поручилъ Любимову передать Погодину и Шевыреву нижеслѣдующее: „Извѣстно, что довольно значительное число экземпляровъ *Современника* разослано было покойнымъ Пушкинымъ для продажи къ разнымъ Московскимъ книгопродавцамъ, но къ кому и сколько продано, и сколько сталось—неизвѣстно; почему и слѣдуетъ теперь все это вывести на чистую воду, объѣхавъ и разспросивъ всѣхъ Московскихъ книжниковъ и фарисеевъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Любимовъ сообщаетъ Погодину, что „главный коммиссіонеръ, съ кѣмъ Пушкинъ имѣлъ дѣло по журналу, Селивановскій, и какъ по всему видно самый неисправный. Къ нему-то и слѣдуетъ въ особенности обратиться о сведеніи счетовъ. Скажите, что у Пушкина въ бумагахъ нашлись счеты посланнымъ къ нему экземплярамъ (что впрочемъ выдумка)“. Съ своей стороны и Краевскій взывалъ къ Погодину: „Ради Бога, уладьте дѣла *Современника*, о которыхъ писать вамъ поручили мы Любимову. Теперь деньги за *Современникъ* вещь святая—онѣ сиротскія и за каждую копѣйку надо будетъ отдать отчетъ совѣсти; да пришлите свою лепту въ *Современникъ*, подбейте на тоже Шевырева, Хомякова, Павлова, Языкова, Баратынскаго; стыдно вамъ и имъ будетъ, если ничего не пришлете въ журналъ, посвященный *Памяти Пушкина*!“ [130]).

Въ видѣ лепты, Погодинъ доставилъ князю П. А. Вязем-

скому, для напечатанія въ *Современникѣ* стихотвореніе Пушкина *Герой* при слѣдующемъ письмѣ: „посылаю вамъ это стихотвореніе. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ Пушкину... Я напечаталъ стихи въ *Телескопѣ*, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго *утѣшься*, 29 сентября 1830, есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время холеры". Когда стихотвореніе это было напечатано въ *Современникѣ*, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Я узнаю, къ сожалѣнію моему, что М. П. Погодинъ сердился за неисправное напечатаніе стиховъ Пушкина *Герой*. Тутъ вины моей не было: я тогда сидѣлъ безъ глазъ и поручилъ корректуру Коркунову; но и онъ, кажется, не виновенъ, а списокъ былъ неисправенъ. Присланный же изъ Москвы списокъ оставался у Жуковскаго" [131]).

Въ письмѣ своемъ къ князю Вяземскому Погодинъ спрашивалъ о бумагахъ Пушкина. На этотъ вопросъ отвѣчалъ Коркуновъ. „Князь Вяземскій болѣнъ глазами", писалъ онъ Погодину, „и просилъ васъ увѣдомить, что до сихъ поръ въ бумагахъ Пушкина отыскано: Изъ стихотвореній: 1) Мѣдный Всадникъ; 2) Сцены изъ Донъ-Жуана; 3) Сцены изъ Русалки; 4) Отрывки изъ какой-то поэмы *Черкесы*, и 5) Много мелкихъ стихотвореній. Изъ прозы: 1) Отрывокъ изъ повѣсти Египетскіе вечера; 2) Начало романа, писаннаго карандашемъ, и 3) Нѣсколько объясненій на пѣснь о полку Игоревѣ. Но стиховъ: Пророкъ, Островскій, VIII-ю главу Онѣгина, о которыхъ вы пишете къ князю Вяземскому, не отысканы, и Князь проситъ написать объ нихъ подробнѣе все, что вы узнаете". Оправившись отъ болѣзни глазъ, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Вы знаете причины моего долгаго молчанія, и потому отлагаю въ сторону извиненія и оправданія... Будьте правою рукою нашею въ Москвѣ, пишите и забирайте все, что можете. Надѣюсь, что Шевыревъ, Павловъ и другіе Московскіе литераторы не откажутся участвовать въ

загробномъ журналѣ Пушкина. Нужно необходимо, чтобы въ *Современникѣ* явились имена всѣхъ порядочныхъ людей пишущихъ. Будьте покойны, всѣ бумаги Пушкина сохранены и находятся въ рукахъ Жуковскаго. Все, что можно, будетъ изъ нихъ напечатано. Многія рукописи еще не разобраны и не переписаны за отъѣздомъ Жуковскаго, но это дѣло впереди. На первый случай достаточно озаботиться и привести къ окончанію годъ *Современника* и полное изданіе стараго. Вы говорите о возстановленіи пропусковъ. Какъ бы не такъ! Мы рады, что успѣли послѣ многихъ ошибокъ удержать въ цѣлости и въ неприкосновенности отъ цензуры и то, что уже было напечатано. Хорошо бы собрать по всѣмъ рукамъ письма Пушкина, и каждому изъ пріятелей его написать воспоминаніе о немъ. Время полной и живописной біографіи еще не настало, но сверстникамъ его слѣдуетъ приготовить матеріалы для будущаго сооруженія". Въ этомъ же письмѣ князь Вяземскій проситъ Погодина выручить принадлежащій ему экземпляръ *Для немногихъ* съ своеручною подписью Жуковскаго на его имя, который Смирдинъ видѣлъ у Ширяева. Экземпляръ этотъ, по словамъ князя Вяземскаго, „не могъ иначе попасть въ чужія руки, какъ ошибкою или злоупотребленіемъ".

Въ это время Погодинъ уже началъ писать похвальное слово Карамзину и объ этомъ онъ извѣстилъ князя Вяземскаго, прося его содѣйствія въ этомъ трудѣ. „Кажется лучшее къ тому средство", отвѣчаетъ ему князь Вяземскій, „прислать намъ заблаговременно вашу рукопись для пополненія подробностей и вставки того, что можетъ быть для васъ неизвѣстнымъ. Впрочемъ, лучшій и вѣрнѣйшій источникъ всѣхъ возможныхъ свѣдѣній о жизни Карамзина у васъ подъ рукою: это И. И. Дмитріевъ. Смѣло можете обратиться къ нему, не пугаясь его *старо* и *иновѣрія*. Ручаюсь, что найдете въ немъ усердную и добродушную готовность" [132]).

Но, какъ мы сейчасъ съ прискорбіемъ увидимъ, не долго

довелось Погодину черпать изъ этого чистаго и глубокаго источника, указываемаго княземъ Вяземскимъ.

XIII.

Въ самомъ началѣ 1837 года мы утратили Пушкина, за нимъ послѣдовалъ Евгеній, а въ концѣ того же 1837 года сошелъ въ могилу И. И. Дмитріевъ.

Когда впечатлѣніе отъ критикъ Арцыбашева, помѣщаемыхъ нѣкогда въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, изгладилось, прежнее благоволеніе И. И. Дмитріева къ Погодину возвратилось, а въ концѣ жизни Дмитріева Погодинъ былъ даже ласкаемъ имъ. Онъ снова сталъ посѣщать знаменитый домъ на Спиридоновкѣ противъ церкви св. Спиридонія, который вспоминая князь П. А. Вяземскій писалъ:

Какъ много вечеровъ, безъ свѣтскихъ развлеченій,
Но полныхъ прелести и мудрыхъ поученій,
Здѣсь съ старцемъ я провелъ [133]).

И. И. Дмитріевъ часто говорилъ Погодину объ обязанности его написать похвальное слово Карамзину и взялъ даже съ него *честное слово* исполнить это [134]). Часто посѣщая И. И. Дмитріева, Погодинъ любовался его прекрасной библіотекою. Дмитріевъ показывалъ ему „много важныхъ книгъ“, которыя возбуждали въ Погодинѣ желаніе заняться ими. „Но когда“? И какъ бы съ упрекомъ обращаясь къ себѣ, Погодинъ восклицаетъ: *Марео, Марео, печешися и молвиши о мнозѣ службѣ*! Вмѣстѣ съ Дмитріевымъ Погодинъ оплакивалъ кончину почтеннаго П. П. Бекетова и хотѣлъ было помолиться надъ его прахомъ въ Симоновѣ, но тамошній архимандритъ, извѣстный Мельхиседекъ, отклоняетъ Погодина отъ исполненія этого благочестиваго намѣренія и мы объ этомъ встрѣчаемъ слѣдующую странную запись въ *Дневникѣ* его: „Архимандритъ отклоняется отъ обѣдни за упокой и панихиды, побаивается тайной полиціи.

Архимандритъ. Вы хотите говорить рѣчи.

Погодинъ.. Что за вздоръ!

Архимандритъ. И я говорилъ тоже, ну а какъ заговорятъ" [135]).

Немного пережилъ и И. И. Дмитріевъ своего двоюроднаго брата и друга.

Не задолго до своей кончины, Дмитріевъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Погодинымъ въ Англійскомъ клубѣ. „Иванъ Ивановичъ былъ совершенно здоровъ, писалъ Погодинъ его племяннику М. А. Дмитріеву, „въ началѣ этой недѣли, въ середу мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ клубѣ, передъ столомъ онъ говорилъ со мною о *Вивліоѳикѣ* Новикова, о многихъ любопытныхъ статьяхъ, въ ней помѣщенныхъ, о выборкѣ изъ нея, которую онъ когда-то дѣлалъ, касательно древней нашей дипломатики, о томъ, что было бы полезно перепечатать ее теперь, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи. Потомъ разсказалъ мнѣ, и съ большимъ участіемъ, если не чувствомъ, исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, у котораго остановлено изданіе *Христіанскаго Календаря*, и который теперь совсѣмъ разоряется; бранилъ привязчивыхъ цензоровъ: „не стыдно ли двумъ ученымъ сословіамъ, гражданскому и духовному, Университету и Академіи, напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? изъ какихъ-то пустяковъ! Я пришлю его къ вамъ, и вы увидите въ чемъ дѣло. А беззаконное пропускаютъ!"—Послѣ обѣда онъ остановился въ кофейной комнатѣ съ Шевыревымъ и Жихаревымъ, и разсказывалъ имъ, съ обыкновенною своею живостію и шуткой, похожденія Кострова; представленіе Кострова Потемкину, вопросы Потемкина о Гомерѣ, какъ провожали его издали на обѣдъ къ Потемкину, потому что стыдно было идти съ нимъ рядомъ, и какъ встрѣчныя бабы однѣ сожалѣли о больномъ, а другія бранили пьяницу".

На другой день послѣ обѣда въ клубѣ, Дмитріевъ дѣлалъ визиты и возвратился домой довольно поздно къ обѣду. „За столомъ", повѣствуетъ Погодинъ, „ѣлъ мало, но кушанье было тяжелое: щи, поросенокъ. Послѣ обѣда онъ напился шоколада, вмѣсто обыкновеннаго кофе, выпилъ стаканъ холодной воды

и тотчасъ, надѣвъ бекешь, пошелъ садить акацію около кухни. Тутъ онъ почувствовалъ дрожь, и насилу привели его въ комнату. Послали за докторомъ. Газъ прописалъ лѣкарство, не нашедши ничего дурнаго. Иванъ Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ, заплатилъ за визитъ, послалъ въ аптеку, но лишь только тотъ уѣхалъ, какъ онъ впалъ въ безпамятство, и цѣлую ночь бредилъ. Пятница вся прошла въ безпамятствѣ. Доктора были: Газъ, Высоцкій, Шнаубертъ, Іовской, по нѣскольку разъ" [136]).

Погодинъ узналъ объ его болѣзни только въ субботу, 2 октября [137]). „Мнѣ", писалъ Погодинъ, „надо было ѣхать на лекцію, и читать о Карамзинѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ поѣхалъ я къ больному, опасаясь, что не застану его въ живыхъ, и взялъ съ собою Мишу *). Иванъ Ивановичъ только что опамятовался передъ моимъ пріѣздомъ; услышавъ стукъ дрожекъ, спросилъ, кто пріѣхалъ и позвалъ меня къ себѣ, встрѣтилъ по всѣмъ своимъ правиламъ. При немъ былъ Боголюбовъ. Онъ разсказалъ мнѣ тотчасъ исторію своей болѣзни и тотчасъ обратился къ любимому своему предмету, литературѣ, но говорилъ уже гораздо медленнѣе, разстановистѣе, искалъ словъ, часто ошибался въ ихъ измѣненіяхъ, и даже мѣшался, но вездѣ видна была заботливость о своей рѣчи и стараніе скрыть болѣзнь. „Что это пишетъ Макаровъ (Михаилъ Николаевичъ) въ *Наблюдатель* о Виноградовѣ, будто бы Виноградовъ познакомилъ Карамзина съ сочиненіемъ... этого... Швейцарскаго фил... софа..."—Боннета?—„Да Боннета. Виноградовъ жилъ сначала въ Москвѣ и отличался, разумѣется, между своими сверстниками, но потомъ его отправили служить въ полкъ, въ Петербургъ. Тамъ Козодавлевъ заставилъ его присѣсть за Боннета, котораго Карамзинъ гораздо прежде

*) Сынъ М. А. Дмитріева отъ первой его жены, учившійся въ Погодинскомъ пансіонѣ. Впослѣдствіи онъ былъ раненъ подъ Севастополемъ. Къ нему относится слѣдующій стихъ его отца въ извѣстной одѣ:

И вспомнилъ нашу Русь съ любовью,
Когда лежалъ облитый кровью
Подъ Севастополемъ мой сынъ!

переводилъ съ Петровымъ, Александромъ Андреевичемъ, а послѣ и познакомился съ нимъ лично. Какъ можно писать такъ наобумъ! Надо справляться, спрашивать!“ —Потомъ разсказалъ, мѣшаясь, о вашей болѣзни, спросилъ о занятіяхъ Миши. Я отвѣчалъ ему, что Миша вѣтренъ и разсѣянъ, и что я начиналъ съ нимъ ссориться сильно, но что тенерь онъ лучше и я надѣюсь, что впередъ онъ исправится совсѣмъ, зная, какое имя должно ему поддерживать. Иванъ Ивановичъ вспомнилъ, что Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ, профессоръ, говорилъ ему тоже, и совѣтовалъ ему приняться за ученье. Потомъ спросилъ у меня, скоро ли я кончу свою расправу съ новыми толковниками о Русской Исторіи?—Я отвѣчалъ, что къ новому году. — „А похвальное слово Карамзину?“ —Началъ. — „Пожалуйте, привезите мнѣ“. —Въ такомъ положеніи я простился съ нимъ. Онъ силился встать и поднялъ руку. Я думалъ, что онъ подавалъ ее мнѣ, и поцѣловалъ ее. Въ два часа передъ обѣдомъ я заѣзжалъ къ нему опять; но не зашелъ въ кабинетъ, потому что тамъ было много дамъ. Мнѣ сказали впрочемъ, что ему не хуже. На крыльцѣ встрѣтился съ Іовскимъ, который говорилъ, что если къ вечеру не будетъ хуже, и если онъ будетъ слушаться, то болѣзнь пройдетъ. Но къ вечеру онъ опять впалъ въ безпамятство, больно страдалъ, метался, безпокоился, приходя въ себя только минутами. Въ одну такую минуту человѣкъ его, Николай, спросилъ, не угодно ли ему послать за священникомъ. „Зачѣмъ“ —Пріобщиться Святыхъ Таинъ на здоровье. — „Не худо“. —Священникъ пришелъ; но больной опять былъ въ безпамятствѣ и исповѣдывался грухой исповѣдью. Въ 35 минутъ 5 часа по полудни, 3 октября 1837 года, онъ скончался, успокоившись передъ послѣдними минутами и погрузившись въ тихій сонъ“. Къ сожалѣнію, въ это время не было въ Москвѣ его племянника М. А. Дмитріева, который нѣсколько уже мѣсяцевъ лежалъ больной, „безногій“ въ Симбирскѣ.

Извѣстіе о кончинѣ Дмитріева Погодинъ получилъ на другой день, 4 октября, и сейчасъ же отправился въ

его домъ. „Онъ лежалъ“, пишетъ Погодинъ, „на столѣ въ столовой. Свѣчи взяли гдѣ-то на честное слово“ [138]). Въ *Дневникѣ* же Погодина мы читаемъ: „Въ домъ его. Никого нѣтъ, и никто не берется. Вызвался помогать Боголюбову. Читалъ лекцію о Карамзинѣ. Ѣздилъ по дѣламъ покойнаго. Сцена подряда. Ужасы! Какая грубость. Всѣ пьяны“. Эта возмутительная сцена заставила Погодина поѣхать къ Шевыреву и поручить ему довести объ этомъ до свѣдѣнія князя Д. В. Голицына и просить его „взять подъ полицейскій присмотръ домъ Дмитріева“ [139]). Просьба эта была исполнена. Но когда понадобились деньги на погребальные расходы, Боголюбовъ отправился къ Гереналъ-Губернатору и онъ позволилъ ему вынуть деньги на расходы; полиція же не могла допустить этого безъ бумаги. Тогда Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ отправились къ князю Голицыну; но не застали его дома. „Мы“, пишетъ Погодинъ, „просили гувернера, чтобъ онъ попросилъ Князя, отъ насъ, прислать казенныя деньги, кои послѣ ему доставятся. Не успѣли мы воротиться, какъ пришло однако разрѣшеніе Оберъ-Полиціймейстера г. Боголюбову. Начались торги гробовщиковъ передъ столовой, и я насилу увелъ всѣхъ на верхъ, въ темную комнату, между кабинетами, чтобъ оставить въ покоѣ мертваго. Тяжкая смерть безсемейному, судя по нашему!“

7 октября 1837 года происходило погребеніе И. И. Дмитріева. На выносъ пріѣхали сенаторы Нечаевъ, Писаревъ, Яковлевъ, Озеровъ, графъ Строгановъ и сенатскіе секретари по наряду. Отпѣваніе совершалъ самъ Филаретъ. Пріѣхалъ князь Д. В. Голицынъ. „Въ церкви были изъ нашего званія“, писалъ Погодинъ, „Шевыревъ, Баратынскій, Макаровъ, Андросовъ, Шаликовъ, Павловъ, Давыдовъ и только. Профессоровъ только четверо, т.-е. Шевыревъ, я, Давыдовъ и Морошкинъ. Студентовъ пятеро. Люди его плакали горько“ [140]). Въ *Дневникѣ* же своемъ Погодинъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ. „На погребеніи у Дмитріева. Никого нѣтъ изъ Университета, ни профессоровъ, ни студентовъ. Скоты! Не

имѣютъ чувства никакого общаго... *Какъ грубо и холодно молодое поколѣніе студентовъ*" [141]).

Въ „грустномъ расположеніи духа" стоялъ Погодинъ у гроба Дмитріева и думалъ: онъ „отжилъ свой вѣкъ, онъ прошелъ съ честію свое поприще, исполнилъ свое назначеніе; но тяжело было видѣть его во гробѣ. Мы какъ-то привыкли все видѣть въ немъ и Карамзина, и Державина, и Богдановича. Онъ былъ для насъ представителемъ лучшаго времени, когда литература наша была чище, благороднѣе, прекраснѣе. Что скажетъ онъ Карамзину на его вопросъ о теперешнемъ ея состояніи? *Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ*, купующіе и продающіе, и нѣтъ бича изгонителя. Горько, тяжело".

По окончаніи отпѣванія, „поставили гробъ на дроги и стали по сторонамъ сенатскіе курьеры; за кисти держались квартальные; ордена понесли секретари, почти безъ ассистентовъ. Похоронили его въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ встрѣтилъ опять графъ Строгановъ. Опустили въ землю—и нѣтъ его совсѣмъ". Опустивши въ могилу Дмитріева, Погодинъ погрузился въ размышленіе: „человѣкъ почтенный", писалъ онъ, „особенно когда, въ теперешнемъ отдаленіи, не видать человѣческихъ слабостей и пятенъ его! Въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, онъ любилъ литературу; въ трехъ звѣздахъ, онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; Министръ Юстиціи, онъ оставилъ послѣ себя только шесть сотъ родовыхъ душъ; Русскій помѣщикъ—безъ долговъ; поэтъ, умолкнувшій во-время; старикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый! Да почіетъ въ мирѣ прахъ его, а имя его останется навсегда незабвеннымъ въ Исторіи Русской Литературы" [142]).

На третій день послѣ похоронъ, Погодинъ отбиралъ свѣдѣнія о Дмитріевѣ отъ камердинера покойнаго.

Тронутый до глубины души сердечнымъ участіемъ Погодина, родной племянникъ И. И. Дмитріева и пламенный его почитатель М. А. Дмитріевъ писалъ изъ Симбирска (12 янв. 1838 г.): „Благодарю васъ отъ души и отъ сердца, любезный

другъ, за все ваше участіе въ потерѣ нашей, ибо вы пишете ко мнѣ съ такимъ участіемъ души, что кончину Ивана Ивановича могу назвать общею нашею потерею!—Какъ я благодаренъ вамъ и Шевыреву, что вы, не будучи ни кѣмъ приглашены, единственно по побужденію чистаго сердца вашего и возвышенной любви къ литературѣ и къ человѣку, не оставили оставленнаго всѣми; тогда, когда онъ былъ никому уже не нуженъ, всѣ ему сдѣлались чужими, одни вы были не чужіе! Я навсегда сохраню письмо ваше въ числѣ не многихъ документовъ благородства души человѣческой! Смерть Ивана Ивановича была мнѣ тяжка по многому, не говорю уже о томъ, что онъ во все теченіе моей жизни былъ ближайшій ко мнѣ изъ всѣхъ родныхъ моихъ!—Но обстоятельства, сопровождавшія его кончину, внезапность оной, мое отсутствіе, его одиночество при послѣднихъ минутахъ своей жизни—все это сильно потрясло меня. Сначала, при полученіи извѣстія о его смерти, я былъ огорченъ только потерею дяди; но когда мало-по-малу начали развиваться въ моемъ воображеніи всѣ обстоятельства, всѣ отношенія его къ отечеству, и жизнь его, и его честь по службѣ, и его честность въ быту гражданскомъ, и его прежняя слава въ литературѣ, и его послѣднее положеніе—между пишущими и читающими, ибо ему судьба опредѣлила дожить до такой эпохи, когда все забываютъ, все ниспровергаютъ. Но та же судьба при концѣ жизни его послала ему по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что послѣдняго изъ литераторовъ видѣлъ того, который уважалъ Карамзина, и почиталъ самого его тѣмъ, чѣмъ онъ привыкъ быть почитаемъ въ лучшія лѣта своей жизни; надобно же было, чтобъ вы видѣлись съ нимъ послѣдніе! Но статья Макарова! Грустно мнѣ было читать эти мелочи, изъ которыхъ половина вздоръ, да и то разсказано побабьи, точно какъ его статьи о Русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ! Лучшею эпитафіею Ивану Ивановичу были бы слова изъ письма вашего ко мнѣ, потому что они справедливы:

Въ ранѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника—онъ лю-

билъ литературу; съ тремя звѣздами — онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; министръ юстиціи,— онъ оставилъ послѣ себя только родовыхъ 500 душъ; Русскій помѣщикъ — безъ долговъ; поэтъ—умолкнувшій во-время; старикъ,—съ которымъ всегда пріятно было провести время, привѣтливый, ласковый! Вотъ самая справедливая похвала ему".

Кончину И. И. Дмитріева оплакалъ Шевыревъ въ своей прекрасной статьѣ, отпечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* по поводу которой князь П. А. Вяземскій писалъ къ ея автору: „Сердечно васъ благодарю за вашу прекрасную статью о Дмитріевѣ. Вы очень вѣрно, живо и художественно характеризовали поэта, человѣка, современника Державину и Бенедиктову, — живое столѣтіе, въ глазахъ коего Пушкинъ успѣлъ родиться, созрѣть и умереть. Жаль только, что *Московскія Вѣдомости* не многими читаются или, правильнѣе, многими не читаются. Я совѣтовалъ Краевскому перепечатать вашу статью въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, хотя и они читаются не многими, и прихожане ихъ развѣ однѣ *набожныя лани, звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ.* Плохо приходится намъ старожиламъ: такъ смерть и перебираетъ нашихъ. Вѣкъ Карамзина и Дмитріева смѣняется вѣкомъ Сенковскаго и Булгарина. Поляки въ Кремлѣ, и періодъ Самозванцевъ твердо и торжественно означается въ Исторіи Литературы нашей. Бодрствуйте и сохраняйте свято и ненарушимо преданія и вѣру предковъ, вы, поколѣніе среднее и цвѣтущее; на насъ же стариковъ не надѣйтесь: мы доживаемъ свой вѣкъ бобылями и Христа ради. Можемъ за васъ только молиться Богу, а помогать вамъ уже не въ силахъ. Я слышалъ, что заботливостью М. П. Погодина снята была маска по кончинѣ Дмитріева. Хорошо было бы заказать бюстъ его и поднести Московскому Университету" [143]).

Много лѣтъ спустя по кончинѣ И. И. Дмитріева, племянникъ его М. А. Дмитріевъ писалъ: „М. П. Погодинъ, какъ человѣкъ съ горячею душою, не почитаетъ для себя постороннимъ дѣломъ ничего, касающагося до сердца другаго. Гдѣ

семейное горе, гдѣ или честь, или утрата Россіи, онъ тамъ, незванный, непрошенный! Ничто не обязывало его увѣдомлять меня съ такими подробностями обо всемъ, касающемся до послѣднихъ минутъ моего дяди и даже о послѣдующихъ обстоятельствахъ. Но я увѣренъ, что мысль о Дмитріевѣ, послѣднемъ поэтѣ Екатерининскаго вѣка, вмѣстѣ съ мыслію о Карамзинѣ, вмѣстѣ съ чувствами дружества ко мнѣ и съ мыслію о тогдашнемъ моемъ болѣзненномъ состояніи: все это должно было сильно потрясти такое горячее сердце, какъ его. Я увѣренъ, что написать ко мнѣ письма онъ счелъ, съ своей стороны, какою-то религіозною обязанностію. Кто его знаетъ, тотъ пойметъ это" [144]).

Узнавъ о смерти И. И. Дмитріева, Д. М. Княжевичъ писалъ Погодину: „О Дмитріевѣ мы пожалѣли. Но я думаю онъ самъ радъ былъ умереть: ему ужъ наскучило на свѣтѣ" [145]).

Въ *первой* книгѣ нашего сочиненія мы подробно описывали Знаменское и въ немъ живущихъ. Тамъ въ лѣта своей юности Погодинъ впервые увидѣлъ и И. И. Дмитріева, и князя П. А. Вяземскаго. Съ Знаменскимъ у Погодина были связаны лучшія воспоминанія его жизни и акварельный рисунокъ Знаменскаго, сдѣланный А. В. Всеволожскимъ постоянно висѣлъ предъ глазами Погодина въ его кабинетѣ, предъ его письменнымъ столомъ. Прошло много времени и за мѣсяцъ до кончины И. И. Дмитріева А. Н. Левашова прислала Погодину письмо къ ней княжны Александры Ивановны Трубецкой, въ которомъ она извѣщаетъ о своемъ выходѣ замужъ за князя Николая Ивановича Мещерскаго. Въ этомъ же письмѣ Погодинъ прочелъ и слѣдующія, къ нему адресованныя строки: „à m. Michel — qui permettra à l'ombre *d'Adèle* de passer devant son ami et de l'entourer de sa douce influence".

Вслѣдъ засимъ, Погодинъ получаетъ горестное извѣстіе о кончинѣ одного изъ памятныхъ членовъ дорогого для него Знаменскаго общества, лица, которое въ *памяти* его *сердца* занимало одно изъ почетныхъ мѣстъ. Мы говоримъ о кончинѣ Аграфены Прокофьевны Измайловой, вышедшей замужъ за

Тамбовскаго помѣщика Николая Ивановича Салькова. Она скончалась въ сентябрѣ 1837 года, въ Петербургѣ, у Кашина моста, въ домѣ князя Трубецкаго и погребена на Охтенскомъ кладбищѣ. За три мѣсяца до своей кончины она писала въ свою родную Тамбовскую губернію къ моей покойной бабушкѣ Глафирѣ Ивановнѣ Каратѣевой, сестрѣ ея мужа: „Вы желаете знать объ насъ; но прежде нежели что-нибудь написать вамъ, скажу вамъ, что я очень разсердилась, увидавши ваши письма. Какъ вамъ не стыдно за тысячу двѣсти верстъ посылать *записки*; ибо ихъ письмами назвать нельзя. Право вы бы не могли меньше написать, ежели бы я жила въ Грушевкѣ. Вы знаете, какъ я желаю знать всѣ новости деревенскія“ [146]).

Съ Всеволожскими и Трубецкими Аграфена Прокофьевна сохранила до конца жизни самыя родственныя отношенія, а послѣ ея смерти добродѣтельная Софія Ивановна Всеволожская была для оставшихся послѣ нея двухъ сыновей второю матерью и прилагала нѣжныя заботы объ ихъ воспитаніи.

„Боже мой!“ восклицалъ Погодинъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ А. П. Сальковой, „если разобрать, что сдѣлалось со всѣми тѣми лицами, которыя за двадцать лѣтъ составляли вмѣстѣ одно юное и живое поколѣніе!“ [147]).

XIV.

11 января 1838 года, въ Кіевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Полуденной Россіи произошло землетрясеніе. По свидѣтельству очевидцевъ, „въ 9 часовъ вечера, того дня, при 17-ти градусахъ мороза, въ Кіевѣ послышался необыкновенный гулъ, похожій на лѣтній шумъ экипажей по мостовой. И продолжалось это около трехъ минутъ“ [148]). Необычное и грозное явленіе это произвело сильное впечатлѣніе на народъ и для успокоенія умовъ и сердецъ преосвященный Иннокентій произнесъ *Слово по случаю землетрясенія* на текстъ: *Призираяй на землю, и творяй ю трястися: прикасаяйся горамъ, и дымятся* (Псал., 103, 32). „Сердца слушателей нашихъ“,

сказалъ, между прочимъ, Святитель, „такъ рѣдко сотрясаются отъ силы слова нашего, что служителямъ слова должно дорожить тѣми минутами, когда они потрясены хотя чѣмъ-либо! Но для чего я говорю: *чѣмъ либо*? Пусть выражается такимъ образомъ мудрость человѣческая... Мы говоримъ вамъ о имени Того, предъ очами коего *вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13), коего слова суть *ей* и *аминь* (*2 Кор.*, 1, 20), посему можемъ и должны говорить ясно и твердо тамъ, гдѣ земная мудрость не знаетъ, что сказать. Что же мы скажемъ вамъ теперь?—Скажемъ то, что говорилъ Пророкъ... Вы желаете знать причину прошедшаго ужаснаго событія? Вотъ она! *Господь воззрѣлъ*, особеннымъ образомъ воззрѣлъ на землю, — и она сотряслась!.. Чѣмъ же теперь земля согрѣшила предъ Богомъ, что... не можетъ стать предъ лицомъ Его безъ трепета? Какою же виною виновна бываетъ земля?... Виною владыки своего человѣка. *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* (Быт. 3, 17), сказано Адаму..." Обращаясь къ Кіеву, Святитель сказалъ: „Гдѣ мы живемъ? Не на тѣхъ ли горахъ, гдѣ впервые возсіяла благодать Божія для всего Отечества? Не у той ли рѣки, которая можетъ назваться Іорданомъ Россійскимъ? И не у подножія ли цѣлаго сонма святыхъ Божіихъ, здѣсь нетлѣнно почивающихъ? Какая добродѣтель не воплощена предъ нами?.. Что же каковы мы? Много ли во всѣхъ насъ свѣта вѣры? Елея любви? Слезъ покаянія? Нетлѣнія духа?.. Какого порока и соблазна... нѣтъ у насъ?.. Чего бы не могли сказать противу насъ самая земля и самыя горы наши?.. Ахъ, сказали бы онѣ... идолы пали, храмы воздвиглись, но люди—тѣ же!.. Проникнемъ въ вострепетавшую совѣсть нашу: она яснѣе скажетъ намъ, гдѣ источникъ гнѣва небеснаго, гдѣ волканъ огнедышущій? Здѣсь, въ нашемъ сердцѣ! Здѣсь—въ нашихъ страстяхъ! Опасность прошла, земля паки отвердѣла подъ стопами нашими: но на долго ли?.. И одно ли потрясеніе земли можетъ прервать нить жизни нашей? Ахъ, она рвется нерѣдко отъ слабаго дыханія вѣтра... Скоро отверзется предъ всѣми дверь покаянія. Поспѣшимъ войти въ

нее...“ [149]). О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ словомъ, Кіевскій философъ П. С. Авсеневъ писалъ Погодину: „Едва ли не лучшее явленіе — проповѣдь Иннокентія на землетрясеніе“ [150]).

Когда же слухъ объ этомъ страшномъ событіи достигъ Погодина, то оно произвело на него глубокое впечатлѣніе и вызвало на благочестивыя размышленія. „Землетрясеніе“, читаемъ въ его *Дневникѣ*. „*И будутъ глади и пагубы и труси по мѣстомъ*. Ахъ надо приняться мнѣ за мою *Простую Рѣчь*“. И онъ сталъ думать „о свѣтопреставленіи“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ себѣ: „Зачѣмъ думать тебѣ о свѣтопреставленіи. Развѣ смерть не всякую минуту угрожаетъ тебѣ, и не долженъ ли ты быть готовъ къ ней безпрестанно“? [151])

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что со времени воцаренія Гоголя надъ умами учениковъ Погодина, въ немъ самомъ ожившилось всегда въ немъ пребывавшее религіозное чувство. Въ это время онъ знакомится съ однимъ семидесятилѣтнимъ старцемъ, Касимовскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Сергѣевымъ Гагинымъ, о которомъ писалъ Бодянскому, что онъ „такъ знакомъ со Священнымъ Писаніемъ, дѣлаетъ такія соображенія и толкованія, что первые богословы должны ему поклониться. Онъ будетъ жить у меня и диктовать. Онъ же сдѣлалъ планъ Вселенской Церкви —чудо изящества! И это въ захолустьѣ, въ Касимовѣ, удивительный народъ да и только!“ [152]). Онъ учащаетъ свое пилигримство въ Кремль, участвуетъ въ крестныхъ ходахъ, умиляется ими и плачетъ, смотря „на Владимірскую“ [153]).

Своими мыслями и чувствами Погодинъ дѣлился съ Надеждинымъ, который въ отвѣтъ написалъ ему замѣчательныя строки. „И ты“, писалъ онъ, „какъ я вижу, находишься подъ преобладаніемъ религіознаго чувства. Но скажу тебѣ откровенно: мнѣ кажется, ты слишкомъ увлекаешься этимъ чувствомъ, не возводя къ идеямъ. Бойся суевѣрія, которое конечно извинительнѣе невѣрія—но все есть крайность. Я не раздѣляю твоихъ боязливыхъ предчувствій. Перстъ Божій ежед-

невно обозначается въ событіяхъ міра. Каждое происшествіе есть знаменіе. Но *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (*Дѣян. 1, 7*). Великія эпохи всемірныхъ кризисовъ конечно сопровождаются особенными, чрезвычайными явленіями въ умственномъ и нравственномъ мірѣ. Но видѣнія и сны частныхъ лицъ ничего не значатъ. Я такъ увѣренъ, что свѣтъ простоитъ еще долго. Жатва Божія не созрѣла. Царство Іисуса Христа на землѣ еще не приготовлено. Наше дѣло ускорять его своимъ нравственнымъ исправленіемъ, безъ котораго никакое умственное развитіе, никакое общественное совершенствованіе не имѣетъ Божіей печати. Наше дѣло быть добрыми людьми, добрыми гражданами, добрыми христіанами: это послѣднее слово заключаетъ въ себѣ все. За тысячу восемьсотъ лѣтъ апостолы называли свои времена *послѣдними*. Это такъ, потому что предъ лицомъ Бога вѣчнаго *тысяща лѣтъ яко день вчерашній* (*Псал.*, 89, 5). Почему и намъ должно блюстись, *какъ опасно ходите. Искупующе время, яко дніе лукави суть* (*Ефес.* 5, 15—16). Но это не должно смущать насъ неосновательными предчувствіями. *И будутъ* знаменія *по мѣстомъ*, сказалъ Спаситель: *но не тогда есть кончина* (*Матѳ.* 24, 7, 6). Я заговорился слишкомъ съ тобою. Но это отъ симпатіи, которую я открываю между твоимъ и моимъ состояніемъ. Мнѣ пріятно это сочувствіе, это совпаденіе направленій. Вертоградъ наукъ есть тоже часть вертограда Божія. Будемъ же обще работать, раздѣленные судьбою, но соединенные духомъ!“

Къ религіозному настроенію и воззрѣнію Погодина, весьма сочувственно отнеслись въ Кіевѣ, и одинъ изъ тамошнихъ философовъ, Авсеневъ, писалъ ему: „Какъ рада наша академическая философія, что мнимое суевѣріе народа принято вами въ философію вашей Исторіи. А мы съ этимъ образомъ мыслей боялись остаться одни, особливо послѣ *Гегелевскаго тумана*. Есть философія въ народѣ, которой довѣдомо то, что и не снилось Германскимъ мудрецамъ“ [154]).

Будучи очевидцемъ Кіевскаго землетрясенія, Максимовичъ сказалъ тогда словами Лѣтописца Печерскаго: *Се же знаменье не добро бысть.* Къ сожалѣнію такъ и случилось въ то лѣто. „Только что окончили мы“, повѣствуетъ Максимовичъ, „въ Университетѣ Св. Владиміра первый выпускъ четверокурсныхъ студентовъ, и весело проводили до Вѣты нашего попечителя Брадке,—какъ на Сѣверо-Западѣ Русскомъ открытъ былъ Польскій заговоръ, и двадцать студентовъ-поляковъ, навербованныхъ въ Кіевѣ лукавымъ гувернеромъ Боровскимъ, привезены были изъ разныхъ мѣстъ въ Печерскую крѣпость. Плевелъ недобраго антирусскаго духа, показавшійся еще въ прошедшемъ 1837 году, на четырехъ студентахъ-полякахъ, не искоренился тогда ничѣмъ, даже и грознымъ словомъ Царя“... [155]).

Между тѣмъ въ это время въ Кіевѣ были открыты остатки зданія древняго монастыря Св. Ѳеодора, въ которомъ нѣкогда блаженный страстотерпецъ великій князь Игорь Ольговичъ принялъ схиму. Одинъ кіевлянинъ, по фамиліи Троицкій, увѣдомляя объ этомъ открытіи Погодина, писалъ ему и слѣдующее: „Недавно открыто въ Кіевѣ тайное революціонное общество. Члены онаго кажется исключенные Поляки. Студентовъ до тридцати университетскихъ посвящены въ таинство этого общества. Одинъ изъ негодяевъ смотрителемъ Благороднаго Пансіона“ [156]).

Погодина это извѣстіе привело въ справедливое негодованіе. „Когда уймутся эти проклятые!“ писалъ онъ, „какая досада Государю и какое впечатлѣніе объ Университетѣ. Плохо будетъ Уварову, который такъ раскрасилъ Университетъ Кіевскій. Можетъ Строгановъ заступитъ его мѣсто“ [157]).

XV.

Въ то время, когда въ первопрестольномъ Кіевѣ происходили всяческія нестроенія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 20 іюня 1838 года, совершалось пренесеніе памятниковъ прежняго заложенія Храма Христа Спасителя на Воробье-

выхъ горахъ, для приготовленія къ заложенію онаго на новомъ мѣстѣ.

Счастливый жребій лѣтописца этого церковнаго событія палъ на Погодина.

„Насылалъ Богъ“, повѣствуетъ онъ, „тяжкое испытаніе, лютую годину на наше Отечество: двадесять языковъ, со всѣхъ концевъ Европы, вторглись нежданно съ мечемъ и огнемъ въ предѣлы Святой Руси. Первый полководецъ своего времени, покоритель царствъ и народовъ, велъ ополченіе. Быстро шелъ онъ впередъ, гремя цѣпями. Что можно было противопоставить ему? Чѣмъ преградить дорогу? Вотъ перейденъ Днѣпръ, упалъ и Смоленскъ, поля Бородина обагрились кровію Русскихъ героевъ. Врагъ явился передъ Москвою, которую считалъ онъ, и считалъ вѣрно, представительницею всей Россіи, цѣлію своего похода. Мѣра опасностей преисполнилась. Русское сердце задрожало. Онъ занялъ наконецъ столицу. Казалось не было спасенія,—но здѣсь-то и обрѣлось спасеніе: Москва загорѣлась, и ея зарево сдѣлалось зарею спасенія Отечества, освобожденія Европы. Здѣсь-то исполинъ-мечтатель получилъ себѣ нежданный ударъ прямо въ сердце, и началъ истекать кровію. Прошло нѣсколько дней; въ безпамятствѣ повлекся онъ изъ Москвы съ своими полчищами, на каждомъ шагу маляся и умаляяся,—и черезъ три мѣсяца, по слову Царя, не осталось ни одного иноплеменника на землѣ Русской. Чудно было это спасеніе: миролюбивый Государь окрѣпнулъ для брани, вождь, семидесятилѣтній старецъ, получилъ бодрость какъ бы на урочное время, народъ ощутилъ готовность къ пожертвованіямъ, слабые возмужали, слѣпые увидѣли, простые умудрились, враги перемѣнили ненависть на любовь. Императоръ Александръ едва перешелъ границу, какъ всѣ племена, намъ непріязненныя, преклонились предъ нимъ, и начали становиться подъ его знамена. Онъ повелъ ихъ смѣло на властителя Европы,—непобѣдимыя войска разбиты, воеводы взяты въ плѣнъ, всѣ замыслы уничтожаются при самомъ началѣ, нѣтъ ни въ чемъ удачи счастливцу, и

грозный исполинъ прикованъ къ пустынному острову среди Океана, въ наказаніе за дерзскую мысль оскорбить Святую Русь и ея Бѣлаго Царя. Происшествіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ Исторіи! Напрасно кичливый умъ, внѣ опасности, или на покоѣ, пріискиваетъ разныя естественныя причины къ объясненію этого великаго событія: на вѣки вѣковъ останется въ немъ много непостижимаго.

Вотъ это непостижимое покойный императоръ Александръ вознамѣрился ознаменовать памятникомъ, создать Храмъ Христу Спасителю... Мысль благочестивая и вмѣстѣ народная, ибо всѣ важныя событія въ Россіи ознаменовывались искони построеніемъ церквей и учрежденіемъ крестныхъ ходовъ. Храмъ этотъ, разумѣется, долженъ быть созданъ въ Москвѣ, откуда возсіяла заря спасенія Отечества.

Въ 1817 году положено торжественно основаніе оному на Воробьевыхъ горахъ. Прошло двадцать лѣтъ, употреблено много труда, приложено много старанія, истрачено много иждивенія,—и оказалось невозможнымъ соорудить оный на избранномъ мѣстѣ. Жители Москвы, всѣ благочестивые сыны Отечества, смотрѣли съ уныніемъ на обнаженную гору, на ея молодыя, не дожившія вѣка развалины, и огорчались мыслію, что Богу какъ будто не угодно принять ихъ усердную молитву.

Нынѣ, 20 іюня, ихъ печаль перемѣнилась на радость: они получили удостовѣреніе, что обѣтъ ихъ незабвеннаго Государя, обѣтъ ихъ собственныхъ сердецъ, обѣтъ, данный въ восторгѣ благодарности, совершится вскорѣ по повелѣнію императора Николая, который принялъ на себя священную обязанность, оставленную ему его Августѣйшимъ Братомъ.

Священные памятники основанія перенесены торжественно въ Успенскій Соборъ впредь до положенія оныхъ на вновь избранномъ мѣстѣ. Обрядъ величественный и поразительный! Съ самаго ранняго утра все обширное Дѣвичье поле покрылось народомъ: толпы спѣшили къ Лужникамъ и Воробьевымъ горамъ. Погода, ненастная до этого дня, прояснилась, и солнце сіяло ярко на безоблачномъ небѣ.

Въ 10 часовъ утра священно и церковнослужители Замоскворѣцкаго и Пречистенскаго сороковъ собрались въ Троицкой церкви, что на Воробьевыхъ горахъ. Прибыли Московскія власти, Градоначальникъ и члены коммиссіи построенія. Литургію совершалъ Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ. По совершеніи оной, предъ пѣніемъ молебна, Митрополитъ, вышедъ изъ алтаря, съ посохомъ въ рукѣ, въ краткихъ словахъ объяснилъ причину и смыслъ настоящаго торжества, которое сравнилъ онъ счастливо на языкѣ Церкви съ *отданіемъ* и *предпразднествомъ*. Онъ обратилъ вниманіе именно на тѣ сомнѣнія, кои невольно возникали въ народѣ, по поводу перенесенія, и разсѣялъ ихъ, убѣдительно поставивъ въ примѣръ Скинію, которая воздвигнута была „не въ Веѳилѣ, а въ пустынѣ Аравійской, и бывъ перенесена въ Землю Обѣтованную, поставлена не въ Веѳилѣ, а въ Силомѣ, и потомъ въ Гаваонѣ; а наконецъ и храмъ созданъ не въ Веѳилѣ, ни въ Силомѣ, ни въ Гаваонѣ, но гдѣ прежде не думали, — въ Іерусалимѣ.

Наконецъ таилось въ душѣ еще одно горестное чувство, которое страшно даже было выговорить себѣ: неужели Богу не угодно было благословить начало Благословеннаго? И знаменитый нашъ Истолкователь Закона Господня успокоилъ, утѣшилъ насъ вполнѣ. „Что-жъ?“, сказалъ онъ, „неужели не благословилось предпріятіе Благословеннаго? Да не будетъ. Но Божіе всемогущество явилось надъ могуществомъ человѣческимъ, судьбы Божіи превознеслись и надъ возвышеннѣйшими и надъ лучшими помыслами человѣческими. *Не суть, якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь* (*Ис.* 55, 8). *Да смирится всякая высота человѣческая, и да вознесется Господь единъ*“ (*Ис.* 2, 11).

Крестный ходъ, — какой можно видѣть только въ Москвѣ, — за хоругвями и образами, съ колокольнымъ звономъ, при пѣніи тропаря *Спаси Господи люди Твоя*, началъ шествіе отъ церкви къ мѣсту заложенія на склонѣ горы. Народъ, съ противоположнаго берега, едва завидя оное, весь поднялся,

и началъ молиться предъ мимо идущею святынею. Крестный ходъ составляло многочисленное духовенство—діаконы, священники, архимандриты, въ богатомъ облаченіи. За ними слѣдовалъ самъ Митрополитъ и Генералъ-Губернаторъ съ прочими членами коммиссіи. Чиновники коммиссіи шли впереди. Здѣсь было и двѣнадцать инвалидовъ, изъ Московскаго Военнаго Богадѣльнаго Дома, служившихъ въ войну 1812 года, уже дряхлыхъ, посѣдѣлыхъ стариковъ, съ знаками отличія на груди, и знаками службы на рукахъ. Трогательно было смотрѣть на этихъ служивыхъ, проливавшихъ кровь свою въ такое опасное для Отечества время, а вмѣстѣ съ ними и на одного изъ ихъ предводителей, стараго, заслуженнаго Градоначальника Московскаго, убѣленнаго подобно имъ, почтенными сѣдинами. Сладко было оживлять въ памяти былое! По прибытіи къ мѣсту заложенія, послѣ прочтенія Митрополитомъ Евангелія, приступлено къ вскрытію памятниковъ. Митрополитъ вынулъ Крестъ, а члены коммиссіи— прочіе памятники. Крестъ переданъ протоіерею на блюдо, а вещи положены въ два, нарочно для сего приготовленные, ларца. Ходъ, при пѣніи канона Христу Спасителю и Божіей Матери, воспріялъ шествіе, спускаясь по лѣстницѣ на помостъ, въ Лужники, и потомъ по Дѣвичьему полю, Пречистенкою, чрезъ Троицкія ворота въ Кремль. Все это пространство по обѣимъ сторонамъ усыпано было народомъ. Другія толпы слѣдовали за ходомъ. Отъ всѣхъ церквей по дорогѣ привѣтствованъ онъ былъ колокольнымъ звономъ, а предъ Успенскимъ Соборомъ встрѣченъ соборнымъ духовенствомъ. Въ Успенскомъ Соборѣ молебное пѣніе кончилось, и возглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому. Памятники положены въ ризницу для храненія.

Все духовенство, по Русскому обычаю, было угощаемо членами коммиссіи въ залахъ Синодальной Конторы: для Митрополита, Генералъ-Губернатора и почетныхъ посѣтителей былъ обѣдъ; для прочаго духовенства и чиновниковъ,

бывшихъ въ процессіи, всего до двухсотъ лицъ, былъ приготовленъ завтракъ".

Въ заключеніе, Погодинъ счелъ справедливымъ засвидѣтельствовать совершенную благодарность Московской полиціи: „такъ искусно распоряжалась она, и—вмѣстѣ учтиво, привѣтливо! За то вѣрно не можетъ она пожаловаться, чтобы такой образъ ея дѣйствій былъ употребленъ во зло. Ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго безпорядка не было замѣтно нигдѣ" [158]).

XVI.

Съ каждымъ днемъ новое поколѣніе профессоровъ въ Московскомъ Университетѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтало господство надъ старымъ поколѣніемъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые начали свое поприще еще до Французовъ.

„При неусыпномъ смотрѣніи", читаемъ мы въ новомъ *Московскомъ Наблюдатель,* „и неусыпной дѣятельности своего непосредственнаго начальника, графа С. Г. Строганова, который во все входитъ самъ и безъ вѣдома котораго не дѣлается ничего, Московскій Университетъ быстро начинаетъ пріобрѣтать достоинство и важность. Постоянное и усиленное вниманіе довершило нравственную реформу студентовъ. Теперь они представляютъ собою особенное, благоустроенное и трудящееся сословіе, обогащенное внѣшностію формы, которая стала для нихъ необходимостью, и внутреннимъ единствомъ направленія къ одной прекрасной цѣли. Строгость экзаменовъ при пріемѣ въ студенты *только на время* уменьшила противъ прежняго ихъ число. Это важная польза для будущаго отъ строгости экзаменовъ; въ настоящемъ же, неизмѣримая польза отъ нея состоитъ въ томъ, что Университетъ заключаетъ во своихъ аудиторіяхъ только знающее, трудящееся и работающее поколѣніе... Строгое требованіе отъ студентовъ Философскаго факультета перваго отдѣленія знанія древнихъ языковъ полагаетъ начало основательному, прочному и *классическому* ученію. Московскій Университетъ, чрезъ это распоряженіе,

перестаетъ быть энциклопедическимъ училищемъ, но дѣлается святилищемъ истинной, глубокой учености... Теперь студенту, когда онъ знаетъ, что на него обращено вниманіе высшаго начальника, некогда терять времени: ему надо или тотчасъ по вступленіи рѣшиться работать всѣми силами, или, сознавъ свое безсиліе для такой работы, искать себѣ другой работы въ жизни". Берлинъ тогда сдѣлался Меккою для Московскаго Университета. „Пруссія", читаемъ въ томъ же журналѣ, „есть государство протестантское, и потому по преимуществу Германское, и такъ какъ оно притомъ еще и самое могущественное изъ Германскихъ государствъ, то на него съ надеждою и ожиданіемъ обращены взоры всѣхъ другихъ Германскихъ государствъ. Слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи, и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность Прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея Правительства наукѣ, была также причиною утвержденія въ Берлинскомъ Университетѣ Германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ Университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая Философія, и оттуда осіяла своими святозарными лучами всю Германію".

Возвратившіеся изъ этой Мекки въ Москву пилигриммы профессора обращали на себя взоры всей Россіи и восшествіе ихъ на каѳедры Московскаго Университета горячо привѣтствовалось. „Вступленіе на университетскія каѳедры", писалось тогда, „молодыхъ профессоровъ, приготовлявшихся къ профессорству въ Германіи, составляетъ важную эпоху въ лѣтописяхъ Московскаго Университета и даетъ ему новую жизнь. Совершившіе свое образованіе въ Берлинскомъ Университетѣ, подъ руководствомъ первыхъ знаменитостей вѣка, напитанные ученіемъ основательнымъ, глубокимъ и *современнымъ*, знакомые съ духомъ новѣйшей Философіи,—они вносятъ въ Университетъ совершенно новый элементъ, долженствующій дать ему новую жизнь. Кромѣ глубокой учености,

необходимымъ качествомъ хорошаго профессора должна быть еще и *живая современность*. Берлинъ есть представитель не только просвѣщенія Пруссіи—перваго въ этомъ отношеніи государства въ Европѣ, не только просвѣщенія Германіи—хранительницы Элевзинскихъ таинствъ и священнаго огня новѣйшаго знанія, онъ есть представитель просвѣщенія всей Европы, слѣдовательно молодые профессора Московскаго Университета, о которыхъ мы говоримъ, черпали знаніе въ самомъ его источникѣ, и одного этого обстоятельства достаточно для ручательства въ *современности* ихъ идей. Они попали въ Берлинскій Университетъ въ самую интересную эпоху науки, когда юное могучее поколѣніе, образованное основателемъ новѣйшей Философіи Гегелемъ, дѣятельно трудится въ приложеніи его глубокихъ, мірообъемлющихъ идей ко всѣмъ отраслямъ знанія. Дивная эпоха, начало новой, могучей и безконечной жизни, которой простодушное легкомысліе, воспитанное на фразахъ Кузена, Лерминье, Мишле, Кинé и Сенъ-Симонистовъ, даже и не подозрѣваетъ! И между тѣмъ, *ложно понимаемый патріотизмъ, родной этому простодушному легкомыслію и поставляющій свое достоинство въ отрицаніи чужаго достоинства, провозглашаетъ отъ души, что Западъ кончилъ свой кругъ, и теперь томится въ смертной агоніи...*“ [159]).

Между тѣмъ во главѣ Московскаго Университета стоялъ въ то время человѣкъ, могущій служить олицетвореніемъ *Древностей Россійскихъ*, и этотъ человѣкъ былъ достопочтенный М. Т. Каченовскій, который имѣлъ полное право сказать съ любезнымъ намъ Писателемъ *стараго покольнія:*

...Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ.
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ.
. . . .
Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ [160]).

Такимъ образомъ Погодинъ очутился между старымъ и новымъ. Не смотря на то, что и самъ начиналъ уже склоняться къ западу жизни, онъ не особенно любовно относился къ этой почтенной *развалинѣ*, стоявшей во главѣ Московскаго Университета. „Въ Совѣтѣ", читаемъ въ *Дневникѣ* его „невѣроятныя глупости Каченовскаго". Когда же Погодинъ доносилъ Каченовскому, какъ ректору, что „сего ноября 4, 5 и 8 числа онъ не могъ быть на лекціи, по причинѣ законной, Каченовскій собственноручно написалъ на этомъ донесеніи: *Нижеподписавшійся покорнѣйше проситъ объяснить: по какой именно причинѣ? Ректоръ Каченовскій*. Конечно это не могло понравиться. Въ тоже время Погодинъ дѣлаетъ упреки своему ученику Ю. Ѳ. Самарину „какъ представителю *неблагодарнаго* новаго поколѣнія" и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: „дурное впечатлѣніе отъ молодыхъ профессоровъ, которые прямо обѣщаютъ только второе изданіе прежнихъ". Но прямой вражды между имъ и ими въ то время еще не было. Такъ въ *Дневникѣ* Погодина подъ 8 октября 1838 года читаемъ: „Вечеръ у молодыхъ профессоровъ. Пріятно видѣть пятнадцать человѣкъ одного образа мыслей, образованія" и радовался, что „размножается у насъ молодое ученое поколѣніе" [161]); а Рѣдкинъ даже предлагалъ Погодину купить какое-то село въ Можайскомъ уѣздѣ съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, „а тамъ", писалъ онъ, „и мы согрѣемъ свои холодныя Нѣмецкія души, какъ вы ихъ разумѣете, роднымъ воздухомъ Бородинскихъ полей" [162]). Погодинъ даже мечталъ о томъ, что „какъ было бы пріятно и полезно, еслибы всѣ профессора жили вмѣстѣ, и составляли дружеское общество". Но предъ своимъ отъѣздомъ за-границу, онъ слѣдующее записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Послѣ лекціи совѣщаніе о студентахъ. Бился часа три, споря съ нелѣпымъ педантомъ Крюковымъ, у котораго нѣтъ органа распознавать студентовъ и ничего не хочетъ понимать" [163]).

Подобные упреки Погодинъ имѣлъ право дѣлать; ибо *органомъ распознавать студентовъ* онъ обладалъ въ полной мѣрѣ,

а это отъ того, что онъ никогда не относился къ студентамъ формально и способнѣйшихъ изъ нихъ всегда имѣлъ въ виду. Въ Погодинскихъ бумагахъ сохранился черновой листокъ, въ которомъ мы находимъ любопытнѣйшія замѣтки о тогдашнихъ студентахъ. „Въ четвертомъ курсѣ" (1838 г.), читаемъ въ немъ, „первое мѣсто принадлежитъ Юрію Самарину. Онъ имѣетъ много свѣдѣній, обладаетъ средствами для пріобрѣтенія новыхъ, разсуждаетъ логически, говоритъ ясно и складно. Трудовъ много и дѣльныхъ. Второе мѣсто принадлежитъ четверымъ, какъ мнѣ кажется, которыхъ я назову здѣсь по алфавиту: Буслаеву, Каткову и Михаилу Строеву. Буслаевъ трудился очень много, дошелъ до результатовъ прекрасныхъ въ частныхъ своихъ трудахъ... Трудолюбіе обѣщаетъ дѣльнаго ученаго. По прилежанію онъ первый. Катковъ первый по любознательности. Свѣдѣній много... Михаилъ Строевъ въ—ровнѣ въ отношеніи къ любознательности, къ свѣдѣніямъ и дару слова, но менѣе зрѣлъ. За ними слѣдуютъ Васьяновъ и Преображенскій, потому не причисляются къ этимъ тремъ, потому что предметъ, ими избранный, такъ великъ и труденъ, что достигнуть значительной степени мудрено, а занятіе имъ мѣшаетъ пріобрѣтенію свѣдѣній прочихъ. Васьяновъ съ блистательными способностями, оказываетъ успѣхи очень хорошіе во всѣхъ предметахъ, но ему недостаетъ усидчивости Буслаева"...

Въ числѣ слушателей Погодина былъ извѣстный впослѣдствіи ученый Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Въ это время, т.-е. въ 1838 году, онъ былъ студентомъ 3-го курса Юридическаго факультета. Изъ учениковъ онъ впослѣдствіи сдѣлался ученымъ противникомъ Погодина; но, впрочемъ, сохранялъ съ своимъ учителемъ до конца жизни послѣдняго если не дружескія, то и не враждебныя отношенія.

Племянникъ и почитатель Кавелина, профессоръ Казанскаго Университета Д. А. Корсаковъ почтилъ память своего дяди рядомъ интересныхъ статей о немъ, помѣщенныхъ *въ Вѣстникѣ Европы.*

К. Д. Кавелинъ родился въ С.-Петербургѣ, 4 ноября 1818

года. Крестнымъ отцомъ его былъ пріятель его отца Жуковскій. Дѣтство и юность свою Кавелинъ провелъ въ С.-Петербургѣ, до пяти лѣтъ, въ Рязани—до одинадцати лѣтъ и въ Москвѣ. Двѣ трети этого времени онъ проводилъ въ деревнѣ, Тульской губерніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ [164]).

По рекомендаціи князя А. А. Черкасскаго, свидѣтельствуетъ Д. А. Корсаковъ, взятъ для преподаванія Кавелину Русскаго языка, Исторіи и Географіи извѣстный критикъ В. Г. Бѣлинскій. Для Исторіи учитель рекомендовалъ руководство Пелица, въ Русскомъ переводѣ, изданное Погодинымъ. Бѣлинскій, по воспоминанію Кавелина, на одномъ урокѣ, по секрету объявилъ своему ученику, что-де Екатерина II вовсе не была такая великая и безупречная женщина, какъ о ней разсказываютъ... Родители Кавелина видѣли въ Бѣлинскомъ „не болѣе, какъ учителя, низкаго происхожденія, который и не могъ не быть болѣе или менѣе чудакомъ, съ дурными манерами". Хотя Бѣлинскій училъ Кавелина плохо. „Но", свидѣтельствуетъ Кавелинъ, „насколько онъ былъ плохой педагогъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ".

Въ августѣ 1835 года Кавелинъ выдержалъ вступительный экзаменъ и поступилъ въ Московскій Университетъ на 1-е отдѣленіе Философскаго факультета, но въ ноябрѣ того же года перешелъ на факультетъ Юридическій, главнымъ образомъ вслѣдствіе непонравившагося ему преподаванія Греческаго языка профессоромъ Оболенскимъ. По окончаніи перваго курса, Кавелинъ держитъ экзаменъ у Погодина изъ Всеобщей и Русской Исторіи и у Шевырева изъ Русской Словесности, и получаетъ у того и другого отличныя отмѣтки. Погодинъ по своей участливости къ студентамъ, обращаетъ вниманіе не даровитаго юношу и „много-много лѣтъ спустя, помнилъ блестящіе отвѣты Кавелина на этомъ экзаменѣ и съ увлеченіемъ разсказывалъ о нихъ въ 1867 году Д. А. Корсакову" [165]).

Между тѣмъ, Погодинъ, занятый переводомъ учебниковъ, засадилъ и студента Кавелина за переводъ учебника Фидлера. Но трудъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ для трудившагося. Вотъ что писалъ онъ (отъ 11 сентября 1838) своему профессору: „По вашему совѣту я былъ у графа Строганова, но мое посѣщеніе не имѣло никакого успѣха; теперь, когда испробованы мною всѣ средства, не безпокоя васъ получить вознагражденіе за полуторагодичный трудъ и старанія, я опять обращаюсь къ вамъ съ полною надеждою, что моя просьба не останется неудовлетворенною. Надъ переводомъ Фидлера просидѣлъ я всю первую и вторую вакацію, съ тою увѣренностью, что мой трудъ не будетъ напрасенъ. Согласитесь, что, предвидя отказъ, я бы могъ заняться многимъ другимъ, болѣе полезнымъ, потому что этотъ трудъ, какъ прекрасно выразился Графъ, имѣетъ для меня, теперь, одну отрицательную пользу. Но и при всемъ этомъ я бы не сталъ безпокоить васъ, еслибы къ тому не побуждала меня крайняя нужда въ деньгахъ; я много переплатилъ переписчику, а это вовлекло меня въ долгъ, который для меня теперь тѣмъ болѣе тяжелъ, что я не вижу возможности уплатить его, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени; я поручилъ привезти мнѣ книги изъ Германіи—теперь это новый долгъ; я купилъ себѣ Непке Уголовное право на занятыя деньги, вѣрно разсчитывая на свой переводъ. Изъ всего этого вы легко можете заключить, въ какомъ я теперь положеніи. Но если дѣйствительно вознагражденіе, обѣщанное вами, при теперешнихъ вашихъ обстоятельствахъ слишкомъ велико и далеко превышаетъ цѣну самого труда и книги, то я согласенъ на убавку; вмѣсто обѣщанныхъ вами трехъ сотъ рублей, я съ благодарностью приму отъ васъ двѣсти“. Кончилось это дѣло тѣмъ, что Кавелинъ просилъ Погодина возвратить ему его рукопись.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ принималъ самое живѣйшее участіе въ судьбѣ и своихъ бывшихъ слушателей, которые дѣлились съ нимъ своими успѣхами и неудачами. Такъ И. Я. Горловъ съ отчаяніемъ писалъ ему изъ Дерпта: „Я свое по-

ложеніе теперь могу сравнить только съ положеніемъ отца, который только-что лишился сына и у котораго спрашиваютъ, каковы успѣхи дѣлаетъ его дитя. Нѣсколько и можетъ даже слишкомъ романическое сравненіе въ нашъ положительный вѣкъ, но оно ей Богу отъ сердца, а движеніе своего сердца, когда дѣло идетъ о наукѣ, которой вы сами столько преданы, мнѣ отъ васъ скрывать нечего. Дѣло въ томъ, что Министръ, съ утвержденія Государя, предписалъ насъ за-границу не посылать и вмѣстѣ объявилъ, что онъ насъ тотчасъ размѣстить по университетамъ. Тогда какъ каждый изъ насъ только потому и вступилъ въ Профессорскій Институтъ и рѣшился подвергнуться нелѣпымъ требованіямъ и формамъ, которыя здѣсь существуютъ, что надѣялся быть два года за-границей" [166]).

Въ это время Горловъ, защитивъ свою диссертацію *De valoris natura* въ Дерптѣ и получивъ степень доктора Философіи, назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ Политической Экономіи и Статистики въ Казанскій Университетъ [167]). „Мое желаніе", писалъ онъ Погодину, „разумѣется не было ѣхать въ Казань, столько удаленную отъ центра нашей учености и литературы. Но что дѣлать, надо примириться съ обстоятельствами. И вдалекѣ такъ отъ нашихъ высшихъ властей можно ли надѣяться на исходатайствованіе позволенія ѣхать за-границу".

Другой слушатель Погодина, нѣкто Рябовъ, изъ отдаленнаго Нижне-Тагильскаго завода съ признательностью писалъ ему: „Я получилъ любовь къ Исторіи Отечественной на вашихъ лекціяхъ въ Московскомъ Университетѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Рябовъ сообщаетъ Погодину, что „Г. Е. Щуровскій, путешествуя для геогностическаго обозрѣнія Урала, видѣлъ найденныя имъ надписи на утесахъ" [168]).

Изъ своихъ товарищей профессоровъ, кромѣ Шевырева, Погодинъ былъ особенно близокъ съ Иноземцовымъ и „съ величайшимъ удовольствіемъ услышалъ въ Университетѣ, что Царь прислалъ ему орденъ". Съ Кубаревымъ же у Погодина въ это время произошла размолвка. И вотъ по какому по-

воду: въ концѣ 1838 года вернулся изъ чужихъ краевъ злѣйшій врагъ Погодина, скептикъ Сергѣй Строевъ. Въ бытность свою въ Москвѣ онъ посѣтилъ Кубарева. Въ тоже время и Погодинъ къ нему зашелъ. Эта встрѣча очевидно произвела на Погодина неблагопріятное впечатлѣніе, и онъ съ неудовольствіемъ записалъ въ свой *Дневникъ* слѣдующее: „Какъ ухаживаетъ за Скромненкой Кубаревъ. Двадцатилѣтіемъ испытаннаго пріятеля онъ предаетъ мальчишкѣ, о наглости котораго самъ разсказывалъ". Кубаревъ также огорчилъ Погодина и тѣмъ, что отдалъ свою статью о *Печерскомъ Патерикѣ* въ журналъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія*. При объясненіи же, Кубаревъ началъ говорить Погодину „такія вещи, такимъ тономъ, какъ будто онъ не хотѣлъ ея напечатать! Вотъ уже больно", съ грустью замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „терпѣть отъ Полевыхъ, Давыдовыхъ такъ и быть, а отъ Венелиныхъ и Кубаревыхъ тяжело!" [169]).

Патріотическое чувство, столь присущее Погодину, сближало его съ людьми замѣчательными въ другихъ университетахъ. Возвращаясь въ 1835 году изъ чужихъ краевъ чрезъ Кіевъ, Погодинъ познакомился тамъ съ Неволинымъ и съ того времени не упускалъ его изъ виду.

Уроженецъ Вятской губерніи *), питомецъ Вятской Семинаріи и Московской Духовной Академіи, Константинъ Алексѣевичъ Неволинъ началъ свое гражданское поприще, подъ руководствомъ Сперанскаго, трудами по собиранію и кодификаціи Русскаго Законодательства. Совершивъ заграничное путешествіе, Неволинъ представилъ разсужденіе на степень доктора *о Философіи Законодательства у Древнихъ* (Спб. 1835). На диспутѣ Неволина, происходившемъ 8 февраля 1835 года, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, принималъ дѣятельное и живое участіе самъ министръ народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ. По утвержденіи Неволина въ степень доктора, онъ былъ назначенъ, 19 марта 1835 года, исправляющимъ должность ординарнаго профессора Энциклопедіи Права и Учреж-

*) Родился въ 1806 году.

деній Россійской Имперіи въ Университетѣ Св. Владиміра, а въ маѣ 1837 года, по смерти Цыха, Неволинъ былъ избранъ въ должность ректора Университета [170]).

Познакомившись съ Неволинымъ и удостовѣрившись въ его обширныхъ познаніяхъ, Погодинъ, по своему почтенному обычаю, сталъ понуждать его дѣлиться ими съ соотечественниками. Въ отвѣтъ на это Неволинъ писалъ Погодину: „Вы убѣждаете насъ писать что-нибудь для свѣта. Мы такъ еще и доселѣ заняты предметами, непосредственно относящимися къ нашей должности, что мало имѣемъ времени думать о постороннихъ занятіяхъ. Впрочемъ, разумѣется, то, что дѣлаемъ для лекцій, то все болѣе и болѣе получаетъ совершеннѣйшій видъ и понемногу изготовляется къ печати. Іисусъ Христосъ до тридцати лѣтъ скрывался отъ свѣта; за то тѣмъ полнѣе, тѣмъ совершеннѣе было явленіе Его міру“ [171]).

Но въ это время Неволинъ писалъ свою знаменитую *Энциклопедію Законовѣдѣнія*, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ и вышла въ свѣтъ. Появленіе этой книги Погодинъ встрѣтилъ такими словами: „Привѣтствуемъ молодаго профессора на поприщѣ Литературы. Пора, давно пора являться новому поколѣнію на сцену, и сказать намъ, чего мы можемъ ожидать отъ него. Профессоръ безъ печатнаго сочиненія у насъ есть non-sens, хотя есть еще люди, которые думаютъ противное. Профессоръ обязанъ дать отчетъ публичный въ своемъ взглядѣ на предметъ и подать студенту руководство, какъ имъ заниматься. Выучить десятокъ Нѣмецкихъ руководствъ къ своему предмету, кои продаются въ Германіи, и читать ихъ съ каѳедры, подновляя одно другимъ, очень легко: съ такимъ запасомъ иной будетъ читать вамъ лекціи объ языкахъ Семитическихъ, а другой о Словенскихъ, хоть ни на одномъ Словенскомъ нарѣчіи не съумѣетъ онъ выпросить себѣ хлѣба, но такое выученье не составляетъ профессора, а развѣ шарлатана, который можетъ на время пустить пыль въ глаза человѣку неопытному, но сорвать улыбку презрѣнія или сострадація съ знатока. Покажи намъ, какъ ты самъ думаешь и

тогда мы же опредѣлимъ тебѣ цѣну. Нельзя же всякому сочинять книгъ, скажутъ. Я согласенъ, но напишите книгу черезъ пять лѣтъ (впрочемъ пять лѣтъ уже прошли), а на первый годъ дайте часть ея, напишите разсужденіе о какомъ бы то ни было предметѣ, подайте голосъ о вновь выходящихъ книгахъ — вездѣ можно показать себя. Предметъ мой обширенъ, скажетъ иной, я не могу написать полнаго руководства. Переведите намъ чужое. Я не доволенъ ни однимъ. Покажите намъ, почему вы недовольны, и эта критика, гдѣ вы станете лицомъ къ лицу съ вашими учителями, можетъ еще разительнѣе выставить васъ. Мы имѣемъ теперь тридцать профессоровъ новаго поколѣнія... Какъ тѣнь Банко, я буду кричать имъ въ уши объ ихъ долгахъ. Старшій изъ молодыхъ г. Неволинъ издалъ *Энциклопедію Законовѣдѣнія*. Честь ему и слава за сочиненіе Европейское, которому вѣрно отдастся въ Германіи справедливость полная, а не половинная..."

XVII.

Въ 1838 году *Московскій Наблюдатель* былъ совершенно преобразованъ. До того времени, какъ извѣстно, онъ издавался Андросовымъ при участіи Шевырева. Весною 1838 года журналъ этотъ переданъ былъ Андросовымъ Степанову; редакторомъ же его, хотя и не объявленнымъ, сталъ Бѣлинскій. Кружокъ молодыхъ людей, принявшихъ дѣятельное участіе въ обновленномъ журналѣ, состоялъ изъ Бакунина, Боткина, Клюшникова, Каткова, Константина Аксакова, Кудрявцева (еще студента), Кольцова и др. Станкевичъ, который былъ душою этого кружка, въ то время находился за-границею. Задачею журнала было обсужденіе явленій Русской литературы съ точки зрѣнія философіи Гегеля.

Философія Гегеля нашла въ Россіи краснорѣчиваго проповѣдника въ лицѣ молодаго отставнаго артиллерійскаго офицера Михаила Бакунина. Въ 1835 году онъ не зналъ, что дѣлать съ собою и наткнулся на Н. В. Станкевича, который,

угадавъ его способности, засадилъ за Нѣмецкую Философію. Работа пошла быстро. Бакунинъ обнаружилъ въ высшей степени діалектическую способность. Онъ вскорѣ такъ овладѣлъ своимъ предметомъ, что къ нему обращались за разрѣшеніемъ всякаго темнаго или труднаго мѣста въ системѣ учителя, а потому за отъѣздомъ Станкевича въ чужіе края, главою его кружка сталъ Бакунинъ и водворилось безусловное поклоненіе Гегелю. Человѣкъ, незнакомый съ Гегелемъ, считался кружкомъ почти-что неучемъ. Основныя положенія Гегеля Бакунинъ возвѣщалъ, какъ всемірное откровеніе, сдѣланное человѣчествомъ на-дняхъ, какъ обязательный законъ для мысли людской. Слѣдовало или покориться имъ безусловно, или стать къ нимъ спиной, отказываясь отъ свѣта и разума. Бѣлинскій, на первыхъ порахъ, и покорился имъ безусловно, стараясь достичь идеала безстрастнаго существованія въ духѣ [171a]).

По свидѣтельству Герцена, „нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, въ двухъ Эстетики, Энциклопедіи и проч. Гегеля, который бы не былъ взятъ нашими философами отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи *перехватывающаго духа*, принимая за обиды мнѣнія объ *абсолютной личности* и о ея *по-себѣ бытіи*. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Нѣмецкой Философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Заплакали бы отъ умиленія всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шаллеры, Розенкранцы и самъ Арнольдъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ *превратникомъ Гегелевой Философіи* — еслибъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Маросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали. Главное достоинство Павлова (предшественника нашихъ Гегеліанцевъ и проповѣдника Шеллингизма) состояло въ необычайной ясности изложенія,

ясности, нисколько не терявшей всей глубины Нѣмецкаго мышленія; молодые философы приняли напротивъ какой-то условный языкъ, они не переводили на Русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ Латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь Русскихъ падежей". Въ тѣ времена, по замѣчанію Герцена, никто бы не отрекся отъ подобной фразы: *Конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной иммантенности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ.* „Молодые философы наши", продолжаетъ Герценъ, „испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье... Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступившая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза была строго отнесена къ своему порядку, къ *гемюту* или къ *трагическому* въ сердцѣ" [172]). .

Органомъ нашихъ философовъ, какъ мы уже знаемъ, явился *Московскій Наблюдатель* [173]). Въ видѣ программы и введенія къ изданію были напечатаны *Гимназическія рѣчи* Гегеля въ переводѣ Бакунина, который въ предисловіи къ переводу выразилъ исповѣданіе вѣры своего кружка, въ которомъ развивается знаменитая Гегелевская формула *все дѣйствительное разумно.* „Философія!" пишетъ Бакунинъ, „кто не воображаетъ себя нынѣ философомъ, кто не говоритъ теперь съ утвердительностью о томъ, что такое истина? Всякій хочетъ

имѣть свою собственную партикулярную систему; кто не думаетъ по своему, по своему личному произволу, тотъ... безцвѣтный человѣкъ, тотъ не геній, въ томъ нѣтъ глубокомыслія; а нынѣ куда вы не обернетесь—вездѣ встрѣчаете геніевъ. И чтожъ выдумали эти геніи самозванцы, какой смыслъ въ ихъ глубокомысленныхъ идеяхъ и взглядахъ, что двинули они впередъ, что сдѣлали они *дѣйствительнаго*?

Шумимъ братецъ, шумимъ, отвѣчаетъ за нихъ Репетиловъ, въ комедіи Грибоѣдова. Да, шумъ, пустая болтовня— вотъ единственный результатъ этой ужасной, безсмысленной анархіи умовъ, которая составляетъ главную болѣзнь нашего новаго поколѣнія, отвлеченнаго, призрачнаго, чуждаго *дѣйствительности*; а весь этотъ шумъ и вся эта болтовня все это происходитъ во имя Философіи. И мудрено ли, что умный Русскій народъ не позволяетъ ослѣплять себя этимъ фейерверочнымъ огнемъ словъ безъ содержанія, и мыслей безъ смысла?... До сихъ поръ кто занимается Философіею, тотъ необходимо простился съ *дѣйствительностію*, или вооружается противъ *дѣйствительнаго міра*, и мнитъ, что своими призрачными силами онъ можетъ разрушить его мощное существованіе... и не знаетъ, бѣдный, что *дѣйствительный* міръ выше его жалкой и безсильной индивидуальности; онъ не способенъ понять истины и блаженства *дѣйствительнаго міра*, конечный разсудокъ мѣшаетъ ему видѣть, что въ жизни все прекрасно, все благо, и что самыя страданія въ ней необходимы, какъ очищенія духа... XVIII вѣкъ", говоритъ далѣе Бакунинъ, „былъ вѣкъ втораго паденія человѣка въ области мысли; онъ потерялъ созерцаніе безконечнаго и, погруженный въ конечное созерцаніе конечнаго міра, не нашелъ и не могъ найти другой опоры для своего мышленія, кромѣ своего *я*, отвлеченнаго, призрачнаго, когда оно находится во враждѣ съ *дѣйствительностью*. Канту пришла въ голову мысль—повѣрить способность познаванія, прежде приступленія къ самому познаванію. Эта повѣрка составляетъ содержаніе его *Критики чистаго разума*. Фихте, система котораго есть логическое и

необходимое продолженіе критической системы Канта, доказавъ, что вещь сама по себѣ есть также проявленіе чистаго *я* и весь внѣшній міръ, вся природа была объявлена призракомъ: дѣйствительно только *я*, все же остальное—призракъ... Результатомъ субъективныхъ системъ Канта и Фихте было разрушеніе всякой объективности, всякой *дѣйствительности*, и погруженіе отвлеченнаго, пустаго *я* въ самолюбивое, эгоистическое самосозерцаніе, разрушеніе всякой любви, и слѣдовательно и всякой жизни... Подобная Философія есть разрушеніе религіи и искусства, а религіозное и эстетическое чувство были въ Германскомъ народѣ слишкомъ глубоки и спасли его отъ этого отвлеченнаго и безграничнаго уровня, который потрясъ и чуть было не уничтожилъ Франціи кровавыми сценами революціи. Шиллеръ, какъ ученикъ Канта и Фихте, вышелъ также изъ субъективности, которая явна въ двухъ драмахъ его: *Разбойники* и *Коварство и Любовь*, гдѣ онъ возстаетъ противъ общественнаго порядка. Но богатая природа Шиллера вынесла его изъ отвлеченности и каждый новый годъ его жизни былъ шагомъ къ примиренію съ *дѣйствительностію*: въ своемъ сочиненіи объ эстетическомъ воспитаніи онъ положилъ первое основаніе разумнаго философскаго начала, *какъ конкретнаго единства субъекта и объекта.* Шеллингъ возвелъ это единство до абсолютнаго начала, и наконецъ система Гегеля вѣнчала это долгое стремленіе ума къ дѣйствительности: *Что дѣйствительно, то разумно* и *что разумно, то дѣйствительно.* Вотъ основа Философіи Гегеля, основа, которая нашла еще много противниковъ и возбудила негодованіе въ рядахъ этой смѣшной *юной* Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное Отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ... Гегель возставалъ противъ самолюбивой и смѣшной увѣренности нашего времени, что можно быть философомъ и ученымъ безъ всякаго усилія и труда; онъ говорилъ, что эта глупая увѣренность, завлекая слабыхъ людей, отрываетъ ихъ отъ всякаго другого поприща, на которомъ они могли бы быть дѣйствительными и полезными людьми“.

Обращаясь къ Французамъ, Бакунинъ говоритъ, „что они, исключая Декарта и Молебранша, никогда не выходили изъ области эмпирическихъ, произвольныхъ разсужденій, и все святое, великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпого мертваго разсудка. Результатомъ Французскаго философизма былъ матеріализмъ, торжество неодухотворенной плоти. Во Французскомъ народѣ исчезла послѣдняя искра Откровенія. Христіанство сдѣлалось предметомъ общихъ насмѣшекъ, общаго презрѣнія, и бѣдный разсудокъ человѣка отвергнулъ все, что только было ему недоступно... Онъ вздумалъ объяснить религію—и религія исчезла и унесла съ собою и счастіе и спокойствіе Франціи; онъ вздумалъ превратить святилище науки въ общенародное знаніе—и таинственный смыслъ истиннаго знанія скрылся и остались только одни пошлыя, безплодныя разсужденія; а Жанъ-Жакъ Руссо объявилъ, что просвѣщенный человѣкъ есть развращенное животное, революція была необходимымъ послѣдствіемъ этого духовнаго развращенія. Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства... и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть нѣсколько возвышалось надъ безсмысленной толпой. Наполеонъ остановилъ революцію и возстановилъ общественный порядокъ: но онъ не могъ возвратить Франціи религіознаго чувства; а религія есть сущность жизни всякаго государства... Находясь внѣ христіанства, Французы чувствуютъ потребность религіи и стараются выдумать свою религію, не зная, что религія не отъ рукъ человѣческихъ, а есть Откровеніе Божіе, и что внѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть истинной религіи: вотъ источникъ смѣшнаго Сенъ-Симонизма и другихъ сектъ. Но болѣзнь Франціи не ограничилась Франціею; это отсутствіе религіи, эта внутренняя пустота распространились далеко за границы ея, къ несчастію и у насъ, не смотря на благородныя усилія Жуковскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей познакомить насъ съ Германскимъ міромъ. Мы почти всѣ воспитаны на Французскій манеръ; на Французскомъ языкѣ и Французскими мыслями...

Вмѣсто того, чтобъ разжигать въ молодомъ сердце искру Божію; вмѣсто того, чтобъ пробуждать въ немъ глубокое религіозное чувство, вмѣсто того, чтобъ образовать въ немъ глубокое эстетическое чувство, которое спасаетъ человѣка отъ всѣхъ грязныхъ сторонъ жизни: вмѣсто всего этого его наполняютъ пустыми, Французскими фразами, которыя убиваютъ душу въ ея зародышѣ, и вытѣсняютъ изъ нея все, что въ ней есть святаго, прекраснаго. Вмѣсто того, чтобъ пріучить молодой умъ къ *дѣйствительному* труду; вмѣсто того, чтобъ разжигать въ немъ любовь къ знанію и что употребленіе его, какъ средство для блистанія въ обществѣ, есть святотатство: его пріучаютъ къ пренебреженію трудомъ, къ легковѣрности, къ пустой блестящей болтовнѣ обо всемъ. И мудрено ли, что подобное воспитаніе образуетъ не крѣпкаго и *дѣйствительнаго* Русскаго человѣка, преданнаго Царю и Отечеству, а что-то такое среднее, безцвѣтное и безхарактерное?

„Разверните“, продолжаетъ Бакунинъ, „какое вамъ угодно, собраніе Русскихъ стихотвореній и посмотрите, что составляетъ, а особливо составляло пищу для ежедневнаго вдохновенія нашихъ самозванцевъ поэтовъ безсильное и слабое *прекраснодушіе*. Одинъ объявляетъ, что онъ не вѣритъ въ жизнь, что разочарованъ, второй, что онъ не вѣритъ дружбѣ, третій, что онъ не вѣритъ любви, четвертый, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать счастіе своихъ собратій людей, но что они его не слушаютъ и что онъ отъ того очень несчастливъ. Но оставимъ этихъ... обратимъ свое вниманіе на великаго Пушкина, на этого чисто Русскаго генія, разсмотримъ главные моменты его жизни... Онъ также получилъ ложное воспитаніе и былъ нѣкоторое время въ томъ состояніи, которое онъ такъ ясно, такъ могущественно описалъ въ своемъ *Онѣгинѣ*; онъ также началъ борьбою съ *дѣйствительностью*... Борьба съ *дѣйствительностью* должна была повергнуть его въ отчаяніе, потому что *дѣйствительность* всегда побѣждаетъ, и человѣку остается или помириться съ нею... или самому разрушиться—и посмотрите, какъ было глубоко отчаяніе Пушкина:

Даръ напрасный и проч.

Геніальная субстанція Пушкина вырвала его изъ этой безконечной пустоты духа... За этимъ отчаяніемъ, за этою сухостью духа послѣдовала тихая, благотворная грусть, какъ свѣтлый лучъ неба, какъ вѣстница очищенія и просвѣтлѣнія, и онъ выразилъ свое преображеніе въ этихъ прекрасныхъ стихахъ:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье и пр.

Да, грусть есть начало просвѣтлѣнія духа: она освѣжаетъ душу, она есть начало вѣры, начало любви... Въ то самое время, какъ всѣ думали, что поэтическій геній Пушкина угасъ, потухъ, подъ тяжестью свѣтскихъ заботъ, онъ совершалъ свое великое примиреніе съ *дѣйствительностью*, и его послѣднія стихотворенія, напечатанныя въ *Современникѣ*, торжественно доказываютъ это".

Предисловіе свое къ Гимназическимъ рѣчамъ Гегеля Бакунинъ заключаетъ такими словами: „Да, счастіе не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой *дѣйствительности*; возставать противъ *дѣйствительности* и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни—одно и то же; примиреніе съ *дѣйствительностью*, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель, и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе оставитъ пустую и безсмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархія умовъ — совершенно противоположны, что въ знаніи царствуетъ строгая дисциплина и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится наконецъ съ нашею прекрасною Русскою *дѣйствительностью*, и что оставитъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ наконецъ въ себѣ законную потребность быть *дѣйствительными* Русскими людьми".

Въ томъ же направленіи писалъ въ то время и Бѣлинскій. Въ письмѣ его къ Станкевичу читаемъ: „Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей, я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча,

нѣтъ произвола, нѣтъ случайностей—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего Отечества представило мнѣ въ новомъ видѣ... Слово *дѣйствительность* сдѣлалось для меня равнозначительнымъ слову Богъ". Это же направленіе выразилось скоро въ статьяхъ его *Бородинская Годовщина* и *Менцель*, по поводу которыхъ Грановскій писалъ Невѣрову: „Какія гадкія статьи написалъ Бѣлинскій о *Бородинѣ* и пр. Бакунинъ первый возсталъ противъ нихъ, а кто внушилъ эти статьи? Онъ умнѣе и ловчѣе Бѣлинскаго". Истинный же глава этого философскаго кружка, Станкевичъ, писалъ Грановскому: „Если авторитетъ Гегеля силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ въ его *Логикѣ*, что *дѣйствительность* въ смыслѣ непосредственности внѣшняго бытія—есть случайность; что дѣйствительность въ ея истинѣ есть *разумъ*, *духъ*". Еще рѣзче къ этому направленію Бѣлинскаго отнесся Огаревъ, который писалъ Герцену: „Я убѣдился, что надо читать Гегеля, а не учениковъ, а тѣмъ паче не гнусныя статьи Бѣлинскаго, который столько же ученикъ Гегеля, сколько и родной братъ Китайскаго императора" [174]).

Не смотря на кажущуюся благонамѣренность, статья Бакунина пришлась не по сердцу православнымъ Кіевскимъ философамъ, и одинъ изъ нихъ писалъ Погодину: „Съ удивленіемъ читали мы неблагодарную статью неблагодарнаго ученика Нѣмецкой школы, помѣщенную въ *Московскомъ Наблюдателѣ*. Вѣроятно она написана не по внутреннему убѣжденію, а только для упражненія языка и пера, по подражанію тѣмъ мудрецамъ, которые поставляли верхъ искусства въ томъ, чтобы о каждомъ предметѣ говорить pro и contra".

Впослѣдствіи, когда Погодинъ призывалъ глубокомысленнаго нашего мыслителя протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго вступить въ борьбу съ Гегеліянцами, то онъ писалъ Погодину: „Съ исполиномъ Берлинскимъ бороться едвали будетъ мнѣ подъ силу", но въ то же время прибавлялъ: „Яснѣе другихъ видны для меня несообразности его ученія съ ученіемъ чисто христіанскимъ".

То, что не желалъ договорить въ этихъ словахъ прото-

іерей Голубинскій, то ясно высказывается въ собственномъ признаніи Герцена: „Когда“, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, „я привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей... Философія Гегеля алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, переживших себя. Но она можетъ съ намѣреніемъ дурно формулирована“.

Кромѣ Бакунина на страницахъ *Московскаго Наблюдателя* 1838 года мы встрѣчаемъ поэтическія произведенія П. Я. Петрова, В. И. Красова, К. С. Аксакова, П. Н. Кудрявцева *(А. Н.)*, М. Н. Каткова, Полежаева, Кольцова, И. Г. Ключникова *(Θ.)*, Струговщикова, статьи Кронеберга, Срезневскаго, Хавскаго и библіографическія изысканія С. Д. Полторацкаго.

Не смотря однако на таланты и энергію сотрудниковъ, *Московскій Наблюдатель* и подъ новою редакціею не утвердился. „Справедливъ ли слухъ“, писалъ Никитенко Погодину (отъ 22 ноября 1838 года), „что *Наблюдатель* прекращается въ этомъ году? Жаль, если справедливо. Бѣлокаменная Москва останется совсѣмъ безъ журнала. До какого состоянія мы дошли: все въ рукахъ одной *Библіотеки для Чтенія*. Грустно видѣть, какъ вся образованная часть публики опять принимается исключительно за Французскую литературу, въ послѣднее время немножко начали было читать и свое. Но что же дѣлать? Что у насъ теперь читать?“ [175]).

Между тѣмъ Погодинъ, какъ-то встрѣтясь съ В. И. Карлгофомъ, толковалъ съ нимъ о литературѣ, Уваровѣ и о „подлецахъ журналистахъ“ [176]), разумѣется Петербургскихъ, о которыхъ М. И. Касторскій писалъ Погодину: „Профессоръ Плетневъ ввелъ меня въ таинства нашей журналистики, у меня волосы стали дыбомъ отъ разсказовъ; а что не говорите, а вѣдь вѣрно все подкуплено, все Смирдинъ, кромѣ Смирдина нѣтъ ходу. Боже! Что Наполеонъ намъ нуженъ или Августъ Октавіанъ для сосредоточенія силы литературной, въ другой—

болѣе свѣтлой точкѣ? Плетневъ говоритъ: не *Октавіанъ, а Сенковскій и Полевой побѣдятъ Наполеона.* Я думаю, что *мысль* должна побѣдить *блескъ*, къ которому въ наши времена такъ легко прилагается золото". Въ это время могущіе, по словамъ Плетнева, *побѣдить Наполеона* Полевой и Сенковскій поссорились. Объ этомъ важномъ событіи въ журнальномъ мірѣ засвидѣтельствовалъ В. В. Григорьевъ въ письмѣ своемъ Погодину. „А, какова возня", писалъ онъ, „поднялась у насъ въ Питерѣ между Сенковскимъ и Полевымъ? Я думалъ сначала, что это ложная тревога, бой притворный. Не тутъ-то было: голубчики схватились за святые во всю Ивановскую, такъ что пыль столбомъ. Кто-то переможетъ? Уменъ Полевой, уменъ и Сенковскій, къ первому больше благоволитъ публика, второй на лучшемъ счету у Правительства. Ругательства Полевого тяжелѣе; шутка Сенковскаго бьетъ смертельнѣе. На сторонѣ Полеваго Гречь, Булгаринъ, Кукольникъ, Воейковъ и цѣлая свора статеечниковъ не такъ именитыхъ; на сторонѣ Сенковскаго нѣтъ никого: онъ одинъ долженъ выдерживатъ и отражать удары враговъ. Такъ какъ Полевого нѣтъ болѣе въ *Библіотекѣ для Чтенія*, то, вѣроятно, она прекратитъ на васъ свои нападки, и ваша *Историческая Библіотека* будетъ расхвалена. Ссора Сенковскаго съ Полевымъ для васъ выгодна, потому что какъ ни говорите, а голосъ *Библіотеки* имѣетъ еще цѣну: она въ высшей степени обладаетъ искусствомъ жевать для публики и класть ей въ ротъ всего, чего еще наша публика не понимаетъ".

XVIII.

24 ноября 1838 года Никитенко писалъ Погодину: „Кто хочетъ дѣйствовать, долженъ непремѣнно сдѣлаться спекулянтомъ: это только и удается. Какъ торговое дѣло, у насъ литература еще-таки существуетъ, какъ нравственно-духовное ее нѣтъ и кажется не скоро будетъ... Явится ли вашъ *Москвитянинъ?*"

Къ чести Погодина слѣдуетъ сказать, что онъ, при всей своей видимой практичности, никогда не умѣлъ сдѣлаться

спекулянтомъ и его *торговое дѣло* никогда не процвѣтало. Идеальныя стремленія его, конечно, были тому помѣхою. Всѣ изданія его расходились очень туго или, какъ выражается его усердный корреспондентъ по этой части В. В. Григорьевъ, *ужасно мерзко*. Задавъ себѣ вопросъ: „отчего бы это происходило?" Григорьевъ на этотъ вопросъ отвѣчалъ самому Погодину: „Разумѣется, что причина малаго расхода заключается не въ качествѣ вашихъ изданій. Ругательства Полеваго тоже не имѣютъ большого вліянія. Книгопродавцамъ нѣтъ, кажется, никакой нужды препятствовать успѣху вашихъ предпріятій. Отчего же, повторяю, происходитъ малый сбытъ ихъ? Мнѣ кажется отъ того, что надѣетесь много и слишкомъ много на благоразуміе публики. Читающая публика наша образцово глупа и дается въ обманъ какъ нельзя легче. Если вы хотите подарить ее хорошею книгою, такъ, чтобы заставить ее купить эту книгу, надо прежде написать длинное объявленіе, которое бы громко извѣщало о достоинствахъ ея, растолковало пользу и важность сочиненія, разжевало и въ ротъ положило; иначе успѣхъ есть дѣло рѣдкое. Вы такихъ объявленій не пишете, и публика до сихъ поръ очень мало знаетъ объ тѣхъ многочисленныхъ заслугахъ просвѣщенію, которыя оказали вы изданіями вашими. Участь *Словенскихъ Древностей* особенно терзаетъ мое Словеполюбивое сердце".

Въ это же время Погодинъ разошелся съ извѣстнымъ Московскимъ книгопродавцемъ-издателемъ Александромъ Сергѣевичемъ Ширяевымъ, имѣвшимъ по своей профессіи частыя сношенія съ Погодинымъ. Очевидно виновенъ былъ Ширяевъ, и онъ, желая искупить свой грѣхъ, въ первый день Пасхи (1838 г.) предпринялъ путешествіе на Дѣвичье поле, чтобы похристосоваться съ Погодинымъ; но путешествіе это было неудачно, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма: „Сильное желаніе было", писалъ Ширяевъ, „лично поздравить васъ съ великимъ праздникомъ, но доѣхать до васъ не было возможности. Кажется надобно ѣхать по дорожкѣ, ведущей прямо къ монастырю. А мы взяли вправо и, доѣхавъ до половины Поля,

попали въ лужу, такъ что едва могли вырваться и съ трудомъ возвратиться назадъ. Лошади сильно устали и извозчики въ другой разъ ѣхать не соглашались". На другой же день Погодинъ писалъ Ширяеву: „Усердно благодарю васъ за ваше поздравленіе и поздравляю васъ также. Я имѣлъ дѣло съ вами около десяти лѣтъ, и вы не можете пожаловаться, чтобы я сдѣлалъ вамъ малѣйшую непріятность. Послѣ пробѣжала между нами черная кошка. Можетъ быть эта черная кошка была оптическій обманъ, недоразумѣніе. Какъ бы то ни было, я сношенія свои прервалъ. Сколько сдѣлали вы зла послѣ этого, вы знаете лучше моего. Мои знакомые удивлялись моему терпѣнію... но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, говоритъ пословица. Случай свелъ насъ опять. Вы изъявили готовность подать мнѣ руку, и я также подаю вамъ свою. Радъ буду увидѣться съ вами, но при свиданіи не удержусь отъ стараго совѣта, и увѣряю васъ заранѣе, онъ принесетъ вамъ пользу. Я никуда не ѣзжу всѣ сіи три недѣли, а ко мнѣ нѣтъ пути по большой дорогѣ, а по проселочной, т.-е. переулкомъ къ Саввѣ отъ Плющихи" [177]). Объ этомъ примиреніи Погодинъ извѣстилъ Бодянскаго [178]); но сей послѣдній отнесся скептически. „Такъ Ширяевъ", писалъ онъ, „сблизился съ вами? Не волчье ли у него на умѣ? Мнѣ что-то такъ кажется" [179]).

Въ это время самъ Погодинъ намѣревался осуществить давнишнюю свою мечту завести книжную лавку.

Мысль объ этомъ подалъ Погодину Краевскій, который еще въ 1836 году писалъ ему: „Со времени сдруженія своего съ *честными* людьми, Смирдинъ сдѣлался такимъ негодяемъ, что изъ рукъ вонъ, и, кажется, скоро дойдетъ до мату. О принятіи на коммиссію *Исторіи Поэзіи* С. П. Шевырева и слышать не хочетъ, вѣроятно, по той же причинѣ. Вообще онъ вредитъ каждой книгѣ, изданной не имъ, разглашая или о близкомъ ея запрещеніи, или о шарлатанствѣ автора. Вредъ, наносимый имъ какъ книгопродавцемъ, котораго знаетъ и къ которому адресуется вся Россія, несравненно больше, чѣмъ

мошенничества Фигляриныхъ. Отчаяніе овладѣваетъ всякимъ честнымъ литераторомъ, если не сыщется человѣкъ, который бы облагородилъ книгопродавческое дѣло по-Новиковски, и поднялъ его выше этихъ низкихъ душенокъ. Я приступаю съ этимъ безпрестанно къ Одоевскому, которому теперь удобно это сдѣлать, ибо онъ завелъ уже типографію".

Погодинъ рѣшилъ завести книжную лавку въ товариществѣ съ купцомъ И. Н. Царскимъ и объ этомъ онъ „молился и думалъ" [180]).

Но и въ то время предпріятію этому не суждено было осуществиться.

XIX.

„Въ лучшія эпохи", писалъ князь П. А. Вяземскій, „литературная держава переходила какъ будто наслѣдственно изъ рукъ въ руки. На нашемъ вѣку литературное первенство долго означалось въ лицѣ Карамзина. Послѣ него олицетворилось оно въ Пушкинѣ, а по смерти его верховное мѣсто въ литературѣ нашей праздно... и нигдѣ не выглядываетъ хотя бы литературный Пожарскій, который былъ бы, такъ сказать, предтечею и поборникомъ водворенія законной власти" [181]).

На вопросъ Погодина о нашихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, Никитенко отвѣчалъ (22 ноября 1838 г.): „Рѣшительно ничего замѣчательнаго нѣтъ. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ *Ундины* Жуковскаго. Она прелестна. Это неожиданный цвѣтокъ въ болотѣ нашей жалкой литературы" [182]).

Гоголь водворился въ Римѣ, куда онъ, по свидѣтельству Погодина, бѣжалъ изъ Петербурга „послѣ разныхъ неудовольствій и досадъ при представленіи и напечатаніи *Ревизора*" [183]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ не могъ примириться съ слишкомъ долгимъ пребываніемъ Гоголя въ чужихъ краяхъ и звалъ его въ Россію; но Гоголь на этотъ зовъ отвѣчалъ: „О, когда я вспомню нашихъ судій, меценатовъ, ученыхъ умниковъ... сердце мое содрагается при одной мысли!

Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной Русской Земли!.. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня... Но ѣхать, выносить надменную гордость... людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку...; но въ своей—никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ быть вполнѣ понятны: ты въ пристани, ты какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы,—сложить мнѣ голову свою на родинѣ!“

Отъ Бодянскаго Погодинъ получаетъ о Гоголѣ довольно странное извѣстіе. 30 апрѣля 1838 года, онъ писалъ: „Грановскій говоритъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ слыхалъ отъ кого-то, что Гоголь живетъ теперь въ Римѣ, бросилъ лѣчиться отъ увѣренности, что онъ непремѣнно долженъ умереть въ концѣ нынѣшняго года. Онъ растолстѣлъ, ничѣмъ рѣшительно не занимается, проводя все время въ обществѣ нашихъ художниковъ и играя съ ними не то въ карты, не то въ билліардъ. Вѣдь онъ былъ въ Испаніи? Что за ужасная судьба преслѣдуетъ лучшія наши головы!“ [184]) Къ довершенію всего распространились по Москвѣ слухи, что Гоголь посаженъ за долги въ тюрьму. „Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій“, писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину, „сказалъ мнѣ, что видѣлъ у васъ Кони, который подтвердилъ непріятное извѣстіе о Гоголѣ и предложилъ мнѣ составить для него подписку. Великопольскій даетъ тысячу рублей. Мысль святая! Вѣдь это позоръ всѣмъ намъ, если Гоголя засадятъ въ тюрьму. Вы всѣхъ лучше можете устроить это дѣло, а потому пріѣз-

жайте пожалуста въ субботу въ клубъ обѣдать: тамъ мы обо всемъ переговоримъ и дѣло уладимъ“ [185]).

И въ эту трудную минуту жизни Гоголя императоръ Николай простеръ ему руку помощи и Гоголь съ восторгомъ писалъ Жуковскому: „Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей, но изліяніе ея не достигнетъ къ его Престолу. Какъ нѣкій богъ, онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но можетъ быть слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и прибавитъ умиленную черту къ его нравственнымъ доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленій на землѣ. Вексель съ извѣстіемъ еще въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ,—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей не перешли въ дѣйствительность. Еще одно безвозвратное... О Пушкинъ! Пушкинъ!.. Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы... Вы мнѣ говорили о Швейцаріи, о Германіи... Когда я побывалъ въ нихъ послѣ Италіи, низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто я былъ въ Олонецкой губерніи и

слышалъ медвѣжье дыханье Сѣвернаго Океана. И неужели вы не побываете въ Италіи?... И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскриліе ея ризы... Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой, жизни! Жизни!.. Мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ..." [186]).

„Новѣйшая критика", замѣчаетъ по этому поводу князь П. А. Вяземскій, „вооружается на Гоголя за то, что онъ получалъ пособія отъ Правительства; она видитъ нѣчто возмутительное въ *патріархальномъ* ходатайствѣ за него друзей и Министерства. Что же дѣлать, если въ это не-либеральное время запоздалые, каковы были Жуковскій и министръ Уваровъ, — иначе смотрѣли на это... Гоголь не былъ способенъ сдѣлаться литературнымъ барышникомъ, ему для труда нужны были: время, спокойствіе и свобода. Онъ былъ богатъ талантомъ, но бѣденъ деньгами и здоровьемъ. Все это сообразили *патріархальные* доброхоты, — они обратили милостивое вниманіе Государя на Гоголя и дали ему до нѣкоторой степени возможность писать, гдѣ онъ хочетъ и что̀ захочетъ. Удивительно, какъ эти старосвѣтскіе патріархи любили стѣснять, подавлять и тормозить волю и дѣйствія несчастнаго ближняго!.. Положимъ, что въ томъ или другомъ государствѣ встрѣтятся борзописцы, которые получаютъ отъ редактора повременнаго изданія извѣстныя *разовыя деньги*, чтобы въ срочные дни выходить на потѣху публики, кривляться, ломаться и гаерствовать на балаганныхъ подмосткахъ газетнаго фельетона. Неужели эти *разовыя* деньги честнѣе тѣхъ, которыя Карамзинъ, въ видѣ пенсій, а Гоголь, въ видѣ пособій, получали отъ Правительства? Вѣдь правительство въ этомъ случаѣ олицетворяло государство и отечество; такимъ образомъ, неужели деньги, имъ выдаваемыя, или даже жалуемыя, должны уступить въ нравственномъ достоинствѣ своемъ деньгамъ той или другой журнальной редакціи?" [187]).

Мы уже давно не встрѣчались со стариннымъ пріятелемъ Погодина и сотрудникомъ его по *Московскому Вѣстнику*, Н. А. Мельгуновымъ.

Послѣ смерти отца своего, Мельгуновъ, не желая владѣть крѣпостными людьми и не чувствуя призванія къ хозяйству, продалъ свои недвижимыя имущества, и затѣмъ жилъ то за границею, то въ Москвѣ, и предался такъ-называемому западничеству; но онъ не забывалъ добрыхъ преданій и не прерывалъ никогда дружеской искренней связи съ своими старыми друзьями иного направленія, которыхъ не переставалъ любить отъ души“ [188]).

Въ 1838 году мы находимъ Мельгунова въ Москвѣ и Погодинъ читалъ ему свои лекціи. „Эти Европейцы“, замѣчаетъ онъ, „не понимаютъ еще могущества Россіи; но полезно слушать ихъ и спорить“ [189]).

Кончина Пушкина застала Мельгунова въ Ганау, близъ Франкфурта на Майнѣ. Онъ познакомился съ нѣкоторыми нѣмецкими литераторами, и между прочимъ съ Кенигомъ. Смерть Пушкина сильно заинтересовала нѣмецкую публику, и обратила ея вниманіе на Русскую литературу. Кенигъ неоднократно бесѣдовалъ съ Мельгуновымъ о жизни и сочиненіяхъ Пушкина. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, Кенигъ написалъ статью о Пушкинѣ, и напечаталъ ее въ одномъ періодическомъ изданіи. Но любопытство Кенига не ограничилось однимъ Пушкинымъ. Онъ пожелалъ имѣть такого же рода свѣдѣнія и о другихъ Русскихъ писателяхъ, ибо предполагалъ издать рядъ портретовъ, въ видѣ галлереи Русской Словесности. Мельгуновъ, полагая, что подобная книга можетъ быть полезна какъ Германіи, такъ и Европѣ вообще при изученіи Россіи, извѣстной въ то время иностранцамъ только съ военной, а вовсе не съ духовной и умственной стороны, охотно согласился помочь Кенигу. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Кенигъ приходилъ бесѣдовать съ Мельгуновымъ и записывалъ имъ слышанное, что и составило главную основу Кенигова труда. Впослѣдствіи эта книга была издана, имѣла

большой успѣхъ въ Германіи и была переведена на разные языки: на Французскій, Чешскій и Датскій. Въ Россіи эта книга въ 1838 году была журналистикою вполнѣ приписана Мельгунову, и потому посыпались на него обвиненія и брани со стороны партіи враждебной Пушкину. Мельгуновъ счелъ долгомъ объясниться предъ публикою насчетъ происхожденія Кениговой книги, не желая, чтобы ему приписывали ни болѣе того участія, которое дѣйствительно онъ принималъ въ этомъ трудѣ, ни отвѣтственности за тѣ промахи, въ которые Кенигъ, какъ иностранецъ, легко могъ впасть. По этому поводу Мельгуновъ напечаталъ брошюру *Исторія одной книги*, 1839 г. [190]). Между тѣмъ Бодянскій писалъ Погодину (изъ Праги): „Г. Мельгуновъ надѣлалъ много шуму между нѣмцами своей книгой; впрочемъ, здѣсь большая часть почитаетъ его лицомъ вымышленнымъ, и не думаетъ, чтобы существовалъ на бѣломъ свѣтѣ какой Мельгуновъ: многихъ уже приходилось мнѣ разувѣрять въ этомъ“ [191]).

Въ 1838 году мы видимъ Мельгунова въ Москвѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его записочка къ Погодину: „Ты вѣроятно не забылъ“, писалъ онъ, „что сегодня *15 марта* (день кончины Д. В. Веневитинова); пріѣзжай къ Павлову, отъ него мы всѣ—друзья Веневитинова—отправимся къ Лабади, отобѣдать“.

Въ 1838 году Москву посѣтили лицейскій товарищъ Пушкина и впослѣдствіи Директоръ Императорской Публичной Библіотеки баронъ М. А. Корфъ и старый арзамасецъ, а также авторъ извѣстныхъ Записокъ Ф. Ф. Вигель. „Душевно сожалѣю“, писалъ баронъ Корфъ Погодину, „что кратковременное пребываніе мое въ Москвѣ не позволило мнѣ ближе съ вами познакомиться; но прошу васъ быть увѣреннымъ, что и въ отдаленіи я не менѣе искренно желать буду преуспѣянія полезныхъ трудовъ вашихъ, близкихъ сердцу каждаго любящаго Россію“ [192]).

Съ другимъ пріѣзжимъ въ Москву, Ф. Ф. Вигелемъ, Погодинъ особенно сблизился. Онъ часто посѣщалъ его и восхи-

щался его разсказами. „Былъ у Вигеля“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „разсказалъ мнѣ много объ уніатскихъ дѣлахъ. Очень драматично. Я сказалъ ему: Мольеръ пересталъ писать комедіи. Вальтеръ Скоттъ романы, надо ѣздить къ вамъ слушать очерки тѣхъ высокихъ комедій, изъ коихъ составится Исторія человѣческаго рода“ [193]).

Съ своей стороны и Вигель питалъ большое расположеніе къ Погодину, о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующее письмо его, присланное уже изъ Петербурга: „Въ Москвѣ не успѣлъ я проститься съ вами... Я такъ внезапно оставилъ Москву и очутился здѣсь среди прежнихъ и новыхъ заботъ, что право хорошенько не могу еще опомниться. Но спѣшу однако же отвѣчать на изъявленное въ письмѣ вашемъ желаніе. Пасторъ Зедергольмъ христіанскія свои стихотворенія, истребляющія основанія христіанства, захотѣлъ и умѣлъ сдѣлать извѣстными самому Государю; что же послѣдовало? Лишился ли онъ права исправлять требы своей религіи? Ему только поставлена преграда сообщать мысли свои юношеству. Не справедливо ли это? Каковъ ни есть протестантизмъ, а право онъ лучше невѣрія; и что такое бѣдность одного семейства, въ сравненіи съ пагубою зрѣющаго поколѣнія, и всегда ли у насъ, сжалившись надъ личнымъ горемъ, будутъ забывать объ общемъ вредѣ. Впрочемъ, при всемъ желаніи быть полезнымъ г. Зедергольму, не только я, но и самъ министръ не властенъ ничего сдѣлать. Я посѣтилъ здѣсь князя Шихматова и говорилъ ему о переводѣ вашемъ книги *Ueber litterarische Wechselseitigkeit der Slawen*; я объяснилъ ему всю пользу, какую можно ожидать отъ его изданія, и онъ со мной согласился: кажется, Министру хочется видѣть или подлинникъ, или переводъ, чтобы судить, можно ли выдать въ свѣтъ... Стихи Хомякова, *Орлы*, хотя извѣстные въ Москвѣ, но никѣмъ не замѣченные, здѣсь читаются нарасхватъ; графъ Протасовъ читалъ ихъ Государю, и Онъ, говорятъ, не гнѣвался за нихъ. Кстати еще о Шафарикѣ: знаете ли вы, что князь Одоевскій собираетъ здѣсь сумму, дабы отправить къ нему

въ помощь, и что участвующихъ уже довольно много. Нельзя ли то же самое сдѣлать въ Москвѣ, переговоря съ Степаномъ Дмитріевичемъ Нечаевымъ и другими почтенными людьми? Я здѣсь одинъ, съ своей стороны, сотни двѣ набралъ. Прощайте и не забывайте меня, будьте ко мнѣ по прежнему добры, а я не перестану видѣть въ васъ одно изъ прекраснѣйшихъ, чистѣйшихъ явленій въ моей отчизнѣ, а потому не буду ставить границъ любви и преданности, съ коими остаюсь навсегда усерднѣйшій вашъ почитатель".

Въ то время, когда Погодинъ давно уже переступилъ средину нашей жизненной дороги, въ его пансіонъ поступилъ для приготовленія въ Университетъ получившій впослѣдствіи громкую извѣстность писателя Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ-Шеншинъ.

1 февраля 1838 г. П. П. Новосильцовъ писалъ Погодину: „Вамъ вручитъ сіе письмо Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, сосѣдъ мой по имѣнію и пріятель по сердцу. Я принимаю въ немъ и его семействѣ истинно родственное участіе, а потому и не затрудняюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою дать благой совѣтъ г. Шеншину, какъ и гдѣ можетъ онъ помѣстить сына своего" [194]).

XX.

Во время пребыванія въ Москвѣ, въ концѣ 1837 года, Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Погодину пришла мысль писать ему о Русской Исторіи. Мысль эта встрѣтила одобреніе, и графъ С. Г. Строгановъ объявилъ Погодину, что Цесаревичъ „желаетъ получать отъ него письма о Русской Исторіи".

Предъ своимъ отъѣздомъ въ чужіе края, Погодинъ написалъ первое вступительное письмо и передалъ его графу Строгонову.

„Вашему Императорскому Высочеству угодно было", начинаетъ Погодинъ свое письмо, „по прочтеніи моей записки

о Москвѣ, чтобъ я представилъ вамъ свое мнѣніе о важнѣйшихъ эпохахъ Русской Исторіи.

Слишкомъ лестно для меня это желаніе; но я чувствую невольную робость, приступая къ его исполненію. Говорить о прошедшемъ тому, у кого въ сердцѣ хранится будущее!.. О, еслибъ я, озаренный какимъ-нибудь внезапнымъ свѣтомъ, могъ прозрѣть теперь всю таинственную связь событій, рѣшавшихъ судьбу Отечества, выразить ясно ихъ причины, ближнія и дальнія, оцѣнить вѣрно всѣ послѣдствія! О, еслибъ я могъ раскрыть теперь предъ вашими глазами весь путь, пройденный Россіею, представить всѣ степени ея восхожденія, и устремить взоръ вашъ прямо на цѣль, ей предназначенную! Волновать Ваше сердце, воспламенять въ немъ любовь къ Отечеству мнѣ не нужно. Мы знаемъ, кто возжигаетъ священный огонь; мы знаемъ, какъ оно уже пылаетъ".

Послѣ этого вступленія, Погодинъ дѣлаетъ краткій очеркъ обширнаго пространства Россіи и ея населенія, точная численность котораго, превышающая шестьдесятъ милліоновъ, говоритъ онъ—еще не опредѣлена.

„А если—продолжаетъ онъ, „мы прибавимъ къ этому количеству еще тридцать милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, Славянъ, разсыпанныхъ по всей Европѣ отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Мореи до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, Славянъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ, и, слѣдовательно, по закону природы намъ сочувствуютъ, которые, не смотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! Вычтемъ это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему. Что останется у нихъ и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ!" — „Но пространство", читаемъ далѣе, „многолюдство не составляетъ еще единственнаго условія могущества.

Россія—государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ почвы,

всѣ климаты, отъ самаго жаркаго до самаго холоднаго,—обилуетъ всѣми произведеніями. „Многія изъ сихъ произведеній таковы, что порознь составляютъ источники благосостоянія въ продолженіе вѣковъ для цѣлыхъ большихъ государствъ". Золота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы, и въ запасѣ еще цѣлые хребты непочатые. Желѣза и мѣди—пусть назначатъ какое угодно количество, и на слѣдующій годъ оно будетъ доставлено исправно на Нижегородскую ярмарку. Хлѣба—мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ. Лѣса—мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгорѣла. Льна, пеньки, кожи, — мы ее одѣнемъ и обуемъ. Для вина — длинные берега Чернаго и Каспійскаго морей, Крымъ, Кавказъ, Бессарабія ожидаютъ дѣлателей, и владѣльцы Бургундскіе, Шампанскіе стараются закупать себѣ участки въ этихъ краяхъ. Шерсть мы отпускаемъ даже теперь, и Новороссійскій край, древнее раздолье кочевыхъ племенъ, представляетъ столько тучныхъ пастбищъ, что стада несмѣтныя могутъ тамъ разводиться, и мы не позавидуемъ никакимъ мериносамъ Испаніи и Англіи. Говорить ли о рогатомъ скотѣ, рыбѣ, соли, пушныхъ звѣряхъ? Въ чемъ есть нужда намъ, и чего мы не можемъ получать дома? Чѣмъ не можемъ снабжать другихъ? И все это мы видимъ, такъ сказать, наружи, на поверхности, близко, подъ глазами, подъ руками, а если еще спустятся глубже, осмотрятъ далѣе! Не приходятъ ли безпрестанно слухи, что тамъ открылись слои каменнаго угля, на нѣсколько сотъ верстъ длиною, тамъ оказался мраморъ, тамъ пріискались алмазы и другіе драгоцѣнные камни!"

Затѣмъ Погодинъ говоритъ объ удобствахъ, которыя Россія представляетъ для широкаго развитія промышленности и торговли. „Конечно," прибавляетъ онъ, „многаго нѣтъ въ дѣйствительности изъ того, что я сказалъ здѣсь, но я говорю о возможности, еще болѣе—о легкости и удобствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что изъ сказаннаго не можетъ начаться завтра,

если оно будетъ нужно, и если на то послѣдуетъ Высшая воля?“

Послѣ очерка физическихъ богатствъ Россіи и возможнаго ихъ развитія въ ближайшемъ будущемъ чуть не „завтра“, Погодинъ обращается къ нравственнымъ силамъ нашего Отечества и къ тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ Россія находится въ отношеніи къ остальному міру. „Изъ нравственныхъ силъ,—говоритъ Погодинъ,—укажемъ прежде всего на свойство Русскаго народа—его толкъ и его удаль, которымъ нѣтъ имени во всѣхъ языкахъ Европейскихъ, его понятливость, живость, терпѣніе, покорность, дѣятельность въ нужныхъ случаяхъ, какое-то счастливое сочетаніе свойствъ человѣка сѣвернаго и южнаго. Образованіе и просвѣщеніе принадлежатъ почти кастамъ въ Европѣ, хотя открытымъ для всѣхъ, но все—кастамъ, и низшія сословія, съ немногими исключеніями, отдѣляются какимъ-то тупоуміемъ, замѣтнымъ путешественнику съ перваго взгляда. А на что неспособенъ Русскій человѣкъ? Представлю нѣсколько примѣровъ, обращу вниманіе на случаи, кои повторяются ежедневно предъ нашими глазами. Взглянемъ на сиволапаго мужика, котораго вводятъ въ рекрутское присутствіе: онъ только - что взятъ отъ сохи, онъ смотритъ на все изподлобья, не можетъ ступить шагу не задѣвши; это увалень, настоящій медвѣдь, національный звѣрь нашъ. И ему уже за тридцать, иногда подъ сорокъ лѣтъ... Но ему забрѣютъ лобъ, и черезъ годъ его уже узнать нельзя: онъ маршируетъ въ первомъ гвардейскомъ взводѣ, и выкидываетъ ружьемъ не хуже иного тамбуръ-мажора, проворенъ, легокъ, ловокъ, и даже изященъ на своемъ мѣстѣ. Этого мало: ему дадутъ иногда въ руки валторну, фаготъ или флейту, и онъ полковой музыкантъ, начнетъ вскорѣ играть на нихъ такъ, что его заслушается проѣзжая Каталани или Зонтагъ. Поставятъ этого солдата подъ ядра, онъ станетъ и не шелохнется, пошлютъ на смерть—пойдетъ и не задумается, вытерпитъ все, что угодно: въ знойную пору надѣнетъ овчинный тулупъ, а въ трескучій морозъ пойдетъ босикомъ, суха-

ремъ пробавится недѣлю, а форсированными своими маршами не уступитъ доброй лошади, и Карлъ XII, Фридрихъ Великій, Наполеонъ, судьи непристрастные, отдаютъ ему преимущество предъ всѣми солдатами въ мірѣ, уступаютъ пальму побѣды. Русскій крестьянинъ дѣлаетъ себѣ все самъ, своими руками, топоръ и долото замѣняютъ ему всѣ машины; а нынѣ многія фабричныя произведенія изготовляются въ деревенскихъ избахъ. Посмотрите, какіе узоры выводятъ отъ руки сборные ребятишки въ школѣ рисованія и мѣщанскомъ отдѣленіи архитектурнаго училища! Какъ отвѣчаютъ о физикѣ и химіи крестьяне-ученики удѣльныхъ и земледѣльческихъ школъ? Какіе успѣхи оказываетъ всякая сволочь въ Московскомъ художественномъ классѣ! А сколько бываетъ изобрѣтеній удивительныхъ, кои остаются безъ послѣдствій, за недостаткомъ путей сообщенія и гласности. Глубокое познаніе книгъ Священнаго Писанія, философскія размышленія, по отношеніямъ Богословія къ Философіи, принадлежатъ къ нерѣдкимъ явленіямъ въ простомъ народѣ. Молодое поколѣніе Русскихъ ученыхъ, отправленныхъ заниматься въ чужіе края при началѣ нынѣшняго царствованія, заслужило одобреніе первоклассныхъ Европейскихъ профессоровъ, которые, удивляясь ихъ быстрымъ, блестящимъ успѣхамъ, предлагаютъ имъ почетное мѣсто въ рядахъ своихъ. Все это доказательства народныхъ способностей.

Вотъ сколько силъ нравственныхъ, въ дополненіе къ физическимъ".

Вся эта картина физическихъ и нравственныхъ силъ Россіи внушаетъ Погодину такое заключеніе. „Всѣ ея силы, физическія и нравственныя, составляютъ одну огромную махину, расположенную самымъ простымъ удобнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою Русскаго царя, который во всякое мгновеніе, единымъ движеніемъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе, и производить какую угодно быстроту. Замѣтимъ наконецъ, что эта махина приводится въ движеніе не по одному механическому устройству. Нѣтъ, она вся одушевлена, одушевлена единымъ

чувствомъ, и это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, есть покорность, безпредѣльная довѣренность и преданность царю, который для нея есть Богъ земный.

Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послушанію?"

Желая удостовѣрить въ истинѣ сказаннаго, Погодинъ затѣмъ представляетъ состояніе прочихъ Европейскихъ государствъ, гдѣ, по его словамъ, „въ противоположность Русской силѣ, цѣлости, и единодушію", царитъ „распря, дробность, слабость, коими еще болѣе, какъ тѣнью свѣтъ, возвышаются наши средства".

Не будемъ приводить того, что Погодинъ говоритъ объ Испаніи и Португаліи, объ Австріи и Турціи, о Пруссіи и Германскомъ союзѣ; обратимъ вниманіе лишь на то, что сказано имъ о Франціи, Англіи, въ которыхъ онъ не рѣшается отрицать самобытную силу, но и то съ оговоркою.

„Я не знаю", пишетъ онъ, „будетъ ли историческою дерзостью, парадоксомъ, сказать, что сіи государства сильнѣе своимъ прошедшимъ, чѣмъ настоящимъ, сильнѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, что личное право, учрежденіе, имѣющее безспорно много хорошихъ сторонъ, съ историческимъ началомъ и корнемъ на западѣ, возрасло у нихъ на счетъ общественнаго могущества, и механизмъ государственный осложненъ, затрудненъ до крайности, такъ что всякое рѣшеніе, переходя множество степеней и лицъ, и корпорацій, лишается естественно своей силы и свѣжести и теряетъ благопріятное время. Я не знаю, какія великія предпріятія могутъ возникнуть даже въ этихъ двухъ первыхъ государствахъ Европы, и не должны ли онѣ признаться, что Наполеонъ и Ватерло были высшими точками ихъ могущества, nec plus ultra".

Затѣмъ Погодинъ приступаетъ къ сравненію силъ Европы съ силами Россіи и спрашиваетъ, *что есть невозможнаго для Русскаго Государя?*

„Одно слово", отвѣчаетъ онъ,—„и цѣлая имперія не существуетъ; одно слово—стерта съ лица земли другая, слово—

и вмѣсто ихъ возникаетъ третья отъ Восточнаго Океана до моря Адріатическаго. Сто лишнихъ тысячъ войска, и Кавказъ очищенъ, и дикіе сыны его тянутъ лямку въ Русскихъ конныхъ полкахъ вмѣстѣ съ Калмыками и Башкирцами, а новое поколѣніе воспитывается въ кадетскихъ корпусахъ, въ другихъ нравахъ, съ другимъ образомъ мыслей. Сто тысячъ войска,— и проложены военныя дороги до пограничныхъ городовъ Индіи, Бухаріи, Персіи. Даже прошедшее можетъ онъ кажется изворотить по своему произволу: мы не участвовали въ Крестовыхъ походахъ, но не можетъ ли онъ освободить Іерусалимъ одною нотою къ Дивану, одною статьею въ договорѣ. Мы не открывали Америки, хотя открыли треть Азіи, но наше золото, коего добытокъ съ каждымъ годомъ увеличивается, не дополняетъ ли открытіе Колумбово, и не обѣщаетъ ли противоядія яду?"

Обращаясь затѣмъ къ лицу Государя Наслѣдника, Погодинъ *восклицаетъ*: „Извѣстно, что нынѣшній Государь нашъ, Августѣйшій Вашъ Родитель, не думаетъ ни объ какихъ завоеваніяхъ, ни объ какихъ пріобрѣтеніяхъ, но я не могу, не смѣю не сдѣлать замѣчанія историческаго, что Русскій Государь теперь безъ плановъ, безъ желаній, безъ пріуготовленій, безъ замысловъ, спокойный, въ своемъ Царскосельскомъ Кабинетѣ, ближе Карла V и Наполеона къ ихъ мечтѣ объ универсальной Монархіи; мечтѣ, которую они, на верху своей славы, возымѣли послѣ тридцатилѣтнихъ трудовъ, подвиговъ и успѣховъ. И сама Европа это предчувствуетъ, хотя и стыдится въ томъ сознаться себѣ. Это неусыпное вниманіе, съ коимъ слѣдится всякій шагъ нашъ, это безпрерывное опасеніе при малѣйшемъ движеніи, этотъ глухой шопотъ ревности, зависти и злобы, который слышится во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и журналахъ, не служитъ ли самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ Русскаго могущества? Да.—Будущая судьба міра зависитъ отъ Россіи, говоря разумѣется по человѣчески, предполагая изволеніе Божіе! Какая блистательная слава!"

XXI.

Напоминаніемъ объ иной славѣ заключаетъ Погодинъ свое письмо. „Но, Государь", пишетъ онъ, „есть еще иная слава,—слава чистая, прекрасная, высокая, святая, слава добра, слава любви, знанія, права, счастія. Что въ силѣ? Россія не удивитъ уже дѣйствіями силы, какъ милліонщикъ не удивляетъ тысячами. Она стоитъ безмолвная, спокойная, и ея уже трепещутъ, строютъ ковы, суетятся около нея. Она можетъ все—чего же болѣе? Другая слава лестнѣе, вожделѣннѣе, а ею мы можемъ озариться также!

Кто взглянетъ безпристрастно на Европейскія государства, тотъ при всемъ уваженіи къ ихъ знаменитымъ учрежденіямъ, при всей благодарности къ ихъ заслугамъ для человѣчества, при всемъ благоговѣніи къ ихъ исторіи, согласится, что она отжила свой вѣкъ, или по крайней мѣрѣ истратила свои лучшія силы, то-есть что онѣ не произведутъ, не представятъ уже ничего выше представленнаго ими въ чемъ бы то ни было, въ религіи, въ законѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. А развѣ все сдѣлано ими? Не утверждаетъ ли напротивъ наука, что развитіе каждаго государства, по всѣмъ отраслямъ человѣческой жизни, было частно, односторонне, неполно, что въ Германіи преобладала и преобладаетъ вездѣ идея въ религіозныхъ явленіяхъ точно такъ, какъ и въ піитическихъ и во всѣхъ прочихъ; въ Италіи чувство; во Франціи общественность; въ Англіи личность. Гдѣ же полное развитіе?

Далѣе, если сравнить цѣлый міръ, древній и новый, между собою, то мы увидимъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои блистательныя качества, но въ прочихъ уступаетъ другому. Однакожъ должно быть ихъ сочетаніе!

Взглянемъ еще съ другой, высшей, нравственной стороны. Кто осмѣлится сказать, чтобъ цѣль человѣческая была достигнута или по крайней мѣрѣ имѣлась въ виду какимъ нибудь изъ государствъ Европейскихъ? Въ одномъ мы видимъ болѣе свѣдѣній, а въ другомъ болѣе произведеній, удобствъ, въ

третьемъ удовольствій, но гдѣ добро святое? Развратъ во Франціи, лѣность въ Италіи, жесткость въ Испаніи, эгоизмъ въ Англіи—явленія общія, принадлежащія къ отличителнымъ признакамъ, неужели совмѣстны съ понятіями о счастіи гражданскомъ, не только человѣческомъ, объ идеалѣ общества, о градѣ Божіемъ? Златой телецъ, деньги, которому покланяется вся Европа безъ исключенія, неужели есть высшій градусъ новаго Европейскаго просвѣщенія, Христіанскаго просвѣщенія? Америка, коею нѣсколько времени обольщались наши современники, доказала ясно пороки своего побочнаго рожденія. Это не есть государство, а развѣ купеческая компанія, въ родѣ Остиндской, которая независимо владѣетъ землею, думаетъ объ однихъ барышахъ, разбогатѣетъ, но едва ли произведетъ что-либо великое въ смыслѣ государственномъ, не только человѣческомъ. Яровой пшеницы между государствами видно не бываетъ.

Повторяю—гдѣ же добро святое? Колляръ, знаменитый поэтъ Славянскій нашего времени, въ одномъ своемъ лирическомъ разсужденіи, предрекаетъ Славянамъ славную долю, особенно въ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ: не можетъ быть, говоритъ онъ, чтобы такой великій народъ, въ такомъ количествѣ, на такомъ пространствѣ, съ такими способностями и свойствами, съ такимъ языкомъ—не долженъ былъ сдѣлать ничего на пользу общую. Провидѣніе себѣ не противорѣчитъ. Все великое у него для великихъ цѣлей.

Мнѣ кажется—можно распространить его предреченіе и сказать, что вообще будущее принадлежитъ Словенамъ.

Есть въ Исторіи чреда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ стоять какъ будто на часы, и служить свою службу человѣчеству; до сихъ поръ однихъ Словенъ свѣтъ не видалъ еще на этой славной чредѣ. Слѣдовательно они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человѣчества и проявить благороднѣйшія его силы.

Но какое же племя между Словенами занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку, совокупности свойствъ можетъ назваться представителемъ всего

Словенскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей Исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высокой цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое...

Сердце трепещетъ отъ радости... о, Россія! о, мое Отечество! Не тебѣ ли?.. о, если бы тебѣ!.. Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества, представить всѣ фазы его жизни, блиставшіе досе лѣпорознь, въ славной совокупности, сочетать образованіе древнее съ новымъ, согласовать умъ съ сердцемъ, водворить всюду миръ и правду, доказать на дѣлѣ, что цѣль человѣческая не въ одной наукѣ, не въ одной свободѣ, не въ одной силѣ, или искусствѣ, образованіи, промышленности, богатствѣ, что есть нѣчто выше и учености, и промышленности, и образованія, и свободы, и богатства.—Просвѣщеніе, просвѣщеніе въ духѣ Христіанской религіи, просвѣщеніе Словомъ Господнимъ,—что оно, и только оно, скажемъ вслѣдъ за двумя нашими великими проповѣдниками, можетъ даровать людямъ счастіе,—счастіе земное и небесное".

Обращаясь опять къ лицу Цесаревича, Погодинъ пишетъ: „Когда я видѣлъ васъ, при выходѣ изъ Успенскаго Собора, съ любовію и кротостію во взорахъ, съ смиреніемъ и благородствомъ во всѣхъ движеніяхъ; когда я слышалъ вокругъ себя всемогущій восторгъ Русскаго народа, я мечталъ о золотомъ вѣкѣ, объ единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, и сладкія слезы текли изъ глазъ моихъ...

Но я говорю о будущемъ. Простите меня, Государь! Отъ избытка сердца глаголютъ уста, сказалъ вдохновенный Пророкъ. Начавъ писать къ вамъ, я не могъ удержаться, чтобы прежде всего не высказать того, что я чувствовалъ въ ту священную минуту.

Пусть это письмо мое будетъ вступленіемъ къ разсужденіямъ о Русской Исторіи! Пусть оно служитъ по крайней мѣрѣ доказательствомъ, что Исторія Россіи, государства, которое занимаетъ теперь въ политическомъ смыслѣ первое мѣсто, и,

по всѣмъ соображеніямъ науки, должно занимать такое же и въ человѣческомъ смыслѣ—есть самый важный, самый великій предметъ изученія и размышленія въ наше время, потому что великому настоящему, величайшему будущему, непремѣнно должно быть основаніе въ прошедшемъ, въ Исторіи" [195]).

Письмо это не поступило по назначенію и о судьбѣ его вотъ что повѣствуетъ самъ Погодинъ: „Въ концѣ 1838 года, собравшись ѣхать въ чужіе края, я написалъ первое вступительное письмо, и передалъ его графу Строгонову. О письмѣ я не имѣлъ никакого извѣстія. Воротясь изъ чужихъ краевъ, я спросилъ графа о судьбѣ моего письма.

Графъ Строгоновъ. Я не отправлялъ вашего письма.

Погодинъ. Почему же?

Графъ Строгоновъ. Потому, что оно заключаетъ только введеніе. Я ожидалъ отъ васъ продолженія, чтобы отправить вмѣстѣ.

Погодинъ. Да какой же смыслъ имѣло бы отправленіе двухъ писемъ съ одною почтою. Притомъ эти два письма имѣли бы совершенно различный характеръ. Вступительное письмо —лирическое. Въ немъ господствуетъ чувство, воображеніе. А въ слѣдующемъ письмѣ должно начаться положительное разсужденіе. Они никакъ не могутъ быть отправлены вмѣстѣ, даже по самому содержанію.

Графъ Строгоновъ. А я думалъ иначе.

Погодинъ. Прошу васъ покорнѣйше возвратить мнѣ мое письмо.

Графъ Строгоновъ. Извольте, я отыщу его въ своихъ бумагахъ.

„Послѣ", пишетъ Погодинъ, „я спрашивалъ у графа Строгонова нѣсколько разъ, и всегда получалъ въ отвѣтъ, что онъ не находитъ письма. Наконецъ, уже черезъ годъ кажется, онъ возвратилъ мнѣ письмо. Перелистывая его, вдругъ нахожу я на оборотѣ послѣдняго листа собственноручную подпись графа Строгонова: *Словъ много, мысль новая одна, да и то ложная*".

Тридцать лѣтъ это письмо хранилось подъ спудомъ. Наконецъ въ 1867 году, Погодинъ, печатая его, писалъ: „Много событій, счастливыхъ и несчастныхъ для насъ, совершилось въ продолженіе этого длиннаго періода,—не нужно припоминать ихъ здѣсь, развѣ скажемъ только, что освобожденіе двадцати-пяти милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, надѣленіе землею, устройство такое же крестьянъ въ Польшѣ, гласное судопроизводство, земскія учрежденія и свобода печати, которыхъ и воображать я не смѣлъ при сочиненіи этого письма, не только искупаютъ нѣкоторыя послѣдовавшія наши неудачи и бѣдствія, но и служатъ намъ благонадежнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ.

Можетъ быть, впрочемъ, замѣчу здѣсь кстати, я смотрѣлъ на все въ розовомъ свѣтѣ, такъ, грѣшенъ, и теперь смотрю: каковъ, видно, изъ колыбелки, таковъ и въ могилку; но вотъ *Дымъ* *) застилаетъ намъ глаза своею копотью, и представляетъ вещи въ другомъ темномъ свѣтѣ, кто изъ насъ правѣе, рѣшить не мнѣ: впрочемъ, самъ г. Тургеневъ давно раздѣлилъ людей на Гамлетовъ и Донъ-Кихотовъ; мнѣ всегда нравилась больше послѣдняя категорія, и я думаю, по совѣсти, что картинами *Дымными*, хоть и очень художественными, народнаго духа поднимать нельзя, и что именно въ наше время намъ нужны другія [196]).

XXII.

Не смотря на неуспѣхъ своего пространнаго *Начертанія Русской Исторіи для гимназій*, Погодинъ, въ 1838 году, издалъ *Краткое Начертаніе Русской Исторіи*.

Книжечка эта вызвала въ *Современникѣ* весьма сочувственный отзывъ о трудахъ ея автора. „Во всѣхъ сочиненіяхъ г. Погодина“, читаемъ тамъ, „нельзя не чувствовать особенности, которая доставляетъ имъ неизмѣнную цѣнность: мы говоримъ объ этомъ тепломъ чувствѣ, оживляющемъ его мысли,

*) Романъ Тургенева.

разсказы и описанія. Можно составить книгу въ его же родѣ и обдуманнѣе, и отчетливѣе, и безошибочнѣе, и ровнѣе. Но въ его, повидимому, небрежномъ, неровномъ слогѣ, въ его иногда странныхъ мысляхъ, въ его кажущейся декламаціи таится самобытность созданія и невыисканное сочувствіе съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ. Въ немъ есть увлекательность, доказывающая внутреннее его убѣжденіе въ томъ, что онъ излагаетъ. Съ этимъ преимуществомъ онъ всегда краснорѣчивъ, даже выступая изъ предѣловъ своего предмета. Такимъ образомъ, подведя его сочиненіе подъ холодныя формы искусства, критиковать его легко. Но кто читаетъ его безъ школьнаго предубѣжденія, тотъ всегда на его сторонѣ. Мы полагаемъ, что это важное достоинство въ сочинителѣ Исторіи, особенно Отечественной" [197]).

Въ это время Погодинъ былъ погруженъ въ свои изслѣдованія о древнѣйшемъ періодѣ Русской Исторіи и приготовлялъ къ печати своего *Нестора*. Въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (23 февраля 1838 г.) онъ читаетъ разсужденіе *о послѣднихъ историческихъ толкахъ*. Въ этомъ своемъ разсужденіи Погодинъ стремится опровергнуть слѣдующія мнѣнія: что *Варяги* были Вагры, Словене, что *Новгородъ* былъ основанъ въ XI или XII вѣкѣ, что *имя Руси* принадлежитъ Югу, что *Русь* есть племя Азіатское, что *Договоры* Олега, Игоря и Святослава не могли быть заключены сими князьями, что *торговли* въ XI вѣкѣ не могло быть никакой, что *Исландскія саги* безполезны для Русской Исторіи, что *Русской Правды* не могло быть въ XI вѣкѣ, что *Лѣтопись Несторова* сочинена въ XIII или XIV вѣкѣ, что не было кожаныхъ денегъ [198]).

Въ одной старинной книжкѣ Дрезденской Королевской библіотеки сказано: *И идоша къ Варягамъ въ Голштинскую* землю. Станкевичъ, прочитавъ тамъ эти строки, писалъ Грановскому: „Теперь все рѣшено. Я радъ. Хочу писать *Философію Русской Исторіи*. Вотъ эмблематическая виньетка". Кругомъ имена: Несторъ, Максимовичъ, Ломоносовъ, Тунманъ,

Шлецеръ, Погодинъ, Тредьяковскій, Строевъ, Каченовскій, Эверсъ, Бодянскій, Гегель. На верху монахъ пишетъ при свѣчѣ. Сзади господинъ въ шляпѣ и въ затянутомъ сюртукѣ указываетъ на верхъ и говоритъ: „вотъ откуда пошла Русская земля!" Рядомъ съ нимъ господинъ на каѳедрѣ въ очкахъ и сіяніи произноситъ: „Помилуйте, какъ имъ сюда пробраться съ юга? скажутъ: Финны! Ну, это другое дѣло". Внизу стоитъ на прилавкѣ человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ,—у ногъ его лежитъ раскрытый Несторъ и Богемская граматика, онъ возглашаетъ: „Руссы-казаки!.. Ге, земляче! Колы хочешъ знать правду, пойдемъ въ Пивтаву!" Наконецъ, господинъ со вскинутой вверхъ головой, чуть ли не самъ Станкевичъ, кладетъ руку на книгу съ надписью: *Философія Русской Исторіи*, и восклицаетъ: „Варяги—Вагры! Ей-ей правда" [199]).

Въ это же время счастливый случай доставилъ академику Френу важную арабскую рукопись, дотолѣ неизвѣстную въ Европѣ и добытую изъ Египта. Разсматривая ее, Френъ, въ одномъ мѣстѣ, встрѣтилъ въ ней новое положительное извѣстіе о Руссахъ, которое яко бы служило доводомъ въ пользу Скандинавскаго ихъ происхожденія. Авторъ этой рукописи есть Ахмедъ-эль-Катебъ. Сочиненіе его называется *Кетабъ эль-булданъ* (книга о странахъ). Знаменитый Абульфеда пользовался ею и часто приводитъ слова Ахмеда, но ни одного экземпляра этой Географіи не было въ Европѣ. Жилъ онъ около 890 года. Извѣстно, что въ 844 году, городъ Севилья былъ осажденъ и взятъ Норманами. Ахмедъ, не зная нашихъ системъ о происхожденіи Руссовъ, свидѣтельствуетъ: *Ворвались въ Севиллу*, въ 844 году, *язычники, называемые Руссами, и грабили и разоряли, и жгли и убивали.*

Это, по словамъ Френа, единственное доселѣ ясное и положительное извѣстіе, какое сообщаютъ Восточные писатели о происхожденіи Руси [200]). Самъ Погодинъ въ это время какъ разъ сидѣлъ надъ Русью и раздумывалъ: „не начинать ли печатаніе? Опять на свой счетъ—тяжело. Посвятить Государю, но ихъ отдадутъ на разсмотрѣніе какому-нибудь Устрялову,

Бередникову, подобно Псковской Лѣтописи. Что-то не ѣдется къ Строганову“ [201]).

Пользуясь отъѣздомъ академика Броссе въ Москву, Френъ, посылая Погодину вышеозначенную статью свою о Руссахъ, писалъ ему:

„Пользуясь случаемъ, позволяю себѣ препроводить къ вамъ при семъ небольшую статью, которая можетъ васъ особенно заинтересовать своимъ предметомъ. Она послужитъ вамъ новымъ доказательствомъ—въ какой высокой степени желательно постоянное и прилежное изученіе въ архивахъ южныхъ странъ, именно *старо*-арабскихъ, свѣдѣній о Руси и объ иностранныхъ земляхъ и всего того, что имѣетъ отношеніе къ ихъ древней этнографіи. И вы меня похвалите и полюбите за то, что въ инструкціи, данной мною нашему молодцу, юному Петрову, который окончательно ѣдетъ на-дняхъ въ Бельгію, а оттуда отправится дальше въ Парижъ и Лондонъ, я настоятельно предлагаю ему воспользоваться тамошними посольскими складами, задаться розыскомъ въ нихъ такихъ данныхъ, которыя относятся къ древнему землевѣдѣнію и народовѣдѣнію Россіи и Сибири и главнѣйше всего Сѣвера, а также Кавказа и Крыма, и все найденное тщательно собрать. Питаю надежду, что онъ, нѣкоторымъ образомъ *первый* Русскій оріенталистъ, отправляющійся заграницу для изученія собраній Арабскихъ и Турецкихъ рукописей,—доставитъ намъ оттуда много желанной добычи упомянутаго рода“ [202]).

Оставляя на время древнѣйшій періодъ нашей Исторіи, Погодинъ приступилъ къ изученію *Мѣстничества* и Исторіи Петра Великаго.

„Всѣ изслѣдователи Русской Исторіи“, писалъ онъ, „начиная съ Байера, въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ, занимались преимущественно происхожденіемъ Варяговъ—Руси, и написали объ нихъ цѣлую библіотеку, а до прочихъ предметовъ почти не касались. Другіе принимали на себя трудъ писать полную Русскую Исторію, и потому не могли изслѣдовать въ равной степени всѣхъ ея событій, всѣхъ учрежденій

отечественныхъ. Первое почетное мѣсто между послѣдними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Карамзину, котораго Пушкинъ очень вѣрно называлъ послѣднимъ Лѣтописателемъ и первымъ Историкомъ. Карамзинъ передалъ намъ превосходно наши лѣтописи, сообразивъ и очистивъ всѣ ихъ извѣстія, представилъ Русскую Исторію анатомически, если вы позволите мнѣ такъ выразиться, но мы, его потомки, должны уже идти далѣе—раскрывать ея физіологію; онъ описалъ намъ кости, мышцы, нервы Русской Исторіи,—теперь наступила пора, *идя по его слѣдамъ, съ его помощію*, разбирать ихъ значеніе, связь, взаимное вліяніе, объяснять всѣ явленія жизненнаго организма. Работа трудная, которая, разумѣется, должна быть раздѣлена на части: намъ надо отказаться отъ огромныхъ предпріятій, кои служатъ признакомъ молодости, неопытности, невѣдѣнія, не только въ частныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ литературахъ; теперь пора раздѣленія труда по правилу Политической Экономіи, пора монографій,—пусть одинъ обработываетъ право, другой войско, третій промышленность, города и проч. [203]).

Потерпѣвъ неудачу въ трагедіи, Погодинъ принялся за Исторію Петра Великаго. „Писалъ о Петрѣ“, заноситъ онъ въ свой *Дневникъ*; а въ другомъ мѣстѣ сознается, что „нѣтъ прежней живости“; но по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ этотъ предметъ, прежнее одушевленіе посѣтило его, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника*: „Возбуждаюсь болѣе и болѣе писать Исторію Петра. Какой предметъ и на всякой страницѣ!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти занятія возродили въ немъ старую мечту объ исторіографствѣ. „Я“, сознавался Погодинъ, „имѣю теперь гораздо болѣе правъ (на исторіографство), чѣмъ Карамзинъ въ свое время. Предметъ богатѣйшій, а безъ пособія Правительства нельзя“ [204]).

Въ тоже время *Петръ* составлялъ предметъ его университетскихъ лекцій. „Нынѣшній (1838) годъ“, говорилъ Погодинъ съ каѳедры, „мы будемъ заниматься Исторіею Петра Великаго. Трудное дѣло предстоитъ намъ! Когда я писалъ вступительную лекцію для вашихъ товарищей о значеніи Рос-

сіи, признаюсь, мнѣ было тяжело держать на рукахъ предъ собою вдругъ всю Русскую Исторію, всѣ ея событія отъ начала до нашего времени, чтобъ собрать съ нихъ одно общее понятіе и передать одно впечатлѣніе; но я никакъ не думалъ, что, вынувъ изъ ея протяженія одну часть, одно кольцо, я изнемогу болѣе, когда захочу предъ началомъ курса сдѣлать его обозрѣніе. И между тѣмъ это именно случилось со мною, когда я принялся писать для васъ о Петрѣ Великомъ. Когда я сталъ лицомъ къ лицу этого огромнаго колоса, я упалъ духомъ, я не могъ собраться съ силами, чтобъ обозрѣть вдругъ всю совокупность его дѣйствій, чтобъ составить для васъ вступленіе въ его Исторію. И повѣрьте мнѣ, что это не есть риторическая фигура: лекція, которую вы теперь услышите, писана мною въ нынѣшнюю ночь, а матеріалы для нея всѣ сполна были записаны еще въ субботу; но ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ я не могъ рѣшительно дать никакой формы, хотя и не отходилъ отъ своего письменнаго стола. Я безпрестанно думалъ, разбиралъ, и не зналъ съ чего начать"...

XXIII.

Одновременно съ изученіемъ царствованія Петра Великаго Погодинъ занялся и Мѣстничествомъ.

28 сентября 1838 года онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „написалъ статью о Мѣстничествѣ. Ловко". А въ день Покрова онъ уже читалъ ее въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

„Къ числу любопытныхъ явленій и вмѣстѣ мудреныхъ задачъ", говорилъ онъ, „въ нашей Средней Исторіи принадлежитъ Мѣстничество, такъ-называемое право старшинства на службѣ, учрежденіе, которое вполнѣ заслуживаетъ вниманіе: ничего подобнаго не представляетъ намъ Исторія Европейская. Въ Мѣстничествѣ выразился характеръ Русскій подъ печатію Востока, и оно такъ глубоко укоренено было въ образѣ мыслей, что всякій заслуженный бояринъ, на старости

лѣтъ, былъ готовѣе идти подъ кнутъ, чѣмъ подъ начальство своего товарища, котораго отецъ или дѣдъ былъ ниже его отца или дѣда, лучше хотѣлъ подвергнуться опалѣ, чѣмъ сѣсть рядомъ съ хужероднымъ по его счету товарищемъ. Вотъ въ чемъ полагаема была честь, по какому-то общему священному вѣрованію.

Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и понятіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соотвѣтствія ему въ нашемъ Мѣстничествѣ, которое, впрочемъ, касалось только до службы, до общественныхъ званій, и рѣшалось не дуэлями, а царскими приговорами. Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту параллельность, аналогію явленій Европейскихъ съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ!

Общество наше, лишась возможности издавать лѣтописи и другіе древніе памятники, собранные въ Археографическую Коммиссію, оказываетъ важную услугу Исторіи изданіемъ подлинныхъ дѣлъ мѣстническихъ, собранныхъ П. И. Ивановымъ,— и я намѣренъ по этому поводу предложить здѣсь нѣсколько замѣчаній проблематическихъ объ этомъ учрежденіи, оставляя подробнѣйшее разсужденіе до другого времени, то-есть до того, какъ я дойду къ нему въ порядкѣ моихъ изслѣдованій.

Наконецъ, Мѣстничество, доведенное до крайности, хотя и естественнымъ порядкомъ, показало, подобно рыцарству, свою смѣшную сторону, нелѣпость, предметъ для Сервантесова романа, когда предъ выступленіемъ въ походъ надо было считаться двухсотлѣтними службами тысячеличныхъ родовъ.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, нельзя сказать навѣрное по чьему совѣту, ибо самъ онъ, по кротости и слабости своего характера, едва ли могъ придумать, и рѣшиться на такую великую, отважную, государственную мѣру, нарядилъ коммиссію объ уничтоженіи Мѣстничества, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго князя Василья Васильевича Голицына. Коммиссія единогласно положила сжечь всѣ Разрядныя книги, и представила подробное, весьма любопытное соборное

уложеніе о Мѣстничествѣ, которое Θеодоръ утвердилъ, подписавъ: *Божіею милостію, Царь и Великій Князь Θеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе, моею рукою подписалъ.* Удивительная подпись, коею имѣетъ полное право гордиться Русская Исторія XVII-го вѣка.

Впрочемъ, книги сгорѣли; но мысли, чувства, понятія не горятъ. Такія вѣковыя, историческія учрежденія, хранимыя въ духѣ народа, не могутъ никогда пропадать, уничтожаться, какъ и при самомъ началѣ не сочиняются,—а развѣ только измѣняться, исправляться, совершенствоваться, развиваться съ теченіемъ времени, успѣхомъ гражданскихъ обществъ и ходомъ образованія. Корень Мѣстничества все еще держался въ сердцахъ заслуженныхъ родовъ.

Мѣстничество уничтожено de jure, но продолжалось de facto, хотя и весьма ограниченное.

Петръ Первый, начавъ служить барабанщикомъ и простымъ солдатомъ подъ начальствомъ безродныхъ иностранныхъ офицеровъ, показалъ примѣръ иной службы, а съ другой стороны, заставляя знатныхъ бояръ, въ богатыхъ одеждахъ, составлять торжественные поѣзды на свадьбахъ у своихъ шутовъ, нанесъ Мѣстничеству рѣшительный ударъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Чѣмъ же замѣнилъ онъ Мѣстничество? Табелью о рангахъ. Табель о рангахъ — вотъ было его новое постановленіе о службѣ (удивительная судьба!), учрежденіе, болѣе развитое, болѣе опредѣленное, усовершенствованное, примѣненное къ положенію дѣлъ своего времени, съ новою пользою и безъ стараго вреда, слѣдовательно имѣющее сходство, но еще болѣе различій: Табель о рангахъ допускаетъ или лучше приглашаетъ къ службѣ, самой высшей, всѣ сословія, между тѣмъ какъ Мѣстничество относилось только къ высшимъ родамъ. Въ Мѣстничествѣ чины были подвижные. Табелью о рангахъ они установились. Мѣстничество было правомъ наслѣдственной родовой службы. Табель о рангахъ опре-

дѣляетъ право личной службы, которая, впрочемъ, сообщая дворянство роду, дѣлается источникомъ и наслѣдственныхъ особливыхъ правъ, болѣе для жизни гражданской, чѣмъ для службы. Табель о рангахъ такъ относится къ Мѣстничеству, если можно употребить здѣсь геометрическую пропорцію, какъ Мѣстничество относилось къ Удѣльной системѣ, а Удѣльная система къ древнему семейственному праву. Табелью о рангахъ личное старшинство, собственная служба, заняли мѣсто прежняго отечества и мѣстничества службы отцовской и родовой.

Дѣла по старшинству несравненно виднѣе и яснѣе дѣлъ по Мѣстничеству, какъ тѣ, производимыя въ одномъ мѣстѣ, въ Москвѣ, были яснѣе, легче дѣлъ удѣльныхъ, разсѣянныхъ по всей Россіи, и рѣшавшихся на полѣ битвы, въ періодъ междоусобныхъ войнъ. Капитанъ не можетъ быть подъ командою поручика, какъ прежде сынъ воеводы большаго полка не хотѣлъ начальствовать сторожевымъ полкомъ, или сынъ Кіевскаго князя требовалъ себѣ по очереди Кіева, а не довольствовался Черниговымъ. Полковникъ выходитъ въ отставку, когда ему пришлется на голову подполковникъ. Быть обойдену значитъ быть унижену. Здѣсь вездѣ одно и тоже понятіе въ основаніи, разныя измѣненія только въ формахъ, измѣненія впрочемъ столь важныя и великія, что внутреннее тожество теряется почти совсѣмъ изъ виду. Скажутъ: Табель о рангахъ заимствована у такого-то народа. Правда—но введена у насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ была у того народа. Въ этомъ-то измѣненіи, передѣлкѣ, и заключается Русское начало, которое можно назвать развитіемъ, исправленіемъ Мѣстничества.

Табель о рангахъ жила слишкомъ сто лѣтъ, и разумѣется устарѣла, обвѣтшала, и вотъ новое постановленіе о классахъ, которое не уничтожаетъ ея, но освѣжаетъ,—дальнѣйшая степень развитія. Различіе de jure et de facto имѣетъ вездѣ мѣсто.

Въ дополненіе къ этому замѣчанію о Мѣстничествѣ, его предкахъ и потомкахъ, можно сказать, что оно распространено по всему народу и выражается во многихъ обычаяхъ средняго состоянія, купечества и крестьянства.

Вотъ, милостивые государи, краткія мои замѣчанія о Мѣстничествѣ, кои я предлагаю здѣсь предварительно, только по поводу дѣлъ, изданныхъ Обществомъ, предвидя при ихъ чтеніи восклицанія изъ общихъ мѣстъ противъ Мѣстничества. Я желалъ болѣе всего утвердить, что это учрежденіе не есть случай, экспромптъ, что оно никогда не сочинялось, не выдумывалось, и не уничтожалось, а что оно течетъ въ крови Русскаго народа, естественное произведеніе его первоначальной Исторіи, которое, по порядку времени, проходитъ разныя степени, развивается и совершенствуется, однимъ словомъ живетъ, какъ всѣ подобныя историческія учрежденія въ Россіи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ,—слѣдовательно отнюдь не должно быть осуждаемо ни на какой степени своего необходимаго развитія.

Чтобъ объяснить со временемъ Мѣстничество вполнѣ, нужно издать: сводную Разрядную книгу, Родословныя таблицы древнихъ родовъ, іерархію должностей и порученій, или адресъ-календарь за древнее время, сперва—безъ именъ, статистическій, а потомъ и съ именами, историческій. Все это возможно и немудрено. Въ изданной нами книгѣ есть уже довольно матеріаловъ, какъ я постараюсь въ слѣдующее наше собраніе показать для молодыхъ работниковъ на поприщѣ Исторіи“ [205]).

Написавъ это разсужденіе, Погодинъ опасался, чтобы извѣстный историкъ Русскаго права Александръ Рейцъ „не перебилъ у него разсужденія о Мѣстничествѣ [206])“. Но опасенія Погодина были напрасны. „Рейцъ говоритъ“, писалъ Погодину Горловъ, „что его ученыя работы остановились,—практика поглощаетъ всю его дѣятельность; и какая практика? Сидѣть въ судѣ и разбирать дѣла о долгахъ, о какой-нибудь шалости, о томъ, что какой-нибудь студентъ одѣтъ не по формѣ“.

Въ 1838 году, просвѣщенный и любимый начальникъ Москвы, свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ, былъ озабоченъ мыслію составить описаніе Москвы. Но кто же лучше П. М. Строева могъ осуществить эту мысль благую. Это сознавалъ и самъ князь Голицынъ, когда просилъ Погодина познакомить

его съ Археографомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записочка Погодина Строеву, написанная въ апрѣлѣ 1838 г.: „князь Дмитрій Владиміровичъ желаетъ познакомиться съ вами, милостивый государь Павелъ Михайловичъ, и просилъ меня сдѣлать для него это удовольствіе. Самое удобное для него время—обѣдъ, къ которому онъ и приглашаетъ васъ во вторникъ или въ середу вмѣстѣ со мною... Если вы согласны, то я къ вамъ заѣду завтра. Онъ хочетъ потолковать что-то о Москвѣ". И дѣйствительно, по объясненію самого Строева, дѣло шло объ описаніи Москвы, отъ котораго онъ впрочемъ отказался [207]). Не уладивъ дѣло съ Строевымъ, князь Д. В. Голицынъ обратился къ предсѣдателю Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ графу С. Г. Строганову съ просьбою оказать ему содѣйствіе къ составленію свѣдѣній о памятникахъ, находящихся въ Московской губерніи, какъ то: монастыряхъ, церквахъ, замкахъ, домахъ, водопроводахъ, мостахъ, развалинахъ стѣнъ, остаткахъ древнихъ дорогъ и проч., замѣчательныхъ или по древности, или по особо важнымъ происшествіямъ. Общество изъявило совершенную свою готовность содѣйствовать такому полезному намѣренію Правительства, тѣмъ болѣе, что драгоцѣнные памятники древней Русской жизни разрушаются болѣе и болѣе по всему пространству Имперіи временемъ, невѣжествомъ и неосмотрительнымъ усердіемъ, которое часто, особенно въ церквахъ и монастыряхъ, своими передѣлками и поправками изглаживаетъ почтенные слѣды Древности. Въ засѣданіи 15 апрѣля 1838 года, Общество опредѣлило поручить И. М. Снегиреву составить планъ описанія древнихъ памятниковъ. Слѣдующее засѣданіе (1 октября 1838), бывшее подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, почтилъ своимъ присутствіемъ князь Д. В. Голицынъ и въ его присутствіи было читано письмо его къ графу С. Г. Строганову и члены „имѣли удовольствіе услышать, что Его Свѣтлость одобряетъ вполнѣ планъ описанія Москвы, сочиненный И. М. Снегиревымъ" [208]).

Узнавъ объ этомъ предпріятіи Общества, Сахаровъ писалъ

Погодину: „Я очень радъ, что вы высказали, что Россію нужно видѣть въ самой Россіи, а не въ Питерѣ, или въ ученомъ кабинетѣ“. Послѣ этого предисловія Сахаровъ продолжаетъ: „Я читалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что наше Общество предпринимаетъ описывать Москву, то я прошу васъ передать г. г. членамъ, что въ ризницѣ Тульскаго архіерейскаго дома находятся грамоты Коломенскихъ архіепископовъ и митрополитовъ. Въ Москвѣ, на Мясницкой, противъ церкви Евпла, есть Тульское подворье, принадлежавшее прежде Коломенской епархіи. Жалованная грамота на это подворье сохраняется въ ризницѣ Тульскаго архіерейскаго дома. Съ уничтоженіемъ Коломенской епархіи, всѣ бумаги, книги и другія епархіальныя вещи были перевезены въ Тулу. Я эту грамоту читалъ еще въ 1832 году. Кстати: въ Тульскомъ Успенскомъ соборѣ, въ алтарѣ, находится хоругвь, съ Греческимъ письмомъ. Надписи я не помню. Эта хоругвь также привезена изъ Коломны. Помню только, что она принадлежитъ ко временамъ в. князя Іоанна III и есть памятникъ Софіи Ѳоминишны. Тамъ есть протопопъ Козьма Пахомовичь Органовъ, который можетъ доставить въ Общество снимокъ. Долго ли будетъ лежать въ тайнѣ архивъ Оружейной Палаты? До 1817 года Общество вытребовало изъ него слѣдственное дѣло Шакловитаго. Тамъ хранится и перстень Глѣбова. Изъ слѣдственнаго дѣла Евдокіи напечатаны только письма Петра, а самое дѣло неизвѣстно гдѣ. У меня есть печатный экземпляръ этихъ писемъ Евдокіи къ Глѣбову. Жаль, что родимая Москва такъ далека отъ Питера, что нѣтъ ни вѣстей, ни слуховъ о ея дѣлахъ. Здѣсь больше знаютъ объ ничтожныхъ Американскихъ неграхъ, нежели о нашемъ Обществѣ. Я сколько ни спрашивалъ, что это за *Сборникъ*, который вы издаете отъ Общества, никто не знаетъ. Слава Богу, что отыскался списокъ Артамона Сергѣевича Матвѣева о *Царскихъ Титулахъ*. Здѣсь раскрыты всѣ дипломатическія сношенія Русскаго Двора. Есть неизвѣстныя грамоты и формулы сношеній съ дворами. Рукопись писана in 4°, скорописью XVIII вѣка“.

По поводу извѣстія объ описаніи Москвы, Мурзакевичъ писалъ Погодину: „Мнѣ пришла въ голову гробница, открытая прошлымъ лѣтомъ у собора Спаса что на Бору. Мнѣ кажется, что погребенное тѣло есть супруга в. кн. Димитрія Іоанновича Донского, Елена, умершая схимонахинею въ 1332 году. Уцѣлѣвшіе кожаные „нарамники“ суть схимонашеская принадлежность Великой Княгини. Гробница же каменная есть обыкновенная вещь для тѣхъ и древнѣйшихъ временъ. Такъ напримѣръ, каменная гробница Смоленскаго великаго князя Давида Ростиславича, открытая въ 1834 году“. Новоспасскій архимандритъ Аполлосъ увѣдомлялъ Погодина, что онъ вручилъ „его сіятельству графу С. Г. Строганову гравированный листъ, изображающій *царей Михаила и Алексѣя*, написанныхъ въ концѣ XVII вѣка на столбѣ собора Новоспасскаго монастыря, и желаетъ пожертвовать сію доску Обществу для помѣщенія оттисковъ, въ трудахъ онаго съ его описаніемъ“.

Предъ своимъ отъѣздомъ въ чужіе края, Погодинъ издалъ третью и четвертую книжки *Сборника Русскаго Историческаго Общества,* въ которыхъ между прочими статьями напечатана *Историческая система Ходаковскаго.* Бумаги Ходаковскаго, какъ извѣстно, поступили въ Древлехранилище Погодина. По поводу напечатанной статьи Ходаковскаго, Сахаровъ писалъ Погодину: „Вы не знаете, гдѣ еще есть бумаги Ходаковскаго? У Анастасевича! Бумаги эти заключаютъ въ себѣ разысканія о Миѳологіи и еще какія-то. Старикъ бережетъ ихъ и показываетъ за тайну“.

Погодинъ не только оживлялъ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ своимъ энергическимъ участіемъ въ немъ, но съумѣлъ возбудить интересъ къ нему и въ провинціальныхъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ писалъ ему изъ Шуи: „Можете обвинять меня за дерзость писать къ вамъ, но не упрекнете въ невнимательности къ вашимъ благороднѣйшимъ занятіямъ. Въ Шуѣ, по случаю перестройки Спасской церкви, при разрытіи фундамента найдено нѣсколько серебряныхъ монетъ, древность коихъ помнится очень значительною. На одной изъ

нихъ вычеканенъ великій князь Игорь. Теперь они хранятся у священника той церкви о. Іоанна Извольскаго, но скоро доставлены будутъ въ Общество Любителей Древности". А Шуйскій священникъ Илья Григорьевъ писалъ Погодину: „Въ письмѣ вашемъ прописываете, что я нашелъ древнія монеты; сія истина есть неоспорима. Онѣ найдены при рытіи бутовыхъ канавъ подъ церковь, лежавшія на шкилетѣ человѣческомъ и именно на грудной кости онаго. Числомъ ихъ болѣе до пятидесяти штукъ, начиная съ князя Ивана, Бориса Годунова и сына его Θеодора, а изъ нихъ одна князя Игоря, которую я считалъ болѣе всѣхъ значительнѣе; но какъ вы описываете ее обыкновенною, такъ судя по этому тѣ монеты противъ нее болѣе незначущія, потому что таковыхъ вездѣ много. Ежели же вы будете находить и въ первыхъ надобность, я готовъ исполнить волю вашу, какъ почтеннѣйшаго патріота Россійскаго". Въ то же время И. Я. Горловъ увѣдомлялъ: „Я пріобрѣлъ въ Дерптѣ за тридцать коп. (!) Ярославову монету, подобную той самой, которая хранится у наслѣдниковъ графа А. И. Мусина-Пушкина, которая описана точь-въ-точь у Карамзина во второмъ томѣ, и которой оттискъ представленъ въ сочиненіи А. Н. Оленина о Тмутораканскомъ камнѣ. Только мой экземпляръ сохранился совершенно" [209]).

XXIV.

Бодянскій въ письмѣ своемъ изъ Праги, отъ 30 апрѣля 1838 года, писалъ Погодину: „Харьковскій Университетъ слѣдуетъ по стопамъ нашего: сколько я знаю и слышалъ, онъ не ошибся въ выборѣ; думаю, что и прочіе университеты не замедлятъ тоже выслать своихъ депутатовъ".

Въ это время Харьковскій Университетъ намѣревался послать въ чужіе края для изученія Словенскихъ нарѣчій и ихъ литературъ Измаила Ивановича Срезневскаго, до тѣхъ поръ изучавшаго Политическую Экономію и Статистику, но уже издавшаго двѣ части *Запорожской Старины* и *Украинскій*

Сборникъ, а также сборникъ *Словацкихъ пѣсенъ,* записанныхъ имъ въ Харьковѣ отъ заходившихъ туда Словаковъ [210]).

Но нашъ политико-экономъ и статистикъ благоговѣлъ предъ народностію. „Люди“, писалъ онъ еще въ Харьковѣ, „ошибаются, говоря напримѣръ: этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученыя книги, и мало школъ, и грамотности мало,—вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ!.. Самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа Естественной Исторіи и Медицинѣ, и философъ Философіи, и даже философъ-историкъ Философіи Исторіи; едва ли не всякій народъ, сколько бы ни былъ онъ дикъ, имѣетъ свою литературу, правильнѣе словесность, и не ничтожную ни предъ Иліадой, ни предъ трилогіей Данта, ни предъ драмой Кальдерона и Шекспира“. „При такомъ взглядѣ на высокій интересъ живого изученія простонародья и вообще народовъ презираемыхъ, замѣчаетъ В. И. Ламанскій, „Срезневскій долженъ былъ съ радостью откликнуться на сдѣланное ему въ 1838 году предложеніе отправиться въ путешествіе на казенный счетъ въ Западно-Словенскія земли для занятія потомъ новооткрытой тогда каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ“.

Приготовляясь къ своему путешествію, Срезневскій завелъ сношенія съ Погодинымъ. Первымъ письменнымъ памятникомъ этихъ сношеній можетъ служить письмо его изъ Харькова, отъ 7 іюня 1838 года. „Извините“, писалъ онъ, „великодушно смѣлость и вмѣстѣ ничтожность просьбы, съ которою обращаюсь къ вамъ, просьбы, для васъ обременительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающей, что любитель Словенщины, всегда увѣренный найти въ совѣтѣ вашемъ совѣтъ знатока, понимающаго дѣло умомъ и сердцемъ, долженъ къ вамъ же обращаться и тогда, когда имѣешь надобность въ какомъ-нибудь книжномъ пособіи. Крайнюю и нетерпящую отсрочки нужду имѣя въ подлинникѣ *Древностей* Шафарика, особенно въ тѣхъ связкахъ, которыя еще не изданы вами по-Русски; узнавши, что отъ васъ можно получить ихъ, прошу васъ по-

корнѣйше потрудиться выслать мнѣ экземпляры этого сочиненія. Очень обяжете меня, если прикажете выслать не медля. Чуть не краснѣю, пиша это письмо, потому что въ первый разъ пишу письмо такого содержанія къ такому человѣку какъ Погодинъ, потому ли что и привыкнуть нельзя писать такія письма къ такимъ людямъ, потому ли что, писавши одно, порываюсь писать о другомъ и принуждаю себя оставаться въ границахъ просьбы самой жалкой. Во всякомъ случаѣ позвольте надѣяться на ваше радушное соревнованіе помогать въ дѣлѣ изученія Словенщины, намъ родной и такъ еще мало у насъ извѣстной. Мнѣ бы еще нужна была и Копитара Краинская грамматика; но она сдва ли есть у васъ для продажи, а потому буду пока утѣшать себя надеждою, что прочту ее когда нибудь. Не горько-ли: всякую Французскую дрянь можно доставать какъ свое добро, а свое родное Словенское ни даже подъ Французскимъ хламомъ не найдешь". Погодинъ разумѣется исполнилъ просьбу Срезневскаго, который по этому поводу съ признательностю писалъ ему: „Чувствительно благодаренъ вамъ за высылку *Словенскихъ Древностей*, еще болѣе за то доброе благорасположеніе, съ которымъ вамъ угодно было принять участіе во мнѣ, въ моихъ занятіяхъ, въ моемъ дѣлѣ касательно поѣздки по землямъ Словенскимъ. Я счастливъ, что необходимость обратиться къ вамъ для полученія творенія Шафарика дала мнѣ случай сблизиться съ вами—хоть письменно, пока не лично. Мнѣ остается постараться и поддержать ваше благорасположеніе ко мнѣ, и я надѣюсь, что ваша глубокая любовь къ наукѣ найдетъ во мнѣ—если ничего болѣе, то по крайней мѣрѣ искреннее желаніе сочувствовать ей и увлекаться ею. Дѣло о моей поѣздкѣ пошло по извилистымъ и долгимъ путямъ разрѣшеній, и гдѣ оно теперь—никто у насъ не знаетъ. Это время двусмысленной неизвѣстности длится уже нѣсколько мѣсяцевъ, и развязка должна упасть какъ снѣгъ на голову—можетъ быть и не ранѣе какъ съ зимнимъ снѣгомъ. А между тѣмъ это ужасно мучительно для меня: всѣ прежнія обязанности остаются по прежнему обязанностями,

новыя валятся то съ боку, то съ другого, и времени для приготовленія къ путешествію почти нѣтъ. Тѣмъ менѣе могу я имѣть его для постороннихъ кабинетныхъ занятій, о которыхъ мнѣ совѣстно и говорить. Это скорѣе труды поденщика, чѣмъ слѣдствіе мысли и размышленія—труды съ цѣлію, но безъ плана, съ жаждою вести дѣло впередъ, но безъ самоутѣшенія въ награду за трудъ. Тягостное состояніе. Многое нужно сдѣлать, еще болѣе хотѣлось бы сдѣлать, а дѣлаешь большею частію не то что почитаешь полезнымъ, не то что хочется. Развѣ сказать о *Запорожской Старинѣ*, которую при семъ посылаю на судъ вашъ и какъ посильный знакъ признательности къ вамъ; но *Старина* дѣло уже конченное. Прошлымъ Рождествомъ удалось мнѣ урвать нѣсколько времени для составленія шестой книжки этого изданія—и ею окончить все изданіе. Сдѣлалъ, что могъ, какъ могъ. Счастливъ, что могъ по крайней мѣрѣ сохранить драгоцѣнности народности Южно-Русской, которыя безъ этого могли, можетъ быть, невозвратно погибнуть; счастливъ, что своимъ трудомъ могъ возбудить желаніе другихъ доискиваться подобныхъ извѣстій, подобныхъ драгоцѣнностей. Теперь мое собраніе историческихъ пѣсенъ и думъ несравненно богаче противъ того, что напечатано, пособій противъ прежняго несравненно болѣе,—и если удастся, то когда-нибудь надобно будетъ начать и другое, подобное *Старинѣ*, изданіе. Что до *Старины*, то примите ее какъ первый опытъ любителя Словенщины, желавшаго—могу сказать,—съ дѣтства трудиться по силамъ и средствамъ по предмету, драгоцѣнному для всякаго Словенскаго сердца. Знаю, что передаю мой опытъ на судъ знатока дорогого и радуюсь: авось вы дадите мнѣ счастливый случай воспользоваться совѣтомъ знатока, подобнаго вамъ, авось вы захотите передать мнѣ откровенно ваше мнѣніе о моемъ опытѣ“ [211]).

Въ это время посѣтилъ Москву возвратившійся изъ Словенскихъ земель М. И. Касторскій и разсказывалъ Погодину „очень много любопытнаго и пріятнаго“. Погодину было очень пріятно узнать, что въ Словенскихъ земляхъ „поминаютъ“

его имя [212]). Изъ Петербурга же Касторскій писалъ Погодину: „Мы представились г. Министру, распрошены, кто чѣмъ занимается и гдѣ былъ; замѣчательнаго пока только то, что мы до времени должны остаться въ Петербургѣ... и готовить пробную лекцію, которую намъ зададутъ... Мнѣ эту задачу дастъ профессоръ Лоренцъ, и разумѣется о Словенахъ; а мнѣ бы хотѣлось именно: о значеніи ихъ въ историческомъ развитіи человѣчества—только слишкомъ обширно, однако такое разсужденіе публичное было бы очень кстати по настоящему къ Словенамъ, и по потребности такого уваженія... Какъ ученый, такъ и знаменитый Петербургскій міръ принимаетъ живое участіе въ Словенизмѣ. Особенно князь Ширинскій много интересовался и никто съ бо́льшею жадностію не слушалъ моихъ разсказовъ о нашихъ братьяхъ Словенахъ Венгерскихъ, какъ Сербиновичъ. Вы знаете его безъ сомнѣнія?" [213]).

Въ то время, когда Погодинъ, „вслѣдствіе" воображаемой „бесѣды съ Государемъ", мечталъ объ учрежденіи Словенской школы въ Одессѣ, въ Кишиневѣ подъ начальствомъ Шафарика, когда онъ воображалъ „обѣдъ Шафарику въ Петербургѣ съ рѣчами на всѣхъ Словенскихъ нарѣчіяхъ" [214]) и когда В. В. Григорьевъ писалъ ему, что Грановскій „составилъ планъ какъ доставлять Шафарику, покуда мы живы, по тысячѣ ежегоднаго пособія" [215]), въ это самое время Погодинъ получаетъ изъ Праги весьма непріятное письмо отъ Бодянскаго, въ которомъ не безъ горечи прочелъ слѣдующее: „Письмо ваше я получилъ вмѣстѣ съ письмомъ нашего Шафарика, который сильно *жалуется* на васъ. Это безъ сомнѣнія васъ удивляетъ? Признаюсь, и меня это посадило въ удивленіе, какъ выражаются Нѣмцы. Дѣло вотъ въ чемъ, но я для лучшаго уразумѣнія сообщу вамъ письмо его, слово въ слово:" 9 декабря (27 ноября наш. ст.) вчера получилъ я отъ профессора Пуркине *Журналъ Министерства Просвѣщенія* 1838, Іюль. Въ немъ прочелъ я съ удивленіемъ извлеченія изъ моихъ и вашихъ писемъ обо мнѣ, сообщенныя Погодинымъ издателю упомянутаго журнала. Я ничего не имѣю

противъ литературныхъ новостей; подобнаго рода извѣстія съ тѣмъ пишутся, чтобы сообщать ихъ другимъ, печатать. Но что касается свѣдѣній о моей особѣ, моемъ домашнемъ бытѣ, нуждѣ и бѣдности, о сборѣ денегъ и книгъ для меня, то мнѣ весьма непріятно и больно. Я не понимаю, какъ можно посылать такія вещи печатать, и готовъ думать, что кто-нибудь унесъ у него эти письма и потомъ далъ напечатать, съ цѣлью обидѣть и унизить меня, сообщить моимъ врагамъ и клеветникамъ новое оружіе противъ меня. Такія дружескія тайны должны оставаться навсегда тайной. Кромѣ того, вещь самая, какъ она тамъ стоитъ, преувеличена и неправдоподобна. Въ такой нуждѣ и бѣдѣ я съ моимъ семействомъ никогда не былъ. Вамъ хорошо извѣстно, что я, какъ цензоръ, получаю нынѣ годового дохода 400 гульден. серебромъ, да за изданіе журнала Чешскаго Музея 120 гульден. серебр., что равняется 1200 руб. ассигн. Этого, при моемъ умѣренномъ и скромномъ образѣ жизни, довольно для меня. Если я, печатая мои *Славенскія Древности*, обошедшіяся мнѣ 1500 гульден. серебр., нуждался иногда въ деньгахъ, то это ничуть не удивительно: подобное часто случается и съ гораздо богатшими меня, а я не изъ числа богатыхъ!—Потому прошу васъ дружески, тотчасъ на другой день по полученіи этихъ строкъ, написать отъ себя къ Погодину и просить его: 1) чтобы онъ подобнаго рода свѣдѣній обо мнѣ, моемъ состояніи, образѣ жизни, и т. д., не посылалъ болѣе ни въ какіе журналы; 2) а если послалъ снова, поспѣшилъ бы немедленно вытребовать назадъ; 3) *не посылалъ бы мнѣ никакихъ денегъ.* Я увѣренъ, что онъ васъ послушается, иначе было бы странно, еслибы онъ хотѣлъ еще болѣе огорчить и сдѣлать меня несчастнымъ. Я каждый часъ ожидаю, что голодные журналисты (Польскіе, Нѣмецкіе, Французскіе, и т. п.) напечатаютъ эти свѣдѣнія и распространятъ по всей Европѣ. Судите сами, каково это будетъ для меня!“—„Я“, пишетъ Бодянскій, также скажу: „ну, каково?“ Въ отвѣтѣ моемъ на это письмо я замѣтилъ Шафарику, что вы отнюдь не имѣли намѣренія сдѣлать ему ка-

кую-либо непріятность сообщеніемъ подробностей объ его домашней жизни, нуждахъ, и т. д., напротивъ, хотѣли еще черезъ это помочь его горю, что оглашеніемъ подробностей о состояніи его ничуть не умаляютъ его доброе имя, его славу, и проч., потому что это случилось не отъ него, мимо его вѣдѣнія и воли, слѣдовательно, недруги его не могутъ воспользоваться этимъ для униженія его; что отсюда нельзя ожидать никакихъ худыхъ послѣдствій: наши журналы, тѣмъ болѣе *Журналъ Министерства Просвѣщенія,* не столько распространены еще между другими Европейцами, чтобы изъ нихъ можно было тотчасъ почерпать какія-либо новости; да хоть бы и случилось, все-таки тутъ нѣтъ никакого преступленія противъ кого бы то ни было: въ нуждѣ человѣку можно помочь, и никто не въ правѣ запретить мнѣ и другому подать руку помощи нашимъ ближнимъ, нуждающимся въ томъ и достойнымъ нашего сожалѣнія и участія. Я не вижу здѣсь никакого уголовнаго проступка, когда извѣстному лицу, доброму гражданину вообще, но преслѣдуемому бѣдностью, друзья его и прочіе, принимающіе въ немъ участіе, посылаютъ помощь изъ другой земли, государства, и т. п.; наконецъ, если вы нанесли Шафарику непріятность этимъ поступкомъ, то нанесли ее ненамѣренно, по неосторожности, неосмотрительности, торопливости сдѣлать болѣе добро, нежели зло, невѣдѣнію обстоятельствъ и отношеній его здѣшнихъ къ другимъ (въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ). Разумѣется, подобнаго рода свѣдѣній не слѣдовало бы сообщать въ журналъ, потому что дѣйствительно нѣсколько щекотливо читать ихъ Шафарику, равно какъ и знать о томъ, что это читаютъ другіе, не говоря уже о непріятностяхъ, которыя могутъ или могли бы произойти, еслибы какимъ-нибудь образомъ подробности эти о его жизни, и т. д., были переведены на какой иной языкъ и дошли бы до рукъ недруговъ его, въ чемъ я однакоже сомнѣваюсь. Онъ правъ, говоря, что такія дружескія тайны должны оставаться неприкосновенными для другихъ, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени. Можно помогать, не

дѣлая огласки, не поднимая крестовыхъ походовъ противъ кого бы то ни было (Вы знаете, что крестовыя ополченія для *участвовавшихъ* въ нихъ большею частію были несчастливы, хоть въ послѣдствіяхъ своихъ спасительны для цѣлаго человѣчества. Я не охотникъ до нихъ!). Чѣмъ открытѣе какое дѣло, тѣмъ болѣе препятствій, зрителей, судей и отвѣтственности, тѣмъ болѣе злыхъ толковъ, сплетней, напраслинъ, и т. д., особенно въ дѣйствіяхъ подобнаго рода. Какъ онъ, такъ и я не думалъ, чтобы вы обнародовали подробности объ его теперешнемъ незавидномъ состояніи. Я не могъ вамъ иначе писать о немъ; въ противномъ случаѣ я лгалъ бы безсовѣстно, не выполнилъ бы моихъ отношеній къ вамъ и къ нему. Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мною вамъ, я отвѣчаю за каждое слово. Шафарикъ слишкомъ скромничаетъ, черезъ-чуръ въ хорошемъ видѣ выставляетъ свое положеніе, нежели каково оно на самомъ дѣлѣ есть; подобнаго рода вещи скорѣе замѣтны со стороны, и чуждый человѣкъ можетъ видѣть всю ихъ добрую и худую особенность гораздо лучше и вѣрнѣе, чѣмъ самый дѣйствователь: этотъ послѣдній уже приглядѣлся къ нимъ, и не зная никогда другого лучшаго образа жизни своей, думаетъ, что иначе быть не можетъ, и если допускаетъ улучшеніе въ немъ, то небольшое, маловажное. Боже мой! 1200 р. асс. годового дохода! Экая подумаешь сумма! Много ли останется для него, если вычтемъ 500 р. за квартиру? Притомъ онъ самъ, особливо его семейство, почти всегда больны. И сколько онъ долженъ за этотъ аристократическій платъ работать! Что останется для его ученыхъ занятій, которыя такой важности и драгоцѣнности не только для насъ, Словенъ, но и вообще для всѣхъ прочихъ людей?! Если часто подобные ему люди не знаютъ сами себѣ настоящей цѣны, тѣмъ болѣе другіе, постигающіе ихъ, должны заботиться о нихъ, радѣть объ ихъ *временномъ* благѣ, промышлять о средствахъ доставить имъ болѣе удобствъ и способовъ располагать собой, работать непрепятственно на избранномъ ими поприщѣ для собственной своей и народной чести, славы и добра. И потому вы, ко-

нечно, не исполните (и не должны) третьей его просьбы (т.-е. не посылать денегъ); только чтобы снова не обидѣть его, не затронуть за живое, и можетъ быть не навлечь на него какой-либо непріятности со стороны другихъ, лучше будетъ не дѣлать шуму, общей гласности и извѣстности всѣмъ. и такимъ образомъ, по-Русской пословицѣ: и овцы будутъ сыты, и сѣно цѣло. Впрочемъ, обо всемъ этомъ и подобномъ тому вы скоро будете имѣть случай лично переговорить съ нимъ и уладить надлежащимъ порядкомъ" [216]) Но это, какъ мы увидимъ, нисколько не помѣшало Россіи и въ частности Погодину благотворить Шафарику и его собратіямъ, и они, сколько извѣстно, никогда не отказывались отъ подобныхъ благотвореній изъ Россіи.

Къ сожалѣнію, въ то время какъ посылались пособія Западно-Славянскимъ ученымъ, благотворя Шафарику съ братіею, мы были не довольно справедливы къ другому подвижнику Словенской науки, жившему у насъ, въ Москвѣ, обогащавшему сокровищницу Русской Литературы капитальными сочиненіями, писанными прямо по-Русски. Мы разумѣемъ Венелина.

Въ скорбяхъ и лишеніяхъ доживалъ несчастный Ю. И. Венелинъ послѣдніе дни свои. Въ это время онъ лишился мѣста преподавателя въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ инспекторомъ классовъ былъ И. И. Давыдовъ. Разумѣется, въ этомъ несчастіи Венелина Погодинъ принялъ горячее участіе. „Давыдовъ подкопался", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „подъ Венелина, который впрочемъ самъ стоялъ нетвердо. Каковъ артистъ!" [217]), Узнавъ объ этомъ, Бодянскій писалъ Погодину: „Жаль Юрія Ивановича, но и то надобно сказать, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Что это по проискамъ—вѣрю въ половину; онъ самъ много виноватъ, а преемникъ его только воспользовался его неосмотрительностью; разумѣется дурно, но когда же Давыдовъ разбиралъ средствами?" [218]).

Какъ бы въ утѣшеніе достойнаго, но постигнутаго несчастіемъ труженика, Болгаре изъ Одессы и Бухареста при-

слали ему пятьсотъ рублей на изданіе второй части *Болгаръ* и потребовали себѣ первую.

Къ сожалѣнію, въ это время и у Погодина съ Венелинымъ произошли какія-то недоразумѣнія, и Погодинъ жаловался Бодянскому: „Венелинъ", писалъ онъ — „ругаетъ меня повсемѣстно: вотъ вамъ награда за то, что я лѣтъ восемь ходилъ за нимъ какъ нянька и какъ мать" [219]).

XXV.

Задумавъ совершить заграничное путешествіе, Погодинъ извѣстилъ объ этомъ своемъ намѣреніи Шафарика; но сей послѣдній по этому поводу писалъ ему: „Я очень радъ пріѣзду вашему къ намъ, только ваше дальнѣйшее путешествіе во Францію, Италію и Англію мнѣ совсѣмъ не по сердцу. Не довольно ли у васъ въ Россіи и даже въ Москвѣ всевозможнаго иностраннаго? Съ тѣми силами и деньгами, которыя вы истратите на это путешествіе, вы могли бы сдѣлать что нибудь великое для Русской и Словенской Исторіи; впрочемъ это только мой личный взглядъ и личное мнѣніе".

Не взирая на это, Погодинъ 19 февраля 1838 года обратился къ графу С. Г. Строганову съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Разстроенное мое здоровье требуетъ подкрѣпленія и отдохновенія отъ трудовъ, и я, по совѣту врачей, непремѣнно долженъ прервать свои занятія и воспользоваться еще минеральными водами, почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство объ исходатайствованіи мнѣ отпуска на четыре мѣсяца за границу, въ Германію, Италію и Англію; для меня было бы весьма пріятно, еслибъ я могъ въ своемъ путешествіи исполнить какое либо порученіе Министерства Просвѣщенія. О пособіи для путешествія, которое, между прочимъ, будетъ имѣть цѣлію утвержденіе литературныхъ моихъ связей съ Словенскими филологами и историками, не смѣю говорить ничего, предоставляя рѣшеніе объ ономъ вашему начальническому вниманію, соразмѣрно съ моей службою". Въ то же

время у Погодина опять явилась мысль оставить университетъ; но Надеждинъ его удерживалъ. „Мысль“, писалъ онъ ему, „освѣжиться отдыхомъ и прогулкою—не дурна. Но оставлять университетъ я бы тебѣ не совѣтовалъ. Это постъ, для котораго ты созданъ. Мужайся до послѣдней возможности. Vitam impendire vero! Частныя непріятности гдѣ не случаются! На это Богъ намъ далъ терпѣніе“.

Между тѣмъ, по ходатайству графа С. Г. Строганова объ увольненіи Погодина въ Данію и Англію, Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ съ представленіемъ объ этомъ въ Комитетъ Министровъ, на положеніе коего воспослѣдовала Высочайшая резолюція: *Зачѣмъ? Не вижу нужды.*

Шевыревъ, задумавшій тоже предпринять путешествіе, въ этомъ случаѣ былъ счастливѣе Погодина. Въ апрѣлѣ 1838 года уже состоялось Высочайшее соизволеніе объ увольненіи его въ отпускъ за границу на одинъ годъ „для поправленія разстроеннаго здоровья“. „Сколько мнѣ извѣстно“, писалъ графъ Строгановъ Уварову, „профессоръ Шевыревъ, со времени вступленія въ Московскій университетъ, прилагалъ неутомимые труды къ обогащенію и усовершенствованію познаній и въ особенности избраннаго имъ предмета Русской Словесности и тѣмъ совершенно разстроилъ свое здоровье, для поправленія котораго, по его сознанію и увѣренію врачей, потребно не менѣе одного года бытности въ тепломъ климатѣ и пользованія себя тамъ минеральными водами“. 8 іюня 1838 года мы находимъ Шевырева уже въ Петербургѣ, и онъ, узнавъ тамъ о Высочайшей резолюціи, писалъ Погодину: „Ты уже вѣрно знаешь свою участь. Жаль и грустно за тебя. Роковое: *Не вижу нужды. Зачѣмъ?*—все рѣшило. Какъ быть теперь? Мнѣ сказалъ про это Комовскій. Библіотека Синодальная намъ будетъ открыта, но издавать все мы можемъ только съ разрѣшенія Синода. Вяземскаго нѣтъ въ Петербургѣ. Онъ былъ на несчастномъ пароходѣ. Здѣсь все какъ по маслу. Устряловъ, твой соперникъ, недавно, перечитывая съ Краевскимъ Ипатьевскій списокъ, на мѣстѣ: *пріидоша къ нему уеве его*, спросилъ:

„ужъ это не *буеве* ли должно быть?—Нестора не читалъ, проказникъ. Литература здѣсь жалка до-нельзя! Вся она на диванѣ Одоевскаго. Любо смотрѣть на Востокова, съ нимъ провелъ я часъ пріятнѣйшій".

Къ счастію для Погодина, въ это время Копенгагенское Королевское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ обратилось къ графу С. Г. Строганову съ заявленіемъ, что оно въ изданіи въ свѣтъ рукописей и памятниковъ, относящихся до Россіи, встрѣтило затрудненіе по недостатку для того средствъ, отъ малаго числа подписчиковъ. Графъ Строгановъ, принявъ съ одной стороны въ соображеніе, что находящіяся въ Обществѣ свѣдѣнія могутъ быть важны для Русской Исторіи, выразилъ желаніе, чтобы со стороны нашей принято было участіе въ изданіи трудовъ его; но съ другой онъ призналъ необходимымъ предварительно разсмотрѣть эти рукописи и удостовѣриться въ достоинствѣ ихъ относительно нашей Исторіи. Получивъ отъ Уварова увѣдомленіе о Высочайшей резолюціи касательно Погодина, графъ Строгоновъ писалъ министру о томъ, что онъ находитъ полезнымъ поручить Погодину „войти въ сношеніе съ Копенгагенскимъ Обществомъ Любителей Древностей Сѣвера и разсмотрѣть предположенные имъ къ изданію въ свѣтъ рукописи и памятники, относящіеся до Россіи". Это представленіе дало Уварову возможность вторично просить Комитетъ Министровъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія, что Погодину поручается войти въ сношеніе съ Королевскимъ Копенгагенскимъ Обществомъ. „Что же касается", писалъ Уваровъ, „до причины поѣздки Погодина въ Англію, то хотя я не имѣю положительнаго о томъ свѣдѣнія, не могу однакожъ, по извѣстной любознательности этого профессора, предполагать при семъ никакой другой цѣли, кромѣ чисто ученой". По представленіи Комитетомъ Министровъ этого объясненія Министра Народнаго Просвѣщенія, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на увольненіе Погодина въ Англію и Данію...

4 іюля 1838 года, Погодинъ получаетъ отъ ректора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго слѣдующее увѣ-

домленіе: „Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ г. Попечителя, что Государь Императоръ соизволилъ на увольненіе васъ въ отпускъ въ Данію и Англію“... Но Погодинъ въ отвѣтъ на это писалъ графу С. Г. Строганову: „Получивъ отъ г. ректора извѣстіе о Высочайшемъ дозволеніи мнѣ отправиться въ чужіе края на вакацію, я не могу воспользоваться онымъ, ибо срокъ вакаціи уже совсѣмъ оканчивается, а посему я прошу покорнѣйше ваше сіятельство объ исходатайствованіи мнѣ позволенія воспользоваться отпускомъ на второй семестръ сего академическаго года вмѣстѣ съ слѣдующею за онымъ вакаціей, тѣмъ болѣе, что разстроенное мое неумѣренными трудами здоровье требуетъ необходимо, по совѣту врачей, пребыванія зимою въ тепломъ климатѣ Италіи“. Вслѣдствіе сего графъ Строгоновъ принужденъ былъ снова ходатайствовать предъ Уваровымъ за Погодина, и 19 сентября того же 1838 года М. Т. Каченовскій писалъ Погодину: „Его сіятельство г. попечитель увѣдомилъ меня, что онъ просилъ Министра Народнаго Просвѣщенія объ увольненіи васъ въ отпускъ за границу. Въ дополненіи къ сему Департаментъ Народнаго Просвѣщенія требуетъ свѣдѣнія, куда именно намѣрены вы отправиться: въ Данію и Англію, или въ Италію, и съ какою именно цѣлію?“

Въ концѣ-концовъ, 1 декабря 1838 года состоялся всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ Уваровъ писалъ: „Попечитель Московскаго учебнаго округа доноситъ мнѣ, что профессоръ Погодинъ усиленными занятіями своими по службѣ до того разстроилъ свое здоровье, что ему для поправленія онаго необходимо, по совѣту врачей, провести нѣкоторое время за границею, и преимущественно въ Италіи. Посему графъ Строгановъ, представивъ медицинское свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи Погодина, проситъ объ увольненіи его въ отпускъ въ Италію“. На этотъ докладъ воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ то время, когда происходила вся эта процедура, Шевыревъ былъ въ Берлинѣ и оттуда писалъ Уварову: „Прибывъ въ

Германію, я поѣхалъ прямо въ Ганау къ знаменитому медику Коппу и просилъ его совѣта. Онъ предписалъ мнѣ для укрѣпленія нервъ моихъ, ослабленныхъ усиленными умственными занятіями, сопряженными съ моею службою, сначала пользоваться морскими ваннами Сѣвернаго моря, потомъ провести зиму и послѣдующую весну въ умѣренномъ климатѣ, особенно въ Римѣ...

Пять лѣтъ непрерывныхъ занятій на поприщѣ новомъ, къ которому сначала я не готовился, ослабили нѣсколько мои тѣлесныя силы. Мнѣ потребенъ годовой отдыхъ, пользованіе морскими ваннами предписано мнѣ съ августа мѣсяца. Время мое проходитъ съ пользою для науки на здѣшней вершинѣ Германскаго и Европейскаго просвѣщенія, лучи котораго такъ блистательно отражаются у насъ, благодаря мудрой волѣ правительства и дѣятельности вашей".

Собираясь въ чужіе края, Погодинъ писалъ Максимовичу: „Что же не ѣдешь путешествовать для изученія славянскихъ нарѣчій"?

На это Максимовичъ отвѣчалъ: „Ѣхать въ Славянскія земли что-то не хочется: признаться, я лучше бы посмотрѣлъ Москвы да Руси православной. Да, другъ! Стосковалась здѣсь душа моя по Москвѣ бѣлокаменной; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ рѣдкій день пройдетъ, чтобъ я не задумался: какъ бы посмотрѣть Москвы? Кіевъ прекрасенъ—но болѣе прошедшимъ, лишь для воспоминанія. Настоящее въ немъ надоѣло, даже при предстоящей перемѣнѣ заправляющихъ округомъ людей, отъ которыхъ можетъ быть послѣдуетъ нѣкоторый приливъ сюда Русскаго духа, который только и можетъ вѣять съ Московщины, ибо Украина моя протухла, попорчена еще Поляками, а сами Поляки такой богомерзкій народишко, что плевать на нихъ хочется. Я такъ хорошо, могу сказать глубоко и досконально узналъ ихъ, и ничего лучшаго не могу сказать про нихъ, какъ не повторить знаменитое изреченіе Дмитрія Ефимовича Василевскаго—*дави ихъ!* Я тружусь понемногу

надъ Исторіей Русской Словесности. Авось удача будетъ съ нею, не какъ съ *Русскою землею*" [220]).

XXVI.

Получивъ Высочайшее соизволеніе, Погодинъ сталъ приготовляться къ путешествію. „У меня забилось сердце", писалъ къ нему Гоголь изъ Рима, „когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи" [221]).

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Погодинъ сдѣлалъ воззваніе о пособіи Шафарику съ братіею. Къ этому воззванію отнесся весьма сочувственно Уваровъ и поручилъ Комовскому просить Погодина пріѣхать въ Петербургъ и по этому предмету переговорить съ Министромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комовскій писалъ Погодину: „Главный вопросъ С. С. Уварова: какъ и подъ какимъ предлогомъ помочь Шафарику немедленно и благовидно? Уваровъ намѣренъ предложить Россійской Академіи, чтобъ она дала Шафарику 5 т. р. и столько же Ганкѣ; онъ хочетъ объ этомъ доложить также Государю; но послѣ не будетъ у него уже иного средства доставить эти деньги по назначенію, какъ чрезъ нашего посла въ Вѣнѣ: довольно ли это деликатно и безобидно для Шафарика? Захочетъ ли онъ принять пособіе? Не станетъ ли Австрійское Правительство коситься на Шафарика и на насъ? Вмѣсто пользы не послужитъ ли это во вредъ и Шафарику и Словенамъ въ Австріи? Мнѣ кажется, что, давая этому дѣлу такой объемъ, возводя его такъ высоко, нельзя не оглядываться во всѣ стороны. Впрочемъ, Шафарикъ и Ганка имѣютъ право на нашу благодарность за просвѣщенное пособіе молодымъ нашимъ славистамъ Бодянскому, Иванишеву, и проч." [222]). Вслѣдъ за симъ Уваровъ докладывалъ Императору Николаю I: „Путешествія молодыхъ нашихъ ученыхъ, отправленныхъ въ Словенскія земли, кромѣ положительныхъ результатовъ для Словенской филологіи, доставили мнѣ ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Словенскаго міра, о движеніи тамъ умовъ

и словесности, о домашнихъ, такъ сказать, дѣлахъ Словенскихъ литераторовъ, и я невольно сдѣлался какъ бы повѣреннымъ ихъ тайныхъ чувствованій и желаній. Развитіе возраждающейся словесности Словенскихъ племенъ сопровождается тамъ не менѣе замѣчательнымъ усиленіемъ привязанности и стремленія къ соплеменной Россіи. При перемогающемъ вліяніи Германской жизни, постепенное исчезаніе національности Словенской заставляетъ дорожить всѣми еще уцѣлѣвшими памятниками родного языка и Словенской старины, открывать, объяснять и обрабатывать ихъ; но хладнокровное отчужденіе Германскихъ правительствъ обращаетъ умы и сердца къ Россіи, гдѣ Словене надѣются найти утѣшительное сочувствіе и вѣрное содѣйствіе. Въ Россіи видятъ они единственную представительницу самобытности Словенской; въ Правительствѣ Русскомъ могущественнаго блюстителя Словенской народности... Щедроты Русскаго Царя, изліянныя на представителей Словенской учености на Западѣ, будутъ приняты признательными соплеменниками нашими какъ благодѣяніе цѣлому народу, еще болѣе укрѣпятъ благотворныя связи между нами и ими, и пріобрѣтутъ Россіи новыхъ друзей“.

Что же касается способа передачи этого денежнаго пособія, то Уваровъ и рѣшилъ устроить это черезъ Погодина и объ этомъ тоже доложилъ Государю. „Для доставленія денежнаго пособія Шафарику и Ганкѣ, представляется удобный случай въ путешествіи въ Словенскія земли профессора Погодина, который, находясь въ литературныхъ сношеніяхъ съ сими учеными, можетъ доставить имъ щедротами Вашего Величества дарованное пособіе, равно какъ и прочія пожертвованія, безъ обращенія на то особеннаго вниманія со стороны Австрійскаго Правительства“.

27 Декабря 1839 года Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы. Наканунѣ выѣзда онъ писалъ Шевыреву: ѣду завтра въ Петербургъ, а оттуда черезъ недѣлю, если Богъ дастъ, въ дальній путь. Изъ Петербурга поѣду или въ Парижъ, или въ Италію. Приготовляй мнѣ инструкцію для Рима. Скажи Гоголю, что я

получилъ его письмо, что я радъ, что я его увижу скоро. А мнѣ очень тяжело“.

Спутникомъ Погодина до Петербурга былъ Н. Ф. Павловъ. Онъ везъ въ Петербургскую цензуру три новыя свои повѣсти, которыя онъ прочелъ Погодину и его женѣ. О дорогѣ, пишетъ Погодинъ, „сказать новаго нечего: то же шоссе, тѣ же станціи, тѣ же казармы! Развѣ пожелать, чтобъ бусурманское *шоссе* переведено было *насыпною дорогою* или *насыпкою, настилкою*. Та же нечистота и неопрятность въ гостинницѣ Вышневолоцкой и Новгородской; тѣ же котлеты у Пожарскаго, и тѣ же баранки въ Валдаѣ, съ припѣвомъ отвратительныхъ старухъ и молодокъ... Впрочемъ, вездѣ можно обогрѣться, вездѣ можно утолить голодъ и жажду. Пальма остается по прежнему у нѣмки Померанской и ея дочери Луизы“.

30 Декабря ночью наши путешественники пріѣхали въ Петербургъ и остановились въ гостинницѣ Серапина. Сонный слуга отвелъ ихъ въ „кабинетецъ на верхъ“, который, замѣчаетъ Погодинъ, „на Московскомъ нарѣчіи слишкомъ лестно было бы назвать чуланомъ“.

Само собою разумѣется, что Погодинъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на другой же день явился къ Уварову. Принявъ его весьма привѣтливо, Уваровъ поручилъ директору Департамента Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову: 1) Деньги, слѣдуемыя Шафарику и Ганкѣ—отдать Погодину подъ росписку. 2) Снабдить Погодина открытымъ листомъ, который могъ бы быть предъявленъ въ нашихъ миссіяхъ. Кромѣ того Уваровъ поручалъ Погодину во время пребыванія его за границей заняться по возможности изслѣдованіемъ древностей по части Всеобщей и въ особенности Русской Исторіи, а также, если встрѣтятся ему предметы, могущіе относиться къ кругу дѣйствія Археографической коммиссіи, то объ оныхъ сообщать Уварову или Археографической Коммиссіи.

Съ своей же стороны Погодинъ желалъ, въ случаѣ возможности, обозрѣть страны, въ коихъ остались слѣды поселе-

ній Норманскихъ (въ Италіи, сѣверной Франціи и Англіи), въ отношеніи къ языку, обычаямъ, учрежденіямъ. Онъ желалъ также разыскать, не принадлежатъ ли первоначальные обитатели Вандеи къ Словенскому племени. Наконецъ Погодинъ намѣревался собрать свидѣтельства о путешествіи Петра Великаго по тѣмъ городамъ, гдѣ сей Государь преимущественно останавливался. Отъ Уварова Погодинъ остался въ восторгѣ. „Что сказать мнѣ", пишетъ онъ, „о бесѣдахъ въ кабинетѣ Министра Народнаго Просвѣщенія, который доставилъ мнѣ въ нынѣшнемъ году столько радости, какъ я давно уже не чувствовалъ? Вниманіе его къ моимъ предположеніямъ, исполненіе нѣкоторыхъ мыслей, содѣйствіе къ моему путешествію,— это не изгладится нигогда изъ моей памяти".

Одно утро провелъ Погодинъ въ любимомъ дѣтищѣ Уварова „въ святилищѣ" Археографической коммиссіи. „Не знаю", писалъ онъ, „какое впечатлѣніе произведетъ во мнѣ храмъ св. Петра, Флорентійская трибуна, Альпійскія горы, Швейцарскія озера, но видъ пятидесяти списковъ лѣтописи Несторовой съ харатейнымъ Лаврентьевскимъ, сотни хронографовъ и историческихъ сборниковъ, тысячи грамотъ—поразили меня, и я едва переводилъ дыханіе, смотря съ благоговѣніемъ на уставленныя книгами полки, которыя блестѣли въ глазахъ моихъ серебромъ, золотомъ, изумрудами, яхонтами и всѣми камнями самоцвѣтными.—Какова грамотность была въ этомъ народѣ, который невѣжи дерзаютъ ругать и поносить потому только, что онъ не умѣлъ говорить по-Латыни". Разсмотрѣвъ образцы изданія лѣтописей, Погодинъ заявилъ, что онъ не одобряетъ плана.

Новый 1839 годъ Погодинъ встрѣтилъ у стараго своего товарища князя В. Ѳ. Одоевскаго, въ обществѣ молодыхъ литераторовъ. „Роясь въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ", писалъ Погодинъ, „на самомъ темномъ днѣ Русской Исторіи, я не слѣдовалъ за текущей литературой и не зналъ совершенно что у насъ дѣлается". Увидѣвъ множество лицъ, Погодинъ, какъ онъ говоритъ, „удивился, обрадовался"; но

вскорѣ разочаровался, ибо не нашелъ между ними ни одного изслѣдователя языка, изслѣдователя Исторіи, Географіи, Философіи, переводчика дѣльныхъ книгъ. Даже присутствіе на этомъ вечерѣ Крылова, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Плетнева не удержало Погодина отъ слѣдующаго замѣчанія: „Еслибъ незнакомый человѣкъ попался въ общество нашихъ литераторовъ, онъ никакъ не угадалъ бы, съ кѣмъ случилось ему говорить: онъ могъ бы почесть ихъ хозяевами, свѣтскими людьми, финансьерами, но никакъ не литераторами. Даже Французскаго языка, противнаго для меня во всякихъ Русскихъ устахъ, онъ наслушался бы вдоволь отъ нашихъ литераторовъ“.

Какъ членъ Россійской Академіи, Погодинъ посѣтилъ престарѣлаго президента ея А. С. Шишкова. „Удивительно“, восклицаетъ Погодинъ, „какъ до сихъ поръ онъ сохранилъ такую живость чувствъ! Лишь только дойдетъ рѣчь до Словенскаго языка, глаза его засверкаютъ, онъ помолодѣетъ“. Шишковъ прочелъ Погодину переводъ свой одной статьи *господина Юлія Янина*, въ которомъ Погодинъ „насилу отгадалъ“ Jules Janin.

„Съ большимъ удовольствіемъ“ провелъ Погодинъ одно утро въ Россійской Академіи. „Что ни говорите“, замѣчаетъ онъ, „а имена, мѣста, преданія, обряды имѣютъ важное значеніе и оказываютъ свое дѣйствіе надъ нами противъ нашей воли!“ Когда Погодинъ вошелъ въ залу Академіи и увидалъ передъ собою бюстъ Екатерины Великой, окруженный портретами первыхъ основателей Русской Словесности: Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, и потомъ въ одномъ ряду съ ними Карамзина, Пушкина, Крылова, когда онъ встрѣтилъ нѣсколько убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, которыхъ имена соединены съ воспоминаніями о его молодости, то былъ очень тронутъ. Вотъ Ястребцовъ, который нѣкогда перевелъ Массильонову проповѣдь *о маломъ числѣ избранныхъ*... Вотъ Языковъ, который служилъ съ Дмитріевымъ въ одномъ полку, котораго должно считать отцомъ всей нашей исторической

критики. Вотъ Загорскій, первый нашъ анатомикъ. Вотъ Бутковъ и Руссовъ, слушая которыхъ, Погодинъ „будто перенесся въ средину прошедшаго столѣтія и видѣлъ предъ собою Татищева и Щербатова. Вотъ Полѣновъ, который помнитъ еще Башилова, сотрудника и ученика Шлецера, и Поспѣлова, воспитаннаго Стриттеромъ. Вотъ показывается и почтенный Предсѣдатель, котораго ведутъ подъ руки. Вслѣдъ за нимъ идутъ два митрополита: Филаретъ Московскій и Филаретъ Кіевскій. За ними два министра, Дашковъ и Блудовъ, въ сопровожденіи Жуковскаго. „Это утро", пишетъ Погодинъ, „останется для меня незабвеннымъ во всю мою жизнь. Я встрѣчу много людей высокихъ, достойныхъ, почтенныхъ... Шеллинга, Гизо, Тьери, Герена, я поклонюсь имъ съ почтеніемъ; но они мнѣ чужіе, а эти мнѣ родные, эти одно со мною любятъ, одного желаютъ, не смотря на различіе званій, состояній, лѣтъ, образа мыслей". Послѣ засѣданія Д. И. Языковъ пригласилъ Погодина обѣдать къ себѣ. О немъ Погодинъ замѣчаетъ: „вотъ человѣкъ, который менѣе всѣхъ подвергся вліянію Петербургскаго климата физически и морально". Онъ показывалъ Погодину, начатый имъ Церковный Словарь. Буква *А*. занимаетъ листовъ триста. „Честь и слава", замѣчаетъ Погодинъ, „старцу, который въ такихъ лѣтахъ предпринимаетъ такія изданія!"

Во время кратковременнаго своего пребыванія въ Петербургѣ Погодинъ „обошелъ" всѣхъ нашихъ ученыхъ и „освѣдомился объ ихъ занятіяхъ, чтобъ было чѣмъ похвалиться въ чужихъ краяхъ". Началъ съ Шегрена, который „погрузился" въ свою Осетинскую грамматику. К. И. Арсеньевъ посвятилъ Погодина „въ нѣкоторыя таинства" новой Русской Исторіи, отъ Петра I до Екатерины II. Кеппенъ показалъ Погодину много своихъ работъ статистическихъ. Но зачѣмъ вы пишете по Нѣмецки? спросилъ онъ его. „Чтобъ найти болѣе критики", отвѣтилъ Кеппенъ. Кругъ по прежнему сидитъ всякое утро надъ лѣтописями или монетами. Погодину пріятно было услышать его отзывы о статьяхъ своихъ „противъ новомод-

ныхъ нелѣпостей о древней Русской Исторіи". Но Погодинъ никакъ не могъ убѣдить Круга написать отъ себя рѣшительный приговоръ „невѣжамъ и болтунамъ" Погодинъ посѣтилъ также В. М. Перевощикова, брата астронома, который въ то время трудился надъ Исторіею Русской Словесности. Съ особеннымъ сочувствіемъ Погодинъ отозвался о Френѣ. „Вотъ ученый", пишетъ онъ, „въ полномъ смыслѣ слова, преданный своему дѣлу, и, что всего рѣже, любезный безъ малѣйшаго педантизма. Меня", продолжаетъ Погодинъ, „упрекаютъ въ пристрастіи—нѣтъ, такихъ иностранцевъ я готовъ всегда считать своими соотечественниками: готовъ за версту снимать предъ ними шляпу". Френъ очень утѣшилъ Погодина отзывомъ о П. Я. Петровѣ. „Онъ", сказалъ Френъ Погодину, „оправдываетъ ваше ходатайство и обѣщаетъ Россіи первокласснаго оріенталиста". У Буткова Погодинъ нашелъ огромный запасъ матеріаловъ для Статистики Финляндіи, изъ которой „хочется ему произвести и все историческое". О. Іакинфъ, замѣчаетъ Погодинъ, „продолжаетъ покорять намъ Китай". Бесѣды его очень поучительны, и Погодинъ „давно уже не упускалъ ни одного случая, чтобы пользоваться ими". Само собою разумѣется, что Погодинъ посѣтилъ Востокова и сказалъ, что онъ „сокровище Русской Литературы—и лишь только онъ умретъ, то получитъ тотчасъ памятникъ". Къ Нѣмецкимъ же натуралистамъ и математикамъ Погодинъ не счелъ нужнымъ заходить. „Я", писалъ онъ, „увижу ихъ сотни въ Германіи".

По случаю праздниковъ, Погодинъ не могъ послушать лекцій въ Университетѣ. „Я думаю", пишетъ онъ, „что Университетъ не присталъ къ Петербургу, не можетъ играть значительной роли въ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія. Молодые люди, живя въ домахъ своихъ родителей, занимающихъ часто значительныя и высокія мѣста, приносятъ въ Университетъ не тотъ духъ послушанія, покорности, довѣренности, который нуженъ для полезнаго слушанія лекцій и для ровнаго, спокойнаго, скромнаго обращенія между собою. Какой-нибудь графъ, или князь, или сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣт-

ника, слыша дома безпрестанно разсужденія о государственныхъ мѣрахъ, извѣстія о дѣлахъ первыхъ лицъ, долго не привыкнетъ слушать съ почтеніемъ, съ полною довѣренностію уроки своего скромнаго, смиреннаго профессора, или обходиться за панибрата со своимъ товарищемъ, сыномъ сосѣдняго пономаря или мелочного торговца. Рождаются партіи и неудовольствія. Въ Москвѣ,—совсѣмъ другое: тамъ большинство разночинцевъ даетъ тонъ. Этотъ тонъ, согласенъ, ниже Петербургскаго, но онъ черезъ четыре года облагороживается наукою".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ имѣлъ счастливый случай осмотрѣть Императорское Училище Правовѣдѣнія Въ его *Дорожномъ Дневникѣ* сохранились любопытныя замѣчанія объ этомъ заведеніи: „Такое устройство", пишетъ онъ, „порядокъ, богатство въ учебныхъ пособіяхъ, вниманіе къ нуждамъ и даже желаніямъ воспитанниковъ, что хочется разучиться, чтобъ начать вновь ученье въ такомъ заведеніи! Сколько времени продолжается курсъ въ вашемъ Училищѣ, спросилъ я достопочтеннаго Директора. Шесть лѣтъ, отвѣчалъ онъ. А сколькихъ лѣтъ можно вступить въ Училище? Двѣнадцати. Я изумился: какимъ образомъ молодому человѣку въ восемнадцать лѣтъ можно кончить курсъ правъ, получить чинъ титулярнаго совѣтника, т.-е. магистра, пріобрѣсти глубокія свѣдѣнія въ теоріи философіи и исторіи права. Нѣтъ, это невозможно! Вы показали мнѣ отличныя блюда, питательныя, сложныя, вкусныя, изящныя, но ихъ не можетъ переварить желудокъ, которому они предлагаются. Вотъ мое главное замѣчаніе. Въ восемнадцать лѣтъ должно кончиться только гимназическое пріуготовленіе нареченнаго юриста и начаться собственно юридическій факультетъ, университетскій. Если чрезъ четыре года вы выпустите его магистромъ, то все еще будете имѣть преимущество предъ университетомъ, гдѣ нужно ему пробыть по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ до этой степени. Философія права, обозрѣніе, сравненіе законодательствъ, право въ историческомъ развитіи—это такіе великіе головоломные предметы, кои нѣтъ физической возможности понять, вразумить шестнадцати—сем-

надцати-лѣтнему мальчику. Въ нашъ университетъ вступаетъ юноша шестнадцати лѣтъ, но онъ все рѣдко бываетъ зрѣлъ для слушанія профессорскихъ лекцій, и уже только съ третьяго курса начинаетъ развиваться, дѣлаться настоящимъ студентомъ. Слѣдовательно въ двадцать лѣтъ онъ можетъ едва быть хорошимъ кандидатомъ, но никакъ не магистромъ. Чѣмъ старше онъ вступаетъ, тѣмъ тверже идетъ и тѣмъ успѣшнѣе, лучше оканчиваетъ курсъ. Восемнадцать лѣтъ—вотъ настоящая пора вступленія. Принимаются иногда мальчики бойкіе, моложе шестнадцати лѣтъ, но такіе скороспѣлки оказываются вообще пустоцвѣтами, съ одною памятью. Второе мое замѣчаніе: въ Училищѣ соединяются гимназія и факультеты юридическіе. Воспитанники должны быть отдѣлены какъ можно явственнѣе, чтобъ они какъ будто переходили изъ отроческаго возраста и надѣвали toge virilem. Это наружное раздѣленіе важно. Старшій воспитанникъ долженъ считать себя какъ бы другимъ человѣкомъ: это студентъ, юристъ, а прежде онъ былъ школьникомъ, гимназистомъ; если такого раздѣленія не будетъ, то и кончалый воспитанникъ все еще будетъ оставаться школьникомъ, не смотря на пріобрѣтенныя познанія. Третье замѣчаніе о преподавателяхъ. Въ спискахъ я увидѣлъ тѣ же имена, что и въ другихъ Петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Училище должно заводить своихъ—по крайней мѣрѣ по временамъ, изъ казенныхъ своихъ воспитанниковъ, и пр.; посторонніе преподаватели, имѣя главныя обязанности въ другихъ мѣстахъ, не могутъ физически обращать надлежащаго вниманія на эти спеціальныя преподаванія. Вообще очень мудрено и тяжело читать по нѣскольку лекцій одинакихъ, не только что разныхъ. Въ первомъ случаѣ вторыя бываютъ всегда бездушнымъ повтореніемъ, въ послѣднемъ—хирургической душевной операціей: могу ли я, прочитавъ, напримѣръ, въ университетѣ лекцію о Норманахъ или Монголахъ, вдругъ перенестись въ міръ Петра I или Іоанна III? А что сказать еще о лекціяхъ на предметы разные. Одна только необходимость за-

ставляетъ рѣшаться на такія душевныя истязанія и приносить себя въ жертву, на разсѣченіе“.

Въ Петербургѣ Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе и князю А. Н. Голицыну. Въ ожиданіи Князя, онъ, проходя по его залѣ, „прочелъ новую Русскую Исторію, которая виситъ у него на стѣнахъ... со временъ Петра Великаго“. Для Погодина былъ интересенъ и самъ Князь, „вельможа, стоящій пятьдесятъ лѣтъ подлѣ престола, свидѣтель стольких государственныхъ событій“. Чрезъ своего пріятеля Загряжскаго, Погодинъ познакомился съ Ѳ. И. Прянишниковымъ, который „осыпалъ его ласками, вызвался дать рекомендательныя письма въ Лондонъ. Парижъ, Венецію, Геную, даже провожатаго почталіона до Варшавы“...

Много удовольствія доставили Погодину Московскіе студенты, которые служатъ въ Петербургѣ по всѣмъ департаментамъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, они всякій день собирались къ нему „почти толпами“, разсказать о своей службѣ, порадовать своими успѣхами, „и“, говоритъ Погодинъ, „почему же не похвастаться,—сказать мнѣ спасибо, которое для меня всего дороже. Здѣсь всѣ курсы, начиная съ 1826 года, которые я могъ различать теперь по чинамъ“..

Въ Петербургѣ Погодинъ не былъ года съ четыре и нашелъ „много новаго“. На площади передъ Зимнимъ Дворцомъ онъ взглянулъ на Александровскую колонну и былъ очень радъ увидѣть крестъ на ней. „Это“, говоритъ онъ, „символъ нашей Исторіи; самое образованіе наше имѣло всегда и должно имѣть всегда религіозный характеръ“. Жена Погодина получила воспитаніе въ Смольномъ Институтѣ, а потому онъ счелъ долгомъ посѣтить Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній; но тамъ ему не понравились „бѣлыя стѣны“. „Я люблю“, пишетъ онъ, „быть въ церкви среди сонма всѣхъ святыхъ, святителей, мучениковъ и учителей, и молиться съ ними вмѣстѣ, предъ ихъ очами, съ ихъ заступленіемъ, подъ ихъ покровительствомъ... Чтобъ иконостасъ, предъ алтаремъ, гдѣ Святая Святыхъ, представлялъ мнѣ всѣхъ апостоловъ, пророковъ, праотцевъ, бли-

жайшихъ къ Господу, посредниковъ между Имъ и слабымъ человѣчествомъ. Въ молитвенныхъ избахъ лютеранскихъ—иное дѣло: тамъ другой духъ исповѣданія и другой духъ исповѣдниковъ!“

Увидавъ первую въ Россіи желѣзную дорогу, Царскосельскую, Погодинъ вспомнилъ о Петрѣ Великомъ. „Что сказалъ бы, что почувствовалъ бы онъ, еслибъ какимъ-нибудь чудомъ очутился между нами“. На желѣзной дорогѣ Погодинъ встрѣтилъ какого-то господина, который недавно еще обошелся съ нимъ очень ласково въ Москвѣ, а здѣсь едва кивнулъ головою. „Такая“, замѣчаетъ Погодинъ, „перемѣна чрезъ полтора года! А представленія къ чинамъ и наградамъ бываютъ вѣдь не менѣе какъ черезъ два года! Петербургскіе люди съ каждымъ годомъ берутъ чиномъ выше и выше“.

Погодинъ заглядывалъ и въ театръ, гдѣ восхищался Тальони, но замѣтилъ: „нечего говорить мнѣ, сидячему профессору, что на шестьдесятъ тысячъ рублей, кои платитъ ей дирекція, можно бы выдать шестьдесятъ томовъ грамотъ, лѣтописей, изслѣдованій историческихъ, филологическихъ и всяческихъ. Всякій судитъ по своему. Но тѣмъ не менѣе Гитана и Дѣва Дуная „усладили“ нашему профессору два вечера. Погодинъ также посмотрѣлъ и на мадамъ Аланъ, въ „гадкой“, по его словамъ, Луизѣ Линьероль и пришелъ въ негодованіе. „Что можетъ быть отвратительнѣе“, пишетъ онъ, „этой дичи, которую смотрятъ однакожъ съ удовольствіемъ наши дѣвушки и дамы, разсуждающія о нравственности“! Но Михайловскій театръ, по словамъ Погодина—„прелесть“.

Наконецъ Погодинъ началъ собираться въ дальній путь и совѣтоваться съ разными лицами, какъ ѣхать до Варшавы. „По счастію“, пишетъ онъ, „пріѣхалъ изъ Константинополя мой старый товарищъ, сотрудникъ *Московскаго Вѣстника* В. П. Титовъ и предложилъ мнѣ свои сани“.

Погодину нашлись двѣ спутницы, дочери одного генерала, которыхъ чета Погодиныхъ взялась доставить до Варшавы.

XXVII.

8 января 1839 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву. При выѣздѣ, въ Измайловскомъ полку, карету его спутницъ лошади никакъ не могли стащить съ мѣста и Погодинъ любовался, глядя на солдатъ, „какъ они принялись ее обработывать". Наконецъ карета тронулась. Ѣхали мы, пишетъ Погодинъ „по царски. Сани наши—теплая просторная комната". Погодину было очень жаль, что не могъ взглянуть на Псковъ, и какъ издателю Псковской Лѣтописи ему не удалось поклониться Святыя Троицѣ. На пятый день наши путешественники доѣхали до Ковно, и Погодинъ вспоминалъ стихи Мицкевича о Ковенскихъ дубравахъ и находилъ, что Виленская губернія „похожа очень на Малороссію". Въ таможнѣ они были приняты „очень учтиво", чему Погодинъ, „являющійся съ непріятнымъ чувствомъ во всякое присутственное мѣсто", былъ очень радъ. Проѣзжая Нѣманъ, онъ вспомнилъ о Наполеонѣ. На другой день, ночью, пріѣхали они въ Варшаву и остановились въ гостинницѣ Вильнѣ. Во все это время были трескучіе морозы и наши путешественники надѣялись отдохнуть и отогрѣться, но ихъ привели въ большую, какъ сарай, нетопленую комнату, съ одинокими рамами, сквозь которыя дуло со всѣхъ сторонъ. Погодинъ хотѣлъ отправиться спать въ сани; но онѣ уѣхали. Наконецъ кое-какъ помѣстился на стульяхъ, не раздѣтый, въ шубѣ и шапкѣ, „проклиная полуобразованное варварство". Проснувшись, онъ спросилъ: „Нѣтъ ли здѣсь Русскихъ бань?" Ему сказали, что есть , и онъ поѣхалъ. „Чернѣе, гаже", замѣчаетъ онъ, „безобразнѣе, отвратительнѣе этой бани ничего вообразить нельзя". Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго; но вышло иначе и пять дней въ Варшавѣ Погодинъ провелъ прекрасно.

Генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи В. В. Погодинъ потребовалъ непремѣнно, чтобъ его однофамилецъ переѣхалъ къ нему. Ихъ помѣстили въ прекрасныхъ комнатахъ, съ Русскими печами и двойными рамами, имѣли столъ, прислугу,

экипажъ, и вдобавокъ — ложу въ театрѣ. Съ радушіемъ принялъ Погодина и военный губернаторъ С. П. Шиповъ и предложилъ ему всѣ средства сблизиться съ Варшавою. Наконецъ въ Варшавѣ Погодинъ пріобрѣлъ очень много пріятныхъ знакомствъ.

Первою своею обязанностью Погодинъ счелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе патріарху Словенскихъ филологовъ, сочинителю классическаго Польскаго Словаря Линде. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Линде показался Погодину очень бодрымъ и онъ засталъ его за выписками изъ Русскихъ книгъ. Множество картоновъ, наполненныхъ лоскутками, стояло предъ нимъ открытыхъ. Въ то время онъ занимался составленіемъ сравнительнаго словаря Русскаго и Польскаго, обращая вниманіе на Чешское и прочія Словенскія нарѣчія, а равно и на другіе древніе и новые языки, преимущественно Восточные. Сравнительный словарь, въ которомъ очевидно является сродство всѣхъ нарѣчій, „есть“, по замѣчанію Погодина, „дѣло политически важное, не только ученое. Мы должны бы заказать его, а къ нашему счастію первый Польскій ученый принимается за оное по собственному влеченію“.

Второе мѣсто между Варшавскими учеными принадлежало тогда Мацѣевскому, съ которымъ Погодинъ былъ уже знакомъ по письмамъ, чрезъ П. А. Муханова. Мацѣевскій принялъ Погодина „съ распростертыми объятіями“ и взялся быть его руководителемъ при осмотрѣ Варшавы. Съ того дня они были неразлучны и говорили много объ Исторіи Русской и Польской, о Галиціи, Польшѣ. „Какъ горько онъ сѣтуетъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „на революцію, которая остановила было развитіе. Какъ любитъ онъ свое Отечество. Онъ понимаетъ ясно положеніе Польши, и для блага ея желаетъ твердаго союза съ Россіей“. Въ то время Мацѣевскій напечаталъ *Памятники*, которые служатъ дополненіемъ отчасти къ его *Исторіи Законодательствъ Словенскихъ*. Здѣсь примѣчательно его разсужденіе о введеніи Христіанской вѣры къ Словенамъ, гдѣ онъ доказываетъ, что *всѣ* Словене получили оную перво-

начально отъ Грековъ... Мацѣевскій сообщилъ Погодину объ иконѣ Божіей Матери, найденной въ какой-то языческой могилѣ близъ Олавы въ Силезіи, гдѣ былъ городокъ Смогоржевъ, съ епископомъ Греческимъ, принадлежавшій къ архіепископіи Меѳодія; на иконѣ надпись Кирилловскими буквами: I.С.Х.С. Мацѣевскій познакомилъ Погодина съ другими Польскими учеными, Бентковскимъ, который писалъ Исторію Польской литературы, далѣе съ Крыжановскимъ, въ то время трудившимся надъ біографіею Коперника.

С. П. Шиповъ, занимавшій въ то время въ Варшавѣ и мѣсто министра народнаго просвѣщенія, желалъ непремѣнно, чтобы Погодинъ осмотрѣлъ здѣшнія учебныя заведенія. Цѣлое утро было посвящено имъ на это обозрѣніе. Погодинъ нашелъ, что успѣхи учениковъ въ Русскомъ языкѣ были „удивительные". И это—заслуга Шипова. „Языкъ", пишетъ Погодинъ, „долженъ быть посредникомъ между Поляками и Русскими: мы будемъ учиться по Польски, Поляки будутъ учиться по Русски,—и такимъ образомъ сознавать яснѣе и яснѣе свое родство и братство". Погодинъ передалъ С. П. Шипову „свою радость и удивленіе", но вмѣстѣ и сожалѣніе, что Польская Исторія не преподается отдѣльно, а вмѣстѣ съ Всеобщею, и что Польскому языку посвящено мало часовъ, особенно въ высшихъ классахъ. „Польская Исторія", замѣчаетъ Погодинъ, „безпристрастная, истинная, подробная, есть самая вѣрная союзница Россіи, такая союзница, которая можетъ принести намъ пользы больше пяти крѣпостей! Вмѣстѣ съ Польскою и Русскою Исторіею, Погодинъ находитъ необходимымъ преподаваніе и Словенской Исторіи. „Изъ нея", говоритъ онъ, „Поляки увидятъ, какъ искони раздоръ и несогласіе губили всѣ Словенскія государства и подвергли наконецъ ихъ игу иноплеменныхъ".

Находя мысль уничтожить какой-нибудь языкъ „нелѣпою", Погодинъ еще въ 1839 году уповалъ, что Русскій языкъ, заключающій въ себѣ столько свойствъ общихъ Словенскимъ нарѣчіямъ порознь, что онъ „рано или поздно сдѣлается пись-

меннымъ Словенскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было на нѣсколько времени Болгарское нарѣчіе, или на Западѣ Латинское. Всѣ нарѣчія принесутъ ему дань своими словами, оборотами и формами; и слѣдовательно", продолжаетъ Погодинъ, „скажу я какъ Русскій филологъ, не надо сушить Оку и Каму, которыя непремѣнно упадутъ въ Волгу".

С П. Шиповъ пригласилъ Погодина къ себѣ на балъ, на который съѣхалось все Польское высокое шляхетство. Балъ былъ открытъ Намѣстникомъ Царства Польскаго съ супругою хозяина. Погодинъ услышалъ нѣкоторыя знаменитыя Польскія фамиліи и познакомился съ графомъ Грабовскимъ, министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, бывшемъ при императорѣ Александрѣ. Они разговорились о Словенахъ и Грабовскій удивилъ Погодина знаніемъ всѣхъ классическихъ свидѣтельствъ о древнихъ народахъ, считаемыхъ въ родствѣ съ ними. Изъ Птоломея, Іорнанда, Прокопія, Грабовскій цитировалъ мѣста, какъ изъ вчера прочитанной книги. „Впрочемъ", замѣчаетъ Погодинъ, „Польскіе вельможи искони отличаются любовію къ наукамъ, и преимущественно къ отечественной исторіи". С. П. Шиповъ говорилъ о Погодинѣ Намѣстнику, который пожелалъ его видѣть. На другой день Погодинъ получилъ приказаніе явиться къ его свѣтлости, въ старинный замокъ надъ Вислой.

„Князь Паскевичъ", свидѣтельствуетъ Погодинъ „живетъ очень просто. Послѣ швейцара у лѣстницы, я прошелъ нѣсколько комнатъ, не встрѣтивъ ни одного человѣка, комнаты не отличаются никакимъ убранствомъ. Въ пріемной стояли трое военныхъ, которые между собою разговаривали. Смиренный фракъ я пробрался къ печкѣ, и сталъ дожидаться,—а потомъ мысль *стезей привычною пошла*, и я задумался о Польской Исторіи"... Черезъ полчаса явился Фельдмаршалъ. Военные подошли съ своими рапортами. Онъ началъ читать у окна, „и", пишетъ Погодинъ, „замѣтивъ нечаянно стоящую вдали незнакомую фигуру, далъ знакъ одному офицеру, чтобъ узналъ, чего онъ хочетъ". Когда Погодинъ сказалъ

свое имя подошедшему къ нему офицеру, то тотчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ. Фельдмаршалъ началъ разспрашивать о его путешествіи и цѣли его, потомъ о занятіяхъ его, о Русской Исторіи, наконецъ рѣчь обратилась на Словенъ. Погодинъ принесъ жалобу Фельдмаршалу на недостатокъ Русскихъ книгъ въ Варшавѣ и затрудненіе сообщеній между Варшавскими и Московскими учеными, и Князь „съ величайшей благосклонностію" позволилъ Погодину присылать сюда книги на его имя.

Погодинъ посѣтилъ также архіепископа Варшавскаго Антонія и бесѣдовалъ съ нимъ о состояніи простаго народа и о православномъ духовенствѣ въ Западныхъ губерніяхъ.

Варшава, по замѣчанію Погодина, „не заключаетъ въ себѣ никакихъ древностей; предметы Новой Исторіи здѣсь интереснѣе".

Среди обозрѣній, посѣщеній, представленій, Погодинъ не замѣтилъ, какъ пролетѣло время, и подоспѣла суббота, 22 января 1839 года, день отхода дилижанса въ Калишъ.

XXVIII.

Дорогою у Погодина завязался разговоръ съ одною Польскою дамою „слово за слово" и дошелъ до Польской революціи. Она описала Погодину ее такъ живо, съ такими любопытными подробностями, анекдотами, что онъ „весь претворился во вниманіе: слушалъ ее, и наблюдалъ". „Такого краснорѣчія", замѣчаетъ Погодинъ, „легкаго, убѣдительнаго, очаровательнаго я не слыхалъ никогда изъ устъ женщины". По описанію Погодина, собою эта дама была „когда-то прекрасна, но время и горести провели глубокія морщины по ея прелестному лицу". Кромѣ того спутница Погодина дала ему ясное понятіе вообще о Польскихъ женщинахъ, „кои", замѣчаетъ онъ, „играютъ такую высокую роль въ Польской Исторіи, возвышаются часто надъ мужчинами". Погодинъ остался очень доволенъ этою встрѣчею и этою бесѣдою. „Одно такое утро",

пишетъ онъ, „одинъ такой разговоръ, трепещущій жизнію, проливаетъ много свѣта на Исторію". Выслушавъ „прелестную спутницу", Погодинъ началъ дѣлать ей замѣчанія, „исподоволь, съ умѣренностію, безъ пристрастія", и она какъ будто утомленная слушала его внимательно, отвѣчая съ томностію: *да, конечно,* это *правда*". Но Погодинъ видѣлъ по глазамъ ея, что она говоритъ про себя, какъ Пушкинъ:

И съ отвращеніемъ, читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Съ плѣнившею его дамою Погодинъ началъ говорить о Словенствѣ, „и лицо ея стало повеселѣе". Наконецъ разговоръ коснулся положенія этой дамы. У нея оказался сынъ, съ которымъ она не знаетъ, что дѣлать. Погодинъ предложилъ ей свои услуги, если бы ей вздумалось прислать его въ Московскій Университетъ. При этомъ онъ сказалъ ей: „Богъ, руками и устами Исторіи, велитъ братьямъ жить вмѣстѣ,—повѣрьте, что Русскіе достойны вашей дружбы; а что касается до насъ, профессоровъ, то мы по указаніямъ просвѣщеннаго начальства, стараемся всѣми силами доказать Польскимъ нашимъ воспитанникамъ, что между ними и Русскими нѣтъ никакого различія, и служимъ имъ всѣмъ, чѣмъ можемъ". На половинѣ дороги до Калиша онъ разстался съ своей спутницей и „разстались друзьями".

Оставшись одинъ, Погодинъ погрузился въ размышленія обо всей Польской Исторіи, обо всемъ Польскомъ народѣ. „Сеймики", думалъ онъ, „вотъ ихъ жизнь, ихъ любимое занятіе... Говорить, толковать, умничать—вотъ ихъ страсть...

Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.

Это эпиграфъ всей Польской Исторіи".

Раннимъ утромъ, 9 февраля 1839 года, въѣхалъ Погодинъ, въ древній Словенскій Врацлавъ, который нынѣ называется Бреслау, а у насъ Бреславль. По пріѣздѣ, тотчасъ

же отправился отыскивать Пуркине, представителя Словенства въ этой онѣмеченной странѣ. Пуркине не было дома и Погодина принялъ ученикъ его Гильдебрантъ, который чрезъ микроскопъ производилъ наблюденія надъ нервами глаза. Въ ожиданіи Пуркине, Погодинъ съ нимъ разговорился и между прочимъ о состояніи ученыхъ въ Германіи, на трудность получать мѣста. Гильдебрантъ „разинулъ ротъ", когда услышалъ отъ Погодина, что его товарищи Русскіе получаютъ теперь въ Москвѣ и Петербургѣ по десяти и двадцати тысячъ ежегоднаго дохода и жалованья. „Признаюсь", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „въ эту минуту, смотря на трудолюбиваго и ученаго доктора, я пожелалъ своимъ соотечественникамъ, да *не отолстѣетъ сердце ихъ* Не такъ легко достается въ Германіи не только богатство и слава, даже хлѣбъ насущный! Подайте примѣръ молодые ученые, хоть бы жить умѣреннѣе, соразмѣрно съ доходами,—чего не понимаютъ ни наши купцы, ни наши подъячіе, ни даже дворяне мелкопомѣстные, ни, но *чтобъ гусей не раздразнить*, не понимаютъ, разоряются, и принуждены бываютъ прибѣгать къ средствамъ насильственнымъ, притѣсненіямъ, выжиманіямъ"... За этими размышленіями засталъ Погодина, возвратившійся домой, Пуркине, который принялъ его „какъ истинный словенинъ, съ распростертыми объятіями; осыпалъ вопросами и оставилъ обѣдать".

Пуркине, занимающій каѳедру Анатоміи и Физіологіи въ Бреславльскомъ университетѣ, былъ тогда лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ и, по замѣчанію Погодина, былъ „совершенно свѣжъ и здоровъ, прекрасной, почтенной наружности, очень простъ и откровененъ въ обращеніи". Разговоръ между ними начался о Словенахъ, и прежде всего о Русскихъ. Погодину было очень радостно услышать какъ высоко Пуркине ставитъ въ ряду Европейскихъ Русскую Литературу, которой, замѣчаетъ Погодинъ, „даже существованіе отвергаютъ нѣкоторые наши ученые". Погодинъ съ почтеніемъ смотрѣлъ на достойнаго мужа, и принималъ къ сердцу слова его. „Вотъ",

замѣчаетъ онъ, „лучшія явленія нашего времени, гадкаго, своекорыстнаго, разсчетливаго, формальнаго! И гдѣ искать ихъ надо? На чердакахъ, въ подземельяхъ"... Пуркине занимаетъ четыре комнаты, изъ коихъ двѣ не топятся зимою и запираются, а въ остальныхъ двухъ онъ помѣщается съ семействомъ, „дѣлаетъ наблюденія надъ природою, и мечтаетъ о счастіи своего племени и всего рода человѣческаго". Пуркине просилъ Погодина издать Русскую Христоматію Латинскими буквами для облегченія начинающихъ учиться по-Русски. Но Погодинъ съ этимъ никакъ не согласился и замѣтилъ, что Петръ I, могъ ввести къ намъ Латинскія буквы, „но слава Богу, что это не пришло ему въ голову. Напротивъ, всѣ Словене должны наслѣдовать буквы Кириловскія, даръ своихъ безсмертныхъ Апостоловъ". Занятія Словенскою литературою есть у Пуркине только отдыхъ, удовольствіе, утѣшеніе; главный предметъ его—Естественныя науки, въ коихъ онъ пріобрѣлъ Европейскую знаменитость. Гете, занимаясь тѣмъ же предметомъ, содѣйствовалъ много его первой славѣ. Два маленькіе сына Пуркине удивили Погодина своими свѣдѣніями по Естественной Исторіи...

Возвратившись домой, Погодинъ занялся съ трактирщикомъ и разспрашивалъ его о здѣшнихъ цѣнахъ и просилъ его, чтобы онъ сообщилъ ему „по совѣсти, сколько надо давать вообще прислужникамъ на водку, чтобъ было не слишкомъ мало, не слишкомъ много". Остальную часть вечера Погодинъ продумалъ о Словенахъ и замѣтилъ, что „понятія о Словенахъ вообще очищаются у него: чтобъ судить вѣрно, надо видѣть все самому, надо переслушать много людей съ разными взглядами"!

На другой день Пуркине посѣтилъ Погодина и они отправились осматривать городъ. Прежде всего Пуркине повелъ нашего путешественника въ Общество для Отечественной Исторіи. „Кто же здѣсь занимается Словенскими Древностями"? спросилъ Погодинъ. „Никто", отвѣтилъ Пуркине. „Но какая

же Отечественная Исторія“? „Нѣмецкая. Заниматься Словенскою Исторіей принадлежитъ здѣсь даже къ дурному тону“. „Да“, замѣтилъ Погодинъ, „Силезія онѣмечилась почти совсѣмъ какъ Померанія и другія Сѣверныя страны“. На обсерваторіи Погодинъ восхищался астрономическими часами, которыхъ устройство объяснилъ ему профессоръ Богуславскій, не знающій ни одного Словенскаго слова! Здѣсь, „отъ лица Перевощикова“, Погодинъ „приложился къ квадранту Кеплера“. Самъ Богуславскій, „въ ученомъ костюмѣ, то-есть безъ галстука, съ длинными всклокоченными волосами, весь въ пыли, одинъ одинехонекъ на вершинѣ высокаго университетскаго зданія былъ для Погодина очень занимателенъ, какъ вѣрный образъ Нѣмецкаго ученаго, который отдѣлился отъ земли, и живетъ одинъ въ своемъ особомъ мірѣ“. За тѣмъ Погодинъ осмотрѣлъ биржевыя залы, заѣхалъ въ соборъ, взглянулъ на монументъ Блюхера, который здѣсь родился, обошелъ университетскія залы въ древнемъ іезуитскомъ зданіи и послѣ обѣда у Пуркине, отправился въ Музей, гдѣ хотѣлось ему увидѣть образокъ Божіей Матери, о которомъ ему говорилъ Мацѣевскій въ Варшавѣ. Но оказалось, что это „наша Казанская, отнюдь не древній“. Изъ Музея зашли къ Штенцелю, который, замѣчаетъ Погодинъ, „хоть и нѣмецъ въ душѣ, оказалъ важную услугу словенофиламъ изданіемъ свидѣтельствъ и документовъ для Исторіи городовъ Силезскихъ, написалъ Исторію Пруссіи, но не застали его дома. Вечеръ Погодинъ провелъ съ Пуркине и наконецъ „простились друзьями“. „О, еслибъ“, мечталъ Погодинъ, „можно было пріобрѣсть его для Россіи! А онъ вѣрно былъ бы радъ“.

Между тѣмъ домашніе Погодина „взманили на покупку, подославъ какого-то проворнаго купчика: такой сюртукъ принесъ онъ ему, что чудо. Фасонъ на всю жизнь; жилетку принесъ—съ длинную куртку. Шляпа съ полями, какъ будто съ зонтикомъ. Однимъ словомъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „я сталъ профессоромъ съ перваго взгляда! Достопочтенная Нѣмецкая земля!“

11 февраля 1839 года, Погодинъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился въ Глацъ. По его замѣчанію, „Прусская почта устроена превосходно и ѣдешь по-барски. Дорога прекрасная. Задержки нигдѣ... Поля всѣ воздѣланы. Ѣдешь, какъ по саду. Вездѣ видна забота, попеченіе. Не даромъ Фридрихъ Великій хлопоталъ такъ о Силезіи. Силезія есть Польская область, заселена чистыми Поляками, какъ Галиція чистыми Русскими“.

Постояннымъ спутникомъ Погодина до Глаца былъ учитель тамошней гимназіи, съ которымъ онъ пустился въ разговоръ. „Нѣмецкихъ учителей“, замѣчаетъ Погодинъ, „нельзя сравнивать съ нашими: нужды ихъ несравненно меньше; жить у нихъ гораздо дешевле; учебныя пособія и средства всѣ подъ руками. Въ самомъ послѣднемъ городишкѣ есть публичная библіотека, есть книжная лавка, есть ученое образованное общество. Кого найдетъ нашъ учитель въ уѣздномъ городѣ? А на бѣду и съ своими товарищами онъ не умѣетъ жить въ ладу. Не говорю уже о протопопѣ, о уѣздномъ лекарѣ!“ Дорогою Погодинъ услышалъ объ отвѣтѣ Неандера, котораго спрашивало Прусское Правительство, позволить или запретить Штраусову книгу: „что наука предлагаетъ, то наука и опровергать должна, а не другое оружіе“. „Но обыкновенные читатели“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „не читая книги, могутъ уцѣпиться только за результаты. Такъ случалось часто. Вотъ въ чемъ бѣда!“ Въ Франкенштейнѣ Погодину пріятно было взглянуть на почтеннаго сѣдовласаго пастора, который возвращался домой съ своей нивы въ сопровожденіи служителя. „Какъ хорошо живутъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „Нѣмецкіе пасторы! Въ какомъ довольствѣ и обиліи! Сполна могутъ они посвятить себя заботамъ о нравственномъ и религіозномъ состояніи своихъ прихожанъ“.

Проѣхавъ Глацъ, наши путешественники достигли Австрійской границы и 13 февраля пріѣхали въ Падебрадъ и въ тотъ же день „на клячахъ“ дотащились до Праги.

XXIX.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ возбудилъ неудовольствіе Шафарика напечатаніемъ его писемъ. Узнавъ объ этомъ, Погодинъ былъ „пораженъ, какъ громовымъ ударомъ"... „Тѣмъ тяжелѣе былъ для меня этотъ ударъ", пишетъ онъ, „что я, достигнувъ своей цѣли, восхищался мыслью о свиданіи съ Шафарикомъ, и имѣлъ право судить себѣ радость... Такъ невѣрно все человѣческое. Такъ въ самомъ святомъ, въ самомъ высокомъ мы принуждены бываемъ вспоминать, что мы на землѣ". Съ такими горестными чувствами въѣхалъ Погодинъ 13 февраля 1839 года въ Прагу. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ „бѣгомъ побѣжалъ" къ Шафарику и засталъ его сидящимъ въ кругу своего семейства, „какъ древній патріархъ, кончивъ вечернюю трапезу". Обниманіямъ и разспросамъ не было конца. Какъ будто ничего и не было между ними. „Ну, что пѣсни Кирѣевскаго, что каталогъ Востокова?" Это были первые литературные вопросы со стороны Шафарика. Съ своей стороны Погодинъ спрашивалъ: „Ну что ваша карта Словенъ? Что Юнгманъ? Что Исторія Палацкаго?" Около полуночи возвращаясь отъ Шафарика домой, Погодинъ уже мечталъ: о „наступленіи новой эпохи въ Исторіи человѣчества. Cedant arma togae!".

На другой же день утромъ Шафарикъ посѣтилъ Погодина. Появленіе Актовъ Археографической Коммиссіи занимало Шафарика столько же, какъ и Кирилловскій букварь, напечатанный въ Молдавіи, или Новый Завѣтъ въ Смирнѣ, или Лузацкая грамматика. Затѣмъ Погодинъ исполнилъ возложенное на него Министромъ Народнаго Просвѣщенія порученіе и вручилъ Шафарику и Ганкѣ вспомоществованіе отъ Русскаго Правительства. Извѣстясь объ этомъ, Уваровъ доложилъ Государю: „Я получилъ отъ Погодина донесеніе объ исполненіи возложеннаго на него порученія. По словамъ Погодина, щедроты Вашего Императорскаго Величества дали Шафарику и Ганкѣ жизни на два года. Къ сему считаю обязанностью всеподдан-

нѣйше присовокупить, что Погодинъ исполнилъ свое порученіе съ должною осмотрительностью, и можно полагать, что оно не сдѣлалось никому извѣстнымъ и не возбудило вниманіе Австрійскаго Правительства".

Въ Національномъ Музеумѣ Погодинъ встрѣтилъ товарища Гоголя, Лукашевича, который путешествовалъ по Словенскимъ Землямъ и изучалъ нарѣчія. Лукашевичъ былъ занимателенъ для Погодина съ другой стороны: „Онъ", говоритъ Погодинъ, „почти помѣшанъ на любви къ Малороссіи, и горько скорбѣлъ о состояніи козаковъ, которые лишаются теперь какихъ-то правъ своихъ... Для меня", продолжаетъ Погодинъ, „каюсь въ холодности, любопытнѣе было бы услышать отъ него оригинальныя мысли о происхожденіи козаковъ отъ дѣтей боярскихъ древняго времени".

Вмѣстѣ съ Шафарикомъ Погодинъ посѣтилъ Юнгмана поклониться его beatae senectuti. „Юнгманъ", замѣчаетъ Погодинъ, „совершенный Іаковъ среди возрождающагося Чешскаго племени. Онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ Австрійскаго правительства, и вполнѣ заслуживаетъ оное, давая благое, мирное направленіе кипящей юности". По поводу колоссальнаго Юнгманова Словаря Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ такъ это труды! Время академій прошло. Теперь одинъ человѣкъ,— дайте ему только средства, — сдѣлаетъ академическое дѣло скорѣе, удобнѣе, полезнѣе, чѣмъ прежде цѣлое общество".

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Праги Погодинъ провелъ вечеръ у одного доктора въ обществѣ представителей почти всѣхъ Словенскихъ племенъ: словакъ—Шафарикъ, чехъ—Челаковскій, полякъ—Цыбульскій, малороссіянинъ—Лукашевичъ; были также моравецъ и сербъ. Каждый говорилъ на своемъ нарѣчіи, и всѣ понимали другъ друга. „Это была такая бесѣда", пишетъ Погодинъ, „какой позавидовали бы и Греческіе боги. Сколько чувствъ и мыслей возбуждало то или другое произнесенное имя! О, какимъ нектаромъ и амврозіей казались мнѣ домашняя ветчина и простое горькое пиво, коимъ хозяинъ, въ духѣ древняго патріархальнаго гостепріимства,

обносилъ безпрестанно гостей, не давая отдыха". Zdrawie milaho gostja, воскликнулъ Шафарикъ, и всѣ обратились къ Погодину. „Это", пишетъ онъ, „была сладкая минута въ моей жизни и вознаградила меня сторицею за то, что я терпѣлъ въ своей жизни и терплю". Потомъ выпили за здоровье Линде, Юнгмана, Шафарика, Колара, въ память Добровскаго. Поздно вечеромъ Погодинъ вернулся домой.

16 февраля 1839 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Праги и по совѣту Шафарика отправился въ Вѣну.

Проѣзжая по Богеміи, Погодинъ замѣтилъ: страна плодоносная и богатая всѣми произведеніями природы. Промышленность процвѣтаетъ. Всѣ города съ четыреугольными площадями по срединѣ, какъ въ Силезіи, Галиціи, Моравіи. Но Словенство за то чистое остается только въ деревняхъ. Города чѣмъ больше и значительнѣе, тѣмъ менѣе заключаютъ въ себѣ Словенскаго, и тѣмъ сильнѣе подчиняются началу Нѣмецкому. Столичный городъ Прага есть уже Нѣмецкій городъ. По-Чешски говорятъ одни простолюдины. Дворянство онѣмечилось совершенно. Среднее состояніе также поддѣлывается подъ Нѣмецкій ладъ и стыдится говорить по-Чешски... Только ученое сословіе, нѣсколько духовныхъ лицъ, преданы своему древнему Отечеству, своему родному языку. Въ послѣднее время началась реакція, и въ высшемъ сословіи есть уже лица, которыя возвращаются къ національности. Въ Университетѣ, древнѣйшемъ въ Европѣ, всѣ науки преподаются по-Нѣмецки. Для Чешской Литературы одна каѳедра, и та всегда въ рукахъ посредственностей. Въ военной службѣ нельзя сдѣлаться капраломъ, не знавъ по-Нѣмецки. Духовныя заведенія въ рукахъ католическаго духовенства... „Но теперь", продолжаетъ Погодинъ, „духъ, стѣсненный внутри въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, начинаетъ обнаруживаться сильнѣе и сильнѣе... Австрійское Правительство, надо отдать честь ему, поступаетъ умѣренно, великодушно, и не препятствуетъ болѣе національному развитію, хотя и не находитъ для себя выгоднымъ, чего нельзя требовать, ему содѣйствовать, или ускорять.

18 февраля 1839 года Погодинъ пріѣхалъ въ Вѣну. Отдохнувъ, онъ отправился къ нашему священнику Гавріилу Тихановичу Меглицкому и въ тотъ же день обозрѣлъ галлерею Эстергази; а на другой день отправился къ Св. Стефану, у котораго глава на самой высокой башнѣ въ то время треснула. „Говорятъ“, пишетъ Погодинъ, „это зловѣщее предзнаменованіе для Австрійскаго дома, котораго царствованіе современно Стефановой башни. Богъ милостивъ!“ Внутренность собора не пришлась по душѣ Погодину. „Какое сравненіе“, пишетъ онъ, „съ нашимъ Успенскимъ Соборомъ, гдѣ тотчасъ почувствуешь, что становишься передъ лицо Божіе! Таинственный сумракъ, горящія свѣчи предъ образами, иконостасъ, закрывающій Святая Святыхъ алтаря, гдѣ за царскими дверьми жертва тайная совершается... А согласное пѣніе двухъ живыхъ ликовъ, вмѣсто звуковъ мертваго органа! А величественное архіерейское служеніе“...

Въ гостинницѣ, за обѣдомъ, Погодина заинтересовалъ разговоръ трехъ Французовъ объ Австріи. И это погрузило его въ размышленія объ Австріи, съ которою познакомился порядочно, „проѣхавъ ее разъ шесть во всѣхъ направленіяхъ“.

Живучи въ Вѣнѣ, Погодинъ счелъ долгомъ посѣтить Словенскихъ ученыхъ и началъ съ Вука, котораго засталъ въ тѣхъ же „каморкахъ“, какъ и въ 1835 году; первая комната есть кухня, во второй онъ, „Словенская знаменитость нашего времени, писатель, принесшій величайшую пользу всему Словенскому міру своими изысканіями, изданіями, путешествіями, сидитъ съ деревянной ногою, въ усахъ, въ красной Сербской ермолкѣ, за люлькою, и качаетъ дитя“. Грустно было Погодину взглянуть на этого заслуженнаго человѣка въ такой бѣдности. Потолковали о Сербіи, гдѣ все еще „грубо, жестко, дико, необразованно, гдѣ человѣкъ ходитъ съ кинжаломъ“.

Погодинъ посѣтилъ также и Копитара, которому принадлежало первое мѣсто между Словенскими учеными. „Копитаръ“, пишетъ Погодинъ, „не раздѣляетъ Словенскихъ восторговъ,

не вѣритъ никакой лучшей будущности для Словенскаго народа, выражаетъ рѣзко свое мнѣніе, и потому подвергается разнымъ подозрѣніямъ"; но Погодинъ не вѣритъ имъ потому, что Копитаръ „любитъ Словенскій языкъ, занимается имъ безпрестанно, и принимаетъ живое участіе во всякомъ новомъ открытіи". Къ его характеристикѣ Погодинъ прибавляетъ, что онъ „пылкій католикъ въ душѣ, и имѣетъ нѣчто Вольтеровское, саркастическое, во взглядѣ на предметы". Погодинъ сожалѣетъ, что такой знаменитый Словенинъ „находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ своимъ единоплеменникамъ, и встрѣчаетъ насмѣшками и недовѣрчивостью всѣ самыя радостныя для нихъ явленія".

Посѣтивъ нашего священника Г. Т. Меглицкаго, Погодинъ встрѣтился тамъ съ двумя молодыми Словаками, которые сказали ему, что многіе студенты Вѣнскаго Университета собираются къ нему. „Я испугался", сознается Погодинъ, „и попросилъ назначить имъ разные часы, — иначе полиція возымѣетъ, пожалуй, какія-нибудь подозрѣнія, придумаетъ какія-нибудь политическія цѣли, которыхъ оборони насъ Боже, и хлопотъ не оберешься".

На другой же день начали къ Погодину находить Словенскіе студенты, человѣкъ десять. Погодину „стало не по себѣ" и, поговоривъ немного, онъ попросилъ гостей прочесть *Отче нашъ* на всѣхъ нарѣчіяхъ, и распростился съ ними, сказавъ, что у него нѣтъ времени. Вмѣстѣ съ студентами приходилъ къ Погодину и Вукъ, который согласился уступить ему нѣсколько старопечатныхъ Венеціанскихъ изданій. По замѣчанію Погодина, „эти изданія можетъ употребить съ большею пользою наша Церковь въ состязаніяхъ съ старообрядцами, потому что онѣ, печатанныя въ началѣ и срединѣ XVI вѣка, заключаютъ въ себѣ очень много такъ-называемыхъ Никоновскихъ исправленій, и подтверждаютъ оныя".

Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ Погодинъ довольно усердно посѣщалъ театры и кондитерскія и по этому по-

воду замѣтилъ: „препріятную чувственную жизнь ведутъ Вѣнцы, а за ними и ихъ гости путешественники“.

XXX.

23 февраля 1839 года изъ Вѣны Погодинъ направился въ Тріестъ. Выѣхавъ изъ столицы Австрійской имперіи, онъ замѣтилъ: „Мы только-что изъ Вѣны, а опять уже въ Словенской землѣ, въ Стейермаркѣ, т.-е. Стиріи, которая такъ называется отъ города Стиры... Стирами называются многія рѣки въ Словенскихъ земляхъ. Весь верхній Стейермаркъ совершенно онѣмеченъ, какъ Померанія у Пруссаковъ, или Мекленбургъ“. Цѣлый день ѣхали наши путешественники, окруженные со всѣхъ сторонъ утесами и горами. „Нельзя описать“, пишетъ Погодинъ, „этого чувства, какъ хочется на поле, на свободу къ небесамъ“. Поздно вечеромъ пріѣхали въ Грацъ, т.-е. Градецъ, главный городъ нижняго Стейермарка. Страна же за Грацомъ до Тріеста и до Адріатическаго моря чисто Словенская. „Стирское нарѣчіе“, замѣчаетъ Погодинъ, „одинакое съ Краинскимъ и Корушскимъ, принадлежитъ къ тому, которое мы называли Сербскимъ, и которое теперь получило названіе *Иллирійскаго*“. На другой день Погодинъ пріѣхалъ въ Лайбахъ и здѣсь „отвелъ душу“, поговоря съ лон-лакеемъ изъ Крайна; а 25 февраля пріѣхалъ въ Тріестъ. Остановились въ Locando grande, гдѣ былъ убитъ Винкельманъ. Дождь засадилъ Погодина въ комнату, и онъ на досугѣ занялся древностями и размышленіемъ о Словенахъ и объ ихъ будущности. „Главное и первое“, замѣчаетъ Погодинъ, „они должны узнать себя. Теперь они только масса, но если эта масса одушевится, если жизнь проникнетъ во всѣ одеревенѣлыя части! Великое назначеніе, святое дѣло,—возбуждать жизнь, возстановлять человѣческое достоинство“.

Какъ только погода нѣсколько разгулялась, Погодинъ отправился бродить по городу совершенно „итальянскій на взглядъ“. Только колоссальныя Далматинцы въ національныхъ

костюмахъ, по замѣчанію Погодина, „напоминаютъ о Словенскомъ сосѣдствѣ. Что за народъ! какъ будто изъ миѳологіи. Сколько силы, ума, жизни, на этихъ лицахъ". По рекомендаціи Копитара, Погодинъ въ Тріестѣ отыскалъ Сербскаго учителя Владиславовича. „Премилый, преобразованный", пишетъ Погодинъ, „Европейскій человѣкъ, а живетъ въ каморкѣ подлѣ своего класса, за тѣсной Греческой церковью, помѣщаемой въ томъ же домѣ. Эта Словенская школа содержится частными приношеніями". Погодинъ обошелъ школу, гдѣ, по его замѣчанію, „какъ въ лампадкѣ, теплится Словенскій духъ и поддерживается чуть-чуть, чтобъ не погаснулъ". Погодинъ спросилъ Владиславовича, почему не ѣдетъ онъ въ Сербію. „Нѣтъ", отвѣчалъ онъ со вздохомъ, „тамъ нечего еще дѣлать съ образованіемъ".

Въ Тріестѣ Погодинъ слышалъ много похвалъ Австрійскому правительству, которое „дѣйствуетъ вообще кротко и справедливо, и потому только развѣ подвергается нареканію, что мало заботится о просвѣщеніи Словенъ, т.-е. простого народа. Но кто же въ Европейскихъ государствахъ о немъ заботится!" Австрійцы, пишетъ Погодинъ, „покровительствуютъ Тріесту въ ущербъ Венеціи".

Передъ отъѣздомъ изъ Тріеста весь вечеръ Погодинъ гулялъ съ Владиславовичемъ „при свѣтѣ луны по гавани, которая кипѣла жизнію".

26 февраля 1839, въ 11 часовъ вечера Погодинъ сѣлъ на пароходъ и поплылъ въ Венецію.

До зари онъ вышелъ на палубу и любовался моремъ, небомъ и мѣсяцемъ. Вотъ начинаетъ алѣть заря, вотъ поднимается и солнце... А вотъ изъ глубины возстаетъ и Венеція— „Венеція", пишетъ Погодинъ, „любовница морей, какъ Венера изъ морской пѣны. Вѣрно это сравненіе сдѣлано сто разъ. Приближался въ какомъ-то недоумѣніи: душа, будто запертая, не имѣетъ силы вырваться, обрадоваться, развернуться,—и молчитъ, не смѣетъ шевельнуться".

Погодинъ приплылъ въ Венецію 27 февраля 1839 года.

Остановился въ гостинницѣ Даніели, на берегу моря. По мраморнымъ лѣстницамъ, чрезъ огромныя залы, увѣшанныя картинами, въ раззолоченныхъ рамахъ, Погодинъ „добрался до своей каморки, чуть не тюремной, окнами на дворъ. И за эту сибирку не берутъ меньше пяти франковъ въ день. Спросилъ кофе, ждалъ больше часу, и наконецъ получилъ какихъ-то помой, а надо заплатить три франка!“ и все въ этомъ родѣ. „Да это просто ужасъ“, восклицаетъ Погодинъ, „насъ ограбятъ, да и только, особенно безъ языка“.

Кое-какъ устроившись, Погодинъ отправился на площадь Св. Марка. „Это“, пишетъ онъ, „зала подъ открытымъ небомъ... Цѣлый часъ не могли мы сойти съ этой площади, и ходили кругомъ, не опомнясь...“

Подъ руководствомъ одного тирольца Погодинъ началъ обозрѣніе достопримѣчательностей. Прежде всего онъ пошелъ въ соборъ Св. Марка. „Величественно“, пишетъ онъ, „но взоръ искалъ напрасно алтаря... Множество памятниковъ, которые такъ и охватятъ тебя древностію, древностію Греческою, Византійскою. Мозаики точь въ точь Софійскія въ Кіевѣ“. Вспомнивъ свои споры съ скептиками о достовѣрности Древней Русской Исторіи, Погодинъ пишетъ: „Никакъ не могу не вспомнить о нашихъ нелѣпыхъ скептикахъ, которые въ чужихъ краяхъ возбуждаютъ во мнѣ негодованіе еще болѣе, чѣмъ дома. Ну, когда могли мы получить эти мозаики? Не при Монголахъ, не при Полякахъ, при которыхъ всѣ церкви запустѣли!“ Кромѣ того Погодинъ выражаетъ сожалѣніе, что наши архитекторы „оставляютъ Греческій родъ украшенія и гоняются за западнымъ“.

Изъ собора на гондолѣ Погодинъ поѣхалъ въ академію живописи. „Отпираются двери“, пишетъ онъ, „входимъ въ святилище: Тиціаны, Веронезы, Тинторетты, Пальмы... Въ другой залѣ, прямо передъ дверьми, всю стѣну занимаетъ Бракъ въ Канѣ Галилейской Павла Веронеза—забываешься, какъ будто идешь къ живымъ людямъ. А вотъ и знаменитое Вознесеніе Божіей Матери Тиціаново. Въ той же залѣ послѣд-

няя картина великаго мастера, которой онъ не успѣлъ кончить—Положеніе во гробъ. Смерть застигла его съ кистью, какъ нашего Карамзина съ перомъ". Плывя въ гондолѣ, Погодинъ вспомнилъ Пушкина и „скорбѣлъ, что ему не удалось видѣть чужихъ краевъ".

Большой каналъ раздѣляетъ всю Венецію на двѣ части, кои соединяются черезъ Ponte Rialto. „Плаваніе по немъ", пишетъ Погодинъ, „очаровательное! По обѣимъ сторонамъ возвышаются изъ воды огромные, великолѣпные чертоги Венеціанскихъ вельможей,—мраморные балконы, гранитныя лѣстницы, крыльца... Нѣсколько минутъ продолжалось мое очарованіе, которое смѣнилось грустью, тяжелою грустью: всѣ эти чертоги опустѣли, запущены, необитаемы. Окна заколочены, стекла разбиты, есть двери выломанныя, изъ иного на длинномъ шестѣ видишь вывѣшенное бѣлье, которое сушится—бѣдный слѣдъ жизни; кое-гдѣ изрѣдка мелькаетъ человѣческое лицо; кое-гдѣ по великолѣпному балкону прохаживается оборванный нищій, или сидитъ за работою согбенная старуха. Несчастные чертоги стоятъ какими-то гробами повапленными, и только напоминаютъ страннику о древнемъ мимопрошедшемъ величіи города... Всѣ гордые аристократы Венеціанскіе, которые предписывали законы царямъ и народамъ, вымерли, разорились, уничижены... Я готовъ былъ плакать. Куда все дѣвалось? Сильно Венеція тронула меня теперь... Еще еслибы пропало все, а то нѣтъ: зданія великолѣпныя стоятъ, какъ прежде, и составляютъ одно обширное кладбище съ надгробными монументами"...

Чтобы разсѣяться Погодинъ отправился въ театръ. Публика была, должно быть, не отборная, что видно изъ слѣдующихъ словъ самого Погодина: „Что сказали бы", пишетъ онъ, „Московскіе наблюдатели приличій, увидя меня съ женою въ театрѣ среди такой сволочи. А намъ что за дѣло: мы слышали прекрасно музыку, мы видѣли прекрасно балетъ, подмѣтили двѣ-три черты національныя и заплатили дешево... говори, кому что угодно." „Кто путешествуетъ", продолжаетъ онъ,

„съ цѣлію познакомиться съ землею, съ народомъ, тотъ не только не долженъ брезгать никакимъ обществомъ, но, напротивъ, искать его: салоны, beau monde, умники и остряки вездѣ одинаковы“.

Погодину удалось быть при встрѣчѣ вице-короля Ломбардо-Венеціанскаго эрцъ-герцога Райнара. Съ этою цѣлію онъ нанялъ гондолу на цѣлый день. „Весь каналъ“, пишетъ Погодинъ, „покрытъ былъ гондолами, которыя какъ рыбы какія шмыгали одна около другой, перегонялись, отставали... Шумъ, крикъ, смѣхъ, пѣсни, музыка. Разноцвѣтные флаги развѣвались вездѣ. Самыя гондолы были разукрашены; дворцы по каналу Grande, вдругъ разбогатѣвшіе, были убраны. Набережныя покрыты народомъ; все дышало торжествомъ, празднествомъ“... Глядя на это Погодинъ „перенесся воображеніемъ, когда Венеція встрѣчала такимъ образомъ какого-нибудь Дандоло (1204 г.), послѣ того какъ онъ, девяносто четырехъ-лѣтній старецъ, возвращался къ ней, покоривъ Константинополь, или Морозини, завоевателя Пелопоннеса, или мощи св. апостола Марка“. Ждать эрцъ-герцога пришлось не долго. „Вотъ и эрцъ-герцогская гондола“, пишетъ Погодинъ, „вся сіяющая золотомъ. Старикъ сидѣлъ съ своимъ сыномъ и нѣкоторыми вельможами. Впереди ѣхала гондола съ музыкантами. Цѣлый флотъ несся за нимъ впереди и подлѣ! И наша утлая лодейка юркнула въ массу. Разъ десять удавалось намъ приблизиться совершенно къ эрцъ-герцогской гондолѣ и плыть съ нею рядомъ по нѣскольку минутъ“. Все это происходило 1 марта 1839 года, „и этотъ день“, пишетъ Погодинъ, „принадлежитъ къ счастливѣйшимъ въ путешествіи: надо же случиться именно теперь встрѣчѣ, бываемой только черезъ четыре года, которая такъ живо напомнила мнѣ Венеціанскую исторію“.

На другой день Погодинъ посѣтилъ арсеналъ и тамъ, разсматривая модель построенія арсенала на водѣ, вспомнилъ А. С. Хомякова и погрузился въ размышленія о судьбѣ Словенъ. „Мнѣ вообразились“, пишетъ онъ, „эти Словенскіе изгнанники, которые въ ужасѣ бѣжали отъ бича Аттилина,

остановились по серединѣ моря, и принялись наколачивать сваи на зыбучую почву, чтобъ приткнуть къ ней свои переносныя гнѣзда, изъ которыхъ образовалась могущественная, богатая, высокомѣрная, предпріимчивая Венеція. Что за народъ Словене", продолжаетъ Погодинъ, „на сѣверѣ они уступили всю торговлю Ганзейцамъ, а на югѣ Итальянцамъ, и скрылись подъ чужими именами... Что ни прививалось къ Словенскому дереву, все принималось, процвѣтало, давало обильный плодъ; оставаясь одно, оно вездѣ засыхало, погибало, въ Богеміи, Польшѣ, Иллиріи, Болгаріи. Лишь Россія высится высоко, углубляется глубоко и простираетъ далеко, яко-же кокошь, свои могучія крылья. Долго стоялъ я передъ моделью". На обратномъ пути изъ арсенала Погодинъ зашелъ помолиться въ Греческую церковь. „Полнехонько, солдаты стоятъ въ нѣсколько рядовъ. Кто же это?", спрашиваетъ онъ, „Словене Греческаго исповѣданія, которые служатъ въ Австрійскомъ войскѣ. Ну такъ бы и разцѣловалъ ихъ всѣхъ. Неописанное впечатлѣніе!"

„Съ большимъ страхомъ, окруженный незнакомыми людьми, имѣя предъ собою длинную неизвѣстную дорогу и не умѣя объясняться порядочно съ жителями", Погодинъ, 2 марта 1839 года, выѣхалъ изъ Венеціи въ Римъ. Первую станцію они ѣхали въ почтовой гондолѣ. Въ Фузино пересѣли они въ дилижансъ. Дорога шла однимъ сплошнымъ садомъ. Въ числѣ спутниковъ Погодина до Падуи оказался одинъ молодой венгерецъ въ синей венгеркѣ, „очень благообразный, милый и воспитанный", съ которымъ заговорилъ Погодинъ объ исторіи. „Скиѳы, Гунны и Аттила полетѣли у него тотчасъ съ языка". Въ Падую пріѣхали они поздно вечеромъ, и Погодину было жаль, что „не могли посвятить хоть нѣсколько часовъ отчизнѣ Тита Ливія, городу, гдѣ Галилей былъ профессоромъ, а Петрарка каноникомъ". Близъ Падуи Погодинъ встрѣтилъ многочисленную гурьбу почталіоновъ, которые возили великаго князя Александра Николаевича, ночью проѣхавшаго Падую.

Переѣхавъ рѣку По, наши путешественники вступили въ Папскія владѣнія. Пріѣхали въ Феррару. До отхода дилижанса Погодинъ имѣлъ время осмотрѣть ее. „Что за печальный городъ“, пишетъ онъ, „тоска пала на сердце. Длинныя улицы, высокіе дома, великолѣпные палаццы,—но ни малѣйшаго движенія. Мостовая проросла травою, и изъ высокихъ оконъ не показывается лица человѣческаго. Молчаніе повсемѣстное. Какъ будто вымеръ городъ. И грустно, и страшно. Это ли сцена блестящихъ праздниковъ Альфонса, пышныхъ созданій Аріостовыхъ? Здѣсь ли пѣлъ свои дивныя пѣсни пламенный Тассо?“ Погодинъ заглянулъ также въ мрачную, сырую и тѣсную его темницу, въ больницѣ св. Анны. „Англійскій лордъ Байронъ, стоялъ часа два и плакалъ, прислонясь къ стѣнѣ“, сказалъ проводникъ. Затѣмъ Погодинъ осмотрѣлъ домъ Аріоста, зашелъ на кладбище, всходилъ на колокольню соборной церкви, обошелъ нѣсколько кофейныхъ, „одна другой гаже“. Наконецъ остановились въ одной. „Кого тутъ не было!“, замѣчаетъ Погодинъ, „при насъ приходила нищая старуха, оборванный мальчишка лѣтъ шести, и спрашивали кофію! Слѣдовательно, эти кофейныя замѣняютъ мѣсто нашихъ кабаковъ“. Въ полночь наши путешественники выѣхали изъ Феррары и рано утромъ прибыли въ Болонью. Тотчасъ по пріѣздѣ, Погодинъ съ женою „опрометью побѣжали“ смотрѣть на знаменитую Pieta Гвидо-Рэни, о которой столько наговорилъ ему Шевыревъ еще въ Москвѣ, на вопросъ его „о лучшемъ выраженіи скорби“. Но Pieta Погодину не понравилась! За то вознагражденъ онъ былъ Распятіемъ того же художника. Здѣсь онъ нашелъ „все, все!“ и душа его „всплакалась вмѣстѣ съ раскаянною грѣшницею“. Затѣмъ Погодинъ „пробѣжалъ“ по Музею Древностей, и тамъ поразилъ его деревянный складень съ святыми изображеніями, глубокой древности, и надписями, близкими къ глаголическимъ.

Чрезъ Анкону, Лоретто, Магерато, Фоссато, Фолиньо, наши путешественники, 7 марта 1839 года, прибыли въ Терни. Какъ выѣздъ изъ Болоньи, такъ и вся дорога про-

извела на Погодина непріятное впечатлѣніе. Его поразило множество нищихъ, отъ которыхъ, пишетъ онъ, „отбою нѣтъ, они гонятся за вами по верстѣ и больше, и жалобнымъ голосомъ канючутъ о милостынѣ... Несчастный народъ! На какой ужасной степени, почти одичалый стоитъ онъ! Особенно жалко дѣтей! Полунагія бѣгаютъ они за коляскою по краю пропастей, такъ что всякую минуту должно дрожать за нихъ, чтобы они не полетѣли стремглавъ... Чѣмъ больше даете имъ, тѣмъ хуже: ихъ набирается видимо-невидимо. Мы рѣшились, наконецъ, прижаться къ угламъ, зажмурить себѣ глаза и закрыть уши".

Хотя отъ Терни оставалось недалеко до Рима, но эта часть дороги, по словамъ Погодина, „самая опасная".

Спутница ихъ, купчиха изъ Фолиньо, „дрожала отъ страха" и разсказывала Погодину „ужасныя повѣсти". „А теперь", замѣчаетъ онъ, „наступаетъ ночь. Пронеси Богъ! Хоть бы уснуть поскорѣе".

XXXI.

„Вотъ куполъ Св. Петра", воскликнулъ вдругъ кондукторъ и схватилъ Погодина за руку, послѣдній „вздрогнулъ, всталъ и поклонился".

8 марта 1839 года Погодинъ въѣхалъ въ Римъ [223]).

Въ таможню является къ нему посланный съ запискою отъ Гоголя, который писалъ: „Посылаю тебѣ подателя сей записки, для принятія твоего чемодана, и ожидаю васъ для распитія Русскаго чаю". Въ Римѣ же Погодинъ нашелъ и Шевырева „за книгами, рисунками и тетрадями".

О прибытіи Погодина въ Римъ Гоголь извѣстилъ Данилевскаго. „Жуковскій", писалъ онъ, „уѣхалъ изъ Рима, но я необыкновенно счастливъ: на мѣсто его пріѣхалъ ко мнѣ Погодинъ. Мы теперь живемъ вмѣстѣ: его комната рядомъ съ моею. Завтракаемъ и говоримъ вмѣстѣ" [224]).

Такимъ образомъ подъ руководствомъ Гоголя и Шевырева Погодинъ приступилъ къ изученію Рима.

Въ тотъ же день Гоголь „потащилъ" Погодина въ храмъ

Св. Петра. „Вхожу въ церковь“, пишетъ онъ, „и хожу какъ сумасшедшій. Гдѣ я, гдѣ я?“. Гоголь поставилъ его у одного простѣнка и спросилъ: „видишь ли напротивъ, этихъ маленькихъ ангельчиковъ надъ чашею? Вижу—ну что же? Велики они? Что за велики—маленькіе. Обернись-ка. Я обернулся, и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ тѣмъ, маленькимъ, двухъ почти колоссальныхъ. Вотъ какова церковь!“ Отъ себя же Погодинъ замѣтилъ, что нашъ Иванъ Великій „можетъ, кажется, стать въ любомъ придѣлѣ Св. Петра и раскланяться на всѣ четыре стороны“. Вечеромъ Погодинъ посѣтилъ Шевырева, и толковали о Московскомъ университетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ „наметали исчисленіе предметовъ, кои надо осмотрѣть въ Римѣ“.

На другой день Гоголь повелъ Погодина смотрѣть Вѣчный городъ. „Пошли молча по Корсо“, пишетъ Погодинъ, „потомъ поворотили въ переулокъ. Безпрестанно встрѣчаются духовные. Кардиналы ѣздятъ въ каретахъ съ лакеями въ красныхъ ливреяхъ. Сдѣлали нѣсколько оборотовъ. Передъ нами открылась вдали широкая каменная лѣстница, наверху по бокамъ ея два огромные коня. За нею на площади конная статуя. Вглуби какое-то обширное зданіе, съ высокою каланчею. Ну видишь молодцовъ? спросилъ мой чудакъ. Вижу, да что же это такое? Хороши! Это древнія статуи Діоскуровъ изъ театра Помпеева. А это Маркъ Аврелій на конѣ. А это Капитолій! Капитолій! повторялъ я, смотря во всѣ глаза. Ну полно, сказалъ Гоголь, пойдемъ дальше... Но что представилось глазамъ моимъ, какъ мы вышли на другую сторону Капитолія: древнія колонны, ворота, храмы, притворы, сѣни, въ священныхъ развалинахъ: это арка Септимія Севера, это храмъ Антонина и Фавстины, Курія Гостилія, это Касторъ и Поллуксъ тамъ дворецъ Августовъ, Калигилинъ, Нероновъ. Здѣсь Forum Romanum maximum. Далѣе развалины базилики Константиновой,—а тамъ вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумѣлъ. Долго, долго стоялъ я на этой знаменитой площади, Forum Romanum maximum, гдѣ столько вѣковъ рѣшались дѣла Рима, дѣла царствъ, народовъ, всей вселенной,

orbis terrarum, по выраженію Цицерона. Пусто и тихо... Боже мой!“, воскликнулъ Погодинъ, „что же значитъ эта человѣческая твердость; что значитъ эта человѣческая слава, которою такъ надмеваются люди?.. Пыль—прахъ! Поднялся вихорь, и разметалъ все, ничего не осталось. Здѣсь, здѣсь именно, да развѣ еще на островѣ Св. Елены, можно изъ глубины сердца воскликнуть съ Соломономъ: суета суетъ, и всяческая суета!.. Люди, люди, приходите сюда удостовѣряться въ бренности вашего естества, тщетѣ всѣхъ вашихъ предпріятій и замысловъ.... Величіе, видно, не на землѣ“. Гоголь „потащилъ“ Погодина дальше и привелъ въ Колизей. „Посрединѣ, на небольшомъ дерновомъ возвышеніи, стоитъ простой деревянный крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа. Мы прилегли у подножія. День былъ прекрасный. Солнце сіяло. Тишина восхитительная, упоительная. Только птички пѣли такъ пріятно, такъ беззаботно, такъ весело! А какъ разстилается плющъ по этимъ развалинамъ... кое гдѣ мелькаютъ весенніе цвѣточки. Во внутренней окружности расположено двѣнадцать смиренныхъ часовенокъ, съ образами Страстей Христовыхъ... Давно не чувствовалъ я такого наслажденія. Что за спокойствіе было на сердцѣ. Какъ все хорошо это и небо, и воздухъ, и этотъ плющъ, и птички, и прохожіе, и часовни, и этотъ смиренный крестъ... на мѣстѣ боевъ гладіаторскихъ со львами и тиграми, гдѣ лилась кровь, и сто тысячъ рукоплескало побѣдителямъ!“ „Оставайся братъ здѣсь“, сказалъ Погодинъ Гоголю, „я понимаю, что ты могъ зажиться. Твои теперешнія впечатлѣнія принесутъ Отечеству плодъ сторицею“. Домой вернулись они чрезъ Квиринальскую гору.

На другой день Гоголь повелъ Погодина къ Маріи Маджіоре и Іоанну Латеранскому. Марія Маджіоре одна изъ главныхъ церквей въ Римѣ съ гробницею папы Сикста V. Церковь Іоанна Латеранскаго по своей древности и великолѣпію занимаетъ второе мѣсто послѣ Св. Петра и принадлежитъ преимущественно Папѣ, который, немедленно по своемъ избраніи, съ торжествомъ принимаетъ ее во владѣніе. Минуя

остатки дворца Константина, Погодинъ съ Гоголемъ перешли дорогу и сѣли на паперти у сосѣдней церкви. „Видъ“ пишетъ Погодинъ, „очаровательный. Между соборомъ и церковью простирается луговина, точно какъ будто въ какой-нибудь деревнѣ. Вдали тянется безконечная колоннада водопроводовъ. А на краю горизонта бѣлѣютъ Сабинскія горы. Тишина и уединеніе совершенное. Мы пробыли здѣсь съ часъ въ безмолвномъ созерцаніи“. Все видѣнное произвело на Погодина сильное впечатлѣніе. „Какъ воспроизводится древняя жизнь въ воображеніи, когда смотришь на всѣ сіи развалины. Въ наше время нельзя быть ни профессоромъ Археологіи, ни профессоромъ Исторіи безъ путешествія. Я вообразить себѣ не могу, что я говорилъ о Римѣ, по книгамъ, не видавъ его памятниковъ“. Въ то же время Погодинъ, думая о Лютерѣ, замѣтилъ: „въ немъ, кажется, ни на грошъ не было эстетическаго образованія, и потому онъ видѣлъ въ Римѣ только развратныхъ капуциновъ, противъ которыхъ и вооружался. Также одностороненъ и Гиббонъ“.

Вечеромъ Погодинъ посѣтилъ больного Шевырева, который разсказалъ ему подробности объ исторіи Колизея впродолженіе Среднихъ Вѣковъ, какъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки между дворянскими фамиліями и былъ „то лазаретомъ, то гостинницей, театромъ для мистерій, крѣпостью, магазиномъ, общею помойною ямой въ Римѣ“.

Въ это время въ Римѣ пребывалъ Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ. Погодинъ, „какъ благодарный обыватель“, явился къ Московскому градоначальнику и бесѣдовалъ съ нимъ о Римѣ, о духовномъ единствѣ, о политическихъ единствахъ, о гордости Папы, который „хотя и христіанинъ, а все-таки древній римлянинъ“.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ, Погодинъ посѣтилъ княгиню З. А. Волконскую, съ именемъ которой у него было неразрывно связано воспоминаніе о временахъ *Московскаго Вѣстника*, слѣдовательно, о временахъ его молодости.

Княгиня Волконская жила въ собственной виллѣ за Іоан-

номъ Латеранскимъ. Дорога на виллу шла мимо церкви Св. Климента, гдѣ почиваютъ мощи безсмертнаго изобрѣтателя Словенской грамоты, святаго Кирилла. Домикъ на виллѣ княгини выстроенъ среди Римской стѣны и окруженъ съ обѣихъ сторонъ виноградниками, цвѣтниками. Вдали виднѣются арки безконечныхъ водопроводовъ, поля и горы, а съ другой — Римская населенная часть города и Колизей, и Петръ. Всего болѣе „умилилъ" Погодина садикъ, посвященный воспоминаніямъ. „Тамъ", пишетъ онъ, „подъ сѣнію кипариса стоитъ урна въ память о нашемъ незабвенномъ Дмитріѣ Веневитиновѣ; близъ него камень съ именемъ Николая Рожалина, который прожилъ въ Римѣ три года въ домѣ Княгини, занимаясь классическими языками и древностями, и возвратился, наконецъ, въ Отечество съ цѣлью искать мѣсто профессора, но умеръ на другой день послѣ своего прибытія на пароходѣ. Жалкая участь! Всѣ бумаги его присланы были въ Москву и сгорѣли въ конторѣ дилижансовъ, такъ что отъ него не осталось ничего, какъ будто и не существовалъ онъ на свѣтѣ. Въ особой кущѣ бѣлѣется мраморный бюстъ императора Александра I. Естъ древній обломокъ, посвященный Карамзину, другой Пушкину... Я остался одинъ въ этомъ садикѣ и бесѣдовалъ съ любезными тѣнями. О Веневитиновъ!", восклицаетъ Погодинъ, „прошло десять лѣтъ, и до сихъ поръ не могу я вспомнить о тебѣ безъ скорби глубокой. Что было бы изъ этого юноши, еслибы судьба даровала ему должайшую жизнь!" У Княгини Погодинъ познакомился съ молодымъ графомъ Іосифомъ Михайловичемъ Віельгорскимъ, который жилъ здѣсь. И Погодинъ „радъ былъ удостовѣриться", что молодой Графъ искренно любитъ Русскую Исторію и обѣщаетъ полезнаго дѣлателя. „Его простота", пишетъ Погодинъ, „естественность меня поразили. Не встрѣчалъ я человѣка, до такой степени безъискусственнаго"... Но дни этого прекраснаго юноши были въ то время уже изочтены!

Вмѣстѣ съ княгинею Волконскою Погодинъ ѣздилъ въ монастырь Св. Григорія и съ верхней лѣстницы любовался

видомъ на Римъ. „Предъ глазами", пишетъ онъ, „всѣ развалины, въ серединѣ новый городъ, и вдали Св. Петръ! Разнообразіемъ видовъ только Москва, изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ, можетъ состязаться съ Римомъ".

Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ и Гоголемъ посѣтили кладбище, гдѣ погребена дочь Князя П. А. Вяземскаго княжна Прасковія Петровна. „Постояли", пишетъ Погодинъ, „на могилѣ княжны Вяземской, дочери нашего добраго князя Петра Андреевича.—Русская могила, вдали отъ отечества, наводитъ особое уныніе на душу" [225]). Княгиня З. А. Волконская почтила память юной Княжны прекраснымъ стихотвореніемъ:

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужъ все утихло... дѣвы нѣтъ!
И кипарисъ не перемѣнный
Стоитъ надъ дѣвственной главой,..
Свидѣтель тайны подземельной
И образъ горести родной.

„Еще не такъ давно", писалъ Гоголь ея Родителю, „былъ я вмѣстѣ съ княгинею Зинаидою Волконскою на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ. Кусты розъ и кипариса ростутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые выростаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ понять ихъ. Потомъ я былъ еще одинъ разъ съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ, и вновь увѣрился, что эта могила не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему" [226]).

XXXII.

21 марта 1839 года наконецъ „отверзлись" предъ Погодинымъ двери Ватикана!

Не считая себя знатокомъ искусства, Погодинъ высказалъ

весьма справедливое сужденіе, которое не мѣшаетъ весьма многимъ, пишущимъ и разсуждающимъ объ искусствѣ, принять къ свѣдѣнію. „Скажу кстати“, пишетъ онъ, „вкусъ къ живописи, какъ въ архитектурѣ, какъ въ драматическомъ искусствѣ, вообще въ поэзіи, имѣетъ нужду въ изощреніи— надо много смотрѣть на картины и всматриваться, точно какъ и вчитываться, наблюдать, изучать и сравнивать, чтобы наконецъ осмѣлиться на сужденіе. Всякое дѣло мастера боится. У насъ этого еще не понимаютъ, и всякій берется судить о спектаклѣ, о картинѣ, объ увертюрѣ. Procul profani. Но всякій въ правѣ, слѣдуя своему естественному, врожденному чувству, сказать про себя, а другимъ развѣ на ухо: это мнѣ нравится, это мнѣ не нравится. Бѣда только, если всякій начнетъ умничать, доказывать и учить, не учась, *почему* ему нравится одно и не нравится другое; бѣда, если онъ еще вздумаетъ спорить, настаивать на своемъ мнѣніи. Есть достоинства и недостатки тонкіе, доступные только для опытнаго глаза; только образованный вкусъ понимаетъ законы красоты, или прикладываетъ теорію къ практикѣ критика“.

Вступивъ въ Ватиканъ, Погодинъ на первый разъ рѣшился „бросить только одинъ общій взглядъ на всѣ сокровища, а потомъ уже разсматривать ихъ порознь“.

„Ватиканъ—это цѣлый городъ, въ которомъ заблудиться можно, множество зданій четвероугольныхъ въ нѣсколько ярусовъ, пристроенныхъ одинъ къ другому и занимающихъ ужасное пространство“. Обзоръ свой, подъ руководствомъ Шевырева, Погодинъ началъ съ картинной галлереи—Преображеніе Рафаеля, Причащеніе св. Іеронима Доминикина, Мадонна di Foligno Рафаеля. Отсюда прошли въ залы Рафаелевы, залы, расписанныя имъ самимъ. „Боже мой, Боже мой!“, восклицаетъ Погодинъ, „что это былъ за вѣкъ!“ Наконецъ они отправились къ статуямъ... Вотъ императоръ Траянъ, Титъ, Адріанъ, Маркъ-Аврелій, вотъ плѣнные Даки, на которыхъ указалъ Погодину Шевыревъ, „чистые Словене, Русскіе мужики“. „Мы шли“, пишетъ Погодинъ, „тихимъ шагомъ, смотря на

одну сторону, вдругъ поражаетъ насъ мужъ въ Греческой тогѣ, съ поднятымъ перстомъ,—только что слетѣло, кажется, съ языка у него послѣднее громовое слово, лицо еще движется, всѣ нервы еще не успокоились, это—Демосѳенъ. Мы остановились невольно внимать безсмертному витіѣ. Что за удивительная статуя!" Еще тише пошли они назадъ, смотря въ другую сторону, „и поклонились" Минервѣ Врачебницѣ. Перешли въ другія галлереи. „Идемъ, идемъ", пишетъ Погодинъ, „смотримъ, смотримъ—цѣлые народы какъ будто проносятся предъ нашими удивленными, утомленными взорами; мы живемъ среди ихъ, въ другомъ мірѣ, не смѣемъ произнести слова, чтобъ не нарушить ихъ царственнаго покоя". Вдругъ Шевыревъ, обращаясь къ Погодину, восклицаетъ: „Приготовься, ты увидишь сейчасъ Аполлона Бельведерскаго!.. Входимъ... Вотъ онъ.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ.

Мы стали какъ вкопаные. Толпа народа... сохранялось глубокое молчаніе, созерцая изящное". Шевыревъ вызвалъ Погодина „изъ этого сладкаго самозабвенія", сказавъ, что черезъ пять минутъ запрется Ватиканъ.

На другой день Погодинъ опять въ Ватиканѣ и началъ обозрѣніе съ Этрусскаго музея. Здѣсь всего болѣе поразили его Этрусскія гробницы... Изъ Этрусскаго музея перешли въ Египетскій; но Погодинъ звалъ Шевырева, который читалъ имъ лекціи обо всѣхъ этихъ предметахъ, къ Аполлону, къ Лаокоону—„освѣжиться, обрадоваться послѣ этихъ мрачныхъ, мертвенныхъ произведеній троглодитнаго племени". Подожди, отвѣчалъ Шевыревъ, „ты долженъ видѣть еще чудо", и повелъ его по длиннымъ переходамъ и наконецъ приводитъ въ огромный залъ... Это Сикстова капелла, вся расписанная Микель Анджело. Погодинъ остановился предъ Страшнымъ Судомъ, но замѣтилъ: „Какъ могъ Микель Анджело обратить такъ мало вниманія на изображеніе Христа и представить, вмѣсто

Его какую-то атлетическую фигуру, безъ всякой божественности. Видно, въ самомъ дѣлѣ, Микель Анджело былъ древній ветхозавѣтный, а не новозавѣтный человѣкъ". Въ Бельведерѣ Погодинъ часъ стоялъ передъ группою Лаокоона и, конечно, замѣтилъ онъ, „скорбь, болѣзнь физическая не изображены нигдѣ съ такою силою, истиною, какъ на лицѣ несчастнаго отца"... Погодинъ проникъ также и въ Ватиканскую библіотеку. „Великолѣпныя обширныя залы", пишетъ онъ, „раздѣленныя массивными столпами. На столпахъ изображенія всѣхъ изобрѣтателей азбукъ: здѣсь и Моисей, и Кадмъ, и Паламедъ, и Таутъ, и Изида, и Гермесъ. Я спѣшилъ, разумѣется, къ кому? къ св. Кириллу... И онъ здѣсь. По стѣнамъ огромныя картины, изображающія основанія знаменитыхъ библіотекъ. На другихъ представлены распространеніе христіанской вѣры, вселенскіе соборы и осужденіе еретиковъ". Библіотекарь показалъ Погодину всѣ Словенскія рукописи и допустилъ сдѣлать выписки, какія угодно, „не смотря на то", съ упрекомъ замѣчаетъ онъ, „что мы были еретиками въ глазахъ его. Когда мы получимъ доступъ къ Московской Сvнодальной Библіотекѣ? Всѣ здѣшнія Славянскія рукописи описаны подробно каноникомъ Бобровскимъ, и Анжело Маіо напечаталъ это описаніе въ своемъ обширномъ каталогѣ Ватиканской библіотеки". Погодинъ между прочимъ разсматривалъ рукопись Константина Манасіи XIV вѣка и нашелъ въ ней новое подтвержденіе Нестору.

Изъ Ватикана Погодинъ съ Шевыревымъ отправились къ іезуитамъ, въ коллегію. Имъ хотѣлось познакомиться съ патеромъ Марки, знаменитымъ нумизматомъ Римскимъ; но не достучавшись къ нему, они отправились къ Тайнеру, съ которымъ былъ знакомъ Шевыревъ. Проходя къ нему по прекраснымъ, свѣтлымъ обширнымъ корридорамъ, по стѣнамъ которыхъ были развѣшаны ландкарты всѣхъ странъ земли, Погодинъ замѣтилъ: „Правду сказать.—Папы сдѣлали много, злоупотребленія въ сторону. Что было бы безъ нихъ въ Западной Европѣ!" Тайнеръ принялъ нашихъ путешественниковъ очень привѣтливо. Шевыревъ представилъ ему Погодина какъ про-

фессора Русской Исторіи, и разговоръ тотчасъ начался объ историческихъ отношеніяхъ церкви Греческой и Римской. Русская Церковь, говорилъ онъ, гораздо ближе къ Римской, чѣмъ самая Греческая. Вы приняли христіанскую вѣру, когда она была еще чиста въ Византіи, и сохранили до сихъ поръ въ первоначальной чистотѣ, а Греки увлеклись послѣ вашего уже обращенія, а съ патріарха Михаила Церулларія начинается собственно разлученіе. Владиміръ вашъ былъ совершенный католикъ, котораго мы считаемъ святымъ. Его уставъ есть чисто католическій. „Эге, братцы", подумалъ Погодинъ, „ужъ не хотите ли вы обращать насъ! Но не на тѣхъ напали!" Погодину, впрочемъ, захотѣлось вывѣдать у него побольше, чтобъ узнать, какимъ образомъ эти господа поступаютъ съ нашими несчастными соотечественниками, которыхъ они убѣждаютъ „цѣловать папскія туфли".

Тайнеръ въ то время писалъ о распространеніи христіанской вѣры на Сѣверѣ. У него находилось письмо Іоанна Грознаго къ Поссевину. Густавъ Ваза, за два года до своего соединенія съ лютеранизмомъ, обѣщалъ Папѣ обратить всю Россію въ католическую вѣру.

Изъ Пропоганды, гдѣ жилъ Тайнеръ, Погодинъ съ Шевыревымъ отправились съ Collegio Romano и съ величайшимъ трудомъ пробрались въ пріемную патера Марки, въ ожиданіи котораго Погодинъ „съ большимъ удовольствіемъ сидѣлъ на лавкѣ, смотрѣлъ на мелькавшія передъ нимъ фигуры и думалъ объ исторіи іезуитскаго ордена, который", пишетъ онъ, „надо признаться, сдѣлалъ много добра человѣчеству, не смотря на свои злоупотребленія. Едва ли что написано о немъ основательное и безпристрастное. Едва ли кто проникалъ въ глубину его души! Нападаютъ на ихъ образъ дѣйствій, но надо бы прежде разобрать ихъ образъ мыслей и поразить основаніе". Эти размышленія Погодина были прерваны появленіемъ патера Марки, который просилъ его къ себѣ на другой день поутру. Привратникъ отперъ дверь, и Погодинъ „полный мыслей, пошелъ тихо по пустынному внутреннему двору

къ святымъ воротамъ и оставилъ этотъ примѣчательный монастырь". Въ назначенное время Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ пріѣхали къ патеру Марки. Привратникъ принялъ ихъ прямо, хотя и молча. Почтенный ученый разсказалъ имъ самымъ толковымъ, яснымъ образомъ исторію Римскихъ монетъ до IV вѣка предъ Р. Х. Собраніе у него богатѣйшее. „Такіе люди", пишетъ Погодинъ, „какъ Марки для нумизматики, Риттеръ для географіи, Линде для лексикологіи, Шафарикъ для Словенщины, родятся вѣками, и надо непремѣнно ими пользоваться, чтобы наука прозябала, а не зябла"...

Патеру Марки въ то время было около пятидесяти лѣтъ. При дородствѣ, онъ отличался такою скромностью, какую Погодинъ „видывалъ рѣдко".

Съ 24 марта по Римскому календарю начались въ Римѣ торжественныя служенія Страстной и Святой недѣли. „Это", замѣчаетъ Погодинъ, „особая достопримѣчательность великаго города, на который мы посмотримъ теперь съ другой стороны, и вспомнимъ иное время—средніе вѣка и періодъ могущества папскаго". Благодаря „предупредительности" секретаря посольства Павла Ивановича Кривцова, Погодинъ получилъ возможность присутствовать на богослуженіи въ теченіе этихъ святыхъ дней.

24 марта праздновалось Вербное воскресенье. Погодинъ опоздалъ къ папскому служенію и не видѣлъ, какъ Папа среди торжественнаго служенія въ Сикстовой капеллѣ, раздаетъ нарядныя вербы кардиналамъ и начальникамъ, генераламъ духовныхъ орденовъ. Погодина удивило, что подлѣ папскаго сѣдалища находится другое для Римскаго градоначальника. Въ страстную середу Погодинъ по усталости не могъ идти къ Св. Петру, гдѣ въ этотъ день поется „знаменитое" Miserere. Всѣ кардиналы, въ фіолетовыхъ таларахъ, собираются въ Сикстовой капеллѣ, освѣщенной безчисленнымъ множествомъ горящихъ свѣчъ. Является Папа, и начинается торжественное пѣніе. Посреди онаго гаснутъ свѣчи, одна за другой, до послѣдней, въ ту минуту Папа, а за нимъ всѣ кар-

диналы повергаются на колѣни и начинаютъ безсмертный псаломъ 57, Miserere, который начинается такъ: *Аще воистину правду глаголете, прáвая судите, сынове человѣчестіи* и пр. Звуки наконецъ умолкаютъ, и собраніе въ совершенной тишинѣ расходится.

Въ страстной четвергъ совершается у Св. Петра умовеніе ногъ. Погодину стоило большого труда пробраться въ соборъ сквозь безчисленные экипажи, которыми запружены были улицы. „Съ гордостью", пишетъ онъ, „велъ я жену свою подъ руку, посматривалъ на проѣзжавшихъ лордовъ и думалъ: а мы увидимъ лучше вашего". Наконецъ, добрались они до храма. „Множество народа, все иностраннаго. Всѣ пришли смотрѣть какъ будто на спектакль. Ни малѣйшаго благоговѣнія. Да и кому благоговѣть? Зрители принадлежали къ другимъ исповѣданіямъ, большею частью лютеране. Италіанцевъ, Римлянъ, кажется, не было никого". Погодинъ съ грустью замѣчаетъ, что „пробираться трудно, но все легче чѣмъ у насъ, гдѣ я давно уже не хожу ни на какія церемоніи, въ избѣжаніе непріятностей". Папа на престолѣ въ тіарѣ „поразилъ" Погодина. Онъ какъ будто видѣлъ предъ собою Григорія, Урбана, Инновентія, предъ которыми трепеталъ Западъ. „Это", говоритъ Погодинъ, „была пріятная минута—и только". Обрядъ умовенія ногъ произвелъ на Погодина непріятное впечатлѣніе. „Привели", пишетъ онъ, „къ сторонѣ двѣнадцать такъ-называемыхъ апостоловъ, изъ странниковъ, приходящихъ въ Римъ на поклоненіе, въ бѣлыхъ шерстяныхъ мантіяхъ, и поставили ихъ рядомъ. Папскій каммергеръ, въ черномъ фракѣ, ходилъ безпрестанно около нихъ и осматривалъ. Апостолы оглядывались всякую минуту въ ту сторону, съ которой долженъ былъ придти Папа, поправлялись, словомъ находились въ какомъ-то страхѣ подчиненныхъ предъ грознымъ начальникамъ. По данному знаку они садились, по такому же знаку вставали, становились на колѣни. Папа, окруженный своей свитою, обошелъ ихъ скоро едва наклоняясь къ ногамъ. „Нѣтъ", заключаетъ Погодинъ, „наши церемоніи несравненно благоговѣйнѣе".

Подлѣ Погодина въ это время случился одинъ французъ, который надоѣлъ ему, описывая свое путешествіе товарищу. Погодинъ думалъ, что онъ по крайней мѣрѣ, какой-нибудь богатый помѣщикъ: *мы, мы;* но оказалось, что это лакей.

Послѣ умовенія для странниковъ былъ столъ, за которымъ прислуживалъ самъ Папа. Его понесли туда на носилкахъ, „очень неблаговидное зрѣлище", замѣчаетъ Погодинъ. На вечерней службѣ того же дня, происходящей у Св. Петра, Погодинъ также присутствовалъ. На особыхъ мѣстахъ сидѣли прелаты разныхъ чиновъ, въ бѣлыхъ кисейныхъ мантіяхъ, числомъ сотъ до двухъ, и держали въ рукахъ книги, и выходили, по какой-то очереди, къ алтарю читать. Между чтеніемъ было и общее пѣніе со всѣхъ мѣстъ. „Прелаты", по замѣчанію Погодина, „большею частью имѣли мужественную физіономію, рослые, здоровые, моложавые: настоящіе Римляне. Стариковъ, постниковъ, почти не видать. Мнѣ показалось, что я вижу Римскій Сенатъ, собравшійся, чтобы рѣшить войну въ Македоніи или Малой Азіи. Какъ вдругъ мои сенаторы запѣли псалмы, и я опомнился, почувствовалъ, что я въ новомъ Римѣ".

Въ Великую пятницу поется другая Miserere въ капеллѣ Сикстовой предъ Страшнымъ Судомъ Микель Анджело и среди его пророковъ. Служба начинается въ 6 часовъ вечера. Исполненіе Miserere Погодину не понравилось, а о папскихъ гвардейцахъ, стоящихъ у входа, онъ замѣтилъ: „грубости ихъ вообразить нельзя. Что наши жандармы, что наши буточники,— это рыцари учтивости въ сравненіи съ ними". Послѣ Miserere начались церемоніи въ храмѣ Св. Петра. Сумракъ, царствующій въ храмѣ внушилъ Погодину благоговѣйное чувство. Въ ожиданіи церемоніи онъ съ кѣмъ-то разговорился, но, нечаянно оглянувшись, увидѣлъ идущаго Папу между разступившимся народомъ. Онъ шелъ съ наклоненной головою. Остановился посрединѣ храма, передъ маленькимъ налоемъ, палъ на колѣни, и началъ читать про себя что-то; вокругъ тишина, темнота. „Это минута поразительная". Прочитавъ съ полчаса, онъ всталъ, и въ разныхъ придѣлахъ послышалось пѣніе.

Вездѣ отправляется Богослуженіе. Съ высокихъ балконовъ въ этотъ вечеръ, при свѣтѣ многочисленныхъ свѣчей, выносились разныя мощи, коими и благословлялся народъ. Погодинъ остался доволенъ этимъ вечеромъ, и „молитвенно почивало сердце" его.

Великую субботу посвятилъ онъ обозрѣнію картинной галлереи кардинала Феша и Капитолійскаго музея, гдѣ видѣлъ знаменитую волчицу, прародительницу Рима... Между тѣмъ, раздались пушечные выстрѣлы—во славу Воскресенія, которое по обряду католиковъ, празднуется уже въ субботу.

Погодинъ отправился къ Св. Петру. Поздно пришли они въ церковь, „уставивъ кое-какъ" свою жену, самъ пошелъ „толкаться впередъ". Встрѣтившійся монахъ-полякъ съ Волыни, который приходилъ къ Погодину просить Несторовой Лѣтописи, провелъ его въ особое отдѣленіе, гдѣ находилось высшее духовенство, не участвовавшее въ служеніи, дипломатическій корпусъ и почетные иностранцы. „Опять скажу", пишетъ Погодинъ, „что въ служеніи католическомъ нѣтъ той величественности, которою отличается Греческое. Одна минута разительна, и та прерывается неудовольствіемъ: это—минута пріобщенія Папы. Воцаряется всеобщее молчаніе, тысячи стоятъ въ какомъ-то ожиданіи, сердце бьется, чувствуешь, что великое таинство совершается. Папа сидитъ предъ престоломъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, съ главою наклоненною. Священнослужители берутъ съ благоговѣніемъ св. Причастіе съ престола и несутъ къ Папѣ, который встаетъ съ своего мѣста и принимаетъ оное. Раздается умилительная музыка. На минуту, сказалъ я, и позабудешься, но въ другую овладѣваетъ вами непріятное чувство: видишь, что въ этомъ великомъ дѣйствіи христіанства, первый предметъ вниманія составляетъ человѣкъ, а не Христосъ. На Папу устремлено всеобщее вниманіе, а не на Кровь и Тѣло Господне. Не Папа идетъ къ престолу принять св. Причастіе, а св. Причастіе несется къ Папѣ. Римлянинъ все еще видѣнъ въ первосвященникѣ". Послѣ пріобщенія несутъ Папу съ тріумфомъ по церкви къ статуѣ Св. Петра. Передъ нею Папа сходитъ

съ своего престола и прикладывается. Приложившись, Папа отходитъ въ верхнюю галлерею, изъ средняго окна которой, обращеннаго на площадь, онъ долженъ благословить народъ. Вмѣстѣ съ толпою и Погодинъ вышелъ изъ церкви на площадь. „Глухой шумъ", пишетъ онъ, „носится по воздуху. Всѣ глаза устремлены на окно: всякій хочетъ поймать первую минуту появленія папскаго, вдругъ водворяется молчаніе... На балконѣ является Папа, въ сопровожденіи кардиналовъ, изъ которыхъ двое стоятъ по сторонамъ. Всѣ тысячи обнажаютъ главы свои и падаютъ на колѣни. Папа воздѣваетъ руки къ небу, испрашивая благодати, и передаетъ оную колѣнопреклоненному народу въ своемъ благословеніи *urbi et orbi!*"

XXXIII.

Во время пребыванія своего въ Римѣ, Погодинъ счелъ „обязанностью" обойти Русскихъ художниковъ, „показать имъ свое участіе, порадоваться ихъ успѣхамъ, засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе". Онъ началъ съ Рихтера, который возстановилъ форумъ Трояновъ. Ефимовъ въ то время трудился надъ возстановленіемъ виллы Адріановой. Томировскій показывалъ Погодину возстановленіе фресковъ Адріановскихъ. Скотти въ это время стремился въ Неаполь, чтобы поймать тамъ и написать какую-нибудь группу лазароновъ, слушающихъ стихи. „Это хорошо", замѣчаетъ Погодинъ, „но надо бы обратить вниманіе и на домашнія явленія. Право найдутся между ними такія, кои доставятъ прекрасные, новые предметы искусству. Замѣтилъ ли кто-нибудь, напримѣръ, какія живописныя группы составляютъ наши рабочіе крестьяне, мастеровые или простые поденьщики, когда они, кончивъ свои работы, возвращаются гурьбами домой по деревнямъ и останавливаются отдыхать на дорогѣ; или когда они приходятъ на какую-либо площадь и дожидаются наемщиковъ. Какъ они разлягутся по тротуару, около столбиковъ, къ стѣнкѣ! Что за разнообразныя положенія принимаютъ они, выражающія безпечность, равнодушіе,

отдохновеніе. Я останавливался часто смотрѣть на нихъ. Выдумать нельзя этихъ положеній—онѣ постоятъ группъ лазаронскихъ! Или богомолки, богомольцы пѣшеходные, на дорогѣ къ Сергію! И какъ бы искусный художникъ изобразилъ здѣсь характеръ Русскаго народа! Тропининъ подарилъ насъ Малороссіянами, но до Великороссіянъ не коснулся никто". Погруженный въ эти размышленія Погодинъ приходитъ къ художнику Пименову, у котораго „много Русскаго духа и котораго мальчикъ, играющій въ бабки, такъ понравился знатокамъ". Марковъ показалъ Погодину свою Русскую сцену—дѣти на могилѣ матери, но которая по замѣчанію Погодина „и не пахнетъ Русскимъ духомъ". Іорданъ въ то время трудился надъ Преображеніемъ Рафаеля и, по замѣчанію Погодина, „обѣщаетъ намъ такую гравюру, какой можетъ быть не имѣетъ еще Европа". Посѣщенія свои Русскихъ художниковъ Погодинъ заключилъ работою Бруни, товарища Брюлова. Онъ тогда оканчивалъ свою картину Воздвиженіе мѣднаго змія въ пустынѣ. „Моисей и Ааронъ", пишетъ Погодинъ, „стоятъ въ глуби. Израильтяне изнеможенные, мучимые, бѣгутъ толпами принять исцѣленіе". Только змій не понравился Погодину. „Зачѣмъ", спрашиваетъ онъ, „дѣлать намъ насиліе и скрывать крестъ, который служитъ здѣсь великимъ проображеніемъ".

Свои впечатлѣнія отъ посѣщенія Русскихъ художниковъ Погодинъ выражаетъ слѣдующими прекрасными словами: „Какъ весело становится у меня (все еще) на сердцѣ, какъ узнаю я новаго Русскаго человѣка, который кистью, или перомъ, или мечомъ, или словомъ, обѣщаетъ возвысить достоинство Отечества, проявляетъ новыя силы его, придаетъ красы"...

Съ высоты Капитолія Погодинъ, подъ руководствомъ Шевырева, изучалъ расположеніе частей Рима съ окрестностями, надъ которыми онъ столько мучился, переводя во время оно древнюю географію Нича. „Вотъ холмъ Палатинскій", пишетъ онъ, „на которомъ развалины дворца Цезарей; подалѣе вправо холмъ Авентинскій; тамъ за Палатинскимъ Целійскій; лѣвѣе Эсквилинскій; еще лѣвѣе Виминальскій; ближе къ намъ

Квиринальскій, гдѣ виденъ дворецъ Папы; мы стоимъ на Капитолійскомъ; вотъ всѣ семь холмовъ древняго Рима". Обернись назадъ, сказалъ Погодину Шевыревъ, и за Тибромъ онъ увидѣлъ еще два холма: Яникульскій, гдѣ по преданіямъ гробница Нумы, и Ватиканскій. „Читая Ливія", пишетъ Погодинъ, „какой обширный театръ представляешь себѣ для этихъ дѣйствій. Помилуйте, это почти ссора двухъ сосѣдей за десятину земли въ какомъ-нибудь Козельскомъ уѣздѣ. Царь Этрусскій (за Тибромъ) владѣлъ усадьбой не шире Ивана Ивановича или Ивана Никифоровича. Сколько смѣшныхъ и превратныхъ вещей разсыпано по Исторіи. Приключенія села Горохова разсказываются какъ исторія всемірнаго царства".

Изъ Капитолія Погодинъ зашелъ въ церковь Св. Іосифа на Форумѣ, подъ которою находятся Мамертинскія темницы. Здѣсь умеръ Югурта и сидѣли участники въ заговорѣ Катилины и тутъ же былъ заточенъ св. апостолъ Петръ, окрестившій своихъ стражей водою, источенною изъ камня.

Пріѣхавшіе въ Римъ Чертковы напомнили Погодину о Москвѣ. Однажды, встрѣтившись съ ними, Погодинъ увидѣлъ проходившую мимо ихъ старушку, которая поклонилась Чертковымъ. На вопросъ: „Кто это такая?", Погодинъ узналъ, что она русская, поселилась въ Римѣ и перешла въ католицизмъ... „Кровь такъ и бросилась ему въ голову!.." „Вотъ", пишетъ онъ, „объясненіе переходовъ: въ дѣтствѣ не получаютъ эти господа и госпожи никакихъ понятій о религіи, развѣ поверхностныя. Въ молодости они грѣшатъ, увлекаясь потокомъ свѣта; къ старости, въ чужихъ краяхъ, приходятъ иногда въ себя и начинаютъ думать и бояться будущей жизни—въ эту-то минуту появляется ловецъ, услужливый аббатъ, краснорѣчивый, снисходительный,—онъ утѣшаетъ, объясняетъ, убѣждаетъ, и овладѣваетъ умомъ и воображеніемъ бѣднаго грѣшника, или грѣшницы, которые прежде не слыхали и не имѣли случая ничего слышать подобнаго о своей церкви, вѣрятъ на слово, что тамъ и нѣтъ ничего, кромѣ заблужденій, не имѣя силы состязаться ору-

жіемъ слишкомъ неровнымъ,—упадаютъ въ сѣть. Вотъ что совѣтовалъ бы я этимъ несчастнымъ лицамъ, какъ соотечественникъ и христіанинъ: выслушавъ аббата, согласясь съ его вѣрованіями, побывайте до перехода у Русскаго священника или архіерея, сообщите ему ваши вновь пріобрѣтенныя мнѣнія и спросите у него отвѣтовъ, а потомъ сравните, разсудите, и проч. Хорошо было бы, еслибы мѣста священниковъ при Италіянскихъ миссіяхъ занимаемы у насъ были всегда людьми учеными, знающими, умными, способными защитить, научить".

Вмѣстѣ съ Гоголемъ Погодинъ осматривалъ остатки Преторіанскихъ казармъ, памятникъ „несчастнѣйшаго періода Римской Исторіи, военнаго деспотизма, когда престолъ Цезаря находился въ распоряженіи грубой, жестокой, необразованной военной сволочи" и отъ души проклялъ „варварство и звѣрство—да будутъ же", пишетъ Погодинъ, „прокляты они во вѣки вѣковъ".

Погодинъ вмѣстѣ съ Гоголемъ намѣревались посѣтить и знаменитый Тускулъ, любимое пребываніе Цицерона, который написалъ здѣсь свои Тускуланскія размышленія, „и размышлялъ о суетѣ мірской по вечерамъ, о той суетѣ, которой преданъ былъ по утрамъ". Но поѣздка ихъ въ это знаменитое мѣсто, по причинѣ дурной погоды, была неудачна, и по настоянію Гоголя, рѣшились „съ стѣсненнымъ сердцемъ возвратиться, не видавъ ничего".

Между тѣмъ наступило 6 апрѣля (нашего стиля), день Великой субботы,—1839 года. „Въ нынѣшнюю полночь", пишетъ Погодинъ, „празднуется въ нашей Церквѣ Свѣтлое Воскресеніе... Гурьбою отправились въ домъ Русскаго Посольства. Малая и тѣсная церковь вмѣстѣ со смежною была полнехонька. Сладко было почувствовать себя между своими, сладко было молиться вмѣстѣ Русскому Богу, пѣть Русскія молитвы, обняться, перецѣловаться по обычаю предковъ. Иные назовутъ это кваснымъ патріотизмомъ, пожалуй, но я почитаю себя счастливымъ, что это юношеское чувство сохранилось во мнѣ до сихъ поръ

живое, горячее. Странно выставлять его наружу,—да зачѣмъ же исключать мнѣ эти строки изъ своего дневника. Я отмѣчаю здѣсь все, что думаю и чувствую. Десятеро осудятъ, а одинъ скажетъ спасибо, и можетъ быть этотъ одинъ—чистый юноша, дороже во сто разъ тѣхъ десяти чопорныхъ судей. Э—да что мнѣ за дѣло до пересудовъ. *Еже писахъ, писахъ*".

Русскіе художники пригласили Погодина къ себѣ разговляться. Отъ 12 до 2 часовъ продолжалось пасхальное Богослуженіе. Въ 2 часа Погодинъ вмѣстѣ съ художниками шли по Римскимъ улицамъ около форума Траянова, мимо фонтана Треви и распѣвали: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*. Придя въ назначенное мѣсто, Погодинъ былъ утѣшенъ пріятнымъ зрѣлищемъ. „Столы", пишетъ онъ, „были накрыты и уставлены такъ, что и скатертей не видно. Откуда ни взялись Русскіе куличи, пасхи и печеныя красныя яица". Подождали нѣсколько время священника, чтобы онъ благословилъ трапезу, но онъ былъ кѣмъ-то задержанъ. Было человѣкъ тридцать. Началось цѣлованіе и сѣли за утреннюю трапезу. „Посыпались", пишетъ Погодинъ, „холодныя, жаркія, пирожныя, полилось бургонское, португальское и наконецъ шампанское. Подумаешь, богачи задаютъ пиръ. Чего тутъ не было, а ни у кого за душой ни копѣйки,—Русскій духъ! Тосты, тосты! раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ". Іорданъ закричалъ Погодину: „назначьте вы первый тостъ", требованіе это подтвердили и другіе, Погодинъ всталъ и произнесъ: „Здоровье нашего славнаго Царя, августѣйшаго покровителя художествъ, и да утверждается въ немъ болѣе и болѣе мысль, что искусство есть вѣнецъ гражданскаго образованія, лучшее украшеніе жизни, слава государства. Боже Царя Храни!" Въ отвѣтъ загремѣло: ура, ура! и все „множество запѣло", по замѣчанію Погодина, „лѣсными голосами", такъ какъ музыкантовъ кромѣ Іордана не было:

Боже, Царя храни!

„У пѣвцовъ“, повѣствуетъ Погодинъ, „недоставало уже памяти“, и послѣ перваго куплета

Боже Царя храни,
Славному долги дни
Дай на земли!

всѣ стали поглядывать другъ на друга, ожидая продолженія... но никто не подсказывалъ; обратились ко мнѣ, я помнилъ не больше, и началъ съ начала. Всѣ обрадовались, какъ будто вспомнили все и подхватили опять, только гораздо громче, Боже Царя храни!“ Потомъ выпили за здоровье Наслѣдника. Чье здоровье пили послѣ, Погодинъ уже не помнилъ, зналъ только, что никто не былъ обиженъ, какъ никто не былъ обнесенъ чаркою. Какими громовыми рукоплесканіями покрылась Святая Русь. Пили: въ честь искусства, за мужичковъ, за солдатиковъ, за художниковъ. „Шампанское“ пишетъ Погодинъ, „истощалось“. Между тѣмъ разсвѣтало, голоса начали стихать, свѣчи и глаза гаснуть. „Всѣ мы“, продолжаетъ онъ, „устали, утомились,—перецѣловались и разошлись слишкомъ веселые, чтобъ не сказать очень навеселѣ“.

Выспавшись, „или проспавшись“, дома, Погодинъ вмѣстѣ съ женою отправился разгавливаться къ князю Д. В. Голицыну, котораго, пишетъ Погодинъ, „здѣсь, при разговорахъ, на просторѣ, полюбилъ еще болѣе, сверхъ уваженія, за его возвышенный умъ, живость чувства, благонамѣренность, любовь къ Москвѣ, за его величественную грандіозную предпріимчивость на славу Отечества“.

Еще на Страстной недѣлѣ Шевыревъ объявилъ Погодину, что онъ рѣшается ѣхать съ нимъ въ Парижъ, побывавъ прежде въ Неаполѣ. Погодинъ разумѣется очень обрадовался такому драгоцѣнному чичероне для достопримѣчательностей Неаполя и Помпеи.

XXXIV.

На третій день Пасхи, 9 апрѣля 1839 года, Погодинъ „съ стѣсненнымъ сердцемъ“ простился съ Римомъ. Дорога до

Неаполя имѣла „самую дурную репутацію", а предстоящій ночлегъ въ Террачинѣ, „судя по Московской оперѣ", не представлялъ для нашего путешественника ничего привлекательнаго; а потому Погодинъ былъ доволенъ, что нашлось много спутниковъ до Неаполя. О самой же дорогѣ до этого города онъ замѣтилъ: „природа вездѣ увивительная, а людъ гадкій, такъ что смотрѣть непріятно! Безпрестанно на дорогѣ деревья усыпанныя лимонами, маслины, а что за домишки!" За то̀ Погодину удалось позавтракать близъ той знаменитой Капуи, гдѣ нѣкогда Аннибалъ отдыхалъ послѣ побѣды при Каннахъ. Но ничего не напомнило Погодину о древнемъ величіи. „Пренепріятное впечатлѣніе", замѣчаетъ онъ, „производятъ мѣста, сошедшія съ высоты исторической славы на такую низкую степень. Въ Римѣ для крайностей размѣръ другой. А здѣсь только посредственность, мелочь, дрянь".

Среди дня, при полномъ сіяніи солнца, Погодинъ въѣхалъ въ Неаполь. По указанію кондуктора, наши путешественники наняли себѣ квартиру на улицѣ di S. Lucia. „Нумера", пишетъ Погодинъ, „расположены вдоль коридора. Комнатъ пятнадцать. По коридору бѣгаютъ дѣти хозяйки, человѣкъ десять, мальчишки и дѣвченки всѣхъ лѣтъ, изпачканные, съ всклокоченными волосами, въ изорванныхъ платьяхъ. Впрочемъ полнаго нѣтъ ни на комъ, а каждому досталось по части: одинъ въ курткѣ, другой въ панталонахъ. Дѣвченки безъ поясовъ. Одна въ чулкахъ, другая въ башмакахъ. Они бѣгаютъ всѣ въ запуски по коридору, смотрятъ въ двери, подслушиваютъ. Своей комнаты нѣтъ кажется у всего семейства, которое кочуетъ по порожнимъ нумерамъ". Погодинъ ужаснулся, увидя назначенную ему комнату. Шевыревъ помѣстился въ томъ же домѣ и занялъ комнату лучшую, „но дороже". Помѣстившись, Погодинъ началъ обозрѣніе наружнаго вида города. Посѣтилъ знаменитую улицу Кіяю, на берегу моря. Не ускользнула отъ его вниманія и улица Толедо съ ея лазарони. „Ахъ Боже мой", восклицаетъ Погодинъ, „что это за существа! Неужели это граждане благоустроеннаго государ-

ства!“ Подолгу останавливался Погодинъ смотрѣть на ихъ печальныя группы. „Что же вы, Европейцы“, спрашиваетъ онъ, „чванитесь своимъ просвѣщеніемъ и хвастаетесь своей цивилизаціей. Гдѣ оно? Тысяча писакъ во Франціи, милліонъ въ Германіи, да сто въ Россіи, и то по счету Смирдина—вотъ ваше просвѣщеніе. Чего жъ оно стоитъ, какъ посмотришь во *внутренность* Франціи, Англіи, Австріи... Хороша и цивилизація съ ея цвѣтомъ—политикой и дипломатіей! Родъ человѣческій, говорятъ, идетъ къ совершенству! Есть блистательный плодъ другой-третій на этомъ деревѣ, а прочее-то что? Повапленный гробъ!“ Сердце обливалось у Погодина кровью, когда онъ смотрѣлъ на лазароновъ. „Вы“, замѣчаетъ онъ, „философы, особенно Гегелисты, особенно наши доморощенные журнальные пустозвоны, посмотрите полчаса на Неаполитанскихъ лазароновъ, на Венгерскихъ Словаковъ, на Парижскихъ каторжниковъ, на фабричныхъ Манчестера и Бирмингама,—да отвѣдайте frutti di mare, и доказывайте потомъ, что все хорошо, необходимо и разумно. Можетъ быть все хорошо, только кромѣ frutti di mare; все необходимо, кромѣ Неаполитанскихъ лазароновъ, и все разумно—кромѣ васъ!“

Посѣтивъ театръ Санъ-Карло, Погодинъ замѣтилъ одну новость, которая должна знаменовать улучшеніе нравственности въ Неаполѣ. „У всѣхъ танцовщицъ“, пишетъ онъ, „панталоны тѣлеснаго цвѣта до колѣнъ, выше котораго слѣдуетъ уже цвѣтъ голубой. Успѣхъ значительный! Не лучше ли бы платье дѣлать подлиннѣе, или прыгать пониже! Сюда же относится и заточеніе всѣхъ Венеръ и Еленъ изъ музея въ особую комнату подъ замокъ“.

15 апрѣля 1839 года, Погодинъ посѣтилъ Помпею. „Удивительная судьба Помпеи!“ восклицаетъ онъ. „Засыпавъ ее землею, золою и лавою, судьба сохранила въ ней для насъ образъ древняго города, котораго мы никакъ не могли бы возсоздать въ такой полнотѣ и ясности по описаніямъ. Такимъ образомъ погибшій городъ сталъ полезнѣе для науки всѣхъ городовъ уцѣлѣвшихъ“.

Осмотрѣвъ знаменитый Бурбонскій Музей и посѣтивъ Везувій, засыпавшій въ 79 году Помпею и Геркуланъ, 17 апрѣля 1839 года Погодинъ поплылъ изъ Неаполя въ Марсель. На пароходѣ Погодинъ увидѣлъ графиню Лаваль. „Благосклонный пріемъ которой“, вспоминалъ онъ, „въ 1831 году такъ для меня памятенъ: одна изъ немногихъ Петербугскихъ дамъ, принимающихъ участіе въ Русской Литературѣ“.

На другой день наши путешественники прибыли въ Чивита-Веккію, гдѣ ожидали ихъ Гоголь и семейство Шевырева. Съ Гоголемъ Погодинъ условился съѣхаться въ Маріенбадѣ, и первый писалъ объ этомъ своему земляку Данилевскому въ Парижъ: „Я поручилъ Погодину притащить тебя въ Маріенбадъ, куда и я тоже думаю поплестся. Кромѣ того, Погодинъ выписалъ къ лѣту туда кучу разныхъ Словенъ, такъ что мы можемъ имѣть хорошее общество, составить свой столъ и ускользнуть такимъ образомъ отъ вредоносныхъ табельдотовъ; словомъ, лечиться серьезно, методически и весело, укрѣпляя и поддерживая другъ друга, а это весьма не послѣдняя вещь на водахъ“.

Въ Ливорно пароходъ на нѣсколько часовъ останавливался, и Погодинъ, пользуясь этимъ временемъ, съѣздилъ въ Пизу. Дорога туда произвела на него пріятное впечатлѣніе. „Попечительное правленіе герцога Тосканскаго“, замѣчаетъ онъ, „обнаруживается на всякомъ шагу. Единственный изъ Италіянскихъ правителей!“ По пріѣздѣ въ Пизу онъ зашелъ въ университетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Розеллини, знатоку Египетскихъ древностей, который сообщилъ Погодину любопытное извѣстіе о Китайскихъ вазахъ, найденныхъ въ Египетскихъ гробницахъ, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Съ любопытствомъ посмотрѣлъ Погодинъ на студентовъ, расхаживавшихъ по галлереямъ и по двору. „Они“, замѣчаетъ онъ, „не похожи на прочихъ и напоминаютъ ученыхъ среднихъ вѣковъ. Не юноши, а зрѣлые мужи“.

Рано утромъ, 20 апрѣля 1839 года, Погодинъ въѣхалъ въ гавань Генуи. Обозрѣвая городъ, онъ замѣтилъ, что „ни-

какого сравненія съ Венеціею—и жизнь, и движеніе! По улицамъ ходитъ народъ, въ палаццахъ живутъ нобили. Слышны имена Доріа, Спинола, Дураццо, Бриньоле. Богатство и пышность здѣсь еще дышетъ. Генуя пережила свою соперницу, или Сардинское правительство легче Австрійскаго". Погодинъ посѣтилъ нашего консула, Ивана Яковлевича Смирнова, сына знаменитаго Лондонскаго священника, который пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе отъ Англійскаго правительства. У консула Погодинъ съ любопытствомъ разсматривалъ прекрасные портреты: Іоанна Грознаго, посла Никулина и стольника Прозоровскаго. У него же отличный портретъ Данте. Погодина принялъ Смирновъ съ Русскимъ радушіемъ, „хотя онъ и отвыкъ говорить по Русски"; но Погодинъ „изъ уваженія къ его Русскому имени, никакъ не хотѣлъ произнести съ нимъ ни одного слова на другомъ языкѣ".

Вообще Генуя произвела на Погодина пріятное впечатлѣніе. „Пріятно", писалъ онъ, „смотрѣть на веселый народъ, гдѣ бы то ни было".

Изъ Генуи онъ поплылъ въ Марсель. Южныя берега Франціи показались Погодину „очень пустыми и дикими". Даже Гіерскіе острова, въ которыхъ царствуетъ вѣчная весна, представились ему издали „какими-то безплодными каменистыми пустынями". Но тѣмъ не менѣе Погодинъ сознавался, что неравнодушно приближался къ Франціи. Спутники его, Французы, узнавъ, что онъ принадлежитъ къ ученому сословію, „пустились славить передъ нимъ премудрость Парижскую". Потомъ начали они разсказывать ему „о либеральномъ духѣ, господствующемъ во Франціи". „Знаете ли, сказалъ одинъ, что герцога Орлеанскаго мальчишки заставили недавно въ школѣ кричать: vive la république! Ха, ха, ха!" Восклицаніямъ не было конца. Погодину стало скучно слушать, и онъ обратилъ разговоръ на колоніи. Французы вооружились на запрещеніе торга Неграми. „Это нашъ капиталъ", закричали они. Среди этого разговора наши путешественники приплыли къ Марселю.

Городъ этотъ произвелъ на Погодина самое непріятное впечатлѣніе, и онъ удивлялся Фокейцамъ, вздумавшимъ здѣсь „угнѣздиться“ и быть проводниками Греческаго образованія въ Галлію. „Улицы“, пишетъ онъ „прегадкія. Соръ вездѣ кучами. Жарко... А народъ уже другой, вѣжливый, учтивый, любезный“. Французская кофейная поразила Погодина своею роскошью. „Зеркала по стѣнамъ въ золотыхъ рамахъ, шелковыя подушки на диванахъ. Газетъ двадцать насыпано на среднемъ мраморномъ столѣ“, къ которому присѣлъ Погодинъ, и взялъ на удачу листъ, „и какъ нарочно попался ему такой забубенный article, что онъ и ротъ разинулъ, не вѣря своимъ глазамъ, и принялся читать со страхомъ и трепетомъ“, и невольно вспомнилъ о Д. П. Голохвастовѣ. Погодинъ сразу почувствовалъ, что вступилъ на Французскую почву и начинаются явленія новыя, живыя, западныя съ интересами минуты. „Прощай Археологія Римская“, восклицаетъ онъ, „прощайте Италіянскіе антикваріи. Прощайте Юпитеры, Ромулы, Венеры! Прощайте мраморъ, гранитъ и мадонны. Теперь мы станемъ слушать депутатовъ!.. Держитесь крѣпче за землю, Русскіе люди!“

Для памяти о власти, Погодинъ зашелъ къ Русскому консулу Эббелингу, который его принялъ, обласкалъ, снабдилъ совѣтами и сообщилъ любопытныя свѣдѣнія.

Обходя городъ, Погодинъ замѣтилъ, что соборъ находится почти за городомъ. Бѣденъ и не чистъ. „Подумаешь, что это зданіе изъ древняго времени, что теперешніе жители исповѣдываютъ иную религію“.

Изъ Марселя Погодинъ выѣхалъ, 25 апрѣля 1839 года, въ дилижансѣ. Сопутниками его были три мужика, баба съ груднымъ ребенкомъ и толстой собакой. „Мужики“, замѣчаетъ Погодинъ, „въ родѣ нашихъ бурлаковъ, приходили работать въ Марсель, какъ у насъ ходятъ въ Одессу изъ Малороссіи“. Какъ ни безпокойно было сидѣть ему въ этомъ обществѣ, однако онъ радъ былъ „знакомымъ новаго рода“. Онъ прислушивался къ ихъ нарѣчію и примѣтилъ, что здѣшніе му-

жики „просты, тупы, но учтивы не только въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ, но и съ бабою“.

Проѣзжая Дюрансу, Погодинъ вспомнилъ „утѣху своего дѣтства“ о романѣ Дюкре Дюминиля *Пальмиръ и Вольменилъ, или деревушка на берегахъ Дюрансы.* Онъ еще помнилъ тогда всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и ему казалось, что проѣзжалъ по знакомымъ мѣстамъ! Рано утромъ, 28 апрѣля 1839 г., наши путешественники пріѣхали въ Ліонъ. Здѣсь они пробыли двое сутокъ. Вожатый по городу, указывая Погодину на знаки пуль въ домахъ, объяснялъ исторіи разныхъ революцій. „Городъ“, замѣчаетъ онъ „перемѣнялъ нѣсколько разъ свои политическія вѣрованія и всегда расплачивался жестоко съ торжествующими побѣдителями“. Соборъ, какъ и въ Марсели, плохо и не чисто содержали. Но въ особенности возмутительно было видѣть снаружи собора статуи святыхъ безъ головъ, сшибленныхъ во время революціи, и Погодинъ съ справедливымъ негодованіемъ замѣтилъ: „И правительство не подумаетъ до сихъ поръ изгладить слѣды богохульства и починить статуи!“

Въ Ліонѣ Погодинъ осматривалъ больницу, домъ страннопріимный и рабочій, и нашелъ, что „все очень просто, не совсѣмъ чисто и даже бѣдно“, и при этомъ замѣтилъ: „этой разсчетливостію исполняется гораздо лучше мысль благотворительныхъ учрежденій, чѣмъ нашею роскошью. Общество должно доставлять нуждающимся самое нужное, а роскошь— это есть уже награда, на которую имѣетъ право только заслуга, напримѣръ, увѣчный солдатъ, вдова чиновника, умершаго на службѣ отечеству, или сирота, послѣ него оставшійся“.

Въ кофейняхъ Ліонскихъ Погодинъ услышалъ о министерскомъ кризисѣ. „Вотъ тебѣ разъ!“, замѣтилъ онъ по поводу этихъ толковъ, „чтобъ не попасть намъ на какую-нибудь революцію, вмѣсто праздниковъ“.

30 апрѣля 1839 года Погодинъ выѣхалъ изъ Ліона. Въ Тарарѣ присоединились къ нимъ двѣ старушки, кои ѣдутъ въ Парижъ повидаться съ третьей своей сестрой за-

мужней. „Премилыя“, замѣчаетъ Погодинъ, „онѣ доставили въ мою галлерею два новыхъ типа Французскихъ характеровъ. Особой сгибъ ума. Мы говорили много объ ихъ образѣ жизни—тихой, смирной съ участіемъ въ плодахъ цивилизаціи. Какое-то особое добродушіе вмѣстѣ съ живостію! А вопросы ихъ объ Россіи были пресмѣшные, напримѣръ, есть ли у насъ постели, раздѣваемся ли мы ложась спать, и тому подобное. О холодѣ нашемъ и говорить нечего“.

У старушекъ оказалось два мѣсяца журнала *Le Siecle*, и Погодинъ „принялся читать, отставъ совершенно отъ политики въ Италіи, среди развалинъ Римскихъ, и не имѣя никакого понятія, что на бѣломъ или черномъ свѣтѣ дѣлается“. Каково было его удивленіе, когда онъ узналъ, что противъ Моле, котораго онъ оставилъ на верху могущества, была составлена ужасная коалиція, что Тьеръ подавалъ руку Берье, а Гизо дѣйствовалъ заодно съ Лафитомъ и Одильономъ Баро; что Моле, выходившій разъ по двадцати на каѳедру въ иное собраніе, былъ наконецъ низвергнутъ со своими товарищами, и что съ тѣхъ поръ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, никакъ не могло составиться новое министерство, et toutes les combinaisons echouèrent. „Ай, ай, ай!“, восклицаетъ Погодинъ. Въ самомъ дѣлѣ можетъ что-нибудь случиться. Спутницы наши раздѣляли, или лучше сказать, возбуждали наши опасенія. Да, что-то будетъ завтра? твердили онѣ безпрестанно“.

Наконецъ, 1 мая 1839 года, наши путешественники пріѣхали въ Фонтенебло. Прежде всего Погодинъ съ своими спутницами бросился на почту узнать, какія есть извѣстія изъ Парижа. „Все спокойно. Ну—слава Богу!“ Забывъ о голодѣ, усталости и нестерпимомъ жарѣ, Погодинъ „побѣжалъ“ осматривать дворецъ.

„Тихо шелъ онъ по обширному пустынному двору и воображалъ ту минуту, какъ прощался здѣсь Наполеонъ съ своею гвардіей. Старые гренадеры, вѣрные спутники его побѣдъ, тысячу разъ шедшіе за него на смерть, дѣлившіе съ нимъ всѣ труды и опасности, на Альпахъ и Пиренеяхъ, у

пирамидъ и въ Кремлѣ, лишались его здѣсь на вѣки и должны были идти отсюда къ присягѣ — Бурбонамъ. Что за происшествія—ужъ теперь они кажутся миѳами! Какое соединеніе именъ и понятій: Наполеонъ въ чертогахъ Людовика XIV!" Погодинъ попросилъ служителя провесть его скорѣе въ ту комнату, гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе. „Вотъ и знаменитый столъ!" пишетъ Погодинъ, „сколько думъ прошло чрезъ его голову! Чего не перечувствовало его сердце! Каково было узнавать ему здѣсь, какъ его первые слуги и наперсники—Бертье, Мармонъ, Ожеро, измѣняли ему другъ за другомъ, и онъ, по выраженію Вальтеръ-Скотта, оставался одинъ, какъ старый дубъ, съ котораго осенью слетаютъ всѣ листья".

Послѣ этой комнаты у Погодина не было духа останавливаться ни у Карла VII, ни у Франциска I, ни у Людовика XIV. Къ тому же и надо было торопиться въ дилижансъ. Все таки онъ обѣжалъ дворецъ! Всѣ стѣны увѣшаны картинами, представляющими Французскую исторію, — даже маловажныя происшествія здѣсь увѣковѣчены. „А изъ Русской Исторіи", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „увы, я не видалъ ни одной картины, ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ".

Чѣмъ болѣе приближался Погодинъ къ Парижу, тѣмъ нетерпѣніе его увеличивалось. „Признаюсь," пишетъ онъ, „я былъ неспокоенъ, почти въ смятеніи. Мысль, что я сейчасъ увижу Парижъ, о которомъ съ молодыхъ лѣтъ столько слыхалъ, читалъ, думалъ, производила особое дѣйствіе. Такова сила воображенія.

Наконецъ вотъ и Парижъ"...

XXXV.

2 мая 1839 года долго „тащился" Погодинъ съ своими спутниками длинными, узкими и кривыми улицами Парижа, и наконецъ „дотащились" до конторы дилижансовъ, въ улицѣ

Montmartre. Оставивъ жену свою „беречь пожитки“, самъ Погодинъ „пошелъ искать пріюта“. Чтобы поскорѣе отдохнуть, онъ рѣшился взять „двѣ дрянныя комнаты подлѣ дилижансовъ“. Кое-какъ перетащились, перекусили и утомленные легли спать. Проснувшись рано, Погодинъ подошелъ къ окну и сталъ внимательно разсматривать слѣдующую сцену: „Нѣсколько мальчишекъ, стариковъ, старухъ, оборванныхъ и ощипанныхъ, разсыпано вдоль улицы. Они стоятъ передъ кучами сора, выброшеннаго изъ домовъ, разбираютъ острыми крючками своими, вонзаютъ ихъ во всякую вещь, которая имъ годится: въ грязную тряпку, суконный лоскутокъ, какую-нибудь бичевку, и однимъ и тѣмъ же движеніемъ закидываютъ къ себѣ за спину, не отводя глазъ отъ кучи. Кусочки желѣза, стекла, фаянса подбираются руками. Лишь только одна куча разберется, изыскатель спѣшитъ къ другой, а куча лопатами подбирается и сваливается въ фуру, которая тихо ѣдетъ по улицѣ и вывозитъ всю нечистоту изъ города“.

Послѣ завтрака Погодинъ отправился съ письмомъ Гоголя искать Данилевскаго, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о квартирѣ; ибо оставаться на своемъ „чердакѣ было бы несносно“. Отыскавъ Данилевскаго, Погодинъ договорился съ его хозяйкою и нанялъ у нея отлично меблированную комнату, въ лучшей части города, почти подлѣ бульвара, противъ театра Италіанцевъ.

Обзоръ Парижа Погодинъ началъ Палерояленъ. „Здѣсь все есть“ замѣчаетъ онъ, „что нужно парижанину: кофейная, ресторація, бульваръ, театръ, магазины и газеты... Здѣсь все есть, чтобы въ полчаса Ивану Никифоровичу изъ натуры Гоголевой можно было нарядиться на балъ, хоть въ Тюльери. Лишь только бы деньги. Деньги, деньги—вотъ альфа и омега Палерояля. О деньгахъ здѣсь дума, о деньгахъ забота, и ни о чемъ болѣе. Къ деньгамъ устремлены всѣ мысли, желанія, рѣчи, движенія, ухищренія. Для денегъ краснорѣчіе, чувствительность, все напряженіе ума, вся изобрѣтательность воображенія. Что за суета, что за толкотня!.. Врагъ всякой роскоши,

не могши смотрѣть безъ отвращенія ни на какую безполезную вещь, я останавливался здѣсь предъ магазинами, какъ вкопанный, и смотрѣлъ разиня ротъ по нѣскольку минутъ... Ну право, можно сдѣлаться зѣвакой!..“ „Бѣгомъ, бѣгомъ побѣжалъ“ Погодинъ изъ Палерояля, прося своего спутника указать ему какой-нибудь садъ для отдохновенія,—и онъ привелъ его въ Тюльери... Погодинъ ушелъ на другой конецъ рощи и сѣлъ на лавочку, у просѣки, которая открываетъ видъ дворцу чрезъ площадь, Поля Елисейскія, улицу Нельи, вплоть до тріумфальныхъ воротъ и дороги въ Сенъ-Жерменъ... „Передо мною“, пишетъ Погодинъ, „эта знаменитая площадь Людовика XV, названная послѣ площадью Революціи, ибо здѣсь Людовикъ XVI кончилъ жизнь на эшафотѣ... Нынѣ она называется площадью Согласія. На долго ли“. По серединѣ площади стоитъ Египетскій Обелискъ, покрытый гіероглифами. Погодину желалось знать, „какой надписи случилось означать это окровавленное мѣсто, на которое удивительная судьба принесла памятникъ изъ пустынь Африканскихъ!“ Нѣсколько отдохнувъ, Погодинъ „прошелся тихими шагами по площади, погруженный въ историческія размышленія“. „Всѣ“, думалъ онъ, „вземши ножъ ножемъ и погибнутъ. Чудовище революціи пожрало само себя: герои ея истреблены другъ другомъ. Явилось новое поколѣніе на жатву съ кроваваго поля“.

Прочитавъ въ газетѣ *Vert-Vert* жалобу на безпрестанную перемѣну именъ улицамъ, Погодинъ весьма основательно замѣтилъ, что „городъ есть книга, въ коей всякая улица занимаетъ страницу. Будемъ прибавлять новые листы, но не станемъ вырывать старыхъ“.

На четвертый день по пріѣздѣ въ Парижъ, Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ и Данилевскимъ посѣтилъ Версаль. Смотря на колоссальныя статуи великихъ людей Франціи, стоящихъ на обширномъ дворѣ Версальскомъ вокругъ Людовика XIV, у Погодина „забилось сердце“. „Неужели“, спрашиваетъ онъ, „у насъ некого помянуть добромъ, неужели у насъ не было великихъ людей! Неужели Россія, это огромное

зданіе, какому свѣтъ не видалъ еще подобнаго, выстроилось само собою внезапно, и не было ни работниковъ, ни архитекторовъ! Мы, мы виноваты, что мало заботимся объ ихъ исторіи, не выставляемъ наружу ихъ знаменитыхъ дѣяній, не изслѣдуемъ ихъ характеровъ, и они тлѣютъ вмѣстѣ съ нашими хартіями, неизвѣстные неблагодарнымъ потомкамъ и свѣту. Кто первый представился мнѣ въ моемъ воображеніи— священникъ Сильвестръ, путеводитель Іоанна Грознаго, въ лучшіе годы его царствованія, потомъ св. Ѳеодосій, св. Сергій... Ломоносовъ, Карамзинъ—и я не видалъ уже ни Конде съ его обнаженною шпагою, ни канцлера Опиталя со свиткомъ въ рукахъ. Мнѣ представлялись на ихъ пьедесталахъ другія лица". Ходя по длиннымъ заламъ Версальскимъ, имѣя предъ глазами всю Французскую исторію, въ картинахъ, статуяхъ и бюстахъ, Погодинъ все думалъ о Русскихъ. „Да", замѣчаетъ онъ, „много есть у насъ людей замѣчательныхъ, оригинальныхъ, истинно достойныхъ, хотя они и другаго характера, нежели западные". Французовъ полюбилъ Погодинъ за ихъ уваженіе къ своей Исторіи. „Послушайте", пишетъ онъ, „этихъ простолюдиновъ, которые останавливаются толпами предъ всякою картиною и разсуждаютъ о всякомъ лицѣ. Они знаютъ всю свою Исторію, и національная гордость ихъ получаетъ безпрестанно благородную пищу. Вотъ короли, полководцы, вотъ писатели, министры, художники. Картины представляютъ лучшія минуты изъ жизни каждаго. Французы готовы перехвалить, чѣмъ не дохвалить, а мы наоборотъ: мы въ солнцѣ хотимъ отыскивать темныя мѣста".

Возвратившись домой, Погодинъ началъ думать о планѣ, какъ осматривать Парижъ. Но это обдумываніе онъ прервалъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Какой тутъ планъ!", пишетъ онъ, „въ Парижѣ надо жить по-Парижски, и слушаться минуты. И что мнѣ осматривать здѣсь? Заниматься въ библіотекѣ не стоитъ труда какую-нибудь недѣлю... Смотрѣть статуи, картины,—мы ѣдемъ изъ Италіи. Древности—да здѣсь все дышитъ новизною; улицы, площади перемѣняютъ чуть ли не

ежегодно свои названія; молодыхъ литераторовъ встрѣчу я всѣхъ на бульварахъ,—все ихъ хорошее я узнаю изъ ихъ книгъ—зачѣмъ же знакомиться съ ними и тратить время, котораго у меня мало. На поклонъ схожу къ одному Шатобріану; изъ историковъ мнѣ нужно побывать только у Гизо; Тьери слѣпъ и не расположенъ, говорятъ, къ Россіи: не пойду къ нему. Въ университетѣ послушаю недѣлю;—это успѣю и безъ плана. Все время посвящается кофейнымъ, палатамъ, ресторацiямъ, улицамъ, бульварамъ и спектаклямъ! Вотъ гдѣ я познакомлюсь лучше всего съ Парижемъ, съ Французами, и съ ихъ Исторіей. Прочь планы, системы, прочь всѣ узы, прочь мертвыя книги; давайте мнѣ живыхъ людей. Надѣваю короткій сюртучекъ, и пускаюсь во вся тяжкая! Ха, ха, ха! что сказали бы мои Московскіе пріятели, услышавъ это рѣшеніе! Еслибы удалось увидѣть мнѣ еще революцiйку, хоть какую-нибудь, я былъ бы доволенъ вполнѣ..."

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ счелъ своею обязанностью представиться нашему послу графу Петру Петровичу Палену, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ графа С. Г. Строганова. По дорогѣ въ посольство онъ увидѣлъ огромную колонну... „Это онъ, это онъ,—въ своей трехъ-угольной шляпѣ, въ распахнутомъ сюртукѣ!" Такъ и „охватило" Погодина „духомъ Наполеоновымъ". Онъ остановился, „какъ оглушенный громомъ. Тихо приблизился потомъ къ Вандомской колоннѣ, и обошелъ кругомъ". Невдалекѣ встрѣтилъ Погодинъ „другаго героя минуты, а можетъ быть и періода", Тьера. „Онъ", пишетъ Погодинъ, „совсѣмъ не похожъ на портретъ, который я видѣлъ въ Москвѣ. Напротивъ Тьеръ очень миловиденъ, и лѣтъ пятнадцать назадъ плѣнялъ всѣхъ субретокъ въ Парижѣ... Теперь что ни говори, это первый человѣкъ во Франціи... Жаль, что до сихъ поръ не случилось мнѣ встрѣтиться ни съ однимъ человѣкомъ, который зналъ бы его хорошо, а публичнымъ вѣстямъ вѣрить нельзя. По его сочиненіямъ я скажу только, что это умъ обширный, ясный, проницательный. Но достанетъ ли у него твердости, муже-

ства, постоянства, благородства, величія, нужнаго человѣку государственному? Писать, понимать, говорить,—и дѣйствовать, вещи различныя. Долго шелъ я за нимъ, чтобы подмѣтить его движенія. Низенькій человѣкъ, широкоплечій, но легкій, съ плутовскимъ взглядомъ, очень простой во всѣхъ своихъ пріемахъ, безъ претензій..."

Одно утро Погодинъ провелъ въ Палатѣ Депутатовъ, помѣстившись въ послѣднихъ рядахъ, до засѣданія, онъ началъ присматриваться къ лицамъ своихъ сосѣдей. „Прямо, предо мною", пишетъ онъ, „стояла такая рожа, которая до сихъ поръ подъ злой часъ мерещится мнѣ въ глаза. Вѣрно какой-нибудь каторжный. Низенькій ростомъ, лѣтъ тридцати, худой, съ рыжими полукурчавыми волосами, какіе-то сѣрые воровскіе глаза, ротъ на сторону, голосъ какъ изъ винной бочки... Ахъ какое гадкое твореніе! Другіе сосѣди, можетъ быть, не доходили еще до висѣлицы, но едва ли поручатся, что минуютъ ея впередъ. Видно было, что они не любопытствуютъ слушать преній, и что готовы продать свои мѣста... И въ самомъ дѣлѣ, лишь только отворена была рогатка, какъ они скрылись..." Въ полдень начали собираться депутаты. Сосѣди сказывали Погодину имена; другихъ узнавалъ онъ по портретамъ. „Вотъ", пишетъ онъ, „Берье съ гордой осанкою. Вотъ Гизо, пожилой человѣкъ, худощавый, строгой наружности, съ печатью размышленія на челѣ. Вотъ Одильонъ-Баро... Вотъ Дюпень..." Въ половинѣ 3-го началось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ знаменитаго адвоката Теста. Происходило преніе объ адресѣ Королю, предложенномъ Могеномъ. Засѣданіе не понравилось Погодину. Палата пустая произвела на него впечатлѣніе гораздо сильнѣе, чѣмъ послѣ, пополнившись. „Я воображалъ здѣсь", пишетъ онъ, „выборныхъ людей, по выраженію Русскихъ лѣтописей, представителей народа, облеченныхъ высокою его довѣренностію, приходящихъ сюда со всѣхъ сторонъ государства разсуждать о благѣ общественномъ, приносящихъ съ собою мѣстныя желанія и свѣдѣнія, необходимыя для правительства, являющихъ свои таланты въ

пользу, честь и славу Отечества, на самомъ высокомъ и блистательномъ поприщѣ, предъ лицомъ всего народа. Такъ воображалъ я сначала, а въ самомъ дѣлѣ ораторы представились какими-то просителями, которые, всходя на каѳедру, умоляли о вниманіи, — молодыми людьми, которые забѣгаютъ безъ нужды съ своими лишними совѣтами. А слушатели похожи на господъ, которые изъ снисхожденія удѣляютъ имъ по нѣскольку минутъ, предоставляя однакожъ себѣ право изъявлять скуку, нетерпѣніе... Гдѣ же тутъ величіе законодательнаго сословія?"... [227])

XXXVI.

Веселая жизнь въ Парижѣ была омрачена для Погодина печальнымъ извѣстіемъ изъ Москвы о кончинѣ Юрія Ивановича Венелина. Н. И. Крыловъ писалъ ему: „Венелинъ померъ, и, кажется, отъ нерѣшительности Бунге. Старикъ не хотѣлъ его принять въ больницу; это раздражило Венелина и ускорило ударъ, отъ котораго въ тотъ же день и померъ" [228]).

26 марта 1839 года, въ первый день Свѣтлаго праздника, въ Павловской больницѣ, близъ Данилова монастыря, успокоился отъ земныхъ трудовъ писатель, „желавшій возвратить Русской Исторіи вѣка протекшей славы ея, отрѣзанные у ней предразсудками и предубѣжденіями".

„Въ субботу, на Страстной недѣли", свидѣтельствуетъ Н. Ф. Павловъ, „прислали за мною отъ Венелина съ извѣстіемъ, что онъ занемогъ... а передъ самой заутреней на Свѣтлое Воскресеніе скончался. Жалко его какъ ученаго, жалко какъ и человѣка. Ему отдали мы послѣдніе знаки уваженія. Я разослалъ билеты всѣмъ почти литераторамъ, историкамъ и разнымъ другимъ: всѣ съѣхались на похороны въ церковь Павловской больницы. Гробъ его изъ церкви въ Даниловъ монастырь несли на рукахъ студенты, литераторы и историки... Я не знаю души, такъ ребячески чистой; Венелинъ сохранилъ

все благородство чувствъ, характера и всю непорочность мысли. Я всегда говорилъ про него, какъ про человѣка геніальнаго, и до сихъ поръ убѣжденъ въ этомъ" [229]).

„Нѣмцы", сказалъ Морошкинъ, „не могутъ понимать Русской Исторіи; а Шлецеръ не только не понималъ, но даже во многомъ затмилъ ея для Россіянъ: онъ создалъ методу для изученія нашей Исторіи,—это правда; но въ то же время онъ задержалъ матеріальные успѣхи ея на нѣсколько десятилѣтій. Настоящее Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Россіи приготовляетъ великій переворотъ въ Исторіи не только Русскаго, но и всего Словенскаго міра; полагаются нравственныя основанія для величайшаго народа во Всемірной Исторіи. Среди сихъ важныхъ трудовъ и еще важнѣйшихъ намѣреній и литературныхъ замысловъ, Венелина постигла ранняя смерть, къ истинной горести его товарищей и къ истинному прискорбію образованныхъ и благородныхъ Болгаръ. Наука лишилась въ немъ своего мужественнаго воина, жертвовавшаго всѣмъ для истины; Болгарія лишилась въ немъ своего вѣрнаго друга, пламеннаго ревнителя ея нравственному возрожденію. Члены Историческаго Общества, родственники и знакомые проводили тѣло его въ Московскій Даниловъ монастырь и предали землѣ.

Тѣло его тлѣетъ въ царствѣ смерти, но слово его цвѣтетъ въ Словенской Исторіи" [230]).

Самъ же Погодинъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Венелина, среди разсѣянной Парижской жизни, записалъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*, подъ 10 мая 1839 года, слѣдующее: „Услышалъ о смерти Юрія Ивановича Венелина. День кончилъ грустно. Этотъ человѣкъ былъ ко мнѣ очень близокъ лѣтъ пятнадцать, – и отстранился вслѣдствіе своей болѣзни. Миръ его праху. Судьба хотѣла сдѣлать изъ него многое и для философіи, и для Исторіи, но чего-то недостало ему и онъ погибъ, плодъ недозрѣлый!" [231])

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ кончины Венелина попались въ руки И. Е. Великопольскому его сочиненія и заронили въ душу его мысль написать драму. „Меня очень заинтересо-

валъ“, писалъ онъ Погодину, 20 августа 1841 года, „первый томъ изысканій Венелина. Его доказательства о тожествѣ Гунновъ и Болгаръ, о Россіянахъ какъ старожилахъ Россіи, и, наконецъ, прямое наименованіе Аттилы *Царемъ Русскимъ* просто не давали мнѣ покоя. Здѣсь мнѣ вдругъ пришла мысль его повѣрить. Поэтому я перечиталъ о Гуннахъ и Аттилѣ, что могъ найти и, признаюсь, отдавая справедливость остроумію покойнаго Венелина, потерялъ нѣкоторымъ образомъ уваженіе къ его добросовѣстности. Высказывая такое дерзкое своею оригинальностью мнѣніе, онъ долженъ былъ представить на разсмотрѣніе читателя все, что есть этому противорѣчащаго, и все это, опровергнуть. А онъ умолчалъ и о чемъ же: о сохранившемся описаніи наружности Аттилы, которое явно свидѣтельствуетъ о его Азіатскомъ происхожденіи—и одно наводитъ сомнѣніе на все то, что говоритъ Венелинъ *). Не смотря на это, въ изысканіяхъ его столько ума и дѣятельности, что все это можно теперь назвать загадкою. Изучивъ такимъ образомъ Аттилу въ его характерѣ и дѣяніяхъ, я (грѣшенъ) вздумалъ написать историческую драму, въ которой развернуть между прочимъ мой взглядъ на то, что я понимаю подъ историческою драмою. Изъ этой горы можетъ родиться мышь, но вы все-таки не откажетесь помочь мнѣ въ чемъ можете. А мнѣ нужно, чтобы вы указали мнѣ только на источникъ, откуда Венелинъ почерпнулъ извѣстіе о томъ, что Аттила подступалъ къ стѣнамъ Рима и что папа Левъ святой поднесъ ему скиптръ обладанія міромъ. У Венелина это въ первомъ томѣ на стр. 242. Я нигдѣ объ этомъ не нашелъ. Гиббонъ рѣшительно говоритъ, что Аттила не доходилъ до Рима, указывая на мѣсто свиданія его съ папою близъ Мантуи. Я предполагаю, что это должно быть одно изъ сказочныхъ извѣстій историковъ Венгерскихъ; но фреска Рафаеля, представляющая (сколько мнѣ извѣстно) папу выѣзжающимъ на встрѣчу Аттилѣ изъ вратъ *Рима*, служитъ нѣкоторымъ доказательствомъ о существованіи подобнаго преданія.

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 110.

Самъ папа Левъ святой упоминаетъ объ Аттилѣ только вскользь въ одномъ своемъ письмѣ, котораго мнѣ не случилось еще видѣть. Между тѣмъ это обстоятельство очень важно для драмы. Напишите строчку, но сдѣлайте одолженіе съ первою почтою. Не думайте, чтобы я вслѣдъ за Венелинымъ вздумалъ представить Аттилу Русскимъ Царемъ. Нѣтъ, пусть это останется въ драмѣ загадкою, какъ въ Исторіи" [232]).

Весьма сочувственно къ трудамъ Венелина отнеслось новое поколѣніе питомцевъ Московскаго Университета, и одинъ изъ нихъ, М. А. Стаховичъ, писалъ, въ 1841 году, къ А. Н. Попову: „Венелина я уже читалъ, теперь буду изучать, т.-е. наизусть учить. Поучи-ка, братъ, и ты его. Эту пропаганду, ей Богу, надобно взять эпиграфомъ всякой Русской ученой дѣятельности Русскаго человѣка. Богъ его намъ послалъ и поставилъ насъ въ такое положеніе, что мы не можемъ, подобно другимъ, охуждать его направленіе за нѣкоторыя утрированныя фразы. Это, братъ, великія мысли, и мысли православныя, какъ онъ самъ выражается, и вѣрныя по силѣ и простотѣ убѣжденія... Если прочелъ ты или прочтешь его *Болгаръ*, то увидишь, что у него было цѣлое ученіе въ головѣ... Его можно понимать сердцемъ, и большую часть его тезисовъ только и возьмешь что на *вѣру*; а покажи мнѣ хоть одно, разумѣется неправославное, ученіе до сихъ поръ, которое бы пользовалось этимъ преимуществомъ въ своихъ положеніяхъ... Потому-то Венелинъ ближе всѣхъ къ намъ, и мы объ немъ не можемъ отзываться, какъ другіе; даже не можемъ говорить: *все-таки, но* и пр. классическія выраженія" [233]).

Оплакавъ кончину несчастнаго Венелина, перейдемъ къ продолженію описанія Парижской жизни Погодина. Утомленный суетою, Погодинъ, 10 мая 1839 г., записалъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*: „Шататься наскучило. Стану ходить въ университетъ". Началъ онъ съ Сорбоны. „Вблизи, какъ зданіе", пишетъ Погодинъ, „оно возбуждаетъ уваженіе гораздо меньше, чѣмъ издали... Аудиторіи премизерабельныя... Лавки худы, испачканныя, изрѣзанныя". Погодинъ присутствовалъ

на торжественномъ собраніи Факультета наукъ нравственно-политическихъ. Вся зала была уже полна, когда пришелъ туда Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ. Въ этомъ засѣданіи Минье, извѣстный авторъ Исторіи Французской Революціи, читалъ похвальное слово Талейрану. Слушать его собрались дамы, вельможи, старики, старухи, дѣвушки. „Вотъ Пакье“, пишетъ Погодинъ, „безсмѣнный президентъ Палаты Перовъ. Физіономія его не понравилась мнѣ. Вотъ Сальванди, эксъ-министръ просвѣщенія, авторъ жизни Собіесскаго. Вотъ А. И. Тургеневъ. Вотъ идетъ, опираясь на костыляхъ, графъ Симеонъ, министръ Неаполитанскій, товарищъ Талейрана; вотъ старикъ графъ Сезакъ, развалина временъ Бурбонскихъ... Наконецъ выходитъ ораторъ... Его провожаетъ деканъ политическихъ наукъ Дюпень... Воцаряется молчаніе. Дюпень садится на свое предсѣдательское мѣсто между Минье и Росси... Вниманье стремится къ Минье. Онъ началъ... Посѣтители слушаютъ его съ глубокимъ вниманіемъ—многіе изъ нихъ знали лично Талейрана... По неволѣ у инаго поднимется голова, забьется сердце, канетъ даже слеза“.... Погодинъ замѣтилъ совѣтъ, данный Талейраномъ Наполеону: отдать Молдавію и Валахію Австріи, отдалить ее отъ Италіи, и приблизить къ Россіи. „Далеко видѣлъ онъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „но Россія, Россія видитъ дальше: не перехитрить ея никакому Талейрану, какъ и не побороть ея никакому Наполеону“... Минье судилъ о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, разбиралъ всѣ государственныя мѣры, говорилъ искренно, не обинуясь: хорошо, дурно. „Положимъ“, пишетъ Погодинъ, „это можно позволить человѣку, который заслужилъ свое право двацатилѣтними трудами, ученьемъ, размышленіемъ, политическимъ поведеніемъ; но не всякому площадному гаеру, сзывающему народъ въ свой балаганъ, не всякому наемному крикуну, которому должно зажимать ротъ!“ Съ половины рѣчи Погодинъ отсталъ отъ Минье и не слушалъ, „а самъ читалъ въ умѣ давно задуманное похвальное слово Карамзину“. Но тѣмъ не менѣе это засѣданіе произвело на Погодина самое пріятное

впечатлѣніе. „Вотъ такихъ собраній“, пишетъ онъ, „желаю я моему Отечеству. Вотъ такимъ собраніямъ, цвѣтамъ цивилизаціи, я завидую какъ гражданинъ“.

Между тѣмъ исполнилось желаніе Погодина, 12 мая 1839 года въ Парижѣ „совершилась революція“.

„Въ 5-мъ часу“, пишетъ онъ, „пошли мы обѣдать въ гостинницу de l'Opera, чтобы послѣ обѣда идти тотчасъ въ театръ, гдѣ будетъ танцовать Фанни Эльснеръ, соперница нашей Тальони. На дорогѣ сказали намъ, что гдѣ-то строятся баррикады, и начинается волненіе. Мы пропустили мимо ушей... Отобѣдали очень умѣренно и пошли въ театръ... Послѣ перваго дѣйствія пошелъ я провѣдать въ foyer, не случилось ли чего-нибудь въ самомъ дѣлѣ?.. На многихъ лицахъ видно безпокойство. Прохаживаясь, услышалъ я тамъ и сямъ слова страшныя: ружья, кровь, національная гвардія... О, о, о! Гдѣ-то остановили омнибусы, и вывели всѣхъ сѣдоковъ. Признаюсь, это было непріятно слышать для нашихъ сѣверныхъ ушей. Между тѣмъ заиграла музыка. Всѣ пошли смотрѣть второе дѣйствіе. Послѣ пьесы извѣстія подтвердились и умножились; смущеніе примѣтно вездѣ... Дамы вздыхаютъ... Мнѣ стало уже жутко, потому что я былъ съ женою... Но вотъ опять поднимается занавѣсъ, Фанни Эльснеръ танцуетъ Сильфиду. Парижане смотрятъ и хлопаютъ. Смотримъ и мы, а на сердцѣ кошки скребутъ... Спектакль кончился... Я съ женою бѣгомъ; смотрю—бѣгомъ и всѣ... Ай! ай ай!.. Ну слава Богу мы дома. Вслѣдъ за нами и Шевыревъ... Съ непривычки перетрусились жестоко. По сторонамъ слышались удары. Вѣдь это выстрѣлы?.. Вотъ вамъ и Парижъ!.. Только - что проснулись мы, какъ горничная наша дѣвушка возвѣстила намъ, что министерство составлено и возмущеніе кончилось: но что вчера кровопролитіе было ужасное, что подлѣ насъ убитъ адъютантъ военнаго министра... Такъ вотъ что значатъ эти синія рубашки, блузы и фуражки, коихъ въ послѣдніе два дня показалось множество, и коимъ удивлялись мы столько!... Между тѣмъ, смущеніе господствуетъ всеобщее... Чего-то ожидаютъ“. То-

варищъ Погодина Шевыревъ направлялся въ университетъ по предназначенному плану. Погодинъ никакъ не могъ его отговорить—ни страхомъ, ни надеждою увидѣть изъ дома вещи любопытныя. „Я поѣду смотрѣть, какъ политика мѣшаетъ наукѣ", твердилъ онъ, и поѣхалъ, а Погодинъ остался слушать лекціи, „какія читала ему улица". Между тѣмъ безпокойство увеличивалось. „Плохо дѣло!", подумалъ Погодинъ, „и скорѣе домой, и сѣлъ подъ окошко". Раздались барабаны... Въ 3-мъ часу стало какъ-то потише: барабаны умолкли"...

Изъ газетъ Погодинъ узналъ, что Готье, „вчерашній" министръ финансовъ, находился сегодня на конѣ, въ рядахъ національной гвардіи, къ которой онъ причисляется; что президентъ Академіи Наукъ Шеврель не могъ занимать въ академическомъ засѣданіи своего мѣста, потому что находился при отрядѣ національной гвардіи, въ которой онъ служитъ капитаномъ. „Президентъ Академіи Наукъ", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „изволь подставлять лобъ первому встрѣчному негодяю!"

Между тѣмъ до Погодина дошелъ слухъ о большомъ заговорѣ, который еще не открытъ. Это напугало его, и онъ писалъ: „не убираться ли намъ совсѣмъ съ этого политическаго Везувія!"

XXXVII.

Оставя политику въ сторону, Погодинъ пожелалъ познакомиться съ Парижскими профессорами, чтобъ получить понятіе „объ ихъ лекціяхъ, ихъ ораторскихъ пріемахъ — что говорятъ они, на что намекаютъ, что предоставляютъ слушателямъ". Съ этою цѣлью онъ отправился въ College de France и попалъ на лекцію Сенъ-Маркъ-Жирардена, который читалъ о Мольеровомъ *Тартюфѣ*. Говорилъ премного о генеалогіи Тартюфа, начиная съ древнихъ авторовъ, т.-е. о сочиненіяхъ, которыхъ предметомъ было лицемѣріе. „Но какое низкое", замѣчаетъ Погодинъ, „преступное понятіе имѣетъ профессоръ

о религіи. Милостивые государи, сказалъ онъ, въ наше время не должно бы написать Тартюфа. При Людовикѣ XIV религія была торжествующая, — выступить противъ нея тогда было смѣло, благородно... Въ наше время, когда церковь пользуется гораздо меньшимъ уваженіемъ, когда она имѣетъ болѣе враговъ, чѣмъ друзей, Тартюфъ былъ бы анахронизмомъ". Потомъ Погодинъ посѣтилъ лекціи Форіеля и Дамирона. Форіель, авторъ исторіи южной Галліи и другихъ важныхъ сочиненій, при Погодинѣ читалъ отрывками одну драму Лопе-де Вега... „Скука смертная", замѣчаетъ Погодинъ, „слушателей было очень мало. Видно впрочемъ, что онъ не шарлатанъ". Дамиронъ излагалъ возраженія Гассенди о безсмертіи души. „Самыя пошлыя мысли онъ считалъ за великое", отзывается Погодинъ, „и предлагаетъ свои замѣчанія еще мельче— и съ какимъ важнымъ тономъ!" На другой день Погодинъ слушалъ знаменитаго Мишле и очень остался недоволенъ его лекціею. Мишле читалъ о войнѣ Французовъ съ Англичанами и „метался всюду", такъ что Погодину почему-то „было стыдно за него". Нѣсколько минутъ прослушалъ Шарпантье о градѣ Божіемъ Августина. Больше всѣхъ понравился Погодину Росье-Сентъ-Илеръ. Онъ читалъ объ Испаніи; но за то, по замѣчанію Погодина, „сказалъ онъ нѣсколько такихъ вещей, за которыя надобно посадить его на покаяніе недѣли на двѣ". „Всякій народъ", сказалъ профессоръ, „котораго воспитаніе привязывается къ одной книгѣ, осужденъ на неподвижность, бездѣйствіе: это доказываютъ намъ Аравитяне съ ихъ Кораномъ, Евреи съ Ветхимъ Завѣтомъ". „Чему же удивляться". замѣчаетъ Погодинъ, „что въ Парижѣ такъ часто строятся баррикады? Ну какъ не побѣжать какой-нибудь горячкѣ изъ аудиторіи на площадь и не принять участіе въ первомъ встрѣчномъ мятежѣ". Отъ Жерюзе Погодинъ узналъ „занимательныя біографическія подробности о Лабрюэрѣ; но въ чтеніи и этого профессора примѣтилъ стремленіе „польстить демократическому направленію".

„Недовольный профессорами литературы", пишетъ Пого-

динъ, „послушаю натуралистовъ. У Бленвиля—говоритъ хорошо, но ужасная амплификація. Бомонтъ — сквозь зубы и скучно. Оптикой у Депре также недоволенъ. Ленорманъ, намѣстникъ Гизо, профессоръ Исторіи, говоритъ туго, но сказалъ въ своей лекціи много хорошаго: о св. Доминикѣ, о духѣ Испанскаго духовенства, о развратѣ Прованса, о роли Арабовъ и происхожденіи Альбійцевъ, объ Иннокентіи III“.

Въ Ecole du droit Погодинъ слушалъ лекцію Росси. „Профессоры юристы“, замѣчаетъ онъ, „читаютъ свои лекціи въ черныхъ тафтяныхъ мантіяхъ, съ краснымъ подбоемъ. Росси преподавалъ, точно какъ шарлатанъ Среднихъ Вѣковъ, съ таинственнымъ видомъ, сообщавшій свои никому неизвѣстныя свѣдѣнія подобострастнымъ адептамъ, слово за словомъ“. Но Погодинъ изъ его лекцій не вынесъ для себя ничего новаго.

И вспомнился Погодину близкій его сердцу Московскій Университетъ, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что тамъ, „вѣрно читаются теперь лекціи подѣльнѣе этихъ пресловутыхъ Французскихъ; но у насъ нѣтъ *Journal des dêbats*, который бы разглашалъ ихъ стоустою своей трубою“.

Переслушавъ множество профессоровъ, слышавъ актеровъ, проповѣдниковъ, ораторовъ, „я“ замѣчаетъ Погодинъ, „набрался разныхъ пріемовъ, движеній, удареній, остановокъ, полезныхъ или лучше эффектныхъ для профессора, которыми бы легко можно было пустить пыль въ глаза иному посѣтителю, но не знаю, достанетъ ли у меня терпѣнія, чтобы ими воспользоваться и иллюминовать свою лекцію. Чувствую, что жаль будетъ и короткаго времени на это шарлатанство, впрочемъ имѣющее свое значеніе и даже пользу для студентовъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину удалось посѣтить Гизо и Мицкевича. Опасаясь нечаяннымъ появленіемъ обезпокоить Гизо, Погодинъ рѣшился написать къ нему слѣдующую записку: „Пріѣхавъ въ Парижъ, я желалъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Вижу, что теперь вы слишкомъ заняты дѣломъ государственнымъ, и не хочу мѣшать вамъ. Посылаю вамъ переводъ одной моей исторической лекціи“. На другой же

день Погодинъ получилъ отъ Гизо очень любезный отвѣтъ, въ которомъ онъ приглашаетъ его къ себѣ въ воскресенье и благодаритъ „съ комплиментомъ“ за его брошюру. Въ назначенное время, т.-е. 26 мая 1839 года, Погодинъ отправился въ Ville l'Evèque, гдѣ въ небольшомъ домѣ жилъ Гизо. По довольно тѣсной лѣстницѣ входитъ Погодинъ вверхъ. Служитель изъ передней, въ которой едва можно повернуться, проситъ его въ пріемную, а самъ пошелъ докладывать своему господину. Въ пріемной едва ли десять человѣкъ могло бы помѣститься безъ тѣсноты. Въ переднемъ углу висѣлъ портретъ хозяина. Минуть черезъ пять пригласили Погодина въ кабинетъ. „Комната“, по замѣчанію его, „еще уже пріемной, профессорская, уставленная полками по стѣнѣ съ книгами, кромѣ передняго угла, въ коемъ стоялъ письменный столъ“. Гизо принялъ нашего путешественника очень ласково и началъ тотчасъ разспрашивать объ университетѣ, курсахъ, профессорахъ, студентахъ, библіотекахъ, состояніи ученыхъ въ Россіи. Погодинъ видѣлъ въ его вопросахъ уже не историка, не литератора, а министра, который хочетъ узнать, въ какомъ положеніи его часть находится въ другомъ государствѣ. Погодинъ отвѣчалъ ему подробно, обративъ особенное вниманіе на обезпеченное состояніе профессорскихъ семействъ. Послѣ онъ перевелъ разговоръ на Исторію и между прочимъ сказалъ Гизо, что хотѣлъ писать къ нему письмо, когда вышла его *Исторія Цивилизаціи въ Европѣ*, и объяснить, что „его разсужденіямъ недостаетъ цѣлой половины, т.-е. Восточной Европы, государствъ Словенскихъ, кои представляютъ важныя видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учрежденій“. Гизо пожалѣлъ, что Погодинъ не исполнилъ своего намѣренія, которое было бы для него очень пріятно. На это Погодинъ сказалъ: „Вы выступили вскорѣ на другое поприще и промѣняли прошедшую Исторію на настоящую; я подумалъ, что у васъ недостаточно времени для прежнихъ занятій“. О, нѣтъ, они всегда для меня пріятны, отвѣтилъ Гизо и просилъ Погодина „возвратиться къ намѣренію написать ему письмо и увѣдомлять его о своихъ исто-

рическихъ трудахъ“. Погодинъ, замѣтивъ, что Гизо дожидается другое лицо, простился съ нимъ и пожелалъ ему успѣха въ его государственныхъ трудахъ.

4 іюня 1839 года Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ посѣтилъ Мицкевича, жившаго въ отдаленной части города за Palais de Luxenbourg. Съ перваго взгляда на давно знакомыя черты, Погодинъ примѣтилъ, что Мицкевичъ „похудѣлъ, посѣдѣлъ, постарѣлъ“; но въ ту же минуту онъ узналъ вошедшихъ къ нему старинныхъ Московскихъ пріятелей и удивился, какъ они нисколько не перемѣнились. На это Погодинъ ему сказалъ. „Да, мы не перемѣнились, а зачѣмъ же вы перемѣнились?“ Комната, въ которой Мицкевичъ принялъ нашихъ путешественниковъ, была порядочная, но безъ всякаго убранства. На немъ былъ старый изношенный халатъ. Въ Римѣ Погодинъ узналъ отъ княгини З. А. Волконской, что Мицкевичъ раскаивается, и Погодинъ пожелалъ лично въ этомъ удостовѣриться. „Ахъ!“, пишетъ онъ, „какъ бы я желалъ броситься къ нему на шею и сказать ему, чтобъ онъ предался великодушію Русскаго Государя,—но не могъ выговорить, и рѣшился въ умѣ написать когда-нибудь къ нему письмо въ защиту Русской Исторіи передъ Польскою и доказать ему исторически необходимость соединенія Польши съ Россіей“. Мы уже знаемъ, что Погодинъ давно собирался начать состязаніе съ Лелевелемъ, которому, пишетъ онъ, „всѣхъ менѣе могу простить революцію. И непремѣнно исполню это, справясь со своими литературными дѣлами“. На вопросъ о занятіяхъ Мицкевичъ отвѣчалъ, что у него много начато, но что нѣтъ ничего близкаго къ окончанію. Онъ преданъ теперь болѣе всего Исторіи, и, удивляясь Древностямъ Словенскимъ Шафарика, сказалъ, что изслѣдованія сего послѣдняго сдѣлали ненужнымъ его собственныя. А что дѣлаетъ Лелевель? спросилъ Погодинъ. „Богъ его знаетъ“, отвѣчалъ Мицкевичъ съ неудовольствіемъ, „пишетъ протесты, и тому подобное“. Мицкевичъ обратилъ разговоръ на другое и по поводу своихъ послѣднихъ чтеній сообщилъ Погодину и Шевыреву нѣсколько замѣ-

чаній о Монголахъ, объ отважныхъ планахъ ихъ завоеваній изъ глубины Китая до Моравіи, о силѣ въ негоціаціяхъ, толкѣ въ управленіи. Кромѣ того съ Мицкевичемъ Погодинъ разсуждалъ о Словенскихъ памятникахъ. „Да", замѣчаетъ Погодинъ, „съ Словенами то же, скажу здѣсь кстати, что съ Колумбомъ: онъ открылъ Новый Свѣтъ, а имя получилъ этотъ Свѣтъ отъ счастливаго его преемника Америка... Нѣмцы изгладили Словенское имя изъ лѣтописей, изъ Исторіи, съ лица земли". Отъ Словенъ разговоръ перешелъ къ Французамъ и Парижской жизни. „Люди здѣсь", сказалъ Мицкевичъ, „разцвѣтаютъ скоро и вянутъ, бросаясь во внѣшнюю жизнь... Простота здѣсь теперь новость и производитъ эффектъ... Въ Парижѣ я не захотѣлъ бы жить. Развѣ въ Италію, тамъ можно еще творить".

Изъ Парижскихъ ученыхъ Погодинъ, между прочимъ, познакомился съ знаменитымъ еллинистомъ Газе, которому обязаны мы изданіемъ Льва Діакона, столько важнаго для Русской Исторіи.

Парижская библіотека произвела на Погодина грандіозное впечатлѣніе. „Вотъ она—милліонно-книжная", замѣчаетъ онъ, „самая многочисленная, первая въ Европѣ. Вхожу въ залу—зала сажень во сто длиною... За столами сидятъ человѣкъ триста, читаютъ и выписываютъ. Величественное зрѣлище особаго рода. Совершенное безмолвіе. Прошелъ съ почтеніемъ на цыпочкахъ вдоль этой спокойной фаланги". Погодинъ спросилъ себѣ Жебленя, чтобъ справиться, нѣтъ ли чего тамъ о Вандейскомъ нарѣчіи. Погодину, какъ намъ извѣстно, очень хотѣлось съѣздить въ Вандею и, по указанію Хомякова, поискать тамъ Словенскихъ слѣдовъ; ибо тамъ было Словенское племя, которое офранцузилось, какъ „можетъ быть Латинское ословенилось и произвело Литву и Польскую шляхту". Свойства Вандейцевъ „указываютъ мнѣ", замѣчаетъ Погодинъ, „ихъ происхожденіе всего убѣдительнѣе. Отчего такая рѣзкая противоположность у нихъ съ характеромъ прочихъ племенъ Гальскихъ, отчего такая преданность помѣщикамъ и королямъ, которая никакъ не ослабляется, не смотря

ни на время, ни на обстоятельства?“ Тогдашнія политическія обстоятельства помѣшали Погодину съѣздить въ Вандею. „Тотчасъ попадешься“, пишетъ онъ, „за шпіона, и изволь писать изслѣдованіе въ Управу Благочинія (tribunal de police correctionnel)“. У Жеблена Погодинъ не нашелъ ничего о нарѣчіи Вандейскомъ. Въ библіотекѣ Погодинъ пересмотрѣлъ Словенскія рукописи, которыя занимали двѣ полки, и сдѣлалъ выписку изъ житія св. Саввы Освященнаго, писаннаго на пергаментѣ въ XIII столѣтіи. Погодинъ также пересматривалъ Греческіе кодексы Георгія Амартола. „Обернувшись нечаянно отъ своей рукописи“, пишетъ онъ, „увидѣлъ у другого стола, тоже за рукописью, П. Я. Петрова, нашего Московскаго кандидата, котораго имѣлъ счастіе представить и рекомендовать нашему министру, и который тотчасъ былъ имъ принятъ, пристроенъ, надѣленъ средствами, и теперь, по отзывамъ Европейскихъ оріенталистовъ, обѣщаетъ Россіи первокласнаго ученаго... Прилежаніе у него всегда было безпримѣрное, охота, можно сказать, смертная, способности отличныя, и при всемъ томъ онъ могъ всегда довольствоваться коркою хлѣба, стаканомъ воды и чашкой чаю“. По окончаніи занятій, Погодинъ вмѣстѣ съ Петровымъ пошли домой и дорогою „совершили путешествіе по всему Востоку, по колику онъ представляется на Западѣ“. Въ Библіотекѣ Погодинъ также разсматривалъ древнѣйшіе списки Григорія Турскаго, перваго лѣтописца Франціи, жившаго въ V вѣкѣ, а лѣтопись его сохранилась въ спискахъ VIII и IX в.; „слѣдовательно“, замѣчаетъ Погодинъ, „тремя и четырьмя стами лѣтъ моложе своего подлинника, а у насъ невѣжи соблазняются тѣмъ, что не дошелъ подлинникъ Несторовъ, и что древнѣйшій списокъ моложе его двумя стами пятидесятью годами!“

XXXVIII.

19 мая 1839 года въ омнибусѣ Погодинъ отправился въ Луксембургъ смотрѣть галлерею новыхъ Французскихъ худож-

никовъ. „Что за ужасы, какіе предметы!“ восклицаетъ Погодинъ, „убійства, испуги, грабежи, умирающіе, разслабленные, неистовыя, отчаянные, — вотъ герои. Это сколокъ съ терроризма революціи, такой же сколокъ, какъ и новѣйшая Французская литература... Я увелъ скорѣе жену изъ этого живописнаго ада прогуляться по прекрасному обширному саду, въ тѣнистыхъ каштановыхъ аллеяхъ“.

Пробывши одинъ день дома, по причинѣ болѣзни жены, Погодинъ занялся чтеніемъ *Charivari* и ужаснулся. „Вещи непозволительныя!“ замѣчаетъ онъ съ негодованіемъ, „что останется священнаго въ государствѣ послѣ такихъ выходокъ. Какъ можетъ переносить добрый гражданинъ существованіе такихъ мерзостей и не вопіять противъ такого злоупотребленія? Я спрашиваю, чѣмъ отличается дикое общество отъ благоустроеннаго, въ которомъ допускаемы безнаказанно подобныя хулы? Такія явленія обнаруживаютъ всего вѣрнѣе слабость правительства и развратъ общества. Безсовѣстные журналисты кричатъ безъ памяти, спорятъ и доказываютъ, что преступники 12 мая должны быть судимы присяжными, а не Палатою Перовъ... Зачѣмъ хотите вы несчастныхъ присяжныхъ подвергать неминуемой опасности и приводить въ искушеніе, или съ другой стороны поощрять мятежничество? Мало ли его у васъ?“

Зашедши однажды въ одинъ изъ театровъ, Погодинъ попадаетъ на дѣтскій спектакль. Въ ложахъ и партерѣ сидѣли дѣти всѣхъ возрастовъ, съ своими нянъками. Играли, какъ нарочно, піесу, которой дѣйствіе происходитъ въ Россіи. „Глупость невыносимая“, замѣчаетъ Погодинъ, „вотъ какимъ вздоромъ думаютъ поучать дѣтей“. Содержаніе піесы слѣдующее: Русскій офицеръ на охотѣ, дѣлаетъ всякія шалости, отдаетъ пренелѣпыя приказанія своему казаку. Другъ офицера, или гувернеръ, вѣрно французъ, старается удержать его своими совѣтами отъ дурачества. Напрасно: офицеръ не слушаетъ, бьетъ по щекамъ казака... Что вы дѣлаете? говоритъ ему дядька. Какъ вамъ не стыдно бить по щекамъ человѣка вамъ подобнаго?—Нѣтъ, не подобный

онъ мнѣ, развѣ вы не знаете, что въ Россіи только два сословія—господа и рабы, и что мы должны ихъ бить, чтобъ они насъ слушались!—Потомъ офицеръ приказываетъ зажечь дворы крестьянъ, помѣшавшихъ ему на охотѣ. „Другая пьеса“, замѣчаетъ Погодинъ, „еще глупѣе, еще несообразнѣе съ дѣтскимъ возрастомъ. Всѣ пороки самые зрѣлые на сценѣ. Удивляюсь, какимъ образомъ правительство не приметъ подъ свою цензуру этихъ гадкихъ представленій, коими съ нѣжныхъ лѣтъ невинныя дѣти знакомятся со всѣми пороками и развращаются“... Въ другомъ театрѣ Погодинъ видѣлъ на сценѣ всѣ возможные ужасы: „убійства всѣхъ родовъ, отцеубійства и сыноубійства, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и пр. Не говорю уже о выходкахъ противъ религіи, противъ Короля“.

Наконецъ Погодинъ попалъ въ Palais de Justice. „Большая часть судовъ“, пишетъ онъ, „расположены рядомъ въ одной связи... Адвокаты въ черныхъ мантіяхъ, въ такихъ же шапкахъ, какъ вороны летаютъ взадъ и впередъ по разнымъ направленіямъ... Народъ, кажется, терпѣть ихъ не можетъ... Впереди стоитъ обыкновенно столъ, за которымъ сидятъ судьи около президента. Направо истцы съ адвокатами, свидѣтелями; налѣво отвѣтчики съ своею свитою“. Погодинъ былъ восхищенъ судопроизводствомъ и думалъ, что злоупотребленій при ономъ быть не можетъ. Но не такъ отозвался ему извощикъ, съ которымъ, возвращаясь домой, Погодинъ завелъ рѣчь о судахъ и началъ хвалить ихъ распорядки. „Какъ бы не такъ“, отвѣчалъ извощикъ, усмѣхаясь, „найдете вы здѣсь правду! Будьте увѣрены, что бѣдный никогда не бываетъ у насъ правымъ, а богатый виноватымъ“. Возможно ли, что ты болтаешь, возразилъ Погодинъ. „Да такъ“, отвѣчалъ извощикъ, „потому что богатый имѣетъ всегда случай нанять адвоката побойчѣе, который черное умѣетъ сдѣлать бѣлымъ, такъ гдѣ же бѣдному съ нимъ тягаться?“ Да что же дѣлаетъ судья? спросилъ Погодинъ, заикаясь. Глупыхъ судей у васъ быть не можетъ? „Умный судья“, отвѣчалъ извощикъ, „еще хуже: онъ не предложитъ такихъ вопросовъ, изъ которыхъ обнаружилась

бы правда". По поводу этого разговора съ извощикомъ, Погодинъ восклицаетъ: „О люди, люди! вездѣ вы одни и тѣ же. Разумѣется, формы здѣсь поглаже, понѣжнѣе, поблистательнѣе, а идеи все тѣ же, и наша пословица имѣетъ свою силу: не бойся суда, а бойся судьи... По законамъ нельзя судить о правахъ безусловно. Нотабена для исторіи",

Съ товарищами Погодинъ нанялъ коляску и отправился на кладбище отца Лашеза и на дорогѣ вспомнилъ о Ваганьковскомъ кладбищѣ... „Но вѣдь я", замѣчаетъ онъ, „не на Ваганьковскомъ кладбищѣ, подлѣ Мерзлякова и Калайдовича, гдѣ отецъ мой назначалъ мѣсто для своей семьи, а на кладбищѣ отца Лашеза въ Парижѣ". Кладбище это произвело на Погодина сильное впечатлѣніе, и онъ произнесъ *слово примиренья* и мужамъ революціи, и слугамъ Наполеона, и героямъ послѣднихъ дней. „Миръ вамъ", пишетъ онъ, „миръ вамъ, люди славные и безславные, люди виноватые и невинные, кипѣвшіе жаждою дѣятельности на площади и проведшіе скромную жизнь среди уединенныхъ келій! Съ дальняго сѣвера, изъ страны, для васъ чужой и неизвѣстной, приношу я вамъ теперь мирный свой поклонъ. Сердце мое билось въ молодости, бьется подъ часъ и теперь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, когда я размышляю о вашихъ дѣяніяхъ, углубляюсь въ ваши завѣщанія, скорблю о вашихъ заблужденіяхъ, или благословляю ваши добрыя намѣренія и высокіе порывы. Примите жъ мою горячую благодарность за эти драгоцѣнныя минуты,— тихую молитву за спасеніе душъ вашихъ".

Иное чувство овладѣло Погодинымъ, когда онъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ посѣтилъ каменную палатку на берегу Сены, называемую La Morgue, гдѣ на покатыхъ нарахъ выставляются на показъ неизвѣстныя мертвыя тѣла, находимыя полиціей,—утопленниковъ, удавленниковъ и другихъ самоубійцъ, надъ которыми сверху вывѣшивается платье, въ коемъ они найдены, равно какъ и всѣ вещи, при нихъ бывшія. „Страшное зрѣлище!", пишетъ Погодинъ, „эти трупы, какъ будто брошенные, нагіе, окровавленные, разтрепанные,—эта ком-

ната не жилище, а кладбище людей непогребаемыхъ, съ ея голыми, сырыми стѣнами, съ грязнымъ поломъ,—эта толпа людей чуждыхъ, которые изъ любопытства приходятъ смотрѣть чрезъ открытую перегородку на несчастныхъ своихъ братій и отыскивать между ними своихъ знакомыхъ и родственниковъ... Согласенъ, что это превосходное, необходимое полицейское учрежденіе для такого многолюднаго и развратнаго города, какъ Парижъ, но оно должно быть какъ-нибудь измѣнено. Народъ, смотря безпрестанно на такіе трупы, привыкаетъ къ кровавымъ зрѣлищамъ; ожесточается сердце". Шевырева это зрѣлище тоже поразило, и онъ замѣтилъ: „И нѣтъ образа, нѣтъ молитвы за несчастнаго покойника—одна полиція".

Чтобы вознестись горѣ, Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ посѣтилъ соборъ Notre Dame de Paris. По замѣчанію Погодина, выпуклыя статуи по соборнымъ стѣнамъ, святыхъ и королей, всѣ стоятъ безъ головъ со временъ революціи. Во внутренности собора замѣтны какая-то бѣдность, небреженіе. Наши путешественники поднялись на колокольню. „До этой высоты не досягаютъ дикіе вопли страстей, которые раздаются тамъ, тамъ внизу, и волнуютъ легковѣрныя сердца бѣдныхъ, слабыхъ людей. О! Никогда не забуду этой торжественной минуты! Точка покоя надъ пропастью, гдѣ свирѣпствуютъ бури, гремятъ громы, бушуютъ вихри и суетятся люди! Я понялъ Моvсея на горѣ Синайской и два рога, коими исходило сіяніе изъ главы его! И поклоненіе золотому тельцу представилось мнѣ живо. Нѣсколько минутъ сидѣлъ я въ нѣмомъ восторгѣ.. Это была лучшая моя минута въ Парижѣ. Успокоясь, мы начали читать съ Шевыревымъ главу изъ Виктора Гюго объ этой церкви; вспоминали Московскій звонъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія, какъ онъ слышится изъ Кремля; потомъ разбирали планъ Парижа, который разстилался предъ нами на пространство неизмѣримое!.. О горе тебѣ, Вавилонъ".

XXXIX.

11 іюня 1839 года Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ предприняли путешествіе въ Англію. До Булона они доѣхали въ дилижансѣ и тамъ сѣли на пароходъ и поплыли въ Лондонъ. Верстъ за двадцать до города начали показываться лодки, суда, корабли, пароходы. Чѣмъ ближе, тѣмъ становилось ихъ больше и больше, наконецъ пароходы стали „такъ и шмыгать другъ около друга, какъ гондолы въ Венеціи, какъ омнибусы въ Парижѣ". Показался Гринвичъ... Наконецъ, 13 іюня 1839 г., приплыли къ Лондону. „Вотъ онъ", восклицаетъ Погодинъ, „всемірный базаръ, вотъ столица народа купующаго и продающаго, съ похотью очей и гордостью житейской, который трудится изъ всѣхъ силъ, ломаетъ себѣ голову и шею, ухищряется, выдумываетъ, мерзнетъ у полюсовъ и печется подъ экваторомъ,—съ одною цѣлію пріобрѣтать себѣ больше и больше; народа, который богаче и бѣднѣе всѣхъ въ мірѣ, народа, у котораго личное право развилось наиболѣе, у котораго домъ есть крѣпость, и проч. и проч.".

Узнавъ, что въ Лондонѣ пребываетъ князь Д. В. Голицынъ, Погодинъ съ Шевыревымъ тотчасъ же къ нему отправились. „Разумѣется", пишетъ Погодинъ, „онъ въ Лондонѣ тотъ же, что въ Римѣ и Москвѣ". Очень имъ обрадовался, распрашивалъ о Парижѣ и обѣщалъ между прочимъ доставить имъ средства посѣтить Парламенты.

Обозрѣніе Лондона Погодинъ началъ съ Вестминстера, этого древнѣйшаго аббатства въ Англіи, основаннаго, какъ утверждаютъ нѣкоторые, еще Саксонцами въ VII столѣтіи.

Всѣ почти короли Англійскіе принимали участіе въ его разспространеніи. „Мысль прекрасная", пишетъ Погодинъ, „воздать торжественную благодарность отечества достойнымъ сынамъ его въ первопрестольномъ храмѣ, соединять въ одномъ мѣстѣ все, что ни есть великаго, славнаго въ государствѣ! Съ какимъ чувствомъ долженъ молодой англичанинъ пройти по этому святилищу его Исторіи. И здѣсь не одни полководцы

и министры; нѣтъ, здѣсь граждане всѣхъ сословій и званій,— и поэты, и изобрѣтатели, и актеры. Сынъ какого-нибудь ткача или мясника покоится рядомъ съ принцемъ крови или первоклассвымъ лордомъ. Ни одно государство въ Европѣ не имѣетъ ничего подобнаго". Между тѣмъ въ аббатствѣ началось богослуженіе, и наши путешественники принуждены были прекратить обозрѣніе. Вмѣстѣ съ прочими молящимися они сѣли на лавкѣ. Служба отправлялась съ удивительнымъ благоговѣніемъ. „Ни одного движенія", пишетъ Погодинъ, „ни одного звука не примѣтишь, который бы не согласенъ былъ съ цѣлымъ, ни въ священнослужителяхъ, ни въ богомольцахъ. Все чинно, степенно, важно". Изъ аббатства Погодинъ отправился въ Британскій Музей и только взглядомъ окинулъ богатѣйшее собраніе сокровищъ науки, искусства и природы.

Возвратясь домой, Погодинъ получилъ записку отъ князя Д. В. Голицына, чтобы поспѣшили въ Нижній Парламентъ, куда обѣщался по его ходатайству провести ихъ какой-то лордъ. Погодинъ съ Шевыревымъ бросили обѣдать и „бѣгомъ въ Парламентъ". Они отнеслись къ назначенному лицу и тотчасъ были посажены на мѣста. Погодину указали входившаго Оконеля. „Человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ", пишетъ Погодинъ, „съ полнымъ лицомъ, въ шляпѣ на бокъ; сюртукъ едва застегивается; кажется, онъ только-что съ жирнаго обѣда. По наружности похожъ на пивовара, и никто не предположитъ въ немъ великаго агитатора". Погодинъ былъ очень радъ увидѣть и услышать лорда Станлея, который говорилъ объ ученомъ преобразованіи. Члены его партіи и противники выражали очень часто свое удовольствіе и неудовольствіе громкими криками и междометіями, „точно какъ", замѣчаетъ Погодинъ, „у насъ слышатся иногда на улицахъ, въ рядахъ, или на охотѣ, когда псари пускаются на зайцевъ". Рѣчь Станлея продолжалась очень долго. „Хотя скучно стало слушать", однако Погодинъ прослушалъ до конца, какъ ни звалъ его Шевыревъ въ театръ смотрѣть Ричарда III. Изъ Парламента Погодинъ все-таки пошелъ въ театръ и замѣтилъ, что

характеръ націи „видѣнъ вездѣ—отъ ростбифа, портера, до роли, до рѣчи“. На возвратномъ пути изъ театра на Погодина совершенно неожиданно „кинулась почти какая-то вакханка“, и онъ „едва убѣжалъ отъ нея въ свой Leister street“.

Слѣдующій день Погодинъ началъ обозрѣніемъ церкви св. Павла, которая считается второю въ Европѣ. Войдя въ храмъ, онъ былъ пораженъ надписью, сдѣланною огромными золотыми буквами на бѣломъ мраморномъ фронтонѣ во всю ширину алтаря: „Здѣсь покоится Христофоръ Уренъ, построившій эту церковь... Онъ жилъ болѣе девяноста лѣтъ! Прохожій, если ты хочешь видѣть его памятникъ, осмотрись вокругъ!“ Изъ церкви Погодинъ отправился въ Банкъ. „Вотъ гдѣ“, замѣчаетъ онъ, „сердце Англіи, золотое... Золото сверкало, сыпалось и звенѣло по столамъ... Народу толпилось множество, и ходило, а банкиры, ничѣмъ не смущаемые, считали, считали“.

По поводу этого посѣщенія, Погодинъ писалъ: „У насъ толкуютъ много о торговлѣ, не обращая вниманія на характеръ народа. Никогда торговля наша не сравнится съ Англійскою, потому что она не въ духѣ народа; и слава Богу, не во гнѣвъ Политической Экономіи! Купецъ у насъ чуть наживетъ капиталъ, бросаетъ торговлю и отказывается отъ оборотовъ, а живетъ себѣ покойно процентами. У Англичанъ напротивъ... Отъ торговли перейдите къ чему хотите,—вездѣ тѣ же явленія. Мы можемъ быть счастливы только дома, у себя, въ своемъ семействѣ, въ своей избѣ. И такъ было вездѣ у Словенъ“.

Размышляя объ этомъ, Погодинъ пріѣхалъ въ грозный и мрачный Товеръ. Товеръ расположенъ на берегу Темзы и принадлежитъ ко временамъ Нормановъ. Всего любопытнѣе было для Погодина зала съ вооруженіями Англійскихъ королей, начиная отъ Вильгельма Завоевателя. „Какъ я расхохотался“, пишетъ Погодинъ, „когда привели насъ къ такъназываемымъ государственнымъ сокровищамъ. Вообразите крошечный чуланчикъ, какъ бы каменный шкафъ, заклепъ, темный

безъ окошекъ. За перилами расположены драгоцѣнности подъ стеклянными колпаками: короны, скипетры, сосуды, съ своими алмазами, изумрудами, яхонтами и золотомъ, а сторожемъ у нихъ сидитъ старушенка лѣтъ осьмидесяти, безъ зубовъ, тощая, вся изъ морщинъ, со впалыми щеками, кожа да кости, совершенная вѣдьма, кощеиха безсмертная, или сама смерть. Лишь только мы показались, какъ она начала, посредствомъ какого-то механизма, повертывать первую корону передъ яркой лампой, для игры свѣта, и могильнымъ, мертвымъ голосомъ, безъ малѣйшаго ударенія и остановки, описывать драгоцѣнности, когда которыя изъ нихъ отдѣланы, сколько какихъ гдѣ камней, чего онѣ стоятъ. Я расхохотался при первомъ взглядѣ на старушенку, но въ ту же минуту меня обдало какимъ-то ужасомъ: эти скипетры и короны, которымъ цѣны не знаетъ человѣкъ, заключенные въ каменномъ гробѣ, подъ стражею вѣдьмы, эти милліонныя вычисленія голосомъ безчувственнымъ... Какъ будто гора упала мнѣ на сердце, и я радъ, радъ былъ, когда старуха кончила свою панихиду, и я вырвался на свѣжій воздухъ, увидѣлъ небо, отдохнулъ..." Провожатые по Товеру разсказывали Погодину: вотъ этою сѣкирой срублена голова у Анны Боленъ, а этой у лорда Эссекса. Здѣсь похороненъ послѣ казни Томасъ Муръ, Марія Стюартъ, изъ этого окошка убѣжали принцы, дѣти Эдуарда. Здѣсь задушенъ тотъ, тамъ повѣшенъ этотъ. „Боже мой!", восклицаетъ Погодинъ, „изъ чего состоитъ Исторія!"

Наконецъ, наши путешественники оставили грозный и мрачный Товеръ и отправились осматривать купеческіе амбары, громадныя зданія въ нѣсколько ярусовъ, на ужасныхъ пространствахъ. Они зашли во внутренность магазиновъ и увидѣли тамъ, что товары навалены горами: тюки, бочки, ящики, глыбы, кучи, пласты. Это изъ Америки, это изъ Индіи, это изъ Египта... „Вотъ здѣсь-то вы", пишетъ Погодинъ, „поймете, что такое торговля, и обнимите вполнѣ ея значеніе. Корабли приходятъ и отходятъ, пароходы вертятся, мосты раздвигаются и поднимаются; нагрузка и выгрузка; работники

возятъ товары на телѣжкахъ, носятъ на спинахъ, катаютъ, тянутъ, тащатъ, двигаютъ; желѣзныя цѣпи спускаются изъ верхнихъ оконъ, опоясываютъ бочки, поднимаютъ на верхъ. Вездѣ машины, рычаги. *Марео! Марео! печешися и молвиши о мнозѣ службѣ!*"

XL.

Въ одно воскресенье, 16 іюля 1839 года, Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ наняли кабріолетку и поѣхали въ Гамптонъ-Куръ. Дорога отъ Лондона, замѣчаетъ Погодинъ, „составляетъ почти улицу": дома сперва загородные и увеселительные, потомъ сельскіе, не прерываются. Вездѣ чистота и порядокъ, радующіе сердце, и Погодинъ „задумался" объ Англійскихъ крестьянахъ, и потомъ, пишетъ онъ, „разумѣется, мысль обратилась къ Русскимъ: воображеніе перенесло меня въ тѣ селенія, казенныя и помѣщичьи, которыя случилось мнѣ узнать коротко въ продолженіе моей жизни: я представилъ себѣ Русскаго крестьянина—чтó у него есть и чего не достаетъ, чтó онъ ѣстъ и чего не ѣстъ, чтó пьетъ, объ чемъ думаетъ и въ чемъ полагаетъ свое счастіе. Мысль за мыслью, и я задумался о тѣхъ улучшеніяхъ, коихъ ожидаетъ ихъ участь. Съ горячею благодарностью пришло мнѣ на умъ имя того вельможи, который показалъ свою заботливость объ этомъ важномъ сословіи государства. Потомъ вообразился мнѣ нашъ славный Царь, которому судьба предоставила сдѣлать столько послѣ Петра, Екатерины и Александра, который неизгладимыми буквами записалъ имя свое въ Исторіи вслѣдствіе многихъ великихъ событій. Я вспомнилъ слово его въ высочайшемъ манифестѣ на имя Министра Государственныхъ Имуществъ... Долго, долго мечталъ я, и слезы часто навертывались на глазахъ моихъ: многія мысли, которыхъ я позабылъ даже въ половину, приходили мнѣ въ голову,—о происхожденіи всего Русскаго добра отъ Правительства, о Русскомъ Богѣ, о чудесной эпопеѣ, которая безпрестанно встрѣчается

въ Русской Исторіи, о мѣрахъ тихихъ, покойныхъ, безобидныхъ, коими можетъ быть многое приведено въ исполненіе, о Борисѣ Годуновѣ, о Петрѣ I, о Екатеринѣ II, о царствующемъ нынѣ Государѣ Императорѣ. Часъ самый сладкій, самый упоительный во всемъ моемъ путешествіи! О, никогда, никогда не забуду я поѣздки изъ Лондона въ Гамптонъ... Господи! продли дни нашего великодушнаго Государя, и Духъ Твой Святый да наставляетъ его во всѣхъ путяхъ его, ко благу его, то-есть, нашей возлюбленной Россіи". По пріѣздѣ въ Гамптонъ наши путешественники отправились во дворецъ, въ которомъ хранятся картоны Рафаеля. Извѣстно, что папа Левъ X поручилъ сему великому живописцу изобразить жизнь Іисуса Христа и Апостоловъ въ рисункахъ, по которымъ хотѣлъ заказать себѣ ковры. Рафаель исполнилъ порученіе, и приготовилъ двадцать пять картоновъ, отъ которыхъ Корреджіо, Микель Анджело были въ восхищеніи. Но онъ умеръ, папа умеръ, и никто не хватился о картонахъ, посланныхъ на фабрику въ Бельгію. Они переходили изъ рукъ въ руки, и Кромвелемъ были наконецъ куплены, уже только въ числѣ семи. Первый картонъ изображаетъ чудо при рыбной ловлѣ, второй—*паси овцы Моя*, третій — Петра и Іоанна, исцѣляющихъ хромого въ храмѣ, четвертый—смерть Ананіи, пятый—ослѣпленіе Элимы, шестой—жертвоприношеніе Павлу и Варнавѣ, предложенное народомъ въ Листрѣ, седьмой—проповѣдь Павла въ Аѳинахъ.

Изъ Гамптона Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ отправились въ Ричмондъ, гдѣ ихъ поразила роскошная растительность, а вечеромъ того же дня возвратились въ Лондонъ, гдѣ объѣхали Гейдъ Паркъ, увидѣли издали королеву Викторію въ коляскѣ, взглянули на дворецъ, подаренный Англійской націей Веллингтону, „и разсмѣялись, посмотрѣвъ на его статую, подъ видомъ колоссальнаго нагаго Ахиллеса!!"

Однажды бродя по Лондонскимъ улицамъ, Погодинъ увидѣлъ, что у крыльца одной великолѣпной отели остановилась маленькая каретка, запряженная въ двѣ лошади, „такія", пи-

шетъ Погодинъ, „что имъ вѣрно поклонился бы всякій нашъ коннозаводчикъ. Отворяются дверцы, и изъ каретки выскакиваетъ пери, румяная, бѣлокурая. Но не объ красотѣ ея я говорить теперь хочу,—она была не красавица собою,—но столько гордости, независимости, спокойствія было изображено на ея лицѣ, что я былъ невольно пораженъ! По всѣмъ движеніямъ видно было, что она совершенно довольна собою, что она презираетъ, или пренебрегаетъ все; ничто не кажется ей важнымъ, значительнымъ; она ни чему не удивляется; богатству ея вѣрно счету нѣтъ, и она не знаетъ цѣны ему, не понимая даже, что значитъ быть богату, а еще менѣе, что такое нужда и бѣдность. Она не зависитъ ни отъ кого, ни отъ чего. Читатели вѣрно удивятся тому, сколько я прочиталъ на лицѣ у леди въ двѣ минуты, какъ она вышла изъ каретки и пока не отворили ей двери; но иногда задается такое счастіе! Я стоялъ еще у крыльца, какъ леди и слѣдъ простылъ. Вотъ она, Англійская аристократія! Кому придется топыриться за нею! Я не люблю ее, а признаюсь, она величественна... Пріятно взглянуть на нее подчасъ человѣку постороннему, какъ будто изъ партера. Разумѣется, Англійскому или Ирландскому нищему, а ихъ десять милліоновъ, не до театральнаго эффекта! Да! въ одномъ Лондонѣ содержится на общественномъ иждивѐніи сто двадцать тысячъ человѣкъ, да мірскимъ подаяніемъ около двадцати. Воля ваша— Каннинги и Брумы, Руссели и Пили, а что-нибудь да не такъ у васъ, и чего-нибудь, а не видите вы! Законное дворянство здѣсь почти только личное, и всякій меньшой сынъ принадлежитъ уже къ среднему сословію, слѣдовательно, казалось бы, что эти сословія близки между собою, а нигдѣ нѣтъ такого различія между ними, какъ здѣсь, въ конституціонной Англіи! Вотъ что значитъ законъ и что значитъ обычай!“

Свое путешествіе по Англіи Погодинъ заключилъ Виндзоромъ, мѣстопребываніемъ королевскимъ. Здѣсь, по замѣчанію Погодина, „Средняя Исторія, казалось, встала изъ земли

передо мною со своими зубчатыми стѣнами, подзорными башнями, массивными воротами, мостами, каменная, старая, угрюмая, подозрительная, мрачная, тяжелая...“ Прощаясь съ Англіею, Погодинъ восклицалъ: „Любопытна Англія! Какъ здѣсь все твердо, прочно, самобытно! Нельзя не отдать чести Англичанамъ, хоть бы кто и не любилъ ихъ... Но не такого состоянія желаю я моему Отечеству!“

19 іюня 1839 г. Погодинъ выѣхалъ изъ Лондона обратно въ Парижъ, гдѣ находилась его жена... До Дувра онъ доѣхалъ въ дилижансѣ, а оттуда до Кале на пароходѣ. По дорогѣ въ Дувръ, Погодинъ, сидя „на своемъ имперіалѣ, любовался на страну воздѣланную, чистую, плодоносную“. Въ числѣ спутниковъ его отъ Кале до Парижа находились французъ и англичанинъ, и онъ очень заинтересовался ихъ бесѣдою. Французъ началъ задѣвать Англію, гдѣ такъ много бѣдняковъ; потомъ хвалить свою революцію, которая распредѣлила земли и допустила до владѣнія большее количество гражданъ. Англичанинъ выслушалъ спокойно, а въ заключеніе спросилъ: „какъ же вы сдѣлали это?“ Французъ, запнулся, долженъ былъ разсказать въ краткихъ словахъ исторію революціи. *То-есть*, прервалъ Англичанинъ, *вы сказали: будемъ справедливы,—и ограбимъ богачей.* Отъ политики разговоръ обратился къ религіи. „Я не знаю никакого Бога, сказалъ французъ преспокойно,—и на что мнѣ знать это! Дѣтей своихъ я даже не хотѣлъ крестить, но согласился окрестить перваго, чтобы не причинить огорченія молодой своей женѣ... А послушали бы вы, какія сцены я дѣлаю нашимъ аббатамъ, напримѣръ, когда они не соглашаются давать моимъ дѣтямъ имена, кои я выдумываю для нихъ! А...“ И онъ началъ разсказывать свои буйныя рѣчи. „Церкви я разумѣется не знаю, жена теперь думаетъ по моему, дѣти не смѣютъ у меня и глазъ туда показывать“. Погодинъ съ англичаниномъ слушали молча, а французъ, „какъ будто возбуждаемый ихъ безмолвнымъ удивленіемъ, продолжалъ хвастаться своимъ смѣлымъ образомъ мыслей. Свой монологъ французъ заключилъ

вопросомъ: „На что мнѣ религія?“ При семъ вопросѣ поглядѣлъ онъ на Погодина и англичанина „съ самодовольной улыбкой“. Погодинъ, будучи изумленъ такимъ новымъ для него явленіемъ, вступилъ съ французомъ въ разговоръ.

Погодинъ. И никогда не случилось вамъ усомниться въ своемъ образѣ мыслей? Никогда не слыхали вы въ вашемъ сердцѣ иного голоса? Не случалось съ вами никакихъ особенныхъ происшествій, напримѣръ, несчастій, которыя бы переворотили совершенно весь вашъ внутренній организмъ?

Французъ. Нѣтъ, никакихъ. Однажды, прибавилъ онъ, нѣсколько смутясь, когда потерялъ я своего любимаго сына, мнѣ пришла въ голову мысль: неужели въ самомъ дѣлѣ я не увижу его никогда! Но эта мысль мелькнула и пропала.

Погодинъ. Желалъ бы я присутствовать при вашей кончинѣ, чтобы увидѣть, такъ ли вы будете думать, оставляя эту жизнь.

Французъ. Напрасно вы желаете этого. Я буду тогда, можетъ быть, другимъ человѣкомъ, больнымъ, дряхлымъ, не въ полномъ умѣ, съ разстроенными способностями, не вѣрьте мнѣ тогда, чтó я буду говорить вамъ.

Погодинъ. Прошу васъ, по крайней мѣрѣ дать мнѣ честное слово, что вы увѣдомите меня, если случится, почему бы то ни было, какой-нибудь переворóтъ въ образѣ вашихъ мыслей.

Французъ. Съ большимъ удовольствіемъ. (И они помѣнялись адресами, изъ котораго Погодинъ увидѣлъ, что его спутникъ былъ часовщикъ).

Погодинъ. Скажите мнѣ, много есть людей между вашими знакомыми, которые раздѣляютъ вашъ образъ мыслей?

Французъ. Что касается до моихъ знакомыхъ, и вообще у насъ въ городѣ, они всѣ такъ думаютъ.

Погодинъ. А простой народъ?

Французъ. Простой народъ здѣсь еще глупъ, и находится въ рукахъ у Духовенства.

И французъ началъ ругать Духовенство. „Не правда ли“,

замѣчаетъ по этому случаю Погодинъ, „что для Франціи нужны апостолы или миссіонеры?“

Между тѣмъ наши путешественники подъѣзжали къ Парижу, и 21 іюня 1839 года, въ 3 часу были уже въ конторѣ дилижансовъ.

XLI.

25 іюня 1839 года Погодинъ вмѣстѣ съ женою выѣхалъ изъ Парижа и направился въ Брюссель, куда пріѣхали 27 іюня. Вниманіе Погодина обратилъ на себя Брюссельскій Физическій Кабинетъ, но особенно любопытенъ разговоръ его съ смотрителемъ Кабинета объ отношеніяхъ Бельгіи къ Голландіи. „Одною изъ главныхъ причинъ“, сказалъ смотритель, „отторженія,—было требованіе короля, чтобы мы въ судопроизводствѣ употребляли языкъ Голландскій“. „Движеніе языковъ“, замѣчаетъ съ своей стороны Погодинъ, „примѣчательное явленіе нашего времени. И Фламандцы хотятъ говорить своимъ языкомъ, писать на своемъ языкѣ! Послушайте, какъ неистовствуютъ Венгерцы за свой! Съ какимъ усиліемъ во всѣхъ углахъ Европы Словене издаютъ свои звуки изъ клещей, съ дыбы и въ пыткѣ! Даже Болгары въ Турціи, даже Русины въ Галиціи заводятъ литературу... Одни мы“, съ горестью замѣчаетъ Погодинъ, „остаемся при Французсцузскомъ языкѣ въ нашихъ гостинныхъ и стыдимся больше не знать его, чѣмъ по Русски... Я былъ теперь во всѣхъ странахъ Европы—и не слыхалъ ни одного англичанина, который говорилъ бы не по Англійски, ни одного итальянца, который говорилъ бы не по Итальянски, ни одного француза, который говорилъ бы не по Французски. Кровь приливала у меня къ головѣ, когда я вспоминалъ о нашемъ обществѣ съ его мастерскимъ Французскимъ языкомъ“.

Погодинъ былъ пораженъ промышленностью и трудолюбіемъ Бельгійцевъ. Желѣзныя дороги уже пересѣкали Бельгію во всѣхъ направленіяхъ, отъ Брюсселя до Антверпена, Брюгге,

Гента, Литтиха; въ нѣсколько часовъ можно объѣхать все Королевство. Изъ Брюсселя Погодинъ отправился въ Антверпенъ по желѣзной дорогѣ. Подъѣзжая къ нему, Погодинъ восклицалъ: „Вотъ онъ знаменитый Анверъ, страшилище Англіи, который Наполеонъ считалъ лучшимъ алмазомъ въ своей коронѣ“. Вѣрный своему правилу, бросать прежде всего „высшій взглядъ на всякій городъ съ колокольни“, Погодинъ взобрался, по камнямъ и бревнамъ, на самую высокую терассу и былъ прельщенъ „прекраснымъ обширнымъ видомъ“.

Раннимъ утромъ, 29 іюня 1839 года, Погодинъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился въ Амстердамъ. Подъ мелкимъ дождемъ на паромѣ переѣхали они Рейнъ. Чѣмъ ближе приближались къ Амстердаму, тѣмъ дорога становилась пріятнѣе. Путешественники наши ѣхали по одному длинному безпрерывному саду, между каналами, между цвѣтниками, по лугамъ, среди богатыхъ мызъ, которыя тянутся одна за другою вплоть до самаго Амстердама. „Это довольство“, пишетъ Погодинъ, „это трудолюбіе, разнообразіе, эта чистота, изящная простота—обворожительны. Какая-то утопическая страна снаружи. Наслажденіе проѣхать по ней. Думалъ о впечатлѣніяхъ, какія Голландія должна была произвести въ умѣ Петра Великаго. Намъ надо изучать ее, чтобы выразумѣть яснѣе многія преобразованія Петровы.—Петербургъ есть сынъ... Голландіи“.

Вечеромъ Погодинъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, пріютился въ гостинницѣ Лондонскаго Герба. Ему прежде всего хотѣлось видѣть Саардамъ и на другой же день онъ отправился туда на баркѣ. Сердце сжалось, слезы навернулись у Погодина, когда проводникъ его воскликнулъ: „ну вотъ, домикъ вашего Петра Перваго!..“

Съ трепещущимъ сердцемъ перешагнулъ онъ черезъ порогъ, „долго не могъ опомниться“. Долго переходилъ онъ изъ комнатки въ другую, останавливался на каждомъ шагу и наконецъ „поклонился въ землю Великому и оставилъ его святилище съ полнымъ сердцемъ“. Въ Амстердамѣ Погодинъ

примѣтилъ вездѣ „богатство степенное и скромное, которое не ищетъ выказываться". Во время пребыванія его въ этомъ городѣ тамъ происходило особенное движеніе, вслѣдствіе ожиданія знаменитыхъ гостей, „покровителей и благодѣтелей Голландіи, открывшихъ ей одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ богатства и даже славы". Это—сельдей. „Нынче или завтра", пишетъ Погодинъ, „должны они прибыть къ Амстердаму не изъ моря, а съ моря свѣжепросольные. Всѣ съѣстныя и овощныя лавки украшены зеленью; на каждомъ шагу видишь прекрасную миртовую бесѣдку; вездѣ развѣшаны фестоны и гирлянды, между которыми блистаютъ золотые листья и въ срединѣ трепещетъ серебряный сельдь"...

1 іюля 1839 года Погодинъ отправился въ Лейденъ и на другой же день осмотрѣлъ здѣшнія университетскія зданія и „поклонился почтенной древности" Лейденскаго Университета. Въ залѣ по стѣнамъ въ пять или шесть рядовъ висятъ портреты Лейденскихъ профессоровъ. Погодинъ искалъ между ними знаменитыхъ Рункена, Эрнести, Гроновія, Гревія, къ которымъ такое уваженіе внушилъ въ него Кубаревъ во времена студенчества, и ему „горько было подумать о нашемъ равнодушіи: ни Поповскаго", пишетъ онъ „ни Барсова, ни Чеботарева, ни даже Тимковскаго, Страхова, Гейма, мы не сохранили себѣ на память въ Московскомъ Университетѣ. Бюстъ Мерзлякова, первой славы нашей, вылѣпленный по моему заказу Виталіемъ, валялся долго гдѣ-то въ подвалѣ". Погодину весьма понравилась зала для диспутовъ съ ложами для профессоровъ и партеромъ для студентовъ - возражателей. „Внѣшность, церемоніальность", справедливо замѣчаетъ онъ, „весьма важна и производитъ особенное дѣйствіе на молодыхъ людей. Напрасно у насъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, по личному усмотрѣнію начальниковъ, вводятъ пресвитеріанское начало, противное Русскому народу. Пресвитеріанское, лютеранское начало въ ученіи, внутри и внѣ, противно намъ также, какъ и въ вѣроисповѣданіи безъ церемоніи".

Изъ Лейдена Погодинъ отправился въ Гагу, въ которой

онъ пробылъ часовъ пять, и въ это время пробѣжался по Японскому музею. „Мы были", пишетъ онъ, „почти въ Китаѣ и Японіи, изучивъ этотъ музей". Долго стоялъ онъ „передъ этими памятниками жизни не-Европейской". Между Азіатскими вещами Погодинъ увидѣлъ модель богатой Русской избы, чуть ли не хоромъ, которую, по его предположенію, „вѣрно доставилъ какой-нибудь Голландскій агентъ временъ Романовскихъ". Въ Роттердамѣ Погодинъ „поклонился" Эразму Роттердамскому, „знаменитому умнику, остряку, Вольтеру своего времени", коего статуя стоитъ на площади. Изъ Роттердама Погодинъ поплылъ по Рейну до Майнца, а оттуда на лошадяхъ во Франкфуртъ, куда прибылъ 6 іюля 1839 года. Здѣсь всего болѣе поразила Погодина зала Римскихъ-Нѣмецкихъ Императоровъ, въ которой они по вѣнчаніи своемъ на царство въ соборѣ принимали поздравленія чиновъ или обѣдали. Въ этой залѣ по четыремъ стѣнамъ писались ихъ портреты, каждаго тотчасъ по его вступленіи на престолъ „И что же?", замѣчаетъ онъ, „послѣдній Римскій императоръ Францъ II занялъ послѣднее мѣсто. На стѣнахъ послѣ его портрета не осталось уже ни одного мѣста для преемника, и оно не понадобилось, потому что онъ самъ при Наполеонѣ долженъ былъ отречься отъ священнаго престола и начать новый рядъ императоровъ Австрійскихъ, которымъ не для чего уже было короноваться во Франкфуртѣ.—Скажутъ—случай! Однако замѣчательный". Во Франкфуртѣ первое лице Ротшильдъ, котораго называютъ королемъ Франкфуртскимъ. Первая гостинница въ городѣ Hôtel de Russie, „видно", пишетъ Погодинъ, „въ честь Русскихъ расточителей. Вопреки своему патріотизму, я не останавливался въ ней, боясь и приступиться къ величественному швейцару". Во Франкфуртѣ Погодину хотѣлось больше всего повидаться съ своею „любезной воспитанницей" княгинею Александрою Ивановною Мещерскою (рожд. княжна Трубецкая) и отправился искать ее; но она уѣхала въ Берлинъ. „Судьба", съ грустью замѣчаетъ онъ, „мѣшаетъ намъ въ другой разъ увидѣться".

7 іюля 1839 года Погодинъ выѣхалъ изъ Франкфурта и къ ужину пріѣхалъ въ Ашаффенбургъ, знакомый ему по Ламберту Ашаффенбургскому, сообщившему извѣстія о послахъ Святослава въ Германіи и богатствѣ, которое привезли Нѣмецкіе послы къ императору Генриху IV, въ подтвержденіе извѣстій Несторовыхъ. На другой день наши путешественники пріѣхали въ Вирцбургъ. Прежде всего Погодинъ отправился осматривать Епископскій дворецъ, который поразилъ его своимъ великолѣпіемъ. Наполеонъ, говорятъ, очень забавлялся этою пышностью, давалъ епископу Вирцбургскому какое-то смѣшное прозваніе и останавливался всегда въ его комнатахъ. Въ одной залѣ собраны портреты всѣхъ епископовъ. „Живописцы", замѣчаетъ Погодинъ, „не польстили имъ. Такого собранія красныхъ носовъ не видалъ я нигдѣ. Видно, что Рейнъ близко". Изъ сонма Вирцбургскихъ епископовъ знаменитъ одинъ только Юлій. „Имя его", пишетъ Погодинъ, „услышите на каждомъ шагу въ Вирцбургѣ. Кто завелъ больницу? Епископъ Юлій. Кто учредилъ Университетъ? Епископъ Юлій. Кто основалъ этотъ домъ страннопріимный? Епископъ Юлій. И я", продолжаетъ Погодинъ, „чужестранецъ, благословилъ память добродѣтельнаго пастыря, котораго добро живетъ, свѣтитъ и грѣетъ до сихъ поръ, и прошелъ съ презрѣніемъ мимо прочихъ, красноносыхъ".

8 іюля въ каѳедральномъ соборѣ праздновался день св. Киліана, покровителя Вирцбурга, останки святого почиваютъ въ этомъ соборѣ. Погодину понравилось „пѣніе всего народа", приведшее его „въ умиленіе", и при этомъ онъ пожалѣлъ, что у насъ нѣтъ такого обыкновенія. „Я", пишетъ онъ, „помолился усердно съ добрыми католиками, которые здѣсь, по старой памяти, какъ у насъ экономическіе крестьяне, очень усердны и ревностны къ церкви".

При посѣщеніи знаменитаго во всей Европѣ Julius-spital, Погодинъ замѣтилъ: „Въ самомъ дѣлѣ прекрасное благотворительное учрежденіе! Господа Земляники не дурно бы сдѣлали, еслибы взглянули на оное, чтобы узнать, какъ съ ма-

лыми средствами дѣлается многое. Содержаніе казенныхъ заведеній вошло у насъ въ пословицу:

.... Пускай мнѣ воробья
Дадутъ кормить на счетъ казенный,—
Такъ вмѣстѣ съ нимъ, я лошадь прокормлю,

говоритъ Загоскинъ, и я увѣренъ, что на наши средства всѣ заведенія могли бы быть распространены вдвое или даже втрое: вмѣсто ста вдовъ могли бы содержаться триста, вмѣсто десяти сиротъ учиться тридцать. Конечно, надобно будетъ отказаться отъ высокихъ палатъ, отъ паркетныхъ половъ, отъ серебряныхъ ложекъ; но ничего не можетъ быть противнѣе цѣли благотворительныхъ заведеній, какъ роскошь и щегольство!"

На разсвѣтѣ, 9 іюля 1839 года, Погодинъ пустился въ дальнѣйшій путь. Около Вирцбурга есть мѣстечко Россбруннъ, и Погодинъ иронически замѣчаетъ: „Не найдетъ ли здѣсь Россіи нашъ Морошкинъ". Къ обѣду пріѣхали въ Бамбергъ, и Погодину не удалось взглянуть на отысканный Колларомъ древній памятникъ Словенскаго язычества Чернобога. Около полуночи наши путешественники благополучно достигли Маріенбада.

XLII.

Въ Маріенбадѣ Погодинъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ и по совѣту врачей пользовался цѣлебными источниками. Къ довершенію удовольствія этотъ мѣсяцъ онъ провелъ въ обществѣ извѣстнаго откупщика Д. Е. Бенардаки, Иноземцова и Гоголя. Особенное вниманіе Погодина обратилъ на себя Бенардаки. „Оставивъ по непріятности", пишетъ Погодинъ, „военную службу, Бенардаки съ капиталомъ въ тридцать или сорокъ тысячъ пустился въ обороты, и въ короткое время хлѣбными операціями пріобрѣлъ большія деньги. Чѣмъ болѣе умножались его средства, тѣмъ шире распространялъ кругъ своего дѣйствія, принялъ участіе въ откупахъ, продолжая хлѣбную

торговлю, скупалъ земли, пріобрѣлъ заводы, и въ теченіи пятнадцати лѣтъ нажилъ такое состояніе, которое даетъ ему полумилліонъ дохода. Вотъ что значитъ смѣтливость", замѣчаетъ Погодинъ, „дѣятельность, честность, вотъ что значитъ умѣнье соединять свою пользу съ общею. Я давно уже слышалъ о дѣйствіяхъ Бенардаки, открытыхъ и рѣшительныхъ, коими пріобрѣлъ онъ неограниченную довѣренность отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Щедрыя награды людямъ, служившимъ усердно, доставили ему такихъ повѣренныхъ, которые приносили и приносятъ ему выгоды несчетныя. Бывъ въ сношеніи, въ теченіи двадцати лѣтъ, съ людьми всѣхъ состояній, отъ министровъ до какого-нибудь побродяги, приносящаго въ кабакъ послѣдній свой грошъ, Бенардаки былъ для меня профессоромъ, котораго лекціи о состояніи Россіи, о характерѣ, достоинствахъ и порокахъ тѣхъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ, объ отношеніяхъ ихъ къ просителямъ и дѣламъ, о состояніи судопроизводства, о помѣщикахъ и ихъ хозяйствѣ, о хозяйствѣ крестьянскомъ, о положеніи городовъ и ихъ мѣстныхъ выгодахъ,—лекціи, оживленныя множествомъ анекдотовъ, слушалъ я съ жадностью". Всякій день послѣ ванны ходили они втроемъ, Погодинъ, Бенардаки и Гоголь, „по горамъ и доламъ и разсуждали о любезномъ Отечествѣ". Гоголь, по свидѣтельству Погодина, выспрашивалъ Бенардаки „о разныхъ искахъ, и вѣрно дополнилъ свою галлерею оригинальными портретами". Слушая Бенардаки, Погодинъ замѣтилъ, что „книжныя и кабинетныя занятія ничего не значатъ или значатъ очень мало, въ сравненіи съ опытомъ". Какъ „человѣкъ книжный", Погодинъ предлагалъ Бенардаки писать свои записки „въ поученіе потомкамъ". Бенардаки доставилъ и Погодину „сладкую минуту". Разговорясь съ нимъ о состояніи ученыхъ и литераторовъ въ разныхъ Словенскихъ странахъ, Погодинъ „какъ-то сказалъ ему нечаянно, что тысячъ на двадцать рублей ежегодно, при его теперешнихъ связяхъ и отношеніяхъ, можно бы сдѣлать чудеса; оживотворить ихъ литературы, оказать такое дѣйствіе на просвѣщеніе цѣлыхъ пле-

менъ, какое въ другое время нельзя сдѣлать и милліонами, посѣять сѣмена, которыя дадутъ современемъ плоды, великіе, историческіе, вселенскіе. Можетъ быть", замѣчаетъ Погодинъ, „иные разсмѣются такимъ чудесамъ цѣною въ двадцать тысячъ: но чего стоили тѣ три корабля, съ которыми Колумбъ открылъ Америку. Въ наше время не тѣ чудеса, кои чудесами были во время оно, и не тамъ они зачинаются, гдѣ зачинались прежде. Всему чередъ".

Выслушавъ Погодина, Бонардаки сказалъ: „Это такая бездѣлица, о коей не стоитъ труда и говорить много. Я даю вамъ честное слово, что эту сумму вы будете получать ежегодно для такой цѣли. Мнѣ стоитъ предложить это человѣкамъ тремъ — четыремъ изъ моихъ знакомыхъ, и мы устроимъ это дѣло! Впрочемъ", замѣчаетъ Погодинъ, „оказались послѣ препятствія".

Наблюдая одного нѣмецкаго чиновника, Погодинъ составилъ себѣ понятіе о различіи между чиновниками — Русскимъ и Нѣмецкимъ, о достоинствахъ того и другаго, равно какъ и недостаткахъ, и заключилъ, что „настоящій чиновникъ долженъ соединять въ себѣ обоихъ. Точность, исправность, добросовѣстность, трудолюбіе—на сторонѣ Нѣмцевъ; умъ, смѣтливость, предпріимчивость—на сторонѣ Русскихъ. Одинъ можетъ замыслить, а другой исполнить. Поэзія и проза, — но служить стихами нельзя. Объ исключеніяхъ говорить нѣчего".

Много любовался Погодинъ Иноземцовымъ, „котораго" пишетъ онъ, „слову вѣрятъ здѣсь какъ оракулу. Съ распростертыми объятіями встрѣтилъ его знаменитый Диффенбахъ въ Берлинѣ. Съ какимъ почтеніемъ отзывается Фрике! Какую справедливость отдаетъ Рустъ! Признаюсь, я заслушиваюсь Иноземцова, когда онъ анализируетъ какую-либо болѣзнь, изыскиваетъ ея мѣстопребываніе и настигаетъ ее въ самомъ центрѣ. Какая рѣшительность, увѣренность, ясность, обнаруживающія знатока, хозяина дѣла, по какой бы то ни было части,—врача, архитектора, юриста, историка". При этомъ Погодинъ вспоминаетъ, какъ Иноземцовъ предложилъ пять

вопросовъ академику Шегрену и потомъ разсказалъ ему исторію его глазной болѣзни, всѣ припадки и всѣ будущія возможности. „Вотъ настоящій медикъ“, сказалъ Погодину Шегренъ, „много встрѣчалъ я свѣдущихъ людей, но это первый мастеръ“. Въ Маріенбадѣ Погодинъ познакомился съ двумя генералами Слатвинскими. Въ первый день его пріѣзда сюда ему случилось сидѣть съ ними рядомъ за столомъ. Погодинъ не зналъ, кто такіе его сосѣди, потому что разговоръ шелъ, какъ обыкновенно, по-Французски или по-Нѣмецки, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ наливаетъ ему рюмку ренвейна изъ своей бутылки и подчуетъ. „Я“, пишетъ Погодинъ, „тотчасъ подумалъ, что это русскій; спрашиваю,—точно такъ. Этой рюмки, первой и послѣдней, предложенной даромъ въ продолженіе всего путешествія, я никогда не забуду. Въ этой рюмкѣ на ту минуту заключалось для меня все, и Отечество, и Исторія, и Русскій характеръ!“.

О своемъ пребываніи въ Маріенбадѣ Погодинъ пишетъ: „Говорятъ, что здѣсь скучно. Что касается до меня, я провелъ этотъ мѣсяцъ очень пріятно. Не говорю уже о томъ, что я жилъ въ одной комнатѣ съ Гоголемъ и получалъ на нѣсколько времени посѣщенія отъ Шафарика и Мацѣевскаго,—и обыкновенное общество доставляло мнѣ много удовольствія, приносило мнѣ много пользы. Послѣ моей тревожной жизни“, продолжаетъ Погодинъ, „съ трудами, хлопотами и неудовольствіями, мѣсяцъ спокойствія и праздности былъ для меня какимъ-то волшебнымъ временемъ, которое оказало благотворное дѣйствіе на мое здоровье. Очень немного непріятныхъ минутъ имѣлъ я—и это письма изъ Россіи...“

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Маріенбада, Погодинъ гулялъ съ Гоголемъ, „благословилъ его“ остаться долечиваться и пріѣхать въ Вѣну къ нему на встрѣчу.

„Съ искреннимъ чувствомъ благодарности и удовольствія“ оставлялъ Погодинъ Маріенбадъ, гдѣ провелъ время и „пріятно, и полезно, — и дешево!“ „Напрасно шатуны“, пишетъ онъ, „называютъ тебя скучнымъ мѣстомъ! Я былъ такъ веселъ,

какъ нельзя лучше, и готовъ рекомендовать тебя всѣмъ больнымъ, съ твоей крестовой водой, съ твоимъ могучимъ Фердинандбрунномъ, любезнымъ Вальдбрунномъ, съ твоими скромными источниками Амвросія и Каролины..."

8 августа 1839 г., Погодинъ выѣхалъ изъ Маріенбада и направился въ Мюнхенъ. Изъ спутниковъ особенное вниманіе Погодина обратилъ на себя одинъ старый шулмейстеръ, представившій ему „прототипъ" деревенскаго школьнаго учителя, который, пишетъ Погодинъ, „отъ частаго повторенія грамматики сдѣлался самъ глаголомъ отложительнымъ. Тупѣе, деревяннѣе отъ роду я не встрѣчалъ никого. Много машинъ въ Англіи, но машинальность царствуетъ въ Германіи: машинальность логическая, историческая, психологическая и всяческая".

Мелькнувшая Валгала на берегу Дуная, окруженная густымъ лѣсомъ, внушила Погодину слѣдующія строки: „Доживемъ ли мы, чтобъ воздвигся храмъ Русскимъ великимъ людямъ. Слышу, какъ говорятъ NN. и MM.: да кто у насъ есть" [234]).

XLIII.

Разставшись съ Погодинымъ въ Лондонѣ, Шевыревъ отправился въ Мюнхенъ, гдѣ ему было поручено отъ Московскаго Университета отобрать изъ купленной библіотеки барона Моля книги, которыя могли быть полезны для Университета. Тамъ, въ деревушкѣ Дахау, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Мюнхена, находилась библіотека Моля въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ. Съ свойственною Шевыреву настойчивостью или усидчивостью принялся онъ за работу, и четыре мѣсяца одинъ провелъ онъ въ этой пустынѣ, работая съ 8-го часа утра до захожденія солнца [235]). 10 августа 1839 года пріѣхалъ Погодинъ въ Мюнхенъ и „бѣгомъ съ почты къ Золотому Пѣтуху", чтобы обнять Шевырева, который въ это время находился въ Мюнхенѣ. Шевыревъ показывалъ Погодину кипы своихъ трудовъ!

Каталогъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, который онъ составляетъ и потомъ переписываетъ, по замѣчанію Погодина, „для донесеній безотвѣтныхъ! Надо имѣть его терпѣніе, къ какому, признаюсь, я неспособенъ" [235 a]).

Въ первый день своего пріѣзда въ Мюнхенъ, Погодину удалось осмотрѣть только дворецъ. Онъ думалъ увидѣть тамъ—

...плащи да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги...

и къ своему удивленію увидѣлъ въ одномъ отдѣленіи нижняго этажа всю поэму Нибелунговъ, а въ другомъ, въ комнатахъ короля, всего Гомера, Ѳеокрита, Аристофана въ лицахъ; у королевы же, во второмъ этажѣ,—сцены изъ сочиненій Шиллера, Гете, Бюргера, Виланда. Слѣдующій день Погодинъ началъ обозрѣніемъ церкви Всѣхъ Святыхъ, построенной въ Византійскомъ вкусѣ. Шевыреву непремѣнно хотѣлось разсказать всю Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта по здѣшнимъ фрескамъ, но Погодину удалось „кое-какъ утащить его вонъ".

По указанію П. В. Кирѣевскаго, въ Натуральномъ Кабинетѣ Погодинъ сталъ отыскивать знаменитаго Несторовскаго урода [236]), о которомъ сказано въ Лѣтописи: „Въ си же времена (1065 г.) бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду; бяшеть бо сиць: на лици ему срамніи удове, иного нелзѣ казати срама ради" [237]). Погодинъ въ борьбѣ своей съ Скептиками, указывая на это мѣсто Несторовой Лѣтописи, замѣтилъ: „Кто можетъ говорить такъ кромѣ очевидца!" Но противникъ его С. М. Строевъ, въ своемъ сочиненіи *О недостовѣрности древней Русской Исторіи и ложности мнѣній касательно древности Русскихъ Лѣтописей*, возражая Погодину, писалъ: „Но вникнете, г. Погодинъ... Говоритъ ли о такихъ дѣтищахъ исторія медицины? Возможно ли такое перемѣщеніе членовъ тѣла нашего? Словомъ, описанное дѣтище не есть ли плодъ воображенія лѣтописца? Но такого урода столь же легко могъ выдумать лѣто-

тописецъ XIV столѣтія, какъ и лѣтописецъ XI-го. И такъ, г. Погодинъ, можно ли доказывать, что лѣтописи писаны въ XI столѣтіи,—дѣтищемъ, имѣвшимъ на лицѣ то, чего нельзя сказати срама ради" [238]). И вотъ, въ Мюнхенскомъ кабинетѣ Натуральной Исторіи Погодинъ узнаетъ отъ смотрителя, что есть особенное собраніе при анатомическомъ театрѣ. Вмѣстѣ съ Шевыревымъ отправляется туда и обращается къ прозектору, который показалъ ему тотчасъ урода въ спиртѣ, точь-въ-точь какъ описанный въ нашей Лѣтописи. „Еслибъ", пишетъ Погодинъ, „описывать его теперь, такъ нельзя бы описать иначе... Къ счастію истины, природа оставила намъ удивительный образчикъ,—и въ немъ доказательство подлинности лѣтописнаго извѣстія, писаннаго съ натуры: лѣтопись не могла бъ выдумать такой несообразности съ общими законами, коей отказывается вѣрить воображеніе, еслибъ не имѣла ея передъ глазами. Мы не можемъ сказать только: *его же позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша й въ воду*, потому, что онъ остался въ спиртѣ. Что до меня", продолжаетъ Погодинъ, „я смотрѣлъ на этого урода съ такимъ удовольствіемъ, какъ на Кановина Купидона", и, воротясь домой, тотчасъ написалъ о своемъ открытіи „торжественное донесеніе" Министру Народнаго Просвѣщенія.

Погодинъ очень сожалѣлъ, что, будучи въ Мюнхенѣ, ему некогда было съѣздить въ Дахау „посмотрѣть на сцену подвиговъ Шевырева, поздравить съ добычею и надѣть лавровый вѣнокъ на побѣдителя".

13 августа 1839 года Погодинъ выѣхалъ изъ Мюнхена и направился въ Швейцарію. Судьба наградила Погодина очень любезными спутниками: образованный англичанинъ, молодой нѣмецъ, докторъ съ женою изъ Тріеста. Англичанинъ говорилъ объ Англіи sine ira et studio. „Къ такому безпристрастію", сознается Погодинъ, „я чувствую себя неспособнымъ. Ни одного дурного слова о Россіи физически не могъ я произнести въ чужихъ краяхъ". Отъ доктора изъ Тріеста Погодинъ остался „просто въ восхищеніи". Открылось, что

докторъ „подъ Нѣмецкимъ именемъ былъ чистый словенинъ“. Заговорили о Церковномъ нарѣчіи, которое, по словамъ доктора, „совершенно понятно и близко“ всѣмъ Словенамъ. При этомъ Погодинъ выразилъ увѣренность, что гдѣ-нибудь „въ Турціи найдется именно оно въ устахъ простого народа и сдѣлаетъ всѣ наши изслѣдованія излишними и безполезными“.

Въ день Успенія (1839 г.) Погодинъ уже плылъ по Констанцскому озеру и любовался прелестными, зелеными берегами его. Приплывъ къ Рорчаху, они сѣли въ дилижансъ и поѣхали въ Цюрихъ.

23 августа 1839 года Погодинъ пріѣхалъ въ Бернъ и нашелъ пріютъ у священника при нашей Швейцарской миссіи. „Съ радушіемъ встрѣтила насъ“, пишетъ Погодинъ, „жена его, обрадованная безъ памяти случаю поговорить по-Русски съ Русскою путешественницею. Сейчасъ самоваръ. „Марья, скорѣе!“—закричала она по-Русски. — У васъ Русская служанка? спросилъ я хозяйку. — „Нѣтъ, здѣшняя, да выучила ее по-Русски“. Послѣ чаю, замѣчаетъ Погодинъ, „откуда ни взялась Русская постель, съ Русскимъ одѣяломъ и подушками, и намъ показалось, что мы на какомъ-то коврикѣ-самолетѣ, съ вершинъ Оберланда воротились ночевать на Святую Русь...“ Чрезъ Лозанну, 25 августа 1839 года, Погодинъ пріѣхалъ въ Женеву и въ тотъ же день сѣлъ на пароходъ и поплылъ кругомъ озера. „Пріятное плаваніе“, пишетъ Погодинъ: „солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ и отражалось въ озерѣ. Удивительная вода здѣсь, то зеленая, то голубая, полосами, со всѣми переливами. Вотъ Коппетъ — пребываніе Неккера, столь прославленное госпожею Сталь. Вотъ Лозанна, съ воспоминаніемъ о Гиббонѣ; вотъ Кларанъ—царство Жанъ-Жака-Руссо, котораго тѣнь носилась предо мною; вотъ Шильонъ, воспѣтый Байрономъ; вотъ Монтрель и Веве, гдѣ Жуковскій перевелъ намъ столько прекрасныхъ стихотвореній; вотъ Вильневъ... Сколько воспоминаній, принадлежащихъ къ вѣчно любезнымъ лѣтамъ молодости! Присоедините Альпійскія горы, которыя со всѣхъ сторонъ возвышаютъ гордые верхи свои, —

и вы согласитесь, что прогулка по Женевскому озеру принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ прогулкамъ въ мірѣ. Самые люди, окружающіе васъ, которые въ эту минуту думаютъ только о наслажденіи природою, дополняютъ пріятное впечатлѣніе, подтверждаютъ намъ драгоцѣнную для нѣжнаго сердца истину, что человѣкъ въ лучшія минуты все еще достоинъ своего небеснаго происхожденія". Въ Вильневѣ Погодинъ высадился съ парохода и поѣхалъ въ Шамунь для „созерцанія" Монблана [239]). „Вообрази себѣ", писалъ Погодинъ Шевыреву, „что мы третій день живемъ въ Шамуни и не можемъ носу показать изъ комнаты: дождь льетъ, какъ изъ ведра, и мы ничего не видимъ изъ окошка, кромѣ облаковъ" [240]). Для разсѣянія своего Погодинъ сталъ читать газеты. Прочитавъ, что Государь ѣдетъ въ Одессу, замѣтилъ: „Можетъ быть, благопріятная минута для несчастныхъ Болгаръ", и тотчасъ же написалъ записку объ ихъ положеніи и отправилъ ее „изъ долины Шамуни, отъ подошвы Монблана" съ письмомъ въ Одессу къ Д. М. Княжевичу. „Покойный Венелинъ", пишетъ Погодинъ, „въ лучшіе годы, а потомъ въ лучшія минуты своей жизни, ни объ комъ такъ не думалъ, какъ о Болгарахъ. Можетъ быть, этому моему письму достанется жребій сдѣлаться страницей въ Исторіи Болгаръ".

Но и этой мечтѣ Погодина, какъ и многимъ его мечтамъ, не удалось воплотиться. „Исполняя ваше желаніе", отвѣчалъ ему Княжевичъ изъ Одессы, „беру подъ свой покровъ Болгаръ; но, къ сожалѣнію, все, что̀ вы вѣроятно вычитали въ иностранныхъ газетахъ объ Одесскомъ конгрессѣ, и пр., и пр. оказалось вздоръ, и потому необходимость заставляетъ остаться покуда при одномъ желаніи помочь имъ. А жаль! *Страничка же въ Исторіи*, о которой вы пишете, *между пальцовъ у васъ проскочила*".

Наконецъ, 29 августа 1839 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Шамуни въ Женеву. Пораженный бѣднотою и болѣзненнымъ видомъ здѣшнихъ жителей, Погодинъ восклицаетъ: „Скажите, за что называется нашъ вѣкъ просвѣщеннымъ? Въ какой ди-

кой и варварской землѣ подвержены люди бóльшимъ несчастіямъ, нежели внутри Европы. Если климатъ производитъ болѣзни, то зачѣмъ позволяетъ правительство здѣсь селиться?.. Правительство есть попечитель, наставникъ народа, и нынѣ обязанность его гораздо выше, чѣмъ была прежде, въ соразмѣрности съ развитіемъ образованія. Безопасности одной стало мало; нужно воспитаніе общее, возбужденіе высшихъ потребностей, ихъ направленіе, указаніе средствъ къ удовлетворенію".

Изъ Женевы Погодинъ посѣтилъ Ферней, и прогуливаясь тамъ по алеямъ, посаженнымъ Вольтеромъ, онъ думалъ: „Что сказать о Вольтерѣ? Объ немъ все сказано и пересказано. Никакъ не могу я понять его образа дѣйствій, со всѣми его прихожанами, такъ называемыми философами XVIII столѣтія! Какъ люди съ такимъ острымъ умомъ, какъ Вольтеръ, Гиббонъ, Юмъ, Дидеротъ, могли не видать дѣйствій Святой Христіанской Религіи ко благу человѣческаго рода и стараться изъ всѣхъ силъ объ ея уничтоженіи. Ослѣпленіе, при которомъ человѣкъ *видяще — не видитъ, слышаще — не разумѣетъ*—вотъ одно объясненіе, которое принять можно".

Женева оставила въ Погодинѣ „странное впечатлѣніе: это нѣсколько улицъ, не составляющихъ цѣлаго, какъ будто не было города, а только озеро съ строеніями на берегу".

XLIV.

Объѣхавъ Швейцарію, Погодинъ чрезъ Симплонъ направился въ Миланъ, потерявъ за ненастьемъ „безподобную картину внезапнаго, очаровательнаго перехода отъ дикой природы Швейцарской къ прелестямъ Итальянскаго Юга". Всѣ эти нивы, луга, сады, виноградники были тогда покрыты водою и туманомъ и не могли произвести никакого пріятнаго впечатлѣнія.

2 сентября 1839 года, поздно вечеромъ наши путешественники пріѣхали въ Миланъ и на другой же день отправились въ Соборъ, который начатъ въ 1386 году и

строился до 1839 года! „Удивительное зданіе“, замѣчаетъ Погодинъ, „которое послѣ Римскаго Петра занимаетъ рѣшительно первое мѣсто въ Европѣ, хотя и въ другомъ родѣ. На крышѣ цѣлое царство статуй... Какіе блистательные великолѣпные памятники основало Западное человѣчество!“ Въ галлереѣ палаццо Брера Погодину болѣе всего понравилась Гверчинова Агарь: „что за выраженіе на лицѣ несчастной рабыни, торжествующей супруги, почтеннаго Патріарха“. Въ Амвросіанской библіотекѣ Погодинъ разсматривалъ примѣчательныя рукописи: Древности Іудейскія Іосифа Флавія, древнѣйшій Виргилій, съ собственными примѣчаніями Петрарка, рукопись Леонарда да Винчи, картины — Аѳинской школы Рафаелевы, и другихъ мастеровъ Италіи. Сидя въ театрѣ, смотря на кипучій балетъ, Погодинъ думалъ о Среднихъ вѣкахъ Италіи сравнительно съ настоящимъ положеніемъ. „Какая жизнь тогда“, замѣчаетъ онъ, „и какое оцѣпенѣніе теперь! Задача для будущихъ Европейскихъ конгрессовъ, которые будутъ когда-нибудь собираться для разсужденія о системахъ управленія по разнымъ отраслямъ гражданской жизни, какъ теперь собираются педагоги толковать о методахъ преподаванія“. Послѣ спектакля Погодинъ сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Комо, куда прибыли на разсвѣтѣ 4 сентября 1839 года. Въ 8 утра пароходъ пустился по озеру. Проплывъ немного, остановились, чтобъ осмотрѣть замокъ Соммаривы, расположенный на берегу озера. Здѣсь знаменитые барельефы Торвальдсена, представляющіе тріумфальное шествіе Александра Македонскаго, нѣсколько статуй Кановы, Марсъ, Венера, Адонисъ и пр. Изъ картинъ примѣчательна голова Леонардо да Винчи, собственная копія Рубенса. Особенно понравился Погодину садъ съ лаврами, миртами, кипарисами, розами, съ видомъ на прелестное озеро. „Сколько мѣстъ“, думалъ Погодинъ, гуляя по этому саду, „гдѣ люди могли бы жить счастливо, а гдѣ они счастливы?“ Поздно вернулся онъ въ Миланъ. Изъ всѣхъ Итальянскихъ городовъ Миланъ, по замѣчанію Погодина, „сохранилъ много прежняго значенія, величія и

жизни. И Миланцы чувствуютъ свою силу. Походка у нихъ другая, взглядъ смѣлѣе". На дорогѣ изъ Милана во Флоренцію, Погодинъ встрѣтилъ знаменитаго философа Окена и сблизился съ нимъ. Эту достопамятную встрѣчу Погодинъ подробно описалъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*. Спутниками его изъ Милана были старикъ, старуха и молодая дѣвушка. „Лишь только начало разсвѣтать", пишетъ Погодинъ, „какъ старикъ бросился къ книгамъ, которыхъ насовано было у него по всѣмъ карманамъ, и началъ читать пристально". На вопросы старухи и дѣвушки тотъ отвѣчалъ „отрывисто, жестко, даже съ сердцемъ". Изъ ихъ отрывистыхъ разговоровъ Погодинъ узналъ, что это Нѣмецкое семейство: отецъ, мать съ дочерью. Смотря на старика Погодинъ думалъ, „въ какой зависимости отъ книгъ бываетъ Нѣмецкій ученый. Онъ взглянуть не можетъ ни на что, не справясь съ книгою... и онъ не живетъ, а только читаетъ и пишетъ: что не напечатано, то какъ будто и не существуетъ для него". Воспользовавшись моментомъ, когда старикъ, оставивъ одну книгу, принимался за другую, Погодинъ обратился къ нему и сказалъ: „Сколько книгъ пишутъ Нѣмцы обо всѣхъ предметахъ"!

Старикъ. Что же толку? Маранье бумаги.

Погодинъ. Извините, мнѣ странно слышать отъ нѣмца такой отзывъ о книгахъ. Книга—это жизнь, это стихія Нѣмецкая.

Старикъ. Правда, но листы смѣняются листами, и гдѣ отыщешь настоящаго хозяина той или другой мысли. Произведенія искусства—вотъ что остается навсегда, вотъ что велико и безсмертно.

Погодинъ. Конечно въ Италіи позволительно говорить это.

„Старику", пишетъ Погодинъ, „было повидимому лѣтъ подъ шестьдесятъ, росту онъ былъ низкаго, худощавъ, лицо бѣлое, даже нѣжное, черты или лучше морщины рѣзкія, глаза нѣсколько косые, но быстрые, волосы темнорусые съ просѣдью, взлизанные на одной сторонѣ лба. На немъ былъ про-

стой сюртукъ темно-коричневаго цвѣта, бѣлый платокъ на шеѣ завязанъ въ два узла“.

Въ Лоди была остановка, и послѣ завтрака Погодинъ опять завязалъ разговоръ съ старикомъ и пожаловался, что ему въ Миланской библіотекѣ не хотѣли показать Словенскихъ рукописей.

Старикъ. Вы отнеслись бы къ библіотекарю.

Погодинъ. Относился и къ помощнику, и къ начальнику.

Старикъ Что же они сказали вамъ?

Погодинъ. У насъ нѣтъ Словенскихъ рукописей, кромѣ одной. Напрасно я возражалъ ему, что есть указанія на Миланскія рукописи въ предисловіи къ Словенской Грамматикѣ Добровскаго, и просилъ, чтобъ мнѣ указали другія коллекціи, въ кои могли попасть онѣ.

Старикъ. О нѣтъ, со мною такъ онъ не раздѣлался бы. Вамъ надо бы погрозить жалобою. Эти господа боятся жалобъ.

Погодинъ. Библіотекари монахи, можетъ быть, іезуиты, и имъ непріятно показывать Греко-Словенскія церковныя рукописи.

Старикъ. Нѣтъ, нѣтъ. Библіотекари получаютъ жалованье и должны показывать... Постойте, я справлюсь, кто библіотекарь въ Амвросіанской библіотекѣ... Нашелъ! Вотъ онъ такой-то“...

Разговорясь объ Австрійскомъ правительствѣ, старикъ замѣтилъ: „Насильственное не даетъ хорошихъ плодовъ. Гораздо было бы лучше, еслибъ Германскіе императоры не стремились на Югъ, не посягали на чужую собственность, не трогали Италіи, а устремили бы все свое вниманіе, направили всѣ свои силы къ Сѣверу, на Германію“...

Погодинъ завязалъ разговоръ о Словенахъ, и изъ разговора онъ увидѣлъ, что старикъ „раздѣляетъ общее мнѣніе Нѣмецкихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ“, а потому не почелъ нужнымъ съ нимъ спорить, но замѣтилъ только, что въ послѣднее время „Словенскіе ученые пролили много свѣта на этотъ предметъ; наконецъ пожалѣлъ, что Нѣмецкіе ученые,

знакомые со всѣми источниками Исторіи, незнакомы до сихъ поръ съ этимъ и стоятъ совершенно неподвижные въ своихъ понятіяхъ относительно къ Словенской Исторіи".

Погодинъ. Мнѣ говорили въ Швейцаріи, что въ Мейрингенѣ есть слѣды Словенскіе, слова, обычаи, отличія въ одеждѣ.

Старикъ. Не вѣрьте, это вздоръ.

Погодинъ. А что вы скажете о походахъ Норманов внизъ по Рейну и поселеніяхъ въ Швейцаріи!

Старикъ. Точно также никакихъ поселеній не было: Норманы не заходили такъ далеко во внутрь.

„Мы", пишетъ Погодинъ, „продолжали толковать такимъ образомъ о Средней Исторіи, какъ вдругъ изъ разговора моей жены съ дочерью старика послышалося мнѣ Цюрихъ, и въ то же мгновеніе, Богъ знаетъ какъ и почему, мелькнула въ головѣ моей мысль—не Окенъ ли это. Безъ дальняго размышленія, взглянувъ пристально на старика, я передаю ему эту безотчетную догадку: „не съ господиномъ ли Океномъ я имѣю честь говорить?" И что же? вообразите мое удивленіе это былъ точно онъ".

Погодинъ привсталъ съ своего мѣста „и торжественно" поклонился знаменитому натуралисту-философу нашего времени, „велѣлъ поклониться женѣ". Окенъ былъ очень доволенъ.

Погодинъ. Объясните же мнѣ... эту способность души, посредствомъ которой я угадалъ васъ. Я зналъ, что Окенъ живетъ въ Цюрихѣ, но, судя по вашему разговору, я долженъ былъ почесть васъ какимъ - нибудь профессоромъ Исторіи... Кстати ли Окену... читать лѣтописцевъ, разбирать ихъ неопредѣленныя показанія... и помнить столько маловажныхъ историческихъ мелочей. Я воображалъ васъ совсѣмъ въ другой области—въ области природы.

Окенъ. Я дѣлаю иногда такіе скачки.

Погодинъ. У меня есть два портрета вашихъ, но вы рѣшительно ни одною чертою не напоминаете объ нихъ. Наконецъ мы привыкли воображать васъ человѣкомъ молодымъ,

рьянымъ, даже безпокойнымъ,—извините, ваши соотечественники подали поводъ къ такой молвѣ,—а я вижу предъ собою тихаго, спокойнаго Нѣмецкаго ученаго, который едва ли можетъ заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ своей науки, книги и каѳедры. Однимъ словомъ, я долженъ бы былъ спорить со всякимъ, что вы не Окенъ, а мнѣ самому, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ и очевидностямъ, пришла эта мысль въ голову, и я не побоялся выговорить ее. Объясните же вы, великій натуралистъ, какъ случилось это?" Но когда великій натуралистъ не могъ сказать ему ни слова въ объясненіе, то Погодинъ подумалъ: „О Философія! Ты—великое дѣло, славное усиліе, необходимое развитіе, похвальное упражненіе; но сколько тайнъ для тебя, какіе первые вопросы можешь рѣшить ты, какъ многаго ты не знаешь!.. Но тебѣ принадлежитъ лишь почетный удѣлъ знать лучше всѣхъ, что ты ничего не знаешь!.. Какой-то трепетъ священный обнималъ меня, и я никогда не забуду этой торжественной минуты". И долго смотрѣлъ Погодинъ „со вниманіемъ на человѣка, который принесъ столько пользы наукѣ и содѣйствовалъ такому великому перевороту въ ея жизни, хотя и заплатилъ дань человѣческой слабости своими гипотезами, парадоксами, особенно когда выступалъ изъ границъ своего вѣдѣнія трехъ царствъ природы".

Окенъ. А сколько времени думаете вы пробыть во Флоренціи?

Погодинъ. Дней пять.

Окенъ. Помилуйте, да въ девять дней едва можно осмотрѣть ее.

Потомъ Окенъ началъ разспрашивать Погодина о Москвѣ, Московскомъ Университетѣ, Русскомъ просвѣщеніи, духѣ Министерства. „Хотя я", пишетъ Погодинъ, „очень любилъ хвастаться предъ иностранными учеными Русскимъ Уставомъ, которымъ обезпечивается наше состояніе и судьба нашихъ семействъ, множествомъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, и отъ частаго повторенія выучилъ почти наизусть эту апо-

строфу, но теперь отвѣчалъ отрывисто, спѣша скорѣе къ своимъ вопросамъ".

Пріѣхавъ въ Піаченцу, Окенъ вмѣстѣ съ Погодинымъ отправились въ соборъ, гдѣ Окенъ началъ останавливаться на каждомъ шагу, разспрашивать о всякой дюжинной картинѣ. Спутники его торопились идти обѣдать; но на бѣду ихъ въ соборъ явился „какой-то невѣжа монахъ, съ которымъ Окенъ началъ спорить „Тедеско-Итальянскимъ языкомъ". Погодинъ потерялъ терпѣніе и, подъ „благовиднымъ предлогомъ, откланялся ученой компаніи"...

Послѣ обѣда наши путешественники выѣхали изъ „незначительной, пустынной и скучиой" Піаченцы. Окену было очень пріятно услышать отъ Погодина, что его сочиненія извѣстны въ Россіи. Погодинъ разсказалъ ему, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, ученіе его о природѣ привезено было въ Московскій Университетъ докторомъ М. Г. Павловымъ, который произвелъ тогда всеобщій восторгъ между студентами; потомъ какъ одинъ изъ его товарищей, князь В. Ѳ. Одоевскій, „во снѣ и на яву" говорилъ объ его мысляхъ. Далѣе Погодинъ назвалъ ему Московскихъ же профессоровъ, Максимовича, который воспользовался многими его мыслями для Ботаники, и Щуровскаго, который сдѣлалъ то же для Зоологіи. Окенъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ повторялъ за Погодинымъ имена, „а я", пишетъ онъ, „съ гордостью слушалъ Maximovitsch, Tschurowsky". Погодинъ замѣтилъ ему наконецъ, что всѣ эти ученые не принимаютъ его мнѣній безусловно, но измѣняютъ оныя, сообразно съ своими воззрѣніями.

„Задобривъ" Окена своимъ разсказомъ, Погодинъ приступилъ къ нему съ вопросами о Шеллингѣ, объ отношеніяхъ его къ католицизму, къ іезуитамъ. Въ отвѣтъ Окенъ сказалъ: „О, нѣтъ такихъ нелѣпостей, которыхъ не выдумаютъ люди злонамѣренные... Шеллингъ", продолжалъ онъ, „занимается своими изслѣдованіями независимо отъ ихъ результатовъ, независимо отъ окружныхъ толковъ, но молчитъ теперь, не издаетъ ничего въ свѣтъ, огорченный невниманіемъ, холодно-

стію, неблагодаростію публики, грубостію своихъ противниковъ. Охота являться предъ людьми, которые не умѣютъ уважать васъ, не умѣютъ цѣнить вашихъ заслугъ"... На эти слова Погодинъ сказалъ Окену: „Позвольте вамъ замѣтить, что такіе люди, какъ Шеллингъ, какъ... должны быть выше всѣхъ нелѣпыхъ воплей, которые такъ обыкновенно раздаются въ нижнихъ слояхъ ученаго міра, и спокойно продолжать дѣланіе, на которое призваны свыше". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ примѣтилъ, что Окенъ самъ огорчался до глубины сердца, видя себя забываемымъ. Дочь его сказала женѣ Погодина, что ему всегда бываетъ досадно, если кто изъ путешественниковъ проѣзжаетъ Цюрихъ, не посѣтивъ его. Погодину показалось даже, что Окену было непріятно услышать отъ него, что онъ былъ въ Цюрихѣ. Замѣтивъ это, Погодинъ „старался оправдаться стороною" и объяснить, почему не былъ у него. На это Окенъ ему сказалъ: „Впрочемъ, мы были тогда на Боденскомъ озерѣ. А зачѣмъ вы не были у профессора Исторіи? Всегда бываетъ полезно встрѣчаться съ такими людьми, которые занимаются однимъ предметомъ съ вами".

Въ Пармѣ Погодинъ разстался съ своимъ знаменитымъ спутникомъ и въ заключеніе замѣтилъ, что, „смотря на него, я убѣдился вполнѣ, что никакой Нѣмецкій ученый не можетъ быть вреденъ, ни опасенъ своею особою; что еслибъ въ книгѣ его былъ даже ядъ, то онъ самъ всегда сдѣлался бы противоядіемъ" [241]).

Объ этой счастливой встрѣчѣ Погодинъ сообщалъ въ Кіевъ своему другу М. А. Максимовичу. „Я случайно познакомился съ Океномъ, проѣхавъ съ нимъ въ дилижансѣ изъ Милана до Пармы и узнавъ только на половинѣ дороги, что онъ — Окенъ. Возвѣстилъ ему твое имя и заставилъ выговорить оное" [242]).

XLV.

На смѣну знаменитаго Окена спутникомъ Погодина явился молодой ломбардецъ, изъ Милана, горячій патріотъ. „Въ два

часа онъ живо изобразилъ Погодину Италію, съ желаніями, надеждами ея жителей". Дорога отъ Пармы до Болоньи произвела на Погодина мрачное впечатлѣніе. „Эта страна", пишетъ онъ, „какъ будто только-что оставлена свирѣпымъ непріятелемъ въ среднихъ вѣкахъ, какъ будто видишь передъ собою слѣды разоренія и опустошенія. Нищета еще ничего не значитъ. Я видѣлъ ее и въ Швейцаріи—нѣтъ, здѣсь дикость, варварство представляются вамъ на всякомъ шагу. Дикость предъ картинами Рафаеля и Корреджіо, около храмовъ Микель Анджело, Палладіо!.. О, никогда не забуду я, какъ толпа молодыхъ дѣвочекъ, оборванная, растрепанная, полунагая, обступила насъ въ Реджіо, гдѣ остановились мы завтракать, и дерзко требовала милостыни. Подите работать, сказалъ я имъ.—„А гдѣ намъ взять работы?" отвѣчали онѣ мнѣ въ одинъ голосъ, и побѣжали прочь, припрыгивая и испуская со смѣхомъ дикіе вопли". Ломбардцу совѣстно было за свое Отечество, и онъ разразился слѣдующимъ монологомъ: „Богачи и вельможи! сибаритствуя въ мраморныхъ и позлащенныхъ своихъ палатахъ, обжираясь отборными яствами, упиваясь драгоцѣнными винами, нѣжа свой слухъ и зрѣніе въ великолѣпныхъ спектакляхъ, слыша себѣ лесть отъ подобострастной челяди, вы не знаете, какъ живутъ люди въ хижинахъ, какія горькія слезы тамъ проливаются, какіе пороки тамъ гнѣздятся, какъ образъ Божій изглаждается отъ вашего тлѣтворнаго дыханія! О, страшно и думать!.." Дорога въ Тоскану показалось Погодину гораздо пріятнѣе; „деревья", пишетъ онъ, „увиты и опутаны гирляндами винограда; маслины растутъ въ обиліи; грецкихъ орѣховъ безъ счету; прекрасныя виллы; вездѣ виденъ порядокъ и заботливость; земля лучше и воздѣлана прекрасно". Погодину нетерпѣливо хотѣлось поскорѣе добраться до Флоренціи, „крайней точкѣ путешествія, съ которой начнется возвращеніе" въ Отечество.

Наконецъ, 9 сентября 1839 года, онъ въѣхалъ во Флоренцію и прежде всего отправился въ церковь Св Креста. Тамъ Погодинъ поклонился праху Галилея, Макіавели, Аль-

фіери, Микель-Анджело. „Какіе люди!“ восклицаетъ онъ, „недостаетъ только Данта“. Соборъ принадлежитъ къ одному изъ огромнѣйшихъ въ Европѣ. Болѣе всѣхъ украшенъ онъ при Козмѣ Медичи. Куполъ его былъ предметомъ удивленія и изученія Микель Анджело, который, уѣзжая въ Римъ къ Св. Петру, сказалъ: „Прощай, мой другъ. Можетъ быть, я построю подобный тебѣ, но не равный“. Крестильница славится своими чудными дверями. Самъ Микель Анджело воскликнулъ внѣ себя отъ удивленія, смотря на нихъ: „вотъ райскія двери!“ Ходя по площади, Погодинъ припоминалъ Исторію Флоренціи и смотрѣлъ на толпившійся народъ, который, кажется, „и не помнитъ, отъ кого онъ происходитъ и чѣмъ обладаетъ“. Обходя Флорентійскую галлерею, безпристрастный путешественникъ воздалъ хвалу Медичисамъ: „Вѣчная вамъ слава за собраніе сокровищъ искусства, которымъ со всѣхъ сторонъ приходятъ люди покланяться и блаженствовать—хоть на нѣсколько минутъ, въ созерцаніи вѣчной красоты. Потомки прощаютъ вамъ ваши пороки, недостатки, ошибки — вы умѣли подкупить ихъ, вы поняли, чтó переживаетъ силу, власть и лесть. Цари и вельможи! покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны“.

Вся исторія новой живописи представилась глазамъ Погодина, начиная отъ образовъ Византійскихъ и первыхъ опытовъ Чимабуе и Джіотто, до великихъ представителей ея въ вѣкъ Медичисовъ, собранныхъ въ Трибунѣ. У Погодина закружилась голова, когда онъ вошелъ въ Трибуну и взглянулъ на мадонны Рафаеля, на его же Іоанна Крестителя, *гласъ вопіющаго въ пустынѣ*, Форнарина, на Тиціановы Венеры, на Сибиллу—Гверчина, на Святое Семейство—Корреджіо, на Венеру Медицисскую... Для отдохновенія онъ поспѣшилъ за городъ. По удивительной, единственной въ Европѣ, аллеѣ изъ высокихъ кипарисовъ и дубовъ ѣхалъ онъ въ обширномъ омнибусѣ въ виллу Poggio imperiale. Тамъ насладился онъ захожденіемъ солнца и взглянулъ издали на домъ Галилея... На другой день для освѣженія своей утомленной головы По-

годинъ опять поѣхалъ за городъ въ Фіезоле, „колыбель Флоренціи, временъ Этрусскихъ“. Тамъ, подъ тѣнью кипарисовъ, среди полнаго безмолвія, гулялъ онъ по рощѣ, „нѣжился на солнцѣ, смотрѣлъ на удивительную панораму“. Возвратясь во Флоренцію, онъ осмотрѣлъ старый дворецъ и посѣтилъ домъ Микель Анджело. Обѣжалъ библіотеку, взглянувъ на рукописи Виргилія и Тацита, автографы Галилея, Боккачіо, Петрарки.

12 сентября 1839 года Погодинъ простился съ Флоренціею и въ коляскѣ „мчался“ по Болонской дорогѣ. „И вотъ“, пишетъ онъ, „мы ѣдемъ назадъ, домой, въ Отечество! О, какое удовольствіе доставилъ намъ первый шагъ! Одна мысль, что путешествіе кончено и мы возвращаемся, восхитила насъ. Съ горячимъ чувствомъ мы перекрестились! Всѣ видѣнные образы исчезли въ головѣ — и Флоренція, и Римъ, и Св. Петръ, и Альпы, и Палаты, и Палерояль, и Рафаель, и спектакли — какъ будто ничего и не бывало. Москва, Москва, Иванъ Великій, полосатый шлагбаумъ, *кто идетъ*,—вотъ, что намъ мерещилось во снѣ и на яву. Вечеръ былъ удивительный: солнце закатывалось въ заревѣ, горы вдали казались голубыми, а передъ глазами разстилалась зелень. Италія прощалась съ нами восхитительно“.

XLVI.

Чрезъ Болонію, Мантую, Верону, Боценъ, Инспрукъ, старинную резиденцію епископовъ Зальцбургъ, Линцъ, 19 сентября 1839 года Погодинъ пріѣхалъ въ Вѣну. Въ Мантуѣ онъ вспомнилъ о Мерзляковѣ, который, посвящая Императору Александру I свой переводъ *Виргиліевыхъ Георгикъ*, писалъ: „Пастухъ Мантуанскій имѣлъ высокое счастіе заслужить одобреніе Римскаго Августа миротворца. Переводчикъ Виргилія не Виргилій, но Россійскій Августъ миротворецъ несравненно великодушнѣе Римскаго“. Эти строки, знакомыя и любезныя Погодину со временъ его студенчества, возобновились въ его памяти во время пребыванія его въ Мантуѣ, родинѣ Виргилія.

Въ Веронѣ, проходя мимо новой крѣпости, Погодинъ услышалъ говоръ Польскій, Италіанскій, Словацкій, Русскій и взглянулъ на несчастныхъ труженниковъ, собранныхъ съ такихъ разныхъ сторонъ строить крѣпость Австрійцамъ на землѣ Италіанской!" Въ Вѣнѣ счастливый случай привелъ Погодина въ ту гостинницу, гдѣ ожидалъ его Гоголь [243]), который отсюда съ отчаяніемъ писалъ Шевыреву: „Неужели я ѣду въ Россію? Я этому почти не вѣрю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсѣмъ отвыкъ отъ холодовъ" [244]). Замѣчательно, что съ подобнымъ же чувствомъ писалъ къ Погодину землякъ и другъ Гоголя, Данилевскій, возвратившись изъ Парижа въ свою родную Малороссію. „Еслибъ вы знали, какъ я скучаю здѣсь и какъ желаю вырваться изъ этого омута, называемаго Малороссіею. Какая перемѣна вдругъ! Парижъ и дальній заброшенный уголокъ Полтавской губерніи, гдѣ я осужденъ на лѣнь, на скуку, на *Московскія Вѣдомости*. Я часто припоминаю замѣчанія ваши, что мы живемъ за границей на щетъ будущаго нашего щастія и чувствую всю справедливость его" [245]).

Во время своего трехдневнаго пребыванія въ Вѣнѣ, Погодинъ повидался съ Копитаромъ и разсмотрѣлъ его библіотеку; заглянулъ въ галлереи Бельведера и Лихтенштейнскую, а по вечерамъ ходилъ въ театръ и 22 сентября 1839 года въ ночь выѣхалъ изъ Вѣны. Ѣхали они въ двухъ экипажахъ, въ одномъ Погодинъ съ Гоголемъ, а въ другомъ жена Погодина. Въ Краковѣ, подъ руководствомъ ректора Матакевича, Погодинъ осмотрѣлъ Университетъ, основанный въ 1343 году. На стѣнахъ онъ разсматривалъ изображенія важнѣйшихъ происшествій изъ Исторіи Университета, начиная съ основанія. Въ университетской библіотекѣ профессоръ Мучковскій показывалъ ему важнѣйшія рукописи. „Къ Польскимъ рукописнымъ памятникамъ", замѣчаетъ Погодинъ, „столь же мало принялась критика, какъ и къ Русскимъ". Съ грустью обошелъ онъ „пустынные, необитаемые покои дворца, кои занимаются солдатами. Все ободрано, обнажено, загажено! Австрійцы", сви-

дѣтельствуетъ Погодинъ, „во время своего владѣнія Краковымъ, замазали стѣны, на коихъ были изображены происшествія изъ Польской Исторіи". На улицахъ Погодинъ примѣтилъ грязь и нечистоту. „Жиды", замѣчаетъ онъ, „положили на Краковѣ печать свою". Проѣхавъ Варшаву, Погодинъ съ своими спутниками, пріѣхалъ наконецъ на Русскую границу. „Слава Богу!", воскликнулъ онъ. „Съ какою радостью услышали мы знакомый окликъ!" Однако жъ, „не смотря на патріотизмъ", насилу ихъ пропустили чрезъ границу. Больше всего Погодину было жаль „растревоженныхъ его Словенскихъ книгъ!" Въ Бѣлостокѣ ожидалъ его „служитель, высланный на встрѣчу изъ Москвы, безъ котораго", замѣчаетъ Погодинъ, „ѣхать по Русскимъ дорогамъ невозможно". Въ Бѣлостокѣ онъ осмотрѣлъ гимназію, которую нашелъ въ отличномъ состояніи. Одинъ учитель показывалъ ему собраніе всѣхъ естественныхъ произведеній здѣшней страны. 19 сентября 1839 г. Погодинъ добрался до Гродно, гдѣ онъ свидѣлся съ своимъ Московскимъ товарищемъ Ястребцовымъ, занимавшимъ должность директора Гродненской гимназіи, и на постояломъ дворѣ „въ толпѣ Жидовъ и ямщиковъ, потолковалъ съ нимъ о состояніи Русской Литературы". Достопамятности Вильно Погодинъ осмотрѣлъ подъ руководствомъ профессора Лобойки. Поздно вечеромъ выѣхали наши путешественники изъ знаменитаго въ Исторіи Литовской и Русской города. Дальнѣйшее путешествіе ихъ было „безъ всякихъ приключеній, только", замѣчаетъ Погодинъ, „карета наша на первой станціи была опрокинута въ канаву, впрочемъ, благополучно". Въ Лидѣ Погодинъ встрѣтился съ Александромъ Бѣлецкимъ, который впослѣдствіи сообщилъ ему любопытныя свѣдѣнія объ историкѣ Литвы Ѳедорѣ Нарбутѣ.

Чрезъ Оршу, Молодечно, Борисовъ и Минскъ, 23 сентября 1839 года наши путешественники рано поутру пріѣхали въ Смоленскъ. Учитель Косовичъ обвезъ ихъ по городу, и Погодину удалось только взглянуть на древній городъ, ибо „разспрашивать, изслѣдовать", какъ онъ сознается, „не было

у него силъ". Онъ „полюбовался только на толпы народа, который спѣшилъ съ противоположной стороны къ Днѣпру, по случаю торга или праздника, и вспомнилъ старое время". Вязьму наши путешественники проѣхали рано поутру, Дорогобужъ ночью. Здѣсь насмѣшилъ Погодина старикъ, станціонный смотритель, который, разбуженный, сказалъ ему: „Хоть къ самому Суворову ступайте жаловаться—нѣтъ лошадей".

Непріятная исторія съ лошадьми была у Погодина и въ Можайскѣ; „но", пишетъ онъ, „холерная моя слава оказала мнѣ услугу и доставила приказаніе почтмейстера станціонному смотрителю дать намъ лошадей немедленно, что плутъ старался отклонить со всѣми уловками Русскаго ума и досады".

Въ Можайскѣ Погодинъ взглянулъ на новый соборъ „и", пишетъ онъ, „пожалѣлъ о старомъ, назначенномъ уже къ сломкѣ, хоть онъ и оставался послѣднимъ памятникомъ древняго Можайскаго княженія".

Наконецъ, 26 сентября 1839 года, по утру, наши путешественники остановились на Поклонной горѣ, увидѣли Ивана Великаго, златоглавыя церкви, и „сердце ихъ" отдохнуло... Вотъ направо отъ лѣса показался Дѣвичій монастырь, вотъ и Дорогомиловская застава... Пріѣхали...

Въ своихъ *Отрывкахъ изъ Заключенія* Погодинъ представляетъ слѣдующіе афоризмы: „Добро и зло продолжаютъ расти на одномъ деревѣ: гдѣ развилось одно, тамъ развилось и другое, и чуть ли не въ одинаковой степени. Народъ столицъ, городовъ, и народъ деревень—вездѣ совершенно различные народы. О простомъ народѣ, его жизни, воспитаніи, нравственности попеченія большого нѣтъ нигдѣ. Политической Исторіи Европы предлежитъ много проблемъ, и въ этой драмѣ далеко еще до пятаго дѣйствія, а переломъ близокъ. Нѣтъ такого учрежденія, закона, изъ коего нельзя бы было сдѣлать злоупотребленія, которое вездѣ тотчасъ и дѣлается: слѣдовательно, не столько важны учрежденія и законы, сколько люди, отъ которыхъ зависитъ исполненіе. У всякаго народа есть свои добродѣтели и свои пороки, и всего менѣе можно судить о

народахъ по выходцамъ. Во Франціи жить можно всего веселѣе, въ Англіи свободнѣе, въ Италіи пріятнѣе и дешевле, въ Германіи спокойнѣе; вообще же *въ гостяхъ хорошо, а дома все-таки лучше*" [246]).

XLVII.

28 сентября 1839 года, М. С. Щепкинъ писалъ С. Т. Аксакову: „Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ, и не одинъ; ожиданія наши исполнились: съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ, и я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ, даже до того, что едва ли не сухо его встрѣтилъ; вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и, кажется, путнаго слова не сказалъ: такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ: ибо, помнится, мы совсѣмъ уже его не ожидали. Прощайте; сегодня, къ несчастію, играю и потому не увижу его". Въ это время С. Т. Аксаковъ съ семействомъ жилъ на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ десяти верстахъ отъ Москвы.

Все семейство Аксаковыхъ обрадовалось пріѣзду Гоголя. Константинъ же Аксаковъ, прочитавъ записку Щепкина, „поднялъ отъ радости такой крикъ, что всѣхъ перепугалъ" и въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву для свиданія съ Гоголемъ, который остановился у Погодина на Дѣвичьемъ полѣ. Гоголь встрѣтилъ Константина Аксакова „весело и ласково". Но вопросъ Константина: „Что вы намъ привезли, Николай Васильевичъ?", смутилъ Гоголя и онъ сухо и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „Ничего".

Вскорѣ все семейство Аксаковыхъ переѣхало въ городъ, и на другой же день Гоголь у нихъ обѣдалъ. Въ это время, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „наружность Гоголя такъ

перемѣнилась, что его можно было не узнать: слѣдовъ не было прежняго, гладко выбритаго и обстриженнаго, кромѣ хохла, франтика въ модномъ фракѣ!.. Сюртукъ, въ родѣ пальто, замѣнилъ фракъ. Самая фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалась благообразнѣе. Шутки Гоголя, которыхъ передать нѣтъ никакой возможности, были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолѣвалъ всѣхъ, кто его слушалъ, самъ же онъ всегда шутилъ не улыбаясь“ [247]). Однимъ словомъ, въ это время Гоголь уже былъ авторомъ *Мертвыхъ Душъ*, и Великопольскій, затѣвая какое-то литературное предпріятіе, писалъ Погодину: „Не могу ли я черезъ васъ достать отъ Гоголя отрывокъ изъ его *Мертвыхъ Душъ?*“.

Извѣстіе о возвращеніи Гоголя въ Россію было принято всеобщимъ восторгомъ. „Ты говоришь“, писалъ Максимовичъ изъ Кіева, „привезъ Гоголя. Спасибо великое тебѣ за это всѣ говорятъ здѣсь“. Изъ Петербурга юный правовѣдъ Николай Калайдовичъ писалъ Погодину: „Вы привезли съ собою въ подарокъ Русской литературѣ бѣглеца Пасичника, знаете ли, что извѣстіе объ этомъ возбудило у насъ энтузіазмъ. Теперь только разговоровъ, что о Гоголѣ... Только и слышимъ, что цитаты изъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, изъ *Миргорода*, изъ *Арабесковъ*. Даже вздумали разыгрывать *Ревизора*. Любители Петербургской жизни и Петербургскаго общества завидуютъ теперь Москвичамъ, которые, по всей вѣроятности, прежде ихъ будутъ наслаждаться новыми твореніями Гоголя. Вотъ что значитъ побыть нѣсколько времени за границею, возбудивъ передъ тѣмъ всеобщее вниманіе. Петербургъ жалѣетъ, что потерялъ одного изъ достойнѣйшихъ литераторовъ, и возвышаетъ цѣну произведеній Гоголя. *Ревизора* едва можно достать, и то не меньше какъ за пятнадцать руб. Потрудитесь предостеречь Гоголя, чтобы онъ не медлилъ изданіемъ своихъ твореній, если не хочетъ возбудить противъ себя ярости почитателей его таланта. Будущіе титулярные совѣтники (т.-е. правовѣды) ждутъ съ нетерпѣніемъ диплома и сочиненій Гоголя“ [248]).

Гоголь однако не долго оставался въ Москвѣ и вскорѣ онъ объявилъ С. Т. Аксакову, что ему надобно ѣхать въ Петербургъ, чтобы взять сестеръ своихъ изъ Патріотическаго Института, а мать Гоголя должна была весною пріѣхать въ Москву за дочерьми. С. Т. Аксакову тоже нужно было ѣхать въ Петербургъ, для опредѣленія сына Михаила въ Пажескій Корпусъ, и онъ предложилъ Гоголю ѣхать туда вмѣстѣ, на что конечно онъ съ радостью согласился.

26 октября 1839 г., они выѣхали изъ Москвы и пробыли въ Петербургѣ почти до Рождества [249]). Оттуда Гоголь писалъ Погодину: „Какъ пошла моя жизнь въ Петербургѣ!.. А все виною Аксаковъ. Онъ меня выкупилъ изъ бѣды, онъ же меня и посадилъ. Мнѣ ужасно хотѣлось возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ Москву. Я же такъ полюбилъ его истинно душою. При томъ для моихъ сестеръ компанія и вся нужная прислуга... Ахъ тоска!.. Какъ здѣсь холодно! И привѣтъ, и пожатія, часто, можетъ быть, искреннія, но мнѣ отвсюду несетъ морозомъ. Я здѣсь не на мѣстѣ“ [250]).

Самъ же Погодинъ, вернувшись въ Москву, писалъ Максимовичу: „Я только что воротился изъ дальнихъ краевъ. Былъ въ Римѣ и Неаполѣ, Парижѣ и Лондонѣ, Брюсселѣ и Амстердамѣ, на Монбланѣ и Везувіи, и проч., и проч. Все видѣлъ, высмотрѣлъ—плоды цивилизаціи не безъ горечи, скажи преосвященному Иннокентію, или еще болѣе: плодовъ сладкихъ безъ горькихъ нѣтъ нигдѣ,—въ одинаковой степени зрѣютъ и поспѣваютъ. Ну, да это мимоходомъ. А главное дѣло—здравствуй!“ [251]). Привѣтствуя возвращеніе Погодина въ Москву, правовѣдъ Калайдовичъ писалъ ему: „А. А. Краевскій наговорилъ мнѣ столько ужасовъ, которымъ вы будто бы подвергались въ Парижѣ, что я началъ опасаться за васъ... Но слава Богу вы возвратились, и сколько я могу заключить изъ писемъ Аксаковыхъ, благополучно“. „Что, братъ“, писалъ Погодину Надеждинъ изъ Одессы, „причалилъ ли ты опять къ Святой Руси? Помыкался же довольно, нечего сказать! Ду-

шевно желаю, чтобы это скитаніе не было для тебя вотще— по всѣмъ отношеніямъ" [252]).

Между тѣмъ самъ Погодинъ по возвращеніи въ Москву впалъ въ какую-то апатію. „Вообрази", писалъ онъ Максимовичу: „что цѣлый мѣсяцъ по возвращеніи я хожу какъ деревянный,—ни мысли, ни чувства! Двухъ понятій связать не могу и двухъ словъ выговорить безъ запинки. Только вчера какъ будто начало яснѣть въ головѣ, и то чуть-чуть, я испугался было совершенно. Но что угодно Богу, то и будетъ. Нынче чувствую себя еще лучше, начинаю писать" [253]). Д. М. Княжевичъ, узнавъ объ этомъ настроеніи Погодина, писалъ ему: „Вы извините мое сомнѣніе... Возводите на себя небылицу, будто бы на васъ по возвращеніи изъ путешествія нашелъ столбнякъ. Развѣ—не просто ли лѣнь обуяла? Такъ сбросьте ее поскорѣе" [254]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ въ бытность свою въ Мюнхенѣ не успѣлъ заѣхать къ Шевыреву въ Дахау и это огорчило его; тогда какъ графъ С. Г. Строгановъ, въ одно время путешествовавшій съ Погодинымъ, былъ у Шевырева въ Дахау и видѣлъ его „за Египетской работой" [255]). Еще до пріѣзда Погодина въ Москву, Шевыревъ писалъ ему: „Я все жилъ въ Дахау и не выѣзжалъ изъ своей норы. Вдругъ получаю письмо отъ графа Строганова, что онъ въ Мюнхенѣ и будетъ ко мнѣ. Я къ нему на другое утро. Онъ меня сначала привелъ было въ отчаяніе: не брать ни одной книги и ѣхать въ Москву. Но послѣ разсмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ другое. Онъ только имѣетъ въ виду курсъ и студентовъ, а насъ считаетъ средствами къ тому: ему и книгъ не надо. *Вашъ курсъ для студентовъ дороже всѣхъ библіотекъ Моля.* Но порѣшили на томъ, чтобы мнѣ остаться на годъ... Ужасное восклицаніе и отчаянную гримасу сдѣлалъ онъ, когда я ему сказалъ, что ты не въ Москвѣ, а на дорогѣ въ Вѣну. „Да вы сами ему позволили опоздать.—Да я думалъ, что онъ опоздаетъ десятью днями, а не мѣсяцами. Послѣ того въ разговорахъ нѣсколько разъ отражалось у него это противъ тебя, но я, однако, улу-

чивъ минуту, парировалъ за тебя.—Я сказалъ ему, что ты имѣешь полное право быть недовольнымъ. Сдѣлавши столько для Университета, ты не получилъ ничего. Тутъ началъ онъ оправдываться, что два раза тебя представлялъ къ кресту, два раза и министръ отказывалъ. Я говорилъ ему, что у васъ въ рукахъ другія средства награждать насъ. Погодинъ никогда не былъ ободренъ и поддержанъ.

Графъ Строгановъ. Но ему дали Русскую Исторію, отнявши ее у Каченовскаго.

Шевыревъ. Да это вы развѣ сдѣлали для него? Это для Университета и студентовъ. Погодинъ Русскою Исторіею можетъ лучше заниматься въ своемъ кабинетѣ, нежели на каѳедрѣ, такъ какъ и всякій изъ насъ своею наукою. Мы всѣ жертвуемъ для студентовъ собою. Да еслибы оставили Русскую Исторію въ рукахъ у Каченовскаго, что-то бы было съ нею?

Графъ Строгановъ. Да, это правда, Погодинъ поддержалъ Русскую Исторію и спасъ ее.

Представь себѣ, онъ увѣрялъ, что Каченовскій превосходный Ректоръ. Ну, тутъ ужъ я пустился....“ Въ другомъ письмѣ Шевыревъ писалъ Погодину: „Ты бранишь Строганова, но я все-таки ему благодаренъ за то, что онъ былъ у меня въ Дахау и взглянулъ своими глазами на трудъ мой. У меня былъ душевный другъ въ Мюнхенѣ, да и тотъ въ торопяхъ не захотѣлъ пожертвовать утромъ и съѣздить въ библіотеку Моля. Что онъ теперь скажетъ за меня въ Совѣтѣ Университета?“

Эти строки очень огорчили Погодина и онъ писалъ Шевыреву: „Сравненіемъ меня съ Строгановымъ обижаюсь. Я былъ всегда готовъ и теперь готовъ не въ Дахау съѣздить, а въ Иркутскъ сходить для моихъ друзей, еслибы то было полезно, не только необходимо для нихъ. Изъ твоихъ словъ и тетрадей я познакомился довольно съ Дахау, чтобы описать оное кому надо. Такъ и сдѣлалъ. Не могъ бы говорить больше, еслибы и десять разъ былъ тамъ... Голохвастовъ по-

лучилъ всѣ донесенія и знаетъ о твоемъ отпускѣ. Но вотъ въ чемъ штука: встрѣчаюсь я съ Е. Ѳ. Коршемъ:

Погодинъ. Что скажете о трудахъ Шевырева? Каковы книги онъ выбираетъ намъ?

Коршъ. Да онѣ у насъ есть.

Погодинъ. Какъ есть?

Коршъ. Самъ Моль прислалъ ихъ, и я вижу, что онъ былъ честный человѣкъ, потому что онъ присылалъ все лучшее.

Погодинъ. Помилуйте,что же вы не дали знать Шевыреву тотчасъ послѣ перваго донесенія и оставили его ворочать каменья?

Коршъ. Я далъ отъ себя знать; но не знаю, почему это не дошло до него.

Погодинъ. Неужели всѣ книги есть?

Коршъ. Всѣ кромѣ немногихъ и неважныхъ, для коихъ не стоило труда хлопотать столько.

Я взбѣсился, ну, чортъ ихъ разберетъ при этомъ отсутствіи человѣческаго смысла. Дѣло главное въ томъ, что ты, счастливецъ, живешь лишній годъ въ чужихъ краяхъ со своимъ семействомъ и дѣлаешь что хочешь, избавленный отъ всѣхъ мелочей нашей университетской жизни". Въ томъ же письмѣ Погодинъ спрашиваетъ Шевырева: „На который чортъ тебѣ Еврейская азбука? Зачѣмъ оставилъ Данте?" Въ отвѣтъ на первый вопросъ Шевыревъ отвѣчалъ: „Какъ же не прочесть въ оригиналѣ *Псалмовъ, Книги Бытія, Іова.* Ужъ прочелъ одинъ псаломъ и читалъ книгу *Бытія*". По поводу же разговора Погодина съ Коршемъ, Шевыревъ отвѣчалъ: „Что касается до меня, я доволенъ трудомъ своимъ. Это скучное занятіе мнѣ было полезно. Поучительно было мнѣ видѣть эти допотопные слои западной учености. Сколько людей легло, чтобы приготовить науки, а мы пренебрегаемъ этими скелетами. Строгановъ говоритъ, что все это старо, намъ никуда не годится. Мы должны лишь довольствоваться современностью, тѣмъ, что намъ Нѣмцы скажутъ... При такихъ мысляхъ, можемъ ли мы надѣяться подать Европѣ когда-нибудь свой го-

лось, свое мнѣніе? Хорошо и мое положеніе. Я долженъ доказывать пользу пріобрѣтенія библіотеки въ Россіи“.

Эти строки не были фразой, онѣ подкрѣплялись громаднымъ трудомъ Шевырева, съ которымъ познакомившись, Погодинъ со свойственною ему доброжелательностью, писалъ почтенному труженнику и своему другу: „Сію минуту получилъ письмо твое, мой милый Степанъ Петровичъ! Нѣтъ, не со скукою прочелъ я его, а съ сердечнымъ удовольствіемъ, въ умиленіи, какъ оду, какъ элегію, какого-нибудь Жанъ-Жака, Пушкина, изъ выстраданныхъ стиховъ. Да, да, твои разноязычныя заглавія звучали мнѣ богатыми риѳмами и масломъ по сердцу разливалися: я видѣлъ человѣка, преданнаго наукѣ, Отечеству, за священнымъ трудомъ, въ потѣ лица, при всѣхъ возможныхъ лишеніяхъ, предъ судьями скотами, невѣжами, подлецами, которые съ важностію произносятъ ему приговоръ, въ грошъ не ставятъ его работы и плюютъ на золото для нихъ непонятное. Повѣришь ли, со слезами на глазахъ я началъ писать къ тебѣ. Да, я все тотъ же, хотя мнѣ уже сороковой. И признаюсь, я самъ люблю и уважаю эти слезы; они служатъ мнѣ порукою, что сердце у меня доброе, что оно принимаетъ горячо, съ любовію, все человѣческое. Другъ мой, утѣшимся! Довольно съ насъ! Прочь чернь непосвященная! Въ святилищѣ души, вотъ гдѣ я покоенъ, вотъ гдѣ моя награда“... По поводу же занятій Шевырева Еврейскимъ языкомъ Погодинъ писалъ ему: „Ну, братъ, ты видно хочешь быть профессоромъ Русской Словесности и Исторіи Литературы такимъ, какихъ не бывало и вѣрно не будетъ. Помогай тебѣ Богъ!“ [256]).

Письмо это очень расчувствовало Шевырева. „Пошли тебѣ Богъ“, писалъ онъ Погодину, „всякое благо—и все, чего ты достоинъ за твою добрую душу, за твою любовь къ наукѣ, къ Руси и къ Словенщинѣ.“

XLVIII.

Исполняя приказаніе Уварова, Погодинъ, во время своего путешествія особенное вниманіе обращалъ на Словенъ, живущихъ въ Австрійской имперіи. Онъ старался вникать въ ихъ гражданское состояніе, литературу, образъ мыслей; разспрашивалъ о нихъ изустно и письменно свѣдущихъ людей, съ которыми встрѣтиться и познакомиться ему случалось и на основаніи собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, Погодинъ, по возвращеніи въ Москву, занялся составленіемъ Отчета о своемъ путешествіи для представленія онаго Министру Народнаго Просвѣщенія.

Принявшись за этотъ трудъ, Погодинъ писалъ Максимовичу: „Словенскій міръ—мой. Азъ есмь альфа и омега“ [257]). Болѣе мѣсяца Погодинъ трудился надъ этимъ отчетомъ и, окончивши его, писалъ Уварову: „Отчетъ мой о путешествіи въ отношеніи къ Словенамъ сообразно наставленіямъ, даннымъ мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, я окончилъ и желалъ бы представить оный лично вамъ, тѣмъ болѣе, что при нѣкоторыхъ статьяхъ необходимы изустныя объясненія. Я прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство о приказаніи вызвать меня для сей цѣли на предстоящую вакацію въ С.-Петербургъ“. Вслѣдъ за симъ Погодинъ получилъ бумагу, за подписью Каченовскаго, въ которой читаемъ: „Господинъ помощникъ попечителя проситъ меня объявить вамъ, чтобы вы отправились въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы, для объясненія по отчету о путешествіи вашемъ за границу“...

11 января 1840 Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы и по пріѣздѣ въ Петербургъ представилъ Уварову свой отчетъ или донесеніе. Въ этомъ донесеніи Погодинъ прежде всего излагаетъ общія замѣчанія о мѣрахъ Австрійскаго правительства относительно Словенъ и рисуетъ положеніе ихъ самыми мрачными красками: „Всѣ сіи мѣры“, пишетъ Погодинъ, „и дѣйствія, хотя и облеченныя искусственнымъ, хитросплетеннымъ покровомъ, слишкомъ явны для того народа, къ коему отно-

сятся, и возбуждають ненависть противъ Австрійскаго правительства... И можетъ ли быть иначе?.. Всѣ ученые и литераторы, кромѣ немногихъ подкупленныхъ, заклятые враги Австрійцамъ, которые однакожъ тщательно скрываютъ свои чувствованія впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Народъ раздѣляетъ ихъ чувствованія, хотя и безсознательно, по одному наслѣдственному инстинкту, страдая въ бѣдности, между тѣмъ какъ плоды трудовъ его расточаются иноплеменниками. Одно только дворянство, особенно въ Богеміи, держится Австрійцевъ, перародясь совершенно въ Нѣмецкое, забывая и презирая свой языкъ, принимая Нѣмецкія имена. Словенское же дворянство въ Венгріи еще хуже и присоединилось вполнѣ къ Венгерцамъ, чтобъ воспользоваться ихъ правами". Погодинъ удивляется, „какъ при разнообразныхъ сатанинскихъ усиліяхъ всѣ Словене не подверглись до сихъ поръ Нѣмецкому вліянію, не упали духомъ, не потеряли своей національности, подобно крайнимъ своимъ братьямъ, въ Каринтіи, Стейермаркѣ, Краинѣ между Австрійцами, въ Помераніи и Силезіи между Пруссаками. Словене видятъ здѣсь особенную Божію помощь и вмѣстѣ залогъ великаго своего предназначенія. Это чувство никогда не волновало ихъ такъ сильно, какъ нынѣ. Нынѣшнему движенію въ умахъ ничего подобнаго не представляетъ Словенская Исторія. Началъ оное своими сочиненіями Добровскій, хотя и былъ душою болѣе Нѣмецъ, и занимался Словенской Исторіей и языкомъ, какъ предметомъ мертвымъ. Преемники его, дѣйствующіе въ наше время, хотя и въ строгихъ предѣлахъ Австрійской цензуры — Коляръ и Шафарикъ. Коляръ, какъ поэтъ, Шафарикъ, какъ историкъ и филологъ. Молодое поколѣніе во всѣхъ Словенскихъ странахъ боготворитъ сихъ двухъ писателей, и вліяніе ихъ безконечное. Всѣ Словенскіе языки и литературы какъ будто ожили, проснулись отъ долговременнаго тяжкаго сна прикосновеніемъ ихъ волшебнаго жезла. Не говорю уже о Богемцахъ и Иллирійцахъ, которыхъ литература процвѣтала въ древности; самые Русины, которые

до сихъ поръ какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно (особенно у насъ), Русины, угнетенные болѣе всѣхъ, потому что ближе всѣхъ къ нимъ, подъ тройнымъ игомъ Австрійцевъ, Поляковъ, католицизма, провозглашаютъ теперь свое имя, занимаются своей Исторіей, т.-е. Русской Исторіей, записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словомъ, начинаютъ свою собственную особенную литературу. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на Пражскихъ ученыхъ, которые подобно древнимъ христіанамъ, сохранившимъ святое преданіе въ катакомбахъ, стараются поддержать, воспитать національное чувство въ своемъ народѣ и приносятъ для того всѣ возможныя жертвы, подвергаются всякимъ лишеніямъ, не щадятъ никакихъ трудовъ, не останавливаются никакими препятствіями. Сербы и Словаки въ Иллиріи и Венгріи пылаютъ тѣмъ же огнемъ. Вездѣ заводятся у нихъ частныя общества для чтенія, учреждаются Словенскія библіотеки, начинаются газеты, открываются публичные безденежные курсы. Во всѣхъ главныхъ Словенскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ Исторію, тотъ знаетъ, безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ великими явленіями въ Исторіи гражданскихъ обществъ, и Словенамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія, и Австрійская имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе“. По мнѣнію Погодина, „положенія Австріи въ Европѣ не знаютъ, потому что не знаютъ Словенскихъ нарѣчій... Европейскіе политики думаютъ только объ Италіи и Венгерцахъ... Сама Богемія считается, даже въ Русскихъ учебныхъ книгахъ, Нѣмецкимъ владѣніемъ Австрійскаго императора!.. Да, Австрія похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гніющее внутри.. Меттернихъ понимаетъ это состояніе... И въ самомъ дѣлѣ, при такой пламенной ненависти двадцати-пяти милліоновъ противъ пяти, можетъ ли это искусственное, мозаическое цѣлое удержаться долго? О Меттернихѣ между Словенами господствуетъ такое мнѣніе: онъ знаменитый политикъ, отрицательный, который

дѣйствуетъ посредствомъ тьмы, а не свѣта, слѣдовательно, непрочно, не надолго, что его политики достаточно на время мирное, но что первая война обнаружитъ ея существенные недостатки. Въ такомъ критическомъ положеніи Австрія, говорятъ, боится болѣе всего Россіи, которой, безъ ея вѣдома, симпатизируютъ всѣ Словене вплоть до Адріатическаго моря. Словене смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ Востока. Туда лежатъ ихъ сердца. Туда устремлены ихъ мысли и желанія. Тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія, подобно Евреямъ отъ Мессіи, и ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда ударитъ желанный часъ. Всѣ образованные люди негодуютъ на Поляковъ, которые не понимаютъ, говорятъ они, счастія и славы быть въ соединеніи съ Россіей. Вмѣсто того, чтобъ дружно идти впередъ, дѣйствовать соединенными силами и показывать Европѣ что могутъ Словене, они послушались наслѣдственныхъ, закоренѣлыхъ враговъ Словенскихъ, и можетъ быть насъ самихъ отдалили отъ нашей цѣли. Словене увѣрены, что Русское Правительство вполнѣ имъ благопріятствуетъ, и что только политическія обстоятельства мѣшали ему до сихъ поръ обнаружить яснѣе свои мысли. Они думаютъ, что и Австрійское правительство это знаетъ, называя Словенскій духъ Русскимъ духомъ, и потому старается заранѣе всѣми силами, всѣми средствами, посѣявать раздоръ, отвращать Словенъ отъ Россіи и Россію отъ Словенъ"...

Представивъ вышеизложенное, Погодинъ спѣшитъ оговориться и пишетъ Уварову: „Я, представляя здѣсь Вашему Высокопревосходительству то, что я слышалъ, нисколько не ручаюсь за истину. Можетъ быть, угнетеннымъ Словенамъ кажется многое въ воображеніи, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ утверждаетъ, что у Словенъ „господствуетъ общее мнѣніе, что Австрійская имперія должна скоро уничтожиться, и что они отдѣлятся отъ нея при первомъ благопріятномъ случаѣ".

Собравъ такимъ образомъ всѣ политическія мнѣнія, которыя обращаются въ Австрійскихъ владѣніяхъ, Погодинъ предо-

ставляетъ Уварову „судить объ нихъ со стороны политической или государственной, и разбирать, что есть въ нихъ мечтательнаго и что дѣйствительнаго, что можетъ быть обращено въ пользу Россіи теперь или для нашего потомства, и что должно оставить безъ вниманія“. Не довольствуясь одною скромною ролью передатчика, Погодинъ представляетъ на судъ Уварова и свое замѣчаніе. „Я, какъ историкъ“, пишетъ онъ, „сдѣлаю только мимоходомъ одно замѣчаніе: бываютъ счастливыя минуты для государствъ, когда всѣ обстоятельства стекаются въ ихъ пользу, и когда имъ стоитъ только пожелать, чтобъ распространить свою власть какъ угодно. Такая минута была у Польши при Сигизмундѣ III, которому досталась вся восточная Европа вмѣстѣ съ Россіею. Послѣ Польши чередъ доходилъ до Швеціи, начиная отъ Густава Адольфа до Карла XII, которому оставался, казалось, одинъ шагъ до исполненія мысли Густава о сѣверной монархіи, но онъ встрѣтился на этомъ шагу съ Петромъ Великимъ! Не такая ли минута представляется теперь императору Николаю, которому обѣ имперіи, Турецкая и Австрійская, какъ будто на перерывъ просятся въ руку?“

XLIX.

Путешествуя по Австрійской имперіи, Погодинъ изучалъ живущихъ тамъ Словенъ и тѣ отношенія къ Россіи „только со стороны ученой и литературной“ и результаты своихъ личныхъ наблюденій и размышленій представлялъ на благоусмотрѣніе Уварова.

„Изъ всѣхъ Словенскихъ племенъ“, пишетъ Погодинъ, „Богъ благословилъ Русское,—всѣ прочія порабощены, угнетены, несчастливы. Слѣдовательно, священная обязанность, христіанскій долгъ повелѣваетъ Русскимъ пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ то политическія отношенія, пособить для религіи, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлью. Такъ младшій разбога-

тѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разоренныммъ братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію".

Затѣмъ Погодинъ обращается къ обозрѣнію всѣхъ главныхъ Словенскихъ племенъ и, переступая границы Австріи, начинаетъ съ Болгаръ. „Первое мѣсто", пишетъ онъ, „между тѣми, которые имѣютъ нужду въ помощи и которымъ всего легче подать ее, которые, прибавлю, имѣютъ на то даже священное право, суть Турецкіе Болгаре, давшіе намъ во время оно, грамоту, богослужебныя книги и первое образованіе— благодѣянія великія, достойныя вѣчной благодарности! Не говорю уже о томъ, что Болгаре единоплеменники и единовѣрцы наши, во всѣхъ войнахъ съ Турціей держали нашу сторону и за то подвергались особеннымъ притѣсненіямъ Турокъ. Болгаре стонутъ подъ игомъ Турецкимъ и Греческимъ, погруженные въ невѣжество, во многихъ мѣстахъ почти одичалые варвары. Горькая участь народа, нѣкогда сильнаго, образованнаго! Для нихъ необходимо учредить училища въ Одессѣ, Кишиневѣ и можетъ быть другихъ пограничныхъ городахъ, гдѣ бываетъ ихъ много по торговымъ надобностямъ. Предметы преподаванія: законъ Божій, языки Болгарскій, Церковный, Сербскій, Русскій, и общія понятія о нѣкоторыхъ наукахъ, напримѣръ: Исторіи, Географіи и проч., какъ то предполагается въ нашихъ реальныхъ уѣздныхъ училищахъ, примѣняясь къ потребностямъ края. Нѣсколько человѣкъ въ сихъ училищахъ должно содержать на казенномъ иждивеніи. Возвращаясь въ отечество, они разнесутъ полученное образованіе вмѣстѣ съ Русскимъ духомъ. Для Болгаръ необходимо исходатайствовать нѣкоторыя гражданскія преимущества Вѣры, о чемъ можно собрать свѣдѣнія обстоятельнѣе и вѣрнѣе отъ самихъ Болгаръ Одесскихъ". Изложивъ это, Погодинъ взываетъ къ Уварову: „Будьте ихъ заступникомъ и ходатаемъ предъ Престоломъ Государя Императора. Отъ вашего высокопревосходительства зависитъ нравственное возрожденіе цѣлаго племени древнихъ просвѣтителей Руси. Нѣсколько Болгаръ можетъ быть воспи-

тано въ нашихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Инспекторовъ для Болгарскихъ училищъ можно найти между образованными Австрійскими Сербами".

Отъ Болгаръ Погодинъ переходитъ къ Сербамъ. „Скажу здѣсь", пишетъ онъ, „кстати нѣсколько словъ и о Сербахъ, также единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ и Болгарамъ. Сербовъ должно принимать вмѣстѣ съ Болгарами въ выше предположенныя училища, кои послужатъ вмѣстѣ образцами и для ихъ собственныхъ въ Сербіи, потомъ воспитывать нѣкоторыхъ также въ нашихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Необходимо содѣйствовать распространенію Русскаго языка въ Сербіи и всѣми силами препятствовать тамъ чуждому вліянію, т.-е. Австрійскому, подарить правительству избранную библіотеку Русскую, надѣлить Русскими церковными книгами и пускать оныя по самой дешевой цѣнѣ въ нарочно основанной гдѣнибудь между ними Русской книжной лавкѣ, въ Бухарестѣ или Кишиневѣ, такъ, чтобы Сербы могли передавать сіи книги прочимъ своимъ собратіямъ, составляющимъ важную часть народонаселенія въ Венгріи и распространеннымъ по всѣмъ Австрійскимъ владѣніямъ до Адріатическаго моря".

„Второе или лучше другое первое право на Русскую помощь", по мнѣнію Погодина, „принадлежитъ *Русинамъ*. Другое первое, говорю я, ибо эти Русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древняго знаменитѣйшаго Галицкаго княжества, суть чистые Русскіе, какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши родные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ одну Исторію съ нами—чистые Русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ подъ тройнымъ, четвернымъ игомъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Жидовъ, католицизма и горько жалуются на наше невниманіе. Въ ожиданіи благопріятныхъ случаевъ необходимо поддерживать ихъ возникающую литературу, частнымъ образомъ, чрезъ вторыя, третьи руки доставлять пособіе авторамъ, печатать книги, назначать преміи на заданныя темы объ Исторіи, языкѣ, посылать въ библіотеки Русскія

книги, содѣйствовать сочиненію лексикона, грамматики, собранію преданій, пѣсенъ".

Затѣмъ Погодинъ переходитъ къ Полякамъ. „Поляки", пишетъ онъ, „самое эксцентрическое племя, и не оскорбляя ихъ самолюбія, еще болѣе ласкал оное можно ужиться съ ними отлично". Для примиренія ихъ съ нами Погодинъ находитъ необходимымъ покровительство ихъ языку, литературѣ, исторіи... „Языку Польскому, по мнѣнію Погодина", въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго надо учить наравнѣ съ Русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то Поляки будутъ доучиваться ему дома, гораздо съ большимъ рвеньемъ и успѣхомъ... Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь языкъ есть мысль физически невозможная... Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подаютъ въ этомъ случаѣ убѣдительный примѣръ: чего достигли они, уничтожая систематически въ теченіе вѣковъ Словенскія нарѣчія?.. Съ другой стороны, Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могущественъ и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всѣмъ Словенскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ... Я говорилъ объ языкѣ. Теперь обращаюсь къ Исторіи. Польской Исторіи не преподаютъ въ училищахъ особо, а вмѣстѣ съ Всеобщею. Напрасно!.. Ничто не можетъ примирить такъ новое поколѣніе Поляковъ... какъ основательное изученіе Польской Исторіи. О старыхъ говорить нечего: вспомнимъ, что и Моисей привелъ къ Землѣ Обѣтованной только тѣхъ Евреевъ, которые родились уже на дорогѣ... Польша пала не отъ сосѣдей, а первоначально отъ своего безначалія... Вотъ содержаніе Польской Исторіи... Вмѣстѣ съ Польскою и Русскою Исторіею должно преподавать Исторію прочихъ Словенскихъ государствъ и показывать, какъ искони раздоръ и несогласіе губили и подвергали ихъ жестокому игу иноплеменниковъ... Литература въ Польшѣ... почти не существуетъ: она вся между эмигрантами и въ Познани... Необходимо должно оказать покрови-

тельство оставшимся литераторамъ въ Варшавѣ... Наконецъ осуждаютъ Русское Правительство, даже самые Словене, за то, что въ Польшѣ нѣтъ университета... Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ... не ученымъ, который стоитъ внизу... но мужемъ государственнымъ... Почитаю долгомъ упомянуть еще о томъ, что Поляки вообще ропщутъ за взятіе университетской библіотеки. Мятежники не читали оттуда старыхъ книгъ, говорятъ они"... „Покровительство просвѣщенію въ Польшѣ", продолжаетъ Погодинъ, „впрочемъ въ предѣлахъ благоразумія и осторожности безъ ущерба Русскому началу, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на прочія Словенскія племена, которыя смотрятъ на Польшу какъ на *образецъ Русскаго управленія*. Оно весьма важно для будущихъ возможныхъ отношеній Россіи къ Словенскому міру. Нѣмцы, указывая Словенамъ на Польшу, при нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется, говорятъ имъ: лучше ли Полякамъ у Русскихъ, чѣмъ вамъ у насъ? Впрочемъ Словене считаютъ вообще Поляковъ племенемъ легкомысленнымъ, накликавшимъ и накликающимъ на себя бѣды, многія Русскія мѣры приписываютъ коварнымъ совѣтамъ Австрійцевъ, а болѣе всего считаютъ оныя временнымъ послѣдствіемъ безпрестанно открываемыхъ Польскихъ заговоровъ и увѣрены, что, при исправленіи Поляковъ, Русское управленіе приметъ другой характеръ. Вотъ мой отчетъ о Польшѣ. Мнѣ кажется, я опоздалъ съ нимъ. Вы сами были въ Варшавѣ послѣ меня и безъ всякаго сомнѣнія увидѣли все яснѣе, дальше, вѣрнѣе. Я почелъ бы себѣ великою честью, еслибы въ какихъ-нибудь мысляхъ мнѣ удалось сойтись съ вашимъ высокопревосходительствомъ". Любопытны также замѣчанія Погодина о Краковѣ: „Жители его", пишетъ онъ, „находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи и невинные терпятъ на-равнѣ съ виноватыми, подавшими поводъ къ разнымъ тяжелымъ для города мѣрамъ. Ничего не желаютъ они столько, какъ имѣть одного Государя вмѣсто трехъ покровителей. Котораго—разумѣется—они не смѣютъ выговорить".

Въ заключеніе Погодинъ говоритъ о Чехахъ, Слова-

кахъ, Австрійскихъ Сербахъ и Иллирійцахъ. „*Чехи*", пишетъ онъ, „это самое образованное Словенское племя вмѣстѣ съ Моравами и Словаками. Они указываютъ съ гордостью на многихъ своихъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ, достойныхъ наслѣдниковъ древняго образованія, хранителей Словенской національности, распространителей Словенскаго духа. Прага есть главное ихъ мѣстопребываніе. Многіе изъ нихъ или, лучше сказать, всѣ почти имѣютъ нужду въ Русской помощи для успѣшнѣйшаго занятія своими всесловенскими трудами. Таковъ Шафарикъ, создатель древней Словенской Исторіи, общей Исторіи Словенскихъ литературъ, собравшій драгоцѣнные матеріалы для многихъ не менѣе важныхъ сочиненій, издающій теперь, получивъ благодѣтельное пособіе, карту населеній Словенскихъ въ Европѣ—въ древности и нынѣ. Аммерлингъ, неутомимый словенофилъ, который учитъ, издаетъ, пишетъ, сообщаетъ, словомъ сказать дѣйствуетъ изъ всѣхъ силъ и всѣми средствами для распространенія Словенскаго образованія между Словенами преимущественно по части естественныхъ наукъ. Челаховскій, отличный стихотворецъ, который занимается теперь этимологическимъ словаремъ. Ганка объяснитель древнихъ памятниковъ, до безразсудства приверженный къ Россіи. Прешлъ славный естествоиспытатель, Палацкій исторіографъ не имѣютъ нужду въ помощи. Юнгманъ лексикографъ, хотя не бѣденъ, но и не слишкомъ богатъ и на старости своихъ лѣтъ имѣлъ бы право на лучшее успокоеніе за исполинскіе труды свои.

Въ Прагѣ при національномъ музеѣ есть такъ-называемая Матица Чешская, комитетъ, учрежденный для усовершенствованія Чешскаго языка, который владѣетъ небольшимъ капиталомъ (около 50 т. р.), на проценты съ коего издаетъ журналъ *Часописъ*, вспомоществуетъ отличнымъ авторамъ при изданіи ихъ трудовъ и печатаетъ нѣкоторыя полезныя сочиненія сообразно съ своею цѣлью. Капиталъ этотъ полезно увеличить.

У Словаковъ энтузіазмъ Словенскій восшелъ до высочайшей степени. Дикая грубость и жестокость ихъ непосредствен-

ныхъ угнетателей Венгерцевъ вмѣстѣ съ стихотвореніями ихъ барда Коляра—возбудили новое поколѣніе до невѣроятности. Словенскій Институтъ въ Пресбургѣ, гдѣ въ чистомъ Словенскомъ духѣ воспитываются до семидесяти человѣкъ юношества и обучаются преимущественно Словенскимъ нарѣчіямъ и Исторіи, достоинъ вниманія всѣхъ друзей добра, не только Словенъ, и имѣетъ полное право на пособіе, въ коемъ терпитъ крайнюю нужду, не имѣя возможности платить даже учителю. Этотъ институтъ сдѣлалъ въ прошломъ году воззваніе ко всѣмъ Словенскимъ собратіямъ, впрочемъ съ дозволенія Австрійскаго правительства, о доставленіи ему пособія деньгами и книгами. Слѣдовательно оно можетъ быть доставлено въ Пресбургъ публично, отъ имени какихъ-нибудь Русскихъ ученыхъ или меценатовъ.

У Австрійскихъ Сербовъ центральный трактъ Пестъ, въ которомъ Восточные Словени сходятся съ Западными по торговымъ и другимъ дѣламъ. Нужно денежное пособіе для тамошней Словенской школы, которое доставить очень удобно изъ Вѣны. Тамошній протестантскій проповѣдникъ Коляръ, первый двигатель Словенскій, приверженный къ Россіи, имѣетъ также полное право на содѣйствіе его ученымъ трудамъ.

Сербы Греческаго исповѣданія имѣютъ также Пестъ своимъ центромъ въ литературномъ отношеніи, а въ религіозномъ Карловецъ. Такъ называемая Матица Сербская, основанная частными людьми, преимущественно купцами, завѣдываетъ такъ сказать ходомъ Сербской Кирилловской литературы, издаетъ газету, печатаетъ Сербскія книги, заводитъ теперь обще-Словенскую библіотеку книгъ на всѣхъ Словенскихъ нарѣчіяхъ, воспитываетъ на своемъ иждивеніи нѣсколько молодыхъ людей, посвящающихъ себя Сербской литературѣ. Это заведеніе должно быть поддержано. Нужно посылать туда и въ Карловецъ избранныя Русскія сочиненія по части Исторіи и Филологіи и особенно Богословія, чтобы предохранять Сербовъ отъ Уніи и іезуитскаго вліянія.

Католическіе Иллирійцы имѣютъ главное мѣстопребываніе

въ Аграмѣ, гдѣ теперь одушевленіе является также, какъ и въ Пресбургѣ, въ высочайшей степени, и оттуда электрически сообщается во всѣ стороны, особенно на Словено-Кроатскую военную границу, которая можетъ во всякую минуту выставить отъ восьмидесяти до ста тысячъ войска. Душою этого движенія есть Гай, который въ короткое время произвелъ, говорятъ, чудеса своею типографіею.

Изъ прочихъ Словенскихъ ученыхъ, какъ о Копитарѣ, библіотекарѣ Вѣнской библіотеки, не могу сказать ничего рѣшительнаго. Общее мнѣніе между Словенами есть то, что онъ тайный агентъ Австрійскаго Правительства, гонитель Словенскаго начала и врагъ Русскимъ. Не знаю, сколько здѣсь есть правды. Собственная библіотека Копитара, единственная въ Европѣ по богатству Словенскихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Пріобрѣсти ее для Московскаго Университета было бы великимъ обогащеніемъ".

L.

Сдѣлавъ краткое обозрѣніе нуждъ, претерпѣваемыхъ Словенами, Погодинъ переходитъ къ разсмотрѣнію общихъ дѣйствій, кои могутъ принести „равную пользу Россіи, ея языку, литературѣ и Исторіи, равную съ прочими племенами Словенскими.

1) Сочиненіе сравнительной грамматики всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, которою облегчится безмѣрно ихъ изученіе, покажется всего яснѣе ихъ сродство и объяснятся многія свойства, принадлежащія тому или другому нарѣчію порознь и остающіяся безъ нея непонятными загадками. Пусть Россійская Академія объявитъ премію въ пятьсотъ—тысячу черв. за сочиненіе лучшее. (Всѣмъ нарѣчіямъ можно выучиться въ годъ). 2) Для сравнительной грамматики нужна частная,— должно назначить меньше преміи за сочиненіе грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ-то нашего Малороссійскаго, Галицкаго и еще кажется одного или

двухъ. 3) Нуженъ общій словарь всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, для котораго заключается уже много драгоцѣнныхъ матеріаловъ въ словарѣ Польскомъ Линде и Чешскомъ Юнгмана, въ рукописномъ словарѣ Русскомъ и Польскомъ Линде. 4) Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще словарей; должно задать оныя съ преміями, и также наше Малороссійское, Галицкое, Болгарское, наши областныя, церковное. 5) Планъ для грамматики можно поручить Шафáрику, для словаря Юнгману, Линде и Востокову. 6) Нужно собранія пѣсенъ, пословицъ у всѣхъ племенъ. 7) Словенская Христоматія одна Русскими буквами, другая Латинскими.

Всѣ сіи литературныя предпріятія, необходимыя для успѣховъ Русской литературы, въ наше время принадлежатъ по праву и, прибавлю, по обязанности Россійской Академіи, слишкомъ богатой средствами для ихъ совершенія.

Слѣдующія задачи могутъ предлагать, раздѣля между собою, Общества Исторіи и Древностей въ Москвѣ и Одессѣ и Археографическая Комиссія: 8) Исторія Словенскихъ Государствъ. 9) Географическія и статистическія описанія. 10) Собранія слѣдовъ миѳологическихъ, преданій, повѣрій, обычаевъ, обрядовъ и тому подобн. 11) Собранія актовъ, грамотъ и прочихъ историческихъ памятниковъ. 12) Біографіи великихъ людей Словенскихъ — Словенскій пантеонъ.

Означенныя общества могутъ объявить умѣренныя преміи отъ пятисотъ до тысячи р. за сочиненія по предметамъ, относящимся къ симъ темамъ“.

Наконецъ, Погодинъ находитъ необходимымъ учрежденіе всесловенскаго журнала, „гдѣ: 1) въ скорыхъ и вѣрныхъ извѣстіяхъ и описаніяхъ изображалась бы ученая и литературная дѣятельность всѣхъ Словенскихъ племенъ; 2) помѣщались бы статьи на всѣхъ Словенскихъ нарѣчіяхъ съ краткими поясненіями для уразумѣнія общаго. Въ такомъ журналѣ обозначилось бы осязательнымъ, такъ сказать, образомъ близкое родство, всѣхъ племенъ, и племена начали бы сближаться и знакомиться между собою всего удобнѣе. Словене

думаютъ, что такой журналъ лучше всего издавать въ Москвѣ,—мнѣ кажется, сообразнѣе съ цѣлью—въ Варшавѣ, дабы сей журналъ приносилъ и частную пользу, дѣйствуя въ особенности на Поляковъ. Редакторомъ долженъ быть только не полякъ.

Чтобы облегчить для Словенскихъ племенъ пріобрѣтеніе Русскихъ книгъ, должно учредить Русскую книжную лавку въ Лейпцигѣ, откуда легко получить ихъ чрезъ Нѣмецкихъ книгопродавцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ Словенскимъ городамъ. Книги должно продавать какъ можно дешевле. Книги на другихъ Словенскихъ нарѣчіяхъ могутъ также присылаться туда, какъ въ центральное депо". При этомъ Погодинъ, заявляетъ, что онъ ведетъ „уже два года переписку объ этомъ предметѣ съ книгопродавцемъ Фоссомъ". За тѣмъ Погодинъ продолжаетъ: „Снабдить избранными Русскими книгами, особенно по части Филологіи и Исторіи, главныя Нѣмецкія библіотеки въ Австріи, въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Прейсбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ, Львовѣ. Для благовидности можно послать сіи книги въ то же время и въ Берлинъ, Боннъ, Геттингенъ, Мюнхенъ. Пригласить нѣсколько ученыхъ и педагоговъ изъ Словенскихъ странъ, которые съ большою пользою могутъ занять у насъ мѣста надзирателей, инспекторовъ, директоровъ, учителей Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ и проч.".

Въ заключеніе своего отчета Погодинъ сообщаетъ и такія свѣдѣнія, которыя случилось ему собрать въ продолженіе путешествія „въ дилижансахъ, на пароходахъ, въ гостинницахъ и на улицахъ".

„Императоръ Николай", пишетъ онъ, „имѣетъ нынѣ гораздо болѣе почитателей по всѣмъ странамъ Европейскимъ, и самые непріязненные ему люди, напримѣръ, во Франціи, говорятъ съ почтеніемъ объ его характерѣ, твердой политикѣ, и отдаютъ преимущество предъ всѣми Европейскими государями.

Россія рѣшительно не имѣетъ доброжелателей между Евро-

пейскими государствами. Словене говорятъ, что больше всѣхъ не любитъ ее Австрія, потомъ Пруссія, на Западѣ думаютъ, что Англичане. Столько случалось мнѣ слышать о козняхъ Англичанъ, съ такихъ неожиданныхъ сторонъ, что первою моею мыслію, по возвращеніи въ Отечество, при слухѣ о пожарахъ въ низовыхъ губерніяхъ, мелькнуло, не Англичане ли это... Никогда не забуду я, какъ одинъ житель Антверпена, приверженный однакожъ къ Голландіи, говорилъ мнѣ какимъ-то торжественнымъ тономъ: О, Императоръ Николай не воображаетъ еще, откуда грозитъ ему настоящая опасность. Поляки народъ не страшный. Англичанъ, Англичанъ долженъ онъ опасаться и бояться тамъ, гдѣ и не предполагаетъ.

Ненависть частныхъ лицъ къ Россіи происходитъ преимущественно отъ незнанія, отъ легковѣрія, съ коими принимаются ими самыя нелѣпыя извѣстія, распускаемыя злонамѣренными людьми. Еслибы помѣщать въ иностранныхъ хорошихъ газетахъ вѣрныя извѣстія, умно-написанныя статьи о Россіи, объ ея Исторіи, о гражданскихъ учрежденіяхъ, особенно новыхъ, въ нынѣшнее царствованіе, какими мы можемъ смѣло похвалиться предъ Европою, напримѣръ, о законахъ, объ ученыхъ уставахъ, о выборахъ, потомъ разсужденія объ историческихъ отношеніяхъ нашихъ къ Польшѣ, правахъ собственности на Волынь, Подолію, Бѣлоруссію, самую Литву, Галицію, то я увѣренъ, что половина враговъ перейдутъ на нашу сторону. Статьи другого рода, напримѣръ о волшебномъ построеніи въ одинъ годъ Зимняго Дворца, надъ которымъ работало столько-то тысячъ народа, о маневрахъ Бородинскихъ, гдѣ столько-то тысячъ войска было собрано во столько-то времени изъ такихъ-то отдаленныхъ мѣстъ, или прежде о маневрахъ Вознесенскихъ, гдѣ по степямъ скакала конница, не уступавшая числомъ Ксерксовой,—извѣстія о количествѣ добываемаго золота, и проч. оказали бы великое дѣйствіе на воображеніе, особенно Нѣмецкое“ [258]).

Отчетомъ этимъ Уваровъ остался очень доволенъ и выписку изъ него представилъ на благоусмотрѣніе Императора

Николая I, который призналъ отчетъ „очень любопытнымъ“ и Всемилостивѣйше пожаловалъ путешественнику нашему „единовременно двѣ тысячи рублей“.

„Поздравляю васъ“, писалъ Уваровъ Погодину, „съ царскимъ одобреніемъ и наградою... Милостивое слово Государя представляетъ новое ручательство его любви ко всему Словенскому“ [259]). Отчетомъ Погодина очень заинтересовался и князь Д. В. Голицынъ. „Князь“, пишетъ Погодинъ, „принялъ очень ласково, выслушалъ внимательно мой отчетъ. Словенское дѣло онъ принимаетъ къ сердцу и за литературою видитъ самъ политику. *Европа слишкомъ посредственна*, сказалъ онъ, *и никакъ не смѣетъ обнажить шпагу*“ [260]).

Самъ Погодинъ, возвратившись изъ Петербурга, писалъ Максимовичу: „Я только что воротился изъ Петербурга, гдѣ былъ, между нами, по дѣлу Словенъ, и кажется сдѣлалъ коечто для нихъ“ [261]).

Все это писано въ концѣ 1839 и въ началѣ 1840 г., а въ 1874 г., за годъ до своей кончины, Погодинъ къ написанному имъ тогда начерталъ: *Ни одного изъ вышеприведенныхъ предложеній не было тогда исполнено* [262]). Многое ли—прибавимъ мы отъ себя—было исполнено и потомъ, да и могло ли быть исполнено—по нашей или не по нашей волѣ? Даже и въ то время, когда Погодинъ съ великимъ одушевленіемъ излагалъ предъ Уваровымъ свои pia desideria о Словенахъ, Шевыревъ писалъ ему изъ Мюнхена: „Чешскіе Словене въ *Allgemeine Zeitung* все кланяются въ ноги Австріи и становятся задомъ къ Россіи. Гадко читать“.

LI.

Въ то самое время, когда Погодинъ имѣлъ счастіе получить Высочайшую награду за свой Отчетъ о путешествіи по Словенскимъ землямъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ получилъ изъ Москвы отъ камеръ-юнкера Николая Андреевича Кашинцова сообщеніе о томъ, что въ городѣ ходитъ слухъ, будто

бы Погодинъ назначается въ наставники къ великому князю Константину Николаевичу. Въ нашихъ рукахъ имѣется этотъ доносъ Кашинцова. Но предварительно ознакомимся съ личностью доносителя.

Изъ писемъ Н. А. Полевого къ его брату Ксенофонту явствуетъ, что Кашинцовъ былъ другъ Полевыхъ. Описывая свои драматическіе успѣхи, Николай Полевой писалъ своему брату (24 ноября 1838): „Прошу тебя сообщить всѣ эти новости моему доброму Льву Михайловичу Цынскому *) и Николаю Андреевичу Кашинцову,—они не оставляли меня въ горѣ и порадуются моей радости. Скажи еще Н. А. Кашинцову, что одинъ изъ тѣхъ, кто болѣе всякаго теперь радуется за меня, есть Л. В. Дубельтъ—человѣкъ, какихъ немного". Въ другомъ письмѣ (20 марта 1841) Николай Полевой, описывая свои успѣхи у князя А. Н. Голицына, писалъ Ксенофонту: „Пріѣхалъ изъ Москвы добрякъ нашъ Н. А. Кашинцовъ, съ своимъ гладенькимъ паричкомъ, обширными видами на добро при маленькихъ средствахъ, съ рѣшимостью говорить смѣло, и трепещущій, если Марка въ передней Л. В. Дубельта скажетъ ему: *Николай Андреичъ! Не хорошо-съ.* Вотъ, среди другихъ предпріятій, онъ съ жаромъ принялся за мое дѣло. Бездѣлицу рѣшался онъ исполнить: испросить мнѣ позволеніе осмотрѣть архивы, дать мнѣ въ пособіе пятьдесятъ тысячъ и достать званіе исторіографа съ жалованьемъ. Я расхохотался, но, сообразивъ пособіе князя Голицына, недавнюю милость добраго и славнаго Царя нашего ко мнѣ, и проч., и проч., просилъ начать дѣло". Но успѣхъ не увѣнчалъ хлопоты Кашинцова, который только утѣшалъ Николая Полевого „добрымъ расположеніемъ и милостью къ нему графа А. Х. Бенкендорфа... Нѣтъ сомнѣнія", замѣчаетъ Полевой по поводу этихъ неудачныхъ хлопотъ Кашинцова, „что тутъ дѣйствовала чья-нибудь интрига. Не Уварова ли п...... тутъ опять штуки? Не Жуковскаго ли съ братіею подмазки? Съ Н. А. Кашинцовымъ разстались мы дружески; я еще болѣе увѣ-

*) Московскій Оберъ-Полиціймейстеръ.

рился, что онъ *доброе, неопытное дитя*, и искренно желаетъ намъ добра, но что ничего сдѣлать онъ не можетъ“ [263]).

Въ литературѣ нашей Кашинцовъ извѣстенъ брошюркою: *Записка о посѣщенiи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки* *)

Брошюрка эта была весьма расхвалена въ *Библiотекѣ для Чтенiя*. „Безъ благоговѣйнаго умиленiя душевнаго“, читаемъ тамъ, „невозможно прочесть этихъ немногихъ страницъ, гдѣ почтенный авторъ, очевидецъ событiя, незабвеннаго въ лѣтописяхъ Русской торговли и Русскаго купечества, разсказываетъ его подробности. Онъ посвящаетъ разсказъ свой Русскимъ купцамъ „что видѣли мы“, говоритъ онъ, „старался я разсказать; что мы чувствовали, то выше описанiй и выраженiй. Говорю отъ души и сердца, и тотъ пойметъ меня, кто живетъ душою и сердцемъ!“ Онъ совершенно правъ. Мы увѣрены, что эта брошюрка будетъ читана съ жадностью“ [264]).

Вотъ это-то, по выраженiю Николая Полеваго, „*доброе и неопытное дитя*“ сдѣлало на Погодина графу А. Х. Бенкендорфу доносъ, въ которомъ нѣтъ ни одного слова правды. „Здѣсь всѣхъ“, читаемъ мы въ этомъ доносѣ, „благонамѣренныхъ людей чрезмѣрно изумляетъ слухъ, будто Михаилъ Погодинъ берется въ наставники Исторiи къ великому князю Константину Николаевичу. Отъ него (слуха) плодятся слѣдующiе толки: Какъ мало въ С.-Петербургѣ знаютъ людей, къ чему же послѣ этого жандармы, когда не охраняютъ Домъ Царскiй отъ входа въ него, а еще даютъ входить въ него такимъ..... Кто его не знаетъ? Спросите объ немъ встрѣчнаго и поперечнаго это—просто..... **) О Погодинѣ долженъ много знать подробностей Полевой, теперь у васъ живущiй. Пригласите его къ себѣ... Здѣсь приписываютъ рекомендацiю Погодина Жуковскому и крѣпко бранятъ послѣдняго и что онъ самъ обманывается по чистой душѣ своей дѣлаемыми ему въ Москвѣ угощенiями. У Погодина же

*) С.-Пб. Въ типографiи III Отдѣленiя 1837.

**) Мѣста, означенныя точками, мы нашли неприличнымъ печатать.

ѐсть хитрая манера даже и тѣхъ, кто до смерти своей презиралъ его, послѣ смерти ихъ показывать себя приверженцемъ ихъ. Такъ напримѣръ онъ вмѣшивался въ похороны покойнаго извѣстнаго профессора Мерзлякова *). Сдѣлайте милость, я вполнѣ увѣренъ, что вы, извлекши изъ сей несвязной писульки что найдете дѣльнымъ, ее *изорвете*, чтобъ этого какъ-нибудь не узналъ Жуковскій". Вслѣдствіе этого донесенія графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ Ѳ. П. Литке: „Получивъ изъ Москвы свѣдѣнія, что Погодинъ выѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы поступить въ наставники къ великому князю Константину Николаевичу, я обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ: основательны ли означенныя свѣдѣнія, ибо я, имѣя поводъ сомнѣваться въ избраніи Погодина въ столь важное званіе, полагаю, что онъ самъ могъ распустить о семъ слухъ". На это Ѳ. П. Литке отвѣчалъ: „Слухъ о назначеніи Погодина въ наставники къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, сколько мнѣ извѣстно, ни малѣйшаго основанія не имѣетъ. По крайней мѣрѣ относительно Его Высочества Генералъ-Адмирала слухъ сей совершенно ложенъ". Получивъ этотъ отвѣтъ, графъ Бенкендорфъ писалъ Кашинцову: „Собравъ по сообщеннымъ мнѣ вами слухамъ на счетъ назначенія Погодина, я удостовѣрился, что о таковомъ назначеніи не было предположенія. Покорнѣйше прошу узнать и сообщить мнѣ, изъ какого источника разнеслись означенные слухи". Но на этотъ вопросъ „доброе и неопытное дитя" не нашлося что отвѣчать [265]).

Между тѣмъ ни въ чемъ неповинный Погодинъ въ то время, когда шла вышеизложенная о немъ переписка, преспокойно занимался розысканіемъ слѣдовъ глаголическихъ буквъ въ Новгородской церковной письменности начала XI вѣка и пребывалъ въ Лаврѣ преподобнаго Сергія, куда уединился на Страстную седмицу. Тамъ онъ еще болѣе сблизился съ почтенными Троицкими учеными. Ректоромъ Академіи въ то

*) Сличи: Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1890. III, 168—175.

время былъ, какъ мы уже знаемъ, знаменитый историкъ Русской Церкви архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій, который, узнавъ о намѣреніи Погодина посѣтить Лавру, писалъ ему: „Пріѣзжайте сюда. Если угодно вамъ: у меня есть для васъ особая комната, въ которой ни вамъ я, ни вы мнѣ не будете мѣшать. Помолитесь и это будетъ сдѣлано лучшее дѣло, какое только можно сдѣлать въ жизни земной... Пріѣзжайте какъ словенинъ къ словенину, а еще лучше какъ христіанинъ къ христіанину. У послѣдняго еще больше найдете“ [266]). Чрезъ Филарета Погодинъ сблизился съ другомъ его Александромъ Васильевичемъ Горскимъ, занимавшемъ въ Академіи каѳедру Церковной Исторіи. Этотъ „подвижникъ нравственности и просвѣщенія“ родился въ Костромѣ, 16 августа 1812 г. Отецъ его, Василій Сергѣевичъ, получилъ образованіе въ Троицкой Семинаріи и кончилъ жизнь въ санѣ протоіерея Костромскаго каѳедральнаго Собора. Сынъ его Александръ, по окончаніи курса въ Костромской Семинаріи, поступилъ въ Троицкую Академію. Въ 1832 году онъ окончилъ курсъ Академіи третьимъ студентомъ и выпущенъ магистромъ съ назначеніемъ преподавателемъ Церковной Исторіи въ Московскую Семинарію; а черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Академію для преподаванія того же предмета. Историческія науки были въ то время предметомъ новымъ въ духовныхъ академіяхъ. Горскій предался ему „съ пылкостію юноши и съ выдержкою мужа“. Въ любви своей къ наукѣ онъ нашелъ энергическаго товарища въ лицѣ бакалавра Академіи Филарета, который былъ старше его только однимъ курсомъ. Оба одаренные самыми счастливыми дарованіями, проникнутые искреннимъ благочестіемъ, одушевленные горячею любовію къ наукѣ они скоро сблизились, и между ними основалась самая тѣсная дружба. Они начали знакомиться съ рукописями Академіи и Лавры и выписывать изъ-за границы замѣчательнѣйшія произведенія Западной науки. Вскорѣ, и именно въ декабрѣ 1835 года, Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ Академіи.

Это предоставило друзьямъ болѣе средствъ къ ихъ ученымъ трудамъ и дало возможность свободнѣе работать на пользу науки. Въ сочиненіяхъ студентовъ, носившихъ дотолѣ почти исключительно философско-теологическій характеръ, сдѣлалось замѣтнымъ направленіе историческое. Въ это время подъ руководствомъ этихъ наставниковъ изданы Академіею замѣчательныя сочиненія Мухина — *О праздникахъ богородичныхъ*, и Руднева—*О ересяхъ и расколахъ въ Россіи*. „Хотя Горскій“, свидѣтельствуетъ графъ Д. Н. Толстой, „не носилъ иноческой мантіи, но образъ жизни велъ монашескій, и глубокое, искреннее благочестіе сохранило его во всей чистотѣ Православія, не смотря на обширное знакомство его съ сочиненіями всякихъ отрицательныхъ направленій. Горскій до конца пребылъ вѣрнымъ Православной Церкви“ [267]). По счастливому выраженію Т. И. Филиппова, А. В. Горскій „всѣ силы своего необыкновеннаго ума и всѣ сокровища своихъ знаній обращалъ на служеніе Церкви, съ судьбами которой Промыслу—по недоступнымъ для насъ Его намѣреніямъ—угодно было такъ тѣсно связать судьбы нашей родной земли и въ этомъ таинственномъ и священномъ ихъ союзѣ предуказать намъ наше всемірное и историческое призваніе“.

Въ это время Погодинъ мечталъ объ изданіи *Москвитянина* и, пользуясь знакомствомъ съ Горскимъ, онъ просилъ его принимать участіе въ его будущемъ изданіи. Горскій не отказался, но предложилъ будущему издателю *Москвитянина* условія, которыя вполнѣ характеризуютъ достопочтеннаго Александра Васильевича Горскаго. „Что касается до приглашенія вашего“, писалъ онъ Погодину, „къ участію въ журналѣ, то позвольте, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, прежде всего устранить всѣ комплименты, которыми вамъ угодно было почтить меня. Ей, ей! Это не ведетъ ни къ чему. Если же вамъ не угодно признать это за комплименты, то, мнѣ кажется, вы очень ошибаетесь на счетъ меня. Слишкомъ еще мало я имѣю того, что вы мнѣ приписываете. Но это слово искренности—болѣе для будущаго времени. Искренность и

прямодушіе всего дороже. Послѣ этого искренно благодарю за вашъ вызовъ и постараюсь не быть безъотвѣтнымъ на него. Указанныя вами занятія и по моему мнѣнію могли бы быть полезны для науки. Но и здѣсь та же просьба, какая и выше (т.-е. не дѣлать извѣстнымъ моего имени). Одна изъ причинъ та, что мы, духовные, обязываемся прежде печатанія своихъ сочиненій, просить на то благословенія епархіальныхъ преосвященныхъ. Есть и другія. Между тѣмъ для истины, которой Господь призвалъ служить, все равно, какая бы ни была подписана литера подъ статьею, писанною для объясненія ея: A. B. C. D. Я говорилъ о вашемъ предложеніи о. ректору Филарету, который одинъ и знаетъ здѣсь обо всемъ, что я пишу къ вамъ. Онъ также не отказывается, при случаѣ, сообщить что-нибудь для вашего журнала, но съ тѣмъ же условіемъ, чтобы его имя не было объявленнымъ" [268]).

Изъ Лавры, какъ и подобаетъ изъ святаго мѣста, Погодинъ вынесъ самое благодатное впечатлѣніе, „миръ душевный и спокойствіе". Возвратясь въ Москву „заперся" [269]).

Во время пребыванія своего въ Лаврѣ, Погодинъ, подъ руководствомъ А. В. Горскаго, разсматривалъ рукописи библіотекъ Академической и Лаврской. Горскій сообщилъ ему, что въ послѣдней есть *Пророки* съ примѣчательнымъ послѣсловіемъ. Между тѣмъ Погодинъ, во время послѣдняго своего пребыванія въ Петербургѣ, узналъ отъ Востокова, что въ Новгородѣ въ 1830 году были уже извѣстны книги Пророческія на церковномъ языкѣ. Знаменитому нашему Филологу попалась рукопись Пророковъ XV или XVI вѣка, въ коей писецъ повторилъ и послѣсловіе своего подлинника. Изъ этого переписаннаго имъ послѣсловія видно, что подлинникъ его былъ писанъ въ Новѣгородѣ въ 1030 году попомъ Упиремъ Лихимъ для Новгородскаго князя Владиміра Ярославича. „Драгоцѣнное открытіе", замѣчаетъ Погодинъ, „коимъ подтверждается болѣе и болѣе нашъ почтенный Несторъ, доказываетъ болѣе и болѣе древность нашей грамотности: Пророческія книги въ Новѣгородѣ въ 1030 году, и переписанныя

Русскимъ священникомъ!“ Погодинъ сообщилъ объ этомъ открытіи Горскому. Они стали сличать послѣсловіе его съ послѣсловіемъ Лаврской рукописи Пророковъ, и оказалось то же самое, чтò и въ Петербургскомъ кодексѣ. „По своей благосклонности“, пишетъ Погодинъ, „Горскій сообщилъ мнѣ выписки изъ этой рукописи, кои препроводилъ я къ Востокову, и одно открытіе повело къ другому, еще болѣе важному. Сообщаю выписку изъ письма Востокова ко мнѣ: Всего любопытнѣе для меня въ этой рукописи глаголитскія буквы, какими написано имя Амбакоумъ, и при томъ древнѣйшею формою глаголитскаго письма, ближайшаго къ той, какая находится въ Парижской рукописи, по Копитаровой таблицѣ при Glagolita Clocianus, № 2. Писецъ скопировалъ вѣроятно эту глаголитскую надпись изъ древняго своего подлинника XI или XII вѣка. Если лаврскій списокъ сдѣланъ и въ XVI вѣкѣ (а новѣе оно быть не можетъ), то уже тогда форма глаголитскихъ буквъ перемѣнилась на позднѣйшую, какая употреблена въ печатныхъ книгахъ, и писцу не откуда было взять древнѣйшія начертанія сихъ буквъ, какъ не прямо изъ рукописи, современной употребленію таковыхъ письменъ; приписанное на концѣ рукописи 648 лѣтъ, я не могу принять за время протекшее отъ подписи Упиря до времени, когда писанъ настоящій списокъ. Въ такомъ случаѣ этотъ списокъ принадлежалъ бы къ 1695 году? Но могъ ли писецъ конца XVII вѣка сохранить такъ вѣрно правописаніе древнее съ Ѫ-сами, съ окончаніями *ааго*, *аами*, и пр., съ полугласными вмѣсто гласныхъ: *връхъ*, *стлъннома*? и пр. Списокъ долженъ быть по крайней мѣрѣ цѣлымъ вѣкомъ старѣе 1695 г., а можетъ быть и двумя вѣками. По почерку рукописи можно было бы судить вѣрнѣе о времени ея“. Это ясно и неопровержимо. Писецъ XVI вѣка не могъ написать буквы такъ, какъ въ его время онѣ не писались, слѣдовательно онъ срисовалъ ихъ, слѣдовательно онѣ были въ подлинникѣ 1030 года? Итакъ мнѣніе Добровскаго и другихъ,

что Глаголическая азбука появилась въ XI вѣкѣ, уничтожается документально: Глаголическая азбука гораздо древнѣе.

Венелинъ также приписывалъ ей глубокую древность. Карамзинъ говорилъ о ней (I,110): „Словене Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобрѣтеніемъ св. Іеронима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Словенъ въ Римскихъ владѣніяхъ!“

Объ этомъ возраженіи, которое Карамзинъ предлагалъ, слѣдуя большинству писателей своего времени, говорить теперь нечего. Словене искони жили въ такъ-называемыхъ Римскихъ владѣніяхъ, что ясно и очевидно оказывается изъ изслѣдованій Шафарика и другихъ.

„Сія глагольская азбука“, продолжаетъ Карамзинъ, „явно составлена по нашей; отличается кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе христіане, приставъ къ Римскому исповѣданію, вмѣстѣ съ Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, торжественно запрещенныя папою Іоанномъ XIII. Епископы Солунскіе, въ XI вѣкѣ, объявили даже Меѳодія еретикомъ, а письмена Словенскія изобрѣтеніемъ Аріянскихъ Готѳовъ. Вѣроятно, что сіе самое гоненіе побудило какого-нибудь Далматскаго монаха выдумать новыя, то-есть Глагольскія буквы, и защищать ихъ отъ нападенія Римскихъ суевѣровъ именемъ св. Іеронима“.

Если она извѣстна была въ Новѣгородѣ, въ началѣ этого столѣтія (1030 г.), то безъ всякаго сомнѣнія изображена была *гораздо прежде!*

Счастливымъ себя почитаю, что мое посредничество подало поводъ къ такимъ важнымъ заключеніямъ“.

Это важное открытіе не ускользнуло отъ проницательнаго Копитара, и Вукъ Караджичь писалъ Погодину: „Копитаръ сожалѣетъ о томъ, что вашего увѣдомленія о глаголическихъ слѣдахъ въ Новѣгородѣ 1030 года онъ не получилъ. Знать объ этомъ подробнѣе онъ очень бы желалъ“.

LII.

Во время пребыванія Гоголя въ Петербургѣ, 26 ноября 1839 года, скончался товарищъ по *Арзамасу* Жуковскаго, В. Л. Пушкина, князя П. А. Вяземскаго, Уварова и др. Министръ Юстиціи Дмитрій Васильевичъ Дашковъ. Узнавъ объ этой горестной для государства утратѣ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Дашковъ умеръ: вотъ вамъ печальная новость. Онъ хоть былъ очень лѣнивъ, но правдивъ, мужественъ и толковитъ“ [270]). Сынъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича, тогда юный питомецъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, Николай Калайдовичъ, писалъ другу своего отца Погодину: „Вы знаете уже о кончинѣ Министра Юстиціи Д. В. Дашкова, можетъ быть знаете и о томъ, что любимая собака его шла за его гробомъ, не смотря на всѣ усилія отогнать ее“ [271]). Племянникъ И. И. Дмитріева, къ которому Дашковъ, по Карамзину, питалъ родственныя чувства, М. А. Дмитріевъ свидѣтельствуетъ: „Говорить ли о Д. В. Дашковѣ, какъ о министрѣ? Спросите всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ: вы услышите общій отзывъ любви, смѣю сказать, благоговѣнія къ его памяти! Это былъ именно *министръ юстиціи*, то-есть, исполнитель правосудія. Онъ былъ непоколебимъ въ правдѣ... Требовалъ дѣла и не любилъ поклоненія... Требовалъ отъ подчиненныхъ труда, точности, но не мелочности. Болѣе всего онъ требовалъ ума, просвѣщенія и правды. Не забывая въ чиновникѣ человѣка, онъ строго различалъ вину отъ ошибки... Честному человѣку всегда можно было надѣяться на его покровительство и защиту. Никого онъ не гналъ и не преслѣдовалъ, никого не отличалъ по рекомендаціи сильнаго!.. Никто не могъ упрекнуть его въ забвеніи труда, или заслуги. Вѣчная ему память! Говорятъ, что онъ не любилъ труда. Нѣтъ! Онъ работалъ много: не любилъ только выказывать въ себѣ озабоченнаго и дѣлового человѣка. Я зналъ его хорошо. Онъ, лежа на диванѣ, работалъ болѣе, чѣмъ другой, сидя сиднемъ и заставляя хлопотать другихъ съ утра до ночи. Го-

ворятъ, что онъ былъ недоступенъ. Нѣтъ! Онъ не любилъ только офиціальныхъ и пустыхъ посѣщеній, отнимающихъ драгоцѣнное время; не любилъ окружать себя поклонниками, искателями... Въ его характерѣ было что-то такое, чему мы удивляемся въ мужахъ Древности: какая-то полнота и цѣльность" [272]).

Другъ и товарищъ Дашкова по Арзамасу, князь П. А. Вяземскій, по поводу своего назначенія въ 1855 году товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, вотъ что написалъ племяннику его В. П. Титову: „Теперь что я? До шестидесяти трехъ лѣтъ дожилъ нулемъ, который въ счетъ не шелъ, странно мнѣ сдѣлаться цифрою, которая всетаки имѣетъ нѣкоторое значеніе и принимается въ разсчетъ другими при общемъ итогѣ требованій и ожиданій. Тутъ я не признаю своего цифирнаго достоинства и не надѣюсь обогатить этого итога. Помню примѣръ Дашкова и Блудова. При вступленіи ихъ въ кругъ государственныхъ дѣлъ можно было надѣяться, что ихъ числительная важность произведетъ значительный оборотъ въ положеніи дѣлъ, или по крайней мѣрѣ, что каждый изъ нихъ сохранитъ свою внутреннюю цѣнность и внесетъ ее въ свою отдѣльную часть; что же мы видѣли?.. Вся ихъ цѣнность размѣнялась на гомеопатическія дроби. Изъ чего же мнѣ думать, что я буду ихъ искуснѣе, самостоятельнѣе или счастливѣе? Видно, тутъ не цифры виноваты, а виновата ариѳметика" [273]).

Оплакавши кончину нашего знаменитаго государственнаго мужа, перейдемъ къ Гоголю, томящемуся въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ Гоголь былъ озабоченъ участью своихъ сестеръ. Въ это время онѣ кончали курсъ въ Патріотическомъ Институтѣ. Хотя Гоголь и писалъ Погодину: „Мои сестры очень милы и добры, и я радъ очень, что беру ихъ теперь... Какъ я радъ буду, если ты помѣстишь сестеръ возлѣ меня въ комнаткѣ на верху! Онѣ будутъ покамѣстъ переводить и работать для будущаго журнала и для меня" [274]). Но познакомившійся съ ними С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ: „Онѣ

стали несравненно хуже, чѣмъ были въ Институтѣ: въ новыхъ длинныхъ платьяхъ совершенно не умѣли себя держать, путались въ нихъ, безпрестанно спотыкались и падали, отъ чего приходили въ такую конфузію, что ни на одинъ вопросъ ни слова не отвѣчали. Жалко было смотрѣть на бѣднаго Гоголя" [275]).

И на Погодина эти дѣвицы произвели неблагопріятное впечатлѣніе. „Какія деревяшки сестры Гоголя", записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* [276]).

По возвращеніи въ Москву, въ концѣ декабря 1839 года, Гоголь вмѣстѣ съ своими сестрами поселился у Погодина. Признательный послѣднему за гостепріимство, Гоголь писалъ Жуковскому: „Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда, братъ... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы упрекъ, хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него" [277]).

Не смотря на это, кратковременное пребываніе Гоголя въ Москвѣ не было для него усладительно, и онъ страстно желалъ возвратиться поскорѣе въ Римъ.

Въ это время его особенно безпокоили семейныя дѣла. „Я не буду въ Малороссіи", писалъ Гоголь А. С. Данилевскому (29 декабря 1839 г.), „и не имѣю никакой возможности это сдѣлать, но я, желая исполнить сыновній долгъ, т.-е. доставить случай маменькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь не малый, въ мой любезный Римъ: тамъ только найду успокоеніе". Матери же своей Гоголь писалъ: „Я трудился, бился, писалъ и здоровья моего не хватило. Въ теперешнія времена трудно и тяжело добывать состояніе и возможность жить безбѣдно. Но теперь-то болѣе нежели когда-либо, мы должны предаться Богу и не упасть духомъ... Намъ грозитъ крайность. Это значитъ насъ Богъ вызываетъ на битву" [278]). Между тѣмъ Данилевскій писалъ Погодину: Не пу-

скайте отъ себя Гоголя *) и упросите его пріѣхать въ Малороссію повидаться съ матерью хоть на нѣсколько недѣль. Еслибы онъ зналъ, какъ она его любитъ... Я многаго не разобралъ въ вашемъ письмѣ, почеркъ вашъ потруднѣе почерка Несторовой Лѣтописи. Экономическія дѣла Гоголевой матери не такъ плохи, какъ онъ себѣ воображаетъ... Теперешній годъ труденъ для всѣхъ, недостаетъ хлѣба и бѣдность даетъ себя чувствовать жестоко, крестьяне не имѣютъ ничего, помѣщики почти тоже, и вся отвѣтственность лежитъ на послѣднихъ" [279]).

Не смотря на это, Гоголь всетаки рвался въ Римъ; но финансы его были крайне скудны. Толкуя однажды съ Погодинымъ о своихъ „запутанныхъ" дѣлахъ, послѣдній посовѣтовалъ ему обратиться къ Жуковскому. Совѣтъ Погодина былъ удачный, что явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ Гоголя Жуковскому: „Я получилъ ваше письмо, въ немъ же радостная вѣсть моего освобожденія. Римъ мой! Употреблю всѣ силы, все, что въ состояніи еще подвигнуться моею волею. А о благодарности нечего и говорить... Обнимаю васъ несчетно, мой избавитель!" Жуковскій досталъ Гоголю четыре тысячи, и это дало ему возможность вскорѣ оставить Москву и уѣхать въ Римъ [280]).

Передъ Святой недѣлей (1840 г.) пріѣхала въ Москву мать Гоголя. „Взглянувъ на нее", пишетъ Аксаковъ, „и поговоря съ ней нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора. Она была такъ моложава, такъ хороша собой, что ее рѣшительно можно было назвать старшею сестрою Гоголя". Марія Ивановна Гоголь, пріѣхавъ въ Москву, остановилась также у Погодина.

По показанію С. Т. Аксакова, Гоголь, „проживъ нѣсколько времени съ матерью и сестрами въ домѣ Погодина, увѣрилъ себя, что его сестры, *патріотки*, которыя по-ребячьи были

*) т.-е. въ Римъ.

очень не согласны между собою, не могутъ ѣхать вмѣстѣ съ матерью въ деревню, потому что онѣ постоянно будутъ огорчать мать своими ссорами. И такъ онъ рѣшился пристроить какъ-нибудь въ Москвѣ сестру Лизавету, которая была умнѣе, живѣе и болѣе расположена къ жизни въ обществѣ. Приведеніе въ исполненіе этой мысли стоило много хлопотъ и огорченій Гоголю. Е. Г. Черткова, съ которой онъ былъ очень друженъ, не взяла его сестры къ себѣ, хотя очень могла это сдѣлать; у другихъ знакомыхъ помѣстить было невозможно.

Наконецъ, черезъ Надежду Николаевну Шереметеву, почтенную и благодѣтельную старушку, которая впослѣдствіи любила Гоголя, какъ сына, помѣстилъ онъ сестру свою Лизавету къ П. Н. Раевской, женщинѣ благочестивой, богатой, не имѣвшей своихъ дѣтей"! [281]).

Въ концѣ апрѣля 1840 года, М. И. Гоголь вмѣстѣ съ своею дочерью выѣхали изъ Москвы обратно въ деревню. „Провожали Гоголюху", записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Заплакали и деревяшки" [282]).

Мы уже знаемъ, что Гоголь, живя въ Москвѣ, томился о Римѣ. „О, выгони меня", писалъ онъ Погодину, „ради Бога и всего святаго, вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе! Я погибну. Еще можетъ быть возможно для меня освѣженіе. Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вызова. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе". О нравственномъ состояніи Гоголя во время пребыванія его въ Москвѣ лучше всего свидѣтельствуютъ его письма, полученныя нѣкоторыми лицами уже на выѣздѣ его изъ Москвы. „У васъ въ вашихъ глазахъ", писалъ онъ А. П. Елагиной, „я остался съ черствой физіономіей, съ скучнымъ выраженіемъ лица". Е. В. Погодиной онъ писалъ: „Вы себѣ, вѣрно, не можете представить, какъ меня мучитъ мысль, что я былъ такъ деревяненъ, такъ оболваненъ, такъ скученъ въ Москвѣ, такъ мало показалъ моихъ истинныхъ расположеній и такъ невольно скрытенъ и

неоткровененъ, и черствъ, и сухъ... Я былъ просто несносенъ" [283]).

Само собою разумѣется, что Погодину, постоянно удрученному своими собственными заботами, не всегда было пріятно имѣть такого сожителя. „Чудакъ онъ превеликій" [284]), писалъ про него Погодинъ Максимовичу. Но тѣмъ не менѣе Максимовичъ, получивъ отъ Гоголя письмецо, поручалъ Погодину „его поцѣловать непремѣнно". Въ томъ же письмѣ Максимовичъ писалъ Погодину: „Вѣроятно, Гоголь прочелъ уже каракули своего больного пріятеля, который вотъ уже двѣ недѣли лежитъ себѣ безъ дѣла и труда, перебирая только Украинскія пѣсни и наслаждаясь ими до упоенія. Фу, братецъ, какъ это хорошо, неописанно хорошо! Сколько души и жизни отозвалось въ этихъ звукахъ... И что же теперь эта душа, и что теперь эта жизнь? Только одно еще — чувство материнской любви живетъ и дышетъ еще нерастлѣнно" [285]).

Не смотря на мрачное расположеніе духа, удручавшее Гоголя во время пребыванія его въ Москвѣ, нѣкоторымъ въ то время онъ доставилъ высокое наслажденіе своимъ чтеніемъ *Мертвыхъ Душъ*. Первыя главы этого произведенія онъ читалъ у И. В. Кирѣевскаго. Пятую главу онъ прочелъ у С. Т. Аксакова, а 17 апрѣля 1840 года, въ Великую Субботу, предъ заутреней Свѣтлаго Воскресенія онъ прочелъ у него же седьмую главу. Въ числѣ слушателей былъ только что пріѣхавшій изъ своей Симбирской деревни, родственникъ Д. А. Валуева, Василій Алексѣевичъ Пановъ, который пришелъ въ такое „упоеніе", что „тутъ же рѣшился пожертвовать всѣми своими разсчетами" и ѣхать вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Италію. Послѣ чтенія, Аксаковъ вмѣстѣ съ Гоголемъ и другими своими гостями отправился въ Кремль, „чтобъ услышать на площади первый звукъ Ивана Великаго". Похристосовавшись послѣ заутрени съ Гоголемъ, Пановъ сказалъ ему, что ѣдетъ съ нимъ въ Италію, „чему Гоголь чрезвычайно обрадовался".

Не смотря на восторгъ, производимый чтеніемъ Гоголя

Мертвыхъ Душъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „были люди, которые возненавидѣли Гоголя съ самаго появленія *Ревизора*. *Мертвыя Души* только усилили эту ненависть. Такъ напримѣръ, я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Ѳ. И. Толстой-Американецъ говорилъ въ многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ *врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь*. Въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстаго".

Между тѣмъ приближался день именинъ Гоголя, 9 мая 1840 года, и онъ захотѣлъ угостить обѣдомъ всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ въ саду у Погодина. По ходатайству К. С. Аксакова, на этотъ обѣдъ былъ приглашенъ его молодой пріятель Ю. Ѳ. Самаринъ, съ которымъ Гоголь былъ знакомъ еще мало. На этомъ обѣдѣ между прочими были: И. С. Тургеневъ, князь П. А. Вяземскій, Лермонтовъ, М. Ѳ. Орловъ, М. А. Дмитріевъ, Загоскинъ, профессора Армфельдъ и Рѣдкинъ, и многіе другіе. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, обѣдъ былъ веселый и шумный. Послѣ обѣда, всѣ разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтовъ читалъ наизусть Гоголю и другимъ отрывокъ изъ *Мцыри* и читалъ, говорятъ, прекрасно. Потомъ всѣ собрались въ бесѣдку, гдѣ Гоголь, собственноручно, съ особеннымъ стараніемъ, приготовлялъ жженку. Вечеромъ пріѣхали къ имениннику пить чай уже въ домъ нѣсколько дамъ: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Е. Г. Черткова".

LIII.

Наконецъ желаніе Гоголя исполнилось, и онъ вмѣстѣ съ В. А. Пановымъ, 18 мая 1840 г., выѣхалъ изъ Москвы въ Римъ. Въ книгѣ С. Т. Аксакова *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ* сохранилось любопытное описаніе этого выѣзда Гоголя изъ Москвы: „Послѣ завтрака, Гоголь, простившись

очень дружески и нѣжно съ нами, сѣлъ съ Пановымъ въ тарантасъ, я съ Константиномъ и Щепкинъ съ сыномъ Димитріемъ помѣстились въ коляскѣ, а Погодинъ съ зятемъ своимъ Мессингомъ—на дрожкахъ, и выѣхали изъ Москвы. Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы съ Поклонной горы по Смоленской дорогѣ. На Поклонной горѣ мы вышли изъ экипажей, полюбовались на Москву, Гоголь и Пановъ, уѣзжая на чужбину, простились съ ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодинъ и Щепкинъ сѣли въ коляску, а молодежь помѣстилась въ тарантасѣ и на дрожкахъ. Такъ доѣхали мы до Перхушкова. Дорогой былъ Гоголь веселъ и разговорчивъ... Намъ очень не нравился его отъѣздъ въ чужіе края, въ Италію, которую, какъ намъ казалось, онъ любилъ слишкомъ много... Въ Перхушковѣ мы обѣдали, выпили здоровье отъѣзжающихъ; Гоголь сдѣлалъ жженку... Вскорѣ послѣ обѣда, мы сѣли, по Русскому обычаю, потомъ помолились. Гоголь прощался съ нами нѣжно. Онъ сѣлъ въ тарантасъ съ нашимъ добрымъ Пановымъ, и мы стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока экипажъ не пропалъ изъ глазъ. Погодинъ былъ искренно разстроенъ, а Щепкинъ заливался слезами. Я, Щепкинъ, Погодинъ и Константинъ сѣли въ коляску... На половинѣ дороги, вдругъ откуда ни взялись, потянулись съ сѣверо-востока черныя страшныя тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западнаго горизонта; сдѣлалось очень темно, и какое-то зловѣщее чувство налегло на насъ. Мы грустно разговаривали... Но не болѣе какъ черезъ пол-часа мы были поражены внезапною перемѣною горизонта: сильный сѣверо-западный вѣтеръ рвалъ въ клочки и разгонялъ черныя тучи, въ четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось... и великолѣпно склонялось къ западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благопріятное толкованіе небеснаго знаменія“ [286]).

Уѣзжая изъ Москвы, Гоголь забылъ проститься съ А. П. Елагиной. Объ этомъ онъ вспомнилъ только въ Вязьмѣ и изъ Вѣны писалъ ей: „Мнѣ сдѣлалось такъ досадно (*что не*

простился съ нею), что я готовъ былъ тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всѣхъ поднести себѣ кукишъ, промолвивъ: *Вотъ на тебѣ, дуракъ!* Но всей публики (*въ Вязьмѣ*) былъ на ту пору станціонный смотритель, который бы, вѣроятно, принялъ это на свой счетъ, да котъ, который сидѣлъ въ его шапкѣ и который, безъ всякаго сомнѣнія, не обратилъ бы на это никакого вниманія" [287]). Когда Гоголь былъ уже въ Римѣ, Погодинъ получилъ отъ М. Ѳ. Орлова слѣдующую записку: „Орловъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе Михайлѣ Петровичу Погодину и извѣщаетъ его, что онъ имѣетъ оказію переслать что-либо Гоголю чрезъ Павла Ивановича Кривцова. Ежели Михайлѣ Петровичу угодно воспользоваться симъ случаемъ, то онъ можетъ это сдѣлать на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Чтобы посылка не была очень громоздка. 2) Чтобы она доставлена была къ Орлову, но не позже завтрашняго числа. Въ этомъ случаѣ усердствуетъ наипаче жена моя и проситъ напомнить объ ней и обо мнѣ нашему Гоголю" [288]).

Эти строки Погодинъ получилъ отъ почтеннаго М. Ѳ. Орлова наканунѣ встрѣчи съ нимъ въ пріемной Московскаго генералъ-губернатора, и объ этой встрѣчѣ мы находимъ въ *Дневникѣ* слѣдующую любопытную запись: „Пріѣхалъ Орловъ, съострилъ указывая картины: *Прежде пылъ, а теперь пыль. Ермоловъ прежде впереди, а теперь назади.* Совѣстно было, когда Князь выслалъ сказать, *что не можетъ принять генерала Орлова*, который двадцать пять лѣтъ тому назадъ бралъ Парижъ на капитуляцію, и приглашалъ меня въ кабинетъ. Такъ переходчивы времена" [289]).

Но не радостно было это путешествіе Гоголя. Въ Вѣнѣ онъ тяжко заболѣлъ и еле живымъ дотащился до Рима. „Я", писалъ онъ Погодину, „выѣхалъ изъ Москвы хорошо, и дорога до Вѣны по нашимъ открытымъ степямъ тотчасъ сдѣлала надо мною чудо. Свѣжесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовалъ. Я, чтобы освободить еще, между прочимъ, свой желудокъ отъ разныхъ старыхъ неудобствъ и кое-

гдѣ засѣвшихъ остатковъ Московскихъ обѣдовъ, началъ пить въ Вѣнѣ Маріенбадскую воду. Она на этотъ разъ помогла мнѣ удивительно: я началъ чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное я почувствовалъ, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу изъ того летаргическаго умственнаго бездѣйствія, въ которомъ я находился въ послѣдніе годы и чему причиною было нервическое усыпленіе... Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; воображеніе мое становится чутко. О, какова была эта радость, еслибы ты зналъ! Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе негодилось во время питія водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей. Но впрочемъ какъ же мнѣ было воздержаться? Развѣ тому, кто просидѣлъ въ темницѣ безъ свѣту солнечнаго нѣсколько лѣтъ, придетъ въ умъ, по выходѣ изъ нея, жмуриться изъ опасенія ослѣпнуть и не глядѣть на то, что радость и жизнь для него? Притомъ я думалъ: „Можетъ быть, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ... Нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженье нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался; я самъ не понималъ своего положенія; я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости, и сдѣлалъ еще хуже... Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ спокойномъ положеніи ни на постелѣ, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное безпо-

койство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Віельгорскаго въ послѣднія минуты жизни!.. При мнѣ былъ одинъ Николай Петровичъ Боткинъ, очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодаренъ, который меня утѣшалъ сколько-нибудь, но который самъ потомъ мнѣ сказалъ, что онъ никакъ не думалъ, чтобы я могъ выздоровѣть. Но умереть среди Нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію. Добравшись до Тріэста, я себя почувствовалъ лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этотъ разъ свое дѣйствіе. Я могъ уже двигаться. Воздухъ, хотя въ это время онъ былъ еще непріятенъ и жарокъ, освѣжилъ меня. О, какъ бы мнѣ въ это время хотѣлось сдѣлать какую-нибудь дальнюю дорогу! Я чувствовалъ, я зналъ и знаю, что я бы возстановленъ былъ тогда совершенно. Но я не имѣлъ никакихъ средствъ ѣхать куда-либо. Съ какою бы радостью я сдѣлался фельдъегеремъ, курьеромъ даже на Русскую перекладную, и отважился бы даже въ Камчатку,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Клянусь, я былъ бы здоровъ! Но мнѣ всего дороги до Рима три дня только. Тутъ мало было перемѣнъ воздуха. Все, однакожъ, и это сдѣлало на меня дѣйствіе, и я въ Римѣ почувствовалъ себя лучше въ первые дни. По крайней мѣрѣ я уже могъ сдѣлать даже небольшую прогулку, хотя послѣ этого я уставалъ такъ, какъ будто-бъ я сдѣлалъ десять верстъ. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ я остался живъ, и здоровье мое въ такомъ сомнительномъ положеніи, въ какомъ я еще никогда не бывалъ. Чѣмъ далѣе, какъ будто опять становится хуже, и леченіе, и медикаменты только растравляютъ. Ни Римъ, ни небо, ни что не имѣютъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу, не чувствую. Мнѣ бы дорога теперь, дорога въ дождь, слякоть, черезъ лѣса, черезъ степи, на край свѣта! Вчера и сегодня было скверное время—и въ это скверное время я какъ будто бы ожилъ. Такъ вотъ все мнѣ хотѣлось или броситься въ дилижансъ, или хоть на перекладную. Двухъ минутъ я не могъ посидѣть въ комнатѣ... Другъ! вотъ тебѣ

мое положеніе. Не хотѣлось мнѣ, страшно не хотѣлось открывать его. Долго я писалъ это письмо, и останавливался, и вновь принимался писать, и уже хотѣлъ изодрать его, и скрыть все отъ тебя; но грѣхъ былъ бы на моей душѣ. Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый, свѣжій, на трудъ, на работу. Теперь... Боже! столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями... когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ по такому свѣжему, доброму началу, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни—и теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность. Безъ надежды, безъ средствъ возстановить здоровье! Никакихъ извѣстій изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при Кривцовѣ? По намѣреніямъ Кривцова, о которыхъ я зналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что Кривцовъ искалъ на это мѣсто Европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ имѣть нѣмца Шадова, директора Дюссельдорфской академіи художествъ, которому тоже хотѣлось, а потомъ даже хотѣлъ предложить Обервеку... Но Богъ съ нимъ со всѣмъ этимъ! Я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ? На квартиру да на лекарство развѣ? на двѣ вещи, равныя ничтожностью и безполезностью. Если къ нимъ не присоединится наконецъ третья, вѣнчающая все, что влачиться на свѣтѣ?

Часто, въ теперешнемъ моемъ положеніи, мнѣ приходитъ вопросъ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію? по крайней мѣрѣ меньше лежало бы на моей совѣсти. Но какъ только я вспомню о моихъ сестрахъ,—нѣтъ, мой пріѣздъ не безполезенъ былъ. Клянусь, я сдѣлалъ много для моихъ сестеръ! Онѣ послѣ увидятъ это. Безумный, я думалъ, ѣхавши въ Россію: ну, хорошо, что я ѣду въ Россію: у меня уже начинаетъ простывать маленькая злость, такъ необходимая автору, противъ

того-сего, всякаго рода родныхъ плевелъ; теперь я обновленъ, и все это живѣе предстанетъ моимъ глазамъ,—и вмѣсто этого что я вывезъ? Все дурное изгладилось изъ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что удалось мнѣ еще болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ,—и я въ моемъ болѣзненномъ состояніи поминутно дѣлалъ упрекъ себѣ: „И зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію!" Теперь не могу глядѣть ни на Колизей, ни на безсмертный куполъ, ни на воздухъ, ни на все. Глаза мои видятъ другое, мысль моя развлечена! она съ вами. Боже! какъ тяжело мнѣ писать эти строки! Я не въ силахъ болѣе.

Прощай. Боже, благослови тебя во всѣхъ предпріятіяхъ и предоставь наконецъ тебѣ поле широкое, великое, безъ препятствій! Ты рожденъ и опредѣленъ на большое плаванье. Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ *Ревизора*, исключенные прежде, и другіе передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать и заплатить великодушному, какъ и ты, Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову,—и этого не могъ сдѣлать. Впрочемъ я соберу всѣ силы и, можетъ быть, на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ. Я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковскій женится? Я не могу никакъ этому вѣрить" [290])...

Письмо это разстрогало Погодина до глубины души, и онъ писалъ Гоголю: „Какъ я плачу! Виноватъ, прости меня! Признаюсь—я былъ огорченъ, я негодовалъ на тебя! Прости меня. Твоя несчастная наружность! О сердце человѣческое! Ни Шекспиръ, ни Коцебу не знаютъ тебя! И знаютъ иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаяваюсь, скорблю о тебѣ, негодую на себя, а все еще могу съ Петромъ воскликнуть: *Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію! Человѣкъ есть ложь*—какъ глубоко сказалъ это Павелъ. При такихъ явленіяхъ я убѣждаюсь, что онъ искупленъ, убѣждаюсь въ первородномъ грѣхѣ. Ну какъ объяснить иначе такія чужія, противныя впечатлѣнія! И это въ сторону! Успокойся, успокойся! О еслибъ ты мнѣ предсталъ, сложа руки крестомъ!

Твои испытанія кончатся, только молись объ успокоеніи. Я вижу, тебѣ надо путешествовать, чтобы привести въ ровность твой организмъ. Ѣзди изъ конца въ конецъ и останавливайся по дорогѣ въ городахъ на недѣлю—на двѣ, и работай. Надѣюсь прислать тебѣ скоро на дорогу. У меня надежды много на журналъ. Теперь я успокою Лизу. Я послалъ къ тебѣ черезъ Кривцова ея подушку. Мы всѣ здоровы и больны только твоей болѣзнію. Больше писать теперь не могу. Цѣлую, обнимаю тебя. Успокойся, ради Бога, успокойся. Все будетъ хорошо. Богъ посылаетъ испытанія“ [291]). Въ свою очередь спутникъ Гоголя В. А. Пановъ писалъ С. Т. Аксакову: „Долженъ сказать вамъ, что̀ знаю о состояніи, въ которомъ Гоголь находится съ выѣзда своего изъ Россіи до сихъ поръ. Вообще мнѣ кажется, что онъ ошибался, если думалъ, что ему стоитъ только выѣхать за границу, чтобы возвратить дѣятельность и силы, которыя онъ боялся уже потерять. Хорошо, еслибы такъ. Но, къ несчастію, его разстройство не зависитъ отъ климата и мѣста и не такъ легко поправляется. Теперь онъ тѣшитъ себя другою мыслію: онъ убѣжденъ, что для поправленія своего здоровья ему необходимо сдѣлать огромное путешествіе, жалѣетъ, что слишкомъ скоро пріѣхалъ въ Римъ, и хотѣлъ бы, чтобъ его теперь курьеромъ отправили въ Камчатку, разумѣется, съ возвратомъ. Можетъ быть, цѣлыя десять лѣтъ его жизни постепенно разстраивали его организацію, которая теперь въ ужасномъ разладѣ. Его физическое состояніе дѣйствуетъ конечно на силы душевныя; поэтому онъ имъ чрезвычайно дорожитъ, и поэтому онъ ужасно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его иногда въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ, и эти тяжкія минуты, въ которыя вы его видѣли, мнѣ кажется, были здѣсь съ нимъ чаще, продолжительнѣе, сильнѣе, нежели въ Россіи. Когда мы съ нимъ въ Москвѣ собирались въ дорогу, онъ говорилъ, что, какъ скоро мы переѣдемъ за границу, онъ станетъ мнѣ полезенъ, пріучая меня къ бережливости, разсчету, порядку.

Вышло совсѣмъ наоборотъ: онъ былъ точно также разсѣянъ, какъ и въ Москвѣ. Однакожъ онъ чувствовалъ себя довольно хорошо. Въ Вѣнѣ его безпокоила только какая-то боль въ ногѣ. Въ продолженіе почти четырехъ недѣль, которыя я тутъ съ нимъ пробылъ, я видѣлъ ясно, что онъ чѣмъ-то занятъ. Хотя онъ и въ это время лечилъ себя, пилъ воды, прогуливался, но все еще ему оставалось свободное время, и онъ тогда перечитывалъ и переписывалъ свое огромное собраніе Малороссійскихъ пѣсенъ, собиралъ лоскутки, на которыхъ у него были записаны поговорки, замѣчанія и проч. Разставаясь около половины іюня, мы назначили съѣхаться въ Венеціи. Онъ хотѣлъ пріѣхать туда изъ Вѣны въ половинѣ августа, а мнѣ назначилъ послѣднимъ срокомъ 1 сентября. Въѣзжая въ Венецію 2 сентября, я дрожалъ, боялся его уже не застать въ ней. Вмѣсто этого встрѣчаю его на площади св. Марка и узнаю, что мы съ противоположныхъ сторонъ въѣхали въ одинъ и тотъ же часъ. Болѣзнь, отъ которой онъ думалъ умереть, задержала его въ Вѣнѣ. Къ счастію, съ нимъ былъ Боткинъ, братъ того, котораго знаетъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ *). Этотъ истинно добрый человѣкъ ухаживалъ за нимъ, какъ нянька. Онъ съ нимъ пріѣхалъ сюда и живетъ теперь со мной въ одномъ домѣ. Болѣзнь эта на долго разстроила Николая Васильевича, безъ того уже разстроеннаго. Она отвлекла его вниманіе отъ всего, и только въ Венеціи иногда проглядывали у него минуты спокойныя, въ которыя духъ его сколько-нибудь просвѣтлялъ ужасную мрачность его состоянія, большею частію по необходимости матеріальнаго. Какія мысли свѣтлыя онъ тогда высказывалъ, какое сознаніе самого себя! Но, пріѣхавши сюда, онъ уже, казалось, ничѣмъ не былъ занятъ, какъ только своимъ желудкомъ, поправленіемъ своего здоровья, а между тѣмъ никто изъ насъ не могъ съѣсть столько макаронъ, сколько онъ отпускалъ иной разъ. Скучалъ, безпрестанно жаловался, что даже ничего не можетъ читать. Хотя я въ душѣ никогда не переставалъ быть

*) Василія Петровича Боткина.

убѣжденнымъ, что Гоголь непремѣнно пробудится съ новыми силами, но, признаюсь, мнѣ кажется я уже забывалъ видѣть въ немъ Гоголя, какъ вдругъ въ одно утро, дней десять тому назадъ, онъ меня угостилъ началомъ новаго произведенія! Это будетъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, трагедія. Планъ ея онъ задумалъ еще въ Вѣнѣ, началъ писать здѣсь. Дѣйствіе въ Малороссіи. Въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя онъ уже написалъ и прочелъ мнѣ, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько въ дѣйствіи, сколько въ словахъ, теперь уже совершенство. О прочихъ судить нельзя: они должны еще обрисоваться въ самомъ дѣйствіи. Главное лицо еще не обозначилось. Не повѣрите, съ какимъ торжествомъ я возвращался домой. Первою мыслію было писать къ вамъ“ [292]). Извѣстія о болѣзненномъ состояніи Гоголя крайне тревожили О. С. Аксакову, и она писала Погодину: „Письмо Гоголя меня такъ и покрыло туманомъ. Его надобно вытащить изъ Рима. Онъ самъ не понимаетъ, ему нуженъ родной воздухъ—Русскихъ, Московскихъ друзей, и онъ оживетъ, а тамъ онъ погибнетъ какъ Віельгорскій, какъ Станкевичъ [293]).

Но вскорѣ Погодинъ получилъ успокоительное письмо отъ Гоголя: „Утѣшься!“ писалъ онъ, „чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ, чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ *Мертвыхъ душъ*... Многое совершилось во мнѣ въ немногое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю по чему,—можетъ быть, по тому самому, по чему не въ силахъ былъ въ Москвѣ сказать тебѣ ничего такого, что бы оправдало меня передъ тобою во многомъ... О, ты долженъ знать, что тотъ, кто *созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореніями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ!..* Письмо твое утѣшительно. Благодарю тебя за него, растроганно, душевно благодарю! Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный холодъ здѣшней зимы дѣйствуютъ на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о

томъ, что у меня ни копейки денегъ... Мнѣ теперь все трынъ-трава“ [294]).

LIV.

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ Погодинъ въ Москвѣ нашелъ своего преемника по каѳедрѣ Всеобщей Исторіи — Тимоѳея Николаевича Грановскаго.

12 сентября 1839 года Грановскій началъ чтеніе своего историческаго курса въ Московскомъ Университетѣ. По свидѣтельству его біографа, „время, когда Грановскій вступилъ на каѳедру, было во многомъ не похоже на теперешнее... Отсутствіе общественныхъ интересовъ сильнѣе сосредоточивало вниманіе образованнаго меньшинства на умственныхъ, литературныхъ и эстетическихъ интересахъ. Слово науки, умная или умѣлая статья въ журналѣ, удачная повѣсть, поэтическое стихотвореніе были важнымъ, серьезнымъ явленіемъ для этой части Русскаго общества. При строгости цензуры, мысль, углубляясь въ самое себя, искала и находила себѣ скромное, но достойное выраженіе, сильное собственной силой, безъ громкихъ фразъ, безъ задорнаго крика, безъ легкомысленной болтовни. Не всегда досказанная, затаенная, она влекла къ себѣ не дерзостью, а искренностію“. Тотъ же біографъ сообщаетъ намъ о впечатлѣніи, которое произвелъ Грановскій на своихъ слушателей. „Рѣчь свою на каѳедрѣ“, пишетъ онъ, „Грановскій начиналъ, казалось, съ усиліемъ надъ самимъ собою; тогда особенно былъ замѣтенъ природный недостатокъ его произношенія, что-то похожее на шепелявость. Недостатокъ этотъ однакожъ скоро исчезалъ, когда, одушевляясь, онъ овладѣвалъ предметомъ рѣчи, и она дѣлалась вполнѣ свободною и живою. Голосъ его звучалъ тономъ задушевности, тономъ, какимъ не высказывается только одно знаніе, но говоритъ убѣжденіе. Слушателю, записывающему слово въ слово чтеніе преподавателя, послѣ, когда онъ перечитывалъ его, могло казаться, что онъ что-то пропустилъ, чего-то не записалъ изъ

слышаннаго, потому что тонъ и общее впечатлѣніе чтенія оставались неуловимыми для его пера. Неотразимо подчинялся также слушатель не только внечатлѣнію изящнаго слова, тона, но и самаго благороднаго образа учителя. Его выразительное лицо, большіе, задумчивые глаза, засвѣчивающіеся порой изъ-подъ густыхъ сросшихся бровей какимъ-то глубокимъ блескомъ, вьющіеся черные волосы, грустная улыбка, все было въ немъ изящно, привлекательно; на всемъ существѣ его была печать душевной чистоты, нравственнаго достоинства, вызывающихъ симпатію и довѣренность. Въ воспоминаніяхъ слушателей Грановскаго, оставившихъ университетскія скамьи, послѣ многихъ лѣтъ, его чтенія и ученіе нераздѣльно сливались съ живымъ воспоминаніемъ самого лица учителя“ [295]).

Во время отсутствія Погодина, Московскій Университетъ обогатился многими новыми профессорами, и онъ писалъ Шевыреву: „Въ Университетѣ много новыхъ профессоровъ: Даниловичъ, знатокъ Польской и Литовской Исторіи, отличный профессоръ; Меньшиковъ—эллинистъ; Грановскій и Лешковъ, которыхъ ты знаешь; Спасскій—физикъ и Варвинскій—медикъ. Обо всѣхъ слышалъ отзывы очень хорошіе, нѣкоторыхъ самъ слышалъ: Грановскаго и Лешкова“ [296]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ писалъ Максимовичу: „Университетъ нашъ комплектенъ, а все недостаетъ чего-то Московскаго у этихъ новыхъ, впрочемъ хорошихъ людей“ [297]). Всматриваясь ближе въ новое направленіе, которое принесли съ собою въ Университетъ новые профессора, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Университетъ нашъ идетъ очень хорошо. Я не думаю, чтобъ въ какомъ-нибудь другомъ было столько заботы о лекціяхъ, какъ у насъ. Умственное образованіе идетъ хорошо; но нравственное, нравственное, я говорю не объ полицейскомъ,—дѣйствіе на сердце не въ виду ни у кого, и долго еще не будетъ. Семинаристы могутъ выучиться и выучить многому, но не гуманистикѣ“.

Въ лицѣ Грановскаго такъ называемые западники пріобрѣли могущественнаго союзника, и около него сплотился кружокъ людей грядущихъ *сороковыхъ годовъ*. Это вполнѣ созна-

вали и Словенофилы, и старѣйшій изъ нихъ Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Досадно, когда видишь, что Загоскинъ, хоть онъ и славный человѣкъ, за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами заодно только инстинктъ, ибо Загоскинъ выраженіе инстинкта, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ" [298]). Погодинъ же, чувствуя напоръ новыхъ силъ, съ грустью писалъ своему товарищу и другу Максимовичу: „Что съ тобой сдѣлалось, старый товарищъ? Вотъ какъ—и мы уже склоняемся къ землѣ!

Чредой проходятъ поколѣнья.

Благо тому, кто жилъ не даромъ. Ты работалъ на своемъ вѣку, или какъ говоритъ Ломоносовъ: „Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ" [299]).

Но дойдя въ своемъ повѣствованіи до, такъ сказать, преддверія *сороковыхъ годовъ,* мы находимъ умѣстнымъ повторить слова А. Д. Галахова: „Извѣстно", пишетъ онъ, „какое почетное значеніе въ Исторіи Московскаго Университета отдается періоду попечительства графа С. Г. Строганова. Выраженія: *сороковые годы*, люди *сороковыхъ годовъ* сдѣлались особеннымъ почетомъ, своего рода похвальнымъ аттестатомъ. Но отдавая должное этой эпохѣ, не слѣдуетъ забывать ея предшественниковъ—*двадцатые* и *тридцатые* годы" [300]).

Начало новой эпохи, *1840-й* годъ, ознаменованъ цѣлымъ рядомъ гробовъ наставниковъ и питомцевъ Московскаго Университета. 22 февраля скончался Алексѣй Леонтьевичъ Ловецкій. 4 марта — любимый ученикъ знаменитаго Лодера Петръ Петровичъ Эйнбродтъ и наконецъ 3 апрѣля скончался Михаилъ Григорьевичъ Павловъ. Эти утраты произвели тяжкое впечатлѣніе на товарищей и учениковъ почившихъ „Я слышалъ здѣсь", писалъ изъ Флоренціи Шевыревъ Погодину, „о смерти профессора Павлова. Не знаю, правда ли? Жаль его. Онъ все-таки намъ сочувствовалъ. Что же это такой моръ на нашихъ? Страшно"! „Какъ, братецъ", писалъ

Надеждинъ Погодину, „поразила насъ вѣсть о кончинѣ М. Г. Павлова: мнѣ очень пріятно то горячее участіе, которое ты принимаешь въ его семействѣ. Покойникъ этого истинно стоилъ. Sit ei terra levis". Кончина Павлова очень огорчила и Д. М. Княжевича, который писалъ Погодину: „Смерть Павлова поразила и насъ несказанно. Я все ждалъ отъ него писемъ, наконецъ написалъ къ нему выговоръ и получилъ въ отвѣтъ, что отвѣта въ здѣшнемъ свѣтѣ уже не будетъ".

Когда же эти прискорбныя извѣстія достигли издателя *Отечественныхъ Записокъ* А. А. Краевскаго, то онъ писалъ будущему издателю *Москвитянина*: „Сейчасъ получилъ извѣстіе о смерти М. Г. Павлова. Что это за чума пала на Университетъ? Ловецкій, Эйнбродтъ, Павловъ!.." [301])

Самъ же Погодинъ погрузился въ это время въ чтеніе *Апокалипсиса*, и казалось ему, что время „близко"; думалъ часто „о суетѣ занятій, *единое же есть на потребу*. Какіе бѣдные результаты получаемъ мы послѣ усиленныхъ трудовъ! Стучится мысль, что конецъ близокъ" [302]).

Вслѣдъ за профессорами отошли въ вѣчность нѣкоторые изъ лучшихъ представителей молодого университетскаго поколѣнія.

Въ маѣ 1840 года Сергѣя Михайловича Строева полуживымъ привезли въ Москву, и вскорѣ, 21 мая, „тихо уснулъ онъ навсегда". Извѣстіе о присужденіи ему Демидовской преміи за Описаніе памятниковъ Словено-Русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи, дошло въ Москву наканунѣ его кончины. За нимъ послѣдовалъ, по выраженію Погодина, *какъ искупительная жертва* Николай Владиміровичъ Станкевичъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, находясь въ Римѣ, Станкевичъ писалъ Фроловымъ: „Вчера узналъ я, что сюда пріѣхалъ Шевыревъ. *Правда ли, что вы ужасно какъ занимались Философіей Гегеля въ Берлинѣ?*" спросила меня одна дама, получившая это свѣдѣніе отъ Шевырева. Онъ желалъ очень видѣть меня и не понималъ, какъ я, такой хорошій человѣкъ, могъ отдаться Философіи Гегеля, подраз-

умѣвается, сдѣлаться негодяемъ. *Это совсѣмъ фальшивое направленіе,* говорилъ онъ, *особенно въ Россіи.* — Я готовъ былъ навѣстить Шевырева, но еще не знаю: все это раздосадовало меня какъ нельзя больше. И еще досадуетъ меня то, что кто-нибудь станетъ передъ нимъ защищать Философію, и они пойдутъ, и пойдутъ, и кончится тѣмъ, что добрый нашъ профессоръ сознаетъ свое достоинство больше, чѣмъ прежде"... Тѣмъ не менѣе Станкевичъ исполнилъ долгъ вѣжливости предъ своимъ профессоромъ и объ этомъ писалъ Фроловымъ: „Шевыреву я оставилъ мою карточку съ адресомъ, не заставъ его дома. У меня онъ еще не былъ, слѣдственно мы иначе съ нимъ не увидимся, какъ развѣ гдѣ-нибудь случайно". Эти визитныя недоразумѣнія вскорѣ разрѣшились. Станкевичъ былъ у Шевырева и свое посѣщеніе описалъ Фроловымъ.

„На дняхъ", писалъ онъ, „былъ я у Шевырева. Онъ принимаетъ большое участіе во мнѣ, давалъ мнѣ много совѣтовъ на счетъ моей зимовки въ Италіи и занятій. Я былъ ему очень благодаренъ, хотя не всегда согласенъ съ нимъ. Философія не была пройдена молчаніемъ. Онъ разсказывалъ коечто о Баадерѣ: баадерскія понятія о Гегелѣ и философскія понятія: вообще все это дико, дико, не смотря на уваженіе, которымъ пользуется Баадеръ. Разсказывая мнѣ иныя примѣчательныя мнѣнія философовъ, которыхъ ему случалось узнать, онъ наконецъ заключилъ: *Ну, да вамъ, я знаю, это должно казаться побрякушками!* Я думаю это сказано было отъ души". Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 7 апрѣля) Станкевичъ писалъ: „Шевыревъ обѣщалъ написать обо мнѣ Баадеру и совѣтовалъ явиться къ нему въ Мюнхенѣ. Онъ просилъ меня также быть терпѣливымъ въ его выходкахъ противъ Гегеля, котораго онъ не любитъ. *Впрочемъ эта снисходительность совсѣмъ въ вашемъ характерѣ*—прибавилъ онъ". А за мѣсяцъ до своей смерти Станкевичъ писалъ Фроловымъ: „Шевыревъ помѣстилъ въ *Журналѣ Министерства* статью, въ которой говоритъ, что въ Гегелевской Философіи нѣтъ Бога! Иванъ Кирѣевскій, который вовсе не поклонникъ Гегеля, взбѣсился на эту статью".

Самъ же Шевыревъ съ грустью писалъ Погодину изъ Рима: „Станкевичъ здѣсь и бѣдный очень боленъ: у него горловая чахотка. Едва ли онъ ее вынесетъ. Лечитъ его пруссакъ, докторъ Папы и послалъ его въ Альбано, въ окрестности Рима. Очень жаль его". Не задолго до кончины, умирающій Станкевичъ писалъ своимъ друзьямъ изъ Рима: „Вчера и третьяго дня взглянулъ на Петра, Пантеонъ и Колизей,—и я благословилъ небо, которое хочетъ, чтобъ образъ Рима дружески покоился въ душѣ моей". Съ подобными чувствами Станкевичъ переселился въ вѣчность въ ночь съ 24 на 25 іюня 1840 г., въ сорока миляхъ отъ Генуи, въ городкѣ Нóви, прославленномъ побѣдой Суворова. Свидѣтелемъ кончины былъ его пріятель А. П. Ефремовъ. Тѣло Станкевича перевезли въ Россію къ роднымъ и погребли въ Воронежскомъ его селѣ Удеревкѣ, гдѣ онъ и родился [303]).

Товарищъ Станкевича и Строева, Бодянскій, съ одра тяжкой болѣзни, изъ чужбины, писалъ Погодину: „Неужели всѣ эти, Павловъ, Ловецкій и Эйнбродтъ умерли? Что это за черная смерть на нашу братію! По крайней мѣрѣ они жили и служили, что могли сдѣлать сдѣлали; лучшаго едва ли можно было отъ нихъ ожидать и требовать. Но если молодежь, кипящая нетерпѣніемъ дѣйствовать, при самомъ входѣ на ристалище, вдругъ оттолкнутая невидимой и невѣдомой ей силой, или опустилась ужъ въ гробъ подобно Сергѣю Строеву, или скоро готова спуститься въ него подобно Станкевичу и мнѣ, если молодежь гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ безъ малѣйшаго плода, право какъ-то горько и тяжело на сердцѣ" [304]).

Кончина Станкевича какъ громомъ поразила молодого, только-что выступавшаго на поприще, Грановскаго. „Являюсь на экзамены", писалъ онъ своимъ сестрамъ, „вижусь со многими людьми, и кажусь совершенно спокойнымъ. Не знаю, отъ чего происходитъ это. Я желалъ бы плакать, невозможно! Богъ отказываетъ мнѣ въ слезахъ. И какъ разсказать вамъ, что я теряю въ немъ? Половина, лучшая, благороднѣйшая часть меня самого сошла въ могилу... Всѣ, кому посчастли-

вилось сближаться съ нимъ, признавали его превосходство и никто не былъ униженъ имъ... Молитесь за меня, мои добрые друзья" [305]). „Смерть Станкевича", писалъ нѣсколько лѣтъ спустя Бѣлинскій Боткину, „поразила меня сухо, мертво, но еслибы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело!"

Многіе пожалѣли и о С. М. Строевѣ. „Жаль Строева", писалъ Сербиновичъ Погодину, „пожилъ бы, и исправился бы, а способности имѣлъ прекрасныя". Не менѣе Сербиновича пожалѣлъ о Строевѣ и питомецъ Погодина И. Е. Бецкій, который писалъ своему воспитателю: „Вы вѣрно слышали о Строевѣ. Хотѣлъ бы знать, *какъ* онъ умеръ. Эта потеря для меня велика" [306]).

Погодинъ, забывъ свои личные счеты съ Строевымъ, почтилъ память его, а равно и товарища его Станкевича слѣдующимъ задушевнымъ словомъ участія. „Въ 1835 году въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета", писалъ Погодинъ, „говоря рѣчь объ ученомъ сословіи, я сказалъ въ обращеніи своемъ къ студентамъ: Я вижу между вами нѣкоторыхъ, надѣленныхъ особенными способностями, запечатлѣнныхъ высшею печатью. И къ нимъ обращусь теперь исключительно: о, сохраните навсегда это чистое пламя, которое горитъ теперь въ груди вашей..., посвятите себя ученому званію, и вы принесете честь Русскому имени. Я почту себя счастливымъ, если не обманулся въ своей надеждѣ, и этими словами предрекъ вамъ успѣхъ и славу. Я имѣлъ въ виду въ особенности Станкевича, Сергѣя Строева, Бодянскаго. Слова мои оказались отчасти предсказаніемъ, всѣ трое начали блистательно ученое поприще, но шли по оному недолго: умеръ Станкевичъ, умеръ Сергѣй Строевъ, Бодянскій другой годъ лежитъ на одрѣ тяжкой болѣзни, который едва было не сдѣлался одромъ смерти.

Станкевичъ, надежда науки, надежда Отечества, предался Философіи и въ два года пріобрѣлъ такія познанія, что знаменитые Берлинскіе профессоры поклонялись его свѣтлой и

ясной головѣ, его блистательнымъ способностямъ. Злая чахотка низвела его въ Генуѣ въ могилу.

Сергѣй Строевъ занимался Русскою Исторіею и выступилъ прежде всего противъ меня, разбирая мои разсужденія о Несторѣ. Молодому человѣку хотѣлось пріобрѣсти скорѣе извѣстность, а возражать, отрицать, предлагать сомнѣніе, гораздо легче, нежели утверждать, или имѣть свое мнѣніе, и онъ написалъ нѣсколько статей, въ коихъ, кромѣ двухъ, трехъ неприличныхъ выходокъ, показалъ свои діалектическія способности, живость ума, познаніе языка; правое дѣло нельзя почти было запутывать лукавѣе, ловчѣе, фектовать на словахъ искуснѣе. Я былъ увѣренъ, однакоже, что занявшись пристальнѣе и не полагаясь на пристрастныя... слова учителя Каченовскаго, котораго былъ эхомъ, онъ увидитъ истину и сознается въ своихъ заблужденіяхъ, сколько то позволитъ самолюбіе. Такъ и случилось, какъ я имѣлъ честь слышать отъ самого господина Министра, который, отыскивая вездѣ людей способныхъ, помѣстилъ молодого Строева въ Археографическую Коммиссію. *Я снова начинаю учиться*—говорилъ ему юноша. Въ 1837 и 1838 годахъ молодой Строевъ отправился въ чужіе края и сдѣлалъ описаніе Словенскихъ рукописей, которыя теперь изданы братомъ его П. М. Строевымъ; авторъ скончался злой чахоткою въ Москвѣ, на *двадцать пятомъ* году отъ роду... Поблагодаримъ покойнаго за эту почтенную работу... и помня, что молодому ученому не было еще двадцати пяти лѣтъ отъ роду, извинимъ нѣкоторыя поспѣшныя заключенія, нѣкоторыя неточныя извѣстія и невѣрные снимки или выписки“ [307]).

LV.

Оплакавши кончину профессоровъ и лучшихъ представителей молодого университетскаго поколѣнія, пожалѣемъ объ удаленіи изъ Московскаго Университета стараго друга Погодина, почтеннаго Алексѣя Михайловича Кубарева. Это удаленіе очень огорчило и Погодина.

Причина этого удаленія намъ неизвѣстна. Запись, сдѣланная Погодинымъ въ своемъ *Дневникѣ,* даетъ неопредѣленное объ этомъ понятіе. Тамъ мы читаемъ: „Совѣтовалъ Кубареву написать письмо къ Строганову. Молодые профессоры, кажется, козНодѣйствуютъ. Кубаревъ навѣрное обвинялся въ взяткахъ". Личное объясненіе Погодина съ графомъ С. Г. Строгановымъ не помогло Кубареву. Объ этомъ Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „У Строганова до 5 часа, объ его образѣ дѣйствія, Кубаревѣ. *Мы въ непріятномъ отношеніи къ Каченовскому.* Сказалъ ему (т.-е. Строганову) просто, что я его не понимаю, и что онъ часто поступаетъ дурно. Досадовалъ на себя цѣлый вечеръ, зачѣмъ говорилъ ему такъ искренно. Онъ впрочемъ разсыпается въ комплиментахъ, жметъ руку, увѣряетъ въ любви и уваженіи, изъ коихъ впрочемъ не шубу шить". Послѣ того Погодинъ обѣдалъ у Кубарева и думалъ, не повредилъ ли онъ ему ходатайствомъ предъ графомъ Строгановымъ.

Какъ бы то ни было, Кубаревъ оставилъ свою службу въ Московскомъ Университетѣ и свою ученую дѣятельность перенесъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, гдѣ, слѣдуя по стопамъ знаменитаго наставника своего, покойнаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго, углубился въ изученіе Нестора и Патерика Печерскаго и только въ интимныхъ своихъ бесѣдахъ съ Погодинымъ толковалъ объ Университетѣ, о Строгановѣ, и смотря на Исторію Тьери, онъ съ ядовитостью сказалъ: „*а у насъ не позволяютъ и Патерика напечатать*". На что Погодинъ отвѣтилъ: „И правда!" [308]).

Когда о несчастіи, постигшемъ Кубарева, узналъ Бодянскій, то писалъ Погодину: „И Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ окончилъ свое университетское теченіе! Да что онъ кому сдѣлалъ злаго! Вѣрно ужъ ему было не подъ силу долѣе бороться съ тристаты и легіоны нашихъ доморощенныхъ Шеллинговъ, Нибуровъ, со клевреты. Благо сдѣлалъ! *Отъ злаго*, говорятъ мои земляки, *полы врѣжъ да втикай!*" А за приписку Кубарева къ письму Погодина Бодянскій выразилъ ему свои горячія

чувства: „Почтеннѣйшаго добраго и милаго А. М. Кубарева поблагодарите отъ меня, какъ только можете больше и лучше, за его память обо мнѣ на чужбинѣ. Его десятистрочная приписка къ вашему письму дороже для меня самыхъ длинныхъ разглагольствій и краснобайствъ иныхъ такъ-называемыхъ друзей. Прошу васъ поцѣловать его за меня горячо и крѣпко какъ человѣка, котораго я душевно уважалъ, почиталъ и любилъ, какъ человѣка, въ немъ же *лсти нѣсть*[309]).

Между тѣмъ на ректорскомъ креслѣ все еще возсѣдалъ престарѣлый М. Т. Каченовскій, къ которому молодое поколѣніе профессоровъ питало сочувствіе. „Между профессорами", писалъ Грановскій своему покойному другу Станкевичу, „я, разумѣется, сошелся ближе всего съ молодыми, особенно съ Рѣдкинымъ и Крюковымъ. Съ этими двумя друженъ, съ прочими хорошъ... Изъ стариковъ мнѣ болѣе всего понравились Каченовскій и Перевощиковъ. Съ Давыдовымъ, Погодинымъ и пр. на тонкой галантерейности" [310]).

Между тѣмъ старинная вражда Погодина съ Каченовскимъ не только не ослабѣвала, но еще болѣе и болѣе усиливалась. Когда Рѣдкинъ предложилъ сдѣлать обѣдъ въ честь Каченовскаго, то Погодинъ отвѣчалъ ему: „что далъ бы грошъ, но онъ и гроша не стоитъ, и что такое намѣреніе считаетъ верхомъ подлости и глупости университетскаго корпуса, что почтетъ за особенную честь себѣ показать ясно начальству, студентамъ и публикѣ свое мнѣніе". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Смѣялись съ Шевыревымъ на тему Гегеля: *что дѣйствительно, то разумно*. Нѣтъ не все. Каченовскій дѣйствительный статскій совѣтникъ, но неразуменъ. Потомъ смѣялись съ Давыдовымъ нѣмецкимъ privatissime, кои заводятъ Нѣмцы, прокладывая дорогу нѣкоторымъ Русскимъ, и обманывая кругомъ слѣпого попечителя, который считаетъ себя зрячимъ" [311]).

Въ началѣ апрѣля 1840 г., Грановскій закончилъ чтеніе курса Средней Исторіи. „Прошедшую субботу", писалъ онъ, „я кончилъ свои лекціи и простился со студентами, которые

должны оставить университетъ въ маѣ. Я приготовилъ письменно нѣсколько словъ, съ которыми хотѣлъ обратиться къ нимъ, какъ съ исключительною рѣчью, но когда надо было произнести ихъ, я не въ состояніи былъ говорить, и на этотъ разъ не отъ робости, а отъ душевнаго волненія, преодолѣть которое я былъ не въ силахъ. Я поблагодарилъ за вниманіе, съ которымъ они относились къ моимъ лекціямъ, поклонился и ушелъ. Я знаю почти всѣхъ студентовъ этого курса, и мнѣ было больно разставаться съ ними навсегда. Они въ свою очередь были также растроганы. Мнѣ говорили, что у иныхъ изъ нихъ были слезы на глазахъ. Нѣсколько изъ студентовъ пришли благодарить меня „за наслажденіе, доставленное имъ моимъ курсомъ". Потомъ они приглашали меня на обѣдъ, который будетъ у нихъ. Я долженъ былъ отказаться, потому что правительство не любитъ собраній такого рода; но обѣдъ состоится безъ меня и будетъ провозглашенъ тостъ за мое здоровье. Я былъ вполнѣ счастливъ, принимая эти выраженія любви, сторицею вознаградившія меня за всѣ непріятности, которыя я испыталъ и могу еще испытать. Лучшей награды не можетъ быть для меня" [312])...

Но если Грановскій возбуждалъ такое, вполнѣ заслуженное, сочувствіе своихъ слушателей, то и Погодинъ не лишенъ былъ этого счастія. Въ доказательство приведемъ слѣдующія строки къ нему почтеннаго И. Я. Горлова: „Вы пользовались нераздѣльною любовію своихъ учениковъ, которая была далека и отъ Сандунова, не смотря на его юродливость и ослѣпительный цинизмъ, и отъ древле-ученаго, но слишкомъ подавленнаго матеріею Цвѣтаева, и отъ... Будьте увѣрены, что если вы можете опираться, то именно на насъ изъ молодого поколѣнія, которые сами полны одушевленія, и которые болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, могутъ оцѣнить энтузіазмъ и безкорыстную преданность наукѣ". Въ оправданіе этихъ строкъ И. Я. Горлова, мы можемъ привести нижеслѣдующія строки Виктора Ивановича Григоровича, не бывшаго даже ученикомъ Погодина, но по стопамъ Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго

былъ однимъ „изъ первыхъ насадителей Словеновѣдѣнія“ въ нашемъ Отечествѣ. „Вчера я былъ изумленъ“, пишетъ Григоровичъ Погодину, „самымъ пріятнымъ образомъ. Профессоръ Горловъ вручилъ мнѣ пакетъ съ книгами, доставленными вами, милостивый государь. Въ моемъ положеніи такая неожиданная благодать принадлежитъ къ случаямъ, легко увлекающимъ къ суевѣрію. Я готовъ былъ, вмѣстѣ съ фаталистами, благодарить судьбу, ниспославшую среди глухой пустыни оставленному путнику животворную манну, если бы не извѣстная ревность ваша, подарившая ученому міру столько полезныхъ твореній, не вразумила меня и эту неожиданность причислить къ весьма обыкновеннымъ явленіямъ, которыми вы, милостивый государь, не въ первый и конечно не въ послѣдній разъ заставляете признавать вашу полезную дѣятельность на поприщѣ ученомъ. Уважая въ вашихъ трудахъ рѣдкую и полезную ученость и, какъ любитель Словени, движимый чувствомъ признательности къ вамъ, воспитавшему эту любовь къ прекрасному Словенскому міру, я съ лестнымъ самоувѣреніемъ могу теперь засвидѣтельствовать, что вы не любите довольствоваться одними лишь обыкновенными средствами поощренія. Я могу смѣло сказать, что вы, милостивый государь, поощряете и дѣломъ, и словомъ. Пріятныя и полезныя книги, которыя вамъ угодно было прислать мнѣ, частію удержу у себя, частію постараюсь сообщить молодымъ Словенофиламъ, которымъ всякая Чешская книга, при настоящей рѣдкости ихъ, кажется кладомъ и дивомъ“.

Къ Погодину безпрепятственно также обращались съ своими нуждами и тѣ изъ его учениковъ, коихъ судьба забросила въ уѣздные города нашего Отечества. Такъ изъ Елатьмы, Савиничъ, писалъ ему: „Бывъ студентомъ, я имѣлъ счастіе неоднократно пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ и покровительствомъ вашимъ, незабвенный наставникъ мой, и милостиво ободрявшемъ слабыя начинанія мои въ литературѣ... Нынѣ осмѣливаюсь повергнуть на ваше разсмотрѣніе состав-

ленный мною Польско-Русскій словарь и отъ вашего покровительства и содѣйствія ожидать успѣха моему труду“ [313]).

Въ это время А. Н. Поповъ и К. Д. Кавелинъ держали экзаменъ на ученую степень. Погодинъ присутствовалъ на экзаменѣ и такъ отозвался о нихъ: „Они ребята хорошіе, особенно первый, но шарлатанства много“.

5 іюля 1840 г. вернулся въ Москву изъ чужихъ краевъ С. П. Шевыревъ, и по открытіи имъ курса Погодинъ посѣтилъ его лекцію. Не смотря на дружбу, онъ замѣтилъ, что Шевыревъ переходитъ „въ напыщенное и слѣдовательно смѣшное“. Вскорѣ послѣ этой лекціи у Шевырева былъ вечеръ, на которомъ былъ и Погодинъ. По поводу этого вечера, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеръ у Шевырева. Шарлатанъ французъ Перо, за которымъ очень глупо ухаживаютъ. Съ прискорбіемъ былъ свидѣтелемъ радикальнаго невѣжества молодыхъ нашихъ ученыхъ о Русской Исторіи“.

Самъ Грановскій, не смотря на разность убѣжденій, перешелъ изъ *тонкой галантерейности* въ болѣе простыя и даже дружескія отношенія къ Погодину и изливалъ ему свою скорбь о потерѣ друга Станкевича [314]).

LVI.

По мѣрѣ отдаленія отъ графа Строганова, Погодинъ сближался съ Уваровымъ. Въ *Автобіографической Запискѣ* своей Погодинъ наконецъ торжественно заявляетъ: „Сблизился съ Уваровымъ и очень тѣсно“ [315]). По возвращеніи Погодина изъ Петербурга, Уваровъ писалъ ему: „Благодарю васъ за письмо ваше отъ 27 февраля. Въ немъ узнаю отголосокъ вашего сочувствія. Я не скрывалъ отъ васъ, какъ и отъ всякаго русскаго, разумѣется мыслящаго, затрудненій и борьбы, сопряженныхъ съ моимъ призваніемъ; не скрывалъ и не буду скрывать, что въ минуты усталости собственное самоотверженіе не всегда является въ видѣ успѣха; но, уступая этому чувству, не уступлю никакому внѣшнему препятствію и буду до конца

идти своимъ путемъ. Мнѣ пріятно видѣть въ вашихъ строкахъ что-то идущее непосредственно *къ человѣку мимо званія*" [316]).

Въ іюнѣ 1840 г. Уваровъ посѣтилъ Москву. И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „И я, какъ вы, сегодня (3 іюня) сижу дома, а слышу, что Министръ нашъ пріѣхалъ. Гдѣ остановился и когда принимаетъ, не знаю". Въ письмѣ же отъ 15 іюня И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Прямо ступайте къ Министру, а я туда же пріѣду въ исходѣ 11-го. Тамъ вмѣстѣ потолкуемъ объ общемъ дѣлѣ. Возродить и оживить общество необходимо. Просвѣщенный и благонамѣренный Начальникъ готовъ все сдѣлать" [317]).

Вскорѣ Уваровъ уѣхалъ въ свое Порѣчье и пригласилъ туда Погодина, И. И. Давыдова и кандидата Философіи Берлинскаго Университета Ариста Аристовича Куника, о которомъ скажемъ ниже. Объ этомъ посѣщеніи имѣнія своего Министра И. И. Давыдовъ оставилъ намъ любопытное описаніе, въ которомъ истощилъ свое краснорѣчіе. „Въ тридцати пяти верстахъ, на сѣверозападъ, отъ Можайска", повѣствуетъ И. И. Давыдовъ, „недалеко отъ славнаго Бородина, при устьѣ Иночи, вливающейся въ Москву-рѣку, лежитъ село Порѣчье, принадлежащее его высокопревосходительству, г. Министру Народнаго Просвѣщенія, Сергію Семеновичу Уварову. Во всей волости душъ тысячи полторы, а земли съ строевымъ лѣсомъ тысячъ двѣнадцать десятинъ. Послѣ Можайска, нѣкогда древняго удѣла Князей Можайскихъ, а теперь небогатаго уѣзднаго города, въ которомъ съ небольшимъ пять сотъ домовъ и тысячи двѣ съ половиною жителей, проѣзжая бѣдныя и нечистыя деревушки, радуешься словно роскошному оазису, когда приближаешься къ Порѣчью. Церковь, великолѣпный господскій домъ съ флигелями, расположенный на возвышенномъ холмѣ и гордо красующійся въ свѣтлой Иночѣ, нѣсколько громадныхъ каменныхъ зданій суконной фабрики, павиліоны, проглядывающіе изъ густаго парка, красиво обстроенное село, гдѣ встрѣчаешь веселыхъ и опрятно одѣтыхъ крестьянъ, во-

кругъ обширный, старинный лѣсъ—все это издали поражаетъ путешественника, миритъ его съ прелестями сѣверной природы и манитъ къ тихимъ наслажденіямъ. Сюда Русскій вельможа, владѣлецъ Порѣчья, пріѣзжаетъ лѣтомъ для кратковременнаго отдохновенія отъ трудовъ государственныхъ.

Представьте огромное, въ два яруса каменное зданіе, съ каменными же флигелями, съ двухъ сторонъ обнесенное Іоническими колоннами, съ красивымъ бельведеромъ, господствующее надъ всѣми окрестностями, селами, деревнями, рощами, слѣва и справа опушенное паркомъ и, какъ голубою лентою, опоясанное Иночею: это господскій домъ села Порѣчья, который былъ бы красавцемъ-домомъ на лучшей улицѣ Московской! Внутреннее расположеніе его совершенно выражаетъ мысль хозяина, съ какою онъ пересоздалъ Порѣчье: онъ хотѣлъ имѣть въ немъ обитель науки и искусства и пристань отъ житейскихъ треволненій. Здѣсь вы не найдете бальныхъ залъ, обыкновенно занимающихъ большую половину домовъ, совершенно безполезныхъ въ сельскомъ отдохновеніи; но весь домъ представляетъ превосходный кабинетъ съ библіотекою: это по-истинѣ обитель науки и искусства. Безъ сомнѣнія, вы полюбуетесь и гостиными, и диванными, и столовыми въ верхнемъ и нижнемъ ярусѣ; вы найдете вверху и внизу роскошное помѣщеніе для барскаго семейства; но въ срединѣ дома, вверху, подъ свѣтлымъ бельведеромъ, главная зала—кабинетъ, соединенный съ тремя другими залами, крестообразно расположенными, въ которыхъ помѣщена библіотека... Порѣчье—не Италіанская вилла, назначенная для разныхъ забавъ и сельскихъ наслажденій подъ роскошнымъ голубымъ небомъ: скорѣе это зданіе походитъ на замки Англійскихъ лордовъ, каковы замки герцоговъ: Веллингтона, Нортумберланда, Марльборуга, Бердфорда, маркиза Стаффорда, лорда Спенсера и другихъ. Тамъ также каждое зданіе выражаетъ мысль и господствующее занятіе хозяина. Изъ Московскихъ окрестностей прекрасно село Влахернское, принадлежащее единственному въ наше время Русскому барину, во всей силѣ

этого слова, гостепріимному любимцу Москвы. Но тутъ скудна природа, и всѣ прелести приданы этому мѣсту искусствомъ и милліонами. То же самое можно сказать и о Кусковѣ, и Останкинѣ, куда нѣкогда стекалась вся Москва. Лишь только Кунцово и Архангельское могутъ равняться съ Порѣчьемъ въ живописности мѣстоположенія; но Порѣчье обширнѣе, громаднѣе, привольнѣе. Отъ того владѣлецъ предпочелъ его всѣмъ помѣстьямъ своимъ, и Пензенскимъ, гдѣ течетъ Инсара, и Саратовскимъ, на берегахъ Волги и Хопра, и Муромскому, по извѣстности своей народному, селу Карачарову, омываемому Окою.

Путешественники съ восхищеніемъ описываютъ намъ Монпелье, Гейдельбергъ, прелестные виды Швейцаріи, Тиволи; но развѣ на святой Руси нельзя наслаждаться природою, если только мы умѣемъ пользоваться благими дарами ея, какъ воспользовался просвѣщенный владѣлецъ Порѣчья?

Какія-жъ, спросятъ любители городскихъ увеселеній, пріятности, хотя и въ прекрасномъ, но отдаленномъ отъ столицы помѣстьѣ? Безъ сомнѣнія, въ наше время уже не бываетъ въ сельскомъ уединеніи шумныхъ сборищъ прошлаго столѣтія, ни кулачнаго боя, ни псовой охоты: но кто жъ изъ образованныхъ людей и пожелаетъ такого провожденія времени? Лишь только графъ Нулинъ восхищается тѣмъ, что:

Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ...

Гдѣ жъ можемъ мы углубиться въ изученіе самихъ себя и людей, насъ окружающихъ, гдѣ можемъ настроить душу нашу согласно со всею природою? Тамъ, гдѣ шепотъ густого лѣса, раскаты грома и свистъ порывистыхъ вѣтровъ становятся для насъ вразумительнѣе; тамъ, гдѣ прекрасная долина разстилается среди холмовъ и пригорковъ, или гдѣ въ ровной съ берегами рѣкѣ глядятся деревья и небесная лазурь—гдѣ въ ясный день, въ густой тѣни душистой липы или развѣсистаго тополя, сидишь вдвоемъ съ любимымъ

писателемъ, и только слышишь щебетанье птичекъ, шелестъ листьевъ, журчанье рѣки, и какой-то особенный говоръ безлюдной природы! Тамъ-то пробуждаются въ глубинѣ сердца сладостные порывы ко всему истинному, благому и изящному, духъ исполняется Божіимъ всемогуществомъ и благостью, душа очищается, возвышается, наслаждается самодовольствомъ.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ,
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно минувшаго внимаетъ“ [318]).

Не долго Погодину и его товарищамъ пришлось наслаждаться этимъ прекраснымъ уединеніемъ. 24 іюля 1840 года Уваровъ уже писалъ Погодину изъ Петербурга: „Скажите отъ меня поклонъ И. И. Давыдову и Кунику; вамъ и имъ обязанъ я за пріятныя минуты, проведенныя въ Порѣчьѣ. Это *оазисъ* въ шумной моей жизни. Въ началѣ будущаго мѣсяца буду на берегахъ Вислы“.

Въ началѣ августа 1840 г. открылся Варшавскій учебный округъ. Уваровъ „по дѣламъ службы“ отправился въ Варшаву, гдѣ „имѣлъ счастіе представлять Государю Польское юношество съ новыми надеждами и въ новомъ видѣ“. Но и на берегахъ Вислы Уваровъ не забывалъ любезнаго своего Порѣчья. „Истекающее лѣто“, писалъ онъ Погодину, „останется для меня всегда памятнымъ: часть онаго, хоть небольшую, провелъ я съ вами и съ другими единомыслящими, на берегахъ Иночи, въ любимомъ Порѣчьѣ, подъ роднымъ небомъ“ [319]). О пребываніи Министра въ Варшавѣ Павлищевъ писалъ Погодину: „Сергѣй Семеновичъ лично объяснилъ намъ свою систему: стоитъ только строго держаться его предначертаній, чтобы выйти на большую дорогу. Цѣль его та же, что и Сергѣя Павловича Шипова, съ тою разницею, что послѣдній слишкомъ явно обнаружилъ ее. Нельзя однако не пожалѣть, что Сергѣй Павловичъ съ нами разстался: вы знаете его чистую, Русскую душу, его прекрасные помыслы о благѣ нашего Отечества. Если онъ ни въ чемъ не успѣлъ, то виною

не столько онъ самъ, сколько люди и обстоятельства. Мнѣ кажется, что Царь не оставитъ его безъ мѣста" [320]).

Изъ Варшавы Уваровъ совершилъ небольшое путешествіе по Европѣ. „Наконецъ я на берегахъ Эльбы", писалъ онъ Погодину, „восхищался Мадонною, прелестями природы, остроуміемъ Тика, читавшаго мнѣ каждый вечеръ Шекспира, въ Лейпцигѣ бесѣдовалъ съ Германомъ; все смотрѣлъ, былъ вездѣ, не забывая музыки Мейербера, превосходно пѣтой г-жею Девріентъ, осматривалъ школы, и потомъ какимъ-то чародѣйствомъ опять нахожусь въ Варшавѣ, чтобы, введя окончательно уставъ для училищъ Царства, ѣхать въ Кіевъ и окинуть глазомъ великолѣпное зданіе Университета и самый составъ онаго. Конецъ моимъ странствованіямъ положу въ обширномъ Петербургскомъ кабинетѣ, гдѣ мы съ вами неоднократно мѣнялись мыслями" [321]).

Въ Кіевѣ Уваровъ заболѣлъ, и это очень безпокоило Погодина. „Что ты", писалъ онъ Максимовичу, „не написалъ ни слова о здоровьѣ Сергія Семеновича? Чѣмъ онъ боленъ"? [322]). Не довольствуясь вопросомъ, сдѣланнымъ Максимовичу, Погодинъ обратился за справкою о здоровьѣ Министра къ правителю его канцеляріи, когда Министръ уже былъ въ Петербургѣ. Новосильскій отвѣчалъ: „По порученію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, имѣю честь увѣдомить васъ, что онъ возвратился въ С. Петербургъ 12 ноября не совершенно здоровымъ. Болѣзнь его—слѣдствіе большихъ и скорыхъ переѣздовъ, не имѣетъ однако ничего важнаго и требуетъ только нѣкотораго отдохновенія" [323]).

Наконецъ Погодинъ получаетъ письмо отъ самого Министра, который отъ 30 ноября 1840 писалъ ему: „Благодарю васъ за ваши строки отъ 26. Въ Кіевѣ былъ я тяжко болѣнъ, и дорогою сюда возобновились припадки ревматизма и гемороидовъ. Теперь, слава Богу, почти здоровъ, но еще сижу дома, что не мѣшаетъ мнѣ заниматься дѣлами, и не лишаетъ меня пріятнаго чувства, что опасность, грозившая моему здоровью, возбудила участіе людей, коихъ люблю и уважаю. Вы принад-

лежите, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, къ сему числу. Если не увижу васъ зимою, то заранѣе приглашаю въ Порѣчье будущимъ лѣтомъ, если опять возчувствую себя въ силахъ наслаждаться природою, художествами и наукою" [324]).

LVII.

Своею близостью къ Уварову Погодинъ пользовался не эгоистически. Эта близость дала ему возможность быть полезнымъ своимъ ученикамъ, въ которыхъ онъ провидѣлъ способныхъ и вѣрныхъ слугъ Царю и Отечеству.

Въ 1840 году въ Московскомъ Университетѣ окончили курсъ два любимые ученика Погодина—Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ и Николай Васильевичъ Калачовъ. Оба они, коренные русскіе, не принадлежа ни къ Западникамъ, ни къ Славянофиламъ, посвятили свои дарованія и жизнь изученію источниковъ Русской Исторіи и въ продолженіе жизни наставника своего не прерывали съ нимъ самыхъ дружескихъ отношеній.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода Ярославской губерніи, родился 15 декабря 1818 года въ г. Фридрихсгамѣ, гдѣ въ то время стояла 21-я артиллерійская бригада, въ которой служилъ офицеромъ отецъ его, Ѳедоръ Николаевичъ *), и дѣтство свое провелъ въ Финляндіи. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, Бычковъ въ 1833 году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ Высшихъ Наукъ Училищѣ въ Ярославлѣ. Вскорѣ училище это было преобразовано въ Лицей, и въ 1834 году благородный пансіонъ присоединенъ къ Ярославской гимназіи, куда и были переведены воспитанники пансіона. Въ 1836 году Аѳанасій Ѳедоровичъ съ успѣхомъ кончилъ ученіе въ гимназіи, при чемъ имя его, какъ отличнѣйшаго ученика, занесено на золотую доску.

---

*) Скончался въ 1883 году, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ г. Рыбинскѣ отставнымъ артиллеріи генералъ-лейтенантомъ.

Будучи гимназистомъ, Бычковъ ѣздилъ иногда лѣтомъ къ своей родной теткѣ, Аннѣ Николаевнѣ Владыкиной, имѣніе которой находилось недалеко отъ Погодинскаго Сѣркова. Погодинъ бывалъ иногда у Владыкиныхъ, гдѣ юноша Бычковъ и познакомился съ своимъ будущимъ профессоромъ. По совѣту Погодина, Бычковъ рѣшился, по окончаніи гимназическаго курса, поступить не въ Демидовскій Лицей, а въ Московскій Университетъ, куда давно не шли воспитанники Ярославской гимназіи.

Въ Университетъ Бычковъ поступилъ въ 1836 году на 1-е отдѣленіе философскаго факультета, что нынѣ историко-филологическій. По совѣту Погодина, родные помѣстили Бычкова на жительство къ пастору Зедергольму, прекрасной, свѣтлой личности. Въ Университетѣ Бычковъ особенно усердно слушалъ лекціи по Исторіи, которыя читали профессора Крюковъ, Погодинъ и Грановскій. Во время студенчества, Бычковъ часто бывалъ у Погодина, у котораго приходилось ему, вмѣстѣ съ другими товарищами, работать надъ старинными Русскими рукописями. На второмъ курсѣ Погодинъ предложилъ Бычкову составить указатель къ сочиненію Арцыбашева: *Повѣствованіе о Россіи*, напечатанный въ 1838 г. при второмъ томѣ труда Арцыбашева. На третьемъ курсѣ, въ 1839 г., Бычковъ за написанную имъ диссертацію на тему *О вліяніи внѣшней природы на народъ и государство* удостоенъ отъ Университета серебряной медали.

Университетскій курсъ Бычковъ, какъ мы уже сказали, кончилъ въ 1840 году, со степенью кандидата, и затѣмъ думалъ держать экзаменъ на степень магистра по Русской Исторіи и посвятить себя профессорской дѣятельности въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ обратилъ на себя вниманіе попечителя учебнаго округа графа С. Г. Строганова, который приглашалъ его остаться при Университетѣ готовиться на магистра. Но судьба, какъ увидимъ ниже, рѣшила иначе.

Другой любимый ученикъ Погодина и товарищъ Бычкова, Николай Васильевичъ Калачовъ, родился въ домѣ дѣда сво-

его, селѣ Алексинѣ, Владимірской губерніи Юрьево-Польскаго уѣзда, 26 мая 1819 года.

Родъ Калачовыхъ ведетъ свое начало отъ дьяка Земскаго Приказа Посника Калачова. Отецъ Н. В. Калачова, Василій Андреевичъ, былъ предводителемъ Дворянства Юрьевскаго уѣзда. Большую часть жизни своей провелъ онъ въ родовомъ имѣніи своемъ Владимірской губерніи Юрьево-Польскаго уѣзда, въ сельцѣ Вескѣ. Здѣсь юный Калачовъ прожилъ почти все свое дѣтство. Здѣсь получилъ и первоначальное образованіе подъ бдительнымъ надзоромъ родителей, при пособіи иностранныхъ наставниковъ, которые постоянно жили въ домѣ. Въ 1833 году Калачова помѣстили въ Московскій Дворянскій Институтъ. Здѣсь, подъ руководствомъ В. С. Межевича, Калачовъ съ особенною любовью занимался Отечественною Словесностью. По желанію отца, Калачовъ, по окончаніи курса въ Дворянскомъ Институтѣ, въ 1836 году, поступилъ въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета. Основательное преподаваніе наукъ юридическихъ и историческихъ въ Московскомъ Университетѣ вызвало въ Калачовѣ рѣшительную наклонность къ историко-юридическимъ занятіямъ, которымъ онъ и посвятилъ себя [325]).

Между тѣмъ, въ іюнѣ 1840 года, С. С. Уваровъ, въ Москвѣ, просилъ Погодина рекомендовать ему, для службы въ Археографической Коммисіи, молодыхъ людей, спеціально занимающихся Русскою Исторіею. Погодинъ указалъ Министру на А. Ѳ. Бычкова и Н. В. Калачова. Вотъ что̀ писалъ по этому поводу Погодинъ, 27 іюня 1840 года, Аѳанасію Ѳедоровичу, гостившему въ то время у своей тетки: „Главное вотъ въ чемъ: Министръ просилъ меня рекомендовать ему кандидатовъ, занимающихся преимущественно Россійскою исторіею. Я назвалъ васъ и Калачова. Онъ предлагаетъ вамъ службу, жалованье и мѣсто въ Археографической Коммисіи у источниковъ Россійской Исторіи. Случай счастливѣйшій! Вы можете оттуда держать экзаменъ на магистра еще удобнѣе и получить въ свое время адъюнктское

мѣсто. Такъ онъ обѣщалъ, и хочетъ васъ видѣть непремѣнно. Вы должны быть въ Москвѣ на той недѣлѣ въ началѣ. Я ѣду теперь къ нему въ деревню". 7 іюля А. Ѳ. Бычковъ подалъ прошеніе Министру „объ опредѣленіи его въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія для занятій въ Археографической Коммисіи".

Исполненный чувствъ благодарности, Бычковъ писалъ Погодину: „Еще большую благодарность приношу вамъ, моему наставнику и руководителю въ дѣлѣ просвѣщенія, за то вниманіе и хлопоты, которыми вы сопроводили мой выходъ изъ Университета. Надѣюсь, съ помощью Божіею, оправдать вполнѣ то доброе мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете, и своими посильными трудами на поприщѣ науки заслужить ваше лестное для меня вниманіе. Съ нетерпѣніемъ ожидаю бумаги изъ Петербурга о моемъ опредѣленіи къ мѣсту; Министръ обѣщалъ тотчасъ по своемъ пріѣздѣ туда распорядиться касательно насъ. Теперь же до этого времени тружусь надъ разборомъ свитковъ и столбцовъ и такимъ образомъ приготовляю себя на дѣло, которое меня ожидаетъ. Если корректура Исландской Саги васъ затрудняетъ, то въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги. По отпечатаніи всѣхъ листовъ, вы можете переслать ихъ ко мнѣ въ Рыбинскъ".

Не задолго до отъѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, Бычковъ вмѣстѣ съ Калачовымъ получили слѣдующее напутственное письмо отъ Погодина: „Благословляю васъ паки, молодые друзья мои, во имя преподобнаго Нестора, Шлецера и Карамзина. Берегитесь отъ закваски фарисейской. Будьте чисты и мудры. Работайте Господеви со страхомъ и трепетомъ. Венеціанскій служебникъ берегите пуще глазу, отдайте г. Загряжскому, а меня увѣдомьте. Письма прошу развезти".

Въ концѣ іюля 1840 года наши юные археографы прибыли въ Петербургъ и вступили въ святилище Археографической Коммисіи, и Коркуновъ увѣдомлялъ Погодина: „Вы часто и многимъ изъ воспитанниковъ Московскаго Университета оказывали свое содѣйствіе въ пріисканіи частныхъ мѣстъ

и при опредѣленіи въ должности, и я думаю, что вы любите дѣлать добро. Сергѣй Семеновичъ передалъ въ Коммисію просьбы двухъ кандидатовъ Московскаго Университета, Бычкова и Калачова".

По прибытіи въ Петербургъ, Бычковъ писалъ Погодину: „Первымъ долгомъ почитаю оправдаться передъ вами касательно *Служебника*; вина долгаго его недоставленія къ Кастерину вовсе не лежитъ на мнѣ. *Служебникъ* былъ приложенъ при письмѣ, адресованномъ на имя Загряжскаго, которые, т. е. *служебникъ* и письмо, я доставилъ ему въ первые дни моего прибытія въ Петербургъ; почему же отъ Загряжскаго письмо съ *Служебникомъ* не было передано г. Сахарову, я въ этомъ отчета вамъ дать не могу.

„Я приношу вамъ искреннюю благодарность за рекомендательныя письма, которыми вы меня снабдили къ Шегрену и Сербиновичу. Обласканный ими, по вашей рекомендаціи, въ первомъ моемъ съ ними свиданіи, я надѣюсь оправдать ваше лестное ко мнѣ вниманіе, а вмѣстѣ съ этимъ употребить съ пользою свободное время на занятія и бесѣду съ ними.

„Я беру смѣлость утрудить ваше вниманіе нѣкоторыми подробностями о самомъ себѣ и о ходѣ дѣлъ въ Археографической Коммисіи. Явившись на службу, я былъ принятъ съ обязательнымъ вниманіемъ отъ директора и гг. Бередникова и Григоровича; черезъ недѣлю послѣ моего прибытія въ Петербургъ, состоялся протоколъ объ опредѣленіи меня чиновникомъ въ Коммисію съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ; занятія въ ней, начинающіяся съ 11 и продолжающіяся до 3 часовъ, отнимаютъ почти совершенно время на посѣщеніе сокровищницы знанія, Императорской Публичной Библіотеки, въ которой хранятся любопытныя книги на Итальянскомъ языкѣ: первая о Лжедмитріи, относящаяся къ *1624* году; вторая, переводъ на Итальянскій Герберштейна, съ приложеніемъ переводчика о состояніи Россіи, и третья, о дѣлахъ Поляковъ въ Россіи; вотъ уже третья недѣля, какъ я тщетно ихъ добиваюсь. Работа пока для меня довольно механическая: она

состояла въ перепискѣ свитковъ, присланныхъ въ Коммисію изъ Верхотурья, которые, какъ источники для Исторіи Россіи, не слишкомъ важны, но характеризируютъ за то Сибирь, и по перепискѣ всѣхъ ихъ, по всей вѣроятности, образуютъ изъ себя картину полную, живую состоянія края въ царствованія Михаила, Алексѣя и Петра съ Іоанномъ... Въ настоящее время занимаемся перепискою актовъ Тульскихъ и Каширскихъ. Одинъ актъ мнѣ показался довольно замѣчательнымъ по своему намеку о мѣстничествѣ. Припомнивъ ваши лекціи, гдѣ вы условно говорили о старшинствѣ между собою городовъ, я выписалъ изъ этого акта, принадлежащаго ко времени Іоанна и Петра, слѣдующее мѣсто: „если бояре, дѣти боярскія, стольники, люди Московскіе всякихъ чиновъ не станутъ на службу царскую въ извѣстный назначенный срокъ, то тѣмъ за то ихъ огурство отъ насъ великихъ государей быть въ великой опалѣ и *Московскихъ чиновъ люди написаны будутъ съ городомъ* по Дѣдилову безповоротно“. Изъ этого мѣста можно даже подумать, что мѣстничество и при Петрѣ не было съ корнемъ вырвано изъ почвы Россіи. Дѣятельность Коммисіи довольно живая. На-дняхъ я былъ въ Университетѣ: познакомился съ Куторгами и Шульгинымъ. Какъ Куторга-историкъ, такъ и Шульгинъ интересовались вами. Шульгинъ спрашивалъ о III-мъ томѣ Арцыбашева. Нельзя ли вамъ будетъ дать мнѣ письмо къ Востокову, черезъ которое я могъ бы войти съ нимъ въ ближайшія соотношенія. Сношенія съ такими людьми, какъ Востоковъ, много помогаютъ человѣку, желающему заниматься. Позвольте мнѣ, Михаилъ Петровичъ, надѣяться, что вы, не оставивъ меня вашимъ поучительнымъ руководствомъ въ моей студенческой жизни, въ моемъ опредѣленіи на службу, не лишите вашихъ совѣтовъ и наставленій въ настоящее время, которые я всегда буду принимать, какъ залогъ духовнаго родства между преподавателемъ и ученикомъ“.

Къ М. С. Куторгѣ Бычковъ обратился съ слѣдующимъ рекомендательнымъ письмомъ отъ профессора Д. Л. Крюкова,

который былъ товарищемъ Куторгѣ по Дерптскому Профессорскому Институту: „Податель сего письма есть кандидатъ Бычковъ, кончившій курсъ у насъ, прекрасный молодой человѣкъ, исполненный ревности къ Историческимъ Наукамъ. Такъ какъ его служеніе въ Археографической Коммисіи привязываетъ его къ Петербургу, то онъ желалъ, чтобы въ этой огромной степи имѣть хотя одинъ пріютъ и я съ удовольствіемъ знакомлю его съ тобою. Его главный предметъ есть Русская Исторія, и ты найдешь въ немъ человѣка, имѣющаго въ ней замѣчательныя познанія. Будь ему полезенъ учеными пособіями, которыя такъ трудно отворяются у васъ въ Петербургѣ“ [326]).

Въ это время Археографическая Коммисія издала замѣчательное сочиненіе Котошихина *О Россіи при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ*. „Чтеніе сочиненія Котошихина“, писалъ П. М. Строевъ, „доставило мнѣ несказанное услажденіе. Будучи коротко знакомъ съ этимъ періодомъ, по оставшимся дѣламъ тогдашнихъ приказовъ, особенно Посольскаго, могу сказать не обинуясь, что эта книга сколько *любопытна*, столько же и *вѣрна*, и даже очень *вѣрна*, въ томъ, чтó касается до государственнаго управленія; есть мѣста истинно классическія. Котошихинъ былъ человѣкъ, какъ видно, умный и притомъ *добросовѣстный* писатель; лжи умышленной я не замѣтилъ нигдѣ. Теперь остается будущимъ историкамъ воспользоваться этою книгою *какъ должно*, но напередъ необходимо запастись обширными свѣдѣніями изъ дѣлъ архивскихъ всякаго рода, безъ чего многія мѣста остаются почти не вразумительны“ [327]). Въ свою очередь Бычковъ, посылая Погодину экземпляръ Котошихина, писалъ ему: „Порадуйтесь этому дорогому гостю, источнику новому для Отечественной Исторіи, гдѣ такъ полно и живо изображена Россія того времени въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Два, три подобныхъ сочиненія для временъ, предшествовавшихъ этому царствованію, позволили бы исторической критикѣ реставрировать и времена первобытныя при всей бѣдности источниковъ“.

Но самъ Погодинъ, какъ мы увидимъ ниже, имѣлъ о Котошихинѣ особое мнѣніе.

Другой ученикъ Погодина и товарищъ Бычкова, Н. В. Калачевъ, по водвореніи своемъ въ Петербургѣ, тоже откликнулся своему учителю: „Передъ отъѣздомъ изъ Москвы“, писалъ онъ Погодину, „я обѣщался писать къ вамъ; вступивъ въ должность и совершенно устроясь въ Петербургѣ, я спѣшу исполнить мое обѣщаніе. Прежде всего, милостивый государь, примите мою чувствительпую благодарность за отличное мѣсто, которое вы мнѣ доставили. Желая постоянно заниматься Русской Исторіей, я бы, безъ сомнѣнія, ие могъ найти мѣста болѣе удобнаго для моихъ любимыхъ занятій. Правда, что наша дѣятельность въ Коммиссіи ограничивается до сихъ поръ переписываніемъ грамотъ и лѣтописей, но въ этомъ, повидимому, скучномъ трудѣ, попадаются иногда драгоцѣнные матеріалы для Исторіи Русской вообще и особенно для Исторіи Русскаго Права. Я занимаюсь теперь усердно тѣмъ и другимъ предметомъ. Вотъ краткій отчетъ моихъ занятій. Изучивъ, отчасти еще въ Москвѣ, древнѣйшій періодъ Русской Исторіи и Русскую Правду, я принялся теперь за періодъ удѣловъ: мое главное вниманіе устремлено на изученіе юридическаго быта Россіи въ пространство времени отъ изданія Русской Правды до изданія Судебника, но по тѣсной связи памятниковъ юридическихъ съ памятниками историческими, я занимаюсь періодомъ удѣловъ, какъ въ отношеніи юридическомъ, такъ и чисто историческомъ. Кромѣ того, изучаю историческіе акты, которые должны быть вскорѣ изданы Коммиссіей и которые особенно важпы для юриста по помѣщеннымъ въ нихъ дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику. Остальное время посвящаю занятіямъ чисто юридическимъ, готовясь къ экзамену на магистра юридическаго факультета цо гдажданскому праву, и хожу въ Публичную Библіотеку: здѣсь я нашелъ нѣкоторыя любопытныя сочиненія для Русской Исторіи на Италіанскомъ языкѣ, но до сихъ поръ могъ получить только сочиненіе Чилли (Cilli): *Historia di Moscovia,*

на которое раза два ссылается Карамзинъ и которое еще до сихъ поръ не переведено, хотя очень любопытно. Я готовъ взять на себя трудъ перевести эту книгу, но желалъ бы прежде знать о томъ ваше мнѣніе. Изъ другихъ замѣчательныхъ книгъ можно особенно указать на Италіанскую легенду Бизаччіони (Bisacioni) о Димитріи Самозванцѣ, но которой я, не смотря на всѣ старанія, еще до сихъ поръ не могъ получить.

Пріѣхавшій на-дняхъ въ Петербургъ товарищъ мой Шумахеръ *) сказывалъ мнѣ, что профессора юридическаго факультета думаютъ учредить особую каѳедру Русской Исторіи для юридическаго факультета и, разсуждая о профессорѣ для этой каѳедры, вспомнили обо мнѣ. Вы мнѣ неоднократно указывали на эту цѣль; смѣю надѣяться, что если предположеніе профессоровъ будетъ утверждено графомъ Строгановымъ, то при выборѣ профессора для этой каѳедры вы подадите голосъ въ мою пользу. Что касается до меня, то я почту себя вполнѣ счастливымъ, если чѣмъ нибудь могу быть для васъ полезнымъ въ Петербургѣ“ [328]).

Одновременно съ Бычковымъ и Калачовымъ выступилъ на поприще наукъ и Аристъ Аристовичъ Куникъ, тоже обязанный на первыхъ порахъ покровительству Погодина и тоже до конца жизни Погодина сохранившій съ нимъ дружелюбныя сношенія.

А. А. Куникъ родился 2 октября 1814 года, въ Прусской Силезіи, въ городѣ Лигницѣ. По окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ со степенью кандидата Философіи, Куникъ въ 1839 году пріѣхалъ въ Москву и тамъ обратилъ на себя вниманіе Погодина своею „необыкновенною дѣятельностью, обширными и многосторонними учеными свѣдѣніями и счастливымъ даромъ критики“. Оцѣня въ Куникѣ эти качества, Погодинъ писалъ Уварову: „Въ Москвѣ живетъ теперь молодой нѣмецъ Куникъ, изъ Пруссіи, который пріѣхалъ нарочно изучать Русскую Исторію, какъ изучалъ онъ

*) Александръ Даниловичъ, нынѣ сенаторъ перваго департамента.

уже другія Словенскія, съ цѣлію передать потомъ Нѣмецкой публикѣ вѣрныя извѣстія о всѣхъ Словенскихъ племенахъ и ихъ литературахъ, предложить важнѣйшія сочиненія въ извлеченіяхъ. Этотъ г. Куникъ показался мнѣ съ перваго взгляда искренно любознательнымъ ученымъ, и я, не изслѣдуя впрочемъ его образа мыслей, пригласилъ его жить къ себѣ, чтобъ руководствовать надлежащимъ и полезнымъ для Россіи образомъ къ изученію Русской Исторіи, и полагаю, что имъ можно воспользоваться для сообщенія через него въ Нѣмецкіе журналы вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи" [329]).

Вскорѣ Погодинъ доставилъ Кунику личное знакомство съ Уваровымъ и мы его уже видѣли въ числѣ гостей Порѣчья.

На первыхъ же порахъ Куникъ проявилъ громадное трудолюбіе. Въ это время вышла въ Кіевѣ знаменитая *Энциклопедія Законовѣдѣнія* Неволина, и Куникъ перевелъ все это сочиненіе на Нѣмецкій языкъ. „Нельзя не удивляться", замѣчаетъ Погодинъ, „геройской неустрашимости, съ какою Куникъ совершилъ этотъ подвигъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбѣ Погодина, онъ написалъ рецензію на это сочиненіе, въ которой между прочимъ читаемъ: „Нынѣ Русскіе пишутъ и часто говорятъ, что уже настало для нихъ время дѣлать завоеванія въ царствѣ наукъ. Они объявляютъ притязаніе на соревнованіе съ другими народами, хотятъ не только учиться и передавать Русскому суду всѣ сокровища образованности, но желаютъ творить сами новое и высшее, чтобы изумить и даже учить другіе народы. Да, они желаютъ этого, но, еще не приступая къ дѣлу, уже начинаютъ отдыхать!.. Довольно долго отдыхали они, напримѣръ, чтобы приняться за одну часть своей работы—за науку Права. Неужели нѣтъ еще Русской Юриспруденціи?—Если отвѣчать откровенно, то должно сказать, что нѣтъ. Они только еще начали искать источниковъ своего права, перелистывать ихъ и дѣлать оглавленіе. Но кто же былъ бы въ состояніи у нихъ создать науку Права? Профессоры говорятъ, что они слишкомъ заняты приготовленіемъ къ лекціямъ, а практическіе юристы воображаютъ себѣ, что

наука мѣшаетъ практикѣ. И потому неудивительно, что Нѣмцы, которымъ много стоитъ труда изучить Русскій языкъ, первые принялись за сочиненія объ Исторіи Русскаго права. Русскимъ было досадно это до такой степени, что они медлили переводить эти сочиненія около десяти лѣтъ, даже и теперь они не рѣшаются исправить и совершенствоватъ первые опыты Нѣмцевъ. Но, можетъ быть, Русскіе медлили положить основу Русской Юриспруденціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, потому что хотѣли обдумать, не лучше ли было бы изучать вмѣсто одного Русскаго права права всѣхъ другихъ народовъ, вмѣстѣ съ Исторіею Философіи Права. Кажется, работа по части одного Русскаго права имъ показалась слишкомъ малою. Можетъ статься, они еще не знаютъ, на что отваживаются, судя по тому, что сами Нѣмцы не принялись вполнѣ за этотъ исполинскій трудъ. Но Русскимъ было бы стыдно робѣть; они народъ предпріимчивый, желающій перестать быть болѣе учениками, и встать наконецъ на степень учителя. Это ихъ намѣреніе можно видѣть ясно въ сочиненіи г. Неволина, за которымъ послѣдуютъ вѣрно много другихъ умныхъ и основательныхъ произведеній по части Юриспруденціи“ [330]).

Во время пребыванія своего къ Москвѣ, Куникъ старался изучать Русскую Исторію и знакомиться съ Русскою Литературою. Кромѣ *Энциклопедіи* Неволина онъ перевелъ *Словенскую Миѳологію* Касторскаго и разныя другія изслѣдованія по Исторіи, Филологіи, Юриспруденціи. Собралъ множество матеріаловъ для Исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Польши, для полной *Исторической Библіографіи на всѣхъ Словенскихъ нарѣчіяхъ*. „Каково трудолюбіе!“, восклицалъ по этому поводу Погодинъ. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы Куникъ употребилъ эти свѣдѣнія „съ пользою и безпристрастіемъ“.

LVIII.

По вступленіи Грановскаго на каѳедру Всеобщей Исторіи, Погодинъ исключительно посвятилъ себя любимому своему предмету, Русской Исторіи.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, Погодинъ съ октября 1839 года началъ чтеніе лекцій и въ теченіе академическаго 1839—1840 года преподавалъ Русскую Исторію съ древнѣйшихъ временъ до нашествія Монголовъ студентамъ 1-го отдѣленія Философскаго факультета 3-го курса и Юридическаго факультета 2-го курса. Сверхъ того онъ преподавалъ студентамъ 4-го курса 1-го отдѣленія Философскаго факультета Исторію отъ Іоанна III до послѣдняго времени [331]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ 1839 года, Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ своего *Нестора*, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей (М. 1839) и посвятилъ его Шафарику „въ знакъ глубочайшаго почитанія, искреннѣйшей дружбы". Императорская Академія Наукъ увѣнчала *Нестора* полною Демидовскою премісю, и знаменитый Кругъ въ донесеніи своемъ объ этой книгѣ замѣчаетъ, между прочимъ, „что прежде у историковъ Несторова Лѣтопись считалась первобытнымъ источникомъ и краеугольнымъ камнемъ Русской Исторіи, и, опираясь на нее, они предполагали подлинность ея не подверженною ни малѣйшему сомнѣнію. Но въ новѣйшее время возникло нѣсколько голосовъ, оспаривающихъ эту подлинность. Конечно, всякъ согласится, что человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ остроуміемъ, можетъ на любой предметъ навести сумракъ недоумѣнія. Такъ и въ подкрѣпленіе этого новаго взгляда приведены были разные доводы, иногда довольно ослѣпительные, которые хотя по ближайшемъ разсмотрѣніи и оказывались неосновательными, но за всѣмъ тѣмъ—какъ и всегда бываетъ съ новыми мнѣніями—находили многихъ приверженцевъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣлахъ, до высшей исторической критики касающихся, не много найдется такихъ мужей, которые были бы въ состояніи

и обладали бы нужными свѣдѣніями, чтобы судить безпристрастно о дѣльности или неосновательности доводовъ, или захотѣли бы только употребить время на разсмотрѣніе предмета со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе этого-то новаго воззрѣнія родились самые нелѣпые толки о древнѣйшей Русской Исторіи, которые многихъ неопытныхъ ввели въ совершенное заблужденіе, такъ что настояла необходимость упрочить подлинность Несторовой Лѣтописи на неоспоримыхъ доводахъ и высказать всю ложность возводимыхъ на нее сомнѣній. Впрочемъ и безъ этого повода неминуемо было, рано или поздно, доказать учеными доводами достовѣрность Лѣтописца, служащаго основаніемъ Русской Исторіи, какъ то сдѣлано и въ другихъ литературахъ относительно къ подобнымъ важнымъ письменнымъ документамъ“. Сію-то обязанность принялъ на себя Погодинъ и выполнилъ ее, по мнѣнію Круга, „весьма удовлетворительно, остроумно и отчетисто. Въ доказательство правдивости древнѣйшихъ Русскихъ источниковъ и вмѣстѣ Несторовой Лѣтописи, Погодинъ приводитъ значительное число хронологически расположенныхъ мѣстъ иностранныхъ историковъ IX, X и XI вѣка, которые всѣ, бывъ современниками или даже очевидцами повѣствуемыхъ Несторомъ событій, подтверждаютъ оныя самымъ разительнымъ образомъ. За симъ слѣдуютъ доказательства, что эта Лѣтопись была сочинена въ Кіевѣ, именно въ исходѣ XI и въ началѣ XII вѣка, и что сочинителемъ ея былъ не кто иной, какъ монахъ Несторъ. Далѣе Погодинъ приводитъ неоспоримые и отчасти новые доводы, удостовѣряющіе, что Несторова Лѣтопись, за изъятіемъ немногихъ только вставокъ, дошла до насъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ была впервые написана, и что Несторъ засталъ въ свое время письменныя историческія свѣдѣнія, которыя и включилъ въ свою болѣе подробную лѣтопись. Ученый авторъ весьма убѣдительно защищаетъ часто оспариваемую подлинность договора Олега, Игоря и Святослава съ Греками, присоединяя свои собственныя замѣчанія, долженствующія возбудить любопытство Русскихъ правовѣдцевъ; онъ пред-

лагаетъ опытъ разбора *Несторовой* Лѣтописи, который можетъ принести несомнѣнную пользу начинающимъ критикамъ, разсуждаетъ весьма дѣльно о сказкахъ или сказаніяхъ въ нашей Лѣтописи и наконецъ, въ послѣдней, девятой главѣ, вѣроятно, стоившей ему наиболѣе труда, представляетъ рѣшительныя доказательства въ пользу истины *Несторовыхъ* повѣствованій, выведенныя, во 1-хъ, изъ сличенія съ показаніями другихъ современныхъ ему или по крайней мѣрѣ близкихъ Русскихъ писателей, на которыхъ доселѣ или мало или вовсе не было обращаемо вниманія, и, во 2-хъ, изъ сличенія съ современными иностранными авторами. „Если", какъ замѣчаетъ Кругъ, „авторъ и опустилъ нѣкоторые важные доводы, которые могли бы сильно подкрѣпить защищаемыя имъ положенія, то это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что онъ намѣренъ, какъ видно, порознь разобрать и опровергнуть напечатанныя въ разныхъ журналахъ статьи приверженцевъ новаго мнѣнія. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что трудъ Погодина, предпринятый согласно съ требованіемъ времени, исполненъ тщательно, ревностно и съ большимъ остроуміемъ. Онъ важенъ особенно и въ томъ отношеніи, что Погодинъ первый изъ Русскихъ писателей предложилъ себѣ задачею озарить предметъ свой свѣтильникомъ основательной исторической критики, и что вообще задача эта рѣшена имъ весьма удовлетворительно, а посему книга его, какъ плодъ глубокаго и умнаго мышленія, заслуживаетъ полную Демидовскую премію" [332]).

По отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина, „это сочиненіе, по стройности построенія, по полнотѣ матеріала—самое лучшее изъ всѣхъ научныхъ сочиненій Погодина; въ особенности чрезвычайно остроумно возстановленіе древней исторіи въ главныхъ чертахъ, безъ помощи первоначальной лѣтописи, на основаніи иноземныхъ источниковъ, которые приводятъ въ необходимость вполнѣ признать лѣтопись произведеніемъ XI вѣка. Это было полною побѣдою надъ скептиками, и наука приняла окончательно всѣ основные выводы этого сочиненія, хотя частности его подвергались и подвергаются опроверженію; но

даже тѣ самые, которые не признаютъ ни цѣлостности первобытной лѣтописи, ни принадлежности ея Нестору, сознаются однако, что *Несторъ* Погодина—мастерское критическое изслѣдованіе, и соглашаются съ нимъ въ основѣ“ [333]).

Успѣхъ этого сочиненія возбудилъ въ Погодинѣ давнишнюю мечту его объ историографствѣ, и онъ даже вздумалъ хлопотать объ этомъ чрезъ князя А. Н. Голицына; но Загряжскій возсталъ противъ этого способа ходатайства. „Князь А. Н. Голицынъ говоритъ“, писалъ онъ Погодину, „что не только онъ не можетъ принести въ этомъ дѣлѣ какой-либо пользы, но если вмѣшается, то будетъ вредъ. Государь не любитъ, чтобы кто впутывался въ чужія дѣла, а Уваровъ если узнаетъ, что мимо его хотѣли что-либо сдѣлать по его части, то достаточно, чтобы онъ навсегда дѣлалъ тебѣ всякія пакости. Безъ Уварова ни въ какомъ случаѣ нельзя. Государь теперь болѣе нежели когда имѣетъ къ нему довѣріе. Вотъ тебѣ мой совѣтъ, который одобрилъ князь: пріѣхать сюда на святки, за Уваровымъ немного поволочиться, и потомъ предложить себя на работу. Пусть и Строгановъ съ своей стороны тебя рекомендуетъ“ [334]).

Академія Наукъ, присудивъ полную Демидовскую премію, въ заключеніи своего *Отчета* замѣтила, что она „съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ Публичныхъ Вѣдомостей, что случайно въ то же время Россійская Академія удостоила награды книгу подобнаго содержанія подъ заглавіемъ: *Оборона Несторовой Лѣтописи отъ навѣта скептиковъ,* сочиненіе тайнаго совѣтника Буткова“ [335]). „Читали ли вы“, писалъ Востоковъ Погодину, „П. Г. Буткова *Оборону Лѣтописи Русской?* Книга благонамѣренная и съ большимъ запасомъ учености написанная, хотя и нельзя согласиться со всѣми утвержденіями и догадками автора“ [336]). Самъ Погодинъ выразилъ объ этой книгѣ слѣдующее мнѣніе: „Хотя *Оборона*“, пишетъ онъ, „вышла чрезъ пять лѣтъ послѣ моихъ статей о Несторѣ и черезъ два послѣ полнаго изслѣдованія, но долгъ справедливости требуетъ сказать, что авторъ шелъ совер-

шенно своимъ путемъ, дѣлалъ изслѣдованія съ своей точки зрѣнія и представлялъ доказательства своимъ собственнымъ, ему принадлежащимъ, образомъ. Мы сходимся только въ заключеніяхъ, пришедъ по разнымъ путямъ къ одной цѣли: убѣжденію въ подлинности, достовѣрности и древности Несторовой Лѣтописи. Это согласіе должно обратить на себя вниманіе молодыхъ людей, которые могутъ видѣть здѣсь примѣры различныхъ пріемовъ браться за одно дѣло и вмѣстѣ разностороннихъ наблюденій надъ одними предметами" [337]). Въ книгѣ своей Бутковъ затронулъ и прежнія студенческія мнѣнія Бодянскаго, въ которыхъ авторъ съ жаромъ юности слѣдовалъ по стопамъ скептика Каченовскаго. Бодянскій, узнавъ объ этихъ нападкахъ, писалъ Погодину: „Нападки Буткова не тревожатъ меня, хотя я ихъ и не знаю, что это за птица; впрочемъ надѣюсь, судя по прежнему, *еда можетъ что быти доброе отъ Назарета?* Мнѣ теперь не до студенческихъ продѣлокъ, хотя могу сказать, что сочиненіе писано мной тогда по крайнему моему разумѣнію и съ покойною совѣстію. Я никогда не отрекусь отъ него, не смотря на то, что о многомъ теперь я совсѣмъ иныхъ мыслей, и еслибы можно было на потѣху православнымъ, я не прочь защищать его отъ подобныхъ наѣздниковъ". Эти строки не понравились Погодину; онъ увидѣлъ въ нихъ легкомысленный задоръ молодого поколѣнія и за нихъ сдѣлалъ выговоръ Бодянскому. Въ оправданіе свое Бодянскій писалъ Погодину: „Я удивляюсь, что вамъ моя готовность защищаться противъ Буткова и Руссова и проч. такъ не понравилась, и что вы замѣчаете въ этомъ высокоуміе и самонадѣянность, болѣзни нашего времени. Право, если когда, вѣрно не теперь, при такой моей болѣзни накликать еще другія на себя, и то Богъ знаетъ изъ чего!.. Я готовъ защищать свои старые грѣхи, только противу подобныхъ обличителей какъ Руссовъ и его братія, вовсе неумѣющихъ владѣть мечемъ наѣздника, и то для потѣхи православныхъ и науки старыхъ неуковъ, чтобы не воображали, что ихъ сѣдины даютъ имъ право бросать грязь

въ проходящихъ, особенно молодыхъ парней изъ другого прихода" [338]).

Между тѣмъ въ *Галатеѣ* Раича появилась рецензія на книгу Буткова, которая не могла понравиться и Погодину. Рецензентъ открыто сталъ за Скептиковъ и за главу ихъ Каченовскаго. „Авторъ *Обороны*", пишетъ рецензентъ, „весьма почтенный и извѣстный своими трудами по Русской Исторіи, видя, къ сожалѣнію, что взгляды, разсужденія, розысканія, лекціи, мысли, мнѣнія, привязки, подъ завѣсою высшей критики и подъ предлогомъ уясненія перваго періода Исторіи Россійской, направлены прямо къ уничтоженію достоинства древняго нашего лѣтописца и вводятъ молодые умы въ искушеніе, вознамѣрился принять участіе въ противоборствѣ съ скептицизмомъ, и потому издалъ книгу *Оборона Русскихъ Лѣтописей.* Съ полнымъ уваженіемъ къ сему труду, прежде всего считаю нужнымъ замѣтить, что такое предисловіе нейдетъ ни къ лицу самого автора, ни къ лицу его противниковъ. Авторъ самъ увлекается взглядами и духомъ критики, толкуетъ и поправляетъ слова лѣтописца; его противники дѣлаютъ то же, и, безъ сомнѣнія, для столь же благородной цѣли, какъ и почтенный г. Бутковъ. Правда, они часто ошибаются; но и самъ г. Бутковъ не изъятъ отъ заблужденій. Притомъ лѣтопись преподобнаго Нестора не каноническая книга церкви; слѣдовательно, нисколько непредосудительно заниматься повѣркою ея бытописаній. Г. Бутковъ сожалѣетъ, что молодые умы вводятся во искушеніе. Кѣмъ же? Великимъ Скептикомъ. Я знаю этого Великаго Скептика и скажу по совѣсти, что онъ тотъ самый, который возбудилъ въ юношествѣ охоту къ Русской Исторіи, тотъ самый, который своимъ скептицизмомъ не привлекъ къ себѣ множества подписчиковъ, не купилъ на него ни села, ни двора, ни скота; тотъ самый, который живетъ въ смиренной долѣ Русскаго ученаго. Говоря мірски, примѣръ незавидный и неопасный! Къ чему же сожалѣть объ юношествѣ? Для глупыхъ молодыхъ умовъ все равно, существуетъ лѣтопись Нестора или нѣтъ; изъ Скандинавіи пришли Варяги на Русь или

отъ Чернаго моря; но для умныхъ молодыхъ умовъ всякій ученый долженъ доказать основательно то, въ чемъ хочетъ ихъ увѣрить. Къ чему сожалѣть объ юношествѣ?—Оно идетъ путемъ науки, ищетъ, слѣдитъ, повѣряетъ; его опровергаютъ, поправляютъ наставники и благонамѣренные писатели. Гдѣ ученыя мнѣнія не встрѣчаютъ противниковъ, тамъ все безжизненно, мертво. Жизнь науки есть борьба мнѣнія, непрерывная война съ природою, война съ самимъ собою. Къ чему обвинять такъ-называемыхъ скептиковъ? Еслибы они распространяли невѣжество, то, я согласенъ, надлежало бы обуздать ихъ дерзость, положить предѣлъ ихъ зловредной дѣятельности. Но что они дѣлаютъ? Они терпятъ безпокойство, сомнѣнія, роются въ иностранныхъ и отечественныхъ лѣтописяхъ, архивахъ, грамотахъ, раскапываютъ могилы древняго Русскаго міра, путешествуютъ, чтобы собрать улики противъ несправедливыхъ мнѣній, увѣрить самихъ себя и научить истинѣ своихъ соотечественниковъ. Что же тутъ предосудительнаго? Пусть скажетъ г. Бутковъ, кто больше объяснилъ древнюю Русскую Географію и отношенія древней Россіи къ сосѣднимъ народамъ, скептики или нескептики? Кто доставилъ огромные матеріалы для учености г. Буткова, скептики или нескептики? Кто заставилъ, принудилъ его объяснить до сотни весьма важныхъ для Русской Исторіи народныхъ названій урочищъ, спорныхъ историческихъ извѣстій? Скептики или нескептики?—Безъ сомнѣнія, тѣ Русскіе старые и молодые умы, кои, по мнѣнію г. Буткова, преданы скептическому направленію. Въ такомъ случаѣ, я подозрѣваю, скептики у г. Буткова не означаютъ ли людей, кои возбуждаютъ къ ученой дѣятельности тѣхъ, кому нравится умственная лѣнь подъ сѣнію Лѣтописей. Книга г. Буткова, къ счастію, разувѣряетъ меня въ противномъ.

Авторъ не принялъ на себя труда опредѣлить съ точностью, что есть скептикъ и что нескептикъ? Не объяснилъ степеней скептицизма ни по объему, ни по содержанію. Только продолжительныя многочисленныя справки могутъ навести на мысль, что у насъ всего двое нескептиковъ: г. Бутковъ да

г. Погодинъ; а всѣ прочіе безъ пощады скептики: Шлецеръ, Эверсъ, Каченовскій, Венелинъ, Сенковскій, Максимовичъ, Морошкинъ и проч., и проч. Но и г. Бутковъ часто поправляетъ лѣтописи. Напримѣръ, Лѣтопись преподобнаго Нестора выводитъ Варяговъ Русь изъ-за моря, а г. Бутковъ изъ Финляндіи, и г. Погодинъ не сладилъ еще съ разнорѣчіями лѣтописи, не показалъ намъ настоящаго Нестора. Стало быть и они скептики? О, нѣтъ! они нескептики. Согласенъ, что нельзя отвергать письменной образованности въ Россіи XI вѣка; допускаю, что лѣтопись, подобная Несторовой, могла быть написана въ XI вѣкѣ, но кто истинный скептикъ, тотъ въ правѣ сказать нескептикамъ: вы сами говорите, что въ Никоновской Лѣтописи наврано, въ Іоакимовской выдумано, въ Псковской не досказано; тамъ переписчикъ исказилъ; здѣсь продолжатель съумничалъ; да покажите же намъ настоящаго, подлиннаго, истаго Нестора? Покажите, покажите. И я тоже готовъ сказать, что г. Бутковъ напередъ долженъ былъ возстановить Лѣтопись преподобнаго Нестора въ томъ видѣ, какъ она была первоначально составлена, и потомъ уже громить безжалостно всѣхъ, кто зараженъ скептицизмомъ“ [339]).

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ имя автора этой замѣчательной рецензіи, въ которой отдана справедливость заслугамъ Русской Исторіи, оказаннымъ Скептическою школою и ея основателемъ Каченовскимъ.

Какъ бы то ни было, въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 30 сентября 1840 г., въ присутствіи графа С. Г. Строганова, Д. П. Голохвастова, А. Д. Черткова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, А. М. Кубарева и пр., *и въ отсутствіи М. Т. Каченовскаго и П. М. Строева*, „тайный совѣтникъ Бутковъ, содѣйствующій сочиненіями своими къ истребленію превратныхъ толковъ о древней Русской Исторіи“, избранъ *единогласно* въ дѣйствительные члены Общества [340]).

LIX.

29 ноября 1839 года Погодинъ писалъ Шевыреву: „Занимаюсь я теперь одною Исторіею (т.-е. Русскою). Прежнія замѣтки такъ и стекаются, круглѣютъ и растутъ въ разсужденія. Написалъ двѣ статьи о мѣстничествѣ, о престолонаслѣдованіи послѣ Донского, объ удѣльной системѣ, о Сильвестрѣ, объ источникахъ къ Исторіи Баторія и Самозванца... Подъ часъ только негодую на меценатовъ. Еслибы взяли съ рукъ моихъ семейство и сказали бы мнѣ: ну, работай и не безпокойся ни о чемъ, что бы я надѣлалъ!“ [341]). Въ то же время Погодинъ пишетъ статью объ Іаковѣ черноризцѣ; находитъ приписку „любимца“ своего попа Сильвестра и „обрадовался безъ памяти“. Между тѣмъ Морошкинъ задаетъ Погодину задачу, о которой пишетъ въ слѣдующемъ письмѣ къ нему: „Исторія Законодательства безъ предварительной разработки общей Исторіи есть галиматья... Завидую вамъ, критикамъ Исторіи—у васъ есть пророки; а у пьяныхъ подьячихъ ни одна душа не молвитъ словечка. Эверсъ да Эверсъ (à propos—какъ этотъ Эверсъ слабо защищался противъ васъ)... Ваше дѣло, Михаилъ Петровичъ: *возстановить Скиѳо-Русскую древнюю Географію*, а безъ этого всѣмъ строжайше запретить толковать о древней Исторіи“ [342]). Какъ Погодинъ относился къ предмету своихъ занятій, лучше всего покажутъ слѣдующія строки его *Дневника*: „Со слезами и сердечнымъ трепетомъ слушалъ въ церкви титулъ *царя Казанскаго*, *царя Астраханскаго* и пр. Дадутъ эти слезы плодъ“. Свидѣтелемъ этихъ занятій Погодина былъ проживавшій у него въ то время Гоголь, который писалъ Жуковскому: „Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этого человѣка! Но будетъ время, когда его вознесутъ наравнѣ съ именами первыхъ столбовъ науки“ [343]).

Занятія Погодина приводили его въ близкія сношенія съ Троицкими учеными. „Вы спрашивали меня“, писалъ ему

ректоръ Троицкой Академіи архимандритъ Филаретъ, „не встрѣчалось ли мнѣ въ рукописяхъ что-нибудь относящееся до Русской Древней Исторіи. Тогда забылъ сказать вамъ объ одномъ давно извѣстномъ мнѣ обстоятельствѣ историческомъ, но о которомъ, сколько извѣстно, ни одинъ изъ Русскихъ историковъ не упоминалъ печатно. Дѣло вотъ въ чемъ: патріархъ Фотій писалъ двѣ бесѣды на нападеніе Руссовъ. Одна изъ нихъ начинается такъ: Τί τοῦτο; Τίς ἡ Χαλεπὴ ἄυτη πληγὴ καὶ ὀργή; Πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καὶ φοβερὸς ἐπέσκηψε κεραυνός? Вы можете посмотрѣть о сихъ бесѣдахъ у Удина въ его: *Commentarius de scriptoribus ecclesiae antiquis* (1722. т. 2, с. 212). Удинъ пишетъ, что сіи Бесѣды вмѣстѣ съ другими шестнадцатью статьями Фотія были доставлены Николаю Гензіусу, посланнику Бельгійскому, въ 1670 году извѣстнымъ у насъ Паисіемъ Лигаридомъ Газскимъ. Очень жаль, что неизвѣстно, гдѣ бы можно было отыскать сіи Бесѣды теперь. Драгоцѣнная рукопись! И остается рукописью забытою. Вотъ памятникъ, который по многимъ отношеніямъ стоилъ бы быть напечатаннымъ; и конечно это не то, что какая-нибудь грамотка съ жалобою на вытрясенные изъ верши ерши“ [314]). По поводу этого важнаго сообщенія Погодинъ печатно заявилъ: „Сомнѣнія у насъ начались не въ добрый часъ. Всякій годъ съ тѣхъ поръ случаются, имъ на голову, открытія, коими подтверждаются всѣ главныя положенія древней нашей Исторіи: такъ Френъ нашелъ извѣстіе о Норманахъ—Руси, которые нападали на Сивиллу въ 844 году; такъ еще прежде представилъ онъ намъ свидѣтельства о письменахъ Руси временъ Святославовыхъ; Горловъ нашелъ Ярославову монету въ окрестностяхъ Дерпта, Востоковъ слѣды Пророческихъ книгъ на Словенскомъ языкѣ въ Новгородѣ въ 1030 году, Крузе воскрешаетъ изъ могилы Варяговъ въ полной ихъ одеждѣ и вооруженіи съ женами и дѣтьми. Теперь сообщу я слѣды новаго свидѣтельства о Руси 866 года, которую Шлецеръ, не тѣмъ будь помянутъ, отнималъ было у Русской Исторіи, а Каченовскій, ни за что, ни про что, окрестилъ Турками, хотя самъ

Эверсъ, покровитель Туретчины, видѣлъ себя принужденнымъ почитать ихъ Кіевскими... Теперь открывается другое, или по крайней мѣрѣ слѣды другого свидѣтельства объ этой Руси, какъ я получилъ извѣстіе изъ Московской Духовной Академіи". Въ тоже время Погодинъ получилъ справку изъ Комбефизія въ слѣдующемъ письмѣ изъ Кіева: „Спѣшу довести до свѣдѣнія вашего одну мою историческую находку, которую отъ васъ зависитъ подарить окончательно Русской Исторіи. Это—что бы вы думали? Не менѣе, какъ двѣ проповѣди патріарха Фотія, говоренныя имъ въ Константинополѣ послѣ и по случаю вторженія Россовъ. Какъ бы ни толковали Скептики титло Россовъ, но всѣ проповѣди Фотія объ нихъ суть рѣдкость. Гдѣ же эта рѣдкость? У васъ въ Синодальной Библіотекѣ, между Греческими рукописями. Указаніе сіе нашелъ я у Комбефизія". Изъ письма же Филарета Погодинъ узналъ, что митрополитъ Газскій Паисій подарилъ эти проповѣди Голландскому посланнику Николаю Гензіусу. „Теперь спрашивается", пишетъ Погодинъ, „что онъ подарилъ самые подлинники, у насъ хранившіеся, или снялъ съ нихъ копіи? Если копіи, то подлинниковъ должно отыскивать въ неразобранныхъ и неописанныхъ до сихъ поръ, къ стыду нашему, сокровищахъ Синодальной Библіотеки. Если Паисій отдалъ подлинники, то ихъ надо отыскать въ Голландіи, о чемъ я пишу теперь въ Лейденъ и Брюссель, и вѣрно получу оттуда справку скорѣе, нежели изъ какого Отечественнаго книгохранилища. Еще надо справиться въ Парижѣ. Объ этомъ я прошу знаменитаго Газе" [345]).

По поводу этихъ строкъ, Горскій писалъ Погодину: „Въ послѣднемъ нумерѣ *Москвитянина* вы начали сообщать извѣстіи о древнѣйшей Руси. Очень полезное дѣло! Только для предупрежденія недоумѣній на послѣдующее время надобно бы требовать отъ корреспондентовъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о самихъ источникахъ, изъ которыхъ заимствуютъ новооткрывшіяся извѣстія. Я это говорю къ тому, что въ Комбефизовой библіотекѣ, изъ которой сообщено вамъ вторич-

ное извѣстіе о Бесѣдахъ Фотіевыхъ, помѣщенъ тотъ же самый реестръ Бигоціевъ, какой находится и у Удина. Поэтому какъ у Удина, такъ и у Комбефиза ничего не говорится, чтобы эти бесѣды находились въ Москвѣ въ *Синодальной* библіотекѣ, которой въ 1672 г. не существовало, а сказано только, что реестръ этотъ вышелъ первоначально изъ рукъ Паисія митрополита Газскаго, который былъ у насъ въ тѣхъ годахъ въ Москвѣ. Поэтому осмѣлюсь прибавить, — несправедливы въ настоящемъ случаѣ и жестокія нападенія на недостатокъ хорошаго описанія Греческихъ рукописей Синодальной библіотеки. Прошу принять эти слова снисходительно для пользы истины".

Не смотря однако на это, въ 1849 году А. А. Куникъ писалъ П. М. Строеву: „Бередниковъ сообщилъ мнѣ, что вы убѣждены, что Бесѣды Фотія находятся въ Москвѣ. Я потерялъ было почти всю надежду, что онѣ найдутся. Судя по извѣстіямъ, сообщаемымъ Паисіемъ западнымъ ученымъ, списокъ этихъ бесѣдъ привезенъ изъ Аѳонской горы. Вы меня весьма обяжете, если сообщите мнѣ то, что вамъ извѣстно объ этихъ бесѣдахъ. Если онѣ дѣйствительно уцѣлѣли, то Академія не замедлитъ ихъ издать съ точнымъ Русскимъ переводомъ". Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно содержаніе письма Строева Бередникову, о которомъ лишь вскользь упоминаетъ послѣдній въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Строеву: „Съ Куникомъ еще не видался, а потому не могъ передать ему вашихъ любопытныхъ замѣчаній о посланіяхъ Фотія и продѣлкахъ Паисія Лигарида" [346]).

Наконецъ, въ 1864 году, эти знаменитыя Бесѣды патріарха Фотія были изданы преосвященнымъ Порфиріемъ. „Я нашелъ ихъ", пишетъ онъ, „въ богатой рукописями библіотекѣ Аѳоноиверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28 день декабря мѣсяца 1858 года... Съ жадностію я прочелъ двѣ первыя изъ нихъ... и пришелъ въ такой восторгъ, что все существо мое взыграло отъ радости. И было чему радоваться! Вѣдь мнѣ, искавшему многоцѣнныхъ перловъ на Востокѣ, попались два бриліанта, о ко-

торыхъ рѣдко кто зналъ, а многіе, весьма многіе и не слыхали" [347]).

Мы уже знаемъ, что И. И. Дмитріевъ завѣщалъ Погодину примириться съ памятью Карамзина, къ безсмертному творенію котораго нѣкогда такъ грубо прикоснулся Арцыбашевъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Во исполненіе завѣщанія, Погодинъ уже началъ писать свое похвальное слово Карамзину и занимался этимъ дѣломъ съ страхомъ. „Вѣрю", писалъ князь Вяземскій, „что вы озабочены и чувствуете нѣкоторый страхъ при мысли о достойномъ исполненіи предпринятаго вами труда о Карамзинѣ. Писателю съ дарованіемъ и добросовѣстному иначе и нельзя приступать къ великому труду какъ со страхомъ. А какой предметъ можетъ быть важнѣе у насъ какъ Карамзинъ? Въ немъ вся Россія, старая и новая, старая въ историкѣ, новая въ человѣкѣ, который умѣлъ одною нравственною силою своею и литературными заслугами опредѣлить себѣ въ нашемъ обществѣ, въ нашей гражданственности, мѣсто до него не бывалое и по немъ еще праздное. Онъ былъ истиннымъ и едва ли не единственнымъ полнымъ представителемъ цивилизаціи нашей. А нравственная, духовная, или душевная сторона его! Какой прекрасный предметъ изученія и назиданія. А полная, глубокая, всеобъемлющая оцѣнка трудовъ его, донынѣ еще не сдѣланная! Воля ваша, во всемъ, что ни было писано объ *Исторіи* его, нѣтъ настоящей оцѣнки. Полководецъ выигралъ рѣшительное сраженіе, завоевалъ, покорилъ цѣлую область, обогатилъ ею свое Отечество, а военные критики ловятъ его въ частныхъ ошибкахъ, что онъ тутъ напрасно пожертвовалъ нѣсколькими стрѣлками, тамъ оставилъ пушку и такъ далѣе. Слона-то не примѣчаютъ. Сперва выведете слона на показъ людямъ, то-есть, трудъ, подвигъ Карамзина, который далъ народу Исторію, которой у него не было, далъ законный видъ народу безпаспортному и *непомнящему родства.* Бездѣлица! Петръ Великій въ вѣкахъ, Карамзинъ въ своей эпохѣ, вотъ два великіе преобразователя Россіи. Утвердите, провозгласите

эту истину, а потомъ, когда убѣжденіе и благодарность вкоренятся въ душахъ, то, пожалуй, замѣчайте ошибки того и и другаго. Это не только позволительно, но и должно. А теперь такъ закричали, захулили *Исторію* Карамзина, что новое поколѣніе не читаетъ ее, а Полевой пишетъ водевили, и народъ Русскій опять безъ Исторіи, опять непомнящій родства, хоть посылай его на поселеніе!« [348]).

Не менѣе Древней, Погодинъ интересовался Новою и Новѣйшею Исторіею Россіи. Короче сказать и Древнюю, и Новую онъ постоянно носилъ въ душѣ своей. Этотъ живой интересъ и сближалъ его съ такими лицами, какъ А. И. Тургеневъ и Ф. Ф. Вигель.

Въ началѣ 1840 года А. И. Тургеневъ пребывалъ въ Москвѣ и усердно занимался въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Сохранилось любопытное письмо его. въ которомъ читаемъ слѣдующія строки:

„Я опять роюсь въ здѣшнемъ архивѣ и живу съ Екатериной II, Фридерикомъ II, Іосифомъ II, Генрихомъ Прусскимъ, Потемкинымъ, Безбородко, а еще какія сокровища! Какая свѣжая и блистательная Исторія! Безъ сего Архива невозможно писать Исторіи Екатерины, Россіи, Европы! Сколько въ немъ истинныхъ, сколько искреннихъ причинъ и зародышей великихъ и важныхъ происшествій XVIII-го столѣтія. Какая честь для дѣльцовъ того времени и сколько апологій можно бы составить для важнѣйшихъ дипломатическихъ и историческихъ вопросовъ! Напримѣръ, о Польшѣ, о Французской революціи. Я не знаю, какъ могли съ этими матеріалами разстаться Петербургскіе дѣльцы, кои должны часто руководствоваться указаніями прошедшаго? На многое, если не на все, можно найти совѣтъ и вразумленіе въ дебатахъ Екатерины съ Европейскими державами, въ совѣщаніяхъ ея съ Безбородко, Потемкинымъ, Румянцовымъ... И какой урокъ въ ея запискахъ для дѣлопроизводителей и для государственныхъ расходчиковъ! Какъ она дорожила казною, не смотря на свои слабости, между коими я не смѣю ставить славолюбія, ибо привыкаю въ немъ

видѣть пользу Россіи. Хорошо бы прислать сюда депутатовъ отъ каждаго министерства, выписать все, что по каждому полезнаго находится въ сей народной сокровищницѣ" [319]). Конечно, не Погодина имѣлъ въ виду Тургеневъ, когда писалъ: „По дѣламъ—вору и мука. Вольно же вамъ знакомить Европу съ однимъ Булгаринымъ? Архивы полны внутренней и внѣшней жизнію Россіи, а вамъ позволяютъ только перепечатывать Польскаго лгуна. Кантемиръ и Лейбницъ тлѣютъ въ Колпаковскомъ переулкѣ *), а вы бросаете милліоны на разореніе Кремлевской Древности, и Министръ Просвѣщенія находитъ печатаніе писемъ Карамзина *преждевременнымъ!* Послѣ этого вы позволите не метать моего историческаго бисера предъ нимъ, а развѣ только въ его отсутствіе" [350]).

Общій интересъ къ новой Исторіи нашего Отечества сблизилъ Погодина и съ Вигелемъ, который въ это же время, посѣтивъ Москву и велъ съ Погодинымъ нескончаемые историческіе разговоры. Съ Вигелемъ же сблизилъ Погодинъ и своего друга Кубарева. Только малые отрывки этихъ любопытнѣйшихъ бесѣдъ сохранилъ Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ. Вотъ они: „Екатерина была единственная нѣмка, которая сдѣлалась Русскою. Она сказала однажды доктору Рожерсону, пускавшему ей кровь: ну, теперь вы выпустили изъ меня послѣднюю нѣмецкую кровь. Государь ее не любитъ и все семейство также. Наслѣдникъ начинаетъ показывать расположеніе. Нѣмцы составляютъ въ Россіи совершенно отдѣльный народъ и осмѣливаются прямо говорить это. Графъ Тизенгаузенъ, Русскій сенаторъ, котораго дочери замужемъ за Русскими, братья женаты на русскихъ, требовалъ у министра Блудова, чтобы онъ представилъ Государю просьбу отъ Остзейскихъ губерній, дабы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ были протестанты. Блудовъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ передать подобной просьбы. Тизенгаузенъ возропталъ: „Знаете ли вы, что произойдетъ отъ этого? Черезъ два-три поколѣнія мы

*) Мѣсто, гдѣ въ то время находилось помѣщеніе Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

сдѣлаемся Русскими". Каковъ Русскій сенаторъ. Нѣмецъ сапожникъ приноситъ Вигелю сапоги. Они оказались узкими и отдалъ для переправки. Нѣмецъ ушелъ и черезъ двѣ минуты возвращается въ ужасномъ неистовствѣ: „Уймите вашего слугу, онъ ругаетъ меня". Вигель позвалъ слугу. Что такое? Слуга увѣряетъ, что никакъ не ругалъ нѣмца. Какъ онъ ругалъ тебя? спрашиваетъ Вигель сапожника. Онъ сказалъ мнѣ *ты*. А ты какъ ему говорилъ? Я ему такъ говорилъ. Такъ за что же ты жалуешься? Вы квиты. Какъ квиты, я могу такъ говорить ему, а онъ нѣтъ. Я нѣмецъ, а онъ русскій. Вонъ, с..... с..., вотъ я тебѣ дамъ. Блудовъ имѣлъ глупость заботиться о томъ, чтобы дать общій уставъ для лютеранскихъ церквей въ Россіи, кои его не имѣли и всѣ управлялись различно. Государственная ошибка. Зачѣмъ такое утвержденіе. Мѣры Уварова учить Нѣмцевъ по-Русски будутъ имѣть такое слѣдствіе: Нѣмцы вытѣснятъ теперь русскихъ отовсюду. Нѣмцы высылаютъ своихъ меньшихъ сыновей и братьевъ кормиться и служить въ Россію, а сами остаются на своей землѣ цѣлы и неприкосновенны".

„Наслѣдникъ вошелъ однажды въ спальню великаго князя Константина Николаевича и началъ говорить о трудностяхъ управленія Россіею, между тѣмъ какъ тотъ спалъ. Я не желалъ бы, сказалъ Наслѣдникъ, пережить Батюшку, не желалъ бы принять на себя такую отвѣтственность" . . . .

Тотъ же Вигель въ письмѣ своемъ къ Хомякову сообщаетъ: „По праву, или, если угодно, по обязанности единомыслія съ вами спѣшу вамъ сообщить нѣсколько пріятныхъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, которыя впрочемъ должны радовать всякаго добраго русскаго. Ничто не можетъ сравниться со взаимною нѣжностью двухъ братьевъ (т.-е. Александра и Константина), не смотря или можетъ быть по причинѣ разностей въ характерахъ: для обоихъ Екатерина идолъ. Константинъ болѣе чѣмъ когда кипитъ любознаніемъ. Ему подарили подробную великолѣпную карту нашего

полушарія. Онъ принялся ее раскрашивать и отмѣчать на ней одинаковой краской, но разными оттѣнками: 1) собственно Россію, православными Словенами населенную; 2) земли, ей принадлежащія, на коихъ жители другого происхожденія и вѣры; 3) единоплеменную и подвластную ей Польшу; 4) всѣ земли Словенскія, подъ чуждымъ игомъ находящіяся и 5) всѣ земли по большей части обитаемыя единовѣрцами вплоть до Сиріи. Остальное все не раскрашено, и на эту карту онъ не наглядится. Дай Богъ, чтобы сей честолюбивый отрокъ, глядя на примѣръ Іоанна Австрійскаго, эрцгерцога Карла, Евгенія Савойскаго и великаго Конде, убѣдился, что, родясь близъ трона и не вступая на него, можно пріобрѣсть величіе и славу!" [351]).

LX.

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Погодинъ ревностно принялся за исполненіе своей должности секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Должность эта совершенно совпадала съ его спеціальными занятіями Русскою Исторіею. Да и самъ сознавалъ, что онъ полезенъ Обществу. Несмотря на это сознаніе, Шафарикъ съ укоромъ писалъ ему: „Очень печально, что со времени Калайдовича, въ Россіи не издается ничего Древле-Словенскаго, исключая маленькихъ выдержекъ. У Царскаго должна находиться харатейная рукопись XIII или XV вѣка, Житія св. Владиміра, принадлежавшая графу А. И. Мусину-Пушкину, о которой говоритъ Карамзинъ (въ 1 томѣ, прим., 110, 284). Мнѣ кажется, что легенда эта очень древняя, и я не понимаю, какъ можете вы оставлять такъ долго не напечатанными такія сокровища. Теперь, когда вы хотите начать новый журналъ, нѣтъ никакой надежды, чтобы вы издали много старыхъ рукописей; но не можете ли вы возбуждать, подвигать, принуждать другихъ, чтобы школа издателей Древле-Словенскихъ вещей не окончилась однимъ Калайдовичемъ" [352]).

Въ тоже время и Шевыревъ желалъ подвигнуть Общество

на изданіе важныхъ памятниковъ Древности. Живя въ Мюнхенѣ, онъ писалъ Погодину (6 февраля 1840 г.): „Изъ прилагаемыхъ бумагъ ты увидишь проектъ. Я увѣренъ, что ты будешь за него, если только Общество имѣетъ средства. Но если его суммы недостаточны, у васъ не даромъ есть благотворители и богатые члены: ихъ за бока. Надобно же напечатать *Георгія Амартола*, если хотимъ узнать всѣ источники Нестора. Въ Мюнхенскихъ кодексахъ этой хроники я нашелъ тотчасъ мѣсто объ обычаяхъ разныхъ народовъ, приводимое Нестеромъ. Я выписалъ его. Странно, что въ Парижскихъ спискахъ я не могъ его отыскать... Надобно, чтобы Общество обратилось къ Северину. Если вы откажетесь, я обращусь къ Министру, который прикажетъ Русской Академіи напечатать *Амартола* на ея счетъ. Но мнѣ хотѣлось, чтобы на изданіи стояло изданіе *Императорскаго Московскаго Общества*. Общество такимъ дѣломъ поставитъ себя на видъ у Европы и, можетъ быть, подастъ поводъ къ новымъ изысканіямъ источниковъ для нашей Исторіи“.

Это предложеніе Шевырева Погодинъ заявилъ Обществу, но оно не имѣло успѣха и въ протоколахъ (5 марта 1840) мы прочли: „Доложено предложеніе Шевырева о порученіи Мюнхенскому ученому Кребингеру издать на иждивеніе Общества Греческій подлинникъ *Георгія Амартола*. Но Общество не нашло возможнымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и пожертвовать двѣнадцать тысячъ на изданіе Византійскаго Лѣтописца, тѣмъ болѣе, что подлинникъ его не заключаетъ въ себѣ слишкомъ много извѣстій, важныхъ для Русской Исторіи“ [353]).

Узнавъ объ этомъ рѣшеніи Общества, Шевыревъ писалъ Погодину: „Мнѣ жаль, что я къ вамъ пустился съ *Амартоломъ*: всего бы лучше прямо къ Министру. Я такъ и думалъ, да мнѣ хотѣлось доставить вамъ эту честь въ глазахъ Европы и вызвать васъ изъ Европейской неизвѣстности. Хорошо, если Министръ услышитъ вашъ голосъ. Да что же ваши Царскіе,

Баклушины и прочіе благотворители? Въ самомъ дѣлѣ—козлы съ бородами: тутъ бы имъ и отличиться" *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ изъ Флоренціи сообщалъ Погодину: „Въ Лаврентьевской библіотекѣ видѣлъ грамоту Собора Флорентійскаго, подписанную всѣми и Русская подпись Авраамія, но вмѣсто епископъ Суздальскій я прочелъ Суждальскій. Не подложная ли?—Подпись Палеолога, котораго рука дрожала, замѣчательна. Исидоръ подмахнулъ бодро Μητροπ. Κυέβυ.

Во время своего пребыванія въ Римѣ, Шевыревъ проникъ въ Ватиканскую Библіотеку и тамъ, между прочимъ, ему попался отрывокъ о Флорентійскомъ Соборѣ, „но библіотекарь", писалъ Шевыревъ Погодину, „въ родѣ Каченовскаго, узнавъ содержаніе отрывка, запретилъ мнѣ списывать". Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ сообщалъ Погодину: „Нашъ попечитель, т.-е. графъ С. Г. Строгановъ, все въ Неаполѣ и не сдался на мой голосъ, не пріѣхалъ сюда. Въ восемь дней онъ осмотрѣлъ весь Римъ!!! И сынъ его тоже. Отъ его пребыванія въ Италіи я не ожидаю никакихъ плодовъ для насъ, потому что онъ не расположенъ ни къ древностямъ, ни къ искусствамъ. Все дѣло у него въ Латинской Грамматикѣ".

Между тѣмъ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, издавъ, по настоянію Погодина, первые два тома *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашева, въ это время приступило къ печатанію третьяго. Но при самомъ началѣ печатанія встрѣтило цензурное затрудненіе.

13 Ноября 1840 года Московскій цензурный Комитетъ довелъ до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, что разсматриваемое цензоромъ Снегиревымъ сочиненіе Арцыбашева *Повѣствованіе о Россіи* „заключаетъ въ себѣ описаніе кончины царевича Дмитрія Іоанновича, несогласное съ преданіями, которыя приняты Православною Церковію". Министерство поручило Археографической Коммисіи разсмотрѣть

*) Это желаніе Шевырева издать лѣтопись Георгія Амартола исполнено въ 1881 году Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности.

это описаніе. Результатомъ этого разсмотрѣнія было нижеслѣдующее мнѣніе Устрялова, съ которымъ согласилась и Археографическая Коммисія. „По порученію Коммисіи, разсмотрѣвъ присланный изъ Московскаго Цензурнаго Комитета корректурный листъ третьяго тома *Исторіи* Арцыбашева, заключающій въ себѣ повѣствованіе о смерти царевича Дмитрія Углицкаго, я нахожу, что авторъ въ основаніе своего разсказа принялъ одно только *слѣдственное дѣло*, напечатанное во второмъ томѣ Румянцовскаго *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, оставивъ безъ вниманія всѣ другія современныя свидѣтельства, представляющія смерть Царевича въ иномъ видѣ. Хотя слѣдственное дѣло есть актъ весьма важный, по крайней мѣрѣ въ высшей степени любопытный, тѣмъ не менѣе нельзя полагаться на него исключительно и безусловно, какъ поступилъ авторъ: ибо тотъ же самый Шуйскій, который производилъ слѣдствіе и доносилъ царю Θеодору Іоанновичу, что Димитрій самъ накололся на ножъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ вступивъ на престолъ, объявилъ всенародно манифестомъ, что Царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ по волѣ Бориса Годунова. Такимъ образомъ естественно рождается вопросъ, которое же изъ двухъ показаній его было истинное? Отвѣчать на сей вопросъ не такъ трудно, какъ многіе полагаютъ: Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда все трепетало предъ грознымъ временщикомъ, да и *не легко* было обнаружить участіе его въ злодѣйскомъ умерщвленіи Царевича юридическимъ образомъ за смертію клевретовъ его, растерзанныхъ народомъ на мѣстѣ злодѣянія. Совсѣмъ иныя были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцею Димитрія: тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину, и тѣмъ болѣе долженъ былъ открыть ее, что вся Россія давно убѣждена была въ преступномъ дѣлѣ Бориса Годунова, который восшествіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти Царевича. Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, своихъ и чужезем-

ныхъ, какъ *гласъ народа*, служитъ самымъ громкимъ обвиненіемъ Годунову, по крайней мѣрѣ наводитъ на него сильное подозрѣніе. Авторъ оставилъ безъ вниманія всѣ сіи обстоятельства, даже не упомянулъ о манифестѣ Шуйскаго и, основавшись на одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ очевидно въ угожденіе Борису Годунову, изложилъ столь важное событіе одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики. Конечно, каждый воленъ смотрѣть на происшествіе съ той или другой стороны; но какъ въ семъ случаѣ одностороннее воззрѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ, что уже и случилось при напечатаніи означенной статьи въ *Вѣстникѣ Европы*, то я и полагаю исправить повѣствованіе Арцыбашева о смерти царевича Димитрія такимъ образомъ: по принятому авторомъ плану, надобно составить сводъ изъ современныхъ сказаній, объяснивъ положительно, что если нѣкоторыя обстоятельства, повѣствуемыя лѣтописцами, могутъ быть подвержены сомнѣнію, то несомнительно главное изъ нихъ—убіеніе Димитрія клевретами Годунова. Послѣ того можно помѣстить перечень слѣдственнаго дѣла въ настоящемъ видѣ его, исключивъ однако всѣ примѣчанія автора, которыя клонятся къ оправданію Бориса Годунова, и присовокупивъ въ заключеніе то, что̀ неоднократно говорилъ самъ Шуйскій по вступленіи на престолъ о смерти Царевича, между прочимъ въ окружной грамотѣ 2 іюня 1606 года“.

Между тѣмъ Арцыбашевъ, написавъ томъ третій своего *Повѣствованія*, кончающійся *1698* годомъ думалъ „представленіемъ императрицы Елисаветы Петровны порѣшить долговременное свое странствованіе по стезѣ дѣеиспытателей“. „При всѣхъ моихъ хлопотахъ и недугахъ старости“, писалъ онъ Погодину (24 февраля 1840 г.), „я занимаюсь неусыпно *Повѣствованіемъ о Россіи*; кончилъ уже седьмую книгу описаніемъ *дней* Петра Великаго и началъ послѣднюю восьмую. Правду вамъ сказать: я не богатъ матеріалами, а предшественники мои Вейдемейеръ и Арсеньевъ болѣе какъ литераторы, нежели какъ

дѣеиспытатели, отъ нихъ не много поживишься". На сообщеніе Погодина о добромъ мнѣніи Шафарика касательно *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашевъ отвѣчалъ: „Весьма много благодаренъ господину Шафарику за доброе мнѣніе о моей книгѣ, и прошу васъ увѣдомить меня, что онъ такое и гдѣ проживаетъ? По книгамъ видишь лицо значительное, а точнаго понятія о немъ не имѣешь".

Въ это время дѣла межевыя мѣшали заниматься Арцыбашеву Русскою Исторіею. Не находя защиты въ мѣстномъ правосудіи, Арцыбашевъ рѣшился обратиться къ заступничеству сенатора С. Д. Нечаева: „Долговременное, хотя и заочное знакомство мое съ вами", писалъ онъ Погодину, „разныя благосконности, мною отъ васъ испытанныя, и тотъ дружескій тонъ, въ которомъ продолжается наша переписка болѣе десяти лѣтъ, даетъ мнѣ смѣлость попросить васъ объ увѣдомленіи меня: вице-президентъ нашъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ *засѣдаетъ* ли въ первомъ отдѣленіи шестого Департамента Сената? Если тамъ, то можно ли прибѣгнуть къ нему съ нѣкоторой просьбой?"

Намъ неизвѣстно, принялъ ли участіе Нечаевъ въ дѣлѣ Арцыбашева, знаемъ только, что послѣдній въ письмѣ своемъ къ Погодину разразился слѣдующею филиппикою противъ Казанскихъ служителей Правосудія: „О, проклятые крючкодѣи! Набольшій отъ утра до вечера играетъ въ карты! Блюститель правды по три раза въ день пьянъ и пропускаетъ все, не читавши; прочіе сидятъ для симетріи; а душевредникъ-письмоводитель *держитъ руку на пояснице* и пачкаетъ, что въ голову пришло, зная безотвѣтственность пустозвоновъ. Незаконныя привязки страшны для черни; для людей же, знающихъ дѣло, онѣ только лишь досадны и хлопотливы".

Но не смотря на то, что дѣла хлѣботорговыя и межевыя отвлекали Арцыбашева „отъ умственнаго поприща", къ 5 ноября 1840 года, онъ кончалъ уже царствованіе Екатерины I и принимался за Петра II-го. „О, велитъ ли Богъ", писалъ онъ

Погодину, „совершить эту работу! Становлюсь слабъ и немножко хилъ глазами; а въ очки смотрѣть не могу“.

Между тѣмъ книга Арцыбашева совершенно не раскупалась. „Увѣдомленіе о продажѣ“, писалъ онъ Погодину, „единственно двухъ экземпляровъ моей книги наводитъ мнѣ о ней весьма пошлыя мысли. По всей вѣроятности она нехороша, когда ни одно учебное заведеніе запастись ею еще не рѣшилось: и такъ, не лучше ли бросить Египетскую работу и остальные дни старости провести въ покоѣ? Главною цѣлію, во время тридцати-восьми-лѣтняго труда, имѣлъ я услужить преподавателямъ; но услуга эта не принимается; не желалъ ни крестовъ, ни чиновъ, потому что все земное казалось мнѣ вздоромъ; не стремился и къ корысти, будучи хотя не богатъ, однако достаточенъ, доволенъ вполнѣ своимъ состояніемъ и до сихъ поръ ни въ чемъ не нуждаюсь. Просвѣщенное Общество Исторіи и Древностей, равно какъ и благопріятные отзывы нѣкоторыхъ знатоковъ меня ободряли; а все-таки *Повѣствованіе о Россіи* глотаетъ пыль въ лавкѣ Свѣшникова“.

LXI.

30 сентября 1840 года, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ было заявлено Погодинымъ, что извѣстный ученый Николай Ивановичъ Лобойко приноситъ въ даръ Обществу богатое собраніе книгъ, рукописей, выписокъ и замѣчаній, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе двадцати лѣтъ для Исторіи Русской, Польской, Литовской и Сѣверной. Побужденіе къ этому пожертвованію Лобойко изъясняетъ въ письмѣ къ Погодину изъ Вильно: „Я пріѣхалъ“, пишетъ онъ, „въ Литву съ авторскимъ жаромъ, который не перестаетъ меня мучить и понынѣ; но я болѣе и болѣе испытывалъ, что здѣсь невозможно ничего кончить. Собираясь нынѣ по разстроенному моему здоровью за границу и разсчитывая остатокъ лѣтъ своихъ, я вижу, что изъ Скандинавской моей портфели, а также и изъ Литовской, равномѣрно и изъ книгъ, къ симъ предметамъ при-

надлежащихъ, не могу я сдѣлать никакого употребленія. Я рѣшился при посредствѣ вашемъ передать ихъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Первые три класса въ нашей Медико - Хирургической Академіи закрыты. Студенты разосланы будутъ по разнымъ университетамъ и наибольшая часть изъявили желаніе поступить въ Московскій. Пользуясь симъ случаемъ, я перешлю по частямъ мое собраніе. Нынѣ посылаю я портфель съ выписками и печатными листами, относящимися къ Литовской и отчасти Польской Исторіи. Тутъ же приложены двѣ книжечки: 1-ая Teodora Wagi *Historya książąt i królów polskich*. Wilno. 1824. 8° и 2-я *Dzieje Polski*. Warszawa. Первая совершенно переработана Лелевелемъ, а вторая имъ сочинена. Въ *Исторіи*, доведенной Вагой до 1763 года, Лелевель положилъ глубокія и долговременныя свои изысканія. Онъ вездѣ старался опредѣлить отношенія Россіи къ Польшѣ и отдѣлить отъ нея Литву, къ чему прежняя богатая Виленская университетская, монастырская библіотека и документы, здѣсь находящіеся, весьма ему способствовали. Эту книгу непремѣнно должно бы перевести н Русскій языкъ. Всѣ прочія печатныя вещи, рисунки, географическія карты и пр. доставлены мнѣ Лелевелемъ, когда онъ былъ въ Вильно и Варшавѣ. Собственноручныя мои выписки, которыя собиралъ я для объясненія Литовской Исторіи, извлечены изъ Шлецера *Geschichte von Estland, von Littauen, Kurland und Liefland*. Halle. 1785, которую также я Обществу доставлю. Самыя выписки мои изъ Карамзина достойны бы были обнародованія: ибо я въ Литвѣ могъ болѣе другихъ чувствовать важность сихъ извѣстій. Далѣе въ портфели есть начало Исторіи Литвы Кояловича, изъ котораго Шлецеръ сдѣлалъ свое извлеченіе, признавъ Кояловича достовѣрнѣйшимъ лѣтописцемъ послѣ Нестора, котораго достоинство возстановили вы съ такою силою".

Судьбы Уніи живо интересовали Лобойко, и по этому вопросу онъ не мало потрудился. „Я намѣренъ", писалъ онъ Погодину, „прислать Обществу рукопись: *Вильно, столица Ли-*

товской России и Кіевской Митрополіи. Она напечатана была Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ *Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* сокращенно, безъ примѣчаній. Я желалъ бы, чтобъ она напечатана была особою книжечкою съ дополненіями того, что произошло послѣ. Такъ какъ католики распускаютъ неблагопріятные слухи на счетъ уничтоженія въ Литвѣ Уніи, то сіе изслѣдованіе было бы очень полезно. Я желалъ бы, чтобы вы и Даниловичъ издали его съ перемѣнами и дополненіями" [354]).

Замѣчательно, что въ то же время Уваровъ писалъ Погодину: „Мнѣ пришла мысль, что весьма бы полезно было *исправить* и *дополнить* Исторію Уніи Бантышъ-Каменскаго и напечатать въ *Польскомъ переводѣ.* Литургическія наши книги и катехизисъ скоро будутъ напечатаны на Нѣмецкомъ, а можетъ быть, и на Французскомъ языкахъ" [355]).

Въ это время Московскій Университетъ и состоящее при немъ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ пріобрѣли себѣ въ лицѣ Игнатія Николаевича Даниловича (р. 1789, † 1843) достойнаго дѣятеля. Какъ профессоръ Права онъ служилъ въ четырехъ университетахъ: въ Виленскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и, наконецъ, въ Московскомъ. По свидѣтельству профессора Коровицкаго, Даниловичъ былъ вообще любимъ и уважаемъ своими слушателями и товарищами и пользовался благосклонностью начальства. „Онъ владѣлъ въ высокой степени даромъ слова и не только свободно объяснялся на Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Русскомъ, но и писалъ на нихъ. Его отецъ былъ приходскимъ настоятелемъ Греко-уніатскаго обряда, въ деревнѣ Гриневичи, Подляскаго воеводства, Бѣльскаго уѣзда. Его статьи, разсужденія показываютъ глубокую ученость и остроуміе въ изслѣдованіи старинныхъ памятниковъ Польскаго и вообще Словенскаго законодательства" [356]). Н. И. Лобойко писалъ о немъ Погодину: „Я долженъ при семъ сказать, что профессоръ Даниловичъ столько же хорошо разумѣетъ изъ исторіи какъ и Лелевель; надобно бы поторопиться воспользоваться его познаніями; не худо бы было приставить къ нему двухъ моло-

дыхъ Россіянъ, которые бы воспользовались его познаніями. Повѣрьте, что Даниловича ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ найти уже невозможно. Сумасбродство Поляковъ скоро пройдетъ; Правительство даетъ имъ рѣзкіе и сильные уроки: языкъ Русскій здѣсь болѣе и болѣе вкореняется, въ Академіяхъ нашихъ и гимназіяхъ, Поляки пишутъ по русски какъ авторы; Польское юношество не дичится, не чуждается Россіи; сотни переходятъ отсюда въ Москву, Харьковъ и пр., и скоро ихъ не различите отъ Русскихъ; но число знатоковъ Польской Исторіи и Литературы и въ самой Литвѣ становится уже рѣже. Пусть Польскій фанатизмъ исчезаетъ, но не памятники существованія народа. Если въ моемъ собраніи найдете что непонятное, профессоръ Даниловичъ удобно объяснитъ вамъ".

Мы знаемъ, что Снегиревъ, по порученію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, уже нѣсколько лѣтъ трудился надъ описаніемъ Москвы. Погодинъ, по обязанности секретаря Общества, слѣдилъ за его трудами. „Вамъ угодно было знать", писалъ ему Снегиревъ, „о моихъ занятіяхъ по препорученію Историческаго Общества; пріятною для себя обязанностію поставляю исполнить ваше желаніе. Немедленно по полученіи мною отъ начальства свободнаго доступа въ Московскіе архивы и казенныя библіотеки, я приступилъ къ обозрѣнію въ придворномъ, государственномъ и разрядномъ архивахъ тѣхъ особенно дѣлъ, кои относились къ моему предмету и изъ коихъ донынѣ продолжаю дѣлать необходимыя выписки. Перебравъ доселѣ сотни кипъ и перечитавъ тысячи листовъ, писанныхъ разными почерками XVII и XVIII вѣковъ, иногда я находилъ въ нихъ по нѣскольку строкъ и страницъ, кои могли служить мнѣ значительными матеріалами. Кромѣ сего, я осматривалъ въ Московскихъ соборахъ, церквахъ и монастыряхъ достопамятные предметы, повѣряя ихъ указаніями, какія встрѣчались мнѣ въ архивахъ, или въ книгахъ; обозрѣвалъ въ окрестностяхъ Москвы старинные памятники, посѣщалъ и частныя библіотеки и велъ переписку съ иногородными любителями Отечественныхъ Древностей для распро-

страненія и повѣрки своихъ свѣдѣній. Не говоря объ архивной вѣковой пыли и вредномъ для здоровья холодѣ, не могу умолчать, что трудъ этотъ не безъ затрудненій и не безъ пожертвованій. По вызову вашему я имѣлъ честь читать въ засѣданіи Общества начало историко-археологическаго введенія къ Исторіи древнихъ памятниковъ Москвы, а продолженіе сего обозрѣнія особенно, по приглашенію ихъ сіятельствъ графа С. Г. Строганова и князя Д. В. Голицына, имѣлъ счастіе читать у нихъ въ домѣ. Сіе введеніе, приводимое мною къ окончанію, и описаніе Московскаго Успенскаго Собора составятъ первую тетрадь, которую я перечитывалъ съ сочленами княземъ М. А. Оболенскимъ, И. И. Давыдовымъ, А. Ѳ. Вельтманомъ и Ѳ. Л. Морошкинымъ, и, пользуясь ихъ замѣчаніями, исправлялъ и дополнялъ написанное мною. Одну статью удостоилъ чтенія и письменныхъ замѣчаній его высокопреосвященство митрополитъ Московскій Филаретъ".

Трудясь надъ Исторіею Москвы, Снегиреву вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось бороться съ своими врагами и недоброжелателями. „Мнѣ нужна Арцыбашева книга для справокъ и свѣрокъ, потому что я въ изслѣдованіяхъ (о Москвѣ) *не ограничиваюсь однимъ полнымъ выборомъ изъ Карамзина*, какъ предварено однимъ доброхотомъ изъ извѣстнаго мнѣ скопища, но истощу свои средства и силы, чтобы оправдать лестную для меня довѣренность великодушнаго Начальника Москвы и Предсѣдателя Общества. Пусть зависть и злоба изливаютъ свой ядъ - онѣ сами имъ захлебнутся и никогда не могутъ совершенно и навсегда очернить добросовѣстнаго и усерднаго труда".

Какъ результатъ описанныхъ Снегиревымъ работъ, въ 1841 году вышелъ въ свѣтъ почтенный трудъ его, подъ заглавіемъ *Памятники Московской Древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной Исторіи Москвы*. „Первоначальною мыслію", писалъ Погодинъ, „объ этомъ описаніи и средствами привесть ее въ дѣйствіе публика и литература обязаны князю Д. В. Голицыну, котораго имя блистаетъ на

всякомъ предпріятіи во славу древней нашей столицы. Авторъ, г. Снегиревъ, который лѣтъ двадцать занимается Русскою Стариною, не пощадилъ своихъ трудовъ, чтобы исполнить возложенное на него порученіе достойно своего предмета". Не смотря на это, къ сочиненію Снегирева въ своей рецензіи Погодинъ отнесся очень строго и въ ней онъ порицаетъ автора, между прочимъ, и за то, что въ его сочиненіи „не скоро можно отдѣлить важное отъ неважнаго, и увидѣть ходъ дѣла".

Благодаря своему общительному характеру, Погодинъ поддерживалъ связи съ членами Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Такъ, изъ Петербурга, Сахаровъ взывалъ къ нему и жаловался, что Москва отъ Петербурга отдалилась далѣе Америки, и просилъ его: „ради Русской Исторіи" прислать ему каталогъ библіотеки Историческаго Общества, если только онъ существуетъ еще на бѣломъ свѣтѣ. „Говорятъ", пишетъ Сахаровъ „что Чертковъ напечаталъ свой каталогъ. Только еще здѣсь объ этомъ говорятъ, а видѣть его никто не удостоился. Неужели и онъ обрекъ его для избранныхъ? Чудныя дѣла. Это что-то походитъ на компанейство Каченовскаго, который съ своею братіею готовитъ разрушеніе Русской Исторіи для потомства, а насъ, современниковъ, угощаютъ однѣми угрозами"... Изъ отдаленной Одессы Мурзакевичъ пишетъ Погодину: „Полезно было бы вашему Обществу снестись съ Рязанскимъ архіереемъ: у него въ соборномъ погребу есть много древняго оружія, знаменъ и пр." [357]). Съ членомъ Общества, Новоспасскимъ архимандритомъ Аполлосомъ, Погодинъ бесѣдуетъ „о жалкомъ состояніи духовныхъ училищъ, о строгости цензуры, которая рѣшительно не позволяетъ ничего. „Аполлосу", пишетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „сдѣлали выговоръ за лжепатріарха Игнатія, и онъ оставилъ зачатое сочиненіе. Матеріалы всѣ передалъ Андрею Муравьеву, котораго надо проучить. Разсказывалъ объ Иринеѣ Иркутскомъ, бывшемъ въ великой опалѣ за свою запальчивость, не болѣе. У него, говорятъ, много книгъ. Аполлоса притѣсняютъ. Онъ тридцать шесть лѣтъ архи-

мандритомъ. Муравьева Государь вызвалъ въ Петербургъ. Эти духовные организованы совсѣмъ иначе".

Въ это время у самого Погодина явилась мысль заняться описаніемъ Библіотеки Патріаршей Ризницы. По этому поводу онъ обратился съ просьбою къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, который поручилъ А. Н. Муравьеву переговорить объ этомъ съ митрополитомъ Филаретомъ. Вскорѣ послѣ того, Погодинъ получаетъ отъ Сербиновича официальное письмо, въ которомъ онъ прочелъ, что „Святѣйшій Синодъ указомъ Московской Синодальной Конторѣ разрѣшилъ допустить" его посѣщать Библіотеку Патріаршей Ризницы и „заниматься въ ней составленіемъ каталога". Но это предпріятіе не удалось Погодину. Синодальнымъ ризничимъ былъ въ то время іеромонахъ Евстафій (съ 1866 г. архимандритъ Симоновскій), который недружелюбно принялъ Погодина, когда онъ, по указанію Сахарова, явился въ Синодальную Библіотеку, чтобы просмотрѣть хранящіяся въ ней посланія Всероссійскаго митрополита Даніила. „Повздорилъ и разсердился на Ризничаго", записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „который не даетъ выписывать, а въ Ватиканской Библіотекѣ позволяли мнѣ выписывать" [358]). Погодинъ письменно жаловался на Ризничаго митрополиту Филарету; но Митрополитъ, не желая допустить Погодина въ Синодальную библіотеку, отвѣчалъ ему весьма уклончиво: „Предлагалъ я Синодальной Конторѣ письмо вашего высокоблагородія о допущеніи къ дѣланію выписокъ изъ рукописей Синодальной и Типографской Библіотекъ. Контора нашла, что указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 9 іюля сего 1840 года за № 8814, предписано ей, чтобы не допускала никого къ занятіямъ въ Патріаршей Ризницѣ безъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. О семъ по порученію Синодальной Конторы, васъ увѣдомляя, призываю вамъ благословеніе Божіе" [359]). Къ этому письму Митрополита (отъ 10 октября 1840 г.) относится слѣдующая запись въ *Дневникѣ* Погодина (подъ 12 октября того же года): „Непріятное письмо отъ Филарета. Какъ можетъ умный человѣкъ

написать такое глупое письмо! Это письмо пойдетъ въ его біографію".

LXII.

Несмотря на неудачу Погодина проникнуть въ Московскую Синодальную Библіотеку, секретарская дѣятельность его по Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ не оскудѣвала. Подъ его редакціею въ 1840 году вышли двѣ книжки *Русскаго Историческаго Сборника.* Въ нихъ заключающееся представляетъ обильный источникъ для испытателей Русской Исторіи и Древностей. Тамъ они найдутъ: описаніе посольства, сообщенное А. Д. Чертковымъ, отправленнаго въ 1659 году отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II-му, великому герцогу Тосканскому; статью самого Погодина о мѣстничествѣ. „Дѣла по мѣстничеству", пишетъ онъ, „однообразны, скучны, бѣдны своимъ содержаніемъ, заключая въ себѣ одинъ адресъ—календарныя, или, говоря языкомъ того времени, разрядныя назначенія, но иногда челобитчики и истцы заранивають нечаянно дорогія слова, кои подаютъ понятіе о бытѣ нашихъ предковъ, объясняютъ ихъ отношенія семейныя и гражданскія, дополняютъ Исторію. Надо только имѣть терпѣніе, чтобы отъискивать сіи рѣдкія слова, сводить ихъ, повѣрять другими документами и происшествіями". *Въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ* Погодинъ также напечаталъ: извлеченіе изъ саги Олава, сына Триггвіева, короля Норвежскаго. Пребываніе Олава при Дворѣ Владиміра Великаго въ переводѣ протоіерея Стефана Сабинина; статью И. М. Снегирева: О сношеніяхъ Датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ. Въ этой же книжкѣ Погодинъ помѣстилъ и свою замѣтку о *Болонскихъ святцахъ.* Осматривая въ Болоньи Музей Древностей, онъ увидѣлъ въ одномъ шкапу за стекломъ складень изъ деревянныхъ дощечекъ, съ нарѣзными изображеніями и надписями, похожими на руническія. Складень этотъ обратилъ

вниманіе Погодина по очевидной древности изображеній и странности начертаній. Добытые снимки этого складня Погодинъ по возвращеніи въ Россію отправилъ на разсмотрѣніе Кругу, Френу, Шегрену, Анастасевичу, Буткову, Востокову, Шафарику, Копитару, „но никто“, замѣчаетъ Погодинъ, „не разобралъ еще надписей“ и только „одинъ изъ нашихъ знатоковъ Церковной Исторіи разобралъ очень удачно изображенія, важныя и для Исторіи нашего иконописанія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одномъ изъ засѣданій Общества (26 марта 1840 года), въ присутствіи А. И. Тургенева, Погодинъ прочелъ свое разсужденіе о происхожденіи Русскаго Государства отъ Рюрика до конца Ярослава I, написанное имъ еще въ 1837 году для Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича. Это же разсужденіе, 28 сентября того же года, онъ прочелъ на лекціи своимъ студентамъ въ присутствіи графа С. Г. Строганова. Самъ Погодинъ этимъ разсужденіемъ своимъ былъ очень доволенъ и думалъ, что ему „когда-нибудь поклонятся“ [360]). Но разсужденіе это, подъ заглавіемъ *Формація Государства*, Погодинъ напечаталъ только въ 1846 году.

26 Ноября 1840 года, скончался извѣстный преемникъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго и ближайшій сотрудникъ Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова, Алексѣй Өедоровичъ Малиновскій. Онъ жилъ и скончался въ томъ каменномъ флигелѣ при Архивѣ Иностранной Коллегіи, на Хохловкѣ, близъ Ивановскаго монастыря, въ Колпашномъ переулкѣ, гдѣ жили и умерли его предмѣстники Миллеръ и Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Объ этомъ горестномъ событіи, Погодинъ, въ засѣданіи 21 декабря, объявилъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго президентомъ былъ много лѣтъ покойный [361]). На третій же день по кончинѣ Малиновскаго, князь М. А. Оболенскій писалъ В. А. Полѣнову: „Я берусь за перо, чтобы извѣстить ваше превосходительство о постигшемъ Главный Московскій Архивъ несчастіи: начальникъ нашъ, почтеннѣйшій А. Ө. Малиновскій, скончался во

вторникъ, въ 10 часу вечера. Кончина его была спокойная, онъ до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранилъ память и перешелъ изъ здѣшней жизни въ вѣчную безъ страданій, тихо,—онъ умеръ какъ погасаетъ догорѣвшая лампада. Незадолго до кончины, Алексѣй Өедоровичъ поручилъ мнѣ писать къ вашему превосходительству: благодарить васъ за многолѣтнюю къ нему дружбу и за то благорасположеніе, которое вы постоянно оказывали Московскому Архиву, и увѣдомить ваше превосходительство, что онъ надѣется, въ скоромъ времени, возстановиться въ силахъ и намѣренъ самъ писать къ вамъ и просить о многомъ и въ особенности *о назначеніи ему преемника*" [362]).

Шестьдесятъ шесть лѣтъ прослужилъ покойный въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и, по свидѣтельству современниковъ, зналъ Архивъ „какъ свой кабинетъ, и любилъ безъ памяти, считая его какъ будто своею колыбелью и могилою. Привязанность нынѣ уже рѣдкая къ мѣсту своего служенія". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Малиновскій думалъ, „будто драгоцѣнности архивскія потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстными, и потому неохотно допускалъ пользоваться оными; по крайней мѣрѣ не указывалъ самъ на пособія и источники архивскіе. Вотъ что подавало поводъ къ нѣкоторому роптанію изыскателей".

До послѣдняго дня жизни, Малиновскій оставался въ свѣжей памяти и сохранилъ употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей. Всѣ распоряженія о погребеніи онъ написалъ еще за годъ собственною рукою. По его желанію отпѣваніе происходило въ церкви Пресвятыя Троицы Страннопріимнаго Дома графа Шереметева. Извѣстно, что, по порученію графа Н. П. Шереметева, онъ написалъ уставъ этому Дому и съ 1810 по 1826 годъ былъ главнымъ смотрителемъ онаго [363]).

Признательный къ памяти Малиновскаго, Погодинъ присутствовалъ при его отпѣваніи и въ *Дневникѣ* своемъ записалъ слѣдующее: „Хоронить Малиновскаго. Думалъ объ его жизни. Много пользы и добра. Очень жаль, что я ѣздилъ къ

нему рѣдко и не воспользовался его свѣдѣніями объ Исторіи Русской Литературы и театрѣ, которымъ онъ почти ровесникъ. Такъ бываетъ всегда. Впрочемъ, не могу же я поспѣть вездѣ. Смотрѣлъ съ умиленіемъ на Шереметевскихъ богадѣльныхъ стариковъ и старухъ, которые приходили всѣ прощаться съ нимъ, главнымъ соучастникомъ основанія".

Тѣло Малиновскаго было похоронено въ Новомъ Іерусалимѣ, близъ его помѣстья, села Лунева, гдѣ Погодинъ въ счастливые дни своей молодости иногда проводилъ лѣтніе мѣсяцы.

По смерти Малиновскаго весьма естественно возникъ вопросъ о томъ: кто будетъ начальствовать послѣ него въ Архивѣ Иностранной Коллегіи? Погодинъ прежде всего прочилъ себя на это мѣсто. „Не искать ли мнѣ его мѣста", записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „которое принадлежало всегда историкамъ, и которое могъ бы я занять съ пользою для науки". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ уговаривать А. Д. Черткова занять мѣсто Малиновскаго [364]). Но мечтательнаго Погодина предупредилъ князь М. А. Оболенскій. Еще наканунѣ похоронъ Малиновскаго, онъ писалъ В. А. Полѣнову: „Трудно теперь сказать утвердитлеьно, кого желалъ Алексѣй Ѳедоровичъ себѣ въ преемники; но если его сіятельству, господину Вице-Канцлеру, по предстательству вашему, угодно будетъ поручить мнѣ завѣдываніе Московскимъ Архивомъ, смѣло могу утверждать, что дѣломъ и неизмѣнностію чувствъ моихъ къ особѣ вашей я вполнѣ оправдаю милостивое его сіятельства ко мнѣ вниманіе и благосклонность. Занимаясь съ давняго времени Русскою Исторіею, я руководствовался завсегда единственною любовію къ наукѣ и если теперь утруждаю ваше превосходительство просьбою содѣйствовать къ полученію мѣста, упраздненнаго смертію почтеннаго старѣйшины нашихъ археологовъ, это въ надеждѣ принести несомнѣнную пользу Отечественной Исторіи: предметъ многолѣтнихъ занятій становится для насъ святымъ и драгоцѣннымъ. Ваше превосходительство, какъ истинный чтитель памяти Миллера, Шлецера, Карамзина,

Малиновскаго и просвѣщенный любитель Русской Исторіи, конечно не откажетесь подать руку помощи человѣку, который, кромѣ неутомимаго усердія по службѣ, удостоился, за печатные труды свои, нѣкоторой благодарности соотечественниковъ. Вице-Канцлера, можетъ быть, расположитъ въ мою пользу и то обстоятельство, что я родной племянникъ графа Аркадія Ивановича Моркова, бывшаго вашего и графа Карла Васильевича Несельроде достойнаго сослуживца. Изливая здѣсь чувство моей души, мысленно ободряемый благосклоннымъ вниманіемъ вашего превосходительства, я не могу умолчать еще объ одной просьбѣ: мнѣ хотѣлось бы, въ случаѣ малѣйшаго луча надежды къ исполненію моего желанія, получить дозволеніе прибыть въ С.-Петербургъ для личнаго объясненія съ Вице-Канцлеромъ".

По свидѣтельству достойнаго преемника князя Оболенскаго, барона Θ. А. Бюлера, „В. А. Полѣновъ сталъ ходатайствовать о назначеніи на мѣсто Малиновскаго колежскаго совѣтника князя Оболенскаго, но что на первый докладъ о семъ графа Несельроде императоръ Николай I отозвался: *слишкомъ молодъ*, а на второй: *пусть будетъ пока подъ руководствомъ Полѣнова*".

Назначеніе князя Оболенскаго исправляющимъ должность состоялось 21 декабря 1840 года. [365]).

Въ день Благовѣщенія 1840 года, на берегахъ Чернаго моря, въ Одессѣ образовалось Общество Исторіи и Древностей. Это Общество обязано своимъ бытіемъ Н. И. Надеждину и Д. М. Княжевичу.

Въ 1838 году, по освобожденіи изъ ссылки, Надеждинъ пріѣхалъ въ „Петербургъ" разслабленный и безъ ногъ, онъ остановился въ гостинницѣ Демута. Портретъ тогдашняго Надеждина И. И. Панаевъ рисуетъ намъ въ такихъ чертахъ: „Наружность Надеждина", пишетъ онъ, „была мало привлекательна. Черты болѣзненнаго, осунувшагося и побагровѣвшаго лица его были рѣзки; у него былъ длинный красный носъ, ротъ почти до ушей, раскрывавшійся совсѣмъ не только

при смѣхѣ, даже при улыбкѣ, и обнаруживавшій не только зубы, даже десны. Манеры его были неуклюжи и аляповаты, голосъ крикливъ. Въ минуты одушевленія онъ издавалъ какіе-то звуки, похожіе на рычаніе, и дикія восклицанія, въ родѣ: а-га-га-га! Не смотря на все это, онъ имѣлъ въ себѣ много симпатическаго. Такова сила ума, смягчающая даже самое безобразіе и придающая одушевленіе и пріятность самымъ грубымъ и непріятнымъ чертамъ... Какъ въ человѣкѣ, я не говорю—въ писателѣ, въ немъ не было ни малѣйшей сухости и педантизма. Онъ не пугалъ своими знаніями, какъ это дѣлаютъ многіе ученые, не хвасталъ своей эрудиціей, хотя при случаѣ любилъ блеснуть ею, и былъ почти постоянно одушевленъ веселостію, несмотря на разстройство своего здоровья. Въ этой веселости было что-то добродушное, искреннее, возбуждавшее веселость въ другихъ, хотя искренность и добродушіе не были его отличительнымъ качествомъ. Всѣ его недостатки, истекавшіе изъ слабости его характера, очень видимы были для всѣхъ его пріятелей, но когда пріятели сходились съ нимъ лицомъ къ лицу—они искренно забывали все, и все прощали ему. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ всевозможнаго рода людей, не одихъ литераторовъ. Люди свѣтскіе, купцы, значительные чиновники, сходясь съ нимъ случайно, привязывались къ нему“ [366]). Къ числу близкихъ людей къ Надеждину принадлежалъ тогдашній попечитель Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичъ. Въ это время Княжевичъ, по дѣламъ службы, былъ въ Петербургѣ и разумѣется часто видѣлся съ Надеждинымъ. Княжевичъ съ жаромъ принялся тогда за водвореніе въ своемъ округѣ, въ этомъ новомъ краѣ, истинно Русскаго просвѣщенія. Можетъ быть, въ гостинницѣ Демута, гдѣ жилъ тогда больной Надеждинъ, за стаканомъ добраго вина, и было положено начало Одесскому Обществу Исторіи и Древностей Россіи. Д. М. Княжевичъ, посылая Уварову проектъ Устава этого Общества (отъ 26 января 1840 г.) писалъ ему: „Въ бытность мою въ Петербургѣ, въ концѣ прошедшаго года, я имѣлъ уже честь словесно довести до

свѣдѣнія вашего высокопревосходительства о желаніи нѣкоторыхъ изъ любителей Исторіи и Древностей, имѣющихъ пребываніе въ Одессѣ, составить между собою ученое Общество для совокупнаго занятія сими предметами и распространенія круга своихъ дѣйствій чрезъ сиошенія съ другими подобными обществами. Ваше высокопревосходительство не изволили найти къ тому препятствія, и потому, по возвращеніи моемъ сюда, было приступлено къ составленію проекта Устава, который нынѣ приведенъ къ окончанію.

Новороссійскій край принадлежитъ къ числу немногихъ, представляющихъ обильную жатву пытливому уму, стремящемуся расторгнуть завѣсу времени и по немпогимъ даннымъ угадать прошедшее. Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ край этотъ былъ сценою столкновенія различныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый оставилъ по себѣ хотя нѣкоторые слѣды, видимые и доселѣ. Сохранить эти памятники глубокой древности, описать и объяснить ихъ—вотъ цѣль, которую предположило себѣ составляющееся вновь Общество и ваше ли высокопревосходительство—сѣятель въ Россіи просвѣщенія, основаннаго на народности, покровитель всего благого и полезнаго—не откажитесь быть его представителемъ?"

Въ Автобіографіи Надеждина мы читаемъ: „По возвращеніи моемъ съ дальняго сѣвера, болѣзнь моя усилилась такъ, что я съ глубочайшею благодарностью принялъ предложеніе Одесскаго Попечителя Д. М. Княжевича ѣхать на жительство въ Южную Россію именно въ Одессу". Возникающее тамъ Общество Исторіи и Древностей открыло Надеждину „новое поприще учено-литературной дѣятельности" [367]).

Проѣздомъ черезъ Москву, Княжевичъ и Надеждинъ не застали въ ней Погодина, и по пріѣздѣ въ Одессу Княжевичъ писалъ ему: „Надоумка (Надеждинъ) полубольной, полухромой дотащился сюда. Онъ теперь *блаженствуетъ въ отставкѣ подъ судомъ*. Онъ много занимается и занимается дѣломъ". Самъ же полубольной, полухромой Надеждинъ писалъ Погодину: „Я живъ—пока! Отдыхаю понемножку. Но дви-

гаюсь еще очень плохо на скудельныхъ своихъ ногахъ... Спрашиваешь: что я дѣлаю? Разумѣется, не сижу сложа руки... Ахъ какъ мнѣ жаль, что я миновалъ Москву... Ты самъ, что теперь подѣлываешь? Знаю, что вѣчно въ дѣлѣ. Да не задумалъ ли чего поосновательнѣе, посочнѣе? Братъ! жизнь коротка и глупа. Надо... не сорить ею по мелочи! Особенно намъ съ тобою пора приняться за умъ; вѣдь ужъ половину поля перешли, половину жизни промытарили! Извини, что такъ зафилософствовался"...

Объ учрежденіи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, счелъ своимъ долгомъ извѣстить Погодина и ученикъ его, Н. Н. Мурзакевичъ. „У насъ", писалъ онъ, „учредилось Археологическое Общество. Похваляюсь, что дѣло рукъ моихъ идетъ хорошо. Хвала и вамъ, что умѣли ученикамъ вашимъ влить стремленіе къ доброму и полезному. Я былъ ученикомъ вашимъ и буду, и есмь. Какъ бы оставшіяся бумаги о Болгарахъ послѣ добраго Венелина сообщить намъ и у насъ подъ рукою и Болгары, и самая Болгарія... Нашъ архіепископъ Гавріилъ (послѣ дѣйствительный членъ) готовитъ исторійку Херсонской и Словенской іерархіи".

Въ Одессѣ Надеждину повезло. Вѣрный другъ его Княжевичъ устроилъ ему заграничное путешествіе и 4 іюня 1840 г. онъ писалъ Погодину: „Въ непродолжительномъ времени я оставляю Одессу и Россію. Ѣду далеко на Западъ. Хочу объѣхать всѣ Словенскія земли. Я собираю давно уже матеріалы для Исторіи Восточной Церкви преимущественно у Словенскихъ народовъ" [368]).

Умирающій Бодянскій отнесся къ этому предпріятію Надеждина хотя сочувственно, не недочѣрчиво. Изъ Фрейвальдау, онъ писалъ Погодину: „Извѣстіе о Н. И. Надеждинѣ тѣшитъ меня, съ его проницательностью и мѣткостью можно сдѣлать многое. Впрочемъ, если онъ не займется изученіемъ, почему бы то ни было, языковъ тѣхъ народовъ, коихъ сбирается осмотрѣть, онъ сильно и жалко промахнется; онъ бу-

детъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ и долженъ довольствоваться даннымъ. Въ такомъ случаѣ жаль мнѣ его напередъ“ [369]).

Несмотря на это, Надеждинъ предъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Одессы писалъ Погодину: „все еще Одесса—какъ видишь, любезный Мишукъ! Но еще одно послѣднее сказаніе, еще нѣсколько часовъ... и я въ пути, въ дорогѣ... Завтра утромъ выступаемъ въ походъ дальній. До сихъ поръ все еще сбираюсь. Изъ плана путешествія моего ничего не убавляется, лишь бы только Богу угодно было благословить мои намѣренія... И такъ—прощай! Передай и Аксаковымъ мое послѣднее прощаніе съ ними на Русской землѣ. Но за то я первыхъ ихъ буду привѣтствовать съ чуже-дальней стороны“ [370]).

Учрежденное Надеждинымъ и Княжевичемъ Одесское Общество Исторіи и Древностей не забыло Погодина и на первыхъ же порахъ своего существованія сопричислило его къ числу своихъ членовъ. „Во уваженіе“, писалъ ему Президентъ, „важныхъ услугъ, оказанныхъ вами Отечественной Исторіи и Древностямъ, Общество единогласно положило сопричислить васъ въ свои дѣйствительные члены“.

LXIII.

Древлехранилище Погодина съ каждымъ, можно сказать днемъ, распространялось и процвѣтало.

Въ 1838 году былъ объявленъ въ С.-Петербургѣ аукціонъ для продажи рукописей, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя купца Лаптева. „Мнѣ въ это время“, пишетъ Погодинъ, „назначена была полная премія въ пять тысячъ рублей за изслѣдованіе о *Несторѣ*. Я далъ довѣренность получить премію Московскому старинару Т. Ѳ. Большакову, и купить на аукціонѣ все что ему заблагоразсудится, обращая главное вниманіе на лѣтописи и сказанія. Это произвело сильное впечатлѣніе въ Московскомъ старокнижномъ мірѣ“ [371]).

Не довѣряя однако Большакову вполнѣ, Погодинъ просилъ Сахарова, а также и Загряжскаго принять въ этомъ дѣлѣ

участіе. Замѣтимъ при этомъ, что Сахаровъ самъ былъ пламеннымъ собирателемъ, а потому выборъ Погодина былъ, нельзя сказать, чтобы удаченъ. Загряжскій, исполняя желаніе своего друга, писалъ ему: „Вчера былъ на аукціонѣ, ничего не купилъ, рукописи не продавались. Сахаровъ, кажется, порядочная каналья; онъ хотѣлъ меня надуть, назначивъ мнѣ придти къ нему, чтобы вмѣстѣ отправиться на аукціонъ. Я его не засталъ дома, съ часъ дожидался, пошелъ на аукціонъ. Сахаровъ тамъ: извинялся что его дома не было, что онъ и не заѣзжалъ домой, опасаясь опоздать, а ему просто хотѣлось, чтобы я не былъ. Кажется, завтра рукописи кончатся; но я думаю дешево не достанутся. Сахаровъ не допуститъ. Онъ пріятель со всѣми торговцами". Съ своей же стороны Сахаровъ писалъ Погодину: „Безграмотные коммиссіонеры стеклись со всѣхъ сторонъ съ толпами раскольниковъ на аукціонъ Лаптева, но имѣя въ виду одни коммиссіонерные проценты, они поднимаютъ цѣны до послѣдней возможности. За рубль даютъ двадцать, тридцать, сорокъ рублей. Надобно видѣть эту сцену, чтобы понять жадность и глупость во всѣхъ олицетвореніяхъ. Прибавьте къ этому происки, стачки, сплетни, ссоры самихъ наслѣдниковъ, Русское удальство—не доставайся другому, и вы уже поймете хаосъ. Вы пеняете, что доселѣ нѣтъ еще въ виду лѣтописи. Вамъ издали хорошо. Представьте себѣ, что вы по описи читали то, а на продажу выдаютъ другое. Все это давнымъ-давно пересмотрѣно, подмѣчено. Хорошее промѣнено на дурное, или замѣнено другимъ. Еще не продали и четвертой доли, а *выручки* наслѣдниками сдѣлано до тридцати тысячъ рублей. Еще остается продавать до двухъ тысячъ нумеровъ и кажется, что дѣло пойдетъ до 1841 года. Вашъ коммиссіонеръ не покупаетъ, а глотаетъ съ жадностію. Онъ удивляетъ насъ своими разсказами, какъ всего много въ Москвѣ, и какъ все дешево и въ тоже время дешевое Московское покупаетъ здѣсь за самое дорогое. Впрочемъ онъ человѣкъ добрый и знаетъ свое дѣло лучше всѣхъ другихъ коммиссіонеровъ, здѣсь находящихся. Кастеринъ желаетъ осязать

ваши книги, а дотолѣ—онъ, точь-въ-точь какъ Каченовскій, сомнѣвается. Хорошо бы вамъ скорѣй ихъ сюда выслать, и тогда дѣло окончится. Монеты еще не были въ продажѣ. Нумизматовъ налицо вдвое болѣе библіомановъ. Народъ богатый, задорный, а наслѣдникамъ это и надобно“ [372]).

Непричастный аукціону, Востоковъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину (18 іюня 1840 г.) писалъ: „Большаковъ накупилъ вамъ здѣсь въ Петербургѣ много рѣдкостей, и между прочими, прекраснѣйшій списокъ Псалтири съ извѣстнымъ толкованіемъ, приписываемымъ Аѳанасію Александрійскому, тѣмъ самымъ, которое находится въ листахъ, принадлежавшихъ преосвященному Евгенію. Судя по почерку, этотъ списокъ принадлежитъ къ XII, если не къ XI вѣку, а по правописанію онъ долженъ быть Болгарскій“ [373]).

Наконецъ, 26 августа 1840 года Большаковъ вручилъ Погодину Лаптевскія рукописи [374]), и по свидѣтельству самого Погодина „Большаковъ возвысился духомъ и исполнилъ дѣло отлично: на пять тысячъ онъ привезъ мнѣ около двухсотъ рукописей и нѣсколько старопечатныхъ книгъ“ [375]). Это пріобрѣтеніе „новыхъ драгоцѣнностей“ взволновало Погодина и онъ въ ту ночь „долго не могъ уснуть и всю ночь онѣ ему мерещились“. То представлялось ему, что на него съ Большаковымъ „напали разбойники и хотѣли отнять рукописи, то кто-то рвалъ ихъ“ [376]).

Нѣсколько успокоившись, Погодинъ принялся разбирать доставшіяся ему рукописи и на первыхъ же порахъ находитъ между ними: сочиненіе Посошкова, купленное рублей за пять, Лѣтопись собственноручную Самуила Величко. Продолжая разборъ, находилъ другія драгоцѣнности: прекрасный Хронографъ, Житія Святыхъ, Ефрема Сирина, Пандекты Никона Черногорца. При этомъ Погодинъ задаетъ себѣ наивный вопросъ: „Но что за Черногорецъ, не словенинъ ли?“

Получивъ вдругъ такое количество древностей, Погодинъ принялся за собираніе съ большою ревностью, и „сокровища полились“ къ нему „рѣкою“. Т. Ѳ. Большаковъ, Д. В. Пи-

скаревъ, Василій Лапухинъ приносили ему безпрестанно все, что имъ попадалось, и собраніе росло не по днямъ, а по часамъ. Затѣмъ послѣдующія поѣздки Погодина на Нижегородскую ярмарку познакомили его съ другими книжниками: Иваномъ Никоновымъ, Василіемъ Моржаковымъ, Ѳедоромъ Герасимовымъ, Головастиковымъ. Всѣ эти книжники и старинары, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „имѣя легкій доступъ, получая скорую расплату безъ откладыванія и притѣсненій, разныя одолженія и пособія въ случаѣ нужды, шли ко мнѣ охотнѣе, чѣмъ къ кому-либо другому изъ собирателей, тѣмъ болѣе, что я бралъ все безъ разбору, книги, рукописи, образа, монеты, грамоты, кресты, деревянныя разныя вещи, мѣдныя и золотыя и проч., долженъ прибавить", продолжаетъ Погодинъ „и счастіе мнѣ особенно благопріятствовало. Попадались вещи рѣдкія и неожиданныя" [377]).

Въ то время, когда Погодинъ пріобрѣлъ Лаптевскія рукописи и занялся ихъ разборомъ, пріѣзжалъ въ Москву Сахаровъ. Объ этомъ мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина слѣдующую лаконическую отмѣтку: „Пріѣзжалъ Сахаровъ и зарился на мои *сказки*. Отпирается отъ аукціонныхъ похожденій"; вслѣдъ за этою отмѣткою, мы читаемъ и слѣдующее: „Какъ мнѣ избавиться отъ безвременныхъ посѣщеній"? [378]).

Своими находками Погодинъ не могъ не подѣлиться съ своими отсутствующими друзьями; Максимовичемъ и Гоголемъ. „Поздравляю съ находкою Лѣтописи Малороссійской"! писалъ ему Максимовичъ изъ Кіева. „Она должна быть очень любопытна; печатай ее скорѣе, только исправнѣе и безъ мудрованія, сирѣчь безъ большихъ примѣчаній" [379]); а Гоголь изъ Рима по тому же поводу писалъ ему: „Радъ очень твоему счастію, т.-е. рѣдкимъ находкамъ, сдѣланнымъ тобою. Одною изъ нихъ ты потчиваешь меня, какъ такою, которая ближе всего лежитъ ко мнѣ, но такимъ образомъ, какъ одинъ разъ журавль позвалъ къ себѣ кума, кажется, волка, на обѣдъ и велѣлъ блюда подавать въ сосудахъ съ такими узкими горлами, куда одинъ только журавлиный носъ могъ просунуться,

и кумъ только нюхалъ, да помахивалъ хвостомъ, браня свою толстую морду. Хоть бы какими-нибудь пахучими выписками изъ нея попользоваться, т.-е. гдѣ пахнетъ болѣе старина и обрядъ старинныхъ временъ! Еще болѣе я радъ свѣжести силъ твоихъ, здоровью и наслажденію, посѣщающему тебя въ благихъ трудахъ. Счастливецъ"! [380]).

Древлехранилище ввело Погодина въ особый міръ и сблизило его съ собирателями и отыскивателями Русскихъ Древностей. Отъ Лобкова онъ узнаетъ о библіотекѣ князя Енгалычева въ Симбирскѣ. Онъ же сообщаетъ ему о какомъ-то Хронографѣ, при которомъ оказалась Несторова Лѣтопись, „оканчивающаяся Псковскою". Проводитъ вечера съ Большаковымъ и Авериным и о послѣднемъ замѣчаетъ, „знаетъ много да не умѣетъ писать". Съ нимъ Погодинъ цѣнилъ книги, толковалъ о заведеніи книжной лавки на Моховой; но при этомъ замѣтилъ: „наши скоты, пожалуй, не дадутъ ее нанять, вмѣсто Бардина и Шухова". Разбираетъ Пискаревскія книги и торгуется съ ихъ владѣльцемъ. Пируетъ на имянинахъ у Аверина и по этому поводу записываетъ въ своемъ *Дневникѣ* Аверинъ „непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я выпилъ два стакана чаю и два бокала мадеры и бѣлаго вина, поѣлъ какого-то мяса, и вмѣстѣ позабавился яблочками и виноградомъ. На силу отдѣлался стаканомъ чаю и прикосновеніемъ къ мадерѣ".

Вообще Погодину былъ по душѣ этотъ міръ. „Въ обществѣ Русскихъ людей", записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „пріятно было смотрѣть на одного угличанина съ длинною бородою. Разобралъ книги и рукописи. Говорили о людяхъ, судахъ, торговлѣ. Съ Кирѣевскимъ о Россіи и новомъ поколѣніи". Ржевскіе купцы привозятъ Погодину много старыхъ книгъ „и дорожатся".

Наконецъ Древлехранилище сблизило Погодина съ раскольниками, этими, по счастливому выраженію П. М. Строева, *попечителями Русскихъ Древностей*. О нихъ онъ бесѣдуетъ съ Большаковымъ и находитъ, что „надо бы собрать соборъ и

рѣшить дѣло о расколѣ, которое не такъ трудно, какъ представляютъ: pendant къ Уніи", и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ написать статьи объ *исправленіи церковныхъ книгъ.*

Вмѣстѣ съ Шевыревымъ, Солнцевымъ, Аверинымъ и Большаковымъ, Погодинъ, 28 октября 1840 г., посѣщаетъ Преображенское. Объ этой поѣздкѣ въ *Дневникъ* его мы находимъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Даль неизмѣримая", пишетъ онъ, „настоятель Семенъ Козмичъ, старикъ высокій, сѣдой, съ черными глазами, должно быть очень уменъ, показалъ намъ съ радушіемъ всѣ заведенія: молельню и богадѣльню. Множество образовъ древнихъ, но они портятъ ихъ подновленіемъ. Кіоты, рамки, подсвѣчники, паникадилы, все это ново и несоотвѣтственно съ образами. Для иконъ нѣтъ такихъ знатоковъ какъ для рукописей. Многія иконы должны быть гораздо древнѣе, нежели какъ объ нихъ говорятъ. Невѣроятно, чтобъ не было ихъ древнѣе четырехъ сотъ лѣтъ. Умилительно видѣть церковь за одною перегородкою отъ жилой галлереи. Натоплено такъ, что вынести нельзя. Нечисто и неопрятно. Молельня, перенесенная изъ дому Ильи Алексѣева, очень примѣчательна по множеству древностей и богатству иконъ. „Вы показали намъ много святынь. *Желаю, чтобъ гдѣ-нибудь вы увидѣли ее еще больше,* отвѣчалъ умный старикъ. Заѣзжали къ Ивану Васильевичу, у котораго стѣна коморки уставлена драгоцѣннѣйшими образами. Заѣхали къ Ефиму Даниловичу, у котораго также есть образа примѣчательные. Купилъ дарохранительницу и житейникъ, получилъ въ подарокъ курильницу. Добрые наши спутники требовали непремѣнно, чтобъ мы пошли съ ними въ трактиръ. Насилу отговорились. Въ пятомъ часу мы пріѣхали обѣдать къ Шевыреву; а въ 8-мъ усталый домой. Отдыхалъ и думалъ о предложеніи Преображенцамъ вопросовъ: Существуетъ ли теперь Христова Церковь, или нѣтъ? Существуетъ, ибо въ Писаніи сказано, что она продолжится до конца міра. Гдѣ-жъ она? Во-вторыхъ, развѣ священникъ составляетъ главное въ таинствѣ? Были недостойные и во времена Апостольскія. Ихъ недостоинство не умень-

шаетъ силы крещенія или пріобщенія". Но еще до посѣщенія своего Преображенскаго, Погодинъ какъ-то посѣтилъ Солнцева и засталъ у него Снегирева, которые бесѣдовали „о драгоцѣнныхъ иконахъ на Рогожскомъ кладбищѣ. По поводу этой бесѣды Погодинъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ:* „Раскольники повыкрали драгоцѣнныя иконы изъ нашихъ соборовъ, подмѣнивъ копіями. Можетъ быть тоже случается и съ рукописями Синодальной Библіотеки" [381]).

Въ 1840 году Древлехранилище Погодина настолько уже обогатилось, что владѣлецъ нашелъ возможнымъ издать *Образцы Славянорусскаго Древлеписанія.* Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: „Имѣя по своему званію право на свободный доступъ въ книгохранилища, находясь въ связи съ собирателями Древностей, обладая въ своей библіотекѣ многими драгоцѣнностями, я рѣшился воспользоваться своимъ положеніемъ, собрать снимки со всѣхъ важныхъ рукописей въ Россіи, и изданіемъ ихъ въ свѣтъ положить основаніе Русской Палеографія". Въ это время въ Древлехранилищѣ Погодина уже находились слѣдующія драгоцѣнности: пергаментный листъ житія св. апостола Кодрата. Шафарикъ относитъ этотъ листъ къ 860—950 г. Отрывокъ пергаментной Толковой Псалтири, принадлежавшій митрополиту Евгенію. Востоковъ относитъ этотъ отрывокъ къ XI вѣку. Пергаментный листъ житія святыя равноапостольныя Ѳеклы XI или XII вѣка. Пергаментное Евангеліе, писанное, по мнѣнію Калайдовича, въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка. Пергаментный кодексъ словъ св. Ефрема Сирина, писанный до 1289 года. Пергаментный Апостолъ, писанный въ Новгородѣ въ 1391 году. Пергаментная Псалтирь, писанная въ Болгаріи, по мнѣнію Востокова, въ XII или даже въ XI вѣкѣ. Пергаментный Стихирарь, писанный въ Псковѣ въ 1422 году. Пергаментное Евангеліе, писанное въ Новгородѣ въ 1463 году. Сборникъ на бумагѣ, въ которомъ послѣ разсужденія Григорія Писиды о Богѣ, слѣдуетъ сказаніе о св. Софіи въ Царѣградѣ, писанное въ 1503 году. Судебникъ XVII вѣка, мо-

жетъ быть, при Дмитріи Самозванцѣ, пока онъ былъ еще на престолѣ. Хронографъ, писанный около 1649 года. Сборникъ XVII вѣка, заключающій между прочимъ отрывокъ изъ Несторовой Лѣтописи. Малороссійскій Лѣтописецъ Самуило Велички (1690—1720). Хотя Погодинъ въ предисловіи къ своимъ *Образцамъ* и писалъ, что „продолженіе будетъ зависѣть отъ благосклонности, съ какою ученая публика приметъ начало“; но ученая публика не поддержала это изданіе и оно ограничилось только этими двумя тетрадями. Не смотря на это, Снегиревъ писалъ Издателю: „Это изданіе ваше будетъ во многихъ отношеніяхъ полезно для юныхъ археологовъ и старые найдутъ въ немъ богатые для себя матеріалы“ [382]). *Образцы Словенорусскаго Древлеписанія* весьма одобрялъ и самъ Востоковъ. „Снимки очень хороши“, писалъ онъ Погодину, „вы ими положите начало нашей Палеографіи“. Въ свою очередь Погодинъ, получивъ отъ Востокова листы его каталога Румянцовскаго Музеума, восторженно писалъ ему: „Скажу вамъ безъ преувеличенія—это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней въ моей жизни, и я чувствую, что юношескій жаръ мой не остылъ. Когда я перебиралъ эти листы, когда я увидѣлъ все и сообразилъ всю точность, количество и важность этой работы, я пришелъ въ умиленіе, какъ будто выходя изъ духовнаго концерта, или прочитавъ высокую оду“ [383]).

Но кромѣ Востокова и Снегирева Образцами Древлеписанія весьма заинтересовался и И. С. Аксаковъ, тогда воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія, и у насъ имѣется любопытное письмо будущаго знаменитаго публициста. „Очень, очень благодарю васъ“, писалъ онъ Погодину (2 ноября 1840 г.), „за присланную вами тетрадь *Словенскаго Древлеписанія*. Мнѣ было пріятно вспомнить, пересматривая листы, что такой-то оригиналъ и самъ я видѣлъ въ библіотекѣ Издателя! Я помню, вы показывали мнѣ сравнительную таблицу буквъ Словенскихъ различныхъ столѣтій; она была бы большимъ пособіемъ при чтеніи этихъ листковъ. Конечно, гораздо полезнѣе составить самому такую таблицу, но кто же пору-

чится — что онъ точно и вѣрно читаетъ, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, кажется, разбирать нетрудно, и я, съ помощью соображенія, прочелъ уже нѣкоторые листки". Находившійся въ то время въ С.-Петербургѣ С. Т. Аксаковъ къ письму сына сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Шишковъ оживаетъ: уже говоритъ и начинаетъ двигаться... Это чудо! Если такъ пойдетъ, то на дняхъ поговоримъ ему о *Словенскомъ Древлеписаніи*" [384]).

LXIV.

28 августа 1840 года Хомяковъ писалъ Языкову: „Наша Москва входитъ въ славу. Сюда явился Гай, возстановитель Словенства Иллирійскаго" [385]).

Во время своего путешествія въ Берлинъ въ 1838 году Гай получилъ возможность войти въ непосредственныя сношенія съ Русскими людьми, принадлежавшими по своему положенію къ офиціальнымъ кружкамъ и между прочимъ съ самимъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ; черезъ нихъ онъ искалъ пособій для учрежденія въ Загребѣ Словено-Русской типографіи и для изданія журналовъ и газетъ. Попытка эта однакожъ не имѣла желанныхъ Гаемъ послѣдствій, и вотъ въ 1840 году онъ вознамѣрился лично посѣтить Россію, чтобы убѣдиться, до какой степени онъ можетъ надѣяться на помощь оттуда. Гай отнравился въ путь черезъ Прагу и оттуда выѣхалъ прямо въ Варшаву. Шафарикъ далъ ему рекомендательныя письма члену совѣта Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ Павлищеву и историку Словенскихъ законодательствъ Мацѣевскому. Въ свою очередь Павлищевъ и Мацѣевскій дали Гаю рекомендательныя письма въ Петербургъ. Здѣсь онъ явился прямо къ графу А. Х. Бенкендорфу. Но оказалось, что Гай пріѣхалъ въ столицу Россіи предъ самымъ отъѣздомъ Бенкендорфа съ Государемъ за границу. Бенкендорфъ объяснилъ ему, что при такихъ обстоятельствахъ ничего не можетъ сдѣлать въ его пользу; но 3 іюля 1840 г.

Гай все-таки успѣлъ представить Бенкендорфу докладную записку на Нѣмецкомъ языкѣ касательно Иллирско-Словенской литературы. Графъ же Бенкендорфъ нашелъ возможнымъ рекомендовать Гая Министру Народнаго Просвѣщенія, которому тотъ и представилъ свои изданія [386]). Съ своей стороны Уваровъ писалъ Погодину (24 іюля 1840 г.): „Гая я видѣлъ здѣсь; онъ, кажется, сбирается въ Москву. Онъ усерденъ къ общему дѣлу и хорошо образованъ; но найдетъ ли онъ въ своемъ краѣ довольно охоты къ литературѣ? Чужими средствами одними ему не сдобровать. Россійская Академія подарила ему пять тысячъ руб. ас." [387]).

Въ Москвѣ Гай явился прежде всего къ Погодину и представилъ ему рядъ записокъ различнаго содержанія, касавшихся Иллиріи, объяснивъ значеніе Иллирійскаго движенія на Словенскомъ югѣ и указавъ на необходимость его поддержки. Гай возлагалъ въ этомъ послѣднемъ вопросѣ всѣ свои надежды на Погодина, который и взялся хлопотать объ его дѣлѣ. Для этой цѣли составлены были двѣ краткія записки: одна, писанная на *Нѣмецкомъ языкѣ*, кажется, самимъ Гаемъ; другая на Русскомъ языкѣ о сношеніяхъ Гая съ Россіей, писанная рукою Погодина. Въ запискѣ Гая подробно развивалась мысль о важности общей *независимой* церкви для южныхъ Словенъ и предпочтеніе отдавалось Восточной; отсюда выводилась важность для Иллирской литературы Кирилловской азбуки. Съ этой точки зрѣнія и объяснялась вся дѣятельность Гая. Но такая дѣятельность требовала большихъ средствъ, и Гай, обращаясь къ Словено-Русскимъ патріотамъ, „ожидалъ отъ нихъ помощи, какой нуждающійся братъ въ правѣ ожидать отъ благословеннаго довольствомъ брата".

Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ составили общій планъ дѣйствій для своихъ сборовъ въ пользу Гая, и между ними завязалась почти ежедневная переписка, раскрывающая предъ нами весь ходъ дѣла. Такъ (8 августа 1840 г.) Шевыревъ писалъ Погодину: „Сегодня пріѣзжай ко мнѣ съ Гаемъ на вечеръ. У меня будутъ Павловъ, Хомяковъ и Андросовъ. Сейчасъ я отъ Черткова.

Жаль, нѣтъ Мельгунова". Въ другой записочкѣ Шевыревъ писалъ: „Я уже не радъ, что указалъ тебѣ на князя С. М. Голицына. Вѣдь я у него по разу въ годъ бываю. Не такъ же я съ нимъ знакомъ, чтобы вдругъ прiѣхать и просить. Еслибы князь Д. В. Голицынъ далъ свое имя, я сiю минуту къ нему бы поѣхалъ. Когда Чертковъ, Павловъ не хотятъ и дѣла имъ нѣтъ,—чего же ты хочешь отъ Царскихъ?" Изъ дальнѣйшей переписки, весьма отрывочной, видно, что руководившiе подпиской въ пользу Гая просили содѣйствiя у князя Д. В. Голицына [388]). Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ объ этомъ слѣдующiя извѣстiя: „Двѣсти тысячъ дать (сказалъ князь Голицынъ Погодину), ничего не значитъ, но если имъ не удастся, то надо будетъ за нихъ (т.-е. Словенъ) вступиться, а иначе что же пользы? Вступиться же можно только тогда, какъ рѣшенъ будетъ иной образъ дѣйствiя. Теперь мы съ Австрiей за Турцiю. Основательно. Онъ (т.-е. князь Голицынъ) ошибается только въ томъ, что не довѣряетъ помощи Французовъ. Сколько же нужно для литературной помощи? Спросилъ онъ. Пятнадцать тысячъ. Ну, это мы соберемъ. Благородный человѣкъ"... Но для князя Д. В. Голицына дороже всего была Москва, Россiя. Посѣтивъ въ другой разъ Начальника Москвы, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ князю Голицыну. О Москвѣ, которую хочется мнѣ, говоритъ онъ, сдѣлать кондукторомъ для всей Россiи, чтобы отсюда сообщалось все электрически. Говорилъ объ академiи, для которой онъ хотѣлъ купить домъ Пашкова, о библiотекѣ—домъ Всеволожскаго. Говорили о Петрѣ I и о Петербургѣ. Должно сказать, что онъ человѣкъ благонамѣренный и доброжелательный и съ умомъ для большихъ предпрiятiй" [389]).

Между тѣмъ шла подписка въ пользу Гая, и на подписномъ листѣ, кромѣ Погодина и Шевырева, появились еще слѣдующiя имена: Хомякова и Павлова, князя Д. В. Голицына, В. Олсуфьева, Самарина, Перфильева, Давыдова, Андросова [390]). Кромѣ того, графъ А. Н. Панинъ писалъ Погодину: „Обѣщанные мною пятьсотъ руб. на пособiе литера-

турнымъ предпріятіямъ по части Словенскихъ нарѣчій препровождаю" [391]). Такимъ образомъ Москва, свидѣтельствуетъ Хомяковъ, „поклонилась Гаю *двадцатью тысячами* руб.; что дастъ Петербургъ, не знаю; а хорошо дѣлаетъ первопрестольный градъ, когда подумаешь, какой *тяжкій годъ* и какъ пустъ городъ лѣтомъ" [392]).

Но не всѣ забывали о *тяжкомъ 1840 годѣ*, который переживала Россія. Такъ, когда Погодинъ обратился съ просьбою о помощи Гаю для заведенія типографіи и изданія журналовъ и газетъ, къ Московскому губернскому предводителю дворянства графу Андрею Ивановичу Гудовичу, то почтенный графъ отвѣчалъ ему: „Сердечно желалъ бы сдѣлать пособіе г. Гаю; но во-первыхъ Московскіе помѣщики находятся нынѣшній годъ въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что вовсе неумѣстно было бы пригласить ихъ къ какой-нибудь издержкѣ; во-вторыхъ, время такъ коротко, что и во всякомъ случаѣ неможно было бы ничего сдѣлать. Сверхъ того, я позволю себѣ сказать мое мнѣніе, что касательно привязанности и преданности Иллирійскихъ обитателей, я полагаю, что особы, приближенныя къ Государю Императору, не упустятъ изъ виду, въ какой мѣрѣ ихъ поддерживать. Журналовъ чѣмъ менѣе, тѣмъ лучше, судя по пагубнымъ послѣдствіямъ, какія они произвели въ нѣкоторыхъ государствахъ; по крайней мѣрѣ— это мое убѣжденіе" [393]).

Отказываясь также отъ пожертвованій въ пользу Словенъ, И. Е. Великопольскій прямо писалъ Погодину: „У меня столько людей, мнѣ подвластныхъ, требующихъ пособія; сколько еще мнѣ знакомыхъ, *не великихъ*, но добрыхъ, хорошихъ и очень бѣдныхъ" [394]).

Среди хлопотъ о сборѣ денегъ Московскіе почитатели Гая знакомили его съ Древностями Москвы и ея тогдашнимъ бытомъ, между прочимъ, съ театромъ. Заботы по этой части принялъ на себя К. С. Аксаковъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма его къ Погодину: „Я былъ въ театрѣ и видѣлъ Верстовскаго; нынче не его недѣля; слѣдовательно, онъ намъ и не

можетъ дать своей ложи. Пляска Русская есть, можетъ быть, и пѣсни... Мнѣ кажется, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, надо взять ложу для Гая, раздѣливъ цѣну... Я видѣлъ Загоскина, и мнѣ пришло въ голову, что должно попросить у него его сочиненій; во-1-хъ, потому, что онъ обидится въ противномъ случаѣ; во-2-хъ, въ его сочиненіяхъ есть достоинства и во всѣхъ есть сторона простонародной національности, что для нашихъ братьевъ должно быть значительно... Загоскина можно бы и познакомить съ Гаемъ".

Гай не могъ оставаться долго въ Москвѣ и выѣхалъ въ Петербургъ лишь съ тѣми средствами, какія успѣли собрать его друзья. Кромѣ того, онъ былъ снабженъ рекомендательными письмами. По этому поводу Шевыревъ писалъ Погодину: „Вотъ письмо къ графу Н. А. Протасову. Писать ли къ Жуковскому?.. Гаю нѣкогда терять время въ разъѣздахъ по Петербургу. Писать ли къ Одоевскому и Краевскому? Они едва ли что-нибудь сдѣлаютъ" [398]).

Съ своей же стороны Погодинъ писалъ о Гаѣ къ Загряжскому, который отвѣчалъ ему: „Ты просто хочешь меня вывести изъ терпѣнія; пишешь: отвези къ Гаю, а гдѣ и кто онъ? Ни слова, неужели мнѣ бѣгать по улицамъ и кричать: Гай! Гай! Безпутный!" Наконецъ, отыскавши Гая, Загряжскій писалъ своему другу: „Сейчасъ проводилъ я до парохода Гая. Онъ тебя цѣлуетъ *въ уста и въ очи*, просто въ тебя влюбленъ. Здѣсь онъ ни въ чемъ не успѣлъ. Этого ожидать было должно... Кажется, вы затѣяли пустяки; теперь еще не время, а когда—Богъ одинъ знаетъ" [395]).

Да и самъ Гай, уже будучи въ Гамбургѣ, письмомъ своимъ отъ 10 сентября 1840 г. увѣдомилъ Погодина о томъ, что его вторичное пребываніе въ Петербургѣ было еще менѣе удачно, чѣмъ первое. Изъ лицъ, къ которымъ у него были рекомендательныя письма отъ Москвичей, онъ могъ видѣть только одного Протасова, сказавшаго ему очень много любезностей, кои оказались одними обѣщаніями. Къ остальнымъ Гай ѣздилъ по два и по три раза, но не заставалъ

дома, такъ что нѣкоторымъ даже и не оставилъ писемъ. Особенно жалѣлъ онъ, что не удалось видѣть Жуковскаго.

Черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ описываемаго нами, а именно 4 апрѣля 1867 года, Погодинъ въ своей лекціи о Словенахъ предъ открытіемъ въ Москвѣ этнографической выставки и въ ожиданіи Словенскихъ гостей сказалъ между прочимъ: „Иллирійскій Гай, который былъ у насъ въ Москвѣ въ 1840 году, и принятъ былъ съ восторгомъ, ушелъ въ какой-то таинственный сумракъ“ [396]).

Въ то время, когда въ Москвѣ поборники Словенства такъ усердно сбирали пожертвованія въ пользу Иллирійскаго Гая для предпринимаемаго имъ въ своемъ Отечествѣ изданія журналовъ и газетъ, Россія, по свидѣтельству самого Хомякова, переживала *тяжкій* 1840 годъ. Неурожай этого года и неразлучный съ нимъ спутникъ—голодъ причинялъ Русскому народу великія страданія.

Въ это время Погодинъ цѣлью своего *Дневника,* между прочимъ, поставилъ „узнавать отчасти Россію нашего времени“. Для этого онъ внимательно слѣдилъ за внутренними дѣлами Россіи, разспрашивалъ о положеніи у пріѣзжавшихъ въ Москву изъ губерній и такимъ образомъ узнаваемое записывалъ въ своемъ *Дневникѣ.* И дѣйствительно, собранныя имъ въ ту пору свѣдѣнія производятъ безотрадное впечатлѣніе. Возвратившійся въ Москву, изъ своей Орловской губерніи, Грановскій рисовалъ Погодину мрачными красками внутреннее положеніе Россіи. „Пріѣзжалъ Грановскій“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „разсказывалъ ужасы объ Орловской губерніи. Запасовъ никакихъ, жатва пустая и мѣры ни одной. Губернаторъ доноситъ о семидесяти тысячахъ въ магазинахъ, а предводитель проситъ сѣмянъ, Правительство позволяетъ взять изъ магазиновъ, а въ магазинахъ нѣтъ ни зерна...“

Но возвратившійся въ Москву изъ деревни С. Т. Аксаковъ нѣсколько смягчилъ Погодину эту безотрадную картину. „Пріѣхалъ Аксаковъ“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Днев-*

никъ, „каково? Во всѣхъ губерніяхъ, опустошенныхъ пожарами прошлаго года, не осталось ни малѣйшаго слѣда. Всѣ селенія отстроены лучше прежняго. Россія такой слонъ, сказалъ онъ очень удачно, что чѣмъ глубже дашь рану, тѣмъ она скорѣе заплываетъ жиромъ...“ Выслушавъ это, Погодинъ замѣтилъ: „Какъ она держится эта махина? Посошковъ жалуется на тѣ же злоупотребленія и при Петрѣ I; значитъ, что законы идутъ своею дорогою, а нравы своею, и взаимное ихъ вліяніе гораздо меньше того какъ думаютъ“.

По поводу же разсказовъ Грановскаго о положеніи Орловской губерніи, Погодинъ замѣтилъ: „Изъ Кіева везутъ хлѣбъ въ Одессу, а въ Орлѣ его нѣтъ. Хорошо управленіе!“

Мы же съ своей стороны замѣтимъ, что во времена крѣпостного права, бѣдствія, причиняемыя голодомъ и пожарами, главнымъ образомъ обрушивались на помѣщиковъ, ибо и обычай, и законъ обязывали ихъ: погорѣлыхъ крестьянъ своихъ обстраивать, а голодалыхъ прокармливать.

Бесѣдуя однажды съ И. И. Давыдовымъ „о правленіи“, Погодинъ высказалъ слѣдующія мысли: „Тяжело и мудрено Сильвестрамъ и Посошковымъ пробиваться сквозь эту фалангу гордости, посредственности и ревности. Нынче, кажется, тяжелѣе, нежели когда-нибудь. Послѣднія финансовыя мѣры наши исполнены, говорятъ, грамматическихъ ошибокъ; только врагъ Любецкой, какъ Конрадъ Валенродъ, могъ присовѣтывать ихъ. Все наше золото и серебро уходитъ въ чужіе края, будто бы оцѣненное не по достоинству. Неужели это такъ? Чего же смотрятъ профессоры Политической Экономіи? Они должны бы подать свой голосъ. Точно такъ профессоры Юриспруденціи до сихъ поръ не сдѣлали ничего надъ *Сводомъ*. А уничтоженіе лажу считали многіе благодѣяніемъ. Какъ очевидно при этомъ случаѣ повсемѣстное невѣжество“.

По поводу назначенія Сенявина губернаторомъ въ Москву, Погодинъ высказывается: „Сенявинъ переведенъ сюда губернаторомъ якобы за отличіе по службѣ, а въ самомъ дѣлѣ для

того, чтобы удалить его изъ Новгорода, гдѣ онъ мѣшалъ грабить коммиссіонерамъ Военнаго Министерства“.

Возникавшіе тогда вопросы объ улучшеніи нашего судопроизводства живо интересовали Погодина. „Бумажность“, пишетъ онъ, „въ коей утопаетъ наше судопроизводство, начинается съ Петра I. Въ ужасномъ положеніи находится наша судейская нравственность“. „Боже мой!“ восклицаетъ В. И. Даль, „что за толщи исписанной бумаги сваливаются ежегодно въ архивъ, и пишутся повидимому только для архивовъ; куда это все пойдетъ и чѣмъ кончится это гибельное направленіе безполезнаго тунеяднаго письмоводства, гдѣ всѣ дѣла дѣлаются только на бумагѣ, гдѣ со дня на день письмо ростетъ, формы, отчеты, отчеты и еще отчеты увеличиваются, а на дѣлѣ все идетъ наоборотъ и гладко только на гладкой бумагѣ?“ Ходившіе въ то время слухи „о сокращеніи солдатской службы“ вызвали у Погодина слѣдующую замѣтку: „Я думалъ давно объ этомъ сокращеніи, но съ тѣмъ, чтобы чередной крестьянинъ, отслуживъ свои годы (отъ пяти до десяти лѣтъ), возвращался опять крестьяниномъ въ свою деревню, къ своей сохѣ, къ своему семейству. А иначе всѣ крестьяне переведутся въ солдаты, и промѣняется кукушка на ястреба“.

Въ концѣ концовъ Погодинъ приходитъ къ такому заключенію: „Управленіе дурно, но это верхнія волны, подъ которыми море течетъ какъ Богъ велитъ“ [397]).

LXV.

Когда прекратилъ свое существованіе въ 1839 году *Московскій Наблюдатель* новой редакціи, тогда органомъ Западниковъ сдѣлались *Отечественныя Записки*.

Въ концѣ 1838 года П. П. Свиньинъ ввѣрилъ редакцію *Отечественныхъ Записокъ* А. А. Краевскому. По заключенному условію, Свиньинъ возложилъ на Краевскаго не только всѣ труды по изданію, но даже отвѣтственность за него передъ публикою и Правительствомъ. Въ разосланныхъ объяв-

леніяхъ о возобновленіи, съ 1839 года, *Отечественныхъ Записокъ*, Краевскій подписалъ свое имя въ качествѣ редактора. По поводу этого объявленія Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому (28 декабря 1838 г.): „Въ литературѣ на дняхъ выйдетъ первый номеръ *Отечественныхъ Записокъ*, на который Свиньинъ передалъ права, компаніи подъ редакціею Краевскаго. Тутъ участвуетъ и Одоевскій и много, много народу, а на программѣ и вы, князь, и Жуковскій и пр., это будетъ по плану нѣчто въ родѣ *Библіотеки для Чтенія* или *Сына Отечества*. Впрочемъ у насъ журналы и не могутъ имѣть новаго цвѣту, кромѣ обертки: авторы вездѣ тѣ же, а цензура и паче“ [398]).

1 января 1839 года вышла первая книжка *Отечественныхъ Записокъ* подъ новою редакціею. Краевскій ознаменовалъ это событіе въ журнальномъ мірѣ пиромъ. Проѣздомъ въ чужіе края въ это время былъ въ Петербургѣ и Погодинъ, которому писалъ Краевскій: „Завтра въ 5 часовъ приходите пожалуйста къ ресторатёру Дюме, на углу Малой Морской и Гороховой. Тамъ будутъ Павловъ, Одоевскій, Плетневъ etc. Пришедши, спросите особыя комнаты и меня“ [399]).

Обновленныя *Отечественныя Записки* произвели пріятное впечатлѣніе. „О *Запискахъ* скажу“, писалъ Хомяковъ А. В. Веневитинову, „что журналъ хорошъ, т.-е. лучшій у насъ, и истинно хорошъ литературно; но не худо бы было издателю нѣсколько воспользоваться примѣромъ *Библіотеки* по части ученой. Это въ *Библіотекѣ* хорошо и достойно подражанія. Повѣсть графа Сологуба хороша, Одоевскаго хороша также, но не изъ лучшихъ его произведеній. Стихи почти всѣ плохи. Графини Растопчиной стихи не дурны, но холодны; впрочемъ ты совершенно правъ въ сужденіи объ ней какъ женщинѣ, хотя едва ли не слишкомъ снисходителенъ какъ къ писательницѣ. Лермонтовъ хорошъ, но не ровенъ. Вообще журналъ чистъ, благороденъ и обѣщаетъ много. Скажи издателямъ, что они насъ радуютъ, и дай Богъ имъ здоровья. Вы трудитесь, а мы лѣнтяи. Впрочемъ я еще все продолжаю пріуготови-

тельные труды и думаю, что на дняхъ достигъ кое-какихъ истинъ довольно важныхъ" [400]).

Между тѣмъ 9 апрѣля 1839 года скончался П. П. Свиньинъ, а 11 апрѣля Краевскій уже обратился въ цензурный комитетъ съ прошеніемъ о дозволеніи ему продолжать это изданіе. Главное Управленіе Цензуры, принимая въ уваженіе „благонамѣренный духъ, въ которомъ составлены вышедшіе доселѣ (т.-е. до апрѣля 1839 года) подъ редакціею Краевскаго нумера *Отечественныхъ Записокъ*, равномѣрно обязанности принятыя предъ подписчиками редакціею сего журнала, не усмотрѣло повода затруднять дальнѣйшее изданіе онаго и согласилось на передачу *Отечественныхъ Записокъ* Краевскому".

Претендентомъ на изданіе *Отечественныхъ Записокъ* явился также и Рафаилъ Зотовъ, который писалъ Уварову: „По случаю смерти издателя *Отечественныхъ Записокъ*, журналъ долженъ прекратиться, если милостивое разрѣшеніе вашего высокопревосходительства не передастъ право изданія другому лицу. Осмѣлюсь всепокорнѣйше просить о исходатайствованіи мнѣ сего права. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что съ усердіемъ и преданностью къ особѣ вашей буду я соображаться съ тѣмъ благотворнымъ направленіемъ литературы и просвѣщенія, которое дано вашими попеченіями для благоденствія Россіи. Симъ надѣюсь я заслужить ваше милостивое вниманіе". Ходатайство это не имѣло успѣха. *Отечественныя Записки* остались за Краевскимъ. „Вамъ кланяется Краевскій", писалъ Погодину правовѣдъ Николай Калайдовичъ, „онъ теперь обзавелся домкомъ и зоветъ меня чаще ходить къ нему. Журналъ его, какъ говорятъ, идетъ хорошо" [401]). Самъ же Погодинъ въ письмѣ своемъ къ Шевыреву, говоря вообще о журналахъ, а въ томъ числѣ и объ *Отечественныхъ Запискахъ*, замѣчаетъ: „Журналы всѣ хороши, очень хороши! Что касается до сообщаемыхъ свѣдѣній, то есть смѣсь, но критика не существуетъ нигдѣ. Ни одной порядочной книги не осилитъ ни одинъ журналистъ: или мальчишки, или подлецы, или невѣжи—вотъ рецензенты" [402]).

До водворенія или точнѣе до воцаренія Бѣлинскаго съ его товарищами-западниками въ *Отечественныя Записки*, у Погодина съ этимъ журналомъ были самыя дружескія отношенія, и это продолжалось вплоть до 1841 года, т.-е. до выхода въ свѣтъ *Москвитянина*. Погодинъ не только сочувствовалъ *Отечественнымъ Запискамъ*, но даже принималъ въ нихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Такъ, когда вышла въ свѣтъ *Исторія философіи* архимандрита Гавріила (Казань, 1839—1840 г.), въ міру Василія Воскресенскаго, имѣвшаго на Погодина, въ его юные годы, столь благодѣтельное вліяніе *), то Погодинъ отправилъ въ *Отечественныя Записки* статью объ этой книгѣ, но слѣдующимъ, свойственнымъ ему оригинальнымъ способомъ, о которомъ мы узнаемъ изъ письма Краевскаго къ Погодину: „Знаете ли вы, какая курьезная штука вышла со статьею, которую вы прислали мнѣ? Въ одно прекрасное утро—встрѣчаю я Арсеньева; онъ мнѣ говоритъ, что *кто-то*, когда его не было, принесъ ему отъ васъ письмо, въ которомъ вы просите его прочесть какое-то тутъ же посылаемое сочиненіе, писанное вами десять лѣтъ назадъ, провѣрить факты, и пр.; при этомъ письмѣ господинъ *кто-то* оставилъ и статью свернутую въ трубку, не запечатанную; Арсеньевъ развернулъ статью и видитъ на верху ея написанное вами: *къ г. Краевскому*—и далѣе цѣлую записку ко мнѣ на поляхъ статьи. Онъ спрашиваетъ меня, не перемѣшалъ ли реченный господинъ *кто-то* ваши посылки. Между тѣмъ я взялъ у Арсеньева слѣдовавшую мнѣ статью о книгѣ о. Гавріила, прочелъ ее, и мнѣ она понравилась: въ ней много умнаго, опытнаго; но вотъ бѣда: у меня взялся писать объ этой книгѣ одинъ изъ сотрудниковъ, еще въ прошломъ году, а теперь не перестаетъ повторять обѣщанія и прислать обѣщанное; напечатать статью другого объ этомъ же сочиненіи значитъ обидѣть того, кто взялся, и потому я теперь же хочу написать къ нему о семъ и потребовать немедленной присылки статьи подъ опасеніемъ отверженія ея и замѣненія другою статьею,

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1888, I, 73.

т.-е. вашею. Радъ душевно просить автора этой статьи работать для *Отечественныхъ Записокъ.* Скажите только, что онъ можетъ, или что хочетъ дѣлать. Если онъ дешевый сотрудникъ— une raison de plus просить его: дѣла довольно плоховаты, хотя надежды впереди и много. А вы что же не помогаете намъ? На поляхъ этой же статьи обѣщаете прислать свой вкладъ на первой недѣлѣ поста,—но вотъ ужъ и Святая наступила... Ради Бога, печалуйтесь объ успѣхѣ нашего дѣла! Вѣдь у насъ все такъ: бросятъ всѣ, да послѣ и говорятъ, что журналъ не совсѣмъ то, чѣмъ бы долженъ быть. Вы мнѣ говорили о своихъ предположеніяхъ, при посѣщеніи Версаля, о встрѣчѣ съ Океномъ, и проч. У васъ бы нашлось множество, еслибъ вы только захотѣли поискать да позаботиться о насъ. Пожалуйста же помогите: теперь намъ нужно это больше, чѣмъ когда-нибудь; тормошите Н. Ф. Павлова, Хомякова".

Въ томъ же письмѣ Краевскій покровительству Погодина поручаетъ извѣстнаго впослѣдствіи Петербургскаго книгопродавца Якова Алексѣевича Исакова. „Отчетъ", пишетъ Краевскій, „о продажѣ вашихъ книгъ услышите отъ вручителя этого письма, г. Исакова, управляющаго нашею конторою и заводящаго здѣсь свою книжную лавку. Онъ ѣдетъ въ Москву ознакомиться съ вашими мошенниками-книгопродавцами. Помогите ему вашими совѣтами и вашимъ знаніемъ характеристики книготоргующаго Московскаго люда: это человѣкъ умный, честный и благородный" [403]).

Погодинъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* помѣстилъ переводъ разсужденія Колара *О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями Словенскими,* къ которому Краевскій сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Это лирическое разсужденіе одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Словенистовъ нашего времени недавно напечатано въ Австріи на Нѣмецкомъ языкѣ. Мы увѣрены, что каждый изъ Русскихъ читателей прочтетъ его съ наслажденіемъ и оцѣнитъ его важность. За доставленіе сего перевода мы обязаны благодарностью М. П. Погодину", и рядомъ съ этимъ была напечатана статья Бѣлин-

скаго о Менцелѣ, критикѣ Гете. У Краевскаго же Погодинъ напечаталъ отрывокъ изъ своего *Дорожнаго Дневника*. Наконецъ тутъ же напечаталъ Шевыревъ свое стихотвореніе *Мадонна* [404]).

Между тѣмъ, въ октябрѣ 1839 года, Бѣлинскій переселился въ Петербургъ для сотрудничества въ *Отечественныхъ Запискахъ*. По свидѣтельству И. И. Панаева, изъ всѣхъ Московскихъ друзей его только одинъ Константинъ Аксаковъ „смотрѣлъ на него съ грустью, сожалѣніемъ и отчасти съ досадою. Онъ не понималъ, какъ москвичь можетъ равнодушно оставлять Москву".

Съ Бѣлинскимъ въ *Отечественныя Записки* перешли и всѣ сотрудники *Московскаго Наблюдателя* новой редакціи [405]), и оттолѣ *Отечественныя Записки* сдѣлались органомъ западниковъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы Бѣлинскій завязалъ съ Герценомъ споръ, за которымъ послѣдовало охлажденіе между друзьями. Причиною ссоры было прославленіе Бѣлинскимъ *дѣйствительности*. „Пора намъ, братецъ", говорилъ Бѣлинскій Герцену, „посмирить нашъ, бѣдный, заносчивый умишко и признаться, что онъ всегда окажется дрянью передъ событіями, гдѣ дѣйствуютъ народы съ своими руководителями и воплощенная въ нихъ Исторія". Эти слова привели Герцена въ ужасъ. Къ сожалѣнію, черезъ два года Бѣлинскій отказался отъ этихъ своихъ справедливыхъ словъ и Герценъ уже не имѣлъ никакихъ поводовъ препираться съ Бѣлинскимъ, „они были одинаковаго мнѣнія по всѣмъ вопросамъ" [406]).

Въ это же время совершился и разрывъ Бѣлинскаго съ Константиномъ Аксаковымъ, который, по свидѣтельству его брата Ивана, получилъ изъ Петербурга, отъ Бѣлинскаго письмо, „преисполненное самыхъ грубыхъ, неистовыхъ, циническихъ ругательствъ на Россію и Русскаго человѣка, и самоувѣренной похвальбы, что въ этомъ его новомъ отношеніи къ Русской народности заключался *новый моментъ развитія*, высшая точка зрѣнія, истинное разумѣніе дѣйствительности. Съ свой-

ственнымъ ему остервенѣніемъ искренности, Бѣлинскій мялъ и топталъ безпощадно то, чему еще недавно самъ поклонялся, глумился надъ Москвою и надъ *новымъ направленіемъ,* которое уже возникало и созрѣвало въ Константинѣ Аксаковѣ. Это было каплею, переполнившею сосудъ. Константинъ Аксаковъ отвѣчалъ рѣзкимъ, короткимъ письмомъ, и разрывъ совершился" [407]).

Такимъ образомъ *Отечественныя Записки* сдѣлались органомъ того ученія, которое въ теченіе многихъ лѣтъ „видѣло для Россіи спасеніе только въ полнѣйшемъ духовномъ отреченіи отъ своей народности и въ полнѣйшемъ усвоеніи себѣ Западной Цивилизаціи со всѣми ея началами, безъ всякихъ притязаній на самостоятельное развитіе. Однимъ изъ выраженій такого направленія былъ Чаадаевъ. Ученіе это не скрывало, что для прививки къ Русскому народу просвѣщенія желательно было прежде всего вытравить въ Русской души всякое религіозное убѣжденіе" [408]).

LXVI.

Первою жертвою наступательнаго движенія западниковъ противъ Древней Русской Словесности былъ историкъ ея М. А. Максимовичъ.

По своимъ убѣжденіямъ Максимовичъ вмѣстѣ съ своими друзьями Погодинымъ и Шевыревымъ не принадлежали ни къ Западникамъ, ни къ Словенофиламъ. Они, служа только Россіи, по счастливому выраженію Погодина, *стояли между Востокомъ и Западомъ съ большимъ склоненіемъ къ Востоку.*

Въ то время, когда Погодинъ путешествовалъ по Западной Европѣ, Кіевскаго его друга Максимовича постигла тяжкая болѣзнь, отъ которой всю весну и лѣто 1839 года лѣчили его безплодно. Само собою разумѣется, закрытіе Кіевскаго Университета имѣло вредное вліяніе на его здоровье. По свидѣтельству его біографа, въ это время Максимовичъ „по часту и по долгу съ тяжелою грустью бесѣдовалъ объ

этомъ съ святителемъ Иннокентіемъ, и участіе святителя въ эту тревожную годину было особенно благодатно для страждущаго и больнаго Максимовича" [409]).

Но болѣзни и огорченія нисколько не мѣшали Максимовичу заниматься любимою наукою. Въ это время онъ трудился надъ Исторіею Древней Русской Словесности и осенью 1838 года приступилъ къ ея печатанію. Получивъ изъ типографіи первый корректурный листъ, онъ послалъ его къ Иннокентію, съ надписаніемъ: *благослови, владыко!* Преосвященный возвратилъ съ своей надписью: *Богъ благословитъ!*" [410]).

Наконецъ, въ 1839 году, въ Кіевѣ вышла въ свѣтъ книга, подъ заглавіемъ: *Исторія Древней Русской Словесности*. Этою книгою заинтересовался, находившійся въ то время въ Мюнхенѣ, Шевыревъ и писалъ Погодину (17 октября 1839 г.): „Любопытно мнѣ прочесть книгу Максимовича. Я многаго жду отъ него, особенно въ этомъ періодѣ. Онъ на мѣстѣ изучаетъ дѣло. Но я не думаю, чтобы мы сошлись во взглядѣ".

Но противъ этой книги возстали Западники, и будущій знаменитый авторъ разсужденія *Объ элементахъ и формахъ Словено-Русскаго языка* напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* критику, въ которой между прочимъ утверждалъ, что у насъ до Петра Великаго не могло быть никакой литературы, и что вся наша Словесность, бывшая до того времени, есть только письменность, неимѣющая никакого движенія. Затѣмъ поведена рѣчь о Ломоносовѣ и Державинѣ, и о томъ, что только съ Карамзина началась у насъ литература, подлежащая историческому разсматриванію. Критикъ устанавливаетъ точку зрѣнія на то, какъ должно заниматься Исторіею Словесности и даетъ инструкцію для построенія Русской Словесности по плану, коего основаніемъ и главною цѣлью были бы движеніе и развитіе Русскаго языка. Онъ увѣренъ, что всякое другое воззрѣніе безплодно, пусто. Критикъ удивляется, „за что Максимовичъ съ особеннымъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ отзывается о *Словѣ о Полку Игоревѣ?* Надобно же было на чемъ-нибудь основывать свое ува-

женіе и доказать его для публики! Пусть бы Максимовичъ попробовалъ изложить содержаніе этого *Слова* и сдѣлать изъ него выписки: тогда бы обнаружилось все безобразіе этого несчастнаго произведенія! Что хотите говорите, его никакъ нельзя признать за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшится на подделку и написать такую нелѣпицу“ [411]).

Прочитавъ эту критику, Максимовичъ писалъ: „Никогда почти не отвѣчалъ я на журнальныя рецензіи издаваемыхъ мною книгъ, ибо не видѣлъ въ томъ никакой пользы; но прочтя въ четвертомъ нумерѣ *Отечественныхъ Записокъ* статью объ изданной мною прошлаго года *Исторіи Древней Русской Словесности*, я рѣшился, хотя и неохотно, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этой статьѣ“. Критика своего Максимовичъ характеризуетъ такимъ образомъ: „Статья его написана отъ всего сердца, съ тою полнотою душевной молодости, которая нетерпѣливо хочетъ высказать себя всю, при первомъ удобномъ случаѣ, и такъ охотно заговаривается обо всемъ, что только приходитъ ей къ слову. Но для критика этого еще недовольно: можно быть весьма добросовѣстному, и отъ чистаго сердца говорить вздоръ; можно быть внутренно увѣренному въ своей справедливости, и быть весьма несправедливому къ другимъ. То и другое случается особенно съ молодымъ умомъ, когда онъ, увѣровавъ въ какую-нибудь систему, внѣ оной не видитъ уже ничего истиннаго; въ каждомъ предметѣ усматриваетъ не его истинную сущность, но воображаетъ только свою собственную, личную мысль и съ полнымъ самодовольствомъ и самонадѣяніемъ замышляетъ, посредствомъ своихъ теоретически выспренныхъ идей, рѣшить и рядить все. И хорошо еще, если эта система будетъ одна изъ первостепенныхъ системъ философскихъ: горячка, отъ нея происходящая въ молодомъ, но крѣпкомъ умѣ, часто оканчивается благополучно, и нерѣдко бываетъ ему *къ росту*. Но если молодой умъ обуяетъ какое-нибудь частное, одностороннее ученіе, напримѣръ, *отрицательное* ученіе историческаго *скептицизма*, тогда

онъ уже съ нетерпимостью отвергаетъ все, что не подходитъ подъ его точку зрѣнія, и съ горделивымъ неуваженіемъ глядитъ на все, что не въ духѣ его требованій. Между тѣмъ отъ основательнаго критика требуется именно того, чтобы онъ способенъ былъ, сходя съ своей точки зрѣнія, входить въ мысли другого, а сего то свойства и недостаетъ у моего критика". Далѣе Максимовичъ замѣчаетъ: „Послѣ того, какъ критикъ мой такъ много говорилъ о литературѣ и поэзіи вообще, о духѣ народномъ, о Греціи и Шекспирѣ, и услаждался созерцаніемъ новаго, небывалаго еще плана въ области знанія, ему, безъ сомнѣнія, неохотно было спуститься съ выспренней, безграничной высоты своихъ идей въ пыльную, тѣсную область Древней Русской Словесности. Потому-то онъ, какъ бы нехотя, и лишь поверхностно перебираетъ мою книгу, въ которой каждая глава требовала и долговременнаго соображенія, и многотруднаго эмпиризма; все въ ней кажется для него *утомительно*, *сухо и черство*; все въ ней находитъ онъ поверхностнымъ, обыкновеннымъ, и всѣмъ

Ужасно недоволенъ онъ!

За то можно сказать его же словами: *Никогда претензія и высшіе взгляды, для которыхъ нужно подниматься на ходули, не доводятъ до добра*".

По поводу же отрицанія критикомъ *Слова о Полку Игоревѣ* Максимовичъ съ справедливымъ негодованіемъ замѣчаетъ: „Послѣ этого нечего уже, кажется, и говорить мнѣ съ г. критикомъ о Древней Русской Словесности, остается только пожалѣть, что въ наше время появилась еще одна критика, въ которой всѣми признанное достоинство древняго Русскаго пѣснопѣнія отрицается съ такимъ неуваженіемъ и провозглашается *нелѣпицею*..."

Иначе, чѣмъ *Отечественныя Записки*, судилъ о трудѣ Максимовича Плетневъ въ своемъ *Современникѣ*: „Здѣсь начало труда прекраснаго и общеполезнаго. Сочинитель входитъ въ самыя любопытныя розысканія относительно происхожденія разныхъ Словенскихъ нарѣчій... Въ его филологическомъ изслѣ-

дованіи есть самобытность, своеобразіе и доказательства, свидѣтельствующія о внимательномъ и долговременномъ его изученіи предмета. Только подобные труды и подвигаютъ науку къ ея окончательному совершенству. Самыя ошибки въ новомъ взглядѣ, неизбѣжныя въ предпріятіи многотрудномъ... поучительны для преемниковъ. По крайней мѣрѣ это не обветшалыя фразы, не компиляціи бездушныя“ [412]).

Не взирая на сіи враждебныя нападенія съ западнаго лагеря, Максимовичъ продолжалъ терпѣливо трудиться на священной нивѣ Русскихъ Древностей во святомъ градѣ Кіевѣ.

Книгу свою *Откуда идетъ Земля Русская*, изданную въ Кіевѣ въ 1837 году, Максимовичъ считалъ предисловіемъ къ трудамъ своимъ надъ стариною Кіева и всей Малороссіи „Когда въ 1839 году“, пишетъ онъ, „роковая болѣзнь подкосила мнѣ ноги, я предпринялъ тогда изданіе *Кіевлянина*“ [413]).

Приготовляясь къ этому изданію, Максимовичъ производилъ усердные поиски въ архивахъ монастырей Злато-Михайловскаго и Выдубицкаго; онъ старался ознакомиться поближе съ историческими дѣятелями Малороссіи и для того пересматривалъ между прочимъ и старые церковные памятники Печерской лавры и другихъ монастырей Кіевскихъ; „вообще онъ заботился о томъ, чтобы освѣтить темное, поставить на твердую почву сомнительное, поднять вопросы, требующіе ближайшаго изслѣдованія“ [414]).

Въ предисловіи къ первой книжкѣ *Кіевлянина* Максимовичъ писалъ: „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Россіи Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и существеннѣйшую цѣль моего изданія“.

Этому предпріятію Максимовича весьма сочувствовалъ Хомяковъ. „Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды!“, писалъ онъ ему, „Названіе *Кіевлянина* очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отзываться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во мно-

гихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала, и которые вылились изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце успокоились отъ недавнихъ ударовъ". По непонятнымъ причинамъ, Кіевская цензура не нашла возможнымъ дозволить Максимовичу открыть *Кіевлянинъ* знаменитымъ стихотвореніемъ Хомякова: *Кіевъ*. „Весьма жаль мнѣ", писалъ Иннокентій Максимовичу, „вашего и нашего *Кіева*. Тутъ, право, нельзя не посѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ!.. Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благого" [415]). Лишенный возможности начать *Кіевлянинъ* опальнымъ стихотвореніемъ Хомякова, Максимовичъ началъ его *Кіевомъ* Бенедиктова:

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ Кіевъ предо мной
Предстоитъ золотоглавый:
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой! [416]).

Изъ Хомяковскаго же *Кіева* Максимовичъ воспользовался только нѣсколькими стихами для эпиграфа къ своему *Кіевлянину*:

Слава, Кіевъ многовѣчный
Силы Русской колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Прочитавъ въ *Кіевлянинѣ* стихотвореніе Бенедиктова, Погодинъ писалъ Максимовичу: „Да кто тебя угораздилъ Бенедиктовскую нотабенку сунуть въ общество святыхъ угодниковъ Печерскихъ" [417]).

Приготовляя къ выходу въ свѣтъ первой книжки *Кіевлянина*, Максимовичъ писалъ Погодину: „Долженъ читать корректуру *Кіевлянина* и настрочить для него двѣ статьи (взамѣнъ не пропущеннаго моего *Сказанія о Коливщинѣ*) —

именно статьи о надгробіяхъ Печерскаго монастыря и другую о Дубровицахъ: для обѣихъ, равно какъ и для обозрѣнія стараго Кіева, долженъ былъ, не смотря, что они вышли коротки—перечитывать пропасть и печатнаго вздора, и хламу, писаннаго въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Слѣдственно для моего лѣваго, то есть читающаго чрезъ увеличительное стекло, глаза—была двойная пытка, послѣ которой едва оставалось зрѣнія и всякой другой силы на чтеніе лекцій. И лекціи, и факультетскія засѣданія бываютъ у меня на дому. Совѣта я вовсе не знаю. *Блаженъ мужъ...* Я читаю и пишу только до обѣда и въ это время ко мнѣ, живущему въ университетскомъ домѣ и навѣрно находящемуся въ квартирѣ, то Господь посылаетъ, то сатана приноситъ посѣтителей“ [418]).

Въ началѣ 1840 года вышла первая книга *Кіевлянина*, въ которой Максимовичъ представилъ плоды своихъ изслѣдованій: о старомъ Кіевѣ, о древней Ѳеодосіевой пещерѣ въ окрестностяхъ Кіева, о надгробіяхъ въ Печерской лаврѣ, о городахъ Пересопницѣ и Дубровицахъ. Въ этой же книжкѣ Максимовичъ, для дальнѣйшаго продолженія своихъ трудовъ по старинѣ Кіевской и Галицкой, обратился съ просьбою ко всѣмъ живущимъ въ Малороссіи о сообщеніи ему „старинныхъ историческихъ и всякихъ другихъ записокъ, грамотъ, универсаловъ, актовъ, листовъ или писемъ, старинныхъ легендъ, народныхъ преданій и пѣсенъ, рисунковъ со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ предметовъ“ [419]).

Посылая *Кіевлянинъ* Погодину, Максимовичъ писалъ ему: „Ты вѣрно со вниманіемъ прочтешь въ *Кіевлянинѣ* мои историческія статьи, въ которыхъ есть много, хотя и мелкихъ, не казистыхъ, но для вашего брата историка любопытныхъ и даже новыхъ замѣчаній. Сдѣлай милость, если что найдешь въ бумагахъ Ходаковскаго, относящееся къ мѣстности Кіевской, сообщи мнѣ. Да и ты самъ, тряхни стариной, напиши хоть маленькую повѣсть для *Кіевлянина*“ [420]).

„Ай да наши!“, отвѣчалъ Погодинъ, „честь тебѣ и слава

за твои труды! Нѣтъ-нѣтъ, да и тряхнетъ всякой стариной, а отъ молодыхъ ученыхъ до сихъ поръ, какъ отъ козловъ, ни шерсти, ни молока! Я занимаюсь теперь періодомъ удѣловъ, и пришлю, если хочешь, о границахъ и городахъ Кіевскаго княжества, также и Черниговскаго. Но вѣдь это очень сухо? Ходаковскій въ Кіевѣ не былъ. Выздоравливай или пріѣзжай лечиться въ Москву" [421]). Максимовичъ, убѣждая Погодина потрудиться для *Кіевлянина*, писалъ ему: „Если ты такъ добръ, что хочешь написать статью въ *Кіевлянинъ* и думаешь написать изъ періода удѣловъ, то напиши хоть объ одномъ княжествѣ Черниговскомъ. Тутъ кстати задѣть можно многое и до-Рюриковское, и по-Гедиминовское, остановиться можно нѣсколько и на Тмутараканѣ: вѣдь покойный Евгеній и передъ смертію не вѣрилъ, чтобы она была за моремъ Азовскимъ. А мнѣ еще пришла мысль, хороша бы для *Кіевлянина* могла быть статья объ отраженіи Кіевской Руси въ Залѣсьѣ, коего одна уже географическая номенклатура рѣкъ, городовъ и проч. отъ того уже весьма любопытна; а перенесеніе церковной и княжеской власти чрезъ Суздаль въ Москву, какъ наслѣдницу царственнаго Кіева, имѣетъ много политическаго смысла; тутъ кстати разрѣшился бы вопросъ о первоначальномъ возникновеніи Залѣсья, и есть поводъ для коментарія на старинныя Русскія пѣсни, въ которыхъ поется и объ Залѣшанахъ, и о пути въ Кіевъ изъ Боголюбова и Мурома чрезъ грязи Смоленскія и проч." [422]).

Но отъ этой любопытной задачи Погодинъ уклонился и отвѣтилъ лаконически: „О Черниговскомъ княжествѣ чуть ли не все, какъ я узналъ недавно, написалъ Марковъ" [423]).

Въ другомъ своемъ письмѣ Максимовичъ писалъ Погодину: „Не можешь ли мнѣ выпросить повѣсти у Загоскина: безъ повѣстей братъ плохо жить и *Кіевлянину*; автору же *Аскольдовой могилы* право не грѣхъ бы еще разъ подумать о Кіевѣ да и дать *Кіевлянину*, и запечатать его своимъ именемъ, весьма здѣсь любезнымъ".

На вопросъ Погодина, что дѣлается съ Иннокентіемъ,

Максимовичъ отвѣчалъ: „Иннокентій солнце нашего Кіева, единственный и несравненный изъ достойнѣйшихъ людей, существующихъ нынѣ подъ солнцемъ, съ которымъ только и чувствуешь здѣсь себя порядочнымъ человѣкомъ, съ которымъ здѣсь только и отвожу душу. Но теперь, какъ сталъ я боленъ, пользуюсь этою отрадою чрезвычайно рѣдко. Онъ въ послѣднее время очевидно обратился болѣе къ практической сторонѣ жизни— и въ своемъ пастырскомъ дѣяніи, и въ самой мысли: непрестанно служитъ, говоритъ поученія и между тѣмъ все читаетъ и знаетъ все; самъ держитъ корректуру *Воскреснаго Чтенія* и трудится надъ *Догматическимъ Сборникомъ*, окруженный Греческими и Латинскими фоліантами, въ своемъ удаленномъ отъ очей мірскихъ кабинетцѣ, гдѣ я нашелъ его въ мой пріѣздъ къ нему въ январѣ, для чего цѣлыя два мѣсяца копилъ и берегъ я силу въ скудельныхъ ногахъ своихъ. Третьяго дня онъ подарилъ меня двумя усладительными часами своего посѣщенія и поручилъ мнѣ тебѣ кланяться“ [424]).

Усилившаяся болѣзнь принудила Максимовича, 30 сентября 1840 года, подать въ отставку, и онъ сталъ думать о томъ, чтобы окончательно оставить Кіевъ и поселиться на своей знаменитой Михайловой Горѣ. Узнавъ объ отставкѣ, Погодинъ спрашиваетъ своего друга: „Гдѣ ты располагаешь жить? Не въ Москвѣ ли?“ [425]). Максимовичъ отвѣчаетъ: „Спрашиваешь меня, не думаю ли переселиться въ Москву? Не дразни меня этимъ вопросомъ! Я Москвы не разлюбилъ и даже не оторвалъ себя отъ нея навсегда; но мое положеніе таково, что я не знаю, не думаю и не гадаю о себѣ какъ до будущей зимы... Съ наступленіемъ весны я поселяюсь на родинѣ моей, противъ устья рѣки Роси, на моей *Михайловой Горѣ*, что надъ селомъ Прохоровкою, Золотоношскаго уѣзда, въ верстѣ отъ Днѣпра и въ семи верстахъ отъ Канева. О Гербаріи *) и думать не хочется: видно всего

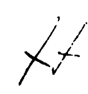
*) Гербарій этотъ былъ собранъ Максимовичемъ въ лѣтніе мѣсяцы 1824 и 1825 гг. во время обозрѣній его Московской губерніи относительно естественныхъ ея произведеній и преимущественно растеній.

30

лучше попросить тебя прислать три короба съ онымъ въ Кіевъ на мое имя, и я съ радостнымъ чувствомъ встрѣчу моего стараго горемычнаго друга и стану по прежнему возиться надъ нимъ въ моей хатѣ, расплевавшись съ книгами; ибо я посвящаю себя на нѣкое время буколической жизни, предаюсь вновь обращенію съ моими возлюбленными жителями и уроженцами Растительнаго Царства,—и буду садовину садить, разводить цвѣтники, городить огородъ, а можетъ быть примусь и за пашню,—но для послѣдняго не довольно у меня земли. Надо непремѣнно пожить этою жизнію нѣсколько времени, чтобы возродиться вновь тѣломъ моимъ для дѣятельности ученой, съ которою навсегда разстаться было бы мнѣ не по мысли. Пиши по почтѣ прямо мнѣ; а то и самъ не знаю, отъ кого мнѣ словно подкинуто твое письмецо, на которомъ нѣтъ даже и числа, когда писано; ну такъ ли слѣдуетъ писать!

А что дѣлаетъ генералъ Каченовскій?" [426]).

LXVII.

Подъ сѣнію священнаго сѵмвола *Православія, Самодержавія и Народности*, въ царствующемъ градѣ Москвѣ явились люди, которыхъ Бѣлинскій въ 1842 году обозвалъ *Словенофилами*. Эти люди мало-по-малу стали вырабатывать воззрѣніе *Православно-Русское*. Православіе для нихъ было высшею истиною, и его они признавали основнымъ началомъ Русской народности и въ Православіи, по убѣжденію Словенофиловъ, содержались просвѣтительныя начала, начало высшей цивилизаціи, выше тѣхъ началъ, которыми жила и которыя почти изжила Западная Европа. Самую Русскую національную особенность Словенофилы возводили на степень просвѣтительнаго органа только потому и во сколько она была проникнута духомъ Православія. Православіе мыслимо и внѣ Россіи; Россія же не мыслима внѣ Православія.

Словенофилы стояли не просто за *народъ*, но главнымъ

образомъ за *народность,* а слово *народность* знаменуетъ у нихъ цѣлый порядокъ понятій и мыслей: и какъ народность вообще, и какъ Русская народность въ особенности. Около *народности*, какъ около центра, группировалась вся борьба Словенофиловъ съ Западниками въ теченіе чуть не двадцати лѣтъ. Народность возводили Словенофилы на степень философскаго принципа. Они доказывали, что страна, отрекающаяся отъ своей народности, съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается отъ всякой духовной самостоятельности и осуждаетъ себя на духовное рабство, которое даетъ въ результатѣ лишь попугайство, обезьянство, знаніе безплодное, мертвенное. Въ томъ именно, что западная цивилизація почти не коснулась народа, и что онъ продолжаетъ хранить въ себѣ жизненный завѣтъ старины, Словенофилы видѣли залогъ спасенія для Россіи. *Въ твоей груди*, *Россія*, говоритъ Хомяковъ, *есть свѣтлый ключъ*, *льющій живыя воды*, *сокрытый*, *безвѣстный*, *но могучій*; а потому Словенофилы меньше всего заботились о просвѣщеніи простаго народа и думали, что надобно было просвѣтиться намъ самимъ. Рабы, попугаи, обезьяны, какъ выражались Словенофилы, всѣ эти самозванные цивилизаторы, могли лишь увлечь простой народъ на тотъ, по ихъ мнѣнію, ложный путь, которымъ шло все Русское общество со временъ Петровой реформы. Не для того, чтобы сдѣлать науку популярною, то-есть понятною и доступною простому народу, а для того, чтобы самимъ возродиться въ духѣ народности и обрѣсти правый путь, стали Словенофилы вникать въ народное міровоззрѣніе. Они допрошали *духа жизни въ быломъ*, т.-е. въ Исторіи, въ Допетровской старинѣ, и въ современномъ бытѣ простаго народа. Словенофилы признавали за основами родного быта полное право на существованіе и потому уже, что онѣ основы [247]).

Словенофиловъ Погодинъ дѣлитъ на четыре поколѣнія. Къ старѣйшему принадлежатъ Хомяковъ, Языковъ, Иванъ и Петръ Кирѣевскіе, Кошелевъ и пр. Къ *сороковымъ* годамъ подготовилось ихъ новое поколѣніе: Константинъ Аксаковъ, Юрій Самаринъ,

А. Н. Поповъ, Елагинъ, Стаховичъ, Пановъ, Валуевъ, князь Черкасскій. Къ *пятидесятымъ* годамъ относится третье поколѣніе: Иванъ Аксаковъ, Гильфердингъ, Ламанскій. Съ *шестидесятыхъ* годовъ началось четвертое: сотрудники *Зари*, *Бесѣды*. „Для Исторіи Русской Словесности", повѣствуетъ Погодинъ, „и вообще Русскаго образованія, замѣчу, это не было еще замѣчено, что кружокъ Словенофиловъ находился въ дружескихъ связяхъ съ представителями старшаго предъ ними поколѣнія, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Плетневымъ, равно какъ тѣ примыкали къ Жуковскому, князю Вяземскому, Дашкову, Блудову, Гнѣдичу, Тургеневымъ и пр. Эти же связаны были въ свою очередь съ Карамзинымъ, который былъ другомъ И. И. Дмитріева, товарища и сверстника Державина, Капниста, Хемницера, Львова, Кострова. Старшіе ихъ современники, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, застали Сумарокова, спорившаго съ Ломоносовымъ! Такъ велось наше литературное преданіе. Западники, изникшіе изъ *Московскаго Телеграфа*, разорвали связь съ этимъ преданіемъ, начали съ униженія старыхъ авторитетовъ, замѣнивъ ихъ новыми" [428]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ школа Словенофиловъ, по свидѣтельству В. И. Ламанскаго, имѣла „высокодаровитыхъ и замѣчательныхъ предшественниковъ въ Ломоносовѣ и Болтинѣ, Карамзинѣ и Грибоѣдовѣ, митрополитѣ Платонѣ и протоіереѣ Голубинскомъ, и въ другихъ нашихъ духовныхъ писателяхъ. Эти Русскіе дѣятели никогда не проповѣдывали вражды къ Западу, всегда относились съ глубокимъ уваженіемъ къ великимъ его подвигамъ въ области науки, искусства и практической дѣятельности. Они даже утверждали, что наше сближеніе съ Западомъ принесло намъ не одинъ вредъ, но и огромную пользу. Только благодаря этому сближенію стало, наконецъ, возможно у насъ строго научное опредѣленіе взаимныхъ отношеній Романо-Германскаго Запада и Греко-Словенскаго Востока, высоты и превосходства нашего просвѣтительнаго начала. Такимъ образомъ наша школа совершенно согласна съ заключеніемъ новѣйшихъ западныхъ мыслителей относительно того,

что должна, наконецъ, наступить новая эпоха въ Исторіи человѣчества. Но она не согласна съ ними относительно характера и значенія этой эпохи. Эта Русская школа утверждаетъ, что новая эпоха обозначится не паденіемъ и искорененіемъ Христіанства, не повсюднымъ торжествомъ матеріализма и атеизма, а собственно тѣмъ, что передовая роль въ Исторіи человѣчества отъ народовъ Романо-Германскихъ достанется Россіи и вообще міру Греко-Словенскому, носителю высшаго просвѣтительнаго начала, преподаннаго всѣмъ Словенамъ великими Солунскими братьями".

„Словенизмъ или Руссицизмъ", повѣствуетъ Герценъ, „не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существовалъ со времени обритія первой бороды Петромъ I... Оно является какъ партія Долгоруковыхъ при Петрѣ II, какъ ненависть къ Нѣмцамъ при Биронѣ, какъ сама Екатерина II при Петрѣ III, какъ Елисавета, опиравшаяся на тогдашнихъ Словенофиловъ, чтобъ сѣсть на престолъ. Всѣ раскольники Словенофилы. Все бѣлое и черное духовенство Словенофилы. Солдаты, требовавшіе смѣны Барклая-де-Толли за его Нѣмецкую фамилію, были предшественники Хомякова и его друзей" [429]).

Старшее поколѣніе Словенофиловъ, т.-е. Хомяковъ и Кирѣевскіе были друзьями и ровесниками Погодина, Шевырева и Максимовича.

„Въ жизни Хомякова", свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ, „не было ни одной минуты, когда бы онъ не былъ православнымъ. Отъ рожденія до гроба онъ пребывалъ въ Православіи". Когда другъ Хомякова И. В. Кирѣевскій еще издавалъ *Европейца*, міросозерцаніе Хомякова было въ главныхъ своихъ основаніяхъ положительно то же, что въ 1860 году, въ годъ его смерти [430]).

„Видаешься ли ты съ Кирѣевскими", писалъ (18 февр. 1840 г.) изъ Кіева Максимовичъ къ Погодину, „и что съ ними дѣлается? Гдѣ теперь Иванъ и что дѣлаетъ онъ? Печатаетъ ли Петръ свои пѣсни?" [431]). Погодинъ отвѣчалъ:

„Иванъ Кирѣевскій живетъ въ Москвѣ, обабился и измѣнился, а иногда и занимается. По середамъ въ вечеру у него собираются знакомые и читаютъ разныя нотабенки, которыхъ настоящій смыслъ объяснилъ мнѣ только П. Г. Рѣдкинъ. На лѣто уѣзжаетъ въ деревню. Иванъ Кирѣевскій сдѣлался очень набоженъ. Петръ купилъ бумаги на пѣсни и сговорился съ Степановымъ, а начинать не начинаетъ" [432]). Образъ жизни И. В. Кирѣевскаго давалъ поводъ къ подобнымъ заключеніямъ. „Днемъ", писалъ онъ (15 іюля 1840 г.) изъ деревни Хомякову, „я рѣшительно не могу ни писать, ни жить, развѣ только читать, что, по словамъ Фихте, то же, что курить табакъ, т.-е. безъ всякой пользы приводить себя въ состояніе сна на-яву. Впрочемъ въ деревнѣ мнѣ трудно и читать, потому что трудно не прерываться. За то ночь моя собственная. Теперь не зайдетъ ко мнѣ ни управитель, ни сосѣдъ. Окно открыто, воздухъ теплый, самоваръ мой кипитъ, трубка закурена, давай бесѣдовать!" И свое философское письмо о *волѣ* Иванъ Васильевичъ заключаетъ такими словами: „Ночь прошла, солнце хочетъ выходить, и мухи проснулись. Прощай". Самъ же Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: „И. В. Кирѣевскій, какъ слышно, написалъ много прекраснаго. Я радуюсь душевно, много надѣюсь я на Кирѣевскаго. Въ его головѣ сокровище мысли и поэзіи" [433]). И. В. Кирѣевскій, свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ, „издатель *Европейца* и самъ европеецъ по преимуществу, обратился отъ Философіи къ Православію, не вслѣдствіе стараній добиться сближенія съ Русскимъ народомъ, а путемъ строго научнаго исканія истины, путемъ философскаго анализа системъ Западной Философіи, и также вслѣдвіе живаго столкновенія съ нѣкоторыми проявленіями Русской религіозной жизни. Только принявъ въ свою душу Православіе, почувствовалъ онъ себя ближе къ Русскому народу, сталъ углубляться въ народную сущность, вникать въ туземныя преданія, и только съ того времени сталъ словенофиломъ" [434]).

Одинъ изъ главныхъ представителей Западниковъ Т. Н. Грановскій писалъ своимъ друзьямъ: „Я отъ всей души ува-

жаю Кирѣевскихъ, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ. Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ, гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества. Они бѣгутъ отъ всякой дѣятельности. Петръ того и гляди что пойдетъ въ монахи". Въ другомъ своемъ письмѣ Грановскій пишетъ: „Бываю довольно часто у Кирѣевскихъ. Ты не можешь себѣ вообразить, какая у этихъ людей философія. Главныя ихъ положенія: Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего. Русская Исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ роднаго историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую Исторію: это даже наше назначеніе для будущаго; вся мудрость человѣческая истощена въ Твореніяхъ св. Отцевъ Греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ Западной. Ихъ только нужно изучать: дополнять нечего; все сказано. Гегеля упрекаютъ въ неуваженіи къ фактамъ. Кирѣевскій говоритъ эти вещи въ прозѣ, Хомяковъ въ стихахъ. Досадно, что они портятъ студентовъ: вокругъ нихъ собирается много хорошей молодежи и впиваютъ эти прекрасныя идеи. Словенскій патріотизмъ здѣсь теперь ужасно господствуетъ: я съ каѳедры возстаю противъ него, за что меня упрекаютъ въ пристрастіи къ Нѣмцамъ. Дѣло идетъ не о Нѣмцахъ, а о Петрѣ, котораго здѣсь не понимаютъ и неблагодарны къ нему". Не смотря на разномысліе, П. В. Кирѣевскій, лѣтомъ 1840 года, посѣтилъ Грановскаго въ его Орловской деревнѣ Погорѣльцахъ, и бесѣды съ нимъ Грановскій находилъ не только пріятными, но и поучительными [435]).

„Оба брата Кирѣевскіе", повѣствуетъ Герценъ, „стоятъ печальными тѣнями... Не признанные живыми, не дѣлившіе ихъ интересовъ, они не скидывали савана. Преждевременно состарѣвшееся лицо Ивана Кирѣевскаго носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы... Жизнь его не удалась... Положеніе его въ

Москвѣ было тяжелое. Совершенной близости, сочувствія у него не было ни съ его друзьями, ни съ нами. *Между имъ и нами была церковная стѣна*... Возлѣ него стоялъ его братъ и другъ—Петръ. Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды и сходки. Я смотрѣлъ на Ивана Кирѣевскаго, какъ на вдову или на мать, лишившуюся сына, жизнь обманула его, впереди все было пусто и одно утѣшеніе:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!

И что же было возражать человѣку, который говорилъ такія вещи: „Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахъ и на святую икону—тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... и я палъ на колѣни и смиренно молился Ей“ [436]).

LXVIII.

Къ младшему поколѣнію Словенофиловъ принадлежали К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ.

Въ Константинѣ Аксаковѣ, свидѣтельствуетъ братъ его Иванъ, „были всегда, съ дѣтства, живы всѣ инстинкты народные и православные, и какъ ни сильно было въ юности вліяніе на него Гегеля, Аксаковъ никогда не разрывалъ связи

съ этими инстинктами. Напротивъ, и тогда Гегель употреблялся имъ лишь какъ орудіе для защиты и пущаго возвеличенія Русской народности. При первомъ же его сближеніи съ Хомяковымъ, уяснились и оправдались въ немъ его православные инстинкты: тутъ не было ни борьбы, ни обращенія, православное міросозерцаніе стало для него путеводнымъ маякомъ въ его изслѣдованіяхъ" [437]). Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы Бѣлинскій писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Въ Константинѣ Аксаковѣ есть все—и сила, и энергія и, глубокость духа, но въ немъ есть одинъ недостатокъ, который меня глубоко огорчаетъ. Это—не *прекраснодушіе*, которое пройдетъ съ лѣтами, но какой-то *китайскій* элементъ, который примѣшался къ прекраснымъ элементамъ его духа" [438]). Въ концѣ 1839 года Константинъ Аксаковъ сблизился съ Юріемъ Самаринымъ.

Въ маѣ 1838 года Ю. Ѳ. Самаринъ кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ. По выходѣ изъ Университета онъ увлекся Нѣмецкою литературою, особенно сочиненіями Гете и написалъ статью о Вертерѣ. Сообщая объ этомъ своему бывшему наставнику С. И. Пако, Самаринъ писалъ: „Статья моя произвела впечатлѣніе на всѣхъ, кто ее читалъ, однако впечатлѣніе не одинакое. Впрочемъ ее вполнѣ одобрилъ тотъ, мнѣніемъ котораго я наиболѣе дорожу. При свиданіи я поговорю съ вами объ этомъ человѣкѣ, въ которомъ я нашелъ поэта и друга, онъ мнѣ очень совѣтуетъ напечатать мою статью въ *Московскомъ Наблюдателѣ**), издаваемомъ кружкомъ молодыхъ людей, которымъ я вполнѣ сочувствую, какъ по философскимъ, такъ и по литературнымъ вопросамъ" [439]). Этотъ *поэтъ и другъ* былъ ни кто другой, какъ Константинъ Аксаковъ.

Будучи оба кандидатами Московскаго Университета и до конца 1839 года почти незнакомые другъ съ другомъ, Константинъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ, по свидѣтельству И. С. Аксакова, согласились готовиться вмѣстѣ къ экзамену на магистра. Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали

*) Новой редакціи, т.-е. Бѣлинскаго.

Гегеля, преимущественно *Логику*, вмѣстѣ же прочли всѣ памятники Русской Словесности, древней и позднѣйшей до половины XVIII вѣка, изучали лѣтописи, старинные грамоты и акты. Оба горячо любили Россію, для обоихъ Православіе было семейнымъ преданіемъ и достояніемъ, и оба же были жаркими почитателями Германскаго философскаго мышленія и литературы. Но когда предъ молодымъ пытливымъ умомъ раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ міръ Русскаго народнаго духа и жизни съ своими еще не изслѣдованными тайниками, они съ увлеченіемъ, съ восторженною радостію привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Гегель послужилъ имъ на то, чтобъ объяснять, санкціонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемірно-историческое значеніе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить, на началахъ же Гегеля, цѣлое міросозерцаніе, цѣлую систему своего рода *феноменологіи* Русскаго народнаго духа съ его исторіей, бытовыми явленіями и даже Православіемъ. Эта попытка, собственно относительно Русской Исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи Константина Аксакова о Ломоносовѣ. Самаринъ же выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Блистательно сдавъ экзаменъ въ февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти неразлучными, являлись въ Московскомъ обществѣ смѣлыми рьяными провозвѣстниками новаго ученія... Шумно огласились Московскія гостиныя пылкими рѣчами Константина Аксакова, и дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ солидарный,— Юрій Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій... „Барыни и барышни“, свидѣтельствуетъ Герценъ, „читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за Константина Аксакова или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ словенинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ“. Замѣтимъ при этомъ, что въ Московскихъ гостиныхъ Герцену нравилась „помѣщичья

распущенность“, которая, сознается онъ, „намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада... „Въ этомъ обществѣ сохранилась, по замѣчанію того же Герцена, „привитая намъ воспитаніемъ традиція Западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она, съ примѣсью словенскаго laisser aller, а подъ-часъ и разгула, составляла особый Русскій характеръ Московскаго общества“. Въ этомъ обществѣ Аксаковъ и Самаринъ встрѣтили Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Всегда общительный, неутомимый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, Хомяковъ однакоже не былъ проповѣдникомъ, и, строго говоря, до встрѣчи съ Юріемъ Самаринымъ и Константиномъ Аксаковымъ въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ. Хотя Иванъ Кирѣевскій къ концу тридцатыхъ годовъ и измѣнилъ свое направленіе, но это измѣненіе совершилось не подъ воздѣйствіемъ Хомякова, а инымъ путемъ. Какъ ни высоко цѣнилъ Хомяковъ его философскіе труды, между ними не было той крѣпкой связи единомыслія, какая установилась впослѣдствіи между Хомяковымъ, Юріемъ Самаринымъ и Константиномъ Аксаковымъ [440]).

Въ Московскихъ гостиныхъ, которыя стали посѣщать Аксаковъ и Самаринъ, собирались лица самыхъ различныхъ направленій: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Чаадаевъ, Крюковъ, Грановскій, Н. Ф. Павловъ, Шевыревъ, Рѣдкинъ, М. А. Дмитріевъ и другіе [441]). Слѣдующая записка Самарина къ Аксакову даетъ понятіе о характерѣ бесѣдъ, происходившихъ на этихъ вечерахъ. „Вчера“, писалъ Самаринъ, „было много споровъ. Главныя схватки: 1) Шевырева съ Крюковымъ о томъ, можно ли молиться богу Гегеля! Шевыревъ подрѣзанъ съ ногъ славно. 2) Шевыревъ съ Рѣдкинымъ о первобытномъ состояніи человѣка. Рѣдкинъ спорилъ прекрасно. Шевыревъ прикрылъ постыдное отступленіе криками и общими мѣстами, но онъ долженъ былъ погибнуть совершенно, еслибъ не вмѣшался Дмитріевъ и не отвлекъ Рѣдкина. 3) Споръ Рѣдкина съ Дмитріевымъ, о томъ же. Дмитріевъ, мистикъ несносный, вздумалъ въ

спорѣ философскомъ приводить тексты, и споръ дошелъ было до личностей. 4) Наконецъ, мой споръ съ Орловымъ, вздумавшимъ излагать мнѣ какую-то свою систему. И удалось мнѣ смиренному Давиду повалить грознаго Голіаѳа“ [442]). Съ своей стороны и Шевыревъ вотъ что писалъ Погодину объ одномъ изъ подобныхъ вечеровъ: „Вчерашній вечеръ произвелъ во мнѣ такую пустоту, что я на весь мѣсяцъ рѣшительно запрусь и не явлюсь никуда. Пусть они одни собираются и надоѣдаютъ другъ другу. Толку отсюда ожидать нельзя. Вотъ ты былъ свѣжій человѣкъ—и что ты слышалъ? Одна говорила дѣло: А. И. Васильчикова, но ея не слушали. Хомяковъ и Павловы (мужъ и жена) до того отстали, что я за нихъ прихожу въ отчаяніе“.

Надо замѣтить, что къ младшему поколѣнію Словенофиловъ, т.-е. къ Константиниу Аксакову и Юрію Самарину и къ ихъ товарищамъ Погодинъ и Шевыревъ относились „какъ профессоры къ студентамъ“ [443]) и какъ профессора имѣли благодѣтельное вліяніе на ихъ развитіе въ Православно-Русскомъ направленіи. Кромѣ того, узы старинной дружбы связывали Погодина съ домомъ Аксаковыхъ. „Бывая у нихъ, онъ бесѣдовалъ съ ихъ возлюбленнымъ первенцемъ Константиномъ: о положеніи Франціи, о Словенахъ, о Новгородской Исторіи, которую, замѣчаетъ Погодинъ, „надо отдѣлать языкомъ граматъ и лѣтописей“. Константинъ Аксаковъ читалъ Погодину начало своей диссертаціи о Ломоносовѣ, въ которой молодой философъ, по замѣчанію его брата Ивана, „немилосердно натягивалъ и гнулъ тяжеловѣсныя, тугія Гегелевскія формулы подъ свое толкованіе Русской Исторіи“. „Аксаковъ“, жалуется Погодинъ, „отнялъ часа два своимъ разсужденіемъ, написаннымъ слишкомъ незрѣло, хотя и есть нѣсколько хорошихъ мыслей. Мнѣ жалко было смотрѣть на его самодовольствіе. Философія погубитъ бѣднаго малаго, а растолковать это нѣтъ возможности“. Вслѣдъ за симъ Погодинъ еще рѣзче замѣчаетъ: „Константинъ и его товарищи не понимаютъ Гегеля, но представляютъ

своимъ лицомъ духъ ея, гордыню. Жаль, что пропадаетъ этотъ талантливый малый“ [444]).

LXIX.

Въ концѣ лѣта 1840 г. въ Москву пріѣхалъ членъ Французской Палаты Депутатовъ Могенъ и усердно посѣщалъ Московскія гостинныя.

„Вслѣдъ за Гаемъ“, писалъ Хомяковъ Языкову, „посѣтилъ Москву начальникъ оппозиціи Французской Mauguin, но былъ не долго. Видѣлъ я его у К. К. Павловой, и онъ сидѣлъ и бесѣдовалъ отъ 7 до 2 часовъ ночи. Мы ему читали урокъ, какъ де Русь смирна и благонравна, какъ де мы всѣхъ любимъ и готовы всегда любить, какъ де Ляхи, грѣховодники, на насъ лгутъ, а сами виноваты. Авось въ прокъ пойдетъ ученіе; а какое глубокое невѣжество—этого не повѣришь! Довольно одного примѣра. Mauguin думалъ, что наши цари были магометане—каково! И это одно изъ первыхъ лицъ во Франціи и особенный покровитель и заступникъ *бѣдныхъ* Поляковъ. Надѣюсь, что онъ не совсѣмъ теперь будетъ вѣрить правости ихъ дѣла. Взялъ онъ мою *Россію* въ переводѣ К. К. Павловой. Кажется, ему понравилось. Право, хорошо, что Москва начинаетъ привлекать вниманіе. Хоть пользы прямой нѣтъ, да мы по крайней мѣрѣ будетъ ее уважать“. На этотъ вечеръ къ Павловымъ весьма стремился попасть Юрій Самаринъ, о чемъ онъ и писалъ къ своему другу Аксакову: „Не скрою, что мнѣ было бы очень пріятно провести вечеръ у Павловыхъ. Только ѣхать туда безъ особеннаго приглашенія и притомъ въ сюртукѣ (фракъ я забылъ въ деревнѣ) кажется мнѣ крайне неприличнымъ, а въ отношеніи къ Павлову въ особенности я ни за что бы не хотѣлъ нарушить приличія“. Но какъ бы то ни было, оба пріятеля познакомились съ Могеномъ и вступили съ нимъ въ словопреніе.

По поводу пріѣзда Могена въ Москву въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія любопытныя записи:

Подъ *25 августа 1840 г.* Аксаковъ разсказывалъ о Могенѣ. Хотѣлось бы съ нимъ познакомиться, но опасаюсь.

– *27*—Получилъ приглашеніе отъ Павлова на Могена, но не поѣду, ибо тамъ вѣрно будутъ Орловъ, Чаадаевъ.

— *28*—Не поѣхалъ къ Аксаковымъ, чтобы не встрѣтиться съ Могеномъ, избѣжать подозрѣній. Однако въ какомъ стѣсненномъ положеніи мы находимся: человѣкъ извѣстный, благонамѣренный, вѣрноподданный боится встрѣтиться случайно съ путешественникомъ! На почту, и тамъ познакомился съ Могеномъ. Вѣрно онъ пріѣзжалъ сюда не даромъ: пощупать пульсъ у насъ.

Могенъ. Я былъ вчера у Павловыхъ. Одинъ у васъ кругъ такой, гдѣ говорятъ, какъ у насъ въ Парижѣ, или многіе?

[*Погодинъ.* Такъ, мимоходомъ, отвѣчалъ я, говоримъ мы pour passer le temps.

Москва ему понравилась, жалѣетъ, что въ Европѣ незнакомы съ Русскою Исторіею.

Могенъ. Впрочемъ, вы сами еще не хорошо знакомы съ нею. Когда завелось у васъ рабство?

Погодинъ. Какъ и вездѣ въ Европѣ. Сначала привычка, а потомъ учрежденіе.

Онъ заговаривалъ нѣсколько разъ со мною и примѣтно хотѣлъ выспрашивать, но было очень неловко говорить при стольких свидѣтеляхъ.

— *29.* Проводилъ Аксаковыхъ. Константинъ разсказывалъ о Могенѣ. „Мы не противъ Россіи и совсѣмъ не за Поляковъ; поддерживая Поляковъ въ 1830 году, мы защищали только себя. Вашъ Государь хотѣлъ напасть на насъ. Въ этомъ году Россія пережила критическую минуту для себя, о важности которой вы и не помышляете. Тьеръ, Гизо, Минье не понимаютъ настоящихъ выгодъ Франціи, стараясь о союзѣ ея съ Англіею. Англичане тотчасъ выдали насъ, но съ Россіею мы готовы быть въ союзѣ. Владѣйте Польшею, возьмите Константинополь, только не трогайте насъ. Но вашъ Госу-

дарь не любитъ насъ, и мы должны опасаться его безпрестанно“. Здѣсь много правды...

21 сентября. Смѣшные разсказы Андросова. Сострилъ самъ. Чаадаевъ, сказалъ онъ, былъ недоволенъ, что Павловъ не представлялъ всѣхъ своихъ гостей Могену по именамъ; чтожъ, сказалъ я, ему хотѣлось, чтобы Павловъ представилъ его съ прочими подъ титлами семи мудрецовъ Русскихъ“.

Хотя Погодинъ избѣгалъ встрѣчи съ Чаадаевымъ въ гостиной Павловыхъ, но не прерывалъ общенія съ нимъ, чему свидѣтельствуетъ слѣдующая запись Погодина въ *Дневникѣ* подъ 13 сентября 1840 года: „О 14-мъ декабрѣ съ Чаадаевымъ, который зналъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Заговоръ начался въ квартирѣ Александра Муравьева, бывшаго начальника штаба у Розена, послѣ смотра, коимъ былъ недоволенъ императоръ Александръ. Сергѣй Муравьевъ, Пестель, Бестужевъ и проч. знали очень дурно по-Русски. Самую конституцію они написали по-французски. Преобразователи! Александръ Муравьевъ переводитъ теперь Библію съ Еврейскаго и погруженъ въ созерцаніяхъ“.

Не довольствуясь словесными спорами съ Могеномъ, Ю. Ѳ. Самаринъ написалъ ему письмо, по поводу котораго писалъ своему другу: „Любезный Аксаковъ, только-что я пріѣхалъ въ деревню, на меня напала такая охота писать, что я въ три часа намаралъ длинное письмо къ Mauguin съ приличными учтивостями и оговорками, впрочемъ нисколько не сглаживающими рѣзкости моего мнѣнія о трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности, *Православіи* и *Самодержавіи*. Вы получите это письмо завтра, и, надѣюсь, перешлете ему вмѣстѣ съ своимъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы въ своихъ замѣткахъ уяснили ему, чего я не успѣлъ сдѣлать, т.-е. то, какимъ образомъ Нѣмцы избавили насъ отъ ига Франціи и приготовили, своими поэтическими произведеніями и своею Философіею, къ періоду разумной національности. Я также ничего не сказалъ о народномъ характерѣ, языкѣ, по-

вѣрьяхъ и т. д., зная, что вы объ этомъ пишете. Какъ то переваритъ все это его Французскій желудокъ? Во всякомъ случаѣ соглашаться или не соглашаться—его дѣло; лишь бы онъ не исковеркалъ нашего мнѣнія и не приписалъ бы намъ, чего мы не думаемъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, мы можемъ положиться на его добросовѣстность. Впрочемъ, такъ или иначе, но мнѣ право кажется, что мы слѣдуемъ не простой прихоти народнаго честолюбія и обращаемся не къ одной личности Mauguin, а выполняемъ волю судьбы, такъ нечаянно забросившей его въ нашъ кружокъ. Мнѣ кажется, что присутствіе Mauguin еще болѣе насъ сблизило и зажгло между нами еще болѣе сочувствія".

Письмо Самарина къ Могену памятникъ весьма важный. Онъ представляетъ то міросозерцаніе, котораго держалось младшее поколѣніе Словенофиловъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оно свидѣтельствуетъ о вліяніи, которое имѣлъ Погодинъ на своихъ университетскихъ слушателей.

Изложивъ въ этомъ письмѣ о трехъ періодахъ нашего развитія: исключительной національности до Петра Великаго, подражанія послѣ Петра и разумной народности, Самаринъ останавливается на разсмотрѣніи двухъ началъ нашей народности: *Православія* и *Самодержавія*.

„Православное вѣроученіе", пишетъ онъ, „одинаково чуждо уклоненій католицизма и заблужденій протестантизма. Между этими двумя крайностями, которыя нынѣ раздѣляютъ западный міръ, оно занимаетъ средину; но эта средина не есть, однако, какъ полагали многіе, результатъ эклектизма. Излишне, мнѣ кажется, было бы говорить здѣсь о древности православнаго вѣроученія. Оно зиждется на самобытномъ, ему свойственномъ началѣ, и никогда католическое или протестанское вліяніе не могли его пошатнуть.

Также какъ и католики мы признаемъ авторитетъ церкви, но непогрѣшимость, слѣдовательно и безусловный авторитетъ мы признаемъ только за вселенскими соборами. Наша цер-

ковь не конфисковала въ свою пользу, подобно церкви Римской, обѣтованія, даннаго Христомъ церкви вообще, когда Онъ покинулъ землю; она не воплотила въ лицѣ папы духовнаго единства церкви и не матеріализировала Христіанства. Лишенная власти свѣтской, церковь наша принимала участіе въ Исторіи нашей чисто нравственное. Ея вліяніе на народъ исходило изъ основанія болѣе могущественнаго, чѣмъ писанные законы или арміи, и вслѣдствіе этого она не была подчинена случайностямъ міра сего. Не будучи поставлена въ необходимость вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія и блюсти мірскіе интересы, она не имѣла и случая уклоняться отъ своей задачи и входить съ собою въ сдѣлку, допуская отступленія отъ исповѣдуемыхъ ею началъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе безусловнаго авторитета, постоянно присущаго одному лицу, отсутствіе свѣтской власти: вотъ что спасло насъ отъ злоупотребленій, которымъ подвергся католицизмъ; вотъ почему, послѣ девяти безъ малаго вѣковъ, какъ существуетъ Христіанство въ Россіи, намъ не пришлось отдѣлять дѣла церкви отъ дѣла вѣры.

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что насъ отдѣляетъ отъ протестантства. Оно само произнесло себѣ осужденіе, обнаруживъ свое безсиліе. Протестантство есть только рядъ отрицаній, порожденныхъ злоупотребленіями католицизма и связанныхъ другъ съ другомъ необходимо и логически. Послѣднимъ выраженіемъ этого направленія, ложнаго въ основаніи своемъ, но въ высшей степени послѣдовательнаго, является книга Штрауса. Поэтому протестантство само по себѣ не религія, а только отрицаніе католицизма, лишенное жизненнаго начала и неспособное само по себѣ что-либо произвести.

Я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что только православное ученіе способно удовлетворить требованіямъ человѣчества.

Принципъ монархическій—великое дѣло нашей Исторіи. Она вся есть ни что иное, какъ развитіе этого принципа. Представьте себѣ, милостивый государь, страну между Ла-

дожскимъ озеромъ и Уральскими горами, между Карпатами и Чернымъ моремъ, населенную въ IX вѣкѣ множествомъ племенъ Словенскихъ и Финскихъ (на Сѣверѣ), независимыхъ другъ отъ друга, даже не знающихъ другъ друга и раздѣленныхъ между собою лѣсами, болотами и необитаемыми степями. Такой видъ представляла страна, называемая нынѣ Россіею, когда, въ 862 году по Р. Хр., четыре племени: Словене Новгородскіе, Кривичи, Весь и Чудь, утомленные безурядицею, царствовавшею между ними, рѣшились обратиться въ Скандинавію и просить у Варяговъ (Норманновъ) князей для управленія страною и установленія въ ней порядка. Три брата изъ Скандинавскаго племени Русь (отсюда Россія) отозвались на ихъ призывъ и водворились съ небольшою дружиною въ Россіи, т.-е. въ Новгородѣ, на берегу Бѣлаго озера и въ Изборскѣ. Такъ разсказано это событіе Несторомъ, нашимъ древнѣйшимъ лѣтописцемъ, событіе единственное въ Исторіи міра; изъ него развивается вся послѣдующая наша Исторія. Вы видите, милостивый государь, что у насъ отношенія двухъ племенъ—туземцевъ и Норманновъ были совершенно иныя, нежели во Франціи и Англіи. У насъ не было и не могло быть завоеванія, именно благодаря географическому положенію страны и малочисленности пришлаго племени, слѣдовательно не могло быть ни феодализма, ни военной аристократіи, въ смыслѣ самостоятельнаго принципа, ни враждебныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, слѣдовательно не могло быть и революціи и конституціи.

Когда для Россіи отыскался центръ, столица, Москва, тогда потребовалось для нея государственная идея, живой центръ, царь. Въ XV вѣкѣ въ лицѣ Іоанна III воплотилось начало самодержавія. Но борьба далеко еще не кончилась. Внутри страны были еще элементы смуты, и для того, чтобы самодержавіе могло установиться такъ прочно, какъ то было нужно Россіи, оно должно было выдержать три великія борьбы, съ которыми связаны три славныя имени: борьбу внѣшнюю,

которую началъ Іоаннъ III и окончили его преемники; борьбу внутреннюю съ мелкими удѣльными князьями, которые образовали вокругъ престола какъ бы аристократію, разобщившую царя съ народомъ, эту аристократію сломилъ Іоаннъ IV; наконецъ, борьбу свѣтской власти съ тою частью нашего духовенства, которая желала ввести у насъ нѣчто въ родѣ папства, эту борьбу покончилъ царь Алексѣй Михаиловичъ, отецъ Петра Великаго. Изъ этой тройственной борьбы народное начало, самодержавіе, вышло побѣдителемъ. Итакъ, у насъ не было ни завоеванія, ни феодализма, ни аристократіи (въ смыслѣ самостоятельнаго начала), и не было общественнаго договора (contrat social) между царемъ и народомъ. Неограниченная власть, единая и народная, дѣйствующая во имя всѣхъ, идущая во главѣ нашей цивилизаціи и совершающая у насъ, безъ ужасовъ революціи, то, что на Западѣ является результатомъ войнъ междоусобныхъ и религіозныхъ, смутъ и переворотовъ: такова форма правленія, которую создалъ для себя Русскій народъ; она священное наслѣдство нашей Исторіи, и мы не хотимъ другой формы, ибо всякая другая форма была бы тираніею.

Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, почему мы вѣримъ въ призваніе Словенскихъ племенъ къ великому дѣлу возрожденія; это дѣло, мы знаемъ, придется совершить намъ однимъ и безъ чьей-либо помощи; намъ въ этомъ дѣлѣ не будутъ сочувствовать народы Запада, и долго еще придется намъ мириться съ мыслью, что въ ихъ глазахъ мы не болѣе какъ предметъ презрѣнія или страха“ [445]).

Само собою разумѣется, Самаринъ, написавши это письмо, прочелъ его Погодину, который, выслушавъ его, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Самаринъ читалъ письмо къ Могену, въ коемъ увидѣлъ съ удовольствіемъ плодъ своихъ лекцій“ [446]).

Въ это время братья К. С. Аксакова, Григорій и Иванъ, воспитывались въ училищѣ Правовѣдѣнія. Товарищъ ихъ Николай Калайдовичъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину, дѣлаетъ имъ такую характеристику: „Гриша, какъ говорится, и спитъ,

31*

и видитъ какъ бы скорѣе выйти. Онъ будетъ славный дѣлецъ и законникъ. Онъ рожденъ для жизни дѣловой. И теперь первое наслажденіе его читать записки дѣлъ, не рѣшенныхъ въ общемъ собраніи Сената. Ваня—другой человѣкъ: онъ больше литераторъ и философъ, хотя между тѣмъ и юридическія его занятія идутъ очень успѣшно. Онъ особенно занимается теперь Латинскимъ языкомъ и съ однимъ изъ своихъ товарищей читаетъ Ливія, положивъ себѣ за правило пройти его отъ доски". Самъ же И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Занятія мои идутъ хорошо, и если будутъ такъ продолжаться, то даютъ мнѣ полное право надѣяться на IX-й классъ. Это по части моихъ училищныхъ занятій. Что же касается *приватныхъ* занятій, то должно признаться, что Греческій языкъ, особенно первые два съ половиною мѣсяца, шелъ прекрасно, и я, безъ помощи лоцмана, довольно скоро прошелъ сквозь трудности τύπτω, и пр. Теперь, впрочемъ, смерть моего товарища, Стояновскаго, такъ сильно поразившая меня, нѣсколько поразстроила мои занятія, особенно по Греческому языку: для послѣдняго я обыкновенно вставалъ часомъ или двумя раньше обыкновеннаго, потомъ, послѣ этого печальнаго происшествія, по какому-то невольному чувству сталъ болѣе беречь себя. Но эта заботливость о самомъ себѣ не могла долго продолжиться, и я опять приступаю къ прежнему образу моего занятія. Кромѣ Греческаго языка, теперь предметомъ моего изученія—миѳологія. Вы знаете, что дома ей насъ не учили, въ училищахъ ее также не преподаютъ, и знать ее слѣдовательно мы могли только весьма поверхностно. Теперь я прилежно занимаюсь ею, составляю генеалогическую таблицу всѣхъ боговъ, словарь миѳологическихъ именъ, названій. Это необходимо. Мы теперь переводимъ Горація, который очень часто упоминаетъ о разныхъ вымыслахъ миѳологіи, и многое, безъ знанія ея, было бы непонятно. Это-то и замедляетъ всѣ мои чтенія, что я, читая какую-нибудь книгу (учебную или ученую), не могу обойтись безъ карандаша, не могу удержаться, чтобы не сдѣлать выписокъ, сравнительныхъ таблицъ и ре-

гистровъ. Съ такими-то выписками и замѣтками читаю я теперь Ансильона. Наконецъ, я занимаюсь каждый день, часъ (послѣ обѣда, рекреаціонное время) Англійскимъ. По этому описанію покажется, что я Богъ знаетъ какъ занимаюсь, а право нѣтъ ничего особеннаго: къ чести нашего Училища надо сказать, что у насъ послѣ университетовъ (исключая Петербургскаго), Педагогическаго Института, занимаются лучше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ заведеніяхъ, конечно не такъ, какъ въ Московскомъ Университетѣ, не съ тѣмъ духомъ; у насъ скорѣе учатся, нежели изучаютъ. Впрочемъ и нельзя иначе: первое всегда предшествуетъ послѣднему. Что касается языковъ, то всего болѣе приходится мнѣ упражняться въ Нѣмецкомъ языкѣ, потому что безпрестанно читаешь Нѣмецкія книги. Вотъ вамъ, почтеннѣйшій мой Михаилъ Петровичъ, полная картина моихъ занятій. Въ головѣ много вопросовъ, много матерьяловъ для будущихъ занятій: дай Богъ, чтобы пришлось выполнить. Признаюсь, часто, часто теряю я энергію духа, побуждающую меня къ безостановочному занятію: тогда или потому, что не хочется оказаться слабымъ передъ самимъ собою, или по тайному голосу, что мнѣ *должно* заниматься, что мой удѣлъ—кабинетъ, и что на прочія наслажденія придется глядѣть только *со стороны*, я не теряю по крайней мѣрѣ терпѣнія и не теряю времени: продолжаю работать. Поплетемся, махнувъ рукою!

Впрочемъ, я при всемъ томъ очень живо чувствую иногда потребность разсѣяться: въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ у насъ совсѣмъ не было праздниковъ, слѣдовательно, отпускали только на восемь часовъ въ недѣлю по Воскресеньямъ. А потому я съ нетерпѣніемъ ожидаю святокъ, чтобы ходить въ театръ.

Такъ-то, любезнѣйшій мой Михаилъ Петровичъ, перебиваются дѣла. Скоро, очень скоро проходитъ время, и досадно и пріятно вмѣстѣ. Прощайте, Михаилъ Петровичъ, крѣпко обнимаю васъ и снова благодарю“ [447]).

Между тѣмъ какъ будущій ратоборецъ и проповѣдникъ

Словенофильства сидѣлъ на школьной скамьѣ въ Петербургѣ, въ родной ему Москвѣ, по свидѣтельству Герцена, оба стана Западниковъ и Словенофиловъ стояли уже во всеоружіи другъ противъ друга. „Словене были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все бывшее послѣ Кіевскаго періода, и умѣренными жирондистами, отвергавшими только Петербургскій періодъ; у нихъ были свои каѳедры въ Университетѣ. При главномъ корпусѣ состояли православные гегеліанцы, Византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ и проч., и проч.“ [448]).

LXX.

Мы знаемъ, что еще въ 1837 году Погодинъ и Шевыревъ получили разрѣшеніе издавать журналъ *Москвитянинъ*. Знаемъ также и то, что „какъ въ основаніи *Московскаго Вѣстника* принималъ непосредственное участіе Пушкинъ, такъ *Москвитянинъ* обязанъ своимъ существованіемъ Жуковскому“ [449]). Но путешествія Погодина и Шевырева по Европѣ и другія обстоятельства помѣшали имъ приступить къ изданію тотчасъ по полученіи разрѣшенія. Въ то время въ Москвѣ, нѣкогда многожурнальной, съ прекращеніемъ *Московскаго Наблюдателя* уцѣлѣлъ только одинъ литературный журналъ *Галатея* Раича. Этотъ журналъ, прервавши свое существованіе въ Московскую холеру 1830 года, снова ожилъ въ 1839 году. Явленіе *Галатеи* привѣтствовалось въ Петербургѣ въ такихъ выраженіяхъ: „И вотъ черезъ десять лѣтъ послѣ тлѣнія она воскресла. Въ единый изъ трескучихъ январскихъ морозовъ слетѣлъ первый нумеръ *Галатеи*, обнаженной, безпріютной, бѣдной страдалицы отъ холода и голода“ [450]). Да и самъ почтенный Раичъ въ это время находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. „Всю дорогу думалъ“, писалъ Погодинъ, „какъ

бы помочь Раичу, а онъ и попался навстрѣчу, не видавшись три года“ [451]).

Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ кипѣла журнальная дѣятельность, тамъ подъ редакціею Краевскаго процвѣли *Отечественныя Записки*, куда перешли всѣ сотрудники *Московскаго Наблюдателя* новой редакціи и образовали Западный станъ. Тамъ въ декабрѣ 1839 года, профессоръ С.-Петербургскаго Университета и цензоръ А. В. Никитенко заключилъ съ Смирдинымъ условіе, по которому въ вѣдѣніе Никитенко поступала половина *Сына Отечества*, т.-е. отдѣлы: науки, искусства, иностранной и Русской литературы. Критика, библіографія, политика и смѣсь остались въ рукахъ Полевого [452]).

Въ виду этого у Погодина явилась неопреодолимая жажда къ журнальной дѣятельности. Еще будучи въ Маріенбадѣ, онъ писалъ Шевыреву: „Не забывай о журналѣ. Набирай сотрудниковъ. Пиши статьи. Непремѣнно надо начинать съ 1840 года... Быть чуду!“ Изъ Шамуни Погодинъ продолжалъ писать Шевыреву: „Издавать журналъ я рѣшился непремѣнно съ января мѣсяца 1840 года, слѣдовательно заказывай и привези къ октябрю (1839) двѣнадцать статей, двадцать-четыре статейки и сорокъ-восемь штукъ въ разныя извѣстія. На досугѣ я думалъ и передумывалъ, и заключилъ, что такъ должно. Вербуй сотрудниковъ. Я вербую. Священникъ въ Бернѣ далъ мнѣ статью и обѣщаніе работать безъ памяти; потомъ Сабининъ, Мельгуновъ, Глинка, Дмитріевъ, Гоголь, Грановскій, Бодянскій, Иннокентій и проч., и проч. Надо дать себѣ рельефу для общей пользы и вырвать несчастную литературу нашу изъ грязи, куда погрузили ее мошенники Поляки и Русскіе. Слышишь ли? Цѣлую тебя, и да здравствуетъ *Московскій Вѣстникъ*, т.-е. *Москвитянинъ!*“ Но Шевыревъ не раздѣлялъ увлеченій своего друга. „Я противъ журнала“, писалъ онъ ему, „въ будущемъ (т.-е. въ 1840) году. Всѣ твои приведенныя средства нисколько не соблазнительны—и все это ни на чемъ не основано. Михаилъ Дмитріевъ, въ числѣ сотрудни-

ковъ. Тутъ вдругъ Иннокентій. Потомъ Сабининъ! Я боюсь, ты погорячишься, начнешь и дѣло испортишь... Да живучи на Дѣвичьемъ полѣ, журнала издавать въ Москвѣ нѣтъ физической возможности. Я въ этомъ году участвовать не могу, потому что буду въ разъѣздахъ". Но Погодинъ настаивалъ на своемъ и уже изъ Москвы писалъ Шевыреву: „А журналъ, право, начинать надо теперь. На что рѣшусь—увѣдомлю". Но Шевыревъ не сдавался и писалъ Погодину: „Съ тобой не сладить. Ты былъ, есть и будешь упрямъ. Порть дѣло — издавай. Ты это дѣлаешь, чтобы поправить финансы, но я увѣренъ заранѣе, что разстроишь ихъ болѣе. Погодинъ и Шевыревъ — легіонъ сотрудниковъ, капиталъ труда! Шевыревъ въ Мюнхенѣ не можетъ заниматься критикой Русской литературы, Шевыревъ въ Мюнхенѣ не можетъ тратить время на перечитыванье статей, Шевыревъ съ будущаго февраля (1840) будетъ въ разъѣздахъ до конца іюня. Шевыревъ въ университетѣ, по пріѣздѣ, будетъ читать новые курсы и откроетъ непремѣнно курсъ Исторіи искусства. Погодинъ, пока будетъ жить на Дѣвичьемъ полѣ и во всякое время принимать къ себѣ гостей, которые сидятъ до глубокой ночи, журналъ издавать физически не можетъ. Но дѣлай какъ хочешь. Моего имени, разумѣется, ты не выставишь въ изданіи, какъ издателя, а сотрудникомъ твоимъ я безъ сомнѣнія не могу не быть. Все, что у меня напишется, понесу къ тебѣ. Условія мои съ тобою такія же, какъ съ *Московскими Вѣдомостями* и съ *Журналомъ Министерства*... Поработалъ даромъ я уже довольно и для *Московскаго Вѣстника*, *и для Наблюдателя*... Дай тебѣ Богъ успѣха! Я разумѣется тебя не оставлю, а соиздателемъ быть не могу. Видно, придется мнѣ когда-нибудь одному ужъ выступить, но это современемъ. Тютчевъ въ Мюнхенѣ. Я у него выпрошу также для первой книжки". Наконецъ Погодинъ сдался. „Слушаю тебя", писалъ онъ Шевыреву „и откладываю опять журналъ на годъ—ужъ пятый. Смотри, чтобы не вышло съ нашими журналами то же, что съ

пѣснями Кирѣевскаго. Медленіе есть тоже болѣзнь, которой дай только пищу, и не справишься съ нею!“ [453]).

Но отложивъ, по настоянію Шевырева, изданіе *Москвитянина*, Погодинъ сталъ мечтать объ изданіи *Литературныхъ Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ* и объ этомъ писалъ Максимовичу: „Хочу издавать въ 1840 году *Литературныя Прибавленія* къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Смотри же, присылай Кіевскихъ и Малороссійскихъ новостей, что черкнешь - то и статья. Сперва чтеніе краткое, легкое, пріятное и занимательное, а потомъ и *Московскаго Вѣстника* подпустимъ. Не знаю, сговорю ли съ нашими. А позволеніе издавать журналъ у меня есть, но боюсь пуститься на большее, особенно одинъ, безъ Шевырева, который остался въ Мюнхенѣ надъ Молемъ“ [454]).

Противъ этой мечты Погодина сильно возсталъ Гоголь, который писалъ ему: „Нисколько не одобряю твое намѣреніе издавать *Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ* и даже удивляюсь, какъ тебѣ пришлось это. Ужъ коли выходить въ свѣтъ, да притомъ тебѣ и въ это время, то нужно выходить серьезно, увѣсисто, сильно. Ужъ лучше, коли такъ, настоящій серьезный журналъ. Но что такое могутъ быть эти *прибавленія*? Какъ бы то ни было, мелкія статейки, всякій дрязгъ. И охота же тебѣ утверждать самому о себѣ несправедливо обращающееся въ свѣтѣ о тебѣ мнѣніе, что неспособенъ къ долгому и истинно серьезному труду, а горячо берешься за все вдругъ. Въ нынѣшнемъ твоемъ намѣреніи, я знаю, ты соблазнился кажущеюся при первомъ взглядѣ выгодою, и не правда ли? Тебѣ кажется, что листки будутъ расходиться въ большомъ количествѣ. Клянусь, ты здѣсь жестоко обманываешься! Если бы ты имѣлъ мѣсто въ самихъ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, это другое дѣло. Ужъ самое имя *Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ* никого не привлечетъ. Тутъ никакого нѣтъ электрическаго, даже просто эффектнаго потрясенія. Къ тому жъ, это не политическіе исполненные движенія современнаго листки, которые одни могутъ разойтиться; но никогда еще не было

примѣру, чтобъ крохотная литературная газета имѣла у насъ какой-нибудь успѣхъ. Конечно, есть вѣроятность успѣха и подобнаго предпріятія, но только когда? Тогда, когда издатель пожертвуетъ всѣмъ и броситъ все для нея, когда онъ превратится въ неумолкающаго гаэра, будетъ ловить всѣ движенія толпы, глядѣть ей безостановочно въ глаза, угадывать всѣ ея желанія и малѣйшія движенія, веселить, смѣшить ее. Но для всего этого, къ счастію, ты неспособенъ... Спрашивается: какая надобность литературѣ быть еженедѣльной? И гдѣ нарастутъ новости въ теченіе трехъ, четырехъ дней у насъ, и еще въ нынѣшнее время? А безъ современности зачѣмъ листокъ?

Ты самъ знаешь, что у насъ книжное чтеніе больше въ ходу, чѣмъ журнальное, и что журналы, для того чтобъ расходиться, принуждены наконецъ принимать наружность книгъ. Нѣтъ, ты, просто, не разсмотрѣлъ этого дѣла... Нѣтъ, во что бы то ни стало, но я посланъ Богомъ воспрепятствовать тебѣ въ этомъ. Какъ ты меня охладилъ и разстроилъ этимъ извѣстіемъ! еслибъ ты только зналъ! Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истинъ и добра. Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать никуда своихъ статей. А теперь и я опустился духомъ: ты начнешь эти прибавленія, ты оборвешься и надорвешься на нихъ, и охладѣешь потомъ для изданія серьезнаго предпріятія... Что это у тебя за духъ теперь бурлитъ, неугомонный духъ, который такъ вотъ и тянетъ тебя на журналъ, когда ты еще не обсмотрѣлся даже вокругъ себя со времени своего пріѣзда? Я буду просить тебя, на колѣнахъ буду валяться у ногъ твоихъ. Жизнь и душа моя, ты знаешь, что ты мнѣ дорогъ, что ты моя жизнь точно. Не будетъ, клянусь не будетъ никакого успѣха въ твоемъ дѣлѣ! И я не вынесу, видя твои неудачи, и это уже заранѣе отравитъ мое пребываніе въ Москвѣ, и на меня въ состояніи навести неподвиж-

ность. Отдайся мнѣ. Обсудимъ, обсмотримъ хорошо, употребимъ значительное время на пріуготовленіе, потому что дѣло точно значительно, и, клянусь, тогда будетъ хорошо" [455]).

Это письмо повидимому подѣйствовало на Погодина, и онъ писалъ Шевыреву: „Я хотѣлъ было издавать *Литературныя Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ*, отдумалъ и ихъ" [456]).

5 Іюля 1840 года вернулся въ Москву Шевыревъ, и Погодинъ вмѣстѣ съ нимъ началъ ревностно готовиться къ изданію *Москвитянина*. Шевыревъ принялся читать книги, вышедшія въ 1840 году и, по свидѣтельству Погодина, „трудился безъ памяти" [457]).

Самъ Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ принялъ живое участіе въ этомъ предпріятіи Погодина и Шевырева. „Поспѣшаю протянуть руку", писалъ онъ Погодину, „на новое прекрасное дѣло. Вы можете быть увѣрены въ моемъ содѣйствіи болѣе чѣмъ офиціальномъ, въ моемъ душевномъ участіи и въ моей готовности споспѣшествовать изданію журнала, соотвѣтствующаго положенію умовъ и видамъ Правительства. Macte animo! Вотъ мой прямой отвѣтъ".

„Пусть вспомнятъ", писалъ по поводу этого письма Погодинъ, „въ какомъ положеніи тогда была литература, пусть вспомнятъ, что основаніе новыхъ журналовъ было запрещено. Много смѣлости надо было имѣть министру, чтобы принять на себя ходатайство и взять на свою отвѣтственность новое изданіе" [458]).

Вслѣдъ за симъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано слѣдующее объявленіе, сдѣланное Погодинымъ: „Путешествовавъ два раза въ чужихъ краяхъ", писалъ онъ, „и устроивъ литературныя и ученыя отношенія съ главными городами Европы, имѣя усердныхъ корреспондентовъ по всѣмъ Словенскимъ странамъ въ Богеміи, Моравіи, Кроаціи, Венгріи, Сербіи, Галиціи, Польшѣ, а равно и во всѣхъ главныхъ городахъ Русскихъ, по лестному вызову многихъ литераторовъ Русскихъ, я буду издавать въ слѣдующемъ 1841 году ученолитературный журналъ подъ заглавіемъ *Москвитянинъ*, на который я имѣлъ счастіе получить Высочайшее соизволеніе.

Съ такими средствами и при такомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, я надѣюсь доставлять публикѣ скорыя и вѣрныя извѣстія о важнѣйшихъ явленіяхъ въ жизни литературной, ученой, художественной и гражданской, во всѣхъ частяхъ Россіи и въ главныхъ государствахъ Европейскихъ, распространять полезныя свѣдѣнія и понятія, и тѣмъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ своихъ великому дѣлу отечественнаго просвѣщенія.

Первое мѣсто въ *Москвитянинѣ* посвящается Россіи. Ея Словесность, Исторія, Географія, Статистика, Юриспруденція будутъ главными предметами, и я употреблю всѣ свои силы, при помощи многочисленныхъ корреспондентовъ, чтобъ знакомить болѣе моихъ соотечественниковъ съ любезнымъ нашимъ Отечествомъ, въ коемъ до сихъ поръ остается такъ много неизвѣстнаго.

Изъ отечественныхъ явленій обратится особенное вниманіе на произведенія умственныя. Отдѣленіе критики, на которую такъ много жалуются наши писатели, обвиняя ее въ пристрастіи и ограниченности, устроено такимъ образомъ, что всякая книга будетъ разбираема ученымъ, который занимается преимущественно ея предметомъ. Профессоры всѣхъ Русскихъ Университетовъ примутъ дѣятельное участіе въ этомъ отдѣленіи.

Книги по части Русской Исторіи будутъ разбираться мною или подъ моимъ руководствомъ.

Критика произведеній изящной словесности, отечественной и иностранной, находится въ завѣдываніи профессора Русской Словесности С. П. Шевырева" [459]).

LXXI.

Одинъ изъ почитателей Погодина Московскій плацъ-маіоръ Кузьминъ, желавшій содѣйствовать увеличенію числа подписчиковъ на новый журналъ, такъ выражался: „*Москвитянинъ* преимущественно посвященъ Россіи, то я полагаю, найдутся

многіе истинно по сердцу Русскіе, которые захотятъ его имѣть у себя".

Посмотримъ же, какъ отнеслись Русскіе къ предпринимаемому изданію *Москвитянина.* Удрученный въ то время семейнымъ горемъ князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину (*4 Декабря 1840 г.*): „Современемъ надѣюсь принести вамъ дань, достойную вашего журнала и моего любезнаго земляка, которому усердно желаю счастія и долгоденствія. Къ сожалѣнію моему, не надѣюсь на свиданіе съ вами въ Петербургѣ. Вѣроятно, на дняхъ отправлюсь за-границу *не на радость, а на горе, къ больной дочери*" *).

Племянникъ близкаго по душѣ князю Вяземскому И. И. Дмитріева, М. А. Дмитріевъ, прочитавъ объявленіе объ изданіи *Москвитянина*, писалъ Погодину: „Благодарю васъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, за присылку мнѣ билета: принимаю его знакомъ вашей дружбы; а о подписчикахъ хлопотать буду, хотя за другихъ ручаться нельзя. При семъ случаѣ не могу не посовѣтовать вамъ, чтобъ вы почаще печатали объявленія о вашемъ журналѣ, а заглавіе покрупнѣе и пофигурнѣе, чтобы ваши объявленія не пропадали изъ глазъ при Петербургскихъ, которыя печатаются какъ настоящія вывѣски! Что же дѣлать: этимъ пренебрегать ненадобно, когда Петербургскіе шарлатаны всѣмъ пользуются. И безъ того, я думаю, при извѣстіи о вашемъ журналѣ ихъ темная сила пришла въ волненіе. Зная вашу дружбу, я смѣло даю вамъ совѣты, хоть это и не мое дѣло; но я вашъ успѣхъ принимаю къ сердцу. Я не совѣтовалъ бы вамъ помѣщать въ первой книжкѣ стихи Тредьяковскаго. Стихи Кантемира—другое дѣло: это памятникъ стихотворца хорошаго и человѣка умнаго. А стихи Тредьяков-

---

*) Княжны Надежды Петровны. Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу (отъ *10 Декабря 1840 г.*) писалъ: «Я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери, и долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность объявить объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день».

скаго—не что иное, какъ вещь курьезная, и притомъ же они очень глупы, а что онъ былъ отчасти глупъ —это мы и безъ того знаемъ. Можно ихъ напечатать когда-нибудь послѣ. Между тѣмъ могутъ привязаться къ первой книжкѣ и скоты Петербургскаго стада. Охъ! не смѣю сказать; а я не напечаталъ бы и записку Карамзина: она можетъ быть интересна въ рукописи, какъ автографъ, не болѣе, а сама по себѣ ничего не заключаетъ интереснаго.

Изъ примѣчанія обо мнѣ слово *достойный литераторъ* лучше бы вымарать. А вмѣсто *наслѣдникъ*—прошу васъ *племянникъ,* хотя Суворовъ и смѣялся надъ племянниками извѣстныхъ людей. Ваша декларація хороша: такъ и вижу вашу пылкую душу, которая молчитъ, молчитъ, да и заговоритъ правду: говорите въ журналѣ правду – и сдѣлаете его самымъ оригинальнымъ изъ всѣхъ нашихъ журналовъ. Нечего церемониться съ тѣми, которые употребляютъ всѣ средства. Вспомните, что сказалъ Ростопчинъ: *Говорятъ де, что рѣчь нѣсколько жестка: и вѣдомо такъ! Вѣдь правда не пуховикъ; это только нынче дѣлаютъ изъ нея помаду!* Читали ли вы въ *Отечественныхъ запискахъ* о Ломоносовѣ, что всѣми признано нынче, что онъ не поэтъ!“ [460]).

Находившійся нѣкогда при Карамзинѣ, по выраженію князя П. А. Вяземскаго, „чиновникомъ, такъ сказать, по особымъ порученіямъ историческимъ“ [461]), Сербиновичъ, узнавъ о замышленіи Погодина и Шевырева издавать *Москвитянинъ*, писалъ первому: „Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я о *Москвитянинѣ*. Всѣ, кто только любятъ Русскую литературу, искренно пожелаютъ этому новому чаду ея наилучшихъ успѣховъ. Московскій дѣльный журналъ долженъ особенно нравиться каждому изъ Русскихъ: онъ опять напомнитъ намъ прекрасные въ этомъ родѣ типы незабвеннаго Карамзина, которыми нѣкогда Москва щеголяла у насъ предъ Петербургомъ... Кстати о вашемъ изданіи. Вы уже замѣчали мнѣ по дружбѣ своей о недостаткѣ въ осторожности въ статьяхъ о Шафарикѣ. То же дружеское чувство и любовь къ Словенамъ

заставляютъ и меня во имя ихъ народности заклинать васъ наблюдать всевозможную осторожность при помѣщеніи свѣдѣній о нихъ и о трудахъ ихъ, ибо я предвижу, что ваше изданіе будетъ этими свѣдѣніями изобиловать. Дѣло не о томъ, чтобы помѣщать меньше, а напротивъ! Но кажется, не должно называть по именамъ тѣхъ, отъ кого вы будете получать оттуда письма, исключая Русскихъ подданныхъ. Иначе Австрійское Правительство приберетъ своихъ къ рукамъ. Безъ сомнѣнія, журналъ вашъ будетъ читаться даже и здѣсь въ Петербургѣ у ихъ посла. И не полагайтесь на цензуру. Ей какое дѣло беречь чужихъ Словенъ".

Пріятель Пушкина и свидѣтель, въ качествѣ врача, страстныхъ дней его, почтенный Владиміръ Ивановичъ Даль писалъ Погодину изъ отдаленнаго Оренбурга: „Да здравствуетъ *Москвитянинъ* съ руками, съ ногами, съ головою. Никто изъ добропорядочныхъ людей не сомнѣвается теперь, что у насъ журнала нѣтъ, и что недостатокъ этотъ убиваетъ словесность, нѣтъ сообщительнаго звена жизни ея, нѣтъ единства, согласія, общаго труда, поощренія—нѣтъ направленія, благообразнаго и благомыслящаго совѣта, нѣтъ критики. Критика и брань — критика и личная ссора — сдѣлались намъ тождественными словами; писатели съ нею въ такихъ отношеніяхъ, какъ два пріятеля, которые разбранились за какія-то городскія сплетни и обходятъ другъ друга на улицѣ, не кланяясь, не сымая шапки. Оба смѣшны для постороннихъ, оба сами заѣдаютъ себѣ вѣка—и только. Отношенія Москвичей между собою доселѣ еще, благодаря Богу, не таковы; Москва удержалась благородствомъ души и сердца; но она побѣдила Ингерманландію,—которая первая бросила перчатку, отрицательнымъ образомъ: молчаніемъ; не подняла перчатки, не ввязалась въ дрязги, а занялась, повидимому, жизнью созерцательною. Теперь пора показать ей, что это былъ не сонъ, не тупое бездѣйствіе, не барская спѣсь; пора показать не для того, чтобы выйти полнымъ побѣдителемъ, не для пользы личной, а для пользы общей, на спасеніе Отечественной Сло-

весности, которая тонетъ и хватается, не какъ порядочный утопленникъ, за соломенку, а за всякое плавучее .... Отъ этого она и опоганила себѣ руки и поганитъ каждаго порядочнаго человѣка, который вздумаетъ съ нею поздороваться по братски. Не дивитесь, если у васъ будетъ сначала мало подписчиковъ; въ объявленія извѣрились нынѣ, и всякій говоритъ, припоминая сотни пуфовъ: поглядимъ, что будетъ, тогда можно и выписать, а теперь не вѣримъ ничему. И развѣ этому можно удивляться? *Исторія* Полевого сдѣлала такъ сказать начало; *Энциклопедическій Лексиконъ* докончилъ дѣло, не говоря о сотнѣ междудѣйствій, и нынѣ, какъ я, житель губернскій, могу увѣрить васъ на совѣсть, *нельзя выписывать нашему брату книгъ за наличныя деньги,* если дѣлать это не через знакомаго человѣка; книгопродавцы высылаютъ обыкновенно не то, за что посылаешь деньги, а то, что имъ хочется сбыть. У Смирдина это приведено въ систему.

Я всей душой готовъ, многоуважаемый Михайло Петровичъ, помогать всѣми силами вашему общему дѣлу; я не участвую теперь ни въ одномъ изданіи—надоѣло. Гречъ приглашалъ къ участію въ возобновляемомъ *Вѣстникѣ*, въ которомъ трудиться будутъ *Полевой, Булгаринъ и другіе честные и благородные литераторы.*—Я отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а обязательства на себя не взялъ. Я думалъ, какъ подписчики, посмотримъ, что будетъ. Итакъ, на меня можете считать какъ на друга и товарища по этому дѣлу".

На вопросъ Погодина „какъ быть съ мошенниками?" Даль отвѣчалъ: „Мнѣ кажется вотъ что: положеніе Словесности — а тѣмъ болѣе повременныхъ изданій—у насъ теперь такое, что *нельзя* быть независимымъ, нельзя никоимъ образомъ не обратить какое-нибудь вниманіе на то, что дѣлалось доселѣ. Какой же это будетъ журналъ, если онъ не пойдетъ слѣдить живой ходъ современнаго слова, если не станетъ показывать читателямъ указкой: буки-азъ ба, а не *ва.* Кажется, этого не миновать; кажется, также хуже ввязаться въ это тогда, какъ уже задѣнутъ—а и этого не миновать—тогда

поневолѣ заставятъ огрызаться, а это не годится. Лучше съ самаго начала поставить себя на такую точку, гдѣ стоять должно. Не смущаться ничѣмъ и стоять: правда возьметъ верхъ, лишь бы стало средствъ насущныхъ, т.-е. хлѣбныхъ, да лишь бы не подкосили свои—чего у васъ быть не можетъ. Вотъ почему, кажется, хорошо сказать объ этомъ слово во всеуслышанье; читатели должны знать, чего ожидать, чего искать—кромѣ того, честнѣйшему человѣку нельзя—если уже онъ рѣшается говорить вслухъ—нельзя правдивымъ негодованіемъ не сдѣлать отпору этому позорному, гибельному направленію, которое взяло верхъ потому только, что обстоятельства дали ему временно въ руки вещественныя на то средства. Вотъ мое мнѣніе".

Кромѣ того Даль возлагалъ большое упованіе на критики Шевырева: „Отъ критикъ Шевырева", писалъ онъ Погодину, „я ожидаю очень много: такой критики, какъ бывала она у него въ рукахъ, нѣтъ теперь и въ поминѣ. Статьи его въ *Наблюдателѣ* были образцовыя—но вѣдь и тутъ, воля ваша, нельзя будетъ ему обойтись безъ того, чтобы не сказать имъ горькой правды въ глаза, нельзя опять имъ не огрызаться—словомъ, необходимо признать положеніе и отношенія свои къ пишущей канаіи съ самаго начала, чтобы не быть вынуждену перемѣнить впослѣдствіи строй и ладъ пѣсни. Надобно *опознаться* на поприщѣ своемъ сначала и дѣйствовать какъ на мѣстѣ и съ предметами коротко извѣстными; дощупываться нечего, таить также нечего, не такое наше положеніе. Вражда междоусобная, если она загорится, кровопролитнѣе войны враговъ; это вы, какъ историкъ, знаете; ссора друзей непримиримѣе ссоры двухъ людей другъ другу постороннихъ: лучше обдумать, опредѣлить и высказать напередъ, въ *какомъ* отношеніи *Москвитянинъ* будетъ къ такимъ-то или такимъ-то, чѣмъ начать за здравіе, а свести за упокой!"

LXXII.

Къ участію въ *Москвитянинѣ* Погодинъ стремился привлечь и двѣ Духовныя Академіи: Московскую и Кіевскую, т.-е. два направленія нашей церковной жизни: Московское—Филаретовское и Кіевское—Иннокентіевское. Звеномъ соединенія этихъ двухъ направленій, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, служилъ для Погодина его товарищъ и другъ Максимовичъ, который въ своей богатой природѣ совмѣщалъ оба эти направленія и при этомъ нерушимо оставался кореннымъ малороссіяниномъ.

Лучшіе представители Московской Духовной Академіи отнеслись къ предпріятію Погодина съ полнымъ сочувствіемъ. „Благодарю васъ искренно", писалъ ему протоіерей Голубинскій, „за ваше довѣріе и лестное для меня предложеніе внести какія-нибудь лепты въ вашу газофилакію. Смѣлѣе, нежели къ кому-нибудь, я рѣшился бы относиться къ вамъ съ своими разысканіями въ области истины, ибо, судя по вашимъ воззрѣніямъ на движеніе человѣчества, особенно по тѣмъ, какія могъ я слышать въ незабвенные для меня два вечера Страстной Недѣли, кажется, мы сойдемся во многомъ. Только, къ сожалѣнію, не могу въ продолженіе трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ представить вамъ ничего стоющаго вниманія. Надобно, хоть не въ полной мѣрѣ, очистить нѣкоторые долги, не терпящіе разсрочки: кромѣ постоянныхъ хлопотъ по классу, лежатъ на рукахъ девять книгъ и рукописей, не совсѣмъ исправно переведенныхъ, которыя нужно исправлять, частію по требованію начальства, частію по данному слову. Нѣсколько высвободившись отъ этого груза, я постарался бы представить вашему вниманію что-нибудь, относящееся къ Исторіи Философіи. Но за рецензіи отечественныхъ сочиненій философскихъ не могу взяться. Съ исполиномъ Берлинскимъ *) бороться едва ли будетъ мнѣ подъ

*) Гегелемъ.

силу; яснѣе другихъ видны для меня несообразности его ученія съ ученіемъ чисто Христіанскимъ".

Другое свѣтило Троицкой Академіи А. В. Горскій писалъ Погодину: „Я никакъ не принимаю на себя библіографическаго отчета обо всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ по какой бы то ни было части. Ни время, ни мѣсто, ни склонности мои не позволяютъ мнѣ этимъ заниматься. Имѣя въ виду заняться разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ книгъ болѣе подробнымъ, нежели какъ это нужно для библіографическаго свѣдѣнія, и другими статьями". Для занятій же по части библіографіи въ *Москвитянинѣ* Горскій рекомендовалъ извѣстнаго автора о ересяхъ въ Россіи баккалавра Московской Духовной Академіи Николая Андреевича Руднева, тогда священника Московской Георгіевской церкви, что въ Грузинахъ.

„Доброе дѣло ты дѣлаешь", писалъ Погодину Максимовичъ изъ Кіева, „надо же, наконецъ, опять поднять золотую маковку нашей матушки Москвы, такъ надолго прикусившей языкъ для вѣщанія литературнаго. Уваровъ нашъ, прибывшій сюда 3 октября и простудившійся въ дорогѣ, очень надѣется на журналъ твой, что онъ въ нѣсколько лѣтъ принесетъ плодъ, вожделѣнный для нашей литературы. Онъ очень тебя жалуетъ". Въ другомъ письмѣ Максимовичъ писалъ Погодину: „Изъ здѣшнихъ тебѣ рекомендовать могу для корреспонденціи журнальной Василія Ѳедоровича Домбровскаго и Николая Дмитріевича Иванишева; особливо первый, кажется мнѣ, будетъ тебѣ въ помощь, имѣя расположеніе къ писательскому дѣлу болѣе другихъ нашихъ сослуживцевъ университетскихъ. За Иннокентіево участіе не могу сказать тебѣ ничего; но отъ академистовъ, можетъ быть, и вскипитъ что-нибудь; надо бы только мнѣ повидаться съ нѣкоторыми; а то я такъ уединенъ; что Богъ вѣсть когда былъ и у Преосвященнаго, и ото всѣхъ отсталъ здѣсь. Впрочемъ, отъ нашего града вообще не можетъ быть значительной подмоги, ибо мало пищи предстоитъ для пера, пишущаго о современномъ. У насъ

только и живешь порядочно что воспоминаніемъ о минувшемъ".

Само собою преосвященный Иннокентій не остался равнодушенъ къ предпріятію Погодина. „Объявленія ваши", писалъ онъ ему, „раздаются исправно: надѣюсь, что у васъ будетъ поэтому десяткомъ болѣе подписчиковъ. Нѣкоторыхъ изъ академиковъ я завербовалъ къ вамъ въ сотрудники". Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій рекомендовалъ Погодину въ сотрудники *Москвитянина* извѣстнаго уже намъ Илью Ѳедоровича Гриневича, который съ своей стороны написалъ Погодину слѣдующее оригинальное письмо: „Исполненный особеннаго почтенія къ необыкновеннымъ успѣхамъ вашего разума, я вознамѣрился помѣщать въ издаваемомъ вами журналѣ *мои письма о философскихъ предметахъ*... Я всегда былъ тѣхъ мыслей, что съ паденіемъ язычества древняго Рима должно пасть и *Право Римское*, которое однакожъ, принятое Державами Европейскими на подобіе нѣкоей язвы, заражаетъ все ихъ законоположеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и таковое нашего дражайшаго Отечества. Отселѣ всѣ бунты, всѣ случаи въ Европѣ! Въ письмахъ пріобщаемые стихи и тексты можете перемѣнять и выбрасывать... Я не поэтъ, но присоединилъ ихъ болѣе потому, чтобы тяжелое созданіе разума распещрять игривостію воображенія".

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ преосвященнаго Иннокентія по Кіевской Академіи, Петръ Семеновичъ Авсеневъ, впослѣдствіи архимандритъ Ѳеофанъ, принялъ также горячее участіе въ предпринятомъ Погодинымъ изданіи *Москвитянина*. Свидѣтельствомъ сего можетъ служить слѣдующее письмо Кіевскаго философа: „Въ то время, какъ *Библіотека для Чтенія* кощунствуетъ надъ священнослуженіемъ наукѣ, *Отечественныя Записки* корчатъ Гегеля, не понимая; *Сынъ Отечества* не удовлетворяетъ по своей ограниченности и только *Маякъ* блеснулъ путеводною звѣздою, но и то закрываетъ небесный огонь плебейскою оболочкою,—вашъ журналъ для людей одушевлен-

ныхъ то же, что пища для голодныхъ. И изъ Москвы ему и выйти, и изъ-подъ вашихъ рукъ".

„Не худо бы", писалъ къ Погодину преосвященный Иннокентій, „показать свѣту опредѣленіе философіи, которое находится у Экзарха Болгарскаго въ его переводѣ Дамаскина. Definitio препоучительная для нынѣшнихъ философовъ. Я недавно имѣлъ случай просмотрѣть подписи епископовъ всѣхъ вселенскихъ соборовъ: тамъ есть не худой матеріалъ для нашей церковной исторіи, и у меня родилась мысль собрать все это и подобное и издать подъ именемъ матеріаловъ для Церковной Исторіи. Одобрите ли?—Мнѣ кажется, прежде нежели составлять Исторію, надобно прилежно поработать надъ собраніемъ матеріаловъ".

Весьма замѣчательно, что издатель *Отечественныхъ Записокъ*, въ которыхъ нашелъ себѣ пристанище соборъ Гегеліанцевъ, противъ коихъ предостерегали православныхъ и о. Θеодоръ Голубинскій, и Авсеневъ, и наконецъ преосвященный Иннокентій, Андрей Александровичъ Краевскій въ это самое время писалъ Погодину: „Что вашъ *Москвитянинъ*? Будетъ ли? Давай-то Господи! Все-таки была бы подмога, а то вѣдь жутко становится одному въ кругу этихъ ракалій".

Прочитавъ же объявленіе объ изданіи *Москвитянина*, Краевскій писалъ его издателю: „Отъ всего сердца привѣтствую *Москвитянина*; прошу его любить меня да жаловать. Пора, давно пора было вамъ приняться за это доброе дѣло!.. О прочихъ вещахъ, какъ, напримѣръ, о *статьяхъ Московскихъ Юношей* и пр. я говорилъ много съ Н. Ф. Павловымъ, который передастъ вамъ все". Но этими строками окончились дружелюбныя отношенія Краевскаго къ Погодину, или точнѣе *Отечественныхъ Записокъ* къ *Москвитянину*.

LXXIII.

„Московскіе Юноши", принадлежащіе къ Западному стану, овладѣли *Отечественными Записками* и объявили непримири-

мую войну новому Московскому журналу. Неизмѣнными союзниками Погодина были тѣ изъ его учениковъ, которые не принадлежали ни къ Западникамъ, ни къ Словенофиламъ, и всѣ свои дарованія посвятили на служеніе Россіи, которая совмѣщаетъ въ себѣ и Западъ, и Востокъ, и Сѣверъ, и Югъ. „Мы здѣсь", писалъ Бычковъ изъ Петербурга, „прочли объявленіе о вашемъ журналѣ; душевно порадовались этому антикоммерческому направленію, которое въ немъ будетъ выражаться. Всѣ здѣшніе журналы суть не что иное, какъ спекуляція; журналисты торгуютъ совѣстью въ пользу своихъ друзей и знакомыхъ и часто изъ дурного, во всѣхъ отношеніяхъ, созидаютъ твореніе едва ли не геніальное. Но ваше объявленіе не прошло здѣсь въ Петербургѣ цѣлостно. *Сѣверная Пчела* прожужжала рѣшительное паденіе вашему журналу. Моя просьба удѣлить и мнѣ въ немъ какой-нибудь отдѣльный уголокъ".

Душевно желая всевозможнаго успѣха *Москвитянину*, питомецъ Училища Правовѣдѣнія Николай Калайдовичъ, между прочимъ, писалъ Погодину: „На нашу текущую литературу и стыдно, и жалко, и досадно смотрѣть: однѣ *Отечественныя Записки* поддерживаютъ мысль о возможности улучшенія. Дай вамъ Богъ пересилить вліяніе торгашей литературныхъ на массу публики. Въ Петербургѣ это вліяніе сильно, и усилія Москвичей едва могли поколебать его. Краевскаго и его партію большею частію не любятъ, по разнымъ причинамъ. Если вы не пренебрежете средствами, вашъ журналъ можетъ здѣсь завладѣть общественнымъ мнѣніемъ"...

Не съ одного Сѣвера долетали въ Москву сочувственные голоса возникающему *Москвитянину*. Они прилетали съ Востока, Юга и Запада. „Съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаю", писалъ Горловъ изъ Казани, „ваше литературное предпріятіе. Однако же едва ли рѣшусь написать рецензіи на выставленныя вами книги. У насъ критика имѣетъ такой низкій характеръ, что не хочу съ нею имѣть никакого дѣла. Пусть сочинители грамматикъ дѣлаютъ грамматическія замѣчанія объ *ѣ*, *е* и пр.

По ихъ стопамъ пойдутъ составители азбукъ и букварей. При томъ самолюбія у насъ такъ подготовлены и раздражены, что замѣчанія, даже справедливыя и легкія, по обыкновенію вызываютъ недостойные споры... Но я могу присылать цѣлыя статьи по критикѣ на иностранныя сочиненія... Наши литературныя знаменитости вамъ извѣстны. Собственно мы имѣемъ только два имени, извѣстныя Европѣ,—для Восточной Словесности г. Ковалевскаго, для естественныхъ наукъ—г. Симонова. Кромѣ того, вы можете пригласить гг. Ердмана, Аристова, Троицкаго, минералога Вагнера, словениста Григоровича съ рѣдкими свѣдѣніями въ классическихъ литературахъ и Словенскихъ языкахъ". Старый казанецъ Арцыбашевъ выразилъ свое сочувствіе къ *Москвитянину,* такъ сказать положительнымъ образомъ: „Сообразно объявленію", писалъ онъ Погодину, „имѣю удовольствіе препроводить къ вамъ *сорокъ пять* рублей, за которые прошу убѣдительно высылать мнѣ, на будущій 1841 годъ, вашъ журналъ *Москвитянинъ*". Съ Юга питомецъ Погодина, Бецкій, писалъ ему изъ Харькова: „Читалъ вчера объявленіе о *Москвитянинѣ.* Вы пишете, что въ немъ участвуютъ всѣ профессоры: обратились ли вы къ Лунину? Эта птица лучшаго полета, нежели замогильный Метлинскій. Еще здѣсь Костомаровъ (Галка) съ талантомъ".

Сочувственные голоса доходили и съ Запада. Извѣстный ученый Лобойко писалъ Погодину изъ Вильно: „Послѣ Полеваго журналы въ Москвѣ совершенно упали, и я увѣренъ, что возстановите прежнюю ихъ славу".

Призывъ Погодина къ участію въ *Москвитянинѣ* возбуждалъ въ нѣкоторыхъ желаніе прославить черезъ него свое имя. Такъ нѣкто Пятеряковъ писалъ ему: „Вы написали повѣсть *Черная Немочь.* Это нѣкоторымъ образомъ исторія моей жизни, и потому я думаю, что вы примете во мнѣ участіе. Итакъ, буду говорить вашему сердцу. Вы будете издавать журналъ,— прошу же васъ покорнѣйше позволить мнѣ въ немъ участвовать. Я не требую никакого награжденія, только позвольте мнѣ переводить что-нибудь по вашему назначенію. Я могу

переводить съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго и Французскаго языковъ, но теперь по роду моихъ занятій я желалъ бы переводить только съ Французскаго. Наконецъ, скажу вамъ, что не какая-нибудь *прозаическая* нужда заставила меня обратиться къ вамъ, а единственное желаніе быть вамъ извѣстнымъ".

Нѣкоторые изъ ближайшихъ друзей Погодина отнеслись скептически къ рождающемуся *Москвитянину*. Такъ старинный другъ Погодина, Загряжскій, писалъ ему: „Судя по первому твоему распоряженію, я предвижу большой неуспѣхъ твоему журналу; если теперь только начнутъ разсылать объявленія, то когда же будутъ подписчики? Билетовъ для раздачи не присылай, вѣрно никто не возьметъ. Жаль и очень жаль, что ты впутался въ такую дрянь". Въ другомъ письмѣ Загряжскій выражаетъ еще рѣзче свой скептицизмъ: „Плохая будущность твоему *Москвитянину*, если онъ имѣетъ нужду въ протекціи даже благородныхъ друзей. Прянишниковъ никакого содѣйствія оказать не можетъ, кромѣ разсылки объявленій. Циркуляръ изъ Департамента былъ посланъ, да не дѣйствуетъ. Прянишниковъ хочетъ для тебя прижать князя (Голицына), чтобы отъ имени его послать циркуляръ и строгій". Не безъ скептицизма отнесся и В. В. Григорьевъ къ этому предпріятію Погодина. „Благодарю за то", писалъ онъ ему изъ Одессы, „что вспомнили обо мнѣ при начатіи добраго дѣла; я всегда душевно радовался вашимъ полезнымъ предпріятіямъ, ваши неудачи огорчали меня, какъ мои собственныя, и въ настоящемъ случаѣ я готовъ помогать и служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу, но вотъ вопросъ: могу ли я быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь. Изъ программы вашего *Москвитянина* я ни на волосъ не понялъ, какого рода будетъ этотъ журналъ, и до сихъ поръ остаюсь въ глубочайшемъ невѣжествѣ на этотъ счетъ... Я ничего не желалъ бы болѣе, чтобы вашъ *Москвитянинъ* былъ журналъ критическій по превосходству".

Въ бумагахъ Погодина нашлось письмо безъ подписи, въ которомъ программа *Москвитянина* подверглась строгой кри-

тикѣ. Повидимому это письмо принадлежитъ одному изъ старыхъ приверженцевъ, а пожалуй и сотрудниковъ *Московскаго Телеграфа*. „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* прочли мы“, пишетъ анонимъ, „программу предпринимаемаго вами журнала *Москвитянинъ*. Позвольте сказать по этому случаю нѣсколько словъ. Мы помнимъ начало и конецъ вашего журнала *Московскій Вѣстникъ*. Вы сдѣлали тогда величайшую ошибку, выпустивши первую книжку, кажется, въ *четыре* листика... Думали ли вы, что отрывокъ изъ Пушкина *Бориса Годунова* будетъ имѣть такую высокую цѣну, что прикраситъ все слабое и тощее въ журналѣ? И опять ваша тогдашняя критика? Въ первыхъ же книжкахъ, помнится, вы схватились за разборъ какого-то лексикона. Чему могли научиться и что́ могло заинтересовать и завлечь вашихъ читателей въ такомъ разборѣ лексикона!? Критика должна быть сама собою небольшимъ сочиненіемъ, которое еще болѣе, если то возможно, раскрывало бы и поясняло элементы предмета и дополняло бы собою трактуемый вопросъ всею современною ученостью. А что̀ могли вы сказать въ вашемъ разборѣ лексикона? Что такое-то слово худо переведено или пропущено?—Ясно, что лексиконъ вовсе не годился быть предметомъ критической статьи. Ну, словомъ, дѣло прошлое—журналъ худо былъ составленъ, и не мудрено, что худой былъ ему успѣхъ. Вы же, подъ конецъ, и безстыдно обманули публику: обѣщали какого-то *Молотящаго цѣпа* и *Замѣтки Персіанина*, и ни того, ни другого не представили публикѣ. Вы извинялись, что обѣщавшій вамъ эти статьи не сдержалъ слова, какъ будто можно писать программу журнала по *обѣщаніямъ*... Да гдѣ же были труды вашей редакціи?.. Поэтому и теперь вашъ *Москвитянинъ* держится только надеждою, *что обѣщавшіе* сдержатъ свое слово?.. Впрочемъ, все это было говорено къ слову, а дѣло вотъ въ чемъ.

Великую ошибку сдѣлали вы и теперь, начавши ваше объявленіе Словенскими странами: Богеміею, Моравіей, Кроаціей, Венгріей, Сербіей и проч., какъ будто любимымъ вашимъ предметомъ, съ которымъ хотите вы ближе знакомить

вашихъ читателей... Будьте увѣрены, что *изъ ста* прочитавшихъ ваше объявленіе *восемьдесятъ* отложатъ программу въ сторону, потому только, что ваши Словенскіе земли ничуть не могутъ быть предметомъ общей занимательности въ журналѣ, и чѣмъ больше онѣ займутъ мѣста тамъ, тѣмъ хуже... Надобно знать, чего ищетъ и хочетъ публика въ журналахъ. Напрасно думаютъ, что она ищетъ только однѣхъ повѣстей. Это клевета: худая поддержка будутъ повѣсти журналу; но то справедливо, что статьи о Венгерской, Богемской и прочей Словенской литературѣ будутъ тяжелымъ балластомъ для вашего, и всякаго другаго журнала, что тотчасъ же остановится его ходъ.

И еще: что дало вамъ поводъ заключить, будто *полныя извлеченія изъ романовъ* могутъ нравиться публикѣ? И *Библіотека для чтенія* въ послѣдніе два, три года много сдѣлала себѣ вреда, помѣщавши на цѣлой половинѣ своихъ книжекъ подобныя извлеченія, и *Отечественныя Записки* ничуть не украсили себя, помѣстивъ у себя романъ Купера. Все это ничуть нейдетъ къ журналу. *Современныя записки, мемуары, легкія путешествія, сцены*, и тому подобное, *біографіи* и пр., и пр., вотъ что должно наполнять *первое отдѣленіе* журнала; лучше ежели бы вовсе не помѣщать повѣстей, потому что изъ нихъ ровнехонько ничего не остается въ головѣ.

А ваша *библіографія*? Кажется, будто вы не предполагаете знакомить вашихъ читателей *со всѣми* безъ изъятія Русскими книгами? Если это такъ, то это опять великая ваша ошибка. Безъ *полной* библіографіи не будетъ ходу никакому журналу« [462]).

Да и самъ Погодинъ съ робостью приступалъ къ изданію *Москвитянина*. У Аксаковыхъ онъ толковалъ о журналѣ, за который, замѣчаетъ онъ, „уже и страшно приниматься. Ну какъ неуспѣхъ?“ То онъ „воображалъ себя на мѣстѣ городничаго, которому представляются свиныя рожи“; то ему снится, что попалъ „въ золотарное производство“; въ другой разъ ему приснилось, что „попалъ въ грязь по шею предъ

памятникомъ Минина". Въ случаѣ же успѣха, Погодинъ мечталъ завести въ своемъ домѣ, на верху, другой кабинетъ, „куда я", писалъ онъ, „буду ходить всякій день на два часа поутру и писать Исторію. Остальное время изслѣдованіямъ, а вечеръ журналу".

Наконецъ 30 декабря 1840 года, Погодинъ ожидаетъ „съ безпокойствомъ первой книжки, которую принесъ переплетчикъ только въ пять часовъ". И въ тотъ же день онъ празднуетъ „крестины журнала. Студитскій читалъ отрывки изъ своихъ переводовъ, Дмитріевъ балладу, Хомяковъ стихи свои и Языковскіе. Было очень весело". Но когда С. Т. Аксаковъ увидѣлъ въ 1-й книжкѣ *Москвитянина* стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, подъ заглавіемъ *Москва*, напечатанное безъ посвященія его сыну Константину, то выразилъ Погодину свое неудовольствіе. Это, разумѣется, раздосадовало Погодина, который по этому поводу записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Очень кстати было бы напечатать стихотвореніе на первомъ мѣстѣ, которое имѣетъ общее значеніе съ посвященіемъ частному лицу. Можетъ ли самолюбіе быть слѣпѣе".

Не смотря на это, самъ К. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Все что только я имѣю, чѣмъ Господь Богъ наградилъ меня, готовъ я посвятить истинѣ и отечеству; и то, и другое для меня нераздѣльно, да и необходимо; самое мое личное развитіе и совершенствованіе будетъ уже свободнымъ служеніемъ тому, къ чему такъ привязанъ. По возможности, я буду вамъ содѣйствовать".

Въ послѣдній день отходящаго въ вѣчность 1840 года Погодинъ посѣтилъ графа С. Г. Строганова и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ „застраховать журналъ". На это графъ Строгановъ ему замѣтилъ: „Эй нѣтъ! Не ѣздите. Я беру это на себя, а вы поѣзжайте, если хотите, послѣ. Теперь покажется какъ будто на поклонъ". *Надо послушаться.* Отъ графа Строганова Погодинъ отправился къ князю Д. В. Голицыну. Въ пріемной Погодинъ встрѣтился съ плацъ-маіоромъ Кузьминымъ, потомъ съ полиційме-

стеромъ Цинскимъ, „который“, замѣтилъ Погодинъ, „с....., не отвѣчалъ на мое письмо, а теперь спохватился и началъ подходить“. Здѣсь же Погодинъ бесѣдовалъ съ П. И. Кривцовымъ о библіотекѣ для художниковъ въ Римѣ. Князь Голицынъ былъ „очень любезенъ“ съ Погодинымъ, ... [463]).

„Въ то время, какъ прибывшіе изъ-за границы профессора“, свидѣтельствуетъ Ѳ. И. Буслаевъ, „съ своими Германскими симпатіями, какъ космополиты, проповѣдывали свои ученія во имя интересовъ обще-человѣческихъ, стремленіе къ которымъ, по ихъ теоріи, должно стереть съ лица земли всякія различія отдѣльныхъ народностей, а въ народности Русской и вообще Словенской видѣли только недостатки грубости и варварства, и такимъ образомъ ставили они себя подъ знамя *западничества*, которое пользовалось у насъ тогда офиціальнымъ покровительствомъ: въ то время Погодинъ и Шевыревъ, сильные преданіями Русской Литературы, которыя они приняли непосредственно изъ рукъ лучшихъ ея представителей, объявилй своимъ принципомъ *народность*, и именно *народность Русскую*. Органомъ этого *Словенофильскаго* направленія сдѣлался журналъ *Москвитянинъ*, который съ 1841 года сталъ издавать Погодинъ при главномъ и постоянномъ сотрудничествѣ Шевырева. Къ чести обоихъ, какъ Погодина, такъ и Шевырева, надобно сказать, что призваніе профессора и ученаго всегда ставили они неизмѣримо выше всякихъ ефемерныхъ успѣховъ публицистики, больше всего радѣли о непреходящихъ интересахъ литературы, науки и университета и въ своихъ чистыхъ убѣжденіяхъ, воспитанныхъ этими интересами находили они спасительное руководство на скользкомъ поприщѣ періодической печати“ [464]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ПЯТОЙ.

1) *Русскій Архивъ* 1887, № 4, стр. 441—468; № 5, стр. 49—72; № 6, стр. 169—216.

2) *Сочиненія В. А. Жуковскаго.* Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1885, VI, 309.

3) *Сочиненія Филарета.* М. 1882, IV, 53.

4) *Сочиненія В. А. Жуковскаго,* VI, 309; *Современникъ.* 1838, XII, 46—54.

5) *Дневникъ* 1837, подъ 3 іюля.

6) *Автобіографическая Записка,* (о графѣ Строгановѣ), л. 2 об.

7) *Историко-Критическіе Отрывки.* М. 1846, стр. 157—159.

8) *Дневникъ* 1837, подъ 6, 8, 21 августа.

9) *Письма,* VIII.

10) *Дневникъ* 1837, подъ 3, 8 августа.

11) *Письма,* VIII.

12) *Дневникъ.* 1837, подъ 25 сентября.

13) *Письма о Кіевѣ.* Спб. 1871, стр. 56, 76.

14) *Письма,* VIII.

15) *Русскій Архивъ* 1887, № 6, стр. 169—216.

16) *Дневникъ* 1837, подъ 21 октября, 2—3 ноября и 3 декабря.

17) *Автобіографическая Записка* (О графѣ Строгановѣ), л. 3 об.

18) *Письма,* VIII.

19) *Русская Старина* 1889, сентябрь, стр. 557—558.

20) *Пожаръ Зимняго Дворца.* Записка В. А. Жуковскаго, издан. Я. К. Гротомъ. Спб. 1883, стр. 8.

21) *Дневникъ* 1837, подъ 27 декабря; *Годъ въ чужихъ краяхъ.* М. 1844, I, 11.

22) *Исторія М. Университета.* М. 1855, стр. 502.

23) *Дневникъ* 1837, подъ 11 сентября.

24) *Сочиненія Филарета,* IV, 61—68.

25) *Дневникъ* 1837, подъ 12, 15 сентября.

26) *Московскій Наблюдатель.* 1837 г., X, 238—239.

27) *Дневникъ* 1837, подъ 28 августа.

28) *Автобіографическая Записка* (о графѣ Строгановѣ), л. 2 об.

29) *Письма,* VIII.

30) *Автобіографическая Записка,* (объ И. И. Давыдовѣ), л. 1 об., 3 об.; *Русь.* 1880, № 1, стр. 19; *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу,* стр. 16.

31) *Дневникъ* 1837, подъ 24 сентября.

32) *Біограф. Словарь М. Университета,* I, 357.

33) *Русская Газета* 1859, № 37.

34) *Русь* 1880, № 1.

35) *Письма,* VIII.

36) Благосвѣтловъ. *И. И. Введенскій,* краткій біограф. очеркъ. Спб. 1857, стр. 3—10; *Церковныя Вѣдомости.* 1890, № 29, стр. 247.

37) *Письма,* IX, X.

38) *Благосвѣтловъ,* стр. 10—11.

39) *Русскій* 1868, № 129.
40) *Письма*, VIII.
41) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1838. Кн. 4-я, стр. 98—137; *Несторъ*, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей. М. 1839, стр. 226—229; *Письма*, VIII.
42) *Начертаніе Русской Исторіи*. М. 1837, стр. VI—IX, XIV—XV.
43) *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1837, XIV, стр. X—XI.
44) *Дневникъ* 1836, подъ 14 февраля.
45) *Письма*, VII, 266—267; *Дневникъ*. 1837, подъ 25 сентября.
46) *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* XIV, стр. XI—XII.
47) *Дневникъ* 1837, подъ 7 января.
48) *Сѣверная Пчела* 1837, № 235, *Письма*, VIII; *Дневникъ* 1837, подъ 1 января, 8 сентября, 17 апр., 31 іюля, 10—17 апрѣля, 3 ноября, 25 сентября; *Московскій Наблюдатель* 1837, XI, 223—247.
49) *Дневникъ* 1837, подъ 5 февраля.
50) *Полное Собран. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1879, II, 225—226.
51) *Письма*, VIII, IX.
52) *Русская Исторія*. Спб. 1872, I, 94—95.
53) *Письма*, VIII.
54) *Откуда идетъ Русская Земля*. Кіевъ. 1837, стр. 5, 57, 80.
55) *Письма*, VIII.
56) Пономаревъ. *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 13—14; *Москвитянинъ* 1841, № 3, 219—220.
57) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ*, архіепископъ Херсонскій. Спб. 1887, стр. 126—127.
58) *Письма*, VII, 369—370.
59) *Письма о Кіевѣ*, стр. 65—66.
60) *Иннокентій Борисовъ*, стр. 127.
61) *Письма о Кіевѣ*, стр. 68.
62) *Дневникъ* 1837, подъ 10 и 12 января.
63) *Письма*, VIII.
64) *Дневникъ* 1837, подъ 12 января.
65) *Письма*, VIII, IX; *Біограф. Словарь Московскаго Университета*, II, 486.
66) *Письма о Кіевѣ*, стр. 69, 32; *Письма*, VIII, IX.
67) Нилъ Поповъ. *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*. М. 1879, стр. 202.
68) *Письма*, VIII.
69) *Русская Старина* 1889, окт., стр. 137.
70) Пономаревъ. *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 15.
71) *Письма*, VIII.
72) *Письма о Кіевѣ*, стр. 32—33.
73) *Автобіографія Н. Н. Мурзакевича*. Спб. 1889, стр. 128.
74) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 15.
75) Веселовскій. *В. В. Григорьевъ*. Спб. 1887, стр. 1—10, 19—26.
76) *Письма*, VIII.
77) *В. В. Григорьевъ*, стр. 26.
78) *Письма*, VIII.
79) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1837, кн. 1-я, стр. 1—IV.
80) *Псковская Лѣтопись*. М. 1837, стр. VII—XXX.
81) *Библіотека для Чтенія* 1837, XXXIV, 53—55; *Письма*, IX.
82) *Временникъ*. М. 1854. Кн. 19, стр. 8.
83) *Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей*. М. 1845. I, 17—20; *Письма*, IX.
84) *Русскій Историческій Сборникъ*, кн. 2, стр. 128—129; кн. 3, стр. 402—403.
85) *Письма*, VIII.
86) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 14; *Письма*, IX.
87) *Русскій Историч. Сборникъ*. М. 1840, кн. 4, стр. 403.
88) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 921—922.
89) *Письма*, VIII.
90) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1840, кн. 4, стр. 390.

91) *Письма*, VIII, IX.

92) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1840, кн. 4, стр. 402.

93) *Письма*, VIII.

94) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1840, кн. 4, стр. 406; 1838, кн. 3, стр. 127—128; 1840, кн. 4, стр. 403.

95) *Письма*, VIII.

96) *Русскій Истор. Сборн.* М. 1837, кн. 2, стр. 126.

97) *Письма*, VIII.

98) *Русскій Историч. Сборн.* М. 1840, кн. 4, стр. 406.

99) *Дневникъ* 1837, подъ 18—20 августа.

100) *Письма*, VIII.

101) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 16.

102) *Московскій Наблюдатель* 1837, X, 126—127.

103) *Журналъ М. Нар. Просвѣщ.* 1837, XIII, 423—425; *Письма*, VIII.

104) *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду* 1838, № 35.

105) *Русскій Архивъ* 1889, № 1, стр. 161—172

106) *Литер. Прибавл.*, № 35; Колосовъ. Исторія *Тверской Духовной Семинаріи.* Тверь. 1889, стр. 389; Строевъ. *Списки Іерархов*ъ. Спб. 1877, стр. 453; *Письма*, VIII.

107) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ Земель*, стр. 7.

108) *Письма*, IX; *Библіотека для Чтенія*. 1837, XXIII, 62—64.

109) *Письма*, VIII.

110) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1838, іюль, № VII, стр. 139; 1837, XV, 146—159.

111) *Московскій Наблюдатель* 1837, XII, 545.

112) *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1838, іюль, № VII, 13—14. 1837, XV. 146—159.

113) *Словенскія Древности*. М. 1838, т. I, кн. 3-я, стр. 302.

114) *Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.* 1838, іюль, № VII, 3.

115) *Письма*, VIII.

116) *Автобіографія Н. Н. Мурзакевича*, стр. 120.

117) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 1, 2, 37—38, 3, 15—16, 40.

118) *Письма*, VIII.

119) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 14.

120) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 3, 4, 5, 6, 7, 206—209, 8, 9, 11, 13, 14, 24.

121) *Дневникъ* 1857, подъ 1 января.

122) *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія* 1838, іюль, № VII, 8.

123) *Дневникъ* 1837, подъ 19 ноября.

124) *Письма* VIII.

125) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. Спб. 1869, стр. 26.

126) *Дневникъ* 1837, подъ 2 ноября.

127) *Письма*, VIII.

128) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 44.

129) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 14; *Письма*, IX.

130) *Письма*, VIII.

131) *Современникъ* 1837. т. V, 143—146; *Русскій Архивъ* 1885, № 5, стр. 306.

132) *Письма*, VIII.

133) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, XI, 352.

134) *Русскій* 1868, іюля 9, № 7.

135) *Дневникъ* 1837, подъ 27 февр. 1836, подъ 9—20 февраля.

136) М. Дмитріевъ. *Мелочи изъ запаса моей памяти.* М. 1869, стр. 153, 154.

137) *Дневникъ* 1837, подъ 2 октября.

138) *Мелочи*, стр. 154, 155, 151, 156.

139) *Дневникъ* 1837, подъ 4, 5 октября.

140) *Мелочи*, стр. 156, 157.

141) *Дневникъ* подъ 7 октября.

142) *Мелочи*, стр. 157.

143) *Дневникъ* 1837, подъ 10 октября; *Письма*, IX; *Р. Архивъ* 1885, № 6, стр. 305—306.

144) *Мелочи*, стр. 152—153.

145) *Письма*, VIII.

146) Нашъ *Ивановскій Семейный Архивъ*.

147) *Дневникъ* 1837, подъ 24 сент.

148) *Письма о Кіевѣ*, стр. 77—78.

149) *Сочиненія Иннокентія*, архіепископа Херсонско-Таврическаго. Спб. 1874, VIII, 138—143.

150) *Письма*, IX.

151) *Дневникъ* 1838, подъ 15, 17—25 января.

152) *Письма М. П. Погодина къ Бодянскому* (Оттискъ изъ *Чтеній*), стр. 2.

153) *Дневникъ* 1838, подъ 9 и 16 октября.

154) *Письма*, IX.

155) *Письма о Кіевѣ*, стр. 78.

156) *Письма*, IX.

157) *Дневникъ* 1838, подъ 30 сентября.

158) *Московскія Вѣдомости* 1838, № 58; *Сочиненія Филарета*, IV, 79—81.

159) *Московскій Наблюдатель* 1838, май, кн. 2, стр. 250—277.

160) *Полн. Собран. Сочин. Кн. П. А. Вяземскаго*, Спб. 1880, IV, 247—248.

161) *Дневникъ* 1838, подъ 21 сентября, 16 февраля—25 марта, 27 октября.

162) *Письма*, IX.

163) *Дневникъ* 1838, подъ 17 сентября, 10 декабря.

164) *Біограф. Слов. Московскаго Университета*, I, 364—365.

165) *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 445—449.

166) *Письма*, IX.

167) *Имп. Спб. Универс.*, стр. 170

168) *Письма*, IX.

169) *Дневникъ* 1838, подъ 18, 6.

170) Иконниковъ. *Біограф. Слов. профессоровъ Университета св. Владиміра*. Кіевъ, 1884, стр. 455—457.

171) *Письма*, IX.

171*а*) Анненковъ. *Воспоминанія и Критическіе Очерки* Спб. 1881, III, 20—21.

172) *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1879, VII, 121—124.

173) *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*, I, 246.

174) *М. Наблюдатель* 1838, мартъ кн. 1-я, стр. 5—38; *Т. С. Грановскій*. М. 1869, стр. 114; *С. Н. Станкевичъ*. Прил., стр. 316. *Русская Мысль* 1889, январь, стр. 2.

175) *Письма*, IX, X; *Сочиненія А. И. Герцена*, VII, 127, 128.

176) *Дневникъ* 1838, подъ 25 сентября.

177) *Письма*, IX.

178) *Письма М. П. Погодина къ Бодянскому*, стр. 2.

179) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 55—56.

180) *Дневникъ* 1838, подъ 3—14 февраля.

181) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1879 II, 357—358.

182) *Письма*, IX.

183) *Русскій Архивъ* 1865, стр. 887.

184) *Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*. Спб. 1857, V, 289; *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 55.

185) *Письма*, IX; *Русск. Архивъ* 1890, № 8, стр. 13—14.

186) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 957—959.

187) *Полн. Собран. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1882, VII, 281—283.

188) *Автобіограф. Записка Погодина* (Н. А. Мельгуновъ), л. 1 об.

189) *Дневникъ* 1838, подъ 14 сент.

190) *Автобіограф. Записка* (Н. А. Мельгуновъ), л. 2 и об.

191) *Письма М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 13.

192) *Письма*, IX.

193) *Дневникъ* 1838, подъ 13 сент.

194) *Письма*, IX.

195) *Автографы Императорской Публичной Библіотеки* (Погодинъ).

196) *Автобіографическая записка Погодина* (Графъ С. Г. Строгановъ), об. л. 3. об., 4; *Русскій* 1867. № 17—18, стр. 257—263.

197) *Современникъ* 1838, XII, 45—46.
198) *Русскій Историч. Сборникъ.* М. 1838, кн. 3, стр. 110—126.
199) *Н. В. Станкевичъ.* Переписка, стр. 244—245.
200) *Журн. М. Н. Просв.* 1838, XVIII, 514—521.
201) *Дневникъ* 1838, подъ 3 — 14 февраля.
202) *Письма*, IX.
203) *Русскій Историч. Сборникъ.* М. 1839, т. III, кн. 3-я, стр. 268—269.
204) *Дневникъ* 1838, подъ 16 февр.—25 марта, 2 сентября, 18 октября, 11—25 ноября.
205) *Русскій Историч. Сборникъ.* М. 1839, т. III, кн. 3-я, стр. 269—270. 279—283.
206) *Дневникъ* 1838, подъ 19 октяб.
207) *Письма*, IX; *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 326—327.
208) *Русскій Историческій Сборникъ.* М. 1840, т. III, кн. 4-я, стр. 409—416.
209) *Письма*, IX.
210) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 50—51; *Имп. Спб. Университетъ*, стр. 245.
211) Ламанскій. *И. И. Срезневскій.* М. 1890, стр. 15—16; *Письма*, IX.
212) *Дневникъ* 1838, подъ 14—15 сентября.
213) *Письма*, IX.
214) *Дневникъ* 1838, подъ 28 октября—3 ноября.
215) *Письма*, IX.
216) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 86—90.
217) *Дневникъ* 1838, подъ 1 — 12 января.
218) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 44—45.
219) *Письма М. П. Погодина къ Бодянскому*, стр. 1, 3.
220) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 204—206; *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 202; Письма, IX.
221) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* Спб. 1857; V, 332.
222) *Письма*, IX.
223) *Годъ въ Чужихъ краяхъ.* М. 1844, I, 1—226; II, 1—3.
224) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* Спб. 1857, V, 363; *Воспоминаніе о Шевыревѣ*, стр. 23.
225) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, II, 3—93.
226) *Русскій Архивъ* 1867, стр. 313, 1865, стр. 789.
227) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, II, 93—209; III, 1—52.
228) *Письма*, IX.
229) *Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду*, 1839, № 15.
230) *Отечественн. Записки* 1840, XII, 91—92.
231) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, III, 521.
232) *Письма*, XI.
233) *Русскій Архивъ* 1886, № 3, стр. 328—329.
234) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, III, 52—225; IV, 1—88.
235) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 24—25.
236) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, IV, 89—95.
237) Бычковъ. *Лѣтопись по Лаврентьевскому списку.* Спб. 1872, стр. 160.
238) *О Недостовѣрности древней Русской Исторіи.* Спб. 1834, стр. 19.
239) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, IV, 95—152.
240) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 82.
241) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, IV, 152—202.
242) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 19.
243) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, IV, 202—222.
244) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* Спб. 1857, V, 381.
245) *Письма*, IX.
246) *Годъ въ Чужихъ краяхъ*, IV, 222—230.

247) Аксаковъ. *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 14—16.
248) *Письма*, IX.
249) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 16—31.
250) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, V, 392—393.
251) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 17.
252) *Письма*, IX.
253) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 17.
254) *Письма*, IX.
255) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 25.
256) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 84—85, 88—89.
257) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 18.
258) *Историко-Политическія Письма и Записки.* М. 1874, стр. 15—45.
259) *Русскій Архивъ* 1871, стр 2079.
260) *Дневникъ* 1840, подъ 26 авг.
261) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 21.
262) *Историко-Политическія Письма*, стр. 45.
263) *Записки К. А. Полевого.* Спб. 1888, стр. 446—447, 516—518.
264) *Библіотека для Чтенія* 1837, XXI, 21.
265) *Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.* 1840, № 82.
266) *Письма*, X.
267) *Русскій Архивъ* 1875, III, 472—476.
268) *Письма*, X.
269) *Дневникъ* 1840, апрѣль.
270) *Москвитянинъ* 1843, № 7, стр. 103; *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 90.
271) *Письма*, IX.
272) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 216—217.
273) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886, X, 159.
274) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* Спб. 1857, V, 391—392.
275) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 28.
276) *Дневникъ* 1840, 7 января.
277) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 0942.
278) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, V, 394, 398—399.
279) *Письма*, X.
280) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* V, 395—396.
281) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 34—35, 37—38.
282) *Дневникъ* 1840, подъ 27 апрѣля.
283) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* V, 397, 406, 421—422.
284) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 25.
285) *Письма*, X.
286) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 38, 34, 38, 35—37.
287) *Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*, V, 406—407.
288) *Письма*, X.
289) *Дневникъ* 1840, подъ 20 ноября.
290) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, V, 417 и слѣд.
291) *Русская Старина* 1889, авг., стр. 381—384.
292) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, V, 424—425.
293) *Письма*, X.
294) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, V, 428.
295) Станкевичъ. *Т. Н. Грановскій.* М. 1869, стр. 103 — 104, 119 — 120.
296) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 84.
297) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 19.
298) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 90; 1879, кн. III, 318.
299) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 21.
300) *Русскій Вѣстникъ* 1889, августъ, стр. 135.
301) *Письма*, X.
302) *Дневникъ* 1840, подъ 19, 25 октября.

303) Анненковъ. *Н. В. Станкевичъ.* Прил., стр. 320—322, 325—326, 340—341, 230 и 231, 233.

304) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель,* стр. 113.

305) *Т. Н. Грановскій,* стр. 121.

306) *Письма,* X.

307) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 490—491.

308) *Дневникъ* 1840, подъ 22 сентября, 25 октября—января.

309) *Письмо М. П. Погодина изъ Словенскихъ земель,* стр. 113, 118.

310) *Т. Н. Грановскій,* стр. 113.

311) *Дневникъ* 1840, подъ 12 октября.

312) *Т. Н. Грановскій,* стр. 117—120.

313) *Письма,* X.

314) *Дневникъ* 1840, подъ 9 ноября, 31 октября, 18 ноября, 18 августа.

315) *Автобіограф. записка,* л. 5.

316) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2079.

317) *Письма,* X.

318) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 156—190.

319) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2080.

320) *Письма,* X.

321) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2080.

322) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу,* стр. 27.

323) *Письма,* X.

324) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2082.

325) *Біограф. Словарь М. Университета* I, 366—368.

326) *Письма,* X; *Архивъ А. Ѳ. Бычкова.*

327) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 360.

328) *Письма,* X.

329) *Историко-Политическія Письма и Записки.* М. 1874, стр. 44—45.

330) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 582—587.

331) *Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Импер. Москов. Университета* за 1839—1840 академическій годъ.

332) *Девятое присужденіе* учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. Спб. 1840, стр. 4—7.

333) *Біографіи и Характеристики.* Спб. 1882, стр. 247.

334) *Письма,* IX.

335) *Девятое присужденіе,* стр. 7.

336) *Письма,* X.

337) *Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи.* М. 1846. I, 471.

338) *Письма М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель,* стр. 112—113, 116—117.

339) *Галатея* 1840, № 16, стр. 274—277.

340) *Русскій Историческій Сборникъ,* VI, проток.

341) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 89.

342) *Дневникъ* 1840, подъ 5 января, 21 сентября, 9 октября; *Письма,* X.

343) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 0942.

344) *Письма,* X.

345) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 123—128.

346) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 463.

347) *Четыре бесѣды Фотія.* Спб. 1864, стр. 51—52.

348) *Письма,* X.

349) *Русская Старина* 1881, октябрь, стр. 341.

350) *Письма,* X.

351) *Дневникъ* 1840, подъ 29 августа, 21 сентября, 14 ноября, 18 августа, *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 226.

352) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель,* стр. 276—277.

353) *Русскій Историческій Сборникъ,* VI, проток., стр. 2—3.

354) *Письма,* X.

355) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2080.

356) *Біограф. Словарь М. Университета,* I, 287—290.

357) *Письма*, X, IX; *Москвитянинъ* 1842, № 2, стр. 564—569.

358) *Дневникъ* 1840, подъ 5—6, 29 сентября.

359) *Письма*, X.

360) *Дневникъ* 1840.

361) *Русскій Историческій Сборникъ*, III, кн. 4, IV, кн. 1. VI, проток.

362) *Русскій Архивъ* 1882, стр. 256—257.

363) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 300—306.

364) *Дневникъ* 1840, подъ 29 ноября, 7 декабря.

365) *Русскій Архивъ* 1882, стр. 257—258.

366) *Литературныя Воспоминанія*. Спб. 1876, стр. 153—154.

367) *Русскій Вѣстникъ* 1856, мартъ, кн. 1-я, стр. 67.

368) *Письма*, IX, X.

369) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 117.

370) *Письма*, X.

371) *Автобіогр. Записка* (Древлехранилище), л. 2.

372) *Письма*, X.

373) *Переписка А. X. Востокова*, стр. 347—348.

374) *Дневникъ* 1840, подъ 26 авг.

375) *Автобіогр. Записка* (Древлехранилище), л. 2.

376) *Дневникъ* 1840, подъ 26 августа.

377) *Автобіограф. Записка* (Древлехранилище), л. 2 и об.

378) *Дневникъ* 1840, подъ 25 авг.

379) *Письма*, X.

380) *Собраніе Сочиненій и Писемъ Н. В. Гоголя*, V, 416—417.

381) *Дневникъ* 1840, подъ 18 августа, 5, 9, 19, 26 сент., 5, 16, 17 ноября, 12, 28 октября, 21 декабря.

382) *Письма*, X.

383) *Переписка А. X. Востокова*, стр. 346—347.

384) *Письма*, X.

385) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 204.

386) Нилъ Поповъ. *Древняя и Новая Россія* 1879, № 8, стр. 277—280.

387) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2079—2083.

388) *Древняя и Новая Россія* 1879. № 8, стр. 280—283.

389) *Дневникъ* 1840, подъ 26 авг. и 4 сент.

390) *Древняя и Новая Россія* 1879, № 8, стр. 283.

391) *Письма*, X.

392) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 204.

393) *Древняя и Новая Россія* 1879, № 8, стр. 283.

394) *Письма*, X.

395) *Древняя и Новая Россія* 1879, № 8, стр. 283—284.

396) *Русскій* 1867, 10 апрѣля, л. 9 и 10.

397) *Дневникъ* 1840, подъ 6, 7, 11 сентября, 18, 27 августа, 17 декабря, 13 сентября, 12 октября, 27 декабря.

398) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, 391.

399) *Письма*, IX.

400) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

401) *Письма*, IX.

402) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 90.

403) *Письма*, X.

404) *Отечественныя Записки* 1840, № 1. XI. Смѣсь, стр. 1—8; XII. Словесность, 227.

405) *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*, II. 280.

406) Анненковъ. *Воспоминанія и критическіе очерки*, стр. 18.

407) *Русь* 1881, № 8, стр. 15.

408) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 2058—2059.

409) Пономаревъ. *М. А. Максимовича*. Спб. 1872, стр. 44.

410) *Письма о Кіевѣ*, стр. 84.

411) *Отечественныя Записки* 1840. Т. IX, № 4, стр. 37—72.

412) *Сѣверная Пчела* 1840, № 125; *Современникъ* 1840. XIX. 137.

413) *Письма о Кіевѣ*, стр. 15.
414) *М. А. Максимовичъ*, стр. 46—47.
415) *Письма о Кіевѣ*, стр. 15—16, 14.
416) *Кіевлянинъ* 1840, кн. I.
417) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 23.
418) *Письма*, X.
419) *Кіевлянинъ* 1840, I, пред.
420) *Письма*, X.
421) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 22—23.
422) *Письма*, X.
423) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 24.
424) *Письма*, X.
425) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 26.
426) *Письма*, X.
427) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 2508—2529; *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*. М. 1880, V, стр. LII.
428) *Гражданинъ* 1873, № 11.
429) *День* 1865, №№ 50—51, стр. 1200; *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1879, № VII, 269—270.
430) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 2523; 1879, № 11, стр. 303.
431) *Письма*, X.
432) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 23.
433) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 89—91; *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
434) *Русскій Архивъ*, 1873, № 12, стр. 2521—2522.
435) *Т. Н. Грановскій*, стр. 112, 120—121.
436) *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1879, VII, 300—302.
437) *Русскій Архивъ* 1873, № 12, стр. 2523.
438) *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*, стр. I, 278.
439) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V.V, стр. XXXV—XXXVI.
440) *Русскій Архивъ* 1879, № 11, стр. 301—303.
441) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, стр. XXXVII—XXXVIII.
442) *Русскій Архивъ* 1880, II, 271.
443) *Гражданинъ* 1873, № 11; *Письма*, X.
444) *Дневникъ* 1840, подъ 12, 29 октября, 13 ноября, 28—29 декабря.
445) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 204—205; 1880, II, 252—253, 262—269.
446) *Дневникъ* 1840, подъ 24 октября.
447) *Письма*, X.
448) *Сочиненія А. И. Герцена*, стр. 290—291.
449) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 26.
450) *Литературная Газета* 1840, № 59.
451) *Дневникъ* 1840, подъ 26 октября.
452) *Русская Старина* 1889, октябрь, стр. 113.
453) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 80, 82, 85, 89.
454) *Письма М. П. Погодина М.* А. *Максимовичу*, стр. 18.
455) *Собраніе Сочиненій и Писемъ Н. В. Гоголя*, V, 389.
456) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 89.
457) *Дневникъ* 1840, подъ 24 декабря.
458) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2081—2082.
459) *Московскія Вѣдомости* 1840, № 90.
460) *Письма*, X.
461) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1891, IV, 150.
462) *Письма*, X.
463) *Дневникъ* 1840, подъ 12 ноября, 1 декабря, 30, 26 ноября, 30 декабря. 1840, подъ 31 декабря.
464) *Мои Досуги*. М. 1886, II, 244—245.

Достопочтенный Матвѣй Авелевичъ Гамазовъ, въ дополненіе къ своему примѣчанію, на страницѣ 284-й четвертой книги *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*, доставилъ намъ нижеслѣдующій списокъ Восточныхъ словъ, по большей части Персидскихъ, сходныхъ по произношенію съ Европейскими одинаковаго съ ними значенія. М. А. Гамазовъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы исправить двѣ грубыя опечатки, вкравшіяся, по нашей винѣ, въ упомянутое примѣчаніе. Исправленныя слова набраны здѣсь курсивомъ съ правой стороны. Н. В.

предлогъ	*ке* (перс.	que (фр.).
мѣстоим.	*ту* id.	tu (ит.).
	ма id.	мы (рус.).
числит.	*ду* id.	two (англ.), deux (фр.).
	пэндж id.	пэндэ (гр.), pięć (польск.).
	шэш id.	шесть (рус.).
	дэ id.	dix (фр.) десять (рус.).
	сэд id.	сто (рус.).
	девист id.	двѣсти (рус.).
	шэшсэд id.	шестсотъ (рус.).
глаголы:	*сифлидэн* id.	siffler (фр.).
	лаидэн id (*ми*) *лайед*	лаять (рус.) лаетъ.
	гэргэрэ id.	gargariser (фр.).
	лисидэн id.	лизать (рус.).
	фэсанидэн id.	fasciner (фр.).
	лэштэн id.	lécher (фр.).
	малидэн id.	malen (нѣм.).
	мурдэн id.	mourir (фр.).
	дâден id.	дать (рус.).
	дерид id.	дерите (рус.).
	бэрид id.	берите, уберите (рус.).
	мэсидэн id.	мѣсить (рус.).
	джавидэн id.	жевать
существ.	*жалэ* id.	gelée (blanche) (фр.).
	мэгз (перс.).	мозгъ (рус.).
	дэр (перс.).	дверь (рус.) door (англ.), *Thüre* (нѣм.).
	бэнд id.	bande, bandeau, bandage (фр.).
	па id.	pas (фр.).
	гейсу id.	коса (рус.).
	тондэр id.	thunder (англ.), tonnerre (фр.)
	ям id. (хорас. нар.).	ямъ (рус.).

ямчик id.	ямщикъ (рус.).
ухрэ (перс.).	угорь (рус.).
пэр id.	перо (рус.).
бусэ id.	(un)baiser (фр.).
лути id.	Leute (нѣм.) люди (рус.)—букв. простой народъ, чернь.
броу (перс.).	бровь (рус.).
джэстэ id.	жесть (рус.).
чуг id или	
юг id.	joug (фр.).
дэндан id.	dent (фр.).
зану id.	genou (фр.).
зэн id.	жена (рус.).
рэж id.	rage (фр.).
рэнд id.	rind (англ.) береста.
зэвирэ id.	вавируха (рус.).
зіян id.	изъянъ (рус.).
кэт (араб.).	cate (англ.), котъ (рус.).
лэб (перс.).	lip (англ.) губа.
шелак (араб.).	Schlag (нѣм.) ударъ.
тас id.	tasse (фр.) тазъ (рус.).
тэбэр (перс.).	топоръ (рус.).
тэпсэ id.	tapisserie (фр.).
тара (тур.).	tare (фр.) недовѣсъ, убыль.
тасđ (тур.).	тоска (рус.).
фурду (перс.).	fourrure (фр.).
гери id.	cris (фр.).
карн (араб.).	corne (фр.).
гырбаль (перс.).	crible (фр.) сито.
кетэж (араб.).	cottage (англ.) дача.
гав (перс.).	cow (англ.) корова.
мур id.	муравей (рус.).
муш id.	мышь (рус.).
куртек id.	куртка.
духтэр id.	Tochter (нѣм.), doughter (англ.).
пэдэр id.	pater (лат.).
мадэр id.	mater (лат.).
зимистан id.	зима.
мырмыр (тур.).	murmurer (фр.).
пđне (перс.).	péne (фр.).
сэрджент	*sergent* (фр.) букв. старшій въ войскѣ.
джэд (араб.).	дѣдъ (рус.).
джеван (перс.).	giovane (ит).
парэ (перс.)	part, partie (фр.).
зэмин id.	земля (рус.).
керзин id.	корзина (рус.).
герэт id.	guerre (champ de bataille) (фр.).
гурзэ id.	gourdin (фр.) дубина.
лэвир id.	labour (фр.).

	луч id.	louche (фр.).
	муэд id.	изда (церк. слав.).
	нáм id.	name (англ.), Name (нѣм.), nom (фр.).
	мэскин (араб.).	meschino (ит).
	мам (перс.).	мама (рус.).
	мамэк id.	маменька (рус.).
	сабун (перс.).	savon (фр.).
прилагат.	*нду* id.	новый (рус.), neuf (фр.), *new* (англ.), neue (нѣм.).
	бэд id.	bad (англ.).
	тені id.	тонкій, тонко (рус.).
	аджиль (араб.).	agile (фр.).
	махмур (араб.).	нахмуренный (собственно чувствующій тяжесть въ головѣ вслѣдствіе опьянѣнія, осовѣвшій, томный.
	сабуни (id.)	savonneux (фр.).

Быть можетъ, (?) сравненныя со словами *махмур*, *ям* и *сабун* заимствованы отъ Восточныхъ языковъ, подобно другимъ словамъ какъ напримѣръ:

хардж (араб.).	харчи.
мэхаридж id.	магарычъ.
мэхазин id.	магазины (magasins)
хазнэ id.	казна.
кушак (тур.).	кушакъ и т. д.

Складъ изд. въ кн. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

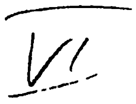
«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

1970

(6)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(6)

Стран.

(6

Стран.

(6)

Стран.

Стран.

I.

18 апрѣля 1841 года узнала Москва о совершившемся 16 числа бракосочетаніи Наслѣдника Русскаго Престола. Воспитатель его, генералъ-адъютантъ Кавелинъ, избранъ былъ Государемъ для сообщенія жителямъ древней столицы извѣстія о радостномъ событіи. На другой же день совершено было молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ и прочтенъ манифестъ. „О, милость, милость“ восклицалъ Погодинъ, „ты небесное, божественное свойство! Какъ живо волнуешь ты сердце, какъ могущественно привлекаешь его къ себѣ,—сильнѣе всѣхъ законовъ на свѣтѣ. Да присѣдишь ты на вѣки вѣковъ престолу Русскихъ Самодержцевъ! И кому же миловать, какъ не Русскому царю! И когда же болѣе, какъ не при бракѣ Наслѣдника“.

Передъ самою свадьбою Наслѣдника, въ Дневникѣ Никитенко мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Въ обществѣ ходятъ слухи. Говорятъ, что ко дню свадьбы Наслѣдника приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Если это правда, нынѣшнее царствованіе будетъ ознаменовано событіемъ, которое возвеличитъ его. Но многіе изъ людей образованныхъ находятъ мѣру эту еще преждевременною. Говорятъ, что она поведетъ къ безпорядкамъ, что къ ней надо идти постепенно. Какой же моментъ, по ихъ мнѣнію, окажется своевременнымъ? И чего еще ждать? Чтобы помѣщики сами отказались отъ своихъ правъ? Или чтобы между крестьянами побольше распространилось просвѣщеніе?.. Всякая постепенность въ этомъ

пути была бы полумѣрою, а полумѣры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создаютъ фальшивыя положенія вещей. Что касается безпорядковъ, они, конечно, возможны, но что они въ сравненіи со зломъ, заключающимся въ этой отвратительной системѣ рабства? Мелкіе помѣщики неизбѣжно пострадаютъ, но какое же важное благотворное преобразованіе въ государствѣ совершается безъ жертвъ? Государю Николаю Павловичу приписываютъ слова: *Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода Законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права*... Но все это одни гаданія. Подождемъ до среды (*16 апрѣля*)—и вопросъ рѣшится самъ собою. Впрочемъ, я мало надѣюсь. Хотя почему бы Николаю этого и не сдѣлать? Онъ всесиленъ: кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?"

На канунѣ свадьбы Наслѣдника Погодинъ получилъ извѣстіе отъ С. Т. Аксакова „объ освобожденіи крестьянъ"; а гуляя по своему саду съ Константиномъ Аксаковымъ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ „о Москвѣ, о крестьянахъ. Кажется", пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „они будутъ освобождены скоро. Государь хотѣлъ задать большой праздникъ, но Васильчиковъ на колѣняхъ упросилъ отложить до времени. Дѣло за формою. При такихъ великихъ дѣйствіяхъ нельзя предусмотрѣть выгодъ и невыгодъ, кои развиваются сами собою, по своимъ законамъ. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Рѣшенія синтетическія по вдохновенію; нота бене для Исторіи".

Вскорѣ послѣ свадьбы Наслѣдника, въ маѣ 1841 г., посѣтилъ Москву вмѣстѣ съ новобрачными императоръ Николай I, „спѣша раздѣлить свою семейную радость вмѣстѣ съ первопрестольнымъ градомъ Русскаго Царства".

Предъ вступленіемъ Государя съ новобрачными въ Успенскій Соборъ, митрополитъ Филаретъ произнесъ слово: „Благочестивѣйшій Государь! Уже сердце Россіи трепетало радостію при вѣсти о радости твоего родительскаго сердца и двухъ сердецъ, соединенныхъ на радость Россіи. Твой первородный,

исполнивъ собою высокія надежды Отечества, исполняетъ его пріятными надеждами, избравъ и соединивъ съ собою священными узами достойную сонаслѣдницу благословеній, которыми ущедрено свыше твое августѣйшее семейство.

Но нынѣ, по любви твоей къ подданнымъ отеческой, ты благоволилъ и наградить, и еще возвысить вѣрноподданическую радость твоей древней столицы, даруя ей счастіе лицезрѣнія твоего и виновниковъ твоей и нашей радости.

Святая же Церковь свойственною ей духовною радостію радуется, когда ты, Благочестивѣйшій Государь, среди веселія твоего Дома, воспомянувъ Святыню сего древняго Дома Божія, притекаешь въ сіе святилище царей, чтобы твою и чадъ твоихъ радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему.

Царь царей да исполнитъ во благихъ желанія твои и благословеніемъ благостыннымъ, обильнымъ, потомственнымъ, да благословитъ благовѣрныхъ Александра и Марію, якоже благословилъ благочестивѣйшихъ Николая и Александру".

Прибытіе Государя съ новобрачными въ Москву погрузило Погодина въ слѣдующее размышленіе: „Высокое умилительное явленіе!" пишетъ онъ, „подобнаго ни по формѣ, ни по идеѣ, вы не найдете нигдѣ въ Европѣ: не происходитъ въ семействѣ царскомъ никакого событія безъ того, чтобъ Царь тотчасъ не поспѣшилъ сообщить его Москвѣ, какъ представительницѣ Святой Руси, въ доказательство, что онъ и она одно есть... И народъ Московскій, народъ чисто Русскій живо чувствуетъ этотъ родственный, кровный союзъ, этотъ священный завѣтъ единства и любви между Царемъ и Царствомъ, источникъ и корень нашего могущества,—простую Русскую тайну, которой однако жъ никакъ не можетъ постигнуть ни высокоумная западная философія, ни хитро-испытанная западная политика"... Во время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ, по свидѣтельству Погодина, „сколько слышалось здѣсь выраженій, коими изъявляется чувство гораздо сильнѣе, живѣе, чѣмъ на придворномъ языкѣ утонченной цивилизаціи. Имъ говоритъ про-

стое сердце, въ коемъ почиваетъ Богъ, а не грѣшный умъ, источникъ эгоизма“.

Пребываніе Царя въ Москвѣ навѣяло на Погодина мысли, которыя онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Въ Кремль. Съ народомъ. Думалъ объ идеѣ царя, который у насъ грѣшить не можетъ, на котораго никто не жалуется, никто не винитъ. Это догматъ, хотя и не писанный. А это едва ли они понимаютъ. Чего нельзя сдѣлать съ этою идеею! Вышелъ въ казацкомъ платьѣ. По крайней мѣрѣ ближе къ Русскому. Квартальные хлопотали о проходѣ. *Не хлопочите, батюшка, пропустимъ*. Какъ бросился народъ на мѣста, и мигомъ они покрылись. Стоило одному начать. Толки каменьщиковъ: *Вотъ онъ идетъ, перышко видно*. Движеніе на улицѣ. Барабаны, звонъ и ура. Преклоняются знамена. Потомъ проѣхала коляска довольно скоро, около которой Государь и Наслѣдникъ. Вотъ и все. За нею, въ безпамятствѣ, толпа народа. Отправился пѣшкомъ въ Кремль. Кремль полонъ. Старуха съ пожилою вдовою, кажется, фабричною: *и наплакалась, и рада, вѣдь онъ нашъ Батюшка какимъ сахаромъ кормитъ*. Увидѣлъ Молодую въ окнѣ Грановитой Палаты, потомъ опять въ коляскѣ, на балконѣ. *А ее не показываютъ, жаль видно*. Не хотѣлось ѣхать въ театръ. Какъ то скучно и досадно“.

Еще въ ожиданіи прибытія императора Николая I въ первопрестольный градъ, Погодинъ „устроилъ статейку *о Москвѣ*“, въ которой, по его замѣчанію, оказалось „нѣсколько выраженій счастливыхъ“. Въ этой статьѣ Погодинъ доказываетъ, что *Москва есть корень, зерно, сѣмя, Русскаго государства*. „Ни Новгороду, ни Кіеву, ни Владиміру нельзя приписать этой чести. Новгородъ и Кіевъ древнѣе Москвы, они начинаютъ Русскую Исторію, но не начинаютъ нынѣшняго Русскаго Государства. Они присоединились къ Москвѣ, а не Москва присоединилась къ нимъ. Это Ока, Кама, кои впадаютъ въ Волгу. Началу Москвы соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ начало Волги, а не начало Оки или Камы. Когда вы хотите говорить о Волгѣ, то вы должны тотчасъ идти въ

Осташковъ, къ озеру Селигеру и далѣе, поймать тамъ первую каплю, преслѣдовать струю, идти за ручьемъ, рѣчкой, рѣкою, которой уже въ Нижнемъ приноситъ свою дань длинная многоводная Ока, а далѣе въ Казанской губерніи не менѣе важная Кама". Затѣмъ Погодинъ предлагаетъ вопросъ: „Гдѣ же это начало Москвы? Въ какихъ горахъ нашъ священный Гангесъ беретъ свое державное начало?" И отвѣчаетъ: „Первоначальная область Москвы, во владѣніи у перваго удѣльнаго ея князя Даніила Александровича, находилась между Лопасней и Можайскомъ, Клиномъ, Дмитровымъ, Радонежомъ, Коломною, которые принадлежали уже княжествамъ: Можайскъ къ Смоленскому, Клинъ къ Тверскому, Дмитровъ къ Владимірскому, Радонежъ къ Ростовскому, Коломна къ Рязанскому. Вотъ въ какихъ тѣсныхъ удоліяхъ заключалась Московская область; вотъ какой точкѣ судьбою назначено быть центромъ новаго, могущественнаго Европейскаго... всемірнаго государства; вотъ какая капля должна сдѣлаться моремъ - окіяномъ". Свою статью о Москвѣ Погодинъ заключаетъ такими словами: „Дошла ли Святая Русь-Москва до своихъ столповъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало Nec plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ. Сердце Царево въ руцѣ Божіей".

II.

Въ первый день новаго, 1841 года, вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ *Москвитянина*, который открывается статьею самого Погодина *Петръ Великій*. Статья эта была первоначально написана Погодинымъ для своихъ друзей, первыхъ Словенофиловъ, не отдававшихъ, по мнѣнію его, „справедливости великому дѣятелю Русской Исторіи". Предъ напечатаніемъ Погодинъ счелъ полезнымъ отправить ее на предварительное разсмотрѣніе Уварова, который, принимая живое участіе въ Погодинѣ, писалъ ему: „Возвращаю при семъ корректурные листы статьи. Прочелъ со вниманіемъ. Вы найдете нѣсколько

замѣтокъ и сомнѣній; вообще въ этой статьѣ много живости и ума. Чтò касается до декларацiи литературной, то считаю, что лучше бы было отсрочить оную. Существо мыслей и цѣль изданія должны отражаться въ самомъ журналѣ. Зачѣмъ объяснять впередъ, чтò должно быть общимъ выводомъ? Мнѣ такъ опротивѣла такъ называемая полемика, что совѣтовалъ бы вамъ безъ нужды не бросать перчатки: ваши противники не рыцари. Извините, что не мόгу болѣе писать; я занятъ до нельзя; мое здоровье поправляется, или точнѣе сказать, поправляюсь" [1]).

Такимъ образомъ съ измѣненіями, по указанію Уварова, была напечатана въ первомъ нумерѣ статья Погодина *Петръ Великій*, въ которой авторъ старался представить картину царствованія этого Государя, представить его значеніе въ Русской и Всеобщей Исторіи, необходимость его преобразованія, неосновательность однихъ осужденій и возможность другихъ, наконецъ обязанность, которая лежитъ на Русскихъ ученыхъ изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ этотъ примѣчательнѣйшій періодъ Русской Исторіи. „Нынѣшняя Россія, т.-е. Россія, Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная,— есть произведеніе Петра Великаго... Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 января 1841 г. Петръ велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

Попадается на глаза книга—Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете

читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній церковный.

Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ.

Вамъ нужно купить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ—допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство—такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ—по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч. и проч. и проч".

„Петръ Великій", продолжаетъ Погодинъ, „былъ геній, которому мало подобныхъ представляетъ Исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно о Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена (такую силу имѣютъ на насъ великіе люди).—Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжден-

ные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ, благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: Нигдѣ не было такого великаго государя, сказалъ еще юный Карамзинъ—и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую Исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія.—Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ;—такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно нуженъ былъ онъ, а не кто-либо иной! Смиримся и благоговѣемъ!

Для Данта была учреждена особая каѳедра въ университетахъ Италіанскихъ. Я почитаю себя счастливымъ, что могъ цѣлый семестръ посвятить въ Московскомъ Университетѣ изслѣдованіямъ о нашемъ Петрѣ. Петръ постоитъ Данта! Чѣмъ больше будутъ о немъ думать, говорить, писать, тѣмъ будетъ яснѣе становиться вся Русская Исторія“ [2]).

Поправки, сдѣланныя въ этой статьѣ Уваровымъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны, но онѣ не ускользнули отъ зоркаго глаза князя П. А. Вяземскаго, и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Князь Вяземскій, читая вашу статью о Петрѣ Великомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ ней какую-то разрозненность между ея частями, и предполагаетъ, что эта разрозненность была дѣломъ цензуры“.

Въ той же первой книжкѣ *Москвитянина* было напечатано знаменитое стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки подъ заглавіемъ *Москва*:

Городъ чудный, городъ древній...

По Москвѣ ходила слѣдующая острота Чаадаева: „Въ Москвѣ каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку

и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ: Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью".

Ѳ. Н. Глинкѣ, конечно, была извѣстна эта шутка; и онъ не безъ умысла, въ своемъ стихотвореніи писалъ:

Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?
Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Это стихотвореніе обратило на себя вниманіе Начальника Москвы князя Д. В. Голицына. По этому поводу въ *Москвитянинѣ* было напечатано: „У гостепріимнаго и просвѣщеннаго Начальника нашей столицы собирается каждую недѣлю кругъ ученыхъ и литераторовъ. Въ мирной бесѣдѣ о наукѣ, искусствѣ и словесности, всегда готовый предложить имъ содѣйствіе, оцѣнить прекрасную мысль, ободрить полезное начало, онъ такимъ образомъ благородно отдыхаетъ отъ своихъ тяжкихъ трудовъ государственныхъ. На этихъ вечерахъ, по желанію благосклоннаго хозяина, читаются иногда произведенія извѣстныхъ литераторовъ нашихъ. Любя національную поэзію въ изящныхъ классическихъ формахъ и умѣя всегда вѣрно замѣтить и оцѣнить каждое прекрасное выраженіе, Князь и желалъ услышать изъ устъ самого Автора столь извѣстное публикѣ стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, привѣтъ Москвѣ, напечатанное въ *Москвитянинѣ*". При этомъ замѣчено, что старшій братъ Князя, князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, „учредилъ первый въ Москвѣ предъ нашествіемъ Французовъ, частныя литературныя собранія у себя въ домѣ, собранія, на коихъ присутствовали Карамзинъ и Мерзляковъ, и кои посѣщались г-жею Сталь" [8]).

III.

Товарищъ и другъ Погодина Шевыревъ въ томъ же первомъ нумерѣ *Москвитянина* помѣстилъ свой *Взглядъ Русскаго на образованіе Европы*, въ которомъ краснорѣчиво развиваются основныя воззрѣнія *Москвитянина*—выразителя людей, исповѣдующихъ Православно-Русское ученіе. Этимъ воззрѣніямъ *Москвитянинъ* остался вѣренъ до конца своего существованія. Поэтому мы считаемъ „добрымъ и полезнымъ" короче познакомиться съ прекрасною статьею Шевырева. „Драма современной Исторіи", пишетъ онъ—„выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ — вотъ результатъ, вытекающій изъ всего предъидущаго; вотъ послѣднее слово Исторіи; вотъ два данныя для будущаго!

Наполеонъ содѣйствовалъ много къ тому, чтобы намѣтить оба слова этого результата. Въ лицѣ его исполинскаго генія сосредоточился инстинктъ всего Запада—и двинулся на Россію, когда могъ.

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу!—Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же Европейскимъ?" Для разрѣшенія этого вопроса Шевыревъ бросаетъ взглядъ на состояніе современной Европы и на отношеніе, въ какомъ находится къ ней наше Отечество. Свое разсмотрѣніе Шевыревъ начинаетъ съ тѣхъ двухъ странъ, которыхъ вліяніе менѣе всего доходитъ до насъ, т.-е. съ Италіи и Англіи.

„Первое мѣсто той, которая переноситъ насъ изъ міра корыстной существенности въ міръ наслажденій чистыхъ. Бывало прежде, народы сѣвера неслись черезъ Альпы съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы драться за южную красавицу странъ Европейскихъ, которая привлекала ихъ взоры. Теперь ежегодно ко-

лоніи мирныхъ странниковъ текутъ съ вершинъ Симплона, Монсени, Коль-дель-Борміо, Шплюгена и Бреннера, или обоими морями: Адріатическимъ и Средиземнымъ, въ прекрасные сады ея, гдѣ она мирно угощаетъ ихъ своимъ небомъ, природою и искусствомъ. Почти чуждая міру новому, который задвинутъ отъ нея навѣки снѣжноглавыми Альпами,—Италія живетъ воспоминаніями древности и искусствомъ... Вся ея почва—могила прошедшаго. Подъ міромъ живымъ — тлѣетъ міръ другой, міръ отжившій, но вѣчный. Ея виноградники цвѣтутъ на развалинахъ городовъ погибшихъ; ея плющъ обвиваетъ памятники величія древняго; ея лавры—не для живыхъ, а для мертвыхъ... Искусство, какъ вѣрный плющъ, обвиваетъ развалины Италіи... Италія совершила свое дѣло. Ея искусство стало собственностію всего образованнаго человѣчества"... „Любопытно видѣть", продолжаетъ Шевыревъ,—какъ вокругъ одного Преображенія Рафаэля сидятъ живописцы, русскій, французъ, нѣмецъ, англичанинъ и силятся въ разныхъ видахъ повторить неуловимые ничьею кистію образы неподражаемаго". Все это прошлое; но настоящее Италіи того времени, по свидѣтельству Шевырева, представляло: „Ваяніе цвѣтетъ, а живопись совершенно упала. Наука въ Италіи имѣетъ своихъ представителей по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ, но не соединяетъ ничего цѣлаго... Ученые Италіи — острова, отдѣльно плавающіе на морѣ невѣжества! Состояніе литературы представляетъ тотъ же феодальный видъ, какъ и наука. Но несмотря на то, что всѣ произведенія словесности Французской читаются писателями Авзонійскими, — ихъ вкусъ остался совершенно чистъ отъ развращеннаго вліянія Франціи. Причины такого явленія таятся въ духѣ и характерѣ Италіанскаго народа. Первая изъ нихъ —чувство религіозное... Вторая причина—чувство эстетическое... Литература въ Италіи въ упадкѣ; но вкусъ къ изящному, питаемый вѣчными образцами, входящими въ образованіе народное, поддерживается по преданію".

Переходя къ Англіи, Шевыревъ замѣчаетъ: „Англія — крайняя противоположность Италіи. Тамъ совершенная ни-

чтожность и безсиліе политическое; здѣсь средоточіе и держава современной политики! Тамъ чудеса природы и безпечность рукъ человѣческихъ; здѣсь скудость первой и дѣятельность вторыхъ; тамъ нищета искренно бродитъ по большимъ дорогамъ и улицамъ; здѣсь она скрыта роскошью и богатствомъ внѣшнимъ; тамъ идеальный міръ фантазіи и искусства; здѣсь существенная сфера торговли и промышленности; тамъ лѣнивый Тибръ, на которомъ изрѣдка увидишь лодку рыбачью; здѣсь дѣятельная Темза, на которой тѣсно отъ пароходовъ; тамъ небо вѣчно свѣтлое и открытое; здѣсь туманъ и дымъ навсегда скрыли чистую лазурь отъ глазъ человѣческихъ; тамъ каждый день процессіи религіозныя; здѣсь сухость безобрядной религіи; тамъ каждое воскресенье—шумный пиръ гуляющаго народа; здѣсь день воскресный — мертвая тишина на улицахъ; тамъ легкость, безпечность, веселіе, здѣсь важная и суровая дума сѣвера... Благоговѣешь передъ этою страною, когда въ ней самой видишь своими очами то прочное благоденствіе, которое она себѣ устроила. Преклоняешься передъ Англичанами, когда гостишь у нихъ и смотришь на чудеса ихъ всемірной силы, на дѣятельность ихъ могучей воли, на это великое ихъ настоящее, всѣми корнями своими держащееся въ глубинѣ строго-хранимаго и уважаемаго прошедшаго... Эта сила содержитъ въ себѣ двѣ другія, взаимнымъ совокупленіемъ которыхъ утверждается непоколебимая прочность Англіи. Одна изъ этихъ силъ стремится внѣ, жаждетъ обнять весь міръ, усвоить все себѣ; это ненасытимая сила колоніальная, которая основала Соединенные Штаты, покорила Восточную Индію, наложила руку на всѣ главнѣйшія гавани міра. Но есть сила другая въ Англіи, сила внутренняя, предержащая, которая все устрояетъ, все хранитъ, все упрочиваетъ и которая питается прошедшимъ. Эти двѣ силы не такъ еще давно, на нашихъ глазахъ, олицетворены были въ двухъ писателяхъ Англіи: Это Байронъ и Вальтеръ Скоттъ. Когда въ Лондонѣ, гуляя по необъятнымъ докамъ, обозрѣваешь корабли, готовые летѣть во

всѣ возможныя страны міра, тогда становится понятнымъ, какъ въ такой землѣ могъ родиться и воспитаться ненасытимый бурный духъ Байрона. Когда съ благоговѣніемъ входишь подъ темные своды Вестминстерскаго аббатства, или гуляешь по рощамъ Виндзора, Гамптонкура, Ричмонда, и отдыхаешь подъ дубами, рожденіемъ современными Шекспиру, тогда постигаешь, какъ на этой почвѣ преданія могъ созрѣть блистательный геній Вальтеръ Скотта. Въ Англіи то же самое явленіе, что и въ Италіи, въ отношеніи къ современной литературѣ Франціи: сія послѣдняя не произвела никакого вліянія на писателей Англіи. Въ Италіи нашли мы тому двѣ причины: религію и чувство эстетическое. Въ Англіи также двѣ: преданія своей литературы и мнѣніе общественное. Литература Англіи имѣла всегда въ виду цѣль нравственную... Мнѣніе общественное въ Англіи есть также власть, *полагающая преграды злоупотребленію личной свободы писателя, который своимъ развращеннымъ воображеніемъ захотѣлъ бы развращать и народъ*".

„Англія и Италія", свидѣтельствуетъ Шевыревъ, — „не имѣли никогда въ литературномъ отношеніи непосредственнаго вліянія на Россію. Онѣ заслонены отъ Россіи двумя странами. Франція и Германія вотъ тѣ двѣ страны, подъ вліяніемъ которыхъ мы непосредственно находились и теперь находимся. Въ нихъ, можно сказать, сосредоточивается для насъ вся Европа. Здѣсь нѣтъ ни отдѣляющаго моря, ни заслоняющихъ Альповъ. Всякая книга, всякая мысль Франціи и Германіи скорѣе откликается у насъ, нежели въ какой-либо другой странѣ Запада. Прежде преобладало вліяніе Французское; въ новыхъ поколѣніяхъ осиливаетъ Германское. Всю образованную Россію можно справедливо раздѣлить на двѣ половины: Французскую и Нѣмецкую, по вліянію того или другаго образованія". Приступая къ изложенію современнаго положенія этихъ двухъ странъ, Шевыревъ заявляетъ: „Здѣсь мы смѣло и искренно скажемъ наше мнѣніе, зная заранѣе, что оно возбудитъ множество противорѣчій, оскорбитъ многія самолю-

бія, разшевелить предразсудки воспитанія и ученій, нарушить преданія, доселѣ принятыя".

По мнѣнію Шевырева, „Франція и Германія были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада, или, правильнѣе, двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Эти болѣзни были — реформація въ Германіи, революція во Франціи; болѣзнь одна и та же, только въ двухъ разныхъ видахъ. Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились. Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое и въ той, и въ другой странѣ, признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ! Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности...; угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша... Мы не предвидимъ, что просвѣщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной..."

Въ заключеніе своей статьи Шевыревъ говоритъ: „Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, за то мы сохранили въ себѣ чи-

стыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію.

Мы сохранили наше древнее чувство религіозное. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всемъ первоначальномъ нашемъ образованіи, на всей Русской жизни. Этимъ крестомъ благословила насъ еще древняя мать наша Русь и съ нимъ отпустила насъ въ опасную дорогу Запада.

Второе чувство, которымъ крѣпка Россія и обезпечено ея будущее благоденствіе, есть чувство ея государственнаго единства, вынесенное нами также изъ всей нашей Исторіи. Конечно, нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла бы гордиться такою гармоніею своего политическаго бытія, какъ наше Отечество... Вотъ сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ Западъ.

Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ Русскому уму и къ Русскому сердцу. Это чувство есть мѣра прочнаго успѣха нашихъ писателей въ Исторіи Литературы, есть пробный камень ихъ оригинальности. Это чувство устремляетъ теперь насъ къ изученію нашей древней Руси. Само Правительство дѣятельно призываетъ насъ къ тому.

Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее. Мужъ Царскаго Совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся, давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и они положены въ основу воспитанія народа“.

Само собою разумѣется, что это исповѣданіе вѣры Шевырева не могло понравиться Западникамъ. Одинъ изъ выразителей ихъ въ данномъ случаѣ явился либеральный цензоръ и профессоръ Никитенко. „Чудаки эти Москвичи“, пишетъ онъ“,—даже Шевыревъ. Ругаютъ Западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучія

и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то Москвичи самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны Его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они дѣйствительно являются выраженіемъ нашей *младенчествующей самостоятельности*. Въ такомъ случаѣ, они, говоря ихъ словами, историческія явленія. Ну, съ Богомъ!.. Гулялъ съ Комовскимъ. . Онъ защищалъ *Москвитянинъ*, особенно Шевырева. Я спорилъ горячо, даже слишкомъ горячо и хотя сбилъ его съ основаній, однако, какъ водится, не убѣдилъ, а только остановилъ" [4]).

IV.

Въ pendant ко *Взгляду Русскаго на современное образованіе Европы* И. И. Давыдовъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* свое разсужденіе о томъ, *Возможна ли у насъ Германская Философія*. Разсужденіе это И. И. Давыдовъ прислалъ къ Погодину при слѣдующемъ письмѣ: „Я желалъ бы, чтобы (статья) помѣщена была въ мартовской книжкѣ по слѣдующимъ причинамъ. Вопервыхъ, Сергій Семеновичъ Уваровъ заповѣдывалъ мнѣ принять участіе въ *Москвитянинѣ*, какъ вы видѣли изъ письма его ко мнѣ; а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ теперь же видѣлъ исполненіе своихъ словъ. Вовторыхъ, эта статья служитъ продолженіемъ того воззрѣнія на западное просвѣщеніе, какое показано въ первыхъ книжкахъ *Москвитянина*. Втретьихъ, я даже ссылаюсь на слова самого Сергія Семеновича. Если мало трехъ причинъ, есть въ запасѣ и четвертая; вѣдь и пиво мартовское лучше, нежели пиво другихъ мѣсяцевъ" [5]).

Разсмотрѣвъ Германскую Философію, выразившуюся преемственно въ Философіи Лейбница, Канта, Фихта, Шеллинга и Гегеля въ связи съ современными отношеніями къ каждому изъ

этихъ проявленій философскаго духа, Давыдовъ замѣчаетъ: Германская философія, „окриленная торжествомъ Реформаціи, въ ослѣпленіи своемъ возмечтала руководить религію, ниспосланную свыше, да поставить человѣка на путь правый и истинный!“ Но Давыдовъ, конечно, отрицаетъ таковое ее покушеніе; по этому, говоритъ онъ, въ „настоящее время Германская современная Философія невозможна у насъ, по противорѣчію ея нашей народной жизни религіозной, гражданской и умственной, тѣмъ болѣе, что она перестаетъ быть оракуломъ даже и для своихъ соотечественниковъ. Философія, какъ поэзія и всякое творчество, должна развиться изъ жизни народа... Святая Вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, дивная исторія славы нашей—вотъ изъ чего должна развиваться наша Философія!“ Статью свою Давыдовъ заключаетъ такими словами: „Учиться, учиться надобно прежде, и потомъ философствовать. Да не устрашаютъ насъ труды, какихъ требуютъ наука и искусство отъ жрецовъ своихъ! Утѣшимся, что послѣ трудовъ во имя народнаго просвѣщенія наступитъ время, когда нашъ будущій Шеллингъ или Гегель возсоздастъ свою Философію, болѣе прочную и надежную, нежели Философія Германская, при благодати мудрости высшей, высказанной Тѣмъ, *словеса* Коего *не мимо идутъ*, когда *небо и земля мимо идетъ*“ [6]).

Прочитавъ эту статью, Погодинъ замѣтилъ: „Хороша статья Давыдова, если онъ не перевелъ ее откуда-нибудь [7])“. Но статья эта не удовлетворила Бецкаго, одного изъ представителей молодого поколѣнія. „Отъ статьи Давыдова“, писалъ онъ Погодину, — „ожидалъ больше. И мало, и черезъ чуръ дешево. Увѣряю, что наканунѣ, говоря съ Протопоповымъ о *возможности Германской философіи*, я почти то же сказалъ: что у насъ должна быть *своя философія*, осадокъ пережитой, такъ сказать, народной умственной жизни, собственнаго труда и пр. Это не новость; кромѣ того, такого рода вещи можно говорить натощакъ, чуть глаза продерешь,

не читавши ни одной философской книги. Это все общія мѣста, справедливыя, если хотите, но какъ-то на воздухѣ, трудно повѣрить въ дѣйствительность. Чтобъ доказать, нужно цѣлую книгу написать. Такъ ли долженъ трудиться тотъ, кто все постигъ, начиная отъ Греческой азбуки, дифференціаловъ—Гегелей, и включительно до вопроса о томъ, какъ Петра Е...ова вытащить въ дѣйствительные студенты" [8]).

Одновременно съ выходомъ перваго нумера *Москвитянина*, въ январѣ 1841 года, посѣтилъ Москву Жуковскій, которому, какъ мы уже видѣли, журналъ сей обязанъ своимъ основаніемъ, какъ нѣкогда *Московскій Вѣстникъ* былъ тѣмъ же обязанъ Пушкину.

Покончивъ свои обязанности воспитателя Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Жуковскій переселился на берега Рейна и Майна и тамъ нашелъ себѣ подругу жизни, въ лицѣ осемнадцати-лѣтней дочери своего стараго друга Рейтерна Елизаветы Алексѣевны [9]). До отъѣзда въ чужіе края, но будучи уже женихомъ, Жуковскій посѣтилъ Москву для свиданія съ людьми близкими ему по плоти и духу. Въ день Богоявленія пріѣхалъ онъ въ Москву. „Разумѣется", свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„всѣ литераторы и не литераторы носятъ его на рукахъ. Обѣдамъ и вечерамъ нѣтъ конца. Всякому хочется видѣть у себя и угостить знаменитаго гостя, воспитанника и пѣвца Москвы" [10]).

Пріѣздъ Жуковскаго оживилъ его стараго наставника А. А. Прокоповича-Антонскаго: почти забытаго его стали теперь всѣ навѣщать. „Ѣздилъ къ Антонскому", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и услышалъ отъ него множество любопытныхъ подробностей. Заѣзжалъ къ Жуковскому, но не видалъ его. Къ Антонскому. Толковали съ Масловымъ, какъ бы устроить юбилей ему. Заѣзжалъ къ А. П. Елагиной, слушалъ ея разсказы о Жуковскомъ, который становится передъ портретомъ своей любезной и разсматриваетъ ее молча".

20 января въ честь Жуковскаго А. Д. Чертковъ далъ обѣдъ, на который были приглашены Свербѣевъ, Хомяковъ,

Глинка, Шевыревъ, Орловъ, Дмитріевъ и Погодинъ; а на другой день былъ „великолѣпный ужинъ у Хомякова". На этотъ ужинъ былъ также приглашенъ и Погодинъ. „Жду тебя сегодня вечеромъ", писалъ ему Хомяковъ,—„на чай и трапезу. Будетъ Жуковскій" [11]). Ужинъ былъ великолѣпный. По описанію Погодина, „съ невиданною стерлядью, спаржею и дичиною въ перьяхъ, съ лучшими винами".

Но обѣдъ у Черткова и вечеръ у Хомякова сошли для Погодина неблагополучно. О послѣдствіяхъ для него отъ ужина Хомякова вотъ что онъ пишетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съѣлъ и выпилъ чуть ли не лишнее. Но главное въ комнатѣ было очень жарко, на дворѣ слишкомъ 20⁰ морозу. Я ѣхалъ въ изношенной шубѣ и простудился. Притомъ воротился домой въ 3 часа. Жуковскій разсказывалъ о Карамзинѣ".

Подъ *22 января*. „Болитъ голова, и ознобъ и жаръ. На силу могъ вспотѣть".

Подъ *23 января*. „Гадость во рту. 24—лучше, но слабъ, и видно, что желчь дѣйствуетъ. Сердился по пустякамъ. По замѣчанію Лизы выходитъ, что желчь моя переполнилась и вылилась. Ставили піявки: пять Мяжевичей, пять Бѣлинскихъ и пять Сеньковскихъ".

Но вскорѣ Погодинъ оправился и имѣлъ возможность быть на обѣдѣ у А. А. Прокоповича-Антонскаго. „Набрались", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 1 февраля 1841 года), „люди пяти поколѣній: Антонскій: восьмидесяти лѣтъ, Жуковскій шестидесяти, Давыдовъ и Масловъ по пятидесяти, я сорока и Шевыревъ тридцатипяти. Разговоръ объ имени *Москвитянина* и другихъ граматическихъ вопросахъ, объ языкѣ, о толкованіи св. Августина на вопросъ Пилатовъ, *что есть истина*, о терминахъ философическихъ".

Въ февральской книжкѣ *Москвитянина* Погодинъ имѣлъ неосторожность описать обѣдъ, данный Чертковымъ. Сказавъ о томъ, что въ честь Жуковскаго „обѣдамъ и вечерамъ нѣтъ конца", Погодинъ между прочимъ писалъ: „Разговоръ зашелъ за столомъ о привидѣніяхъ, духахъ и явленіяхъ, и очень

кстати, предъ ихъ родоначальникомъ, который пустилъ ихъ столько по Святой Руси въ своихъ ужасно-прелестныхъ балладахъ. Всѣ гости разсказали по нѣскольку случаевъ имъ извѣстныхъ, кромѣ любезнаго Михаила Николаевича Загоскина, который слушалъ все внимательно, и вѣрно уже размѣстилъ ихъ въ умѣ у себя по повѣстямъ и романамъ. Но нѣтъ, извините, мой добрый теска, я перебиваю ихъ, по праву журналиста, и въ слѣдующей книжкѣ они явятся у меня,—разсказанные самими хозяевами" [12]).

Эта замѣтка Погодина возбудила протестъ Д. Н. Свербѣева и неудовольствіе Жуковскаго. „Опасаясь", писалъ Свербѣевъ Погодину, „чтобы молчаніе мое не было принято вами знакомъ согласія на помѣщеніе въ журналѣ вашемъ моего имени вмѣстѣ съ именами тѣхъ, которые своими литературными произведеніями или учеными трудами обращаютъ на себя общее вниманіе—я долженъ сказать вамъ, что не признаю я въ себѣ никакого права на извѣстность и нисколько ея не желаю. Почему покорнѣйше прошу васъ впередъ этого не дѣлать". Замѣткою Погодина былъ недоволенъ и М. А. Дмитріевъ, который писалъ ему: „Ваши извѣстія о Жуковскомъ и объ обѣдѣ—ни на что не похожи! То есть, просто ни къ селу, ни къ городу, и внѣ всякихъ приличій! Я первый *ахнулъ*, прочитавъ ее! Вотъ вамъ и судья праведный". Огорченный неудовольствіемъ Жуковскаго, Погодинъ написалъ ему повинную. Отвѣтъ былъ доставленъ ему А. П. Елагиной, при слѣдующей записочкѣ: „Я сообщила ваше письмо Жуковскому; посылаю вамъ отвѣтъ его, не думаю, чтобы онъ былъ вамъ очень непріятенъ; уважая васъ искренно, Жуковскій счелъ за долгъ высказать вамъ свое мнѣніе. Сама эта искренность доказываетъ вамъ, что вы не въ *опалѣ*, и что вѣроятно *крестникъ* *) будетъ съ крестомъ,—только не теперь". Самъ же Жуковскій писалъ Погодину: „Вы спрашиваете у Авдотьи Петровны, любезный Михаилъ Петровичъ, сердитъ ли я на васъ или нѣтъ? Отвѣчаю: не сердитъ, ибо не могу предполагать, чтобъ

*) Т. е. *Москвитянинъ*.

вы хотѣли мнѣ сдѣлать вашею статьею непріятность. Но долженъ вамъ признаться, что сама статья ваша для меня весьма непріятна. Вопервыхъ, въ ней нѣтъ истины: меня здѣсь *на рукахъ не носятъ, никто не даетъ мнѣ ни обѣдовъ, ни вечеровъ*; я пріѣхалъ сюда для своихъ родныхъ и весьма мало разъѣзжаю. Зачѣмъ же представленъ я такимъ жаднымъ посѣтителемъ обѣдовъ и баловъ? Что же касается до выраженія вашего: *родоначальникъ привидѣній и духовъ, пущенныхъ по Россіи въ прелестныхъ балладахъ* (данное вами мнѣ прозваніе), то иной приметъ его за колкую насмѣшку. И я самъ, хотя и не даю этому выраженію такого смысла, увѣренъ, что оно многихъ заставитъ на мой счетъ посмѣяться. Не помню, разсказалъ ли я какой анекдотъ на описанномъ вами обѣдѣ, но во всякомъ случаѣ прошу васъ моего разсказа не печатать. И вообще было бы не худо въ журналахъ воздерживаться отъ печатанія того, что ихъ издатели слышатъ въ обществѣ: на это они не имѣютъ никакого права. Иначе журналы сдѣлаются печатными доносами на частныхъ людей передъ публикою. Никому не можетъ быть пріятно видѣть свою домашнюю жизнь добычею общества или читать въ печати то, что имъ было сказано въ свободномъ и откровенномъ разговорѣ короткаго общества. Съ именемъ автора можно печатать только то, что самъ авторъ напечатать позволитъ. Сообщать о комъ-нибудь какое-нибудь извѣстіе—вѣрное ли оно или только слухъ—можно только съ его согласія. Печатать письма, кѣмъ-нибудь писанныя или полученныя, нельзя безъ позволенія того лица, къ кому они относятся. Безъ соблюденія этихъ правилъ журналы сдѣлаются бичемъ и язвою общества. Наши журналы въ этомъ еще не дошли до совершенства Англійскихъ и Французскихъ, и слава Богу. Примите благосклонно мое мнѣніе, сказанное вамъ искренно въ отвѣтъ на письмо ваше, и опять покорно прошу васъ ни рѣчей моихъ, ни статей моихъ, ни писемъ ко мнѣ или мною писанныхъ, безъ моего вѣдома, въ журналѣ вашемъ не печатать" [13]).

Жившій въ домѣ А. П. Елагиной, Д. А. Валуевъ по

этому поводу писалъ Языкову: „Погодинъ наживаетъ себѣ непріятности за свою нелѣпость. Жуковскій обѣдалъ у Черткова: обѣдъ, послѣ котораго онъ просилъ А. П. Елагину что-нибудь поѣсть; а Погодинъ напечаталъ, что Жуковскаго закормили; описаніе обѣда, разговоровъ присутствующихъ, въ томъ числѣ помѣстилъ и Свербѣева. Свербѣевъ написалъ ему формальное письмо съ просьбою впередъ не дѣлать. Пошли споры, объясненія, извиненія и т. д. Жуковскій тоже просилъ оставить его въ покоѣ: отъ друзей не убережешься. Жуковскій уѣхалъ вчера отъ насъ. Стремится къ своей невѣстѣ. Дай Богъ ему счастія и не обмануться въ надеждѣ“ [14]).

V.

По выходѣ въ свѣтъ перваго нумера *Москвитянина*, Погодинъ прежде всего отправилъ его къ Уварову съ просьбою представить Государю. Вскорѣ Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія: „С. С. Уваровъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ признателенъ вамъ за доставленіе *Москвитянина*, и что онъ не замедлитъ, по разсмотрѣніи нумера, поднести оный Государю Императору. Его Высокопревосходительству угодно, чтобы вы лично представили экземпляръ журнала графу Н. А. Протасову, который теперъ же отправляется въ Москву“ [15]).

Разсмотрѣвъ нумеръ и оставшись имъ доволенъ, Уваровъ исполняетъ желаніе Погодина, и 10 января 1841 года онъ былъ осчастливленъ полученіемъ отъ Министра слѣдующаго письма: „При поднесеніи Его Императорскому Величеству первой книжки журнала *Москвитянинъ*, я счелъ долгомъ обратить вниманіе Его Величества на статью о *Петрѣ Великомъ* и на статью *Взглядъ Русскаго на Европейское образованіе*, равно какъ и на стихи Хомякова. При семъ случаѣ прибавилъ я: „Желательно, чтобы это новое періодическое изданіе, продолжая итти стезею благороднаго направленія, могло нѣкото-

рымъ образомъ служить и образцомъ для Русской журналистики, къ сожалѣнію столь мало соотвѣтствующей доселѣ собственной цѣли и общей пользѣ". Сообщая о семъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ, остаюсь я въ надеждѣ, что ожиданіе Министерства исполнится, и что издаваемый вами журналъ никогда не уклонится отъ истиннаго своего назначенія".

Надо замѣтить, что въ 1841 году совершилось перенесеніе праха Наполеона съ острова св. Елены въ Парижъ; на это событіе Хомяковъ написалъ три стихотворенія и напечаталъ ихъ въ первыхъ трехъ нумерахъ *Москвитянина* того же года.

Стихотвореніе, напечатанное въ первомъ нумерѣ и обратившее на себя вниманіе Уварова, заключало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе прекрасные стихи:

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Помѣщая это стихотвореніе въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣтилъ: „Почитаю себя счастливымъ, что могу посредствомъ своего журнала передать публикѣ нѣсколько знакомыхъ и любимыхъ звуковъ, коихъ она давно не слыхала" [16]). Но эти стихотворенія Хомякова не понравились младшему поколѣнію Славенофиловъ и одинъ изъ нихъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, писалъ К. С. Аксакову: „Сейчасъ получилъ *Москвитянинъ*. Куда какъ плохъ! До чего дошелъ Хомяковъ съ своей точки зрѣнія! Наполеона повергла не сила народовъ и не *ровный* (вмѣсто равный) ему соперникъ, но Тотъ, Кто и т. д. Какъ будто не въ общемъ возстаніи и не въ Исторіи, а въ чемъ-то другомъ обнаруживается воля Божія или законъ необходимости. Только прекрасную статью Крюкова я прочелъ съ истиннымъ наслажденіемъ, за исключеніемъ первыхъ строкъ, въ которыхъ онъ нѣсколько сбивчивъ" [17]).

Вотъ эти стихи Хомякова, которые не понравились Ю. Ѳ. Самарину:

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ *ровный* соперникъ;

Но Тотъ, Кто предѣлъ морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины [18]).

Въ противоположность Самарину Д. А. Валуевъ писалъ Языкову:

„Каковы стихи Хомякова. Это уже Наполеонъ третій. Первый былъ не такъ хорошъ и былъ весьма дурно принятъ всѣмъ домомъ Елагиныхъ; это раздосадовало А. С. Хомякова, и онъ написалъ двѣ славныя пьесы. Та же судьба постигла и *Москвитянинъ*, второй нумеръ былъ уже лучше, а третій рѣшительно хорошъ. А. А. Елагинъ говоритъ, что для того, чтобъ заставить Русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу въ кровь" [19]). Этотъ отзывъ Валуева относится именно къ тѣмъ стихамъ, о которыхъ писалъ Самаринъ.

Съ перваго же нумера *Москвитянина* Погодинъ началъ печатать отрывки изъ своего знаменитаго *Дорожнаго Дневника*, подъ заглавіемъ *Мѣсяцъ въ Парижѣ*. Шевыревъ, ограждая своего друга отъ насмѣшекъ, писалъ ему: „Пришли мнѣ вторую половину твоего *Мѣсяца* для цензуры. Сдѣлай милость, выкинь изъ него всѣ domestica facta. Много толковъ и насмѣшекъ. Зачѣмъ же подавать поводъ? *Во всемъ, что касается до приличія общественнаго, ты долженъ меня безусловно слушаться.* Въ клубѣ видѣлъ вчера, старичокъ сидѣлъ за твоимъ *Мѣсяцемъ въ Парижѣ*".

Въ другой записочкѣ Шевырева читаемъ:

„Сдѣлай милость, выкинь всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о деньгахъ, счетахъ, ѣдѣ (что ты за гастрономъ?). Ты тѣмъ уменьшаешь интересъ путешествія. А кромѣ того даешь поводъ насмѣшникамъ придираться".

Но Погодинъ имѣлъ свой взглядъ на свой *Дорожный Дневникъ* и по поводу сыпавшихся на него насмѣшекъ замѣтилъ: „Смѣются..., но не видятъ тѣхъ важныхъ вещей и мыслей, которыми полна статья, и останавливаются на строчкахъ, кои, пожалуй, выбросьте. Не понимаютъ, что такое *Дневникъ*.

Если наполнять его всякій день отъ утра до вечера великолѣпными описаніями, гдѣ же будетъ правда!“ [30])

Въ Парижѣ, какъ мы уже знаемъ, Погодинъ видѣлся съ Мицкевичемъ и свое свиданіе описалъ въ *Дорожномъ Дневникѣ*; но ценсоръ *Москвитянина*, профессоръ Н. И. Крыловъ, дружески совѣтовалъ Погодину выключить это мѣсто.

„О *Мицкевичѣ*, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, думаю“, писалъ онъ, „говорить вамъ, какъ православному Русскому профессору, не безопасно. Богъ знаетъ, что подумаютъ. Вы съ нимъ цѣлый день, можетъ быть и больше, были прежде съ нимъ знакомы, объясняете выгодно причину его отступничества и т. д. А знаете ли, какъ Государь раздраженъ противъ него и Лелевеля??? Право, страшно... Подумайте. И какой злой демонъ влечетъ васъ въ Парижѣ къ отъявленнымъ Полякамъ? Экая простота“. Крыловъ былъ правъ. Еще прежде, Правитель Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія Комовскій писалъ Погодину: „Предположеніе ваше о Мицкевичѣ кажется С. С. Уварову не такъ удобнымъ въ исполненіи, и даже опаснымъ. Онъ совѣтуетъ вамъ быть осторожнѣе въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, Мицкевичъ можетъ обратиться къ Русскому Правительству чрезъ наше посольство въ Парижѣ“.

Въ другой своей записочкѣ Крыловъ писалъ: „Что вашъ Мицкевичъ? Каковъ? Я всего изкрестилъ. Ну, ей Богу, пропустить нельзя. Ужъ кто меня либеральнѣе изъ нашей ценсорской братіи“.

Дорожный Дневникъ Погодина произвелъ на читателей самое разнообразное впечатлѣніе. „Твои путевыя записки были бы хороши, да ужъ черезъ-чуръ небрежны“, писалъ ему Загряжскій. Любопытно впечатлѣніе, произведенное этимъ *Дневникомъ* на Бецкаго. „Это“, писалъ онъ, „останется вкладомъ для вашего сына, если онъ когда-нибудь будетъ писать вашу біографію. Вы тутъ какъ на ладонѣ; вся ваша субъективность отражается въ каждой строчкѣ, какъ въ зеркалѣ. Не понимаю даже, какъ вы рѣшились такъ писать. Вѣдь музамъ хо-

рошо въ Греціи было ходить нагими, тамъ и климатъ приличнѣе, не простудишься; онѣ вѣрно и не краснѣли отъ изящной наготы; но у насъ... Иной такой подлецъ сыщется, что и обрадуется случаю".

Между тѣмъ Курбатовъ писалъ Погодину: „Послѣ писемъ Карамзина я ничего не читалъ занимательнѣе вашихъ записокъ о Парижѣ". Весьма сочувственно отнесся къ этому произведенію Погодина и В. И. Даль. „И вы", писалъ онъ,— „тоже ѣздили за границу не даромъ; въ запискахъ вашихъ нѣтъ этой пошлой, заказной брани на Французовъ, нѣтъ того несноснаго хвастовства: „мы, мы, мы, Русскіе, вездѣ ихъ за поясъ заткнемъ!" А есть за то убѣжденіе, есть убѣжденіе ума и сердца; видишь, что всякое слово сказано отъ души. Да, для насъ не годится Западъ, намъ пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза на чужомъ пиру съ похмѣлья, и приняться на свой пай за работу; но поднять и вразумить насъ можно только голосомъ души, затронувъ то, что сильно и спасительно въ насъ отзывается, а не пошлою, натянутою статьею, въ которой сквозитъ на каждой строкѣ: „я самъ вовсе не тѣхъ мыслей, господа, да и вообще, чортъ васъ возьми, дѣлайте, что хотите, мнѣ какая нужда? но вѣдь я иначе писать не смѣю, не велятъ, а Смирдинъ платитъ мнѣ пятнадцать тысячъ въ годъ". Что идетъ изъ души, то льется въ душу, а что мелетъ одинъ только языкъ, то много, много, если огорошитъ ухо" [21]).

Да и самъ Ю. Ѳ. Самаринъ, столь строго отнесшійся къ стихотвореніямъ Хомякова, былъ снисходителенъ къ *Дорожному Дневнику*: „Хроника Погодина не дурна", писалъ онъ къ К. С. Аксакову [22]).

VI.

Выпустивъ въ свѣтъ первые два нумера *Москвитянина*, Погодинъ предпринялъ поѣздку въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ онъ счелъ долгомъ явиться къ графу С. Г. Строганову

и „представить ему записку о дѣлахъ своихъ въ Петербургѣ". При этомъ онъ „растолковалъ ему, что боится тайныхъ доносовъ, а не печатной брани".

6 февраля 1841 года, еще не оправившись отъ болѣзни, Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы, хотя и находилъ, что это было „безразсудно", и ему „жалко было оставлять дома своихъ въ неизвѣстности". Дорогою ему дали себя почувствовать ухабы, но чѣмъ ближе онъ приближался къ Петербургу, тѣмъ онъ чувствовалъ себя все „лучше и лучше" [23]).

Въ Петербургѣ Погодинъ былъ обрадованъ успѣхомъ первыхъ нумеровъ своего *Москвитянина* и объ этомъ писалъ Шевыреву: „Напишу тебѣ о журналѣ. Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Графиня Строганова, Вьельгорскій, Протасовъ, Барантъ, Уваровъ... И замѣть, что всѣ эти господа ѣздятъ и трубятъ, и заставляютъ подписываться, напримѣръ, графъ Протасовъ и Уваровъ... Одоевскій говоритъ: какъ вамъ не стыдно, господа, все помѣстили вы въ первой книжкѣ, вѣдь вы не выдержите до трехъ; гдѣ взять вамъ столько отличныхъ статей? Первой книжкѣ достало бы на годъ, и проч. Веневитиновъ не слыхалъ нигдѣ ни одного слова порицанія, Одоевскій также, Загряжскій, Смирдинъ, Ратьковъ, молодые чиновники. А ужъ С. С. Уваровъ и говорить нечего. Велитъ выписывать по гимназіямъ и проч. Отъ моего *Парижа* всѣ безъ памяти. Твоя *Европа* сводитъ просто съ ума. Стихи переписываютъ. Экземпляръ Одоевскаго просто растерзанъ. Недавно пишетъ княгинѣ Одоевской Баратынская (Абамеликъ): „Пришлите скорѣе, Христа ради, я ожидаю une visite illustre, и проч..." Однимъ словомъ—два года, и мы господа... какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—вотъ опозорились-то!.." Отъ Данзаса Шевыревъ узналъ, что *Москвитянинъ* въ Петербургѣ въ такой славѣ, что Министерство Юстиціи положило подписаться. Въ Петербургѣ Погодинъ встрѣтился съ графомъ С. Г. Строгановымъ, который тоже „разсыпался въ похвалахъ *Москвитянину* даже постороннимъ лицамъ".

При этой встрѣчѣ съ Московскимъ Попечителемъ Погодинъ завелъ съ нимъ рѣчь о почтенномъ старцѣ Каченовскомъ, который, замѣчаетъ Погодинъ, „кажется, уже жаловался". „Я", пишетъ онъ Шевыреву,—„сказалъ напрямки, что считаю своею обязанностью вывести на чистую воду злого педанта, который морочилъ и морочитъ еще публику безъ всякаго права. „Скажите мнѣ, Графъ, какое сочиненіе написалъ онъ въ сорокъ лѣтъ? Ну, разсужденіе? Ну, статью, даже рецензію? Нѣтъ ни одной! Одни доносы и угрозы. Еслибы онъ не былъ вреденъ студентамъ, я оставилъ бы его въ покоѣ; но онъ вздоромъ своимъ, своими ужимками смущаетъ неопытные умы". И замолчалъ мой Графъ, закрутивъ усы" [24]). Но у Каченовскаго были горячіе почитатели и въ Петербургѣ, и одинъ изъ нихъ дѣятель враждебной Погодину Археографической Коммиссіи Я. И. Бередниковъ писалъ П. М. Строеву: „Г. Погодинъ былъ здѣсь, и гдѣ только могъ лаялъ на Каченовскаго" [25]).

Не смотря на успѣхъ, который стяжалъ Погодинъ на журнальномъ поприщѣ, онъ былъ очень близокъ, именно въ это время, чтобы его оставить и перенести свою дѣятельность на иное поприще, даже оставить Москву и переселиться въ Петербургъ.

Во время пребыванія Погодина въ Петербургѣ, С. С. Уваровъ предложилъ ему занять мѣсто В. Д. Комовскаго, директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Погодинъ отвѣчалъ, что вдругъ не можетъ принять такое неожиданное для него предложеніе, но что обдумаетъ его дома и пришлетъ скоро свое согласіе или отказъ. Уваровъ выразилъ желаніе, чтобы Погодинъ посовѣтовался объ этомъ съ графомъ Н. А. Протасовымъ. Послѣдній весьма сочувственно отнесся къ этому выбору Уварова „и всѣми силами старался убѣдить" Погодина не отказываться и переѣзжать въ Петербургъ [26]).

Мысль о директорствѣ давно занимала Погодина. Объ этомъ мы находимъ неложныя свидѣтельства въ *Дневникѣ* его. Еще 3 января 1840 года, когда никто и не предлагалъ ему директорскаго мѣста, онъ писалъ: „Никакъ не могу рѣшиться

на директорское мѣсто. Одинъ день хочется, а другой нѣтъ". Наконецъ, 9 сентября того же года въ *Дневникѣ* мы читаемъ: „Думалъ объ управленіи Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія". Это были только мечты, а потому въ предложеніи Уварова Погодинъ увидѣлъ *сбытіе* своихъ мечтаній.

18 февраля 1841 года онъ вернулся въ Москву [27]), и послѣ недѣльнаго размышленія написалъ Уварову слѣдующее письмо: „Такъ угодно Богу, я рѣшаюсь. Счастливъ буду, если успѣю оправдать вашу довѣренность и исполнить ваши ожиданія; если принесу какую-нибудь пользу святому дѣлу просвѣщенія, подъ благопромыслительнымъ начальствомъ и управленіемъ вашимъ; если окажу какую-нибудь услугу любезному моему Отечеству, и могу со временемъ утѣшаться тѣмъ, позвольте употребить простое сравненіе:

На ваши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Извѣщая ваше высокопревосходительство о моемъ согласіи, я почитаю священнымъ долгомъ честнаго и благороднаго человѣка изложить откровенно свои мысли о себѣ, о новой своей должности, о связи съ моими занятіями, объ отношеніяхъ къ вамъ, о положеніи моего семейства,—представить вамъ полную свою исповѣдь ученую, гражданскую, домашнюю.

Причины, побуждающія меня согласиться на благосклонное предложеніе вашего высокопревосходительства, суть слѣдующія: 1) Я желаю участвовать по мѣрѣ силъ въ дѣйствіяхъ Министерства, принимающаго рѣшительное вліяніе на судьбу Отечества; принесть для вашихъ высшихъ соображеній мои двадцатилѣтніе опыты по всѣмъ степенямъ учебныхъ нашихъ заведеній, отъ низшихъ училищъ до академіи, ближайшія свѣдѣнія объ ихъ нуждахъ, желаніяхъ и требованіяхъ, и наконецъ короткое знакомство почти съ двумя третями всѣхъ дѣйствующихъ на ученомъ поприщѣ въ Россіи. 2) Изъявить вамъ мою глубокую благодарность за все то добро, которое вы для меня сдѣлали вашимъ содѣйствіемъ моимъ ученымъ трудамъ. 3) Воспользоваться собраніемъ матеріаловъ Археографической

Коммиссіи, каковаго никогда не будетъ уже въ Россіи, и тѣми средствами, кои предлагаетъ Министерство для историческихъ изслѣдованій. 4) Познакомиться съ практической стороной жизни, посмотрѣть вблизи на устройство и движеніе государственной машины и на отношенія дѣйствующихъ лицъ между собою, дабы пріобрѣсть аналогію для разсужденія о прежней Исторіи. 5) Приготовить въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ нѣсколько молодыхъ людей на каѳедру Русской Исторіи, приготовить такъ сказать фундаментально, по подлиннымъ источникамъ и памятникамъ, проникнуть ихъ однимъ духомъ, дать имъ одно направленіе, согласное съ намѣреніями Правительства, съ пользою Отечества, со всѣми его данными, прошедшими, настоящими и будущими, подъ просвѣщеннымъ наблюденіемъ вашимъ, по вашимъ указаніямъ и наставленіямъ, и такимъ образомъ обезпечить судьбу Русской Исторіи, на долго застраховать сколько возможно образъ мыслей и слѣдовательно и дѣйствій будущихъ поколѣній. Если Правительство посылаетъ молодыхъ людей учиться въ Берлинъ и Дерптъ разнымъ наукамъ, то кольми паче оно должно призвать ихъ теперь въ Петербургъ къ источнику, который послѣ не откроется уже никогда съ такимъ обиліемъ.

Теперь обращаюсь собственно къ себѣ. Миссіей своей вообще я считаю Русскую Исторію, которою занимаюсь двадцать лѣтъ, для которой исписалъ уже своей рукою не одну тысячу листовъ, и довелъ изслѣдованія до временъ Петра I. Чѣмъ больше я занимался ею, тѣмъ яснѣе понималъ ея государственную и политическую значительность, кромѣ ученой и школьной, и теперь дохожу до новыхъ, неожиданныхъ и важныхъ результатовъ... Мнѣ остается работы года на два, послѣ которыхъ я намѣренъ писать Исторію, по слѣдамъ Карамзина, на твердомъ фундаментѣ, положенномъ вашимъ высокопревосходительствомъ. Отнимать много времени отъ этого занятія я почитаю гражданскимъ святотатствомъ, и потому надѣюсь, согласно съ обѣщаніемъ вашимъ, что отъ меня будутъ отстранены мелкія канцелярскія дѣла, кои затруднили

бы меня гораздо болѣе важныхъ и кои могутъ быть исполнены безъ ущерба службѣ всякимъ исправнымъ секретаремъ.

Такимъ образомъ перехожу я къ директорской должности. Я прошу неограниченной довѣренности и принимаю на себя обязанность отвѣчать ей неограниченною искренностію. Я не желаю быть обыкновеннымъ директоромъ-чиновникомъ, но директоромъ близкимъ, смѣю сказать, дружественнымъ, для котораго честь, слава Министра не раздѣльна съ его собственною, который соединяетъ свою гражданскую судьбу съ его судьбою, который во всякомъ случаѣ долженъ оберегать его, въ публикѣ, въ литературѣ, въ дѣлахъ службы, какъ зѣницу своего ока и быть вѣрною, правою его рукою, при всѣхъ его дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. По моему характеру я долженъ предупредить, что, услышавъ отъ васъ какія-либо мысли, несогласныя съ моими, я не буду имѣть духа и способности вдругъ возражать вамъ; но представить свои возраженія на бумагѣ, хоть въ тотъ же часъ, или придти съ ними и начать ими рѣчь свою на другой день, — о, въ такомъ случаѣ я твердъ и смѣлъ. Я обязываюсь представить вамъ свои мнѣнія, но разумѣется только къ вашему свѣдѣнію и соображенію, не претендуя на безусловное принятіе ихъ. Я не буду сѣтовать внутренно, если вы ихъ принимать когда не будете, а васъ прошу не сердиться, какъ бы часто, по долгу своей совѣсти и присяги, я не предлагалъ вамъ оныя.

Въ образчикъ этой искренности я осмѣливаюсь сказать теперь о двухъ главныхъ недостаткахъ, которые, кажется мнѣ, имѣете вы, какъ государственный человѣкъ. Говорить о достоинствахъ было бы здѣсь неумѣстно. Вы увлекаетесь часто пылкостію вашего характера и быстротою соображенія; нѣкоторые планы ваши, важные и знаменитые, кажутся вамъ иногда уже исполнившимися въ минуту почти перваго зарожденія, и вы спѣшите говорить о нихъ, какъ видите ихъ въ своемъ воображеніи, а не въ дѣйствительности, ко вреду вашей истинной славы, къ соблазну посредственности, для которой больно воздавать честь достоинству и которая всегда

рада схватываться за мелочь въ людяхъ высокихъ. Дѣла ваши таковы, что они сами за себя говорятъ громче всѣхъ, и всякая зависть, и всякое злорѣчіе, рано или поздно, должны умолкнуть передъ ними. Напримѣръ, отправлены молодые люди путешествовать, опредѣлены ихъ занятія, устроенъ надзоръ; они воротились, испытаны, размѣщены по способностямъ; вотъ они уже профессоры, читаютъ лекціи, ободрены, двинуты, вотъ ихъ ученики, ихъ сочиненія, и вотъ переводы ихъ сочиненій на тотъ языкъ, на которомъ они учились. Я говорю объ Европейской книгѣ г. Неволина и переводѣ ея на Нѣмецкій языкъ. Петръ I пилъ подъ Полтавою здоровье своихъ Шведскихъ учителей; не имѣемъ ли мы также право выпить теперь за здоровье Нѣмцевъ (только не Остзейскихъ)? Если я, вашъ директоръ, въ самыхъ простыхъ словахъ, не прибѣгая ни къ какимъ риторическимъ украшеніямъ, опишу весь этотъ процессъ, разскажу, какъ это сѣмя предъ нашими глазами пущено въ землю, возникло, воспиталось, дало плодъ—какой врагъ вашъ осмѣлится назвать это описаніе лестью? Нѣтъ, это правда, очевидная правда, и очевидное право на блистательное мѣсто въ Русской Исторіи: вотъ книга г. Неволина, вотъ переводъ г. Куника. Угодно ли примѣръ въ другомъ родѣ: я, профессоръ, человѣкъ небогатый, ѣду путешествовать на деньги, скопленныя изъ жалованья (чего прежде никогда не бывало, и путешествовать предоставлялось однимъ богачамъ и знати), ибо мнѣ не нужны деньги, мнѣ не нужно заботиться, какъ прежде, о судьбѣ своего семейства, моя жена и дѣти получатъ пенсіи пять тысячъ, я обезпеченъ, успокоенъ, могу предаваться весь своей наукѣ, исполнять свои ученыя прихоти. И Шеллингъ, Окенъ, Гизо, Шафарикъ, Риттеръ восклицаютъ: „Ахъ какъ вы счастливы! У насъ этого нѣтъ“. Что скажутъ противъ этого ваши хулители?

Но когда читаешь въ газетахъ пошлое описаніе вашего путешествія по Бѣлоруссіи, сочиненное какимъ-нибудь школьнымъ учителемъ, то нельзя не считать его грубою лестью, которая вашими недоброжелателями и употребляется въ осу-

жденіе вамъ. Какъ вашъ директоръ, какъ охранитель вашей истинной славы, я не буду допускать этой грубой лести, которую вы иногда допускаете до себя, вслѣдствіе той же пылкости характера, видя въ ней только искреннюю дань признательности вашимъ заслугамъ и трудамъ, всегда пріятную для дѣлателя, для гражданина, посвятившаго себя на службу соотечественникамъ... Я не могу одобрить въ этомъ отношеніи многихъ донесеній въ протоколахъ Археографической Коммиссіи, исполненныхъ шарлатанства, слишкомъ непріятнаго для ученыхъ и знатоковъ, помрачающаго ея труды, истинно дѣльные и полезные. Я не понялъ, что̀ вы изволили сказать мнѣ объ ней. Быть ея предсѣдателемъ я считаю себя въ полномъ правѣ, и гораздо тверже убѣжденъ въ пользѣ моего предсѣдательства, чѣмъ директорства, если князь Ширинскій обременяется этою несогласною съ его занятіями должностью. Если же нѣтъ, то я могу назваться первенствующимъ членомъ, товарищемъ предсѣдателя, директоромъ или какъ угодно, лишь бы пользоваться *безвозбранно ея* матеріалами и руководствовать *безъ помѣхи* занятіями моихъ будущихъ воспитанниковъ. Во всякомъ случаѣ, я не стану ничего передѣлывать и спорить, ибо знаю, что лучше слѣдовать одному плану, какому бы то ни было, нежели перемѣнять планъ хорошій на лучшій. Своимъ присутствіемъ, голосомъ при новыхъ предпріятіяхъ, я буду еще имѣть много средствъ принесть пользу этому знаменитому учрежденію вашего Министерства.

Помѣщеніе мое въ Коммиссіи подъ какимъ-нибудь *особеннымъ* титуломъ необходимо для меня въ отношеніи къ публикѣ, и каюсь въ моей слабости, въ отношеніи къ моимъ врагамъ, которымъ тяжело было бъ для меня дать предлогъ къ обвиненію, хоть и ложному, въ измѣнѣ Исторіи. Въ этомъ смыслѣ я долженъ бы сохранить и званіе профессора, нужное, кажется, и для сохраненія моей пенсіи, по университетской службѣ, которая иначе прервется предъ окончаніемъ двадцати лѣтъ, исполняющихся мнѣ въ сентябрѣ. Оставьте мнѣ, убѣдительно прошу ваше высокопревосходительство, эту пристань, къ ко-

торой взоръ мой могъ бы обращаться всегда съ открытаго моря, какъ вашъ обращается къ Порѣчью. Мысль, что у меня есть убѣжище вѣрное, любезное, послужила бы мнѣ твердымъ и сладкимъ утѣшеніемъ среди неизбѣжныхъ бурь и случайностей. По нынѣшней организаціи университета мнѣ кажется это возможнымъ, ибо профессура не прикована къ той или другой каѳедрѣ, и двухлѣтнія откомандировки обыкновенны, а послѣ что̀ Богъ дастъ. Здѣсь не будетъ и несправедливости, ибо я отдамъ преемнику своему, адъюнкту, всѣ свои приготовленія и обработанныя лекціи и буду его пестуномъ и руководителемъ, стану наблюдать за его лекціями.

Если званіе директора канцеляріи принадлежитъ къ ученымъ должностямъ, или если званіе директора, члена въ Археографической Коммиссіи, причисляется къ онымъ, то пенсія моя впрочемъ и безъ того не постраждетъ.

Касательно чина, при переводѣ мнѣ его не нужно, ибо я выслужилъ уже чинъ статскаго совѣтника, къ которому и представленъ еще въ прошломъ году.

Объ моемъ экономическомъ Московскомъ состояніи: я получаю шесть тысячъ руб. асс. разнаго жалованья, которое, скопленное изъ нѣскольких лѣтъ, употребилъ на путешествіе, а теперь употребляю на собраніе древностей. На содержаніе семейства употребляю доходъ съ пенсіонеровъ, которыхъ живетъ у меня всегда отъ пяти до десяти человѣкъ, и которые платятъ мнѣ по двѣ тысячи рублей асс. за приготовленіе, подъ моимъ руководствомъ, къ поступленію въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія. Семейство мое составляютъ жена, трое дѣтей, мать, теща, братъ. Довожу до свѣдѣнія вашего всѣ эти подробности только какъ данныя для вашего соображенія при моемъ перемѣщеніи; увѣренъ, что вы устроите это экономическое дѣло какъ нельзя лучше и выгоднѣе для моего семейства; не прошу ничего, напротивъ готовъ на пожертвованія и стѣсненія.

Точно также предоставляю вамъ и назначеніе суммы на подъемъ, очень тяжелый, и обзаведеніе. Я прошу васъ только

о квартирѣ подлѣ васъ. Я могу потѣснить свое семейство, но у меня есть еще дѣти—многочисленная библіотека и кабинетъ древностей, съ которымъ я, разумѣется, не могу разстаться, и который потѣснить нѣтъ никакой возможности. Одну часть ея, то-есть, книги по Всеобщей Исторіи и минцъ-кабинетъ иностранный, я буду искать случай продать, какъ ненужныя по настоящимъ моимъ занятіямъ, и, можетъ быть, буду со временемъ просить содѣйствія вашего.

Вотъ все, что̀ я почелъ нужнымъ сообщить вамъ. Перечелъ свое письмо,—страшно! Нѣтъ, вы не разсердитесь на мою откровенность; нѣтъ, вы оцѣните ее по достоинству, и я увѣренъ, что это письмо, какого не писалъ вѣрно ни одинъ директоръ ни къ одному министру, займетъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ вашимъ Пирогову страницу въ вашей біографіи и моей. Когда вы сажаете меня подлѣ себя, когда вы приводите меня къ этому столу, на которомъ лежатъ ваши сношенія съ императоромъ Николаемъ, я считаю священною обязанностію не скрывать предъ вами никакой мысли. Угоденъ—я въ вашей канцеляріи, неугоденъ—остаюсь на своемъ мѣстѣ, съ чувствомъ того глубокаго почтенія и искренней благодарности, съ коими называюсь уже давно вашимъ покорнѣйшимъ слугою“ [28]).

VII.

Отправивши письмо къ Министру Народнаго Просвѣщенія, Погодинъ по обычаю погрузился въ размышленіе. Онъ думалъ о томъ, „какъ легко увлекаться прелестями міра. Надо непремѣнно удѣлить часъ на размышленіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воображая, что онъ уже живетъ въ Петербургѣ, предполагаетъ вмѣстѣ съ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія Княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ ежедневно ходить къ обѣднѣ въ Казанскій Соборъ *), и по поводу этого своего

*) Извѣстно, что князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ имѣлъ благочестивый обычай ежедневно бывать у обѣдни въ Казанскомъ Соборѣ.

предположенія замѣчаетъ: „Признакъ не дурной для Русскаго Просвѣщенія: два директора всякій день въ церкви“ [29]). Къ вящшему удовольствію, Погодинъ получаетъ письмо отъ Загряжскаго, мнѣніемъ котораго онъ очень дорожилъ: „Я очень доволенъ твоимъ письмомъ къ С. С. Уварову, оно откровенно, благородно, дѣльно; увѣренъ, что будетъ принято хорошо“ [30]). Но Загряжскій ошибся. Изъ письма Погодина Министръ увидѣлъ, что онъ хочетъ быть его совѣтникомъ и даже нянькою; а онъ хотѣлъ найти въ немъ только вѣрнаго, безпрекословнаго и способнаго исполнителя его распоряженій и выразителя его мыслей. Не принять условій Погодина прямо и вдругъ казалось Уварову неловкимъ и онъ представилъ ему затрудненія въ слѣдующемъ письмѣ: „За множествомъ накопившихся занятій“, писалъ онъ Погодину, — „не могъ я доселѣ отвѣчать на ваше письмо отъ 28 февраля. Благодарю васъ за откровенное содержаніе онаго; всякій чистый порывъ самостоятельнаго образа мыслей я всегда умѣю цѣнить. Что касается до меня, то я самъ съ давнихъ поръ такъ привыкъ читать о себѣ въ печати и брань, и похвалу, и равнодушіе мое дошло до того, что многое мнѣ вовсе остается неизвѣстнымъ. Статью о поѣздкѣ по Бѣлоруссіи я не читалъ и объ ней не могъ ни отъ кого узнать. Предлагая вамъ занять извѣстное при мнѣ мѣсто, я побуждался увѣреніемъ, что найду въ вашихъ трудахъ облегченіе для собственныхъ трудовъ и въ вашихъ правилахъ ручательство въ безпристрастномъ и усердномъ содѣйствіи вашемъ. Эти побужденія остаются въ полной силѣ, такъ что въ нравственномъ отношеніи не вижу никакого затрудненія приступить къ окончательному опредѣленію вашему. Между тѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи вашего письма, нахожу въ матеріальномъ смыслѣ нѣсколько недоумѣній, о коихъ не имѣлъ доселѣ точнаго понятія и безъ объясненія коихъ не дозволяю себѣ рѣшить объ участи вашей дальнѣйшей службы. Археографическая Коммиссія состоитъ, по учрежденію, изъ предсѣдателя и членовъ. Съ самаго начала князь Шихматовъ

занимаетъ должность предсѣдателя къ полному моему удовольствію и съ неутомимымъ усердіемъ къ успѣхамъ Коммиссіи, къ успѣхамъ, доказаннымъ трудами Коммиссіи, извѣстными публикѣ и Государю. Въ Комиссіи предлагалъ я вамъ быть членомъ. Я не имѣю ни права, ни прямого побужденія учреждать въ оной новыя званія, коими могли бы оскорбиться прежніе члены и тѣмъ нарушиться согласіе, между ними водворенное; да и самое вступленіе ваше въ Коммиссію встрѣтило бы вѣроятно для васъ самихъ много частныхъ непріятностей (коихъ я не могъ бы даже отвратить), еслибъ вы сначала явились не въ качествѣ члена, а съ какимъ-то особымъ, доселѣ небывалымъ званіемъ. Genus irritabile не только поэтовъ, какъ говоритъ Горацій, но даже и антикваріевъ. Изъ письма вашего вижу, что, находясь въ Москвѣ, вы получаете отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ рублей асс. прямого дохода. Это требуетъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, особаго уваженія: штатное жалованье директора канцеляріи въ девять тысячъ рублей асс. На квартиру получаетъ тысячу пять сотъ рублей. Въ натурѣ имѣющаяся квартира состоитъ не болѣе какъ изъ пяти комнатъ, и Комовскій оную не занималъ; тѣмъ болѣе было бы для васъ затруднительно помѣщаться въ оной съ большимъ семействомъ и запасомъ книгъ. Я въ полной мѣрѣ уважаю готовность вашу отказаться отъ нѣкоторыхъ денежныхъ выгодъ, но не могу и не долженъ терять изъ виду благосостоянія вашего семейства въ ожиданіи какихъ-то гадательныхъ вспоможеній. Я считаю обязанностію предварительно сказать, что̀ могу и не могу сдѣлать; такъ, напримѣръ, я могу стараться доставить вамъ преждевременный пенсіонъ за двадцать лѣтъ, но не могу оставить при васъ оффиціально званіе профессора, ибо это званіе безъ каѳедры ничего не значитъ и не даетъ никакого особаго права. Учрежденіе здѣсь новаго разсадника для учителей и профессоровъ Исторіи есть мысль новая, которая и мнѣ кажется полезною; но будутъ ли даны для сего новыя средства Министерству, заранѣе нельзя опредѣлить за общимъ стѣсненіемъ

финансовыхъ обстоятельствъ. Въ подобномъ случаѣ я могу только отвѣтствовать за существующее; никогда бы не простилъ себѣ употребленіе какого-либо увлеченія къ отторженію васъ отъ настоящаго положенія, не взвѣсивши хладнокровно преимущества того и другого и не приведя въ совершенную ясность и матеріальную сторону этого дѣла. Я васъ прошу принять все это къ внимательному соображенію; прошу также быть увѣреннымъ, что ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно и въ случаѣ, если вы предпочтете чисто ученое поприще въ Москвѣ, сношенія мои личныя съ вами не могутъ измѣниться. Влеченіе ваше писать Исторію, коей посвящена вся жизнь ваша, есть призваніе высокое, а въ моихъ понятіяхъ все, что̀ можетъ служить къ славѣ царствованія Государя, должно быть предметомъ попеченія и любви со стороны людей, удостоенныхъ его довѣріемъ. Изъ сего длиннаго письма вы можете безошибочно заключить, что, желая васъ видѣть на службѣ въ непосредственномъ ко мнѣ отношеніи, я не рѣшаюсь стѣснять васъ въ свободѣ выбора и не хочу имѣть прямаго вліянія на ваше окончательное рѣшеніе. Повторяю, что, каково бы оно ни было, мое личное къ вамъ довѣріе останется невредимымъ“.

Прочитавъ это письмо, Погодинъ „принялъ всѣ эти разсужденія за чистыя деньги, счелъ свое перемѣщеніе въ Петербургъ дѣломъ рѣшеннымъ и отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ“ (22 марта 1841): „Послѣ долгихъ, тревожныхъ ожиданій получилъ я письмо вашего высокопревосходительства. Благодарю васъ за оное. Я успокоился, но не совершенно, какъ изволите увидѣть. Матеріальныя отношенія не много значили для меня, когда дѣло шло о такихъ важныхъ пунктахъ, какъ изложенные мною пять въ первомъ письмѣ. Я представилъ вамъ свои обстоятельства только къ свѣдѣнію; ибо, говоря все, что̀ у меня было на душѣ, я долженъ былъ для полноты сказать и объ томъ, что̀ у меня на тѣлѣ, не зная вовсе о положеніи директора. Впрочемъ большой разницы я не вижу: получаемое мною съ пансіонеровъ идетъ на ихъ и мое

содержаніе; въ Петербургѣ, безъ нихъ, будетъ достаточно и жалованья,—слѣдовательно я долженъ буду только отказаться на время отъ исполненія своихъ ученыхъ прихотей, которыя, надѣюсь, вознаградятся такъ или иначе. Что касается до Археографической Коммиссіи, я желалъ только невозбранно и безъ помѣхи пользоваться ея матеріалами. Объ особомъ титлѣ упомянулъ относительно. Впрочемъ такимъ титломъ обидѣться некому: какъ профессоръ съ двадцатилѣтнею службою по этой части и сотнею напечатанныхъ разсужденій, я старше всѣхъ ея членовъ, которые извѣстны только какъ издатели. Одну только квартиру подлѣ васъ я считалъ и считаю необходимостію, какъ то думалъ и графъ Н. А. Протасовъ. Объ ней прошу убѣдительно и теперь. Ѣздить въ Петербургъ по квартирамъ наемнымъ, съ своими книгами и бумагами, я подумать не могу безъ трепета. Но это все еще не главное для меня въ сію минуту: главное вотъ что. Не огорчилъ ли я васъ? Не употребилъ ли я во зло вашей снисходительной благосклонности? Не сердитесь ли вы на меня? Всѣ сіи вопросы возникли у меня въ головѣ по прочтеніи вашего письма. На другой день, т.-е. въ сію минуту, — вы изволите видѣть, что я продолжаю говорить по прежнему,—я перечелъ оное: точно я огорчилъ васъ, и вы, щадя меня, не хотѣли отвѣчать мнѣ тотчасъ, чтобъ не выказалось ваше неудовольствіе. Прошло двѣ недѣли, оно разсѣялось, и вы написали письмо благосклонное; и я былъ бы имъ очень, очень доволенъ, еслибъ не видалъ Порѣчья, еслибъ не получалъ отъ васъ прежде другихъ писемъ, отъ которыхъ у меня было теплѣе на сердцѣ. Но теперь проходятъ еще двѣ недѣли, и я увѣренъ, что вы расположены ко мнѣ по прежнему; я не долженъ бояться, не долженъ раскаяваться, что, почитая вашу довѣренность, довѣренность Министра къ директору, священною, открывался предъ вами вполнѣ съ чувствами глубочайшаго почтенія, съ коими остаюсь теперь, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Порѣчьѣ и па Дѣвичьемъ полѣ, нынѣ, присно

и во вѣки вѣковъ вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою“.

Уваровъ, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „увидя, что я не понимаю его или, по крайней мѣрѣ, представляюсь не понимающимъ, написалъ ко мнѣ новое письмо, съ рѣшительнымъ отреченіемъ отъ своего перваго предложенія, но также очень любезное и безъ выраженія малѣйшей досады“. „Ваше письмо, отъ 22“, писалъ онъ, „любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, я получилъ на страстной, когда говѣлъ. Изъявляю вамъ полную признательность за новый опытъ вашего образа мыслей и вашихъ личныхъ ко мнѣ чувствъ. Съ равною откровенностію, поблагодаря васъ отъ души за готовность перемѣнить родъ службы, нахожу обязанностью вамъ сообщить, что по нѣкоторымъ вновь оказавшимся обстоятельствамъ, коихъ не имѣлось въ виду, и которыя совершенно независимы отъ моихъ съ вами переговоровъ, я долженъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ мысли имѣть васъ при себѣ въ званіи директора канцеляріи. Это не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что̀ могло бы, по вашему мнѣнію, огорчить меня въ вашемъ прежнемъ письмѣ, коего откровенность я, напротивъ, считаю лучшимъ доказательствомъ вашего моральнаго уваженія и преданности. Обстоятельства, которыя заставляютъ меня измѣнить мое намѣреніе, родились послѣ нашей переписки. Къ тому долженъ прибавить, что квартиры, вблизи моей, въ домахъ Департамента, не существуетъ, и хотя необходимость оной для директора очевидна, но я не могъ бы устранить и это затрудненіе. Впрочемъ, само собою разумѣется, слѣдую вашей же формулѣ, что въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, равно какъ въ Порѣчьѣ, мое искреннее участіе будетъ всегда сопровождать васъ, ваши чистыя побужденія и полезные труды, въ какомъ бы видѣ послѣдніе ни представлялись мнѣ. Радуюсь, что содержаніе сего письма, не измѣнивъ ни положенія, ни желаній вашихъ, нимало васъ не огорчило. Признаю даже съ благодарностію, что всякая перемѣна въ вашей службѣ была бы сопряжена

съ пожертвованіями разнаго рода, и что это пожертвованіе вы соглашались понести въ видахъ безкорыстныхъ и благородныхъ. Поприще, вами въ теченіе двадцати пяти лѣтъ обработываемое, не лишается достойнаго дѣятеля, а Московскій Университетъ отличнаго профессора. Все это меня совершенно успокоиваетъ; а изъ всего этого остается и должно оставаться только воспоминаніе о моемъ къ вамъ довѣріи и о вашей готовности быть полезнымъ общему дѣлу и мнѣ“ 31).

VIII.

Итакъ, рушились мечты Погодина сдѣлаться директоромъ канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Получивъ отказъ Уварова, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вотъ тебѣ разъ! Не огорчился, не удивился: или Уваровъ не захотѣлъ при себѣ имѣть человѣка, который далеко запускаетъ лапу, или Царь не хотѣлъ утвердить, какъ то случилось въ 1828 году. Уваровъ лишилъ себя великой помощи, и, смѣю сказать, славы. А мнѣ хорошо и здѣсь. Можетъ быть, судьба останавливаетъ, какъ она останавливала нѣсколько разъ отъ путешествія. Можетъ быть, климатъ былъ бы для меня вреденъ. Буди какъ угодно Богу“ 32).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ писалъ Уварову: „Эдипъ, отгадывая загадки Сфинкса, одинъ изъ всего человѣческаго рода и оставался загадкою самъ себѣ на всю жизнь. Мнѣ посчастливилось открыть нѣсколько тайнъ въ Русской Исторіи, но собственная судьба моя остается для меня тайною. Не получая долго отвѣта на первое письмо отъ вашего высокопревосходительства, я подумалъ, что вѣрно вы хотите прислать мнѣ прямо утвержденіе вмѣсто отвѣта и, объявивъ Строганову, согласно съ вашимъ наставленіемъ, о своемъ намѣреніи (не отсюда ли преграда?), началъ приготовляться. Написавъ второе письмо, я нисколько не сомнѣвался уже въ переѣздѣ, сроднился съ этою мыслію; обязанность моя стано-

вилась для меня яснѣе и яснѣе, я восхищался заранѣе въ воображеніи, какъ и въ чемъ особенно могу быть полезнымъ для вашего высокопревосходительства, чтобъ оправдать вашу довѣренность, засвидѣтельствовать мою благодарность, какъ вдругъ получаю отъ 30 марта извѣстіе о новыхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ не могу служить при васъ. Случилось, что въ это же время, вслѣдствіе внезапной болѣзни, поставлено мнѣ было сорокъ піявокъ и до пятидесяти каленыхъ припарокъ. Теперь мнѣ лучше, но я послѣ этой душевной и тѣлесной операціи нахожусь въ совершенномъ недоумѣніи, и всѣ понятія перемѣшались въ головѣ, кромѣ одного, это неограниченная преданность, глубочайшее почтеніе и искренняя благодарность, съ коими остаюсь навсегда и вездѣ, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою".

На этомъ письмѣ кончилась переписка о директорствѣ. По поводу этой оригинальной переписки Погодинъ замѣчаетъ: „Читатели согласятся, что въ сношеніяхъ Министра съ профессоромъ, гораздо его младшимъ и по лѣтамъ, нельзя было быть любезнѣе, вѣжливѣе, снисходительнѣе. Я не оцѣнилъ вполнѣ этихъ качествъ при полученіи писемъ, потому что всетаки въ подкладкѣ ихъ находился отказъ, и мнѣ было досадно, что разстревоженъ былъ по пустому. Но теперь чрезъ тридцать лѣтъ я перечиталъ ихъ съ чувствомъ глубокой признательности и почтенія. Прибавлю здѣсь, что всѣ письма С. С. Уварова были собственноручныя отъ первой строки до послѣдней: они доказываютъ, что Уваровъ писалъ по-русски съ хорошимъ знаніемъ Русскаго языка, въ чемъ сомнѣвались тогда многіе".

Отношенія Погодина къ Уварову со времени приведенной переписки нисколько не перемѣнились; Уваровъ не питалъ ни малѣйшей досады за указаніе ему въ глаза его недостатковъ, расположенія къ грубой лести, тщеславія и слишкомъ услужливаго воображенія [33]).

Слухъ о переговорахъ Погодина съ Уваровымъ касательно

директорства быстро разнесся по Петербургу и достигъ отдаленныхъ предѣловъ нашего Отечества. „Отъ Вани Аксакова слышалъ я“, писалъ ему Калайдовичъ изъ Петербурга,— „о вашихъ дѣлахъ и безъ труда понялъ, почему вы хотѣли, чтобъ я остался въ Петербургѣ. Но теперь я радъ, что вы хотя еще на нѣсколько времени остаетесь въ Москвѣ. Вашъ секретъ не знаю какимъ образомъ разнесся въ Петербургѣ, и я узналъ его вскорѣ по вашемъ отъѣздѣ. *Отечественно-записочная* молодежь въ особенности указывала на вашъ переходъ, какъ на отступничество отъ науки изъ страха бороться съ новыми молодыми соперниками. Теперь они узнаютъ, что вы отказались, и должны будутъ прикусить язычки“. Въ подтвержденіе этихъ строкъ А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Да вотъ странность, откуда взялъ Краевскій разсказывать, будто бы вы переѣзжаете сюда директоромъ канцеляріи нашего Министра“? Изъ провинціи начали уже приходить къ Погодину просьбы о мѣстѣ. Нѣкто Бѣлецкій писалъ ему: „Узнавъ отъ студентовъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы, о вашемъ перемѣщеніи въ Министерство Народнаго Просвѣщенія въ должность секретаря, я рѣшился изъявить вамъ радость, какую произвело въ душѣ моей это извѣстіе. Теперь начинается новая эпоха въ вашей жизни—это переходъ отъ жизни ученой къ практической, чисто государственной: зная вашъ образъ мыслей, вашу любовь къ наукѣ и страсть къ уединенію, посреди котораго вы столь многое уже совершили, я почти угадываю, что вы не съ большой охотой вступаете въ новую должность. Да будетъ для васъ нынѣшняя перемѣна судьбы ступенію къ достиженію высочайшихъ почестей въ государствѣ; но никакое возвышеніе, никакой блескъ не будетъ въ состояніи ослѣпить васъ, и что всегда благородныя чувства и высокія мысли о благѣ человѣчества будутъ управлять всѣми вашими дѣйствіями, какъ и до сихъ поръ онѣ были неотступными вашими путеводителями... Я вознамѣрился прибѣгнуть подъ ваше покровительство и просить васъ объ улучшеніи моей участи, и я рѣшаюсь просить васъ о достав-

леніи мнѣ мѣста штатнаго смотрителя въ которомъ-нибудь изъ дворянскихъ училищъ Бѣлорусскаго округа“.

О своихъ переговорахъ съ Уваровымъ Погодинъ не утаивалъ отъ друга своего Загряжскаго, который, узнавъ о неудачѣ, постигшей Погодина, писалъ ему: „Послѣднее письмо твое къ Уварову меня поразило удивленіемъ. Кѣмъ ты былъ извѣщенъ объ отказѣ сюда переѣхать. Давно я слышалъ о перемѣнѣ его въ переводѣ тебя сюда и вмѣстѣ *о запрещеніи твоего журнала*, но все это я принялъ за городскія сплетни. Видно, тяжко ему слышать и малѣйшую правду—жалкій же онъ человѣкъ; въ этомъ отношеніи нечего сожалѣть, что вы не сошлись, я боюсь только, чтобы это не имѣло вреднаго вліянія на твои историческія занятія. Объ запрещеніи журнала я слышалъ, что это по проискамъ Греча“.

IX.

Въ то время, когда Погодинъ велъ переговоры съ Уваровымъ о своемъ директорствѣ, въ третьемъ апрѣльскомъ нумерѣ его *Москвитянина* были напечатаны десять пошлыхъ, но совершенно невинныхъ анекдотовъ, и одинъ изъ нихъ начинается такъ: „Проситель приходитъ въ канцелярію справиться о своемъ дѣлѣ и подходитъ къ одному столу, за которымъ сидитъ подъячій, углубившійся въ *Сѣверную Пчелу*, чуть ли не въ нравоучительную статью г. Булгарина“ и т. д. Прочитавъ эти пошлые анекдоты, Уваровъ писалъ графу Строганову (12 марта 1841): „Въ третьемъ нумерѣ *Москвитянина* замѣтилъ я въ Смѣси нѣсколько анекдотовъ, въ коихъ не находится ни приличія, ни вкуса. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, призвавъ къ себѣ г. Погодина, поставить ему на видъ неосторожность въ выборѣ статей для журнала, о которомъ хотѣлось бы мнѣ имѣть выгоднѣйшее понятіе, судя по образованности и хорошему духу издателя“. На другой день Уваровъ получаетъ отъ графа Бенкендорфа слѣдующее оффиціаль-

ное письмо: „Въ третьей части журнала *Москвитянинъ*, издаваемаго М. Погодинымъ, въ отдѣленіи *Смѣсь* напечатаны два анекдота о чиновникахъ. Прочитавъ ихъ съ величайшимъ удивленіемъ, я нахожу, что въ напечатаніи ихъ не столько виноватъ цензоръ, сколько издатель журнала, ибо статьи такого рода показываютъ недостатокъ уваженія его къ образованной публикѣ и желаніе угодить ими самому развратному классу людей; сверхъ сего, подобные анекдоты выказываютъ въ издателѣ не одно безвкусіе, но и злоупотребленіе довѣрія, которымъ, какъ журналиста, облекло его Правительство, ибо выставлять чиновниковъ въ такомъ невѣроятномъ и отвратительномъ видѣ, клеветать ихъ поступками и дѣйствіями, въ сословіи чиновниковъ въ настоящее время не существующими, и придавать имъ безобразные характеры, есть преступленіе противъ Правительства, коего чиновники суть органы. Что помѣщеніе подобныхъ статей, приводящихъ въ негодованіе благонамѣреннаго читателя и доставляющихъ пріятную пищу только тѣмъ неблагонамѣреннымъ людямъ, которые ищутъ случая посмѣяться надъ званіемъ чиновника и тѣмъ оскорбить Правительство—доказываетъ самое грубое безвкусіе, развращенность понятій, ложный и вредный взглядъ на предметы государственные и неблагонамѣренность самого издателя... Этихъ причинъ, по мнѣнію моему, было бы весьма достаточно, чтобы воспретить г. Погодину изданіе *Москвитянина*". Въ заключеніе письма графъ Бенкендорфъ проситъ Уварова „почтить его увѣдомленіемъ, какое распоряженіе угодно будетъ ему сдѣлать по сему предмету". Уваровъ явился защитникомъ Погодина и прежде своего отвѣта графу Бенкендорфу онъ писалъ Погодину: „Въ третьей книгѣ *Москвитянина* помѣщены два пошлые и безвкусные анекдота, которые произвели большой шумъ. Совѣтую вамъ остерегаться на будущее время подобныхъ ошибокъ. На этотъ разъ я могу этотъ шумъ прекратить; впредь не отвѣчаю. Во всякомъ случаѣ, въ дѣльномъ и серьезномъ журналѣ подобныя шутки низшаго разряда совершенно неумѣстны". Графу Бенкендорфу же Уваровъ отвѣчалъ: „До полученія

отношенія вашего сіятельства я сдѣлалъ строгое замѣчаніе издателю и цензору за напечатаніе сихъ пошлыхъ шутокъ; другому взысканію за подобный проступокъ я не счелъ справедливымъ ихъ подвергнуть, увѣренъ будучи, что мѣра наказанія соразмѣряется съ существомъ вины, ибо не могу раздѣлить мнѣнія, чтобы шутка, даже неумѣстная и безвкусная, на счетъ безъименнаго чиновника низшаго разряда, могла равняться съ преступленіемъ противъ Правительства. Не защищая ни мало ошибку цензора и оплошность редактора, невозможно мнѣ, при всей извѣстной вашему сіятельству взыскательности, видѣть тутъ *оскорбленіе Правительства*, еще менѣе *развращенность понятій и вредный взглядъ на предметы государственные и неблагонамѣренность издателя* и находить тутъ поводъ къ прекращенію журнала. Вашему сіятельству вполнѣ извѣстно, что Капнистъ за комедію *Ябеда*, а въ наше время Гоголь за комедію *Ревизоръ*, въ которыхъ выводится бытъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, и множество другихъ авторовъ, шутившихъ болѣе или менѣе удачно надъ *титулярными совѣтниками и чиновниками особыхъ порученій*, не подвергались подобному нареканію, и что ихъ произведенія являются и доселѣ ежедневно на нашихъ театрахъ. Излагая откровенно мой взглядъ на сей вопросъ, я увѣренъ, что ваше сіятельство изволите убѣдиться въ томъ, что сдѣланное мною распоряженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣрѣ вины. Приношу въ семъ случаѣ, какъ и всегда, вамъ совершенную благодарность за содѣйствіе къ держанію журнальной литературы въ подлежащихъ границахъ вкуса и порядка". По порученію Уварова, князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ своимъ друзьямъ, Погодину и Шевыреву, слѣдующее: „Мнѣ поручилъ, господа, С. С. Уваровъ сверхъ оффиціальнаго головомытія, которое вѣроятно вы уже получили, просить васъ частнымъ образомъ сколь возможно быть осмотрительнѣе какъ въ выборѣ статей, такъ и въ выраженіяхъ *Москвитянина*. Онъ увѣренъ въ чистотѣ вашихъ намѣреній монархическихъ и истинно русскихъ чувствахъ,—но надобно,

чтобъ всѣ были въ этомъ увѣрены; чтобъ не было у васъ статей (подобныхъ оплеухѣ чиновника), которыя столь же противны хорошему вкусу и приличію, симъ могутъ подать поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ къ превратному толкованію. Чужая душа—потемки, судятъ о томъ, что на бумагѣ. Вы не должны полагаться на то, что цензоръ пропустилъ— и вы въ сторонѣ; напротивъ, вы должны оберегать цензора какъ люди болѣе образованные, болѣе могущіе имѣть того чутья, которое угадываетъ то впечатлѣніе, какое можетъ произвести на читателей иногда самая невинная статья.— С. С. Уваровъ ручался за васъ—не введите его въ слово. Теперь скажу вамъ отъ себя: получивъ третій нумеръ *Москвитянина*, я напалъ на статью о чиновникахъ. „Быть бѣдѣ"—подумалъ я. Къ сожалѣнію, мое чутье не обмануло меня. Разсказывать подробностей нечего; скажу вамъ только, что были большія хлопоты—и что *Москвитянину* грозило *полное запрещеніе*. Прошло одинъ разъ,—не пройдетъ въ другой. Прочитывая корректуру, забывайте на время, что вы издатели, постарайтесь сдѣлаться читателями и старайтесь угадать, какое дѣйствіе произведетъ та или другая статья на человѣка для васъ совершенно посторонняго, не имѣющаго о васъ понятія. Совѣтуйтесь съ людьми, которые, по опытности или по положенію своему, могутъ дать вамъ хорошій совѣтъ. Вспомните, что вы не принадлежите къ шайкѣ тѣхъ господъ въ нашей литературѣ, которые хотятъ только одного—уничтожить всѣ журналы, кромѣ своихъ, дабы имѣть въ своихъ рукахъ монополію всей книжной торговли и наживаться. Эта шайка не проститъ вамъ никогда ни вашихъ талантовъ, ни учености, ни особенно добросовѣстности, ни вниманія къ вамъ публики, ни вашихъ отзывовъ о произведеніяхъ этихъ господъ. Противъ враговъ же они не разборчивы въ средствахъ: клевета, умышленно превратное толкованіе самыхъ невинныхъ рѣчей, разглашеніе въ публикѣ такого толкованія—все имъ кажется позволеннымъ, особливо когда такія статьи, какъ въ третьемъ нумерѣ *Москвитянина* о чиновникахъ, даютъ имъ

точку опоры. Дѣятельность враговъ бываетъ иногда непостижима. При самомъ началѣ моей службы, покойный Дашковъ показывалъ мнѣ доносъ, писанный на меня Булгаринымъ, гдѣ меня обвинялъ въ разныхъ нелѣпостяхъ, но такъ искусно связанныхъ съ разными обстоятельствами моей жизни, что можетъ быть только одна пятнадцати-лѣтняя моя служба, гдѣ я могъ на дѣлѣ показать всю неосновательность клеветы, могла смыть съ меня пятно, наведенное симъ доносомъ. Вашъ отвѣтъ на клевету можетъ быть лишь въ самомъ вашемъ журналѣ, не только въ общемъ его направленіи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Вотъ что почиталъ я нужнымъ сказать вамъ, друзья мои. Грустно это письмо, такъ грустно, что ничего и прибавить больше не хочется. Да благословитъ Богъ ваши совѣстливые труды и благонамѣренность; рано или поздно чистая совѣсть заставитъ замолкнуть своекорыстныхъ враговъ, и я вамъ на это примѣръ“ [34]).

Съ своей стороны и Уваровъ писалъ Погодину: „Совѣтую вамъ построже наблюдать за Москворѣцкими юмористами. Я полагаю, что князь Одоевскій писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ довольно живой перепалки, которая между тѣмъ кончилась безъ особаго оголоска“. На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Позвольте объясниться о журналѣ: смѣсь и проза приводятъ въ отчаяніе. Съ самаго начала я сдѣлалъ планъ, чтобъ десять печатныхъ листовъ посвящать дѣльному и серьезному, а остальные, отъ пяти до десяти, всякой всячинѣ, которая удовлетворяетъ большинству подписчиковъ. Со временемъ намѣревался я уменьшить это число, но не уничтожить, ибо иначе журналъ остался бы при образованныхъ однихъ читателяхъ, которыхъ счетомъ сто въ Петербургѣ, сто въ Москвѣ и сто въ губерніяхъ. Нельзя распространять дѣльное (кормить горечью), если въ то же время края сосуда не омажутся медомъ. Нѣтъ вкуса въ анекдотахъ, ибо нѣтъ его въ тѣхъ мнимыхъ лицахъ, кои изображаются ими. Ни я, ни ценворъ, не могли вообразить, чтобъ такія пустыя строки могли произвесть шумъ, строки, изъ которыхъ

состоитъ цѣлая комедія *Ревизоръ* или *Ябеда*, кромѣ ихъ органическаго созданія. Я осмѣливаюсь приписывать шумъ тѣмъ шмелямъ, которымъ непріятенъ нашъ успѣхъ и нашъ образъ мыслей о словесности, обнаруженный въ критикѣ. Ихъ боялся я прежде изданія и просилъ вашего покровительства, безъ котораго мы не смѣли, не смѣемъ и теперь, думать о журналѣ. Если Правительство одобряетъ духъ журнала, видный въ главныхъ статьяхъ, то мелочи, кои самъ издатель часто не читаетъ, должны быть оставлены безъ вниманія. Не позволите ли подать вамъ формальное объясненіе? Я совершенно упалъ журнальнымъ духомъ".

Въ подтвержденіе этого письма Погодина могутъ служить слѣдующія строки въ письмѣ къ нему Бецкаго изъ Харькова: „Вотъ вамъ сужденіе о *Москвитянинѣ*. Нѣкто жаловался на сухость журнала. „Мало повѣстей, хотите сказать? За то *ученое* направленіе". Да что же развѣ для *учителей* журналъ издается?", отвѣчалъ мнѣ тотъ господинъ" [35]).

X.

Беллетристика не удавалась *Москвитянину*. Еще во второмъ нумерѣ этого журнала была напечатана статья подъ заглавіемъ *Соперничество шести невольницъ*, которая обратила на себя вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Погодинъ получилъ слѣдующее оффиціальное письмо отъ вице-директора Департамента П. И. Гаевскаго: „Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, при подписаніи циркулярнаго предложенія Гг. Попечителямъ о выпискѣ для учебныхъ заведеній журнала вашего *Москвитянинъ*, изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи втораго нумера сего журнала обратилъ онъ вниманіе на статью *Соперничество шести невольницъ*. Статья эта, ни по достоинству литературному, ни по приличію, требуемому отъ журнала вашего, какъ отъ книги, назначаемой въ руки молодыхъ

людей, не должна бы имѣть здѣсь мѣста, и потому Его Высокопревосходительство желаетъ, чтобъ впредь вы были строже въ выборѣ матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что журналъ вашъ намѣрены выписывать также и духовныя училища“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Москвитянина* Погодинъ помѣстилъ повѣсть Ивана Головина—*Левъ*, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ автора: „*Левъ* мой старѣе *Льва* Соллогубова; но молодой опередилъ стараго, что довольно естественно“ [36]). Эта повѣсть, хотя и не обратила на себя вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, но оскорбила нравственное чувство одного изъ неизвѣстныхъ почитателей *Москвитянина*, который по этому поводу писалъ Погодину: „Будучи самымъ искреннимъ почитателемъ вашего прекраснаго, благонамѣреннаго, умнаго журнала, смѣю спросить васъ: неужели на листахъ благороднаго *Москвитянина* могла явиться сказчонка *Левъ,* столько ничтожная, недостойная, не умная сказчонка. Полный уваженія къ вамъ, могу только думать, что эта грязная вещь, простите шероховатость словъ, могла прокрасться въ *Москвитянинъ* совершенно безъ вашего вѣдома,—въ отсутствіе, или болѣзнь вашу. Обратите же вниманіе на эту повѣстцу, взгляните, что за недостойное содержаніе: двѣ развратныя женщины высшаго общества (?) навязываются ничтожному французику (ужъ вовсе не Льву!), Мужъ одной изъ нихъ узнаетъ о невѣрности жены, стрѣляется, убиваетъ соблазнителя и потомъ,—какъ будто ничего не бывало, снова нѣжничаетъ съ женою и, за достойную прикрасу глупаго лба, украшаетъ жену лучшею персидскою шалью!! Не правда ли: содержаніе самое изящное? А дѣйствующія лица? Распутная вдова, княгиня, соблазнительница.—Отвратительная молодая женщина, бросающаяся въ объятія пустому повѣсѣ,—пришедшая къ разврату даже безъ всякой борьбы съ сердцемъ, съ честью; холодная тварь, запятнавшая мужа и бросившая его больнымъ въ горячкѣ. А разговоры?—Посмотрите-ка на разсужденія бальныхъ кавалеровъ (стр. 314) „о улучшеніи породъ животныхъ“,—разсужденія, достойныя

скотныхъ заводчиковъ, а не свѣтскихъ львовъ на балѣ. И все это въ Петербургѣ, въ столицѣ приличій и вкуса! Бѣдный Петербургъ! А каковъ „Русскій язычекъ! Михаилъ Петровичъ! Ради чистоты славы, столь достойно заслуженной до этого *Москвитяниномъ*, ради уваженія къ самимъ себѣ и къ намъ, искренно желающимъ *Москвитянину* продолженія навсегда этой чистой славы, — не помѣщайте въ журналѣ вашемъ вещей, подобныхъ *Льву*, котораго, безъ сомнѣнія, не напечатали бы *даже* ни *Библіотека для Чтенія*, ни *Отечественныя Записки*".

Съ своей стороны почтенный Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, движимый доброжелательнымъ чувствомъ къ *Москвитянину*, совѣтывалъ Погодину „проглядывать статьи съ бо̀льшею оглядкою"

Въ своемъ письмѣ Иванчинъ-Писаревъ указываетъ Погодину на нѣкоторыя мѣста изъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ *Москвитянинѣ*, которыя онъ не желалъ бы видѣть напечатанными въ этомъ журналѣ. „Служившій", писалъ онъ,— „пять лѣтъ цензоромъ почтамтскимъ подъ ферулою перваго въ свѣтѣ труса покойнаго Ружковскаго, беретъ смѣлость совѣтовать... № 3, стр. 154: *„Боярская спѣсь успѣла отпечатлѣть начало избирательности въ Учрежденіи о Губерніяхъ"*. Это говорится о безсмертнѣйшемъ твореніи Великой Екатерины. Въ той же статьѣ развернутъ какой-то планъ новой династіи боярства, будто всегда измѣнявшагося. Исчезали, правда, имена славныя, то отъ пресѣченія рода, то отъ жестокостей Іоанна IV, но это не было *системою* нашихъ Государей. Личныя достоинства искони выводили у насъ простолюдиновъ въ знать, не смотря на мѣстничество, но не было *системою* замѣнять новыми родами старые роды бояръ *). *Въ балладѣ* **) прочитаютъ по лавочкамъ и въ лакейскихъ, а въ провинціяхъ есть и кабинеты, гдѣ читатели незнакомы еще съ Карломъ V, прочитаютъ, что кто-то *согнетъ императора во прахъ*, оставя,

---

*) Статья Морошкина: *Москвитянинъ* 1841, № 3, стр. 154.

**) Баллада *Карлъ V*, К. К. Павловой (№ 4).

что *согнуть во прахъ* неправильно, — самый образъ и выраженія не такъ-то пріятны" [37]).

Искренно сочувствуя направленію *Москвитянина* и оберегая его, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Читаю *Москвитянинъ* съ большимъ удовольствіемъ, и вообще онъ здѣсь хорошо принятъ. Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы. Помните припѣвъ Пушкина:

Не спи казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ бродитъ за рѣкой,

то-есть, жандармы бродятъ за рѣкой, или: Булгаринъ бродитъ за рѣкой. Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковать, а толковники сыщутся. Боюсь, напримѣръ, за вашу послѣднюю статью о христіанской философіи *). Тутъ могутъ быть для васъ опасны........ ....Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстію, и думаете, что довольно. Ничуть! Есть еще тысяча другихъ необходимыхъ условій. Позвольте мнѣ еще одно замѣчаніе. Въ вашей критикѣ, то-есть, въ вашемъ способѣ изложенія, желалъ бы я болѣе разнообразія. Все, что вы говорите, дѣльно, умно и хорошо; но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того стоитъ. Напримѣръ, въ критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop au sérieux. Сами же вы сказали, что это фарса и прекрасно опредѣлили, что̀ фарса и что̀ комедія. Но фарсою и трактуйте ее. Мятлевъ мастеръ врать стихами и прозою, и ему хотѣлось поврать о томъ о семъ, обо всемъ и о прочемъ, и онъ выбралъ Курдюкову сосудомъ вранья своего, какъ Байронъ Чайльдъ Гарольда сосудомъ поэзіи своей. Разумѣется, Курдю-

*) Въ 6-мъ № *Москвитянина* 1841 года Шевыревъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Христіанская Философія. Бесѣды Бадера* со слѣдующимъ эпиграфомъ: „Братіе, блюдитеся, да никто же васъ будетъ прелщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ" (*Колосс.* 2, 8).

ковой характеръ не выдержанъ, но чортъ ли въ ней и чортъ ли въ ея характерѣ? Тутъ одинъ Мятлевъ на сценѣ, который почти всегда забавно и часто очень остроумно дурачится. А о планѣ, о цѣли онъ и не помышляетъ" [38]).

Къ числу доброжелателей *Москвитянина* принадлежалъ и почтенный В. И. Даль. „Радуюсь душевно", писалъ онъ Погодину, „вашему здоровью, радуюсь также весьма, что вы остаетесь въ Москвѣ, у насъ были слухи, что васъ перезвали къ такому дѣлу, отъ котораго нельзя было бы отказаться. Скорблю душевно, что и вы испытали уже, въ то противное время, всѣ обычныя непріятности журналиста—это тѣмъ больнѣе, что у насъ идетъ все то не отъ житейскихъ суетъ и трудностей изданія — а отъ препятствій, убивающихъ духъ. При такихъ обстоятельствахъ руки не поднимаются на работу, голова тупѣетъ, сердце дремлетъ" [39]).

Въ своемъ *Дневникѣ* Погодинъ записалъ замѣчательныя слова графа А. П. Толстаго: „По утру былъ графъ Толстой, съ которымъ много говорили о Россіи нынѣшней и прошедшей. *Журналъ вашъ запретятъ, сказалъ онъ, потому что въ немъ слишкомъ ясенъ Русскій духъ и много Православія. Есть какая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи. Вѣрно, она имѣетъ свое начало въ чужихъ краяхъ, трепещущихъ Россіи и дѣйствующихъ чрезъ золото*".

Но на стражѣ *Москвитянина* стоялъ князь Д. В. Голицынъ и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщалъ его издателямъ „гремѣть" тамъ „за журналъ и велѣлъ роздать еще сто билетовъ" [40]).

XI.

При самомъ началѣ своего предпріятія, издатель *Москвитянина*, какъ то ни странно, менѣе всего нашелъ сочувствія, не говоримъ уже поддержки, со стороны тѣхъ людей, на которыхъ онъ болѣе всего имѣлъ право разсчитывать, то есть, отъ

людей, которыхъ Бѣлинскій прозвалъ *Словенофилами*. Погодинъ, описывая Шевыреву успѣхъ первыхъ нумеровъ *Москвитянина* въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, съ горечью писалъ ему, вспоминая своихъ Московскихъ друзей. „Какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—нашими аристократами XIV класса, героями Конюшенной и Арбата... Скажи этимъ дрянямъ, что я только изъ великодушія не разсказываю объ ихъ чопорности, приличной только нѣмецкимъ мѣщанамъ, и то у Коцебу“ [41]).

Съ давнихъ лѣтъ Погодинъ находилъ въ семействѣ Аксаковыхъ полнѣйшее участіе во всѣхъ своихъ дѣлахъ ученыхъ, литературныхъ и даже сердечныхъ. Но не то мы видимъ въ періодъ основанія *Москвитянина*. Въ это время произошло охлажденіе, и даже больше, Аксаковыхъ къ Погодину. Виною этого охлажденія былъ Константинъ Аксаковъ, котораго родители боготворили. На первыхъ же порахъ С. Т. Аксаковъ, какъ мы уже знаемъ, выразилъ Погодину свое неудовольствіе за то, что тотъ напечаталъ въ первомъ нумерѣ *Москвитянина* стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки *Москва*, безъ посвященія его сыну Константину. Въ сочельникъ, на канунѣ Богоявленія, Погодинъ посѣтилъ Аксаковыхъ и вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Аксаковымъ въ комнату, гдѣ были Надеждинъ, Томашевскій, такъ что нельзя было укрыться. О *Москвѣ* долженъ былъ заговорить самъ. Больно. Гегелева философія, ха, ха, ха, разлучаетъ меня съ добрыми людьми. Замѣтилъ *охлажденіе* и изъ сужденій Сергѣя Тимоѳеевича о моихъ статьяхъ, сужденій, совершенно глупыхъ и пустыхъ. Почти такія же о статьяхъ Шевырева. Значитъ, что сынъ нашепталъ въ уши, и тотъ по слѣпой любви повѣрилъ. Я не виню ни того, ни другого, но жалко. Разумѣется это пройдетъ. Одна Ольга Семеновна остается и останется мнѣ вѣрною. Упросили остаться и играть съ Надеждинымъ и Томашевскимъ въ преферансъ. Остался съ *отвращеніемъ, ибо желалъ бы въ церковь* *). Смѣшныя толко-

---

*) Въ Крещенскій сочельникъ.

ванія молодого Аксакова о своихъ видахъ, о религіи и проч. *У насъ религія очищенная, точно такъ, какъ у иностранцевъ;* но гораздо противнѣе величавыя сужденія Надеждина: *мы безъ обрядовъ и безъ такихъ-то глупостей.* Гадко слушать. Послѣ пріѣхалъ Загоскинъ читать. Я собрался было уѣхать, но у него разболѣлась голова, и онъ упросилъ меня играть съ нимъ. Сѣлъ и съ величайшею досадою проигралъ рублей около ста. Раздосадованный пріѣхалъ домой. Отзывъ Загоскина о Шевыревѣ, который будто ругаетъ въ обществахъ его статьи, обвиняетъ его за униженіе Москвы. Это точно дурно. Дѣло объяснилось. Когда-то Загоскинъ звалъ Шевырева въ школу. Тотъ привезъ Мельгунова и не извинился, не рекомендовавъ его. Загоскинъ разсердился, это замѣтилъ Шевыревъ и отвѣчалъ, что и ему самому мало удовольствія быть въ школѣ. Inde irae. Да, Шевыревъ заносчивъ. О люди, люди! А Загоскинъ хвалитъ и прославляетъ его статью". Въ это время и Загоскинъ охладѣлъ къ Аксаковымъ. По крайней мѣрѣ вотъ что мы читаемъ въ томъ же *Дневникѣ* Погодина: „Загоскинъ съ обвиненіемъ противъ Аксакова, котораго, кажется, терпѣть не можетъ. Я изумился и защищалъ, но надо бы сильнѣе. Загоскинъ называетъ его лицемѣромъ. Нѣтъ, это не правда, и завтра я поѣду объяснять ему. Онъ вчера не читалъ повѣсть у Аксакова, замѣтивъ будто бы нерасположеніе слушать. Это пустое. Чортъ глаза мутитъ. А между тѣмъ и я все утро нынче думалъ о завтрашнемъ письмѣ къ Аксакову, чтобъ заявить *охлажденіе* [42]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ самого С. Т. Аксакова слѣдующаго содержанія: „Вчера я узналъ, что добрые пріятели наши постарались передать вамъ мои невыгодные отзывы о журналѣ вашемъ и о васъ самихъ въ такомъ видѣ, что вы тѣмъ огорчились; послѣднее мнѣ очень прискорбно. Я вчера не могъ ни пріѣхать къ вамъ, ни написать. Приступаю къ объясненію. Я точно осуждалъ иногда съ большимъ жаромъ, по всегдашнему моему обычаю, васъ какъ журналиста за нѣкоторыя выходки и многія статьи въ жур-

налѣ, въ томъ числѣ ваши и Шевырева. Искренность моего участія заставляла меня горячиться. Я осуждалъ даже (вы все это знаете) самое намѣреніе ваше издавать журналъ *теперь* и предсказывалъ полную неудачу: очень радъ, что мое предсказаніе повидимому не сбывается. Все это я говорилъ съ людьми самыми близкими, общими нашими короткими пріятелями, принимающими, какъ мнѣ казалось, живое участіе въ вашемъ изданіи, которые и сами, болѣе или менѣе, осуждали то, что порицалъ я, для которыхъ безпристрастіе мое и рѣзкость выраженій пятнадцать лѣтъ уже не новость, и которые вмѣстѣ со мной желали только одного: полнаго успѣха вашему журналу... Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ! Неужели вы до сихъ поръ меня не знаете. Да развѣ я могу говорить не то, что чувствую? Я могу только молчать, что я и дѣлаю съ людьми посторонними, *не нашими*, когда заходила рѣчь о вашемъ журналѣ... Да еслибы мои братъ, отецъ выдавалъ *Москвитянина*, я и тогда безпощадно высказывалъ бы свои задушевныя мнѣнія, разумѣется — не на улицѣ и не передъ всѣми. Одно вы можете сказать: для чего не все и не съ такою силою было высказываемо мною лично вамъ? Этому причиною вы сами. Я начиналъ говорить два раза, но вы только раздражались, горячились и защищались съ явнымъ желаніемъ *не согласиться*. Въ васъ это было чѣмъ-то даже болѣзненнымъ — и я оставилъ до времени мои замѣчанія и совѣты. Признаюсь вамъ, мнѣ въ голову не приходило, чтобъ кто-нибудь могъ осмѣлиться перетолковать слова мои и передать ихъ вамъ въ видѣ недоброжелательства!.. Еще менѣе, чтобъ вы могли принять ихъ такимъ образомъ... Вижу, что я ошибся, и очень сожалѣю о томъ... Впрочемъ, я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что насъ съ вами *никто* и *ничто* поссорить не можетъ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, дружба наша уже стара и построена на прочномъ основаніи. Чтобъ не оставить ничего на душѣ, скажу вамъ, что у меня было непріятное къ вамъ чувство послѣ выхода первой книжки, но оно уже давно прошло... Пріѣзжайте, пожалуйста, сегодня

вечеромъ съ вашей милой и почтенной Елизаветой Васильевной слушать продолженіе романа Загоскина". Но какъ бы то ни было *Москвитянинъ* сдѣлался яблокомъ раздора между Погодинымъ и С. Т. Аксаковымъ, который въ другомъ своемъ письмѣ писалъ ему: „Я не понимаю записки вашей также какъ и Гегелевой философіи: и такъ, кого вы подъ ней разумѣете? Если Константина, то это грубѣйшая ошибка... Не хвалить вашъ журналъ—значитъ у васъ преступленіе. Неужели разномысліе о *Москвитянинѣ* можетъ быть помѣхою въ нашихъ отношеніяхъ?" [43]).

Въ то время, когда шли эти пререканія о *Москвитянинѣ*, семейство Аксаковыхъ постигло страшное горе. 5 марта 1841 года „Богу было угодно поразить насъ", писалъ С. Т. Аксаковъ,—„ужаснымъ и неожиданнымъ ударомъ. Потеряли мы сына Михаила, полнаго крѣпости тѣлесныхъ силъ и всякихъ блистательныхъ надеждъ" [44]).

Само собою разумѣется, что какъ Погодинъ, такъ и Шевыревъ, не смотря на охлажденіе къ Аксаковымъ, происшедшее вслѣдствіе литературной размолвки, отнеслись къ несчастію, постигшему ихъ домъ, съ самымъ сердечнымъ участіемъ. „Ужасное извѣстіе объ Аксаковыхъ" писалъ Шевыревъ Погодину,—„соболѣзную всею душою. Бѣдная Ольга Семеновна! Страшная зима! Только и слышишь объ умирающихъ". До привоза тѣла изъ Петербурга въ Москву Погодинъ ежедневно посѣщалъ Аксаковыхъ. Въ особенности онъ старался утѣшать Ольгу Семеновну. Вотъ что Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Выговаривалъ О. С. Аксаковой, что гнѣвитъ Бога прихотью материнской нѣжности. Давно хочется мнѣ сказать ей, чтобъ она приготовлялась къ смертямъ". Замѣчательно, что эти строки были записаны Погодинымъ 8 марта, а 10 къ нему пріѣзжаютъ Григорій и Константинъ Аксаковы съ извѣстіемъ „о кончинѣ Миши. Всѣ мы" пишетъ Погодинъ,—„были поражены. Думали, какъ сообщить несчастной матери. Хорошо, что пріѣхалъ отецъ. Весь вечеръ у нихъ" [45]). Къ горю Аксаковыхъ весьма сочувственно отнесся и Ѳ. Н. Глинка.

„Смерть Миши Аксакова“, писалъ онъ Погодину,—„принадлежитъ къ феноменамъ *нынѣшняго* времени. Обнимите за меня безутѣшнаго отца“. Наконецъ 31 марта С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Прахъ нашего Миши будетъ въ Симоновомъ монастырѣ. Ждемъ Ивана каждую минуту. Лукьяновна вчера срѣзала меня! Я сказалъ ей, что жду своего Ивана, а она мнѣ въ отвѣтъ: *И другого-то ждемъ на свѣтлый праздникъ. Тяжело твоему сердцу: никто твоей тягости не знаетъ.* Ей никто не могъ сказать, ибо никто не знаетъ“ [46]).

„Между тѣмъ Гоголь“, пишетъ С. Т. Аксаковъ,—„получилъ извѣстіе о нашемъ несчастіи. Онъ написалъ ко мнѣ утѣшительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвѣстнымъ. Письмо было послано чрезъ Погодина; вѣроятно, оно заключало въ себѣ такого рода утѣшенія, до которыхъ я былъ большой неохотникъ, и могъ скорѣе разсердиться на нихъ, чѣмъ утѣшиться ими. Погодинъ зналъ это очень хорошо и не отдалъ письма“ [47]). Намъ неизвѣстно письмо Гоголя къ Аксакову, но извѣстно письмо его къ Погодину, въ которомъ заключаются слѣдующія замѣчательныя строки: „Ужасно мнѣ жаль Аксаковыхъ, не потому только, что у нихъ умеръ сынъ, но потому, что безграничная привязанность до упоенья къ чему бы ни было въ жизни—есть уже несчастье. Такъ мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можемъ лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается намъ, жить обманомъ и стараться вѣчно обманываться—страшно, просто страшно. *Мы ропщемъ только на утраты и никогда не благодаримъ за блага, которыя даются намъ щедро, обильно*; но мы замѣчаемъ ихъ только въ минуту, когда лишаемся ихъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту въ Москвѣ“ [48]).

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, обратимся къ *Москвитянину*.

Изъ старшихъ Словенофиловъ одинъ только Хомяковъ принялъ нѣкое участіе въ изданіи своихъ друзей; но и тотъ писалъ Языкову: „*Москвитянинъ* началъ являться. Первая книжка не хо-

рошо составлена, хотя Шевырева статья славная; журналистической ухватки нѣтъ". Въ то же время Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера бранился за *Москвитянинъ* съ нашими лѣнтяями, только и знающими что бранить. Добраго слова никогда отъ нихъ нѣтъ. Ужь я же ихъ отдѣлалъ. Бранился съ Хомяковымъ за *Москвитянинъ*. И Аксаковы тоже видно по прежнему. Хомяковъ повторяетъ и угождаетъ". Но въ томъ же письмѣ Шевыревъ пишетъ: „Посылаю тебѣ стихи Хомякова къ *Дѣтямъ*. Они давно написаны, но онъ ихъ все таилъ подъ спудомъ отъ жены. Теперь же напечатать можно. Онъ хоть и не давалъ согласія, но съ нимъ можно и безъ спросу. Онъ ихъ закабалилъ въ Валуевскую *Библіотеку для воспитанія*. Стихи прекрасные". Знаменитое стихотвореніе Хомякова *Кіевъ*, написанное для *Кіевлянина* Максимовича, какъ мы знаемъ, не попало по назначенію, но въ искаженномъ видѣ было напечатано въ Петербургскомъ журналѣ *Маякъ*. По этому поводу М. А. Стаховичъ писалъ А. Н. Попову: „Нынче я видѣлъ, какъ Хомякова немилосердно и низко обокрали: въ *Маякѣ* помѣщенъ его *Кіевъ* съ подписью Э. И.....о, *воспитанникъ третьей гимназіи*".

Это не ускользнуло отъ вниманія Уварова, и онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Усмотрѣвъ", писалъ онъ Петербургскому Попечителю,—„что въ XIV книжкѣ *Маяка* напечатано извѣстное стихотвореніе Хомякова: *Кіевъ*, съ пропускомъ токмо нѣсколькихъ строфъ, подъ именемъ *Э. И.....о, воспитанника третьей гимназіи*, я нахожу это весьма неприличнымъ, и вообще желаю, чтобы никакое сочиненіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній не было напечатано безъ предварительнаго распоряженія директоровъ сихъ заведеній, и не иначе какъ съ вѣдома вашего сіятельства".

Съ своей стороны Хомяковъ, прося у Погодина „новыхъ книжицъ, о которыхъ говоритъ Куникъ, о Словенскихъ или Скандинавскихъ древностяхъ", писалъ ему: „Если хочешь, то напечатай *Кіевъ*, если можно. Это будетъ протестъ противъ *Маяка*[49]). Но помѣщеніе этого стихотворенія и въ *Москвитя-*

нинѣ встрѣтило цензурное затрудненіе. Цензоръ Н. И. Крыловъ писалъ Погодину. „О трехъ послѣднихъ куплетахъ великое раздумье. Вотъ что объ нихъ сказано въ иностранной газетѣ, гдѣ стихи Хомякова переведены на Нѣмецкій языкъ: „Русская цензура ихъ не пропустила; но на Нѣмецкомъ языкѣ, при другихъ условіяхъ цензуры, можно ихъ помѣстить". Итакъ можно понимать ихъ въ отношеніи къ Австріи; а это не хорошо. — Если вслѣдствіе вашей выноски смыслъ объ Уніи опредѣляется, то никакъ нельзя открыто въ журналѣ этого выразить. Дѣло это предано тайнѣ, молчанію, по причинѣ глупаго и неразсудительнаго распоряженія нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей въ уніатскихъ губерніяхъ, и вслѣдствіе Австрійской ноты, присланной къ нашему Двору.—Вотъ какая исторія! Не лучше ли: *да мимо идетъ чаша сія?* Правило издателя и ценçора: если можно что нибудь in futuro предполагать—то лучше опустить. Я прошу васъ убѣдительно согласиться на сей разъ со мною. Ей Богу—вчера цѣлый день сердце волыхалось отъ страха за эти куплеты. А съ вашей выноской больше рѣзкости и намека". Не смотря на это, Погодинъ все-таки напечаталъ *Кіевъ* въ своемъ *Москвитянинѣ* и къ тремъ послѣднимъ куплетамъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Какъ живо эти три куплета изображаютъ Унію, которая, по благому дѣйствію Промысла, возвратилась въ Православіе въ нынѣшнее царствованіе" [50]). Съ своей стороны Шевыревъ писалъ Погодину: „Отрывокъ Лажечникова плохъ. Стихи Языкова слабы—Сѣверное Сіяніе ужъ Боже вынеси! Будутъ бранить. Вѣдь два листа дурныхъ стиховъ. А *Кіевъ* ты затеръ всѣмъ этимъ вздоромъ. Выставь его на первый планъ. О *Маякѣ* надо же изъ приличія отзываться осторожнѣе и учтивѣе. А ты его ужъ слишкомъ за *Кіевъ*".

Въ это время Хомяковъ былъ углубленъ въ свою *Семирамиду* и разбиралъ Ликійскія надписи. „Можешь, если хочешь объявить", писалъ онъ Погодину, „что въ Ликіи найдены давно надгробныя надписи...... Мною разобрано. Словенскіе, и несомнѣнно, за нѣсколько вѣковъ до Рождества

Христова!!! Если будешь про это говорить, то имени моего не упоминай..... Не принимай за шутку".

Братья Кирѣевскіе не принимали никакого участія въ *Москвитянинѣ*, и сношенія ихъ съ Погодинымъ въ это время ограничивались только тѣмъ, что Петръ Васильевичъ поручилъ Елагину просить Погодина прислать ему на время *Софійскій Временникъ*, изданный П. М. Строевымъ [51]). При личномъ же своемъ посѣщеніи Погодина Петръ Васильевичъ „обобралъ у него пѣсни". Бесѣдуя же однажды съ его братомъ, Иваномъ Васильевичемъ, о своемъ журналѣ, Погодинъ примѣтилъ, что *отсталъ отъ Москвитянина и онъ*" [52]).

Младшее же поколѣніе Словенофиловъ въ это время погрузилось въ философію Гегеля и весьма несочувственно относилось къ *Москвитянину*. Это положеніе наше подтверждаетъ нижеслѣдующее письмо Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову: „К. К. Павлова мнѣ сказывала, что вы съ ней спорили о томъ, признаетъ ли Гегель Откровеніе, признаетъ ли въ Іисусѣ Христѣ Сына Божія, и будто вы сказали, что признаетъ? Въ такомъ случаѣ намъ должно будетъ уяснить этотъ вопросъ, потому что я думаю совсѣмъ иначе. Мнѣ кажется, Гегель понимаетъ всю Исторію, все развитіе какъ Откровеніе Божіе, но не принимаетъ Откровеніе въ извѣстное только время, одному или нѣкоторымъ лицамъ? Говорили мы также и очень долго о безсмертіи души, о сотвореніи міра, потомъ перешли къ Шевыреву.—Кстати, что̀ Шевыревъ наговорилъ въ своемъ *Взглядѣ Русскаго на современную образованность Европы*?!" [53]). Даже В. В. Григорьевъ, считающій себя Словенофиломъ и не смотря на свою близость къ Погодину, вотъ что писалъ своему другу П. С. Савельеву: „*Москвитянинъ*, коего я имѣю счастіе быть сотрудникомъ, судя по первой книжкѣ,—нѣчто очень безхарактерное. Эти Москвичи толкуютъ о духѣ и направленіи, и никакъ не смогутъ одѣть этотъ духъ плотію, этому направленію подчинить свои дѣйствія и труды" [54]).

Итакъ, къ *Москвитянину*, къ этому единственному въ

то время изъ свѣтскихъ журналовъ выразителю *Православно-Русскаго* направленія, люди этого направленія далеко не отнеслись съ тѣмъ единодушнымъ сочувствіемъ и дѣятельною помощію, какъ враги ихъ Западники къ *Отечественнымъ Запискамъ*, или какъ нѣкогда люди, принадлежавшіе къ Веневитиновскому кружку, отнеслись къ *Московскому Вѣстнику*, старшему брату *Москвитянина*.

XII.

Погодинъ и Шевыревъ, не найдя поддержки и ободренія между своими Московскими друзьями, встрѣтили ихъ отъ многихъ знаменитыхъ и простыхъ соотечественниковъ нашихъ, не принадлежащихъ ни къ Словенофиламъ, ни къ Западникамъ, а просто Русскихъ, чтущихъ Православно-Русское направленіе *Москвитянина*.

Старый другъ и товарищъ Погодина и вмѣстѣ съ нимъ и Шевыревымъ вѣрный служитель *Православія*, *Самодержавія* и *Народности*, М. А. Максимовичъ, познакомившись съ *Москвитяниномъ*, писалъ Погодину изъ Кіева: „Спасибо тебѣ и Шевыреву за изданіе *Москвитянина*: два нумера опредѣлили уже, каковъ онъ, — пусть же будетъ такимъ, — славно будетъ: и учено, и умно; и разнообразно и солидно; — твой *Петръ* очень понравился Иннокентію, у котораго объ немъ въ воскресенье шла рѣчь долгая съ здѣшними магнатами, какъ разсказывалъ мнѣ вчера Кайсаровъ. *Мѣсяцъ* твой любопытенъ, но только ужъ подлинно *Русскій мѣсяцъ*—три мѣсяца тянется. Шевырева, еслибъ я красивъ былъ, расцѣловалъ бы за его критику—истинно усладительно читать послѣ пустословія *Записокъ*, скучнаго скоморошества *Библіотеки* и проч. Знаешь только, не слишкомъ ли часто вы напоминаете объ отчужденіи отъ Запада: пусть оно будетъ постоянно въ виду, но только не каждый разъ на выставку. Поклонись Шевыреву, Хомякову, Загоскину, Аксакову и всѣмъ вамъ, и давай, давай, давай жизни и пищи умамъ твоимъ

Москвитяниномъ". На призывъ Погодина участвовать въ его журналѣ Максимовичъ отвѣчалъ: „Сочинять что-нибудь нарочно не стану; ибо, какъ уже сказалъ, по пріѣздѣ домой *) обмою руки отъ чернилъ въ моей нагорной криницѣ и не возьму пера до осени—развѣ только для коротенькаго письмеца. Но, если хочешь, я пришлю тебѣ въ *Москвитянинъ* свое *Сказаніе о Колившинѣ*. Его, по милости Карлгофа покойнаго и Богородскаго,—Министръ, по мнѣнію Протасова нашелъ неудобнымъ помѣщать въ *Кіевлянинѣ*, какъ въ мѣстномъ изданіи,—и притомъ въ 1839 году, когда только что присоединились уніаты. Я было лично заговорилъ С. С. Уварову, чтобъ напечатать въ нынѣшнемъ году, но онъ сказалъ, что не хочетъ вмѣшиваться тамъ, гдѣ замѣшалась духовная цензура. Потому—если надѣешься имѣть ходъ прямо къ Протасову, то—въ *1841* году, и *не въ здѣшнемъ*, а *въ Московскомъ* изданіи, онъ вѣрно согласится разрѣшить свой запретъ,—тѣмъ болѣе, что въ самомъ *Сказаніи* не болѣе рѣзкаго, какъ и въ изданномъ отъ Синода *предисловіи* къ Актамъ Присоединенія Уніатовъ къ Православію,—и что объ Колившинѣ (бывшей 1768 г.) теперь издано на Польскомъ языкѣ нѣсколько записокъ съ точки зрѣнія католической и не Русской; а Русскому человѣку не даютъ, посмотрѣвши на это событіе съ нашей точки зрѣнія, сказать свое слово. А все изъ-за Карлгофа съ Богородскимъ; Богородскій далъ мнѣніе такое: „Въ настоящее время, когда уніаты вступили добровольно въ братскій союзъ съ православными, неприлично выставлять прежнюю вражду въ такихъ рѣзкихъ чертахъ". Цензурный Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и потомъ спросилъ у Министра: можно ли напечатать?!.... Вотъ тебѣ исторія этого дѣла".

Когда *Москвитянинъ* достигъ Кяхты, то находившійся тамъ старинный сотрудникъ *Московскаго Вѣстника*, Н. И. Любимовъ, увидя его, писалъ Погодину: „Вообразите мою радость, нашелъ вашъ журналъ *Москвитянинъ*, о которомъ прежде не слыхалъ, который напомнилъ мнѣ и *Московскій*

*) То-есть, на Михайлову Гору.

Вѣстникъ, и лѣта юности, и все былое. Теперь съ жадностью его читаю и васъ за оный благословляю. Помните когда-то я вамъ говорилъ, что, бывши въ чужихъ краяхъ и возвращаясь въ край отцовъ,—я за одно паче всего благодарилъ Бога: что уродилъ меня русскимъ, а не инымъ кѣмъ. Это чувство еще во сто кратъ сильнѣе чувствовалось въ Китаѣ,—въ Пекинѣ, ибо душевный развратъ Запада предъ таковымъ же Китайскимъ ровно ничего не значитъ. Видно, точно они долго жили, чтобы дожить до такого положенія. Если бы у меня спросили: что такое Китай, въ двухъ словахъ? Я бы сказалъ: *гробъ поваппленный* (не знаю даже—поваппленный ли). Все тамъ превратилось въ одно только приличіе и въ одну форму. Ни въ чемъ нѣтъ *души*, не говорю уже религіи. Но что всего удивительнѣе,—что именно этою формою и этимъ приличіемъ все и держится, вся машина. Какъ я радъ, что вы подвизаетесь опять на литературномъ поприщѣ, въ славу Москвы и въ память усопшихъ! Это точно христіанское дѣло и я увѣренъ, что вы съ этимъ чувствомъ за него и принялись. *Его* *) теперь у насъ нѣтъ, но благодареніе всеблагому Богу, что есть еще Хомяковы и... право не знаю кого назвать вдругъ послѣ него. Помнится, у Лермонтова по временамъ вырывалось нѣчто могучее; были также стихи Кольцова; *все прочее* едва ли не погибло безвозвратно. Вашего *Петра* я также читалъ, и онъ разшевелилъ мою душу. Я даже плакалъ, когда читалъ. Путевыя ваши замѣтки также прелесть. Простота и истина,—что всего дороже на семъ свѣтѣ. Вообразите, что одинъ Верхнеудинскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ сто шестьдесятъ три тысячи шестьсотъ восемьдесятъ одну квадратныхъ верстъ. А управляется исправникомъ и двумя или тремя засѣдателями, получающими какихъ-нибудь триста рублей жалованья въ годъ".

Въ это время возвратился изъ чужихъ краевъ въ Варшаву П. А. Мухановъ и „принялся за русскую литературу", отъ которой отсталъ во время своего пребыванія внѣ предѣ-

*) То-есть, Д. В. Веневитинова.

ломъ Отечества. „Хвала и честь *Москвитянину*“, писалъ онъ Погодину,—„въ особенности порадовали меня извѣстія о всемъ, что дѣлается у насъ на Св. Руси. На Дубровскаго теперь плохая надежда. Онъ самъ сдѣлался журналистомъ. Усердствуя для вашего *Москвитянина*, старался найти для васъ умнаго, трудолюбиваго корреспондента, и попеченія мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ. У васъ есть корреспондентъ г. Софіано, чиновникъ дипломатической канцеляріи князя Варшавскаго,—очень добрый и дѣятельный молодой человѣкъ. Онъ служитъ въ одной и той же канцеляріи съ княземъ Волконскимъ, достойнымъ ученикомъ просвѣщеннаго Шевырева“.

Въ Харьковѣ доживалъ свои преклонные годы В. Н. Каразинъ, принимавшій нѣкогда, какъ мы видѣли, живое участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*, и теперь, доживъ до *Москвитянина*, не остался и къ нему равнодушенъ. Посредникомъ между имъ и *Москвитяниномъ* явился, проживавшій въ Харьковѣ, И. Е. Бецкій. Погодинъ поручилъ послѣднему доставить Каразину письмо; но съ этимъ письмомъ случилась презабавная исторія, которую и описалъ Бецкій. „Не посѣщавши Каразина“, писалъ онъ Погодину,—„я не пошелъ самъ къ нему, а просилъ его стараго знакомаго передать ему письмо, чтобъ избавиться отъ лишняго знакомства. Но письмо ваше начиналось слѣдующимъ образомъ: „Честь имѣю представить вамъ *Москвитянина*, и пр. и пр.“—Журнала вашего Каразинъ еще не получалъ, и вовсе не зналъ объ его существованіи. Вотъ онъ и вообрази себѣ, что *Москвитянинъ*-то я!!! Онъ и пишетъ ко мнѣ записку, въ которой проситъ обѣдать. Я прихожу.—Послѣ обыкновенныхъ фразъ, онъ спрашиваетъ меня: „Скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы меньшой сынъ Михаила Петровича, а *Московскій Вѣстникъ* вамъ съ родни?—Вы вѣрно участвовали въ немъ?“ Я признаюсь подумалъ, что попалъ къ сумасшедшему. Дѣло объяснилось, когда онъ показалъ мнѣ ваше письмо. Сцена была довольно забавная. Тому-то, можетъ быть, стало жаль

обѣда, — а мнѣ жаль потраченнаго времени. Я отвѣчалъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ *москвичъ*, но *Москвитяниномъ* едва ли буду и на томъ свѣтѣ.—Только что хотѣлъ идти, старикъ опять на меня напалъ: „Да почему же вы мнѣ не принесли *Москвитянина?* Гдѣ же онъ? Вамъ вѣрно его прислалъ Михаилъ Петровичъ?“ Представить ему *Москвитянина* я не могъ, оттого что онъ и до сего дня не полученъ въ Харьковѣ. — Насилу могъ выбраться отъ него; онъ охотникъ, кажется, толковать, и страдаетъ тою же страстію, какою и азъ грѣшный,—записки писать. Я уже получилъ одну, въ которой онъ проситъ прочесть что-нибудь изъ моихъ трудовъ (!!).—Разсказывалъ мнѣ, какъ Александръ плакалъ съ нимъ, и какъ онъ плакалъ съ Александромъ, какъ поднесъ онъ ему на колѣняхъ прожектъ объ Университетѣ Харьковскомъ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и пр. и пр., какъ потомъ засадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость, „гдѣ свѣта Божьяго не видно... Много испыталъ я въ жизни... Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ... Занимала химія... Теперь пишу... (тутъ вручилъ онъ мнѣ листокъ *Харьковскихъ Вѣдомостей*) о новомъ заведеніи для образованія школъ для низшаго сословія... Почта въ Россіи скверная“... и пр. и пр.—Я уже не зналъ, что мнѣ отвѣчать, плакать ли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ плакалъ съ Александромъ и Александръ плакалъ съ нимъ,... написать ли ему оду, яко Іову, или притвориться такимъ ужь болваномъ, чтобъ онъ отложилъ всякое попеченіе добиться отъ меня *сочувствія*.—Растолкуйте мнѣ пожалуйста, что это за вещь на свѣтѣ: *умные дураки*. Спереди уменъ, ученъ, ну просто геніальный человѣкъ... а повернется задомъ, такъ и кажется, что рехнулся немного. Я, впрочемъ, извлекъ пользу изъ моего посѣщенія: Каразинъ обѣщалъ мнѣ напечатать въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о *Москвитянинѣ* съ содержаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ“. Въ этомъ же письмѣ Бецкій жалуется Погодину на неисправность доставки *Москвитянина*. „Какъ же тутъ“, пишетъ онъ,—„ожидать подписчиковъ въ провинціи, а вѣдь Россія велика и обильна,

хоть порядка въ ней нѣтъ. Главную денежную поддержку журналу должно ожидать отъ шерстяныхъ помѣщиковъ; если журналы получаются черезъ два мѣсяца, вотъ помѣщикъ и скажетъ: „нѣтъ, ужъ насъ не проведешь, подписывались мы на *Наблюдателя*, а получили только два нумера", и проч. При этомъ Бецкій разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Встрѣтившись съ какимъ-то господиномъ, онъ показалъ ему программу *Москвитянина* и сказалъ „подпишитесь дескать". Тотъ съ важностью началъ читать. „Да скажите пожалуйста"—отвѣчалъ строгій цѣнитель искусства,—„отчего это во всѣхъ этихъ программахъ *все одно и то же*? Должно быть заимствуютъ другъ отъ друга. Вѣдь въ нынѣшнемъ вѣкѣ все требуешь новаго; журналы же рѣшительно отстали отъ вѣка; ну вотъ и въ *Москвитянинѣ* опять старая пѣснь: *науки*, *поэзія*, *исторія*, *критика*... Пора бы уже господамъ журналистамъ оставить всѣ эти науки, стихи и романы, выдумали бы что-нибудь *новое*"... Изъ этого съ дипломатическою точностью переданнаго разговора", продолжаетъ Бецкій, „вы можете заключить, въ какія руки попадется подчасъ *Москвитянинъ*. Впрочемъ, я таки настоялъ, и этотъ господинъ подпишется. Онъ, собственно, принадлежитъ къ числу господъ разсуждающихъ; другой же просто махнетъ рукою и больше ничего не спрашивай".

Когда же Каразинъ получилъ настоящій *Москвитянинъ*, то писалъ къ его издателю: „Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непремѣнно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей. На первый случай честь имѣю представить аутографъ великой Екатерины II. Прошу васъ литографировать хотя первый періодъ сего торжественнаго доказательства личныхъ трудовъ и благонамѣренности Великой Государыни. Исторія сего отрывка есть слѣдующая: Императрица, учреждая Коммиссію о Училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитанниковъ, которое бы напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть раздаваемо каждому отроку при его вступ-

леніи въ училище. Прочитавъ принесенные ей проекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изъяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ею книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своемъ кабинетѣ, написала *то,* что я вамъ препровождаю — съ грамматическими, конечно, ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни, *Матери* своихъ Россіянъ. Слезы у меня текутъ въ сію минуту. Нѣтъ! мы, грамотѣи, не довольно цѣнимъ заслугъ величайшей изъ преемницъ Петровыхъ. Я имѣлъ еще счастіе видѣть признательность къ ней благодарнаго Русскаго Народа: я видѣлъ, какъ онъ ее, гуляющую на новой набережной, безчисленною толпою окружалъ, тѣснился вокругъ ея, забѣгалъ впередъ, чтобы взглянуть на свѣтлыя ея черты, и восклицалъ поминутно: „Матушка наша, Матушка!..“

XIII.

Весьма утѣшало и ободряло Погодина живое участіе, принимаемое въ его трудномъ дѣлѣ и такихъ писателей нашихъ каковы: Квитко, Даль и П. И. Мельниковъ.

„Что сказать вамъ“, писалъ ему Квитко,—„За *Москвитянина*? Сотни, тысячи спасибо? Мало, ничтожно противъ той пользы, которую онъ уже приноситъ и обѣщаетъ еще болѣе принести многимъ и во многомъ. Шествуйте впередъ не смущаясь и не огорчаясь, еслибы гдѣ и *забрехала* шавка ничтожная. Цѣль ваша благородная, патріотическая; исполненіе прекрасно, отчетно; судьи, понимающіе дѣло, уже на вашей сторонѣ, а потому и побѣда несомнительна. Неужели не доживемъ до того вожделѣннаго времени, что вся эта крамола, возникшая отъ безпечности даровитыхъ, исчезнетъ какъ прахъ отъ благотворнаго вѣянія? И благомыслящіе, желающіе общаго блага, не насладятся удовольствіемъ увидѣть людей, искав-

шихъ одной корысти, хотя бы съ попраніемъ всего великаго, священнаго, посрамленныхъ, отчужденныхъ, презрѣнныхъ и принужденныхъ умолкнуть? О! дѣйствуйте, дѣйствуйте неутомимо, дѣйствуйте, какъ начали, и скоро достигнете цѣли для общаго блага и спокойствія, и утѣшенія желающихъ и ждущихъ сего блага. Мой низменный поклонъ почтенному вашему сотруднику и ревностному поборнику правды, Шевыреву". Когда же до Квитки дошло извѣстіе, что слухъ о намѣреніи Погодина прекратить *Москвитянинъ* несправедливъ, то онъ съ радостію писалъ ему: „Душевно благодарю васъ за утѣшительное извѣщеніе, что *Москвитянинъ* будетъ продолжаемъ вами и дѣятельнымъ сотрудникомъ вашимъ. О, да укрѣпитъ васъ Богъ въ благородномъ предпріятіи истребить плевелы изъ той нивы, гдѣ должно рости и прозябать все чистое, благородное, святое; нивы, обработываемой для того людьми свѣдущими, призванными, предвидящими, что̀ вредно собирать или сохранять въ житницѣ и что̀ именно и какую пользу принесетъ благородное дѣланіе. Зло такъ укоренилось, что восторженіе плевелъ едва ли поможетъ, нужно бы *сѣчь*, если хотите и по дѣтскому понятію, рубить, жечь, истреблять, искоренять, *да не когда* плевелы заглушать пшеницу, или размноженіемъ своимъ противъ всѣхъ усилій приведутъ въ ослабленіе ревность дѣлателей. Спрашивать мнѣнія публики, по чистому переводу—толпы, и дѣйствовать по нему, также возможно, какъ отыскать согласный аккордъ въ крикѣ разногласицы. Богъ съ нею, съ публикою! Идите своею дорогою, вами избранною, вами обработанною, не слушайте, вспомнивъ Арабскія сказки, кликовъ, воплей, писковъ, визговъ, старающихся васъ смутить; не забудьте, они кричатъ, или, правильнѣе, шипятъ *за вами*, позади васъ. Такъ *слѣдуя, достигнете* до цѣли, предназначенной себѣ и, кромѣ утѣшенія сердечнаго, что вы ревностно трудились для святаго дѣла, какое наслажденіе быть увѣренну, что и потомство скажетъ спасибо за ратоборство ваше при защищеніи цѣлости, чистоты, великости Русскаго слова! Гдѣ нынѣ искать его? Въ сборникахъ, компилюемыхъ

школьниками, не умѣющими составить фразы и въ чванствѣ своемъ мнящими себя быть судьями, и полагающими, что мнѣнія ихъ уважаются, потому что толстые журналы наши расходятся тысячами. И точно—увы!—правда расходятся. Но если еще потворять шалунамъ и равнодушно смотрѣть, какъ они свои парши и шелуди разсыпаютъ въ міръ людской, то, смотрите, чтобы не успѣли во злѣ". Въ томъ же письмѣ, по адресу Шевырева, Квитко пишетъ слѣдующее: „Критика у васъ благородна, здорова, справедлива, право правяща слово истины. Опрятна тѣмъ, что удаляется всякаго кощунства, не является въ публику съ размалеванною смѣшными узорами рожею, не скалитъ зубовъ; и знавши дѣло въ совершенствѣ, не принимаетъ на себя диктаторскаго тона; указываетъ скромно, не крича: „совѣтуемъ, напоминаемъ". Не кидаетъ въ автора грязью. Между нами говоря: мудрое Правительство, въ отвращеніе такой крамолы, *признало* блюсти цензурѣ такое благочиніе, но какъ исполняется? Скоро дойдетъ по-русски: въ батюшку и матушку, а цензура поставитъ форменное дозволеніе и—будетъ тиснуто. Авторъ у васъ не выставленъ, одно сочиненіе судится. Справедливо одинъ сказалъ, что пишущій книги есть существо несчастное, подверженное самому рѣзкому, обидному посмѣянію даже въ личности, осмѣянію въ родѣ ругательства. Послѣдній пьянюжка, плутъ, не явленный мошенникъ, въ личности своей неприкосновененъ, судъ и расправа спѣшатъ къ защитѣ его; а бѣдный авторъ, жертвующій здоровьемъ, временемъ, состояніемъ, разруганъ, осмѣянъ, обезчещенъ печатно—гдѣ найдетъ защиту. По моему мнѣнію, невыносимое оскорбленіе для автора и то, когда не призванный въ судьи, не имѣющій никакого понятія о разбираемомъ предметѣ, школьникъ, не доучившійся Русской грамотѣ, могущій писать только афиши о театрѣ, устрицахъ, рестораціяхъ и прочемъ вздорѣ, дерзко принимается судить сочиненіе и осмѣливается кричать: мы совѣтуемъ, предлагаемъ автору!.. Съ завидною опрятностью ведетъ себя ваша критика и въ томъ, что и сама не пачкаетъ рукъ и не заставляетъ читателя за-

тыкать носъ, при разборѣ и переборѣ до послѣдней частицы грязнаго сочиненія, какъ дѣлаютъ другіе журналы: выставятъ всѣ мерзости и постараются прикрасить еще своими гадостями, думая тѣмъ *распотѣшить* публику. О, жалкіе!"

Любопытно также прослушать и мнѣніе Даля о *Москвитянинѣ*. „Это", писалъ онъ,—„первый журналъ, въ которомъ есть цвѣтъ, краска, видишь повременное изданіе, видишь, что издатель держался цѣли, маяка, знаешь, чего искать и ожидать, словомъ это завлекаетъ. Знакомить Русскихъ съ заморьемъ въ такомъ духѣ, какъ вы дѣлаете, знакомить Русскихъ съ Русью, это предметъ, это цѣль, это задача—и задача достойная. Къ сожалѣнію, я Шевырева знаю мало; не знаю, какъ ему покажется, если я осмѣлюсь высказать, что я думаю и чувствую, читая статью его; но я бы желалъ, чтобы все, что мнѣ и другимъ добрымъ людямъ удастся написать, было разобрано *такъ*. При такой критикѣ всякое самолюбіе, всякая личность становится поодаль, въ сторону, глядишь на произведеніе, а не на человѣка, сердце порывается къ истинно прекрасному, паритъ гораздо выше пресмыкающихся въ прахѣ. Разругай меня въ пухъ на этотъ ладъ и строй, и у меня не станетъ на критика ни одной капли желчи, я съ душевнымъ уваженіемъ протяну къ нему руку. Тутъ критикъ и сочинитель въ сторонѣ: тутъ на поприщѣ одно только *произведеніе* и олицетворенное *искусство*, изящное художество. Мы отвыкли отъ этого ладу. *Расхвалить* и *разругать* сдѣлались издавна техническими выраженіями нищенской критики *нашей* въ мишурныхъ галунахъ; критика—царь, но какого царя намъ доселѣ показывали? Намъ выводили на позоръ царя шпалернаго, съ короной и державой подъ сусальнымъ золотомъ, изъ-за котораго выглядывалъ, для *увеселенія* публики, балаганный шутъ, отъ котораго въ казарменныхъ представленіяхъ предостерегаютъ зрителей перваго ряда скамеекъ... Если вы прежде заглядывали въ журналы, то убѣдитесь, что во мнѣ не говоритъ обиженное самолюбіе; меня не *разругали*, сколько знаю и видѣлъ по крайней мѣрѣ, нигдѣ..."

По поводу предлагаемаго Погодинымъ гонорара по сту рублей за печатный листъ, Даль писалъ: „Издатели *Отечественныхъ Записокъ* люди добрые, прекрасные, я съ ними давно коротокъ, я готовъ былъ принести малыя силенки свои имъ на помощь также охотно, какъ теперь вамъ, они платятъ мнѣ двѣсти рублей за листъ, но я отсталъ потихоньку (между нами!), потому что желудокъ у меня не варитъ того духа, который управляетъ издателями. Сначала я писалъ къ нимъ, высказалъ чистосердечно все, что чувствовалъ и думалъ, что не идетъ благомыслящимъ, благороднымъ людямъ руководствоваться такими правилами, такимъ духомъ: это жалкое подражаніе барону Брамбеусу, жалкое тѣмъ, что оно невольное, безсознательное; не повѣрили, не могли или не хотѣли отстать; языкъ почти хуже, чѣмъ былъ въ *Библіотекѣ*; критика—хоть святыхъ выноси; крючки, придирки, личности... Безбожнымъ языкомъ переведенные романы въ пять, шесть томовъ печатаются сподрядъ—развѣ это журналъ?" Вмѣстѣ съ тѣмъ Даль увѣряетъ Погодина, что авторское самолюбіе его очень не велико и ограничивается однимъ: „Отдай мнѣ", пишетъ онъ,—„мое маленькое, но должное, и я полѣзу на ножъ за правду, за Отечество, за Русское слово, языкъ, за все истинное и изящное. Вслухъ я подобной вещи не скажу... но въ письмѣ, которое читать будутъ только жена моя и люди, съ которыми я теперь говорю, Погодинъ и, можетъ быть, Шевыревъ".

XIV.

Ознакомившись съ программою и первыми нумерами *Москвитянина*, Павелъ Ивановичъ Мельниковъ выразилъ полную готовность быть его сотрудникомъ. „Судя по программѣ и первымъ двумъ книжкамъ вашего *Москвитянина*", писалъ онъ,— „я полагаю, что главная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы познакомить Русскихъ съ Русью и съ ихъ братьями—Словенами Западными. Желая быть сколько могу полезнымъ къ до-

стиженію вами этой высокой цѣли, я посылаю вамъ четыре статьи, изъ которыхъ одна можетъ нѣсколько познакомить читателей *Москвитянина* съ отдаленнымъ краемъ Европейской Россіи и двѣ съ поэзіею старинныхъ Чеховъ. Быть можетъ я былъ такъ счастливъ, что статьи мои, помѣщенныя въ *Отечественныхъ Запискахъ*, обратили на себя ваше просвѣщенное вниманіе. Изъ нихъ вы могли видѣть предметы моихъ занятій. Теперь мои работы состоятъ въ слѣдующемъ: я продолжаю *Исторію Суздальско - Владимірскаго Великаго Княжества*, оканчиваю *Персію при Сассанидахъ*, сочиненіе, составленное по Восточнымъ, Греческимъ, Латинскимъ и Армянскимъ авторамъ и—перевожу *рукопись Краледворскую*. Составленіе Чешской грамматики для Русскихъ, сочиненіе народной повѣсти Володиміръ Красно Солнышко и очерковъ провинціальной жизни—суть мои второстепенныя занятія. Если я могу быть сколько-нибудь полезнымъ для *Москвитянина*, то сочту себѣ за особенную честь быть постояннымъ вашимъ сотрудникомъ. Позвольте просить васъ объ увѣдомленіи, желаете ли вы принять мое сотрудничество. Какъ скоро получу я это увѣдомленіе, я пришлю вамъ окончаніе поѣздки въ Кунгуръ и еще кое-что. При принятіи литератора въ сотрудники, господа журналисты обыкновенно обращаютъ вниманіе на литературныя условія. Поэтому я предлагаю вамъ свои: не смотря на то, что я человѣкъ очень небогатый—*за деньги я не пишу*. Такъ дѣлалъ и дѣлаю я и съ А. А. Краевскимъ, съ которымъ впрочемъ у насъ сверхъ этого существуютъ отношенія короткаго знакомства. Отъ гонорарія, котораго я попрошу отъ васъ—вы вѣроятно не откажетесь: онъ состоитъ въ безденежной присылкѣ *Москвитянина* (одинъ экземпляръ разумѣется) на мое имя. Само собой разумѣется, что, сдѣлавшись вашимъ сотрудникомъ, я буду сообщать вамъ и всѣ Нижегородскія новости. Если угодно—я составлю вамъ описаніе Древностей Нижегородскихъ“ [55]).

Наконецъ слухъ, впрочемъ весьма смутный, о явленіи въ свѣтъ *Москвитянина* дошелъ и до Фрейвальдау, откуда при-

кованный къ одру болѣзни О. М. Бодянскій писалъ (3 февраля 1841 года) Погодину: „Я очень радъ появленію вашего *дневника*; но скажите пожалуйста: какъ его имя? Право, одни зовутъ его *Москвичемъ*, съ придачей *Кремлевскаго сторожа*, другіе напротивъ полулатинскимъ именемъ *Москвитяниномъ*. Но мнѣ первое лучше, или же если послѣднее, то *Московитъ*. Ужь давно нуждались мы въ дневникѣ добросовѣстномъ, сколько это возможно для существъ страстныхъ, дневникѣ, издаваемомъ не торгашами, выходцами, пройдохами и *перевертнями*, для которыхъ *пенязи-князи*, а *помози бозе и васимъ и насимъ*, какъ говорятъ дѣти Израиля—основный камень и послѣдняя высшая цѣль ихъ стремленія, ихъ Палестина, vita vitalis, punctum saliens, но людьми извѣданной учености, свѣдѣній, доказанныхъ самимъ дѣломъ, испытаннаго честнаго характера, занимающихся имъ съ любовію, съ увлеченіемъ, ухаживающихъ за нимъ, какъ мать за своимъ единцемъ. Конечно *достоинъ дѣлатель мзды своея*, но пускай же эта мзда не составляетъ уже планетной оси, вокругъ которой все должно вертѣться, какъ вертится эта планета — журналистъ - ростовщикъ. Вы знаете: *служай алтарю да отъ алтаря и питается*, но не слѣдуетъ дѣлать жертвенника Богу нашей дойной коровой. Итакъ, я увѣренъ, что вы съ этими, а не другими мыслями выплываете на треволненное море журналистики, иначе были бы вы не вы, или же я худо бы зналъ васъ. Быть не можетъ, чтобы вы не имѣли сотрудниковъ: всѣ честные, благонамѣренные, любящіе словесность, вѣдѣнія, искусства и т. д. не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, но для нихъ самихъ, всѣ истинно Русскіе писатели умомъ и дѣломъ предложатъ вамъ свои братскія услуги, руку помощи, потянутъ вмѣстѣ съ вами къ цѣли высокой, благородной – освобождать Русскую письменность отъ *находниковъ* Варягъ, нехристей Татаръ, беззаконной Литвы и безмозглыхъ Ляховъ, однимъ словомъ *насильниковъ Руси*. Я убѣжденъ, что теперешній вашъ дневникъ перегонитъ покойнаго *Московскаго Вѣстника*, хоть и тотъ въ свое время много и много дѣльнаго, вѣщаго намъ

приносилъ. Десять лѣтъ въ жизни человѣка право не бездѣлица. Ваша *правая рука* *) извѣданной упругости и ловкости, десница мощная и вѣрная въ пріемахъ и ударахъ. Со временемъ, надѣюсь и вы не откажете мнѣ стать, по крайней мѣрѣ, ошуюю васъ и тѣмъ сколько—столько содѣйствовать общему благу. Если Господь позволитъ мнѣ возстать отъ одра болѣзни, вы найдете во мнѣ одного изъ самыхъ надежныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ *по моей части* **), которая, кажется, будетъ для нашихъ соотечественниковъ не послѣдней занимательности и, увѣренъ, мало-по-малу возбудитъ живое и долгое участіе" [56]).

Нѣкто, скрывшій свое имя, подъ иниціалами *А. А-ій*, въ письмѣ своемъ къ Погодину дѣлаетъ такую характеристику *Москвитянину:* „До сихъ поръ у насъ не было журнала съ направленіемъ чисто Русскимъ, безъ примѣси чужеземной премудрости. Если скучно слышать смѣсь нарѣчій Французскаго съ Нижегородскимъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ: какое жъ удовольствіе читать въ Русскомъ журналѣ большею частію переводныя статьи, а критику или наряженную по послѣдней Парижской модѣ, или закутанную въ идеально-туманную философію Нѣмцевъ. Будто у насъ нѣтъ своего ума, своего чувства, своего религіознаго направленія!.. Нынче уже и въ высшемъ нашемъ обществѣ стали понимать цѣну Русскаго языка и забывать Французское пустословіе. Хоть до сихъ поръ таятся кой-гдѣ остатки прежняго зараженія иноземщиною; но вѣдь это только остатки болѣзни, а не самая болѣзнь. Быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ чистыхъ понятій не многихъ, но положительныхъ мыслителей на Русской почвѣ, нравственное здоровье нашего общества поправится, и новое поколѣніе, настроенное духомъ вашего ученія и убѣжденіемъ, такъ рѣзко высказаннымъ въ вашемъ журналѣ, смѣло пойдетъ по прямой дорогѣ, проложенной мудрымъ и заботливымъ нашимъ Правительствомъ. До сихъ

---

*) То-есть, Шевыревъ.

**) См. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892 г. V, 98.

поръ Историческіе и Литературные матеріалы Русской земли составляли въ другихъ журналахъ второстепенный отдѣлъ. Въ вашемъ журналѣ совсѣмъ другое направленіе, противоположное съ старымъ; и потому читающая публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна держитъ вашу сторону, а другая вопіетъ противъ васъ. Но—*exspectandum est, donec lux adveniat* [57]).

XV.

Когда еще только слухъ объ изданіи *Москвитянина* достигъ *Отечественныхъ Записокъ*, то тамъ писали: „Въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ *Москвитянинъ*. Главный редакторъ его Погодинъ, главный сотрудникъ Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что онъ есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которымъ можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать; противъ которыхъ можно будетъ спорить, но съ которыми нельзя будетъ браниться". Въ томъ же духѣ отозвались въ *Отечественныхъ Запискахъ* и о первой книжкѣ *Москвитянина*. „Полученная здѣсь первая книжка", читаемъ тамъ,—„вполнѣ оправдываетъ ожиданія, возлагавшіяся тѣми, кому извѣстны были свѣдѣнія, дарованія и добросовѣстность его редакторовъ. Желаемъ отъ всего сердца, чтобы этотъ единственный въ Москвѣ журналъ былъ принятъ Русскою публикою такъ же радушно, какъ онъ заслуживаетъ того по своей добросовѣстности и честному литературному характеру, чуждому всякихъ меркантильныхъ разсчетовъ и спекуляцій на легковѣріе публики" [58]). Даже самъ И. И. Панаевъ искренній приверженецъ западниковъ писалъ Погодину: „*Москвитянинъ* здѣсь чрезвычайно всѣмъ нравится, первый нумеръ заинтересовалъ всѣхъ, втораго ждутъ

съ нетерпѣніемъ,—а мы всѣ желаемъ вамъ отъ всего сердца тысячи четыре подписчиковъ" [59]).

Но эти доброжелательныя чувства *Отечественныхъ Записокъ* къ *Москвитянину* продолжались недолго, вскорѣ они смѣнились иными чувствами, кипѣвшими непримиримою враждой.

Православно-Русское направленіе *Москвитянина* съ особенною силою и самоотверженіемъ проповѣдывалъ почтенный Шевыревъ. Вступая на поприще критика въ *Москвитянинѣ*, Шевыревъ взываетъ къ *Музѣ, мысли и вкусу*, „да охранитъ" она его критику „отъ тяжелой безсмыслицы неопредѣленныхъ и годныхъ на все теорій, отъ зѣвоты длинныхъ, сухихъ, утомительныхъ пересказовъ, и наконецъ отъ площаднаго хохота и шутовства, которые позволительны только въ самыхъ темныхъ закоулкахъ литературнаго міра". [60]). Разбирая всѣ примѣчательныя произведенія текущей литературы, Шевыревъ вступилъ въ ожесточенную войну съ *Отечественными Записками* и Бѣлинскимъ, какъ прежде въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ *Московскимъ Телеграфомъ* и Полевымъ, а въ *Московскомъ Наблюдателѣ* съ *Библіотекою для Чтенія* и Сенковскимъ. „Война съ *Отечественными Записками*", повѣствуетъ Погодинъ,—„сдѣлалась еще ожесточеннѣе. Мы не могли простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходокъ противъ Словенъ, противъ Древней Русской Исторіи, противъ Русскихъ писателей прошедшаго столѣтія, противъ началъ Русской жизни" [61]).

Но гласъ Шевырева не былъ гласомъ вопіющаго въ пустыни. „Что Шевыревъ и *Москвитянинъ?*", писалъ Вигель Хомякову,—„не знаю, что они тамъ, но здѣсь они въ большой чести и славѣ. Всѣ друзья литературы, не принадлежащіе къ литературнымъ партіямъ, единогласно находятъ, что *Москвитянинъ* единственный журналъ, который можно у насъ читать; на статьи же Шевырева указываютъ какъ на образцы вѣрныхъ наблюденій, безпристрастныхъ сужденій и учтиваго тона. Сказать ли вамъ правду? Вы всѣ, господа, не пророки въ родимой вашей Москвѣ; ей нужны плѣшивые лжепророки *).

*) Чаадаевъ.

За то послушали бы вы здѣсь: новый графъ Блудовъ раза три посылаетъ въ книжную лавку за послѣднимъ нумеромъ *Москвитянина* и сердится, что онъ долго не выходитъ; ваши имена гремятъ здѣсь между всѣми, кто только знаетъ Русской грамотѣ. Но никто не подозрѣваетъ тлѣющаго во тьмѣ въ углу старой Басманной сенъ-симонизма: когда случится назвать Московскаго Анфантеня, всѣ спрашиваютъ: кто бишь это такой?" Критика Шевырева была оцѣнена по достоинству и самимъ княземъ П. А. Вяземскимъ. „Умомъ и сердцемъ", писалъ онъ Шевыреву,—„благодарю васъ за статью о Пушкинѣ. Читая такія статьи, перестаешь отчаяваться въ Русской литературѣ и отдыхаешь отъ падающихъ на насъ обваловъ *громадныхъ критиковъ* нашихъ" [62]).

Извѣстно, что *Отечественныя Записки*, благодаря Бѣлинскому, получили самостоятельное значеніе. Нѣкоторые изъ друзей Бѣлинскаго принимали участіе въ *Отечественныхъ Запискахъ* и ранѣе его, но только съ вступленіемъ Бѣлинскаго этотъ журналъ вполнѣ сталъ органомъ Московскаго Западнаго кружка. „Бѣлинскій", по свидѣтельству его біографа,—„былъ въ это время совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ въ Москвѣ. Его тогдашній (то-есть, Московскій) консервативный идеализмъ могъ бы помириться съ издателями *Москвитянина*. Теперь, когда Бѣлинскій достигъ своего новаго образа мыслей, враждебное противорѣчіе между имъ и Погодинымъ съ Шевыревымъ возросло до послѣдняго предѣла. *Москвитянинъ* явился представителемъ цѣлаго взгляда; смыслъ этого взгляда состоялъ *въ превознесеніи той дѣйствительности*, которую съ такимъ негодованіемъ отвергалъ теперь Бѣлинскій, *въ возвеличеніи порядковъ*, въ которыхъ онъ видѣлъ чистое зло, *въ поклоненіи преданіямъ*, за которыми Бѣлинскій оставлялъ только ихъ историческое мѣсто. Съ перваго раза *Москвитянинъ* заявилъ свою тенденцію самымъ рѣшительнымъ образомъ, провозгласивъ противоположность Востока и Запада. Востокъ надѣленъ былъ всѣмъ величіемъ Исторіи и настоящаго, Западъ обреченъ гніенію. Невозможно было поставить

вопроса Русской жизни и образованности болѣе враждебно всему, что было убѣжденіемъ и упованіемъ Бѣлинскаго и его друзей".

Столкновенія *Москвитянина* съ *Отечественными Записками* начались съ перваго же года существованія перваго [63]). Исполняя желаніе Погодина, Ѳ. Н. Глинка напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью о *Москвитянинѣ*. Въ этой статьѣ онъ весьма одобряетъ мысль Шевырева, что Западъ похожъ на человѣка, который *носитъ въ себѣ заразительный недугъ*, и заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Можетъ ли на твердомъ основаніи существовать поэзія, когда у нея отнимаютъ лучшее изъ правъ ея поучать? Едва ли не дожили мы уже до того, что мнѣніе, которое передавалось шопотомъ, произносится вслухъ. Смѣлѣе приподымая маску, уже начинаютъ проповѣдывать, что поэзія должна быть безъ нравоученія, философія безъ вѣры! Посмотримъ, куда придемъ мы съ поэзіею безнравственною, съ философіею безвѣрною!" [64]). Прочитавъ эти строки, Бѣлинскій взволновался. „Какъ можно", писалъ онъ,—„писать и печатать подобныя вещи въ 1841 году отъ Р. Х.? Европа—изволите видѣть—окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, который уже пахнетъ; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки!!! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку и на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!.. Пора бы, право, перестать извергать такія хулы на Европу и на нашъ великій XIX вѣкъ. Господи Боже мой! Да неужели мы ѣздимъ въ Европу для того только, чтобы заражаться ядовитымъ дыханіемъ этого будущаго трупа? Неужели юноши наши, безпрерывно отправляемые, на счетъ нашего мудраго и просвѣщеннаго Правительства, за границу, возвращаются оттуда никуда негодными, и изъ нихъ не выходятъ Брюловы, Бруни, Басины,—или не превращаются они въ отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ пріобрѣтеннымъ, затмѣваютъ другихъ, не знающихъ Европы, или если и глядѣвшихъ на нее, то видѣвшихъ все кверху но-

гамия?.. Сужденіе г. Глинки есть только повтореніе того, что во всѣ вѣка проповѣдывали люди стараго поколѣнія новому".

Между тѣмъ въ Москвѣ вышла книжка *Малолѣтокъ, кормилецъ престарѣлаго, обнищавшаго отца своего, или чистое родительское благословеніе* (1841), сочиненіе извѣстнаго Александра Анфимовича Орлова. Бѣлинскій, находясь подъ впечатлѣніемъ статьи Ѳ. Н. Глинки, разбирая эту книжечку, возсталъ противъ воззрѣнія, что *поэзія есть нравственность, а нравственность есть поэзія*. „Если", замѣчаетъ Бѣлинскій,— „сочинитель не пилъ вина даже за обѣдомъ, не бралъ въ руки картъ, кухарку свою держалъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, тогда вы заключаете: означенный сочинитель есть поэтъ". При этомъ Бѣлинскій лично задѣлъ и Ѳ. Н. Глинку. „Да", пишетъ онъ,—„нравственность есть поэзія, поэзія есть нравственность. *Нравственный* поэтъ нашъ, Ѳ. Н. Глинка, того же мнѣнія. Въ одномъ изъ нумеровъ весьма нравственной газеты *Московскія Вѣдомости* онъ помѣстилъ очень нравственную статью о торжествѣ нравственности и поэзіи, привязавъ это нравственное сужденіе къ самой нравственной цѣли: похвалѣ журнала *Москвитянина*, въ которомъ онъ участвуетъ. Намъ остается душевно пожалѣть, что Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька такой прекрасный, нравственный человѣкъ, никогда не бралъ пера въ руки—вѣроятно отъ застѣнчивости. Какихъ изящныхъ созданій должно было ожидать отъ человѣка, который въ сорокъ лѣтъ сохранилъ свою невинность, стыдился говорить съ персоной женскаго пола... Необыкновенный человѣкъ! Многаго лишилась въ немъ изящная Русская Литература! Есть, однакожъ, противники общаго мнѣнія... Къ числу такихъ противниковъ принадлежатъ Жуковскій и Крыловъ. Первый... ясно высказалъ, что можно быть справедливымъ судьею, искуснымъ полководцемъ, истиннымъ поэтомъ—и не быть истинно добрымъ, и на оборотъ...; а второй дерзнулъ даже замѣтить:

По моему ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй" [65]).

Эта статья Бѣлинскаго глубоко возмутила и „встревожила“ М. А. Дмитріева, который предложилъ Погодину „написать офиціальную бумагу и подписать ее всѣмъ противъ правилъ, проповѣдуемыхъ *Отечественными Записками*“. На это предложеніе Погодинъ замѣтилъ: „Все это вздоръ, и я не понимаю, какъ слабы эти религіозные люди, смущаясь подобными выходками дряни и сволочи“. Но Дмитріевъ не успокоивался. „Къ Дмитріеву“, пишетъ Погодинъ,—„который топорщится за Глинку и говоритъ даже дерзости“... [66]). Съ своей стороны и Шевыревъ, задѣтый тоже Бѣлинскимъ, писалъ Погодину: „Выходка противъ Глинки гадка: за нее надо высѣчь Бѣлинскаго. Слѣдовало бы тебѣ напечатать нѣсколько строкъ отъ своего имени, чтобы дать только *окликъ* на пьяницу Бѣлинскаго, чтобы не обижалъ честныхъ людей, и на *Отечественныя Записки*, чтобы не позволяли у себя такихъ выходокъ противъ людей, которые кромѣ литературнаго имени ограждены противъ нахальныхъ нападеній нравственнымъ достоинствомъ“. Но Погодинъ уклонился вступать въ личное состязаніе съ Бѣлинскимъ, а потому въ защиту Ѳ. Н. Глинки и себя принужденъ былъ выступить Шевыревъ, не подписавши, впрочемъ, подъ статьею *Къ Отечественнымъ Запискамъ* своего—имени. „Кто-то, не подписавшій своего имени“, писалъ онъ, „по случаю какой-то книжки, приводя изъ нея чувства любви сыновней, весьма похвальныя, разговорился вдругъ тономъ самымъ неприличнымъ о поэзіи и нравственности и осмѣлился самымъ пошлымъ намекомъ бросить клевету на извѣстнаго писателя Ѳ. Н. Глинку, обвинить его въ томъ, что онъ печатаетъ похвалу журналу, въ которомъ принимаетъ участіе корыстное. Ѳ. Н. Глинка, хотя и украшалъ безмездно своими произведеніями страницы *Москвитянина*, но никакого иного участія въ журналѣ не принимаетъ“. Въ заключеніе Шевыревъ писалъ: „Мы уважали *Отечественныя Записки* за ихъ благонамѣренность, хотя и не одобряли ихъ мнѣній, философскихъ и критическихъ, и часто негодовали на образъ сужденій о нашей старой литературѣ; мы уважали дѣятельность издателя,

уважали многихъ сотрудниковъ; потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, навеселѣ отъ Нѣмецкой Эстетики, которой самъ за незнаніемъ Нѣмецкаго языка не читалъ, а объ которой только слышалъ, и то въ искаженномъ видѣ изъ третьихъ устъ,—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика, и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ поэзіи и нравственности, и забывъ всѣ приличія, извергаетъ насмѣшки и клевету на писателя, огражденнаго отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ" [67]).

Но кромѣ Дмитріева и Шевырева, горячимъ защитникомъ и почитателемъ Ѳ. Н. Глинки явился университетскій товарищъ Погодина, житель Воронежа, Баталинъ, который, однако, въ молодости былъ, какъ говорятъ Французы, esprit fort. Въ это время Ѳ. Н. Глинка пребывалъ въ Воронежѣ для поклоненія мощамъ святителя Митрофана. „Здѣсь", писалъ Баталинъ Погодину,—„теперь живетъ на богомольи солнце Россійской поэзіи Ѳ. Н. Глинка, предъ коимъ всѣ эти жалкіе Пушкины, Кольцовы, Щепкины, Тряпицыны съ братіею, меньше нежели тѣнь предъ свѣтомъ, а просто выгорки". Въ другомъ письмѣ Баталинъ писалъ: „Вы очень предубѣждены противъ моихъ стиховъ; между тѣмъ, посмотрите въ *Отечественныя Записки*, какіе жалкіе мужицкіе стихи Кольцова помѣщаются, надъ которыми онъ самъ смѣется, просто гиль, ни риѳмъ, ни связи. Я написалъ преострую критику на *Отечественныя Записки*, гдѣ защищаю Ѳ. Н. Глинку". Но Погодинъ, относясь довольно равнодушно и даже опасливо къ полемикѣ, возникшей по поводу Глинки, не далъ ходу „преострой критикѣ" Баталина, и сей послѣдній писалъ: „Жалѣю, что вы хворали, а всему причина страсть къ наукамъ. Что касается до меня, то я давно охладѣлъ къ этой Вавилонской работѣ: у всякаго свой взглядъ на вещи. Ежели вы не захотите оскорбить Краевскаго помѣщеніемъ моей піесы *Знай нашихъ*, по крайней мѣрѣ про-

читайте ее душевно чтимому мною поэту Ѳ. Н. Глинкѣ и попросите напечатать ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ [68]).

Между тѣмъ уязвленный Шевыревымъ Бѣлинскій не замедлилъ отвѣчать *Москвитянину*. „Мы имѣемъ“, писалъ онъ,—„полное право спросить: Какъ осмѣлился какой-то журнальный писака, спрятавшій свою физіономію подъ кривыми и угловатыми литерами NN, какъ осмѣлился, говоримъ, этотъ журнальный борзописецъ, забывъ всѣ приличія, извергнуть безсмысленную хулу, клевету и оскорбленія на журналъ, который самъ не могъ не назвать *благонамѣреннымъ*. Мы имѣли бы право спросить: какъ могъ человѣкъ до такой степени забыться, до такой степени раздружиться со всевозможными общественными и литературными приличіями, чтобъ, размахавшись *борзымъ* перомъ своимъ, написать и—что всего непостижимѣе—напечатать самую нелѣпую клевету, приписавъ *Отечественнымъ Запискамъ* обвиненія г. Глинки *) въ томъ, въ чемъ онѣ никогда не думали обвинять его, и сказавъ, съ неслыханною дерзостію, безъ всякихъ доказательствъ. Мы надѣялись“, заканчиваетъ Бѣлинскій свой отвѣтъ,—„что будемъ уважать *Москвитянина* за его благонамѣренность, хотя и не одобряли его мнѣній, философскихъ и критическихъ; мы уважали дѣятельность его издателей; уважали нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ;—потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, *навеселѣ* (въ восторгѣ), только ужъ не отъ Нѣмецкой Эстетики, о которой онъ, видно, и не слыхивалъ, въ противномъ случаѣ былъ бы поблагопристойнѣе,—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно на креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ истины и нравственности, и, забывъ всѣ приличія, извергать клевету на журналъ, огражденный отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ“ [69]). Хотя питомецъ Погодина Бецкій и писалъ своему

---

*) То-есть, въ участіи съ корыстною цѣлію въ *Москвитянинѣ*.

наставнику, что „статьи Бѣлинскаго и *статьи критическія Краевскаго* (sic) для меня имѣютъ живой интересъ“, что „у нихъ какое-то поэтическое чутье, онѣ понимаютъ красоту“, но тотъ же Бецкій писалъ и слѣдующее: „Читаю, слушаю, и все болѣе вижу недостатокъ религіи въ обществѣ XIX вѣка. Не говорю уже о томъ нелѣпомъ, безсознательномъ безбожіи нашей молодежи“.

Какъ нѣкогда графъ Д. И. Хвостовъ оказывалъ особое вниманіе *Московскому Вѣстнику*, такимъ же вниманіемъ сталъ пользоваться новорожденный братъ его *Москвитянинъ* со стороны князя П. И. Шаликова. „Забудьте о неудовольствіи“, писалъ онъ Погодину,—„своемъ на меня, источникомъ котораго былъ одинъ изъ собратій вашихъ, сказавшій, будто вы напечатали гдѣ-то, что я послѣдняя спица въ колесницѣ, это было тѣмъ для меня прискорбнѣе, что я нѣкогда отозвался о произнесенной вами въ университетѣ рѣчи со всею похвалою, которую она заслуживала. „При томъ же вы знаете, какъ раздражительны чада Аполлоновы; а я знаю, что вы не злопамятны, и потому прошу васъ убѣдительно дать стихамъ моимъ мѣстечко въ своемъ прекрасномъ журналѣ, какого у насъ давно, давно не было. Честь и слава Москвѣ! Достойный сынъ ея торжествуетъ надъ завистливымъ, надъ корыстолюбивымъ, надъ двуличнымъ *дядею своимъ, г. Петербургомъ* (sic), котораго литературныя чада не стоятъ подчасъ иныхъ наемщиковъ. Если вы ободрите меня помѣщеніемъ этой бездѣлки, то я пришлю къ вамъ нѣчто поважнѣе — статью, за которую удостоенъ отъ его сіятельства графа Сергія Григорьевича Строганова лестной благодарности и которую онъ совѣтуетъ мнѣ отдать въ журналъ: для этой статьи *Москвитянинъ* былъ бы всего приличнѣе, ибо рѣчь идетъ о Русскомъ языкѣ, а Московскій Университетъ положилъ на него печать, долженствующую охранять его отъ варварскихъ нашествій“. Отвѣтъ Погодина успокоилъ князя Шаликова, и послѣдній писалъ ему: „Какъ мнѣ было пріятно читать, что терпѣть не можете сплетней, которыхъ и я ненавижу до того, что убѣгаю любителей ихъ,

какъ чумы, и при встрѣчѣ стараюсь скорѣе разойтись, чтобы не услышать какого-либо словца изъ поганыхъ устъ" [70]).

Между тѣмъ С. Д. Нечаевъ, устроивъ 2 апрѣля 1841 года концертъ въ пользу нищихъ, на которомъ играла на арфѣ Марья Даниловна Кубитовичева [71]), писалъ Погодину: „Мнѣ желалось, чтобъ вы сами посѣтили мой концертъ, отдали справедливость Русскому генію Алябьеву и о доброй его жертвѣ упомянули въ книжкѣ, гдѣ такъ счастливо соединяете все для насъ родное. Князь Шаликовъ умиралъ отъ восторговъ; на другой же день прислалъ, по своему обычаю, похвальные стихи, и теперь изъявляетъ желаніе видѣть ихъ въ вашемъ *Москвитянинѣ* [72])". Описаніе этого концерта было напечатано въ *Москвитянинѣ* и въ заключеніи статьи сказано: „извѣстный нашъ ветеранъ, князь П. И. Шаликовъ, тотчасъ написалъ стихи:

Какой союзъ добра, талантовъ и веселья и пр. [73]).

Въ благодарность за напечатаніе стихотворенія князь Шаликовъ присылаетъ Погодину обѣщанную прозаическую статью [74]) *О литературномъ размежеваніи* съ посвященіемъ „Питомцамъ Московскаго Университета, положившаго печать совершенства на Русскій языкъ". Статья эта начинается такъ: „*Каждая литература чрезполосное владѣніе*, нѣкогда сказано въ *Сѣверной Пчелѣ*; а мы, воспользовавшись сею новою апоѳегмою, скажемъ: увы! наша литература, кажется, навсегда размежевалась съ богатыми владѣльцами минувшаго времени къ чувствительному для себя убытку, ибо оставила за собою одни только низменныя поля, одни только пески зыбучіе, одни только болота неосушимыя, столь зловредныя для слабаго юношества литературнаго" [75]).

XVI.

Начавъ издавать *Москвитянинъ*, Погодинъ осуществилъ свою давнишнюю мысль и учредилъ книжную лавку. Онъ также

мечталъ и основать типографію. „Погодину непремѣнно хочется“, писалъ преосвященный Иннокентій Максимовичу,—„завести лавку и типографію; пишетъ и проситъ позволенія издать мои проповѣди.—Что мнѣ дѣлать?—Условіе отдаетъ на мою волю; а мнѣ придется отдать на его“ [76]). И дѣйствительно, въ 1841 году, Погодинъ издалъ въ Москвѣ *Страстную Седмицу*.

Къ предпріятію Погодина завести книжную лавку и типографію весьма сочувственно отнесся Максимовичъ. „Мнѣ чрезвычайно отрадно“, писалъ онъ,—„было слышать, что ты предпринимаешь учредить книжную лавку и типографію въ Москвѣ. Самъ Господь тебя надоумилъ на это дѣло, которое и для тебя самого будетъ выгодно и прибыльно; да и для нашей братіи, пишущихъ провинціаловъ, выгодно также и въ матеріальномъ и психическомъ смыслѣ; ибо не будемъ по крайней мѣрѣ чувствовать обидной необходимости быть въ сношеніяхъ съ ракаліями, при которыхъ невольно оскорбляется твое внутреннее достоинство. Петербургскіе торгаши литераторы и несчастные А. А. Орловы и Голоты сдѣлали то, что наши книгопродавцы и въ усъ не дуютъ и считаютъ въ зависимости у себя писателей.—Бога ради скорѣе печатай *Москвитянина* въ Погодинской типографіи,—продавай свои и наши книжки въ своей книжной лавкѣ, и, коли дѣло пойдетъ хорошо, я наймусь у тебя быть прикащикомъ: безъ ногъ поневолѣ буду сидѣть безвыходно, лишь бы комната была теплая, да супомъ хорошимъ кормила бы меня твоя хозяйка. Но до того времени пока отдохну у себя на Горѣ на просторѣ поднебесномъ“.

Въ то же время Погодинъ возмечталъ сдѣлать роскошное изданіе проповѣдей Московскаго митрополита Филарета.

Но къ стремленію Погодина шествовать по стопамъ Новикова весьма недовѣрчиво отнесся Загряжскій и по этому поводу написалъ ему слѣдующее замѣчательное письмо: „Если бы я видѣлъ въ открытіи тобою книжной лавки, что ты дѣйствительно хочешь идти по слѣдамъ Новикова, я бы сказалъ

тебѣ, да благословитъ Господь, но откровенно скажу тебѣ—я этого не вижу. Начало твоего торговаго поприща совершенно противоположно Новиковскому. Ты хочешь начать съ роскошнаго изданія проповѣдей Филарета, Новиковъ такъ не поступалъ; роскошныя изданія доступны только людямъ роскошнымъ, а ихъ немного; какимъ же образомъ ты этимъ составишь оппозицію вредному чтенію; люди грамотные—но бѣдные, а они-то и составляютъ массу, будутъ только слышать о изданіи проповѣдей, пользоваться же ими не будутъ, потому что дороги, а романы Орлова дешевы. Богачи предпочтутъ всѣмъ Филаретамъ ничтожные англійскіе альманахи въ великолѣпныхъ переплетахъ съ красивыми картинками. Новиковъ, чтобы распространить полезное чтеніе, продавалъ нравственныя книги по самымъ дешевымъ цѣнамъ и цѣна эта не покрывала типографскихъ издержекъ; для того была составлена компанія, которая жертвовала милліонами, цѣлыми огромными состояніями. Ошибаешься, любезный другъ, ты смотришь на Новикова слишкомъ односторонно, не забывай, что Новиковъ кромѣ Русской грамматики ничего не зналъ, онъ дѣйствіями своего ума и силою воли совершилъ чудеса: подражать ему въ его оборотахъ для блага человѣчества было бы дерзостію, безъ особеннаго на то призванія. Твое призваніе на пользу человѣчества другое: Богъ даровалъ тебѣ большія способности, ты образовалъ ихъ науками, слѣдовательно, поприще твое есть поприще ученаго;—оно такъ высоко и славно, что еслибы Новиковъ могъ завидовать, онъ бы позавидовалъ тебѣ.—Всякаго рода торговля требуетъ особенныхъ способностей, ты ихъ совершенно не имѣешь; сверхъ того, занятія сіи столь разнообразны и обширны, что и отъ способнѣйшихъ людей требуютъ *исключительно* всей дѣятельности; что же будетъ съ твоими учеными занятіями? Ты по необходимости долженъ будешь ввѣрить весь книжный оборотъ въ другія руки, останется только твое имя для прикрышки корыстолюбія торговцевъ, и этимъ барышничествомъ ты повредишь себѣ въ ученомъ мірѣ.—Даже названіе жур-

налиста только можетъ быть терпимо съ званіемъ истинно ученаго. А потому, какъ другу говорю тебѣ, брось эту нелѣпую и даже преступную мысль, я вижу въ этомъ намѣреніи дѣйствіе темной силы, она хочетъ обольстить тебя видомъ мнимаго добра, дабы запутать тебя и отвлечь отъ истиннаго, къ которому мы призваны. Вотъ тебѣ мои мысли о торговлѣ, пожалуйста въ присутствіи Божіемъ, помолясь усердно, обдумай, можетъ быть, тебѣ Господь откроетъ глаза".

Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ привести и нижеслѣдуюшія строки изъ письма Загряжскаго о Филаретѣ, при чемъ должны съ сожалѣніемъ замѣтить, что онѣ исходятъ не отъ враждебной Филарету стороны: „Теперь", пишетъ Загряжскій,— „о порученіи твоемъ: какъ же тебѣ пришло въ голову, что я могу подѣйствовать на Филарета?! Князь А. Н. Голицынъ отъ слѣпоты совсѣмъ не тотъ, что былъ; онъ теперь окруженъ дамами, которыя ему читаютъ и забавляютъ; я съ нимъ очень рѣдко вижусь, а потому никакого вліянія на него имѣть не могу. Цѣлое лѣто Филаретъ былъ въ Москвѣ, и ты его видѣть не могъ; да почему же тебѣ было не написать ему, попросить назначить свиданіе? Не на одной же проповѣди ты заводишь книжную торговлю, отложи до удобнаго съ нимъ свиданія. Но нужнымъ считаю напомнить тебѣ: я просилъ его, чрезъ князя и самъ, дозволить тебѣ пользоваться матеріалами Синодальной Библіотеки: ты знаешь, какъ онъ тебѣ помогъ. Хотѣлъ ты составить опись библіотеки Синодальной: какъ онъ тебѣ помогъ?—Иннокентій издавалъ *Воскресное чтеніе*; оно расходилось (потому что дешево); понравилось ли это? Спроси Филарета. Иннокентій въ Кіевѣ былъ на своемъ мѣстѣ, тамъ могъ онъ образовать не одно поколѣніе; его перевели не въ Москву или Петербургъ, гдѣ его способностямъ былъ бы кругъ дѣйствій обширнѣе, но въ Вологду,—зачѣмъ?—Спроси Филарета. Единственное мѣсто, гдѣ можно купить Священное Писаніе,—синодальная книжная лавка, и я едва въ недѣлю, всякій день ходивши, могъ купить Библію, все была заперта— а для чего? Спроси Филарета. Начали здѣсь издавать краткія

житія святыхъ, маленькими книжечками, по самымъ низкимъ цѣнамъ, и послѣ нѣсколькихъ тетрадокъ изданіе прекращено, а зачѣмъ? Спроси Филарета. Но довольно, я бы никогда не кончилъ. Самъ видишь, какъ у насъ духовенство, и во главѣ его должно поставить Филарета, содѣйствуетъ распространенію полезнаго чтенія".

Но мечта Погодина издать творенія митрополита Филарета не осуществилась. Эта высокая честь выпала, на долю, въ 1844 году, Московскому купцу и собирателю Древностей Алексѣю Ивановичу Лобкову. По поводу этого предпріятія Митрополитъ смиренно писалъ А. Н. Муравьеву: „Охотники начинаютъ и моихъ словъ (если только не празднословія) изданіе, въ которому вы меня побуждали. Если сему не слѣдовало быть, то и вы въ семъ не безвинны. Пожелайте, чтобы не пустыя плевы посѣялись" [77]).

1 марта 1841 года, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Св. Сѵноду, Иннокентію, епископу Чигиринскому, Всемилостивѣйше повелѣно быть епископомъ Вологодской Церкви [78]). Это перемѣщеніе очень огорчило Кіевлянъ. „Какую грустную вѣсть получилъ я сегодня", писалъ Максимовичъ Погодину,—„нашего несравненнаго душеспасительнаго Иннокентія переводятъ въ Вологду, отнимаютъ у Кіева, который безъ него очень осиротѣетъ, особливо для меня, хотя послѣднее время моей болѣзни и не видался съ нимъ часто... но онъ былъ здѣсь—и уже этого довольно было. Его отлученіе отъ Кіева особенно жаль еще мнѣ потому, что въ послѣднее время онъ рѣшительную возъимѣлъ было наклонность къ Исторіи здѣшняго края—и что̀ бы онъ могъ сдѣлать для нея съ своимъ яснымъ и всеобъемлющимъ умомъ... А Исторія здѣшняго края находится въ страшномъ запущеніи, и для нея надобно работать и работать вновь, ибо, что ни сработано было Евгеніемъ, Бантышемъ и другими, все это не болѣе какъ подмалевка или грунтовка будущей картины Кіевской, Южно-Русской жизни: особливо правая сторона Днѣпра — просто terra incognita для Русской вашей Исторіи [79])".

Еще въ началѣ 1841 года, Максимовичъ, бесѣдуя однажды

съ Иннокентіемъ, пришелъ къ той мысли, что пора бы и въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда есть оно не только въ Москвѣ, но уже и въ Одессѣ. Попечитель Кіевскій князь С. И. Давыдовъ охотно взялся содѣйствовать исполненію этой мысли, и не замедлилъ собрать у себя кружокъ любителей Исторіи. У Максимовича сохранился подлинный листъ—протоколъ того историческаго вечера. Въ заглавіи написано рукою Иннокентія: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Кіевское Общество Исторіи и Древностей Словенорусскихъ.* Затѣмъ слѣдуетъ, писанная рукою князя Давыдова, программа, въ тотъ вечеръ составившаяся, со спискомъ предполагаемыхъ двадцати дѣйствительныхъ членовъ и девяти членовъ основателей. Вотъ имена послѣднихъ: Преосвященный Иннокентій, князь Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ, Фундуклей, Юзефовичъ, Шодуаръ, Скворцовъ, Ржевуцкій [80]). Самъ Иннокентій писалъ Погодину: „Импровизуемъ два Общества, одно публичное—Исторіи и Древностей, а другое частное—для изданія *Богословскаго Лексикона.* Вообразите, что мнѣ, который древностями занимался доселѣ только какъ послѣдній amateur, доводится быть главнымъ основателемъ Общества Древностей въ Кіевѣ. Таково еще у насъ безлюдье въ ученыхъ людяхъ! Какъ бы нужно было у насъ въ Университетѣ явиться какому-либо хорошему историку Отечественной Исторіи. Его лекціи могли бы служить лекарствомъ на политическія бредни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на грубое незнаніе края здѣшнихъ демократовъ. И мнѣ кажется очень страннымъ, что вашъ Министръ не попечется о семъ. Я бы взялъ первый васъ, давъ вамъ все, что нужно за лишеніе Москвы“ [81]).

По свидѣтельству Максимовича, „Записка и уставъ Кіевскаго Общества Исторіи и Древностей переписаны были скоро и представлены княземъ Давыдовымъ Д. Г. Бибикову, уѣзжавшему въ Петербургъ. Но видно не была еще пора исполниться замышленію Иннокентія о Кіевскомъ Обществѣ, да и самъ онъ вскорѣ былъ оторванъ отъ Кіева *)“ [82]).

*) Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ эта благая мысль Иннокентія и Ма-

Когда Погодинъ узналъ о перемѣщеніи Иннокентія, то посыпалъ на Максимовича рядъ вопросовъ: „Что съ Иннокентіемъ? Противъ воли? Что же это немилость? Когда онъ отправится? Чрезъ Москву?“ [83]) Максимовичъ отвѣчалъ: „Иннокентій предполагаетъ ѣхать въ началѣ мая, и если поѣдетъ, то чрезъ Москву. Въ назначеніи его нѣтъ немилости, а есть особые виды. Впрочемъ, у насъ прослышано слухами, будто вмѣсто сѣвера онъ поворотитъ на западъ“. Но эти слухи не имѣли основанія, и вскорѣ послѣ того Погодинъ получилъ слѣдующую записочку отъ К. С. Аксакова: „Батюшка получилъ письмо отъ Максимовича: Иннокентій будетъ сюда около 20 мая и пробудетъ дней десять“ [84]).

По пріѣздѣ въ Москву, Иннокентій остановился въ Донскомъ монастырѣ у гостепріимнаго архимандрита Ѳеофана. Погодинъ въ тотъ же день посѣтилъ Преосвященнаго. Объ этихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ сохранились любопытныя записки въ *Дневникѣ* Погодина:

„*Подъ 19 мая*: Иннокентій пріѣхалъ. Къ нему, а онъ собирался ко мнѣ. Мы очень обрадовались другъ другу. Переводъ свой онъ приписываетъ больше случаю, менѣе нашему Филарету. Говорили много обо всемъ. Бибиковъ преданъ плану освобожденія крестьянъ, нужнаго наиболѣе для западныхъ губерній. Хвалитъ и графа Воронцова. Въ 1830 году много было мыслей о преобразованіяхъ. Митрополитъ Филаретъ великъ тамъ, гдѣ можетъ брать умомъ, но не умѣетъ идти со временемъ и дѣлаетъ часто грубыя ошибки въ этомъ отношеніи. Объ Уваровѣ. О Протасовѣ, который повертываетъ слишкомъ круто и небережно: многое не подведено подъ ясное сознаніе. Иннокентій министръ. Я не встрѣчалъ никого умнѣе и дѣльнѣе его. Нельзя сомнѣваться въ его добротѣ и расторопности. Донской архимандритъ понравился мнѣ очень, какъ русскій старикъ съ шутками, весельчакъ, хлѣбосолъ.

ксимовича воплотилась въ Кіевѣ, когда, по почину Ивана Петровича Хрущова, тогда доцента по каѳедрѣ Русской Словесности, въ концѣ 1872 года было учреждено при Университетѣ Св. Владиміра Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

Обѣдъ отличный съ разварною стерлядью, шампанскимъ и смородиновкою. Заѣхалъ къ Хавскому и разсмотрѣлъ почтенные его труды. Тоже русскій человѣкъ.

Подъ 23 мая. Въ 10 часовъ въ Кремль. Ушаковъ извиняется, что некому провожать Иннокентія въ Оружейную Палату. Обошли Соборы. На Ивановскую колокольню и восхищались видомъ. Послушникъ Ѳеоѳана сказалъ, что Оружейную Палату смотрятъ. Отправились и осмотрѣли. Чай пить къ Иннокентію. Разсказывалъ мнѣ о Ганцѣ, правителѣ канцеляріи у Константина, умномъ и образованномъ человѣкѣ, который не зналъ, что ему дѣлать на старости, и обѣщался, по его совѣту, писать записки. Иннокентій обѣщался подарить мнѣ прокламацію, приготовленную Константиномъ. Говорили о министрахъ нынѣшнихъ, объ Исторіи Русской Церкви, за которую онъ хочетъ приниматься, объ Исторіи Польской Церкви, которая есть лучшая защита Православія, о Греческомъ началѣ въ Польшѣ. Познакомился съ епископомъ Аарономъ".

Новое поколѣніе питомцевъ Московскаго Университета питало сочувствіе и уваженіе къ преосвященному Иннокентію. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующее письмо М. А. Стаховича А. Н. Попову: „Ступай ты сейчасъ въ Донской монастырь. Знаешь къ кому? Къ Иннокентію Кіевскому. Онъ у васъ въ Москвѣ на недѣлю, ѣдетъ въ епархію въ Вологду; былъ на родинѣ въ Ельцѣ, въ своемъ бывшемъ селѣ—нашемъ приходѣ Трегубовѣ и въ Пальнѣ; меня обласкалъ, ободрилъ, какъ новая жизнь какая, и, кажется, полюбилъ. Скажи ты ему, каковы наши отношенія съ тобою, и что я тебя стремглавъ увѣдомилъ о его прибытіи. Нечего много толковать: ты увидишь, что это за человѣкъ въ жизни" [85]).

29 мая 1841 года преосвященный Иннокентій прибылъ въ Вологду [86]).

XVII.

Самъ Погодинъ сознавался: изданіе *Москвитянина*, равно какъ и прежде *Московскаго Вѣстника* „было для меня всегда дѣломъ придаточнымъ, а главное Русская Исторія, которой посвящено мое время, или, лучше сказать, жизнь“.

Покончивъ борьбу со скептиками, своими врагами, Погодинъ на первыхъ же порахъ существованія *Москвитянина* вступилъ въ полемику со своими друзьями Н. И. Надеждинымъ, Ѳ. Л. Морошкинымъ и М. А. Максимовичемъ. „Гг. Надеждинъ, Максимовичъ, Морошкинъ“, писалъ онъ,—„мои товарищи, близкіе пріятели, но amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas“.

Въ 1840 году Н. И. Надеждинъ въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей произнесъ рѣчь *О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ Исторіи и Древностямъ Русскимъ*. Авторъ предлагаетъ обозрѣніе, оглавленіе происшествій Исторій Всемірной, и потомъ Русской, коихъ сценою былъ Новороссійскій край, „въ чертахъ рѣзкихъ“, замѣчаетъ Погодинъ,—„яркихъ, кистію опытною и широкою, и доставляетъ много пищи для размышленія“. Но когда Надеждинъ, въ своей рѣчи, обратился къ Русской Исторіи и высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, не согласное съ мнѣніемъ Погодина, то послѣдній выступилъ противъ него въ *Москвитянинѣ* и напечаталъ рецензію, въ которой, между прочимъ, по поводу замѣчанія Надеждина, что Россы, упоминаемые патріархомъ Фотіемъ, были давно извѣстны Грекамъ, Погодинъ написалъ: „Объ этомъ вскорѣ я буду говорить особо въ своихъ изслѣдованіяхъ, ибо пора уже наконецъ прекратить это *толченіе воды*, которое нѣсколько разъ у насъ прерывалось и нѣсколько разъ возобновляется“ [87]). Какъ это выраженіе, такъ и вообще вся рецензія очень не понравились Надеждину. Еще Мурзакевичъ писалъ Погодину: „Едва ли вы теперь дождетесь чего-либо письменнаго отъ Надеждина.

Вашу рецензію на его рѣчь нѣкто передалъ въ превратномъ видѣ, а вы знаете: писатели—irritabile genus". Да и Максимовичъ писалъ Погодину: „къ Надеждину ты слишкомъ, какъ говорилъ В. М. Котельницкій, *въѣдчивъ*". И дѣйствительно, вскорѣ между Надеждинымъ и Погодинымъ завязалась по этому поводу переписка, которая чуть не кончилась разрывомъ. „Вотъ тебѣ, Михулька", писалъ Надеждинъ,—„подарокъ къ новому году: оттискъ моей статьи, напечатанной въ *Wiener Jahrbücher*. Прочти со вниманіемъ, а не такъ, какъ *Рѣчь,* которая показалась тебѣ *толченьемъ воды,* оттого—что ты самъ вѣчно толчешься, какъ угорѣлый. Прочти и скажи свое мнѣніе, пожалуй хоть печатно въ своемъ *Москвитянинѣ* или *Москотильникѣ* - какъ бишь онъ называется—твой журналъ, который ты такъ добродушно провозглашаешь „отличнымъ"! Только, пожалуйста, ради собственной твоей чести — чтобъ это было сказано прилично, безъ тѣхъ варяго-россійскихъ остротъ, которыми „сей отличный журналъ", къ сожалѣнію, столь же охотно и столь же роскошно украшается, какъ и типографскими опечатками! Буде, по прочтеніи, захочешь, то я пожалуй—скрѣпя сердце, единственно въ надеждѣ твоего исправленія—пришлю тебѣ русскій оригиналъ для напечатанія въ „отличномъ журналѣ". Смотри только, чтобъ статья не была слишкомъ тяжела для твоего любезнаго дѣтища и не опрокинула бы его „вверхъ-тормашки", или „тормашкой" (до объясненія, котораго мы ждемъ отъ Константина *), я не знаю, какъ должно правильно говорить эту варяго-россійскую рѣчь, ибо—прости моей откровенности—твой „отличный журналъ" хотя и не претендуетъ, повидимому, на легкость, но въ сущности похожъ на тѣ огромные кули съ угольями, которые Молдаване возятъ къ намъ въ Одессу изъ Бессарабіи: кажется грузно, а вѣсу очень немного! Вижу, вижу ужь отсюда, какъ губы твои надуваются, носъ начинаетъ сопѣть, и всѣ прочіе признаки бури, готовой разразиться изъ твоихъ устъ надъ моею головою: *Все тотъ же тонъ, тожъ кощун-*

*) Аксакова.

ство, какъ и въ Москвѣ! Да, мой любезнѣйшій сиволапчикъ! Это наказаніе, которое ты заслужилъ. Я въ Москвѣ говорилъ съ тобой твоимъ варяго-россійскимъ тономъ и языкомъ: *толокъ воду*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова! Тебѣ это было непріятно? А? Утрись—все пройдетъ. Брызги отъ воды все же лучше, чѣмъ тѣ, которыя летятъ отъ тебя во всѣ стороны, когда ты, какъ...—Но довольно! Я съ своей стороны готовъ прекратить дурачество: поумнѣй же и ты! Кончимъ *варяго-россійствовать*! Начнемъ говорить какъ люди, какъ просто русскіе, какъ старые пріятели и товарищи — не послужбѣ—а по любви къ истинѣ, по ревности къ наукѣ!

Новую бесѣду съ тобой я начну теперь—не погнѣвайся—*словомъ обличительнымъ*, и въ этомъ словѣ буду говорить: вопервыхъ—о тебѣ самомъ; вовторыхъ — о твоемъ журналѣ. Вопервыхъ. Здѣсь я начну благодарностью тебѣ за сообщеніе извѣстія объ учредительной буллѣ епископства Пражскаго. Впрочемъ, эту благодарность заслуживаетъ только твое усердіе. Булла эта давно уже извѣстна, и важное для насъ мѣсто, которое ты изъ ней выписалъ, терто и вытерто учеными. Еще въ осьмидесятыхъ годахъ толковáли объ немъ извѣстный Добнеръ и Шмидтъ (Лужицкій протестантскій пасторъ). Католики, которымъ смерть не хочется допустить первенство Греко-Словенскаго обряда въ Богеміи передъ Латинскимъ, усиливались всегда заподозрить подлинность всей буллы, которая въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не находится, кромѣ Козьмы Пражскаго: въ этомъ грѣшенъ даже и нашъ почтенный Ганка, который въ своей *Slawin* напечаталъ длинную филиппику противъ брошюрки Шмидта, написанной въ антилатинскомъ духѣ и за то давно уже переведенной на Сербскій языкъ нашими Венгерскими единовѣрцами. Я съ своей стороны вѣрю въ подлинность буллы, ибо имѣю достаточно другихъ доказательствъ о существованіи Русской Церкви до Владиміра—да! любезный другъ! — *Русской Церкви до Владиміра!* — Но теперь не въ томъ дѣло. Я намѣренъ говорить съ тобой собственно о тебѣ. Пишешь ты, что извѣстился *случайно* объ этой буллѣ. Хорошъ же

ты, братъ! Профессоръ Русской Исторіи, занимающійся своимъ предметомъ уже лѣтъ двадцать—ты только теперь, и то случайно, получилъ свѣдѣніе о столь важномъ для насъ документѣ, который написанъ у извѣстнаго лѣтописца, о которомъ давно уже было столько толковъ и споровъ! Видишь ли, по крайней мѣрѣ, хоть теперь, что я не былъ вовсе не правъ, называя тебя Никитою-Пустосвятомъ, не въ смыслѣ невѣжества, но въ смыслѣ упрямства, которое не утолчешь въ ступѣ семью пестами. А отчего это упрямство? Хочешь ли, я тебѣ растолкую! Вѣдь, братъ, я говорилъ тебѣ въ глаза и говорю за глаза, что ты *мужикъ съръ, а умъ-то у тебя не кто съълъ!* Но вотъ въ чемъ весь корень зла—въ лѣности—въ проклятой лѣности, которая, по весьма справедливой пословицѣ, конечно *родилась прежде насъ съ тобой*, и, къ сожалѣнію, видно не умретъ съ нами! Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ обработалъ для насъ первыя главы нашей Исторіи, никому—въ томъ числѣ и тебѣ—не хочется приняться не только его провѣрить, но даже выступить изъ того заколдованнаго круга, который онъ очертилъ вокругъ себя. Шлецеру—человѣку нѣмецкому—конечно простительно было, что онъ, какъ клещь, впился въ Сѣверъ и ничего рѣшительно не хотѣлъ знать объ Югѣ. Но простительно ли это намъ? Простительно ли это тебѣ? Какъ видно, ты еще не принимался за Чешскихъ лѣтописцевъ, ибо въ противномъ случаѣ, конечно, началъ бы съ Козьмы, и у него на первыхъ страницахъ нашелъ бы примѣчательную буллу. Ну, а развертывалъ ли ты лѣтописцевъ Венгерскихъ, которые, хотя и называются Венгерскими, а вѣдь были всѣ почти настоящіе Словене? А? Думаю, нѣтъ! Какъ же ты послѣ того смѣлъ увѣрять, что ты все уже рѣшилъ досконально? Скажешь: Шлецеръ объявилъ всѣхъ Чеховъ и Венгерцевъ дураками, сказочниками, не стоющими вниманія? Да не то же ли этотъ собака-нѣмецъ брехалъ и объ Скандинавскихъ сагахъ! А ты, однако, въ нихъ вѣруешь! Итакъ, будь по-крайней мѣрѣ консеквентенъ! Когда держаться во всемъ Шлецера, такъ ужь подъ столъ саги! Если же для нихъ дѣлаешь ис-

ключеніе, то удостой подобной чести и Чеховъ, и Венгерцевъ (разумѣя подъ послѣдними не только собственно Венгерскихъ, но и Иллирійскихъ дѣеписателей)!—Главное же займись своимъ дѣломъ, не какъ доселѣ занимался—не кидаясь изъ угла въ уголъ, не *рвя съ дубу,* какъ говорится — а чинно, благоговѣйно, прилежно, со страхомъ Божіимъ, какъ самъ же ты учишь другихъ въ своихъ лекціяхъ. Открывъ главный корень всѣхъ твоихъ недостатковъ въ *лѣности,* я считаю это открытіе столько же важнымъ, какъ и открытіе Руссовъ на Югѣ до Рюрика. Говорю это не шутя: ибо увѣренъ, что если ты исправишься, то можешь сдѣлать много, очень много для Русской Исторіи, обогатишь и можетъ быть гораздо важнѣйшими открытіями: Dixi! Honny soit qui mal y pense! Вовторыхъ. Твой журналъ... Но эта матерія слишкомъ пространная. Теперь нѣтъ ни времени, ни мѣста пускаться въ сіе море великое... гдѣ животная малая со великими... Удовольствуюсь только повтореніемъ, что и тутъ корень всего—*лѣность.* На первый разъ займись хоть внимательнѣйшимъ просмотромъ корректуры, которая, по единогласному воплю всѣхъ твоихъ читателей отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго, представляетъ настоящій образецъ небрежности! Я увѣренъ, что ты примешь къ сердцу, но не съ сердцемъ, всѣ эти замѣчанія, внушенныя—скажу откровенно—истиннымъ желаніемъ добра тебѣ и наукѣ...

Ну, прощай пока... будь здоровѣе и умнѣе. Я же всегда остаюсь къ тебѣ тотъ же, цѣлую крестъ на старинѣ“ [88]).

Это нравоучительное письмо привело Погодина въ негодованіе. „*Толченье воды*“, отвѣчалъ онъ,—„задѣло видно тебя за живое, и ты до сихъ поръ не можешь утереться порядочно, какъ ни ухищряешься вылѣзть и показаться сухимъ, не замочившимся. Вотъ уже ты требуешь отъ меня Козьмы Пражскаго. Отвѣчаю не тебѣ, а Дмитрію Максимовичу *), для котораго больше, чѣмъ для меня, писалъ ты свое посланіе. Русская Исторія такъ обширна и такъ молода, что требо-

*) Княжевичу.

вать отъ ея профессора короткаго знакомства съ посторонними лѣтописателями—даже смѣшно. Онъ долженъ знать ихъ, поколику они имѣютъ отношеніе къ его предмету. Если онъ и прочелъ ихъ вполнѣ или отрывочно, то можетъ послѣ оставить въ покоѣ, принявъ себѣ только къ свѣдѣнію, гдѣ что сыскать можетъ въ случаѣ нужды. Со своими домашними документами онъ не можетъ еще справиться—и я скажу тебѣ не обинуясь, что я *Уложенія* не изучалъ еще основательно. Русская Исторія должна быть вся перестроена—и у меня есть еще множество промежутковъ до Романовыхъ. Слѣдовательно, мнѣ надо пополнять ихъ. Тогда профессоръ Русской Исторіи будетъ виноватъ, когда онъ издастъ что-нибудь о такомъ предметѣ, о которомъ есть свѣдѣніе въ Козмѣ, или Гельмольдѣ, или Адамѣ, не справившись съ этими лѣтописателями, а помнить на всякую минуту—что̀ у нихъ есть,—требованіе нелѣпое. Кого ты обморочить хочешь и съ какою цѣлію ты представилъ такое обвиненіе? Ты силенъ на общія мѣста. Да выходи на бой публичный. Что ты размахиваешься изъ-за угловъ и въ потемкахъ. Всякій годъ печатаю я по нѣскольку историческихъ разсужденій о самыхъ важныхъ предметахъ Русской Исторіи: о Несторѣ, Петрѣ, Борисѣ, Удѣльномъ періодѣ, Мѣстничествѣ и проч.... Разсмотри ихъ, укажи мнѣ *именно:* вотъ это пропущено, вотъ что не понято, вотъ что представлено не въ настоящемъ свѣтѣ, и я буду тебѣ очень благодаренъ, и выражу свою благодарность, какъ то ни будетъ больно для моего самолюбія. Точно также буду благодаренъ и тебѣ, и всякому другому, кто указалъ бы мнѣ на дурныя черты въ моемъ характерѣ, показалъ бы мнѣ и самыя дѣйствія. А ты говоришь только общими мѣстами, въ которыхъ былъ всегда силенъ, и на которыя отвѣчать нечего. Не смѣю я увѣрять, *что все рѣшилъ досконально*, какъ ты мнѣ приписываешь. Такъ могутъ увѣрять люди съ мѣднымъ лбомъ, а я говорю только, что тотъ *толчетъ воду,* кто берется болтать, какъ ты, *о происхожденіи Руси*, не открывъ ничего новаго и затемняя умышленно старое! Это обвиненіе

совершенно характеризуетъ тебя и высказываетъ твою недобросовѣстность. Точно такъ и слѣдующее показываетъ давнишнюю твою антикритическую замашку: *ты вѣруешь въ Шлецера и принимаешь саги — такъ будь же консеквентенъ, и не принимай ихъ.* Я уважаю въ тебѣ обширный умъ и сожалѣю о ледяномъ сердцѣ, для меня противномъ. Предъ Шлецеромъ благоговѣю, а слова его объ Руси 866 года считаю нелѣпыми и неконсеквентности не вижу. Прицѣпляться къ какому-нибудь слову, какъ ты прицѣпленъ, я не любилъ еще въ молодости и считалъ недостойнымъ не только автора, но и человѣка, кольми паче теперь. Вѣдь это очень легко. Напримѣръ, прочтя въ твоемъ письмѣ: *да, другъ мой, Христіанство до Владиміра,* я долженъ бы сказать въ твоемъ тонѣ: помилуй, что ты это говоришь. Ты стало быть не читалъ того-то и того-то, но даже ты не знаешь Нестора. А Константинъ Багрянородный написалъ вотъ что. И у Ламберта есть. Ахъ ты такой сякой и проч. Оставь, братъ, такой родъ переговоровъ твоимъ Петербургскимъ друзьямъ, а со мною говори иначе. Въ *толченіи воды* повинись и *крестъ поцѣлуй*... ты видишь, что я не претендую *рѣшать все досконально* о Руси, о пророкахъ, о церкви, о Пушкинѣ, о Гегелѣ и проч., а въ одной только Русской Исторіи иду и знаю дорогу отъ Рюрика до Ярослава твердо, отъ Ярослава до дома Романовыхъ съ нѣкоторыми пропусками, а новую поверхностно. Вотъ моя университетская исповѣдь и бросай въ меня камень! На обвиненіе *въ лѣности* я расхохотался. Заключаю: искреннимъ ты быть не хочешь или, что̀ для тебя оправдательнѣе, не можешь, что̀ мы видѣли *въ собственномъ твоемъ сердечномъ дѣлѣ*, не только въ какомъ чужомъ. Вмѣсто призываній имени Божія всуе, давай лучше писать одинъ другому *вы*. Будемъ встрѣчаться какъ старые знакомые и довольно".

Въ этомъ письмѣ Погодинъ не вполнѣ излилъ свой гнѣвъ на Надеждина. Въ *Дневникѣ* Погодина около того же времени находится гораздо болѣе рѣзкая замѣтка объ его одесскомъ пріятелѣ, которую приводимъ здѣсь, не вдаваясь, впро-

чемъ, въ объясненіе всѣхъ заключающихся въ ней намековъ: „Обѣдалъ у Аксаковыхъ, и толковали о Надеждинѣ, о которомъ услышалъ новость: онъ обманывалъ насъ всѣхъ, а меня въ особенности и мы дѣлались подлыми его орудіями".

Въ заключеніе своей рецензіи на *Рѣчь* Надеждина, Погодинъ задѣлъ за живое и Максимовича, сказавъ: „Я раздѣляю чаяніе Надеждина о *казакахъ, въ связи съ первыми Норманнами,* и имѣлъ случай распространяться о немъ на лекціяхъ двухъ послѣднихъ годовъ. Долгъ справедливости требуетъ однакожъ замѣтить, что эта мысль принадлежитъ первоначально г. Сенковскому" [89]). По поводу этихъ строкъ Максимовичъ писалъ Погодину: „Теперь-таки скажу, что если тебя заняло казачество, то ты зачѣмъ же, увлекаясь норманствомъ, приписываешь одному Сенковскому... Забылъ, что у васъ въ Москвѣ былъ прямой, истый, а теперь въ полномъ смыслѣ *вольный казакъ!* У меня и безъ Сенковскаго сказано было, что *Святославъ есть первообразъ головъ* казацкихъ... Взгляни на зародышъ этотъ—столь полюбившейся тебѣ мысли въ краткомъ очеркѣ *развитія казачества* (начиная съ 67, на 68, 70 стр.) въ моихъ *Украинскихъ Народныхъ Пѣсняхъ* (Москва. 1834); но прійми этотъ зародышъ въ оболочкѣ болѣе выработавшейся мысли моей о *развитіи* Южной Руси, какое начато на 47—50 страницахъ моей *Исторіи Русской Словесности.* Жаль, что не привелъ Богъ писать о второмъ періодѣ: тамъ о казачествѣ я высказалъ бы ясно мысль свою и подробно изложилъ бы письменно, о чемъ говорилъ на лекціяхъ, бросая зерна на почву каменистую" [90]).

XVIII.

Иныхъ мыслей о *происхожденіи Руси* держался и Ѳ. Л. Морошкинъ. Свое воззрѣніе объ этомъ предметѣ онъ выразилъ въ сочиненіи своемъ *О значеніи имени Руссовъ и Словенъ*, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1840 году. Приступая къ разбору этого

сочиненія, Погодинъ преподаетъ автору слѣдующее наставленіе: „Предъ г. Морошкинымъ“, пишетъ онъ,—„простирается прекрасное, широкое, плодоносное поле—новь, на которой онъ можетъ собрать богатую жатву для чести своего имени, для науки, для общественной пользы. Я говорю о полѣ Русскаго Права, на которомъ онъ показалъ уже себя достойнымъ дѣлателемъ въ разсужденіяхъ о *Владѣніи*, *Уложеніи*, объ услугахъ Московскаго Университета, въ прекрасномъ органическомъ преложеніи Рейцовой книги объ *Исторіи Русскаго Законодательства* (обруганной нашими критиками, вмѣстѣ съ прекраснымъ переводомъ г. Платонова о древнѣйшемъ правѣ Руси). Вся наша древняя Исторія по преимуществу есть юридическая. Мало ли здѣсь ему дѣла? Тѣмъ болѣе, что знатоки Германскаго, Римскаго, Кельтическаго и всѣхъ Американскихъ правъ не удостоиваютъ до сихъ поръ своимъ вниманіемъ Отечественной Исторіи. Зачѣмъ, зачѣмъ съ этого прекраснаго поля бѣжитъ онъ въ лѣсъ?“ Высказавъ это, Погодинъ продолжаетъ: „Я сказалъ *въ лѣсъ*, и это безъ фигуры, ибо г. Морошкинъ въ концѣ своихъ изслѣдованій нашелъ, что Русь, Славонія, Турція, Германія, Гилея, Архія, Аорсія, Боисція, Рузія, Сѣча, Гелонъ, Кіевъ, Немогарда, Таврія, всѣ сіи имена, столь разнородныя и разнозвучныя, значатъ лѣсъ,—а Лукари, Лутичи, Урмане, Саки, Роксолане, Грутунги, Будины, Гелоны, Агатирсы, Аорсы, Агазирцы, Хозары, Анты, Россіяне значатъ жителей лѣсовъ!!! Вся Европа—лѣсъ, съ немногими залѣсьями и заволочьями, а мы всѣ фавны, сатиры, гамадріады мужескаго рода, чтобы не сказать лѣшіе“.

Въ своемъ предисловіи Морошкинъ жалуется на то, что „не опровергаютъ его ученымъ образомъ“. Но Погодинъ спрашиваетъ: „Съ какою же цѣлію предпринять этотъ неблагодарный трудъ?“ При этомъ онъ беретъ одно изъ заключеній Морошкина и замѣчаетъ: „Словене, Русскіе Турки—значатъ одно и то же. *Я турокъ, ибо я русскій; я русскій, ибо я словенинъ.* А говорите ли вы по турецки? Нѣтъ, не говорю. Такъ вы не турокъ. Кончено ли дѣло? Не Турки, и также не Нѣмцы. Если ваши изслѣдованія“, продолжаетъ

Погодинъ, — „приводятъ къ такому заключенію, очевидно и осязательно невѣрному, оно, выражусь какъ можно учтивѣе, невѣроятно, и не заслуживаетъ подстрочнаго опроверженія, хотя и занимаетъ можетъ быть нужную, необходимую степень въ развитіи науки, хотя обилуетъ ученостію, занимательными сближеніями, представляетъ любопытную игру ума сильнаго".

Въ заключеніе своей рецензіи Погодинъ опять впадаетъ въ нравоученіе и на этотъ разъ преподаетъ оное *молодымъ изслѣдователямъ исторіи.* „Гг. Морошкинъ и Каченовскій олицетворяютъ для меня двѣ крайности исторіи: историческое суевѣріе и невѣріе, и служатъ для меня *маяками* не современнаго просвѣщенія (такъ называется особый Петербургскій журналъ), но историческихъ пропастей, критической Сциллы и Харибды, кои пожрали уже многихъ добрыхъ ревнителей науки. Съ этой стороны они приносятъ большую пользу. Молодые изслѣдователи исторіи! Смотрите на гг. Каченовскаго и Морошкина,—не вѣрьте всему, какъ г. Морошкинъ, не сомнѣвайтесь во всемъ, какъ г. Каченовскій, не спускайте глазъ съ маяковъ, держитесь въ *равномъ разстояніи* отъ того и другого, и будьте увѣрены, что вы идете по вѣрной стезѣ историческихъ изслѣдованій, прямо къ истинѣ. Но горе вамъ, если пошатнетесь въ которую-нибудь сторону, къ г. Морошкину или къ г. Каченовскому, вы непремѣнно попадете въ крайность, голова у васъ закружится, и вы не принесете никакой пользы наукѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ заявляетъ, что Морошкинъ, отдавъ неизбѣжную дань парадоксамъ въ жизни всякаго ученаго, возвращается изъ отъѣзжей пустоши, гдѣ напрасно искалъ владѣнія, на свое поле, и мы надѣемся въ слѣдующемъ нумерѣ украсить наши страницы его картиною древней Руси временъ царя Алексѣя Михайловича по Кошихину".

Въ этомъ предупрежденіи, обращенномъ къ читателямъ *Москвитянина*, выражался настоящій взглядъ Погодина на истинное призваніе Морошкина. Автора рѣчи *объ Уложеніи*

онъ считалъ преимущественно историкомъ-юристомъ. Любопытно, что также смотрѣли тогда на Морошкина и люди западнаго направленія. Вотъ что писалъ о немъ въ 1844 году Герценъ: „Перечиталъ рѣчь *объ Уложеніи* Морошкина. Изъ всего, что я читалъ, писаннаго Словенофилами, это, безъ сомнѣнія, и лучшее, и талантливѣйшее сочиненіе. Онъ глубоко понялъ Русскую юридическую жизнь. *Уложеніе* представляло возможность органическаго развитія, а не Петровскаго столпотворенія, помутившаго новыми началами старыя, старыми новыя...“ [91]).

Прочитавъ рецензію Погодина, добродушный Морошкинъ писалъ ему: „Мнѣ не нравится въ вашей статьѣ опроверженіе: говорятъ ли Турки по русски?—нѣтъ: слѣдовательно,.... Вы пренебрегли сдѣлать разборъ какъ надобно. *Маякъ суевѣрія*!! *бойтесь приставать... это направленіе не принесетъ пользы наукѣ, изъ пустоши отъѣзжей*. Это принимаютъ за двусмысленность. Впрочемъ много и чести. Вотъ вамъ мой совѣтъ: бойтесь выставлять о профессорѣ, что онъ занимается *не своимъ дѣломъ*. Это у насъ вредно очень. Мы, профессора, такъ много вредимъ другъ другу. Не правда ли?—Если вы дѣйствуете въ Исторіи Русской по убѣжденію, вы должны написать не такой разборъ моимъ историческимъ статьямъ. Плюньте на вашего Шлецера и возьмите у него славу, которая уготована вамъ. За рецензію о Кошихинѣ примусь сегодня. Напередъ скажу, что одушевленія нѣтъ: ибо я *Москвитянинъ*, а вашъ журналъ *Варяго-Русъ*“ [92]).

„Съ XVIII вѣка“, повѣствуетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—„рядомъ съ защитниками Скандинавскаго происхожденія Варяговъ стоятъ защитники происхожденія ихъ отъ Словенъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ великій Ломоносовъ, выводившій Варяговъ изъ Пруссіи, населеніе которой онъ считаетъ Словѣнскимъ“ [93]).

Однимъ изъ представителей этого Ломоносовскаго мнѣнія въ наши дни былъ М. А. Максимовичъ. Еще въ 1837 году, какъ мы уже знаемъ, онъ напечаталъ въ Кіевѣ книгу, посвя-

щенную памяти Ломоносова: *Откуда идетъ Русская Земля?* Противъ этой книги выступилъ, защитникъ Скандинавскаго происхожденія Варяговъ, правовѣрный шлецеріанецъ Погодинъ. Начавъ писать рецензію на эту книгу въ 1837 году, онъ напечаталъ ее только въ 1841. Рецензія эта написана Погодинымъ въ формѣ дружескаго письма къ автору, который въ свою очередь отвѣчалъ *антикритикой*, а на эту послѣднюю Погодинъ напечаталъ *отвѣтъ*, которымъ мирно и окончилось на время состязаніе. Въ *отвѣтѣ* своемъ Максимовичу Погодинъ заявляетъ: „Съ большимъ удовольствіемъ... я увидѣлъ, что ты не разсердился на меня за мое откровенное, безъ обиняковъ, мнѣніе о твоемъ сочиненіи. Я былъ увѣренъ въ томъ. Да и какъ могло быть иначе: кто преданъ наукѣ, кто любитъ истину. Морошкинъ также не посѣтовалъ на мою рецензію, которая написалась, какъ я теперь вижу, еще жестче, и прислалъ *Москвитянину,* даже въ отсутствіи редактора, свою статью. Я хотѣлъ основать въ своемъ журналѣ критику въ новомъ духѣ, то-есть, критику безпристрастную, и, сколько возможно, дѣльную, чуждую кощунства, хоть и умнаго, чуждую болтовни, даже и не умной, чуждую дерзости, которая происходитъ отъ невѣжества, чуждую пристрастія. Съ этою цѣлію, для примѣра, я избралъ темою сочиненія близкихъ мнѣ людей. Ну—теперь возвратимся къ нашимъ Варягамъ-Руси, которыхъ ты считаешь Словенами, а я Нѣмцами. Inde irae. Знаешь ли, что я ни у кого изъ нашихъ высшихъ критиковъ и ихъ подмастерьевъ не читалъ такого яснаго, хотя и софистическаго, разбора доказательствъ противъ Норманства, какъ у тебя.

Постараюсь состязаться съ тобою въ ясности, и распутать бережно силки, разставленные тобою, чтобъ поймать наше Норманство". Затѣмъ Погодинъ приступаетъ къ разсмотрѣнію *пяти* возраженій Максимовича: 1) Несторъ говоритъ: Новгородцы пошли къ Варягамъ-Руси, которые такъ называются Русью, какъ другіе Шведами, третьи Англичанами, четвертые Датчанами, пятые Готами, шестые Урмами (Норвежцами). Я

заключаю: Шведы, Англичане, Датчане, Норвежцы, Готы суть Норманны, слѣдовательно, и Русь—Норманны. А ты говоришь: нѣтъ, изъ словъ Нестора слѣдуетъ заключить только, что Русь была Варяги, а кто Варяги—все таки неизвѣстно. Это діалектическая уловка. Твое заключеніе неполно: Русь были Варяги, и прибавь вотъ что: *такіе* же Варяги, какъ Шведы, Датчане, Готы, Норвежцы. Такіе же—вотъ въ чемъ дѣло. Вотъ тебѣ и примѣръ: поѣхалъ я къ Нѣмцамъ—Саксонцамъ, которые называются такъ Саксонцами, какъ другіе Баварцами, третьи Австрійцами, четвертые Швабами, пятые Пруссаками. Неужели изъ такихъ словъ нельзя заключить объ единоплеменности Саксонцевъ съ Пруссаками, Баварцами и пр.? Еслибъ Несторъ не хотѣлъ указать на происхожденіе, на племя своихъ Варяговъ Руси, то къ чему бы прибавлять ему всѣхъ этихъ Шведовъ, Готовъ и Англичанъ? Согласись же, что ты просто откидываешь объясненіе Нестора и самовольно не употребляешь его въ дѣло.

2) Ліутпрандъ говоритъ: на сѣверъ отъ Константинополя живутъ Венгерцы, Печенѣги, Козары, Русы, *которыхъ мы называемъ Норманнами*. Я заключаю: Ліутпрандъ называлъ Руссовъ нашихъ Норманнами, а Норманнами назывались у него по преимуществу Шведы, Датчане, Норвежцы, слѣдовательно—Руссы составляли такое же племя, что̀ согласно и съ вышеприведенными словами Нестора.

Ты говоришь, что изъ словъ Ліутпранда видно только сѣверное ихъ происхожденіе.

3) Всѣ почти слова у нашихъ Словенъ, кои относятся до гражданскаго управленія, изъ коихъ я указалъ *только* на тіунъ, вервь, губа, вира, суть чисто Норманно-Нѣмецкія, слѣдовательно—заключаю, было время, когда какое-то Нѣмецкое племя господствовало надъ нашими Словенами, управляло по своему и ввело у нихъ въ употребленіе свои слова.

А ты говоришь, что Нѣмецкія слова попались прежде Балтійскимъ Словенамъ, усвоились ими, и *потомъ* принесены были къ нашимъ.

Отвѣчаю: твое предположеніе дальше, если можно такъ выразиться, сложнѣе, ибо заключаетъ два предположенія: 1) Балтійскіе Словене заняли слова; 2) Балтійскіе Словене принесли ихъ къ нашимъ. Но гдѣ же ты видѣлъ, чтобъ какое-нибудь племя Балтійскихъ Словенъ было подъ игомъ Нѣмецкимъ въ IX столѣтіи, или прежде, что необходимо надо тебѣ предположить еще (третье предположеніе), чтобъ понять занятіе ими Нѣмецкихъ словъ. Это противорѣчитъ всей Исторіи. Нѣмцы утвердились гораздо позднѣе. Развѣ примешь ты здѣсь древнѣйшее кочевье Готовъ! Не въ десять ли разъ простѣе мое, согласнѣе съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей: Скандинавскія-Нѣмецкія слова принесены Скандинаво-Нѣмецкимъ племенемъ, которое именно и приводится Несторомъ и называется такъ Ліутпрандомъ.

4) Дѣйствія нашихъ пришедшихъ Варяговъ-Руси суть частныя Норманскія, слѣдовательно они были Норманны, заключаю я, а ты говоришь, что также дѣйствовали и приморскіе Словене. Помилуй—могутъ ли любезные наши Словене стать на ряду съ Норманнами въ ихъ морскихъ набѣгахъ на всѣ берега Европейскихъ морей, именно въ то время. Словене могли слѣдовать за ними, но не предводительствовать. Всѣ описанія Нестора точь въ точь съ описаніями западныхъ лѣтописей о Норманнахъ.

5) Изъ пятаго твоего возраженія я беру слѣдующія слова въ усиленіе пятаго моего доказательства-вопроса: *приведенные тобою* (то-есть, мною) *имена не только Норманскія, но и Нѣмецкія; изъ нихъ видно, что Рюрикъ съ своимъ родомъ былъ изъ Варяговъ Нѣмецкихъ*“.

На этомъ Погодинъ прекращаетъ свои возраженія и говоритъ, обращаясь къ Максимовичу: „Довольно, довольно,—объ чемъ намъ спорить? Все прочее я уступаю тебѣ, позволяю навербовать въ войско сколько угодно тебѣ Словенъ Балтійскихъ, Вильцевъ и Оботритовъ, Вагировъ и Руссовъ Морошкина изъ-подъ Франкфурта на Одерѣ, и буду съ нетерпѣніемъ ожидать твоихъ доказательствъ, почему *изъ этого*

еще не слѣдуетъ, чтобъ и Руссы, пришедшіе въ Новгородъ подъ знаменами Рюрика, а потомъ перешедшіе въ Кіевъ, подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, были также Нѣмецкаго племени, и проч. Скажу тебѣ впередъ, что я не понимаю, для чего тебѣ нужно такое раздѣленіе, и что изъ него можно вывести для Исторіи. Во всякомъ случаѣ я радъ говорить съ тобою, чтобъ мимоходомъ образумить нашихъ незванныхъ рецензентовъ, которые пищатъ изрѣдка по журналамъ о Русской Исторіи. Было время, что и мнѣ не хотѣлось никакъ признать Рюрика иноплеменникомъ, норманномъ, да надо, мой другъ, уступить ученой необходимости. Основа нашего народа есть Словенская, но многіе народы Европейскіе подливали намъ своей крови; можетъ быть—даже всѣ, если вспомнить, что земля наша была перепутьемъ для всѣхъ обитателей Европы. Можетъ быть, это обстоятельство есть одно изъ причинъ нашего преимущества, тѣлеснаго, нравственнаго, умственнаго. Впрочемъ я захожу теперь въ твою область, область естествоиспытанія, и останавливаюсь, прося тебя написать намъ разсужденіе о смѣшеніи породъ въ царствѣ животномъ и прививкахъ въ царствѣ растеній. Позволь мнѣ въ заключеніе напомнить о старой баснѣ, которая печатается въ нашихъ азбукахъ: Одинъ отецъ, умирая, позвалъ къ себѣ сыновъ и велѣлъ подать нѣсколько прутьевъ, сложилъ ихъ вмѣстѣ и велѣлъ сыновьямъ переломить пучекъ: никто не былъ въ силахъ. Онъ развязалъ пучекъ и отдалъ имъ прутья порознь: всѣ легохонько переломали. Можетъ быть, въ сотнѣ доказательствъ о Скандинавствѣ Варяговъ-Руси нѣкоторыя слабы, и могутъ быть уничтожены (впрочемъ до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного уничтоженнаго),—но *всѣ вмѣстѣ*,—(и такъ должно смотрѣть на нихъ),—но всѣ вмѣстѣ они составляютъ такую каменную цѣпь, которой никакимъ наскокомъ и натискомъ прорвать едва ли кому удастся, въ чемъ увѣряя, равно какъ и въ моемъ искреннемъ уваженіи къ твоему добросовѣстному труду, остаюсь и проч.“ [94]).

Прочитавъ полемику Погодина съ друзьями, которую онъ

желалъ сдѣлать образцомъ степенной ученой критики, И. Е. Бецкій писалъ рецензенту: „Разборы Историческіе читалъ. Только въ *пріятели* подъ часъ къ вамъ не попадайся, особенно по части Русской Исторіи! Откуда это остроуміе взялось у *Москвитянина*? Это не наслѣдство отъ *Московскаго Вѣстника*".

Въ то время, когда Погодинъ, съ одной стороны, велъ переговоры съ Уваровымъ о своемъ директорствѣ въ его Канцеляріи и о занятіи въ Археографической Коммиссіи какого-то первенствующаго положенія; а, съ другой стороны—состязался о происхожденіи Руси съ Надеждинымъ, Морошкинымъ и Максимовичемъ, въ это самое время Археографическая Коммиссія издала третій томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, заключающій въ себѣ Новгородскія Лѣтописи. Этимъ *третьимъ* томомъ Археографическая Коммиссія начала изданіе этого рода источниковъ. Главнымъ редакторомъ этого изданія былъ представитель, враждебной Погодину, Скептической школы, горячій поклонникъ Каченовскаго, Я. И. Бередниковъ. Еще до выхода въ свѣтъ третьяго тома *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* Я. И. Бередниковъ забилъ тревогу по поводу могущихъ быть нападковъ на него со стороны современной журналистики. Особенное вниманіе Главнаго Редактора устремлено было на *Москвитянинъ*. Отъ 18 апрѣля 1841 года онъ писалъ П. М. Строеву: „Читалъ *Москвитянинъ* и сердцемъ сокрушался. Угадываю пресловутаго антикварія профессора, которому не нравится издатель Русскихъ Лѣтописей. Будь издатель ихъ *прихода*, дѣло пошло бы иначе: А. А. Орлова съ братіею—выдали бы за Монфокона. Я тружусь изъ всѣхъ силъ, а гроза виситъ надъ головой... Знаю, что эти цѣнители нынче *очень сильны*. Я однакожъ въ свое время, попрошу начальство отобрать мнѣніе объ изданіи Лѣтописей отъ такихъ судей, которые въ этомъ дѣлѣ посмышленнѣе г. г. Погодина и Шевырева... Жди бѣды со всѣхъ сторонъ, какъ выйдетъ третій томъ Русскихъ Лѣтописей". Въ другомъ своемъ письмѣ, посланномъ 18 іюня, то-есть, послѣ того, какъ вышелъ

въ свѣтъ третій томъ Лѣтописей, Бередниковъ писалъ Строеву: „Московскіе злые языки, изъ которыхъ на одного вы мнѣ намекнули, конечно изощрятъ свое жало и постараются, при семъ удобномъ случаѣ, зачернить и уничтожить мой трудъ. Я имѣю на это доказательство и знаю, кто мои доброжелатели: голосъ ихъ *нынче силенъ*, сѣти раскинуты далеко. Защитите отъ нихъ въ случаѣ нужды: если вашего мнѣнія не уважатъ, то кому же повѣрятъ?.. Не откажите признать, что тутъ труда много и нѣсколько умѣнья, то-есть, поболѣе, чѣмъ у Полеваго и Погодина съ братіею“ [95]).

Бередниковъ не ошибся. Погодинъ, по его выраженію, „изощрялъ свое жало“ и написалъ злую критику на третій томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*. Получивъ отъ Уварова этотъ томъ еще до выхода его въ свѣтъ, Погодинъ „началъ его перечитывать для окончанія изслѣдованія о Новгородскомъ княжествѣ“ [96]). Но не съ одною мирною цѣлію перечитывалъ онъ этотъ трудъ Бередникова. Въ то же время онъ написалъ на него критику, которую намѣревался напечатать въ своемъ *Москвитянинѣ*. Прежде всего Погодинъ напалъ на сдѣланное раздѣленіе и заглавіе Новгородскихъ Лѣтописей. „Г. Бередниковъ“, писалъ онъ, — „называетъ главную Новгородскую Лѣтопись, обнимающую, по Синодальному Харатейному списку, пространство времени отъ первыхъ лѣтъ до 1356 года *Первою Новгородскою Лѣтописью*. Но развѣ это одно сочиненіе? Развѣ это—одна лѣтопись? Развѣ одинъ авторъ началъ описывать происшествія съ такого-то года и довелъ ихъ до 1356 года? Нѣтъ, ничего этого не бывало!.. Какимъ же образомъ трудамъ многихъ лицъ дать одно названіе?.. Самъ Барковъ не впалъ въ ошибку такого рода и назвалъ свое изданіе Лѣтописью Несторовой съ *продолжателями* по Кенигсбергскому списку... Бѣда, если г. Бередниковъ распорядится такъ, раздѣляя на категоріи прочія наши Лѣтописи“. Затѣмъ Погодинъ нападаетъ на предисловіе Бередникова, которое онъ находитъ „неопредѣленнымъ, неточнымъ и отзывающимся общими мѣстами“. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Погодинъ замѣчаетъ: „Изданіе Новгородскихъ Лѣтописей, если оно вѣрно, въ чемъ не имѣю права сомнѣваться, есть трудъ почтенный, важный, заслуживающій полную благодарность г. Бередникову отъ лица всѣхъ друзей Русской Исторіи; но его собственныя мысли, мнѣнія и разсужденія объ Исторіи и критикѣ—не выдерживаютъ никакой критики. Мы совѣтуемъ ему ограничиться впредь изданіемъ текстовъ, коими онъ окажетъ великую заслугу Русской Исторіи, бывъ вѣрнымъ чтецомъ и исправнымъ корректоромъ. А разсужденія обличаютъ только его полное невѣдѣніе объ элементарныхъ началахъ критики, филологіи и исторіи: рѣшительно это не его дѣло!" [97]). Но эта критика Погодина, написанная въ 1841 году, очевидно, не могла появиться въ печати въ свое время. Она увидѣла свѣтъ только въ 1857 году, когда ни Уварова, ни Бередникова не было уже въ живыхъ.

Въ то же время А. Ѳ. Бычковъ (1 февраля 1841 г.) сообщаетъ Погодину слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Передаю вамъ одно любопытное извѣстіе, высказанное мнѣ Сахаровымъ. Слѣды существованія Лѣтописи Троицкой, о которой вы говорили намъ на лекціяхъ, снова находятся. Она теперь у васъ въ Москвѣ въ рукахъ раскольника Рахманова, бывъ куплена на аукціонѣ у Лаптева однимъ изъ здѣшнихъ раскольниковъ, она потомъ была передана Рахманову!"

XIX.

Изучая удѣльный періодъ нашей Исторіи, а также и Мѣстничество, весьма естественно, Погодинъ живо интересовался родословіемъ древнихъ родовъ. „Въ настоящее время", писалъ ему А. Ѳ. Бычковъ,—„въ Петербургѣ Отечественная Исторія по преимуществу обращаетъ на себя ученое вниманіе. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Правительству, которое для этого не щадитъ издержекъ. Графъ В. А. Соллогубъ печатаетъ сборникъ историческихъ матеріаловъ, куда

взойдутъ многія любопытныя вещи; князь Щербатовъ приготовилъ родословную книгу своего дома. Особенно отрадна дѣятельность нашихъ Вельможъ на этомъ поприщѣ. Пусть труды князя П. В. Долгорукаго, не изъятые впрочемъ отъ недостатковъ, даже и очень важныхъ, вызовутъ къ труду ученому и прочихъ представителей княжескихъ родовъ, тогда отъ нихъ мы бы получили по возможности полныя фамильныя исторіи".

Еще въ 1840 году извѣстный родословъ князь П. В. Долгоруковъ издалъ въ свѣтъ свое *Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ*. Посылая экземпляръ своего сочиненія Погодину, князь Долгоруковъ писалъ ему: „Позвольте мнѣ предложить вамъ экземпляръ изданной мною книги, *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ и Россійскаго Родословнаго Сборника*. Примите ихъ въ знакъ уваженія, внушеннаго мнѣ къ вамъ историческими трудами вашими и вмѣстѣ личнымъ съ вами знакомствомъ въ теченіе прошлой зимы, знакомствомъ, оставившемъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія" [98]).

Познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Кончилъ Долгорукаго, изъ котораго радъ случаю сдѣлать выписки; но боюсь похвалить слишкомъ" [99]). Не смотря на это опасеніе, онъ написалъ объ этой книгѣ весьма сочувственную рецензію и къ ней предпослалъ слѣдующее введеніе: „Со времени покойнаго или лучше безпокойнаго подъ старость *Вѣстника Европы* рецензенты наши старались выказывать свою ученость и остроуміе надъ недостатками, или даже маловажными ошибками разбираемыхъ сочиненій. Періодъ младенчества критики! Нѣтъ ничего легче, какъ находить подобныя мелочи, подбирать случайные обмолвки и описки, и опечатки,—и всякій молодой студентъ нынче могъ бы сыграть очень удачно роль лихого рецензента, въ родѣ знаменитаго переводчика *Терезы* и *Фальдони*. Гораздо труднѣе и вмѣстѣ гораздо полезнѣе для литературы, тѣмъ болѣе литературы молодой, какъ Русская, представлять хорошія стороны сочиненій и выставлять заслуги или ободрять сочинителей, особенно только выступающихъ на поприще, и воз-

буждать ревность новыхъ подвижниковъ на пользу науки. Мы становимся на эту точку критики и приступаемъ къ разбору примѣчательнѣйшихъ произведеній Русской Исторической Литературы послѣдняго времени“.

Приступая затѣмъ къ самому сочиненію, Погодинъ замѣчаетъ: „*Сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ* есть явленіе совершенно новое, которому подобныхъ по многимъ отношеніямъ у насъ не было“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздаетъ честь, славу и благодарность князю П. В. Долгорукову и „за прекрасный примѣръ, который онъ подаетъ всѣмъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ. Если онъ“, замѣчаетъ Погодинъ,— „найдетъ подражателей, то Средняя наша Исторія освѣтится гораздо болѣе, а Новая получитъ богатые матеріалы для потомства“. Пользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ указываетъ на почтеннаго „ревнителя Русской Исторіи“ князя М. А. Оболенскаго, который „занявъ теперь мѣсто Миллера, Стриттера, Бантышъ-Каменскаго и Малиновскаго, давно уже собираетъ матеріалы для подобной книги о родѣ князей Оболенскихъ“.

Желая быть безпристрастнымъ, Погодинъ указываетъ и недостатки, которые онъ примѣтилъ въ сочиненіи князя Долгорукова. „Но главное мое обвиненіе“, пишетъ рецензентъ,— „обвиненіе капитальное, въ которомъ я ни уступлю ни одной іоты автору, относится къ его имени. Онъ пишетъ и хочетъ, чтобы всѣ писали Долгоруковъ, а не Долгорукій. Ни за что! Ни за что! Это историческое святотатство... Ни въ одномъ старинномъ актѣ не читалъ я этой странной формы Долгоруковъ, какъ и Наговъ и Толстовъ“.

Обращаясь ко всѣмъ князьямъ Долгоруковымъ, Погодинъ проситъ ихъ убѣдительно „не измѣнять своей исторической фамиліи—не послушаться въ этомъ случаѣ своего почтеннаго Исторіографа“, а писать не Долгорук*овъ*, а Долгорук*ій*.

Въ той же рецензіи Погодинъ обращаетъ вниманіе и на слѣдующее: „Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала графа Шереметева, знаменитой своими необыкновенными несчастіями, теряютъ почти всю свою цѣну

отъ исправленій, кои были въ духѣ прошедшаго столѣтія, но теперь непозволительны. Надо просить владѣтелей драгоцѣнной рукописи, чтобы они издали ее въ первоначальномъ ея видѣ" [100]).

По поводу требованія Погодина писать Долгору*кій*, а не Долгору*ковъ*, Арцыбашевъ писалъ ему: „Вы хотите, чтобы князья писались Долгору*кими*, а не Долгору*ковыми*, и весьма справедливо, но (usus tyranus) они давно уже измѣнили свое первобытное прозвище и именуются послѣднимъ; въ доказательство приведу рескриптъ, данный мнѣ—на золотую милиціонную медаль—княземъ Юріемъ Владиміровичемъ; онъ тутъ подписался: князь Юрій Долгоруковъ; при уничтоженіи Мѣстничества приговоръ подписанъ также Долгору*ковыми*, а не Долгору*кими*; слѣдовательно, дѣлать теперь нечего, какъ соображаться съ принятымъ или новымъ прозвищемъ; иначе введетъ въ сомнѣніе: не два ли эти разные рода. Въ первомъ томѣ *Собраніе Грамотъ и Договоровъ* найдете вы еще такія—напримѣръ, *Вельяминовъ*, вмѣсто *Веніаминовъ*,—употребляющіяся донынѣ и принявшія видъ правильности" [101]).

Въ 1840 году писатель школы Карамзинской Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Москвѣ *День въ Троицкой Лаврѣ*, *Вечеръ въ Симоновѣ монастырѣ*, *Утро въ Новоспасскомъ монастырѣ*. Эти сочиненія почтеннаго автора подверглись глумленію *Отечественныхъ Записокъ*. „Учитель его", читаемъ тамъ, – „Карамзинъ, что очень хорошо. Предметъ его похвалы—время прошлое, и это очень хорошо. Цѣль его нападокъ—время нынѣшнее, что не совсѣмъ хорошо. Какая-то сладенькая, иногда приторная чувствительность, вздохъ при взглядѣ на камелекъ, еще при видѣ упавшаго листка, грусть при полетѣ жучка,—и вотъ характеристика сердечныхъ движеній почтеннаго автора... Но дѣло не въ образѣ мыслей и не въ качествѣ ощущеній г. Иванчина-Писарева: дѣло въ томъ, что въ трехъ книжкахъ его очень много любопытныхъ историческихъ извѣстій, замѣчаній и приложеній. Его примѣчанія право любопытнѣе главнаго текста" [102]). Но

8

иначе отнесся Погодинъ къ этому писателю: „Г. Иванчинъ-Писаревъ посвящаетъ перо свое прославленію предковъ, къ возбужденію въ современникахъ чувствъ благочестія, любви къ Отечеству, престолу, добродѣтели. Труды его достойны общей признательности. Самая *риторика*, къ которой онъ часто прибѣгаетъ, имѣетъ для меня въ этомъ смыслѣ свою цѣну. Простота, великое достоинство литературное, была бы здѣсь не у мѣста".

Особенное вниманіе Погодина обратило замѣчаніе Иванчина-Писарева о благочестіи Русскомъ: „Вся дорога", пишетъ онъ,— „усѣяна вереницами богомольцевъ. Я спрашивалъ: Откуда?— Изъ Епифани, Ельца, Тамбова *къ Троицѣ Сергія — къ Сергію Радонежскому*. — О Русь, Святая Русь! ты, не смотря на мудрованія вѣка, не перестаешь тѣснить пути, стремясь къ великому слугѣ Божіему, къ твоему вѣковому предстателю. Скажу изъ глубины сердца: нѣтъ, на Троицкомъ пути я встрѣчалъ прямое вѣрованіе, прямую теплоту, прямое сокрушеніе простыхъ сердецъ, еще не изсякшія въ нашемъ Отечествѣ". Это примѣчаніе вызвало у Погодина воспоминаніе о своемъ путешествіи къ Троицѣ. „Никогда не забуду я", пишетъ онъ,— „какъ однажды, пріѣхавъ къ Троицѣ, остановился я у церкви, гдѣ почиваетъ св. Сергій, и дожидался, чтобъ отворили церковь, вдругъ спѣшитъ крестьянская старуха, опираясь на костыль, въ сопровожденіи четырехъ или пяти женщинъ. Дверь заперта. Подходитъ монахъ. Батюшка, обращается она къ нему, скоро ли заблаговѣстятъ къ вечернѣ? „Черезъ часъ". Отецъ родной, нельзя ли теперь? „Нѣтъ, нельзя, подожди". Монахъ прошелъ. Старуха была въ ужасномъ волненіи, и, казалось, не знала что дѣлать. „Почему же ты не хочешь подождать?" сказалъ я. Кормилецъ! мочи нѣтъ, я не ѣла другой день, а хочется приложиться на тощакъ; не вынесу— и голодъ моритъ, да и силы нѣтъ: весь день мы почти бѣжали, чтобы поспѣть хоть къ вечернѣ. Кормилецъ, вотъ у меня есть двугривенный—нельзя ли дать ему, чтобъ онъ только отперъ мнѣ дверь теперь. Пусть улыбнутся наши умники;

но и теперь, безъ умиленія, я не могу вспомнить объ этой рѣчи, объ этомъ двугривенномъ, который вѣрно стоитъ Евангельской лепты и дороже иного милліона. Вотъ какимъ духомъ, подумалъ я тогда, вотъ какими молитвами, желаніями, Евангельскихъ избранныхъ ради, а не нашими философіями, изысканіями и открытіями, держится наша Святая Русь, и врата адова не одолѣютъ ю!"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ находитъ, что многія свѣдѣнія „надо повторять безпрестанно отъ поколѣнія къ поколѣнію, чтобы они всегда были свѣжи въ народной памяти, напримѣръ: Доска съ гроба св. Сергія находилась при Петрѣ I во время Полтавскаго сраженія. Петръ, взявъ Азовъ, велѣлъ укрѣпить тамъ двѣ башни и назвать одну Сергіевской, а другую Никоновской. Царевны вышивали пелены или другія вещи для церквей, стоя и поя псалмы и пѣсни духовныя. Не только великіе князья, но и большая часть вельможъ у насъ оканчивали дѣятельную жизнь свою въ стѣнахъ монастыря" [103]).

Прочитавъ въ *Москвитянинѣ* рецензію на свои книжки, Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Что могу болѣе сказать о своей къ вамъ благодарности за упоминаніе столь внимательное и столь для меня лестное о моихъ бездѣлкахъ, какъ то, что до глубины сердца былъ тронутъ? Меня болѣе бранивали, чѣмъ хвалили, въ журналахъ. - Друзья утѣшали меня,—говоря: „это обычай Русскихъ журналистовъ: брань оживляетъ журналъ". Я плохо понималъ этотъ образъ заманивать и образовывать вкусъ поколѣнія, но долженъ былъ покориться, не отвѣчая, разумѣется, никогда; ибо не однѣми формами письмянъ, но и этою чертою я Карамзинистъ. Я въ шутку назвалъ рецензіей полстраничку Сенковскаго, въ которой два раза названъ *благонамѣреннымъ*: это брань на языкѣ Сенковскаго. Я рисковалъ еще тащиться по обветшалымъ слѣдамъ Карамзина,—и вы весьма счастливо замѣтили, что я писалъ не для ученыхъ, не для археологовъ. За то мнѣ плетется вѣнокъ отъ нашихъ дамъ! Съ какимъ восторгомъ, нѣсколько и для меня смѣшнымъ, читаютъ онѣ *мнѣ* мои распѣвы, и бо-

жатся за себя и своихъ дочекъ, что никогда не рѣшатся читать одни числа и годы, розыски и доводы. Но и вы не ушли отъ замѣчаній. *Московскія Вѣдомости* застали и васъ (въ истинно превосходной статьѣ *) по богатству идей, живости образовъ, силѣ выраженій, сжатости, которая сыплетъ искры) и васъ застали въ *птичьемъ полетѣ;* и вашъ дважды упомянутый *поларшина* выставленъ; и объ *васъ сказано, что* „очарованный авторъ статьи увлекся піитизмомъ своего видѣнія и забылъ о философіи, о вопросахъ *за* и *противъ* Петра, часто основательныхъ". Только послушай ихъ: они охотники ошибать крылья, хотя и сами птицы *разноперья*, осаживать восторгъ, охлаждать порывъ къ высокому, этотъ лучшій даръ Неба человѣку среди всѣхъ мерзостей земли. Порывы не по нутру позитивному вѣку; они слишкомъ благородятъ человѣка, — итакъ нужно выказать ихъ смѣшными. Я говорю здѣсь съ сочувственникомъ, съ русскимъ, съ благонамѣреннымъ русскимъ, не худо быть на стражѣ у поколѣнія и хранить его отъ заразъ всеохлаждающаго ученія".

Но въ другомъ своемъ письмѣ Иванчинъ-Писаревъ вступается за *риторику*, въ которой отчасти упрекалъ его и Погодинъ. „Въ рецензіи", пишетъ онъ, „столь для меня лестной, вы замѣчаете, что я исполненъ набожности и патріотизма. Итакъ, что такое набожность? — Чувство. Что такое патріотизмъ? — Чувство. Чѣмъ выражается чувство? — Риторикой. Отъ Псалмовъ, книги Бытія и Иліады до нашихъ брошюрокъ чувство не переставало выражаться риторикой. Еслибы я подчивалъ своихъ читателей извѣстіями, въ которомъ году такой-то архимандритъ устроилъ часы на колокольнѣ, а такой-то перепродалъ келліи такой-то обители и выстроилъ сарай для дровъ,—это дѣло другое" [104]).

Вмѣстѣ съ брошюрами Иванчина-Писарева Погодинъ обратилъ вниманіе на книжку князя Александра Козловскаго: *Взглядъ на Исторію Костромы* **). Приступая къ разбору этого

*) *О Петрѣ I.*

**) Москва. 1840.

сочиненія, Погодинъ весьма основательно замѣчаетъ: „Всякое примѣчательное мѣсто въ Россіи должно быть описано, сперва хоть какъ-нибудь, а потомъ лучше и лучше. Надо возбуждать въ народѣ охоту къ историческимъ знаніямъ: пусть всякій мѣщанинъ знаетъ что-нибудь о своей приходской церкви, о городскомъ соборѣ, о своемъ городѣ, когда онъ построенъ, что съ нимъ было, кто изъ жителей оставилъ по себѣ добрую память, какія есть въ немъ достопамятности. Любопытство не остановится на этомъ: узнавъ о своемъ городѣ, захотятъ они узнать и объ Москвѣ, потомъ и о всей Россіи, и о всемъ Божіемъ свѣтѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ преподаетъ поучительное наставленіе сочинителямъ городскихъ Исторій. „Они должны", пишетъ онъ, — „помѣщать какъ можно менѣе *общаго* въ свои *частныя* Исторіи, развѣ гдѣ общее сливается совершенно съ частнымъ, напримѣръ, пребываніе Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ... Общій историкъ долженъ заимствовать отъ частнаго, а не на оборотъ". По поводу упоминанія о преподобныхъ Іаковѣ Желѣзно-боровскомъ и Геннадіи Костромскомъ Погодинъ указываетъ на важное значеніе Житій Святыхъ, какъ историческій источникъ. „Житія Святыхъ", пишетъ онъ, — „есть такой драгоцѣнный источникъ Исторіи и Литературы, который доставитъ множество *воды живыя* для той и другой. Жаль, что никто у насъ не обращаетъ на него вниманія, жаль, что они не издаются какъ должно". При этомъ Погодинъ обращаетъ вниманіе и нашихъ литераторовъ, особенно „молодыхъ", на „Житія нашихъ святыхъ, древнія сказанія о монастыряхъ и церквахъ, молитвы и службы, какъ на источникъ поэзіи высокой, національной". „Они вообразить еще не могутъ", пишетъ онъ, — „что за сокровища тамъ найдутся. Пора, пора намъ выбраться изъ нѣмецкой теми и дичи и познакомиться съ этими заповѣдными лугами, дубровами и нивами, гдѣ красуются райскіе цвѣты и плоды, а не поддѣльные, тафтяные". Читая книжку князя Козловскаго объ исторіи Костромы, Погодинъ съ горестью увидѣлъ новыя доказательства, „съ какимъ варварствомъ продолжаетъ поступать невѣжество съ

священными памятниками нашей древности". Въ Юрьевѣ, въ 1821 году, были еще цѣлы нѣкоторыя древнія башни; на мѣстѣ, гдѣ явилась икона Θедоровскія Божіей Матери, основанъ монастырь Спасо-Запрудненскій; но въ 1840 году церковь эта была уже передѣлана по новѣйшей архитектурѣ „усердіемъ христолюбивыхъ городскихъ жителей... Избави насъ Богъ отъ этого невѣжественнаго усердія", пишетъ Погодинъ,— которое изглаживаетъ всѣ слѣды нашей старины не только въ селахъ, но и въ городахъ и столицахъ, измѣняя ихъ какою-то новѣйшею архитектурою". Церковь Θеодора Стратилата по многимъ догадкамъ была первою каменною церковью въ Костромѣ, но ее, къ сожалѣнію, передѣлали. Домъ, принадлежащій будто бы Матвѣеву, въ 1840 году предположено было перестроить для помѣщенія духовнаго училища. Въ келіяхъ Ипатіевскаго монастыря, гдѣ жилъ Михаилъ Θеодоровичъ, стѣны были расписаны изображеніемъ восшествія его на престолъ. Къ 1840 году келіи сіи выбѣлены.

Изъявляя благодарность князю Козловскому за его трудъ, Погодинъ выражаетъ желаніе, чтобы при второмъ изданіи онъ обратилъ вниманіе на Исторію промысловъ Костромичей, ихъ богатства и бѣдности; собралъ бы свѣдѣніе о гражданахъ примѣчательныхъ по добродѣтелямъ, по уму, по богатству, по подвигамъ, по какимъ-нибудь особенностямъ — кромѣ помянутыхъ, имѣвшихъ гражданское и политическое значеніе.

XX.

Съ давнихъ лѣтъ Смутное время составляло предметъ любимаго изученія Погодина. „Тридцати-лѣтній періодъ, отъ смерти Грознаго до вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ", пишетъ онъ,— „есть самый богатый происшествіями, характерами, случаями, явленіями, матеріалами и вопросами. Надолго еще будетъ здѣсь работы изслѣдователямъ, критикамъ, историкамъ. Для романистовъ, нувеллистовъ, драматиковъ источ-

никъ неизсякаемый. Въ послѣднее время найдено множество новыхъ источниковъ. Одно собраніе актовъ Археографической Экспедиціи представляетъ сокровища неоцѣненныя".

Понятно, что появленіе такой книги, какъ сочиненіе сенатора Д. П. Бутурлина: *Исторія Смутнаго времени въ началѣ XVII вѣка* *) возбудило въ Погодинѣ живѣйшій интересъ. Приступая къ разбору этого сочиненія, онъ говоритъ: „Г. Бутурлинъ принялъ на себя обязанность воспользоваться вновь сдѣланными открытіями и перенесть ихъ въ Исторію, которой непремѣнно нужно періодическія обновленія такого рода. Трудъ почтенный, заслуживающій полную благодарность публики, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождается новыми мыслями, новыми взглядами автора, которые доказываютъ его любовь къ предмету, стремленіе къ истинѣ, внимательное изученіе. Вы можете спорить съ его положеніями—тѣмъ лучше: въ этихъ спорахъ жизнь науки, которая подвигается ими впередъ,—но вы обязаны ему уваженіемъ, обязаны благодарностію, которая должна выражаться во всякой строкѣ вашей".

Обращаясь же къ общественному положенію автора, Погодинъ высказываетъ: „Наконецъ нельзя упустить здѣсь еще одного обстоятельства, важнаго особенно у насъ. Исторія Смутнаго періода принадлежитъ государственному сановнику, который удѣлилъ на обработываніе ученаго предмета время отъ трудовъ гражданскихъ. Много ли такихъ примѣровъ? Они на перечетъ еще! Тѣмъ болѣе должны мы уважать начинателей и привѣтствовать ихъ на своемъ поприщѣ съ рукоплесканіями, а не кликами порицанія. Такъ пришлось къ слову. Да, мы читали съ отвращеніемъ рецензію этой книги г. Полеваго..."

Отдавая справедливость достоинствамъ сочиненія Бутурлина, Погодинъ, однако, выражаетъ „совершенное несогласіе" съ мнѣніемъ Автора объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія. „Не Годуновъ виноватъ", пишетъ Погодинъ,— „въ погибели Царевича Димитрія! Ѳеодоръ жилъ еще семь лѣтъ

*) С.-Пб. 1839 и 1841. Часть первая—вторая.

по кончинѣ Св. Димитрія, могъ имѣть дѣтей, и имѣлъ ихъ, могъ потерять жену и жениться на другой, и проч.—Не слишкомъ ли рано было Годунову замышлять въ 1591 году свое злодѣяніе? Неужели Годуновъ, при великомъ умѣ своемъ, извѣстной осторожности и мнительности, не умѣлъ совершить своего злодѣянія тише, скрытнѣе, по крайней мѣрѣ не среди бѣлаго дня, не при свидѣтеляхъ? Какъ вздумалъ онъ послать на слѣдствіе Василья Шуйскаго, принадлежавшаго къ роду лютѣйшихъ враговъ его, и отдавать ему въ руки такія страшныя на себя улики; Шуйскаго, который даже не получилъ никакого награжденія за то ни въ Өеодорово, ни въ Борисово царствованіе! Впрочемъ, я писалъ объ этомъ подробное разсужденіе лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, которое *исподтишка* было переписано нѣкоторыми новыми изслѣдователями, и къ которому я теперь отсылаю моихъ читателей“.

Прочитавъ эту рецензію, Бутурлинъ замѣтилъ: „Г. Погодинъ не принадлежитъ къ числу такихъ порицателей, коимъ отвѣчать было бы противно достоинству благовоспитаннаго человѣка. Его критика, хотя по мнѣнію нашему несправедлива, но добросовѣстна, изложена въ приличныхъ выраженіяхъ, и указываетъ прямо на замѣченные имъ недостатки. Слѣдовательно, она заслуживаетъ тщательнаго разбора и отвѣта“, а потому Бутурлинъ написалъ *Замѣчанія на критику г. Погодина Исторіи Смутнаго Времени.*

Свои *Замѣчанія* Д. П. Бутурлинъ прочелъ князю П. А. Вяземскому, который писалъ Погодину: „Д. П. Бутурлинъ читалъ мнѣ возраженія на ваши замѣчанія о книгѣ его и говорилъ, что хочетъ напечатать ихъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ. Я выпросилъ статью его съ тѣмъ, чтобы передать ее вамъ для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, или по крайней мѣрѣ дать вамъ на выборъ видѣть ее напечатанною у васъ, или въ другомъ журналѣ. Если позволите мнѣ дать мой голосъ въ этомъ дѣлѣ, то скажу откровенно, что на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы я ее у себя“. Отвѣтъ Погодина на это письмо князь Вяземскій сообщилъ

Бутурлину. О содержаніи этого отвѣта мы узнаемъ изъ другого письма князя Вяземскаго Погодину: „Я сообщилъ письмо ваше Д. П. Бутурлину“, пишетъ онъ,—„онъ оставляетъ совершенно на вашъ произволъ печатать отвѣтъ особо, или въ видѣ возраженія подъ каждымъ пунктомъ его замѣчаній. Между тѣмъ онъ изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что вы признаете отвѣтъ его насмѣшливымъ, и готовность исключить изъ онаго послѣднія строки о буквѣ к *), если онѣ въ особенности показались вамъ неумѣстными. Въ письмѣ вашемъ говорите вы мнѣ: „Какъ хозяинъ у себя въ домѣ, постараюсь избѣгнуть ихъ (то-есть, насмѣшекъ)“. Какъ должно разумѣть эти слова? Что вы, какъ хозяинъ, не будете трунить надъ своимъ гостемъ? Такъ ли? А не то, что, какъ хозяинъ дома, выключите вы изъ статьи то, что находите неприличнымъ, на что, разумѣется, Бутурлинъ согласиться не можетъ. Я, опять непрошеный, позволю себѣ сказать свое мнѣніе: кажется мнѣ, что вы точно накидали свои замѣчанія на скорую руку и потому впали въ погрѣшности. Въ такомъ случаѣ лучше всего пропустить ихъ молчаніемъ. На мнѣніе же автора отвѣчать вамъ своими мнѣніями ни къ чему не поведетъ. У васъ нѣтъ новыхъ фактовъ, изливающихъ свѣтъ на предметъ, предлежащій спору вашему. Это дѣло присяжное. Вы говорите: по совѣсти моей предъ Богомъ и людьми, Годуновъ правъ. Бутурлинъ также говоритъ: Годуновъ виноватъ. Оставьте общему мнѣнію или потомству утвердить тотъ или другой приговоръ. Такимъ образомъ я на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы статью Бутурлина безъ возраженій, безъ журнальной перепалки: оно было бы хорошо и ново, а развѣ прибавить маленькую оговорку: что, какъ хозяинъ дома вѣжливый и безпристрастный, вы охотно разрѣшаете гостю вашему отстаивать свое мнѣніе—противорѣчить вамъ, предоставляя себѣ въ другой разъ и при удобномъ случаѣ—для избѣжанія спора—представить свои поясненія и отмѣтки“.

*) Бутурлинъ напечаталъ: тѣло Самозванца было сожжено на котлахъ. Погодинъ замѣтилъ: *Котлы* есть село около Москвы.

Какъ бы то ни было, *Замѣчанія* Бутурлина Погодинъ напечаталъ въ своемъ *Москвитянинѣ* „съ чувствомъ особенной благодарности за лестную довѣренность".

Погодинъ, однако, не принялъ благоразумнаго совѣта князя Вяземскаго не отвѣчать на возраженія Бутурлина. Напечатавъ эти *возраженія* въ Москвитянинѣ, онъ сопроводилъ ихъ своими оправдательными замѣчаніями и, сверхъ того, упрекнулъ Бутурлина въ его невниманіи къ похваламъ, высказаннымъ въ критикѣ. Тонъ Погодинскихъ примѣчаній крайне не понравился питомцу Погодина Бецкому, который писалъ ему:

„Отвѣтъ вашъ на рецензію Бутурлина не понравился мнѣ. Или онъ, можетъ, какой тузъ изъ Индѣйскихъ. Онъ ругается, а вы какъ будто благодарите" [105]).

Вращаясь преимущественно въ сферѣ Древней, до-Петровской Русской Исторіи, Погодинъ не оставался равнодушенъ и къ новой. Любимымъ героемъ его, послѣ Петра, былъ Суворовъ. Погодинъ съ радостью сталъ помѣщать въ *Москвитянинѣ Разсказы о Суворовѣ*, полученные имъ при слѣдующемъ письмѣ нѣкоего *А. А—скій*: „По частной необходимости проѣзжая степныя мѣста южной губерніи, я завернулъ къ одному моему родственнику, заслуженному штабъ-офицеру. Проживши въ царской службѣ почти соровъ лѣтъ, покрытый тяжелыми ранами, онъ скрылся въ дальнемъ отъ обѣихъ столицъ краю обширнаго отечества, и тамъ свободный отъ гражданскихъ обязанностей и мірскихъ суетъ наслаждается пожатыми лаврами въ ожиданіи послѣднихъ дней земного поприща. Въ глуши, куда съ трудомъ проникаетъ свѣтъ современнаго развитія наукъ, онъ, хоть поверхностно, однакожъ слѣдитъ за ходомъ народнаго образованія. Часто въ дружеской бесѣдѣ онъ вспоминаетъ прошедшее, особенно времена Суворовскія, и съ энергіею молодого воина разсказываетъ такіе случаи своей жизни, которые стоятъ многихъ томовъ нашей литературной промышленности. Въ бытность мою у него и я не разъ бывалъ въ числѣ слушателей, не разъ восхищался прелестью его разсказовъ, приправленныхъ ѣдкою ироніею на новое поколѣніе. Однажды мнѣ попались

походныя его записки. Увлеченный любопытствомъ, я перелистывалъ книгу и нашелъ въ ней много замѣчаній, довольно важныхъ. Между прочими статьями попадались разные анекдоты и характеристическіе портреты извѣстнѣйшихъ мужей на Русскомъ военномъ поприщѣ. Тутъ же я прочиталъ и эти три разсказа, которые прилагаю при письмѣ. Я выпросилъ позволеніе напечатать ихъ въ издаваемомъ вами журналѣ *Москвитянинѣ*. Если эти разсказы имѣютъ какой-нибудь общій интересъ для читающей публики, то съ удовольствіемъ отдаю мою рукопись въ ваше распоряженіе; и если подобныя статьи могутъ сколько-нибудь служить къ объясненію историческихъ характеровъ, ознаменовавшихъ свою жизнь извѣстными свѣту подвигами, то я приложу всеусерднѣйшее мое стараніе и выпрошу у моего родственника много другихъ разсказовъ, гораздо важнѣйшихъ по содержанію“ [106]).

Погодинъ воспользовался этимъ сообщеніемъ и помѣстилъ на страницахъ *Москвитянина* цѣлый рядъ воспоминаній этого Суворовца, которыя потомъ издалъ и отдѣльною книгою подъ заглавіемъ *Разсказы Стараго Воина о Суворовѣ*. Издатель придавалъ этимъ разсказамъ большую цѣну и усердно рекомендовалъ ихъ бывшему военному министру графу Д. А. Милютину для распространенія ихъ въ средѣ воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній.

Рядомъ съ занятіями Древнею Исторіею Погодинъ интересовался и Новѣйшею Исторіей. Такъ, гуляя съ гостившимъ у него А. А. Куникомъ по тѣнистымъ липовымъ аллеямъ своего сада, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ не только объ Исторіи Силезіи, но также и о приснопамятной эпохѣ *Двѣнадцатаго года*. Объ одной изъ такихъ бесѣдъ вотъ что записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ Куникомъ, который спорилъ, что морозъ истребилъ Наполеоново войско...“ [107]).

Отдѣлу *Матеріаловъ для Исторіи Россіи и ея Словесности* Погодинъ отвелъ въ *Москвитянинѣ* почетное мѣсто, и въ этомъ отношеніи онъ явился родоначальникомъ и *Русскаго Архива*, и *Русской Старины*.

XXI.

Въ качествѣ секретаря Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Погодинъ издалъ вторую и третью книжку *Русскаго Историческаго Сборника*. Въ одной изъ этихъ книжекъ появилась статья самого Президента Общества, графа С. Г. Строганова, о серебрянныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ въ 1836 и 1837 годахъ.

Потерпѣвъ крушеніе въ Московскомъ Университетѣ, А. М. Кубаревъ нашелъ себѣ пріютъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и сюда онъ перенесъ свою ученую дѣятельность. Давно изучая твореніе нашего лѣтописца Нестора, онъ написалъ о немъ большое сочиненіе, которое было отдано на разсмотрѣніе С. П. Шевырева. Послѣдній въ засѣданіи Общества (1 февраля 1841 г.) заявилъ, что „порученное ему на разсмотрѣніе изслѣдованіе Кубарева о Несторѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго въ цензурномъ отношеніи противъ подобныхъ статей автора о Патерикѣ, равно какъ и сравнительно съ изслѣдованіями преосвященнаго Евгенія, Тимковскаго, Буткова и Калайдовича, кромѣ одного мѣста о числѣ, которое авторъ и согласился исключить“, почему Общество и опредѣлило напечатать это изслѣдованіе Кубарева въ четвертой книжкѣ *Сборника*“ [108]). Въ судьбѣ этого сочиненія Погодинъ принималъ живѣйшее участіе, и потому былъ очень доволенъ этимъ опредѣленіемъ Общества [109]).

Такимъ образомъ Русская Литература обогатилась прекраснымъ сочиненіемъ А. М. Кубарева, которое, подъ заглавіемъ *Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи церковной и гражданской*, вышло въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1842 году.

Въ то время, когда Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ печатало третій томъ *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашева и препиралось по поводу онаго съ цензоромъ И. М. Снегиревымъ, дни автора этого многолѣтняго труда были уже изочтены. Еще въ началѣ 1841 г. онъ

писалъ Погодину: „Чудное дѣло, какъ И. М. Снегиревъ сталъ робокъ въ пропускѣ книгъ: сомнѣвается даже въ актѣ, изданномъ по Высочайшему повелѣнію! Еслибы я подсвистывалъ моимъ предшественникамъ, то иностранцы имѣютъ актъ въ рукахъ и произведутъ его въ дѣло, порицая нашихъ дѣеписателей невѣжественнымъ подражаніемъ, а потомство будетъ судить, что мы къ Исторіи еще не созрѣли". Послѣдніе годы своей жизни Арцыбашевъ занимался Новою Русскою Исторіею и взывалъ къ Погодину: „О, еслибы вы помѣстили извлеченія изъ книгъ: Бишинга, Вебера, Физельдека, *), Миниха, и проч. и проч.! Наша Новая Исторія весьма бѣдна; кому же ее обогатить какъ не вамъ, когда *кто-то изъ толпы издалъ записки герцога де-Лиріа* въ *Сынѣ Отечествѣ* 1839 г." Замѣтимъ здѣсь кстати, *Записки герцога де-Лиріа* переведены и напечатаны послѣднимъ секретаремъ, тоже отшедшей въ вѣчность въ 1841 году, Россійской Академіи, почтеннымъ Д. И. Языковымъ, другомъ юности самого Арцыбашева, и этотъ трудъ Языкова былъ очень полезенъ для его товарища. „Я", писалъ Арцыбашевъ Погодину,— „дня два тому назадъ распрощался съ своимъ почтеннымъ собесѣдникомъ, герцогомъ де-Лиріа... Теперь тружусь надъ описаніемъ правительства императрицы Анны". Занимаясь новымъ періодомъ Русской Исторіи, Арцыбашевъ, по своему странному обычаю, вооружился противъ изслѣдователей этого періода Вейдемейера и Арсеньева, и въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ Погодину писалъ: „Я, правда, и не силенъ, а посерживаюсь на Вейдемейера; какъ можно такія прекрасныя извѣстія писать безъ всякой ссылки? Эти господа превосходительные думаютъ, что они пріобрѣли уже право на неограниченную довѣренность! Анъ нѣтъ.... Арсеньевъ также хотя и даетъ мѣстами выписки изъ не напечатанныхъ актовъ: но *негдиже съ отвагой*. Сверхъ того, *судитъ и рядитъ и вдоль носа глядитъ отъ себя*: какъ будто бы видѣлъ все самъ!" [110]).

Это письмо писано Арцыбашевымъ 18 марта 1841 года,

*) Псевдонимъ знаменитаго Шлецера.

а 27 августа того же года онъ скончался. Между тѣмъ Погодинъ, ничего не зная даже и о болѣзни Арцыбашева, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 27 сентября 1841 года, по обязанности секретаря читалъ слѣдующую записку о ходѣ изданій Общества: „*Повѣствованія о Россіи* г. Арцыбашева печатаются оба отдѣленія третьяго тома въ одно время. Послѣдняя корректура посылается къ автору въ Цивильскъ. Печатаніе было замедлено нѣсколько по той причинѣ, что одинъ листъ изъ царствованія Ѳеодора Іоанновича съ повѣствованіемъ о гибели царевича Димитрія препровожденъ былъ отъ Московскаго цензурнаго комитета въ Главное правленіе цензуры, которое возвратило съ замѣчаніями. Замѣчанія отправлены были къ автору, который сдѣлалъ по онымъ исправленіе. Исправленный опять былъ переданъ въ Цензурный комитетъ, который поручилъ разсмотрѣть оный цензору Снегиреву [111]).

Когда это читалось, Арцыбашева, какъ мы уже знаемъ, не было въ живыхъ. Вскорѣ послѣ того Погодинъ получаетъ письмо отъ вдовы покойнаго. „Зная ваши соотношенія", писала она,—„съ покойнымъ моимъ мужемъ, почла себѣ обязанностію извѣстить васъ о его кончинѣ, случившейся прошлаго августа въ 27 день, и прибѣгнуть къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою подать мнѣ чистосердечный и полезный совѣтъ, какъ должна я поступить съ изданною, съ издаваемою и вновь заготовленною *Исторіею Государства Россійскаго*. Покойный не успѣлъ довести ее до предназначенной имъ цѣли, то-есть, до смерти Елизаветы Петровны. Остались не доконченными девятнадцать лѣтъ. Корректурные листы обращаю назадъ, они свѣрены и вмѣстѣ съ ними посылаю рукописный, по немъ еще много недостаточно; повѣряла ихъ со вниманіемъ, ошибокъ мало; извините, если при поправкѣ найдете мѣста, измаранныя чернилами, это произошло отъ непривычки къ такого рода занятіямъ, и до которыхъ одно несчастіе могло меня довести; впередъ постараюсь быть аккуратнѣе. Отзывъ покойнаго моего мужа о вашемъ къ нему благорасположеніи и благородствѣ

чувствъ вашихъ подаетъ мнѣ полную надежду, что вы не отвергнете моей всепокорнѣйшей просьбы—быть мнѣ руководителемъ, окромѣ васъ я не имѣю никого, къ кому бы могла отнестись въ подобныхъ случаяхъ. Итакъ, милостивый государь, простите великодушно, если я затрудняю васъ". Съ полнымъ сочувствіемъ отнесся Погодинъ къ горю несчастной вдовы. „Чувствительно вамъ обязана", отвѣчала она,—„за участіе, которое вы принимаете въ покойномъ моемъ мужѣ; хотя и совѣстно, но рѣшусь сказать откровенно, что онъ по добротѣ своей, справедливости и по преданности къ Отечеству, для котораго и взялъ на себя столь многолѣтній трудъ, достоинъ былъ уваженія. Да! усилія, употребленныя имъ въ послѣдніе полтора года, когда онъ писалъ четвертый томъ, совершенно изнурили его здоровье. Даже въ самой слабости послѣ болѣзни торопился окончить свою Исторію, и это напряженіе умственныхъ способностей произвело приливъ крови на мозгъ; 25 августа въ 5 часовъ сдѣлался съ нимъ лихорадочный пароксизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ спячка, такъ что едва успѣли его на другой день пріобщить. Просыпался уже черезъ сутки, и то на нѣсколько секундъ, потомъ засыпалъ тотчасъ; всѣ старанія лѣкаря остались безуспѣшны; 27 августа, за семь часовъ до смерти, спалъ уже безъ просыпу и ровно въ двое сутокъ, то-есть, 27 въ 5 часовъ по полудни скончался. Мнѣ было бы крайне пріятно сообщить вамъ что-нибудь особенное въ жизни покойника, но истинно не нахожу ничего: онъ изъ пристрастія къ Отечественной Исторіи оставилъ всѣ притязанія и на чины, и на почести. Будучи съ малолѣтства воспитанъ въ Петербургѣ у Бамане въ Пансіонѣ, учился только Французскому и Нѣмецкому языкамъ. Латинскому, Англійскому, Италіанскому и поверхностно многіе другіе изучилъ самъ, на что также требовалось много времени. Желала бы душевно исполнить волю вашу насчетъ его біографіи; но право никого не знаю. Онъ имѣлъ короткихъ себѣ любителей Словесности и въ Петербургѣ, и въ Казани, когда онъ служилъ; но имѣлъ ихъ не много. Первые труды его была *Рогнѣда или Взятіе*

Полоцка, потомъ, между временемъ, для отдыха писалъ нѣсколько стиховъ и другіе отрывки. Чувствительно обяжете, если избавите меня отъ корректуры; не зная Польскаго и Греческаго языковъ, легко могу сдѣлать погрѣшность. Препровождаю рукописные листы, которые вы желаете. Затѣмъ повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу: быть моимъ руководителемъ".

Черезъ три года по кончинѣ Арцыбашева Погодинъ получилъ отъ его вдовы письмо, въ которомъ заключаются слѣдующія біографическія данныя: „Что касается до біографіи покойнаго моего мужа", писала она,—„то онъ, по строгости своихъ правилъ, давши честное слово своимъ знакомымъ непремѣнно написать Исторію, посвятилъ на нее всю свою жизнь; однѣ юридическія бумаги иногда отвлекали его, а впрочемъ всѣ хозяйственныя обязанности возложены были на меня. Онъ обыкновенно вставалъ въ 6 часовъ утра, напившись чаю, отъ 7 до 12 часовъ, не выходилъ изъ своего кабинета, потомъ послѣ обѣда, успокоясь нѣсколько минутъ, отъ 3, а иногда даже отъ 2 съ половиною часовъ писалъ до 6. Одно воскресенье давалъ себѣ свободу цѣлые послѣ обѣда, потому что въ этотъ день, по обыкновенію, собирались наши знакомые. Выѣзжалъ очень рѣдко, развѣ случалась какая необходимость" [112]).

Мы знаемъ, что Погодинъ давно стремился проникнуть въ Московскую Сѵнодальную и Типографскую библіотеки; но это до сихъ поръ ему неудавалось. Наконецъ, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ было прочитано письмо Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода на имя Вице-Президента Общества, коимъ онъ увѣдомляетъ, „что Контора Св. Сѵнода, согласно указу Св. Сѵнода, предписала указомъ сѵнодальному ризничему іеромонаху Евстафію, чтобы онъ допускалъ въ Сѵнодальную Библіотеку членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, для изученія рукописей, по предъявленіи ими билетовъ, выдаваемыхъ отъ Общества за подписью секретаря, профессора Погодина; равно о семъ же посланъ указъ въ контору Московской Сѵнодальной типографіи" [113]).

XXII.

Въ то время, когда Погодинъ занятъ былъ изданіемъ *Москвитянина*, Кіевскій пріятель его М. А. Максимовичъ приступилъ къ составленію второй книжки своего *Кіевлянина*. Судьбы Кіевской и Галицкой Руси, языкъ ея послужили главнымъ содержаніемъ и второй книжки. Въ ней, между прочимъ, нашли себѣ мѣсто Родословныя записки, въ коихъ поименовано до девяноста дворянскихъ фамилій на Волыни, принадлежавшихъ въ XVII вѣкѣ къ Православной Церкви.

16 марта 1841 года Максимовичъ писалъ Погодину: „Наконецъ, дочиталъ и подписалъ корректуру двадцать перваго и—слава тебѣ, Господи—послѣдняго листа *Кіевлянина!* Измучился, истратился до-нельзя; а что будетъ за наличный трудъ и наличныя траты, не знаю, да и не предвижу ничего отраднаго. Вспоминаю Раича, котораго утѣшали, говоря, что хорошо литераторамъ—напишутъ да и читаютъ. Вспоминаю и В. И. Оболенскаго, который послѣ изданія *Платоновыхъ разговоровъ* цѣлую недѣлю игралъ на флейтѣ безъ сапоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ жалуется Погодину, что *Кіевлянину* не судьба содержать въ себѣ что-нибудь примѣчательное. Надеждинъ написалъ мнѣ *Палладія Роговскаго*—здѣсь не пропустили. Зубрицкій написалъ мнѣ статью о *Галицкой Руси*—она не дошла сюда изъ Радзивилова. Хомяковъ написалъ мнѣ *Кіевъ*—изъ первой книги вырвалъ его Карлгофъ своею временно-попечительскою властью“ [114]).

Не смотря на это, *Кіевлянинъ* Максимовича обратилъ на себя достодолжное вниманіе всего ученаго міра. Такъ, С. М. Соловьевъ, приступая къ разбору *Кіевлянина*, начинаетъ свою рецензію словами лѣтописца: „Кто убо не возлюбитъ Кіевскаго княженія, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ и отъ всѣхъ дальнихъ многихъ царствъ стецахуся всяко человѣцы, и купцы, и всякихъ благихъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ“. Далѣе Соловьевъ говоритъ: „Погибла честь и слава, и величество Кіева,

но великому старцу осталось лучшее украшеніе старости— воспоминаніе славнаго прошедшаго; не погибла къ нему и любовь народная: толпы пришельцевъ изъ странъ далекихъ не переставали посѣщать его. То не были толпы ратниковъ подъ знаменами враждующихъ князей, то были толпы богомольцевъ, стекавшихся не дивиться его чести, и славѣ, и величеству, но смиренно поклониться памятникамъ вѣчнымъ, остаткамъ нетлѣннымъ"... Появленіе въ свѣтъ *Кіевлянина* Максимовича Соловьевъ привѣтствовалъ такими словами: „Наконецъ пришла пора бросить просвѣщенный взглядъ на пройденное поприще, уяснить себѣ прошедшее для уразумѣнія настоящаго и будущаго: для этого надобно было исполнить обѣщаніе Боголюбскаго, поставить въ Кіевѣ храмъ... И храмъ воздвигнутъ лучше, чѣмъ Золотыя Ворота, лучше, чѣмъ хотѣлъ Боголюбскій; воздвигнутъ храмъ Вѣры и Науки вмѣстѣ, посвященный имени Святого Просвѣтителя Россіи. Наука посѣтила славныя развалины, и развалины заговорили, и Кіевъ далъ объ себѣ вѣсть". Затѣмъ, разобравъ важнѣйшія статьи *Кіевлянина*, Соловьевъ заключаетъ свой разборъ такими словами: „Вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель *Кіевлянина*. Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей Южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усиліями только одного ученаго". При этомъ Соловьевъ выражаетъ желаніе, чтобы „по примѣру *Кіевлянина* появились и Смольнянинъ, и Тверитянинъ, и Черниговецъ, и Рязанецъ съ подробными извѣстіями о своихъ Дубровицахъ, Луцкахъ и Острогахъ! Но за матерью городовъ Русскихъ останется послѣ Москвы честь и слава благого начинанія!"

Покончивъ съ *Кіевляниномъ* и получивъ увольненіе отъ службы, Максимовичъ не замедлилъ оставить Кіевъ. 28 апрѣля 1841 года онъ навсегда простился въ Михайловскомъ Златоверхнемъ монастырѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Святитель подарилъ на память своему другу прекрасный эстампъ Спасителя Леонардо Винчи, предъ которымъ онъ писалъ всѣ

лучшія свои творенія: *Седмицы* и *Послѣдніе дни земной жизни Спасителя.*

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Кіева, Максимовичъ писалъ Погодину: „Дня черезъ два прощаюсь съ Кіевомъ, и поплыву на дубѣ широкимъ раздольемъ Днѣпра на свою Гору. Богоспасаемому Граду желаю новаго благословенія Божія, а тебѣ здоровья и успѣха въ твоихъ предпріятіяхъ. Зачѣмъ и ты это хвораешь? Негодится! Москва и Москвитяне помоложе Кіевлянъ“ [115]).

Имѣніе Максимовича, Михайлова Гора, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, верстахъ въ ста шестидесяти отъ Кіева. Мѣстность Михайловой Горы необыкновенно живописна. Вотъ какъ описываетъ ее самъ владѣлецъ: „Прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайлова Гора, съ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму, и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!.. Цѣлую половину кругозора моего обнялъ собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ забѣлѣются полные паруса, ныряя въ зелени прибрежныхъ деревъ, и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни и мимо ихъ проходятъ огни на плывущихъ плотахъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья, съ широкими раздолами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющимися полосами горъ Корсунскихъ и Мошенскихъ, съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, бѣлѣющею въ концѣ своемъ городомъ Каневомъ, и съ выходящею изъ-за Канева отраслью Терехтемировскихъ горъ. Но еще ненаглянѣе для меня видъ побережья, на которомъ, какъ на разостланномъ коврѣ, безпечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и оттѣн-

ками въ одну ткань съ струями и зыбями блѣдножелтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокъ отъ меня потянулась привольная степь, съ разсѣянными по ней лѣсками, садиками и хуторами и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь не степь на Украйнѣ". Въ этой-то живописной мѣстности на Михайловѣ Горѣ, расположенной противъ того горнаго хребта, гдѣ нѣкогда существовалъ историческій городъ Родня, и поселился М. А. Максимовичъ. Съ того времени въ Литературѣ нашей Михайлова Гора сдѣлалась неразлучною съ его именемъ. Князь П. А. Вяземскій писалъ Пономареву: „Еслибы я чего могъ желать въ моей жизни, то пожить на Михайловой Горѣ" [116]); а владѣлецъ ея въ такихъ стихахъ изливалъ свои чувства:

Я къ Горѣ моей прикованъ
Словно цѣпію стальной,
И тоска-печаль какъ воронъ
Сердце мнѣ клюетъ порой;
Но и здѣсь еще мелькаетъ
Милый призракъ лучшихъ дней,
И мнѣ радость навѣваетъ
Сладкопѣвецъ соловей [117]).

Въ то время, когда Максимовичъ уединялся на свою Михайлову Гору, Древлехранилище его друга Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ все болѣе и болѣе распространялось и процвѣтало. „Помогай тебѣ Богъ", писалъ ему Шевыревъ,—„въ самомъ дѣлѣ такъ и валитъ. Тебѣ Правительство должно давать деньги ужъ и за то, что ты собираешь. Но все это со временемъ должно сдѣлаться собственностью Москвы. Ты долженъ все это продать не иному кому, какъ *городу—Москвѣ* съ условіемъ, чтобы носило названіе *Погодинскаго Собранія*. Когда пріѣдетъ князь Д. В. Голицынъ, надобно ему предложить пріобрѣсти все это для Московскаго, какъ бы назвать, только не Музея, а Книгохранилища".

Но въ это время князя Д. В. Голицына постигло семейное горе. 28 января 1841 г. скончалась его супруга княгиня Татьяна Васильевна, рожденная Васильчикова. Погодинъ и

Шевыревъ, столь близкіе Князю и его семейству, приняли самое сердечное участіе въ постигшемъ его несчастіи. „Она скончалась", писали они въ *Москвитянинѣ*, — „къ неутѣшной скорби своего семейства, родныхъ, знакомыхъ, бѣдныхъ, сирыхъ, нищихъ, безпріютныхъ, беззащитныхъ. Она давно уже жила для неба и какъ будто на небѣ. Тамъ, тамъ получитъ она награду за свои земныя, неземныя добродѣтели. Миръ твоему праху, душа добрая, нѣжная, кроткая!

Вчера, 31 января, было погребеніе въ Донскомъ монастырѣ. Казалось, цѣлый городъ двинулся принесть усопшей послѣднюю дань признательности и благоговѣнія. *Память праведнаго съ похвалами!*" [118]).

XXIII.

Издавая журналъ, собирая Древлехранилище, Погодинъ начиналъ все болѣе и болѣе тяготиться профессорскими обязанностями и былъ озабоченъ пріисканіемъ себѣ преемника по каѳедрѣ Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Выборъ его между прочими палъ на оріенталиста В. В. Григорьева.

Еще въ 1838 году Григорьевъ переселился изъ Петербурга въ Одессу и тамъ занялъ каѳедру Восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Но Одесса не пришлась ему по душѣ. Вотъ что писалъ онъ другу своему П. С. Савельеву: „Живешь между людьми сирота сиротой, не дружишься съ ними потому, что они неспособны къ дружбѣ, и потому еще, что здѣшняя дружба хуже вражды. Пріятель такъ и сторожитъ своего друга, чтобы поднять его на смѣхъ. Откровенность здѣсь такъ же рѣдка, какъ птица анка. Провинціаламъ столицы не нравятся потому, что тамъ никто на нихъ вниманія не обращаетъ, а столичнымъ жителямъ, какъ намъ грѣшнымъ, крѣпко тошно въ провинціи отъ того, что дѣлаешься виднымъ лицомъ, и каждый шагъ, каждое слово взвѣшивается и подвергается суду и осужденію" [119]). Пользуясь своимъ сотрудничествомъ въ *Москвитянинѣ*, Григорьевъ отправилъ

туда цѣлую статью объ Одессѣ при слѣдующемъ письмѣ къ Погодину: „Шлю вамъ *Вѣсти изъ Одессы*. Вамъ можетъ показаться, что статейка эта написана слишкомъ рѣзко. Согласенъ, но дѣло въ томъ, что она представляетъ Одессу въ истинномъ видѣ. Этотъ сквернѣйшій и подлѣйшій городъ, скопище дураковъ и мошенниковъ представляютъ себѣ въ Россіи чѣмъ-то очаровательнымъ, и это ложное мнѣніе вредитъ многимъ... Обязанность всякаго честнаго человѣка сказать то, что я сказалъ, а ваша обязанность, какъ честнаго человѣка— напечатать это сказанное мною безъ вымарокъ и поправокъ. Если любите меня—напечатайте какъ можно скорѣе... Знаете ли вы, что я страшный *словенофилъ*? Если это для васъ новость, то я думаю не непріятная... Я работалъ бы для васъ болѣе, да въ Одессѣ, чортъ возьми, нѣтъ самыхъ обыкновенныхъ пособій. Фу, какая гадость эта Одесса! не называйте меня впередъ Одесскимъ ученымъ, какъ вы разъ уже это сдѣлали. Прибавка *Одесскій* къ моему имени кажется мнѣ хуже каторжнаго клейма“ [120]).

Надо замѣтить, что Григорьевъ былъ человѣкъ съ оригинальнымъ образомъ мыслей. Петербургскій журналъ *Маякъ* очень не нравился П. С. Савельеву, который въ письмѣ своемъ Григорьеву отозвался о немъ такимъ образомъ: „*Маякъ* еще поддерживаютъ постнымъ масломъ, и оттого-то онъ имѣетъ свой духъ, который очень по вкусу монахамъ. Для нихъ это лучшій Русскій журналъ“. Григорьевъ же, возражая своему другу, писалъ ему: „*Маякъ* издаютъ люди безъ способностей, а направленіе его ей-ей прекрасное“ [121]). Также оригинальныхъ мыслей исполнена и статья его объ Одессѣ, которая появилась въ *Москвитянинѣ* съ большими урѣзками и съ такимъ примѣчаніемъ самого Погодина: „Audiatur et altera pars. По этому правилу, принятому нами для критики, мы исполняемъ желаніе *неизвѣстнаго корреспондента*, и помѣщаемъ извѣстія имъ доставленныя, хотя признаемся, намъ издали кажется, что онъ несправедливъ и слишкомъ строго судитъ Одессу, а въ особенности ея *Вѣстникъ*, истинно

полезное изданіе. Надѣемся получить скоро возраженіе отъ Одесскихъ корреспондентовъ“. Въ этой статьѣ своей Григорьевъ между прочимъ пишетъ: „Торговое направленіе, деспотически господствующее надъ умами, подавляетъ и уничтожаетъ всѣ другія. Главный недостатокъ Одессы тотъ, что въ ней нѣтъ никакой потребности въ обществѣ. Всякій живетъ здѣсь для себя и у себя. Торговыя выгоды соединяютъ купцевъ—на биржѣ, мелочныхъ скупщиковъ и промышленниковъ—въ кофейняхъ, охотниковъ до картъ—въ клубѣ. Прочіе классы жителей бываютъ вмѣстѣ только въ театрѣ, да на балахъ зимою, да въ храмѣ Божіемъ. Впрочемъ, въ любви къ сплетнямъ и пересудамъ уѣздный городъ Одесса не уступитъ ни одному губернскому. Много винограду и абрикосовъ, тьма дынь и арбузовъ, халвы и всякихъ сластей—ѣшь не хочу; да за то столько же грязи и пыли, пронзительныхъ вѣтровъ, пекучаго жару; а отъ людей такъ и несетъ холодомъ. Русскаго радушія слыхомъ не слыхать, не то чтобы видомъ повидать. Да какъ и существовать ему, этому свѣжему, теплому, святому чувству, въ городѣ, населенномъ преимущественно Евреями и выходцами изъ Западной, дряхлой, хладѣющей и отживающей вѣкъ свой Европы! Купецъ будетъ процвѣтать въ этой атмосферѣ толковъ о привозѣ и вывозѣ, человѣкъ съ высшими потребностями будетъ вянуть отъ недостатка сочувствія“ [122]).

Хотя подписи Григорьева и не было выставлено подъ корреспонденціей его, но автора ея тотчасъ же узнали. „По понятіямъ мѣстнаго общества“, пишетъ Н. И. Веселовскій,— „Одессу можно было только хвалить, хотя и въ ущербъ справедливости. Григорьевъ первый рѣшился высказать о ней правду, и тѣмъ вооружилъ противъ себя почти всю Одесскую интеллигенцію“. Замѣтимъ, что въ это время царилъ въ Одессѣ графъ М. С. Воронцовъ. Но Григорьевъ въ письмѣ своемъ къ Савельеву сдѣлалъ и о немъ колкое замѣчаніе. „При дворѣ графа Воронцова“, писалъ онъ,—„есть обычай совершенно царскій: нѣкоторыя дамы и дѣвицы цѣлуютъ руку у его су-

пруги... А, каково? Вотъ тебѣ и англоманія на тибетскую стать" [123]).

Между тѣмъ въ *Москвитянинѣ* появилось возраженіе *Жителя Одессы* гдѣ въ свою очередь высказывались нѣкоторыя колкости по адресу заѣхавшихъ въ провинцію столичныхъ обывателей. „Есть два сорта людей", писалъ *Житель Одессы*,— „одни — эти *тяжелые* обитатели маленькихъ городковъ, пріѣзжающіе изъ глуши въ нашъ городъ... Другіе—выходцы изъ столицъ, видѣвшіе свѣтъ и людей, особенно гг. *Петербуржскіе*, принадлежащіе къ той кастѣ современныхъ молодыхъ людей, пародируя Чацкихъ, вездѣ скучаютъ, вездѣ видятъ только смѣшное, исключая самихъ себя, и нигдѣ не находятъ удовлетворенія своимъ высшимъ потребностямъ. Эти господа—о, они горячо любятъ все Русское! Они вездѣ ищутъ свѣжихъ, прекрасныхъ чертъ юнаго нашего народа; а загляните въ нихъ— тамъ не видно и малѣйшаго слѣда Русскаго духа, а сами они пропитаны западной, *отжившей вѣкъ* свой, Философіей... Какого же радушія ждалъ г. Неизвѣстный отъ Одессы? Чего онъ хотѣлъ отъ этого города? Неужели здѣшнимъ жителямъ слѣдовало распахнуть ему свои объятія? Или Одесскимъ купцамъ бросить свою торговлю... и пуститься въ разсужденіе о Байронѣ и т. п.? Москва славится истиннымъ радушіемъ, часто бывающимъ даже источникомъ насмѣшекъ; но неужели всякаго, являющагося туда NN, она прижимаетъ къ своему горячему Русскому сердцу? Недавно туда явился Каратыгинъ, и, какъ пишутъ, принятъ тамъ очень радушно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сюда пріѣзжалъ Щепкинъ... и пусть спросятъ Русскаго артиста, умѣетъ ли маленькая Одесса радушно принимать тѣхъ, кто пріобрѣлъ на это право" [124]).

Мы уже знаемъ, какое участіе принималъ Погодинъ въ судьбѣ нашего, молодого тогда, ученаго Павла Яковлевича Петрова, въ которомъ онъ провидѣлъ славу Россіи. Въ 1838 году онъ былъ отправленъ за границу, а именно въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, гдѣ продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ свѣтилъ Европейской науки Боппа, Риттера, Жу-

бера, Бюрнуфа и другихъ, преимущественно обращая вниманіе на древній языкъ Брахмановъ. Особенную пользу принесло ему въ Парижѣ чтеніе рукописей въ разныхъ библіотекахъ, а въ Лондонѣ посѣщеніе музеумовъ и изученіе древностей [125]). Среди этихъ трудовъ Погодинъ засталъ Петрова въ Парижѣ въ 1839 году, и ему пріятно было удостовѣриться отъ Европейскихъ ученыхъ, что Петровъ обѣщаетъ Россіи первокласснаго оріенталиста, и что уже многіе Европейскіе ученые имѣютъ нужду въ его отзывѣ. „Прилежаніе", свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„у него всегда было безпримѣрное, охота, можно сказать, смертная, способности отличныя, и при всемъ томъ онъ могъ всегда довольствоваться коркою хлѣба, стаканомъ воды и чашкою чая" [126]). Въ 1840 году съ запасомъ основательныхъ знаній Петровъ вернулся въ Отечество съ искреннимъ желаніемъ посвятить себя на служеніе ему [127]). Но тутъ ему пришлось испытать разочарованіе, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ его писемъ къ Погодину. „Обстоятельства мои", писалъ онъ,—„чрезвычайно странны. Я былъ посланъ для усовершенствованія себя въ Санскритскомъ, выучился этому языку, но, пріѣхавъ въ Россію, нашелъ, что каѳедра этого предмета занята другимъ... У меня есть нѣкоторые труды, но я не могу и думать о напечатаніи ихъ, тѣмъ болѣе, что въ Академіи до сихъ поръ нѣтъ Санскритскаго шрифта. Изъ этого я заключаю, что начальству не угодно обратить вниманіе на этотъ предметъ. Вслѣдствіе этого я думаю, что мнѣ лучше пустить въ ходъ свое знаніе Персидскаго и Арабскаго... Вамъ хорошо называть меня безтолковымъ, но я увѣряю васъ, что когда ученому приходится ежедневно думать о средствахъ своего пропитанія, то ему не поможетъ ни наука, ни толковитость, а развѣ только природная веселость, если Аллахъ не отказалъ ему въ этомъ дарѣ. Меня же онъ щедро надѣлилъ имъ... Еслибы вы могли достать мнѣ мѣсто при какихъ-нибудь библіотекахъ, то я вѣкъ не забылъ бы такого одолженія. Сдѣлайте милость постарайтесь. Мы о васъ за это помолимся всѣмъ Индусскимъ и Буддійскимъ богамъ—вѣдь они также

чего-нибудь да стоять". Не смотря на это, Буддійское спокойствіе не оставляло Петрова. „Дѣла мои", писалъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину,—„нейдутъ впередъ. Въ службу мнѣ вступить не позволяютъ, мѣста же по нашему Министерству не даютъ, не смотря на всѣ мои старанія. Какъ бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси, нежели въ чужой землѣ".—Но всему бываетъ предѣлъ, а также и терпѣнію Петрова. „Я", писалъ онъ Погодину,—„не причисленъ никуда и ровно годъ не получалъ отъ начальства ни копѣйки— живу Богъ знаетъ чѣмъ и какъ: то явится какой-нибудь урокъ— то напишу статью—то займу, и такимъ образомъ перебиваюсь довольно неудачно. Мѣстъ по восточной части въ Университетѣ есть два: каѳедра Санскритскаго, для которой меня нарочно посылали за границу и которой мнѣ теперь не даютъ, и еще мѣсто адъюнкта Персидскаго языка, которое я очень могъ бы занять. Признаюсь вамъ, что я не желалъ бы быть въ Москвѣ. Я очень былъ бы счастливъ, еслибы могъ служить подъ начальствомъ графа С. Г. Строганова, но что̀ могу я сдѣлать по своей части въ Московскомъ Университетѣ? Тамъ всего только одиннадцать мусульманскихъ рукописей (онѣ мною же были описаны). Разстаться съ Петербургомъ для меня то же, что̀ совершенно оставить восточную часть. Я подавалъ записки и Попечителю, и Министру, просилъ черезъ другихъ, но отвѣта не получалъ" [128]).

Наконецъ, въ самомъ исходѣ 1841 года, Петровъ опредѣленъ былъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Санскритскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ и оставался до 1852 года [129]).

XXIV.

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ знакомилъ не только съ Россіей, но и со Словенскими землями.

Путешествовавшій по Словенскимъ землямъ Надеждинъ на-

печаталъ въ *Москвитянинѣ* письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „*Вопросъ Восточный*, до сихъ поръ занимавшій собой исключительно умы политиковъ и столбцы газетъ, теперь смѣнился *Вопросомъ Словенскимъ*. Со всѣхъ концовъ Германіи бьютъ тревогу; распускаютъ слухи, подозрѣнія, страхи; проповѣдуютъ вообще ополченіе противъ какого-то страшилища, окрещеннаго мистическимъ именемъ *панславизма*. Удивительно, какъ иногда можетъ помѣшаться даже такой степенный, основательный, глубокомысленный народъ, какъ Нѣмцы! Можно извинить Венгерцамъ, что они, напримѣръ, мнѣніе покойнаго Венелина о словенствѣ Атиллы признаютъ одной изъ зажигательныхъ бомбъ *Словенской Пропаганды*... Но Нѣмцы! Нѣмцы! Все дѣло состоитъ въ томъ, что Словенская народность, до сихъ поръ забитая, затоптанная въ грязь, дѣйствительно на всѣхъ концахъ Нѣметчины зашевелилась, сознаетъ свое достоинство, получаетъ довѣріе къ своимъ силамъ. Громкій голосъ даетъ отъ себя она въ литературѣ. Но тѣмъ однимъ все и ограничивается. Вѣрные своему праотеческому имени Словенъ, наши западные собратія стараются паче всего возстановить, или лучше—спасти свое *слово*. Возрожденіе Словенизма, которое производитъ столько шуму и толковъ, есть собственно не что иное, какъ возрожденіе Словенской народной литературы. Естественность и законность этого движенія Словенской народности очень хорошо понимается тамъ, гдѣ вещи обсуживаются прямѣе и свѣтлѣе. Нынѣшній король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV уже декретировалъ учрежденіе каѳедры Словенскихъ языковъ при университетахъ Берлинскомъ и Бреславскомъ. Въ Австріи, гдѣ Словене составляютъ двѣ трети всего народонаселенія Имперіи, разумѣется, возрожденіе ихъ ощутительнѣе... Труды и усилія Чеховъ слишкомъ извѣстны. Имъ подаютъ теперь руку Кроаты, подъ предводительствомъ пламеннаго патріота Гая. Гай дѣйствуетъ, точно какъ нашъ Новиковъ: онъ завелъ въ Загребѣ типографію, и сыплетъ въ народъ книгами на родномъ языкѣ... этого было довольно, чтобы зашумѣть о панславизмѣ! Впрочемъ само

Правительство оказываетъ благосклонность, даже покровительствуетъ патріотическому ревнію Гая. Онъ безъ труда получилъ привиллегію на открытіе типографіи... То же самое Правительство вознаградило патріотическіе труды Юнгмана неслыханною почестью—орденомъ!“ Между тѣмъ въ Вѣнѣ Копитаръ, который, по свидѣтдльству Надеждина, „конечно имѣлъ бы всѣ права занять мѣсто Добровскаго, присужденное ему Гриммомъ, только-что сердится и стрѣляетъ то въ Прагу, то въ Загребъ. Безъ отдыха и безъ пощады продолжаетъ онъ гремѣть не только противъ *Суда Любуши,* но даже и противъ Краледворской рукописи... Впрочемъ въ самыхъ изліяніяхъ желчи сколько у него вырывается поучительнаго, дѣльнаго, плодотворнаго!... Но вотъ явленіе, которое съ избыткомъ выкупаетъ эту пустоту. Вукъ, давнишній житель Вѣны, приготовилъ новое изданіе своего *Собранія Сербскихъ народныхъ пѣсней,* этого истинно безцѣннаго сокровища не для однихъ Сербовъ, но для всего Словенскаго міра“.

Въ то же время самъ Погодинъ, печатая въ *Москвитянинѣ* статью подъ заглавіемъ *Словенскія племена,* въ переводѣ Пельта, дѣлаетъ къ ней такое примѣчаніе: „Европейскіе путешественники пускаются за ученой добычею во всѣ концы земного шара: во внутренность пустынь Африканскихъ, на снѣжныя вершины горъ Азіатскихъ и къ полюсамъ Америки. Не странно ли, что внутри Европы есть множество земель совершенно неизвѣстныхъ, не странно ли, что можно сказать, почти половина Европы неизвѣстна. Да, Европа неизвѣстна, кромѣ Германіи и большихъ дорогъ и городовъ въ Англіи, Франціи, Италіи; даже въ знаменитыхъ государствахъ есть цѣлые края, кои укрывались до сихъ поръ отъ всякихъ изслѣдованій, и между тѣмъ заключаютъ въ себѣ источники Исторіи вѣрнѣе всякихъ лѣтописей: имена, слова, нарѣчія, физіономіи, повѣрья. Недавно въ горахъ Аппенинскихъ найдено племя, говорящее нарѣчіемъ, близкимъ къ Латинскому. Нарѣчія Франціи, чрезъ которую проходило столько племенъ въ началѣ новой Исторіи, не изслѣдованы. Наконецъ, вся

Южная Европа отъ Адріатическаго моря до Чернаго, заселенная племенами Словенскими, совершенно неизвѣстна Европейскимъ географамъ. Не удивятся ли даже мои соотечественники, если я скажу имъ, что изъ Москвы, а слѣдовательно изъ Тобольска, Иркутска, Камчатки, до пролива Отрантскаго, то-есть, до предѣловъ Римской области, Неаполитанскаго королевства, можно проѣхать Словенами, не прикоснувшись ни къ одному иноплеменному селенію, съ объѣздомъ только нѣсколькихъ городовъ, которые онѣмечились или омадьярились? Не удивятся ли они, если я скажу имъ, что чѣмъ дальше мы поѣдемъ по этому пути, тѣмъ сходнѣе, понятнѣе языкъ будемъ находить съ нашимъ, такъ что съ самыми крайними, Иллирійцами, сосѣдями Римлянъ и Неаполитанцевъ, мы будемъ говорить безъ всякого почти затрудненія, тѣмъ болѣе, что церковный языкъ у насъ и у нихъ есть одинъ и тотъ же? Не удивятся ли они, если я скажу имъ, что Польское, сосѣднее нарѣчіе, есть самое дальнее по своему организму, которому однакожъ всякій русской выучивается въ два мѣсяца, какъ и русскому полякъ. Европейцы не имѣютъ никакого понятія, или имѣютъ самое темное о Словенахъ. Самые Нѣмцы, которые учатся по Китайски, Коптски, Санскритски, съ одинакимъ рвеніемъ, никакъ не могутъ рѣшиться на изученіе Словенскихъ нарѣчій, хотя живутъ между Словенами и на Словенской землѣ. Отчего это? Богъ посылаетъ видно затмѣніе! Но намъ, намъ стыдно заботиться о познаніи народовъ чуждыхъ и пренебрегать своими, единоплеменными, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и исповѣдуютъ отчасти одну вѣру.

Москвитянинъ почитаетъ своей миссіей распространять въ Россіи свѣдѣнія о племенахъ Словенскихъ, которыя составляютъ треть всего Европейскаго народонаселенія (восемьдесятъ милліоновъ изъ двухсотъ сорока)“ [130]).

Самъ Погодинъ давно сдѣлался центромъ Словенскаго вопроса въ Россіи. Къ нему прямо обращаются о всемъ, касающемся сего вопроса. Такъ, профессоръ Энциклопедіи Права

въ Ришельевскомъ Лицеѣ М. А. Соловьевъ пишетъ ему: „Только одинъ разъ въ жизни судьба доставила мнѣ удовольствіе видѣться съ вами. Въ концѣ 1838 года, бывши въ Москвѣ, проѣздомъ въ Одессу, я провелъ нѣсколько часовъ въ памятной для меня бесѣдѣ вашей, и никогда не забуду чисто Русскаго Московскаго гостепріимства, съ которымъ я познакомился въ лицѣ вашемъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда: позвольте теперь, спустя почти три года, поблагодарить васъ за дружелюбный пріемъ, сдѣланный вами мнѣ — человѣку вамъ неизвѣстному. Я никогда не забуду вашихъ блиновъ вкусныхъ и по своему достоинству, но еще несравненно вкуснѣйшихъ по радушію и благосклонности хозяина мною высоко уважаемаго. Зная вашу задушевную любовь къ наукѣ и къ Словенщинѣ, я почитаю себя совершенно счастливымъ, что теперь имѣю честь предстать передъ вами ходатаемъ за одного словенина-болгарина, жаждущаго пищи духовной. Еслибы я не зналъ вашего высокаго стремленія служить для пользы и славы міра Словенскаго, то никогда не рѣшился бы утруждать васъ своимъ ходатайствомъ; зная вашу Словенскую душу, я думаю, что вамъ сдѣлать добро для словенина не только что не тяжело, но пріятно и утѣшительно! Если, какъ я надѣюсь, вы съ удовольствіемъ окажете снисходительность и доброжелательство предстоящему вамъ болгарину, то доставленіе вамъ случая сдѣлать добро въ пользу Словенщины да почтется выраженіемъ моей благодарности и глубокаго уваженія, съ которыми не разлучатъ меня никакія обстоятельства. Г. Иліевъ, по обыкновенію достаточныхъ Болгаръ, получилъ первоначальное образованіе въ Аѳинской гимназіи, гдѣ словеноненавидцы — Греки, желая очистить его отъ Словенщины, перемѣнили его фамилію. Но не развращенному греку пересоздать сердце словенское! Понимая, что Русь, одна только Русь, можетъ возродить и воскормить его народъ, г. Иліевъ жаждалъ познакомиться съ благодѣтельницею Словенъ; для достиженія этой цѣли онъ чувствовалъ необходимость изученія Русскаго языка и — началъ изучать его у Русскихъ пѣв-

чихъ, находящихся при нашей Аѳинской миссіи, составленной изъ Грековъ. Распросите его, и онъ доставитъ вамъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ трудно болгарину учиться по Русски между Греками, которые за всѣ благодѣянія, сдѣланныя имъ Русью, платятъ черною неблагодарностью и недоброжелательствомъ! Г. Иліевъ избралъ Московскій Университетъ для окончательнаго своего образованія; онъ надѣется выйти изъ него возрожденнымъ, освѣщеннымъ свѣтомъ истины для того, чтобы плоды своихъ трудовъ и ягоды принести въ даръ дорогой отчизнѣ. Безъ руководителя и русскому трудно не заблудиться въ Москвѣ Бѣлокаменной, что же станется съ болгариномъ, незнакомымъ съ нашими формами? Съ чего начать, къ кому обратиться? Рѣшеніе этихъ вопросовъ для него terra incognita. Слыша отъ всѣхъ и каждаго, что вы, по добротѣ души своей, никому не отказываете въ помощи, я смѣло вызвался снабдить его письмомъ къ вамъ и обнадежилъ его, что вы примете въ немъ участіе. Русскіе ли покажутся холодными въ отношеніи Болгаръ, которые такъ жадно ищутъ нашего знакомства, для нихъ благодѣтельнаго? И какъ дорого цѣнятъ Болгары каждое доброе дѣло для нихъ сдѣланное, каждое доброе слово въ пользу ихъ замолвленное! Въ своей рѣчи, которую я имѣлъ честь препроводить вамъ чрезъ В. В. Григорьева, я сказалъ нѣсколько словъ о Болгарахъ—и что же? Какія живыя благодарности я слышалъ и слышу отъ здѣшнихъ Болгаръ! Какъ безцѣнна для меня поднесенная мнѣ Болгарами золотая цѣпь во имя союза братскаго!..“

Извѣстный путешественникъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій, издавъ свое путешествіе по Черногоріи, писалъ Погодину: „Прямою обязанностью поставляю доставить вамъ книгу о Черногоріи; такъ же, какъ и мнѣ, все Словенское близко вашему сердцу и можетъ быть болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ. Примите ее милостиво. Тяжкія и продолжительныя мои розысканія въ Черногоріи, частыя военныя экспедиціи и мучительныя, хотя и мирныя сношенія съ ея сосѣдями, искупаютъ грѣхъ изданія книги. Впрочемъ, составленіе карты,

которой достоинство уже оцѣнено въ Европѣ, карты, совершенно преобразившей этотъ край, и уничтоженіе тѣхъ несправедливыхъ понятій, которыя распространяютъ о немъ Австрійцы, нѣкоторымъ образомъ уполномочивало меня на изданіе книги. О Сербіи—другое дѣло,—я молчу. Я состою въ частыхъ сношеніяхъ съ Черногоріей и съ Владыкою: если позволите доставлять въ вашъ журналъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ, то я со всею готовностью это исполню".

С. Д. Нечаевъ, собравши деньги на дорогу одному „усердному ходатаю за церковь Боснійскую", проситъ Погодина пригласить его къ нему „на прощальный обѣдъ" [131]).

Но не всѣ раздѣляли Словенолюбіе Погодина и не всѣ вѣрили въ пользу для Россіи возбужденія Словенскаго вопроса. Такъ, Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ подъ 24 октября 1841 года записалъ слѣдующее: „Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы. Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о Словенахъ Австріи. Я не ошибся: я всегда думалъ, что Словенскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка, Погодинъ и проч., но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который, однако, самъ не изъ послѣднихъ словенофиловъ" [132]).

Недовѣрчиво относился къ Словенскому вопросу и Московскій Попечитель графъ С. Г. Строгановъ. „Въ послѣдніе годы", писалъ онъ Уварову, - „нѣкоторые журналы, *и въ особенности Москвитянинъ*, приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи Словенъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе и предвѣщать скорое отпаденіе ихъ отъ иноплеменнаго ига. А какъ при дѣйствіи въ Государствѣ цензуры на Правительство падаетъ отвѣт-

ственность и за частное политическое направленіе журналистики, я почитаю обязанностію, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами Правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ Словенскихъ народовъ; представлять имъ Россію какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія въ своевременности, при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россіи съ сосѣдними Державами". На это Уваровъ отвѣчалъ (16 іюля 1842): „Въ сообщенныхъ журналомъ *Москвитянинъ* и нѣкоторыми другими изданіями свѣдѣніяхъ о Словенскихъ племенахъ и преимущественно о литературныхъ явленіяхъ у нихъ ваше сіятельство усматриваете поводъ предложить на разрѣшеніе Правительства вопросъ о соотвѣтствіи сихъ статей съ настоящими видами онаго въ разсужденіи политическаго состоянія этихъ народовъ. Доселѣ вышеозначенныя статьи не подвергались никакимъ со стороны Правительства замѣчаніямъ касательно предполагаемаго въ нихъ значенія и при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей *Москвитянина*, профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться, что и впредь они не подадутъ повода къ какимъ-либо нареканіямъ въономъ смыслѣ. Вообще всякія нарушенія дружественныхъ отношеній между союзными съ Россіею Державами, посредствомъ книгопечатанія, предупреждается уже постановленіями § 9 Устава о Цензурѣ; и потому если въ какихъ-либо изданіяхъ вообще могло быть нарушено должное приличіе въ этомъ отношеніи, то отвѣтственность, на основаніи цензурныхъ учрежденій, падаетъ на то лицо, съ разрѣшенія коего подобное изданіе поступило въ печать. Что касается до существованія, по словамъ вашего сіятельства, *пропаганды*, я дол-

женъ сообщить вамъ, милостивый государь, что предполагаемое существованіе подобной *пропаганды* выходитъ далеко изъ черты обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ погрѣшностей и даже предѣловъ моего вѣдомства и требуетъ особыхъ наблюденій. Почему предлагаю вашему сіятельству войти въ конфиденціальное сношеніе о семъ съ г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, которому я съ своей стороны не оставлю передать содержаніе вашего отношенія".

Дополненіемъ и частію разъясненіемъ приведенной довольно колкой переписки между Министромъ и Попечителемъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ позднѣйшихъ Воспоминаній Погодина. „Онъ" (то-есть, графъ Строгановъ), пишетъ Михаилъ Петровичъ,—„посылалъ на меня даже доносъ по поводу статей моихъ о Словенахъ, коими, писалъ онъ, можетъ быть возбуждена у Россіи война съ Оттоманскою Портою. Уваровъ обратилъ этотъ доносъ въ шутку и переслалъ его къ Московскому Генералъ-Губернатору, которому поручено охраненіе столицы. Князь Д. В. Голицынъ, по пріѣздѣ Уварова вскорѣ въ Москву, звалъ его къ себѣ побесѣдовать вечеромъ о средствахъ предотвратить войну. Это разсказывалъ мнѣ начальникъ его секретной экспедиціи генералъ Барышниковъ, уже чрезъ нѣсколько лѣтъ на балѣ у А. Д. Черткова, по поводу разговора о болгаринѣ Бусиловѣ, который жилъ у меня нѣсколько времени, почему-то былъ вхожъ къ генералу Барышникову и не задолго предъ тѣмъ умеръ въ Университетской больницѣ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году всѣ эти извѣстія подтвердились для меня окончательно въ напечатанной отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книгѣ о Цензурѣ. Сдѣлаю здѣсь простое замѣчаніе. Еслибъ онъ былъ добрый и справедливый человѣкъ, то ему слѣдовало бы призвать меня, какъ попечитель профессора, объяснить свой взглядъ на вещи и подать благой совѣтъ, чтобъ я воздерживался отъ такихъ статей. Можно судить, сколько я терпѣлъ притѣсненій по цензурѣ".

Такимъ образомъ Погодинъ, неожиданно для самого себя,

становился жертвою обостренныхъ отношеній между Уваровымъ и Строгановымъ.

XXV.

16 іюня 1841 года Погодинъ имѣлъ несчастіе потерять сына младенца Петра, которому исполнился всего одинъ годъ. Невинный младенецъ доставлялъ отцу своему великое утѣшеніе. Ровно за мѣсяцъ до его кончины Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „.... Петрунька забавляетъ"; а черезъ мѣсяцъ, въ томъ же *Дневникѣ* мы читаемъ: „Петруша занемогъ, и мы были въ ужасной тревогѣ". Наконецъ 16 іюня все кончилось. „Мы лишились нашего милаго Петруши. Буди воля Божія! Грусть и тоска". 20-го его похоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Предавшись волѣ Божіей, Погодинъ „насилу принялся за работу. Русь", замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, — „одолѣваетъ меня, и никакъ не могу совладать" [181]).

Какъ бы въ утѣшеніе Погодина пріѣзжаетъ въ Москву Уваровъ. О его пріѣздѣ было возвѣщено въ *Москвитянинѣ*: Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ проѣзжаетъ почти ежегодно черезъ Москву, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ свой Тускулумъ, село Порѣчье, Можайскаго уѣзда, отдыхать отъ трудовъ государственныхъ, среди любезной ему древности, въ обществѣ представителей классической словесности, которые находятся въ его библіотекѣ въ такомъ собраніи, какихъ мало въ Европѣ".

Уваровъ очень обласкалъ Погодина и вмѣстѣ съ другими пригласилъ его къ себѣ въ Порѣчье.

По свидѣтельству И. И. Давыдова, въ 1841 году, постоянныхъ гостей въ Порѣчьѣ было девятеро. Между ними были пожилые и юноши, профессоры: И. И. Давыдовъ, И. М. Симоновъ, М. П. Погодинъ; художники: М. О. Лопыревскій, С. И. Хазановъ (?), и „образованные любители наукъ и

искусствъ“: М. А. Окуловъ, Г. В. Грудевъ, Е. Е. Нагель и И. Т. Спасскій *).

„Всѣ мы“, повѣствуетъ И. И. Давыдовъ, — „иные по двое, другіе порознь, жили въ особыхъ прекрасныхъ комнатахъ, чистыхъ, всѣмъ снабженныхъ, съ восхитительными видами изъ оконъ. Вотъ нашъ обыкновенный день. Поутру каждый пьетъ чай или кофе у себя въ комнатѣ, и работаетъ до 10 или 11 часовъ, или съ книгою отправляется въ садъ и паркъ. Молодежь большею частію любила удить рыбу, ѣздить верхомъ, стрѣлять и купаться. Въ 10 или въ 11 часовъ всѣ собираемся у хозяина, и когда онъ занятъ, идемъ во свояси—я съ товарищемъ моимъ (Погодинымъ) обыкновенно въ библіотеку; но если хозяинъ къ этой порѣ оканчивалъ утреннія занятія свои, то ходилъ съ нами въ паркъ, на излучистые берега Иночи. Первыя двѣ недѣли все наше общество съ хозяиномъ проводило утреннее время въ библіотекѣ, которую мы устанавливали въ отдѣланныхъ вновь залахъ. Это была работа веселая, живая, занимательная.... Мнѣ съ товарищемъ моимъ поручено было распоряженіе этимъ дѣломъ. Съ какимъ усердіемъ и съ какою ревностію всѣ трудились, зная, какъ поспѣшалъ окончаніемъ этой работы дорогой нашъ хозяинъ, тутъ же съ нами трудившійся! За полчаса передъ обѣдомъ оканчивали мы работы наши въ библіотекѣ и прогулки въ паркѣ. Въ 4-мъ часу обѣдали. За роскошнымъ и вкуснымъ обѣдомъ сколько высказывалось остротъ, каламбуровъ! Въ этомъ пальма первенства безспорно принадлежала остроумнымъ, образованнымъ и любезнымъ собесѣдникамъ, М. А. Окулову и Г. В. Грудеву. Сколько отъ души смѣялись чистосердечно, безъ малѣйшей обиды кому-либо. Послѣ обѣда юноши играли на билліардѣ, а пожилые обыкновенно съ хозяиномъ выходили на террасу, и, среди померанцевыхъ деревьевъ и въ ароматѣ цвѣтовъ, пили кофе и около

---

*) За содѣйствіе къ раскрытію инициіаловъ въ знаменитой статьѣ И. И. Давыдова о *Порѣчьѣ* мы обязаны благодарностью Его Высокопревосходительству Барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру.

часа бесѣдовали о всякой всячинѣ. Каждый говорилъ откровенно; чаще любили мы слушать самого хозяина, неистощимаго въ мысляхъ, съ сладкимъ словомъ. Отъ бесѣды опять иные уходили къ себѣ для минутнаго отдыха, другіе въ паркъ или въ садъ. Въ 6-ть часовъ снова собирались въ большомъ домѣ и отправлялись или на сельскія работы, или на фабрику, или всѣ вмѣстѣ въ огромной линейкѣ ѣздили въ ближнія деревни, осматривали обширныя поля, волновавшіяся рожью, пшеницею, ячменемъ, овсомъ, льномъ, или бродили по лѣсу. Въ 9-ть часовъ мы уже дома. Тутъ ожидали насъ жирныя сливки и варенецъ, земляника и малина, душистый чай. Между тѣмъ завязывался разговоръ, всегда занимательный и поучительный, разумѣется, приправляемый шутками и остротами—и мы непримѣтно бесѣдовали до полуночи. Всякій разъ намъ недоставало времени для окончанія начатаго разговора. Бесѣды вечернія смѣнялись иногда игрою на роялѣ и пѣніемъ одного изъ членовъ нашего сельскаго общества. Во все время, помнится, два или три раза вечеромъ играли въ преферансъ: это случилось въ ненастную погоду, когда дождь ливмя лилъ на дворѣ, и въ 6-ть часовъ нельзя было ни гулять, ни кататься по окрестностямъ. Прощались съ хозяиномъ, условливались въ занятіяхъ слѣдующаго дня— и лишь неожиданная непогода измѣняла наши предположенія. Порядокъ провожденія времени оставался безъ всякой перемѣны, когда пріѣзжали къ намъ въ гости сосѣди. Этой неизмѣняемости въ сельскихъ наслажденіяхъ помогало намъ нынѣшнее поистинѣ *красное* лѣто. По воскресеньямъ къ обыкновеннымъ занятіямъ прибавлялась обѣдня. Какое утѣшеніе для души въ деревнѣ даетъ намъ молитва въ храмѣ! Какъ умилительно въ уединеніи собраніе христіанъ!“ [134]).

Въ то время когда Погодинъ благодушествовалъ въ Порѣчьѣ, Шевыревъ, лишившись въ началѣ того же 1841 года матери, отправился въ Пензенскую губернію навѣстить своихъ родныхъ и оттуда писалъ Погодину въ Порѣчье: „Вотъ мы и въ Пензѣ. Въ дорогѣ мы претерпѣли всевозможныя непріят-

ности, какія только съ дорожными бываютъ: въ первый день отъ неосторожности ямщика коляска сломалась—и Покровскій кузнецъ исправлялъ издѣліе Вѣнскаго мастера; подъ Владиміромъ воры сундукъ отрѣзали, и люди мои потеряли все, что съ ними было; на станціяхъ была нерѣдко задержка въ лошадяхъ; въ Муромскомъ лѣсу—зной Африки и міръ пыли, родъ мученія изъ Дантова аду; дорога по большей части дурна; мосты трясутся, какъ ѣдешь; ямщики гонятъ по ухабамъ. Въ Муромѣ слышалъ я, что въ селѣ Карачаровѣ есть еще потомки Ильи Муромца: двѣнадцать дворовъ фамиліи Тороповыхъ. Илья былъ изъ этой фамиліи родомъ. Замѣчательно, что Тороповы до сихъ поръ отличаются непомѣрною силою. Донеси объ этомъ нашему Меценату, бесѣдою котораго вы теперь наслаждаетесь. Крайне жаль мнѣ, что я не тутъ же. Моя надежда на будущій годъ. Одинъ старичекъ хвалилъ мнѣ мое *толкованіе критики*. Здѣсь молебствуютъ о дождѣ. Засуха здѣсь по всей дорогѣ ужасная". Въ Порѣчьѣ же Погодинъ получилъ письмо и отъ А. Ѳ. Бычкова изъ любезной Уварову Археографической Коммиссіи: „Что вамъ сказать о моихъ приготовленіяхъ по предстоящему экзамену? Доканчиваю Древнюю Исторію и читаю теперь Римскую... Теперь вы отдыхаете, между тѣмъ какъ мы постоянно сидимъ за работою довольно скучною, потому что только изрѣдка, въ кучѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ актовъ, попадается новый. Сокровища, собранныя въ Коммиссіи, стерегутся, какъ яблоки сада Гесперидскаго; боятся, чтобы разсматривающій рукопись не списалъ бы чего-нибудь и не издалъ бы въ свѣтъ прежде Коммиссіи. Главный дѣятель, Бередниковъ, какъ нельзя болѣе схожъ съ вашимъ описаніемъ, человѣкъ добрый, но непремѣнно желающій быть аристократомъ въ наукѣ" [135]). . . .

. . . .

. . . .

Между тѣмъ, къ обычному препровожденію времени въ Порѣчьѣ, въ 1841 году, присоединились еще чтенія въ библіотекѣ. „Какъ, чтенія въ библіотекѣ", замѣчаетъ И. И.

Давыдовъ,—„въ сельскомъ отдохновеніи? Да, чтенія въ библіотекѣ о нѣкоторыхъ ученыхъ предметахъ, бесѣда, подобная Аттическимъ бесѣдамъ въ древней Академіи, Портикѣ, Пританеѣ, или на берегу Алфея. Однажды собрались всѣ въ большомъ кабинетѣ, у подножія Минервы, и согласились вполнѣ выслушать другъ друга о тѣхъ предметахъ, о которыхъ прежде бесѣдовали отрывисто, неокончательно". Читали И. И. Давыдовъ о *Прекрасномъ*; Погодинъ о *Димитріи Самозванцѣ*; И. Т. Спасскій объ *Отличіяхъ человѣка физіологическихъ и психологическихъ*. Сверхъ того, „юный талантливый художникъ предложилъ нѣсколько новыхъ мыслей объ архитектурѣ".

Остановимся только на чтеніи Погодина о *Димитріи Самозванцѣ*. „Все прекрасное", началъ Погодинъ,—„исчислено прекрасно моимъ товарищемъ; мнѣ остается одинъ прекрасный предметъ—бѣгло обозрѣть, какимъ чудомъ, въ углу бѣднаго Можайскаго княжества, котораго имя не достигало до Кіева, не только что въ Европу, воздвигнутъ этотъ palazzo, не уступающій лучшимъ зданіямъ Рима, Парижа, Лондона, съ рисунками Рафаэля и Гверчино, статуями Кановы и Финнели, изданіями Альдовъ и Эльзевировъ, машинами Кокрилля—palazzo, котораго владѣлецъ есть начальникъ шести университетовъ, двухъ Академій съ Педагогическимъ Институтомъ и тремя лицеями, около сотни гимназій, почти двухъ тысячъ училищъ, членъ ученыхъ обществъ: Аѳинскаго, Калькутскаго и Филадельфійскаго, кромѣ Европейскихъ. Но по опредѣленію злой судьбы (тутъ профессоръ коснулся особенныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ то время свѣжихъ для всѣхъ собесѣдниковъ), я долженъ говорить о самомъ мрачномъ, печальномъ, безобразномъ періодѣ Русской Исторіи — о періодѣ Самозванцевъ". За юмористическимъ вступленіемъ слѣдовало любопытнѣйшее изложеніе самаго запутаннаго мѣста въ нашей Исторіи. Тутъ показано было, что „въ продолженіе этого періода (1584 — 1613) разрушалась обветшалая древняя Россія Іоаннова, Россія Царская, и приготовлялась Россія новая, Европейская, Петрова. Начало и источникъ всѣхъ происшествій — гибель

Царевича Димитрія, безъ котораго не было бы самозванцевъ, не было бы междуцарствія, не было бы Петра Великаго и этой комнаты, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ. Самозванецъ былъ громовымъ ударомъ, разрушившимъ древнее зданіе. Много горючаго вещества должно было собраться въ атмосферѣ Русской, чтобъ разразиться этому громовому удару: и это вещество собиралось въ продолженіе сорокалѣтняго царствованія Іоанна Грознаго. Всѣ людскія страсти, мысли, чувствованія, сжатыя его желѣзною рукою, по закону психологической упругости, должны были разрѣшиться и разорвать продолжительное гнетеніе при его преемникахъ. Къ 1613 году страсти стихли; главныя дѣйствующія лица сошли со сцены; бурно разлившаяся рѣка вошла въ свои берега: и вотъ мирно вступаетъ на престолъ семнадцатилѣтній юноша, который имѣлъ сыномъ Алексѣя, а внукомъ Петра Великаго". Здѣсь профессоръ опредѣлилъ главные вопросы своей задачи. Предлагаемъ одни выводы его отвѣтовъ на эти вопросы. Говоря о гибели царевича Димитрія, онъ старался доказать, что Борисъ Годуновъ не принималъ въ ней никакого участія. Изслѣдованія о Самозванцѣ касались, вопервыхъ, вопроса: не былъ ли это настоящій Димитрій? Это мнѣніе, по которому предки наши впустили Самозванца въ Святую Русь, рѣшительно опровергнуто. Вовторыхъ, должно было разсмотрѣть: точно ли Самозванецъ былъ Отрепьевъ? И этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно. Втретьихъ, не Поляки ли или Іезуиты подставили его?—Эти предположенія, при глубокомъ изслѣдованіи, оказываются тоже несправедливыми. „Что же за таинственное лицо этотъ Самозванецъ?—Очевидно, онъ былъ русскій, вѣроятно, по происхожденію казакъ, попавшійся подъ руководство Поляковъ и Іезуитовъ уже въ позднѣйшее время; зародышъ же его мысли остается для Исторіи тайною". Тутъ профессоръ слегка упомянулъ о новой догадкѣ: не въ Москвѣ ли, между боярами, первоначально возникъ этотъ зародышъ? Подробнаго заключенія профессоръ не успѣлъ сдѣлать, и чтеніе окончилось, какъ и началось, прекраснымъ юморомъ. Раз-

дался звонъ обѣденнаго колокольчика—и чтеніе, по словамъ его, должно было *остаться безъ ногъ, какъ было безъ головы*, примѣненіе также къ извѣстному обстоятельству, во время чтеній свѣжему и всѣмъ знакомому..“

Объясненіе этихъ послѣднихъ строкъ находимъ въ Воспоминаніяхъ Погодина, причемъ его толкованіе связывается съ разсказомъ о враждебныхъ отношеніяхъ къ нему графа С. Г. Строганова, враждовавшаго также и съ Уваровымъ. „Лѣтомъ въ Порѣчьѣ“, писалъ Погодинъ, — „у Уварова, находившагося въ страшной враждѣ съ Строгановымъ, мы, гости, иногда читали лекціи. Мнѣ случилось читать послѣднюю передъ обѣдомъ. Я началъ ее такъ: *Времени намъ осталось мало, и я прямо приступаю къ предмету.* Когда я проговорилъ не больше четверти часа, раздался звонокъ къ обѣду, и я сказалъ: *Извините, милостивые государи, нынѣшняя лекція моя была безъ головы, и вотъ видно, ей приходится остаться и безъ ногъ.* Графъ Строгановъ не задолго передъ тѣмъ переломилъ себѣ ногу. Добрые люди объяснили, будто, ему, что я этими словами смѣялся на его счетъ. Слова мои были напечатаны въ статьѣ Давыдова, въ моемъ отсутствіи изъ Москвы, и я не могъ ихъ остановить. Впрочемъ, я, можетъ быть, не остановилъ бы ихъ и присутствующій, потому что говорилъ безъ умыслу и о кривомъ толкованіи узналъ послѣ“. Одинъ изъ гостей Порѣчья И. Т. Спасскій, по возвращеніи въ Петербургъ, писалъ Погодину: „Совѣтую вамъ поберегать свое здоровье, не брать въ руки картъ, за исключеніемъ географическихъ, и—если придется читать опять въ Порѣчьѣ лекціи—не говорить *о ногахъ*, во избѣжаніе всякихъ худыхъ толковъ“.

„Такъ проводили мы“, заключаетъ И. И. Давыдовъ, — „пріятнѣйшіе дни жизни нашей въ селѣ Порѣчьѣ. Никогда не изгладятся изъ памяти нашей тѣ сладкія бесѣды, въ которыхъ хозяинъ, не какъ высокій сановникъ, а какъ *первый* изъ товарищей, позволялъ говорить съ собою откровенно и чистосердечно. Одушевленные имъ, можетъ быть, мы и проговарива-

лись, но мы увѣрены были, что онъ, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, выслушивалъ насъ, какъ душевно и сердечно ему преданныхъ. Вѣчно сохранятся въ насъ и тѣ живыя, очаровательныя впечатлѣнія доброты, радушія, предупредительности, которыми ознаменовано все пребываніе наше въ Русскомъ Айльуортѣ, и за хлѣбомъ-солью, и въ прогулкахъ, и въ самомъ отдохновеніи. Общество наше, въ которомъ дорогой хозяинъ своею безпримѣрною снисходительностью уравнивалъ пожилыхъ съ юношами, въ полной свободѣ и непринужденности, радостно переходило отъ одного удовольствія къ другому и утѣшалось въ особенности тѣмъ, что онъ самъ, среди насъ, бывалъ веселъ и самъ всѣхъ насъ одушевлялъ. Мы всѣ обязаны всегдашнею душевною и сердечною благодарностью хозяину Порѣчья за милостивое гостепріимство, которымъ имѣли счастіе наслаждаться. О, еслибы и мы съ своей стороны заслужили о себѣ его воспоминаніе, когда онъ, послѣ трудовъ государственныхъ, на досугѣ мысленно переселится въ свое Порѣчье!“ [136]).

Самъ Уваровъ своимъ пребываніемъ въ Порѣчьѣ остался очень доволенъ. „Вчера былъ у Уварова“, писалъ Верстовскій Погодину, — „который много разсказывалъ мнѣ о вашемъ веселомъ пребываніи у него въ деревнѣ. Пенялъ, что я не пріѣхалъ — и признаюсь мнѣ самому очень досадно, что я не зналъ, что вы ѣдете къ нему. Я бы диссертаціи не прочелъ, но за то нѣсколько колѣнъ выкинулъ бы! Меня нынче звали къ Черткову, но ко мнѣ напросился Загоскинъ обѣдать, и я не могу измѣнить ему“.

Между тѣмъ, благодарный за гостепріимство И. И. Давыдовъ сдѣлалъ описаніе Порѣчья, которымъ очень интересовался И. Т. Спасскій. „С. С. Уваровъ здоровъ и веселъ“, писалъ онъ, — „часто вспоминаетъ о своихъ Московскихъ друзьяхъ и о жизни, проведенной въ Порѣчьѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода *Москвитянина* и описанія Порѣчья и нашихъ тамошнихъ затѣй. Я бы крайне желалъ и прошу васъ о томъ,

чтобы лекція моя, если возможно, была изложена безъ пропусковъ".

Но когда статья И. И. Давыдова о Порѣчьѣ явилась въ *Москвитянинѣ*, то многимъ дала поводъ осуждать Погодина за напечатаніе оной. „Сейчасъ только", писалъ Погодину Г. В. Грудевъ,—„получилъ я письмо отъ Уварова, который, между прочимъ, написалъ ко мнѣ, чтобы поздравить васъ съ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Статья *Село Порѣчье* заставила многихъ говорить и бранить. Не знаю побудительной причины брани, я, однакоже, удивился, когда въ числѣ самыхъ жестокихъ порицателей Порѣцкаго помѣщика нашелъ людей, называющихъ себя друзьями справедливости и друзьями нѣкоторыхъ лицъ, заключающихся въ статьѣ, и участниковъ Порѣцкаго пребыванія. Неужели все то, что я слышалъ въ Порѣчьѣ и здѣсь была комедія?"

Статья о Порѣчьѣ очень возмутила Загряжскаго, и онъ прямо писалъ Погодину: „А село Порѣчье—ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ твоемъ журналѣ. Постичь не могу, что съ тобою сдѣлалось, куда дѣвалась твоя скромность, а это дивитъ не одного меня. Не удивили меня слова И. И. Давыдова: въ присутствіи своего Мецената, въ *которомъ* и у котораго все прекрасно,—да какъ же ты рѣшился это напечатать! Не забыли и вы и себя, напримѣръ: бесѣда, подобная Аттическимъ бесѣдамъ въ древней Академіи, Портикѣ, Пританеѣ. Ну самъ разбери, прилично ли такъ говорить о бесѣдѣ, гдѣ само дѣйствующее лице. Желалъ бы я видѣть Уварова, какъ онъ съ скромною физіогноміею выслушивалъ всѣ эти похвалы, чтобы не сказать подлости. Напиши, кто писалъ эту статью, да также и всѣхъ, составлявшихъ Аттическую бесѣду; особенно желаю знать архитектора, мнѣ его мысли очень понравились. Да, что же ты не пишешь, какъ ты объяснился съ Уваровымъ и что за причина, что онъ не даетъ тебѣ мѣста, на которое такъ упрашивалъ". Не болѣе чѣмъ Загряжскому понравилась статья о Порѣчьѣ и С. Т. Аксакову. „Откровенно совѣтую", писалъ онъ Погодину,—„не говорить словъ: *да я двадцать Порѣчьевъ*

[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] средства“. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] Погодину: „[illegible] [illegible] [illegible] на *Парижѣ* и не могутъ [illegible] [illegible] [illegible]“ [illegible].

За ту статью о Порфирѣ очень остался доволенъ самъ Уваровъ. По свидѣтельству либеральнаго цензора Никитенки, И. И. Давыдовъ своею статьею о *Порфирѣ* „завоевалъ сердце“ Уварова. „Статью“, разсказываетъ Никитенко,— „до того восхвалили, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ“. Въ началѣ января 1842 года И. И. Давыдовъ посѣтилъ Петербургъ и имѣлъ неосторожность посѣтить Никитенку, который для потомства записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 7 января 1842 года: „У меня просидѣлъ вечеръ И. И. Давыдовъ. Обширный умъ, бездна познаній, знаніе жизни—все это есть у него, а дальше что? Пока не знаю. Его упрекаютъ въ уклончивости, или, вѣрнѣе, слишкомъ большой склонности характера. Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ, Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать Философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него, какъ на врага вѣры, престола и т. д.“. Чувство справедливости заставило Никитенку замѣтить и о Полевомъ, котораго онъ нѣкогда такъ идеализировалъ, слѣдующее: „Но Полевому не слѣдовало бы упрекать Давыдова за сближеніе со властями: онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія *Телеграфа*“.

Въ Петербургѣ, по свидѣтельству того же Никитенки, Давыдовъ былъ принятъ Уваровымъ „съ распростертыми объятіями“, и онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ Институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ „Русскаго Вильмена“. Очевидецъ этихъ чтеній, Никитенко, повѣствуетъ: „Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ.

дѣлая тамъ обзоръ Русской Литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть *Лукулла*. Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе Министерство Народнаго Просвѣщенія, и что если онъ сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ только Мемнова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ. Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ, М. П. Леонтьевой, и сказалъ ей: „Вѣдь вы напишете Государю о моемъ посѣщеніи?“ Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ собою оратора. Но иное писалъ самъ Уваровъ къ Погодину: „И. И. Давыдовъ, въ бытность свою здѣсь, восхитилъ всѣхъ дѣвицъ своимъ словомъ, и нѣсколько изъ нихъ мысленно завидовали его невѣстѣ“ [138]).

Загряжскій, встрѣтившись гдѣ-то въ Петербургѣ съ однимъ изъ гостей Порѣчья, И. Т. Спасскимъ, писалъ Погодину: „На дняхъ обѣдалъ я съ Спасскимъ. Я его разумѣлъ п...... и не воображалъ такимъ п........, каковымъ онъ себя показалъ. Разговоръ зашелъ о Давыдовѣ, о которомъ былъ слухъ, что онъ назначается директоромъ Канцеляріи къ Министру, онъ до того его превозносилъ, что всѣ великіе ораторы передъ нимъ ничего, что онъ поистинѣ нашъ ученый Златоустъ, таково его краснорѣчіе; что умъ и благородство его въ высочайшей степени; что Уваровъ его вездѣ возилъ какъ чудо по всѣмъ заведеніямъ, гдѣ онъ читалъ или лучше импровизировалъ лекціи, отъ которыхъ у всѣхъ раскрылись силы и теперь не сжимаются; что Принцъ Ольденбургскій отъ него безъ ума, словомъ—онъ есть свѣтило и украшеніе нашего вѣка.—Каковъ наглецъ?“

Долгъ безпристрастія заставляетъ насъ привести слѣдующія строки изъ воспоминаній Погодина объ И. И. Давыдовѣ: „Мнѣ случилось провести съ нимъ нѣсколько времени вмѣстѣ у Уварова въ Порѣчьѣ, и я узналъ его съ новыхъ двухъ сторонъ, которыя мнѣ очень полюбились, а именно: по въ выс-

шей степени благодушному его обращенію съ прислугою и по мыслямъ о необходимости уничтожить крѣпостное право. Мы поддерживали ихъ вмѣстѣ противъ Уварова, который твердо стоялъ за крѣпостное право". Но тотъ же долгъ безпристрастія также обязываетъ насъ привести и слѣдующія слова И. И. Давыдова изъ извѣстной уже намъ статьи его о *Порѣчьѣ*: „Но вотъ и послѣднее Воскресеніе гощенія нашего въ незабвенномъ Порѣчьѣ. Въ храмѣ Божіемъ крестьяне и крестьянки были разряженные. Послѣ обѣда весь паркъ наполнился гуляющими поселянами, собравшимися провести этотъ день съ дорогимъ своимъ бариномъ. Попеременно, то съ той, то съ другой стороны парка раздавались веселыя пѣсни, выливавшіяся изъ непритворнаго сердца русскаго, сопровождаемыя звонкимъ кларнетомъ. Лишь только хозяинъ съ гостями своими вышелъ на террасу, всѣ поселяне и поселянки, старые и молодые, угощаемые бариномъ, смѣшались передъ домомъ, грянули дружно плясовую, и ретивое сердце парней и дѣвицъ не выдержало —пустились плясать. Пляска смѣнялась хороводами. Славили и величали добрые крестьяне *добрѣйшаго своего барина*; разгулье и довольство ихъ радовали его и восхищали" [139]).

XXVI.

Вернувшись въ Москву изъ Порѣчья, Уваровъ, 27 іюля 1841 года, посѣтилъ Погодина въ его домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ. Обрадованный этимъ посѣщеніемъ, Погодинъ привѣтствовалъ Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующею рѣчью:

„Знаменитый Талейранъ сказалъ Людовику Филиппу, увидя его у своего одра, что для Французскаго дворянина не можетъ быть чести выше посѣщенія королевскаго. Я могу сказать гораздо съ большимъ основаніемъ, что никогда Русское ученое сословіе, обезпеченное и успокоенное стараніями вашего высокопревосходительства, не получало отъ Правительства

такого знака вниманія, участія, уваженія, какое получаю я теперь въ вашемъ посѣщеніи моей ученой кельи. Говорю — съ бо́льшимъ основаніемъ, потому что права Людовика Филиппа на престолъ, въ глазахъ Французскаго Дворянства, не были такъ законны, какъ въ нашихъ глазахъ законны ваши права на управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Примите же изъявленіе глубочайшей признательности отъ всего сословія, котораго въ эту минуту я имѣю счастіе быть случайнымъ представителемъ; примите увѣреніе, что оно живо чувствуетъ всѣ ваши отеческія попеченія и потщится всѣми силами, проходя свое служеніе подъ вашимъ руководствомъ, въ духѣ *Православія, Самодержавія и Народности*, заслуживать болѣе и болѣе милость Царскую" [140]).

Въ это время въ Московскомъ Университетѣ происходили вступительные экзамены. „Августъ мѣсяцъ", пишетъ Шевыревъ,— „есть начало нашего академическаго года. Тутъ университетъ отворяетъ настежъ двери для всѣхъ желающихъ идти тѣмъ широкимъ путемъ просвѣщенія, который открываетъ Правительство... Всѣ свободныя сословія, всѣ роды, всѣ состоянія уравнены волею мудраго Правительства предъ лицомъ справедливой и строгой науки, которая на этомъ благородномъ состязаніи юныхъ силъ иногда вѣнчаетъ древность рода новою заслугою добраго ученія, иногда возводитъ неизвѣстность и нищету на тотъ путь, откуда для всѣхъ возможны гражданскія почести. Зрѣлище прекрасное, поучительное..." — „Ни въ какомъ городѣ", пишетъ Погодинъ,— „университетскіе вступительные экзамены не имѣютъ такой важности, не возбуждаютъ такого общаго участія, какъ въ Москвѣ. Молодые люди собираются со всѣхъ концовъ Россіи, въ сопровожденіи своихъ родителей, родственниковъ; а другіе приходятъ даже пѣшкомъ. Во всѣхъ домахъ только и разговору о пріемахъ. Служатъ молебны у Иверской Божіей Матери; произносятся обѣты идти къ Троицѣ. Пожелаемъ успѣха молодымъ людямъ при вступленіи ихъ на новое славное поприще! Пожелаемъ еще болѣе проходить оное съ честію и пользою".

Само собою разумѣется, что Уваровъ во время пребыванія своего въ Москвѣ посѣщалъ эти экзамены и принималъ въ нихъ самое живое участіе. „Конечно“, замѣчаетъ Шевыревъ,— „не одинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, не одни испытатели и испытуемые, но вся Москва принимала въ нихъ участіе. Для тѣхъ скептиковъ, которые полагаютъ, что въ Москвѣ нѣтъ никакой иной жизни, кромѣ торговой и промышленной, мы укажемъ на это явленіе, свидѣтельствующее, что въ нашей столицѣ есть иная жизнь, жизнь умственная, которою мы гордимся, есть занятія, которыя не ведутъ къ блистательнымъ почестямъ, но которыми прочно, подъ мудрымъ взоромъ Правительства, утверждается будущность поколѣній грядущихъ“.

По заявленію *Москвитянина*, и Русская Словесность, и Русская Исторія въ Москвѣ получили отъ Уварова, впродолженіе этого проѣзда, „ободреніе и оживленіе“: Кубаревъ посвятилъ ему свое изслѣдованіе о Несторѣ; Дубенскій - изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ, Тромонинъ — очерки съ примѣчательныхъ произведеній искусства, преимущественно Русскаго.

Погодинъ, занимаясь изслѣдованіями историческихъ судебъ Великаго Новгорода, нашелъ необходимымъ лично обозрѣть предѣлы волости Новгородской. „Сѣвѣрная часть Европейской Россіи“, говоритъ Погодинъ,— „наименѣе подвергшаяся вліянію Татарскому и Польскому, а равно и нововведеніемъ такъ называемой Европейской цивилизаціи, безъ фабрикъ и военныхъ постоевъ, должна представлять наблюдателю много любопытныхъ наблюденій“. Взглядъ этотъ вполнѣ раздѣлялъ Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ и для предоставленія Погодину возможныхъ удобствъ къ путешествію по Новгородской землѣ далъ ему (отъ 1 августа 1841 года) слѣдующій открытый листъ: „Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, коллежскій совѣтникъ Погодинъ, отправленъ въ ученое путешествіе для историческихъ и филологическихъ розысканій въ древнихъ предѣлахъ Новгородскаго княжества, нынѣшнихъ губерніяхъ: Новгородской, Вологодской и Архангельской. Почему прошу мѣстныя начальства означенныхъ

губерній оказывать г. Погодину зависящее отъ нихъ благосклонное содѣйствіе, а начальствамъ учебнаго вѣдомства, сверхъ того, въ особенности предлагаю принимать участіе во всемъ, относящемся къ успѣху розысканій профессора Погодина". Такого рода документъ, конечно, одушевилъ Погодина, и онъ съ восторгомъ сказалъ: „Наконецъ исполняется давнишнее мое желаніе, и я, благодаря просвѣщенному покровительству нашего Министра, получаю возможность начать свое путешествіе по Россіи. Сидя въ кабинетахъ, зарывшись въ книгахъ и обложась бумагами, входящими и исходящими, мы, люди Московскіе, мало бываемъ знакомы, а Петербургскіе еще менѣе, съ живою жизнію народа, его духомъ, нуждами и желаніями, достоинствами и пороками, которые бросаютъ такой свѣтъ на Исторію. Чтобы узнать короче народъ и понять его дѣйствія, прошедшія и настоящія, чтобъ привязаться къ нему крѣпче, надо становиться чаще лицемъ къ лицу съ нимъ, въ разныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ, а издали и сквозь бумаги многое кажется иначе. Что сказалъ я объ ученыхъ, то можно примѣнить и къ другимъ лицамъ... Вотъ главные пункты путешествія: Нижній, Устюгъ Великій, Архангельскъ, можетъ быть, Соловецкій островъ, Бѣлозерскъ, Вологда" [141]).

Между тѣмъ, Я. И. Бередниковъ, узнавъ о предпринимаемомъ Погодинымъ путешествіи, писалъ П. М. Строеву: „Погодинъ ѣдетъ на Сѣверъ повѣрять дѣйствія Археографической Экспедиціи: желаю ему успѣха. Ныньче онъ кричитъ громко, и можетъ кричать, потому что его слушаютъ" [142]).

XXVII.

3 августа 1841 года Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. На канунѣ отъѣзда А. И. Лобковъ ему писалъ: „Услышавъ отъ сына, что вы ѣдете одни, а по сему и предлагаю вамъ мѣсто съ нами въ коляскѣ, съ большимъ удовольствіемъ; лошади доставлены, выѣздъ въ 7 часовъ утра въ

воскресенье; артельщикъ у меня взятъ. Все къ вашимъ услугамъ" [143]). Но, кажется, Погодинъ не воспользовался этимъ любезнымъ приглашеніемъ и „отправился въ дилижансѣ по шоссе", только-что въ то время устроенномъ отъ Москвы до самаго Нижняго. Погодинъ удивляется, „какъ долго мы остаемся иногда въ неизвѣстности о такихъ важныхъ происшествіяхъ въ Отечествѣ, имѣющихъ обширное, благодѣтельное вліяніе, какъ напримѣръ, устройство дорогъ. Въ чужихъ краяхъ трезвонятъ обо всякой верстѣ, а мы молчимъ о тысячѣ". Спутниками Погодина были Кяхтинскіе торговцы. „За чаемъ разговоръ зашелъ о чаѣ". Основаніе Кяхтинской торговли положено знаменитымъ въ Москвѣ негоціантомъ Жигаревымъ, котораго жаловалъ императоръ Павелъ, оставившій при немъ, не въ примѣръ прочимъ, чинъ надворнаго совѣтника, и которому Москва обязана церковью Мартына Исповѣдника. Жигаревъ имѣлъ милліоны, а внукъ его послѣ питался Христовымъ именемъ и похороненъ чужими людьми. Погодинъ проѣхалъ знаменитыя Горенки, которыя недавно пользовались Европейскою славою по своимъ ботаническимъ садамъ. Теперь здѣсь фабрика. Проѣхалъ онъ также Пахру, извѣстную по своему живописному положенію на рѣкѣ Пахрѣ, съ прекраснымъ домомъ, гдѣ было отличное собраніе картинъ. И здѣсь фабрика. По этому поводу онъ съ грустью замѣтилъ: „Богатыя помѣстья старинныхъ Русскихъ бояръ перешли, также какъ и Московскіе ихъ дворцы, въ руки купцовъ и фабрикантовъ!" На постоялыхъ дворахъ Погодинъ не замѣтилъ никакого улучшенія: „Тѣ же грязные дворы, кривыя лѣстницы, трясучіе полы, нечистые самовары, полуразбитыя чашки" и отсутствіе чайныхъ ложечекъ. А между тѣмъ хозяйка одного постоялаго двора спросила съ Погодина „за горячую воду два двугривенныхъ", и онъ насилу отдѣлался „четвертакомъ". „Удивительно", замѣчаетъ Погодинъ, — „какъ у насъ до сихъ поръ на такихъ большихъ дорогахъ, какъ Троицкая и Владимірская, нѣтъ еще нигдѣ порядочнаго пристанища".

На другой день Погодинъ проснулся въ селѣ Ундолѣ и

замѣтилъ: „Примѣчательное имя!“ Отъ своихъ спутниковъ Погодинъ узналъ „объ одномъ превосходномъ Московскомъ учрежденіи“, о коемъ онъ доселѣ „не имѣлъ никакого понятія“. Въ Москвѣ „въ гостинномъ дворѣ есть двѣ артели, по сту человѣкъ въ каждой, для различныхъ работъ товарныхъ; многіе посылаются въ города съ порученіями по торговлѣ. Всякій членъ артели, при вступленіи, взноситъ за себя въ артель полторы тысячи р., кои поступаютъ навсегда въ ея капиталъ. Потому за всякаго артельщика отвѣчаетъ вся артель своимъ капиталомъ. Если онъ окажется негоднымъ, то изгоняется изъ артели съ лишеніемъ своего капитала. Вы можете себѣ представить, какъ покоенъ долженъ быть хозяинъ, который беретъ къ себѣ артельщика. Они получаютъ хорошую плату, по договору со старостою, принадлежащую артели. По окончаніи года артельщикъ, по усмотрѣнію выборнаго старосты, получаетъ свой дивидендъ — отъ семисотъ до тысячи рублей въ годъ. У нихъ своя расправа. Общество по необходимости поддерживается честностію, и всѣ довольны. Какой Салонъ“, спрашиваетъ Погодинъ, — „похвалится лучшимъ учрежденіемъ?“

Въѣздъ во Владиміръ произвелъ на Погодина непріятное впечатлѣніе. Онъ остановился въ комнатѣ, въ которой, по его описанію, „двери не затворяются, сквозной вѣтеръ такъ и ходитъ. Что за столъ, поросшій сальною грязью! Разбитое зеркало! Какими красками и узорами вымазаны стѣны! Что за кровати! Однимъ словомъ гадость!“ Одинъ изъ спутниковъ сказалъ ему въ утѣшеніе: „Днемъ все это сносно, а какъ мнѣ случилось здѣсь ночевать, и какъ изъ этихъ дощатыхъ кроватей показались легіоны звѣрей... я проклялъ жизнь свою“. Оставивъ свой мрачный притонъ, Погодинъ отправился въ Соборъ и тамъ поклонился „останкамъ Андрея Боголюбскаго, который утвердилъ за Великороссіей первое мѣсто въ судьбахъ Отечества, и Георгія Всеволодовича, который на берегахъ Сити положилъ за него свою голову“. Прохаживаясь по Владиміру, Погодинъ спрашивалъ себя: „Что такое города Русскіе? и отвѣчалъ: Колоніи правительства; а первые города,

Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ—торговыя селища. Слѣдственно, наши города съ самаго начала не имѣютъ никакого сходства съ Европейскими".

При выѣздѣ изъ Владиміра, Погодинъ сѣлъ на козлы, чтобы любоваться открытыми видами, а больше всего для того, чтобы не пропустить Боголюбовской церкви и при этомъ онъ вошелъ „въ ученый разговоръ съ ямщикомъ:" „Что, братъ, это за церковь Боголюбовская? Почему проѣзжіе объ ней спрашиваютъ?"—Былъ, баринъ, князь Андрей Боголюбимый, по немъ она и прозвалась.—„Давно онъ жилъ?"—Давно, и старики не запомнятъ.—„Чѣмъ же онъ памятенъ въ народѣ?"—Его убили шурья.—„За что?"—А Богъ ихъ знаетъ. Вонъ она, церковь!" и ямщикъ показалъ Погодину вдали невысокую церковь, стоящую одиноко на луговинѣ, не вдалекѣ отъ Клязьмы. „Теперь тамъ не служатъ", сказалъ ямщикъ,—„а бываетъ только ходъ однажды изъ Владиміра, вотъ чрезъ это село, Боголюбимое". Вскорѣ они въѣхали въ село, которое ничѣмъ не напоминало о древней своей славѣ. „Кто бы подумалъ", пишетъ Погодинъ,—„что изъ этого мѣста Великороссія, нынѣшняя Россія, выступила на поприще Исторіи!" Находящійся тамъ монастырь показался до того „подновленнымъ", что̀ Погодинъ не захотѣлъ останавливаться и „съ горя по древнимъ памятникамъ" завелъ рѣчь съ ямщикомъ о нынѣшнемъ времени. По поводу этого разговора Погодинъ замѣтилъ: „Что за здравый смыслъ у Русскаго народа! Умѣйте только заговорить съ нимъ его языкомъ. Какъ хорошо онъ знаетъ свои нужды и средства удовлетворить имъ, а больше всего извлекать свои доходы. Въ любой деревнѣ найдете вы знатоковъ своего дѣла—дайте только имъ возможность показать себя, заставьте ихъ всѣхъ поговорить передъ собою, и вы получите изъ ихъ рѣчей такую диссертацію и экспликацію, какой не сочинитъ вамъ ни одинъ Нѣмецкій или Англійскій управитель; вы выберете себѣ такихъ помощниковъ, которые загоняютъ всѣхъ заморскихъ безогуречныхъ философовъ. Но

если вы назовете старостой перваго встрѣчнаго мужика, то, разумѣется, легко попадете на пьяницу, лѣнтяя или дурака".

Въ восьмидесяти верстахъ отъ Нижняго передъ Костинымъ, Погодинъ съ своими спутниками переправлялся на паромѣ черезъ Оку. Здѣсь произошла „презабавная сцена" у кондуктора съ перевощиками, и Погодинъ удивился „неистощимой изобрѣтательности Русскаго бранчливаго духа", въ особенности его плѣнило выраженіе одного мальчишки „истинно Шекспировское", обращенное къ кондуктору: *ну молчи ты подколесная пыль!* „Каково выраженіе", восклицаетъ Погодинъ,— „сколько здѣсь фантазіи, поэзіи; а старикъ отецъ его, также очень грубый, ворчалъ тоже".

Вмѣстѣ съ своими спутниками Погодинъ пилъ чай въ Костинѣ—и здѣсь „опять не нашли чайной ложечки". За другимъ столомъ въ избѣ сидѣли Татары и ѣли похлебку изъ курицы. „Приспѣшникомъ у нихъ былъ", замѣтилъ Погодинъ,— „такой мужчина, что страшно посмотрѣть. Что за вѣки, что за глаза, что за плечи, что за руки. Ну точь въ точь, какъ Озеровскій посолъ Мамаевъ, которому Димитрій Донской восклицалъ:

„О дерзостный посолъ надменнѣйшаго Хана!"

Кромѣ Татаръ, народу собралось множество. Погодинъ выразилъ сожалѣніе, что наши романисты вообще мало пользуются постоялыми дворами. „Сюда же подоспѣлъ", пишетъ Погодинъ,—„и одинъ англичанинъ съ тоненькой своей женою въ пол-охвата, въ черномъ платьѣ, шляпѣ и вуали; тотчасъ вынулъ бумажникъ и началъ списывать, кажется, перёдъ избы, обшитый весь узорными кружевами, какъ будто висѣвшими по наличникамъ, точь въ точь родной братъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Римскихъ развалинахъ".

Проѣхавъ Горбатовъ, Погодинъ съ своими спутниками, Кяхтинскими купцами, завелъ разговоръ о Борисѣ Годуновѣ, и ему „мелькнула въ головѣ новая мысль: *не умерщвленъ ли царевичъ Димитрій по наущенію партіи противной, съ намѣреніемъ приписать погибель Борису*, и тѣмъ по-

разить его. Обдумать впредь". Въ одномъ мѣстѣ Погодинъ услышалъ окончаніе церковнаго нарѣчія *во дворѣхъ*. Одинъ изъ спутниковъ его разсказывалъ повѣсть о св. Прокопіи, чудотворцѣ Устюжскомъ, и совѣтовалъ ему „посмотрѣть камни не далеко отъ города, упавшіе во время дождя, прекращеннаго этимъ чудотворцемъ".

Нашъ путешественникъ приближался къ Нижнему. „Наконецъ", пишетъ онъ,—„замѣчаешь близость ярмарки. Показывается народъ на дорогѣ, пѣшеходы, ѣздоки. Издали пылаетъ огонь изъ печей стальной фабрики. Вотъ видны и флаги судовъ. Проѣхали большія села на берегу Оки, гдѣ строятся барки. Что за чудный лѣсъ навалёнъ вездѣ! Какіе прекрасные деревенскіе дома! Вотъ уже и народъ толпится; смеркается. Мы пріѣхали! Тысяча подводъ разъѣзжаетъ по всѣмъ сторонамъ, и поднимается пыль, коею залѣпляются глаза. Поблагодаривъ добрыхъ и любезныхъ своихъ спутниковъ за пріятнѣйшія бесѣды, среди которыхъ я научился болѣе и болѣе уважать наше почтенное купечество, я откланялся имъ, и отправился искать квартиру своего родственника. Трактиры стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, какъ длинные и широкіе горящіе фонари. Зашелъ и велѣлъ подать себѣ ухи. Всѣ столы вокругъ меня были облѣплены народомъ: негдѣ было упасть яблоку, кто пилъ чай, кто закусывалъ. Прислужники въ бѣлыхъ рубашкахъ бѣгали между черными и синими кафтанами и оживляли нѣмую картину. Уха очень посредственна, хоть изъ свѣжей рыбы. Лавровый листъ и лимонъ портятъ вкусъ ея. Порція стоитъ семьдесятъ коп. Перевезся".

XXVIII.

Въ день Преображенія Господня Погодинъ отправился на ярмарку. Но прежде завернулъ къ своимъ дорожнымъ товарищамъ Кяхтинскимъ купцамъ, которые собирались въ церковь. Вмѣстѣ съ ними онъ пошелъ къ Спасу Преображенія. Внѣш-

нимъ видомъ церкви Погодинъ остался недоволенъ. „Никакого вкуса въ украшеніяхъ. Расписано малярами“. Но за то ему понравилось то, что „торговые города принесли сюда по образу съ своими святыми, которые и стоятъ въ кіотахъ по разнымъ мѣстамъ въ церкви. Такъ, жители Иркутска представили сюда своего Иннокентія; Каргопольцы —преподобнаго Александра; Москвичи своихъ чудотворцевъ; вотъ Макарій Желтоводскій, покровитель *здѣшнихъ* мѣстъ; вотъ Ростовскіе святители: Исаія, Леонтій, Θедоръ; Ярославскій князь Θедоръ съ чадами Давидомъ и Константиномъ; отъ Костромы образъ Θеодоровскія Божія Матери. Казанцы выстроили богатый иконостасъ въ теплой церкви. Жители каждаго города становятся во время богослуженія передъ своимъ образомъ и молятся, смотря на него“. Изъ церкви Погодинъ отправился обозрѣвать ярмарку. Началъ съ Китайскихъ рядовъ, и затѣмъ постепенно проходилъ: восточныя лавки, панскіе ряды, овощныя, мѣховыя, модныя. Проходя мимо книжной лавки, Погодинъ спросилъ: „Ну, каково идутъ дѣла, друзья мои?“—Плохо покамѣсть.—„А пойдутъ ли поживѣе?“—Богъ знаетъ.

„И ты несчастливъ! Дай же руку!“

Сказалъ издатель книгопродавцу, и помѣнялись взорами состраданія“. Затѣмъ Погодинъ направился въ суконную линію, серебряную и проч. и проч. Но здѣсь еще не вся ярмарка. „По обѣимъ сторонамъ находятся ея сѣни, преддверія, дополненія. Въ первыхъ ширингахъ трактиры — желтенькіе домики... За трактирами Русскія и Татарскія харчевни, питейныя выставки, портерныя лавочки, швальни, цырульни, бани. Еще далѣе налѣво слобода Кунавина, гдѣ останавливаются купцы, мелкопомѣстные дворяне“ и, по выраженію Погодина, „дѣвы радости, которыя прилетаютъ сюда изъ Москвы, Кіева и даже изъ Варшавы...“ Но обозрѣніе это утомило Погодина, и онъ только воскликнулъ: „О Русь! чего у тебя нѣтъ? Чего еще тебѣ надо? Правду сказали наши предки: земля наша велика и обильна... Слава Тебѣ подателю нашему Богу, слава Тебѣ!“

На другой день Погодинъ отыскалъ въ Гимназіи П. И. Мельникова, который занимается Исторіей и примѣчательностями Нижняго, а подъ руководствомъ директора М. Ф. Грацинскаго и инспектора Антропова осмотрѣлъ Гимназію. Въ гимназической библіотекѣ книги показались Погодину „слишкомъ новыми", и онъ замѣтилъ это своимъ провожатымъ, смотря на блестящіе переплеты. „Да, у насъ очень строго содержится эта часть, отвѣчали они. За пятнышки библіотекарь можетъ не принять книги и потребовать новой". По поводу *сохранности* Погодинъ замѣтилъ: „У насъ необходимы еще калачи при книгахъ, а если мы будемъ обмазывать ихъ дегтемъ, то никто и не придетъ къ вамъ за ними".

Въ тотъ же день Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе преосвященному Іоанну, который, услышавъ его имя, „тотчасъ началъ предупреждать его, чтобы онъ не роптал, увидя въ городѣ нѣкоторыя поновленія". Зашелъ разговоръ о живописи. При этомъ Преосвященный замѣтилъ, что „наши ученые живописцы привержены слишкомъ къ Италіянской живописи, незнакомы съ древностями, и пишутъ часто такіе образа, которые приводятъ въ соблазнъ православныхъ"... Отвѣтивъ на нѣкоторые вопросы о путешествіи, Погодинъ долженъ былъ откланяться и искренно сожалѣлъ, что не могъ долѣе воспользоваться поучительною бесѣдою Преосвященнаго, „котораго здѣсь всѣ жители, высшіе и низшіе, столько же любятъ, сколько и уважаютъ". Не такъ удачно было посѣщеніе Погодинымъ Губернатора, котораго „четыре раза" не заставалъ дома; за то дежурный квартальный „потѣшилъ его самолюбіе", сказавъ, что знаетъ его имя по литературнымъ произведеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ „возобновилъ знакомство" съ директоромъ ярмарки графомъ Толстымъ, съ которымъ встрѣчался въ Парижѣ.

Въ Нижнемъ Погодинъ познакомился съ торговцемъ рукописями, книгами и образами Ѳедоромъ Герасимовымъ, „человѣкомъ", по сказанію Погодина, „отличнаго ума и съ замѣчательнымъ даромъ слова". Онъ показалъ ему великолѣпное

Евангеліе, писанное будто бы Даніиломъ митрополитомъ († 1537). Разсказалъ объ Евангеліи въ Преображенскомъ Соборѣ, писанномъ Никономъ, ученикомъ преподобнаго Сергія, о подлинномъ житіи преподобнаго Гурія, писанномъ патріархомъ Гермогеномъ и проч., и проч. Въ особенности понравилось Погодину собраніе его образовъ, „будь они ни Корсунскіе, ни Рублевскіе, ни Строгановскіе", а образомъ Михаила архангела Погодинъ „просто очаровался".

Между тѣмъ пришли суда съ чаемъ, и Погодинъ отправился на Сибирскую пристань. „Что за прелесть Пермскія суда!" восклицалъ онъ. „И какой народъ чудной живетъ на этихъ судахъ: свободный, расторопный, остроумный, искренній, веселый; нѣтъ нашей униженности, нѣтъ нашей скрытности, осторожности и прочихъ порочныхъ добродѣтелей старѣющаго общества. Все живо и радостно. Какъ мило обходятся хозяева съ прикащиками, прикащики съ помощниками!" Поставщикъ своей физіономіей напомнилъ Погодину покойнаго Мерзлякова, земляка своего.

Подъ руководствомъ Мельникова Погодинъ приступилъ къ осмотру городскихъ достопримѣчательностей. Начали съ собора, основаннаго въ 1353 году. Войдя въ соборъ и не видя ни одной гробницы, Погодинъ „со страхомъ" спросилъ дьячка: „Гдѣ же Мининъ?.." — Его здѣсь нѣтъ. — „Какъ нѣтъ?" — Здѣсь тѣсно. — „Что ты болтаешь, глупый человѣкъ!" — А притомъ же здѣсь печки поставлены, продолжалъ онъ хладнокровно, какъ будто насмѣхаясь надъ моимъ нетерпѣніемъ". Но тутъ подоспѣлъ Мельниковъ и объяснилъ, что всѣ гробницы перенесены въ подземелье, вслѣдствіе значительнаго распространенія собора при обновленіи; впрочемъ, древнее расположеніе внутреннее и наружное соблюдено совершенно: гробницы должны бы были оставаться по срединѣ церкви, почему покойный архіерей и разсудилъ вынесть ихъ вонъ. „Нѣтъ", замѣчаетъ Погодинъ, — „гробница Минина есть лучшее украшеніе собора, сокровище города и всей Русской Исторіи. Она должна быть на виду, если не на прежнемъ своемъ мѣстѣ, то по крайней

мѣрѣ у стѣны. Мы говоримъ теперь много о національности. Но это чувство имѣетъ нужду въ питаніи, возбужденіи. Простолюдинъ придетъ теперь въ соборъ и уйдетъ, не вспомнивъ о Мининѣ, а если и вспомнитъ, то не увидитъ, потому что не всякаго поведетъ дьячекъ въ подземелье, и намъ велѣлъ онъ подождать: „Подождите, вотъ послѣ большого выхода".

Между тѣмъ обходя около стѣнъ, на которыхъ надписаны имена здѣшнихъ покойныхъ постояльцевъ, Погодинъ примѣтилъ, что имя Минина находится на лѣвой сторонѣ между архіереями. На другой сторонѣ имена князей. „Что это за великій князь Симеонъ Іоанновичъ? Это ошибка, отвѣчалъ г. Мельниковъ. Ба, ба, ба! опять *великій князь* Василій Димитріевичъ, какъ будто нашъ Московскій, и еще великій. Нѣтъ, имъ не принадлежитъ этого титла. Вотъ и Иванъ Борисовичъ Тугой-лукъ, крещенный митрополитомъ Алексѣемъ, на пути его въ Орду. Этотъ князь, по разсказу г. Мельникова, не принималъ участія въ сраженіи своего брата съ Московскими войсками, и на вопросъ о причинѣ отвѣчалъ, что у него лукъ былъ тугъ, что̀ и осталось ему прозваніемъ".

Погодинъ совѣтовалъ Мельникову собрать всѣ здѣшнія преданія, и издать ихъ особою книжкою.

Между тѣмъ дьячекъ освободился и со свѣчей въ рукахъ повелъ Погодина и его сопровождавшихъ въ подземелье... Гробница Минина сдѣлана при Елисаветѣ или Екатеринѣ, „деревянная, вычурная, безобразная". Еще нелѣпѣе нашелъ Погодинъ надпись того же времени въ стихахъ:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, Поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчна слава, честь
Се Минавичь Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ.
Всякъ, истинный кто Россъ, да прахъ его лобзаетъ.

„У насъ", замѣчаетъ Погодинъ, — „не понимаютъ еще, что такое памятникъ, и воображаютъ себѣ всегда подъ памятникомъ какую-нибудь чугунную колонну или мраморную статую. Нѣтъ, бугоръ земли, оторванный лоскутокъ пергамента, узкое окошко, обвет-

шавшая стѣна, линія свода, дуги, тѣсная дверь, заржавѣвшій крестикъ, чуть видный образъ—бываютъ часто драгоцѣнными памятниками, кои беречь должно аки зѣницу ока".

Мининъ лежалъ прежде въ своемъ приходѣ у Похвалы Пресвятыя Богородицы и перенесенъ въ соборъ по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича. Погодинъ спросилъ объ Евангеліи, будто бы писанномъ св. Никономъ. Ему сказали, что „ключарь ушелъ на ярмарку".

За то Архангельскій Соборъ „усладилъ" Погодина: здѣсь древность сохранена вся... Онъ „лазилъ по внутренней каменной, узкой лѣсенкѣ на подзорную башню древнихъ князей. Эта церковь основана еще Георгіемъ Всеволодовичемъ, и здѣсь похоронены всѣ присяжные князья, а самостоятельные въ соборѣ". Мельниковъ показывалъ Погодину сверху разныя примѣчательныя церкви: „Вотъ здѣсь", сказалъ онъ,—„на нижнемъ базарѣ, близъ Кремлевской стѣны, въ приходѣ у Іоанна Предтечи, жила Марѳа посадница". Затѣмъ Погодинъ осмотрѣлъ Егорьевскую церковь, гдѣ сохранился древній иконостасъ. Оттуда поѣхалъ онъ въ Печерскій монастырь, гдѣ въ то время настоятельствовалъ бывшій профессоръ Московскаго Университета архимандритъ Иннокентій. „Теперешній монастырь", пишетъ Погодинъ,—„перенесенъ сюда съ другого мѣста въ концѣ царствованія Ѳедора Іоанновича воеводою Леонтьевымъ, вслѣдствіе царскаго указа; а древній былъ основанъ, какъ прочелъ я въ тетрадкѣ, здѣсь показанной, св. Діонисіемъ, пришедшимъ изъ Кіевскаго Печерскаго монастыря въ 1352 г. – Это извѣстіе любопытно, показывая, что въ Кіевѣ, не смотря на разгромъ Татарскій, монашество продолжалось. И здѣсь среди новыхъ пристроекъ уцѣлѣло кое-что древнее: украшенія надъ окнами, крыльцо, переходы".

Это навело Погодина на такого рода мысли: „Все это надо", замѣчаетъ онъ,—„собирать по крошкамъ, чтобъ, наконецъ, возстановить или создать Русскій стиль, а изъ головы никакой геній выдумать его не можетъ. Когда вы, господа художники, познакомитесь хорошо съ нашими остатками, напитаетесь, глядя на нихъ,

духомъ древности, обогатитесь ея разными формами и частями, тогда, и только тогда, сможете вы, сообразно съ ними, создавать и цѣлое. А до тѣхъ поръ—это тщетный трудъ. Цѣлую академію, новую, надо намъ воспитать въ этомъ духѣ, чтобы изъ нея вышли Русскіе художники, ибо вино новое не вливается въ мѣха старые. У прежнихъ художниковъ, не смотря на ихъ великія достоинства, есть свои предубѣжденія, предразсудки, свои понятія, воззрѣнія, въ коихъ они воспитались, и отъ коихъ отстать имъ невозможно. У нихъ всегда предъ глазами Пантеоны и Мадонны, такъ могутъ ли они понять, что такое Русскій образъ, и что такое Русская церковь?".

Въ сѣняхъ у Архимандрита Погодинъ увидѣлъ любопытную гравюру, о которой не слыхалъ прежде—изображеніе Исаакіевскаго моста чрезъ Неву по плану Кулибина, Нижегородскаго уроженца, поднесенное императору Павлу. „Славный, исполинскій планъ", замѣчаетъ Погодинъ. „Кулибинъ—также наше сокровище. Я досталъ недавно въ Москвѣ его рукописаніе".

Печерскимъ монастыремъ Погодинъ заключилъ осмотры Древностей. „Теперь" пишетъ онъ,—„пора опять на ярмарку".

Съ Лобковымъ Погодинъ обошелъ по берегу Оки желѣзные ряды.—Смотря на этотъ „почтенный товаръ", Погодинъ завелъ рѣчь съ однимъ старикомъ торговцемъ и спросилъ его: „Что содѣйствуетъ всего болѣе торговлѣ вообще? Что бы ей не мѣшали. Хорошо, а еще что? Чтобъ ей не помогали".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ забралъ справки о хлѣбныхъ цѣнахъ; отобралъ свѣдѣнія у антикварія объ охотникахъ и обладателяхъ древностей; заходилъ къ панскимъ торговцамъ; узналъ, что Кяхтинскіе купцы примѣтно побаиваются, чтобъ Англичане не исходатайствовали у Китайцевъ монополіи провозить къ нимъ сукна; получилъ свѣдѣнія о ходѣ москотельной торговли и въ заключеніе зашелъ въ погребъ. Изъ всѣхъ своихъ ярмарочныхъ наблюденій Погодинъ заключилъ, что „дѣла идутъ изрядно".

11 Августа Погодинъ простился съ Нижнимъ Новгородомъ и отправился въ Вологду [144]).

Въ Нижнемъ онъ сблизился съ своимъ путеводителемъ при обозрѣніи Древностей П. И. Мельниковымъ, который писалъ ему: „По Русски благодарю васъ за вашъ ласковый привѣтъ, которымъ подарили вы меня въ продолженіе пребыванія своего въ Нижнемъ.—Право, дни, проведенные съ вами, я причисляю къ днямъ самымъ счастливѣйшимъ моей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ полезнѣйшимъ. Въ недѣлю я столько узналъ отъ васъ по части Русской Археологіи, сколько (не въ проносъ слово молвить) не узналъ въ три года съ университетской каѳедры“ [145]).

XXIX.

Красивыми, хорошо обстроенными, Нижегородскими селами ѣхалъ Погодинъ до Балахны. Народъ встрѣчался ему рослый, здоровый, румяный. „Ну какъ сравнить съ нимъ“, пишетъ онъ,—„нашу поскудную подмосковщину, изчадіе... которое день ото дня худѣетъ, мелѣетъ, хилѣетъ, кривится и лишается даже Божіяго образа. Сердце ноетъ, когда проѣзжаешь мимо рынка, въ базарный день: что за лица около возовъ съ дровами и сѣномъ,—съ красными носами, мутными глазами, хриплымъ голосомъ!“

Въ тридцати верстахъ отъ Нижняго находится на берегу Волги городъ Балахна. Погодину случилось прочесть въ рукописи ея описаніе, сочиненное тамошнимъ священникомъ, которое оставило въ немъ очень пріятное впечатлѣніе. „Добрый священникъ“, замѣчаетъ Погодинъ,—„съ такою простотою, кротостію и добросердечіемъ говорилъ о своихъ прихожанахъ, ихъ тихихъ нравахъ и златой посредственности, въ нѣдрахъ коей живутъ они, что я полюбилъ ихъ издали“. По мнѣнію Погодина, всякій городъ долженъ имѣть подобное описаніе, и это онъ считаетъ обязанностью штатнаго смотрителя и учи-

теля Исторіи. По замѣчанію его, изъ двадцати разныхъ учителей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, „ни одинъ не могъ ему сказать, далеко ли отъ его города до сосѣднихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, кромѣ своего, и ни одинъ не могъ сообщить ему ничего порядочнаго объ его Исторіи, а всѣ знаютъ подробно дѣянія Александра Македонскаго и еще подробнѣе Ассирійской Семирамиды!"

Въ Балахнѣ Погодинъ остановился въ „очень порядочной гостинницѣ". Въ ожиданіи ухи онъ завязалъ любопытный разговоръ съ гостемъ, „кажется изъ служителей Ѳемиды", который „въ уголку трудился надъ солянкою". „Есть ли у васъ въ городѣ охотники до старины?" „Былъ священникъ любитель, да умеръ третьяго года, Сергѣй Герасимовичъ Кандорскій". „Не осталось ли послѣ него какихъ рукописей?" „Были, чай, да Богъ знаетъ куда дѣвались". „А что много дѣлаютъ у васъ *балахоновъ?"* Гость усмѣхнулся. Мы не отъ балахоновъ, а отъ Волхова. „Отъ какого Волхова?" Отъ Новгородскаго—мы назывались Волохна, а ужъ послѣ прозвались Балахною. Мы природные Новогородцы, и присланы сюда Иваномъ Васильевичемъ". Погодину было очень пріятно встрѣтить въ трактирѣ такого собесѣдника. Разговоръ продолжался. „Ну не слыхали ль вы чего о селѣ Юрьевѣ, гдѣ погребенъ князь Пожарскій". — „Какъ не слыхать, да вѣдь говорятъ разно: мнѣ сказывалъ одинъ священникъ, что князь Пожарскій лежитъ въ селѣ Суховатовѣ".—„Гдѣ же это село Суховатово?"—„Верстахъ въ осьми отсюда, по дорогѣ въ Жары".— „Какіе Жары?" спросилъ я моего собесѣдника, потому что созвучіе *Жаровъ* съ *Пожарскимъ* возбудило мое любопытство, хотя его прозваніе происходитъ отъ Пожара, города въ Черниговскомъ древнемъ Княжествѣ. „Волость Жарская", отвѣчалъ онъ,—„большая волость, которая искони принадлежала Князьямъ Пожарскимъ". „Ну скажите мнѣ еще о здѣшнемъ предводителѣ, г. Латухинѣ. Карамзинъ, — слыхали вы объ немъ? — (юристъ кивнулъ головою) Карамзинъ ссылается на одну *Степенную Книгу* Латухинскую. Не здѣсь ли она?"—

Можетъ быть, у Николая Яковлевича. У батюшки его было много книгъ?“

Между тѣмъ лошади были уже готовы, и Погодинъ продолжалъ свой путь. Въ Кинешмѣ, проѣзжая черезъ базаръ, онъ увидѣлъ часовенку съ надписью: 1609 года. *Поляки.... Боборыкинъ.* Издали онъ не могъ разобрать болѣе. Пока перемѣняли лошадей, Погодинъ отправился въ училище. Въ классѣ Исторіи онъ спросилъ: „А какая надпись надъ часовнею у рядовъ? На этотъ вопросъ послѣдовало всеобщее молчаніе. Учитель“, пишетъ Погодинъ,—„предполагая, что я хочу экзаменовать, тотчасъ предложилъ свой вопросъ: что есть Исторія? Ожидая услышать знакомый отвѣтъ: „Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ мірѣ“, я повторилъ свой прежній: „Развѣ никто изъ васъ не читалъ надписи? Вѣдь она вѣрно говоритъ что-нибудь о вашемъ городѣ.“— Тоненькій голосокъ запищалъ: въ 1609 году нападали Литовцы.... Я обѣщалъ подарить ему книжку“. Погодинъ заглянулъ также въ училищную библіотеку, которая своею скудостью произвела на него грустное впечатлѣніе. Погодинъ проѣзжалъ чрезъ Кинешму въ базарный день, который, по его словамъ, „въ уѣздномъ городѣ не безъ занимательности: есть и живость, и движеніе, и разнообразіе, и предметы для живописи“ [146]).

Черезъ два года послѣ этого своего посѣщенія Кинешмы Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ историка Костромы князя А. Д. Козловскаго: „Проѣзжая изъ Нижняго Новгорода, вы изволили быть въ Кинешмѣ, гдѣ я безвыѣздно провелъ три года, и только за двѣ недѣли до прибытія вашего оставилъ ее и уѣхалъ въ бѣдную деревушку мою въ двадцати верстахъ отъ города: къ огорченію моему, я не зналъ тогда о пріѣздѣ вашемъ, а то бы ничто не попрепятствовало явиться мнѣ, чтобъ имѣть честь представить вамъ себя и упросить васъ продолжить путь вашъ въ Кострому не большою дорогою, а берегомъ рѣки Волги, черезъ мою деревушку; дорога была бы не далѣе, но вы какъ любознательный изыскатель на

пути семъ обозрѣли бы Солдогу, извѣстную боемъ жителей противъ скопищъ Лисовскаго въ 1608 году; потомъ въ двухъ верстахъ отъ моей усадьбы село Борщевку, посѣщенное императрицею Екатериною, въ 1767 году, гдѣ погребенъ генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ, умершій въ Уфѣ, усмиряя мятежъ Пугачева; далѣе уничтоженный городъ Плесъ, основанный въ 1410 году, гдѣ еще и теперь примѣтны нѣкоторые слѣды бывшаго укрѣпленія; еще далѣе деревню Коробово, населенную потомками знаменитаго Сусанина, и село Красное, нѣкогда принадлежавшее роду Годуновыхъ, гдѣ и теперь есть церковь, воздвигнутая Борисомъ Ѳедоровичемъ, любопытная по своей архитектурѣ *). Но для меня всего бы дороже было ваше посѣщеніе въ укромномъ домикѣ моемъ; я бы гордился этимъ и на память дѣтямъ записалъ честь, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ. Отъ меня, можетъ быть, вы разсудили бы съѣздить въ торговое село Вичугу, находящееся въ десяти верстахъ, и обозрѣли бы довольно богатыя фабрики купцовъ Коноваловыхъ, Миндовскаго, Морокина и проч., близъ Вичуги находящіяся. Я разсказалъ бы вамъ про Шемякину гору близъ Судиславля, про развалины дома Бѣльскаго близъ Луха, о домѣ Матвѣева въ самомъ городѣ Лухѣ. Но что дѣлать! Судьба не хотѣла доставить мнѣ утѣшенія, не хотѣла подарить этимъ счастіемъ. Я нѣкогда написалъ книжку о Костромѣ и напечаталъ этотъ слабый, но усердный трудъ мой—и теперь осмѣливаюсь представить его вамъ, какъ дань глубочайшаго уваженія моего“ [147]).

Но послѣдуемъ за Погодинымъ. Переправляясь чрезъ Волгу на паромѣ въ сообществѣ мужиковъ и бабъ, нашъ путешественникъ съ жадностью прислушивался къ ихъ разговору „Между тѣмъ“, пишетъ онъ,—„паромъ приблизился къ берегу. Перевощикъ обходилъ и собиралъ деньги. Бабы полѣзли за своими платками и полотенцами. Потомъ принялись развязывать узелки. Всякая копѣйка увязана была въ пяти узлахъ,—копѣйка пото-

*) Въ настоящее время село Красное принадлежитъ князю Петру Павловичу Вяземскому.

ва́я, кровная. Я далъ имъ двугривенный. Что за удивленіе выразилось на ихъ лицахъ! Они смотрѣли на меня во всѣ глаза, и не могли промолвить ни слова. Ужь послѣ того, какъ я вышелъ на берегъ и сталъ подниматься на гору, послышались благодарныя восклицанія и провожали меня до самаго верха горы. Боже мой! сколько радости можетъ доставить иногда двугривенный“.

Переправившись черезъ Волгу, Погодинъ, вопреки желанію князя Козловскаго, поѣхалъ въ Кострому—*большою дорогою*, усѣянною по обѣимъ сторонамъ березками. „Чѣмъ ближе къ городу“, замѣчаетъ Погодинъ,—„тѣмъ ямщики расторопнѣе, и за то безнравственнѣе; развратъ и пьянство оставляютъ свои отвратительные слѣды на лицѣ. Ничего нѣтъ грустнѣе, какъ смотрѣть на этихъ одичалыхъ людей, которые вышли изъ первоначальной крестьянской простоты, а изъ городовъ заняли только ихъ пороки!“ Въ Кострому пріѣхалъ Погодинъ ночью и остановился на постояломъ дворѣ. Ему отвели отвратительную комнату, въ которой онъ не могъ уснуть ни минуты. „Все тѣло его вспухло“, и онъ только восклицалъ: „О Русь!“ и принужденъ былъ „спасаться въ тарантасѣ“. Но и тутъ неудача. По сосѣдству съ нимъ на сѣнникѣ расположился одинъ проѣзжій сидѣлецъ и сказывалъ своимъ товарищамъ сказку „какую-то пренелѣпую“, а товарищи слушали его съ удовольствіемъ, „Слѣдовательно“, замѣчаетъ Погодинъ,—„есть охота у нихъ; есть чувство піитическое: послѣ тяжелыхъ трудовъ дня они удѣляютъ время отъ сна на слушаніе подобнаго вздору“. Лишь только они угомонились и Погодинъ забылся, отвязалась лошадь и пошла бродить по всему обширному двору и наконецъ „приступила съ своимъ рыломъ“ къ тарантасу, въ которомъ лежалъ Погодинъ, который сталъ кричать, но никто его не услышалъ. „Повѣствователь“, пишетъ Погодинъ,—„и его публика храпѣли безъ памяти“. Наконецъ и самъ Погодинъ „усталъ и уснулъ“. Послѣ такого непокойнаго ночлега Погодинъ „поднялся съ позаранку“ и отправился къ директору гимназіи, который жилъ „въ какомъ-то старомъ,

разваливающемся замкѣ, предназначенномъ къ сломкѣ и воз-созданію". На вопросъ его: „нѣтъ ли въ городѣ какихъ охотниковъ до древностей и собирателей?" Отвѣчалъ: „нѣтъ никакихъ". Въ Ипатіевскомъ монастырѣ Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе преосвященному Костромскому Владиміру, которому угодно было самому показать ему примѣчательности ризницы и собора. „Вездѣ", пишетъ Погодинъ,— „слышалось имя Годуновыхъ: этотъ образъ положенъ вкладомъ такимъ-то Годуновымъ, это Евангеліе написано по приказанію такого-то Годунова. Есть и Борисовы приношенія. Главнымъ вкладчикомъ былъ бояринъ Димитрій Ивановичъ Годуновъ, дядя Борисовъ. Ему Ипатьевскій монастырь обязанъ больше всѣхъ. Я видѣлъ здѣсь точь въ точь подобную Псалтирь, за какую одинъ торговецъ просилъ съ меня на ярмаркѣ полторы тысячи р. Здѣшнему монастырю непремѣнно надо бы взять подъ свое покровительство Бориса Ѳеодоровича и снять съ него хоть нѣсколько преступленій, столь щедро возводимыхъ пристрастными лѣтописателями". Погодинъ говорилъ о Борисѣ Годуновѣ съ Преосвященнымъ, который, однакожъ, „никакъ не расположенъ къ несчастному Борису". Преосвященный показывалъ Погодину древнѣйшую икону, представляющую явленіе мурзѣ Чету Божіей Матери съ предстоящими апостоломъ Филиппомъ и мученикомъ Ипатіемъ. Она поновлена въ 1605 году.

Вернувшись въ Кострому, Погодинъ пожелалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе соборному протоіерею Арсеньеву, который священствовалъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ при соборѣ и былъ извѣстенъ своими проповѣдями „простыми, искренними и убѣдительными". Почтенный старецъ самъ обводилъ нашего путешественника по собору, съ которымъ онъ „какъ будто сжился, сросся съ зданіемъ и составляетъ его часть". Ѳ. И. Васьковъ далъ въ честь Погодина обѣдъ, на которомъ онъ наслушался славныхъ вещей о городахъ, о причинахъ возвышенія однихъ и упадка другихъ, о мѣстныхъ промыслахъ [illegible] желѣзныхъ дорогахъ, о винныхъ откупахъ. „Ахъ, если бъ", пишетъ Погодинъ,—„столицы были знакомѣе

съ губерніями! Сколько узнаешь въ иномъ городѣ, или даже въ иной деревнѣ, въ курной избѣ,—чего и не пригрезится на паркетѣ! Запишу одно замѣчаніе: откупщику доставляетъ доходъ не пьяница, а воздержный".—Какъ такъ?—„Пьяница пропьетъ все разомъ, а потомъ и заговѣется. Воздержный пьетъ понемногу и доставляетъ постоянный доходъ". О еслибъ всякій Русскій крестьянинъ могъ пить по чаркѣ, по двѣ, въ день! Какъ бы это было здорово для него, полезно для купца и помѣщика и выгодно для откупщика! Слышалъ о какой-то лѣтописи города Костромы въ думѣ; объ отличной деревянной церкви въ Желѣзномъ борку, томъ монастырѣ, гдѣ оставался Темный во время послѣдняго сраженія его войскъ съ Шемякою. Такая странная архитектура, говорятъ, такія разныя вычурныя украшенія, что чудо! Надо бы срисовать, пока она не развалилась. Желѣзный борокъ примѣчателенъ еще тѣмъ, что тамъ постригся Григорій Отрепьевъ".

XXX.

На канунѣ Успенія Погодинъ отправился въ Галичъ. Вечеромъ пріѣхалъ онъ въ Судиславъ. Расположился въ чистой и опрятной, снабженной всѣмъ необходимымъ, избѣ. Ему прислуживала почтенная старушка, съ которою онъ вступилъ въ разговоръ. „Для меня", пишетъ онъ,—„пріятно было слышать, что старушка совершенно довольна своимъ состояніемъ и любитъ своихъ господъ". Было уже поздно, а потому онъ не могъ заѣхать къ Папурину, у котораго было „множество Строгановскихъ образовъ". На разсвѣтѣ Погодинъ пріѣхалъ въ Галичъ—родину Филиппа митрополита и Григорія Отрепьева. Въ ожиданіи обѣдни онъ пошелъ бродить по городу. Въ день Успенія совершается крестный ходъ изъ Собора въ Паисіевъ монастырь. Погодинъ отправился съ народомъ. „Въ женскихъ нарядахъ", пишетъ онъ,—„много живописнаго; дѣвичьихъ не видать. Я спросилъ о причинѣ. Дѣвицы стыдятся выходить

даже въ церковь, за то по вечерамъ высыпаютъ всѣ играть въ хороводы (водить круги) вмѣстѣ съ парнями, что продолжается до глубокой ночи. Мать укоряетъ дочь, если за ней мало волочатся. „Когда ѐто бываетъ особенно?“ „Ныньче будутъ непремѣнно самые богатые хороводы. Впрочемъ, такія гулянья продолжаются почти все лѣто, отъ праздника до праздника. Самое богатое купечество отпускаетъ дочерей своихъ въ круги“. „Но это опасно для нравственности?“ „Не безъ того-то, особенно теперь, когда въ кругахъ начали принимать участіе полковые. Жиды-музыканты — эти злодѣи хуже всѣхъ. Заводятся и болѣзни“. Такъ, обыкновенія самыя невинныя, самыя патріархальныя въ своемъ началѣ, самыя піитическія (вечерницы въ Малороссіи) современемъ ветшаютъ и дѣлаются источникомъ разврата“.

День былъ жаркій, и Погодинъ на силу дотащился до монастыря. Около ограды стояло множество телѣгъ изъ сосѣднихъ деревень. Заглянувъ въ церковь, онъ не примѣтилъ „ничего стараго“. Въ Галичѣ оказалось мало собирателей древности. Указывали только на одного старика Козлова, но и у него онъ ничего не нашелъ. Между тѣмъ въ училище пріѣхалъ въ тотъ день почетный смотритель, и Погодину пришлось присутствовать на актѣ. „Ученые начальники“, пишетъ онъ, — „требовали непремѣнно, чтобъ я остался у нихъ обѣдать. Долженъ былъ удовлетворить ихъ желанію, хоть и было досадно вмѣсто здѣшнихъ ершей, которыми славится Галицкое озеро по всему околотку, быть наказану неизбѣжными котлетами и бифстексомъ“. Послѣ обѣда былъ актъ. „Ученики, по большей части въ кружокъ остриженные, въ кафтанахъ сидѣли чинно по лавкамъ. Штатный смотритель прочелъ имена, почетный роздалъ награжденія. Послѣ этого Погодинъ спросилъ: „не хочетъ ли кто переходить въ гимназію?“ Оказалось: *никто*. Судя потому, что Погодинъ слышалъ, никогда почти не бываетъ охотниковъ. „Развѣ изо ста одинъ“. Вотъ что по этому поводу писалъ онъ: „Кстати я скажу нѣсколько словъ о всѣхъ. До старшаго класса, при всѣхъ просьбахъ учителя,

едва доходитъ десятая или даже двадцатая доля. Родители, городскіе мѣщане, берутъ ихъ, лишь только они выучатся грамотѣ; больше имъ ничего не надо. Дворяне, чиновники везутъ дѣтей своихъ въ губернскій городъ съ самаго начала, не терпя, чтобъ они сидѣли на одной лавкѣ съ оборванными, босоногими ребятишками улицъ. Какимъ образомъ заохотить теперь этихъ бѣдныхъ людей, чтобы они оставляли своихъ дѣтей оканчивать по крайней мѣрѣ курсъ уѣздныхъ училищъ? Эта обязанность лежитъ на насъ, на ученомъ сословіи. Правительство учредило училища, содержитъ учителей, даетъ деньги на библіотеки, обезпечило семейства, а болѣе оно не можетъ сдѣлать ничего. Мы, мы, чтобы доказать нашу глубочайшую благодарность, за его отеческія попеченія, обязаны, вмѣстѣ съ духовенствомъ, позаботиться о средствахъ распространить данное намъ просвѣщеніе и доводить его до низшихъ слоевъ общества, погрязающаго теперь по городамъ въ невѣжествѣ самомъ грубомъ и дикомъ. Отчего такъ мало учениковъ въ старшихъ классахъ, спрашивалъ я всѣхъ учителей, и получалъ одинъ отвѣтъ: не хотятъ, невѣжды, не понимаютъ ученья, не цѣнятъ. Нѣтъ, друзья мои, не въ томъ заключается причина. Учимъ ли мы такъ, чтобъ хотѣли у насъ учиться? Русскій человѣкъ толковитъ. Не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ пользы ученья... Вы даете ему такія свѣдѣнія, въ которыхъ онъ не видитъ нужды, напримѣръ, о Семирамидѣ и Сарданопалѣ, о Калькутѣ и Александріи. Мудрено ли, что отецъ беретъ сына изъ училища и сажаетъ его за прилавокъ! Но разскажите-ка ему, не по гимназически и не по университетски, объ его городѣ, объ его губерніи, о столицахъ, о судахъ, о сословіяхъ, о торговлѣ, о промышленности, объ естественныхъ произведеніяхъ, и вы увидите, что не только дѣти, но и отцы придутъ васъ слушать! Простѣе, простѣе, какъ можно, и ближе къ дѣлу, къ жизни! Учитель спросилъ при мнѣ мальчика: два изъ семи сколько останется? Пять, отвѣчалъ безъ запинки малютка. Но какая хирургическая операція началась надъ его головенкою, когда дѣло дошло

до того, что такое пять: вычитаемое или разность. Разъ десять повторены были вопросы, и всякій разъ то пять сказывались разностью, то два вычитаемымъ.

Еслибъ я былъ учителемъ Словесности, то ничего не сталъ бы дѣлать съ дѣтьми, какъ только читать имъ—басни Крылова, Хемницера, Дмитріева съ толкованіями; повѣсти или отрывки изъ повѣстей Загоскина, Луганскаго, Лажечникова, Гоголя, комедіи, трагедіи, и почелъ бы себѣ обязанностію возбуждать только любопытство, внушать охоту къ чтенію, заставлялъ бы учить ихъ безпрестанно наизусть, но не грамматику, а Карамзина, Пушкина, Жуковскаго; пріучалъ бы ихъ ухо къ благозвучію, образовалъ бы ихъ вкусъ. Подъ конецъ курса мнѣ легко было бы уже поразобрать ихъ свѣдѣнія, и показать различія въ словахъ, для того, чтобы они выучились правильно писать.

Еслибъ я былъ учителемъ Исторіи, то началъ бы съ своего города: городъ нашъ Галичъ, или Ростовъ, или Бѣлозерскъ,—городъ старый; давно уже стоитъ на этомъ мѣстѣ, ему лѣтъ сотъ пять или болѣе; онъ прежде былъ больше или меньше, богаче или бѣднѣе,. но случились разныя обстоятельства, которыя привели его къ этому лучшему или худшему положенію. Съ самаго начала онъ принадлежалъ къ такому-то княжеству, ибо наша Русь была тогда раздѣлена такъ-то, и вотъ что случилось у насъ примѣчательнаго. Вотъ какіе люди родились у насъ: Филиппъ митрополитъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ. Вотъ былъ пастырь! Это введеніе, а теперь разскажу я вамъ по порядку, что у насъ случилось. Отъ своего города легкій и естественный переходъ къ своему княжеству, а потомъ и ко всей Русской Исторіи. Но прежде всего я старался бы также возбудить охоту къ Исторіи. Вотъ что всего важнѣе для учителя уѣзднаго, гимназическаго, университетскаго—расшевелите сердце, возбудите охоту, а прочее все и безъ насъ пойдетъ своимъ чередомъ. Я прочиталъ бы имъ съ толкованіемъ анекдоты изъ жизни Петра Великаго, разсказалъ бы Исторію 12 года, нашествія Татаръ, Поляковъ,

біографіи какого-нибудь Суворова, Ломоносова, или читалъ бы имъ мѣста изъ Исторіи Карамзина, Данилевскаго, Глинки, и тому под.

Вы теперь много знаете—теперь приведемъ въ порядокъ, по годамъ, хронологически. Русское наше государство старо, но есть и еще старше—единоплеменныя намъ Словенскія такія-то, а вотъ и прочія Европейскія. Опять чтенія — изъ Исторіи Крестовыхъ походовъ, жизни Колумба, Наполеона, и тому под. Все это государства Христіанскія; но прежде Христа, прежде новаго міра, былъ древній. Здѣсь одинъ Плутархъ доставитъ пріятнѣйшаго занятія мѣсяцевъ на шесть.

Въ Географіи также я началъ бы съ своего города: нашъ городъ находится на Бѣлѣ-озерѣ. Мѣсто у насъ высокое, которое по сторонамъ, но чрезъ нѣсколько сотъ верстъ, опадаетъ и продолжается равнинами. Отъ насъ выходятъ рѣки. Наше возвышеніе соединяется съ такимъ-то, откуда также идутъ рѣки. Наше озеро бурно — вы знаете, вотъ отчего. Въ немъ ловятъ много рыбы такой-то, которая продается повсюду. У насъ много рыбы, но мало вотъ чего, и это получаемъ мы оттуда. Сообщенія наши вотъ какія. Русская Географія соединилась бы со всеобщею и заняла бы пріятнѣйшимъ образомъ дѣтей. Путешествія сдѣлались бы любимымъ ихъ чтеніемъ—а сколько ихъ можно выбрать!

Еслибъ я былъ законоучителемъ, то читалъ бы имъ безпрестанно Евангеліе. Что за славныя вещи есть въ Церковной Исторіи древней и новой!

Кончивъ двадцать пять лѣтъ своей профессорской службы, я непремѣнно на годикъ-мѣста сдѣлаюсь уѣзднымъ учителемъ или смотрителемъ, куда я и сбирался однажды, и увѣренъ, что этотъ годъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ, если Богъ поможетъ. Я говорилъ теперь, чтò попалось мнѣ съ перваго взгляда; но на мѣстѣ, видя предъ собою безпрестанно своихъ сюжетовъ и паціентовъ, разумѣется, я привелъ бы въ порядокъ свои мысли, получилъ бы много новыхъ и написалъ бы, можетъ быть, порядочное наставленіе учителямъ на будущее

время. Возразятъ: гдѣ взять такихъ учителей, которые поняли бы, въ чемъ дѣло. А я отвѣчу: поймутъ всѣ, лишь только бъ имъ растолковать хорошо, въ чемъ дѣло. Экзамены губятъ насъ, сдѣлавшись цѣлью ученія, а не средствомъ! Теперь у насъ ученики мученики грамматики, какіе до насъ были мученики Часовника и Псалтыря“ [148]).

Вскорѣ по написаніи этихъ примѣчательныхъ строкъ Погодинъ имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующее письмо отъ учителя Шенкурскаго уѣзднаго училища, Никифора Борисова: „Какъ учитель Русскаго языка“, писалъ онъ, — „въ здѣшнемъ училищѣ, я воспользовался вашими наставленіями относительно преподаванія моего предмета, помѣщенными въ вашихъ путевыхъ запискахъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ вижу, какъ огромны плоды указанной вами методы преподаванія моего предмета: ученики мои съ возрастающимъ все больше и больше вниманіемъ и любопытствомъ слушаютъ прекрасныя басни Крылова и, выслушавъ однажды, пересказываютъ каждую басню съ малѣйшими подробностями и почти слово въ слово. Это ихъ чрезвычайно занимаетъ, и они тайкомъ отъ меня переписываютъ ихъ даже въ тетрадки, или пишутъ своими словами—очень хорошо, судя по ихъ лѣтамъ и степени образованія. Я понялъ теперь, что̀ значитъ овладѣть вниманіемъ малютки, и этимъ я обязанъ вамъ, милостивый государь! Вы указали орудіе, которымъ съ величайшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать на сердце ребенка. Стихи Пушкина и Жуковскаго, проза Карамзина, Загоскина и Лажечникова, и легкая, заманчивая Исторія Ишимовой удивительно какъ занимаютъ нашихъ учениковъ; они всѣ превращаются въ слухъ и вниманіе, когда читаешь имъ этихъ писателей, съ объясненіями того, чего сами они понять не въ состояніи. Не я одинъ воспользовался вашими совѣтами, но и сослуживцы мои; и они увидѣли очень утѣшительные успѣхи въ ученикахъ по своимъ предметамъ и съ благодарностію приписываютъ эту честь вашимъ наставленіямъ. Отъ лица всѣхъ насъ приношу вамъ сердечную благодарность“ [149]).

Изъ училища Погодинъ отправился къ протоіерею, магистру Петербургской Академіи. При этомъ онъ замѣтилъ, „что Петербургскіе воспитанники имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, нежели Московскіе. Не случалось еще мнѣ встрѣчаться съ Кіевскими“. Разговоръ завелъ Погодинъ о нравственности жителей. „Она“, пишетъ онъ,—„упадаетъ вездѣ по городамъ. Замѣчательно, что жители Галича указываютъ все на Устюгъ: „такъ въ Устюгѣ“. Доказательство древняго сношенія этихъ городовъ: Галичъ, Сольгаличъ, Вологда, Устюгъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Холмогоры, а по сторонамъ Ганза и Сибирь — вотъ нѣкогда міръ торговый, живой, разнообразный, который уничтоженъ Петербургомъ“. Указывая на недостатокъ общежитія, Погодинъ замѣчаетъ, что у насъ „лучше любятъ скучать врозь, чѣмъ услаждаться вмѣстѣ. О Словене!“

Въ Галичѣ, между прочимъ, Погодинъ разспрашивалъ и объ Отрепьевѣ и не нашелъ ни единаго слова. „Это примѣчательно“, пишетъ онъ: „еслибъ самозванецъ былъ Отрепьевымъ и это было извѣстно народу, то непремѣнно, кажется, имя его осталось бы хоть бранью, какъ имя Мазепы. *Видно, что современники не вѣрили или скоро разувѣрились въ этомъ сочиненіи, и оно не пустило корней въ сознаніи народномъ.* Фамилія Нелидовыхъ здѣсь очень многочисленна. Погодину хотѣлось осмотрѣть имѣніе покойнаго П. П. Свиньина, которое досталось Жадовскому вмѣстѣ съ его библіотекою, но ему сказали, что видѣть ее безъ владѣльца нельзя.

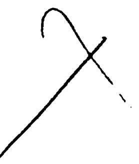
Въ ночь съ 15 на 16 августа Погодинъ выѣхалъ изъ Галича въ городъ Бую. Долго ѣхалъ берегомъ Галицкаго озера, которое долго потомъ не скрывалось изъ виду. Дорога пустынная. Звѣзды сверкали торжественно по синему небу... Предъ разсвѣтомъ нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Буй. Здѣсь произошли у него недоразумѣнія съ ямщиками, которые не хотѣли везти его на Грязовецъ, потому что дорога „не трактовая“. Даже могущественное слово *изслѣдованія*, коимъ онъ пугалъ иногда десятскихъ, давая ему значеніе слѣдствія, не оказало на этотъ разъ своего дѣйствія. Нако-

нецъ кое-какъ удалось ему дотащиться до села Дорокъ, откуда онъ безпрепятственно ѣхалъ до Вологды. Недалеко отъ Дорокъ, въ селѣ Сидоровѣ, увидѣлъ Погодинъ церковь деревянную, но такой прекрасной архитектуры, что онъ „заглядѣлся на нее. Каменныя церкви наши построены по образцу Греческихъ, а потомъ со временъ Іоанна III съ Итальянскою примѣсью, — но въ деревянныхъ церквахъ, гдѣ онѣ сохранились, должно искать собственно Русскаго стиля".

За сорокъ верстъ до Грязовца, въ селѣ Ивойновѣ, Погодинъ остановился, чтобы отдохнуть и напиться чаю. Съ этою цѣлію расположился въ избѣ. Пока вскипалъ его дорожный самоваръ, онъ обошелъ съ хозяиномъ его жилище и нашелъ его просторнымъ и удобнымъ. „Изба еще топилась", пишетъ онъ,—„баба сажала хлѣбы въ печь, а между тѣмъ поджаривались у нея лепешки. Двое мальчишекъ, высуня языкъ, скакали на одной ножкѣ подлѣ нея и дожидались, пока мать вынетъ лепешки. Первую она предложила мнѣ. Я взялъ и, отвѣдавъ, сказалъ ей: славныя лепешки—да никакъ онѣ изъ ситной муки? Баба усмѣхнулась. Изъ ситной!.. Наготовишься изъ ситной вотъ для этихъ стригуновъ, указывая на мальчишекъ. Благодарить Бога и на томъ, что для праздника *простяла* сквозь рѣшето да почаще!" Эти слова бабы произвели на Погодина сильное впечатлѣніе, и онъ восклицаетъ: „Богачи и сластолюбцы! Понимаете ли вы различіе между хлѣбомъ, просѣяннымъ сквозь сито, и хлѣбомъ, просѣяннымъ чрезъ рѣшето. Да! сытый голоднаго не разумѣетъ... Живя въ городѣ въ довольствіи и обиліи и зная нужду, голодъ, только по лексикону, въ отвлеченіи,—трудно переноситься въ крестьянскій бытъ и понимать издали его горе и радости. Но эта баба, которая стояла передо мною и съ такимъ торжествомъ разсказывала о своемъ *рѣшетѣ почаще*, тронула меня до слезъ. Ты улыбнешься новое, твердое, гордое поколѣніе. Извини меня, я принадлежу къ старому, я воспитанъ на Карамзинѣ". Мать одѣлила ребятъ по лепешкѣ. Отецъ сѣлъ на лавкѣ и началъ разговаривать съ Погодинымъ „свободно, спокойно,

благородно. Видно было", замѣчаетъ Погодинъ, — „что это хозяинъ своему дому, что онъ доволенъ своимъ состояніемъ, не чувствуетъ никакой нужды и никого не боится".

Между тѣмъ вошелъ молодой парень, который привезъ Погодина; онъ помолился Богу передъ переднимъ угломъ, поклонился на всѣ стороны и сѣлъ... „Никогда", пишетъ Погодинъ, — „смотря на изящное произведеніе древняго ваянія, не получалъ я такого полнаго впечатлѣнія, такого яснаго понятія, о.... не приберу вдругъ Русскаго слова.... о томъ свойствѣ, что Французы называютъ candeur, какъ теперь, видя предъ собою этого молодого крестьянина въ нагольномъ тулупѣ, который только что теперь отпрягъ лошадей и заткнулъ за поясъ кнутъ! Столько было скромности въ его движеніяхъ, стыдливости дѣвической въ его взглядахъ, какой-то робости въ его тихой, разстановистой рѣчи, сколько невинности въ его тонкомъ голосѣ! Казалось, передо мною сидѣлъ тотъ юноша, о которомъ боялся Пушкинъ, чтобъ онъ на войнѣ не утратилъ

. . . . навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Бѣдность, нужда, вотъ что развращаетъ сначала народъ и приводитъ его потомъ со ступени на ступень къ кабаку и пропасти, надъ коей кружится голова, темнѣетъ въ глазахъ. О, много надо подумать прежде, нежели осудить какого-нибудь мужика-пьяницу, или вора-лакея. Татары причинили вѣковѣчное зло нашему народному характеру, наложивъ свое тяжелое иго и пріучивъ къ низкимъ хитростямъ рабства".

Село Ивойново навсегда запечатлѣлось въ памяти Погодина. „Два часа", пишетъ онъ, — „проведенные мною въ этой глухой деревнѣ, среди лѣсовъ, между Костромою и Вологдою принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ, самыхъ сладкихъ въ моемъ краткомъ путешествіи. Мнѣ казалось, что я какимъ-то волшебствомъ очутился среди древняго Словенскаго племени, до Рюрика, до государства, до просвѣщенія съ Латинскою

грамматикою, въ нравахъ патріархальныхъ и чистыхъ, близко природы. Да сохранитъ васъ Богъ, добрые люди, въ вашей чистотѣ и патріархальности и да посылаетъ къ вамъ всегда добрыхъ становыхъ приставовъ и окружныхъ начальниковъ, какихъ имѣете теперь! Я простился съ ними какъ съ друзьями!"

Имя Грязовца напомнило Погодину статью, которую читалъ еще ребенкомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* С. Н. Глинки, о геройской смерти генерала Мазовскаго; подъ нею было подписано: Грязовецъ.

XXXI.

Съ великимъ нетерпѣніемъ приближался Погодинъ къ Вологдѣ, тамъ ожидало его „новое, сладкое удовольствіе увидѣться съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, котораго благосклонностію такъ давно онъ имѣлъ счастіе пользоваться".

Наконецъ въѣхалъ онъ въ городъ. „Огни еще видны", пишетъ онъ, „въ окошкахъ. Улицы показались мнѣ предлинными. Ѣхали мы—ѣхали, наконецъ поворотили—передъ глазами высокая каменная стѣна съ узенькими окошками, въ родѣ Перонны Лудовика XI; луна чуть озаряла ее томнымъ своимъ свѣтомъ. Поворотили еще,—и ямщикъ остановился. „Пріѣхали", сказалъ онъ. Я всталъ и началъ стучаться потихоньку, опасаясь растревожить домъ. Никакого отвѣта. Началъ стучаться еще громче. То же молчаніе. Обошелъ кругомъ. Вездѣ заперто, ни одного окна наружу и ничего неслышно. Соборъ стоялъ одиноко, въ мрачномъ своемъ величіи. Походилъ-походилъ. Дѣлать нечего—началъ стучаться шибче, и чрезъ полчаса послышалась тяжелая походка сторожа, гремѣвшаго ключами... Послѣ нѣсколькихъ переспросовъ, онъ отворилъ мнѣ дверь, и передъ мною открылся пространный дворъ, поросшій травою, окруженный мрачными зданіями. Точно какъ будто разыгрывалась сцена изъ Кентень-Дюрварда.

Сторожъ указалъ мнѣ вдали лѣстницу. Я прошелъ по двору одинъ, взобрался въ темнотѣ по лѣстницѣ, еще постучался... вышелъ келейникъ. „Преосвященный почиваетъ?“ „Нѣтъ еще.“ — „Прошу васъ доложить — такой-то.“ — „Ахъ, милости просимъ! Преосвященный давно васъ дожидается.“ Онъ оставилъ меня въ огромной комнатѣ, въ которой со всѣхъ стѣнъ устремили на меня взоры Вологодскіе Архіереи...., но чрезъ минуту вышелъ Преосвященный Иннокентій, и потребовалъ непремѣнно, чтобъ я остановился у него въ домѣ“.

Въ Архіерейскомъ домѣ Погодина помѣстили „въ прекрасной огромной комнатѣ, только что отдѣланной и назначенной быть кабинетомъ Преосвященнаго. Около двѣнадцати оконъ въ три стороны. Изъ однихъ виденъ соборъ, изъ другихъ поле и часть города. Въ углу стоялъ большой образъ Пресвятыя Троицы древняго письма съ Зырянскою подписью. Это тотъ историческій образъ, о которомъ столько было писано въ статьѣ Евгенія о Древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 или 1815 г.

На другой день ударили въ колоколъ, и Погодинъ поспѣшилъ къ обѣдни, въ соборъ. Служилъ Иннокентій и предъ окончаніемъ обѣдни произнесъ слово. Послѣ обѣдни нѣсколько почетныхъ гражданъ собралось въ его кельѣ. Разговоръ коснулся тотчасъ до слышаннаго слова. „Съ дороги я не успѣлъ ничего сообразить для нынѣшняго дня“, сказалъ Преосвященный, — „и принесъ было вамъ печатную книгу — прочесть превосходное истолкованіе молитвы: Отче нашъ, Московскаго Митрополита Филарета, какъ вдругъ слова Павловы при слушаніи Апостола поразили меня, и я рѣшился вкратцѣ обратить на нихъ ваше вниманіе.“ Потомъ много говорено о Соборѣ, основанномъ Іоанномъ Грознымъ въ то время, какъ онъ намѣревался перенести свое пребываніе въ Вологду и жилъ здѣсь года три (1566—1568), выѣзжая изрѣдка въ любимый свой Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Мысль для его времени не безосновательная, замѣтилъ Преосвященный; Вологда, многолюдная и богатая, могла быть центромъ его владѣній,

на торговомъ пути между Сѣверомъ и Сибирью. Это правда, Новгородъ, Тверь, Устюгъ, Нижній, Москва — почти правильный кругъ около этого центра. Но трусость его очевидна въ этомъ намѣреніи: избирая Вологду, онъ показывалъ, какъ боялся Поляковъ и Татаръ и какъ мало думалъ о возвращеніи природной нашей Малороссіи и Бѣлоруссіи. Ему становилось страшно и въ Вологдѣ, и онъ велѣлъ готовить лодки и другія суда для отъѣзда въ Поморскія страны. Но тогда же случился въ Вологдѣ моръ, и Грозный поѣхалъ назадъ въ Москву. Здѣсь есть любопытное преданіе: когда Соборъ былъ конченъ, и Іоаннъ пришелъ осматривать его, камень сверху упалъ ему почти на голову. Грозный воскипѣлъ гнѣвомъ, побѣжалъ вонъ и велѣлъ въ ту же минуту сломать Соборъ до основанія. На силу уже духовенство и царедворцы могли умолить его объ отмѣнѣ повелѣнія. Однако Соборъ нѣсколько лѣтъ не былъ освященъ. Предложены были разныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологда—отъ волока, вологи, Волхова, Волотовъ, Володи. Обѣдъ монашескаго приготовленія, въ обществѣ монаховъ, имѣлъ для Погодина „характеръ новости“. Послѣобѣденное время онъ посвятилъ осмотру собора. „Стѣнная живопись“, пишетъ онъ,—„сохранилась у насъ по мѣстамъ болѣе образной, и должно бъ ее разсмотрѣть внимательнѣе, воспользоваться ею для той Русской живописи, которая составляетъ наши pia desideria. Она доставитъ много матеріаловъ и для Исторіи одежды древнихъ князей, бояръ, простолюдиновъ, въ случаяхъ изъ ихъ жизни, представленныхъ въ чудесахъ Угодниковъ, и тому под. Примѣчательные образа: Софіи Премудрости Божіей съ огненнымъ лицемъ Спасителя, Успенія Божіей Матери, Спасителя съ ницъ лежащими Угодниками“.

Вечеромъ Иннокентій взялъ съ собою своего гостя „къ знаменитому старожилу и хлѣбосолу Вологодскому, Д. И. Самарину, къ которому приглашенъ былъ почти весь городъ. Общество многочисленное, сдѣлавшее бы честь столицѣ. Погодинъ порадовался успѣхамъ нашего общежитія и образован-

ности: едва ли часто и тамъ разговоръ бываетъ занимательнѣе и умнѣе. Первымъ предметомъ были Европейскія новости: война Англичанъ съ Китаемъ, предоставленіе Аравіи въ управленіе Мегемета-Али, почему выгодно ему взяться за нее, отношеніе его къ Мугаммеданской религіи, отношеніе Турокъ къ Европѣ, ихъ малочисленность и принадлежность къ Азіи, система управленія Мегемета-Али, разсказы разныхъ путешественниковъ, соперничество Англичанъ и Французовъ при Египтѣ и Малой Азіи, судьба Малой Азіи, первенство Европы надъ прочими частями Свѣта, причины ея, состояніе Христіянъ въ Турціи, и въ особенности Словенъ". По поводу послѣднихъ Погодинъ замѣтилъ съ удовольствіемъ, что этотъ вопросъ „начинаетъ наконецъ мало по малу распространяться въ обществѣ". Подозрѣніе Евреевъ въ умерщвленіи младенцевъ, вновь возобновившееся недавно гдѣ-то въ Европѣ по одному случаю, „подало поводъ Преосвященному сообщить любопытныя историческія и археологическія свѣдѣнія, кои все общество выслушало съ живѣйшимъ любопытствомъ. Но ни одни чужія дѣла были предметомъ разговоровъ, какъ то случается по большей части у насъ; нѣтъ, скоро очередь дошла и до своихъ: много говорено было о корабельныхъ лѣсахъ въ сѣверной части Вологодской губерніи, о направленіи и продолженіи старыхъ дорогъ, о большомъ проектѣ купца Лыткина для Печерской страны, о червѣ, поѣдающемъ озимыя сѣмена". Лично Погодинъ „не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, желая больше слушать и знакомиться съ собесѣдниками и предметами ихъ бесѣды". Вечеръ закончился роскошнымъ ужиномъ. Первымъ днемъ своего пребыванія въ Вологдѣ Погодинъ остался очень доволенъ. Онъ познакомился съ главными дѣйствующими лицами губерніи, услышалъ много любопытнаго, „получилъ много доказательствъ, какъ Русь идетъ впередъ".

На другой день (18 августа) Погодинъ разсматривалъ матеріалы, собранные преосвященнымъ Евгеніемъ, во время управленія его Вологодскою епархіею, для здѣшней Исторіи церковной и гражданской. „Вотъ былъ человѣкъ", замѣчаетъ

Погодинъ,—„который не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чтобъ не ознаменовать его трудами на пользу Исторіи. Новгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ—онъ наградилъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ, тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда, что и какъ взято. Это былъ Русскій Миллеръ. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то статистикъ Исторіи. Онъ кажется даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему недоставало въ Исторіи; для него было это какъ будто все равно. Что есть—хорошо, а чего нѣтъ, нечего о томъ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній".

Въ Вологодской епархіи считается больше семидесяти угодниковъ Божіихъ, прославившихся своими подвигами и чудесами. „Большая часть ихъ", замѣчаетъ Погодинъ, „принадлежитъ къ XV и XVI вѣку, періоду основанія Русскаго государства въ настоящемъ значеніи этого слова. Много молитвъ и слезъ положили они въ это основаніе съ своей стороны. Добрая доля основанія!" Иннокентій хотѣлъ посвятить всѣмъ Вологодскимъ угодникамъ церковь при архіерейскомъ домѣ, и сочинить имъ службу.

Посѣщеніе начальника Вологодской губерніи, Степана Григорьевича Волховскаго, впослѣдствіи сенатора, навело Погодина на слѣдующія мысли: „Почему", пишетъ онъ, „наши высшіе чиновники, между которыми бываетъ столько людей достойныхъ, оставляя какую-нибудь должность, не оставляютъ своихъ замѣчаній объ ней въ наслѣдство преемникамъ или вообще начальству, съ одной стороны—въ поученіе вновь опредѣляемымъ, а съ другой—для собственнаго употребленія".

Иннокентій разсказывалъ Погодину „о своемъ путешествіи по Вологодской епархіи, о многочисленныхъ памятникахъ древней нашей иконописи, разсыпанныхъ не только по монасты-

рямъ и соборамъ, но даже бѣднымъ приходскимъ церквамъ, и о богатствѣ въ старопечатныхъ книгахъ, изъ коихъ онъ намѣревается сдѣлать нѣсколько коллекцій для духовныхъ академій". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину удалось узнать, что „въ самой Вологдѣ было ихъ богатое собраніе: какой-то архіерей велѣлъ обобрать у церквей всѣ старыя книги и запечатать ихъ въ сундукъ. При представленіи одного священника къ наградѣ, онъ названъ былъ хранителемъ старыхъ книгъ. Высшее начальство спросило, что это за книги, и, какъ не нужныя, приказало представить въ Петербургъ. Библіотеки имѣютъ свои исторіи".

19 августа Погодинъ участвовалъ въ приходскомъ праздникѣ у Власія, явленія Донской Божіей Матери. Церковь была полна народомъ. Приходскій престарѣлый священникъ-отецъ Павелъ Ермиловъ, говорилъ „краткую, но стройную" проповѣдь о смиреніи, Погодинъ примѣтилъ въ ней „даже счастливое выраженіе" о пути, пройденномъ Пресвятою Дѣвою отъ яслей Виѳлеемскихъ до Голгоѳы и Геѳсиманіи. После обѣдни, Погодинъ приглашенъ былъ въ домъ къ священнику. „Скромное, но опрятное жилище", пишетъ онъ. „Послѣ чая тотчасъ предложена закуска и обѣдъ. За столомъ сидѣло нѣсколько священниковъ и монаховъ. Обѣдъ былъ изобильный. Рыбѣ не было счету, какъ будто изъ благословенной мрежи. За всякимъ блюдомъ подавалось вино, подъ именемъ мадеры, малаги, рейнвейна, шампанскаго. Вотъ для меня самое лучшее изображеніе нашихъ несчастныхъ подражаній литературныхъ, политическихъ, житейскихъ. Хозяинъ былъ въ полномъ удовольствіи и угощалъ отъ всего сердца, съ такимъ любезнымъ радушіемъ, и вмѣстѣ искусствомъ, и неистощимыми варіантами, но безъ всякаго излишества и униженія, что любо было смотрѣть на него и слушать. Боже мой, думалъ я, приходскій священникъ въ Вологдѣ — ну что можетъ онъ получить въ годъ? Пять-сотъ—шестьсотъ рублей. Ни одного каменнаго дома не видалъ я, проѣхавъ, у него въ приходѣ. И изъ этой тысячи онъ долженъ содержать свое семейство, часто много-

численное, и думать о своей предстоящей дряхлости. Какая бережливость должна быть соблюдаема въ его обиходѣ, еслибы даже и не чувствовалъ онъ нужды. Не всякую ль копѣйку онъ долженъ раза два-три оборотить въ рукахъ, прежде нежели онъ заплатитъ ею за кусокъ хлѣба или за аршинъ сукна? Но вотъ у него праздникъ, и вы его не узнаёте, не различаете съ богатыми купцами: Русскій духъ обнаруживается. Хлѣбосольство и гостепріимство являются во всемъ блескѣ. О, съ какимъ почтеніемъ смотрѣлъ я на достойнаго старца, и прикушивалъ его мадеры и малаги, желая ему здравія и благоденствія, и во всемъ благого поспѣшенія!“

Вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ Погодинъ ѣздилъ осматривать монастырь Спасо-Прилуцкій, верстахъ въ двухъ отъ города, основанный св. Димитріемъ, знакомцемъ преподобнаго Сергія. Приложившись къ мощамъ, Погодинъ отправился въ ризницу и принялся разсматривать сундуки съ книгами. „Послѣ нѣсколькихъ церковныхъ рукописей“, пишетъ онъ,—„вытаскиваю одну, въ древнемъ переплетѣ... Харатейная... развертываю... первое слово попадается подъ глаза Мстиславъ, потомъ Изяславъ... я такъ и обмеръ отъ радости, колѣна у меня подогнулись... Вѣрно какая-нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться такія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмотрѣть на ея начало... съ трепещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подалъ я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мстиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился и послѣдовалъ глазами. Увы! это только Житіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и житій. Впрочемъ, рукопись древняя и примѣчательная. Житіе не Несторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своемъ изслѣдованіи. Не могъ разбирать болѣе, и съ горя отправился вслѣдъ за Преосвященнымъ къ архіепископу Иринею, который здѣсь живетъ на покоѣ“. Ириней сообщилъ своимъ гостямъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго и разбиралъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Прео-

священныйИриней родился въ тѣхъ странахъ и „тоскуетъ по своей отчизнѣ“. Возвращаясь въ Вологду, Погодинъ мечталъ о Всероссійскомъ Музеѣ, „что еслибы“, писалъ онъ,—„собрать древнія вещи, одежды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи (разумѣется, только изъ захолустьевъ, куда никто не ѣздитъ и гдѣ они лежатъ безъ употребленія), расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напримѣръ, Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осязаючи, что отцы наши были не такъ просты и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, объ нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоцѣнностей по лицу всей Россіи, гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія и пользы! Кому, напримѣръ, придетъ охота ѣхать въ Прилуки (и даже въ Вологду) смотрѣть на такую-то примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или пелену. Тогда только, какъ всѣ подобныя вещи будутъ храниться вмѣстѣ, можно будетъ написать Исторію Художествъ въ Россіи, Исторію частной жизни и проч.“

Погодину удалось вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ посѣтить Вологодскую гимназію. На крыльцѣ встрѣтилъ преосвященнаго инспекторъ Фортунатовъ и въ сопровожденіи его вступилъ въ актовую залу, гдѣ собраны были учителя и ученики. Лишь только показался Преосвященный, какъ раздалось:

Гряди, о пастырь нашъ желанный,
Гряди, воззри, благослови!

„Слезы были у многихъ на глазахъ, и я“, пишетъ Погодинъ,—„былъ очень тронутъ. Выслушавъ привѣтствіе, Преосвященный сказалъ воспитанникамъ: *Благодать вамъ и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа*. Затѣмъ Фортунатовъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ заявилъ, что Вологодскіе гимназисты „знаютъ почти наизусть *Седьмицы*, кои всякое воскресенье читались у нихъ въ собраніяхъ, и что вообще все начальство преданно было особенно преосвященному Иннокентію, коего имя безпрестанно поминалось въ гимназіи, какъ вдругъ получается извѣстіе, что онъ назначенъ епископомъ въ

13*

Вологду. Радость была неописанная". Это прекрасное торжество", пишетъ Погодинъ,—„преданности благородной, проистекающей изъ такого чистаго источника, въ глуши, на сѣверѣ, вдали отъ всѣхъ людей, было для меня очень поразительно. Я радовался отъ сердца успѣхамъ общежитія, силѣ добра и слова" [150]).

XXXII.

Во премя пребыванія своего въ Вологдѣ Погодинъ лично познакомился съ профессоромъ Философіи Вологодской Семинаріи Павломъ Ивановичемъ Савваитовымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ лишь заочно. Еще въ февралѣ (того же 1841 года) Савваитовъ писалъ Погодину: „П. С. Билярскій писалъ ко мнѣ, что вамъ понравилась здѣшняя Вельская пѣсня *про Френцюса,* и вы желаете помѣстить ее всю съ начала до конца въ издаваемомъ вами журналѣ и принимаете меня въ корреспонденты. Исполняя ваше желаніе, при семъ посылаю вамъ пѣсню и обѣщаюсь доставлять вамъ журнальныя статьи разнаго содержанія, особенно такія, въ которыхъ можно будетъ увидѣть бытъ здѣшнихъ жителей настоящій и прошедшій. Какъ здѣшній уроженецъ, я имѣю нѣкоторые къ тому способы. Занимаясь по обязанности Философіею, я имѣю въ запасѣ и по этой части нѣкоторыя статьи. Въ издаваемомъ вами журналѣ есть отдѣленіе наукъ. Мнѣ хочется знать: есть ли въ немъ мѣсто для Философіи? Если же вамъ угодно будетъ... помѣщать мои занятія по этой части, то я скоро могу доставить доказательства ихъ. Посылаемая мною статья: *Вологодскія пѣсни*—начало моего участія въ вашемъ журналѣ.

Въ первомъ нумерѣ *Москвитянина,* который получилъ я отъ одного знакомаго человѣка, прочиталъ я на стр. 326, что Батюшковъ, сладкозвучный пѣвецъ нашъ, живетъ въ деревнѣ у своихъ родственниковъ. Позвольте исправить. Батюшковъ живетъ здѣсь—въ самой Вологдѣ, гдѣ живутъ и его родствен-

ники. Онъ занимаетъ особенную прекрасную квартиру въ одномъ изъ лучшихъ здѣшнихъ домовъ—отдѣльно отъ своихъ родственниковъ. Лѣтомъ онъ нерѣдко прогуливается по городу, который хотя въ сравненіи съ Петербургомъ или Москвой можетъ показаться деревнею, но все — городъ, а не деревня. Здѣсь можно найти и хорошее высшее общество—аристократію, которая ставитъ себя едва не выше столичной аристократіи. Въ продолженіи нынѣшней зимы составился здѣсь дворянскій клубъ, были благородные театры, балы, маскарады и разныя потѣхи, какихъ нельзи найти въ деревнѣ. Современемъ постараюсь сообщить вамъ подробнѣйшія извѣстія и о жизни Батюшкова, если только вы захотите ихъ.

Здѣсь носится слухъ, что г. Сахаровъ, собиратель народныхъ преданій, сказокъ, пѣсенъ, былъ и въ нашихъ улусахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю, успѣлъ ли онъ собрать здѣсь что-нибудь. Здѣшніе не любятъ сообщать своего чужимъ, незнакомымъ людямъ" [151]).

Такимъ образомъ съ появленіемъ въ свѣтъ *Москвитянина* выступилъ на арену литературной и ученой дѣятельности всѣмъ извѣстный Павелъ Ивановичъ Савваитовъ *). Въ первыхъ же нумерахъ *Москвитянина* Погодинъ напечаталъ сообщенную имъ народную *Пѣсню про Френцюса*, подъ заглавіемъ *Вологодскія пѣсни*, съ слѣдующимъ предисловіемъ П. И. Савваитова: „Ничто такъ хорошо не знакомитъ насъ", пишетъ онъ,—„съ духомъ народа, съ его понятіями, повѣрьями, домашнимъ и нравственнымъ бытомъ, какъ народныя пословицы, поговорки, притчи, пѣсни, сказки, и, такъ называемыя, былины разныхъ временъ, особенно же былины стараго времени. Въ притчахъ и поговоркахъ, равно какъ въ пословицахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ ярко обрисовывается характеръ и образъ мыслей народа, его исторія, нравы, обыкновенія, страсти... И вотъ почему все народное такъ драгоцѣнно и занимательно для насъ". Упомянувъ, что собранныя доселѣ пословицы, пѣсни, повѣрья и сказки содержатъ въ себѣ

*) Родился 15 февраля 1815 г.

самую незначительную часть въ сравненіи съ тѣмъ, что сохраняется въ народѣ, П. И. Савваитовъ продолжаетъ: „А сколько уже утрачено и вышло изъ памяти? Спросите нашего крестьянина, онъ начнетъ разсказывать вамъ столько новаго, неслыханнаго, что всего и не разслушать; а между тѣмъ онъ скажетъ, что другіе и больше еще знаютъ, что отецъ его, либо дѣдъ, разсказывалъ и не такія диковинки. Любо слушать этихъ разскащиковъ: у нихъ такъ много чего-то неуловимаго, такого, чего и передать нельзя, любо прислушиваться къ этому народному говору. Изъ всѣхъ, слышанныхъ мною, разсказовъ, самые занимательные и оригинальные нашелъ я въ Вельскомъ уѣздѣ. Здѣсь всѣ они, безъ исключенія, называются былинами, и разсказываются на распѣвъ. Пѣсни поются вездѣ. Русскій пьетъ и поетъ, *на радостяхъ и съ горя*. Но чѣмъ дальше отъ Вологды эти пѣсни, тѣмъ онѣ замѣчательнѣе и по выраженію, и по самому содержанію. Здѣсь охотно поютъ ихъ, но неохотно соглашаются, чтобы ихъ записывали: *вѣдь пѣсня быль*, говорятъ обыкновенно; *а мало ли чего бываетъ? За иное и въ судъ поведутъ*".

Вслѣдъ за симъ П. И. Савваитовъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* цѣлый рядъ Вологодскихъ народныхъ пѣсенъ, къ которымъ Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее, лестное для П. И. Савваитова, примѣчаніе: „Усердно благодаримъ нашего Вологодскаго корреспондента за доставленіе этихъ любопытныхъ памятниковъ народной поэзіи. Издатель *Москвитянина*, въ тщетномъ доселѣ ожиданіи драгоцѣннаго собранія П. В. Кирѣевскаго, предпринимаетъ самъ изданіе народныхъ Русскихъ пѣсенъ, котораго настоятельно требуютъ всѣ Словенскіе литераторы, въ которомъ нуждается Русская Словесность, Исторія, Филологія, Археологія. Безъ всякихъ лишнихъ притязаній онъ думаетъ, что прежде всего надо собрать пѣсни и издать какъ онѣ есть. Не мудрствуя лукаво, не заботясь о строгихъ системахъ и ученыхъ толкованіяхъ, на кои потребны десятилѣтія, онъ будетъ выпускать ихъ тетрадками и проситъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ и всѣхъ ревнителей отечественной

славы доставлять къ нему собранныя пѣсни. Пѣсни—это наше сокровище, которымъ мы должны гордиться предъ всѣми Европейскими народами, исторія нашихъ чувствованій, свѣтлая часть нашей Исторіи, залогъ національности, драгоцѣнный памятникъ и вмѣстѣ источникъ народной поэзіи, предъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ доселѣ знаменитыя Англійскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія подражанія. Всякую медлительность въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ гражданскимъ преступленіемъ. Нечего прибавлять здѣсь, что помѣщаемыя принадлежатъ не къ лучшимъ. Разумѣется онъ тотчасъ прекратитъ свое изданіе, если *удостовѣрится документально*, что г. Кирѣевскій начнетъ и поведетъ печатаніе скоро. Собраніе г. Сахарова имѣетъ другую цѣль“.

Статью П. И. Савваитова о *Вологодскихъ пѣсняхъ* весьма оцѣнилъ впослѣдствіи академикъ И. И. Срезневскій. „Сообщеніе Савваитова“, писалъ онъ,—„не большое, но очень замѣчательное, какъ свидѣтельство, какихъ взглядовъ на народность, на народную поэзію и на народный языкъ въ это относительно давнее время, когда всѣмъ этимъ занимались еще очень мало и не многіе, и когда понятія обо всемъ этомъ были очень туманны, хотѣлъ держаться молодой профессоръ Вологодской Семинаріи. Онъ считалъ необходимымъ удерживать въ переписи пѣсни народный говоръ до мелочи,—и далъ такимъ образомъ довольно полный образецъ Вельскаго народнаго языка, не потерявшій и доселѣ своего достоинства. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ тутъ же обратилъ вниманіе на неохотность нашихъ селянъ сообщать пѣсни для записыванія и на употребленіе слова *былина* въ Вельскомъ уѣздѣ“.

Само собою разумѣется, что Погодинъ, по пріѣздѣ въ Вологду, поспѣшилъ познакомиться съ П. И. Савваитовымъ и въ продолженіе всей своей жизни поддерживалъ съ нимъ дружелюбныя отношенія. При первомъ же знакомствѣ Погодинъ получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. „Есть очень любопытные“, писалъ Погодинъ,—„особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало.

Взялъ съ него слово приготовлять Вологодскій сборникъ: въ 1-й части его можно будетъ помѣстить всѣ его грамоты, во 2-й—извѣстія историческія о городахъ, церквахъ и монастыряхъ, въ 3-й—народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Молодые люди такъ напуганы нашею легкомысленною и бранчивою критикою, что боятся явиться и съ дѣломъ предъ публикою, откладываютъ до пріисканія новыхъ матеріаловъ, гоняются за полнотою, совершенствомъ, и теряютъ старое. У Савваитова столько же собрано для Вологды, сколько у Мельникова для Нижняго, и было бъ жаль, еслибъ они не исполнили своихъ обѣщаній".

Погодинъ, посѣтивъ П. И. Савваитова, такъ описалъ намъ его домашнюю обстановку: „Былъ у Савваитова—онъ живетъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнатку, отъ которой еще отдѣлены три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своею Философіей и Исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу придетъ какой прихожанинъ. Кто бы подумалъ, что за этимъ огаркомъ, въ захолустьѣ бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившейся избенкѣ, читается и размышляется Августинъ и Кантъ. Комната чистенькая, увѣшанная картинными портретами. Тотчасъ, разумѣется, представился чай въ нарядныхъ чашкахъ, наливка домашняя изъ черемухи и варенье изъ поленики".

Познакомившись такимъ образомъ съ П. И. Савваитовымъ, мы будемъ продолжать наше повѣствованіе о пребываніи Погодина въ Вологдѣ.

20 августа 1841 года Погодинъ осматривалъ Духовъ монастырь и приложился къ мощамъ почивающихъ здѣсь преподобныхъ Галактіона и Іоасафа. „Кто же былъ этотъ Галактіонъ?" спрашиваетъ Погодинъ и отвѣчаетъ: „Сынъ князя Бѣльскаго, умерщвленнаго Іоанномъ Грознымъ. Родственники укрыли отрока и переслали его отъ преслѣдованій царскихъ въ Старицу, а оттуда какъ-то попалъ онъ въ Вологду; здѣсь онъ кожевничалъ для своего пропитанія, женился, овдовѣлъ и заключился въ кельѣ на рѣчкѣ Содимѣ, выпросивъ себѣ уголокъ

у жителей. Литовцы въ набѣгъ 1613 г. его замучили. Жители поставили надъ его могилою церковь, а впослѣдствіи устроенъ и монастырь. Монахъ указалъ Погодину на тяжелыя вериги, кои надѣвалъ на себя отшельникъ ночью по окончаніи работъ дневныхъ“.

Посѣтивъ второй разъ Спасо-Прилуцкій монастырь, Погодинъ сталъ разбирать монастырскую библіотеку и въ ней нашелъ цѣлую огромную книгу тяжебныхъ дѣлъ монастыря отъ начала XVII вѣка до Петра Великаго, а также прекрасный, древній списокъ Житія Θеодосія и прочихъ Печерскихъ угодниковъ, Житіе св. Стефана Пермскаго, Кирилла Философа и проч. Погодину удалось также проникнуть „въ одно изъ пустыхъ отдѣленій Архіерейскаго Дома“ съ цѣлью разсмотрѣть бумаги, „тамъ валяющіяся“. „Эта кладовая“, пишетъ онъ,— „есть нѣчто отличное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чтобъ подать понятіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей“. На Везувій, Монбланъ и Лиліенштейнъ подымался онъ „гораздо смѣлѣе и спокойнѣе“, чѣмъ въ эту кладовую. Но поживы въ ней для Погодина было, кажется, немного. „Валялись лоскутки“, пишетъ онъ,—„я началъ ихъ шарить. Вынулъ листъ: харатейный изъ тріоди; вынулъ другой: послѣсловіе къ книгѣ, печатанной при Михаилѣ Θедоровичѣ. Но пыль поднималась столбомъ. Я не могъ оставаться дольше, и просилъ о приказѣ служителямъ повыбрать все бумажное. Мнѣ принесли два короба. Оказалось листовъ шестьдесятъ харатейной тріоди, осьмушки четыре харатейныя, которыми переплетенъ былъ молитвенникъ, и еще пол-листа харатейнаго, служившаго также оберткой негодной книжонкѣ“. Но тѣмъ не менѣе эти находки вызвали у Погодина слѣдующее замѣчаніе: „Вотъ нынѣ, гдѣ надо искать рукописей: большія дороги, открытыя ризницы, обысканы, и тамъ нѣтъ уже ничего, но во всякомъ монастырѣ есть такъ-называемая кладовая или амбаръ, куда сваливаются старыя вещи. Тамъ еще можно найти многія древности, но туда мудрено имѣть доступъ: всякій смотритель скажетъ вамъ наотрѣзъ, что у нихъ ника-

; ой кладовой не имѣется, разсуждая про себя такъ: 1) если тамъ найдется что-нибудь, то я буду обвиненъ за нерадѣніе, и долженъ буду беречь послѣ найденное; 2) въ амбарахъ бываетъ всегда безпорядокъ, который показывать совѣстно и стыдно; 3) если же тамъ ничего нѣтъ, то не стоитъ труда туда и ходить. Савваитовъ разсказывалъ объ одномъ изъ здѣшнихъ смотрителей, что онъ три мѣсяца не хотѣлъ ему отворить архивной двери, близкой къ собственной его двери: подождите, не время, завтра, и тому под.".

Погодинъ заглядывалъ также и въ Семинарскую библіотеку, въ которой удалось ему разсмотрѣть „пять-шесть харатейныхъ кодексовъ XIV и можетъ быть XIII вѣка".

Въ то время въ Вологдѣ влачилъ свое жалкое существованіе знаменитый писатель нашъ Батюшковъ, и Погодинъ счелъ „священною обязанностью" посѣтить его и съ этою цѣлью онъ отправился къ священнику, въ домѣ котораго онъ жилъ. „Прекрасныя комнаты", пишетъ онъ, — „и мнѣ опять угощеніе, хотя я зашелъ только мимоходомъ, такъ что я начинаю походить на архіерейскихъ служекъ, которые въ *Духовномъ Регламентѣ* названы лакомыми... Батюшковъ провелъ ночь нехорошо. Священникъ совѣтовалъ мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ прогулкѣ, въ саду надъ рѣкою, куда онъ сейчасъ долженъ идти. Получивъ свѣдѣнія объ его состояніи и нѣсколько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Чрезъ часъ я вижу и Батюшкова. Онъ совершенно здоровъ физически, но посѣдѣлъ, ходитъ быстро и безпрестанно дѣлаетъ жесты твердые и рѣшительные; встрѣтился съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чтобы не возбудить въ немъ подозрѣнія".

На канунѣ своего отъѣзда изъ Вологды, Погодинъ перебиралъ здѣшніе Синодики и замѣтилъ: „Въ какомъ порядкѣ и чистотѣ, какимъ прекраснымъ уставомъ вносились имена до Петра I-го, и какими каракулями записаны послѣдующіе покойники!".

XXXIII.

По благословенію преосвященнаго Иннокентія, 26 августа 1841 года, рано утромъ выѣхалъ Погодинъ изъ Вологды въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. „Никогда не забуду я“, пишетъ онъ,—„пребыванія своего въ этомъ городѣ. Душа отдохнула“...

Погодинъ до такой степени сблизился съ П. И. Савваитовымъ, что испросилъ у преосвященнаго Иннокентія разрѣшеніе пригласить его съ собою путешествовать. Къ тому же П. И. Савваитовъ сопутствовалъ и Преосвященному при его обозрѣніи Епархіи.

За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ начинается Аникинъ лѣсъ, такъ названный отъ Аники разбойника, жившаго въ этомъ лѣсу, „нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ, кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ“. Рано пріѣхали наши путешественники въ село Кубенское, „бывшее городомъ, даже княжествомъ; ибо извѣстны князья Кубенскіе“. Близъ церкви они остановились и „вылѣзли“ изъ тарантаса. Въ это время проходили двѣ молодыя бабы. „Гдѣ протопоповъ домъ?“ спросили пріѣзжіе. „А вотъ за поворотомъ, аль вы пріѣхали къ нему смотрѣть невѣсту?“ Путешественники наши разсмѣялись и сказали: „Такъ, такъ, невѣсту смотрѣть!“ — „Пожалуйте, пожалуйте, дѣвица прекрасная, здоровая, полная. Ступайте съ Богомъ“. Они пошли по указанной дорогѣ, а бабы все еще продолжали хвалить имъ протопопову дочь. Погодина и его спутника встрѣтила протопопица очень радушно. П. И. Савваитовъ обратился къ ней съ вопросомъ: „Или у васъ *завара*, матушка?“ А что такое *завара*, спросилъ Погодинъ. П. И. Савваитовъ объяснилъ: Отруби, сваренные въ водѣ съ солью. „У протопопа, отца Стефана Жиряева“, пишетъ Погодинъ,—„двѣ комнаты очень опрятныя. Чистая комната украшена картинами, представляющими коловратность земной жизни и виды монастырей. Между портретами примѣчателенъ Ѳеофана Новоозерскаго, наполнившаго своею славою окрестность. Портретъ его видишь вездѣ.

Онъ прозрѣвалъ, говорятъ, характеры, и стороною давалъ знать объ нихъ посѣтителямъ". Наконецъ взошелъ и протопопъ. „Старецъ бодрый, лѣтъ за шестьдесятъ" очень понравился Погодину „въ патріархальномъ быту своемъ". Село Кубенское славилось нѣкогда своими разбойниками, о коихъ и до сихъ поръ разсказываютъ много анекдотовъ. Между тѣмъ самоваръ былъ готовъ, а за нимъ явились пироги, грузди, „подъѣхала Кубенская мадера". Затѣмъ пироги „поскакали", пишетъ Погодинъ, „за нами, и всѣ наши карманы, всѣ углы въ тарантасѣ, наполнились всякой всячиной, по милости гостепріимнаго хозяина и его любезной супруги. Добрые, почтенные люди! Какое пріятное воспоминаніе они оставили во мнѣ. Тарантасъ нашъ покатился, а они все еще кричали вслѣдъ: а что жъ ситничка-то не взяли!"

Изъ Кубенскаго наши путешественники поѣхали въ село Пучки, ближайшій переѣздъ черезъ озеро въ Спасо-Каменный монастырь. Дорогою П. И. Савваитовъ сообщилъ Погодину нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Петрѣ I, о языкѣ Вологодскихъ крестьянъ, о нивныхъ праздникахъ и пр. Въ селѣ Пучкахъ священникъ, по замѣчанію Погодина, „не похожъ на Кубенскаго: онъ праздновалъ, вмѣстѣ съ живописцами, окончаніе росписи церковной, и очень смутился моимъ пріѣздомъ". Здѣсь нашимъ путешественникамъ предстоялъ опасный переѣздъ черезъ бурное озеро въ Спасо-Каменный монастырь. Перевощики съ неохотою взялись перевести ихъ. „Лодка наша", пишетъ Погодинъ,—„качалась съ боку на бокъ, *бѣляки* прыгали по водѣ, но гребцы были спокойны". Наконецъ „горизонтъ прояснился совершенно, и монастырь представился имъ стоящимъ, какъ будто на облакѣ", и они пріѣхали благополучно. Настоятель, архимандритъ Амвросій, принялъ нашихъ путешественниковъ съ распростертыми объятіями. Тотчасъ послалъ наловить рыбы „на счастіе", и вскорѣ поспѣла свѣжая уха изъ ершиковъ, сижковъ и нельмушки. „Превкусная!", какъ замѣтилъ Погодинъ.

Монастырь стоитъ на *щерь*, каменной почвѣ, и весною

заливается водою; льдинами покрываются крыши. И здѣсь былъ преосвященный Иннокентій, и сказалъ проповѣдь на текстъ: *Терпя потерпѣхъ Господа, и вняты ми, и услыша молитву мою: И возведе мя отъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя: И вложи во уста мои пѣснь нову, пѣніе Богу нашему: узрятъ мнози, и убоятся, и уповаютъ на Господа* (Псал. 39, 1—4).

Погодинъ съ своимъ спутникомъ осмотрѣлъ монастырь. Сюда сосланъ былъ князь Григорій Шаховской, *всей крови заводчикъ*, въ несчастное царствованіе Шуйскаго. Посѣтили бакалавра С.-Петербургской Духовной Академіи Анастасія, который занимается въ этомъ уединенномъ монастырѣ „истолкованіемъ Священнаго Писанія“. Уже смеркалось, какъ наши путешественники отправились въ обратный путь; хотя вечеръ былъ тихъ, но берегъ заволокло, и они поплыли на „удачу“, довѣрясь опытности и зоркому глазу рыбаковъ. У берега случилась съ ними бѣда: не было телѣги, которая подъѣхала бы къ лодкѣ и подвезла бы ихъ. Въ бродъ же по колѣно въ водѣ идти было страшно, но ихъ выручили перевощики, которые, не говоря ни слова, посадили Погодина и Савваитова къ себѣ на спины и потащили на берегъ. Кое-какъ добрались до земли, а до села почти бѣгомъ, чтобы согрѣться. Но здѣсь довелось имъ испытать новыя непріятности: лакей Погодина напился мертвецки пьянъ и спалъ въ тарантасѣ. Къ довершенію всего у Погодина пропалъ открытый листъ. Вслѣдствіе сего „поднялась тревога. Сбѣжались дьячиха, пономариха, просвирня. Ахъ бѣда, ахъ бѣда! Стали обыскивать кучера, и онъ признался, что, распоясываясь, уронилъ листъ въ колодезь. Въ то же время Погодинъ обратился къ священнику съ укоромъ: „Зачѣмъ вы напоили моего старика?“ и священникъ, не обинуясь, отвѣчалъ: „Батюшка, Ваше Высокородіе, изъ уваженія къ вашей персонѣ“. Между тѣмъ дьячиха оказала болѣе всѣхъ дѣятельности въ отысканіи открытаго листа Погодина, и нашимъ путешественникамъ довелось быть свидѣтелями слѣдующей сцены: Дьячиха обвя-

зала своего мужа веревкою и, не говоря ни слова, спустила въ глубину колодца. „Ну, еслибы веревка оборвалась!“ сострадательно замѣчаетъ Погодинъ, но тѣмъ не менѣе свидѣтели въ глубокомъ молчаніи ожидали развязки. Дьячекъ началъ шарить на днѣ. „Нашелъ, нашелъ, закричалъ снизу водолазъ. Вотъ была радость! весь причетъ крестился, молился: развязали душу, слава Богу, эка бѣда, слава Богу“. Погодинъ же съ своей стороны воскликнулъ: „Бѣдные люди, бѣдные люди!“ Послѣ этихъ треволненій наши путешественники ночевали у священника, но провели ночь „въ безпрерывной войнѣ съ цѣлымъ населеніемъ злыхъ насѣкомыхъ“, и чѣмъ свѣтъ поѣхали далѣе.

Дорогою Погодинъ обдумывалъ, какъ разсказать анекдоты о Петрѣ, для сельскаго Альманаха, издаваемаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. П. И. Савваитовъ на его разсказъ сообщилъ ему еще одинъ новый анекдотъ объ Устюжскомъ гражданинѣ Челбышевѣ. Первая станція была въ селѣ, населенномъ раскольниками. „Ты старовѣръ?“ спросилъ П. И. Савваитовъ старика, начавшаго отпрягать ихъ тройку. „А у васъ батюшка, развѣ новая вѣра?“ отвѣчалъ онъ спокойно. „Что за умный народъ“, замѣтилъ Погодинъ.

Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ Погодинъ къ Кириллову-Бѣлозерскому монастырю. Воображеніе его носилось въ Исторіи. Ему представлялось, что онъ стоитъ у заутрени, „въ темномъ уголку низенькой церкви; тускло горятъ свѣчи передъ алтаремъ; вдругъ отворяется боковая дверь, и смиренно входитъ Грозный, въ сопровожденіи своихъ друзей, и преклоняетъ колѣна свои передъ ракою Преподобнаго Кирилла....“ Ему припоминается отрывокъ изъ знаменитаго Посланія Іоанна Кирилловскому игумену Козьмѣ, переложеннаго почти слово въ слово Пушкинымъ въ монологѣ Пимена: „Помните, отци святіи, егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ въ пречестную обитель Пречистыя Богородицы и Чюдотворца Кирилла; и случися тако судьбами Божіими: по милости Пречистыя Богородица и Чюдотворца

Кирилла молитвами, отъ темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ воспріяхъ, и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кириллу, съ нѣкоими отъ васъ братіи, нѣгдѣ въ келіи сокровеннѣ быти, самому же такоже отъ мятежа и плища міръскаго упраздьнившуся и пришедшу ми къ вашему преподобію; и тогда со игуменомъ бяше Іасафъ, архимандритъ Каменской, и Сергѣй Колычовъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а иныхъ не упомню; и бывшей о семъ бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе мое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житіе; и якоже услышахъ сіе божественное житіе, ту абіе возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію и пристанище спасенія: и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ Богъ, во благополучно время, здраву, пострищися, токмо во пречестнѣй сей обители Пречистыя Богородица, Чюдотворца Кирилла составленія. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего жъ и моего, на семъ благословенія прося, оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ, якоже выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищись. И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмъ чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа въ себѣ ношу".

Монастырь окруженъ двойными стѣнами. Огромное пространство между первыми и вторыми ничѣмъ не занято и Погодину казалось, что „на немъ можно бы кажется помѣстить весь городишко, состоящій изъ нѣсколькихъ избенокъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. А для лавокъ, кои стоятъ теперь какъ сироты, какимъ-то узкимъ переулкомъ, передъ Святыми воротами, какое прекрасное помѣщеніе было бъ въ стѣнахъ! Происхожденіе многихъ городовъ Европейскихъ отъ монастырей

и первый періодъ ихъ распространенія представились ясно передъ моими глазами. Какъ много значитъ наглядность въ дѣлѣ Исторіи!"

Молча прошелъ Погодинъ по длинному двору. Главныя Святыя ворота поразили его своею древнею живописью; благоговѣйный трепетъ прошелъ по всему его тѣлу. „Св. Владиміръ, св. Сергій, св. Ольга", пишетъ онъ,—„стояли передо мною въ древнихъ одѣяніяхъ, а далѣе—происшествія изъ жизни св. Кирилла. На верху надпись: въ Царствованіе Θеодора Іоанновича... благословеніемъ Игумена Варлаама, по приговору старцевъ Соборныхъ Кир. мон. врата большія и меньшія подписа мастеръ старецъ Александръ съ своими учениками съ Омельяномъ да съ Никитою, въ лѣто..." И что же? о ужасъ! на другой сторонѣ начиналось уже искаженіе: два древніе образа, съ которыхъ нѣсколько слѣзла краска, были забѣлены, и стояли подставки, откуда новый маляръ святотатственной рукою сбирался видно мазать свои представленія. Бѣгомъ почти побѣжалъ я къ архимандриту Рафаилу, недавно сюда опредѣленному, и послѣ перваго привѣтствія началъ славить ему превосходство его вратъ. „Да," отвѣчалъ онъ,—„мы хотимъ ихъ поновить". „Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе, оставьте ихъ, какъ они есть; ничто не можетъ быть лучше, изящнѣе, почтеннѣе. Я не въ силахъ вамъ выразить моего перваго впечатлѣнія при видѣ ихъ. Поправить можно, только поддѣлываясь въ частяхъ подъ старое". „Вы историки судите по своему, а богомолы по своему—вы любите ветхости, а тѣ относятъ ихъ къ нерадѣнію настоятелей". „Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе. Смѣю напомнить вамъ Высочайшій указъ о храненіи памятниковъ". „Хорошо, хорошо, я посмотрю". Не знаю, сдержалъ ли почтенный Архимандритъ свое слово, а я былъ бы очень радъ, еслибъ просьбою моею сохранилась эта прекрасная иконопись".

Пріемъ нашихъ путешественниковъ въ обители св. Кирилла, нѣсколько сухой сначала, оживился, какъ Погодинъ

представилъ рекомендательное письмо преосвященнаго Иннокентія. Впрочемъ, имъ отвели кельи весьма грязныя. „Пыль“, пишетъ Погодинъ,—„не стирается видно никогда ни съ лавокъ, ни съ оконъ; соръ не выметали съ полу, и окна не растворялись ни зимой, ни лѣтомъ, потому что воздухъ былъ сырой и тяжелый“. Кое-какъ Погодинъ съ П. И. Савваитовымъ „обчистили и убрали горницу“ и затѣмъ отправились осматривать монастырь, „одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ древности, любимое богомолье Іоанна IV, мѣсто постриженія знаменитыхъ сановниковъ и заточенія многихъ виновныхъ“. Прежде всего привлекла нашихъ путешественниковъ келейка св. Кирилла, деревянная, тѣсная. Она теперь обстроена и находится какъ бы въ футлярѣ; но Погодинъ желалъ „всетаки болѣе почтенія къ святому обиталищу“. Близъ него въ другомъ футлярѣ находится колодезь, ископанный Святымъ,— „священные остатки мужа“, пишетъ Погодинъ, „знаменитаго въ нашей Церковной Исторіи, котораго Житіе преисполнено красотъ необыкновенныхъ для всякаго русскаго, понимающаго бытъ своихъ предковъ и ихъ великое значеніе“. Эти обозрѣнія погрузили Погодина въ размышленіе о монашествѣ въ древности и теперь. „Монастыри“, пишетъ онъ,—„были необходимы какъ убѣжища для *душъ*, алкавшихъ уединенія и молитвы, освобожденія отъ треволненій житейскихъ, а нынѣ необходимы по большей части какъ святыя мѣста, куда бъ стекался *народъ* для поклоненія и тѣмъ питалъ свою духовную жажду“. Думая объ этомъ, онъ еще разъ взглянулъ на изображенія на Святыхъ вратахъ, увидѣлъ древнія мѣдныя двери съ изображеніями, по большей части Словенскими и съ прискорбіемъ замѣтилъ: „Ничего-то не описано у насъ! Есть и въ соборѣ прекрасныя мѣдныя двери сѣверныя. На все бываетъ счастіе. Сколько сдѣлано описаній Новогородскимъ дверямъ, а на прочія никто и смотрѣть не хочетъ, между тѣмъ какъ ихъ много. Точно также должно сказать о Черниговской гривнѣ, о которой написано съ дюжину диссертацій, такихъ гривенъ у меня есть уже десять“.

Не смотря на неудобство помѣщенія, Погодинъ „проспалъ заутреню“. Отправившись въ соборную церковь, онъ съ благоговѣніемъ поклонился ракѣ Святаго и, разсматривая, за стекломъ, сосуды, ризы, въ коихъ служилъ онъ, стихирарь, святцы, овчинную шубу, кожаный поясъ, шерстяной колпакъ, двѣ чашки въ кожаныхъ влагалищахъ, ковшикъ, духовное завѣщаніе, Погодинъ представлялъ себѣ преподобнаго Кирилла „пѣшешествующа въ этомъ нарядѣ изъ Московскихъ предѣловъ, съ благословеніемъ св. Сергія, въ дебри Бѣлозерскія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ обошелъ всѣ церкви, въ коихъ примѣтилъ очень много древнихъ образовъ. „Скажу здѣсь“, пишетъ онъ,—„нѣсколько словъ объ иконописи. Она не подведена у насъ подъ правила, еще менѣе чѣмъ Палеографія. Я говорилъ со многими такъ называемыми знатоками, особенно между раскольниками, разспрашивалъ ихъ, и заключилъ, что они сами часто ошибаются и бываютъ несогласны въ мнѣніяхъ о древности того или другого образа, хотя, правда, и есть между ними имѣющіе великую опытность. Не спрашивайте у нихъ только *почему*. По большей части они говорятъ по навыку, какъ по навыку часто опредѣляется вѣкъ рукописей. Чтобъ подвесть подъ правила, надо списать всѣ древніе образа и поставить списки рядомъ, напримѣръ, образъ Троицы, и проч. Тогда представятся всего яснѣе постепенныя измѣненія. Надо будетъ справиться и съ Византійскими образами въ Римѣ и Греціи, съ подлинниками и проч. Много работы и здѣсь, а работа занимательная и нужная“.

Погодинъ заглянулъ также и въ библіотеку монастырскую и нашелъ ее очень огромною, „а прежде“, замѣчаетъ онъ,—„была еще огромнѣе, пока рукописи не продавались на удовлетворенія монастырскихъ нуждъ“. „Къ величайшей радости“, Погодинъ нашелъ книги знаменитаго Сильвестра, „одного изъ любимыхъ его героевъ“. Эта находка дала Погодину поводъ сдѣлать предположеніе: „Ужъ не скончался ли Сильвестръ въ Кирилловѣ монастырѣ? Заточеніе его въ Соловкахъ основано на одномъ Курбскомъ“.

Между тѣмъ обѣдъ былъ готовъ. Добродушные монахи старались угостить нашихъ путешественниковъ; но Погодинъ замѣтилъ, что здѣсь на берегу озера живая рыба почти рѣдкость. Такъ еще мы тяжелы на подъемъ и мало думаемъ о собственныхъ своихъ удобствахъ".

Въ Ризницѣ П. И. Савваитовъ обратилъ вниманіе Погодина на кресло патріарха Никона, съ надписью: *7176 года, марта 21-го, сей стулъ сдѣланъ Смиреннымъ Никономъ Патріархомъ, въ заточеніи за Слово Божіе, и Святую Церковь, въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ*".

XXXIV.

Послѣ вечерень, 28 августа 1841 года, Погодинъ и П. И. Савваитовъ выѣхали въ Бѣлозерскъ. Шексну переѣхали на паромѣ, въ селѣ Огнивѣ. Въ Бѣлозерскъ пріѣхали ужъ поздно вечеромъ. „Я", пишетъ Погодинъ,—„дремалъ, и мнѣ представилось, что мы въѣзжаемъ въ древній готической зàмокъ, во владѣніи Нѣмецкаго рыцаря Синава, Среднихъ вѣковъ, мимо многочисленной вооруженной дружины, черезъ обширный дворъ, заселенный челядью, чему, впрочемъ, ничего подобнаго наяву не оказалось. Стукнулись окошка въ три, и спросили объ училищѣ,—не получали нигдѣ удовлетворительнаго отвѣта, и рѣшились остановиться въ гостинницѣ; но она была полна". По счастію одинъ изъ соборныхъ священниковъ былъ женатъ на родственницѣ П. И. Савваитова, они отправились къ нему и нашли у него пріютъ. „Весь домъ взбузыкался", пишетъ Погодинъ,—„батюшка, да какъ вы это пожаловали къ намъ,—чаю, яичницы, ухи,—однимъ словомъ, что ни есть въ печи, то на столъ мечи".

Пребываніе въ Бѣлозерскѣ послужило для Погодина между прочимъ коментаріемъ къ Древней Русской Исторіи. „Какъ легкимъ и удобнымъ", пишетъ онъ,—„кажется здѣсь, на мѣстѣ, присоединеніе Бѣлозерска и Ростова къ владѣніямъ Норман-

новъ, а на картѣ, что за разстояніе отъ Ростова до Новгорода. Ростовъ подъ Рюрикомъ! Неудивительно ли для того времени? Нимало неудивительно. Рѣки были желѣзными дорогами для Норманновъ. Мудрено ли имъ было проѣхать изъ Ладожскаго озера въ Онежское Свирью, а потомъ Вытегрою, и чрезъ малый волокъ Ковжею, Бѣлымъ озеромъ въ Шексну, а Шексна впадаетъ въ Волгу—вотъ они и на мѣстѣ Ярославля, отъ котораго Ростовъ въ шестидесяти верстахъ".

На другой день священникъ сказалъ нашимъ путешественникамъ, что нынѣ, то-есть, 29 августа, крестный ходъ изъ Собора въ Ивановскую церковь. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ Погодинъ,—„мы увидимъ весь городъ въ собраніи". Въ ходу было много народу. Женщины въ кокошникахъ, а изъ оконъ смотрѣли дѣвушки въ блестящихъ коронахъ, низанныхъ жемчугомъ. Съ народомъ пришли наши путешественники въ церковь Іоанна Предтечи. Мѣщанинъ, стоявшій подлѣ Погодина, замѣтилъ съ удовольствіемъ товарищу, что священникъ благословилъ на четыре стороны. По свѣдѣніямъ, отобраннымъ Погодинымъ, оказалось, что Бѣлозерцы вообще довольно набожны и привержены къ церкви, что прихожане разсыпаны по всему городу, а не составляютъ цѣльныхъ, сплошныхъ приходовъ; древнихъ родовъ нѣтъ, всѣ вывелись; дворянъ много, но все бѣдные. Одинъ почтенный священникъ, узнавъ, что спутникъ Погодина, П. И. Савваитовъ, состоитъ профессоромъ въ Вологодской Семинаріи, а у него сынъ тамъ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ. Духовенство изъ Бѣлозерска и Кириллова отдаетъ учиться дѣтей своихъ по большей части въ Вологду, потому что она ближе Новгорода. На вопросъ Погодина о древностяхъ, гостепріимный хозяинъ „позамялся, а послѣ сказалъ откровенно, что путешествующіе археологи берутъ часто прочесть рукописи, да и зачитываютъ ихъ вовсе, и потому жители нынѣ неохотно стали открывать, у кого какія есть". У одного священника Погодинъ спросилъ: „Нѣтъ ли здѣсь какихъ преданій о князьяхъ Бѣлозерскихъ? Онъ задумался, какъ

будто припоминая, и наконецъ воскликнулъ съ радостію: есть, помню, я читалъ въ *Россіядѣ*... Хераскова!"...

Прощальный обѣдъ былъ у родственника П. И. Савваитова. „Ни отъ одного блюда", пишетъ Погодинъ,—„нельзя было отговориться. Просьбамъ не было конца.. *Надо выпить передъ ухою, за ухою, послѣ ухи*".

Между тѣмъ лошади были готовы, и они уѣхали. Ввечеру пріѣхали въ Кирилловъ. Въ ожиданіи лошадей путешественники наши пошли гулять. „Одна дама", пишетъ Погодинъ,—„остановилась у почтоваго двора, пристала съ вопросами къ кавалеру, стоявшему у воротъ: „а вы уже здѣсь, Иванъ Петровичъ, ну, кто эти проѣзжіе?" Не знаю-съ, я сейчасъ только пришелъ.

„Не можетъ быть, вы не хотите сказать, вы давно уже здѣсь. Я видѣла, что вы уже разговаривали съ ними".— Ей Богу не знаю-съ.

„Ну, какъ же вамъ не стыдно! Чего же вы стоите. Узнайте, да приходите сказать Александрѣ Петровнѣ".

Слыша это, Погодинъ хотѣлъ было подойти къ дамѣ и объявить ей свое имя; но она, „ударивъ по плечу своего коммиссіонера, отскочила прочь и побѣжала. Послѣ пришло еще нѣсколько человѣкъ къ воротамъ, вѣрно съ тѣми же вопросами, а одинъ поопытнѣе обратился къ станціонному смотрителю".

Смотритель училища, увидѣвъ тарантасъ Погодина, зашелъ къ нему. Поговорили о городѣ, въ которомъ „живутъ, слава Богу, всѣ дружно,—но книгъ и журналовъ не читаютъ".

Изъ Кириллова наши путешественники „пустились ночью, по незнакомой глухой дорогѣ", на Череповецъ, но все обошлось благополучно. „Мужики вездѣ пресмирные, и даже не считаютъ денегъ, получая за прогоны". Предъ Череповцемъ они выѣхали на большую Петербургскую дорогу въ Вологду, и „увидѣли совсѣмъ уже другія лица и совсѣмъ другіе пріемы". На другой день утромъ наши путешественники пріѣхали въ Череповецъ, но оставались тамъ недолго и отправились въ Тверскую губернію, въ городъ Весьёгонскъ, для розысканія

злополучной рѣки Сити, при которой погибъ великій князь Георгій Всеволодовичъ въ битвѣ съ Татарами.

Между тѣмъ приближалась ночь, а нашимъ путешественникамъ было еще далеко до *Веси,* какъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ Весьёгонскъ. Попался неопытный ямщикъ, и они заблудились и заѣхали „Богъ знаетъ въ какія дебри“. Наконецъ кое-какъ добрались до рѣки, черезъ которую нужно было переправляться на паромѣ... Перевощикъ былъ на другой сторонѣ. Едва докричались до него. „Заплескала вода, двинулся паромъ и послышалось пѣніе *Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодержи́мо, тварь ви́дѣвши на ло́бнѣмъ ви́сима, ужасомъ мно́гимъ содрога́шеся, нѣсть святъ, ра́звѣ тебѐ Господи, взывающи.* Это пѣніе на рѣкѣ, среди мертвой тишины, въ глубочайшемъ мракѣ“, пишетъ Погодинъ,— „было очень поразительно, и мы стали какъ вкопаные, слушая съ благоговѣніемъ священную пѣснь, пока, наконецъ, пѣвецъ причалилъ, и мы переправились“.

По пріѣздѣ въ Весьёгонскъ, Погодинъ сдѣлалъ первый визитъ къ приходскому учителю и обратился къ нему съ вопросомъ: „Далеко ли отсюда до Сити?“ Не знаетъ. Обратился къ капитанъ-исправнику. „Тотъ же отвѣтъ“, пишетъ Погодинъ. „На что вамъ эту рѣку?“ На ней происходило знаменитое сраженіе съ Татарами. „Нѣтъ у насъ такой рѣки“. Помилуйте, въ нашихъ географіяхъ вездѣ стоитъ Весьёгонскъ, въ уѣздѣ котораго протекаетъ рѣка Сить, при коей было сраженіе... „Воля ваша, я знаю свой уѣздъ какъ ладонь, и отвѣчаю головою, что у насъ Сити нѣтъ. Позвольте, позвольте, я слыхалъ о мѣстѣ одного сраженія, но это, должно быть, гдѣ-нибудь между Бѣжецкомъ и Кашиномъ. Тамъ еще и князь убитъ?“ Точно, тамъ убитъ князь. „Такъ поѣзжайте въ Бѣжецкъ, и вы вѣрно найдете что вамъ угодно“. Прошу васъ покорно о предписаніи выдавать мнѣ обывательскихъ лошадей. „Съ большимъ удовольствіемъ, только вы побывайте еще у окружнаго начальника и спросите себѣ такой же бумаги для казенныхъ крестьянъ“. Поблагодаривъ за извѣстія, Пого-

динъ отправился къ окружному начальнику, и былъ принятъ также ласково, но о Сити все-таки больше ничего не узналъ; только случившійся у него крестьянинъ указалъ ему „на Красный Холмъ, близъ котораго точно течетъ Сить“.

По замѣчанію Погодина, Весьёговскъ „городишко пребѣднѣйшій“. Въ соборѣ, какъ узналъ онъ, „царскія двери достались по какому-то случаю изъ Симонова монастыря и сорокъ Симоновскихъ монаховъ здѣсь когда-то жили“. Несомнѣнно это относится къ тому скорбному періоду Исторіи святой обители Симоновской, когда въ 1788 году монастырь сей былъ окончательно упраздненъ, а зданія его переданы въ вѣдомство Главнаго Кригсъ-Коммиссаріата. По счастливому выраженію г. А. Третьякова, „суемудріе XVIII вѣка, подъ личиной филантропіи, превратило Божію обитель въ военный госпиталь! Но Божественный Промыслъ не долго терпѣлъ запустѣніе святого мѣста. Тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (да будетъ во вѣки благословенна память этого славнаго мужа!), по совѣту Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, рѣшился ходатайствовать предъ императрицей Екатериной о возстановленіи древней святыни. Къ великому утѣшенію Московскихъ жителей и всей Православной Россіи обитель была возобновлена“ за годъ до кончины Екатерины, то-есть, въ 1795 году.

По указанію крестьянина, Погодинъ съ П. И. Савваитовымъ поѣхали въ Красный Холмъ. Передъ городомъ начинаются прекрасные виды. По въѣздѣ въ городъ Погодинъ тотчасъ же приступилъ съ вопросами о рѣкѣ Сити, но никто не могъ сказать ни слова. По пути въ Бѣжецкъ наши путешественники заѣхали въ Антоніевъ Краснохолмскій монастырь, гдѣ нашли гостепріимный пріемъ у архимандрита Амфилохія „любезнаго и образованнаго человѣка“. Онъ оставилъ ихъ ночевать и занялъ ихъ вниманіе „прелюбопытнымъ разговоромъ о Томскѣ, о тамошнихъ народцахъ и обращеніи ихъ въ христіанство. Странно, что о святомъ основателѣ обители имѣ-

лись въ монастырѣ довольно смутныя свѣдѣнія. „Монастырь“, пишетъ Погодинъ,—„называется Антоніевскимъ, но когда онъ построенъ, кто былъ этотъ основатель Антоній, гдѣ жилъ, когда скончался, и гдѣ погребенъ, неизвѣстно. Лишь только хранится въ народѣ память объ его добродѣтеляхъ, и жители ходятъ служить по немъ панихиды. Какъ это трогательно!“ [152]).

Въ моихъ *Источникахъ Русской Агіографіи* имѣются также о святомъ основателѣ Краснохолмской обители скудныя свѣдѣнія. Извѣстно только, что въ 1461 году преподобный Антоній Краснохолмскій основалъ свою обитель. Въ 1481 году преставился. Память его празднуется 17 января. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ основанной имъ обители [153]).

По распоряженію Архимандрита, Погодину были принесены для разсмотрѣнія всѣ старыя монастырскія бумаги, но онъ „не нашелъ въ нихъ ничего любопытнаго“. О Сити ни отъ одного монаха не могъ Погодинъ узнать ничего. „Что за странность“, замѣчаетъ онъ,—„куда дѣвалась рѣка Сить?“ Погодинъ узналъ, что въ монастырѣ погребено много Нелединскихъ-Мелецкихъ. Наконецъ, распростившись съ почтеннымъ Архимандритомъ, какъ съ старымъ знакомымъ, наши путешественники уѣхали въ Бѣжецкъ.

По пріѣздѣ въ Бѣжецкъ, Погодинъ отправился прежде всего на почту, но никто не могъ сказать ему тамъ ни слова о Сити; въ училищѣ также не получилъ никакого свѣдѣнія. Но тутъ одинъ учитель повелъ его въ ряды къ знакомому купцу, который много ѣздилъ, и сей послѣдній разсказалъ ему подробно, что сраженіе было на рѣкѣ Сити, около села Божёнокъ, верстахъ въ сорока отъ Бѣжецка. Между тѣмъ П. И. Савваитовъ въ это время посѣтилъ смотрителя духовнаго училища и получилъ отъ него извѣстій еще больше. По поводу своихъ поисковъ Сити, Погодинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе для Русскихъ путешественниковъ: „Если кому понадобится узнать, въ какомъ городѣ о торговлѣ, о духовныхъ дѣлахъ, о промыслахъ жителей, объ историческихъ достопамятностяхъ, о дорогахъ, то долженъ прежде всего справиться, кто въ городѣ

умный человѣкъ, и этотъ умный человѣкъ объяснитъ ему уже все, что угодно — о торговлѣ, о промыслахъ, достопамятностяхъ, дорогахъ, будетъ ли онъ протопопъ, или голова, или учитель, или чиновникъ".

Получивъ отъ смотрителя духовнаго училища два рекомендательныхъ письма къ священникамъ села Божёнокъ и села Богословскаго, около которыхъ происходило сраженіе, наши путешественники послѣ вечерень отправились къ рѣкѣ Сити, которую наконецъ нашелъ Погодинъ. Она беретъ свое начало близъ села Сабурова, Тараканово то жъ, на большой дорогѣ изъ Бѣжецка въ Рыбинскъ, въ пол-верстѣ отъ церкви, изъ болота малымъ ручьемъ. Въ село Богословское наши путешественники пріѣхали очень поздно, и они на силу достучались въ домѣ священника. Добрые люди напоили и накормили ихъ, и „уложили спать въ сараѣ на сѣнѣ, гдѣ они расположились по барски". Чѣмъ свѣтъ, въ сопровожденіи дьячка, отправились они въ Божёнки. Подъѣзжая къ селу, увидѣли на берегу рѣки нѣсколько кургановъ. „Такъ вотъ гдѣ было", пишетъ Погодинъ, — „несчастное сраженіе или лучше пораженіе. У самой церкви возвышается огромный курганъ сажень въ пять вышиною. Народъ высыпалъ смотрѣть на насъ. Какъ Богъ принесъ васъ сюда, спросилъ священникъ, сюда и воронъ костей не заноситъ. — Вотъ куда былъ притѣсненъ несчастный Георгій Всеволодовичъ!"

Село Божёнки принадлежащее помѣщицѣ Ратаевой, находится въ верстахъ пятидесяти отъ Бѣжецка, шестидесяти отъ Кашина, тридцати отъ Краснаго Холма, десяти отъ большой дороги въ Рыбинскъ, слѣдовательно — на границѣ уѣздовъ Бѣжецкаго, Кашинскаго и Мышкинскаго. Церковь въ селѣ бѣдная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ князю Георгію, которому служатъ молебны.

Изъ Божёнокъ наши путешественники отправились въ Рыбинскъ. „Найдя село Божёнки", пишетъ Погодинъ, — „я какъ будто легъ на лавры въ своемъ тарантасѣ и не могъ удѣлять ничему вниманія". Впрочемъ Рыбинскъ произвелъ хо-

рошее впечатлѣніе на Погодина. „Прекрасный городъ“, пишетъ онъ,—„множество превосходно отстроенныхъ домовъ, но древняго ничего, хотя Рыбная слобода упоминается очень рано. Смотритель училища удостовѣрилъ меня, что нѣтъ здѣсь ни собирателей, ни охотниковъ до древностей. Взглянулъ съ колокольни на соединеніе Шексны и Волги. Барокъ очень много въ пристани и движеніе замѣчательно; жить здѣсь дорого. Побывалъ на биржѣ, въ училищѣ, и нанявъ лошадей, мы помчались въ Ярославль, по прекрасной дорогѣ, осѣненной цвѣтущими березами, служащими памятниками знаменитому устроителю Ярославскихъ дорогъ, бывшему губернатору Безобразову. Ярославль въ шестидесяти верстахъ отъ Рыбинска, но мы примчались до вечеренъ“.

Въ Ярославлѣ они остановились на постояломъ дворѣ. Подъ руководствомъ профессора Ѳедотова осмотрѣли городъ, который, по замѣчанію Погодина, чуть ли не изъ лучшихъ въ государствѣ. При осмотрѣ Лицея Погодинъ думалъ о немъ, „какъ факультетѣ естественныхъ наукъ, коимъ такъ преданъ былъ незабвенный основатель, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ“, и ему тотчасъ предсталъ въ воображеніи Бреславскій профессоръ Пуркине, родомъ чехъ, „съ своими оригинальными и обширными мыслями объ этомъ предметѣ“; а между тѣмъ, замѣчаетъ Погодинъ, студенты Лицея „сидятъ за Тацитомъ“, и онъ спросилъ ихъ, „какъ звали Демидова, когда онъ родился и гдѣ онъ умеръ“.

Вмѣстѣ съ П. И. Савваитовымъ Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Высокопреосвященному Евгенію, архіепископу Ярославскому, одному изъ старшихъ іерарховъ Россійской Церкви, и въ краткомъ разговорѣ услышалъ много справедливаго о различіи въ характерѣ нынѣшняго духовенства съ древнимъ, и его причинахъ—а потомъ долженъ былъ разсказать Высокопреосвященному о богослуженіи католическомъ въ Римѣ. Въ Ярославлѣ Погодинъ разстался „съ своимъ любезнымъ спутникомъ“, П. И. Савваитовымъ. „Онъ“, пишетъ Погодинъ,— „усладилъ мое путешествіе, и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ

свѣдѣній, за кои я свидѣтельствую ему искреннюю свою благодарность". Въ полночь они напились вмѣстѣ чаю въ послѣдній разъ, а затѣмъ уѣхали; П. И. Савваитовъ въ Вологду, а Погодинъ въ Москву.

На другой день къ обѣднѣ Погодинъ пріѣхалъ въ древній Ростовъ. Осмотрѣлъ соборъ и окружающія церкви, поражающія своею древностію вмѣстѣ съ башнями и стѣнами, кои въ то время обваливались и совершенно разрушались. „Мы", пишетъ Погодинъ,—„хлопочемъ о сохраненіи мелкихъ памятниковъ, а сколько большихъ, на виду, погибаетъ не поддержанныхъ. Въ соборѣ полъ поднятъ въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ бы вы думали по какой причинѣ: архіерею тогдашнему показалось въ соборѣ тѣсно, потому что по сторонамъ стояли гробницы святителей и князей; онъ и велѣлъ прежній полъ засыпать землею и поднять до верховъ наравнѣ съ гробами, которые были накрыты. Въ соборѣ найденъ недавно древній ходъ, когда-то закладенный, но оставленъ, кажется, безъ изслѣдованія".

Въ настоящее время, благодаря усердію Ростовскихъ гражданъ и почитателей старины Титова, Шлякова, Вахромѣева и другихъ, древность Ростовская по возможности возстановлена и тщательно охраняется.

Погодинъ заѣхалъ также и въ Яковлевскій монастырь, гдѣ приложился къ святымъ мощамъ Святителя Ростовскаго Димитрія. Онъ также поклонился могилѣ добродѣтельнаго Амфилохія... Въ Переяславль, первое пріобрѣтеніе Москвы, Погодинъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и въ трактирѣ поѣлъ знаменитыхъ свѣжихъ сельдей Переяславскихъ. Къ разсвѣту пріѣхалъ въ Александровъ. Отдохнувъ немного, Погодинъ отправился тотчасъ въ Успенскій Дѣвичій монастырь и въ тамошней ризницѣ спросилъ о кожаныхъ деньгахъ, значащихся въ ней, по извѣстію Карамзина, но ихъ давно уже нѣтъ, по словамъ монахини, которая вообще, свидѣтельствуетъ Погодинъ, показывала мнѣ вещи съ какимъ-то неудовольствіемъ и торопливостію, и мнѣ стало совѣстно безпокоить ее больше. Впрочемъ здѣсь, кажется, нѣтъ ничего древ-

нѣе царскаго періода. Въ чужихъ краяхъ хвастаются своими сокровищами и стараются показывать ихъ всякому встрѣшнему, а у насъ ихъ прячутъ. Наконецъ уже попалась нечаянно Московская уроженка, которая изъявила мнѣ большее расположеніе и выводила меня по всему монастырю. Монастырскій дворъ занимаетъ огромное пространство. Въ углу, подлѣ Успенской церкви, находятся Іоанновы кельи, въ два жилья, но низкія, тѣсныя, съ сводами. Ходъ изъ нихъ прямо въ церковь. Гдѣ буйствовалъ Грозный, тамъ живетъ теперь смиренная монахиня. Я не понимаю, гдѣ могла помѣщаться здѣсь его многочисленная свита! Развѣ въ какихъ деревянныхъ строеніяхъ, теперь не существующихъ. Не надо забывать, что монастырь при Іоаннѣ былъ мужской, а для женскаго пола опредѣленъ уже гораздо послѣ. Подъ колокольнею находятся кельи сестеръ Петра I, Маргариты и Ѳедосьи, о коихъ у насъ нѣтъ почти и помину. Онѣ завѣщали похоронить себя вмѣстѣ съ прочими монахинями, но Петръ велѣлъ перенести ихъ тѣла въ особую усыпальницу. Во всѣхъ церквахъ есть много древнихъ образовъ; особенно замѣчательно Успеніе. Монахини не могли сказать мнѣ ничего болѣе". Отъ монахинь, Погодинъ обратился къ хозяину постоялаго двора и разспрашивалъ его о мѣстѣ дворца Іоаннова. Онъ указалъ, что за монастырскою оградою въ одномъ мѣстѣ есть много щебня. Вся слобода окружена была валомъ, который сохранился отчасти до сихъ поръ „Вотъ", пишетъ Погодинъ,—„и всѣ слѣды Іоанновы въ этой страшной слободѣ Александровой. Грозный приказывалъ, говорятъ, исполнять свои наказанія на зарѣ, послѣ заутрени. Здѣсь живала Елизавета и ѣзжала отсюда на охоту". „Въ Александровѣ", свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„есть нѣсколько образованныхъ и любознательныхъ фабрикантовъ и торговцевъ: И. Ѳ. Барановъ, В. И. Зубовъ". Онъ заходилъ къ нимъ и просилъ „развѣдать между рабочими, нѣтъ ли какихъ пѣсенниковъ". Здѣсь же есть охотники до Исторіи и между мелкими торговцами, которыхъ Погодинъ навѣстилъ, „но къ сожалѣнію не засталъ дома".

„Въ вечерни“ нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Троицкую Лавру и приложился къ мощамъ преподобнаго Сергія. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ и Троицкую Академію, „съ которою“, пишетъ онъ,—„я какъ будто породнился во время говѣнія здѣсь, въ 1840 году“.

Къ полуночи Погодинъ былъ уже въ Москвѣ [154]).

На юбилейномъ обѣдѣ Погодина, бывшемъ 29 декабря 1871 года, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, обратясь къ юбиляру, между прочимъ сказалъ: „Ища повсюду живаго начала, вы не ограничили вашихъ занятій однѣми лѣтописями и грамотами; вы хотѣли видѣть самыя мѣста событій, вы хотѣли видѣть и теперешнюю жизнь, провѣрить прошедшее настоящимъ. Съ этими цѣлями вы объѣхали почти всю Россію, и ваши путевыя замѣтки представляютъ историку много указаній и много предостереженій: указаній на то, чтó живетъ въ народѣ, но нигдѣ не записано, или записано, да никому неизвѣстно; предостереженій отъ увлеченій предвзятыми теоріями. Много рукописей собрали вы въ этихъ поѣздкахъ для вашего Древлехранилища, но наблюденія, собранныя во время этихъ поѣздокъ, дороже можетъ быть самихъ рукописей. Быть можетъ, не разъ результаты вашихъ путевыхъ наблюденій не сходились съ результатами вашихъ кабинетныхъ занятій; но что же изъ этого? Вы указали и то, и другое. Какъ часто въ вашихъ замѣткахъ вы ставите только вопросъ, и этотъ вопросъ сдается мнѣ, въ иныхъ случаяхъ, важнѣе даже отвѣта... Да, ваши путешествія по Россіи и результаты ихъ—путевыя замѣтки и—важная услуга передъ наукою“ [155]).

XXXV.

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ отвелъ почетное мѣсто Палеологіи, то-есть, наукѣ о Русской Старинѣ и Народности. Къ дѣятельности въ этой области Погодинъ умѣлъ привлечь и тѣхъ изъ нашихъ собратій, которыхъ судьба забросила въ

отдаленныя отъ столицъ мѣста нашего обширнаго Русскаго Царства. Во время своихъ путешествій по Россіи Погодинъ завязывалъ съ ними личныя знакомства, постоянно поддерживалъ съ ними сношенія и тѣмъ призывалъ ихъ къ благородному служенію Отечеству; а они, ободренные имъ, черезъ *Москвитянинъ* знакомили Русскихъ съ своимъ Отечествомъ.

Такъ профессоръ Ярославской Семинаріи Иванъ Кедровъ писалъ Погодину: „Въ бытность вашу въ Ярославлѣ, встрѣча моя съ Вологодскимъ корреспондентомъ вашимъ, моимъ товарищемъ по Академіи, П. И. Савваитовымъ послужила мнѣ поводомъ къ настоящему письму. Завѣряя меня въ вашей готовности принимать все, относящееся къ народному быту и выражающее особеннымъ, рѣзкимъ образомъ его мысли и чувствованія въ обрядахъ, притчахъ, сказкахъ, поговоркахъ и т. д., онъ совѣтовалъ мнѣ послать къ вамъ статью *о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ*. Но она писана мною безъ особенной цѣли и потому требуетъ пополненія, которое скоро надѣюсь сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, имѣя хорошую возможность быть въ отношеніяхъ съ народомъ нашимъ, вмѣняю себѣ за правило вникать въ ихъ обычаи, разсказы и мѣстныя выраженія“ [156]).

Самъ П. И. Савваитовъ является усерднымъ сотрудникомъ *Москвитянина* и печатаетъ въ немъ свои *Дорожныя Замѣтки* отъ *Вологды до Устюга*, а также *Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ*. Кромѣ того П. И. Савваитовъ сообщаетъ свѣдѣнія о Вологодскихъ церковныхъ Древностяхъ и именно о *Спасѣ Обыденномъ*. Церковь эта была построена въ 1655 году и доселѣ привлекаетъ къ себѣ множество богомольцевъ. „Каждый торговый день“, свидѣтельствуетъ П. И. Савваитовъ, — „крестьяне, продавши свой товаръ, приходятъ поставить свѣчу и помолиться Спасу Обыденному. И въ продолженіи ста восьмидесяти лѣтъ, ни днемъ, ни ночью не угасаетъ огонь передъ этимъ св. образомъ“... [157]). Сообщенія П. И. Савваитова были весьма оцѣнены Иванчинымъ-Писаревымъ: „Вы справедливо назвали *перломъ*, писалъ онъ Погодину, — „свадебныя причитанія на Вологдѣ:

очень, очень важны и любопытны. C'est quelque chose que cette nation là! сказалъ Наполеонъ о Русскихъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что сближеніе съ Погодинымъ пробудило въ П. И. Савваитовѣ непреодолимое желаніе посвятить свои силы и способности Русской Исторіи, и для этой цѣли онъ стремился въ Петербургъ, чтобы тамъ занять каѳедру этого предмета въ Семинаріи или Академіи. Вотъ что онъ писалъ Погодину изъ Вологды: „Духовная Академія, хоть даже Петербургская Семинарія, именно Петербургская! Русская Исторія! Да, это—единственно возможная, высокая цѣль, къ которой только и можно, а можетъ быть и должно мнѣ стремиться. Впрочемъ Духовная Академія—все равно съ чѣмъ бы ни было: для Исторіи Русской довольно останется времени. Семинарія—она прекрасна съ Русской Исторіей. Какъ же не сойти съ ума, когда вы указали мнѣ—новый свѣтъ, а съ нимъ новую жизнь и какую жизнь! Русская Исторія: а въ ней и Донской, и Алексѣй, и Филиппъ, и Іона, Авраамій, Гермогенъ, Невскій, Іоанны, Петръ, Пушкинъ, Державинъ, Карамзинъ, Діонисій, Димитрій, Никонъ, Мининъ и Пожарскій, Норманны и пожалуй Гогъ, царь Магогіи и проч. и проч. Да, отъ этого и съ ума сойти можно, а на сердцѣ такъ легко и въ головѣ такъ свѣтло, что, право, не знаю какъ бы и сказать это. Не знаю, какой благодѣтельный духъ внушилъ вамъ сказать слово о Русской Исторіи—для меня. Сознаюсь что много, много надобно мнѣ и труда, и терпѣнія, и умѣнія, чтобъ узнать эту нашу дивную, дѣвственную Исторію. Но не думаю, вовсе не думаю и отказываться отъ счастья. Насилу я могъ дождаться почты, чтобы имѣть случай даже напомнить вамъ объ этомъ при отъѣздѣ въ Петербургъ. Графъ нашъ *) въ этомъ случаѣ—рѣшительно всемогущъ. Что, еслибы вдругъ послѣ Святой пришла сюда вѣсть: Павла Савваитова выслать на Петербургскую каѳедру Исторіи и—въ Академіи! Отъ одной этой мысли благоговѣйно кланяюсь вамъ, Михайло Петровичъ. Не стану больше и говорить объ этомъ: сердце полно и радости,

*) Протасовъ.

и благодарности; а слова за то и глупы, и не связны—дѣлать нечего—извините. Послѣ вашего извѣстія я не успѣлъ еще приняться ни за какое дѣло“.

Между тѣмъ Погодинъ, пользуясь своею близостью къ графу Н. А. Протасову, замолвилъ ему словечко о П. И. Савваитовѣ и объ его *Вологодскомъ Сборникѣ*. „Въ ожиданіи будущаго своего благополучія“, писалъ по этому поводу П. И. Савваитовъ Погодину,—„спѣшу я собрать все, что хотѣлось бы мнѣ имѣть въ своемъ *Сборникѣ*—вотъ сволочь-то будетъ этотъ сборникъ! Жалѣю, что вамъ угодно было сказать объ немъ графу Протасову—этотъ сборникъ не стоитъ такой чести, да и ползетъ къ концу тихо-тихо. Вамъ угодно знать его оглавленіе. Вотъ оно въ возможности: I. Акты разнаго содержанія, заслуживающіе вниманія почему-либо (грамоты, челобитныя, отписки, записи и проч. и проч. съ 1500 года). II. Описаніе Вологодской Епархіи, въ которомъ: а) начало и распространеніе Христіанства въ Вологодскомъ краѣ и учрежденіе Епархіи Вологодской, б) Архіереи Великопермскіе и Вологодскіе и Бѣлозерскіе, Вологодскіе и Устюжскіе, Великоустюжскіе и Тотемскіе, в) свѣдѣніе о Святыхъ, прославившихся въ Церкви Вологодской, г) монастыри, д) церкви, е) часовни, ж) состояніе духовенства, з) духовное просвѣщеніе, и) паства. III. Свѣдѣнія о Вологодской губерніи.

Для I-го готово болѣе пятидесяти нумеровъ. Началъ я и переписывать ихъ. Переписалъ тринадцать нумеровъ и бросилъ эту египетскую работу. Пренесносно переписывать самому; а здѣшніе переписчики и не разберутъ ни одной старинной грамоты—грамотѣи! Занимаюсь II-мъ. Для III-го матеріаловъ очень довольно. А сору, хламу и всякой разной дряни кучи! Недавно случай познакомилъ меня съ однимъ человѣкомъ, который сказалъ, что имѣетъ у себя что-то о началѣ города Вологды. Непремѣнно постараюсь узнать такую, кажется, „драгоцѣнность“, какъ сказалъ бы Божёнковскій юсъ-попъ. Надѣюсь, что мое извѣстіе о сборникѣ не будетъ

извѣстно никому, кромѣ васъ. И тутъ стыдно будетъ услышать: „надѣлала синица славы, а моря не зажгла".

Собираясь оставить Вологду, П. И. Савваитовъ въ письмѣ своемъ Погодину иронически относится къ своему родному городу: „А добрая старушка эта Вологда", писалъ онъ, — „только, какъ и всѣ старушки, прекропотливая и часто пренесносная лепетунья — Богъ съ нею—иногда, нѣтъ, виноватъ, не иногда, а всегда любитъ до крайности сплетничать—это душа ея; а какая иногда богомольная, особенно какъ бѣда у ней на носу" [158]).

Наконецъ, въ 1842 году П. И. Савваитовъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую Семинарію профессоромъ Патристики, Св. Писанія, Герменевтики и чтенія Отцевъ церкви Греческихъ и Латинскихъ, и этимъ переводомъ онъ конечно былъ много обязанъ Погодину [159]).

Изъ отдаленныхъ предѣловъ нашего Отечества Погодинъ умѣлъ привлечь скромныхъ, но почтенныхъ дѣятелей на поприще Палеологіи. „Въ письмѣ, которымъ вы удостоили меня", писалъ Погодину изъ Шенкурска учитель Русскаго языка Никифоръ Борисовъ, — „вы изъявили желаніе, чтобы я собиралъ народныя пѣсни, описывалъ обряды, обычаи, суевѣрія, преданія и пр. Теперь, исполняя ваше желаніе, честь имѣю послать вамъ часть моего труда—описаніе деревенскаго дѣвичника и свадьбы. Много хлопотъ мнѣ стоило это описаніе: подгулявшіе на свадебномъ пиру мужики, видя, что я записываю всѣ ихъ обыкновенія, считали меня Богъ знаетъ чѣмъ; чуть ли не шпіономъ, подосланнымъ отъ Правительства; они очень неохотно отвѣчали на мои вопросы о разныхъ вещахъ, касающихся до ихъ обычаевъ, скрывали отъ меня ихъ тщательно, и вообще смотрѣли на меня весьма недовѣрчиво; напрасно старался я ихъ увѣрять, что записываю ихъ свадебныя обыкновенія просто изъ любопытства. Нѣтъ, — говорили они,—ты напишешь тутъ, что у насъ всего много, что мы живемъ богато,—судя по разливанному морю пива и вина свадебнаго, да донесешь нацяльству, а тамъ оно пожалуй и подумаетъ,

что мы и въ самомъ дѣлѣ загребаемъ лопатами серебро!— Такіе чудаки! Да къ тому же и ужасные невѣжды и грубіяны. Я очень благодаренъ знакомству съ тысяцкимъ, съ которымъ пріѣхалъ въ деревню, иначе не обошлось бы безъ непріятностей; ужь онъ самъ успокоилъ ихъ на мой счетъ. Тѣ свадебныя пѣсни, которыя я помѣстилъ въ своей рукописи, еще не всѣ: у меня ихъ осталось нѣсколько; я собираю также и пѣсни луговыя и разныя другія. Говорятъ, что вверхъ по Двинѣ— близъ Кеми, Мезени, Архангельска—еще страннѣе свадебныя обыкновенія у простого народа и вообще всѣ ихъ обычаи; а также и много народныхъ пѣсенъ историческихъ, чрезвычайно любопытныхъ. Жаль, что ни время, ни средства не позволяютъ мнѣ посѣтить тѣ мѣста". Въ другомъ письмѣ Борисова мы читаемъ: „Честь имѣю послать вамъ при семъ собраніе простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Многія изъ помѣщенныхъ у меня встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ нашего города, но я счелъ за нужное помѣстить ихъ въ моемъ „собраніи" болѣе потому, что здѣшніе поселяне произносятъ эти слова какимъ-то особеннымъ тономъ, чрезвычайно протяжнымъ, который никакъ нельзя передать на бумагѣ; надобно слышать ихъ; для пера они недоступны, неуловимы. Вообще здѣшніе поселяне произносятъ каждое слово на распѣвъ, особенно окончательное во всякой рѣчи—съ чрезвычайно продолжительнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; напримѣръ, *„Анна-о-о! Куда ты пойдё-о-о? Гдѣ ты была-о-о?* и т. под. Кромѣ того, переливъ звука въ одной и той же рѣчи весьма измѣняется, большею частію сбивается на пѣвучій; такъ что еслибы инородцу случилось говорить съ здѣшнимъ мужичкомъ, то онъ не совсѣмъ и понялъ бы его; надобно пріучить *къ этому непривычное ухо*, и тогда подобное *тоноизмѣненіе*—если такъ можно выразиться—потеряетъ всю свою странность. Кромѣ посылаемыхъ словъ, у меня собрано нѣсколько мѣстныхъ пѣсенъ, большею частію луговыхъ, которыя поются дѣвицами деревенскими, когда онѣ соберутся на лужокъ играть въ свои разныя игры простонародныя, въ *веревочки,* въ

горълки и пр. Если угодно, я буду имѣть честь сообщить вамъ и эти пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ слышалъ я и въ другихъ губерніяхъ, но онѣ занимательны здѣсь своими особенностями—плодомъ народной фантазіи, которая въ Русскомъ народѣ игрива и своенравна; но напѣвъ этихъ пѣсенъ, да и всѣхъ вообще, какія случалось мнѣ слышать здѣсь, весьма монотоненъ,—иногда даже навѣваетъ грусть на сердце" [160]).

Адмиралъ П. Кузмищевъ прислалъ Погодину изъ Архангельска для напечатанія въ *Москвитянинѣ* любопытное собраніе особенныхъ, или имѣющихъ другое значеніе, словъ и нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ въ Камчаткѣ [161]). Это собраніе обратило на себя вниманіе А. Ѳ. Бычкова, который по поводу его писалъ Погодину: „Я только что получилъ третью книжку *Москвитянина* и прочелъ статью Кузмищева, для меня любопытную, какъ заключающую въ себѣ объясненіе многихъ словъ, встрѣчаемыхъ въ Сибирскихъ актахъ; пробѣжавъ ее, я нашелъ двѣ важныя ошибки: объясненіе слова *захребетникъ*, заимствованнаго изъ старинныхъ бумагъ, имѣетъ совершенно не то значеніе, какое ему даетъ Кузмищевъ. Оно не значитъ человѣка, убѣжавшаго въ горы, но человѣка, который живетъ за хребтомъ своего хозяина, слѣдовательно—составляющаго его домашнюю челядь". Кромѣ того, Кузмищевъ обращаетъ вниманіе Погодина на загадки и скороговорки Русскаго народа. „Для показанія вполнѣ Русской замысловатости", пишетъ онъ,— „и игривости у насъ недостаетъ *загадокъ и скороговорокъ*. А ихъ довольно таки наберется въ памяти народа. Говорю въ *памяти*, потому что письменныхъ, собственно—народныхъ, мы, кажется, не имѣемъ. Онѣ прибавили бы—если можно такъ выразиться—новую полосу въ обширномъ, но не совсѣмъ еще разработанномъ полѣ нашей словесности и языка. Эта статья совсѣмъ забытая, не початая, или пропущенная. Къ сожалѣнію, не имѣю самъ ничего въ этомъ родѣ, чтобы могъ представить вамъ. Онѣ не хуже шарадъ, логогрифовъ и т. п. заморскихъ диковинокъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что многія изъ нашихъ, особенно загадки,—грубы, слишкомъ игривы и

15*

почти недвусмысленны, а все-таки есть хорошія и толковыя“ [162]). Въ отвѣтъ на „неблагопріятный отзывъ“, сдѣланный въ *Москвитянинѣ* о древностяхъ Солигалича, Погодинъ получаетъ изъ этого города статью подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ Исторіи города Солигалича,* собранныя изъ сохраняющихся въ Солигаличѣ записокъ, преданій и другихъ источниковъ. Печатая эту статью Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ „искреннюю благодарность“ рисовальнымъ учителямъ Кинешмскому, Трунщаеву и Кирилловскому, Костромину „за доставленные ими рисунки мѣстныхъ видовъ и древностей“, а господину учителю Леонову, „любезному ученику своему, Погодинъ желаетъ здоровья для окончанія труда о Петрѣ Великомъ“.

Изъ города Алешекъ, Таврической губерніи, Днѣпровскаго уѣзда, Погодинъ получаетъ отъ Зеленковича любопытныя свѣдѣнія о тамошнихъ находкахъ древнихъ предметовъ.

По поводу сообщенныхъ В. Борисовымъ *Мѣстныхъ пословицъ* города Шуи, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ о какихъ статьяхъ просимъ мы нашихъ корреспондентовъ, вмѣсто многочисленныхъ извѣстій, полученныхъ нами о балахъ и концертахъ, которыхъ... хоть бы и меньше было, такъ было бы не дурно, не только въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, но и въ Москвѣ съ Петербургомъ. Описанія ихъ такъ похожи одно на другое и, право, не представляютъ ничего занимательнаго для образованнаго и мыслящаго читателя, — а впрочемъ желаемъ веселиться кому угодно“ [163]).

XXXVI.

Для успѣха *Москвитянина* Погодинъ всѣми силами старался привлечь Гоголя къ участію въ немъ. „Всѣ ждутъ“, писалъ Даль Погодину, — „что-то будетъ въ *Москвитянинѣ* Гоголя? Его сотрудничество, кажется, непремѣнно расширитъ кругъ журнала; Гоголя любятъ всѣ, для него между читате-

лями нѣтъ партій“ [164]). Озабоченный привлеченіемъ Гоголя къ *Москвитянину*, Погодинъ зашелъ какъ-то къ Аксаковымъ и потомъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ:* „Толковали о журналѣ, о Гоголѣ, его характерѣ и выходкахъ. Рѣшилъ написать письмо: *разоряюсь, выручай*. Какъ бы было хорошо, еслибъ теперь поддержать впечатлѣніе эффектными статьями“ [165]). Съ своей стороны и С. Т. Аксаковъ рѣшился просить Гоголя, чтобы онъ прислалъ что-нибудь въ *Москвитянинъ*. Но Гоголь, будучи съ одной стороны многимъ обязанъ и долженъ Погодину, а съ другой—будучи весь погруженъ въ твореніе *Мертвыхъ Душъ*, былъ очень огорченъ и встревоженъ этою просьбою Аксакова, которому писалъ: „Вы пишите, чтобы я прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину. Боже! Еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе. Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого своего труда для меня уже бѣда. Никогда бъ не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Еслибы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бъ у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи. Но такъ и быть, я отыщу какой-нибдь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть двѣ, три недѣли. Ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и можетъ быть еще большаго и тягостно-томительнѣйшаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь! грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня. Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ; я умеръ теперь для всего мелочного. И для презрѣннаго, журнальнаго ли, пошлаго, занятаго ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершить непрощаемыя преступленія? И что

поможетъ журналу моя статья? Но статья будетъ готова... Жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю нѣтъ. Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу" [166]).

Между тѣмъ Гоголь, желая раздѣлаться какъ-нибудь съ своими долгами, противъ воли, рѣшился сдѣлать второе изданіе своего *Ревизора* и поручилъ это дѣло С. Т. Аксакову; но Аксаковъ, будучи въ это время удрученъ потерею сына, не могъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, которое принялъ на себя всецѣло Погодинъ, и, вопреки, желанію Гоголя, напечаталъ *Ревизора* со всѣми приложеніями, предварительно помѣстивъ сцену изъ него въ своемъ *Москвитянинѣ* [167]).

Между тѣмъ С. Т. Аксаковъ не совѣтовалъ Погодину помѣщать въ *Москвитянинѣ* добавочныя сцены къ *Ревизору*, на томъ основаніи, что Гоголь *разсердится*. На это Погодинъ не безъ основанія писалъ Аксакову: „Да помилуйте, Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія? Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай, бѣгай и дѣлай, и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя. Да еслибы я изрѣзалъ въ куски *Ревизора* и разсовалъ его по кускамъ своего журнала, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня"... На это письмо Аксаковъ сухо отвѣчалъ Погодину: „Я только совѣтовалъ вамъ не дѣлать того, чего бы я самъ не сдѣлалъ... Чѣмъ болѣе мнѣ обязанъ человѣкъ, тѣмъ менѣе я позволю себѣ безъ его воли распоряжаться его собственностью, хотя бы это было безвредно для него, а только выгодно для меня. Въ этомъ же случаѣ нельзя сказать положительно *перваго*. Я не выѣзжаю, никого не вижу, слѣдственно—предлагать участіе другимъ не могу; да и считаю это безполезнымъ" [168]).

Самъ же Гоголь, собираясь въ Россію, нуждался по обычаю въ деньгахъ и писалъ Аксакову: „Я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ, но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю

право и чувствую это въ душѣ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 1842 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго (1841) года, уже достаточно для уплаты" [169]). Эта просьба Гоголя была исполнена, и въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Письмо отъ Гоголя, который ждетъ денегъ, а мнѣ не хотѣлось бы посылать. Между тѣмъ я думалъ поутру, какъ бы пріобрѣсти равнодушіе къ деньгамъ" [170]).

Но какъ бы то ни было деньги были отправлены, и Гоголь по полученіи ихъ выѣхалъ изъ Рима. По пути въ Петербургъ онъ заѣхалъ въ Ганау, чтобы посѣтить больного Языкова и прожилъ цѣлый мѣсяцъ. „Гоголь сошелся съ нами", писалъ Языковъ своей сестрѣ, — „обѣщался жить со мною вмѣстѣ, то-есть, на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый". Вмѣстѣ съ братомъ Языкова, Петромъ Михайловичемъ, Гоголь выѣхалъ изъ Ганау въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе въ Петербургъ. Этимъ сопутничествомъ былъ очень доволенъ Языковъ. „Я радъ", писалъ онъ, — „что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно и который бывалъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ Нѣмецкіе обычаи и повѣрья" [171]). Самъ же Гоголь писалъ Языкову изъ Дрездена: „Много всего идетъ ко мнѣ, и одинъ разъ даже мелькнулъ почти ненарокомъ Московскій длинный домъ, съ рядомъ комнатъ, пятнадцатиградусною ровною теплотою и двумя недоступными кабинетами. Нѣтъ, тебѣ не должна теперь казаться страшна Москва своимъ шумомъ и надоѣдливостью; ты долженъ теперь помнить, что тамъ жду тебя я и что ты ѣдешь прямо домой, а не въ гости".

Заѣздомъ въ Петербургъ Гоголь остался очень недоволенъ и уже по пріѣздѣ въ Москву писалъ Языкову: „Меня предательски завезли въ Петербургъ. Тамъ я пять дней томился. Погода мерзѣйшая. Но я теперь въ Москвѣ и вижу

чудную разность въ климатахъ. Дни всѣ въ солнцѣ, воздухъ слышенъ свѣжій, осенній, передъ мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ—рай. Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно-хороша и безбурна. Кофій уже доведенъ мною до совершенства“ [172]).

Въ ожиданіи Языкова, Гоголь, по обычаю, остановился у Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ. Въ немъ С. Т. Аксаковъ нашелъ большую перемѣну. „Онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ: гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно безъ намѣренія, слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора“.

Гоголь привезъ съ собою въ Москву первый томъ *Мертвыхъ Душъ*. Покуда переписывались первыя шесть главъ, Гоголь прочелъ Аксаковымъ и Погодину остальныя пять главъ. Чтеніе происходило въ домѣ Погодина. Гоголь потребовалъ отъ своихъ слушателей критическихъ замѣчаній. Во время чтенія Аксаковы слушали молча, но Погодинъ заговорилъ. „Что онъ говорилъ“, пишетъ С. Т. Аксаковъ, — „я хорошенько не помню; помню только, что онъ между прочимъ утверждалъ, что въ первомъ томѣ содержаніе поэмы не двигается впередъ; что Гоголь выстроилъ длинный корридоръ, по которому ведетъ своего читателя вмѣстѣ съ Чичиковымъ и, отворяя двери направо и налѣво, показываетъ сидящаго въ каждой комнатѣ урода“. Аксаковъ по поводу этого замѣчанія сталъ спорить съ Погодинымъ. Но Гоголь былъ недоволенъ его заступничествомъ и сказалъ ему: „Сами вы ничего замѣтить не хотите или не замѣчаете, а другому замѣчать мѣшаете“, и просилъ Погодина продолжать и очень внимательно его слушалъ, не возражая ни однимъ словомъ“.

„Въ это время“, свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ, то-есть, въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 года, — „начали возни-

кать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ", которыя скоро перешли въ великую ссору...

Тѣмъ не менѣе Погодину удалось получить отъ Гоголя статью подъ заглавіемъ *Римъ*, которая и была напечатана въ *Москвитянинѣ*. Статья эта была прочитана Гоголемъ на литературномъ вечерѣ у князя Д. В. Голицына. „Не смотря на высокое достоинство этой пьесы", свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ,—„слишкомъ длинной для чтенія на раутѣ, чтеніе почти усыпило половину слушателей; но когда къ концу пьесы дѣло дошло до комическихъ разговоровъ Итальянскихъ женщинъ между собою и съ своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло въ неописанный восторгъ" [173]).

Почти одновременно съ пріѣздомъ Гоголя въ Москву, въ 1841 году, на сцену Московскаго театра выступилъ Провъ Михайловичъ Садовскій. Неравнодушный къ славѣ Отечества, Погодинъ съ великимъ одушевленіемъ привѣтствовалъ это явленіе: „Поставляю долгомъ", писалъ онъ,—„обратить вниманіе на этого молодого актера, который, смѣло сказать можно, вскорѣ сдѣлается любимцемъ и Московскою знаменитостью, если вѣрный искусству, будетъ думать о немъ, работать, учиться, совершенствовать свой талантъ. Живость, простота, ловкость— у него такія, какія встрѣчаются рѣдко. Натуры бездна. Показывается сердечная теплота. Жаль, что онъ рѣдко виденъ на сценѣ: между актерами у насъ, какъ между учеными, между медиками, есть какое-то чиноначаліе. Явись, напримѣръ, новый талантъ на роли Щепкина или Рѣпиной— они не скоро получатъ себѣ дѣла; но подъ чьимъ же руководствомъ могли бы образоваться они лучше, какъ не подъ руководствомъ знаменитаго ветерана? и милой... мы не скажемъ ветеранки, но милой, всегда юной и прелестной нашей актрисы. Такъ точно и Садовскій могъ бы смѣнить во многихъ роляхъ нашего стараго забавника, Живокини, разумѣется безъ малѣйшаго ущерба его выслуженнымъ выгодамъ. Изъявимъ желаніе, чтобы Дирекція доставляла публикѣ чаще случай видѣть Садовскаго, а Садовскому случаи чаще бы-

вать на сценѣ и упражняться въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ [174]).

XXXVII.

9 апрѣля 1841 года скончался президентъ Россійской Академіи, Александръ Семеновичъ Шишковъ.

На другой же день по его кончинѣ С. С. Уваровъ сообщилъ Академіи, что онъ „принимаетъ это заведеніе подъ непосредственное свое управленіе до воспослѣдованія особой о семъ Высочайшей воли".

15 апрѣля происходило отпѣваніе Шишкова въ Александро-Невской Лаврѣ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго „народа и сановниковъ было довольно. Шишковъ", продолжаетъ князь Вяземскій,— „былъ и не умный человѣкъ, и не авторъ съ дарованіемъ, но человѣкъ съ постоянною волею, съ мыслію, герой двухъ слоговъ *стараго* и *новаго*, кричалъ, писалъ всегда объ одномъ, словомъ, имѣлъ личность свою, и потому создалъ себѣ мѣсто въ литературномъ и даже государственномъ нашемъ мірѣ. А у насъ люди эти рѣдки, и потому Шишковъ у насъ все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смѣялись надъ нелѣпостями его манифестовъ; но между тѣмъ большинство, народъ, Россія, читали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ; слѣдовательно, они были кстати. Карамзина манифесты были бы съ большимъ благоразуміемъ, съ большимъ искусствомъ писаны, но имѣли ли бы они то дѣйствіе на толпу, на большинство—неизвѣстно; а еслибы и имѣли, то что это доказало бы? Что умъ и нелѣпость все равно; а мы все думаемъ, что все отъ насъ, все отъ людей..." [175]). Когда вѣсть о кончинѣ почтеннаго Шишкова достигла Москвы, то Шевыревъ писалъ: „Мы лишились одного изъ ветерановъ литературы нашей, въ которомъ вмѣщалось почти цѣлое ея столѣтіе. Авторъ *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ*, по всѣмъ правамъ, какъ литераторъ, ведетъ свою родословную отъ Ломоносова. На насъ и на всѣхъ товарищахъ нашихъ лежитъ

еще обязанность указать мѣсто, какое покойный занималъ въ литературѣ, и оцѣнить заслуги его въ Словено-Русской Филологіи, которыя, будучи признаны на Западѣ, никогда еще не были оцѣнены у насъ по своему достоинству" [176]).

Между тѣмъ Бѣлинскій съ ироніею писалъ Боткину: „Жаль, что умеръ Шишковъ—многаго мы лишились. Безъ него Академія Россійская осиротѣла и съ горя спилась" [177]).

За Шишковымъ послѣдовалъ въ могилу сверстникъ его Николай Михайловичъ Шатровъ, о которомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины его съ особеннымъ сочувствіемъ писалъ Погодинъ: „Скажемъ здѣсь кстати, что въ Москвѣ живетъ еще старецъ, который помнитъ Третьяковскаго, который былъ знакомъ съ Сумароковымъ, Эминымъ—нечего говорить уже о Херасковѣ. Это Н. М. Шатровъ; его преложенія псалмовъ извѣстны всѣмъ любителямъ духовной поэзіи".

Въ первомъ же нумерѣ Москвитянина 1841 года было напечатано прекрасное посланіе М. А. Дмитріева *Слѣпому поэту* въ день имянинъ его, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

Ломоносова потомокъ,
Сынъ Державинскихъ знаменъ,
Ты межъ насъ живой обломокъ
Приснопамятныхъ временъ...

Вы тогда въ избыткѣ чувства,
Пѣли Бога и Царей,
И восторгъ вашъ безъ искусства
Проникалъ въ сердца людей!

И они, благоговѣя,
Сознавали, что пѣвцы,
Духомъ Вышняго владѣя,
Вышней истины жрецы!

Громы битвы, сладость мира,
Чувства славы и любви,
Вотъ что пѣла ваша лира,
Дней минувшихъ соловьи!..

Не затѣмъ ли ты оставленъ
Въ поколѣніи другомъ,
Чтобъ твой вѣкъ—въ тебѣ былъ явленъ
И не прослылъ ложнымъ сномъ?

Не затѣмъ ли зрѣнья очи
Лишены, чтобъ ты не зрѣлъ
Лицъ земныхъ темнѣе ночи
И небесное намъ пѣлъ! [178]).

15 іюля того же 1841 года, по свидѣтельству очевидца, „около 5 часовъ вечера разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное въ Пятигорскъ бездыханное тѣло поэта.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ" [179])!

Еще 20 мая Хомяковъ писалъ Языкову: „Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Вѣдь пуля дура, а онъ съ истиннымъ талантомъ и какъ поэтъ, и какъ прозаторъ" [180]).

Ровно за мѣсяцъ до кончины Лермонтова Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ приношеніе Лермонтова въ вашъ журналъ. Онъ проситъ напечатать его просто, безъ всякихъ примѣчаній отъ Издателя, съ подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за васъ, и за всѣхъ читателей *Москвитянина*" [181]). При этомъ письмѣ было приложено превосходное стихотвореніе Лермонтова подъ заглавіемъ *Споръ*, которое было напечатано еще при жизни Лермонтова, то-есть, въ *іюньской* книжкѣ *Москвитянина*. По поводу этого стихотворенія Бѣлинскій писалъ Боткину: „Какую дрянь написалъ Лермонтовъ о Наполеонѣ и Французахъ, и жаль думать, что это Лермонтовъ, а не Хомяковъ. Но сколько роскоши въ спорѣ Казбека съ Эльборусомъ, хотя въ цѣломъ мнѣ и не нравится эта пьеса, и хотя въ ней есть стиха четыре плохихъ" [182]).

Между тѣмъ *Москвитянинъ* горькими слезами оплакалъ кончину Лермонтова: „Еще утрата въ Русской Литературѣ! Одна изъ прекрасныхъ надеждъ ея, М. Ю. Лермонтовъ, скончался на Кавказѣ. Давно ли мы радовались его разцвѣтанію—

и уже должны оплакивать потерю! Онъ былъ представителемъ самаго младшаго поколѣнія Словесности нашей; бодро шелъ впередъ; развитіе его обѣщало много. Теперь все кончено. Сердце обливается кровію, когда подумаешь, сколько прекрасныхъ талантовъ погибаетъ у насъ безвременно".

Еще при жизни Лермонтова Шевыревъ, разбирая произведенія его, писалъ: „Прекрасныя надежды видимъ мы и въ повѣствователѣ, и въ стихотворцѣ, но будемъ искренны. Намъ кажется, что еще рано было ему собирать свои звуки въ одно: такого рода собранія и позволительны, и необходимы бываютъ тогда, когда уже лирикъ образовался и въ замѣчательныхъ произведеніяхъ запечатлѣлъ свой оригинальный, рѣшительный характеръ. Такъ сожалѣемъ мы, что нѣтъ у насъ до сихъ поръ полнаго собранія стихотвореній князя Вяземскаго и Хомякова: они были бы необходимы для того, чтобы обнять совокупныя черты этихъ поэтовъ, сливающіяся въ характеры цѣльные и означенные яркою личностью и въ мысли и въ выраженіи. Лермонтовъ принадлежитъ въ нашей литературѣ къ числу такихъ талантовъ, которые не нуждаются въ томъ, чтобы собирать славу по клочкамъ: мы, судя по его дебюту, въ правѣ ожидать отъ него не одной небольшой книжки стихотвореній уже извѣстныхъ, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ставятъ въ недоумѣніе критика. Съ перваго раза поражаетъ насъ въ сихъ произведеніяхъ какой-то необыкновенный протеизмъ таланта, правда замѣчательнаго, но тѣмъ не менѣе опасный развитію оригинальному". Шевыревъ находитъ, что „когда вы внимательно прислушаетесь къ звукамъ Лермонтова, вамъ слышатся попеременно звуки то Жуковскаго, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Дениса Давыдова, то Баратынскаго, то Бенедиктова" [183]). По поводу этой критики князь П. А. Вяземскій уже по кончинѣ Лермонтова писалъ Шевыреву: „Вы были слишкомъ строги къ Лермонтову. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что означало сильную и коренную самобытность, которая впослѣдствіи одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, то-есть, неучъ, какъ

Державинъ, напримѣръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага; но молодой поэтъ, образованный какимъ бы то ни было ученіемъ, воспитаніемъ и чтеніемъ, долженъ неминуемо протереться на свою дорогу по тропамъ избитымъ и сквозь рядъ нѣсколькихъ любимцевъ, которые пробудили, вызвали и, такъ сказать, оснастили его дарованіе. Въ поэзіи, какъ въ живописи, должны быть школы. Оригинальность, народность великія слова; но можно о нихъ много потолковать. Не принимаю ихъ за безусловныя заповѣди" [184]).

„Жаль, отъ души жаль Лермонтова", писалъ Бецкій Погодину,—„вѣдь подумаешь, мало ли людей, отъ которыхъ, какъ отъ козла молока, къ числу которыхъ причисляю и себя, живутъ себѣ! А великіе умираютъ. Судьба! Судьба! Нѣтъ видно назначеніе не на одной землѣ... Иначе какъ объяснить себѣ, почему великое на землѣ потухаетъ не разгорѣвшись? И представьте, что я не знаю человѣка, которому бы въ Харьковѣ можно сообщить извѣстіе о смерти Лермонтова, съ надеждою пробудить въ немъ хотя каплю участія? Не сердечнаго, но хотя умственнаго... Нѣтъ; у насъ нѣтъ *въ Россіи* литературы, и не будетъ имѣть это слово значеніе до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ *общій* общественный интересъ" [185]).

Бѣлинскій же съ ожесточеніемъ писалъ Боткину: „Лермонтовъ убитъ наповалъ—на дуэли. Оно и хорошо, былъ человѣкъ безпокойный, и писалъ хоть хорошо, но безнравственно,—что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ. Взамѣнъ этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ" [186]).

Между тѣмъ, черезъ два года по кончинѣ Лермонтова, Погодинъ получаетъ отъ неизвѣстнаго, скрывшаго свое имя подъ литерами NN, стихотвореніе подъ названіемъ *Горькая Истина.* Надгробіе застрѣлившемуся недавно благовоспитанному юношѣ, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

Удержи, младое племя,
Пистолетный свой ударъ!
Если въ тягость жизни бремя?
Это бремя Божій даръ.

Не дерзай же самовластно
Прерывать сей жизни нить,
Душу юную напрасно
Здѣсь и въ небѣ погубить......

Въ письмѣ же своемъ неизвѣстный авторъ писалъ Погодину: „Вотъ еще новость: молодымъ людямъ у насъ пришла охота къ самоубійству... Что жъ причиною такому охлажденію къ жизни? Убійственное вліяніе поэзіи Лермонтова, котораго Петербургскіе журналы называютъ не только великимъ поэтомъ, но даже *великимъ человѣкомъ*".

Вслѣдъ за Шишковымъ, Шатровымъ, Лермонтовымъ переселился въ вѣчность, въ томъ же 1841 году, и Василій Петровичъ Андросовъ, на тридцать девятомъ году жизни. Кончина его поразила Шевырева. „Не знаю", писалъ онъ Погодину, — „дошло ли до тебя, что не стало на свѣтѣ нашего Андросова. Вчера это печальное извѣстіе меня поразило внезапно—и я былъ весь вечеръ разстроенъ. Завтра въ 10 часовъ его отпѣваютъ у Стараго Вознесенія" [187]).

Погодинъ помянулъ почившаго сердечнымъ словомъ воспоминанія. „Онъ первый изъ Русскихъ сообщилъ Статистикѣ высшее значеніе, исторгнулъ ее изъ колеи цифръ и таблицъ, показалъ примѣры живыхъ приложеній и представилъ на самомъ дѣлѣ отношеніе Статистики къ политикѣ. Его Земледѣльческая Статистика Россіи и Записка о Москвѣ заключаютъ много примѣчательныхъ указаній. Онъ подавалъ прекрасную надежду наукѣ; но—противныя обстоятельства—и надежда не исполнилась: Андросовъ не имѣлъ средствъ идти далѣе по пути, начатому такъ блистательно! Въ послѣдніе годы онъ занимался собраніемъ матеріаловъ для Исторіи Цивилизаціи въ Россіи. Цивилизація—это было его любимое слово, любимое желаніе, любимое занятіе. Оно выражаетъ вполнѣ направленіе его мыслей, и весь характеръ его политическаго образованія. Кромѣ названныхъ двухъ сочиненій, Андросовъ написалъ большое разсужденіе о Политической Экономіи и Народномъ правѣ, по случаю конкурса, объявленнаго Московскимъ Университетомъ. Онъ не могъ, однакожъ,

получить каѳедры по причинѣ возвращенія воспитанниковъ Профессорскаго Института изъ чужихъ краевъ.

Андросовъ родился въ Рославлѣ, учился въ Смоленской гимназіи, кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, въ который вступилъ въ 1820 году, получилъ чрезъ три года степень дѣйствительнаго студента, а потомъ кандидата, и награжденъ золотою медалью. Первымъ сочиненіемъ, коимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Московскаго ученаго свѣта, по выходѣ изъ Университета, было Разсужденіе о Кантовой Философіи, въ *Вѣстникѣ Европы* 1826 или 1827 года. При открытіи Земледѣльческой Школы Андросовъ получилъ мѣсто помощника директора и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ устройствѣ этого заведенія, которое начиналось такъ прекрасно. Въ 1828 году онъ участвовалъ въ изданіи *Атенея*, М. Г. Павлова. Въ 1835 г. онъ избранъ былъ редакторомъ журнала, который вознамѣривались издавать здѣшніе литераторы—*Московскій Наблюдатель*; но со второй книжки остался исключительнымъ распорядителемъ и издателемъ. Впрочемъ, Статистика не дружна съ Литературою, и этотъ журналъ не могъ имѣть успѣха, хотя и заключалъ много дѣльныхъ и хорошихъ статей. Болѣзнь редактора, тогда уже начинавшаяся, служила также къ тому препятствіемъ. Года черезъ три Андросовъ передалъ его въ другія руки. Наконецъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ издателемъ *Журнала для Овцеводовъ*, который пользуется хорошей славою между хозяевами.

Отъ ученаго и гражданина перейдемъ къ человѣку. Андросовъ былъ характера благороднаго и независимаго. Можетъ быть, эти качества и мѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ. Въ его любви къ справедливости, сознаніи человѣческаго достоинства было что-то высокое. До глубины сердца онъ бывалъ тронутъ всякою несправедливостію, гдѣ бы она ни была сдѣлана, въ Калькутѣ или Филадельфіи, Вяткѣ или Парижѣ, и пламенная рѣчь вытекала изъ задыхавшихся устъ его. Рѣдко встрѣтишь людей, которые бы принимали такъ горячо къ сердцу всякое, самое неважное оскорбленіе, нарушеніе правъ

человѣческихъ, даже будь оно въ однихъ словахъ и формахъ, а не на дѣлѣ. И напротивъ успѣхи цивилизаціи, какъ онъ называлъ ихъ, приводили его въ восторгъ. Онъ любилъ искренно отечество, но любовь его выражалась не столько въ похвалѣ хорошему, сколько въ осужденіи дурного. Послѣднее трогало его сильнѣе по особенному направленію, которое принялъ его умъ и характеръ. Можетъ быть и неудовлетворенное самолюбіе принимало здѣсь участіе. Въ обществѣ съ короткими знакомыми онъ бывалъ веселъ, остеръ и иногда колокъ. Жилъ очень умѣренно своими малыми доходами, но былъ готовъ всегда на помощь ближнему. Боленъ онъ былъ давно уже, но съ весны болѣзнь его усилилась; онъ скрывалъ однако отъ всѣхъ важность ея, и скончался внезапно—на рукахъ своего человѣка".

22 октября 1841 года собрались всѣ знакомые въ скромную келію его, и вынесли оттуда на рукахъ его тѣло въ приходскую церковь Стараго Вознесенія, на Никитской, гдѣ оно было отпѣто, а погребено на Ваганьковскомъ кладбищѣ, близъ любимаго учителя его Мерзлякова. „Прощай, товарищъ! Дай Богъ, чтобы тебѣ на томъ свѣтѣ было лучше, чѣмъ на этомъ. Помолись и за насъ, а мы здѣсь о тебѣ всегда будемъ поминать добромъ" [188]).

Въ бумагахъ Погодина сохранился листокъ, писанный его рукою: „*На памятникъ надгробный Василію Петровичу Андросову.* (Отъ усердія, а не иначе). Графъ Бобринскій, Соковнинъ, Чертковъ, Павловъ, Шевыревъ, Масловъ, Погодинъ, Лызловъ, Іовскій, Кубаревъ". Къ этому списку другъ Андросова С. А. Масловъ собственноручно прибавилъ: *Еништа*, и замѣтилъ: „Это былъ его пріятель, уважалъ его душевно и душевно ему преданъ".

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Андросова, а именно 14 января 1841 года, былъ у С. А. Маслова вечеръ, на которомъ въ числѣ гостей былъ и покойный. На этомъ вечерѣ у Погодина запечатлѣлись слѣдующія слова, сказанныя Масловымъ: „*Мы толкуемъ объ исправленіи правительства,*

общества и всего человѣческаго рода, но почему мы не начинаемъ исправленія съ себя: это вѣдь легче и удобнѣе. Здѣсь никто мѣшать намъ не можетъ" [189]).

XXXVIII.

Съ кончиною А. С. Шишкова прекратила свое существованіе и достопочтенная Россійская Академія. На докладѣ Уварова о кончинѣ ея Президента Государь начерталъ: *Представить мнѣ проэктъ соединенія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ.*

Во исполненіе сей Высочайшей воли Уваровъ входилъ „въ подробное соображеніе основаній, на какихъ такое соединеніе могло бы быть приведено въ дѣйство". По мнѣнію Уварова, „однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ Устава Россійской Академіи было то, что онъ предоставлялъ произволу членовъ труды по части языка и Словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ имена, украшая Отечественную Словесность, украсятъ и сословіе членовъ Академіи, но для отвращенія неудобства, показаннаго выше, необходимо назначить при ней опредѣленное число ординарныхъ академиковъ, съ жалованьемъ какъ въ Академіи Наукъ, которые постоянно трудились бы по плану и для цѣли Академической. Сверъ того, при нынѣшнемъ положеніи Словесности труды Академіи должно распространить на всю область нарѣчій и литературъ Словенскихъ".

Въ проектѣ Уварова, представленномъ на Высочайшее воззрѣніе, мы читаемъ: „Для Академіи Наукъ я полагаю оставить исключительно предметомъ занятій преимущественно науки точныя (sciences exactes), которыхъ обработываніе поставлено ей въ обязанность волею Великаго ея Учредителя, а знанія филологическія и древности впослѣдствіи времени включены въ кругъ ея дѣятельности. На этомъ основаніи подъ однимъ наименованіемъ *Императорскія Соединенныя Академіи* бу-

дутъ состоять три учрежденія: *Академія Наукъ*, занимающаяся науками точными; *Академія Русской Словесности*, которую можно бы назвать и *Словено-Русскою Академіею*, сюда войдетъ также разработываніе Русской Исторіи и Древностей, и *Академія Исторіи и Филологіи*". Проектъ свой Уваровъ заключилъ такими словами: „Позволю себѣ думать, что *Императорскія Соединенныя Академіи*, какъ важнѣйшее ученое учрежденіе Царства Русскаго, не будутъ недостойны особеннаго и непосредственнаго покровительства Императорскаго Дома, въ которомъ Россія обыкла находить благотворное споспѣшествованіе всему благому и полезному. Ваше Императорское Величество нѣкогда осчастливило Абовскій Университетъ принятіемъ титла его канцлера. Александровскій Университетъ съ гордостію видитъ, что сіе званіе благоугодно было Вашему Величеству поручить Государю Наслѣднику Цесаревичу. Принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ титла *канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академій* возвысило бы сіе сословіе въ глазахъ Отечества и Европы и упрочило бы его дальнѣйшее преуспѣяніе, оживляя его дѣятельность на пользу наукъ и Словесности Русской".

Проектъ этотъ Государь разсмотрѣлъ 12 іюня 1841 года въ Петергофѣ и начерталъ слѣдующую резолюцію: *Подъ общимъ названіемъ Императорской Академіи Наукъ, составить три Отдѣленія: первое — собственно Академія Наукъ* (sciences exactes); *второе—Отдѣленіе Словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская Академія; третье — Отдѣленіе Исторіи и Древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую Коммиссію.* Должности же канцлера Государь не утвердилъ.

Къ 19 октября 1841 года дѣло о присоединеніи Россійской Академіи было уже окончено. Въ своемъ докладѣ по этому предмету Уваровъ писалъ Государю: „Соединеніе сихъ учрежденій я полагаю удобнымъ произвести посредствомъ рескрипта, потому и первое образованіе Россійской Академіи произошло также рескриптомъ Императрицы Екатерины Вто-

рой на имя княгини Дашковой". При этомъ Уваровъ представилъ Государю докладную записку о назначеніи академиковъ и адъюнктовъ по Словесному Отдѣленію. „Мнѣ казалось", писалъ Уваровъ, — „приличнымъ включить въ число оныхъ нѣсколько духовныхъ лицъ Православнаго исповѣданія. Оберъ-Прокурорь Св. Сунода, съ которымъ я объяснялся по сему предмету, не только не находитъ къ тому никакого препятствія, но и думаетъ, что сіе избраніе будетъ весьма пріятно духовенству".

Назначеніе академиковъ и адъюнктовъ въ Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности Государь предоставилъ „на первый разъ" произвести самому Уварову. На семъ основаніи онъ представилъ на утвержденіе Государя слѣдующій списокъ: А) *Въ званія ординарныхъ академиковъ:* 1) Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, 2) Иннокентій, епископъ Вологодскій и Великоустюжскій, 3) К. И. Арсеньевъ, 4) П. Г. Бутковъ, 5) А. Х. Востоковъ, 6) князь П. А. Вяземскій, 7) И. И. Давыдовъ, 8) В. А. Жуковскій, 9) М. Т. Каченовскій, 10) И. А. Крыловъ, 11) А. И. Михайловскій-Данилевскій, 12) В. И. Панаевъ, 13) П. А. Плетневъ, 14) М. П. Погодинъ, 15) князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, 16) Д. И. Языковъ. Б) *Въ званія адъюнктовъ:* 1) Я. И. Бередниковъ, 2) М. П. Розбергъ, 3) П. М. Строевъ, 4) С. П. Шевыревъ. На этомъ докладѣ Государь, 19 октября 1841 года, въ Гатчинѣ, собственноручно начерталъ карандашемъ: *согласенъ.*

Сохранилось нѣсколько писемъ къ Уварову новыхъ академиковъ и адъюнктовъ по поводу причисленія ихъ къ первенствующему ученому сословію Имперіи. Изъ нихъ особенно примѣчательно письмо Филарета, митрополита Московскаго. „Высочайшее утвержденіе меня", писалъ Владыка,—„въ званіи ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности, объявленное мнѣ отношеніемъ вашего высокопревосходительства, не иначе могъ я принять, какъ съ ревностнымъ вѣрноподданническимъ желаніемъ слѣдовать державному мановенію Государя, который,

среди безчисленныхъ попеченій о благѣ своего народа, благоволилъ обратить особенное вниманіе и на благоустройство въ области Русскаго языка и дать новыя поощренія къ подвигамъ на семъ поприщѣ.

Ревность возбуждается въ семъ случаѣ не только любовію къ Отечеству и Отечественному слову, но и любовію къ Вѣрѣ и Церкви. Да, я думаю, что не обмолвился, когда сказалъ: любовію къ Вѣрѣ и Церкви. Съ нѣкотораго времени въ области Русскаго слова распространяется родъ безначалія, невниманіе къ принятымъ прежде правиламъ, неуваженіе къ признаннымъ прежде образцамъ, подъ видомъ *народности,* общепонятности, направленіе не къ *народности*, чистой, благородной, правильной, но къ *простонародности* смѣшанной, низкой, безправильной. Какъ одного изъ вредныхъ послѣдствій сего направленія, если не удастся исправить онаго, надлежитъ опасаться того, что языкъ подъ перомъ писателей, а за тѣмъ и въ устахъ народа, быстро уклоняться будетъ отъ Словенскаго церковнаго нарѣчія, которое было его корнемъ, средоточіемъ и мѣриломъ чистоты и правильности; что языкъ народный совсѣмъ отсѣчется и отдѣлится отъ языка церковнаго; что прекрасный, сильный, проникнутый духомъ Христіанскаго ученія церковный богослужебный языкъ сдѣлается наконецъ вовсе непонятнымъ присутствующимъ при богослуженіи... Не имѣю нужды изъяснять вашему высокопревосходительству, сколь тяжка была бы сія утрата; и надѣюсь, изволите согласиться со мною, что не одной любви къ Отечеству и Отечественному слову, но и любви къ Вѣрѣ и Церкви предлежитъ нынѣ забота о Русскомъ языкѣ и Словесности. Если государство по справедливости заботится о томъ, чтобы языкъ государства возмогалъ надъ языками разноплеменныхъ подданныхъ, менѣе ли заслуживаетъ заботы то, чтобы языкъ Церкви не сдѣлался наконецъ языкомъ чужестраннымъ, чрезъ своенравное ни мало ненужное отъ него удаленіе языка народнаго?

Къ сожалѣнію, ревности моей по Русскомъ Словѣ и не

соотвѣтствуютъ мои силы, и не благопріятствуютъ болѣе необходимыя должностныя занятія: и я нахожусь въ необходимости предварительно призывать снисхожденіе, если окажусь не столь дѣятельнымъ въ новомъ званіи, какъ бы желалъ".

По свидѣтельству А. Н. Муравьева, митрополитъ Филаретъ „зорко слѣдилъ за литературною дѣятельностью, отмѣчая ее клеймомъ оригинальныхъ своихъ сужденій". Такъ, когда въ пользу разорившагося Петербургскаго книгопродавца Смирдина предпринято было изданіе подъ заглавіемъ *Сто Русскихъ Литераторовъ*, и А. Н. Муравьевъ вздумалъ помѣстить въ немъ свое Описаніе Московскаго Архангельскаго Собора, то митрополитъ Филаретъ писалъ ему: „Приходитъ на мысль забота, въ какое сосѣдство поставится ваше Описаніе Архангельскаго Собора въ книгѣ, назначенной для искупленія Смирдина. Легко случиться можетъ, что поставятъ Архангельскій Соборъ подлѣ срамной корчемницы, или безстыднаго позорища или вертепа разбойниковъ, и подобныхъ украшеній романическаго міра. За услуги Смирдина словесности, не лучше ли ранѣе поблагодарила его словесность добрымъ совѣтомъ менѣе подкупать словесность? Тогда вѣроятно и писатели въ своихъ книгахъ, да и г. Смирдинъ въ своихъ счетныхъ книгахъ, меньше листовъ исписалъ бы мечтами. Но да простятъ меня книги. Желаю имъ истины, правды и пользы" [190]).

За честь избранія въ академики Погодинъ поручилъ благодарить Уварова И. И. Давыдову, который писалъ министру: „Товарищъ мой М. П. Погодинъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ писать къ вамъ; а потому просилъ меня принести вашему высокопревосходительству и его признательность".

Такимъ образомъ въ концѣ 1841 года образовалось при Академіи Наукъ Второе Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности. „Не знаю", писалъ Погодину Квитко,—„я провинціалъ, *хуторянинъ*, не знаю, что и за двѣ версты отъ меня дѣлается, и потому мнѣ простительно мыслить, что благодѣтельное Правительство, видя, что проказа можетъ усилиться, приступило къ

дѣйствію, возстановило опеку надъ угнетеннымъ Русскимъ словомъ и предоставило ей волю дѣйствовать для спасенія гонимаго сироты; для чего и избраны въ опекуны мужи знающіе дѣло, ревности исполненные, съ твердою волею, съ силою, могущею поднять и поддержать упавшаго почти, отогнать далеко крамольниковъ и поставить его на незыблемомъ основаніи. Дѣйствуйте же, гг. опекуны, не одними разсужденіями, академическими рѣчами, доказательствами; мы ихъ прочтемъ, скажемъ: „хорошо, правильно", а шмели или хотя и пчелы, даже сѣверныя, будутъ жужжать свое, а мы останемся на распутіи, съ растопыренными руками, разинутымъ ртомъ, спрашивая самихъ себя: куда же идти? Нѣтъ, испросите власть и силу преслѣдовать сапожника, чтобы не шилъ кафтановъ; онъ и выкройки не знаетъ, и нарядитъ *всѣхъ* шутами. Иначе не спасете вы *нашего слова* и вотще всѣ ваши труды и заботы, etc. etc. Много можно бы еще сказать, но вы все знаете" [191]).

Но далеко не всѣ рукоплескали уничтоженію Россійской Академіи, и многіе въ этомъ дѣлѣ увидѣли посягновеніе Уварова на добрыя литературныя преданія. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго: „Крыловъ, какъ членъ старой Россійской Академіи, былъ недоволенъ хозяйственными и экономическими распоряженіями ея. Капиталъ, которымъ она владѣла, не употребляла она на пользу Русской Словесности, не печатала полезныхъ и дешевыхъ книгъ, не изготовляла новыхъ, улучшенныхъ изданій нашихъ классическихъ писателей, не помогала молодымъ талантамъ. *Куда копите вы деньги свои?* спрашивалъ онъ академическое правленіе. *Развѣ на приданое Академіи, чтобы выдать ее замужъ за Московскій Университетъ?* Свадьба не состоялась; но послѣ смерти Шишкова значительный академическій капиталъ былъ отобранъ. Богатая невѣста замужъ не вышла и, какъ сиротка, пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодо-

ваніи своемъ иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой; она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, лучше было бы не трогать Академіи, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику. Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ, наша Академія тоже записала событія въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ *Исторіи Государства Россійскаго* и получилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился съ *новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ, и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія лицъ обоего пола. Чтеніе академика Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней. Можно еще замѣтить, что не каждый членъ чисто-литературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости“ [192]).

XXXIX.

Въ послѣдній день 1841 года именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду, епископъ Вологодскій Иннокентій былъ переведенъ на каѳедру Харьковской епархіи съ оставленіемъ при той степени въ іерархіи, какой онъ пользовался въ Вологдѣ [193]). Это событіе огорчило Вологжанъ и обрадовало Харьковцевъ. П. И. Савваитовъ со скорбію описалъ Погодину послѣдніе дни пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ Вологдѣ. „Мы", пишетъ онъ,—„не услышимъ болѣе нашего Златоуста! Преосвященный Иннокентій оставляетъ насъ! Вотъ первыя слова о перемѣщеніи его въ Харьковъ. Слухъ объ этомъ перемѣщеніи разнесся въ Вологдѣ около половины января; а 25 числа во всѣхъ церквахъ уже поминаемо было имя преосвященнаго Иринарха, епископа Вологодскаго и Устюжскаго. Преосвященный Иннокентій, въ короткое управленіе Вологодскою паствою, успѣлъ привлечь къ себѣ любовь, уваженіе и признательность Вологжанъ. Во всѣ послѣдніе дни пребыванія его въ Вологдѣ съ утра до вечера посѣтители не оставляли келій архіерейскаго дома"... На канунѣ Срѣтенія Господня преосвященный Иннокентій въ послѣдній разъ совершалъ литургію у св. Софіи Вологодской... Трогательно было прощальное слово. „Се день предпразднества Срѣтенія Господня", говорилъ онъ,—„а для меня день разлуки съ вами... О, еслибы и я, вмѣстѣ съ Богопріимцемъ, могъ сказать: се, „нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣста очи мое спасеніе твое", да, спасеніе твое, которое я проповѣдывалъ тебѣ, паства Вологодская... Когда будете посѣщать храмъ сей, вспомните, братія, что здѣсь, на этомъ мѣстѣ и я недостойный, по мѣрѣ силъ моихъ, проповѣдывалъ вамъ путь спасенія"... Народъ плакалъ... Поздно вечеромъ Преосвященный ходилъ приложиться къ святыни Софійскаго храма. Въ ночь на 2 число у церкви Всемилостиваго Спаса Обыденнаго остановился путешественникъ помолиться чудотворному образу... [194]).

Какъ только въ Харьковѣ узнали о перемѣщеніи преосвященнаго Иннокентія, то члены Харьковской Консисторіи отправили къ Иннокентію въ Вологду отъ себя поздравленіе съ назначеніемъ его на Харьковскую паству. Въ отвѣтъ на это поздравленіе Иннокентій писалъ въ Консисторію: „Съ любовью пріемлю сей знакъ усердія ко мнѣ почтенныхъ членовъ Харьковской Консисторіи и прошу ихъ вмѣстѣ со мною вознести къ Господу усердное моленіе, да подастъ мнѣ силы достойно предстоять церкви Харьковской и право править слово истины“ [195]).

Въ то же время Квитко писалъ Погодину изъ Харькова: „Обрадованъ извѣстіемъ, что вожделѣнный нашъ пастырь Иннокентій, которымъ наградили нашъ Харьковъ, будетъ квартировать у васъ, то вы Москвичи глядите: не долго продерживайте его у себя; не лишайте насъ утѣшенія видѣть его среди насъ и наслаждаться его бесѣдою и поученіями. Всѣ истинные сыны Церкви и любящіе край свой въ восторгѣ отъ этого драгоцѣннаго подарка“ [196]).

Но какъ взглянулъ на это назначеніе самъ Иннокентій? Въ одномъ изъ писемъ къ своему Петербургскому другу онъ писалъ: „Трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически—вездѣ можно найти нужное,—а нравственно: ибо скоро ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснуешь съ ними надлежащую связь“. Кромѣ того, по свидѣтельству отца протоіерея Тимоѳея Буткевича, „частые переходы для Иннокентія могли быть неудобны и въ матеріальномъ отношеніи. Очевидцы разсказываютъ, что одну библіотеку Иннокентія изъ Вологды въ Харьковъ везли на двѣнадцати подводахъ. Наконецъ въ іерархическомъ отношеніи Харьковъ въ то время стоялъ ниже Вологды“ [197]). Какъ бы то ни было, въ началѣ февраля 1842 года преосвященный Иннокентій проѣхалъ черезъ Москву изъ Вологды въ Харьковъ къ новому мѣсту своего служенія. „Почетные Московскіе граждане“, свидѣтельствуетъ современникъ,—„ученые и неученые, услышавъ о его проѣздѣ, устремились принять его благословеніе и насладиться

его краснорѣчивою бесѣдою". Въ Москвѣ онъ пробылъ не болѣе двухъ-трехъ дней [198]).

Въ это кратковременное свое пребываніе въ Москвѣ Иннокентій чрезъ Погодина познакомился съ Гоголемъ и благословилъ его образомъ Спасителя. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ С. Т. Аксаковъ: „Уѣзжалъ я въ клубъ, и всѣ меня провожали до передней. Вдругъ входитъ Гоголь съ образомъ Спасителя въ рукахъ и сіяющимъ, просвѣтленнымъ лицемъ. Такого выраженія въ глазахъ у него я никогда ни видывалъ. Гоголь сказалъ: *Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ, и никто не сдѣлалъ этого; наконецъ, Иннокентій благословилъ меня. Теперь я могу объявить, куда я ѣду: ко Гробу Господню*... Признаюсь", продолжаетъ С. Т. Аксаковъ,—„я не былъ доволенъ ни просвѣтленнымъ лицемъ Гоголя, ни намѣреніемъ его ѣхать къ Святымъ Мѣстамъ. Все это казалось мнѣ напряженнымъ, нервнымъ состояніемъ и особенно страшнымъ въ Гоголѣ, какъ въ художникѣ, и я уѣхалъ въ клубъ" [199]).

24 февраля 1842 года преосвященный Иннокентій прибылъ въ Харьковъ и обратился къ Харьковцамъ словами святого апостола Павла:

„И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе.

Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята.

И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтелныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы.

Да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ" [200]).

Любопытно свидѣтельство Бецкаго о томъ впечатлѣніи, которое производилъ Иннокентій. „Слышалъ два раза Иннокентія", писалъ онъ Погодину изъ Харькова,—„онъ говоритъ аккуратно три раза въ недѣлю проповѣди и негдѣ упасть яблоку. Физіономія его напомнила мнѣ Строганова, — только

умнѣе.—Мнѣ вотъ что показалось: логика необыкновенная, ясный, свѣтлый выводъ,—но чувства мало. Нѣтъ той *поэзіи* религіи, того сердечнаго одушевленія, которое одно можетъ увлечь толпу. Умствованіе хорошо для верхняго слоя; а сердце у всякаго есть. Слезы найдутся и у сапожниковъ. Можетъ, впрочемъ, самая сущность предмета была причиною сухости его проповѣди. Жаль, что органъ не хорошъ. Нѣтъ гибкости, мягкости, сердечности въ голосѣ. А уменъ, необыкновенно уменъ. Внушаетъ благоговѣніе. Я еще у него не былъ, не говоривъ отъ роду съ такими лицами. Думалъ о разъединенности духовенства отъ прочихъ классовъ. Едвали это не составляетъ преграду къ распространенію религіозныхъ идей. Хорошо было въ Египтѣ".

Въ числѣ поклонниковъ Иннокентія былъ бывшій оберъ-прокуроръ св. Сvнода С. Д. Нечаевъ. „Если вы", писалъ онъ Погодину,—„еще что̀ издали изъ сочиненій Иннокентія, и на то объявляю право старинной моей пріязни съ Харьковскимъ архипастыремъ".

Въ то время, когда Иннокентій водворился въ Харьковѣ, Погодинъ получаетъ отъ почитателя Преосвященнаго, Кіевскаго мыслителя Гриневича слѣдующее любопытное письмо: „Вы желаете знать, какія причины заставили меня оставить Кіевъ? Неблагорасположеніе г. ректора Неволина, которое я имѣлъ несчастіе навлечь на себя неоказаніемъ слѣпого увлеченія къ системѣ Гегелевой, плѣнившей *до нельзя* г. ректора. Г. Неволинъ, имѣя честолюбіе болѣе, нежели *папское*, не устыдился предпочесть мнѣ двадцати-трехъ-лѣтняго нѣмчика, не профессора, но учителя гимназіи... Я доселѣ остаюсь безъ мѣста, безъ всякаго жалованья, обремененный, по милости Божіей, многочисленнымъ семействомъ, въ свирѣпомъ угнетеніи отъ фанатиковъ, подобныхъ Неволину. На дняхъ приступаю къ печатанію *Римскихъ Древностей,* составленныхъ мною въ Кіевѣ".

Черезъ три мѣсяца послѣ преосвященнаго Иннокентія, Москву посѣтилъ другой знаменитый святитель, архіепископъ Литовскій и Виленскій Іосифъ Сѣмашко. Предъ прибытіемъ

его въ Москву Вигель писалъ Погодину: „Архіепископъ Литовскій Іосифъ, прежде бывшій унитской каноникъ, потомъ епископъ Сѣмашко, который не болѣе двухъ недѣль пробудетъ въ Москвѣ, которую первый разъ въ жизни увидитъ. Знаете ли, что это за человѣкъ? Онъ усиліями своими два милліона Словенъ отхватилъ отъ Запада и Католицизма и приставилъ къ Россіи и Православію: какія бы ни были побужденія его, это знаменитое, примѣчательное лицо. Прибавлю и любопытное; Талейранъ, Сперанскій и Филаретъ съ нѣкоторыми оттѣнками въ немъ вмѣщаются. Если вы поспѣсивитесь или полѣнитесь отыскать его, пригласить на чаекъ и познакомить съ немногими нашими, то вы не словенофилъ, вы не истый русскій. Его бы надобно попотчивать Древностями, дать взглянуть на примѣчательнѣйшее въ Москвѣ. Хомякова, увы, теперь въ ней нѣтъ. Кабы познакомить его съ почтеннымъ Шевыревымъ, которому прошу сказать не только усердное, но и нѣжное мое почтеніе. Поручаю себя вашей памяти и Архипастыря своего вашей благосклонности“. Къ удовольствію Вигеля и архіепископа Іосифа, Хомяковъ въ то время еще не уѣхалъ въ деревню, и Д. А. Валуевъ писалъ Погодину: Хомяковъ васъ благодаритъ очень за Сѣмашко“ [201]).

Путешествіе высокопреосвященнаго Іосифа въ Лавру преподобнаго Сергія Священно-Архимандритъ Лавры напутствовалъ слѣдующимъ письмомъ къ своему Намѣстнику: „Къ вамъ шествуетъ преосвященный Іосифъ, архіепископъ Литовскій. Дайте ему мѣстомъ отдохновенія мои кельи, и вообще примите его, какъ въ прошедшемъ году преосвященнаго Василія. Онъ желаетъ и литургію совершить: устройте ему сіе. Пожелалъ онъ, чтобы его сопровождалъ кто-нибудь изъ Москвы, я назначилъ архимандрита Знаменскаго Митрофана, чтобы исполнить его желаніе, хотя нужды въ семъ не было бы. Не забудьте благословить Преосвященнаго иконою отъ Обители и отъ настоятеля“. [202]).

Съ своей стороны и Погодинъ заявилъ въ своемъ *Москвитянинѣ*: „Двѣ недѣли пробылъ въ Москвѣ знаменитый Іосифъ

Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій, именемъ котораго оканчивается Унія въ Россіи, какъ именемъ Михаила Рагозы она началась. Его Высокопреосвященство осматривалъ наши древніе монастыри, съ ихъ уставами, ознакомился съ духовною жизнію въ Москвѣ и ѣздилъ на поклоненіе святыни Русской".

XL.

Первый нумеръ *Москвитянина,* 1842 года, открывался *Взглядомъ* Шевырева *на современное направленіе Русской Литературы. Сторона Черная.* Этотъ *Взглядъ* долженствовалъ служить „вмѣсто предисловія" ко второму году *Москвитянина*. Шевыревъ, изображая *черную сторону* литературы, старался самыми темными красками нарисовать портреты тогдашнихъ Петербургскихъ журналистовъ и въ одномъ изъ нихъ— „рыцарѣ безъ имени", одѣтомъ въ „броню наглости", „литературномъ бобылѣ" и проч.—явно желалъ изобразить Бѣлинскаго. „На мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ", писалъ Шевыревъ,—„на мѣсто литераторовъ, именами своими украшавшихъ славу своего Отечества, наступили компаніи журнальныя, образуемыя наборомъ перьевъ безъимянныхъ!.." Высказавъ это, Шевыревъ задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ же могла произойти такая перемѣна?" Отвѣчаетъ: „Уже давно всѣмъ извѣстно, что литература всякой націи бываетъ словеснымъ выраженіемъ идей ея жизни... Древняя Русь въ жизни своей раскрыла три элемента главныхъ: первый, важнѣйшій, былъ элементъ Церкви, частный и духовный; второй государственный; третій народный... Для полнаго развитія Литературы нашей не доставало еще двухъ элементовъ—ученаго и общественнаго. Эти новыя условія внесены были преобразованіемъ Петра Великаго... Русская Словесность въ лицѣ Ломоносова вышла изъ Двора и Академіи такъ, какъ и Европейское образованіе наше... Зерно Европейско-Русской Литературы, посаженное Ломоносовымъ,

принесло во времена Екатерины всѣ плоды свои... Все, что замѣчательнаго содержали въ себѣ современныя иностранныя литературы, все, что входило такъ сказать въ классическій канонъ словесности Европейской XVIII столѣтія изъ Древности Греческой и Римской, изъ литературы новыхъ народовъ, все это было переведено по-Русски во времена Екатерины, въ формахъ Русской рѣчи, завѣщанной Литературѣ нашей Ломоносовымъ... Кругъ читателей при Екатеринѣ распространился уже на вершины большаго свѣта, на обѣ столицы и на все избранное во внутренности государства... Карамзинъ обратилъ насъ къ формамъ общественнаго разговорнаго языка". При этомъ Шевыревъ замѣчаетъ, что всѣ литераторы, „славно дѣйствовавшіе у насъ на языкъ и народъ, выходили по большей части изъ того благороднаго круга, въ которомъ совершалось примиреніе преобразованія Европейскаго съ духомъ и потребностями Русской жизни, гдѣ не исключались языки иностранные, какъ орудія, необходимыя къ образованію, но гдѣ въ то же время и Русскій языкъ не уступалъ имъ своего законнаго первенства. Изъ такого-то круга вышелъ и Карамзинъ. Сначала Карамзинъ", продолжаетъ Шевыревъ,— „какъ будто отвергнулъ ту связь по языку съ древнею Русью, на которую указалъ намъ Ломоносовъ. Но за то послѣ онъ сошелся въ мысли съ Ломоносовымъ и въ изящную оправу своей новой рѣчи вставлялъ чудные перлы и алмазы древне-Русскаго языка, открытые имъ въ хранилищѣ завѣтной старины его. Карамзину принадлежитъ подвигъ окончательнаго созданія нашей общественной литературы. Карамзинъ очинилъ для всѣхъ перо современной Русской прозы... Жуковскій и Батюшковъ извлекли новый Русскій стихъ изъ живого языка общественнаго... Вся эта школа вѣнчалась самою свѣтлою звѣздою поэтическаго генія Пушкина... Отъ Пушкина ведетъ свое начало у насъ многочисленное племя безъимянныхъ или безличныхъ стихотворцевъ, равно какъ отъ Карамзина племя такихъ же прозаиковъ. При Ломоносовѣ чтеніе было напряженнымъ занятіемъ; при Екатеринѣ стало роскошью образо-

ванности; при Карамзинѣ необходимымъ признакомъ просвѣщенія; при Жуковскомъ и Пушкинѣ потребностью общества". Воздавъ хвалу и провозгласивъ вѣчную память отшедшимъ и многая лѣта живущимъ „сильнымъ двигателямъ Русской мысли и слова отъ лица науки, отъ лица преданія, отъ лица всѣхъ ихъ достойныхъ питомцевъ, всѣхъ мыслящихъ поколѣній и настоящей и будущей Россіи", Шевыревъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ: „За всякимъ добромъ, отъ человѣка растущимъ, слѣдуетъ зло неизбѣжное... такъ, весело стоитъ въ полѣ и тяжелымъ колосомъ гнется къ низу поспѣлая нива: честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой; благосклонное небо ее поливало и грѣло... Но вотъ — смотрите... саранча... бросается на ниву и — ѣстъ ее. Такъ", продолжаетъ Шевыревъ,— „за періодомъ созданія литературы общественной слѣдуетъ въ добавокъ переходное время литературы торговой... Намъ суждено жить во время этого перехода и испытывать всѣ его непріятности..." Приступая къ изображенію того промышленнаго духа, всѣхъ явленій того торговаго міра, среди котораго большею частію обращается современная дѣятельность нашей литературы, Шевыревъ счелъ нужнымъ оговориться, что „литераторъ по мѣрѣ таланта своего и заслугъ имѣетъ полное право на достойную вещественную награду за труды свои, которая однако не главная цѣль его, а только необходимое справедливое слѣдствіе его трудолюбія, и никто конечно у него этой награды не отниметъ. Но отличите же этого добросовѣстнаго труженика отъ литературнаго промышленника..." Сдѣлавъ эту оговорку, Шевыревъ рисуетъ портреты тогдашнихъ Петербургскихъ журналистовъ-промышленниковъ, которые, по его словамъ, могли родиться у насъ только въ такое время, „когда литература сдѣлалась потребностью общественной жизни и благородная жажда къ чтенію пробудилась почти во всѣхъ концахъ Россіи". За тѣмъ Шевыревъ приступаетъ къ разсмотрѣнію журналовъ, издаваемыхъ *литераторами-промышленниками*. „Въ каждый изъ этихъ журналовъ", пишетъ онъ,— „входитъ множество лицъ, составляю-

щихъ какое-то одно накопленное цѣлое или правильнѣе журнальную компанію. Немногія извѣстныя имена являются въ этихъ сборникахъ... прочее же все сливается въ однообразную массу. Всѣ эти журнальныя компаніи имѣютъ своихъ предводителей: сихъ послѣднихъ можно бы сравнить съ воинственными кондотіерами Среднихъ временъ Италіи, за исключеніемъ храбрости и великодушія, какими тѣ отличались... Ихъ журналы похожи на феодальные замки Итальянскихъ кондотіери: въ нихъ хотятъ они заключить всю силу современной литературы и господствовать единодержавно. Для довершенія сходства, наши кондотіеры также враждуютъ между собою, также имѣютъ по городамъ своихъ вербующихъ агентовъ, также переманиваютъ къ себѣ лихихъ воиновъ, отъ чего и бываетъ въ лагеряхъ Русской Словесности великое множество перебѣжчиковъ, точно такъ, какъ въ Средніе времена въ Италіи". Отъ внѣшней дѣятельности этихъ журнальныхъ компаній Шевыревъ переходитъ къ внутренней. „Наперерывъ", пишетъ онъ,— „соревнуя другъ передъ другомъ, стараются они передать читателямъ всякую Европейскую новость..." Новости эти „сообщаются на-скоро и всегда безъ отношенія къ своему Отечеству... При всей суетѣ и тревогѣ, при всей торопливости, съ какою они передаютъ всякой иностранной гостинецъ, вы все-таки по нашимъ журналамъ не можете слѣдить духа и движенія науки и словесности въ Европѣ. Словомъ, въ своихъ донесеніяхъ о Европѣ они удовлетворятъ вашему любопытству, но не вашей любознательности. Къ началу года берегутся обыкновенно повѣсти съ извѣстными именами; на прочее время довольствуются они или переводами, или повѣстями мастерства цеховаго, доставляемыми на подрядъ отъ бездарныхъ фабрикантовъ... У извѣстныхъ журналовъ есть свои абонированные домашніе стиходѣи, которыхъ всегда найдете вы на одномъ и томъ же мѣстѣ. Ихъ можно бы сравнить съ тѣми лицами, которыхъ случается вамъ встрѣчать постоянно въ театрѣ, на извѣстномъ нумерѣ креселъ, даже говорить съ ними, не зная кто они, и всегда объ одномъ и томъ же". Далѣе Шевыревъ

замѣчаетъ, „что духъ, господствующій въ журнальныхъ компаніяхъ, чрезвычайно вредитъ развитію молодыхъ писателей. Бѣда талантливому юношѣ, если онъ ввѣритъ свою личность хитрому журнальному кондотіеру и сольетъ себя съ какою-нибудь журнальною компаніей. На него они смотрятъ только какъ на средство умножить число пишущихъ перьевъ въ своей журнальной машинѣ. Такимъ образомъ молодой человѣкъ часто отъ дѣльныхъ занятій наукою, отъ чистыхъ уединенныхъ приношеній искусству отвлекается другими видами, отдаетъ себя произволу журнальнаго кондотіери, и вотъ его перо вставлено уже въ писальную машину... Оно пишетъ какъ всѣ... пишетъ заурядъ обо всемъ и Богъ знаетъ что... И эта личность стирается и исчезаетъ въ одной общей массѣ фабрично-литературнаго производства. Да, ничто такъ не вредно развитію частныхъ, одинокихъ талантовъ, какъ этотъ духъ журнальныхъ компаній, привлекающій ихъ къ себѣ, въ свою душную атмосферу. Счастливы тѣ“, восклицаетъ Шевыревъ,— „которые могли отъ нихъ освободиться и сохранили свободу уединеннаго труда и чувство благороднаго призванія“.

Говоря о важности для журнальныхъ сборниковъ нашихъ такъ называемой Критики и Библіографіи, посредствомъ которой журнальныя компаніи утверждаютъ силу и власть свою надъ современною Русскою Литературою, Шевыревъ рисуетъ намъ портретъ Бѣлинскаго. Называя его „рыцаремъ безъ имени, вотъ“, пишетъ онъ, — „его внѣшніе признаки: цѣльная, изъ одного куска литая броня наглости прикрываетъ въ немъ самое невинное невѣжество. Размашистымъ мечемъ онъ рубитъ направо и налѣво, и нѣтъ такого имени, которое бы остановило его махъ немилосердый. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ—ему ни почемъ. Ничто такъ не дѣйствуетъ на массу читателей невѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величіемъ. Самъ, бобыль литературный, онъ не хочетъ уважать никакихъ преданій, не признаетъ никакого авторитета, кромѣ того, который онъ самъ

возведетъ въ это званіе. Если случится ему признать кого-нибудь за талантъ, онъ подноситъ ему тотчасъ эпитетъ *громаднаго*. Но рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое" [203]).

Высказывая это, Шевыревъ очень хорошо сознавалъ, что онъ вооружитъ противъ себя „весь самый дѣятельный дишущій міръ", а потому воздадимъ хвалу его мужеству.

XLI.

Въ это время Бѣлинскій предпринялъ поѣздку въ Москву. По пути онъ заѣхалъ въ Новгородъ для свиданія съ Герценомъ, и тамъ ему пришлось быть свидѣтелемъ похоронъ ребенка, а въ Москвѣ похоронъ Щепкиной. „Боже мой!" писалъ онъ,— „неужели мнѣ суждена роль какого-то могильщика! Я окруженъ гробами.—Запахъ тлѣнія и ладона преслѣдуетъ меня день и ночь! Я понимаю теперь и Египетское обожествленіе идеи смерти, и стоицизмъ древнихъ, и аскетизмъ первыхъ вѣковъ Христіанства. Жизнь не стоитъ труда жить... Великъ Брама... онъ порождаетъ, онъ и пожираетъ... Леденѣетъ отъ ужаса бѣдный человѣкъ при видѣ его! Лучшее, что есть въ жизни— это *пиръ во время чумы и терроръ*". Въ Москвѣ Бѣлинскаго ожидалъ первый нумеръ *Москвитянина* со *Взглядомъ* Шевырева. Въ домѣ М. С. Щепкина, въ присутствіи Бѣлинскаго, Кетчеръ прочелъ эту статью вслухъ.

При слушаніи Бѣлинскому пришла идея въ отвѣтъ этой статьи, или, по его выраженію, „доноса Шевырева" написать литературный типъ *Педанта.* Возвратившись въ Петербургъ, онъ, скрывшись подъ псевдонимомъ *Петра Бульдогова*, напечаталъ эту свою статью въ мартовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ.* Друзья Бѣлинскаго, то-есть, Западники думали, что эта статья была написана Клюшниковымъ. Но Бѣлинскій въ письмѣ своемъ къ В. П. Боткину писалъ: „Съ чего ты взялъ смѣшивать мизерную особу И. П. Клюшникова съ благо-

родною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего— Виссаріона Бѣлинскаго, вѣчно неистоваго, всегда съ пѣною у рта и поднятымъ вверхъ кулакомъ, для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка? О Боткинъ! Боткинъ! Ты обидѣлъ меня. Типъ сей первый и робкій опытъ юнаго таланта на совершенно новомъ для него поприщѣ. Опытъ, столь удачный, столь блестящій. О Боткинъ! Боткинъ! Гдѣ же дружба, гдѣ любовь? Мрачное мщеніе, выходи изъ утробы моей, выставляй змѣиныя жала свои. Нѣтъ, Боткинъ, не шутя, я способенъ ко многимъ родамъ сочиненій, когда вдохновляетъ меня злоба“ [204]).

Въ *Педантѣ* почтенный Шевыревъ, подъ именемъ Леодора Ипполитовича Картофелина, представленъ въ самомъ оскорбительномъ и смѣшномъ видѣ. Тутъ не забыты и знаменитыя *желтыя перчатки*. „Воротившись изъ за-границы“, пишетъ Бульдоговъ,—„мой *Педантъ* сдѣлался ужаснымъ витяземъ *желтыхъ перчатокъ* и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что онъ даже дома ходитъ въ *желтыхъ перчаткахъ*. Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по крайней мѣрѣ, три точки...“ Бѣлинскій даже не пощадилъ и самой наружности Шевырева и представилъ его портретъ въ такихъ чертахъ: „Росту онъ весьма небольшаго; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на фоліантъ. Еслибъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in quarto. Глаза у него сѣрые, волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка...“ Таковъ Шевыревъ былъ до поѣздки въ Италію, но по возвращеніи оттуда онъ, по словамъ Бѣлинскаго, представлялся такимъ образомъ: „Натянутая

важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая въ баснѣ Езопа хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Говоритъ все свысока, словно лекціи читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно. Въ Германіи Педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. Нѣмцы, говорилъ онъ, раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума. Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу. Мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличною важностью, слышу его голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды. „Милостивые государи! Я былъ тамъ и тамъ, а вы не были. Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ. Вотъ я было вздумалъ прочесть Эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы". Бѣлинскій, стараясь быть справедливымъ, пишетъ: „Мой Педантъ дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно самолюбивъ, но не бездаренъ..." Въ своемъ *Педантѣ* Бѣлинскій оскорбительно задѣлъ и Погодина. Обѣщаясь въ pendant литературнаго типа Педанта изобразить типъ *Литературнаго Циника*, онъ говоритъ: „Это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни, человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ и ученый, и литераторъ;

человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ идеалъ честности, безкорыстія; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою короткостію: „надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности"; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги" [205]).

Въ Петербургѣ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, „эта штука прошла незамѣченной, *Москвитянина* у насъ никто не читаетъ, Шевыревъ извѣстенъ какъ миѳъ. А статейка", сознается авторъ,—„была не дурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италіи и стихи Полеваго—злую пародію на стихи Шевырева". Но въ Москвѣ этотъ пасквиль произвелъ сильное впечатлѣніе. Объ этомъ имѣется любопытное письмо Боткина въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ*, въ которомъ читаемъ: „Ударъ произвелъ дѣйствіе, превзошедшее ожиданія. Шевыревъ не показывается эту недѣлю въ обществахъ. Въ синклитѣ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова, если заводятъ объ этомъ рѣчь, то съ пѣною у рта и ругательствами. Всѣхъ больше ругался Н. Ф. Павловъ; онъ предложилъ написать письмо къ князю Одоевскому (акціонеру *Отечественныхъ Записокъ*) отъ лица всѣхъ Московскихъ литераторовъ, въ которомъ просятъ Князя, чтобъ онъ съ вами не знался; письмо это будетъ пересыпано разными любезностями на счетъ вашъ и Бѣлинскаго. Погодинъ уменъ... проглотилъ пилюлю, но ходитъ съ веселымъ лицомъ. Но это все хорошо,—а можетъ быть худо то, что Шевыревъ, какъ я слышалъ, хочетъ жаловаться, и въ его жалобѣ будто бы приметъ участіе князь Д. В. Голицынъ, Московскій генералъ-губернаторъ, который на дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ. Смотрите, чтобъ не было какой бѣды... Святители! Какое движеніе эта штука сдѣлала въ Университетѣ

Давыдовъ разцвѣлъ, помолодѣлъ и видимо блаженствуетъ, спрашиваетъ всякаго встрѣчнаго: читали ли вы третій нумеръ *Отечественныхъ Записокъ*... Грановскаго рѣчи по поводу *Педанта* до того привели въ негодованіе, что онъ жалѣетъ, что нѣтъ у него готовой статьи, онъ тотчасъ бы послалъ вамъ, хоть для того, чтобъ имя его стояло въ журналѣ. Кирѣевскій ругаетъ Бѣлинскаго словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго, и спрашиваетъ Грановскаго: неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку? А Грановскій имѣлъ безстыдство отвѣчать: не только не постыжусь подать руки, а хоть даже на площади передъ всѣми обниму его!"

„Такимъ образомъ", замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, — „изъ письма Боткина о дѣйствіи *Педанта*, можно видѣть, что вражда (между Востокомъ и Западомъ) становилась непримирима, что она охватила и руководителей *Москвитянина*, и весь Словенофильскій кружокъ, бывшій на лицо" [206]).

Напрасно было предложеніе Н. Ф. Павлова написать письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому, чтобъ онъ по поводу оскорбленія, нанесеннаго его друзьямъ, Шевыреву и Погодину, прервалъ сношеніе съ *Отечественными Записками*. Самъ князь Одоевскій далеко не раздѣлялъ мыслей, выраженныхъ въ *Взглядѣ* Шевырева, о чемъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ письмѣ своемъ къ Погодину: „Одоевскій забавенъ очень своею дипломатическою таинственностью. Представь себѣ, что онъ мою *черную сторону* разумѣетъ *голубою* статьею, противъ нихъ написанною. Я вижу, что бѣдный Одоевскій въ рукахъ у Краевскаго, и что онъ также выучился разъигрывать оклеветанную невинность. Краевскій—какъ только противъ него что-нибудь скажутъ—кричитъ: смотрите, они за *голубыхъ* противъ меня. Это — роля. Одоевскій тоже. Бѣдные литераторы".

Между тѣмъ въ это время и самъ князь В. Ѳ. Одоевскій былъ въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ въ маѣ 1842 года. „Вотъ и я въ Москвѣ бѣлокаменной", писалъ онъ Погодину,— „здоровъ ли ты душа моя? Гдѣ ты живешь и когда ты дома? За симъ: 1) гдѣ живетъ Шевыревъ? 2) гдѣ живетъ Павловъ?

3) гдѣ живетъ Елагина? Я сижу съ матушкой, съ которой десять лѣтъ не видался, и потому не самъ къ тебѣ ѣду". Собираясь въ Лавру, онъ просилъ Погодина прислать ему рекомендательное письмо. „Пришли мнѣ", писалъ онъ,—„душа, письмо, которое ты мнѣ обѣщалъ написать въ Троицкій монастырь къ кому-то, чтобы намъ показали все возможное, яко любопытствующимъ странникамъ и ревнителямъ Отечественныхъ Древностей. Я ѣду въ субботу съ восходомъ солнца" [207]).

Пріѣздомъ князя Одоевскаго въ Москву былъ очень обрадованъ Хомяковъ. „Одоевскій здѣсь", писалъ онъ Веневитинову,—„у насъ. Все прежній, даже въ лицѣ мало перемѣны, я какъ будто вчера съ нимъ видѣлся, такъ съ перваго раза онъ мнѣ представился Одоевскимъ 1832 года. Въ умственномъ отношеніи точно тоже. По прежнему хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилого сыра, то-есть, современности индустріальной и матеріальной и древнихъ пыльныхъ знаній Алхиміи и Кабалы. Впрочемъ, ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы. Исторія кончается Семирамидою, а все что хоть годомъ позже: ce sont les commérages d'aujourd'hui. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребываніе здѣсь такъ коротко. Не успѣю досказать и сотой части о Словенахъ до временъ Семирамиды. Княгиня также не измѣнилась. Я ей отъ души обрадовался. Съ нею для меня оживились всѣ воспоминанія общества Петербургскаго веселья вечернихъ бесѣдъ. Она все также привѣтлива, даже и мила. Странное дѣло: видъ и разговоръ мужчины далеко не возобновляетъ въ памяти образы быта салоннаго такъ, какъ женщина". Въ томъ же письмѣ Хомяковъ, обращаясь къ Веневитинову, писалъ: „Знаю я, что ты живешь весело, кормишь пріятелей и собираешь ихъ на дружескій разговоръ. Это меня порадовало. Не должно терять привычекъ du foyer domestique и домосѣдства. Остается только украсить домъ милою хозяйкою".

Князю В. Ѳ. Одоевскому удалось быть свидѣтелемъ знаменитыхъ Московскихъ словесныхъ состязаній, которыя въ то время

были въ полномъ ходу. „Одоевскій былъ у меня вчера вечеромъ“, пишетъ Хомяковъ,—„и слышалъ одинъ изъ нашихъ споровъ. Онъ отдаетъ полную справедливость усовершенствованію органовъ слова въ Москвѣ. Всѣ говорили, и всякій могъ бы покрыть цѣлый оркестръ. Мало побылъ онъ здѣсь, нельзя было ни его иніировать во всю нашу жизнь, ни дать нашей молодости полюбить Одоевскаго“ [208]).

XLII.

Между тѣмъ вскорѣ вся читающая Россія познакомилась съ *Педантомъ* Бѣлинскаго. Изъ Харькова Бецкій писалъ Погодину: „Скажите, пожалуйста, отчего если по улицѣ шедши вы толкнете кого-нибудь, и дадите кому въ рожу, васъ въ часть посадятъ; а если вы напишите пасквиль, и разошлете по всей Россіи, давши тѣмъ право поскалить зубы каждой гарнизонной крысѣ,—такъ вамъ *ничего* не сдѣлаютъ? Да помилуйте! Что у васъ за литература? Да это рынокъ, гдѣ только что по м..... не ругаются!!

Основаніе всѣхъ мнѣній *Отечественныхъ Записокъ* (критическихъ) есть чистый ядъ. Я берусь доказать это какъ $2+2=4$. Безбожники, алтынники. Я прежде имъ вѣрилъ, а теперь вижу, что и они надуваютъ... Подлецы! Канальи!“ Изъ Одессы же Надеждинъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ писалъ Погодину: „Ну, какъ поздоровилось вамъ съ Шевыревымъ послѣ *Отечественныхъ Записокъ*. А? что я тебѣ говорилъ? Ну! да ничего, ничего... Молчаніе“.

Хотя Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину и утверждалъ, что „въ Питерѣ *Москвитянина* никто не читаетъ“, что Шевыревъ извѣстенъ тамъ „какъ миѳъ“, но это болѣе чѣмъ несправедливо... „Вообще“, писалъ А. Ѳ. Бычковъ Погодину,— „вашъ журналъ удостоивается здѣсь большихъ похвалъ за свою благонамѣренность, добросовѣстность и некривизну сужденій. Только люди пустые, дико-образованные... питаютъ къ нему

желчную непріязнь и, не будучи въ состояніи вредить на дѣлѣ, стараются уронить его гаэрскими статьями, въ которыхъ низводятъ нашу литературу до самыхъ низкихъ подлостей". Да и самъ сотрудникъ *Отечественныхъ Записокъ*, П. И. Мельниковъ, откровенно писалъ Погодину: „Если вы продолжите ко мнѣ свое расположеніе, то я вамъ буду очень, очень благодаренъ. Я давно въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми Петербуржскими литераторами и журналистами, но право съ перваго раза привязался къ вамъ гораздо болѣе, нежели къ нимъ въ четыре года. Причину понимаю: вы русскій, я, милостію Божіей, тоже русскій, а они Русское тѣло съ Англійской головой, воздвигающей златые кумиры своему брюху на печатныхъ страницахъ. Правда ли?" „У меня было", писалъ Даль,— „нѣсколько гласныхъ споровъ и объясненій, съ требованіемъ доказательствъ, на вечерахъ у Одоевскаго и Сологуба, гдѣ народу пропасть. Большинство соглашалось со мною,—что: 1-е, литературно-критическая часть *Москвитянина* приняла уже извѣстный цвѣтъ, значокъ, знамя, за которое сражается, духъ журнала въ этомъ отношеніи обозначился рѣзко, и знаешь, чего искать: есть цѣль, направленіе, намѣреніе, чего въ другихъ нѣтъ; 2-е—критика благороднѣе и умнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ журналахъ; и другое направленіе журнала также ясно и опредѣлительно: Русская Исторія, народность, любовь къ Отечеству; и тутъ знаешь, чего искать. А въ журналѣ это необходимо" [209]).

Въ то самое время, когда въ *Отечественныхъ Запискахъ* былъ напечатанъ *Педантъ* Бѣлинскаго, въ *Москвитянинѣ* появилось произведеніе Гоголя подъ заглавіемъ *Римъ*. Самъ авторъ, какъ мы уже знаемъ, жилъ въ это время въ Москвѣ у Погодина и познакомился съ пріѣзжавшимъ сюда Бѣлинскимъ, которому онъ даже сдѣлалъ порученіе свести въ Петербургъ рукопись *Мертвыхъ душъ* на цензуру Никитенко. Это сближеніе или знакомство Гоголя съ западниками произвело неудовольствіе Московскихъ друзей его. Одинъ изъ нихъ, С. Т. Аксаковъ, писалъ: „У насъ возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на ко-

роткое время въ Москву, секретно отъ насъ, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи *Отечественныхъ Записокъ* и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленію" [210]). И дѣйствительно, 20 апрѣля 1842 года, Бѣлинскій, возвратившись въ Петербургъ, писалъ Гоголю: „Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ вами порученія. Главною причиною этого было желаніе—написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись бы прошла безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Еслибы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ Китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, что въ Петербургѣ этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хоть онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно. Очень жалѣю, что *Москвитянинъ* взялъ у васъ все, и что для *Отечественныхъ Записокъ* нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли, или вашего исключительнаго расположенія въ пользу *Москвитянина* и къ невыгодѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что есть порядочнаго въ Русской Литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова—и оставляетъ въ добромъ здоровьи Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ ему негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ, она украшаетъ *Москвитянина* вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ *Отечественныхъ Записокъ*. Я не такъ самолюбивъ, чтобы *Отечественныя Записки* считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ Русской Литературѣ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной скромности бояться сказать, что *Отечественныя Записки* теперь единственный журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣ-

жище честное, благородное и—смѣю думать—умное мнѣніе, и что *Отечественныя Записки* ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села *Порѣчья*. Но потому-то видно имъ тоже счастье: не измѣнить же для *Отечественныхъ Записокъ* судьбѣ своей роли въ отношеніи къ Русской Литературѣ. Съ нетерпѣніемъ жду выхода *Мертвыхъ Душъ*... Думаю написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ *Арабескахъ*, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними; во время оно я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ *Арабескахъ* статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгалъ *хулу* на *духа*" *). Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій вспоминаетъ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина. „Больше всего меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ" **). Само собою разумѣется, что Гоголь былъ доволенъ этимъ письмомъ, но вступить въ открытыя сношенія съ Бѣлинскимъ онъ не рѣшался и ограничился только слѣдующими строками къ Прокоповичу: „Я получилъ письмо Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему, потому что ни минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой чрезъ Петербургъ" [211]). Да и тотъ же Бѣлинскій, когда до него дошелъ слухъ, что Гоголь обвинялъ его за неуваженіе къ Державину, писалъ о немъ Боткину слѣдующее: „*Неуваженіе къ Державину* возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю: ты правъ,—въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ сдѣлается органомъ *Москвитянина*. Страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что онъ написалъ—одна натура—какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное"... [212]).

*) *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Книга четвертая. С.-Пб. 1891, стр. 273.
**) Ibid., стр. 374.

Искреннихъ отношеній между Бѣлинскимъ и Гоголемъ не могло образоваться уже и потому, что Гоголь былъ искренно друженъ съ Шевыревымъ и чувствовалъ себя въ своей атмосферѣ, когда вращался въ обществѣ князя П. А. Вяземскаго, Жуковскаго, Языкова, А. О. Смирновой, Вьельгорскихъ.

Зная, какое сердечное участіе принимаетъ Шевыревъ въ журнальныхъ дѣлахъ, Гоголь, утѣшая его, писалъ ему: „Въ душевномъ твоемъ состояніи слышна какая-то грусть—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: является она тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ къ этому кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ будто обнимающимъ всю область литературы; но какъ только выберешься хоть на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновенье въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало ли чего не вообразится? Покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту; все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься—ужъ на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится, а наконецъ, можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей?.. Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары... Итакъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе".

Вслѣдъ за Шевыревымъ выступилъ въ томъ же 1842 году, противъ взглядовъ Бѣлинскаго на Исторію Русской Литера-

туры и М. А. Дмитріевъ. Въ *Москвитянинѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Безыменному Критику*, прямо мѣтившее на Бѣлинскаго и вообще на то ученіе, котораго онъ былъ горячимъ проповѣдникомъ.

Въ этомъ стихотвореніи мы, между прочимъ, читаемъ:

Нѣтъ! Твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!

...Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца, до Петра....

...О! Когда народной славѣ
И избранниковъ его
Насмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?

...Жалко племя молодое,
Гдѣ добра и славы тать
Все святое, все родное
Научаетъ попирать!..

Нѣтъ! У насъ въ Москвѣ смиренной
На гробахъ священный страхъ!
Имя дѣдовъ намъ священно
И не пылъ ихъ славный прахъ!

Нѣтъ! У насъ въ Москвѣ, на Царской
На народной площади,
Живы Мининъ и Пожарскій
Въ вѣчной вылиты мѣди!

Нѣтъ! Народъ нашъ не ребенокъ
Былъ еще и до Петра...

...И не съ нынѣ начинаемъ
Мы вести поэтовъ родъ!..

Нѣтъ! Россіи честь и слава
И до Пушкина была,
И цвѣтетъ ея Держава
Не съ вчерашняго числа!

Бѣлинскій не остался въ долгу и предъ Дмитріевымъ. Въ своихъ литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ онъ напечаталъ свой отвѣтъ Дмитріеву въ такой формѣ:

Небольшой разговоръ между литераторомъ о дѣлѣ, не совсѣмъ литературномъ.

N. Скажите пожалуйста, это по вашей части: что такое означаетъ вотъ это стихотвореніе къ *Безыменному Критику?*

M. Это совсѣмъ не по моей части.

N. Какъ не по вашей? Вы сами литераторъ.

M. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ какъ теперь въ Русскую Литературу вошло много *не литературныхъ элементовъ*, то иногда принужденъ бываю читать и такое...

N. Прочтите.

M. Я читалъ уже...

N. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! Твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!..

Кто это, кто?

M. Кто *ужалилъ* Карамзина? Не знаю.

N. Разумѣется не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

M. О, очень многіе! Вопервыхъ, *Словенофилы*, доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ Русскій языкъ...; потомъ Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго;* потомъ г. Арцыбашевъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* г. Погодина; потомъ г. Полевой...

N. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не поэтомъ?

M. Многіе и очень многіе; но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ...

N. Ну, а что дальше-то, о комъ идетъ рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

M. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ.

N. Но кто же оскорблялъ Жуковскаго и Державина?

M. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ трудно сказать...

N. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца, до Петра,
Не признавъ бытописаній
Славы, силы и добра!

Это на кого?

M. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые и въ стихахъ, и въ прозѣ говорили, что Петръ былъ полу-богомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ явившись сказалъ: *да будетъ свѣтъ*!—*и бысть!*..

N. Но какая же причина этого поэтическаго вымысла (автора стихотворенія)?

M. Самая простая: авторъ боленъ страстью къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ; стало быть, онъ похвалъ себѣ не слыхалъ, а горькой правды отъ именныхъ и безыменныхъ критиковъ наслышался вдоволь. Поэтому, естественно, что ему не нравится все, что мыслитъ и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не только что о дрянныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ: *слово и дѣло!* давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О! Когда народной славѣ
И избранниковъ *его* (?)
Посмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?

N. А и въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣнятся и вкось, и вкривь...

M. Кто?—Каждый, кто родится съ призваніемъ на великое“ [213]).

XLIII.

У насъ принято утверждать, „что Бѣлинскій въ то время уже не пользовался благосклонностью цензуры, а его противники были обставлены оффиціальными связями, при которыхъ нападенія ихъ могли быть не безопасны—не въ литературномъ смыслѣ“; но долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что хотя противники Бѣлинскаго, то-есть, Погодинъ и Шевыревъ, и пользовались нѣкіимъ расположеніемъ Уварова, но за то противъ нихъ былъ главный начальникъ Московской цензуры графъ С. Г. Строгановъ, явно покровительствовавшій западникамъ, и шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ *), и всѣ либералы того времени. „Въ числѣ непріятностей“, вспоминалъ Погодинъ,—„цензурныя принадлежали къ самымъ досаднымъ и тяжелымъ. Цензоры поступали съ несчастнымъ *Москвитяниномъ* какъ угодно: никакого суда надъ ними найти было невозможно. Долгое время былъ цензоромъ Флеровъ, дядька дѣтей Строганова...“ [214]). Бецкій, посѣтивъ Петербургъ, писалъ Погодину: „Мнѣ понравилось въ Вяземскомъ любовь и уваженіе къ Москвѣ и къ вамъ... Одоевскій что-то черезъ чуръ *женственное*. Его, кажется, Краевскій и К° надуваютъ, проложивши себѣ черезъ него путь въ аристократію, которая имъ нужна для связей“ [215]). Въ это время, то-есть, въ 1842 году, поселился въ Москвѣ одинъ изъ столповъ западничества, А. И. Герценъ, другъ Бѣлинскаго, Грановскаго и всей ихъ братіи. Вотъ что мы читаемъ въ Дневникѣ Герцена: „Былъ у графа С. Г. Строганова и провелъ у него часа два. Можетъ я ошибаюсь, можетъ онъ имѣетъ особый даръ fasciner людей—но я уважаю и люблю его. Доселѣ изъ всѣхъ аристократовъ, извѣстныхъ мнѣ, я въ немъ одномъ встрѣтилъ много человѣческаго. Говорилъ съ нимъ опять о современномъ состояніи науки въ Германіи. „Да“, замѣтилъ Графъ, „борьба великая и рѣшительная; и страшное положеніе людей критики, они должны были принести на жертву всѣ святѣйшія убѣжденія,

*) См. выше, стр. 44—49.

всѣ вѣрованія, все, облегчающее нашу жизнь, и для чего?“ —Для истины, для истины, сказалъ я. „Истина ихъ не для насъ, мы не на той степени развитія, зачѣмъ намъ забѣгать?“ Въ этомъ нельзя не согласиться; но что дѣлать тѣмъ, которые развились до современности? „Несчастіе для нихъ, но, конечно, нельзя идти назадъ. Впрочемъ, можно заниматься инымъ, полезнѣйшимъ, современнѣйшимъ“. Строгановъ отзывается о Бѣлинскомъ съ признаніемъ его достоинства, вотъ насколько онъ выше Словенофиловъ. Онъ понимаетъ значеніе *Отечественныхъ Записокъ*, понимаетъ единство ихъ духа. *Бранилъ Францію и Москвитянинъ* и кончилъ тѣмъ, что самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ приходить къ нему по вечерамъ поспорить и потолковать“ [216]). И въ Петербургѣ знали взглядъ Строганова на журналъ Погодина. А. Ѳ. Бычковъ писалъ ему: „Князь Вяземскій чрезвычайно удивляется неблаговоленію графа Строганова къ *Москвитянину;* вотъ его слова объ этомъ: „Мнѣ кажется, что графъ Строгановъ долженъ былъ бы покровительствовать людямъ благонамѣреннымъ и ученымъ, которые рѣшились издавать журналъ въ Москвѣ, а не придираться къ нимъ; наша журнальная литература тогда только можетъ возвыситься и выдти изъ этого торговаго, въ которомъ она теперь находится, положенія, когда журналы будутъ издаваться людьми, получившими полное, классическое образованіе, а не тѣми, которые, не доучась, думаютъ, что они хватаютъ съ неба звѣзды!“ Онъ сдѣлалъ еще одно замѣчаніе о толщинѣ *Москвитянина*, которою онъ какъ будто бы хочетъ сравняться съ Петербургскими журналами„ [217]).

Нерасположеніе къ *Москвитянину* обнаруживалъ и Шефъ Жандармовъ. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать непріятности этому журналу. Какъ извѣстно, 2 апрѣля 1842 года былъ обнародованъ Высочайшій указъ о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами. Указъ этотъ произвелъ „повсемѣстное впечатлѣніе“. Хомяковъ, будучи самъ крупнымъ помѣщикомъ, живо заинтересовался этимъ важнымъ указомъ и по поводу его напечаталъ въ *Москвитянинѣ* статью *о Сельскихъ*

условіяхъ. Статья эта вызвала полемику [218]). Прочитавъ статью Хомякова, графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ Уварову (отъ 9 іюля 1842 года): „Въ журналѣ *Москвитянинъ* (№ 6) напечатана статья г. Хомякова о *Сельскихъ условіяхъ*. Для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, удостоить меня увѣдомленіемъ, была ли означенная статья представлена вамъ прежде появленія оной въ журналѣ. Я нахожу, что подобныя статьи, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительнаго, просвѣщеннаго разсмотрѣнія и особаго разрѣшенія вашего высокопревосходительства, собственно тѣмъ болѣе, что онѣ касаются до распоряженій Правительства“. На это письмо Уваровъ счелъ долгомъ сообщить Бенкендорфу, что хотя статья Хомякова и не была представлена цензурою на его усмотрѣніе, тѣмъ не менѣе онъ „не нашелъ достаточнаго повода принять въ отношеніи *Москвитянина* какія-либо особыя мѣры“, потому что статья Хомякова написана „съ благонамѣренною цѣлію“. Впрочемъ Уваровъ изъявилъ готовность „сдѣлать общее распоряженіе по цензурѣ не пропускать къ печати, безъ предварительнаго представленія на разрѣшеніе высшаго начальства, ничего, касающагося до обнародованнаго во 2-й день апрѣля сего года указа“. Самъ же Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: „Какъ ожиданіе указа здѣсь переполошило всѣхъ! Это была помора. У кого дрожь, у кого разстройство желудка и пр. Появился—и водворилось спокойствіе. Повѣришь ли, что объ немъ уже перестаютъ говорить! Ce sera un coup d'épée dans l'eau, если не подымутъ этого искусственными средствами, то-есть, печатнымъ разборомъ возможныхъ сдѣлокъ. Да кто на это пойдетъ и кому у насъ до чего дѣло? Отсрочка пяти-лѣтняя размежеванія сдѣлала величайшій вредъ. Повѣришь ли, что были уже сдѣлки совсѣмъ конченныя (размежеванья совсѣмъ готовы, отъ которыхъ отступились). Это со мною учинили сосѣди по двумъ деревнямъ. Досада. А виновата казна, которая нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дрянью

18*

подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ. Что за подлая ухватка была бы въ помѣщикѣ, еслибы онъ въ дачѣ все приговаривалъ: „это мое, да и это мое, да и это еще мое“. А вотъ что изволитъ дѣлать казна подъ Киселевскимъ начальствомъ. Покуда не будетъ размежеванья, не будетъ почти возможности разумныхъ отношеній между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ. Понимаютъ ли эту простую истину? А все-таки хорошо, если хоть кто-нибудь попробуетъ воспользоваться новымъ указомъ. Всякая попытка (первыя будутъ едва ли удачными) послужитъ урокомъ для помѣщиковъ и для Правительства. Указъ очень хорошъ тѣмъ, что не принудителенъ и не опредѣленъ“ [219]).

Въ *Москвитянинѣ* 1842 года были напечатаны письма Пушкина къ Погодину, какъ драгоцѣнный матеріалъ для Исторіи Русской Словесности [220]). И это не прошло даромъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ Уварову (отъ 9 ноября 1842 г.): „Вашему высокопревосходительству болѣе, нежели кому-нибудь, извѣстно, до какой степени противно волѣ Государя Императора помѣщеніе въ журналахъ статей неприличныхъ, и потому осмѣливаюсь представить на ваше просвѣщенное сужденіе выписку изъ писемъ Пушкина къ Погодину, напечатанныхъ въ 10-мъ нумерѣ журнала *Москвитянинъ*... Какъ въ письмахъ Пушкина встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полевого, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели *Москвитянина*, печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ—истинно похвальна, но не менѣе того г. цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой Правительствомъ“. За напечатаніе этихъ писемъ едва не послѣдовало запрещеніе *Москвитянина*. „Мнѣ сказывали“, писалъ Загряжскій Погодину изъ Петербурга,—„что твой журналъ чуть было не запретили, и за что же! за письма Пушкина... Да послѣ этого ничего уже и писать нельзя. Я не вѣрю этому“. „Я

ничего не зналъ", писалъ Даль,—„о гоненіи на *Москвитянина*... Здѣсь я ничего не слышалъ о грозѣ на васъ; повидимому, это въ литературномъ кругѣ вовсе неизвѣстно, по крайней мѣрѣ въ томъ, гдѣ бываютъ порядочные люди" [221]).

Въ то самое время, когда надъ *Москвитяниномъ* висѣла эта гроза, Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* заявилъ: „Письма Пушкина писаны совсѣмъ не для печати" [222]).

Итакъ, мы видимъ, что *Москвитянинъ* и его издатели далеко не были *обставлены оффиціальными связями, при которыхъ нападенія ихъ могли быть не безопасны—не въ литературномъ смыслѣ;* скорѣе напротивъ, такъ что Погодинъ даже думалъ покинуть поприще журналиста. „Ради Бога не отставайте отъ *Москвитянина*", писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій,—„онъ съ каждымъ годомъ будетъ тверже на ногахъ и кругъ дѣйствія его обширнѣе. Здѣсь вообще отзываются о немъ съ уваженіемъ". По порученію Уварова, И. Т. Спасскій извѣщалъ Погодина: „Сергій Семеновичъ желаетъ, чтобы вы были покойны на счетъ *Москвитянина*. Злые духи сказокъ, которые васъ пугаютъ, суть скорѣе зловѣщія и крикливыя Московскія вороны, которыхъ нечего бояться. Итакъ—macte animo". Въ этихъ словахъ ясенъ намекъ на Московскіе толки о томъ, что журналу Погодина грозитъ запрещеніе.

XLIV.

Между тѣмъ, какъ на *Москвитянинъ* сыпались всевозможныя проклятія со стороны *Отечественныхъ Записокъ*, а Погодинъ и Шевыревъ подвергались всевозможнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, въ это время, то-есть, въ 1842 году, два столпа Западнаго лагеря, а именно Е. Ѳ. Коршъ и Т. Н. Грановскій, вступаютъ съ Погодинымъ въ переговоры и дружелюбно предлагаютъ ему вступить въ число сотрудниковъ *Москвитянина*. „Милый, безцѣнный капитанъ", писалъ, 3 іюня 1842 года, изъ Петербурга, Е. Ѳ. Коршъ Грановскому,—„какую

подняли вы тревогу въ бѣдной душѣ моей! Жить въ Москвѣ, работать вмѣстѣ съ вами и работать свободно, самостоятельно: я больше ничего не желаю въ этой жизни. Зачѣмъ это лестное и выгодное предложеніе не упредило отъѣзда моего въ Петербургъ? Теперь, не имѣя тамъ ни пристанища, ни мѣста, которое обезпечивало бы мнѣ на всякій случай хлѣбъ насущный, я не могу согласиться безъ нѣкоторыхъ особенныхъ условій. Предположите, что изданіе *Москвитянина* какъ-нибудь разстроится: при чемъ останусь я съ семействомъ? Поэтому умоляю васъ распросить Михаила Петровича: 1-е, сколько времени дастъ онъ мнѣ на пріисканіе въ Москвѣ мѣстишка, думаю, по Министерству Удѣловъ или Государственныхъ Имуществъ, потому что имѣю тамъ случай? 2-е, въ случаѣ неудачи по этимъ Министерствамъ или такой отсрочки, которая несообразна съ видами Михаила Петровича, не можетъ ли онъ, съ помощью князя Дмитрія Владиміровича или Министра Просвѣщенія и графа Строганова, пристроить меня въ Москвѣ такимъ образомъ, чтобы я имѣлъ тысячи двѣ жалованья, а главное не терялъ бы по службѣ въ случаѣ какой-нибудь неожиданной перемѣны обстоятельствъ? Объясните ему пожалуйста, что я чувствую всю безмѣрность требованій, но не могу, по совѣсти, рисковать участью семейства или журнала, которому желалъ бы предаться весь, тѣломъ и душой. На прожитокъ мнѣ довольно пяти, шести тысячъ, но къ этому необходимо еще тысячу другую на постепенную уплату долговъ: иначе я буду самъ не свой, и опять вынужденъ буду тратить жизнь на жалкія, мелочныя заботы. Если Михаилъ Петровичъ приметъ мои условія съ человѣколюбивымъ участіемъ, я отвѣчаю головой, что не подамъ ему повода раскаяваться. Смѣсь и отдѣленіе Наукъ будутъ интереснѣе, нежели во всѣхъ нынѣшнихъ журналахъ: вы вѣдь обѣщались помогать мнѣ. Изъ иностранныхъ повѣстей будемъ избирать лучшее и вообще поставимъ журналъ на такую ногу, чтобы привлечь не только читателей, но и хорошихъ сотрудниковъ. Тѣ литераторы, которые теперь по неволѣ молчатъ или помѣщаютъ труды свои въ нелюбые имъ

журналы, конечно, изберутъ своимъ органомъ *Москвитянина*, который, при всей многосторонности, не будетъ ни педантъ, ни надувало, ни гегеліанецъ, ни скифъ, а человѣкъ образованный, благородный и благонамѣренный. Аминь".

Наконецъ Е. Ѳ. Коршъ обращается письменно къ самому Погодину. „Грановскій", писалъ онъ, — „сообщилъ мнѣ вчера, что вы снова подтвердили ему лестное для меня желаніе поручить мнѣ редакцію вашего журнала. Будь намъ возможность переговорить четверть часа, дѣло могло бы кончиться безъ дальнихъ околичностей, но на разстояніи семи сотъ верстъ необходимо объясниться какъ можно подробнѣе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Позвольте же спросить васъ, вопервыхъ, что̀ разумѣете вы собственно подъ *редакціей?* Просмотръ, въ случаѣ нужды, рукописей, чтеніе послѣдней корректуры и вообще надзоръ за печатаньемъ, не больше? Вовторыхъ, сколько листовъ каждой книжки, среднимъ числомъ, думаете вы наполнять иностранными повѣстями и смѣсью моей работы? Необходимо опредѣлить это приблизительно, ибо я болѣе всего боюсь взять на себя бремя не по силамъ, чтобы тѣмъ самымъ не лишиться возможности быть истинно полезнымъ для *Москвитянина*. Признаюсь, страшный примѣръ Сенковскаго отнялъ у меня много самонадѣянности: этотъ человѣкъ брался за *все* и, точно, работалъ какъ каторжный съ утра до поздней ночи, а въ *конецъ-концовъ* одурѣлъ до такой степени, что неспособенъ теперь ни къ чему; уши вянутъ слушать его больныя и жалкія сужденія обо всемъ на свѣтѣ. Не вѣдаю намѣреній вашихъ, но на всякій случай замѣчу: еслибы вы вздумали значительно усилить *иностранную* часть *Москвитянина*, и еслибы, въ такомъ случаѣ, недостаточно было одного моего пера, тогда, съ разрѣшенія вашего, я могъ бы подготовлять переводныя статьи какому-нибудь дешевому сотруднику и потомъ прочитывать ихъ и поправлять. А для распространенія круга вашихъ подписчиковъ, конечно, было бы хорошо, еслибы *Москвитянинъ*, который такъ превосходитъ всѣ другіе журналы богатствомъ Русскихъ матеріаловъ, взялъ на себя трудъ

говорить иногда и о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ ученой литературы Запада, особенно по исторической части, для которой ни у одного изъ Петербургскихъ журналовъ нѣтъ путнаго человѣка. Отчеты объ иностранныхъ литературахъ пишутся безъ выбора, безъ толку, безъ цѣли, со всѣми признаками грубаго невѣжества, такъ, чтобы только занять опредѣленное число страницъ. Все хвастовство, обманъ и мошенничество: смотрѣть гадко, истинно Божеское попущеніе! Будь я одинокій человѣкъ, бросилъ бы этотъ омутъ и бѣжалъ не оглядываясь, а теперь, при всемъ желаніи быть въ родной Москвѣ, трудиться въ честномъ обществѣ и для доброй цѣли, долженъ еще объясняться и говорить даже о денежныхъ условіяхъ. Грановскій писалъ мнѣ, что при настоящемъ числѣ подписчиковъ, я могу разсчитывать на шесть тысячъ въ годъ. Если дѣло состоится и вы, въ случаѣ своего отъѣзда, обезпечите мнѣ этотъ honorarium письменнымъ условіемъ, я буду просить васъ распорядиться такъ, чтобъ мнѣ выдавали деньги помѣсячно, потому что иначе нечѣмъ будетъ жить съ чады и домочадцы. Если вы рѣшитесь переселить меня въ Москву, то премного обяжете, доставивъ мнѣ письмо къ Далю. Я имѣю случай къ Министру Двора, но все-таки желалъ бы посовѣтоваться съ почтеннымъ казакомъ Луганскимъ, чтобъ не залетѣть слишкомъ высоко и тѣмъ не испортить себѣ дѣла у управляющаго Удѣльнымъ Департаментомъ, Перовскаго". Въ томъ же письмѣ Е. Ѳ. Коршъ проситъ засвидѣтельствовать и С. П. Шевыреву, своему „заступнику и благодѣтелю", его „искреннее почтеніе".

Послѣ личныхъ переговоровъ съ Е. Ѳ. Коршемъ и Грановскимъ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Грановскій и Коршъ пріѣзжали ко мнѣ въ воскресенье толковать о *Москвитянинѣ*. Я спросилъ ихъ: возьмутъ ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли отъ діавола и *Отечественныхъ Записокъ*, будутъ ли почитать Христіанскую религію, уважать бракъ. Подумайте объ этомъ господа, а я подумаю съ своей стороны объ условіяхъ и посовѣтуюсь съ С. П. Шевыревымъ. Вотъ съ чѣмъ я

отпустилъ ихъ. Графъ Строгановъ будто подавалъ имъ эту мысль, сказывалъ мнѣ Рѣдкинъ".

Само собою разумѣется, что эти переговоры кончились ничѣмъ, да и трудно было ожидать противнаго, ибо направленіе *Москвитянина* нисколько не согласовалось ни съ убѣжденіями Е. Ѳ. Корша, ни съ убѣжденіями Грановскаго, и направленіе это съ каждымъ нумеромъ обозначалось все болѣе и болѣе ярче и опредѣленнѣе. „Радуюсь", писалъ Сахаровъ Погодину,— „что вашъ журналъ, наконецъ, получилъ самобытность, выказалъ вполнѣ свой характеръ и направленіе. Еще въ прошломъ году далеко не видно было его настоящаго направленія. Радуюсь за васъ, за вашъ журналъ, радуюсь за Москву, что въ ея бѣлокаменныхъ стѣнахъ суждено созданіе Русскаго журнала, радуюсь за Московскую образованность, что назначено ей быть указателемъ для всего журнальнаго міра. Великъ подвигъ вами начатой и отъ васъ зависитъ теперь упрочить его, установить журналъ для Русской Литературы. *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!*" То же заявлялъ и Даль. „Укрѣпи, Господи, силы ваши", писалъ онъ Погодину,— „*Москвитянинъ* идетъ хорошо; лучшее торжество ваше то, что большая часть полу-пріятелей, которые не упускали случая вознегодовать на то или на другое, замолкли, и говорятъ: „ну да, конечно, всѣ нумера хороши, или хоть изрядны". Съ тѣхъ поръ, какъ я бываю у князя Одоевскаго и графа Сологуба, не случалось, чтобы тамъ на вечерахъ читали что-нибудь печатное, а Гоголя и Шевырева въ послѣднихъ книжкахъ вашихъ читали тамъ вслухъ, и много судили, рядили и все больше говорили доброе, общимъ гласомъ. Воспользовавшись этимъ, я старался обратить крещеныхъ людей въ Православіе, уговаривалъ помогать *Москвитянину*. Корфъ отвѣчалъ: „Пусть Михаилъ Петровичъ самъ ко мнѣ напишетъ". Другіе хотятъ *своего*, то-есть, Питерскаго, и говорятъ, что съ 43 года подымутъ *Современникъ,* расширивъ его и украсивъ, а потому, кажется, не охотно бы пристали къ Москвичамъ. Краснорѣчіе мое не могло взять верха" [223]).

И дѣйствительно, почтенные Погодинъ и Шевыревъ шли неуклонно своимъ тернистымъ путемъ и снискали себѣ право, вступая въ третій годъ существованія, во всеуслышаніе заявить на страницахъ своего журнала: „*Москвитянинъ* начнетъ скоро третій годъ своего существованія. Въ теченіе двухъ лѣтъ изданія публика могла видѣть духъ и направленіе этого журнала. Постигая положеніе свое, какъ изданія центральнаго въ Россіи и единственнаго литературно-ученаго журнала въ древней ея столицѣ, *Москвитянинъ* имѣлъ постоянно въ виду: съ одной стороны—выражать движеніе внутренней жизни нашего Отечества и раскрывать болѣе и болѣе настоящую для насъ необходимость усиливать это движеніе; съ другой же стороны—указывать въ современной Европѣ на все то, чему только можетъ и должна сочувствовать наша Россія согласно высокому своему призванію въ будущемъ.

Два направленія видны во всемъ движеніи Русскаго образованія. Они должны отразиться противоположными образами мыслей и въ Литературѣ. Одни признаютъ Западно-Европейское образованіе почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго должна черпать жизненныя силы наша Россія, другіе, напротивъ, полагаютъ, что Отечество наше только изъ самого себя и чрезъ самого себя, при содѣйствіи старшихъ учителей, должно и можетъ развивать свое образованіе.

Изъ этого круга людей, мыслящихъ о Русскомъ образованіи, должно совершенно исключить тѣхъ, которые, прикрываясь одною мишурою внѣшняго западнаго просвѣщенія, величаютъ себя гордо представителями Европеизма, а въ сущности не понимаютъ ни его, ни Россіи. Наведши на себя одинъ внѣшній лоскъ Европейскаго быта, перенимая и повторяя, какъ попугаи, всякую Европейскую новость, безъ ея смысла и внутренняго значенія, они не въ силахъ дать себѣ разумнаго отчета въ настоящемъ развитіи Западной Европы, не въ силахъ оцѣнить ни одного значительнаго тамъ явленія. Что же касается до всего Русскаго, то они питаютъ не только равнодушіе къ нему, но даже отвращеніе отъ всего того, что̀ ви-

дять въ прошедшемъ Россіи. Для нихъ сіе послѣднее не существуетъ—и они желали бы переначать бытіе Россіи съ каждымъ нынѣшнимъ днемъ, съ послѣдними вновь полученными мнѣніями, журналами и книгами изъ-за моря. Къ сожалѣнію должно сказать, что въ кругу дѣйствующихъ литераторовъ нашихъ многіе безсознательно принадлежатъ къ этой категоріи лицъ, не имѣющихъ никакого понятія о ходѣ образованія Русскаго. Отсюда проистекаетъ и безпрерывная измѣнчивость ихъ мнѣній—и, если вы сличите то, что̀ говорили они въ началѣ года съ тѣмъ, что̀ говорятъ въ концѣ, то изъ яркихъ противорѣчій сами легко усмотрите отсутствіе у нихъ всякаго постояннаго образа мыслей. Они представляютъ собою неизбѣжную крайность, проистекающую изъ одной только внѣшней, поверхностной оболочки образованія Русскаго.

Что же касается до тѣхъ двухъ сторонъ, которыя существенно, хотя и противоположно, мыслятъ о Русскомъ образованіи, то онѣ обѣ, проистекая изъ двухъ половинъ самой жизни народа, призваны къ тому, чтобы понимать, цѣнить и уважать другъ друга, и готовы всегда подать другъ другу руку и согласиться на взаимныя уступки во всякомъ благомъ и общеполезномъ дѣлѣ. Существенное различіе въ ихъ взглядѣ на Россію заключается въ слѣдующемъ. Поклонники Запада считаютъ Россію прекраснымъ, но порожнимъ сосудомъ, который назначенъ къ тому, чтобы получить полноту свою и содержаніе изъ западнаго хранилища, и котораго мнимая пустота тѣмъ и хороша, что легко допускаетъ такое воспріятіе, а самое содержаніе, еслибы и было, удобно и легко претворяется во все чуждое, иноземное. Защитники же Русскаго начала видятъ въ Россіи самобытное зерно, которое не иначе, какъ изъ самого себя, изъ своихъ собственныхъ началъ, подъ высшимъ вліяніемъ мысли, отъ Промысла ему предоставленной, должно развиваться и допускать при развитіи своемъ всевозможныя вліянія предшествовавшихъ въ образованіи народовъ, но съ тѣмъ, чтобы воспринять иноземное не иначе, какъ согласивъ его со внутреннею своею народною и Христіанско-человѣческою

потребностію, и извергнуть изъ себя все то, что̀ противорѣчитъ его внутреннему, коренному бытію.

Вотъ образъ мыслей, вотъ тотъ взглядъ на ходъ образованія отечественнаго, которому постоянно въ теченіи двухъ лѣтъ оставался вѣренъ *Москвитянинъ* и которому онъ, конечно, не измѣнитъ и въ будущемъ. Всѣ мысли, чувства, дѣйствія его сосредоточивались здѣсь, какъ въ единомъ фокусѣ.

Намъ, слишкомъ увлеченнымъ въ литературѣ и наукѣ одною крайностію внѣшняго поверхностнаго западнаго образованія и скорѣе готовымъ усвоить себѣ эту блестящую внѣшность, нежели вникнуть въ дѣло, настояла сильная необходимость указать на крайности современнаго Запада и на потребность нашу возвратиться къ самимъ себѣ и усилить внутреннее и свое развитіе. Съ того и началъ *Москвитянинъ*. Враги журнала, обиженные правдою рѣчей, взвели на него клевету и объявили его врагомъ западнаго образованія, о которомъ они сами существеннаго понятія не имѣютъ, прикрываясь только одною его мишурою. Къ сожалѣнію, нашлись и между благомыслящими людьми нѣкоторые, объявившіе подозрѣнія свои противъ *Москвитянина* въ томъ, что онъ будто бы питаетъ какую-то скрытную вражду къ образованію западному, тогда какъ онъ въ своихъ словахъ не имѣлъ другого въ виду кромѣ крайностей, вредныхъ всякому образованію, безъ исключенія и западнаго, а всѣми своими дѣйствіями доказывалъ, что онъ всякому успѣху человѣческому сочувствуетъ и изъ всякаго образованія готовъ извлекать все то, что̀ можетъ быть полезно нашему Отечеству.

Но за то, въ воздаяніе за кривые толки немногихъ и за возгласы враговъ своихъ, *Москвитянинъ* имѣлъ счастіе видѣть, что по мѣрѣ того, какъ онъ высказывалъ болѣе и болѣе свои задушевныя мнѣнія, сочувствіе къ нему возрастало повсюду въ сонмѣ людей благомыслящихъ, и въ высшихъ слояхъ избраннаго общества обѣихъ столицъ, и въ образованныхъ кругахъ всѣхъ Русскихъ сословій. Изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ нашей нескончаемой Россіи сладко ему было получать самые

лестные и добрые отголоски, выражавшіе радушное сочувствіе. Все это, повторяясь и возрастая въ теченіи двухъ лѣтъ, убѣдило его, что мысль, имъ выраженная, сказана была въ пору, что она не есть его исключительная собственность, а плодъ развитія всеобщаго, потребность времени, мнѣніе просвѣщеннаго большинства.

Сія-то пріятная увѣренность побуждаетъ и въ будущемъ твердо и неуклонно продолжать начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что средства къ поддержанію его значительно Редакторомъ умножены. Нѣтъ такого края Россіи, гдѣ бы Редакторъ не имѣлъ просвѣщенныхъ корреспондентовъ, которые готовы сообщать ему о всякомъ движеніи внутренней жизни Русской. Посредствомъ такихъ сообщеній *Москвитянинъ* надѣется со временемъ достигнуть своего истиннаго назначенія, опредѣляемаго самымъ мѣстнымъ положеніемъ той древней столицы, гдѣ онъ издается, а именно: представлять собою какъ выраженіе всякаго внутренняго развитія въ нашемъ Отечествѣ, такъ и разумное, отчетливое сознаніе всего того, что̀ оно въ себѣ еще неразвитаго содержитъ. Новыми заграничными путешествіями Редакторъ пріобрѣлъ и въ иностранныхъ земляхъ готовыхъ сотрудниковъ, которые съ мѣста будутъ сообщать живыя извѣстія о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ западной литературѣ и наукѣ. Такіе одушевленные корреспонденты всегда вѣрнѣе мертвыхъ книгъ и журналовъ могутъ сообщать происходящее на Западѣ. Въ слѣдующемъ году *Москвитянинъ* надѣется раскрыть передъ кругомъ просвѣщенныхъ читателей гораздо подробнѣе способъ своего воззрѣнія на образованіе западное и съ тѣмъ вмѣстѣ указывать съ бо̀льшею отчетливостью, но съ своей собственной точки зрѣнія, на всѣ любопытнѣйшія явленія заграничнаго міра“.

XLV.

Въ то время, когда Западный лагерь, органомъ котораго служили *Отечественныя Записки*, былъ силенъ своимъ единодушіемъ и трудолюбіемъ, Словенофильскій же лагерь, органомъ котораго предназначенъ былъ служить *Москвитянинъ*, далеко не представлялъ братскаго единенія и единомыслія и не отличался, разумѣется, кромѣ Шевырева и Погодина, дѣятельнымъ трудолюбіемъ, а потому Шевыревъ съ горестью писалъ: „Капиталы Русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, знанія, находятся въ рукахъ талантовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, расточая въ нихъ по мелочи игру живыхъ способностей, болѣе и болѣе отвыкая отъ труда, они почти не пускаютъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всенародный, въ праздной апатіи уступаютъ главныя роли литераторамъ промышленникамъ—и вотъ отчего современная литература наша разбогатѣла деньгами и обанкрутилась мыслію. При этомъ словѣ, самою полною радостію должно забиться твое сердце, литераторъ промышленникъ! Въ этомъ полагалъ ты крайнюю цѣль всѣхъ своихъ желаній; утѣшься и торжествуй—ты достигъ ея“ [224]).

Извѣстно, что люди, которыхъ Бѣлинскій обозвалъ Словенофилами, своими трудами весьма мало помогали Погодину и Шевыреву въ изданіи *Москвитянина*, единственнаго въ то время органа Православно-Русскаго ученія. Все свое время они посвящали на непрерывныя пренія о вопросахъ богословскихъ и философскихъ. Споры эти, какъ мы уже знаемъ и потомъ увидимъ, приводили ихъ къ столкновеніямъ и охлажденію другъ къ другу. „Вы всѣ стали очень странными“, писалъ Хомяковъ Погодину,—„откуда это ты взялъ, что я кого-нибудь приглашаю? Я всегда дома во вторникъ вечеромъ и радъ друзьямъ; но не приглашаю никого. Съ тобою, къ несчастію, нигдѣ не встрѣтишься, а мнѣ, признаться, и въ голову не приходило, чтобы ты ждалъ приглашенія. Развѣ у насъ что-нибудь перемѣнилось, и ты можешь думать, что я тебѣ буду

не радъ! Стыдно думать дурно о друзьяхъ. Знай, пожалуйста, что я до сихъ поръ не заслужилъ дурного мнѣнія отъ васъ, и не могу понять, какая черная кошка между вами бѣгаетъ. Ты слышалъ отъ меня, когда я чѣмъ недоволенъ, что я выговариваю все прямо и безъ обиняковъ, то къ чему же подозрѣнья?“ Между тѣмъ Герценъ уже и въ это время не отдѣлялъ, и совершенно справедливо, Словенофиловъ отъ *Москвитянина* и, по своему обычаю, придавать каждому обыкновенному факту своей частной жизни чуть не міровое значеніе, писалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Отвратительная тяжесть нашей эпохи тѣмъ ужаснѣе, что людямъ мыслящимъ приходится бороться не съ одними людьми силы и власти, а еще съ долею литераторовъ. Словенофильство приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ Западу есть открытая ненавить ко всему процессу развитія рода человѣческаго. Вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу—ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ Словенофилы само собою становятся со стороны Правительства. Нѣтъ на столько образованныхъ шпіоновъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души; чтобъ понимать въ ученой статьѣ направленіе и пр. Словенофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли. Но доносы *Москвитянина* повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково же убѣжденіе, дозволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ деспотическаго наказанія. Москва центръ всѣхъ этихъ скопищъ. Горько и подчасъ нельзя не сознаться, что Петербургъ какъ бы то ни было, а выше Москвы“.

Тѣмъ не менѣе Герценъ, проживая въ Москвѣ, не чуждался общества Словенофиловъ. Онъ посѣщалъ знаменитый домъ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ у Красныхъ Воротъ, и вотъ что записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Видѣлъ

второго Кирѣевскаго. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ*, проста и свободна. Она грустить о словенобѣсіи сыновей. Между тѣмъ оно ростетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью въ теченіи образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма мрачнаго, нетерпимаго"... Въ другой разъ посѣтивши Елагиныхъ, Герценъ записалъ: „Были оба Кирѣевскіе, Дмитріевъ и вздоръ. Иванъ Кирѣевскій, конечно, замѣчательный человѣкъ: онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ... Кирѣевскій нетерпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и, разумѣется, одностороненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако не такъ отвратительное, какъ піитическій оптимизмъ Аксакова. Дошла рѣчь до *Отечественныхъ Записокъ* и до Бѣлинскаго. Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ... Я бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу *Отечественныхъ Записокъ*. Сдѣлалось молчаніе. Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Елагина была съ моей стороны". Съ Хомяковымъ Герценъ ведетъ продолжительные споры и удивляется его дарованіямъ. „Удивительный даръ", пишетъ онъ,— „логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученью, и мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты!" [225])

По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, въ 1842 году, его братъ Юрій Ѳедоровичъ велъ полемику съ А. Н. Поповымъ по вопросу о развитіи церкви. Надо замѣтить, что въ это время Поповъ жилъ у Хомякова, который имѣлъ на него сильное вліяніе, и потому Поповъ „отражалъ его взгляды и воззрѣнія въ особенности богословскіе". Въ этой полемикѣ между двумя

молодыми мыслителями приняло участіе старшее поколѣніе Словенофиловъ, то-есть, Хомяковъ и Кирѣевскій. Сначала Самаринъ былъ одного мнѣнія съ Аксаковымъ. „Мы", писалъ Самаринъ,—„то-есть, пока только Константинъ Аксаковъ и я, исповѣдуемъ *церковь развивающуюся*". Хомяковъ и Кирѣевскій были несогласны съ Самаринымъ; но вскорѣ между и Константиномъ Аксаковымъ и Самаринымъ произошли разногласія по этому вопросу, но такъ какъ они впервые оказались разномысленны, то это произвело впечатлѣніе и дало поводъ къ толкамъ. По этому случаю Константинъ Аксаковъ писалъ Самарину: „У Кирѣевскаго я встрѣтилъ Хомякова, который сказалъ, что спорилъ съ тобою о церкви. Я сказалъ ему, что самъ сейчасъ съ тобою спорилъ, и что мы не такъ понимаемъ *развитіе*. Хомяковъ говоритъ, что съ моимъ взглядомъ онъ согласенъ. Кажется, ихъ интересуетъ то, что мы *несогласны*. Вы, кажется, крѣпко держались вмѣстѣ, сказалъ Кирѣевскій. Не думайте—отвѣчалъ я—чтобъ тутъ была цѣль вмѣстѣ держаться; мы откровенно скажемъ другъ другу и не скроемъ ни предъ кѣмъ, когда и въ чемъ несогласны... Хомяковъ и Кирѣевскій думаютъ, что я теперь согласенъ съ ними, но опредѣли я свою мысль, и, Господи, какъ отодвинемся мы другъ отъ друга. Кирѣевскій очень бы желалъ прочесть этотъ споръ. Всѣ хвалятъ чрезвычайно твой слогъ, говорятъ, что ты чудесно пишешь". На это письмо Самаринъ отвѣчалъ слѣдующее: „Странный человѣкъ Кирѣевскій! Ныньче я съ нимъ видѣлся, и онъ съ торжествующимъ видомъ спрашивалъ о нашемъ спорѣ. Мнѣ это показалось болѣе нежели нескромнымъ, и если что-нибудь помѣшало мнѣ отвѣчать ему рѣзко, такъ это было просто чувство гордости: не хотѣлось показать ему, что онъ задѣлъ за живую струну. И чему они (то-есть, Хомяковъ и Кирѣевскій) радуются? Развѣ мы закабалили себя одинъ другому? А если они понимаютъ, что стоять вмѣстѣ, что знать на кого опереться, бываетъ весело и даетъ бодрость, тогда непростительно съ ихъ стороны радоваться и шутить. Ужели они думаютъ, что тому не больно, кто, при каждомъ движе-

нія души, не надуваетъ губъ и не сводитъ бровей. Богъ съ ними! Между нами могло возникнуть несогласіе, но разорвать насъ они не могутъ, всякій споръ между нами есть споръ домашній, отъ котораго имъ прибыли не будетъ. Да, насъ тѣсно сближаютъ родные, самые близкіе къ сердцу интересы". „Тѣмъ не менѣе", замѣчаетъ Д. Ѳ. Самаринъ, — „это разногласіе имѣло большее значеніе, чѣмъ казалось въ то время самому Ю. Ѳ. Самарину; оно означало, что вліяніе на него Константина Аксакова ослабѣвало, хотя дружба ихъ продолжалась по прежнему, и начиналось сближеніе Самарина съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ" [226]).

Занятія Богословскія и Философскія шли у Самарина рядомъ съ изученіемъ Русскихъ Древностей. „Все это время", писалъ онъ къ своему отцу, — „я жилъ въ XVII вѣкѣ и могъ бы только развѣ разсказать вамъ о томъ, какъ вѣнчался на царство Михаилъ Ѳедоровичъ или какъ созывалъ Земскую Думу Алексѣй Михайловичъ. Славное было время! Куда противъ настоящаго лучше. Люди были поумнѣе нынѣшнихъ, а умничали меньше, поэтому и дѣло у нихъ шло лучше".

Между тѣмъ, въ это время, то-есть, въ 1842 году, пріятель Самарина, А. Н. Поповъ, защитивъ свою диссертацію *о Русской Правдѣ*, предпринялъ путешествіе въ Берлинъ для изученія Философіи; но въ этихъ новыхъ Аѳинахъ Поповъ пробылъ не долго и уѣхалъ въ Черногорію. Это очень не понравилось Самарину. Онъ, упрекая своего друга за то, что послѣдній оставилъ намѣреніе посвятить нѣсколько лѣтъ исключительно на изученіе Философіи, написалъ ему замѣчательное письмо, въ которомъ выразилъ взглядъ второго поколѣнія Словенофиловъ на Словенскій вопросъ, далеко несогласный со взглядомъ старшаго поколѣнія, то-есть, Хомякова. „Участіе къ Словенскому возрожденію", писалъ Самаринъ, — „съ нѣкотораго времени принимаетъ новый характеръ, который, мнѣ кажется, дѣлаетъ противодѣйствіе необходимымъ. Многіе стали понимать будущее торжество Словенизма какъ торжество жизни надъ наукою. Я готовъ согласиться, что прекрасенъ міръ Словенъ, что прекрасна эта

жизнь свободная, этотъ уцѣлѣвшій бытъ; но существенное его достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ именно въ томъ, что этотъ бытъ и эта жизнь могутъ и должны быть оправданы наукою. Только тогда они сдѣлаются нашею неотъемлемою собственностію. Поэтому дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю Философію, а подъ Философіею — Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее оттого, что эта наука выразила требованія такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа, только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ. Между тѣмъ *многіе* (то-есть, преимущественно Хомяковъ), кажется мнѣ, слишкомъ склонны любить жизнь какъ таковую, останавливаться на ней, ставить ее въ параллель съ наукою вообще и отдавать ей преимущество надъ послѣднею. Согласитесь сами, сколько бы свѣжихъ, невѣдомыхъ никому силъ ни заключалъ въ себѣ Словенскій міръ, не останется ли онъ гораздо ниже Германіи, положимъ даже издыхающей, пока наука будетъ исключительнымъ ея достояніемъ? Кромѣ того, искать Словенскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ Словенскихъ кажется мнѣ мыслью ошибочною. Цѣлью и окончательнымъ результатомъ всего Словенскаго развитія было вынести Россію и въ ней явить средоточіе и всю полноту Словенскаго духа безъ всякой односторонности. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю вполнѣ мысль Ѳ. Л. Морошкина. Только въ Россіи Словенскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ... Я не думаю, чтобы что-либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ Словенскихъ племенъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ обще-Словенскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ — сознать себя въ Россіи... Это мое убѣжденіе, получившее для меня послѣ трехлѣтнихъ занятій Церковною Исторіею достовѣрность очевидности“.

Обращаясь же къ Православію, Самаринъ въ томъ же письмѣ къ Попову пишетъ: „Скажу вамъ одно: изученіе Православія при-

вело меня къ результату, что Православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука; что вопросъ о Церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля. Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ Философіи". Въ томъ же письмѣ Самаринъ заявляетъ, что Аксаковъ одного съ нимъ мнѣнія о Словенизмѣ. Но тотъ же Самаринъ къ тому же Попову и въ томъ же 1842 году писалъ въ Берлинъ: „Душевно радуюсь, что вы остаетесь въ Берлинѣ; прошу не забывать обѣщанія и посылать намъ выписки изъ лекцій Шеллинга... Недавно оттуда пріѣхавшіе Мельгуновъ и Тургеневъ сказывали, что всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга, и что Гегель похороненъ".

По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, „вопросы, возбужденные философіею Гегеля, въ 1843 году зародили въ его братѣ внутреннюю борьбу, которая разрѣшилась въ 1844 году подъ воздѣйствіемъ Хомякова".

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что хотя Самаринъ и стремился оправдать Православіе Гегелемъ, но тѣмъ не менѣе въ душѣ своей онъ былъ и вѣрующимъ, и православнымъ, что̀ свидѣтельствуется слѣдующими его строками къ отцу его: „Нѣтъ добра отъ дѣла", писалъ онъ,—„начатаго не во славу Божію; что нѣтъ успѣха, гдѣ нѣтъ Благословенія Божія, гдѣ не было смиренной молитвы—въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ" [227]).

Въ то время, какъ Словенофилы и старшаго, и младшаго поколѣнія предавались въ Московскихъ гостиныхъ горячимъ спорамъ по предметамъ Богословія и Философіи, нѣкоторые, даже близкіе имъ, люди тяготились этими безконечными словопреніями. Такъ дѣятельный сотрудникъ *Москвитянина*, М. А. Дмитріевъ, писалъ Погодину: „Все собираюсь къ вамъ; но не знаю, какъ бы застать васъ. Не съ кѣмъ слова сказать о Литературѣ! Такое хладнокровіе! Чудный народъ мы, Русскіе! Одна она у насъ, изъ всей области умственной, могла бы имѣть интересъ общій и соединять просвѣщенную часть публики съ

литераторами, съ людьми, имѣющими притязаніе на мысль! Но и тѣмъ мы не хотимъ пользоваться! А все отъ того, что мы никогда не дѣйствуемъ по убѣжденію, а все по духу подражательности! Въ Европѣ теперь другіе интересы, да тамъ эти другіе интересы—живые; а у насъ они что?—Хороша и Философія; я самъ ею отчасти занимался; но Философія, вопервыхъ, нигдѣ не можетъ быть предметомъ общимъ, а вовторыхъ—у насъ она и подавно можетъ быть только занятіемъ кабинетнымъ. Вмѣсто этого въ кабинетѣ у насъ ею не занимаются, а развозятъ ее отъ скуки по домамъ и предлагаютъ вмѣстѣ съ *сигарками*. Воля ваша, смѣшны мы".

Эти „сигарки", такъ странно сплетенныя съ словопреніями Московскихъ мыслителей, въ особенный ужасъ приводили Ф. Ф. Вигеля. При всемъ своемъ уваженіи къ Словенофиламъ и къ А. П. Елагиной, въ домѣ которой они собирались, Вигель боялся ее посѣщать. „Я много уважаю ее", писалъ онъ Хомякову,—„но къ ней, оставаясь въ Москвѣ, мнѣ почти невозможно было бы ѣздить. Теперь издали готовъ въ поясъ ей кланяться. Повѣрите ли, что въ послѣдній разъ, что̀ я былъ, гостей не было, она ихъ ожидала, но уже на столѣ стояло огромное блюдо съ сигарами; цѣлую дюжину окороковъ можно было бы прокоптить въ ея гостинной. Что это за студенщина! Я ужаснулся и бѣжалъ при появленіи первыхъ лицъ" [228]).

XLVI.

Въ майской книжкѣ *Москвитянина* 1842 года было заявлено: „Мы знаемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ публика ожидаетъ новаго романа Гоголя: *Мертвыя Души*. Мы можемъ обрадовать ее пріятнымъ извѣстіемъ, что этотъ романъ, почти отпечатанный, скоро выйдетъ въ свѣтъ. Здѣсь талантъ нашего романиста предстанетъ намъ еще на высшей степени своего развитія... Появленіе этого романа должно составить эпоху въ нашей повѣствовательной литературѣ" [229]).

Появленіе *Мертвыхъ Душъ* дѣйствительно составило эпоху въ нашей литературѣ. „Всѣ литературные интересы", писалъ Бѣлинскій,—вскорѣ по ихъ выходѣ, „всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ, можно сказать безъ преувеличенія, что *Мертвыя Души* оживили погруженную въ апатію современную Русскую литературу. Успѣхъ *Мертвыхъ Душъ* напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина.— Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на *Мертвыя Души*, чтобъ выше и выше еще становились они" [230]).

Между тѣмъ толки о *Мертвыхъ Душахъ* раздѣлили на партіи какъ Западниковъ, такъ и Словенофиловъ. Одни изъ послѣднихъ, по свидѣтельству Герцена, говорили, что *Мертвыя Души* „это апотеоза Руси, Иліада наша, и хвалятъ слѣдовательно; другіе бѣсятся, говорятъ, что тутъ анаѳема Руси, и за то ругаютъ". Съ своей стороны Герценъ замѣчаетъ: „Великое достоинство художественнаго произведенія, когда оно можетъ ускользать отъ всякаго односторонняго взгляда. Видѣть апотеозу смѣшно, видѣть одну анаѳему несправедливо" [231]).

Самъ же творецъ *Мертвыхъ Душъ*, по окончаніи печатанія своего произведенія, уѣхалъ въ свой любезный Римъ. Передъ отъѣздомъ онъ отпраздновалъ свои имянины 9 мая 1842 года, въ саду у Погодина. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, „погода въ этотъ день стояла прекрасная: я былъ здоровъ, а потому присутствовалъ вмѣстѣ со всѣми на этомъ обѣдѣ. На немъ были профессора: В. В. Григорьевъ, проѣздомъ случившійся въ Москвѣ, Армфельдъ, Рѣдкинъ и Грановскій. Былъ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, особенный почитатель Гоголя, Свербѣевъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Елагины, Нащокинъ, извѣстный другъ Пушкина, Загоскинъ, Н. Ф. Павловъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Константинъ и Григорій Аксаковы и многіе другіе. Обѣдъ былъ шумный и веселый, хотя Погодинъ съ Гоголемъ были въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и даже не говорили, чего впрочемъ нельзя было замѣтить въ такой толпѣ. Гоголь шутилъ и смѣшилъ своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда Гоголь въ бесѣдкѣ самъ приготовлялъ жженку, и когда голубоватое пламя горя-

щаго рома и шампанскаго обхватило и растопляло куски сахара, Гоголь говорилъ, что „это Бенкендорфъ, который долженъ привесть въ порядокъ сытые желудки“.

23 мая 1842 года Гоголь выѣхалъ изъ Москвы [232]), не примирившись съ Погодинымъ, который черезъ годъ самъ со всею откровенностью писалъ Гоголю: „Когда ты затворилъ дверь, уѣзжая, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ“. На эту откровенность Гоголь отвѣчалъ тоже откровенностью: „Ту же тяжесть“, писалъ онъ,— „которую ты чувствовалъ отъ моего присутствія, я чувствовалъ отъ твоего. Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія вырвался я изъ домика на Дѣвичьемъ Полѣ. Ты былъ мнѣ страшенъ. Мнѣ казалось, что въ тебя поселился духъ тьмы, отрицанія, смущенія, сомнѣнія, боязни. Самый видъ твой, озабоченный и мрачный, наводилъ уныніе на мою душу...“

Вообще о своихъ тогдашнихъ отношеніяхъ къ Московскимъ своимъ друзьямъ, вотъ что писалъ Гоголь къ А. О. Смирновой: „Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу защиту его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли, во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное мое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ своими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду... Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись

составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорога только своя собственная литературная слава. Притомъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ справедливости своихъ идей, что всякаго, съ нимъ несогласившагося, считалъ не иначе, какъ отступникомъ отъ истины. Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей! Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутреннія страданія. Скажу вамъ только, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности: всякій изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня, что я промѣнялъ его на другого, и, слыша издали о моихъ новыхъ знакомыхъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилили еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства..." Письмо свое къ Смирновой Гоголь заключаетъ такими словами: „Другъ мой добрый, будемъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами: мы люди свои" [233]).

Уѣзжая изъ Москвы, Гоголь поручилъ Шевыреву распродажу *Мертвыхъ Душъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Гастейна онъ писалъ ему: „Грѣхъ будетъ на душѣ твоей, если ты не напишешь разбора *Мертвыхъ Душъ*. Кромѣ тебя, врядъ ли кто другой можетъ правдиво и какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ". Исполняя желаніе Гоголя, Шевыревъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* двѣ статьи о *Мертвыхъ Душахъ*, и статьи эти вызвали непріязненный отзывъ изъ своего же лагеря. „Все сказанное Шевыревымъ отъ себя", пишетъ Самаринъ Аксакову,—„не только не уясняетъ того впечатлѣнія, которое не могли не произвести *Мертвыя Души* на всякаго немудрствующаго читателя, но напротивъ мутитъ его, заслоняетъ значеніе великаго созданія Гоголя и портитъ наслажденіе. Это произошло, мнѣ кажется, отъ излишняго мудрованія. Въ Шевыревѣ нѣтъ той простоты и того смиренія, безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ критикъ, что онъ изучалъ искусство, что онъ

былъ въ Италіи и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италіи и не изучали искусства. За то никогда не откроется ему то, чтò утаено отъ премудрыхъ и открыто младенцамъ. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только то, чтò можетъ видѣть всякій. Нѣтъ; онъ придумаетъ что-нибудь помудренѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою" [234]). Но самъ Гоголь былъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ Самарина. „Благодарю тебя много", писалъ онъ Шевыреву,—„за твои обѣ статьи, которыя я получилъ отъ княгини Волконской. Въ обѣихъ статьяхъ твоихъ, кромѣ большаго ихъ достоинства и значенія для нашей публики, есть очень много полезнаго собственно для меня. Замѣчаніе твое о неполнотѣ комическаго взгляда, берущаго только въ полъ-обхвата предметъ, могло быть сдѣлано только глубокимъ критикомъ-созерцателемъ... Ты пишешь, чтобы я, не глядя ни на какія критики, шелъ смѣло впередъ. Но я могу идти смѣло впередъ только тогда, когда взгляну на тѣ критики... Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни" [235]).

Будучи недоволенъ критикою Шевырева, К. С. Аксаковъ, поощряемый Самаринымъ и своимъ отцомъ, рѣшился высказать свое мнѣніе о *Мертвыхъ Душахъ* въ полномъ и искреннемъ убѣжденіи, что онъ только одинъ понялъ настоящій смыслъ и значеніе этого произведенія Гоголя. „Признаю торжественно", писалъ его отецъ Гоголю,—„превосходство эстетическаго чувства въ моемъ Константинѣ: онъ понялъ васъ болѣе меня и болѣе всѣхъ". Статью свою подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души*, К. С. Аксаковъ намѣревался напечатать въ *Москвитянинѣ*. Въ этой статьѣ своей онъ проводилъ мысль о сходствѣ Гоголя по акту творчества и силѣ созданія съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Познакомившись съ этою статьею, Погодинъ, любя автора и оберегая его отъ насмѣшекъ, не согласился напечатать ее въ *Москвитянинѣ*; это возбудило не-

удовольствіе С. Т. Аксакова, и онъ жаловался на Погодина Гоголю. „Вчера“, писалъ онъ,—„получилъ Константинъ письмо отъ Погодина, который отказывается напечатать его статью о *Мертвыхъ Душахъ*...; будучи самъ слѣпъ, боится, что осмѣютъ человѣка зрячаго“. Вслѣдствіе отказа Погодина К. С. Аксаковъ напечаталъ свою статью особою брошюрою. По свидѣтельству его отца, какъ только брошюра Константина вышла въ свѣтъ, „всѣ журналисты, всѣ непріятели и даже почти всѣ пріятели Гоголя, говоря буквально, взбѣсились. Градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій посыпался печатно и письменно на Константина“. Это очень удивило С. Т. Аксакова, и онъ даже на нѣкоторое время „усумнился въ справедливости“ своего „собственнаго взгляда и суда“ объ этой брошюрѣ [236]).

Для разъясненія этого явленія мы вспомнимъ, что въ это время К. С. Аксаковъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ были погружены въ изученіе Гегеля, которымъ одинъ стремился оправдать Русскую Народность, а другой—Православіе. Подобныя занятія, конечно, имѣли вліяніе и на слогъ, и на способъ изложенія мыслей молодого мыслителя. „Брошюра Константина Аксакова“, писалъ Бѣлинскій,—„вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, потому же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость“ [237]).

Съ этимъ мнѣніемъ Бѣлинскаго былъ согласенъ и Шевыревъ, который съ рѣзкостью писалъ Погодину: „Всеобщій хохотъ читавшихъ брошюру Константина Аксакова, даже и его стороны, былъ ему возмездіемъ за гордость. Осрамился совершенно! Даже Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* сказалъ ему дѣло“. Веневитинову же Шевыревъ писалъ

„Павловъ боленъ глазами, и я уже говорю: Гомеръ, Мильтонъ и Павловъ въ pendant къ тѣмъ, которые кричатъ: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь“ [238]). Само собою разумѣется, что и самъ Гоголь остался недоволенъ брошюрою Аксакова. „Въ печатной статьѣ“, писалъ онъ ему,—„не погнѣвайтесь—видно много непростительной юности“. Но еще прежде того Гоголь писалъ ему: „Въ душѣ вашей заключены законы общаго; но горе вамъ проповѣдовать ихъ теперь... Вы должны ихъ хранить до времени въ душѣ, и только тогда, когда изслѣдуете всѣ уклоненія, исключенія, малѣйшія подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его яснымъ и доступнымъ всѣмъ, а безъ того всѣ ваши мысли будутъ имѣть вліяніе только тогда, когда будутъ произнесены вами изустно, сопровождаемыя жаромъ и пыломъ вашей юности, и будутъ вялы, тощи и затеряются вовсе, если вы ихъ изложите на бумагѣ“. Въ томъ же письмѣ Гоголь писалъ Аксакову и слѣдующее: „Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго (то-есть, въ 1842 году) моего пріѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый святой предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку-припеку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы живить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество и когда смѣялись этому излишеству. Но вы горды. Вы двадцать разъ готовы увѣрять, что вы безпристрастны, что вы ничѣмъ не увлекаетесь, что все то чистая правда, что вы говорите. Вы твердо увѣрены, что уже стали на высшую точку разума. Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой“ [239]).

Когда на брошюру Аксакова обрушился „градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій“, Погодинъ былъ за границей и изъ Парижа, 1 октября 1842 года, писалъ С. Т. Аксакову: „Какъ горько было мнѣ

услышать, что Константинъ напечаталъ свою статью о Гоголѣ! Какъ досадно мнѣ было на вашу слабость! Неужели и въ васъ недостало столько литературной довѣренности ко мнѣ, чтобъ согласиться со мною, что статья не годится для печати въ первомъ видѣ? Неужели я не напечаталъ ея безъ основанія? Неужели легко мнѣ было прислать ее назадъ? Неужели не радъ бы я былъ всякому успѣху Константина?“ [240])

XLVII.

Отъ всѣхъ житейскихъ треволненій Погодинъ имѣлъ вѣрное и спасительное убѣжище въ священной области Русской Исторіи. Страсть его къ этой наукѣ возбудила даже зависть въ одномъ почтенномъ старцѣ, подвизавшемся въ уединенной Отенской обители, — обители, изъ которой нѣкогда вышелъ Владыка Древняго Новгорода Іона и изъ которой лилъ токи Богословія знаменитый древній Русскій богословъ инокъ Зиновій. Въ наше же время той же обители іеромонахъ Арсеній завидуетъ Погодину, той „пріятной связи“, какую онъ „имѣетъ съ наукою“, тому „дружескому собесѣдованію“, кое онъ, имѣетъ съ живыми и мертвыми, древними и новыми мыслителями“ [241]). Дѣйствительно, Погодинъ виталъ мыслію и въ Древней, и Средней, и Новой Русской Исторіи.

Въ 1842 году, Эйнерлингъ предпринялъ новое изданіе *Исторіи Государства Россійскаго.* По поводу этого предпріятія Погодинъ взывалъ къ своимъ студентамъ: „О, какъ сладко было взглянуть намъ на это объявленіе! Намъ показалось, что еще живъ нашъ златоустый писатель, что онъ вновь даритъ насъ безсмертными произведеніями пера своего, что мы скоро насладимся его волшебными гармоническими звуками, что мы отдохнемъ душею среди этой дикой разноголосицы, которою терзаетъ нашъ слухъ Петербургская Литература. Юноши! бѣгите, бѣгите толпами къ этому чистому источнику Русскаго слова, Русскаго ума, Русскаго и человѣческаго чувства. Не

вѣрьте, не вѣрьте тѣмъ неучамъ, наглецамъ, невѣжамъ, которые твердятъ вамъ, что Карамзинъ устарѣлъ, и что у него учиться нечему. Вкусъ падаетъ, образованность прекращается, сказалъ бы я съ грустію, еслибъ замѣтилъ, что такое нелѣпое мнѣніе распространяется дальше тлетворной атмосферы того болота, гдѣ оно возникло. Учите, учите и изучайте Карамзина, не принимайтесь писать, не зная ста страницъ наизусть изъ его сочиненій, и будьте увѣрены, что безъ Карамзина нельзя сдѣлаться хорошимъ Русскимъ писателемъ, какъ нельзя безъ Ариѳметики сдѣлаться математикомъ, и что только тотъ можетъ пойти впередъ, кто ознакомится хорошо съ дорогою, имъ пройденною. Двадцать пять лѣтъ работая предъ вашими глазами и уже двадцать лѣтъ принадлежа къ числу вашихъ наставниковъ, преданный душею просвѣщенію, любя искренно и Словесность, и Отечество, я не могу дать вамъ совѣта лучше и полезнѣе“ [242]).

Въ то же время старинный другъ Погодина П. А. Мухановъ писалъ ему изъ Варшавы: „Что вы творите?—Раздробляетесь на статьи и статейки. Бросьте все,—вы набили кладовую свою книгами, пора вамъ набивать вашъ карманъ, о чемъ вы, къ сожалѣнію, до сего времени мало заботились. Вотъ вамъ мысль, исполните, только не робѣйте, смѣлыми Богъ владѣетъ: *Докончите Исторію Карамзина*. Вижу васъ, такъ и обомлѣли.—Святотатство, широкія фразы!—Не могу, трудно, не все въ головѣ перемололось, не все пережевалъ, первый періодъ—будутъ противорѣчія и пр. и пр. Хочу издать что-либо монументальное, добросовѣстное. Ныньче не тотъ вѣкъ, Капфигъ пишетъ, да пишетъ,—всѣ покупаютъ, всѣ читаютъ, и его карманъ набитъ. Отложите всякую застѣнчивость и принимайтесь, перекрестясь, за дѣло. Положимъ выйдетъ не отличное твореніе—пусть такъ. Но вѣдь это первый опытъ. Затѣмъ, для всѣхъ изученіе Новой нашей Исторіи не только нужно, но и необходимо. А каково будетъ для кармана? Всѣ, имѣющіе Исторію Карамзина, всѣ купятъ вашу. Но вы безкорыстны, вы пишете не для денегъ—да будетъ такъ: по-

смотримъ на это предпріятіе съ другой точки зрѣнія.—Вы единственный нашъ историкъ. Вы должны совершенствоваться въ Исторіи; но что можетъ быть для васъ полезнѣе какъ занятія новѣйшею Исторіею" [243]).

Какъ ни соблазнительно было для Погодина это предложеніе, но онъ все-таки ради его не измѣнялъ Древней Русской Исторіи и въ первомъ же нумерѣ своего *Москвитянина* 1842 года напечаталъ главу изъ своихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ, Варяжскомъ періодѣ Русской Исторіи, подъ заглавіемъ: *Происхожденіе Русскаго Государства.* Въ этой главѣ, говоря о переселеніи Святослава въ Болгарію, Погодинъ выразился: Святославу „мало стало скудной дани—и онъ рѣшился не перенесть столицу (то-есть, Кіевъ), это невѣрное выраженіе, а, говоря просто, *переѣхать на квартиру*". По поводу этого послѣдняго выраженія Погодинъ замѣтилъ: „Наши знаменитые судіи, судіи словъ, улыбнутся при этомъ выраженіи: *переѣхать на квартиру*! Милостивые государи! Право я сумѣлъ бы найти тѣ выраженія, кои вертятся у васъ на языкѣ теперь: перемѣнить мѣсто пребыванія, избрать новое жилище и тому подобное. Но употребилъ это не чистое, простое, полуиностранное, потому что оно точнѣе выражаетъ мою мысль".

Мухановъ въ письмѣ своемъ къ Погодину выразился: „Маціевскій бранится съ попами, а вы съ *Поповымъ*". Въ это время ученикъ Погодина, близкій человѣкъ Хомякову и другъ Ю. Ѳ. Самарина, Александръ Николаевичъ Поповъ, напечаталъ свою диссертацію подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву. Разсужденіе на степень магистра, кандидата Московскаго Университета А. Попова.* (М. 1841).

Въ числѣ оффиціальныхъ оппонентовъ Попова былъ и Погодинъ, который сильно возсталъ противъ положенія автора, что *Русская Правда* „*не есть* Ярославова грамота, данная имъ Новгороду, и даже не мѣстное Новгородское законодательство, но обще-*Русское*". „Милостивый государь!" во-

склицаетъ Погодинъ, — „вы не обратили вниманія на самое заглавіе того документа, о которомъ вы разсуждаете. *Правда* называется *Русскою*, слѣдовательно—она принадлежитъ Руси. Это просто и ясно. Какой же Руси? Той Руси, которая отличаетъ себя отъ туземцевъ въ первой строкѣ документа: если будетъ *русинъ, словенинъ,* и пр.? Той Руси, которая договаривалась при Олегѣ и Игорѣ съ Греками и называла себя точно также: *мы отъ рода Русскаго.* (А кто причислялъ себя къ роду Русскому? Карлъ, Фарлавъ, Ингіалдъ, Рулавъ, Руалдъ, Фастъ, Турбернъ, Иворъ, и проч.) Той Руси, которая въ этихъ договорахъ постановила условія *совершенно сходныя* съ законами Русской Правды и говорила объ нихъ также: *по закону Русскому.* Той Руси, къ которой ходили Словене и пригласили къ себѣ изъ-за моря: пошли къ Варягамъ-Руси, которая такъ называлась Русью, какъ другіе Шведами, третьи Готами и проч. Что можетъ быть этого легче, простѣе и яснѣе; но часто

Случается и трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ догадаться
За дѣло просто взяться.

Итакъ эти законы“, заключаетъ Погодинъ,—„были Русскіе, но не въ смыслѣ Словенскихъ туземныхъ, какъ думаетъ Поповъ, а иноплеменные, принесенные къ намъ гостями“. Свои словесныя возраженія Попову на диспутѣ Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* въ видѣ рецензіи на книгу. Погодинъ нападаетъ также и на изложеніе Попова: „Языкъ ужасный, какимъ не писана была еще ни одна диссертація въ старомъ Московскомъ Университетѣ, начиная съ заглавія: *Разсужденіе на степень магистра, кандидата Московскаго Университета А. Попова.* Степени магистровъ-кандидатовъ у насъ нѣтъ. Сряду нѣсколько родительныхъ, зависящихъ отъ разныхъ управленій, ставить не годится. Надо бы сказать: Разсужденіе кандидата и проч. А. П. на степень магистра“. Словесно же на диспутѣ Поповъ излагалъ свои мысли превосходно, и это засвидѣтельствовано самимъ Погодинымъ въ

Москвитянинъ: „Поповъ обладаетъ превосходнымъ, необыкновеннымъ даромъ слова, языкъ его правиленъ, красивъ, разнообразенъ. Пріятно было слушать его говорившаго, въ рѣчи его было даже нѣчто драматическое, мастерское".

По поводу этой диссертаціи завязалась полемика. Поповъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* анти-критику; печатая ее, Погодинъ оговаривается: „Извиняюсь передъ читателями *Москвитянина* въ помѣщеніи этой анти-критики: я не напечаталъ бы ея, еслибы она не противъ меня была написана. Противъ нея не скажу ни слова, ибо говорить не объ чемъ,—развѣ поставить знакъ восклицанія!" [244]). Не смотря на возраженія Погодина, эта диссертація доставила Попову искомую степень магистра.

Мы уже знаемъ, что А. Н. Поповъ, защитивъ свою диссертацію, отправился въ Берлинъ изучать Философію. Путь его лежалъ черезъ Петербургъ. Хомяковъ напутствовалъ его рекомендательнымъ письмомъ къ А. В. Веневитинову, въ которомъ выразилъ несогласный съ Погодинымъ взглядъ на диссертацію *о Русской Правдѣ*. „Тебѣ отдастъ это письмо", писалъ Хомяковъ,—„Александръ Николаевичъ Поповъ, мнѣ великій пріятель, недавно выдержавшій блистательный диспутъ на магистра факультета юридическаго; честь и слава факультету" [245]).

Споря съ однимъ изъ молодыхъ представителей Русской исторической науки, Погодинъ не прерывалъ сношеній и со своимъ ученымъ сверстникомъ Н. И. Надеждинымъ, не смотря на происшедшую между ними, какъ мы знаемъ, непріятную переписку.

Извѣстно, что Житіе св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, представляетъ важный источникъ для древнѣйшаго періода Русской Исторіи. Надеждинъ, занимаясь изслѣдованіями въ этой области, писалъ Погодину: „Потрудись отыскать мнѣ въ старинныхъ рукописныхъ Прологахъ, какихъ вѣрно множество въ открытой для тебя Синодальной библіотекѣ, Житіе св. Стефана Сурожскаго, празднуемаго 15 декабря, и сдѣлай для

меня списокъ. Покойный Евгеній увѣряетъ, что въ этомъ Житіи, которое въ Четьихъ-Минеяхъ написано сокращенно, находятся свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи; во всякомъ случаѣ это лицо очень велико для моихъ занятій, притомъ оно интересно для нашего Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, котораго и ты членъ; стало-быть, ты услужишь здѣсь и мнѣ, и Обществу. Оба эти списка я бы желалъ, чтобъ ты прислалъ съ Григорьевымъ, который собирается скоро ѣхать къ вамъ въ Москву держать магистерскій экзаменъ". Получивъ желаемое, Надеждинъ писалъ Погодину: „Спасибо тебѣ за *Житіе Стефана Сурожскаго.* Но вовсе не спасибо за лаконизмъ приписки, который доведенъ тобой до непростительной краткости и темноты. Два часа бился я, чтобы разобрать напачканныя тобой двѣ страницы; а когда разобралъ, то сокрушился, что потерялъ напрасно и труды, и масло. Что за разсужденіе тебѣ прислано изъ Троицкой Академіи? О какомъ чудѣ пишется въ Житіи Дмитрія Прилуцкаго? Такъ, братъ, не пишутъ о предметахъ, достойныхъ вниманія, за полторы тысячи верстъ! Время что ли у тебя недостало прибавить еще строки двѣ, чтобы было ясно? Сверхъ того, ты ни слова не говоришь, съ чего списано Житіе Стефана, которое ты мнѣ прислалъ? Гдѣ хранится его подлинникъ? Отдѣльно или въ Сборникѣ и какомъ? Старъ ли почеркъ подлинника? Однимъ словомъ: всѣ, по крайней мѣрѣ главныя, палеографическія примѣты! Сдѣлай милость — хоть теперь увѣдомь обо всемъ этомъ, равно какъ и о чудѣ св. Дмитрія Прилуцкаго и о разсужденіи изъ Троицкой Академіи!—Желалъ бы я также знать, что ваша высокоученость мыслитъ о Русскихъ, упоминаемыхъ въ Житіи св. Стефана Сурожскаго. Вѣдь хоть легенда, а все должно быть ей какое-либо основаніе. Руссы изъ Новгорода нападаютъ на Сурожъ—вскорѣ по смерти Стефана—стало-быть въ концѣ VIII, много въ началѣ IX вѣка. А? какъ вы, vir doctissime, разсѣкаете сей узелъ, конечно не Гордіевъ, но все-таки узелъ? Не напечатается ли это хоть въ *Москвитянинѣ* подъ рубрикою „открытія", если ваша высокоученость

не сочтёте меня лично достойнымъ вашего отвѣта? — Кстати! Когда жъ ты ѣдешь за границу? Увѣдомь пожалуйста! Можетъ, я что пошлю съ тобой, или поручу тебѣ. Будешь ли въ Вѣнѣ? И еще гдѣ?—О Кириллѣ и Меѳодіи добьюсь ли я отъ тебя толка? Если нѣтъ, то скажи. Я обращусь къ другимъ“.

Въ это время почтенный Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, изъ своего Серпуховскаго села Рудина, которое, по его словамъ, нѣкогда значилось „въ старыхъ вотчинахъ за бояриномъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ“, изливалъ Погодину свое негодованіе „на недостатокъ въ патріотизмѣ“ составителей четырехъ извѣстныхъ томовъ *Житія Святыхъ*. „Тамъ“, пишетъ онъ, — „для каждаго Греческаго святаго страницъ по десяти напечатано, какъ же скоро дойдетъ до святаго Русскаго, то одно имя и—*зри въ Прологъ!* Богъ знаетъ когда мы полюбимъ свое. Вы сказали: *выбраться изъ Нѣмецкой тьмы и дичи*. Не лучше ли сказать: изъ *заморской* тьмы и дичи... На что сердить добрыхъ Германцевъ, которые гораздо менѣе сдѣлали намъ вреда, нежели ихъ сосѣди Французы“.

Древняя Географія съ молодыхъ лѣтъ привлекала вниманіе Погодина и его пріятеля П. А. Муханова, который писалъ ему: „Вы знаете, что я большой охотникъ до картъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россіи. Вы знаете, что у меня есть ландкарта Европы, напечатанная въ 1493, на которой наше Отечество названо не Московія, а Россія, и на которой видимъ мы Новгородъ. Будучи въ Парижѣ, старался я найти какія-либо старыя карты Россіи; нашелъ нѣсколько, между прочимъ карту Делиля, посвященную Русскому послу Матвѣеву, — весьма любопытная; ибо кромѣ имянъ городовъ, рѣкъ, тутъ показаны лѣса, засѣки съ длинными объясненіями, въ которыхъ много драгоцѣнныхъ подробностей тогдашняго состоянія Россіи. — Въ Королевской Библіотекѣ есть экземпляръ Географіи Арабскаго географа Эдриси, найденный въ Египтѣ. Въ семъ экземплярѣ семьдесятъ двѣ карты, девять, наиболѣе полезныхъ для нашей Отечественной Исторіи, списаны и при семъ прилагаются. Дѣлайте съ ними что хотите. Я думаю, что безъ Френа обойтись нельзя.

Врядъ ли князь Ханжери преодолѣетъ трудности". На этомъ письмѣ сдѣлана слѣдующая приписка А. А. Саблукова *) „Имѣю честь препроводить вамъ письмо сіе, мною полученное, отъ друга моего Павла Александровича. Трубка съ десятью планами, чертежомъ и описаніемъ слѣдуютъ при семъ. Я полюбопытствовалъ было всѣ эти бумаги, и признаюсь возъимѣлъ было желаніе ихъ здѣсь кое-кому показать,—но удержался отъ сего".

Д. И. Языковъ, посылая Погодину свой переводъ о *Финскихъ жителяхъ* Шегрена, писалъ: „Странное дѣло, что Академія Наукъ издаетъ сочиненія членовъ своего историческаго факультета на иностранныхъ языкахъ и, слѣдовательно, трудится въ пользу иностранцевъ. Я хотѣлъ исправить этотъ недостатокъ и удовлетворить любопытству Русскихъ, не знающихъ иностранныхъ языковъ" [246]).

Въ 1842 году ректоръ Московской Духовной Академіи, архимандритъ, Филаретъ былъ возведенъ въ санъ епископа Рижскаго. Оставляя Академію и Москву, онъ украсилъ *Москвитянинъ* своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ о *Максимѣ Грекѣ*. „*Москвитянинъ*", писалъ Погодинъ,—„почитаетъ себя счастливымъ, получая отъ всѣхъ Русскихъ знаменитостей подобныя статьи, въ объясненіе и прославленіе Русской Исторіи, которой наши дерзкіе невѣжи не признаютъ существованія до Петра I!" [247]) Эта статья была замѣчена Сахаровымъ, и онъ о ней писалъ Погодину: „Чудная была статья у васъ о *Максимѣ Грекѣ*. Спасибо тому, кто трудился" [248]).

XLVIII.

Достопочтенный келарь Троицкаго Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ навлекъ на себя запоздалый гнѣвъ помощника попечителя Московскаго учебнаго округа Д. П. Голо-

*) Дядя Павла Александровича Муханова и извѣстный авторъ Записокъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

хвастова за то, что въ своемъ *Сказаніи объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы* непохвально отозвался объ одномъ изъ его предковъ. Возмущенный этимъ Д. П. Голохвастовъ, написалъ статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры 1608—1610 и описаніе оной историками XVII, XVIII и XIX столѣтій* [249]).

Въ своихъ *Замѣчаніяхъ* Голохвастовъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Еще задолго до начала войны Лавра была ограждена огромными укрѣпленіями. 2) Самозванецъ и Сапѣга мало употребляли усилій къ овладѣнію Лаврою. 3) Количество и искусство защитниковъ Лавры вовсе не было такъ незначительно и безнадежно, какъ обыкновенно представляютъ наши историки, и что ея иноки были большею частью служилые люди, которымъ вовсе не чуждо было военное искусство. 4) Воеводы, распоряжавшіеся защитою Лавры, князь Долгоруковъ и Голохвастовъ, были люди искусные и опытные въ своемъ дѣлѣ, и 5) Повѣствованіе Авраамія Палицына совсѣмъ не есть лѣтопись, тѣмъ менѣе Исторія, но духовно-историческая эпопея, которой главная, видимая, цѣль— прославленіе чудеснаго избавленія Лавры и Россіи предстательствомъ св. Сергія и Никона. Статью свою Голохвастовъ передалъ Погодину для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, и Погодинъ остался ею очень доволенъ. Голохвастовъ писалъ ему: „Благодарю васъ за лестный отзывъ о статьѣ. Это первый дымокъ фиміама, который автору статьи удалось понюхать. Поспѣшность производитъ тревожное состояніе духа, особенно при другомъ дѣлѣ и бездѣльѣ, отъ котораго уклониться нельзя... Разумѣется, я не подпишу своего имени подъ статьею, а просто *Д*, по той же причинѣ, почему, если вы вздумаете записать вашу пристяжную на скачку, я вамъ посовѣтую не записывать ее отъ вашего имени".

Статья Голохвастова встрѣтила въ *Отечественныхъ Запискахъ* самый сочувственный отзывъ [250]) и въ то же время не укрылась отъ проницательнаго взора митрополита Филарета. Про-

читавъ ее, Митрополитъ приказалъ А. В. Горскому написать *Возраженіе противъ Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры.* Вслѣдствіе сего Горскій писалъ Погодину: „Можетъ ли быть принята въ вашемъ журналѣ статья противъ *Замѣчаній объ исторіи осады Троицкой Лавры*? Простите меня за такой вопросъ. Я увѣренъ, что когда бы дѣло шло о собственныхъ вашихъ убѣжденіяхъ, то вы не отказались бы для пользы истины принять голосъ и противной стороны. Но не всегда такъ можно дѣлать относительно постороннихъ. Предварительно считаю нужнымъ замѣтить, что могутъ встрѣтиться въ этой статьѣ не совсѣмъ пріятныя вещи,—впрочемъ безъ всякихъ личностей,—для сочинителя *Замѣчаній.* Писать возраженіе меня побуждаетъ одно желаніе приблизиться къ объясненію истины, которая въ *Замѣчаніяхъ* очень часто затмѣвается новыми предположеніями и догадками, наперекоръ желанію самого автора. Если позволите прислать эту статью въ вашъ журналъ, то это будетъ для меня новымъ знакомъ вашего расположенія... Еще приготовлена мною статья о Меѳодіи и Кириллѣ на основаніи ихъ Словенскихъ жизнеописаній... Позвольте прислать вамъ и эту статью".

Вслѣдъ за симъ Горскій, посылая Погодину свои *Возраженія противъ Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры* [251]), писалъ ему: „Препровождаю къ вамъ свои замѣчанія на *Замѣчанія объ осадѣ Лавры.* Благоволите ихъ просмотрѣть и, если найдете стоющими, помѣстите въ вашемъ журналѣ, чрезъ который сдѣлали извѣстными и первыя. Оставаться Лаврѣ безотвѣтною—больно, тѣмъ болѣе, что ея дѣло, какъ мнѣ кажется, правое. По принятому прежде правилу, имени сочинителя я не подписываю. Прошу и васъ сохранить его въ тайнѣ. Дѣло въ дѣлѣ, не въ имени того или другого пишущаго". Съ перваго раза Голохвастовъ остался доволенъ *Возраженіями* Горскаго и по этому поводу писалъ Погодину: „Я прочиталъ *Возраженія* съ большимъ любопытствомъ, какъ статью дѣльную, основательную, видимымъ образомъ плодъ труда прилежнаго, огромнаго и добросовѣстнаго, однимъ словомъ, какъ превосходную статью,

образецъ настоящей исторической критики..: Нельзя съ нимъ во всемъ согласиться, не смотря на то, что онъ въ пользу свою имѣлъ богатый запасъ оружія изъ такого арсенала, который для насъ недоступенъ". Но когда Голохвастовъ хорошенько вчитался въ статью Горскаго, то пришелъ къ иному заключенію. „По внимательномъ прочтеніи", писалъ онъ Погодину въ другомъ письмѣ,—„возраженій въ 12-й книжкѣ *Москвитянина*, я увидѣлъ, что долженъ отчасти, и даже много, измѣнить то мнѣніе на счетъ ихъ, которое я вамъ сообщилъ въ письмѣ моемъ послѣ бѣглаго обзора первыхъ двухъ листовъ. При наружной благовидности, возраженія оказываются привязчивыми, во многихъ мѣстахъ софистическими и несогласными съ историческою истиною, а мои *Замѣчанія* представляются въ превратномъ видѣ, такъ что мнѣ, кажется, необходимо нужно будетъ при первомъ досугѣ опять взяться за перо".

Такимъ образомъ между Голохвастовымъ и Горскимъ завязалась въ *Москвитянинѣ* полемика, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ.

И. П. Сахаровъ доставилъ Погодину *Статейный списокъ боярина Матвѣева*. Интересуясь тѣмъ, что̀ Погодинъ намѣренъ съ нимъ сдѣлать, Сахаровъ писалъ ему: „Почитайте его. Надобно съ Никона согнать тучу. Теперь я пріобрѣлъ *челобитныя архіереевъ*, поданныя царю Алексѣю на Никона. Думаю, что ихъ пропуститъ цензура. Если будете печатать *Статейный списокъ*, то пришлю къ вамъ и челобитныя. Я видѣлъ подлинное дѣло Никона, когда его присылали изъ Москвы въ Синодъ, то у меня очень малаго недостаетъ. Изъ всего дѣла только обширны одни отвѣты Никона на запросы Стрешнева съ Паисіемъ; но копіи съ нихъ есть въ Румянцевскомъ Музеѣ и въ Академіи Наукъ" [252]).

Въ портфеляхъ Миллера отыскался *Гороскопъ Петра Великаго* съ объясненіемъ на Латинскомъ языкѣ и переводомъ на Русскій. Князь М. А. Оболенскій доставилъ этотъ памятникъ Погодину, который, собираясь его напечатать въ *Москвитянинѣ*, обратился къ почтенному нашему астроному Д. М. Перево-

щикову и просилъ его сказать свое мнѣніе и сдѣлать объяснительныя примѣчанія для читателей *Москвитянина*. Д. М. Перевощиковъ, исполняя просьбу Погодина, написалъ ему письмо. Печатая это письмо въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ строгій судъ астронома объ астрологіи". Перевощиковъ начинаетъ свое письмо такими словами: „Вы желали отъ меня замѣчаній на *гороскопъ* Петра I, но можно ли дѣлать замѣчанія на *бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе?*" [253]). Эти строки нашего астронома возмутили М. А. Дмитріева, и онъ писалъ Погодину: „*Москвитянинъ* хорошъ, очень хорошъ; а все-таки есть за что—желающему и вамъ, и ему добра—съ вами побраниться! И надобно порядкомъ. Какъ же вы это печатаете публично, что св. Димитрій Ростовскій писалъ *бредни, заслуживающія одно презрѣніе*! Вопервыхъ (и это главное), вы оскорбили память Святого; а вовторыхъ (это хотя не главное, но тоже важное), оказали презрѣніе къ такому Святому, котораго ненавидятъ раскольники! А между тѣмъ и въ журнальномъ отношеніи напечатали статью, которая въ высшей степени интересна для вашихъ читателей, да сами же разрушили весь интересъ ея, назвавши ее *бредомъ!* И охота вамъ была объ астрологіи спрашивать мнѣнія профессора астрономіи. Это все равно, что спрашивать о самомъ Димитріѣ—раскольника! Перевощиковъ отвѣчалъ вамъ такъ, какъ отъ него и должно было ожидать... Теперь ѣду подписываться на *Отечественныя Записки*; говорятъ, будто меня тамъ побранили... А вы вотъ моихъ эпиграммъ на нихъ не печатаете; а я думаю, гдѣ авторъ подписываетъ имя, тамъ онъ самъ за себя отвѣчаетъ. Ужь ежели вы напечатали эпиграмму на Димитрія Ростовскаго, то на Бѣлинскаго можно".

Въ то же время престарѣлый Д. И. Языковъ, предлагая *Москвитянину* свои услуги, писалъ Погодину: „Упраздненіе Россійской Академіи сдѣлало большой брешъ въ моихъ доходахъ и потому заставляетъ меня искать средствъ къ вознагражденію, хотя нѣкоторымъ только образомъ, убытка. Между сими средствами я считаю имѣющійся у меня значительный

запасъ любопытныхъ и частію важныхъ бумагъ, напримѣръ: Правленіе нашей Имперіи подъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, со времени учрежденія онаго до уничтоженія. Это есть очень важное собраніе выписокъ изъ журналовъ Совѣта. Эта рѣдкость, подлинникъ которой только у меня... Мнѣ хотѣлось бы помѣщать ихъ въ журналахъ; но журналы Петербургскіе претятъ моей душѣ, а вашъ *Москвитянинъ* мнѣ очень нравится. Не согласитесь ли вы принять меня себѣ въ сотрудники съ условіемъ платить мнѣ за мои статьи то, что обыкновенно платится у васъ въ Москвѣ" [254]).

Въ 1842 году Погодинъ украсилъ *Москвитянинъ* напечатаніемъ Записокъ княгини Дашковой и отрывка изъ Записокъ И. И. Дмитріева о Державинѣ [255]).

По поводу Записокъ княгини Дашковой Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Покойный А. Ѳ. Малиновскій, котораго супруга родня княгинѣ Дашковой, давалъ мнѣ читать ея собственноручную тетрадь Записокъ; но какая разница: тамъ все пустяшныя ежедневныя записки о самыхъ незначущихъ мелочахъ; а здѣсь и слогъ, и заманчивость. Это прекрасное опроверженіе Кастеры. Въ Англіи, конечно, пообработали слогъ, но содержаніе, но мысли принадлежитъ ей. Какъ теперь помню эту старуху въ зеленомъ сюртукѣ, съ брилліантовою звѣздою и бѣло напудренную; помню, какъ я и боялся ее; на балахъ она распоряжалась танцами и меня однажды перетащила за воротъ изъ верхней пары экосеза въ нижнюю, нашедъ, что я и моя дама еще очень молоды. Вскорѣ за симъ она умерла, и я тогда радовался. Я какъ съ роднымъ увидѣлся у васъ съ покойнымъ И. В. Ступишинымъ, который много разсказывалъ мнѣ объ Екатеринѣ. Онъ вынулъ ее изъ кабріолетки, въ которой привезли ее Орловы въ Петербургъ". „Вашъ *Москвитянинъ*", писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій,—„меня совершенно обижаетъ и наконецъ зарѣзалъ. Вы напечатали выписки изъ Записокъ Дмитріева, которыя мнѣ онъ еще при жизни отдалъ, и выписка о фонъ-Визинѣ составляетъ послѣднюю главу моей біографіи. Вы перебили у меня и

княгиню Дашкову. По отпечатаніи фонъ-Визина я хотѣлъ приняться за нее. Записки ея написаны не на Англійскомъ, какъ вы сказали, а на Французскомъ языкѣ. Рукопись у меня. Богъ вамъ судья!“

Мы уже знаемъ, что давнее знакомство и даже пріязнь соединяла Погодина съ В. Н. Каразинымъ, и это продолжалось до самой смерти послѣдняго. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Каразинъ написалъ слѣдующее замѣчательное письмо къ Погодину, отъ 23 мая 1842 года, которое уже было послѣднимъ: „Что это вы не помѣщаете моего изобрѣтенія? Стыдно вамъ будетъ, господа, если уронивъ честь своего брата русскаго, допустите Англичанамъ сказать: „да это у насъ скопировано!“ У насъ, со временъ стародавнихъ еще, налажено предпочитать иностранное и иностранцевъ. Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ Министерствѣ Народнаго Воспитанія, которое Министерство нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? На силу проговорили гдѣ-то въ журналѣ того Министерства, что онъ де подалъ поводъ къ основанію такого-то университета. *И только-то*! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе точь въ точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года, апрѣля 2-го? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или справедливѣе сказать нагрѣваніе водяными парами, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ. Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ! Хоть для потомства?“

Эти строки писаны 23 мая 1842 года, а 13 января слѣдующаго 1843 года Бецкій писалъ Погодину изъ Харькова: „Безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ! Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый по-

дробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь, вообразите: пріѣзжаю къ вдовѣ и вижу этотъ *Дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной,—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, объ аутографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ-то нелѣпымъ наслѣдникамъ. *Дневникъ* его—это, ей-ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ-феноменъ покойникъ.—Мнѣ кажется, еслибъ Василій Назарьевичъ былъ бы не въ Харьковѣ, и еслибы обстоятельства не передѣлали бы на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей". Напечатавъ въ *Москвитянинѣ* извѣстіе о смерти Каразина, Погодинъ присоединилъ къ нему отрывки изъ вышеприведеннаго письма покойника съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро дѣлается матеріаломъ для его біографіи" [256]).

XLIX.

Счастливый случай доставилъ Погодину рукописную книгу, заключавшую въ себѣ сочиненіе извѣстнаго Посошкова, крестьянина, жившаго въ царствованіе Петра Великаго, *О скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе, отчего приключается скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается*. Эта драгоцѣнная рукопись досталась Погодину въ числѣ прочихъ, купленныхъ Т. Ѳ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ въ 1840 году послѣ покойнаго Лаптева, извѣстнаго собирателя Отечественныхъ Древностей.

Познакомившись съ содержаніемъ этого сочиненія Посошкова, Погодинъ удивился „его вѣрности взглядовъ, дѣльности указаній, обширности соображеній и разныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя только теперь, черезъ полтораста почти лѣтъ, начинаютъ приводиться въ исполненіе, напримѣръ, о кодификаціи, о размежеваніи, о цѣнности денегъ, о содѣйствіи духовному образованію, торговлѣ, промышленности, земледѣлію, военному искусству". Посошковъ представился Погодину „геніальнымъ государственнымъ, русскимъ по преимуществу, умомъ, проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ, преданнымъ Церкви, Государю и Отечеству". „Вотъ еще", съ радостью восклицаетъ Погодинъ, — „одинъ великій человѣкъ въ мою Версальскую галлерею!" Окончивъ разсмотрѣніе Посошкова, Погодинъ писалъ: „Кончилъ Посошкова... Благодарю судьбу, которая доставляетъ мнѣ случай ввести такого великаго человѣка въ святилище Русской Исторіи".

Погодинъ до того увлекался своимъ открытіемъ, что его выводило изъ себя равнодушіе другихъ къ нему. Такъ, посѣтивъ однажды М. А. Дмитріева, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ ѣздилъ къ Дмитріеву. Пол-часа не оказывалось никакого участія къ Посошкову, пока наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, не возбудилъ его рѣзкими упреками въ русскомъ равнодушіи. Всѣ были въ восторгѣ, кромѣ Андросова, который просто противенъ своими нелѣпыми возраженіями". Посошкова пропагандировалъ Погодинъ всюду. Онъ толкуетъ о немъ съ М. Ѳ. Орловымъ, заинтересовываетъ имъ графа А. Н. Панина, намѣревается прочесть о немъ лекцію въ Университетѣ; но графъ С. Г. Строгановъ не совѣтывалъ читать, „чтобъ не произвела слишкомъ много эффекту, и не была растолкована криво". Съ этимъ соглашается и Погодинъ [257]). Совѣтъ графа Строганова былъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что, по свидѣтельству самого Погодина, драгоцѣнное открытіе его „встрѣчено было сомнѣніями, отрицаніями и насмѣшками. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно". Литературные враги Погодина, завидуя его открытію драгоцѣнныхъ

сочиненій Посошкова и вслѣдствіе „старой литературной вражды", распустили слухъ, что Посошкова никогда не существовало, что подъ именемъ Посошкова писалъ какой-то вельможа временъ Елисаветы или Екатерины, и этотъ слухъ довели и до Министра, такъ что Погодинъ долженъ былъ защищать въ предисловіи существованіе Посошкова, которое „засвидѣтельствовано послѣ оффиціально на допросахъ Тайной Канцеляріи и на Самсоніевскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ". Даже нѣкоторые пріятели Погодина, изъ людей самыхъ образованныхъ, „вознегодовали" на него и на Посошкова „за его мысли о крестьянахъ".

„Споры на первыхъ порахъ", свидѣтельствуетъ Погодинъ,— „причиняли мнѣ много досады, и я помню живо одинъ четверговый вечеръ у нашего градоначальника, князя Д. В. Голицына, съ какими усиліями я долженъ былъ отстаивать своего героя, „вводимаго мною", какъ сказалъ тогда, „въ Пантеонъ Русской Исторіи", отъ безотчетныхъ нареканій. Въ этомъ расположеніи я заключилъ свое изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Посошкова, стихами Пушкина:

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье."

Печатаніе Посошкова соединялось для Погодина „съ большими затрудненіями въ тогдашнее время, по причинѣ многихъ свободныхъ мыслей стариннаго крестьянина". Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, Уваровъ принялъ Посошкова подъ свое покровительство. Но прежде, чѣмъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, Уваровъ писалъ Погодину: „О Посошковѣ постараюсь доставить вамъ въ скоромъ времени разрѣшеніе; множество, между тѣмъ, списковъ встрѣчаются въ библіотекахъ и архивахъ. Желательно бы опредѣлить, не псевдонимъ ли?" [258])

Получивъ отъ Погодина цѣлое изслѣдованіе о Посошковѣ, Уваровъ 24 ноября 1841 г., вошелъ къ Государю съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ: „Иванъ Посошковъ, крестьянинъ какого-то села Покровскаго *), былъ извѣстенъ у насъ по двумъ краткимъ разсужденіямъ: одно представлено имъ было митрополиту Стефану Яворскому *о состояніи духовенства и объ отношеніи его къ народу*, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго Іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію міранъ, утопающихъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ Христіанской религіи и приложеніи ея къ жизни. (Напечатано въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, изданныхъ Калайдовичемъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1814). Другое представлено боярину Головину *о ратномъ дѣлѣ съ указаніемъ разныхъ улучшеній по этой части.* (Напечатано Розановымъ въ 1793 году).

Новиковъ въ *Словарѣ Русскихъ Писателей* (1783) сообщилъ извѣстіе, повторенное митрополитомъ Евгеніемъ, что Иванъ Посошковъ написалъ книгу *о Скудости и Богатствѣ*. Это сочиненіе извѣстно было доселѣ у насъ по двумъ первымъ словамъ своего заглавія, которое обѣщало не болѣе какого-нибудь нравственнаго разсужденія; оно, напротивъ, заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи и о тѣхъ мѣрахъ, кои принять должно для того, чтобъ привести Отечество въ лучшее состояніе и искоренять вкравшіяся злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, трактатъ, представленный императору Петру I въ 1724 году, изобилующій свѣтлыми выводами здраваго ума, не помраченнаго теоріями и глубоко знакомаго съ бытомъ Россіи.

Рукопись Посошкова раздѣляется на девять главъ: первая посвящена духовенству, вторая военному дѣлу, третья правосудію, четвертая купечеству, пятая художеству (фабрикамъ), шестáя о разбойникахъ (уголовное право), седьмая о крестъ-

---

*) По нѣкоторымъ указаніямъ въ рукописи, кажется будто бы *Новгородской* губерніи.

янствѣ, восьмая о дворянахъ, крестьянахъ и о земельныхъ дѣлахъ, девятая о Царскомъ Интересѣ (о финансахъ).

Замѣчательно, что суждено намъ было сдѣлать это любопытное, можно сказать даже важное открытіе въ благополучное царствованіе Вашего Императорскаго Величества, когда всѣ начала народной жизни приняли сугубое существованіе и духъ Петра Великаго какъ будто опять воцарился въ Россіи.

Имѣю счастіе при семъ всеподданнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Величества выписку изъ сочиненія крестьянина Посошкова, испрашивая всемилостивѣйшаго дозволенія, по надлежащемъ разсмотрѣніи рукописи, напечатать оную“.

На другой же день Уваровъ поручилъ Комовскому увѣдомить Погодина о послѣдствіяхъ доклада. „Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія“, писалъ Комовскій,—„представлялъ на усмотрѣніе Государя Императора выписку изъ сочиненія крестьянина Посошкова и испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія, по надлежащемъ разсмотрѣніи рукописи, напечатать оную. На докладной запискѣ его высокопревосходительства послѣдовала собстенноручная Его Величества резолюція: *Согласенъ*. Сергѣй Семеновичъ приказалъ мнѣ вслѣдствіе этого просить васъ объ увѣдомленіи, гдѣ вы предполагаете печатать рукопись Посошкова, и, особенно, въ какой цензурный комитетъ думаете представить ее на разсмотрѣніе, чтобъ сообразно съ тѣмъ можно было увѣдомить цензурное вѣдомство о Высочайшемъ соизволеніи. При этомъ его высокопревосходительство поручилъ сообщить вамъ его мнѣніе, что въ предисловіи не должно положительно приписывать это произведеніе крестьянину Посошкову, и хотя нельзя съ такою утвердительностію, какъ сдѣлалъ одинъ изъ Петербургскихъ журналистовъ, назвать кого-либо другого настоящимъ сочинителемъ рукописи, однако авторство крестьянина Посошкова также подлежитъ сомнѣнію. Главное то, что подобное сочиненіе могло быть написано и представлено императору Петру Великому; кѣмъ? — вопросъ второстепенный; конечно очень разительно—если авторъ такого

произведенія простой крестьянинъ; но при существованіи нѣсколькихъ списковъ этого творенія и при другихъ обстоятельствахъ—авторство его требуетъ очевиднѣйшихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія доселѣ можно представить въ подкрѣпленіе этого мнѣнія" [259]).

Это письмо привело въ восторгъ Погодина, и онъ писалъ Министру: „Въ землю кланяюсь вашему высокопревосходительству за позволеніе Высочайшее, исходатайствованное вами, напечатать Посошкова. Это новое доказательство вашей просвѣщенной любви къ Отечественной Исторіи, новое право на общую признательность, новый подвигъ, совершенный во славу Святой Руси. Извѣстіе г. Комовскаго довершило мое выздоровленіе. Да сохранитъ васъ Богъ въ долготу дней. Выписку, бывшую у вашего высокопревосходительства, намѣренъ я напечатать въ своемъ журналѣ, а все сочиненіе особо. О доказательствахъ въ пользу Посошкова я молчалъ, ожидая противныхъ отъ моихъ антагонистовъ, но теперь представлю ихъ немедленно на усмотрѣніе ваше. Впрочемъ главное дѣло въ сочиненіи, а не въ сочинителѣ, какъ изволили замѣтить".

До выпуска въ свѣтъ книги Погодинъ въ своемъ *Москвитянинѣ* напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Крестьянинъ Иванъ Посошковъ, государственный мужъ временъ Петра Великаго*; въ ней представилъ краткій очеркъ примѣчательныхъ мыслей, которыми преисполнено сочиненіе этого „государственнаго мужа" [260]). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Погодинъ намѣревался помѣстить слѣдующее: „Спѣшимъ обрадовать читателей извѣстіемъ, что все оно скоро выйдетъ въ свѣтъ съ Высочайшаго соизволенія, по представленію его высокопревосходительства, господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, котораго имя, за сообщеніе ученому свѣту безчисленныхъ историческихъ памятниковъ, благодарная Русская Исторія ставитъ уже подлѣ имени Румянцова". Комовскій представлялъ это примѣчаніе на предварительное усмотрѣніе Уварова и, по порученію его, извѣстилъ Погодина: „Его высокопревосходительство желаетъ, чтобы все до него

относящееся было выпущено; считаетъ даже ненужнымъ упоминать о Высочайшемъ соизволеніи на это изданіе".

Прочитавъ о Посошковѣ въ *Москвитянинѣ*, Загряжскій, опасаясь за своего друга, писамъ ему: „Въ послѣднемъ нумерѣ *выписка изъ Посошкова* очень интересна, а главное въ ней есть мѣста, которыя могутъ навлечь тебѣ непріятность; давно ли ты чуть не попалъ въ бѣду, а теперь опять помѣщаешь, въ наше время, слишкомъ свободныя разсужденія; правда, благомыслящіе увидятъ, что это разсужденія Посошкова, не твои, но Булгарины придерутся и укажутъ на нихъ, какъ на мѣста тобою избранныя, слѣдовательно—какъ бы тебѣ принадлежащія, выведутъ изъ того, что духъ, которымъ ты водишься и который распространяешь, опасенъ, а это много или мало принесетъ тебѣ вредъ на будущемъ твоемъ поприщѣ историка. Воля твоя, а благоразуміе требуетъ избѣгать таковыхъ случаевъ не изъ страху, а для пользы самаго дѣла. Ты же объявилъ, что скоро напечатаешь все сочиненіе Посошкова, ну тамъ бы и помѣстилъ ихъ, еслибы и вышло что, запретили бы книгу да и только, а журналъ бы остался въ покоѣ, а теперь Богъ знаетъ" [261]).

Въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 21 февраля 1842 года, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Черткова и въ присутствіи членовъ: Снегирева, Строева, Макарова, Шевырева, Вельтмана, Иванчина-Писарева, Пассека, Даниловича и Дубенскаго, Погодинъ представилъ приготовленное имъ къ печати изданіе Посошкова, и Общество опредѣлило: „издать Посошкова на иждивеніе Общества, въ пользу издателя въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ". При этомъ П. М. Строевъ „предложилъ воспользоваться у него находящимся спискомъ для сличенія" [262]).

Отпечатавъ Посошкова, Погодинъ поднесъ его многимъ сановникамъ. Такъ, посылая экземпляръ князю А. С. Меншикову, онъ писалъ ему: „Честь имѣю представить вашему сіятельству изданныя мною политическія сочиненія крестьянина Ивана Посошкова, временъ Петра Великаго. Осмѣливаюсь

считать ихъ не недостойными вниманія мужей государственныхъ нашего времени". Самъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ писалъ Погодину: „Имѣвъ честь получить изданныя вами сочиненія Посошкова и прочитавъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, я вмѣнилъ себѣ въ пріятную обязанность чувствительнѣйше благодарить васъ за доставленіе мнѣ случая узнать великія и отличительныя способности Русскаго крестьянина, а главнѣйше по статьѣ: *Отеческое завѣщательное поученіе*, посланному для обученія въ дальныя страны юному сыну, которое преисполнило душу мою живѣйшимъ удовольствіемъ". Погодинъ не забылъ также *Эолову Арфу*, А. И. Тургенева, которому писалъ: „Въ знакъ искренняго моего почтенія къ вашей апострофѣ о варварскомъ Сибирскомъ правѣ, на вечерѣ у И. В. Кирѣевскаго, прошу принять отъ меня изданныя мною сочиненія одной чисто Русской головы, которая умѣла думать и безъ Западнаго ученія,—Посошкова. Я увѣренъ, что вы прослезитесь надъ нѣкоторыми страницами, потому что сердце-то у васъ бьется по Русски, когда даже вы и по Французски говорите".

Труды Погодина по изданію Посошкова удостоились *Высочайшаго благоволенія*. Но когда объ этомъ узналъ графъ С. Г. Строгановъ, то написалъ Погодину письмо, которое повергло его въ отчаяніе. „Въ 13 № *Сѣверной Пчелы*", писалъ графъ Строгановъ,—„нынѣшняго 1843 года нечаянно прочелъ я извѣстіе о Высочайшемъ благоволеніи, объявленномъ вашему высокоблагородію, за поднесеніе Государю Императору экземпляра изданной вами книги: *Сочиненія Ивана Посошкова*. Какъ мнѣ извѣстно, изданіе этой книги, которое состоитъ только въ перепечатаніи, произведено на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, то я и считаю себя въ необходимости сдѣлать вамъ, милостивый государь, *замѣчаніе*, что и поднесеніе ея, еслибъ оно признано было нужнымъ, должно быть сдѣлано отъ самого Общества, ибо оно только вправѣ располагать такимъ образомъ своимъ изданіемъ.

Сообщая вамъ это *замѣчаніе*, я покорнѣйше прошу васъ

милостивый государь, въ случаѣ если не сдѣлано отъ Общества какихъ-либо неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій, по которымъ изданіе сочиненій Посошкова предоставлено въ вашу собственность, доложить содержаніе настоящаго предложенія моего въ первомъ имѣющемъ быть засѣданіи Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, руководствуясь общепринятыми формами, не иначе представляло къ поднесенію издаваемыя имъ сочиненія Государю Императору, какъ чрезъ посредство своего президента".

Это письмо крайне оскорбило Погодина, и онъ отвѣтилъ Президенту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „На письмо вашего сіятельства изъ Петербурга симъ отвѣчать честь имѣю: 1) сочиненіе Посошкова составляетъ мою собственность, и издано мною, а не Московскимъ Обществомъ Исторіи, только на иждивеніе Общества, и это напечатано на заглавномъ листѣ,—въ мою пользу, за что въ предисловіи и принесена благодарность Обществу. 2) Оно не состоитъ *только въ перепечатаніи*, какъ вы изволите, къ оскорбленію моему, писать, а напечатано мною съ рукописи мною найденной. 3) Представлены они г. Министру, а не Президенту Общества, потому что и въ рукописи были представляемы ему же, для испрошенія Высочайшаго соизволенія на напечатаніе. Получивъ разрѣшеніе отъ г. Министра, а не отъ Общества, я не могъ, не имѣлъ права и не смѣлъ представлять напечатанное сочиненіе ни Обществу, ни Президенту на судъ, по вашимъ словамъ—*признáютъ ли еще они нужнымъ поднесеніе или нѣтъ Государю Императору*. Страдая кровотеченіемъ изъ горла впродолженіи двухъ мѣсяцевъ предъ лицомъ всего Университета и читая лекціи вопреки приказаніямъ почти всѣхъ членовъ медицинскаго факультета, я, по единогласному ихъ приговору, долженъ избѣгать всякаго волненія, если не хочу подвергнуть жизнь свою опасности. Вы можете судить сами, ваше сіятельство, должны ли произвести волненіе и огорченіе такія не заслуженныя *замѣчанія* въ профессорѣ, который служитъ усердно и безпорочно слишкомъ двадцать лѣтъ и который разстроилъ свое здоровье, для службы, учеными трудами,

коихъ ни одинъ личный врагъ его отвергнуть не смѣетъ? Въ самую сладостную минуту, какую только можетъ имѣть русскій гражданинъ и вѣрноподданный, въ минуту *Высочайшаго благоволенія*, вы присылаете мнѣ съ поспѣшностію изъ Петербурга *строгій выговоръ*, прибавляя даже литературное оскорбительное и несправедливое замѣчаніе, по поводу поднесенія той книги, которая доставила мнѣ неоцѣненное счастіе! Вы изволите называть *только перепечатаніемъ* мое открытіе, которое я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни литературной... Такія послѣдовательныя дѣйствія въ продолженіи трехъ лѣтъ не только лишаютъ меня надежды на всякое снисхожденіе и пощаду со стороны вашего сіятельства, еслибъ случилось мнѣ, по свойственной человѣку слабости, дѣйствительно преступиться, какъ журналисту и профессору, но и производятъ во мнѣ и семействѣ моемъ опасеніе за всю мою службу и самую жизнь... Объ опасныхъ слѣдствіяхъ волненія для меня въ моей болѣзни можетъ засвидѣтельствовать вамъ мой врачъ, профессоръ Иноземцевъ. По всѣмъ симъ причинамъ я нахожусь вынужденнымъ оставить Университетъ и предупредить о томъ ваше сіятельство. Просьбу оффиціальную объ увольненіи я не подаю теперь потому только, что считаю себя обязаннымъ извѣстить заблаговременно о своемъ намѣреніи г. Министра, котораго просвѣщенному покровительству, вниманію и ободренію я одолженъ столько, что готовъ принести какія угодно ему жертвы и читать лекціи хотя съ одра болѣзни, въ случаѣ его желанія. Въ ожиданіи же рѣшенія, я умоляю ваше сіятельство внять гласу человѣколюбія и освободить меня до моего облегченія отъ выговоровъ за такія дѣйствія, въ коихъ сами вы, какъ нынѣ, не изволите быть увѣренными".

L.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ давно мечталъ сойти съ каѳедры Московскаго Университета и окончательно углубиться

въ изученіе Русской Исторіи. Мы также знаемъ и то, что въ преемники себѣ онъ прочилъ В. В. Григорьева и А. Ѳ. Бычкова. Оба они дѣятельно приготовлялись къ предстоящему имъ поприщу. „Магистерскій экзаменъ подвигается впередъ", писалъ Бычковъ Погодину,—„но медленными шагами, теперь занимаюсь Новою Исторіею. Переходъ мой въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не состоялся. Я отказался отъ мѣста, котораго искалъ, по причинѣ многочисленности занятій, которыя, поглотя все свободное время, превратили бы меня ни болѣе, ни менѣе какъ въ форму канцелярскаго отношенія съ нумеромъ на боку" [263]).

Съ своей стороны и Григорьевъ, въ Одессѣ, приготовлялся къ экзамену и писалъ уже диссертацію о ханскихъ ярлыкахъ, пользуясь указаніями друга П. М. Строева, Ярцова, котораго Григорьевъ считалъ однимъ изъ первѣйшихъ знатоковъ Татарскихъ нарѣчій. Наконецъ, 1 февраля 1842 года, Григорьевъ оставляетъ Одессу и ѣдетъ въ Москву добывать магистерства. Изъ Москвы онъ писалъ Савельеву: „На дняхъ будетъ мой первый экзаменъ. Погодинъ прочитъ меня въ преемники себѣ по каѳедрѣ Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Хочетъ передать и изданіе *Москвитянина*". По свидѣтельству Н. И. Веселовскаго, „пребываніемъ въ Москвѣ Григорьевъ не могъ быть недоволенъ. Уже одно предложеніе Погодина доставляло ему великое торжество и льстило самолюбію. А. Д. Чертковъ, познакомившись съ Григорьевымъ, тоже старался удержать его въ Москвѣ и убѣждалъ попечителя, графа С. Г. Строганова, не упускать Григорьева..." О своемъ экзаменѣ самъ Григорьевъ писалъ Савельеву: „Ну, Савка, кажись, что подъ старость лѣтъ дадутъ мнѣ, наконецъ, магистерство за многія претерпѣнныя мною страданія и великія отдаленныя совершенныя мною странствованія. Экзаменъ свой не считаю весьма великолѣпнымъ; иные находятъ напротивъ, что я сдалъ экзаменъ „торжественно". Передъ приступленіемъ къ оному Погодинъ прочелъ рѣчь о великихъ заслугахъ моихъ относительно Русской Исторіи. Теперь остается только защитить диссертацію.

Диссертація не глупа и дѣльна, но написана скверно...., что *Библіотека для чтенія* замѣтитъ всеконечно, если только О. И. Сенковскій не пройдетъ ее презрительнымъ молчаніемъ“ [264]).

Между тѣмъ объ экзаменѣ Григорьева Погодинъ заявилъ въ своемъ *Москвитянинѣ* слѣдующее: „Молодой извѣстный оріенталистъ нашъ Григорьевъ, помѣстившій дѣльное разсужденіе въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* о древнихъ походахъ Руси на восточныя страны, и другія примѣчательныя статьи, равно и въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, переведшій *Исторію Монголовъ* съ Персидскаго, пріѣхалъ въ Москву изъ Одессы искать степени магистра въ нашемъ Университетѣ, по части Россійской Исторіи. Ему задана диссертація о предметѣ, у насъ совершенно новомъ и пропускаемомъ въ исторіи: *Достовѣрность ханскихъ ярлыковъ*“ [265]).

Но всѣмъ этимъ былъ очень недоволенъ попечитель Одесскаго учебнаго округа, Д. М. Княжевичъ, и письменно упрекалъ Погодина: „Григорьевъ воленъ дѣлать, что хочетъ, хотя мнѣ очень больно будетъ его потерять, но его святая воля! Держать его я не могу, да мнѣ и нечѣмъ. Вамъ, господа, хорошо переманивать, но еслибъ вы знали, какъ намъ, при нашемъ безлюдьи, тяжело терять!“ [266])!

По свидѣтельству Н. И. Веселовскаго защита Григорьевымъ диссертаціи „прошла блистательно, и еще сильнѣе Москвичи стали желать удержать его въ Москвѣ“. Во время своего пребыванія въ Москвѣ Григорьевъ посѣщалъ своего университетскаго товарища Т. Н. Грановскаго и объ этомъ писалъ Савельеву: „Грановскій очень счастливъ съ своей нѣмочкой... У него собираются лучшіе Московскіе геніи—люди съ чувствомъ, съ умомъ, но которые мнѣ не нравятся почему-то. Много говорятъ, много пьютъ, мало дѣлаютъ. А есть здѣсь молодежь многообѣщающая; только эгоизмъ развитъ во всѣхъ въ ужасной мѣрѣ. Отечество—пустой звукъ для ихъ ума, не проникающій въ грудь“.

Но цѣль Григорьева, какъ свидѣтельствуетъ Н. И. Весе-

ловскій, была не каѳедра Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. У него былъ „другой планъ сокровенный, который онъ высказалъ только Савельеву—переселиться въ Петербургъ и современемъ занять каѳедру Джафара Топчибашева въ Петербургскомъ Университетѣ“ [267]). По возвращеніи въ Одессу Григорьевъ написалъ слѣдующее замѣчательное письмо Погодину: „Дѣло идетъ о каѳедрѣ Русской Исторіи въ Москвѣ—предметѣ очень важномъ для меня и интересномъ для васъ. Вести разговоръ изустно теперь потерянъ для меня случай; надо переписываться по необходимости, итакъ прошу прослушать. Вы желаете имѣть меня преемникомъ по каѳедрѣ. Это желаніе высказывали вы мнѣ не разъ въ Москвѣ. Что оно не перемѣнилось съ тѣхъ поръ, доказываетъ вопросъ вашъ въ послѣднемъ письмѣ: *принялся ли я вплотную за Русскую Исторію?* Желаніе это—выраженіе расположенія вашего ко мнѣ—принималъ я и принимаю съ благодарностію, тѣмъ живѣйшею, что не сдѣлалъ ничего, чтобы заслужить его, что еще слишкомъ мало вамъ извѣстенъ. Но это же самое обстоятельство могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ, и требуетъ, чтобъ мы объяснились. Избирая меня въ преемники себѣ, вы думаете, быть можетъ, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, что я совершенно одинаковыхъ историческихъ вѣрованій съ вами. Въ такомъ случаѣ вы нѣсколько ошибаетесь во мнѣ. Мы сходимся совершенно только въ любви къ Россіи и Словенскому міру, но въ другихъ пунктахъ нѣсколько разнаго мнѣнія. Вы вѣрите, напримѣръ, въ непреложность Нестора, а я не очень (какъ думаю я объ немъ можете увидѣть изъ статьи моей *О Куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи, какъ источникахъ для древнѣйшей Отечественной Исторіи*, помѣщенной въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*. Отдѣльный отпечатокъ ея посланъ къ А. Д. Черткову. Вамъ вышлю таковой же при первомъ случаѣ); вы вѣрите въ достовѣрность древнѣйшей Русской Исторіи въ томѣ видѣ, въ какомъ она теперь, а я не совсѣмъ, потому что многаго въ ней не могу себѣ объ-

яснить. Я не послѣдователь Каченовскаго, но и не Шлецеристъ, уважаю труды трудившихся, но думаю, что для проясненія судебъ и значенія Русскаго народа сдѣлано еще очень, очень мало. Это одно; но положимъ, какъ я и ожидаю, что вы не нашли бы ничего предосудительнаго въ моихъ понятіяхъ о Русской Исторіи, и что они не измѣнятъ вашего желанія,— остается и въ такомъ случаѣ еще много препятствій: согласится ли на это предложеніе Министръ, Попечитель, Совѣтъ? Вы не тотчасъ же оставите Университетъ, а адъюнктской каѳедры я не возьму. Да еслибы приняли и экстраординарнымъ, такъ какъ повести дѣло? Основать другую каѳедру Русской Исторіи — дѣло не легкое, и проч. и проч. Это другое, самое же огромное препятствіе заключается въ собственномъ моемъ сознаніи, что, покуда я недостоинъ быть профессоромъ Русской Исторіи въ первомъ отечественномъ Университетѣ, въ сердцѣ Россіи, въ городѣ, гдѣ есть тьма людей цѣлую жизнь занимающихся этимъ предметомъ. Какими глазами будутъ они смотрѣть на меня, а я на нихъ. Притомъ, я вездѣ стремлюсь къ идеаламъ: какъ посмотрю на идеалъ Русской Исторіи, который создало на досугѣ мое воображеніе, такъ возможность не то что достигнуть его, а такъ подойти къ нему за версту представляется мнѣ столь недостижимою, что морозъ по кожѣ подираетъ, становится страшно, нападаетъ отчаяніе—и я теряю силы. Одинъ хотѣлъ бы я сдѣлать то, что дѣлается сотнями людей въ десятки лѣтъ. Явно, что это невозможно, а между тѣмъ невозможность эта огорчаетъ меня. Что будете вы дѣлать съ этой взбалмошной головой! Но, въ то время, когда чортъ идеальности не давитъ меня, и я смотрю на вещи холодно, глазами дѣйствительности, меня забираетъ страшная охота проповѣдывать Русскую Исторію, и именно въ Москвѣ. Сознавая, что покуда я еще школьникъ по свѣдѣніямъ моимъ въ ней, я чувствую въ то же время, что черезъ три—четыре года постоянныхъ занятій, мнѣ бы ни передъ кѣмъ не было стыдно, никто бы меня за поясъ не заткнулъ. Сознавая еще, что есть много людей въ сто разъ

болѣе меня свѣдущихъ и даровитыхъ, людей, которые бы могли преподавать Русскую Исторію въ десять разъ лучше меня, я чувствую также и то, что едвали нашелся бы между ними хоть одинъ, кто читалъ бы ее съ такими благими намѣреніями для Отечества, съ такою горячею и просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ такимъ пламеннымъ желаніемъ принести пользу и посѣять въ слушателяхъ добрыя сѣмена, а это желаніе—залогъ успѣха, хотя въ половину: *толцыте и отверзется.* Какъ же быть, какъ согласить всѣ эти противорѣчія? Я думаю вотъ какъ: Строгановъ предлагалъ мнѣ каѳедру Исторіи Востока—я и буду проситься на нее, и перейду въ Москву, а читая Исторію Востока, предметъ, которымъ я такъ занимался, буду между тѣмъ работать надъ Русскою Исторіею и готовиться сѣсть на ваше мѣсто. Поѣдете вы куда, по Россіи или за границу, я стану, пожалуй, читать за васъ временно, въ вашемъ же духѣ и по вашему указанію; а тамъ, когда вы отслужите свои двадцать пять лѣтъ, перейду на вашу каѳедру. Въ Москвѣ во всякомъ случаѣ сподручнѣе заниматься Русскою Исторіею, чѣмъ въ Одессѣ. Покуда я буду оставаться въ послѣдней, я ничего не сдѣлаю въ этомъ отношеніи, вопервыхъ потому, что меня безпрестанно будутъ отвлекать другими работами—для Общества Древностей; вовторыхъ, потому что здѣсь нѣтъ и десятой доли нужныхъ пособій. Итакъ, надо переходить сначала на каѳедру Исторіи Востока, и я готовъ хоть этимъ лѣтомъ. Какъ вамъ кажется все это, Михайло Петровичъ? Мое мнѣніе то, что и во сто лѣтъ нельзя придумать ничего умнѣе. Такимъ образомъ исполнится и ваше желаніе, и мое, и Строганова. На всѣхъ угодимъ. Чего же лучше? Отпишите обстоятельно, одобряете ли вы этотъ планъ, и если нѣтъ, такъ почему. Вы понимаете, какъ важенъ мнѣ отвѣтъ, потому, надѣюсь, не откажете въ немъ".

Въ отвѣтъ на это письмо Погодинъ немедленно написалъ Григорьеву слѣдующее: „Благословляю! Прекрасно! Но вы не написали мнѣ только ни слова о томъ, какъ рѣшились вы съ Дмитріемъ Максимовичемъ Княжевичемъ? Устроясь, пишите

прямо къ графу Строганову: *вы предлагали мнѣ... я не рѣшался, ибо... но теперь обстоятельства перемѣнились, я...* Его дѣло уже будетъ сотворить мѣсто или принять другія мѣры. Напишу только нѣсколько словъ о вашемъ письмѣ. *Мы сходимся въ любви къ Россіи, но только разнаго мнѣнія.* Въ чемъ же? *Шлецеристъ,* это слово нынѣ безъ смысла. Что осталось отъ Шлецера? Ничего. Я совѣтую молодымъ студентамъ читать его чтобъ загорѣться любовію къ дѣлу, чтобъ пріучиться къ методѣ чтобъ получить ученое уваженіе къ Русской Исторіи—вотъ и все. Что касается до мыслей, онѣ почти уже всѣ устарѣли, или переработаны, проведены далѣе. Шлецеристомъ нынѣ быть нельзя. Я благоговѣю передъ Шлецеромъ, но мнѣніе его о Руссахъ 866 г., неизвѣстно откуда пришедшихъ и куда ушедшихъ, считаю нелѣпымъ; мнѣнія его о Сагахъ—дѣтскими; о шведизмѣ Варяговъ-Руси—неосновательными, о варіантахъ—неприкладными; объ Исторіи народовъ съ перваго только объ нихъ упоминовенія, а не прежде—обветшалымъ; о важности лѣтописей передъ другими источниками, напримѣръ, языкомъ и проч.—отсталыми; о качествахъ и достоинствахъ Русской лѣтописи, напримѣръ, Никоновскаго списка, Воскресенскаго и проч.—поверхностными. Ну, что же остается отъ него, повторяю? Его огонь, его духъ, его энергія, его примѣръ, его указанія. *Вы вѣрите въ непреложность Нестора.* Да у меня цѣлая глава посвящена его сказкамъ, и самъ Шлецеръ сказалъ еще вамъ: разберите 1) что написалъ Несторъ, 2) что разумѣлъ онъ подъ своими словами, 3) въ чемъ онъ ошибся. Какого лѣтописателя среднихъ вѣковъ можно считать непреложнымъ? Вообще—это другое дѣло. Видно, вы меня не знаете. Двумя этими словами вы показали, что вы начинаете изучать Русскую Исторію, прочли по разу, но что не перечли по десяти разъ сего, того и онаго, а судите поверхностно. Я перечитываю Шлецера и Карамзина почти всякіе два года. Читать, читать и перечитывать. Что не можете объяснить себѣ въ Древней Русской Исторіи—напишите мнѣ хотя по частямъ. Вообще—она ясна для меня, какъ день. Частности—о, это другое дѣло. Да я и не придаю

имъ большой важности. *Для поясненія судебъ Русскаго народа сдѣлано еще очень мало.* Если вы говорите это въ отношеніи ко всей Русской Исторіи—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Пройдена большая дорога—окрестности почти terra incognita. Но для Древней Исторіи (періода Варяжскаго) нечего почти дѣлать больше. Періодъ предъ-Варяжскій—о, это тоже поле не воздѣланное. Пишите мнѣ о вашихъ неудомѣніяхъ, пока мы не будемъ жить вмѣстѣ. Для меня они будутъ полезны, указывая мнѣ, на что должно обратить особенное вниманіе, указывая на точки, съ коихъ другіе смотрятъ. Особенно прошу о первомъ періодѣ, отъ 862 года до 1054, который я издаю. Мнѣ хочется осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. О *Москвитянинѣ* я, разумѣется, спрашивалъ вашего письменнаго мнѣнія. На что мнѣ печатное".

Въ томъ же 1842 году Н. И. Надеждинъ, какъ мы видѣли въ письмѣ Григорьева, оставилъ Одессу и переселился въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ Погодину примирительное письмо и для укрѣпленія мира препроводилъ къ нему большую статью о *Русской Философіи.* „Вотъ тебѣ, Михулько", писалъ онъ, — „статья—очень длинная, и, надѣюсь, не незанимательная. Я посылаю ее тебѣ *gratis*, отъ того, что цѣны твои очень низки, и я никакъ не хочу марать ими своихъ рукъ. Прими это, какъ воздаяніе за твое нѣкогда сотрудничество въ „*Телескопѣ*", и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдись, какъ ты былъ глупъ и несправедливъ, впрочемъ больше жалокъ, чѣмъ смѣшонъ, съ твоимъ ощетинившимся противъ меня самолюбіемъ. Я писалъ тебѣ послѣднее письмо отъ сердца, а ты принялъ его съ сердцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отсылать тебя къ черту еще рано. Можетъ быть, изъ тебя и выйдетъ что путное, если вдумаешься хорошенько въ себя и въ свое дѣло. *Препираться съ таковымъ Бенигною, какъ ты*, да и вообще съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, я, какъ говаривалъ Каченовскій, *не намѣренъ.* Усталъ суесловить! Занимайся ты какъ умѣешь и какъ знаешь. А я буду заниматься, какъ я умѣю и знаю. Столкнемся—поклонимся, какъ

подобаетъ чиннымъ, степеннымъ людямъ, а не тѣмъ, которыхъ ты называешь моими *воспитанниками* и у которыхъ, однако, самъ не стыдишься, на старости лѣтъ, *воспитываться* въ замашкахъ журналистскихъ. Ну да что тутъ толковать".

Но статья Надеждина почему-то не была напечатана въ *Москвитянинѣ*. „Надоумка (то-есть, Надеждинъ)", писалъ Д. М. Княжевичъ Погодину, — „ужасно скучаетъ въ Петербургѣ. Жаль его! Что его статья о *Философіи въ Россіи*? Жаль, если не будетъ напечатана". Самъ же Надеждинъ писалъ Погодину: „Назадъ тому мѣсяца два я послалъ тебѣ большую статью о *Русской Философіи*. Я писалъ ее именно для твоего журнала. Но впослѣдствіи оказались обстоятельства, по которымъ помѣщеніе ея дѣлается неумѣстнымъ именно въ твоемъ журналѣ. Полагая, что статья уже напечатана, или изготовлена къ печати, я хотѣлъ было предоставить ее своей судьбѣ и не рѣшался тебя тревожить. Но теперь, узнавъ отъ Григорьева, что печатаніе ея отложено до іюня, прошу тебя вовсе имъ остановиться и сберечь статью до моего пріѣзда въ Москву, въ случаѣ же, если ты уѣдешь раньше, оставить ее С. Т. Аксакову" [268]).

Эмиграція ученыхъ изъ Москвы въ Петербургъ не прекращалась. Вслѣдъ за А. Н. Поповымъ оставилъ Москву и другой ученикъ Погодина, а впослѣдствіи его сопротивникъ, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Въ 1841 году Кавелинъ сдалъ экзаменъ на магистра Гражданскаго права и началъ писать магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: *Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ*. Принадлежа по направленію къ западному лагерю, тѣмъ не менѣе Кавелинъ былъ близокъ къ Хомякову и читалъ ему отрывки изъ своей диссертаціи.

По свидѣтельству Д. А. Корсакова, „мать Кавелина была весьма недовольна и новыми знакомствами своего сына, и его, съ ея точки зрѣнія, праздною жизнью. Она противилась его

стремленіямъ къ профессурѣ и мечтала о служебной для него карьерѣ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ Министерствъ. Отецъ Кавелина обвинялъ его въ вольнодумствѣ и также не сочувствовалъ его планамъ на будущее. Все это заставило, наконецъ, Кавелина покориться родительскимъ требованіямъ, и онъ рѣшился ѣхать служить въ Петербургѣ. Москву онъ оставилъ 7 мая 1842 года“ [269]). Хомяковъ напутствовалъ Кавелина, какъ прежде товарища его Попова, самымъ теплымъ письмомъ къ А. В. Веневитинову: „Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо“, писалъ онъ,— „Попова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы, Кавелина (Константина Дмитріевича) адресую къ тебѣ столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятельствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссертаціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его уже кончить диссертацію тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи ты, вѣроятно, знаешь. Она была въ *Юридическихъ Запискахъ* и можетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего, онъ самъ себя уже похвалилъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній я скажу, что онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ. Надобно бы еще устояться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодой) и молодымъ убѣжденіямъ. Но каковъ онъ есть, для васъ онъ великое пріобрѣтенье. Donnez lui quelques bons coups d'épaule, et poussez le, s'il est possible. Служба должна такими людьми дорожить; помѣсти его къ Панину. Сверхъ того, будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятельства дали его характеру нѣсколько раздражительности или лучше сказать недовѣрчивости. Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ, этотъ недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ сношеніяхъ пріятельскихъ“ [270]).

Въ Петербургѣ Кавелинъ возобновилъ знакомство и сблизился съ своимъ бывшимъ учителемъ Бѣлинскимъ. Этому сбли-

женію послужило то обстоятельство, что Кавелинъ поселился у Н. Н. Тютчева, жившаго съ Кульчицкимъ, на Михайловской площади въ домѣ Жербина. Бѣлинскій любилъ посѣщать этотъ кружокъ, въ который входили: И. И. Панаевъ, И. С. Тургеневъ, пріѣзжавшій изъ Москвы В. П. Боткинъ, М. А. Языковъ и И. И. Масловъ. По свидѣтельству позднѣйшихъ воспоминаній К. Д. Кавелина, „Бѣлинскаго въ ихъ кружкѣ не только нѣжно любили, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому... Панаеву не мало доставалось за его суетность, мнѣ за прекраснодушіе и за словенофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны. Вліяніе Бѣлинскаго на мое умственное и нравственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти". Кавелинъ упоминаетъ также, что къ И. С. Тургеневу благоволилъ Бѣлинскій между прочимъ и за нѣсколько стиховъ его въ *Парашѣ* „отрицательнаго и демоническаго свойства". О самомъ кружкѣ Кавелинъ между прочимъ пишетъ: „Аристократическимъ изяществомъ людей съ достаткомъ всѣ мы, кромѣ Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени".

Не знаемъ о другихъ членахъ этого кружка, но что касается до К. Д. Кавелина, то знаемъ, что для него аристократическіе салоны не были заперты, и литературные тузы были ему извѣстны не по одному только имени. Онъ былъ крестникомъ Жуковскаго и пользовался именно въ это время самымъ добрымъ расположеніемъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, къ которому такъ несправедливъ былъ именно Бѣлинскій. Да и самъ же Кавелинъ писалъ слѣдующее къ сестрѣ своей С. Д. Корсаковой (отъ 29 декабря 1842 года): „Изъ всей этой знати знакомъ съ однимъ княземъ Вяземскимъ, который мало похожъ на нихъ, трактуетъ меня d'égal à égal, и даже самъ былъ у меня ужъ нѣсколько

разъ. Сверхъ того, князь Вяземскій есть лучшее воспоминаніе о моихъ Московскихъ друзьяхъ, которыхъ память живетъ во мнѣ и, думаю, умретъ со мною" [271]). Наконецъ, рекомендательное письмо Хомякова къ М. А. Веневитинову открывало ему настежъ двери въ блистательный и благородный салонъ Вьельгорскихъ.

LI.

Въ апрѣльской книжкѣ *Москвитянина* 1842 года, Погодинъ заявилъ, что „пріѣзжавшій въ Москву А. А. Куникъ учиться Русской Исторіи и познакомиться съ литературою, на дняхъ уѣхалъ въ Берлинъ". При этомъ Погодинъ выражаетъ желаніе, чтобы пріобрѣтенныя имъ въ Москвѣ свѣдѣнія онъ употребилъ „съ пользою и безпристрастіемъ" [272]).

Живучи въ Москвѣ, А. А. Куникъ уже тогда своими познаніями обратилъ на себя вниманіе многихъ почтенныхъ людей. Такъ, А. Д. Чертковъ, занимаясь изслѣдованіемъ о Лѣтописи Манассіи, въ которой повѣствуется о войнѣ Святослава въ Болгаріи, писалъ Погодину: „Я весьма благодаренъ г. Кунику за всѣ его замѣчанія и весьма бы желалъ съ нимъ лично познакомиться. Нельзя ли ему ко мнѣ пріѣхать въ субботу. Мнѣ бы весьма хотѣлось съ нимъ поговорить о предметѣ, какъ вижу изъ его замѣчаній, весьма ему знакомымъ" [273]).

Прощаясь съ Москвою, А. А. Куникъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* замѣчательный разборъ сочиненія Рейца, вышедшаго въ 1841 году, въ Дерптѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Учрежденіе и правное состояніе Далматскихъ прибрежныхъ городовъ и острововъ въ Среднихъ Вѣкахъ.* Въ заключеніе этого разбора А. А. Куникъ сказалъ: „Южно-Словенскія общины представляютъ поразительное сходство съ развитіемъ жизни сѣверо-Словенскихъ общинъ Пскова, Новгорода и Вятки, которое отнюдь не было, какъ думаютъ нѣкоторые историки, слѣдствіемъ одной мѣстности и случайныхъ благопріятныхъ

происшествій. Жизнь Словенская избрала себѣ такую форму на сѣверѣ и на югѣ, по естественному своему ходу вещей. Тѣ и другія общины погибли отъ одной и той же политической болѣзни, отъ коей могло исцѣлить ихъ только сильное и безпрестанно возвышающееся къ идеѣ чистой монархіи самодержавіе. Сѣверные, нашедши это исцѣленіе, были счастливы, а южные переходили изъ однѣхъ рукъ чужеплеменниковъ въ другія, и Богъ знать когда перемѣнится ихъ судьба. Эта болѣзнь состояла въ томъ, что не было никакой внутренней идеи, которая бы соединила всѣ народонаселенія Словенскихъ общинъ въ одно живое стройное цѣлое; поэтому какъ скоро усилились маленькія общины въ своей внутренней жизни, то отдѣлились отъ главныхъ. Мы это особенно видимъ въ Далмаціи въ исторіи Дубровника и въ Россіи въ отношеніяхъ Пскова къ Новугороду. Господствующее сословіе, то-есть, городская аристократія не только не знала, какъ привязывать къ себѣ пригороды, чтобы имѣть въ нихъ сильную, готовую и добровольную помощь, въ случаѣ раздора съ внѣшними врагами, но даже производила своими насильственными поступками въ простомъ народѣ совершенную нечувствительность къ своей собственной судьбѣ. Исторія Новагорода и Пскова сдѣлалась бы для насъ еще яснѣе, еслибы имѣли хорошую подробную исторію Дубровника. Безъ сомнѣнія, мы поняли бы лучше отношеніе аристократіи Новгорода къ Московскимъ самодержцамъ, еслибы могли вполнѣ оцѣнить поступки Дубровника съ Боснійскими, Сербскими и Венгерскими князьями“ [274]).

Въ Берлинъ А. А. Куникъ поѣхалъ черезъ Петербургъ, и по дорогѣ видъ Новгорода произвелъ на него очень свѣтлое впечатлѣніе и ему желалось подольше остаться въ этомъ городѣ, „чтобы предаться воспоминаніямъ объ историческомъ прошломъ города“.

Въ Петербургѣ А. А. Куникъ видѣлся съ Загряжскимъ, который принялъ его ласково, но быть полезнымъ ему, при всемъ желаніи, не могъ. Свиданіе же съ А. Ѳ. Бычковымъ не состоялось,

такъ какъ городской адресъ его оказался неизвѣстенъ А. А. Кунику, а идти въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія онъ считалъ для себя неудобнымъ, такъ какъ не желалъ встрѣтиться тамъ съ Министромъ.

Въ маѣ 1842 года А. А. Куникъ уже былъ въ Берлинѣ и оттуда сообщаетъ Погодину о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ, о знакомствахъ съ Фарнгагеномъ, Цибульскимъ и Пертесомъ; о Мансуровѣ онъ пишетъ, что его трудно застать по случаю весеннихъ маневровъ. Далѣе А. А. Куникъ сообщаетъ, что его университетскій другъ Гутцейтъ сдѣлалъ большіе успѣхи по исторической географіи, и что составленныя имъ своеобразно и оригинально историко-географическія карты заслужили одобреніе министра Эйхгорна.

Объ отношеніяхъ Берлина къ Россіи и къ Словенству А. А. Куникъ пишетъ: „Здѣсь, при всей своей осторожности и миролюбіи, я могу наткнуться на препятствія. Атмосфера Берлина тяжела и до того исполнена духомъ недостойной оппозиціи, что я долженъ быть въ высшей степени осторожнымъ, чтобы возвыситься надъ злобою дня. Но чѣмъ ближе всматриваюсь я въ вещи, тѣмъ болѣе вижу, что честныя стремленія Короля не будутъ оцѣнены по достоинству. Такъ же сильно поражаетъ меня этотъ пошлый либерализмъ и соединенное съ нимъ отвращеніе ко всему Русскому. Оно еще сильнѣе прежняго, въ чемъ также сознается Фарнгагенъ; но это отвращеніе еще болѣе прежняго основывается на ослѣпленіи и на пустыхъ призракахъ, такъ что я какъ можно менѣе говорю о Россіи въ надеждѣ на болѣе свѣтлые дни. Въ высшей степени жалко, что здѣшняя ученая Словенская каѳедра досталась поляку, которому къ тому же предписано министерствомъ говорить преимущественно о западно-Словенскомъ элементѣ и лишь для сравненія привлекать южное и восточное Словенство. Удивительно ли послѣ того, если *Польша оказывается главою Словенства*, какъ написано въ одномъ недавно появившемся здѣсь сочиненіи. Вы не можете составить себѣ никакого понятія о Польскомъ высокомѣріи и до какой степени оно по-

стоянно идетъ впередъ. Къ талантамъ Цибульскаго я питаю всяческое уваженіе, но со стороны Пруссіи существуетъ къ нему большое недовѣріе, — и уваженіе остается лишь между нами двоими. Въ скоромъ времени ожидается здѣсь появленіе *Польской исторіи* Лелевеля. До сихъ поръ я по крайней мѣрѣ питалъ уваженіе къ его учености; однако теперь, въ моихъ глазахъ, онъ стоитъ въ этомъ отношеніи въ сочиненіи „Dzieje Litwy i Rusi" не на прежней высотѣ. Одинъ здѣшній книгопродавецъ предпринимаетъ изданіе Словенской галлереи; она дастъ портреты знаменитыхъ Словенъ — и въ большомъ числѣ. Объяснительный текстъ будетъ приложенъ на Французскомъ языкѣ. Редакторъ — полякъ. Sapienti sat! Сначала я очень интересовался дѣломъ, но, увидѣвъ односторонность, замолчалъ. Впрочемъ, нѣкоторые Польскіе портреты издатель намѣренъ отложить въ сторону. Русскихъ портретовъ будетъ лишь немного. Отъ текста требуется простота и умѣренность въ выраженіяхъ, чего особенно добивается издатель, такъ какъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ революціонными идеями. При всѣхъ этихъ мрачныхъ перспективахъ то обстоятельство, что Король не обращаетъ вниманія на эти бредни, внушаетъ мнѣ, какъ и вамъ, конечно, большое удовольствіе. Онъ продолжаетъ дѣйствовать по своему, а именно — чуждаться всякаго легкомыслія. Недавно также онъ безъ обиняковъ, откровенно объявилъ, что *Русскій Императоръ его сердечный и вѣрный другъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истинный другъ Пруссіи*".

Въ это же время самъ Погодинъ тоже путешествовалъ по Европѣ и въ Лейпцигѣ встрѣтился съ А. А. Куникомъ, который, по свидѣтельству Погодина: „для всѣхъ своихъ работъ: переводовъ, извлеченій, собраній, разсужденій, не могъ здѣсь и нигдѣ въ Германіи найти себѣ издателя, потому что онъ хорошо отзывается о Россіи. Вотъ какъ", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, — „ненавидятъ насъ нынѣ въ Германіи, и въ самомъ Лейпцигѣ, гдѣ мы проливали свою кровь, освобождая ее отъ владычества Наполеона".

По совѣту Погодина, А. А. Куникъ рѣшился возвратиться

на *Святую Русь*, и въ ноябрѣ 1842 года мы уже видимъ его въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ съ цѣлью поступить на службу. Министръ Народнаго Просвѣщенія принялъ А. А. Куника очень ласково и увѣрилъ его „въ своемъ расположеніи“ устроить его служебныя дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Куникъ не прерываетъ своего сотрудничества въ *Москвитянинѣ* и посылаетъ Погодину рядъ статей: о настоящемъ и будущемъ Финляндіи, о Прусскихъ крестьянахъ, о Нѣмецкой книжной торговлѣ, и обѣщаетъ Погодину доставить результаты новѣйшихъ изслѣдованій Шегрена. Въ то же время А. А. Куникъ сообщаетъ Погодину любопытное замѣчаніе *о тіунѣ*. „Въ Новгородской Лѣтописи или, скорѣе, въ *Правдѣ* Новгородской“, пишетъ онъ,— „находится указаніе, что *тіунъ*— сельскій староста. Подтвержденіе незначительности этой должности тіуна я почерпаю изъ современности: въ Галиціи у Руссиновъ сельскій староста еще теперь называется *тіуномъ*. Это свѣдѣніе я нашелъ въ одномъ недавно появившемся описаніи путешествія по Словенскимъ землямъ“.

Поселившись въ Петербургѣ, А. А. Куникъ принялся за большой трудъ. Онъ задался мыслію составить *Руководство къ Литературѣ Русской Исторіи* и съ этою цѣлью заключилъ даже контрактъ съ книгопродавцемъ Энгельманомъ, въ силу котораго онъ обѣщался представить первую часть этого труда въ теченіе 1843 года. „Я убѣжденъ“, писалъ онъ Погодину,— „что подобный трудъ первѣйшей важности для Нѣмецкихъ и—могу, конечно, также сказать—для Словенскихъ историковъ. Прежде собранный мною библіографическій матеріалъ принимаетъ теперь все болѣе полный и живой образъ. Естественно, я привожу не только всѣ Восточные, Исландскіе, Франкскіе, Польскіе, туземные и т. д. источники для Русской Исторіи, но къ этому присоединяются очень интересныя замѣтки къ Исторіи исторической литературы вообще. Кромѣ того я привожу съ возможною полнотой указанія на новѣйшія работы и журнальныя статьи. Теперь вы хорошо поймете, почему мнѣ необходимо жить въ Петербургѣ: здѣсь

находятся Археографическая Коммиссія, Публичная Библіотека, Сахаровъ, Востоковъ, библіотека Академіи Наукъ, Аделунгъ съ описаніями путешествій иностранцевъ по Россіи и т. д. Поэтому всѣ прочія работы я пока оставляю въ покоѣ. За Русскою Литературой послѣдуетъ Польская. Обработка остальныхъ литературъ пока остается дѣломъ будущаго". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину объ этомъ предметѣ А. А. Куникъ пишетъ слѣдующее: „Въ настоящее время я занимаюсь Русскою частью и полагаю, что въ состояніи дать трудъ не только въ высшей степени интересный, но и не безполезный—но только въ Петербургѣ. Какой богатый матеріалъ я собралъ. Вы именно знаете, что еще старикъ Бакмейстеръ начиналъ подобную работу; его толстая рукопись, представлявшая преимущественно сводъ статьямъ, разсѣяннымъ въ здѣшнихъ и иностранныхъ журналахъ и въ *Запискахъ Академіи*, перешла къ Буле, который оставилъ вполнѣ обработаннымъ второй томъ своей литературы по Русской Исторіи, а для третьяго тома собралъ матеріалъ. Кипа его бумагъ находится въ рукахъ Аделунга, доброту котораго ко мнѣ я не могу достаточно расхвалить вамъ. Онъ самъ говоритъ: „Я не могу достаточно поощрить васъ къ работѣ". Его собраніе (изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ) болѣе, чѣмъ драгоцѣнно. Онъ теперь приступаетъ къ печатанію своего многолѣтняго труда объ иностранныхъ извѣстіяхъ о до-Петровской Руси; подобныхъ извѣстій у него болѣе трехсотъ, и все-таки я могу дать нѣсколько весьма немаловажныхъ дополненій. Однако, объ этомъ и о многомъ другомъ по поводу этого переговоримъ лично въ ближайшемъ будущемъ".

Но чтобы съ успѣхомъ вести подобный трудъ необходима матеріальная обезпеченность и съ нею нераздѣльно связанное спокойствіе духа; но А. А. Куникъ въ то время еще не обладалъ этимъ сокровищемъ [275]).

LII.

14 марта 1842 года скончался въ Москвѣ Михаилъ Өедоровичъ Орловъ, этотъ, по отзыву близко его знавшаго князя П. А. Вяземскаго, „рыцарь любви и чести, который не былъ бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство почиталось призваніемъ и удѣломъ возвышенныхъ натуръ". [276]). Такъ понимали Орлова его ровесники, люди одного съ нимъ поколѣнія. Послушаемъ теперь отзывъ объ этомъ человѣкѣ писателя другого младшаго поколѣнія. Когда Герценъ узналъ о кончинѣ Орлова, то записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 26 марта 1842 года: „Вчера получилъ вѣсть о кончинѣ Михаила Өедоровича Орлова. Горе и пуще бездѣйственная косность подъѣдаетъ геркулесовскія силы, онъ вѣрно прожилъ бы еще лѣтъ двадцать пять при другихъ обстоятельствахъ. Жаль его. Я никогда не считалъ Михаила Өедоровича ни великимъ политикомъ, ни истинно опаснымъ демагогомъ, ни даже человѣкомъ тѣхъ огромныхъ способностей, какъ о немъ была fama. Но онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго, благороднаго, начиная съ наружности до обращенія и пр. Онъ былъ человѣкъ, между Московскими аристократами, исполненный предразсудковъ, отсталый отъ новаго поколѣнія, упорно державшійся теоріи репрезентативности, какъ она была постановлена въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, и выдумывавшій свои теоріи, дивившія своей неосновательностію. Молодое поколѣніе кланялось ему, но шло мимо, и онъ съ горестью замѣчалъ это. Я былъ лѣтъ девятнадцати, познакомившись съ нимъ. Тогда онъ былъ еще красавецъ. Именно съ такою наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи: главное лицо по талан-

тамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Правительство смотрѣло на него какъ на закоснѣлаго либерала, а либералы—какъ на измѣнника своимъ правиламъ. И въ самомъ дѣлѣ", замѣчаетъ Герценъ,—„непріятно было видѣть на Московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Ѳеодоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались въ каторгѣ. Въ сущности", заключаетъ Герценъ,—„онъ сохранилъ много рыцарски доблестнаго до конца жизни, въ немъ было бездна гуманнаго, добраго. Съ моей стороны я посылаю за нимъ въ могилу искренній и горькій вздохъ" [277]).

Москвитянинъ ограничился самымъ краткимъ извѣстіемъ о смерти Орлова, а годъ спустя, въ *Утренней Зарѣ*, былъ напечатанъ отрывокъ изъ его записокъ: *Капитуляція Парижа* [278]). Пребывавшій въ то время въ Москвѣ, В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Коли у тебя есть *Утренняя Заря*, не можешь ли ссудить меня на двадцать четыре часа. Хотѣлось бы весьма прочесть статью Орлова о *Капитуляціи Парижа*" [279]).

19 апрѣля того же 1842 года, въ день Свѣтлаго Воскресенья, скончался ректорѣ Московскаго Университета Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій—„Труженическую жизнь честнаго человѣка", свидѣтельствуетъ С. М. Соловьевъ,—„онъ окончилъ тихою смертію праведника" [280]).

Не смотря на то, что Погодинъ съ Каченовскимъ былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и велъ съ нимъ, какъ съ главою Скептиковъ, упорную войну, но по смерти его почтилъ память его самымъ сочувственнымъ образомъ. „Каченовскій", писалъ Погодинъ,—„обладалъ многочисленными и разнообразными свѣдѣніями и занимался любимыми своими предметами до послѣдняго дня жизни: въ минуту кончины была еще передъ нимъ развернута книга — историческая библіографія Чіампи. Русскій языкъ онъ зналъ очень хорошо и писалъ, какъ пишутъ немногіе. Онъ былъ самымъ исправнымъ профессоромъ даже въ старое время, когда профессоры читали лекціи по произволенію. Какъ ректоръ, онъ былъ строгимъ блюстителемъ закона и его формы до послѣдней буквы. Какъ

человѣкъ, отличался честностію и безкорыстіемъ, былъ твердъ и смѣлъ, не боясь идти противъ общаго мнѣнія и какого бы то ни было лица. Напротивъ, онъ находилъ въ томъ какое-то удовольствіе; разумѣется, въ послѣдніе годы, со старостью, характеръ его долженъ былъ измѣниться въ этомъ отношеніи. Въ обществѣ онъ славился нѣкогда своими остротами, коихъ осталось много и въ *Вѣстникѣ Европы*. Въ семействѣ и домашнемъ быту онъ украшался всѣми добродѣтелями. Оставляемъ другія замѣчанія до полной біографіи.

Кончина была у него самая спокойная: поутру въ день Свѣтлаго Воскресенья, послѣ обѣдни, онъ расположился отдохнуть въ своихъ ученыхъ креслахъ, уснулъ и не просыпался. Никто не видалъ и не слыхалъ его смерти. Черезъ четыре дня лицо его не измѣнилось ни мало, и всякій прощающійся опасался кажется разбудить его. При погребеніи присутствовали всѣ профессоры и многіе ученики изъ разныхъ поколѣній. Студенты несли гробъ на рукахъ до скромнаго Міусскаго кладбища, гдѣ онъ желалъ лечь, назначивъ это мѣсто во время своихъ прогулокъ".

Въ некрологѣ Каченовскаго Погодинъ заявилъ и о слѣдующемъ: „Редакторъ *Москвитянина* съ перваго своего появленія на литературномъ поприщѣ разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ учителемъ: Каченовскій отвергалъ Нестора, я признавалъ его; онъ приводилъ Русь съ Юга, я—съ Сѣвера; онъ не принималъ Русской Правды, я былъ убѣжденъ въ ея подлинности,—но не смотря на это ученое разногласіе, я всегда чтилъ его достоинства".

Обращаясь же къ университетскому начальству, Погодинъ взывалъ: „Послѣ Каченовскаго осталась вдова, два сына и дочь—и никакого состоянія. Благодѣтельное начальство, вѣроятно, употребитъ всѣ свои старанія, чтобъ достойно успокоить семейство почтеннаго гражданина, заслуженнаго ученаго и литератора, который пятьдесятъ лѣтъ трудился изо всѣхъ силъ, сколько могъ, на поприщѣ Отечественнаго просвѣщенія,

и выкупалъ недостатки—кто же не имѣетъ ихъ — своими трудами и заслугами“ [281]).

Гласъ Погодина не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и графъ С. Г. Строгановъ писалъ С. С. Уварову: „Отдавая все должное уваженіе столь долговременной и безпорочной службѣ покойнаго профессора, его ученымъ заслугамъ и трудамъ на пользу наукъ и общественнаго воспитанія, я почитаю священною обязанностью обратиться къ вамъ съ моею усерднѣйшею просьбою объ исходатайствованіи семейству сего профессора пенсіи по новому окладу. Эта милость Монарха для семейства извѣстнѣйшаго въ Россійскихъ университетахъ профессора и члена Академіи Наукъ принята будетъ мною и Московскимъ Университетомъ съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ“ [282]).

За престарѣлымъ Каченовскимъ послѣдовалъ въ могилу одинъ изъ младшихъ учениковъ его. 25 октября того же 1842 года, скончался въ Москвѣ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Онъ, по словамъ его жены, „истинно любилъ и уважалъ Погодина“. Литературная дѣятельность Пассека извѣстна всего болѣе изданіемъ *Очерковъ Россіи* [283]). Еще въ началѣ сего года Пассекъ принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ протоколахъ Общества имя его въ послѣдній разъ упоминается 2 мая 1842 года. Быстро развившаяся чахотка свела его въ могилу.

Кончину Пассека горько оплакалъ Герценъ, его родственникъ и товарищъ. „Мы“, писалъ онъ,—„послѣдніе годы волею и неволею видались рѣдко. Онъ жилъ въ южныхъ губерніяхъ, я въ сѣверныхъ, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ; къ этому присоединялась разница въ образѣ воззрѣнія на предметъ слишкомъ яркій, чтобъ можно было примириться... Онъ отъ словенофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ Западу; такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка — на это силъ не было,

осталось das vornehme ignoriren и защита мѣста, тутъ надобно дойти до безумія, чтобъ сдѣлаться интереснымъ, то-есть, какъ Морошкинъ. Но при всемъ этомъ я цѣнилъ въ этомъ человѣкѣ всегда высокое благородство души, чистоту жизни, съ которой онъ проламывался сквозь ужасные несчастія и недостатки". Въ несчастіи, постигшемъ семейство Пассека, приняло самое сердечное участіе почтенное семейство Чертковыхъ. Супруга Александра Дмитріевича, Елизавета Григорьевна (рожденная графиня Чернышова) поразила Герцена „изяществомъ всего существа своего". „Она", пишетъ онъ,—„меня удивила образомъ участія: ни слезъ безпрерывныхъ, ни банальныхъ утѣшеній, ни перешептыванья, ни жестовъ, ничего—спокойное, глубокое участіе, безъ словъ, но ясно звучащее въ этой группѣ, составленной изъ мертвеца и его пріятелей, хлопочущихъ около него, и жены въ отчаяніи, и дѣтей испуганныхъ. Эта женщина была артистическая необходимость въ этой группѣ—безъ нея картина была бы черною и безнадежною". Вся эта обстановка произвела сильное впечатлѣніе на Герцена, и онъ чистосердечно замѣчаетъ: „Вотъ и моя дань аристократіи, въ ней именно важнѣйшую долю изящной формы и изящныхъ формъ надо отнести чистой благородной крови и правамъ истинной аристократіи".

29 октября происходили похороны Пассека въ Симоновѣ. На нихъ присутствовалъ Герценъ, и, по его свидѣтельству, „похороны были торжественны по истинному участію людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ... Въ Симоновѣ покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ Мельхиседекъ, бывшій пріятелемъ съ Вадимомъ Пассекомъ, и эта дань уваженія была хороша". Когда гробъ опустили въ могилу Архимандритъ подошелъ къ вдовѣ и сказалъ: *Довольно, это не наше, въ церковь за мной молиться Богу.* „И мы взошли", говоритъ Герценъ,—„въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость Религіи", продолжаетъ онъ,—„въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобъ найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ

все. Когда мыслитель, гражданинъ, говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести—назовутъ эгоистомъ. А когда Религія рѣзко говоритъ: *оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно,* тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо" [284]).

Прахъ Вадима Пассека покоится въ Симоновѣ монастырѣ въ двухъ шагахъ отъ могилы Д. В. Веневитинова [285]).

Оплакавъ кончину какъ маститаго наставника, такъ и его разцвѣтавшаго ученика, порадуемся появленію на ученомъ поприщѣ Вукола Михайловича Ундольскаго.

Въ 1842 году, на страницахъ *Москвитянина,* является впервые его имя. Въ отдѣлѣ матеріаловъ для Русской Исторіи вообще и Исторіи Русской Словесности онъ напечаталъ *Неизвѣстное сочиненіе Стефана Яворскаго.*

Уроженецъ Владимірской епархіи, Ундольскій высшее образованіе получилъ въ Московской Духовной Академіи, въ которой кончилъ курсъ въ 1840 году со степенью кандидата. По свидѣтельству о. протоіерея С. К. Смирнова, „зачатки любителя Древней Русской Письменности замѣтны были въ Ундольскомъ еще во время ученія его въ Академіи. Онъ внимательно пересмотрѣлъ рукописи академической и лаврской библіотекъ, подружился съ лаврскимъ библіотекаремъ о. Иларіемъ, а по окончаніи курса всю сентябрьскую треть 1840 года прожилъ въ Академіи, ежедневно занимаясь въ лаврской библіотекѣ, гдѣ на рукописяхъ оставилъ много замѣтокъ и составилъ для себя запись о лаврскихъ рукописяхъ съ обозначеніемъ ихъ содержанія". Работы молодого кандидата обратили на себя вниманіе начальника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. А. Оболенскаго и послужили поводомъ къ ихъ взаимному сближенію. Объ этомъ сохранилось любопытное свидѣтельство въ слѣдующемъ письмѣ лаврскаго библіотекаря о. Иларія (отъ 22 іюня, 1841 года) къ самому Ундольскому: „Послѣ вашего отъѣзда

11-го іюня, 15-го іюня пріѣхалъ въ Лавру его сіятельство князь М. А. Оболенскій, который, какъ Отцу Намѣстнику *) хорошо знакомъ, то остановился у него. Вотъ въ тотъ же день въ субботу на воскресенье, въ вечерню, прибѣгаетъ на крылосъ Петръ келейникъ, приказываетъ мнѣ чрезъ Отца Намѣстника, чтобъ я поскорѣе шелъ въ библіотеку, и тутъ хотя Намѣстникъ только-что довелъ да ушелъ, а князь до самаго во вся звону до всенощни сидѣлъ и занимался... на другой день въ 5 часовъ утра, до самаго отзвона къ обѣднѣ, сидѣлъ и разспрашивалъ, такъ какъ увидалъ на многихъ книгахъ помѣтки и приписки карандашемъ, и ваши, кто занимались въ библіотекѣ, и чѣмъ, какими кто рукописями; я показалъ реэстры забираемыхъ книгъ каждаго ректора, Горскаго и вашъ. Онъ чрезвычайно удивился, увидя вашъ заборъ и захотѣлъ полюбопытствовать, что было для васъ занимательнаго (да вить вамъ что долго писать, всего не упишешь): пересмотря ваши отмѣтки, сказалъ: „Да кто онъ?“ Я говорю: „Студентъ кончалый Академію кандидатомъ, но безъ мѣста; ибо нѣтъ праздныхъ“. Онъ говоритъ: „Жалко, что такіе люди съ талантами и трудолюбіемъ не въ глазахъ. А что, имѣетъ ли онъ наклонность къ духовному сану?“ Я говорю: „Не знаю, только что говаривалъ, что я бы, кажется, если случай былъ, занимался при Императорской Публичной Библіотекѣ“. Онъ тотчасъ спрашиваетъ имя, отечество, фамилію. Я ему сказалъ. Онъ сейчасъ вынимаетъ какъ бы бумажникъ, изъ него памятную книжку и тутъ же серебряную палочку съ большимъ, какъ въ гороховину, или болѣе, яхонтомъ, тронулъ и высунулся какъ ниточка карандашъ. Записалъ ваше имя, отечество и фамилію; и мнѣ вынялъ еще синюю ассигнацію, ибо по вечеру далъ еще синюю. Я вижу, хоть онъ и въ соломенной шляпѣ и просто, безъ орденовъ, но, знать, человѣкъ большой. Осмѣлился спросить: кто онъ такой и гдѣ служитъ? Онъ сейчасъ беретъ бумаги и чернилицу и пишетъ: *Начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностран-*

*) Архимандриту Антонію.

ныхъ Дѣлъ и членъ Археографической Коммиссіи князь М. Оболенскій. Потомъ говоритъ: „Если ему что будетъ угодно, то увѣдомьте его, что я его съ удовольствіемъ приму; ибо это отъ меня зависитъ. Я очень люблю умныхъ, тѣхъ, которые занимаются". Я опять спроста сказалъ: „Такъ вы господину Прокурору Протасову по этой части не знакомы ли?" Онъ говоритъ: „Да это одна Коммиссія *), въ которой и я членомъ". Я говорю: „Такъ вотъ у насъ изъ библіотеки взяты въ разное время нѣкоторыя рукописи туда. Вотъ и указы. Могутъ ли возвратиться?" Тутъ зазвонили во вся къ обѣднѣ, и онъ только сказалъ: „Возвратятся, возвратятся", и пошелъ къ обѣднѣ. А послѣ обѣда у меня въ кельѣ былъ. Увидалъ вашъ историческій словарь; и какъ я ему объяснился, что это этотъ студентъ въ память далъ, онъ говоритъ: „Да, умнаго человѣка умныя и книги и акуратность". Ихъ посмотрѣлъ—увидалъ антикварія, засмѣялся и ничего не сказалъ, только говоритъ: „Прошу васъ, пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву, и я буду ждать, какъ и поручаю вамъ сіи вещи выписать, и его зовите, для его вѣрно будетъ недурно. Вотъ я вамъ свою библіотеку ту и рѣдкости покажу". Я его еще спросилъ: „Если и трафится быть въ Москвѣ, такъ какъ ваше сіятельство можно отыскать?" Онъ мнѣ сейчасъ пишетъ записку, причемъ и сообщаю, только возвратите. Человѣкъ онъ премилый, словоохотливый такой въ сужденіяхъ и преумный, кажись, еще не болѣе сорока-пяти лѣтъ. Такъ вотъ, другъ любезный, думай какъ лучше; ибо онъ говоритъ, что чрезъ него можно и при Императорской Библіотекѣ быть... Послѣ сего остается вамъ меня увѣдомить о вашемъ мнѣніи".

Вскорѣ послѣ этого письма мы видимъ Ундольскаго на службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [286])

Въ это время князь М. А. Оболенскій принесъ въ даръ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ собственноручное слово Стефана Яворскаго,

*) Археографическая Коммиссія.

говоренное имъ въ январѣ 1696 года въ церкви Свято-Троицкой Батуринской изъ текста: *учителю благій, что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую?* Это сочиненіе Яворскаго было посвящено гетману Ивану Мазепѣ. Рукопись, въ которой помѣщено сіе слово, принадлежала нѣкогда Самойлу Величко, канцеляристу Войска Запорожскаго, который, по предположенію Ундольскаго, получилъ ее отъ Мазепы. Съ разрѣшенія своего начальника Ундольскій напечаталъ эту драгоцѣнную рукопись въ *Москвитянинѣ* [287]).

LIII.

Въ Москвѣ и по всей Россіи славилась библіотека Археографа нашего П. М. Строева. Въ ней заключалось богатое собраніе рукописей. Мы же предоставимъ самому владѣльцу этихъ драгоцѣнностей объяснить значеніе и цѣль его собранія.

„При составленіи этого собранія рукописей“, пишетъ онъ,— „главною цѣлію было собрать все, что относится собственно къ Отечественной Исторіи, гражданской, церковной и литературной. Здѣсь нѣтъ ни одной богослужебной книги и очень мало переводовъ Отцевъ Церкви: ими преисполнены всѣ извѣстныя наши собранія рукописей, и все это полезно для однихъ филологовъ. Харатейныя книги очень дороги и замѣчательны только въ отношеніи филологическомъ.

Историческая литература нашихъ предковъ, кромѣ лѣтописей, хронографовъ и другихъ книгъ сего рода, преизобилуетъ отдѣльными сочиненіями, извѣстными подъ названіями сказаній, повѣстей и отрывковъ историческихъ.

Ни одна библіотека не представляетъ полнаго собранія ихъ; они разсѣяны всюду и до сихъ поръ мало оцѣнены. Историческіе сборники этого собранія заключаютъ въ себѣ до тысячи ста такихъ статей, которыя исчислить здѣсь подробно не позволило время; ибо это увеличило бы каталогъ по край-

ней мѣрѣ въ десятеро. На бѣлыхъ листахъ въ началѣ каждаго сборника они исчислены подробно.

Житія Святыхъ Русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя, дополненныя, представляютъ богатый и почти не початый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси, и даже въ нихъ есть много фактовъ, не замѣченныхъ бытописателями. При сокращеніи ихъ для Миней-Четіихъ Святителя Димитрія всѣ эти любопытныя черты исчезли совершенно. Святый мужъ имѣлъ одну цѣль представить въ трудѣ своемъ школу христіанскихъ добродѣтелей. Кто соберетъ всѣ Житія Святыхъ Русскихъ, сказанія объ иконахъ и крестахъ, отдѣльныя описанія чудесъ и т. под. и прочтетъ все это со вниманіемъ и критикою, тотъ удивится богатству этихъ историческихъ источниковъ. Карамзинъ воспользовался только тѣмъ, что случайно попалось ему подъ руки; но чего не извлекъ бы этотъ великій мужъ, еслибы приготовлено было напередъ полное собраніе? Наше заключаетъ въ себѣ уже болѣе половины.

Здѣсь собрано также очень довольно памятниковъ для исторіи литературы. Еще болѣе по части законовѣдѣнія.

Очень много сочиненій полемическихъ, pro et contra, относительно ересей, вкравшихся въ нашу Церковь и для другихъ отдѣловъ литературы положены прочныя начала. Стоитъ только приращать это собраніе, и оно съ каждымъ днемъ будетъ полнѣе и драгоцѣннѣе. Нѣкоторыхъ статей едва ли сыщутся когда и гдѣ другіе экземпляры.

Собиратель предполагалъ приращать свое собраніе до конца жизни, собственно для себя и въ своей системѣ. Накупить рукописей богослужебныхъ и духовныхъ очень легко и довольно скоро; но историческое попадается рѣдко, и чѣмъ идешь далѣе, тѣмъ менѣе пріобрѣтаешь недостающаго".

Понятно, что на такое драгоцѣнное собраніе не могъ взирать равнодушнымъ окомъ Погодинъ. Къ тому же житейскія обстоятельства такъ неблагопріятно сложились для Строева, что онъ находился вынужденнымъ продать свое собраніе

„плодъ многолѣтнихъ поисковъ и немалаго иждивенія“ [288]). Еще съ 1840 года Погодинъ начинаетъ свои приступы, и въ *Дневникѣ* его подъ 22 сентября того года читаемъ: „Любопытный разговоръ съ Строевымъ, который, кажется, сдается. Сказалъ ему на отрѣзъ, что онъ морочитъ насъ, и что онъ, объявивши себя на сторонѣ *Скептицизма*, ошибся въ разсчетѣ. У него есть нѣкоторыя сочиненія Сильвестра. Академія отвергла было купленную имъ Грузинскую Кормчую, которая теперь составляетъ Европейскую драгоцѣнность. Строевъ переписываетъ грамоты для Археографической Коммиссіи по рублю за листъ!“ Погодинъ нарочно отправляется въ Англійскій клубъ для свиданія съ Строевымъ. „Перечелъ множество газетъ. Скучно послѣ обѣда. Наконецъ пришелъ Строевъ. Проситъ восемь тысячъ. Просидѣлъ долго за картами и проигралъ. Очень было досадно“. Погодинъ посѣщаетъ Строева въ его домѣ на Садовой, противъ Спасскихъ казармъ, разсматриваетъ его библіотеку и замѣчаетъ: „Разсматривалъ библіотеку Строева. Всѣ Русскія въ новыхъ переплетахъ. Есть хорошія, но нѣтъ рѣдкихъ“ [289]). Но тѣмъ не менѣе Погодинъ обращается къ Строеву съ слѣдующимъ письмомъ: „Я слышалъ стороною, что вы не прочь отъ уступки вашего собранія. Меня разобрала охота, и я осмѣливаюсь предложить вамъ—будьте благодѣтелемъ и обогатителемъ моей библіотеки. Вы согласитесь, что ваши рукописи у меня принесутъ пользы болѣе, чѣмъ у кого другого. Притомъ онѣ будутъ находиться въ полномъ вашемъ распоряженіи, какъ и всѣ прочія. Надѣюсь, что вы положите съ меня, какъ съ своего брата-рудокопателя, цѣну собственную. Въ нынѣшнемъ году я поиздержался, но въ январѣ надѣюсь разбогатѣть. Благоволите прислать мнѣ каталогъ, хоть съ г. Тромонинымъ. Просьба: пришлите мнѣ посланія Сильвестровы, списать или прочесть, какъ позволите. Употребленія никакого кромѣ лекціи, безъ вашего позволенія, я не сдѣлаю“. Въ другомъ письмѣ Погодинъ сообщаетъ Строеву свой разговоръ съ Тромонинымъ. „Въ отвѣтъ на вопросъ г. Тромонина о библіотекѣ, я отвѣчалъ: Мнѣ сказали

(то-есть, прежде, нежели я видѣлъ ваше собраніе, ваши знакомые), что вы уступите оное тысячи за двѣ или за три. Съ этими данными я отнесся къ вамъ съ просьбою. Узнавъ же о цѣнѣ теперь положительно, я не могу поднять ее. Если журналъ пойдетъ хорошо и денегъ у меня будетъ много, тогда я войду въ переговоры съ Павломъ Михайловичемъ. Мнѣ кажется, г. Тромонинъ не такъ понялъ и передалъ мои слова. Возстановляя ихъ текстъ, я повторяю ихъ снова, прибавляя, что журналъ пошелъ, кажется, хорошо, и я не упущу драгоцѣннаго случая".

4 октября 1841 года Погодинъ обѣдалъ у Строева и часа четыре посвятилъ на осмотръ его библіотеки. Возвратясь домой, онъ написалъ Строеву: „Возвращаю вамъ каталогъ. Библіотека ваша мнѣ очень нравится, хотя я и не узналъ ее порядочно, осмотрѣвъ вскользь и боясь васъ разспрашивать. Мнѣ хочется пріобрѣсть ее, но я прошу васъ подождать до января. Теперь же, если вы непремѣнно хотите знать мой отвѣтъ, я не могу предложить вамъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ каталога, шести тысячъ р. асс. Продавать своей библіотеки я не намѣренъ, а безпрестанно собирать ее и оставить въ наслѣдство дѣтямъ вмѣсто богатаго села. Не осердитесь на меня, это дѣло полюбовное: всякій руководствуется своими разсчетами.... Повторяю—не сердитесь на меня: я сказалъ вамъ свое мнѣніе, потому что вы именно хотѣли имѣть его немедленно" [290]).

Не смотря на просьбу Погодина не сердиться, Строевъ очень разсердился и написалъ ему рѣзкій отвѣтъ: „Прочитавъ вашу записку", писалъ онъ,—„я не осердился, а *изумился*: вы человѣкъ ученый и такъ цѣните ученые собранія и труды! Я спрячу вашу записку и можетъ быть дамъ ей мѣсто въ моихъ *Запискахъ*, которыя я намѣренъ оставить своимъ дѣтямъ. Побойтесь Бога: можно ли взять по крайней мѣрѣ двѣ тысячи пятьсотъ за составленіе столь огромнаго каталога: слѣдовательно за библіотеку вы предлагаете только три тысячи пятьсотъ. Эту сумму дадутъ и на площади. Если вы думаете, что

обстоятельства заставятъ меня надѣлить васъ библіотекой и проработать для васъ за шесть тысячъ, то вы совершенно ошибаетесь. Библіотека моя открыта во всякое время; разсматривайте ее сколько хотите и вопрошайте сколько угодно. Я могу ждать и до генваря и до февраля, но въ такомъ случаѣ вы должны обезпечить меня задаткомъ и оставить книги до полученія отъ васъ полной суммы. Я напередъ зналъ, что вы хотите не купить, а надуть; но въ Древностяхъ я самъ знатокъ и не пойду на консиліумъ съ площадными знатоками, какъ дѣлаютъ другіе. Оставимъ все это: пріѣзжайте, смотрите, разсматривайте, торгуйтесь въ какихъ-нибудь сотняхъ, до тысячи рублей; а не воображайте, чтобы вамъ удалось взять у меня что-либо за безцѣнокъ. Хотя вы капиталистъ, но и я также не нищій. Никакое дѣло благородное не состоится, если ведущіе его не будутъ имѣть должнаго уваженія одинъ къ другому. Повторяю: начинайте безъ церемоніи торгъ снова, разсмотрите хорошенько разъ, и два, и три; скажите настоящую цѣну; быть можетъ, мы сойдемся и останемся добрыми пріятелями, какими до сего времени были“ [291]). На это письмо Погодинъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Хорошо, что я нрава тихаго и спокойнаго: иначе изъ-за вашего письма должна бы возникнуть большая непріятность. Теперь я разберу его для дополненія къ вашимъ *Запискамъ. Я напередъ зналъ, что вы хотите не купить, а надуть.* Оставляю все неприличіе, чтобы не сказать болѣе, выраженія, не употребляемаго между порядочными людьми, и обращу ваше вниманіе только на то, что въ дѣлѣ библіографіи и библіотекскомъ вы мой учитель, а я ученикъ; вы знаете вдесятеро болѣе меня—какимъ же образомъ могу я хотѣть надуть васъ? Надувать можетъ только тотъ, кто знаетъ больше. Это просто противъ логики. Кто, напримѣръ, можетъ надуть (употребляю съ крайнимъ неудовольствіемъ ваше выраженіе), покупая у меня мое собраніе печатныхъ книгъ, слишкомъ мнѣ извѣстное? Никто на свѣтѣ. *А не воображайте, чтобъ вамъ удалось,* и проч. Для воображенія моего есть право занятія не только лучше, но

даже выгоднѣе какой-нибудь тысячи рублей. Я цѣню ее слишкомъ мало, ибо увѣренъ, что могу имѣть всегда столько, сколько хочу. *Удалось!* Да Богъ съ вами и со всѣмъ. Не средство же къ царству небесному заключается въ вашей библіотекѣ. Еслибъ я зналъ, что получу письмо отъ васъ съ такими выраженіями, я не начиналъ бы переговоровъ даже въ надеждѣ получить ее въ подарокъ. Вы знаете меня очень мало! *Если вы думаете, что обстоятельства заставятъ меня* и пр. Если обстоятельства заставятъ васъ, такъ вы спрашивайте у меня просто денегъ; а я не отказывалъ еще ни одному своему знакомому. Еслибъ вы по такимъ обстоятельствамъ продавали вашу библіотеку, такъ я не сталъ бы покупать ее. Видите, что я кротокъ и смиренъ, и пропускаю ваше письмо безъ дуэли, такъ же, какъ пропустилъ вашу бранную приписку на оффиціальной бумагѣ, и многія ваши выходки въ этомъ родѣ. Я уважаю васъ за многое и—считаю недостойнымъ человѣка въ нашихъ лѣтахъ и ученаго считаться такими мелочами. Теперь о дѣлѣ въ поясненіе, чего вы по горячности не поняли. Вы требовали отвѣта теперь: я и далъ его, прибавивъ, что желалъ бы лучше торговаться въ январѣ, когда буду знать свои доходы. Я не говорю вамъ, что библіотека ваша не стоитъ болѣе; а только, что я не могу дать больше. Въ январѣ пойдетъ журналъ мой хорошо, и тогда мнѣ легко будетъ дать болѣе. Такъ поступалъ я и прежде: получивъ, не ожидая, Демидовскую премію, я отдалъ ее сполна на книги; а безъ нея на то же дѣло не далъ бы болѣе двухъ тысячъ рублей. Понимаете ли вы меня? Труда вамъ не предстоитъ много, ибо вашъ каталогъ почти готовъ, мой печатный также, а для письменныхъ много подготовлено; я предполагалъ избавить васъ совершенно отъ большой части механической работы. Заключаю. Теперь я не могу по своимъ обстоятельствамъ предложить болѣе, а въ январѣ, можетъ быть, представятся другія соображенія. Итакъ: мою записку можете вы помѣстить въ вашихъ *Мемуарахъ*, но совѣтую вамъ попросить меня, чтобъ я уничтожилъ вашу. Впрочемъ, я теперь шучу: я давно знаю

вашу угловатость, и она не мѣшаетъ питать къ вамъ искреннее уваженіе... Продержалъ письмо нарочно пять дней, чтобъ взглянуть безпристрастнѣе, и хладнокровнѣе. Остаюсь при прежнемъ. Все такъ—умѣренно и справедливо! Пріѣзжайте же вечеромъ ко мнѣ, на полюбовную сдѣлку. Предоставляю третейскій судъ вашей супругѣ и увѣренъ, что она обвинитъ васъ, за что я впередъ ее благодарю".

Строевъ не побывалъ въ этотъ день у Погодина, и этимъ письмомъ переговоры на время прекратились.

LIV.

Не уладивши дѣло продажи своего Собранія съ Погодинымъ, Строевъ обратился по тому же дѣлу къ Директору Департамента Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову. „Милостивое расположеніе вашего сіятельства", писалъ онъ ему, отъ 6 ноября 1841 года,—„знаки котораго я имѣлъ случай видѣть неоднократно, осмѣливаетъ меня и теперь обременять благосклонное вниманіе ваше изложеніемъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, быть можетъ, слишкомъ подробныхъ, и подаетъ совершенную надежду на содѣйствіе вашего сіятельства, если только будетъ возможно; въ противномъ случаѣ да простите мнѣ великодушно излишнюю смѣлость. Семейство мое состоитъ изъ меня, жены моей, престарѣлой тещи, шестерыхъ дѣтей и пяти человѣкъ наемной прислуги. Содержаніе столь немалолюдной семьи при своемъ домѣ, безъ лошадей, съ платою кой-какимъ учителямъ дѣтей, при крайней экономіи, превышаетъ восемь тысячъ р. а. ежегодно. Доходы мои состоятъ изъ двухъ тысячъ р. пенсіи и оброка съ небольшаго родоваго имѣнія въ Саратовской губерніи, который въ урожайные годы не превышаетъ трехъ тысячъ р. ас.; недостающія слишкомъ три тысячи р. должно добывать собственными руками. На небольшое приданое жены моей купленъ домъ въ отдаленной части города: иначе здѣсь нельзя жить, квартиры

очень дороги и неудобны. Кой-какіе остатки прежнихъ счастливыхъ лѣтъ издержаны въ 1839 и 1840 годахъ, когда дороговизна необходимыхъ потребностей превышала здѣсь вѣроятіе; и теперь все еще не прежняя дешевизна. Учеными и литературными трудами здѣсь ничего не добудешь. Оттого наши литераторы переселяются въ С.-Петербургъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ я рѣшился продать лучшую часть моей библіотеки — собраніе рукописей, которое собиралъ съ 1817 года съ такимъ раченіемъ и издержками (сколько сообразить могу—до восьми тысячъ р.); намѣреніе мое было пріумножать до конца жизни. Во времена графовъ Румянцовыхъ, Толстыхъ я могъ бы продать это собраніе съ немалымъ барышемъ; но теперешніе Московскіе любители Древностей, люди коммерческіе, узнали, что я разстаюсь съ моимъ собраніемъ по нуждѣ, и хотятъ пріобрѣсти за полцѣны, если не менѣе. Требовалось много времени, труда и усилій, чтобы составить такое собраніе. Мои рукописи въ отличномъ порядкѣ, въ началѣ каждой полное ея оглавленіе. Число всѣхъ, продаваемыхъ мною, съ немногими старопечатными, простирается до трехсотъ двадцати пяти. Новообразованное Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности при новыхъ предметахъ занятій, ему предписанныхъ, и при неразрывной связи съ Археографическою Коммиссіею, въ которую оно поставлено, по моему мнѣнію, должно имѣть собственное хорошее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; оно владѣетъ уже прекрасною коллекціею сихъ послѣднихъ, которую Россійская Академія пріобрѣла покупкою отъ Ширяева. Не угодно ли будетъ вашему сіятельству довести до свѣдѣнія его высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія главное изъ вышеизложенныхъ мною обстоятельствъ? Быть можетъ, мое собраніе рукописей найдетъ мѣсто въ библіотекѣ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, а я получу возможность содержать мое семейство еще года три-четыре, не прибѣгая къ послѣднему средству — залога имѣнія въ банкъ, и чрезъ то полную свободу дѣйствовать на поприщѣ, однажды навсегда мною избранномъ.

Великодушіе вашего сіятельства заставляетъ меня вѣрить, что просьба моя о ходатайствѣ въ семъ случаѣ у его высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія не будетъ вами, сіятельный князь, отринута“ [292]).

Узнавъ объ этихъ переговорахъ Строева, Сахаровъ писалъ Погодину: „Не грѣшно ли вамъ было выпустить Строевскую библіотеку изъ Москвы?.. Грѣховодники! Вѣдь надобно же когда-нибудь открыть публичную библіотеку; а когда откроется, что у васъ будетъ? И всего она (то-есть, Строевская библіотека) стоитъ *полмедальки,* да и того вамъ сыскать негдѣ было. Какъ будто вывелись люди-охотники въ Бѣлокаменной“ [293]).

Къ утѣшенію Сахарова переговоры Строева съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ кончились ничѣмъ. Потерпѣвъ неудачу въ Петербургѣ, П. М. Строевъ снова вступилъ въ переговоры съ Погодинымъ, который, 2 февраля 1842 года, писалъ Строеву: „Если угодно, милостивому государю Павлу Михайловичу, я готовъ теперь вступить въ новые переговоры о библіотекѣ“ [294]). Въ отвѣтъ на это Строевъ писалъ: „Съ большимъ удовольствіемъ и я готовъ вступить въ переговоры на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣ непріязненныя впечатлѣнія прежнихъ переговоровъ должны быть забыты, *какъ бы того не было*, и всѣ непріятные взаимные отзывы должны быть взяты назадъ: мы вступимъ въ переговоры какъ старые знакомые и пріятели. 2) При переговорахъ должна быть совершенная искренность и взаимное уваженіе. 3) Переговоры должны кончиться рѣшительнымъ постановленіемъ условій, не растягивая этого дѣла вдаль. 4) Не худо было бы взять посредника. Выборъ этого лица предоставляется вамъ безусловно. 5) Мнѣ бы желалось кончить это прежде 1-го марта. За симъ 6) покорнѣйше прошу увѣдомить меня о времени и мѣстѣ переговоровъ, будетъ ли то у васъ или гдѣ вамъ угодно“ [295]). „Ну вотъ“, писалъ Погодинъ, — „давно бы такъ, почтеннѣйшій Павелъ Михайловичъ; такія письма читать пріятно и отвѣчать на нихъ весело. Я не помню никогда... Ну, да пи-

сать съ лекцій некогда. Теперь бѣда только та, что у меня въ домѣ скарлатина: я не ѣзжу и не принимаю, опасаясь причинить опасеніе и неудовольствіе. Я думаю, что мы можемъ сговориться при соблюденіи вашихъ же условій и безъ посредника. Впрочемъ, не прочь и отъ него. Кого же? Назначьте сами: Шевырева, Давыдова, Вельтмана, Пассека? Словомъ, кого хотите, и пришлите отвѣтъ въ мою контору нынѣ во вторникъ".

Получивъ это письмо, Строевъ, въ тотъ же *вторникъ*, не взирая на скарлатину, свирѣпствующую въ домѣ Погодина, отправился вечеромъ къ нему, на Дѣвичье Поле, и продажа состоялась. На другой или на третій день *по договорѣ* Погодинъ писалъ: „Охота пуще неволи, любезнѣйшій Павелъ Михайловичъ, мнѣ не спится по ночамъ, и потому прошу васъ, взваливъ шкапы на ломовыхъ лошадей, прислать мнѣ библіотеку теперь. Я думаю, всего лучше и удобнѣе перевязать ихъ толстыми веревками, чтобъ не вывалились спинки и проч. Впрочемъ, какъ знаете. Только нынче, нынче" [296]). Но аккуратный Строевъ каждое дѣло привыкъ дѣлать въ строгомъ порядкѣ, и потому на нетерпѣливое письмо Погодина отвѣчалъ слѣдующее: „Такъ перевозить нельзя, и денежныя дѣла надобно дѣлать аккуратно: благоволите купить коробовъ съ крышками (такъ я перевозилъ всегда книги), пожалуйте сами съ *семью тысячами* рублей и примите рукописи. Иначе можетъ быть какое-нибудь недоразумѣніе. Совѣтую сдѣлать это немедля, потому что дней черезъ десять надѣюсь отправиться въ Петербургъ" [297]).

Погодинъ взволновался. „Могу ли я", писалъ онъ,— „ѣхать отъ больной жены? Боитеся ли вы Бога? И не сказали ль вы сами, что пріѣдете? Объ томъ прошу васъ и теперь. Денегъ я вамъ отдамъ съ прежними пять тысячъ р., да по принятіи съ Петербургскимъ каталогомъ тысячу пятьсотъ, а двѣ тысячи, какъ вы сами говорили, удержу до изданія каталога. Коли хотите дѣлать формально, то благоволите написать условіе. Мое слово возьмутъ на биржѣ, не только

обязательство, которое я вамъ дамъ пожалуй хоть за какими угодно двадцатью поруками. Вы требуете, чтобы я купилъ коробовъ и веревокъ. Павелъ Михайловичъ! Павелъ Михайловичъ! Ну, да я смолчу. Велите, пожалуйста, купить моему кучеру да обвязать шкапы, въ которыхъ и привезутъ книги. Мнѣ хочется, чтобы онѣ безъ дальнихъ хлопотъ съ вашей и моей стороны стали у меня въ комнатѣ, какъ стояли въ вашей. Такъ мнѣ будетъ легче обозрѣніе. Я купилъ у васъ библіотеку почти не смотря—неужели это не знакъ довѣренности? Я принялъ ваше слово и не сталъ торговаться—неужели это не знакъ довѣренности? Я далъ задатокъ, не думая о вашей роспискѣ – неужели это не знакъ довѣренности? Не повѣрилъ ли я вамъ также, что вы отдаете всѣ рукописи сполна? А вы грозно спрашиваете и проч. Божусь вамъ, что писать эту записку и гонять въ другой разъ къ вамъ человѣка—великая утрата для меня. Дѣло могло обойтиться любовно, ладно, а вы все шершавите его, и изъ ничего. Такъ обойдется и теперь. Увѣряю васъ, что вы не раскаетесь: только успокойте меня. Предполагаю ваше возраженіе: зачѣмъ удерживать двѣ тысячи, а не одну? Затѣмъ, что я ваше изданіе ставлю дорого; ну, какъ вы откажетесь, по срединѣ дѣла, по какимъ бы то ни было причинамъ? Повторяю мою покорнѣйшую просьбу: кончите нынче, безъ дальней переписки, и пожалуйте ко мнѣ съ книгами. Увѣренъ, что ваша супруга присовѣтуетъ вамъ то же. Что я сказалъ, то свято". Въ концѣ этого письма Погодинъ приписалъ: „Человѣкъ мой оказался пьянымъ—слѣдовательно, поручать ему ничего нельзя" [298]).

Но Строевъ не сдавался. „Записки вашей", писалъ онъ,—„я не съумѣлъ разобрать и въ половину, потому что она написана очень связно; да и что за маперъ переписываться, когда должно переговаривать на словахъ? У насъ было все покончено: я вамъ сказалъ напередъ, что продаю библіотеку не иначе, какъ на *чистыя деньги*, что у васъ останется *тысяча р.* до окончанія каталога, и вы мнѣ дали небольшой задатокъ для того, чтобы я ужь никому не продавалъ книгъ, хотя я у васъ того

и не просилъ. Слѣдовательно, опять повторю, привозите ко мнѣ семь тысячъ рублей; мы покладемъ въ короба книги, я ихъ запечатаю своею печатью, вы возьмете короба къ себѣ, а когда получится каталогъ изъ Петербурга повѣримъ по нимъ книги, и вы увидите, что ихъ будетъ *слишкомъ*! Что жъ касается до того, вы боитесь, чтобы я не отказался послѣ отъ составленія каталога за тысячу рублей, то вашъ страхъ напрасенъ... Я, быть можетъ, человѣкъ тяжелый, но цѣлою жизнью своею доказалъ, что *человѣкъ честный*, и такою репутаціею дорожу всего болѣе. На этотъ разъ будьте покойны. Прошу васъ покорнѣйше прекратить переписку, ибо я тратить время на пустяки не стану" [299]). „Съ вами не сговоришь", писалъ Погодинъ,—„приходится уступать. Деньги готовы будутъ, когда угодно. Мнѣ пріѣзжать нельзя, ибо жена больна. Привозите уже съ каталогомъ, ибо стоять запечатаннымъ (то-есть, книгамъ) у меня до каталога все равно, что у васъ" [300]).

На эту записочку Строевъ съ горечью писалъ: „Я не отвѣчалъ вчера на писульку вашу съ посланнымъ вами человѣкомъ для того, чтобы не писать отвѣта подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, ею на меня произведеннаго. Обдумавъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, имѣю честь сообщить вамъ слѣдующее. Чтобы исполнить столь не маловажное дѣло, какова продажа моихъ рукописей и составленіе каталога вашей библіотеки, къ возможному обоихъ насъ удовольствію, должно начать съ того, чтобы войти въ самыя, если не дружескія, то пріятельскія отношенія: sine qua non. Графъ Толстой былъ мой другъ и благодѣтель, его огромная библіотека находилась въ совершенномъ моемъ завѣдываніи нѣсколько лѣтъ и, когда должно было сдавать въ Императорскую Публичную, никакихъ утратъ не оказалось; каталогъ его и теперь еще цѣнится учеными. Г. Царскій мнѣ также хорошій пріятель, всѣ его книги гостили у меня по мѣсяцамъ, все сдано въ цѣлости, и каталогъ его также сдѣланъ какъ должно. А. Д. Черткову угодно было поручить мнѣ изданіе своей Нумизматики, я нянчился съ нею какъ съ своимъ дѣ-

тищемъ, вынянчилъ и сдалъ, что̀ онъ предложилъ мнѣ въ возмездіе за трудъ я принялъ съ благодарностью, и теперь, мнѣ кажется, мы не въ худыхъ отношеніяхъ, пользуясь его пріязнью и гостепріимствомъ. И другіе люди, имѣвшіе со мною дѣло, оставались мною довольны, потому что ввѣрялись мнѣ *съ полною довѣренностью.* Слѣдовательно, и у насъ съ вами только тогда будетъ то же, когда вы такъ же поступите; но оказывается иначе. Главное состоитъ, извините, въ *горделивомъ* вашемъ со мною обращеніи: теперь vous me traitez en canaille (вамъ пришла странная мысль, что я на половинѣ каталога его брошу! а для чего?); послѣ, когда я буду составлять каталогъ, vous me traiterez en ouvrier, то-есть, будете командовать по вашимъ капризамъ. Или сдѣлаемся пріятелями и имѣйте ко мнѣ всякое довѣріе, или разойдемся: средины быть не можетъ. Теперь или послѣ, когда будетъ полученъ изъ Петербурга извѣстный вамъ каталогъ, я все-таки не могу доставить моихъ рукописей въ домъ вашъ, хотя бы желалъ. Причина самая простая: моя прислуга состоитъ изъ двухъ мальчиковъ, бабъ и дворника, Саратовскаго мужика, который кромѣ сохи и лопаты ни о чемъ не имѣетъ понятія и Москвы далѣе Сухаревой башни не вѣдаетъ; неужели вамъ хочется, чтобы ветеранъ археографъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, нагрузивъ свои книги на ломового извозчика, самъ сѣлъ на возъ или шелъ подлѣ къ Дѣвичьему монастырю. Въ этомъ случаѣ я увѣренъ въ вашей снисходительности. Я куплю короба, приготовлю извозчика, но все-таки вамъ придется у меня присутствовать при томъ, когда я буду укладывать книги со всею осторожностью для переплетовъ, заплатить деньги у меня на дому и приставить вашего человѣка для сопровожденія воза къ дому вашему. Шкапа, въ которомъ помѣщаются биткомъ мои рукописи, не только нельзя положить на возъ вмѣстѣ съ ними, но десять человѣкъ едва ли могутъ вынесть эту громаду изъ комнаты... Возвращаясь въ среду отъ васъ при жестокомъ вѣтрѣ, я захватилъ простуду, а какъ всякая простуда обращается у меня въ насморкъ и такой, что вы, я думаю, ни-

когда не видывали; я лежу и едва смотрю тогда, но слава Богу это не продолжается долѣе недѣли, и болѣзнь эта у меня періодическая. Теперь мнѣ получше, а къ концу недѣли надѣюсь выздоровѣть. Я не осмѣливаюсь просить васъ посѣтить меня, ибо знаю, что вы *не унизитесь*; но покорнѣйше прошу въ исходѣ недѣли назначить мнѣ часокъ въ конторѣ *Москвитянина*, я явлюсь туда, и, если не уладимъ этого дѣла въ началѣ, то, не пуская впередъ на авось, я возвращу вамъ задатокъ, вы останетесь при деньгахъ, а я при рукописяхъ. Первая брань лучше послѣдней, поговорка Русская. Скажу вамъ откровенно, что мнѣ хотѣлось бы доказать вамъ, что̀ можно изъ меня сдѣлать, когда обращаются со мною со всею довѣрчивостью и съ уваженіемъ: въ дѣлахъ на чести и совѣсти я совершенный Римлянинъ. Вѣрьте или не вѣрьте, ваша воля; пожалуй хотя смѣйтесь".

Кончилось все-таки тѣмъ, что Погодинъ самъ привезъ Строеву семь тысячъ р. асс., а въ субботу, 7 марта 1842 года, Строевъ, съ грустью отправляя свою библіотеку Погодину, писалъ ему: „Посылаю библіотеку мою *всю сполна*, только *слушаясь васъ* и не хотя огорчить васъ отказомъ. Вы не сдержали слова: хотѣли прислать въ первомъ часу, а прислали въ девять, я не имѣлъ времени, какъ обѣщалъ, перенумеровать книгъ. Всѣхъ книгъ, рукописныхъ и старопечатныхъ, посылается *триста двадцать пять*, да въ Коммиссіи Археографической четыре Лѣтописца, итого *триста двадцать девять*, а продавалось по каталогу всѣхъ *триста семнадцать* слѣдовательно, вы пріобрѣли лишку цѣлую *дюжину*. Признаюсь: страшусь за васъ, посылая такое сокровище въ такую дальнюю сторону, подъ толь слабымъ прикрытіемъ. Еслибъ я могъ плакать, то заплакалъ бы навѣрно, разставаясь съ моими питомцами, которые такъ долго лелѣялъ, а право жаль. Не держите меня въ неизвѣстности и увѣдомьте, какъ къ вамъ драгоцѣнности довезлись" [301]).

Это письмо очень разстрогало Погодина, и онъ отвѣчалъ Строеву самымъ сердечнымъ образомъ: „Извините", писалъ

онъ,—„милостивый государь Павелъ Михайловичъ, что не увѣдомилъ васъ въ субботу, я воротился домой поздно, а вчера не имѣлъ ей Богу ни минуты. Библіотеку получилъ, и тронутъ былъ вашими словами. Почитайте ее своею, ибо она столько же въ вашемъ распоряженіи, какъ и моемъ“ [302]).

„Слава тебѣ! Чудо, чудо!“ писалъ Шевыревъ Погодину. „Какъ я радъ этому пріобрѣтенію! Это придаетъ мнѣ еще силъ къ работѣ“...

LV.

1842 годъ былъ счастливымъ годомъ для Древлехранилища Погодина. Пріобрѣтая библіотеку П. М. Строева, онъ въ томъ же году пріобрѣлъ и библіотеку Московскаго собирателя Никиты Петровича Филатова. Въ то время, когда переговоры Погодина съ Строевымъ приходили къ желанному концу, Сахаровъ писалъ къ первому: „У васъ продаетъ собраніе Филатовъ, который торгуетъ близъ церкви Василія Блаженнаго въ Гостинномъ ряду. У него есть рукописи пергаментныя и бумажныя старопечатныя книги. Неужели у васъ, въ Москвѣ, никогда не думаютъ о публичной библіотекѣ? Въ Питерѣ всего много, а изъ Москвы и послѣднее волокутъ. Хвала и честь вамъ, что вы удержали собраніе Строева, попекитесь также и о собраніи Филатова. Право, въ Москвѣ безъ васъ некому позаботиться о публичной библіотекѣ, это прямая обязанность ваша, и вы дадите отвѣтъ въ этомъ предъ потомствомъ. Ради этого только вамъ открываю о продажѣ собранія Филатова, лишаю даже себя участка. Если вы хотите поволочиться за собраніемъ Филатова, то дѣйствуйте сами безъ свидѣтелей, безъ коммисіонеровъ. Онъ приходитъ въ упадокъ и производитъ продажу своего собранія скрытно. Коммисіонеры, какъ Татарскіе баскаки, сдерутъ *колымъ* съ васъ и съ него. Отъ этого только увеличится цѣна собранію. Впрочемъ, вы болѣе знаете сами, что

дѣлать въ этомъ случаѣ" [303]). Получивъ это извѣстіе, Погодинъ писалъ Строеву: „Прошу васъ покорнѣйше оказать мнѣ помощь. Н. П. Филатовъ продаетъ свое собраніе—взгляните на оное, нельзя ли нынѣ или завтра; сдѣлайте одолженіе и подайте мнѣ благой совѣтъ, чего оно стоитъ по вашему мнѣнію. Филатова лавка на Варваркѣ, близъ угла къ Василію Блаженному". Не получивъ отвѣтъ на эту просьбу, Погодинъ опять писалъ: „Г. Филатовъ предлагаетъ мнѣ купить его собраніе. Я попрошу васъ сказать объ ономъ ваше мнѣніе, а такъ какъ для этого вамъ нужно знать, что есть у меня, то не благоволите ли вы пожаловать ко мнѣ завтра съ утра, пораньше, вмѣстѣ и откушаете хлѣба-соли. Кстати мы разберемъ все собраніе (оно уже подготовлено) соединенными силами, и такимъ образомъ приготовимъ окончательно къ Описанію вашему" [304]). Наконецъ П. М. Строевъ написалъ отвѣтъ Погодину слѣдующаго содержанія: „Я нездоровъ и не выхожу болѣе недѣли. Филатова собраніе я видѣлъ прежде: тамъ большею частію дрянь; впрочемъ не хочу мѣшаться не въ свое дѣло и разбивать васъ, дѣйствуйте по своему усмотрѣнію сами". Узнавъ объ этомъ отзывѣ, Филатовъ оскорбился и писалъ Погодину: „Къ прискорбію моему я слышу сторонніе отзывы нащетъ покупки моихъ книгъ, бутто бы оныя не стоютъ той цены. Жалею, очень жалею, что мое къ вамъ, именно къ вамъ расположеніе и почтеніе, но я этому не вѣрю слуху и верить не могу, ибо я здѣлалъ чистосердечно и откровенно... Какъ люди стороннія не зная вещей и сущности и не видавши можетъ быть никогда вещей рѣдкихъ и судятъ... Конечно судьею быть лехко чужого дела" [305]).

Какъ бы то ни было библіотека Филатова за четыре тысячи пятсотъ рублей вошла въ составъ Древлехранилища Погодина. Между прочимъ въ ней находились отличный списокъ Патерика Печерскаго, подлинникъ Симеона Полоцкаго, дополненія къ Строевскому собранію Житій Святыхъ и проч. [306]).

Счастливыя пріобрѣтенія Погодина недоброжелательно волновали другихъ собирателей, и одинъ изъ таковыхъ, извѣст-

ный Петербурскій собиратель Кастеринъ, писалъ счастливцу: „Позвольте васъ поздравить съ покупкою книгъ и спросить, которую это библіотеку купили? Будетъ ли этому конецъ, что вы все покупаете громадами? Мало того, что вы за границею выжали... Вамъ становится мало; предвижу напередъ, что вамъ должно будетъ опустошить Востокъ, забрать въ свои руки Цареградскую и Аѳонскія библіотеки. Вы съ Филатовымъ поступили по Московски, забрали въ свои руки, да и начали смѣяться надъ Петербургскими людьми. Актовскую библіотеку купилъ графъ Строгановъ".

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Древлехранилище приводило Погодина въ близкія сношенія съ людьми всѣхъ сословій Русскаго Царства. У насъ имѣется любопытное письмо къ Погодину И. И. Головина изъ Твери, въ которомъ читаемъ: „Записка ваша, пущенная 1-го марта, шла ко мнѣ на волахъ по почтѣ, получена мною 14 марта вечеромъ. Является крестьянинъ низенькой, смуглинькой, черниинькой, въ нанковомъ халатѣ. Держа въ рукѣ записку и не отдавая еще мнѣ, онъ началъ.

Крестьянинъ. Михаилъ Петровичъ, мой истинный благодѣтель, прислалъ со мною письмецо. Вы сдѣлаете большое ему одолженіе, ужь вы не оставьте меня, онъ вамъ все вознаградитъ съ честію.

Головинъ. Что же такое?

Получаю и читаю записку.

Михайло Петровичъ пишетъ, говорю я, чтобы тебѣ помочь деньгами рублей до двадцати за мѣдныя вещи, ежели онѣ стоятъ. Что же это за вещи?

Крестьянинъ. А вотъ видите, батюшка Иванъ Ивановичъ, кажется, васъ такъ зовутъ, Михаилъ-то Петровичъ ошибся, а мнѣ въ Семинаріи вашей сказали, что вы не Николай, а Иванъ Ивановичъ. Вотъ еще это было осенью, здѣсь я въ Твери увидалъ у одного мужичка монету Юрія Всеволодовича; вотъ я былъ у Михаила Петровича и говорю, съ различными книжками, образочьками, иную возьметъ, да и деньги отдастъ всегда

честно, а иную назадъ отдастъ; видѣлъ, я говорю, въ Твери такую монету Юрія Всеволодовича. Вотъ онъ меня — ступай скорѣй, ступай, нарочно далъ десять рубликовъ на дорогу, а тамъ, говоритъ, сочтемся.

Головинъ. Да гдѣ же монета-то? Покажи мнѣ!

Крестьянинъ. Я уже сторговалъ ее за двадцать пять рублей.

Головинъ. Михаилъ Петровичъ пишетъ помочь тебѣ только до двадцати, и то ежели стоитъ.

Крестьянинъ. И батюшка! Что тутъ такое!

Головинъ. Ну хорошо, хорошо! Пойдемъ же посмотримъ.

Крестьянинъ. Нѣтъ ужь я къ вамъ ее принесу часа черезъ два; будете вы дома?

Головинъ. Буду, буду.

Ушелъ мой крестьянинъ, а я остался думать думу крѣпкую. Ну, подумалъ я, поручилъ же мнѣ Михаилъ Петровичъ коммиссію! За кого онъ меня почитаетъ. Я не умѣю отличить Павловскаго гроша отъ Николаевскаго, а онъ мнѣ предоставляетъ цѣнить монету за шестьсотъ лѣтъ бывшую. Вѣрно, меня считаютъ на всѣ руки умнымъ. Въ добрый часъ! Дай Боже! Да вить и въ дураки-то записные попасть не хочется. Руки, ноги затряслись. Вотъ прекрасный случай опозориться и разувѣрить добрыхъ людей въ моихъ свѣдѣніяхъ. Ахъ Ты, Господи! Хоть бы съ неба упала какого-нибудь Черткова что ли книжка *о монетахъ*, чтобы было съ чѣмъ свѣрить! Приходитъ крестьянинъ. Дрожащею рукою схватилъ я завернутый въ бумагу пятакъ. Крестьянина посадилъ къ чаю, а самъ сѣлъ къ окну, чтобы въ сумеркахъ—до свѣчки рѣшить свою горькую участь. Открываю, смотрю: Пятакъ! Такъ! пятакъ съ человѣкомъ съ подписью кругомъ. Ну, слава Богу! Отдохнуло сердце. Нынѣшняя, простая, безъ замысловатостей отдѣлка, буквы, правописаніе, языкъ—все это гораздо ниже временъ Петровыхъ, все это близкое къ намъ. Крестьянинъ между тѣмъ, прихлебывая чай, приговариваетъ:

Крестьянинъ. Это такая вещь, за которую и мнѣ, и вамъ

скажетъ Михаилъ Петровичъ большое спасибо. Что жъ вы тамъ долго разсматриваете.

Головинъ. Вотъ я годъ не разберу, не то 1218, не то 1215— не знаю.

Межъ тѣмъ думаю, какъ бы мнѣ оставить эту вещь до утра, чтобы какъ-нибудь сдѣлать съ нея снимокъ и послать его для удостовѣренія къ Михаилу Петровичу.

Послушай, любезный, нельзя ли тебѣ оставить эту вещь у меня до утра. У насъ есть въ Семинаріи книга, гдѣ всѣ такія монеты напечатаны; я тамъ разсмотрю годъ и такая ли точно фигура монеты.

Разумѣется, это была ложь, я думаю такой книги и въ цѣло̂мъ свѣтѣ нѣтъ.

Крестьянинъ. Помилуйте, государь мой, Иванъ Ивановичъ! Да что вы сомнѣваетесь, повѣрьте мнѣ, я ужь и по мѣди знаю; такой мѣди теперь и нѣтъ у насъ, да и персона та старинная.

Головинъ. Такъ, мой батюшка! Но все-таки лучше, до утра оставить не бѣда.

Согласился крестьянинъ и вышелъ, крѣпко наморщившись. Какъ же снять снимокъ. Рисовать я не умѣю. Поднялся на хитрость. (По̂жалуйста не объявляйте никому этотъ способъ— можетъ быть, онъ открытіе). Завернулъ монету или лучше медальонъ въ бумагу и давай тереть серебреною ложкою; всѣ слова, персона и выпуклости вышли, подправилъ карандашемъ, и спряталъ въ столикъ, чтобъ отослать при письмѣ къ вамъ. По моему мнѣнію — это было какое-нибудь полное изданіе всѣхъ князей и царей Русскихъ при Александрѣ или Николаѣ. Цифры въ скобкахъ (24) не показываютъ ли порядка ихъ слѣдованія. Но увидавши рисунокъ *ложкою* — вы сами рѣшите вѣрно. Утро. Входитъ крестьянинъ.

Головинъ. Ну, любезный, вѣдь вещь-то новая, а не старая.

Крестьянинъ. Какъ новая?

Головинъ. Такъ!—Я справлялся: въ книгѣ совсѣмъ не та.

Крестьянинъ. Ахъ, батюшка, какъ вы меня озадачили, вить я двадцать пять рублей за нее отдалъ.

Головинъ. На что же ты отдалъ, не показавши мнѣ.

Крестьянинъ. Да вить я сторговалъ, а онъ не даетъ, не получивши денегъ.

Головинъ. Ну, вотъ я хотѣлъ съ тобой сходить, а ты сказалъ, что самъ принесешь.

Крестьянинъ. Эхъ, батюшка Иванъ Ивановичь, да што объ этомъ толковать; вы мнѣ пожалуйте деньги, я свезу монету къ Михаилу Петровичу. Онъ самъ увидитъ, годится,—годится, а не годится—такъ быть. Онъ прекраснѣйшій человѣкъ, слава Богу, Господь наградилъ его состояніемъ, ужь вы не сомнѣвайтесь, объ этихъ пустякахъ онъ и толковать не будетъ.

Головинъ. Да! Михаилъ Петровичъ прекрасный человѣкъ, не двадцать, а все что имѣю, и что могу занять по его письму, я радъ все выполнить, но все-таки я тебѣ денегъ не дамъ. Ежели бы онъ мнѣ написалъ прямо просто: дай дескать столько-то; а то пишетъ: ежели стоютъ вещи. А я вижу, что не стоитъ пятакъ, такъ вези самъ, коли хочешь, и дѣлай, какъ вѣдаешь.

Завопилъ, взмолился мой крестьянинъ.

Крестьянинъ. Помилуйте, батюшка, да что жъ я буду дѣлать, я и сюда шелъ всю дорогу пѣшкомъ, а теперь у меня и десяти копѣекъ нѣтъ.

Головинъ. Ты виноватъ, зачѣмъ отдалъ деньги, но я постараюсь помочь твоему горю; я здѣсь въ городѣ человѣкъ немаловажный (сказалъ не усмѣхнувшись): мнѣ здѣсь и полицеймейстеръ и губернаторъ — всѣ подъ руками. Коли хочешь, я съ тобою схожу къ мужику, поговорю ему, чтобы онъ взялъ свою рѣдкость, а тебѣ отдалъ назадъ деньги; коли не отдастъ честью, я черезъ полицеймейстера вытребую.

Задумался крестьянинъ.

Крестьянинъ. Такъ ужь вы мнѣ никакъ не дадите денегъ?

Головинъ. Никакъ!

Крестьянинъ. Такъ пойдемте сейчасъ къ мошеннику, ужь вы похлопочите.

Отправились: отыскали на берегу Тверцы трактиришко въ

родѣ харчевни. Дорогой что-то мнѣ напѣвалъ крестьянинъ, что онъ пойдетъ впередъ одинъ и будетъ грозить моимъ знакомствомъ, но продавшій монету самъ попалъ на встрѣчу. Это былъ буфетчикъ трактира. Говорю ему:

Головинъ. Отдай деньги и возьми свою монету, не то пойдемъ со мною къ полицеймейстеру. У меня есть письмо изъ Москвы отъ Голицына, чтобы я посмотрѣлъ монету, а ты продаешь фальшивую.

Трактирщикъ. Чѣмъ же я-то, сударь, виноватъ? Вѣдь онъ у меня съѣлъ двѣ селянки, двѣ порціи чаю. Прикажите, сударь, хоть пополамъ грѣхъ, ужь пять рубликовъ я ему отдамъ.

Головинъ. Какъ пять рубликовъ?

Трактирщикъ. Такъ-съ, за двѣнадцать рублей онъ у меня купилъ.

Головинъ. Неужто?

Трактирщикъ повеселѣлъ и зашумѣлъ.

Трактирщикъ. Помилуйте, сударь, да что вы хлопочете за мошенника, вѣдь онъ меня просилъ сказать, что ежели онъ придетъ съ человѣкомъ, то чтобы я сказалъ, что онъ-де заплатилъ за нее двадцать пять рублей.

Головинъ. А! Такъ, братъ, вѣдайся же самъ, сказалъ я, и вышелъ изъ трактира.

Въ 12 часовъ прихожу изъ класса и вижу у себя на столѣ два старыхъ образа. Черезъ часъ пришелъ крестьянинъ.

Головинъ. Что скажешь?

Крестьянинъ. Вотъ посмотрите эти образа.

Головинъ. Я въ нихъ толку не знаю.

Крестьянинъ. Нѣтъ, ужь это наше дѣло, а только вы пожалуйста такихъ образовъ мнѣ поищите, да Псалтырей Іосафа, Іосифа, Филарета и еще кого-то... У васъ священники и всѣ духовные подъ руками, вамъ это ничего не стоитъ, а я ужь вамъ услужу, привезу вамъ съ Ильинки вашихъ ученыхъ книжечекъ за дешевую цѣну. Только Богомъ васъ прошу, не пишите Михаилу Петровичу, я вѣдь и то потерпѣлъ убытокъ,

пяти рублей не отдалъ разбойникъ. А напишите, что онъ мнѣ не давалъ и говорилъ, что нѣтъ и монеты у меня, коли ты приведешь человѣка. Вотъ вить отъ чего я напередъ и купилъ-то у него, а то бы и съ вашею милостію напередъ бы сходилъ, и я бы не былъ въ убыткѣ.

Головинъ. Какія же у тебя еще есть мѣдныя вещи?

Крестьянинъ. Это образочки и крестики; да ужь эти я самъ купилъ, это безобманно; а вотъ извольте-ка посмотрѣть монету, что̀ по вашей-то милости стоитъ она.

Головинъ. Ну, за эту можно дать четвертакъ.

Крестьянинъ. Два цѣлковыхъ просятъ.

Головинъ. Нѣтъ, дальше полтинника ничего не прибавляй.

Ушелъ. Вѣроятно, онъ самъ къ вамъ ее повезетъ. Монета ростомъ не больше новаго пятіалтыннаго, но вдвое толще. Римская рожица по ключицу, въ лавровомъ вѣнкѣ, смотритъ вправо. Кругомъ ея, отъ лѣвой руки къ правой, читается: ANTONINVS PIVS AVG. B... Дальше не разобралъ. На другой сторонѣ стоитъ фигурка человѣческая во весь ростъ, кажется, съ лукомъ на лѣвой рукѣ, подписи не разобралъ. Край монеты немного треснулъ. Вечеромъ пришелъ опять крестьянинъ, сказалъ, что заплатилъ за эту монету два рубля ассигнаціями и просилъ дать ему эти деньги, потому что у него нѣтъ ни гроша на дорогу. Отдалъ ему два рубля ассигнаціями. Все прошеніе крестьянина состояло въ просьбѣ написать къ вамъ письмо такъ, какъ онъ говорилъ. Я, кажется, довольно точно исполнилъ его просьбу, какъ сами видите. Монета оставлена мнѣ для пересылки къ вамъ. Посылаю ее, равно какъ и снимокъ съ той".

Въ то же время С. Д. Нечаевъ изъ своего Рязанскаго имѣнія, Сторожевая Слобода, сообщаетъ Погодину: „Деревня, изъ которой пишу къ вамъ, находится противъ стараго Данковскаго городища. Здѣсь рыли колодезь саженяхъ во сто отъ рѣки Дона, и въ глубинѣ девяти аршинъ нашли большой слоновый зубъ и другія допотопныя кости. Назадъ тому года три, при рытіи отводной канавы изъ пруда, на Куликовомъ Полѣ,

которое отсюда отстоитъ верстахъ въ двадцати, нашли въ глинистомъ слоѣ слоновые же зубы, но меньшей величины, и это уже не въ первый разъ. Всѣ эти находки отправлены уже на Дѣвичье Поле". У насъ имѣется не менѣе интересное письмо къ Погодину отъ В. Борисова, изъ Шуи, въ которомъ читаемъ: „Позвольте разсказать вамъ анекдотецъ, доказывающій, до какой степени сдѣлались извѣстны ваше имя и любовь къ Древностямъ... Въ Шуйскомъ уѣздѣ существуетъ старинное село Пупки, въ которомъ есть монастырь во имя чудотворца Николая, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что въ немъ имѣлъ пребываніе нѣсколько годовъ новопрославленный чудотворецъ Митрофанъ. Сюда-то именно и писалъ онъ къ архимандриту Александру то письмо, списокъ котораго былъ напечатанъ въ вашемъ журналѣ. Въ этомъ селѣ Пупкахъ бываетъ каждогодно, въ 9 мая, порядочная ярмарка. Нынѣшній годъ бывши на ней и разбирая на столикѣ у одного крестьянина-букиниста разныя статьи, я встрѣтилъ рукописное Евангеліе, написанное такъ четко, чисто и красиво, украшенное такими затѣйливыми заставными буквами и виньетами, что сильно прельстился имъ и захотѣлъ купить его. Въ этихъ мысляхъ я спросилъ торговца, что возьметъ онъ за него? Да недорого, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ: всего, сударь, только восемьдесятъ рубликовъ". Послѣ торговли крестьянинъ сказалъ Борисову: „Коли дорого, такъ не покупайте. Мы и безъ васъ продадимъ; у насъ купитъ его и господинъ Погодинъ!.." Имя ваше сдѣлалось извѣстно: отъ Шафарика и Ганки—до мужика, и отъ Праги и Бреславля—до какихъ-то Пупковъ".

LVI.

Въ 1842 году вернулись изъ своего путешествія по Словенскимъ землямъ Бодянскій, Срезневскій и Прейсъ и заняли новооснованныя Уставомъ 1835 года каѳедры въ нашихъ университетахъ Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій. Бо-

дянскій въ Москвѣ, Срезневскій въ Харьковѣ и Прейсъ въ Петербургѣ.

Еще въ 1840 году Максимовичъ спрашивалъ Погодина: „А что мой землячекъ Бодянскій?“ [307]). На этотъ вопросъ Бодянскій съ одра болѣзни отвѣчалъ Погодину длиннымъ письмомъ изъ Фрейвалдау отъ 7 мая 1840 года: „Боже мой, Боже мой! Вскую меня оставилъ еси! Приходится, видно, схоронить свои кости на чужбинѣ, что, разумѣется, не такъ еще велика бѣда, но вотъ худо, въ такую пору моей жизни, въ первый годъ мужества, когда только что окончилъ свои приготовленія, сбирался дѣйствовать, и вдругъ пута на ноги! Такова ужъ моя доля! Скачы, враже, якъ панъ каже, говорять Малоруссы. Грустно, невыносимо грустно на сердцѣ, когда подумаешь, что весь этотъ запасъ свѣдѣній, добытыхъ цѣною безсонныхъ ночей и на послѣднюю денежку, вся наглядная опытность, пріобрѣтенная на самомъ мѣстѣ, у самаго родника, весь юношескій жаръ и пылъ, подкрѣпляемый мужескою стойкостью и твердостью, вся безграничная, но съ тѣмъ вмѣстѣ отчетливая любовь и привязанность къ своему предмету и, наконецъ, весь этотъ рой мыслей, думъ и гаданій о Словенщинѣ, ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, все это бухъ въ могильную канаву, прощай житейская скудель! Лучше во сто разъ не родиться было, чѣмъ такъ, ни за цапову (козлиную) душу пропасть, какъ выражаются мои земляки! Не шутя, на всякій случай, хочу здѣсь написать вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, нѣчто въ родѣ духовной, можетъ быть, еще не такъ-то скоро расплююсь съ этимъ свѣтомъ, а все не худо нѣсколько попрежде приготовиться ко дню, въ онь же воззоветъ мя сѣдяй на высокихъ. Я почти вполнѣ убѣжденъ, что мнѣ не видать ужъ моей Святой Руси. Разумѣется, не въ послѣдній разъ еще говорю съ вами письменно, но лицемъ къ лицу и при томъ у себя—пиши пропало! И потому все мое ваше, въ Москвѣ, Прагѣ, здѣсь; дѣлайте изъ него какое вамъ угодно употребленіе. Роднымъ моимъ пошлите малую толику изъ роду звенящихъ и, по воз-

можности, утѣшьте ихъ, хоть я увѣренъ, что вѣсть о моей смерти будетъ для нихъ погромомъ. Дай Богъ, чтобы они и послѣ того жили долго-долго: я имъ обязанъ больше, чѣмъ за одну жизнь (правду сказать—слишкомъ хрупкую), они мнѣ дали воспитаніе не по своему карману, извините за выраженія! Въ такомъ положеніи я хватаюсь за первое слово, сколько-нибудь объясняющее мою мысль, мое чувство. Да, вотъ что значитъ ревность не по разуму! Въ голову мнѣ не приходило, чтобы пустяшная простуда въ Прагѣ, при обозрѣніи музея и другихъ библіотекъ, привела меня, ну, почти ко гробу. Она отняла у меня столько драгоцѣннаго времени, и теперь, самъ не знаю, на долго ли привязала къ Австрійской Силезіи, вѣроятно, здѣсь суждено мнѣ лечь костями, по крайней мѣрѣ много уйдетъ воды, пока отсюда выберусь. „Хорошо!“ скажете вы. „Да чѣмъ же ты станешь жить и лечить себя?“ Пока моимъ жалованьемъ, а тамъ, что Богъ пошлетъ... Какъ бы то ни было, жаль одного только на этомъ бѣломъ свѣтѣ, что мнѣ не суждено было положить камня въ голову угла для того величественнаго зданія Всесловенства на Руси, въ сердцѣ истиннаго Словенства, которое такъ ужь обворожительно при одной мысли объ его возможности. И къ чему послужили мнѣ всѣ эти приготовленія, тяжкія, но съ тѣмъ вмѣстѣ невыразимо сладостныя? Къ чему мнѣ эта легкость и свобода, съ которой я теперь владѣю семью Словенскими языками, на которыхъ объясняюсь, какъ на своемъ родномъ? Потому что я всегда былъ того мнѣнія, что для живаго и плодоноснаго преподаванія моего предмета непремѣнно надо было усвоить себѣ совершенно или по крайней мѣрѣ до точки возможности всѣ тѣ живые Словенскіе языки, о коихъ пришлось бы толковать съ своими слушателями. И счастье мнѣ въ этомъ благопріятствовало. Думаю, вы не сочтете этого пустымъ хвастовствомъ, тѣмъ болѣе, что о справедливости, или ложности моихъ словъ всегда можете освѣдомиться въ Прагѣ. Да и что за охота врать въ ту пору, когда такъ близко находишься къ могилѣ?!..“ [308]).

Но цѣлебныя воды возстановили силы Бодянскаго, и 9 сен-

тября 1842 года онъ уже былъ въ Москвѣ и вступилъ на каѳедру Исторіи и Литературы Словенскихъ Нарѣчій.

Это было счастливое время для Бодянскаго: тогда онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія и сочувствія. Просвѣщенный и любознательный начальникъ Москвы князь Д. В. Голицынъ, по свидѣтельству Шевырева, „съ участіемъ выслушивалъ изъ устъ профессора Бодянскаго о новыхъ открытіяхъ Шафарика въ Словенскомъ мірѣ“ [309]).

Но Погодину не пришлось быть свидѣтелемъ первыхъ успѣховъ на поприщѣ Словеновѣдѣнія своего ученика; онъ въ это время путешествовалъ по Европѣ, и во время своего путешествія получилъ слѣдующее любопытное письмо отъ Шафарика: „Другъ Бодянскій написалъ мнѣ длинное письмо о началѣ своего учебнаго курса: *о ходѣ литературы* и проч., что меня очень порадовало. Только мнѣ показалось, что его воображеніе нѣсколько поразгорячилось, что̀ я приписалъ его молодости. Онъ говоритъ тамъ о вещахъ, о которыхъ я ничего не знаю и знать не желаю. Вы знаете, что я простой, сухой грамматикъ, антикварій и филологъ, и почти о другомъ не знаю и ничего знать не хочу. Хотя я ему въ вину не ставлю подобныя экстравагантности и модныя мечтанія и фантазію ради его молодости, но другіе, читая его письма, могутъ понять иначе ихъ и дать имъ иное толкованіе. Еслибы я стоялъ къ нему ближе и былъ бы съ нимъ довѣрчивѣе, то сказалъ бы ему по сербски: *da ne luduje!*“ [310]).

Воротившись въ Москву, Погодинъ самымъ задушевнымъ образомъ привѣтствовалъ вступленіе Бодянскаго на Словенскую каѳедру. „Никогда не забуду“, пишетъ Бодянскій,—„той торжественной для него и для меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. *Слава Богу! Цѣль наша достигнута—Словеновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи*, сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи“ [311]).

На первыхъ же порахъ своей профессорской дѣятельности

Бодянскій вступилъ въ полемику съ человѣкомъ, которому во дни своей юности былъ много обязанъ.

Въ пріятельскомъ письмѣ къ Погодину М. А. Максимовичъ написалъ между прочимъ замѣчаніе о Шафариковой Словенской картѣ: „Въ Кіевѣ нѣсколько минутъ только“, писалъ онъ, — „видѣлъ я знаменитую этнографическую карту Шафарика. Взглянувъ въ ней на Южную Русь, я съ удивленіемъ прочелъ въ ней *Переяслив*ъ, *Васильків*ъ, *Пиитава*, *Перекип*ъ и проч. Къ чему такой излишній, искусственный малороссіянизмъ? Живучи постоянно девятый годъ уже на родинѣ моей, я не встрѣчалъ даже простолюдиновъ ни въ Переясловѣ, ни въ Васильковѣ, которые называли бы свои города *Переяслив*ъ, *Васильків*ъ; въ Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ я не встрѣчалъ ни одного чумака, который называлъ бы Перекопъ *Перикипомъ*... Виноватъ передъ Шафарикомъ, кто посовѣтовалъ ему такой провинціальный пересолъ... И Шафарикъ очень бы хорошо сдѣлалъ, еслибы при новомъ изданіи карты своей всуе употребленный Южно-русскій звукъ *возвелъ опять къ общесловенскому коренному звуку о*... Ты самъ вѣдь ѣхалъ недавно изъ Полтавы на Переясловъ... *Пиитавы*, *Переяслива*, вѣрно, не слыхалъ изъ устъ народа, развѣ отъ Бодянскаго; но любезный землякъ мой вообще слишкомъ малороссіянитъ, даже умышленно, а иногда и неумышленно ошибается, когда, напримѣръ, говоритъ, что р. Рось впадаетъ въ Днѣпръ *насупротивъ Канева* (что вслѣдъ за нимъ повторено было и въ одной Петербургской газетѣ, помнится, въ длинной критикѣ на Исторію Устрялова): ты самъ съ Горы моей видѣлъ Каневъ и, вѣрно, на той же правой сторонѣ Днѣпра замѣтилъ устье Роси, верстахъ въ шести ниже Канева... Напиши мнѣ однако, гдѣ теперь Бодянскій и поправился ли онъ своимъ здоровьемъ?“ [312]). М. А. Максимовичъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Погодина сообщить это замѣчаніе Шафарику, но Погодинъ сдѣлалъ это посредствомъ своего журнала и напечаталъ замѣчаніе Максимовича.

На эту замѣтку Бодянскій, скрывшись подъ буквою N,

отвѣчалъ въ *Москвитянинѣ* бранчливою критикою подъ слѣдующимъ замысловатымъ заглавіемъ: *Господину возводителю къ общесловенскому коренному звуку*. Въ этой статьѣ доказывается, что надо писать и говорить не Полтава, а *Пивтава*, не Васильковъ, а *Василькивъ*, не Переясловъ, а *Переясливъ*, не Перекопъ, а *Перекипъ*, и это потому, что въ Малороссіи, какъ утверждаетъ критикъ, такъ произноситъ это названіе городовъ простой народъ, живущій на проселочныхъ дорогахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ утверждаетъ, что Максимовичъ не имѣетъ даже права замѣтить ошибку Шафарикова совѣтника, такъ какъ онъ недостаточно знакомъ съ Малороссійскимъ языкомъ. „Для вѣрнаго и безошибочнаго сужденія объ отличительныхъ свойствахъ какого бы то ни было языка мало быть туземцемъ, надобно взрость среди своего народа, достигнуть, по крайности, возмужалыхъ лѣтъ, проникнуться своимъ роднымъ насквозь, да насквозь изучить его у деревенскаго простонародья, самой упругой и твердой части народа, долѣе и болѣе всѣхъ привязанной къ старинѣ и языку предковъ... А то какое тутъ знаніе языка своей родины, если васъ привезли, положимъ, въ нѣжномъ дѣтствѣ и воспитали среди другого народа, хотя и родственнаго, но во многомъ впоперекъ не схожаго съ вашимъ, если вы принялись за родной языкъ по книгамъ и скуднымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, подкрѣпляя себя въ этомъ одномъ лишь темнымъ-претемнымъ воспоминаніемъ младенческихъ лѣтъ! Много ли подвинетесь вы въ своемъ языкѣ даже и тогда, когда судьба приведетъ васъ, наконецъ, жить у *себя*, но исключительно въ городахъ, въ которыхъ все говоритъ и языкомъ господствующаго народа, или же какою-то чудною смѣсью Варяго-Русскаго?“ Максимовичъ не остался въ долгу у своего критика и отвѣтилъ ему вѣскою антикритикою, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О Малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ. Объясненіе, относящееся къ Шафариковой Словенской картѣ*. „Г. N“, пишетъ Максимовичъ, — „изготовилъ большой, обдуманный, однако не мѣткій ударъ на защиту Шафарикова совѣтника. Прямо ко мнѣ обратилъ

онъ статью свою, хотя онъ и говоритъ, что ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника. Меня онъ называетъ *извѣстнымъ писателемъ, пламеннымъ любителемъ родного* и проч., и въ то же время прямо и намеками говоритъ разныя колкости обо мнѣ, моихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ, бросаетъ мнѣ въ спину бранчливыя пословицы, и самъ скрывается подъ литерою N. Къ чему такая застѣнчивость и потаенность, особенно съ тѣмъ, кто давно поставилъ себѣ правиломъ говорить прямо и открыто всѣ свои мнѣнія и не печатать ничего безъименнаго. Поприще критики открыто и доступно для всякаго; всякъ воленъ говорить, что ему угодно о моихъ трудахъ по части Южно-Русскаго и Словесности; объ нихъ можетъ отзываться съ небреженіемъ и *тотъ, кто нѣкогда въ Москвѣ говорилъ мнѣ съ восторгомъ, что моя книжечка Малороссійскихъ пѣсенъ и особенно ея предисловіе возбудило въ немъ пламенную любовь къ занятію Южно-Русскимъ языкомъ и поэзіей.* И тотъ, однако, не можетъ отвергнуть одного, что изслѣдованіе Южно-Русскаго языка, сравнительное съ другими Словенскими, начато мною сперва въ упомянутомъ изданіи *Малороссійскихъ Пѣсенъ* (М. 1827); потомъ въ *Изслѣдованіи о Русскомъ языкѣ* (1838) и въ *Исторіи Древней Русской Словесности*, изданной въ Кіевѣ въ 1839 году". При этомъ Максимовичъ заявляетъ, что „первыми средствами" къ этимъ изслѣдованіямъ были для него: *Словенская Грамматика* Добровскаго, *Сербскія пѣсни* и *Словарь* Вука Караджича, также личныя бесѣды съ Каченовскимъ, Ходаковскимъ, Мицкевичемъ и Венелинымъ. Максимовичъ выражаетъ сожалѣніе, что его *объясненіе о Шафариковой картѣ* должно быть отвѣтомъ на безъименную статью г. N. „Впрочемъ", пишетъ онъ, — „изъ нея видно, что г. N человѣкъ ученый, въ свѣжей памяти сохраняющій произношеніе многихъ Словенскихъ языковъ, съ прилежаніемъ изучившій Южно-Русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Карпатахъ", и при этомъ Максимовичъ ссылается на Срезневскаго, въ его донесеніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „По этимъ уважительнымъ качествамъ", продол-

жаетъ Максимовичъ,—„кто бы не былъ г. N—я могу войти въ подробное разсмотрѣніе, какъ онъ защищаетъ того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать *Переяслив*, *Василькив*, *Пиmава*, *Перекип*, и какъ онъ опровергаетъ мое утвержденіе, что имена этихъ городовъ должно писать, какъ писали доселѣ—Переясловъ, Васильковъ, Полтава, Перекопъ". Но критикъ Максимовича утверждаетъ, что такое произношеніе онъ могъ подслушать только у горожанъ, а не у деревенскаго простонародія.

„Это несправедливо", возражаетъ Максимовичъ,—„само по себѣ, а въ отношеніи ко мнѣ даже превратно; ибо случилось же такъ, что въ простонародіи упомянутые города слышалъ я не иначе, какъ съ звукомъ *о*, *а Переяслив Пиmаву* впервые встрѣтилъ на Шафариковой картѣ и у г. N., слѣдовательно, у людей грамотныхъ, у горожанъ. Поводомъ къ такому превратному толку г. N. послужило то, что я вторыя пятнадцать лѣтъ жизни моей провелъ въ Москвѣ, а потомъ около семи лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ. Но пребываніе въ этихъ городахъ не только не лишало меня возможности бывать на родинѣ моей, среди поселянъ, но доставило мнѣ способъ и случай посѣтить *всѣ* Русскія губерніи, въ которыхъ живетъ народъ и звучитъ языкъ Южно-Русскій. Теперь я третій годъ уже почти постоянно живу среди поселянъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Роси, въ сорока пяти верстахъ отъ Переяслова. Я имѣю теперь не только досугъ и охоту, но долженъ по необходимости слушать говоръ народный. Зачѣмъ же г. N. недосказанными намеками о подробностяхъ моей жизни, наводитъ сомнѣніе на мое знаніе народнаго языка, если самъ же называетъ меня *пламеннымъ любителемъ родного*, *щирымъ малороссіяниномъ*. Когда зашелъ вопросъ, какъ у Малороссіянъ называются ихъ города и деревни, то я, конечно, имѣю здѣсь всѣ средства для вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Правду сказать, и дѣло это немудреное. Самъ г. N. говоритъ, что для этого отнюдь не надо мудрствовать, и что же? Г. N. мудрствуетъ: заставляетъ имена Южно-Русскихъ мѣстъ звучать такъ, какъ ему хочется,

а потомъ доказываетъ, что они по своей природѣ не сумѣютъ звучать иначе, и составляетъ для того особенныя правила".

Доказавъ, что слѣдуетъ писать Переясловъ, а не Переяcливъ, Васильковъ, а не Васильквивъ, Полтава, а не Пивтава и Перекопъ, а не Перекипъ, Максимовичъ заключаетъ: „И Пивтава, и Переясливъ и Перекипъ—эти названія пригодны для театральной сцены, а не для этнографической карты Словенской, составленной Шафарикомъ. Я съ полнымъ убѣжденіемъ готовъ еще просить его, чтобы онъ отмѣнилъ это нововведеніе въ названіяхъ Южно-Русскихъ мѣстностей, чтобы онъ писалъ ихъ съ звукомъ *о*, какъ всегда писали и пишутъ во всей Южной Руси. За что на картѣ Словенской Южная Русь является въ первый разъ съ такимъ черезъ-чуръ простонароднымъ голосомъ, въ такомъ до крайности провинціальномъ видѣ?"

Союзникомъ Максимовича по этому вопросу явился почтенный Галицкій ученый Зубрицкій. „Радовался я статьею Максимовича", писалъ онъ Погодину,—„на нелѣпое искаженіе этнографической карты Шафарика; это надѣлали наши молодчики, воспользовавшись его добродушною легковѣрностью" [313]).

LVII.

Вслѣдъ за Бодянскимъ, а именно 23 сентября 1842, возвратился изъ Словенскихъ земель въ Харьковъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій и занялъ въ тамошнемъ Университетѣ каѳедру Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій.

По свидѣтельству В. И. Ламанскаго, Срезневскій „вывезъ изъ своего заграничнаго путешествія огромный запасъ разнообразныхъ впечатлѣній, живыхъ замѣтокъ и наблюденій надъ бытомъ и жизнію Западно-Словенскихъ народовъ, множество важныхъ уроковъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ бесѣдахъ съ Боппомъ, Поттомъ, Шафарикомъ, Копитаромъ, Вукомъ Караджичемъ и другими Словенскими и Нѣмецкими учеными и писателями, а также въ занятіяхъ кабинетныхъ и библіотечныхъ въ зимніе мѣсяцы, въ пребываніе свое въ Берлинѣ, Дрезденѣ,

Прагѣ, Вѣнѣ и пр. Его большой оригинальный умъ сильно развился въ эти годы и обогатился обширнымъ личнымъ опытомъ; прежняя его разбросанность исчезла, его горячія, кипучія силы и неустанная энергія стали умѣряться и сосредочиваться" [314]). Подтвержденіе этого позднѣйшаго свидѣтельства В. И. Ламанскаго находимъ въ свидѣтельствѣ современномъ, а именно въ письмѣ П. А. Муханова къ Погодину, въ которомъ читаемъ: „Пуркине не нарадуется на Срезневскаго, что за пылкость, что за способности по изученію Словенскихъ языковъ, по-чешски отлично говоритъ и пр. Пуркине", продолжаетъ Мухановъ, — „проситъ меня дозволить посвященіе мнѣ своего сочиненія о Русскомъ языкѣ, въ коемъ предлагаетъ Латинскими буквами замѣнить Кирилловскія! — Я отклонилъ отъ себя и не захотѣлъ, чтобы имя мое стояло рядомъ съ такою профанаціею. Но онъ премилый человѣкъ" [315]).

Надо замѣтить, что лично Срезневскій познакомился съ Погодинымъ въ 1839 году, когда проѣздомъ изъ Харькова въ чужіе края былъ въ Москвѣ. О впечатлѣніи, произведенномъ Погодинымъ на Срезневскаго мы узнаемъ изъ письма послѣдняго къ матери, изъ Москвы отъ 7 октября 1839 года. Въ этомъ письмѣ мы читаемъ: „Погодинъ — ничего не могу сказать о немъ: добръ и ласковъ, простъ и не церемоненъ, но вынеси изъ кабинета его и его не узнаешь, кто онъ, и въ кабинетѣ своемъ онъ скорѣе надсмотрщикъ, библіотекарь, нежели хозяинъ. Онъ только что воротился изъ-за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, — и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ русскимъ испанцемъ. Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все Словенское, все Малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій" [316]).

Прошло нѣсколько лѣтъ, Срезневскій, совершивъ свое Путешествіе къ Словенамъ, возвратился въ Харьковъ и, занявъ въ тамошнемъ Университетѣ Словенскую каѳедру, продолжалъ съ Погодинымъ самыя дружелюбныя сношенія, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся его письма къ Погодину. „Вы желаете", писалъ Срезневскій, — „незабвенный Михаилъ Петро-

вичъ, чтобы я написалъ вамъ большое письмо. Исполняю желаніе ваше тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что не могу этого не желать и самъ. Мысленно переношусь въ вашъ кабинетъ, сажусь, какъ сидѣлъ когда-то противъ васъ,—и начинаю болтать... Сначала объ себѣ. Ровно годъ, какъ я въ Харьковѣ, и тотчасъ по пріѣздѣ началъ чтенія: нашъ ректоръ любитъ акуратность и позволилъ мнѣ только выздоровѣть. Вниманіе и студентовъ, и профессоровъ, и другой посторонней публики къ моему первому чтенію было для меня вовсе неожиданно: зало было полно, слушали съ любопытствомъ. Я уже воображалъ, что одержалъ побѣду, особенно, когда, по прочтеніи лекціи, услышалъ похвалы и благодарность. Я уже начиналъ строить воздушные замки... Но эта была мечта, и, разумѣется, лопнула, какъ мыльный пузырь. На другую лекцію изъ необязанныхъ меня слушать явилось не болѣе десяти. На третью еще меньше. Потомъ я остался при своихъ; потомъ и свои не всѣ посѣщали, особенно когда пришло время готовиться къ экзаменамъ. Всего легче мнѣ было подумать, что я дурно читаю, что студенты мною недовольны, но этого я не замѣчалъ, и, сколько смѣю судить, не могъ заслужить подобнаго отзыва: каждая лекція мнѣ стоила не менѣе десяти часовъ, круглымъ числомъ, и были студенты, цѣнившіе мои труды. Причина охлажденія если и зависѣла отъ меня, то не совсѣмъ. Она зависѣла отъ многаго другаго: 1) наши студенты обременены очень лекціями, такъ что рѣдкій день не должны ихъ выслушать пять, шесть; 2) я никогда не принуждалъ и не стану принуждать посѣщать меня,—вольному воля; важнѣе же и этихъ двухъ причинъ я считаю еще одну: нашу южно-русскую холодность, нашъ характеръ, который не позволяетъ намъ предаваться ничему неумѣренно, а заставляетъ умѣрять всякій порывъ. Увлечь насъ можно; но на это надобно силъ поболѣе, нежели у меня, и все-таки многихъ не увлечешь такимъ предметомъ, какъ Словенство: онъ слишкомъ близокъ къ политикѣ, которая для насъ не существуетъ, и очень далекъ и отъ вседневной жизни нашей, и отъ нашихъ обычныхъ мечтаній. Вспомня

это, я утѣшался,—поворотилъ оглобли въ сторону,— и вовсе не думая объ увлеченіи, хочу только пріучить студентовъ къ моему предмету, пріучить ихъ считать его въ числѣ важнѣйшихъ. И дѣло идетъ на ладъ, понемногу. Вотъ мой планъ преподаванія: Студентамъ 1-го курса читаю каждый годъ одно и то же: Энциклопедическое введеніе въ изученіе Словенства, излагая въ немъ, послѣ рѣшенія общихъ вопросовъ о пользѣ и содержаніи науки о Словенствѣ, какое мѣсто принадлежитъ Словенамъ въ Европѣ въ отношеніи этнографическомъ, историческомъ и географическомъ,—далѣе общую характеристику Словенскаго языка и разнообразіе его нарѣчій, главныя черты Словенскихъ народностей и судебъ,— наконецъ въ общемъ очеркѣ содержаніе Словенской литературы. Студенты же 2-го и 3-го курсовъ слушаютъ у меня одинъ годъ о Словенахъ западныхъ южной отрасли, а другой годъ о Словенахъ западныхъ сѣверной отрасли: каждый Словенскій народъ разсматривается отдѣльно по его жилищамъ въ прежнее и наше время, по его древности, его судьбамъ, его современному состоянію, его нарѣчію и литературѣ. Имъ же объясняю, по разу въ недѣлю, лучшія произведенія Словенской литературы. Грамматикъ я не читаю; на памятники палеографическіе обращаю вниманіе только слегка; изъ писателей выбираю только тѣхъ, которыми долженъ дорожить всякій Словенинъ; изъ историческихъ событій болѣе останавливаюсь на самыхъ важныхъ, стараясь пересказывать ихъ сколько можно подробнѣе; а болѣе всего думаю о томъ, чтобы познакомить слушателей съ народностями Словенъ нашего и прежняго времени, съ памятниками ихъ быта и образованности, съ ихъ общественнымъ состояніемъ въ то и другое время. Вообще изъ моихъ лекцій одна треть филолого-литературныхъ и двѣ трети историко-этнографическихъ: на первыхъ слушателей обыкновенно бываетъ гораздо менѣе, нежели на послѣднихъ, что и заставило меня увеличить число ихъ и пользоваться всѣми случаями вмѣшивать въ нихъ филологическія изысканія. Само собою разумѣется, что слушателей всего болѣе занимаетъ то, что

имѣетъ отношеніе къ нашему родному, Русскому, нашей собственной Исторіи, нашимъ народностямъ, нашему языку и литературѣ, и что слѣдовательно я, сколько могу, стараюсь сближать все Западнословенское съ нашимъ Русскимъ, знаю я средство увеличить число слушателей: это—читать лекціи по написанному и такъ, чтобы все было хотя нѣсколько торжественнымъ; но гдѣ же мнѣ взять времени, чтобы писать лекціи и написывать фразы на фразы. Это будетъ для меня возможнымъ развѣ тогда, когда я соберу всѣ нужные матеріалы и когда, приготовляясь къ лекціи, буду въ состояніи думать только о томъ, какъ бы краснорѣчивѣе прочесть. Да и тогда развѣ можно будетъ освободиться отъ учительскихъ объясненій, особенно въ лекціяхъ филологическихъ. Впрочемъ я виню всего болѣе самого себя, стараюсь искать своихъ ошибокъ, поправлять ихъ, и долгомъ почитаю слушаться всѣхъ благоразумныхъ совѣтовъ опытности и ума. Такъ совѣтъ и съ вашей стороны, Михаилъ Петровичъ, сколько бы ни заставлялъ онъ меня отучаться отъ моихъ привычекъ, былъ бы для меня драгоцѣненъ. Помогите мнѣ, поучите меня—если не для меня лично, то во имя Словенства. Я сумѣю оцѣнить ваше искреннее слово, и употреблю всѣ усилія воспользоваться имъ. А между тѣмъ вотъ и еще нѣсколько словъ о нашей холодности: вся моя библіотека открыта всѣмъ, я радъ давать книги, самъ предлагаю, прошу,—но до сихъ поръ, въ теченіе года, едва ли взято было и сто книгъ; я дарю книги, но и подарки цѣнятъ только какъ подарки. Не подумайте впрочемъ, что мы холодны къ одному Словенству; ко многому другому мы еще холоднѣе. Мы сходимся въ кабинеты для чтенія болѣе чтобъ поболтать, нежели чтобы прочесть что-нибудь дѣльное; мы не дадимъ ходу ни одному книгопродавцу; мы, еслибы только захотѣли, могли бы и должны бы были издавать хорошее повременное изданіе,—и не хотимъ; мы бы могли писать въ десять разъ болѣе,—и не пишемъ, потому что можемъ не писать; мы бы должны были собираться на литературные вечера,—и осмѣяли бы перваго, кто бы вздумалъ затѣять ихъ.

Мы холодны ко всему книжному,—и не холодны только къ той наукѣ, которая съ перваго разу приноситъ видимую, осязательную пользу, и то на время, пока есть намъ отъ нея польза. Есть у насъ профессора, которые бы украсили собою любую каѳедру—ихъ не цѣнятъ; есть у насъ люди увлеченные—ихъ никто не знаетъ и знать не хочетъ; есть отличныя дарованія—на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Еслибы можно было измѣнить направленіе толпы, Харьковъ завтра бы блеснулъ инымъ свѣтомъ; а пока это направленіе останется, все будетъ по прежнему. Университетъ имѣетъ, правда, вліяніе, но и то тайно, никому не давая о томъ знать, или даже, часто, самъ того не зная. Нашъ Иннокентій имѣетъ тоже вліяніе, но и оно—только на время, пока онъ у насъ, да и къ нему даже мы привыкаемъ, мало по малу забываемъ уже, кто онъ. Изъ другихъ, которые бы могли имѣть вліяніе, одни безъ средствъ и силъ, другіе безъ охоты. Мы впрочемъ живемъ, благодаря Бога, не дурно, и стоитъ только умѣрять порывы сердца, примѣняться къ господствующимъ обычаямъ, не имѣть собственныхъ ни глазъ, ни ушей, ни мозгу, чтобы наслаждаться всѣмъ вполнѣ. А наслаждаться есть чѣмъ: вотъ преферанчикъ, вотъ обѣдъ или ужинъ, вотъ балъ, вотъ визитное утро, вотъ три-четыре дюжины шампанскаго, вотъ выгодная сдѣлка съ барышемъ пятьдесятъ на сто, и пр. и проч. Наслаждаться есть чѣмъ, и мы наслаждаемся, чего же болѣе? Я однако не теряю надежды, какъ не теряю и уваженія къ Харькову. Прошу у Бога только терпѣнія и постоянства. Студенты мои уже начинаютъ трудиться, начинаютъ видѣть, что трудъ не напрасенъ и не слишкомъ тяжелъ...“

Обращаясь къ себѣ, Срезневскій сообщаетъ слѣдующія біографическія данныя:

„Что касается до моего *запаздыванья*“, пишетъ онъ,—„о которомъ вы спрашиваете, оно, вѣроятно, ужь на роду мнѣ написано. Въ 35-мъ еще сдалъ въ магистры, черезъ три мѣсяца подалъ разсужденіе, но его читали полтора года, и чуть было не покончили тѣмъ, что я—опасный человѣкъ, что я

хоть и не вижу деспотизма у насъ, но все же очень браню его; еслибы графъ Головкинъ не прочелъ самъ моего разсужденія, то и до сихъ поръ мнѣ бы оставаться при 35-ть годѣ. Въ 1838-мъ подалъ я разсужденіе на доктора: въ немъ изложены были тѣ самыя мысли, которыя излагалъ я студентамъ, и мнѣ позволено было продолжать излагать ихъ, но два факультета, собравшись судить о моемъ разсужденіи, *балотировкою* рѣшили, что оно не достойно степени, и дѣло брошено; я только издалъ разсужденіе. Съ путешествіемъ была та же возня. По возвращеніи моемъ тоже. Просить я не прошу, и не стану: честный человѣкъ самъ долженъ видѣть, чего я стою, а передъ безчестнымъ не стоитъ унижаться. Ректоръ рѣшилъ, наконецъ, балотировать меня въ экстра-ординарные, оказалось только два черные, представили помощнику попечителя, и дѣло остановилось: мнѣ говорили, что онъ не рѣшается ни на что безъ попечителя, да и что онъ могъ сказать обо мнѣ, когда онъ у меня на лекціи ни разу не былъ. 30 августа былъ нашъ актъ, я читалъ отчетъ; публика была довольна, помощникъ тоже—и рѣшился, наконецъ, представить въ *исправляющія.* Коли такъ, пусть и такъ; а кланяться не стану, ни взятки не дамъ. Мнѣ, безъ сомнѣнія, досадно, но досада проходитъ, а характеръ мой при мнѣ всегда, думаю я, и утѣшаюсь. Еще бы у Министра я рѣшился просить, еслибы зналъ, *какъ,* чтобы его не оскорбить; но у Цертелева, которому и нужды не было до моего путешествія, который принялъ меня въ первый разъ по возвращеніи моемъ, на другой день по пріѣздѣ, такъ, что мнѣ показалось, будто я у него уже въ сотый разъ и съ какою-нибудь просьбою... нѣтъ, этого онъ не дождется. Онъ мнѣ начальникъ, это я знаю, и исполню всегда законный долгъ подчиненнаго, болѣе ни онъ не въ правѣ ожидать отъ меня, ни я не намѣренъ дѣлать. Твердо увѣренный, что кто меня не знаетъ, тотъ раньше или позже узнаетъ, а кто знаетъ, тотъ не будетъ обо мнѣ дурнаго мнѣнія, я иду своей дорогой – piano ma sano, за трудомъ забываю всякую досаду, за воспоминаніемъ о людяхъ достойныхъ

памяти,—всѣхъ недостойныхъ. Тяжело, правда, жить; надобно, для добавки къ жалованью, искать другихъ средствъ, а ихъ—честныхъ—мало; что же дѣлать! Все же съ голоду не умру; и хоть ночей спать не буду, а на книги найду деньги. По возвращеніи въ Харьковъ, четыре мѣсяца я жилъ безъ жалованья, пока не зажилъ слѣдуемой трети; а все же остался живъ и почти безъ долговъ, по крайней мѣрѣ теперь уже нѣтъ на плечахъ ничего кромѣ того, что придется платить Меликовскому за три ящика, имъ высланные. Можно бы и меньше нуждаться, еслибы времени отъ приготовленія къ лекціямъ было болѣе; авось либо впередъ и будетъ лучше. Искренно вѣрю, что все къ лучшему, и безропотно жду лучшаго времени.

Съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ я не то, чтобы очень сблизился, но бываю у него; и счастливъ, когда могу провести съ нимъ часъ, другой. И какъ пастырь, и какъ любитель наукъ онъ достоинъ безграничнаго уваженія. Притомъ же онъ у насъ—единственный. Съ нимъ однимъ я говорю о Словенствѣ: у него одного могу просить совѣтовъ искреннихъ; ему одному могу повѣрять свои мысли, свои надежды—это солнце наше, которое оживляетъ всю нашу нравственную природу"...

Въ томъ же письмѣ, по просьбѣ Погодина, Срезневскій выражаетъ свое мнѣніе и о *Москвитянинѣ*. „Въ немъ", пишетъ онъ,—„мало повѣстей; для такъ-называемыхъ Европейцевъ мало пустозвону; а для любителей науки—это безспорно лучшій журналъ. Жаль только—извините, что скажу, какъ думаю—корректоръ дуренъ. Да—повторю опять: нельзя ли что-нибудь въ родѣ непостояннаго отдѣленія для Словенскихъ книгъ. Хоть бы такъ, напримѣръ, сдѣлать: все Словенское помѣщать вмѣстѣ въ особомъ отдѣлѣ, не отдѣляя отъ него ничего въ другіе отдѣлы"...

Письмомъ этимъ Погодинъ остался видимо доволенъ, что явствуетъ изъ отвѣтнаго письма Срезневскаго, въ которомъ читаемъ: „Душевно благодарю васъ за искренно высказанное вами мнѣніе о моихъ лекціяхъ, и очень радъ, что не со-

всѣмъ отстаю въ планѣ чтенія отъ вашего желанія, вполнѣ вѣря, что изученіе нарѣчій должно составлять одну изъ важнѣйшихъ частей преподаванія Словенства. Одними переводами ограничиться у насъ нельзя для чести и пользы предмета; но и выпускать ихъ изъ содержанія лекцій было бы тоже дурно. Такъ со студентами 1-го курса я перевожу образцы всѣхъ десяти западныхъ нарѣчій, имѣя въ виду познакомить слушателей если не съ чѣмъ болѣе, то хоть съ общей характеристикой и взаимною близостью Словенскихъ нарѣчій. Со студентами же слѣдующихъ курсовъ занимаюсь постоянно по одному часу въ недѣлю переводами образцовыхъ сочиненій, особенно Чешскихъ и Сербскихъ; Польское нарѣчіе у насъ изучается многими студентами и безъ того, потому что много студентовъ изъ Поляковъ, такъ что даже въ медицинскомъ факультетѣ господствуетъ нарѣчіе Польское. Въ нынѣшнемъ году въ первомъ семестрѣ я объяснялъ *Краледворскую рукопись*; а во второмъ надѣюсь перегладѣть всю *Дочь Славы*. Притомъ же объясняя имъ подробно характеристику сѣверозападныхъ нарѣчій, читалъ и буду читать образцы всѣхъ этихъ нарѣчій, и новыхъ и старыхъ, и книжныхъ и народныхъ. На слѣдующій годъ, по совѣту вашему, постараюсь обратить еще большее вниманіе на переводы, что и для студентовъ будетъ облегченіемъ. Не менѣе благодаренъ вамъ и за предложеніе написать *Краткую Исторію Словенскихъ народовъ*. Сдѣлать наскоро можно это скоро, потому что я прохожу со студентами и о древности Словенъ вообще, и судьбы каждаго Словенскаго народа; но передъ студентами можно извиниться въ промахахъ, поправлять ихъ послѣ; а передъ публикою это уже не то...“ [317]).

LVIII.

27 ноября 1842 года С. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Увѣдомляю васъ съ удовольствіемъ, что Прейсъ возвратился

и скоро начнетъ свои лекціи. Я полагаю на него много надеждъ" [313]).

По свидѣтельству В. И. Ламанскаго, „Петру Ивановичу Прейсу принадлежитъ по праву почетное мѣсто въ Исторіи Словеновѣдѣнія. Онъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ. Въ Россіи и вообще въ Словенствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Бопповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ Словенствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знатокомъ Литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ Словенскихъ Древностей" [319]).

Вскорѣ по возвращеніи Прейса въ Россію Погодинъ завязалъ съ нимъ дружелюбныя, ученыя сношенія. Памятникомъ сихъ сношеній у насъ сохранилось письмо Прейса къ Погодину, который въ то время изучалъ творенія нашего древняго писателя Іакова черноризца. „Къ сожалѣнію, долженъ начать отвѣтъ на пріятное письмо ваше", писалъ Прейсъ, — „извиненіемъ: замедлилъ, по независящимъ отъ меня причинамъ. А. Х. Востоковъ успѣлъ уже переслать вамъ свой прекрасный трудъ; я же теперь только могу исполнить ваше желаніе. *Полное извѣстіе*, найденное вами о Яковѣ мнихѣ, очень порадовало меня. Я жду съ нетерпѣніемъ вашихъ изысканій по этому предмету, а потому умалчиваю о собственныхъ. Года за четыре тому назадъ думалъ я издать *Похвалу Якова*, но недостатокъ необходимыхъ для того средствъ остановилъ меня". При этомъ Прейсъ сообщилъ Погодину и слѣдующія свѣдѣнія:

„*Похвала Владиміру мниха Якова* хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ копіи, снятой Ермолаевымъ со списка 1414 г. Неизвѣстно, куда дѣвался подлинникъ сего списка. *По Исторіи Карамзина* (I, пр. 110) и по словамъ Эверса (*Kritische Vorarbeiten*, с. 308, пр. 5, также *Сѣверн. Архивъ* 1824, ч. X, с. 222) можно догадываться, что подлинникъ Ермолаевской копіи дѣйствительно находился нѣкогда въ библіотекѣ графа А. И. Мусина-Пушкина. Въ

Časopis'ъ Českiho Museum (1838, с. 265) напечатано извѣстіе, что г. Царскій пріобрѣлъ покупкою *Похвалу Владиміра*, писанную на пергаминѣ въ княженіе в. кн. Ярослава. Любопытно сличить послѣдній кодексъ съ предлагаемыми мною выписками изъ Ермолаевской копіи. На основаніи сихъ выписокъ г. Шафарикъ упомянулъ о *Похвалѣ* мниха Якова въ *Slowensky narodopis* (с. 17), относя ее къ 1037 г.

Копія сдѣлана г. Ермолаевымъ съ дипломатическою точностью, строка въ строку, буква въ букву. Онъ означалъ скобами тѣ слова и буквы, которыя писаны новѣйшею рукою. Замѣчанія его, находящіяся внизу страницъ, отличены мною ковычками. Рукопись содержитъ въ себѣ 54 листа. Начало слѣдующее (с. 2): Мц҃а Июля въ є҃і дн҃ь памѧ҄т и похвала кн҃зю Рускому Володимиру, како кр҃тися Володимеръ и дѣти своꙗ кр҃ти. и всю землю Рускую. ѿ конца и до конца. и како кр҃тися баба Володимерова Ѻлга. преже Володимира. Списано Иꙗковомъ Мнихомъ.

Паоулъ ст҃ыи ап҃лъ црк҃ныи оуч҃тль и свѣтило всего мира посылая к Тимофѣю еже слыша ѿ мене многы послухы. тоже предаи же вѣрнымъ члв҃кмъ. иже доволнѣ будуть и инъı наоучити... (Руководствуясь тѣмъ, что многіе, л. 2 об.) многы[х] ст҃хъ писати начаша житья и мч҃нья. тако же и ꙗзъ худыи мнихъ Ияковъ. слышавъ ѿ многыхъ. ѻ благовѣрнемъ кн҃зѣ Володимери. всея Руския земля. ѻ сн҃у Ст҃ославлѣ, и мало собравъ ѿ многыя добродѣтели ѥго, написахъ ѻ сн҃у ѥго. реку же сто[ю] славную мч҃нка Бориса и Глѣба.

Похвала оканчивается слѣдующимъ мѣстомъ (л. 39 об.):

Добръ послухъ о благовѣрью твоему, о блажѐница, свщньная црквы ст҃ыя бц҃а Мр҃ья юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужественное твое тѣло лежить ждя трубы архангльы; добръ зѣло послухъ сн҃ъ твои Георгии. Его же створи г҃ь намѣстника по тобѣ твоему влц҃ьству не рушаще твоихъ оустовъ, но оутвержающа ни оумаляюща (л. 40) твоему бл҃говѣрью положеныя, но паче прилагающа и неказяща, но оучиняюща, иже не докончаная твоя доконцавая аки Соломонъ Дв҃ва,

иже домъ Бии великии Стыя его Премдрсти създа на. стость и на осщнье граду твоему, юже всякою красотою оукраси. ѡ Хѣ ісѣ гѣ нашелъ ему же слава чть и покланяние. съ оцмъ и стымъ дхомъ и нынѣ и прис въ вѣкы вѣкомъ аминь. *Стик два гла и.*

За симъ слѣдуютъ:

л. 4 об. Канонъ Владиміру (Придѣте стечемся вси);

л. 41 об. Канонъ Кюрику и Улитѣ;

л. 45 о крещеніи и смерти Владиміра;

л. 50 об. мученіе Кюрика и матери его Улиты.

Рукопись заключается слѣдующимъ послѣсловіемъ:

Ⱛ лѣт ҂ѕ ц[1]) КⰊ написана быс книга си. къ стму Володимеру црькви блгниемъ влцѣ (атона) повелѣниемъ Сидора Кюприянова . . . . (Т) . . . . Матфѣя Кусова. а хто сю книгу оукрадетъ да будетъ проклятъ: Сеи[2]) зимы мця Ноября въ ѕі пострижеся влка (антонъ) въ схиму, и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници, по сє дниі. а посадникъ Кирило Дмитрѣеви преставис.

Примѣчанія г. Ермолаева.

1) „*Прав.* Щ, но сія буква въ церковномъ древнемъ и нынѣшнемъ счисленіи не употреблялась и не употребляется. Видно, что поправлявшій хотѣлъ сдѣлать рукопись древнѣе, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть, но, по незнанію или не хотя скоблить, чтобы не подать сумнѣнія, поправилъ и вмѣсто ѱ сдѣлалъ *щ*, не зная, что сіи буквы никогда одинаково не писались“.

2) „*Прав.* тою же рукою: о зимѣ“ [320]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ это любопытное сообщеніе П. И. Прейса вкралась одна важная неточность. Копія со Сборника 1414 года, принадлежавшаго графу А. И. Мусину-Пушкину, никогда не составляла собственность Императорской Публичной Библіотеки; въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ эта приписываемая А. И. Ермолаеву копія была пріобрѣтена въ числѣ другихъ рукописей И. И. Срезневскимъ, у наслѣдниковъ котораго хранится она и понынѣ [321]).

Мы уже знаемъ, что въ это время А. Д. Чертковъ трудился надъ Манассіиной Лѣтописью. Прейсъ, интересуясь этимъ памятникомъ, писалъ Погодину: „Хотѣлось бы мнѣ знать, будетъ ли напечатана Манассіина Лѣтопись, и притомъ кѣмъ? Вопросъ естественный всякаго изъ любителей Церковно-Словенской Письменности. У насъ, кромѣ А. Х. Востокова, едва ли кто найдется вполнѣ знакомымъ съ рукописями Болгарской фамиліи, а къ нимъ—притомъ къ позднѣйшимъ принадлежитъ Лѣтопись Манассіи“ [322]).

Въ то время, когда первые насадители у насъ Словеновѣдѣнія: Бодянскій, Срезневскій и Прейсъ вступили на поприще своего дѣланія, исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности патріарха Словенской Филологіи Самуила Линде. Погодинъ почтилъ этотъ юбилейный годъ его жизни напечатаніемъ въ *Москвитянинѣ* его біографіи [323]). Въ день юбилея, Линде, по представленію Уварова, былъ украшенъ Станиславскою звѣздою. По неизвѣстной намъ причинѣ П. А. Мухановъ остался недоволенъ напечатаніемъ біографіи Линде. „Къ чему было“, писалъ онъ Погодину: — „проповѣдовать столь нескромно о будущихъ ученыхъ трудахъ нашего общаго знакомаго, сего истинно усерднаго ученаго, истинно преданнаго нашему Правительству. И такъ на него гнѣвятся всѣ безтолковые фанатики, а вы или вашъ журналъ подвергаете его прежде времени ихъ злобѣ. Ради Бога будьте осмотрительнѣе“. Въ томъ же письмѣ Мухановъ писалъ Погодину: „Рекомендую вамъ весьма пасынка своего барона Артура Моренгейма *). Онъ способный малый, но зѣло самолюбивъ; любите его, но ради Бога щадите его самолюбіе“ [324]).

По свидѣтельству Поплонскаго, Линде, по выходѣ въ отставку послѣ своей многотрудной жизни, „отдыхалъ въ тиши своего кабинета, и всѣмъ казалось, что онъ уже кончилъ свое литературное поприще; объ немъ стали говорить меньше, вспоминать рѣже и наконецъ почти совсѣмъ забыли. Одно

*) Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ, нынѣ чрезвычайный и полномочный посолъ при Французскомъ Правительствѣ.

обстоятельство спасло его отъ гражданской смерти: это былъ пріѣздъ въ 1839 году въ Варшаву М. П. Погодина. Онъ отыскалъ здѣшнихъ ученыхъ словенистовъ, разспрашивалъ объ ихъ занятіяхъ, однихъ поощрилъ къ труду убѣжденіями, другимъ выхлопоталъ денежное вспоможеніе, спрашивалъ всѣхъ, что дѣлаетъ Линде, и никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта; наконецъ, рѣшился самъ навѣстить Словенскаго патріарха, и что же увидѣлъ? Линде читаетъ Русскія книги и выписываетъ изъ нихъ на отдѣльныхъ карточкахъ чѣмъ-нибудь замѣчательныя выраженія... Дѣло объяснилось. Вышедши въ отставку, Линде обратился опять къ своему любимому предмету – къ Словенскимъ языкамъ, и составилъ себѣ планъ *Сравнительнаго Словаря Словенскихъ нарѣчій*. Когда къ нему явился Погодинъ, онъ уже обработалъ буквы В, Г и половину Д. Ревнуя ко всему, что только носитъ печать Словенскую, Погодинъ не могъ не быть восхищеннымъ, видя огромный трудъ, полезный всѣмъ Словенамъ. Онъ взялъ у Линде обработанную часть словаря съ собою и, по возвращеніи въ Россію, представилъ ее Уварову" [325]). Но когда зашелъ вопросъ о печатаніи этого Словаря, то, по разсмотрѣніи его, Ковскій писалъ Погодину: „Рукопись его въ томъ видѣ, какъ онъ ее подготовляетъ, нельзя печатать, она требуетъ много передѣлокъ. Линде мало знакомъ съ Русскою Литературою и достоинствомъ, или лучше сказать, авторитетомъ нашихъ писателей. Въ числѣ законодателей Русскаго слова почасту встрѣчаются у него *Сѣверная Пчела* и *Репертуаръ театральный* г. Кони.—Что вы думаете о моемъ предложеніи: купить у Линде его трудъ какъ матеріалъ и пригласить Московскихъ членовъ Словеснаго Отдѣленія Академіи заняться составленіемъ Сравнительнаго Словаря, въ который все подготовленное Линде войдетъ въ исправленномъ видѣ? С. П. Шевыревъ писалъ къ Сергію Семеновичу о своемъ желаніи содѣйствовать къ составленію Словаря. Поговорите объ этомъ съ И. И. Давыдовымъ, Степаномъ Петровичемъ и другими и сообщите ваши мысли" [326]). Но Поплонскій, какъ бы пред-

видя подобное сужденіе о трудѣ Линде, писалъ: „Для своего Сравнительнаго Словаря Линде читаетъ Русскія книги образцовыхъ, посредственныхъ и плохихъ писателей; этихъ послѣднихъ потому, что въ языкѣ есть слова, которыхъ не употребятъ лучшіе писатели, а примѣры къ нимъ находятся у такихъ, которые въ литературномъ отношеніи ничего не значатъ, а въ отношеніи къ языку важны именно этою отрицательною стороною" [327]).

Не смотря на свое сочувствіе къ Словенамъ, Уваровъ вынужденъ былъ заготовить слѣдующій циркуляръ: „По нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ я нахожу полезнымъ обратить вниманіе цензуры на печатаемыя въ Русскихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ южнымъ Словенамъ и нынѣшнему ихъ положенію. Хотя статьи эти сами по себѣ не представляютъ ничего прямо непозволительнаго и вообще благонадежны, однако настоящія политическія отношенія побуждаютъ положить нѣкоторое ограниченіе изъявленіямъ въ Русскихъ изданіяхъ сочувствія и участія въ дѣлахъ Словенскихъ племенъ, къ иноземнымъ державамъ принадлежащихъ". Но дать ходъ этому циркуляру Уваровъ не рѣшился. Комовскій, посылая копію съ него Погодину, писалъ ему: „Такого содержанія предложеніе хотѣлъ С. С. Уваровъ дать Московской цензурѣ, но удержался единственно, чтобъ не вооружить ее слишкомъ и исключительно на *Москвитянинъ*; кромѣ этого журнала, вѣдь, нѣтъ другихъ изданій, говорящихъ у васъ про Словенъ. Его высокопревосходительство предпочелъ приказать мнѣ частнымъ образомъ предварить по этому предмету васъ, какъ издателя, и просить, отъ его имени: не печатать пока до времени ради современныхъ политическихъ обстоятельствъ *ничего на счетъ Словенскихъ соплеменниковъ нашихъ*, по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго представленія на его усмотрѣніе и рѣшеніе" [328]).

Въ бумагахъ Погодина нашелся листокъ, писанный неизвѣстною намъ рукою и относящійся къ болѣе позднему времени, но объясняющій тѣ причины, которыя побудили

С. С. Уварова составить только-что приведенный проектъ министерскаго циркуляра. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ листкѣ: „Когда я передалъ списокъ Псалтыря г. Шафарику, въ Прагѣ, онъ просилъ довести до свѣдѣнія г. Погодина слѣдующую просьбу, которую постараюсь передать собственными словами г. Шафарика: Передайте г. Погодину, что Австрійское Правительство обратило особенное вниманіе на сношенія мои съ нимъ. Оно понимаетъ г. Погодина руководителемъ Русско-Словенской партіи, старающейся печатными и рукописными сочиненіями возбуждать Словенскія племена Австріи. Когда въ прошломъ году посѣтили меня: прежде сынъ г. Погодина вмѣстѣ съ молодымъ г. Мамонтовымъ, потомъ и самъ г. Погодинъ,—то послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было—учрежденіе надо мною строгаго надзора. Все, что я пишу другимъ и что другіе мнѣ пишутъ—прочитывается. Не знаю, что ожидаетъ меня въ будущемъ; во всякомъ случаѣ я убѣдительнѣйше прошу г. Погодина, чтобы во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ статьяхъ, касающихся Словенъ, не упоминать моего имени и вообще не связывать его съ политикою, которою я не могу и не долженъ заниматься: я желаю остаться при своихъ чисто-ученыхъ трудахъ. Въ настоящемъ моемъ положеніи всякое привлеченіе моего имени къ дѣлу Словенъ—причинитъ мнѣ и семейству моему большое горе. Прошу Васъ, когда будете внѣ предѣловъ Австріи, при первомъ удобномъ случаѣ довести все это до свѣдѣнія г. Погодина, которому описывать свое положеніе, по сказаннымъ причинамъ—не могу“.

КОНЕЦЪ КНИГИ ШЕСТОЙ.

1) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 234—236. *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 325—326. *Дневникъ* 1841, подъ 15 апрѣля, 1 мая. *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 547—548. *Дневникъ* 1841, подъ 13, 14 мая. *Сочиненія Филарета М. Московскаго*. М. 1882, IV, стр. 145—146. *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2082.

2) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 3—29.

3) *Письма*, XI. *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 310.

4) *Москвитянинъ* 1841, № 1, 219—296. *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 328.

5) *Письма*, XI.

6) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 325—401.

7) *Дневникъ* 1841, подъ 14 марта.

8) *Письма*, XI.

9) Ефремовъ. *Сочиненія В. А. Жуковскаго*. С.-Пб. 1885, I, стр. XXXI.

10) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 601.

11) *Письма*, XI; *Дневникъ* 1841, подъ 13, 16, 17 января.

12) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 601—602.

13) *Письма*, XI.

14) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206—207.

15) *Письма*, XI.

16) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 342, 51—53.

17) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 275.

18) *Москвитянинъ* 1841, № 3, стр. 6.

19) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206.

20) *Дневникъ* 1841, подъ 5 января.

21) *Письма*, IX, XI.

22) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 275.

23) *Дневникъ* 1841, подъ 5 января, 6—9 февраля.

24) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 94—95.

25) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 288.

26) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2083.

27) *Дневникъ* 1840 подъ 3, 16 января, 9 сентября; 1841, подъ 18 февраля.

28) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2083—2090.

29) *Дневникъ* 1841, подъ 5 марта.

30) *Письма*, XI.

31) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2090—2095, 2096—2098.

32) *Дневникъ* 1841, подъ 1—5 апрѣля.

33) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2098—2099.

34) *Письма*, XI.

35) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2098, 2095—2096. *Письма*, XI.

36) *Москвитянинъ* 1841, № 12, стр. 300—336.

37) *Письма*, XI.

38) *Русскій Архивъ* 1885, № 6, стр. 306—307.

39) *Письма*, XI.

40) *Дневникъ* 1841, подъ 14—15 апрѣля.

41) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 94—95.

42) *Дневникъ* 1841, подъ 6 января.

43) *Письма*, XI.

44) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. М. 1890, стр. 47.

45) *Дневникъ* 1841, подъ 8, 10 марта.

46) *Письма*, XI.

47) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 51.

48) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857, V, стр. 445.

49) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206; 1886, № 3, стр. 323. *Письма*, XI.

50) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 34—35.

51) *Письма*, XI.

52) *Дневникъ* 1841, подъ 9 января, 12 марта.

53) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 274.

54) Веселовскій. *В. В. Григорьевъ*, стр. 73.

55) *Письма*, XI.

56) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*. М. 1879, стр. 120—121.

57) *Письма*, XI.

58) *Отечеств. Записки* 1841, № 1, стр. 31. XIV. Библ. Изв., стр. 83—84.

59) *Письма*, XI.

60) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 512.

61) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. С.-Пб. 1869, стр. 26.

62) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 227—228; 1885, № 6, стр. 307.

63) Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*. С.-Пб. 1876, II, стр. 133—135.

64) *Московскія Вѣдомости* 1841, № 16.

65) *Отечеств. Записки* 1841, № 4, Библіограф. Хрон., стр. 38—40.

66) *Дневникъ* 1841, подъ 25 апрѣля, 2 мая.

67) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 509—510.

68) *Письма*, XI.

69) *Отечеств. Записки* 1841, № 7, стр. 27—30.

70) *Письма*, XI.

71) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 572—573.

72) *Письма*, XI.

73) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 239—241.

74) *Письма*, XI.

75) *Москвитянинъ* 1841, № 7, стр. 236—238.

76) *Письма о Кіевѣ*. С.-Пб. 1871, стр. 117.

77) *Письма*, XI. *Письма М. Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву*. Кіевъ. 1869, стр. 123.

78) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій*. С.-Пб. 1887, стр. 130.

79) *Письма*, XI.

80) *Письма о Кіевѣ*, стр. 114—116.

81) *Письма*, XI.

82) *Письма о Кіевѣ*, стр. 116.

83) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 114—116.

84) *Письма*, XI.

85) *Русскій Архивъ* 1886, № 3, стр. 326.

86) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ*, стр. 131.

87) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 560, 547—557.

88) *Письма*, XI.

89) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 557.

90) *Письма*, XI.

91) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 557—560. *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1875, I, стр. 182.

92) *Письма*, XI.

93) *Русская Исторія*. С.-Пб. 1872, I, стр. 194.

94) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 198—216.

95) *Жизнь и труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 370—371, 374.

96) *Дневникъ* 1841, подъ 7 марта.

97) *Извѣстія Императорской Ака-*

міи Наукъ. С.-Пб. 1857, VI, вып. III, стр. 209—213.

98) *Письма*, XI, X.

99) *Дневникъ* 1841, подъ 11 января.

100) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 538—547.

101) *Письма*, XI.

102) *Отечеств. Записки* 1841, XVI. Библіогр. Хрон., стр. 30—31.

103) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 491, 492, 499.

104) *Письма*, XI.

105) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 479—481, 483, 501, 486—487; № 11, стр. 162—170; 1842, № 2, стр. 585; *Письма*, XII.

106) *Письма*, XII.

107) *Дневникъ* 1841, подъ 24, 4 мая.

108) *Русск. Истор. Сборникъ*. М. 1843, VI, проток., стр. 18.

109) *Дневникъ* 1841, подъ 1 февраля.

110) *Письма*, XI.

111) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1843, VI, прот., стр. 23—24.

112) *Письма*, XI, XIII.

113) *Русск. Истор. Сборникъ*. М. 1843, V, прот., стр. 27.

114) *Письма*, XI.

115) *Москвитянинъ* 1844, № 12, стр. 511—517; *Письма*, XI.

116) Пономаревъ. *М. А. Максимовичъ*. С.-Пб. 1872, стр. 48—53.

117) *Русскій Архивъ* 1882, № 5, стр. 86—87.

118) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 676.

119) Н. И. Веселовскій. *В. В. Григорьевъ*. С.-Пб. 1887, стр. 41.

120) *Письма*, XI.

121) *В. В. Григорьевъ*, стр. 73.

122) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 553—559.

123) *В. В. Григорьевъ*, стр. 73, 71.

124) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 535—540.

125) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226.

126) *Дорожный Дневникъ* 1839. М. 1844, III, стр. 115—116.

127) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226.

128) *Письма*, XI.

129) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226—227.

130) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 515—525; № 1, стр. 460—462.

131) *Письма*, XI.

132) *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 331—332.

133) *Автобіогр. Записки Погодина* (гр. Строгановъ), л. 8 и об. *Дневникъ* 1841, подъ 15 мая, іюнь.

134) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 569; № 9, стр. 156—190.

135) *Письма*, XI.

136) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 166—188. *Письма*, XI.

137) *Письма*, XI.

138) *Русская Старина* 1889, декабрь, стр. 727—729. *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2101.

139) *Письма*, XII; *Воспоминанія о И. И. Давыдовѣ*, л. 2; *Москвитянинъ* 1841, № 9.

140) *Рѣчи*. М. 1872, стр. 289.

141) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 569, 572; № 9, стр. 271—283.

142) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 374.

143) *Письма*, XI.

144) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 283—314.

145) *Письма*, XII.

146) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 237—243.

147) *Письма*, XIII.

148) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 244—268; 1842, № 8, стр. 249—265.

149) *Письма*, XI.

150) *Москвитянинъ*, 1841, № 3, стр. 270—272; № 5, стр. 3—9.

151) *Письма*, XI.

152) *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 258, 272—273, 265—283; 1843, № 11, стр. 244—260, 184; № 12, стр. 99—109. *Русская Старина* 1887, октябрь, стр. 11—12. *Московскій Симоновъ Монастырь*. М. 1890, стр. 10—11.

153) *Источники Русской Агіографіи.* С.-Пб. 1882, стр. 45.
154) *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 109—122.
155) *Біографіи и Характеристики.* С.-Пб. 1882, стр. 250.
156) *Письма*, XI.
157) *Москвитянинъ* 1842, № 12, стр. 310—336; № 8, стр. 428—433; № 4, стр. 547—554.
158) *Письма*, XI, XII.
159) *Русская Старина* 1887, октябрь, стр. 10.
160) *Письма*, XI, XII.
161) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 237—259.
162) *Письма*, XII, XIII.
163) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 253—265, 1841, № 7, стр. 256—258.
164) *Письма*, XI.
165) *Дневникъ* 1841, подъ 2 февраля.
166) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 49—50.
167) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 37—40.
168) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 117—118. *Письма*, XI.
169) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 48.
170) *Дневникъ* 1841, подъ 24 мая.
171) *Русская Старина* 1889, январь, стр. 149.
172) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, V, стр. 450, 452—453.
173) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 51—52, 55—56, 58.
174) *Москвитянинъ* 1841.
175) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1884. IX, стр. 195—196.
176) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 476.
177) Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка.* С.-Пб. 1876, II, стр. 184.
178) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 54—56, 324—326.
179) *Отеч. Записки* 1841, XVIII. Библіограф. Хрон., стр. 5.
180) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206.
181) *Письма*, XI.
182) *Бѣлинскій*, II, стр. 121.
183) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 320; № 4, стр. 525—540.
184) *Русскій Архивъ* 1885, № 6, стр. 307.
185) *Письма*, XI.
186) *Бѣлинскій*, II, стр. 127.
187) *Письма*, XI.
188) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 272—274.
189) *Дневникъ* 1841, подъ 14 января.
190) *Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву.* Кіевъ. 1869, стр. 101—102.
191) *Письма*, XI.
192) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1883. VIII, 453—454.
193) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій.* С.-Пб. 1887, стр. 137.
194) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 553—554.
195) *Иннокентій Борисовъ*, стр. 139.
196) *Письма*, XII.
197) *Иннокентій Борисовъ*, стр. 139—140.
198) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 281.
199) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 60.
200) I Кор. II. 1—2, 4—5.
201) *Письма*, XII,
201) *Письма М. М. Филарета къ Намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандриту Антонію.* М. 1878, II, 25.
203) *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 405; № 1, стр. I—XXXII.
204) *Бѣлинскій*, II, 149, 132—133.
205) *Отечеств. Записки* 1842, XXI. Смѣсь, стр. 39—45.
206) *Бѣлинскій*, II, стр. 133, 137.
207) *Письма*, XII.

208) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

209) *Письма*, XII.

210) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 53—54.

211) *Русская Старина* 1889, январь, стр. 143—144, 146.

212) *Бѣлинскій*, II, стр. 147.

213) *Русская Старина* 1875, сентябрь, стр. 118—119; *Москвитянинъ* 1842, № 10, стр. 281. *Отечеств. Записки* 1842, № 12. Смѣсь, стр. 108—110.

214) *Бѣлинскій*, II, стр. 136. *Автобіограф. Записки*, л. 5 об.

215) *Письма*, XIII.

216) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, I, стр. 58—59.

217) *Письма*, XII.

218) *Москвитянинъ* 1842, № 6, стр. 252—266; № 8, стр. 376—382.

219) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

220) *Москвитянинъ* 1842, № 10, стр. 456—469.

221) *Письма*, XII.

222) *Отечественныя Записки* 1842, № 12, стр. 412.

223) *Письма*, XII.

224) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. I—V; № 1, стр. I—XXXII.

225) *Письма*, XII. *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, I, стр. 52—53, 57—58, 64.

226) *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 281—282, *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина.* М. 1880, V, стр. XLI, XLIII—L.

227) *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 294, 285, 295—298.

228) *Письма*, XIII. *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 228.

229) *Москвитянинъ* 1842, № 5, стр. 80.

230) *Отечественныя Записки* 1842, XXIV. Библ. Хрон., августъ, стр. 26—28.

231) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, 25—26.

232) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 62—63.

233) *Русская Старина* 1890, мартъ, стр. 855; февраль, стр. 411; 1875, сент., стр. 116. *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, VI, 131—134.

234) *Москвитянинъ* 1842, №№ 7 и 8. *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 298—300.

235) *Русская Старина* 1875, ноябрь, стр. 120.

236) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 69, 71, 74.

237) *Отечественныя Записки* 1842, XXV. Критика, стр. 14—15.

238) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

239) *Русская Старина* 1890, февраль, стр. 409—410.

240) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 76.

241) *Письма*, XII.

242) *Москвитянинъ* 1842, № 2, стр. 86.

243) *Письма*, XII.

244) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 200—212; № 4, стр. 507—513; № 5, стр. 176—182; № 6, стр. 374—379.

245) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

246) *Письма*, XII.

247) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 45.

248) *Письма*, XII.

249) *Москвитянинъ* 1842, № 6, стр. 267—324; № 7, стр. 125—206.

250) *Письма*, XII, XIII. *Отечественныя Записки* 1842. Библ. Хрон., октябрь, стр. 14—17.

251) *Москвитянинъ* 1842, № 12, стр. 405—444.

252) *Письма*, XII.

253) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 58—76.

254) *Письма*, XII.

255) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 97—116, 149—164.

256) *Письма*, XII, XIII.

257) *Дневникъ* 1840, подъ 27 августа, 7 сентября, 30 августа, 16 и 29 сентября.

258) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2100.

259) *Письма*, XI.

260) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 68—104.

261) *Письма*, XII, XIII.

262) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1843, VI, стр. 37, 43.

263) *Письма*, XIII.

264) *В. В. Григорьевъ*, стр. 76—77.

265) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 559.

266) *Письма*, XII.

267) *В. В. Григорьевъ*, стр. 79, 78, 77.

268) *Письма*, XII, XIII. *В. В. Григорьевъ*. С.-Пб. 1887, стр. 86—88.

269) *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 460.

270) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

271) *Бѣлинскій*, II, 203. *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 488, 485.

272) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 559.

273) *Письма*, XIII.

274) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 247—257.

275) *Письма*, XIII.

276) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1883, VIII, стр. 380.

277) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, стр. I, 1—4.

278) **Утренняя Заря** на 1843 г. С.-Пб., 1843, стр. 3 и т. д.

279) *Письма*, XIII.

280) *Біографическій Словарь Московскаго Университета*, I, стр. 403.

281) *Москвитянинъ* 1842, № 5, стр. 208—210.

282) *Русская Старина* 1889, октябрь, стр. 202.

283) *Отечественныя Записки* 1842. XXV. Смѣсь, стр. 128—129.

284) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. I, стр. 45—50.

285) *Отечественныя Записки* 1842, № 12 Смѣсь, стр. 129.

286) *Русскіе Палеологи сороковыхъ годовъ.* С.-Пб. 1880, стр. 7—9.

287) *Москвитянинъ* 1842, № 3, 105—109.

288) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* С.-Пб. 1878, стр. 375—376, 385.

289) *Дневникъ* 1840, подъ 11 и 23 ноября.

290) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 385—386.

291) *Письма*, XI.

292) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 386—389.

293) *Письма*, XII.

294) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 389.

295) *Письма*, XII.

296) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 389—390.

297) *Письма*, XII.

298) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 390.

299) *Письма*, XII.

300) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 390--391.

301) *Письма*, XII.

302) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 391.

303) *Письма*, XII.

304) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 409.

305) *Письма*, XIII.

306) *Автобіограф. Зап.* (Древлехранилище), л. 2 об.

307) *Письма*, XII, X.

308) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель.* М. 1879, стр. 104—107.

309) *Біографическій Словарь Московскаго Университета.* I, стр. 93. *Москвитянинъ* 1844, № 5, стр. 161.

310) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 317—318.

311) *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.* 1877, III, стр. 1—3.

312) *Собраніе Сочиненій М. А. Максимовича.* Кіевъ. 1880, III, стр. 329—330.

313) *Москвитянинъ* 1843, № 5, стр. 249—258; № 10, стр. 455—468; 1844, № 7, стр. 188.

314) *И. И. Срезневскій.* М., 1890, стр. 17.

315) *Письма*, XIII.

316) *Живая Старина.* С.-Пб. 1892. I, стр. 66.

317) *Письма*, XIII.

318) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2102—2103.

319) *Живая Старина.* С.-Пб. 1890. II, стр. 108.

320) *Письма*, XIII.

321) Срезневскій. *Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, II, стр. 84.

322) *Письма*, XIII.

323) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 97—115.

324) *Письма*, XIII.

325) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 110—111.

326) *Письма*, XII.

327) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 111.

328) *Письма*, XII.

Дополнительное свѣдѣніе къ главѣ VI-й книги пятой Жизни и Трудовъ М. П. Погодина:

Въ VI-й главѣ пятой книги настоящаго труда, при описаніи учебной подготовки Василія Васильевича Григорьева къ ученой дѣятельности, оказался нѣкоторый пробѣлъ. Покойный Василій Васильевичъ и другъ его, извѣстный оріенталистъ, нумизматъ, Павелъ Степановичъ Савельевъ, по окончаніи курса въ Факультетѣ Восточныхъ Языковъ С.-Петербургскаго Университета, зачислились въ 1834 году воспитанниками Учебнаго Отдѣленія Азіятскаго Департамента, гдѣ и остались до 1836 года. Но ни тотъ, ни другой не поступили на драгоманскую службу, къ которой готовились въ Отдѣленіи. Служебная карьера ихъ извѣстна. Одну изъ открывшихся, такимъ образомъ, въ этомъ учебномъ заведеніи вакансій, занялъ пишущій эти строки, нынѣшній управляющій Отдѣленіемъ М. А. Гамазовъ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изд. въ кн. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.